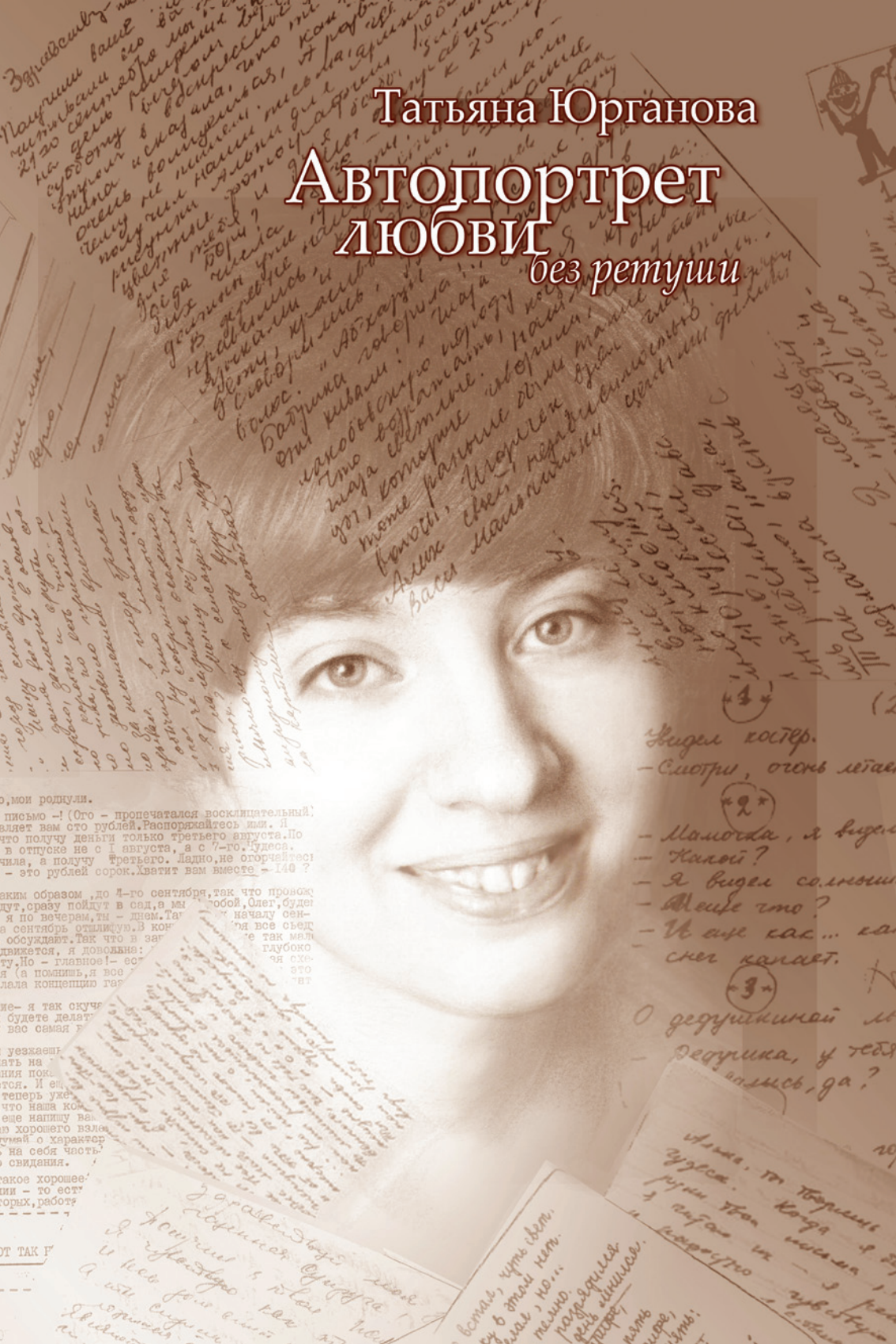

Автопортрет любви

*Посвящается
женщинам, которым не суждено
было дожить до возраста любви
своих детей...*

Татьяна Юганова

Автопортрет
любви
без ретуши

Роман в дневниках, письмах, записках
и размышлениях

Минск
Издательство
«Четыре четверти»
2006

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44
Ю65

Юрганова Т.А.

Ю65 Автопортрет любви без ретуши: Роман в дневниках, письмах, записках и размышлениях / Т.А. Юрганова. — Мн.: Изд-во «Четыре четверти», 2006. — 688 с.: ил.

ISBN 985-6734-42-8.

Книга Татьяны Юргановой «Автопортрет любви без ретуши» написана на основе дневников, писем, записок, литературных увлечений автора. В его искренности читателя убеждает документальность изложения, избегнувшего ретуши. Автор бесстрашно открывает перед читателем мир глубоких переживаний и размышлений, счастливых душевных откровений и горьких заблуждений. По масштабу повествования и стилистике — это роман о любви, супружестве и материнстве, о трудном родительском опыте, который всегда уникален. Тяжелая болезнь, а впоследствии и смерть автора помешали закончить книгу. Она была завершена ее мужем Олегом Юргановым.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

Я (*мечтательно*): Знаешь, мне бы хотелось однажды написать роман о нас с тобой. О нашей любви, о детях... И только правду! Все же сохранилось! Твои дневники и мои. Наши письма, записи разговоров детей. Все события нашей жизни как на ладони...

Он (*с интересом, очень живо*): Автопортрет любви?

Я: Да! Только без ретуши...

Он (*задумчиво*): А что, хорошее название...

Я (*неуверенно*): Теперь осталось только написать этот роман...

Он (*убежденно*): Обязательно напишешь!

Минск. 1975 год. Июнь.
Около двух часов ночи

...Алька! Хотелось бы, не очень под старость, написать о тебе большую, красивую, романтическую книгу...

Минск. Саратов.
Таня Олегу
Сентябрь, 1976 год

ISBN 985-6734-42-8

© Юрганова Т.А., 2006
© Оформление. ОДО «Издательство
«Четыре четверти», 2006

Вместо предисловия

...Я стоял у деревянной стойки, по ту сторону которой пожилая женщина медленно и аккуратно выводила на стандартном бланке: «Юганова Татьяна Александровна умерла 25 сентября 1981 года...»

«Юганов... — женщина положила передо мной большую книгу — ...распишитесь!» Она деловито расправила обложку паспорта, который полчаса назад лежал в кармане моего пиджака. Секунду примеривалась пальцами обеих рук, державших корочки, и вдруг мгновенно дернула их в противоположные стороны. Жизненный Путь Тани, отмеренный тридцатью двумя годами, теперь уже окончательно завершился! Справка об этом, как усталая бабочка, все еще колыхалась, зажатая в моих пальцах.

Ничто не вызывало у меня такого инстинктивного сопротивления до глухого, звериного рыка, как миг разрывания обложки паспорта умершей жены. Короткий треск мучительно расстававшихся друг с другом половинок стал последней агонией надежды, сгнувшейся в мусорной корзине чиновницы.

...Десять лет моей жизни рядом с Таней проходили во множестве ролей: мужа и счастливого любовника, отца наших детей и друга, постоянного партнера по бесконечным спорам и ценителя ее творчества, сподвижника ее научных изысканий и «медбрата» во дни поединка с ее болезнью. Наконец, судьбе было угодно возложить на меня последнюю и трагическую роль — человека, потерявшего жену, мать троих детей. В этой роли я и ступил на тропу памяти, подхватив оборванную нить жизни Тани, прикоснувшись к нашим семейным архивам...

...В ее душе сошлись несколько стихий: остроумие рассказчика, легкость стихотворца, строгость аналитического ума, ироничное здравомыслие...

Красочные стихии Таниной души зрели уже в годы отрочества. Бурно прорастали в ранней юности. Расцвели в любви, супружестве и материнстве. В их причудливом многоцветье — яркий характер женщины, очарование ее мыслей и образов, разбросанных во множестве страниц нашего семейного архива.

Эти стихии, пусть в разной мере, она успевала воплощать. Во множестве тетрадей, на бесчисленных листочках, в десятках писем и, конечно же, в моей памяти улеглись плодоносным слоем ее идеи и тревоги, мечты и поступки, оценки и суждения. В семейном архиве я нашел толстую тетрадь с переписанными от руки ее юмористическими рассказами. Папку с рукописью незавершенной книги, о которой мы бесконечно спорили... Там же хранились десятки писем, дневники, стихотворения. Толстая пачка страниц

незавершенной диссертации.

...Читаю ее. Пытаюсь понять научную концепцию автора, истоки выводов. Спустя полгода осознаю окончательно: логика изложения этих научных проблем мне недоступна! Она упорно не поддается усилиям моего явно не оснащенного специальными знаниями ума.

Мое филологическое образование за двадцать пять лет после окончания университета переплавилось в сферы этики, социологии, психологии. Я обрел иные знания, другой инструментарий мышления. Опыт моего разума теперь оказался бесконечно далек от диссертации Тани. К тому же хотя собранный ею обширный иллюстративный материал и был убедительным доказательством уже понятых ею закономерностей, но, уверенная, что из ее цепкой памяти они не ускользнут, Таня так и не успела отчетливо их сформулировать на бумаге!

Только усвоив предмет исследования, научную концепцию, овладев терминологией и поняв осознанные автором закономерности, можно было надеяться закончить работу жены и опубликовать ее.

Путь от неистового желания завершить диссертацию до панического страха дискредитации ее научного труда, а вслед за ним имени Тани был мучительным! Он пролегал через долгие месяцы осмысливания мною сотен черновых записей, многочисленных таблиц, кратких тезисов, пока не завершился, наконец, честным признанием полной безрассудности моей надежды на успех...

Растерянный и беспомощный, я наткнулся на папку с рукописью «Автопортрет любви...». Распахнул ее, стал перебирать листки, раскрыл тетради с ее записями...

Из памяти выплыл полумрак летней ночи, когда Таня впервые поведала о своем желании написать книгу о любви, детях, нашей жизни. И вот однажды, в одном из писем мне, она попыталась развить идею этой книги.

«...Тебя не должно удивить мое письмо, потому что мы уже давно говорили об этой книге. По-моему, я еще в начале сентября об этом тебе написала. Сейчас я уже хорошо представляю себе ее содержание. Помимо того, что я уже написала, я вижу остальные части и главы так отчетливо, что если бы мою голову подключили к пишущей машинке, текст печатался бы очень быстро. Алька, сейчас у меня выдалось «окно» недельки на две, и я хочу поработать, чтобы к твоему приезду кое-что новое показать.

Все написанное, конечно же, пока разрозненно, но именно сегодня ночью спонтанно сложились мои представления о книге, ее сути, а главное — я очень отчетливо уяснила себе смысл подсказанного тобой названия: «Автопортрет любви без ретуши». Кстати, с названия все и началось! Когда я пыталась его подробнее «развернуть», суть книги стала для меня настолько ясной, что я хочу, не откладывая, с тобой поделиться

ся. Не смейся, но именно так я изложила бы предисловие к этой книге. Я сейчас тебе напишу, а уж там видно будет.

* * *

...Эта книга была задумана задолго до того, как я разобрала стопки тетрадей — дневников, горы писем и записок. Просмотрела и затаила дыхание. Я услышала свой внутренний голос, осипший от испуга. Он вопрошал с недоумением: «Неужели ты все-таки решишься весь этот ворох бумаг еще и еще раз перечитать и превратить в книгу?»

Перечитать дневники и письма оказалось делом не только легким, но и приятным, а вот превращать прочитанное в книгу — гораздо труднее! Здесь я постоянно конфликтовала со временем... Честно признаюсь: писалась книга в таком состоянии души, когда о слоге и стиле не очень заботаешься. Так что книга, даже к финалу работы над ней, вряд ли будет выглядеть окончательно завершенной...

И все-таки читателю будет над чем подумать. С чем-то он не согласится, а что-то, может быть, все-таки возьмет с собой. Мысли, поступки, возникшие и осуществленные в свое время, спустя годы могут показаться странными и даже наивными. Меня это не пугает. Главное — искренность! В автопортрете любви не может быть фальши и ретуши. И все же, почему именно автопортрет?

Мне кажется, что мужчина и женщина, рано или поздно обращаясь к истории своей любви, рисуют свой портрет. Так и происходит, когда им на глаза попадают их же письма, дневники юной поры, молодости, забытые записки. Трудно удержаться и не перелистать страницы, хранящие мгновения твоей жизни. Невозможно выбросить эти свидетельства пережитого, отказаться взглянуть сквозь годы на себя. Именно в такие минуты и возникает соблазн написать автопортрет любви, как это и случилось со мной.

После того как я наконец решила писать, беседовала со знакомыми и незнакомыми об истории их супружества. И тут я убедилась, что автопортрет любви создается чуть ли не в каждой семье, как только подрастающие дети вступают в возраст любви. Они спрашивают своих родителей, как все у них было, и в ответ начинается творчество: создается автопортрет любви!

Иной автопортрет написан скромными красками, скупыми штрихами и напоминает эскиз. Но случается, что повествование о любви, хранившееся в семейной памяти, наполнено яркими красками, которые не тускнеют десятилетиями, и дети влюбленных родителей передают эту палитру своему потомству. Те — дальше... Конечно, так случается далеко не всегда! Нередко родителями вовсе и не пишутся автопортреты любви, потому

что все утрачено безвозвратно! Все, что когда-то связало их судьбы непрочными, хрупкими нитями. Словом, каждому — свое...

Любовь — уникальна, как судьба каждого человека, живущего в свое время. В ней каждый штрих, каждый мазок — эпизод, событие, миг счастья — живая история чувств, краски мыслей. Вот почему, мне кажется, автопортрет любви — роман.

Люди приходят и уходят, а истории их любви остаются, особенно если кто-то из любивших мужчин и женщин такой роман все-таки напишет. Хотя бы для своих детей. Конечно, дети могут и не прочитать... Могут даже забыть о любви своих родителей. Не хотелось бы мне такой участи!

Я за эту книгу взялась в надежде, что и мои дети окажутся среди ее читателей, когда время любви придет к ним и разбудит их чувства. На ее страницах — все живое. Мои и мужа дневники, наши письма друг к другу, записки, раннее творчество наших детей, следы пробуждения их ума, первые шаги в познании мира, мои рассказы — разноцветные осколки семейных событий, проделок друзей...»

Это письмо и стало для меня толчком! Снова и снова я распахивал заветную папку, читал и перечитывал несколько завершенных фрагментов книги, брал тетради с записями наблюдений мамы за детьми, находил отложенные для книги мои юношеские письма-исповеди другу, ее письма ко мне, отроческий дневник Тани и тот, в котором она рассказывала о своих блужданиях по «лабиринтам любви» в годы нашего знакомства, расставания... У меня возникла идея завершить Танину книгу, и я, все еще не уверенный в успехе, приступил к делу.

Вновь и вновь я перелистывал тетради с записями Тани, погружался в ее дневники, перечитывал строчки ее стихов, веселые, остроумные рассказы. Рассматривал рисунки детей, их «опусы», которые Таней были сохранены для ее книги. Иногда я весело смеялся над забавными стихами и мамы, и наших малышей. Нередко надолго умолкал над ее письмами ко мне, полными любви и нежных откровений. Размышлял над ее короткими набросками, вариантами названий глав задуманной книги. Наконец, спустя год или даже два я окончательно согласился со своей надеждой — справлюсь!

Очень скоро, после смерти Тани, появился добрый ее союзник — женщина, которая встала рядом с осиротевшими детьми и со мной, подхватив обретенную Таней эстафету материнства и любви. Так, оборвавшись, нить жизни Тани не прервалась, а стала для нас тропой ее памяти.

...Единственно верным, на мой взгляд, условием работы над книгой Тани, которое я принял безоговорочно, было то, что завершить она должна с а м а! Я — не соавтор! Всего лишь редактор текста, готовый терпеливо блуждать по страницам ее дневников, писем, неоконченных глав, погружаться в свою память, чтобы пройти еще раз чересполосицу наших с Таней

лет жизни в поисках душевных открытий, звучавших признаний и долгих размышлений, достойных ее книги.

Пришлось едва ли не «раствориться» в манере мышления Тани, стиле ее письма. Научиться укладывать Танины мысли в текст, неотличимый от сохранившихся оригиналов, воссоздать аромат Таниного юмора, ее иронии.

Спасало то, что с годами манера ее письма во многом стала сходна с моей. Тут уж трудно сказать, кто на кого и как повлиял! За время нашей жизни Таня редактировала все мои книги и десятки статей. Это многие сотни страниц, многократно мною переписанных после ее тщательных исправлений. Конечно, ее стихи и рассказы тоже часто попадали под мой придирчивый карандаш.

На стиль письма Тани повлияли четыре года учебы в аспирантуре и работа над диссертацией, придавшие ему строгость и лаконизм. Фрагменты книги *«Автопортрет любви без ретуши»*, которые были написаны ее рукой, дневники и письма Тани дали мне возможность настолько адаптироваться к ее авторской манере, что с каждой новой главой я чувствовал себя уверенней.

Жизнь Тани на 10 лет слилась с моей, запечатлев следы наших раздумий и споров, ума и чувств, разочарований и открытий, житейских забот и тревог, любви и творчества. Эти следы я находил в письмах, ее веселых рассказах, забавных стихах. Тетради с ее торопливыми записями стали для меня «волшебными сундучками». Я находил в них длинные, яркие нити, которые вплетал в текстовую ткань задуманных Таней глав книги, размаывая клубок и своей памяти.

Таня всю жизнь чуралась лукавства. В годы отрочества она взвалила на свои плечи тяжкую ношу искренности, а в молодости не утаивала в закоулках памяти трудный опыт своих блужданий по «лабиринтам любви». Не прятала Таня и горькие свидетельства морального краха своих родителей, а всем соучастникам своей судьбы предоставила шанс остаться самими собой...

Эта книга подобна фреске, которую я собирал из чувств и мыслей любимой женщины. Из ее признаний и отречений. Из следов пережитых драм и счастливых откровений ее души. Теперь перед читателем — Автопортрет Любви... Без ретуши.

P.S. Я признателен всем, кто помогал выходу этой книги в свет. Моя особая благодарность жене — Зине Юргановой, многие годы опекавшей работу над рукописью. Художнику-графику Т. Солодиловой, из российского города Владимира, создавшей на страницах этой книги уникальную портретную галерею. Минчанкам: художнице Ж.Будейко и доброму покровителю этого проекта — Л. К. Каташинской.

Олег Юрганов. Балтимор.

В ЧАСТЬ ПЕРВАЯ лабиринтах любви

Я (с недоумением): Знаешь, все эти месяцы я будто блуждала в бесконечном лабиринте...

Он (с грустью): Я тоже безуспешно искал выход из него...

Я (осторожно): Теперь мы с тобой вышли из лабиринта, правда?

Он (убежденно): Вышли! И наглухо заперли его ворота!

Минск. 1971 год. Январь.
3 часа ночи

ГЛАВА ПЕРВАЯ
*Трудные письма к «хронологу»*¹⁴ г.

У каждого из нас наступает свой магический час в жизни...

Десятилетиями ОН и ОНА не знают о существовании друг друга, но судьба неудержимо и упрямо уже прокладывает для них свое русло, в котором однажды две жизни сольются воедино!

...До февраля 1970 года я ничего не знала о человеке, чья жизнь целых десять лет была полна драматическими событиями, которые, спустя годы, повлияли на мою жизнь.

Все эти десять лет меня просто не было на свете! Тропы судеб, по которым блуждали мои родители, сошлись в той единственной точке, что стала местом их встречи. Миг, который никому не дано предсказать, случился: на свет появились я и мой брат-близнец, который вскоре умер...

Я только делала свои первые шаги, а мой будущий муж долгие десять лет до моего рождения и столько же после пытался одолеть болезнь и встать на ноги.

Я пошла в школу осваивать грамоту, а ОН писал дневники, в которых рассказывал о борьбе с недугом. Я росла, чувствуя, как в меня начинает проникать красочный мир, в котором я искала свое место, а в неведомых мне даях и пространствах продолжал неистово утверждать свое право на жизнь и счастье еще неизвестный мне юноша. Мужчина...

Каждый из нас, шагая по бесконечным тропам своих судеб, немало пережил. Мы приближались друг к другу, не догадываясь об этом. А после нашей встречи обнаружилось, что мы сохранили в памяти все случившееся с каждым из нас в эти годы...

Перелистываю пожелтевшие страницы писем, написанных с 1961 по 1968 год Олегом (так зовут моего мужа) одному из его постоянных адресатов, который однажды решил написать о нем серию статей в газетах Саратова. На момент первого письма Олегу было 22 года, а мне в ту пору — всего 12 лет. Эти письма я прочитала, уже связав с ним свою судьбу. Тогда же поняла, что происходило в душе Олега в те далекие от меня годы.

Потом я читала письма, написанные Олегом тому же адресату, шутливо прозванному им «хронологом». Это случилось в годы нашего брака. И хотя в них описывается уже наша жизнь, мне представилась редкая возможность взглянуть на все, что в ней произошло, глазами мужа, вплоть до дней, когда я, задумав «Автопортрет любви...», раскрыла заветную папку, где эти письма хранились.

Я не буду пересказывать предысторию переписки Олега с «хронологом». Уже из первого письма все станет ясно...

Саратов. 9 октября 1961 г.
Студенческое общежитие университета.
10 часов вечера

Здравствуй, Николай!

Сегодня встретился с Марией Владимировной (*руководитель экзаменационной группы филологического факультета Саратовского университета, созданной специальным приказом ректора для досрочного принятия вступительных экзаменов у Олега, лежавшего в саратовской ортопедической клинике, в марте 1961 года. — Т.Юрганова*) и она передала твое письмо, адресованное мне, предпослав к нему весьма красочные комментарии. Из них следовало, что твое желание написать обо мне, о жизненных обстоятельствах, которые привели меня в саратовский Институт ортопедии и травматологии, продиктовано желанием журналиста дать возможность читателям поразмышлять о «судьбе человека». Из письма я понял, что мы — ровесники, так что я, по-видимому, получаю право сразу же перейти на «ты». Да и тон твоей записки разрешает мне эту вольность. А если учесть, что я буду писать тебе о глубоко личном, о том, что составляло мою душевную тайну, то и вовсе станет ясно, что дружеские отношения нам надо установить еще до нашей встречи.

Дорогой мой, ты даже не подозреваешь, как своей просьбой заставил меня поволноваться. Пережить чувства, которые теперь, в моей нынешней жизни первокурсника университета, совсем к учебе не располагают.

Однако я обещал выполнить твою просьбу и начну рассказывать.

Все у меня началось так.

Родился я в городе Баку, куда по странности судьбы занесло мою мать Зинаиду, рожденную в огромной семье Юрьевых, корнями вросших в землю Тамбовской губернии. И моего отца — Бориса Юрганова, чьи предки появились на свет в Пензенской губернии, хотя сам он родился в маленьком волжском городке Хвалынске.

Как мои родители попали в Баку — отдельная история. Так или иначе, но родился я в столице Азербайджана Баку в 1939 году, 27 февраля.

Роды у матери, как она сама вспоминает, были очень тяжелыми, и когда я появился на свет, жизнь едва во мне теплилась. От боли мать потеряла

сознание и пришла в себя, когда я все-таки заорал.

Оживляли меня довольно варварски. «Представь, — рассказывает мать, — у тебя перекутилась пуповина вокруг шеи, и врачи, быстро ее отрезав и распутав остатки, стали обмакивать тебя в холодную и теплую воду. Оказывается, этот метод контрастных температур должен был вызвать дыхательный спазм. Боже мой! Хорошо, что я этого ужаса не видела, а то, глядя эту пытку, там же и кончилась бы...»

Все, что я рассказываю, — со слов матери. Точно так же, как с ее слов я попытался понять истоки моего заболевания — туберкулеза обоих тазобедренных суставов.

Однако сам момент рождения бездыханным и даже варварское оживление мне нравятся. Еще бы! Появление на свет началось с того самого опыта выживания, который очень часто выглядит непривлекательно, а по сути является самой первой победой человека. Главным в этом случае был итог: я все-таки ожил!

Странной нелепостью для меня был тот факт, что, едва родившись, да еще в таких муках, я очень скоро был приговорен к гибели. На меня набросилась целая свора инфекционных болезней, которые тогда косили детей.

Каждая мать стоит у истоков болезни своего ребенка. Она видит признаки недуга и бьет тревогу. Так было и с моей. К шестимесячному моему возрасту она заметила, что я стал капризен, вял и малоподвижен. Держалась высокая температура. Еще через месяц, когда я пытался подняться в кроватке, она обратила внимание, что я странно поджимаю правую ножку, словно боясь на нее встать. Обращения к врачам ничего не дали. В общем, только через полгода, когда в области правой ягодицы возникла опухоль, а затем прорвался гнойный свищ, стало ясно, что со мной случилась беда!

Это был туберкулез! А вскоре опухоль и свищ появились на левом тазобедренном суставе. Сколько слез пролила моя матушка, сколько порогов врачебных кабинетов обила — не счесть!

Я, конечно, не мог помнить подробностей моей жизни, когда мне было около года или двух. Но иногда мне кажется, что я отлично помню боль там, где гнили и разрушались мои суставы. Мать в отчаянии ходила по медицинским «верхам», требуя точного диагноза и верного лечения.

При официальной политике тогдашних властей, провозгласивших «планомерную борьбу с наследием прошлого — туберкулезом», добиться правды ей было нелегко. Правильного диагноза просто не признавали, даже при самых очевидных симптомах. На тот момент его формулировали мудрено и глупо: «Воспаление тазобедренных суставов после гриппа». Вот так! Официально признавать туберкулез врачи просто не желали. Я портил статистику! При этом у них, у врачей, уже были результаты анализа гноя из прорвавшихся в районе суставов свищей, которые ясно показывали:

туберкулез!

Только спустя год мне поставили, наконец, окончательный диагноз: туберкулезный коксит обоих тазобедренных суставов.

Именно этот диагноз открыл передо мной двери специализированных противотуберкулезных клиник и санаториев.

Как ни забавно звучит, но и теперь врачи умудрились усмотреть в диагнозе особую «причинно-следственную связь»! То есть причиной болезни был назван... грипп. Так и записали: «Воспаление тазобедренных суставов после гриппа с развитием в форму туберкулеза». Много позже над этим диагнозом потешались все врачи, в руки которых попадала моя история болезни.

В то время рассчитывать на то, что после установления диагноза мне будет немедленно предоставлено санаторное лечение, не приходилось, хотя я уже имел на это право! Мать продолжала отчаянно стучать во все двери, и наконец я попал в санаторий. Там были впервые опробованы новые препараты против туберкулеза, и у моих родителей забрезжила надежда. Однако время было уже упущено и болезнь протекала очень тяжело.

Если бы ты знал, как горьки бывают воспоминания раннего детства! Только-только пробуждающееся мое сознание запечатлеvalo боль, от которой невозможно скрыться.

Помню белый потолок палаты, в которой лежали мы — больные человечки. Помню белые кровати, а еще лучше помню, потому что сохранилась фотография, сделанная отцом: я лежу в кровати, привязанный широким специальным лифом.

Еще помню высокого седого мужчину в неизменном белом халате. Скорее всего, это был наш палатный врач. Наверное, возраст не позволил ему уйти добровольцем на фронт. Год-то шел тогда сорок второй!

Почему я помню облик этого человека? Не могу ответить наверняка, но, по рассказам матери, скорее всего, это произошло потому, что именно этот старый врач увидел результат одного моего «безрассудного поступка».

Я беру эти слова в кавычки, потому что в четыре или пять лет трудно найти в том, что я сделал, «разумное начало». Я был очень активен. Разумеется, насколько позволяли путы, привязавшие меня к кровати. Когда под влиянием лекарств свищи на бедрах затянулись, врачи ломали голову над тем, как тазобедренные суставы, лишившись сгнивших головок, смогут удержать мое тело, когда я попытаюсь встать на ноги. Об операции никто не думал. В то время это было просто немыслимо. Шла война...

Как ни странно, но именно мой «безрассудный поступок» все поставил на свои места! Моя мать пересказывает историю со слов того самого доктора, облик которого «плавает» в моей памяти странным седым «облаком в штанах».

«Тебе уже шел пятый год, и ты лежал в палате почти у входной двери.

Иногда по твоей настойчивой просьбе дверь оставляли открытой, чтобы ты мог наблюдать за той жизнью, которая текла своим чередом там, в коридорах санатория. На ночь дверь притворяли, однако «коридорная жизнь» сквозь стекла все-таки просачивалась. И вот в одну такую ночь ты, непонятно как, сумел выползти из-под жесткого лифа и опустить ноги на пол...»

Иногда мне и самому кажется, что я помню все детали той знаменательной зимней ночи. Как елозил под лифом, пытаюсь выползти. Как коснулся пятками холодного пола. Как медленно, со сладким ужасом пытался сесть на кровати и наверняка почувствовал, как закружилась голова.

Поверхность деревянного пола манила и пугала. Непривычные прикосновения обжигали пятки. Ноги свисали с кровати, как тонкие соломинки, и готовы были переломиться при малейшем напряжении.

Дверь в коридор манила неудержимо! Однако останавливал страх и быстро приближавшаяся боль там, где прятались изглоданные болезнью концы тазовых костей.

Что случилось дальше, я не знаю. Мать мне рассказывала обо всем уже со слов того доктора.

«Когда ты попытался встать, у тебя возникла очень сильная боль. От этого ты потерял сознание! Получилось так, что бедренные головки, которые должны были укрепиться в тазовых выемках, как у всех здоровых людей, полностью сгнили. Как только ты встал на ноги, концы костей, похожие на обыкновенные палки, под тяжестью тела прошли вдоль очень вялых и слабых мышц. Случилось чудо! Концы костей уперлись с двух сторон таза на разных уровнях. Правая кость «нашла» один из выступов таза и там застряла. Левая продвинулась дальше и почти точно вошла в выемку, которая природой специально предназначалась для нормального отростка берцовой кости...»

Сейчас я впервые пишу об этом событии так подробно. Пишу, покрываясь испариной, и мурашки бегут по спине.

В общем, понесли меня на рентген. Посмотрели и ахнули. Опять же со слов матери: «Врач смотрит на снимок и глазам своим не верит. Говорит, ваш, Зинаида Никитична, мальчик сам себе дал шанс встать на ноги и сам решил проблему, над которой мы ломали голову».

Однако легко сказать «сам решил...». Когда меня поставили на костыли и стали постепенно давать нагрузку на мои «тазобедренные суставы» — без кавычек не назовешь, настолько это невероятная для нормальной ходьбы конструкция, — начались мои вечные боли. Мышцы были травмированы, к тому же следы болезни еще оставались... Но, слава Богу, наконец-то стал доступным пенициллин, а затем был изобретен стрептомицин. Именно они помогли мне избавиться от активного туберкулезного процесса в мышцах, окружавших мои «самодельные суставы».

В Бузовнах, это санаторий на Каспии, я пробыл с перерывами почти пять лет. Всю войну. После ее окончания вернулся отец и, увидев меня, маленького, худого, на крохотных костылях, увез нас с мамой в Крым, где он начал работать механиком в каком-то совхозе.

Морской воздух, южное солнце стремительно делали свое доброе дело. Я стал ходить увереннее, хотя еще на костылях. В семь лет я пошел в школу, где сразу оказался в центре внимания как... «инвалид войны».

Дело в том, что в семилетнем возрасте в моей голове, набитой впечатлениями от болезни и всякими неприятными подробностями лечения, зрели желания, нормальные для каждого ребенка. Ну как на во-прос: «Что у тебя с ногами?» отвечать скучной формулой: «Осложнение после гриппа» или «Туберкулез...» Когда же, после этого неизбежного вопроса, звучал мой ошарашивающий ответ: «Подорвался на немецкой мине...», сверстники были в восторженном шоке!

Отец еле сдерживал смех, мать, человек с хорошим чувством юмора, понимающе кивала и приговаривала, глядя на окруживших меня детей: «Не шалите с минами и гранатами в лесу, а то и с вами...»

Кстати, таких, как я, в округе было еще пацанов пять. У кого нет руки, у кого ноги. Причина одна — война. Только к этому надо прибавить вечное мальчишеское любопытство.

Оружия в окрестных лесах в послевоенные годы было навалом! Я сам чуть не подорвался на противотанковой гранате.

Шли с матерью в лесочек, рядом с совхозным поселком. Вижу, лежит что-то круглое с ручкой. Подошел, сел рядом, взял в руки. Мать куда-то отошла на минутку. Предмет напоминал половинку гантели, только голова была покрупнее. Смотрю — орех лежит. Захотелось расколоть его. Взял «предмет» за рукоятку и только замахнулся ударить по ореху, как вздрогнул от жуткого крика. Это мать, увидев в моей поднятой руке «железяку», в ужасе закричала, да так, что я просто замер! Оказывается, то была противотанковая немецкая граната, и, ударь я, наверняка в клочья бы и разлетелся...

...К доске в классе я подходил на костылях. Было ужасно неудобно, но помогали добровольные «оруженосцы». С разрешения учителя ко мне подходил какой-нибудь мальчик (тогда мы учились отдельно от девочек), придерживал мой костыль, чтобы я мог свободной рукой писать на доске...

Вскоре родители из Крыма вернулись в Баку. Снова стали болеть ноги, и в школу я ходить не мог. Дома тоже некому было сидеть и заниматься со мной. Мать с отцом работали, и бабушка, мать моего отца, в квартире которой мы жили, — тоже.

Для таких детей, как я, были организованы школы на дому. Прекрасно помню маленькую полутемную комнату нашей бакинской квартиры. Стол, застеленный скатертью, чернильницу-«невыливайку», стопки тетрадок и книжек.

Помню и себя, сидящего на стуле на нескольких подушках.

Первое сентября... Жду прихода учительницы. Все, «как у людей»: начало учебного года. Учительница. Первый урок. Только ... школа дома.

Отворяется дверь, и на пороге в сопровождении матери появляется маленькая седая женщина. Она снимает легкое пальто, внимательно в меня вглядывается, подходит ближе, здоровается и садится напротив за наш «рабочий» стол.

Я даже помню, что звали ее Мария Сергеевна Кочарова. Странно, но свою действительно первую, по совхозной школе в Крыму, учительницу я не помню, а вот Марию Сергеевну не забуду никогда.

Не забуду ее руки, всегда немного прохладные и чуть-чуть шероховатые, но всегда их прикосновения к моей голове или к рукам были нежными.

Случилось так, что для Марии Сергеевны я стал последним учеником. Вскоре после окончания мною начальной школы она умерла, оставив в моей душе чувство любви к людям, к книгам, которые она называла «кладом сердец и мыслей». Можешь представить, дорогой Николай, что значила для меня эта замечательная женщина!

...К 10 годам я окреп и пришел учиться в обычную городскую среднюю школу.

Почти сразу я понял, что предстоят нелегкие испытания. Ходил только на костылях, выглядел на два-три года младше своих сверстников. Я с трудом нес по длинному школьному коридору свое тщедушное тело, и сил едва хватало, чтобы дойти до класса.

А вокруг носилась орущая, энергичная ребятня, не слишком озабоченная тем, чтобы не сбить мальчугана на костылях. В школе меня быстро нарекли «хромым», и для моего самолюбия это оказалось ударом ниже пояса.

В Крыму, среди своих товарищей по несчастью, «хромым» я не звался и к такому не был готов. Конечно, я, как и многие покалеченные болезнью мальчишки моего возраста, был очень мнительным ребенком. Натываясь на взгляды людей, я видел их глаза и чувствовал жалость к себе. Пришлось опускать «очи долу», тем более что шаги мои были настолько неуверенными, а опасение упасть — реальным, что привычка сохранилась до сих пор.

Тысячи детей-инвалидов наверняка прошли через состояние своей ущербности, когда сочувствие, даже вполне искреннее, становится ядом для юной души.

...В школе я быстро понял: только кулаками придется защищать свое достоинство и честь.

Представь, вызывает меня учитель к доске. Идти не могу — нет костылей! Смеха ради мои одноклассники спрятали их, едва, со звоном, я уселся за парту.

Признаться учителю вслух, что я не могу пройти к доске, не позво-

ляет самолюбие. Рассчитывать на догадливость педагога рано. Учебный год только начался, он еще толком мало кого из пацанов в классе знает. Учитель ждет, я в растерянности сижу, класс замер, но готов взорваться от «смешной ситуации».

Ходить без костылей я мог только два-четыре шага. Стоять — не более 2–3 минут. Отлично помню, что паника в душе была ужасная! Все-таки рискнул. Сильно хромая, вышел к доске. Учитель — это был молодой азербайджанец — поначалу озабоченно на меня посмотрел, но тут же одобрительно закивал. В классе не слышно ни звука.

Урок азербайджанского языка. Надо было написать предложение. Стою из последних сил, пишу. Наверное, покраснелся от напряжения и боли, а учитель, скорее всего, посчитал, что мальчик очень старается. Тут-то я заметил, что на полу лежат мои костыли, под партой, третьей от меня. Там сидел довольно рослый парень.

Я что-то писал на доске и впервые в жизни почувствовал такую ненависть к тому, кто спрятал мои костыли, что даже про боль на какой-то момент забыл.

Кое-как доковылял до парты, сел и слышу: «Так ты еще и притворяешься, что можешь ходить только с костылями!» Это сосед слева. Сказал и осекся. Смотрит на меня во все глаза: по обоим моим щекам текли слезы.

Это были слезы боли, обиды и... слезы ненависти. Прозвенел звонок. Учитель быстро вышел из класса, а я, взяв в руки свою ученическую линейку, несколько раз ударил ее ребром по щекам того пацана, который спрятал мои костыли. Он успел уже сам ко мне подойти, желая насладиться еще раз моей беспомощностью. Двумя ударами я почти рассек ему лицо. Появилась кровь. Раздался крик, и возникла драка.

«Ты сделал все правильно, — сказал мне отец. — Негодяям надо давать сдачи, но лучше, если ты будешь действовать кулаками, а то можно человека покалечить на всю жизнь». Первая часть реплики отца мне понравилась больше, чем вторая. Не думаю, что я и потом был щепетилен в выборе средств, когда дрался с обидчиками.

...Я перешел в шестой класс. Мы переехали из Баку в Краснодар, а осенью я пошел в новую школу. Была она далеко от дома, и мне приходилось почти час добираться до нее на костылях.

Жили мы в районе, скорее походившем на деревню, чем на город, по обилию грязи, луж, свободно пасущихся на улице коров и свиней. Одноэтажные, типичные деревенские дома, заборы, кудахтающие куры и голосистые петухи подчеркивали сельский колорит округи, хотя сама она была частью довольно большого города Краснодара.

Прервусь. Устал... Пока, Олег.

Саратов. 20 октября 1961 г.
Общежитие университета.
9 часов вечера

Привет, Николай!

Продолжу без предисловий.

...Помню свой первый приход в класс краснодарской школы. Как обычно, к новичкам все присматриваются настороженно. Разглядывали и меня... Помня о своих стычках в бакинской школе, я, честно говоря, ничего хорошего не ждал и здесь. К отпору я был уже готов... Однако в тот первый мой день, буквально на первом же уроке, случилась странная история.

Я пристрастился к чтению и уже одолел «Войну и мир» Л.Толстого. По программе шестого класса следовало знать пересказ отрывка из романа, где повествуется о мечте Пети Ростова попасть в действующую армию. Ну ты знаешь, о каком отрывке я говорю.

...Сижу в классе, входит учитель. Молодой мужчина, рукав пиджака пустой — след былой войны. Смотрит в журнал, натывается на мою фамилию, вызывает. Встаю. «Новенький?» — спрашивает. Киваю. «А что если ты, — заглядывает в журнал, — Олег, расскажешь нам отрывок из хрестоматии по литературе. Ну как, сможешь?» Молча киваю. Беру костыли, иду к доске.

Учитель немного смущенно поглядывает на меня, а затем поднимается со стула и двигает его ко мне. Показывает, мол, садись. Нет, сесть я не решился. Просто, опершись подмышками на костыли, взялся двумя руками за спинку.

Моя манера говорить, четкая дикция, довольно грамотная для моего возраста речь сразу привлекли внимание класса. То был мой первый в жизни «звездный час»! Я наслаждался вниманием 45 сорванцов, которые слушали меня затаив дыхание!

Я получил пятерку и похвалу учителя, который, не скрывая удовольствия от моего рассказа, обратился к классу и посоветовал поучиться у меня настоящей литературной речи. Было невероятно приятно оказаться в центре внимания. Может быть, в тот момент я поверил в свои силы, скрытые под спудом комплексов, возникших с болью и хромотой?

Я, конечно, благополучно продолжал получать двойки по математике, которая никак мне не покорялась, но особого огорчения при этом не испытывал — уроки литературы компенсировали мне недостатки моего «гуманитарного» ума, никак не желавшего напрягаться над алгеброй...

Трудная зима, тяжкий быт, длинная дорога в школу и обратно, когда надо было идти и в мороз, и в слякоть, плохое питание подорвали мое здоровье. Снова открылся туберкулезный процесс в правом тазобедренном суставе, и меня поместили в санаторий в маленьком поселке Прочноокопск. Там я провел год, пережил первую операцию и, как мне кажется, прошел

хорошую жизненную школу.

Хочу рассказать тебе немного о тех нравах, которые царили там. В палатах лежат больные разного возраста, у кого есть шанс вылечиться и кто обречен на гибель.

Моим соседом по койке был Николай Гребенченко. У него был туберкулез позвоночника. Тогда эту болезнь лечили просто: укладывали человека в гипсовую «ванночку», точь-в-точь повторявшую форму его спины, вводили лекарства против туберкулеза и ждали, когда процесс в позвонках будет заглушен медикаментами, хорошим питанием и строгим «лежачим» режимом.

Когда анализ крови показывал, что болезнь отступает, начиналась активная физиотерапия. После этих процедур и относительного выздоровления изготавливался прочный корсет, помогавший травмированным болезнью позвонкам избежать излишних нагрузок, и человека выписывали домой. Он мог ехать в родные края, в любую тмутаракань, где нет нормальных условий жизни, и там, спустя короткое время, снова заболеть и даже умереть...

Николай Гребенченко был в Прочноокопске уже второй раз. Смотреть на него было очень тяжело. Представь: большая кудлатая, отлично вылепленная голова, лицо с широкими бровями и голубыми глазами, белозубая улыбка. Мощные короткопалые руки, которые он постоянно тренировал упругими резинками, перебросив их через спинку своей кровати. На этом вся его мощь заканчивалась. Тонкие ноги, короткое туловище.

Когда он встал после курса лечения, я чуть не заплакал. Это был карлик. Таким его сделала болезнь. Но когда он лежал в гипсовой «форме», когда разговаривал, когда на спор гнул пятаки своими могучими пальцами, лихо решал задачки, то производил впечатление незаурядного человека. Мне едва исполнилось 13 лет, а ему шел уже 23-й год.

Неподалеку от Николая лежал Виталий Горинов. Он чудно играл на гитаре и пел настолько обворожительным голосом, что медсестры и молодые нянечки частенько навевались к нему с гостинцами, чтобы послушать его песни. У него тоже, как и у Николая, был туберкулез позвоночника. После моего приезда в санаторий он уехал в Краснодар — там жила его семья — и вскоре умер.

О каждом можно многое вспомнить... Главное, что происходило в санатории, когда ослабевал строгий врачебный контроль и наступало вечернее время, — личная жизнь. Именно в эти часы делались уроки (работала санаторная школа), велись долгие разговоры «за жизнь», устанавливались более тесные контакты, возникали конфликты и даже жестокие побоища между «однопалатчанами».

Пропуски уроков из-за болезни, отсутствие нормальной школы сказывались на моих знаниях и учебных навыках. Вообще-то учебы в обычном смысле слова не было, как не было и нормального физического и психическо-

го развития. Боль, как сторожевая собака, то и дело набрасывалась на меня.

С одной стороны от меня лежал Николай Гребенченко, а с другой — веселый детина Володя Попов, парень лет восемнадцати с туберкулезом коленного сустава.

Получалось так, что все жизненные проблемы, которые волновали моих «однопалатчан», во многом были из взрослой жизни. Уши мне никто не затыкал, а выбирать темы разговоров, пристраиваясь к мальцу, никто не собирался. Я тихо лежал и «сопел в две дырочки», когда после отбоя, при потушенных лампочках слушал мужские откровения. О чем шли разговоры? Да обо всем!

Мы были оторваны от мира. В палатах даже не было радио. Администрация санатория считала, что наша психика очень чувствительна, ранима и не следует тревожить ее событиями внешнего мира. Адресованные нам письма предварительно вскрывались и прочитывались администрацией. Делалось это с благой целью — узнать, нет ли в них «тревожной, волнующей больного» информации.

Из газет доступна была только «Правда», да и то попадала она к нам с опозданием на два-три дня. Пять раз в неделю приходили в палату воспитатели, рассказывали о событиях, происходящих в мире. Учителя истории, русского языка и литературы приносили другие газеты, например «Комсомольскую правду», которую питомцы санатория зачитывали до дыр. В общем, поселок Прочноокопск заслуженно мог называться глухоманью.

Кто-то из санитаров раскопал в местном магазине, прозванном нами «Всякая всячина», детекторные приемники времен царя Гороха. Среди наших парней нашлись умельцы, и вскоре, прокручивая ручку настройки, мы уже могли поймать какую-нибудь радиостанцию.

«Конкурс» за право послушать радио был большим, поэтому установили очередь. Однако старшие ребята частенько нарушали правила, и мне, самому младшему, добраться до радиоприемника удавалось редко. Но однажды Николай Гребенченко заметил, что всю ночь Виталий — помнишь, наш певец — спал со снятыми наушниками, и упрекнул его: «Сам не слушаешь и малому не даешь». Так возникло правило: если Олег, то есть я, не спит, а всем очередникам охота спать, а не слушать, надо ему, то есть мне, передать приемник. Поскольку я по санаторному закону спал днем («тихий час»), а вся взрослая часть палаты обычно в это время болтала громким шепотом, то ночью я долго не мог заснуть. Ночь напролет не поразмысляешь, а разговоры взрослых далеко не всегда меня интересовали, вот я и маялся, завидуя тем, кто приткал к наушникам. Но когда почти каждую ночь я стал получать приемник, жизнь моя преобразилась!

Мне кажется, что именно с той поры я полюбил музыку. Ночью Всесоюзное радио часто передавало симфонические концерты, оперы. Правда,

трансляции не были круглосуточными, но я успевал многое послушать, пользуясь тем, что отбой у нас был в 9 часов вечера, а приемник попадал ко мне уже около десяти. Таким образом, я получил привилегию слушать радио до часу ночи.

Обычно приемник у меня кто-то из старших ребят отбирал часам к восьми утра. Тогда я приспособился просыпаться к самому началу радиопрограмм — в шесть утра. После того как прозвучит Гимн Советского Союза, начинались новости, и очень часто я самым первым узнавал, что происходит в стране.

...Нам привозили кинофильмы, иногда приезжали артисты местной самодеятельности, но ничто не могло отвлечь от тяжких мыслей о болезни и беспомощности, которая идет с ней рука об руку.

Многие мои товарищи по несчастью ломались от безысходности, начинали тайно пить, тем более что спиртное всегда можно было достать у санитаров. При суровом контроле и драконовских правилах — ослушника ждал суровый приговор: выписка под ответственность родственников — спиртное появлялось, как только объявлялся «отбой» и тушился свет. Чего греха таить, там то я впервые и узнал вкус вина и самогона, который умудрялись добывать у местных «умельцев»...

Да, гнет безысходности отравлял разум многих. Накапливалась агрессия, и, как правило, раз в месяц, как бы для «разрядки», в палате устраивались настоящие побоища, причем поводом к тому могла послужить любая мелочь.

По периметру палаты стояли кровати на колесах. Кстати, их всегда тщательно смазывали, потому что единственным методом общения с «внешним миром» — соседними палатами, разумеется, с женскими тоже, была поездка на кровати с помощью специального крючка. Если колеса кровати хорошо смазаны, можно быстро проехать по коридору, ловко повернуть к широкой входной двери соседней палаты, где находились девчонки.

Ребята, лежавшие в кроватях, расположенных напротив (представь четырехугольник), устав от однообразия жизни, боли, трудных и неприятных мыслей, которые лезут в голову, накопив раздражение, начинали задираться. Бросали друг в друга все, что под руку попадет, обзывались, посмеивались... и неминуемо происходил взрыв.

Самые крепкие хватали крючки, цеплялись ими за выступы кроватей «противников», дергали к себе, предварительно смочив водой вафельные полотенца, «бойцы» яростно накручивали их, прихватив за углы, превращая в упругую плетку. Удар концом такой плетки оставлял след, как от удара кнутом. Было больно, но в разгар схватки мало кто это замечал. Чтобы потасовку не застал дежурный врач, особо не шумели. Возня, легкий стон, хлесткие удары, сопение — вот и все. Так продолжалось минут пятнадцать.

Выставленный у двери из числа ходячих больных «сторож» сообщал о приближении врача или санитарки, и мгновенно устанавливался порядок. Кровати откатывались на места, раздавался смех, даже какие-то вполне дружелюбные реплики.

У меня не было крючка, и колеса моей кровати были плохо смазаны. А так как я лежал далеко от центра палаты, куда в основном съезжались «бойцы», то своей порции ударов вафельной плеткой не получал, да и сам в драку не встречал. Однако кнут из полотенца делать умел, и вскоре этот навык мне очень пригодился.

Однажды мне поменяли кровать. Ее колеса были хорошо смазаны. Там оказался крючок, но его «прихватил» один из старших ребят. Иметь два крючка я считал верхом несправедливости, но просить дать мне крючок, чтобы передвигаться по коридору и приезжать в гости к соседям, не посмел. То ли стеснялся, то ли боялся получить отказ.

Однажды ночью, когда владелец этого сокровища спал, а его кровать стояла рядом с моей, я взял крючок и спрятал под свое одеяло. Наутро пропажа не обнаружилась...

Когда после завтрака мои «однопалатчане» разъехались, кто на репетицию санаторного хора или струнного оркестра, кто к девочкам, я решил, что пробил и мой час насладиться свободой передвижения.

Это был день моих новых впечатлений, радостных и неожиданных открытий. Я ездил по коридорам, цепляясь крючком за ушки, прибитые к деревянным панелям, прикрепленным вдоль стен. Зацепишься, дернешь, и кровать едет в нужном направлении. Заехал в палату к девочкам, поболтал с ними, потом в палату, где лежали маленькие ребята. Коридор был довольно длинным — метров 50. С одной стороны — большие окна, с другой — двери палат.

Все подробности жизни коридора и соседей я узнал именно в тот день, когда путешествовал с помощью украденного крючка. Такая свобода стала возможна еще и потому, что были зимние каникулы, уроков не давали, а наше санаторное начальство в те дни следило за нами не очень строго. Однако, наученные горьким опытом «нарушителей», которые в свое время были наказаны, вплоть до лишения права продолжать курс лечения, мы должны были обязательно вернуться в свои палаты.

В тот вечер я поставил свою кровать в коридоре у окна, напротив двери. Нам иногда позволяли это делать, если кровать стояла неподалеку от палаты, где ты был «прописан».

Именно в тот вечер новый хозяин крючка, который я заблаговременно спрятал под своим одеялом, хватился пропажи. Ты, наверное, знаешь, есть такое выражение в воровском лексиконе: «делать шмон», то есть все перелопатить в поисках пропавшей вещи. Так вот, в палате «шмон» ничего

не дал. Проводили его ходячие больные по указанию Андрея, того самого, у кого я крючок и стащил. Быстро вспомнили, что я, до этой поры всегда лежавший смирно в своей кровати и никуда не ездивший, вдруг целый день (ходячие «настучали») катался по коридору.

Меня привезли в палату, поставили кровать в самой середине и, обшарив постель, нашли крючок и вернули его владельцу. Тот решил устроить «суд» и, разумеется, наказать виновника. За кражу крючка меня осудили все, и было решено, что в наказание каждый имеет право ударить меня скрученным в жгут мокрым вафельным полотенцем. Правда, мне было разрешено отбиваться от противника. Я понимал, что виноват, не роптал, но единодушия ребят, признаюсь, испугался. Если учесть, что мне в ту зиму исполнилось всего 13, а «скроен» я был, в общем-то, мелко, причины для страха имелись. Могли запросто выбить глаз, оставить кучу синих полос, в общем, болезненная расправа ожидала меня в любом случае.

Деваться некуда. Я с надеждой посмотрел на своих соседей Гребенченко и Попова (мы его прозвали Попом), но к экзекуции они были безучастны. Похоже, и они меня осуждали. А может, просто не хотели раньше времени показывать свое отношение к случившемуся.

Закрыли двери. Выставили «атас». Мне разрешили хорошенько проверить кнут, то есть свернутое вафельное полотенце, чтобы не подвел меня во время драки. Кстати, важная деталь. Если «кнут» свернуть небрежно, то во время «сражения» он раскручивался, и тогда сопротивление бессмысленно. Ты оказывался безоружным и сдавался на милость победителя.

Все терпеливо ждали, когда я еще раз проверю жгут. Дали воды, чтобы смочить для тяжести тугое, напоминавшее змею полотенце. Неожиданно подъехал Гребенченко, взял у меня кнут, тщательно его проверил, шепнул: «Не трусь. Сопrotивляйся!» — и уехал на свое место.

Первым ко мне подкатил на своей кровати здоровенный детина Витя Козлов лет 22–23. У него был болен позвоночник, но месяца через три его должны были уже выписать. Изготовившись, он даже слегка привстал из своей гипсовой «ванночки». Но ему не повезло. Козлов с силой ударил меня, но попал в мою «броню» — гипсовый торс. Я же, изловчившись, сумел перетянуть его, как говорится, вдоль спины, да так, что кончик кнута достал часть травмированного болезнью позвоночника. Парень вскрикнул, откинулся навзничь, но второй удар ему сделать уже не дали: «Не положено». Ходячие откатали его кровать на место, и он, ругаясь, слегка постанывал.

Второй «палач» — шустрый Николай Таперо — был большим мастером крутить из полотенца жгуты и бил точно и очень больно. Первый боевой рубец украсил мою спину, а в ответ я ударить его не успел. Тут же подкатился третий, но наши кнуты встретились в воздухе и его удар, не причинивший мне вреда, был засчитан.

Кстати, «судьей» был тот парень, у которого я украл крючок. Он старался быть «справедливым», и когда у одного из «однопалатчан» при замахе жгут развернулся, он разрешил скрутить еще раз и повторить удар...

Я быстро устал. Отвечал на удары вяло, и уже вся моя грудь, спина, шея и щеки были покрыты розоватыми рубцами. Мне пришлось бы плохо, если бы не Поп и Гребенченко. Они подъехали к моей кровати с обеих сторон и стали молотить не только тех, кто уже готов был меня стегать, но и тех, кто, скручивая жгуты, ждал своей очереди.

«Судья» сначала оторопел, а затем быстро прекратил экзекуцию. Однако потребовал, чтобы ходячие вывели мою кровать в коридор. Он явно не был удовлетворен расправой, но остальные ребята ему перечить не стали, быстро смекнув, что он задумал.

Мою кровать вывели в коридор и поставили у окна. Один из ходячих, которому было приказано вывезти мою кровать, получил указание «судьи» содрать с меня простыню. Обычно по коридору проходят то санитарки, то медицинские сестры или кто-то из врачей санатория. Был, кажется, воскресный день...

Лежа на спине, весь исполосованный, с открытыми своими «мужскими достоинствами», не имея права даже всхлипнуть, потому что наверняка привлек бы к себе внимание, я представлял собой жалкое зрелище. В коридоре долго никого не было. Потом появился какой-то пацан на костылях. Увидев меня, он засмеялся и тут же позвал кого-то из своих сверстников. Вскоре появились еще двое пацанов и стали надо мной потешаться.

Мне повезло, из нашей палаты приехал Попов. У него был гипс на правом колене, и он мог сидеть на кровати, а иногда даже ходить на костылях. Он молча дал мне рубашку и, накинув простыню, разогнал мелюзгу, избавив меня от насмешек...

Ночь я проспал в коридоре. Утром ко мне подошел врач, спросил, почему я не в палате. Я промолчал... Решив осмотреть меня, он задрал подол рубашки, рассеяно сообщил, что через неделю мне предстоит операция. За сутки полосы от ударов на моем теле немного потускнели, но были еще отчетливы. Не показав вида, что заметил мои «боевые» отметины, доктор прошел в палату и долго оттуда не выходил. О чем уж там шла речь, я не знаю. Затем он сам привез мою кровать в палату, поставил у самого окна в углу и ушел. Я, накрывшись подушкой, лежал без звука и примерно через полчаса неожиданно надолго уснул.

Проснулся я часов в пять вечера. На моей кровати лежал детекторный приемник, две запасные батарейки к нему, коробка конфет, а на подоконнике стояла клетка с суетливо порхавшим снегирем.

Атмосфера в палате была очень странной. Повторяю, я не знал, о чем говорил с моими «однопалатчанами» доктор. Мне даже Гребенченко и Поп

ничего не сказали. Но потепление наступило такое, что я почувствовал себя чуть ли не «сыном полка». Скорее всего, перемены в отношении ко мне произошли после сообщения врача, что мне предстоит длительная и опасная по тем временам операция...

...В каждом сообществе, и для тебя это не новость, складываются свои нравы и правила поведения. У нас тоже сложилось сообщество, где царили свои приметы, привычки и суеверия. О предстоявшей кому-то из нас операции никогда вслух не говорили. Узнав, сообщали самым близким друзьям, да и то шепотом. Вслух не обсуждали, что да как произойдет на операции или что может случиться. Опасались «сглазить»... Врачи негласно следовали этим традициям, но, увидев меня, всего исполосованного плетками, наш доктор решил от традиции отступить и рассказал, что мне предстоит в понедельник.

...За час до отъезда в операционную ходячие больные вытащили мою кровать на середину палаты и каждый из «однопалатчан», еще недавно лупцевавших меня за милую душу, пытался меня поддержать. Подъезжал ко мне, жал руку, говоря слова напутствия. Сейчас уже не имело значения, что накануне они молотили меня вафельными жгутами, не испытывая никакой жалости. Меня скоро ждала тяжелая операция, а что случится, как говорится, один Бог знает. Это понимали все...

...Оперировать меня должен был приехавший из Краснодара хирург-ортопед Борис Александрович Варсава. Спустя пять лет я познакомился с его сыном Александром, который специализировался по хирургии травм позвоночника. Я попал в клинику, где он в то время работал, и даже написал о нем статью в местную газету...

Так вот, осматривая меня, его отец сказал просто, без обиняков: «Я знаю, что ты хочешь ходить. Все этого хотят, правда же? Но мало кто знает, что я могу совсем немного тебе в этом помочь. Я залезу в твоё бедро, почищу кости, немного поправлю их положение и все зашью. Как только рана заживет, тебе придется разрабатывать мышцы и «научить» кость держать вес твоего тела. Но перед операцией я вынужден сделать одну очень болезненную процедуру: немного вытянуть кость из того места, где она сейчас находится. Я просверлю два сквозных отверстия в кости выше и ниже колена, вставлю туда спицы, на спицы будет поставлена скоба, а к скобе подвешен груз. Ты должен лежать с этим грузом месяц. Гири будут тянуть мышцы, они будут сопротивляться, а это — боль. Но, — сочувственно вздохнул доктор, — дорогой мой, тебе придется все это перетерпеть».

Профессор убрал простыню с моих ног, хорошенько смазал место сверления иодом, потом, взяв в руки дрель с тонким сверлом, приступил к делу...

Не хочу подробно описывать эту муку. Вернулся в палату. У моих «однопалатчан» глаза на лоб полезли! Скелетно-мышечное вытяжение,

так называлась эта процедура, справедливо считалось страшной, медленной пыткой. Те, у кого был болен позвоночник, тоже были знакомы с ней. Правда, им не сверлили кости ног, а надевали на торс специальный пояс и подвешивали груз на тонких железных тросах...

...Почти месяц я не спал. Трудно назвать сном полубредовое состояние, в котором я находился от боли. Я, конечно, иногда ухитрялся, подвинувшись, опускать груз на пол. Однако по «закону подлости» почти сразу же появлялась сестра или помощник врача и требовала вернуться в обычное положение. Заметив, что я ночью все-таки спускаюсь, чтобы отдохнуть, меня привязали к верхней половине кровати прочным лифом, и я вынужден был терпеть боль без перерывов, и днем, и ночью.

Случалось, по ночам я стонал, даже плакал (вспомни, сколько мне было лет!), мешая соседям спать. Сначала Поп и Гребенченко просили меня помолчать, но, убедившись, что я не выдерживаю, стали завязывать мне на ночь рот. Мои стоны и плач уходили в вафельное полотенце. Обезболивание не делалось. Во-первых, в моем возрасте нельзя было колоть морфий, во-вторых, инъекции слабых наркотиков были положены только в первую неделю после операции, а поскольку у меня «только» скелетно-мышечное вытяжение — терпи!

Этот месяц забыть невозможно! Спустя восемь лет, уже в Саратовском институте ортопедии и травматологии, эта процедура будет повторена. Я снова переживу все те страдания, которые оставили шрамы в моей душе в тринадцатилетнем возрасте в Прочноокопске.

...Между тем жизнь шла своим чередом. Умер Сталин, был разоблачен Берия, и нам периодически «промывали мозги» в зависимости от событий, протекавших за окнами палаты...

Вскоре у нас в палате возник «кашный бунт». Причина волнения была проста — однообразное питание. Месяц нам давали на завтрак, обед и ужин пшеничную кашу. Ничего не объясняли, не уговаривали потерпеть, не ссылались на скудость бюджета. Просто изо дня в день давали эту пшеничную кашу. Первыми возмутились взрослые ребята. Они требовали «немедленно» прекратить «это безобразие», звали в палату повара «для объяснений». Администрация санатория безмолвствовала. Тогда в один из «кашных дней» все решительно отказались завтракать. Это не возымело действия, и каша опять появилась на обед и на ужин. Принесли ее и на завтрак следующего дня. Вот тогда и начался наш «бунт»!

Едва в палате появлялся кто-нибудь из врачей или учителей (я тебе, кажется, писал, что в санатории была школа), в них летели тарелки с кашей.

Напуганная нашим шумом администрация не знала, что делать. А тут еще из нашей палаты стало раздаваться мощное пение палатного хора. Песня «Ревела буря, гром гремел» была странным протестом наших парней

— жертв «пшеничной экспансии».

Представь, пели так вдохновенно, так яростно, лишь с короткими перерывами, в течение всего дня. Даже я, забыв о боли в ногах от вытяжения, старался прорваться своим детским дискантом сквозь заслон крутых мужских голосов.

Наш палатный хор и так был знаменит на весь санаторий, а тут, как ты понимаешь, «ярость благородная», пафос протеста и... абсолютная беспомощность разгневанных парней, до одури закормленных пшеничной кашей. И смех, и слезы...

И все-таки «кашный бунт» даром не прошел. Наш рацион стал разнообразней, хотя моих «однопалатчан» расформировали. Кого-то перевели в другие палаты, кого-то просто отчислили из санатория, отправив в обычные больницы тех городов и поселков, откуда «бунтовщики» прибыли лечиться в Прочноокопск. Уехал и наш признанный тенор Виталий. Уж не помню, писал ли я тебе о нем.

Вспоминается забавный случай в связи с его судьбой. Мы просили его писать нам о жизни, которая предстояла ему на новом месте после отъезда из Прочноокопска. Понимали — туго придется парню. Виталий сокрушался перед отъездом: «Ну как же я буду вам писать, если здесь администрация распечатывает конверты?» Кто-то из нас в это время читал книгу о Ленине, в которой рассказывалось, как вождь писал из тюрьмы конспиративный текст молоком, между строк обычного письма. Решили проверить. Написали молоком на тетрадном листе несколько строк, дали им просохнуть, а потом подержали над огнем свечи. Ожидания наши полностью оправдались! Под крики «ура!» способ переписки с опальным Виталием был одобрен.

Спустя месяц получаем от него первое письмо. Конверт, конечно, уже распечатан... Читаем обычную скучную писанину про погоду, про суп, который он съел перед тем как написать нам. А в самом конце приписка: «Молоко оказалось вкусным! Надеюсь, и вы его попробуете...» Мы, конечно, «попробовали». Между строками письма, под огнем свечи, постепенно стал проступать текст, написанный «молочными чернилами».

Запретные строки рассказали нам о неожиданных переменах в жизни Виталия. Он писал, что начал курить, что в его больнице это не запрещается, что к нему приезжала девушка из их деревни, с которой у него «кое-что было». Здесь же — строки о том, что на выздоровление совсем не надеется, но «жить можно», потому что «брат приносит водку и тогда дурацкие мысли уходят прочь».

Я помню фрагменты этого письма, потому что оно было первым и единственным от Виталия. Переходило оно из рук в руки. Я его читал, не переставая восхищаться простым способом избежать зоркого ока администрации...

Виталий умер через два месяца. Об этом мы узнали от классной наставницы, а она, в свою очередь, получила сообщение от своей сестры, которая работала фельдшером в больнице, где Виталий скончался.

Место в письме, где он писал о девушке, с которой у него «кое-что было», породило массу комментариев. Ничего странного! Вполне зрелые парни мечтали о девушках, о любви. Мы были оторваны от нормальной жизни, но знали: по соседству находятся двадцать молодых девушек в таких же, как и у парней, гипсовых «штанах» или ванночках. Поэтому любовь, даже страсти разгорались и у нас в палате.

Однажды ребята решили установить более тесный контакт с соседками. Придумали игру, которая не вызвала у администрации никаких нареканий. Кому-то пришла гениальная мысль выучить азбуку Морзе и убедить девочек сделать то же самое. Энтузиасты нашлись и в нашей палате, и у девочек. Конечно, с большей готовностью откликнулись те, кто уже «положил глаз» друг на друга.

Это было возможно во время просмотра кинофильма в огромном коридоре, куда свозили все «население» больничного корпуса. Или когда проводились репетиции санаторного струнного оркестра, общего хора. Иногда, правда нечасто, были «свидания» во время «визитов» девочек к нам, а наших «мужичков» к ним в палату.

...Азбуку учили упорно, отстукивая точки и тире по железному краю кровати. Наконец, пары «любителей азбуки Морзе» достигли известного мастерства и «переписка», а точнее, перестук начался, причем и днем, и ночью.

...После месяца скелетно-мышечного вытяжения меня прооперировали. Трудно сказать, насколько для меня это оказалось эффективным, но выбирать не приходилось. Теперь, к своим пятнадцати годам, надо было мне снова учиться ходить.

Родители опять вернулись из Краснодара в Баку. Поселились у бабушки — матери моего отца. Случилось это летом, и я за три месяца научился ходить на костылях вполне сносно. В сентябре надо было идти в школу, где меня снова ждали сложности общения с одноклассниками. Среди них было немало жестоких пацанов, в драках с которыми мне снова пришлось защищать свое достоинство.

Я вступил в такой возраст, когда меня уже стало тянуть к книжным полкам, в читальные залы, в театры и филармонию. В доме бабушки была большая библиотека, собранная моим дедом с отцовской стороны. Его я никогда не видел. Умер он в 1945 году, когда я был в больнице.

Бабушка, женщина строгая, придирчивая, пыталась упорядочить мое чтение и книжные шкафы запирала на ключ. Но и я был «не лыком шит». Умело открывал дверцы, когда никого дома не было, и таким образом прочитал почти два больших книжных шкафа книг, включая и «категорически

запрещенного» бабушкой Мопассана.

Тогда мне очень повезло: бабушка была влюблена в дирижера оркестра оперного театра и каждый вечер, прихватив меня с собой, спешила на «свидание». Высокий, с демонической внешностью дядька, похоже, ни о чем не догадывался. Но мне-то что! Я был ей благодарен за то, что почти каждый вечер бабушка брала меня с собой, а иногда очень подробно пересказывала оперные либретто.

Весь оперный репертуар я пересмотрел по два-три раза! Потом дирижер из театра ушел. Правда, он быстро объявился в филармонии, и бабушка зачастила туда. Я, конечно, с ней! Правда, хорошо, когда бабушка вовремя влюбляется? Да еще и с пользой для внука...

...В 16 лет я пошел работать на бакинский телеграф. Пришлось перейти в вечернюю школу. Освоил я профессию слесаря-ремонтника телеграфных аппаратов и трудился дежурным слесарем в огромном аппаратном зале. Там когда-то работали моя бабушка, дед. Мой отец тоже там трудился. Он-то и привел меня в аппаратный зал Центрального бакинского телеграфа.

Тогда же я сделал первую попытку бросить костыли и научиться ходить с палочкой. Ох, и трудные это были уроки, скажу я тебе!

Наконец настал день, когда в компании приятелей я решился пройти с тростью по улице. Конечно, хромота была очень заметной, да и боль — сильной. Тем не менее я чувствовал себя вполне уверенно!

Мне шел семнадцатый год, и я, продолжая работать на бакинском телеграфе, окончил школу, и очень даже неплохо. Мои тренировки, напряженная борьба с костылями сказались на моих «суставах». Я беру это слово в кавычки потому, что их... не было! Разве назовешь суставами острые концы костей, которые упирались в еле заметные лунки, образовавшиеся в бедре, и при ходьбе немилосердно терлись. Если прижать ладонь к бедру, можно было трение почувствовать.

...Ты спрашиваешь, а как я, в моем положении, общался с девушками? То была самая больная тема. Мои знакомства с девушками были редкими. А если случались, то вырастали эти эпизоды в красочные фантазии, которые уносили меня далеко от реальности.

Невозможно было не заметить осторожную и даже пугливую реакцию девушек, когда они видели меня сначала на костылях, потом с палочкой, которая не могла скрыть моей хромоты.

Сейчас мне 22 года, но свои влюбленности раннего отрочества и на пороге юности я хорошо помню. Мой дневник был исписан сюжетами знакомств и общения с девушками.

Скажу по секрету — я был редкостным нахалом! Влюблялся только в красивых или очень красивых девушек. Природная моя живость и то, что я готов, пожалуй, назвать красноречием, оттеснили на задний план гитару и

тение как беспроницаемую возможность завоевывать сердца девушек. К тому же я был настолько заводным парнем, что вокруг всегда было много друзей и я действительно часто забывал о своей хромоте.

Помню, влюбился в девушку. Звали ее Лора. Работала на бакинском телеграфе. Мне тогда было 18. Самый возраст любви. Готовился молодежный вечер, и я храбро решил научиться танцевать, мечтая пригласить Лору. Учила меня телеграфистка, не помню ее имени. Это была взрослая женщина, невероятно добрая. Она поняла, что я справлюсь лишь с медленными танцами, и научила меня нескольким типичным движениям очень простого танца, который я сразу прозвал «художественным перемещением хромого танцора».

Действительно, мои ноги мелкими шажками несли меня короткими кругами по залу. Я был на седьмом небе, совершенно не обращая внимания на то, как я выгляжу со стороны. Моя наставница убеждала меня, что в таком танце можно даже разговаривать с девушкой. Однако, как ты понимаешь, главным оставалось добиться согласия «дам» потанцевать со мной... Спустя неделю уроков танцев мои ноющие ноги все же чему-то научились.

Когда настал вечер и заиграла музыка, я, сидя рядом с Лорой, небрежно сказал ей: «Хорошая музыка, правда? Не хочешь ли потанцевать?» «Давай попробуем», — ошарашенно на меня глянув, встала Лора. Оказывается, она была выше меня! Пусть ненамного, но все-таки...

Наверное, меня это все-таки не смутило. Ее, по-моему, тоже. Даже спустя годы я благодарен ей за терпение и деликатность. Я-то понимал, она догадывалась, что «танец» для меня — очень нелегкое упражнение, но не показывала вида. С последними аккордами музыки нам даже захлопали, и я дурашливо поклонился.

После «танцевальной премьеры» Лора стала меня избегать. Нетрудно догадаться о причинах. Как обычно бывает в таких случаях, подруги Лоры поделились с ней впечатлениями от увиденного на вечере... Конечно, конечно! Я писал стихи, записки. Я неистовствовал... Но постепенно успокоился.

Мой друг Володька, коренастый крепыш с русыми волосами, сказал однажды для меня лично «...великую историческую правду». Точно его слова уже не воспроизведу, но смысл помню: «Олег, влюбляйся, приставай к девчонкам, назначай свидания, встречайся с ними так, будто ты, а не они, решаешь, что предпринять в дальнейшем: бросить их или продолжить отношения».

Этот его «тезис» мне ужасно понравился! Мой комплекс как рукой сняло. Знакомлюсь, приглашаю в кино, кафе, театр... Не хочет? Значит, она... недостойна меня! Значит, она теряет нечто большее, чем приобретает, соглашаясь на общение с неким Петей, Васей, Геней. Пусть ей будет хуже! Мне даже ее жаль...

Конечно, моя юношеская душа не терпела одиночества, и вскоре я увлекся молодой женщиной, с которой работал на бакинском телеграфе.

Люда... Чуть выше меня. С хорошим русским лицом и косами толщиной с руку. Они венцом укладывались ею вокруг головы. Года за полтора-два до нашего знакомства во время ночного дежурства ее изнасиловал механик, который тоже дежурил в ту ночь. Искать на него управу она не стала, к тому же он вскоре сменил работу. Когда Люда поняла, что беременна, нашла его и предложила оформить с ней брак. Тот не возражал. Так несчастная женщина избежала огласки неприятной истории и вскоре родила мальчика.

Мне шел тогда двадцатый год, а ей было уже 24. Мы встречались на работе в вечерние смены, а к полуночи я провожал ее домой. Непросто мне было вести ее по переулкам и темным улицам до дома, где ждал муж. Казалось, что я делаю что-то неприличное и даже опасное для нее. Однако с каждым днем эта женщина притягивала меня все больше и больше. Влекла ее красота и горестная судьба.

Однажды, когда ее муж уехал в длительную командировку, Люда пригласила меня к себе домой. Несколько недель назад она сделала аборт и, простодушно признавшись мне в этом, всхлипнула. Мы пришли в ее крохотную квартиру. Малыш, уложенный матерью Люды, спал, и бабушка тут же ушла, ни слова не сказав, но с интересом взглянув на меня. Мы остались вдвоем.

Я с болью в сердце смотрел на эту ладную, сочную женщину. Никаких желаний, кроме утешения, у меня в тот момент не возникло. Возможно, она ждала моей активности, но через полчаса наших разговоров полушепотом и очень скромных поцелуев я ушел домой. По дороге я размышлял, что мы обязательно встретимся и я сумею поддержать эту женщину, потому что... люблю ее.

Назавтра Люда на работу не пришла. Ее подруга Валя, бесцветная, суетливая женщина, едва со мной поздоровавшись, иногда бросала на меня ненавидящие взгляды. Я не выдержал и спросил: «Что с тобой?» Тут она взорвалась: «Ты — дурак! Ты Людку страшно оскорбил!» Я опешил. Валька продолжала: «Да, Людка тебя боготворила! Она мне покоя не давала, все о тебе рассказывала, а ты!»

Я решительно не понимал, в чем же меня обвиняют?! Тогда Валя, наверное, почувствовав мою «тупость», сказала прямо: «Да как ты мог такую бабу отринуть, мерзавец!» Тут уж я просто обалдел. Валька стремительно выбежала из комнаты, а я стал мучительно соображать, и вскоре меня осенило! Действительно, получалось, я «отринул» от себя женщину, которая была готова отдаться мне в ту минуту, когда я был полон сочувствия к ней! Представив, какие муки испытала она при аборте, я под тяжестью этого, как теперь оказалось, нелепого сочувствия к женщине не был способен идти на поводу у своей похоти. Тут уж меня никак не могли привлечь ни ее красота, ни мое естественное

желание молодого парня. Оказалось, что Люда расценила мое поведение как оскорбительное к себе равнодушие!

Я был удручен, ничего не понимал. Ужасно огорчился, когда узнал, что Люда, ничего не объясняя, перешла работать в другой отдел и к нам уже не заходила, чтобы ненароком меня не увидеть.

Все мои попытки объясниться ни к чему не привели. Через полгода та же Валя, презрительно на меня поглядывая, как бы между прочим сообщила, что из армии возвращается старый приятель Люды. Он настоял на ее разводе с мужем-насильником и хочет на ней жениться. Спустя год так и случилось. Конечно, мои коллеги, прознав от той же Вальки подробности моего неудачного «романа» с Людой, потешались надо мной кто как хотел...

**Саратов. 30 ноября 1961 г.
Общежитие университета.
10 часов утра**

Привет, Николай, спасибо за терпение... Продолжаю. Не скучно тебе читать мою писанину?

Ну что ж, назвался груздем...

Однажды мой лечащий врач Краснодарского тубдиспансера Мария Адамовна Гринич, которой я жаловался на стойкие боли в бедрах, после изучения рентгеновских снимков, моих анализов откровенно рассказала мне о новой угрозе моему здоровью. Концы костей, которые упирались в бедренные выемки, образовавшиеся при ходьбе, постепенно разрыхляются и могут стать настоящими очагами нового туберкулезного процесса. Этим объяснялась и боль, и быстрая моя утомляемость.

Мария Адамовна очень убедительно описала возможные перспективы развития болезни. Судя по ее прогнозам, примерно через 10–15 лет меня ожидала катастрофа: инвалидное кресло могло стать моим пожизненным средством передвижения.

Можешь себе представить, дорогой Николай, что я пережил, когда услышал все это! В том же разговоре Мария Адамовна сказала, что прочитала в «Известиях» об успешных операциях саратовского ортопедического хирурга-кудесника Демидова: «Почему бы вам, Олег, не написать ему, попросить совета или помощи?»

Деваться некуда! Да и времени было мало: я ведь уже попал в туберкулезный диспансер, потому что в районе правого сустава уже намечалась припухлость. Упустишь время, наметится свищ — свидетель внутреннего разложения костной и мышечной тканей. Врачи старались не допустить этого пенициллиновой и стрептомициновой блокадами. Да и ходить стало настолько трудно и больно, что я снова вынужден был вернуться к костылям.

Я написал письмо профессору Демидову в Саратов, в Институт орто-

педии и травматологии. В ожидании ответа размышлял о своей дальнейшей судьбе. Тогда наступил, пожалуй, самый тяжелый момент в моей жизни. Молодость едва началась, а впереди ждала жизнь, полная страданий...

Я не расставался с мечтой получить образование. Меня серьезно увлекала литература, психология, философия. Но эти интересы казались теперь и вовсе бессмысленными. Где я смогу работать? Как себя содержать в таком положении? Существовать на грошовую пенсию?

...Наконец, мое письмо в Саратов, с копией истории болезни, достигло адресата, и я получил ответ. Профессор Демидов писал, что готов принять меня, и уже через неделю я переступил порог его саратовского Института ортопедии и травматологии.

Пожилой мужчина, лысоватый, с суровым лицом долго и сосредоточенно прощупывал меня, разглядывал снимки моих «суставов» и, наконец, сказал: «Ну что ж, Олег, попытаемся сохранить вам подвижность в правом суставе и даже заставим вас бегать!»

Уже через три дня я «вошел» в цикл лечения. Первое, что следовало сделать... скелетно-мышечное вытяжение. Началась уже знакомая мне пытка. Снова мне просверлили кость, поставили две стальные спицы, к их концам прикрепили две никелированные дуги. К ним привязали трос, а его конец был прикреплен к грузу в 28 килограммов. Меня подтянули к головной спинке кровати и привязали, полностью лишив шанса периодически отдыхать от боли. Правда, на этот раз мне давали обезболивающие препараты, но предупредили — лучше терпеть, потому что привыкание к обезболивающим опасно. В таком положении я пролежал месяц...

В моей палате было 20 человек. Почти все, как и я, — молодые парни. Было несколько подростков лет 14–15 с большими горбами.

Профессор Демидов прославился тем, что успешно лечил полиартрит оперативным путем. Взялся он и за проблему выпрямления горбов. Такую счастливую возможность ждали те, кто лежал теперь со мной в этой же палате. Рядом уже ходили, в ожидании выписки, избавленные от горба парни, на которых поглядывали с завистью и надеждой те, кому еще только предстояла эта рискованная операция.

Я делил тумбочку, то есть лежал рядом с пятнадцатилетним мальчишкой, который недели две или три назад пережил операцию по выпрямлению горба. Прошла она неудачно, но он еще не знал об этом. Спинномозговой шнур во время операции был поврежден, и это привело к параличу ног. Демидов, надо отдать ему должное, всегда предупреждал больных, что стопроцентной гарантии успеха нет. А вот Васеньке сказать правду ни перед операцией, ни после Демидов так и не решился. Мальчик был в счастливом неведении. Строил планы, как пойдет он в школу, будет играть со сверстниками, влюбляться в девчонок...

Все, кто лежал в палате, очень быстро узнали его страшную тайну — в клинике ничего не скроешь — и относились к мальчишке с необыкновенной нежностью. Профессор Демидов иногда приходил к Васе, с озабоченным видом трогал его за пальцы ног и спрашивал: «Чувствуешь?» Тот неуверенно кивал, но каждый раз все реже и реже. Наконец, однажды он закричал в ответ на вопрос профессора: «Ничего я не чувствую! Что вы меня спрашиваете?» Профессор молча ушел и до самой смерти Васеньки в нашу палату не приходил.

Мальчик вскоре умер. Ночью, с тихим стоном. Я не спал и отчетливо слышал этот его предсмертный стон. Честно говоря, в тот миг я, одуревший от своей боли, не обратил на это внимания. Стонут от боли нередко. От неудобного положения. Особенно после операции. Утром на предложение нянечки умыться Васенька не отреагировал. Приглядевшись, она тут же заплакала, запричитала...

Что и говорить, смертью Васеньки мы были подавлены, но в госпиталях долго не горюют! У каждого в душе живет вольное или невольное ожидание такого же конца. Это возможно на операционном столе или придется пройти долгий путь к гибели, когда неуверенные ноги или позвонки окончательно отказываются подчиняться воле больного человека, и он, погружаясь в страдания, неподвижность, депрессию и безысходность, медленно теряет уверенность в себе и, наконец, угасает. В тот печальный день, перед самым отбоем, мы решили, что Васеньку надо помянуть...

Здесь за употреблением спиртного следили так же строго, как и в Прочноокопске. Но и мы так же ловко обманывали «надзирающих». Всем разрешалось иметь при себе немного денег, и мы быстро нашли общий язык с санитарями, «ходоками» за спиртным. Применяли и другие хитрости.

У кого-то из ребят была веревка, а на первом этаже здания, как раз под институтским корпусом, по странности располагался винный магазин.

Вечером, под покровом темноты, мы спускали веревку с висящей на ней авоськой, в которой были деньги и записка. Обычно в записке мы просили о водке. Работник магазина, молодой парень, с которым наши санитары заранее договорились о точном часе и минуте «прибытия» авоськи, быстро выполнял «заказ» и, условно дернув пару раз, отправлял авоську назад...

Спиртное меня буквально спасало. Без стакана водки перед долгой ночью вытерпеть боль я не мог. Но случился конфуз и со мной. Выпив, как обычно, заветный стакан и быстро захмелев, я задремал, даже похрапывая. Однако меня разбудила медсестра и, поставив баночку у кровати, сказала, что утром я должен сдать анализ мочи. Это означало, что я выдам себя с головой! Обнаружив в моче следы спиртного, больничное начальство могло запросто «турнуть» меня из института.

Пришлось разбудить соседа Костю и попросить его наполнить мою

баночку. Однако он чистосердечно признался, что тоже выпил накануне «в помин Васеньки». Тогда я разбудил всех, кто был поблизости. Наконец надо мной сжалился Миша — крепыш, собиравшийся через неделю ехать домой. Он не пил, потому что ему ночью предстояла встреча с его возлюбленной — дежурной медсестрой Катей. Он наполнил своей мочой мой «сосуд», я прицепил на банку наклейку с моей фамилией и спрятал под кровать. Теперь, без страха быть разоблаченным, я выпил свою «дозу» перед сном и забылся в непрочном сне.

Перечитываю, Коля, твои вопросы и снова натыкаюсь на слово «любовь...». Здесь, в институте травматологии, я видел такую же любовь, как когда-то в Прочноокопске. Молодые парни в гипсе, с железными спицами в костях и с грузом, со специальными ортопедическими подъемниками и подвесками продолжали оставаться мужчинами, которым была необходима женщина. Ее нежность, сочувствие, прикосновения. В таких условиях неизбежно завязывались госпитальные романы.

Один из таких случился и в нашей палате. Миша, о котором я упомянул, влюбился в медсестру Катю. Та ответила взаимностью. После операции на позвоночнике парень, которому, кстати, в день операции исполнилось 25 лет, был очень плох. Катя ухаживала за ним на удивление старательно и терпеливо. Прихватывала и после своих дежурств лишний час-другой, чтобы побыть рядом с ним.

Учился Миша в Саратовском мединституте. Работая на каникулах в каком-то совхозе, получил тяжелую травму позвоночника. Медсестра, зная, что Виктор — сирота, пыталась скрасить его нелегкие послеоперационные дни.

...Ночью я неожиданно проснулся. Обычно, когда действие алкоголя к утру ослабевало, боль снова вступала в свои права, и тогда надо было еще налить стаканчик спасительного для меня зелья. Открыл глаза, ищу в темноте стакан и спрятанную в тумбочке бутылку. Смутно различаю какой-то странный бугор на кровати Михаила, стоявшей в дальнем углу палаты.

Действовал я осторожно и, как мне казалось, любовникам не мешал. Но, когда водка забулькала, «бугор» двигаться перестал. «Он спит, не бойся», — услышал я прерывистый шепот и очень тихо положил бутылку на пол. Поскрипывание кроватных пружин возобновилось в такт движениям «бугра». «Любовь» продолжалась...

Утром я проснулся от голоса санитарки, которая убирала у нас каждое утро. Она стояла у моей кровати, держа в руках «компромат» — початую водочную бутылку. «Олег! Ты разве не знаешь, что пить в этом заведении строго запрещено? А если товарищ Демидов узнает?» Ребята уже стали просыпаться, и тут я слышу голос Миши: «Да, Юрганов, режим клиники нарушать нехорошо!» Он хитро улыбался. По его взгляду можно было по-

нять, мол, смотри, подставишь — выдам тебя и я. Каждому в тот момент свое, но именно Миша предложил мне простой выход, чтобы утихомирить скандальную санитарку. «Олег, дай ей на пол-литра и все будет путем, правда Анастасия?» Санитарка машинально кивнула. Я дал ей деньги, предназначавшиеся для покупки очередной бутылки «болеутоляющего» на предстоящую ночь, и конфликт действительно тут же уладился.

Наш метод добывания спиртного все-таки «застукали». Сработал все тот же «закон подлости». Именно в момент, когда авоська спускалась из окна нашей палаты, в винный магазин направлялся палатный врач Николай Михайлович Серебряков. Он заметил нашу уловку, но мешать «процедуре» не стал, а когда мы, выключив свет в палате, праздновали очередной удачный вояж нашей авоськи за «эликсиром», Серебряков вошел в палату, щелкнул выключателем и произнес странную фразу: «У меня есть хорошее предложение к вам, ребята!» Мы замерли, как герои гоголевского «Ревизора», а он завершил: «Еще раз сделаете это — буду писать докладную профессору Демидову и вы на меня не обижаетесь, идет?» Сказав это, Николай Михайлович выключил свет и вышел. Что уж он нам хотел предложить — то ли поостеречься, то ли действительно срочно «завязать», я так и не понял. В то, что он мог написать докладную Демидову, не очень верилось, да и он наверняка знал, что без этого «зелья» мы просто не выдержим. В общем, долго унывать нам не пришлось.

Свои услуги «носивщика спиртного» неожиданно для всех предложила та самая Анастасия, которая меня однажды «застукала». Способ она придумала гениальный. Надевала на себя две длинные, с широкими складками юбки. На внутренней были нашиты глубокие карманы. Получив от нас деньги и купив спиртное, она шла сначала к себе домой, оставляла одну бутылку себе как оплату за услуги, остальные аккуратно укладывала в свои потайные карманы и спокойно проносила через проходную института...

Больничный быт тягостно скучен. Водка и любовные романы, редкие приезды родни — вот и все... Что избавит от тоски и боли, от ужаса возможных неудач при операции, от утраты подвижности, когда эти неудачи ломают надежды и жизнь? У каждого — свое.

Я писал тебе, что профессор Демидов лечил полиартрит хирургическими методами. Если говорить упрощенно, при этой болезни все суставы срастаются. Конечно, не сразу. Сначала затрудняется их подвижность и человек чувствует боль. Потом болезнь приобретает коварные формы. Например, вечером ты ложишься спать, а утром просыпаешься и без боли не можешь шевельнуть ногами или руками. Оказывается, что они за ночь... срослись. Пока сращивание хрупкое, можно усилием воли превозмочь боль и заставить суставы двигаться. За день они разрабатываются и двигаются нормально. Но постепенно подвижность все равно исчезает. Наступает

момент, когда суставы срастаются окончательно и человек превращается в уродливую конструкцию из торчащих в разные стороны рук и ног, застывших теперь навсегда!

Мне уже сделали операцию на тазобедренном суставе правой ноги и «заковали» ее в гипс, когда в клинику привезли парня лет 32 с полиартритом ног и рук. Есть он не мог, ухаживать за собой тоже. Демидову предстояло вернуть подвижность плечевых, тазобедренных, локтевых суставов, колен и голеностопа. То есть предстояло сделать 10–12 операций. Этого больного звали Гриша. Он буквально одурел от своего безысходного положения и страданий, длившихся годами.

Однажды Гриша, до ужаса похожий своими сросшимися в суставах раскоряченными руками и ногами на паука, ранним утром вообразил во мне что-то для себя очень опасное и, по-видимому, решил со мной расправиться. Вряд ли он причинил бы мне вред, но его рычание, налившиеся гневом глаза, рев и белая пена в углах губ, неудержимое желание повернуться в мою сторону всем телом, раскоряченные пальцы, весь его жуткий облик вызывал у меня не сочувствие, а страх! Я был в гипсе и совершенно беспомощен. Наши кровати стояли почти рядом, еще минута — и это раскоряченное тело могло упасть, навалиться на меня...

...Грише сделали три операции. Было просто чудом видеть, как еще вчера неподвижные руки подчинялись ему. Вскоре он мог уже умыться, попить воды, взять ложку. Но операции на тазобедренных суставах он все-таки не выдержал! Умер на операционном столе...

...В это же время я узнал, что мои надежды ходить, как мне обещал Демидов, оказались тщетными. Поверь, привыкать к этой тяжелой реальности было очень нелегко.

Еще до объявления о моей предстоящей операции я почувствовал перемены в поведении палатного врача. Николай Михайлович был ко мне на редкость предупредителен, даже разрешил «для усиления аппетита» легально покупать вино, красный «Кагор», и совершенно открыто пить его перед едой. При традиционной строгости режима такое послабление показалось подозрительным. Парни, лежавшие со мной в палате, завидовали мне, но однажды кто-то из них, видимо, очень опытный «однопалатчанин», задумчиво произнес: «Все это неспроста! Тебя, Олег, явно к чему-то готовят, и, поверь мне, не к самому лучшему».

Однако я был полон оптимизма и на эти пророчества внимания не обратил. Я еще не знал, что Демидов отказался от первоначального варианта «сконструировать подобие тазобедренного сустава», обмотав, согласно своей методике, конец бедренной кости лоскутом моей кожи, взятой с ягодицы или со спины. По его методике, слой кожи при ходьбе со временем становится подобием хряща, и я получаю возможность ходить.

20 декабря 1961 г.

Научная библиотека Саратовского университета.

7 часов вечера

Когда профессор изучал снимки моих тазобедренных суставов в первый раз, он искренне полагал, что сможет мне помочь. Но более тщательный анализ привел его к убеждению, что разрушения в правой тазовой бедренной кости слишком велики и старания хирурга вряд ли увенчались бы успехом.

Со мной врачи решили не советоваться, полагая, что у меня все равно нет выбора. Операция, которую они сочли наиболее целесообразной в моем положении, имела мудреное название — «анкелоз». Это значило, что конец бедренной берцовой кости тщательно вычистят, удалят воспалившиеся фрагменты тазовых мышц, вложат конец кости в «родное» подвздошное отверстие бедра, которое тоже зачистят, и... прочно «заклеят» каким-то биопрепаратом.

Обо всем я узнал, когда, спустя почти месяц после операции, в палату вошел лечащий врач Николай Михайлович. Присев на мою кровать, он подробно рассказал мне об этом...

«Олег, ты парень сильный, пережил немало в своей жизни, — начал свою «речь» Николай Михайлович, — выдержишь ты и эту правду. Мы не могли сделать тебе ту операцию, которую обещал профессор Демидов, когда ты к нему приехал. Поверь, не было никаких шансов на успех! Слишком сильно была изъедена кость. Нам пришлось сделать то, что мы сделали. Теперь тебе надо приспособливаться ходить. Главное, мы добились надежной опоры в бедре и полного избавления от боли! Согласись, это уже немало. Ты заметил, как я хожу?» — неожиданно спросил меня Николай Михайлович и, быстро встав, прошелся от моей кровати до двери палаты.

Смотрю и ничего особенного не замечаю. Ходит вроде бы как все. И тут, снова присев, он мне говорит, хитро сощурясь и с явным удовольствием: «А у меня, между прочим, правый сустав после травмы тоже на «анкелозе». Я неплохо танцую, быстро хожу. Теперь присмотришь, как я сижу». Он взял стул, сел. Заметил — положение его тела какое-то необычное. Говорит: «Я сел за счет подвижности моей поясницы. Видишь, бедренная кость? — он показал рукой на вершину правой ноги. — Она верхним концом впаяна, как и твоя, в таз. Коленный сустав я сгибаю свободно. Опираюсь на спинку стула, и никто ничего не замечает. Сижу я, обрати-ка внимание, в основном на левой ягодице».

В общем, тогда доктор меня как будто убедил! Гипс снимать не стали. Решили, что прооперированный сустав надо беречь, ведь предстояло ехать домой под наблюдение амбулаторного хирурга, физиотерапевта и врача по лечебной физкультуре. Стали готовить документы к выписке меня домой...

И тут я решаю поступать в Саратовский университет...

Ладно, до скорого! Устал уже...

Дорогой Николай! Попытаюсь восполнить пробелы в первом ответе на твоё письмо. Ты хочешь знать подробности о людях, которые повлияли на мою судьбу при поступлении в университет? Ты совершенно прав. Я и теперь общаюсь с ними и все более понимаю, что благодаря их сердечности и сочувствию могу пользоваться теми радостями, которые были мне недоступны до встречи с ними.

Если профессор Демидов, лечащий врач Серебряков, выполнив свою работу, отошли в моей памяти на второй план, то новые мои знакомцы стали вестниками перемен в моей жизни...

Как только я принял решение готовиться к поступлению в Саратовский университет, влиять на меня, как говорится, «и так и эдак» начали десятки людей, включая и тех, кого я вполне мог назвать товарищами по несчастью.

В палате больше половины считали мое решение полной дурью. Отговаривали. Даже мешали, как могли, готовиться к вступительным экзаменам. По ночам, сделав из двух подушек что-то наподобие укрытия, я при свете крохотного ночника читал учебники, писал конспекты. Бывало, на меня «приземлялась» чья-то подушка и раздавалось шипение: «Эй, студент! Кончай, не мешай спать!» Однажды чуть не случилась драка между мной и одним из парней, который ждал операции, сильно нервничал и, наверное, решил «отыграться» на мне. Потом кто-то написал письмо в администрацию клиники о моих ночных «нарушениях режима». Мне сделали официальное внушение.

Пришлось маневрировать. После отбоя я засыпал, установив себе время подъема. Например, я приказывал себе «проснуться в три часа ночи». Положив под подушку книги и произнеся эти слова десять раз, я засыпал. Проснувшись ровно в три часа утра, а это время самого глубокого сна моих соседей, я осторожно переворачивался на живот и приступал к занятиям.

В 8 утра нас умывают. За полчаса до этого надо снова перевернуться на спину, укрыться, положить на учебники подушки и приступить к гигиеническим процедурам: бритью, чистке зубов, умыванию. Таким образом, до завтрака у меня оставалось даже время для короткого отдыха.

В 10 часов — завтрак. После него можно заниматься вполне легально. Правда, толку от этого было мало. В палате стоял гам, к тому же после публикации в саратовской газете «Заря молодежи» статьи о «юном герое из Института ортопедии и травматологии» в дни посещений у меня от гостей не было отбоя. Став «звездой», я впервые в жизни понял, как это тяжело! Незнакомые люди, в основном девушки, приходили посмотреть на «героя», поболтать, принести что-нибудь вкусненькое. Это было еще одной причиной

конфликтов с «однопалатчанами». Они то ли завидовали, то ли действительно уставали от гвалта гостей — девчонок у моей кровати, не знаю, но вновь пошла «телега» администрации. На этот раз я даже обрадовался, когда поток желающих поглазеть на меня уменьшился.

...Мария Владимировна, когда я с ней познакомился, меня очаровала! Ты прав — прелестная женщина. Я не знаю, как мне удалось убедить университетское начальство отойти от правил и принять у меня вступительные экзамены за четыре месяца до официальных сроков. О том, что администрация университета, как говорят в таких случаях, «пошла мне навстречу», я узнал после двух недель ожидания ответа на мое письмо ректору. Мария Владимировна Г., доцент кафедры русского языка и литературы филологического факультета, и стала посланцем сочувствия и понимания моего желания учиться.

Впрочем, ты это знаешь не хуже меня. Теперь подробности, о которых ты не знаешь.

Когда Мария Владимировна появилась у нас в палате, я спал, спрятав голову под подушку, чтобы не мешал шум. Меня разбудил сосед. Спросонья я не сразу заметил, что прямо передо мной стоит стройная белокурая женщина лет 35 и, мягко улыбаясь, смотрит на мою заспанную физиономию. Слышу ее голос:

— Простите, я, кажется, вас разбудила...

— Ну что вы, — я был ужасно смущен, так как не надел обычную свою рубашку и был в больничной, с тесемками у горла. Гостя осторожно спросила:

— Может быть, мне прийти в другой раз, чтобы вам не мешать?

Я испугался, что она сейчас уйдет, и поспешно произнес:

— Что вы! Пожалуйста, не уходите...

Наверное, эти слова прозвучали так, что она еще шире улыбнулась, кивнула и успокаивающе протянула мне руку.

— Здравствуйте, Олег. Меня зовут Мария Владимировна. Я пришла из университета по поручению ректора...

...Мне все жутко завидовали и в этот вечер даже не скабресничали. Аромат духов моей гостьи, ее аура феи сделали доброжелательными даже моих противников. В тот вечер я был в центре внимания, словно победитель схватки. Меня вдруг признали человеком незаурядным, потому что ко мне, именно ко мне! пришла женщина такой красоты, такого обаяния и нежности.

Я услышал от Марии Владимировны, что ректор разрешил создать на филфаке университета специальную комиссию для приема экзаменов у меня. Она сказала еще, что студенты филфака, куда я собирался поступать, будут помогать мне готовиться к экзаменам.

«Скоро к вам придут мои студенты, которые позанимаются с вами...»

Это были ее слова перед уходом. «До свидания, ребята!» — сказала фея, и мои «однопалатчане» вместо обычных в таких случаях слов прощания в едином порыве закричали: «Приходите к нам еще!»

А теперь представь меня в момент, когда я услышал от палатного врача сообщение, что, раз уж я решил сделать операцию на левом суставе, завтра меня начнут к ней готовить, а дня через три положат на операционный стол! Почему? Да у меня просто выбора не было! Держать меня в ортопедическом институте только потому, что я решил поступать в университет, никто бы не стал. Вот и пришлось спустя месяц после того, как мне сделали операцию на правом суставе, соглашаться на вторую. Надо было выиграть время — полтора-два месяца, за которые я мог бы подготовиться и сдать вступительные экзамены в университет.

Конечно, был риск! Я знал, что произошло с моим правым суставом. Теперь-то мне обещали сохранить подвижность в левом, но гарантий все равно не было!

То есть я сам вовсе не был уверен в благоприятном для меня исходе операции. Могла случиться та же история, что и с правым суставом.

В самых мрачных фантазиях я видел себя похожим на воробья, прыгающего с «запертыми» тазобедренными суставами на костылях, а когда сажусь, то плюхаюсь на ягодицы, потому что сесть прилично просто не в состоянии.

«Однопалатчане» осуждали меня. Предрекали жуткую жизнь, которую никак не украсит никакое высшее образование, ради которого я иду на такой риск.

Однажды, в самый разгар спора, дверь тихо отворилась и порог палаты неспешно переступила женщина лет сорока пяти в просторной домашней кофте, с перекинутым через руку плащом. Доброе, с крупными чертами лицо гостьи выражало озабоченность. Обитатели палаты, ничего не замечая, продолжали галдеть. Женщина остановилась и о чем-то тихо спросила у моего соседа, а затем направилась в мою сторону. Наши глаза встретились, и мне показалось, что я где-то видел это лицо, эти карие глаза и эти косы вокруг головы.

Она подошла и все так же тихо сказала: «Здравствуйте! Так вы и есть Олег, да?» Я ответил кивком, продолжая мучительно вспоминать, где и когда я мог ее видеть. Она села на краешек моей кровати, положила руку на мою гипсованную ногу и, помолчав, продолжила: «Меня зовут Капитолина Ивановна. Я сестра Ольги Ивановны, подруги вашей мамы — Зинаиды Никитичны. Ольга Ивановна вчера позвонила мне и рассказала вашу историю. Я готова вам помочь, если, конечно, вы захотите...»

В этот момент пришла помощник палатного врача и сообщила: «Юрганов, через три часа вас повезут в операционную. Так что будьте готовы...»

Капитолина Ивановна с тревогой посмотрела на меня и спросила: «Они все-таки хотят вас оперировать? Сестра мне писала, что это опасно...» Я ничего не ответил. Сообщение о предстоящей операции вызвало шок. Едва справившись с волнением, в полной тишине, я почти шепотом ответил: «Отменить операцию они могут, только если я уеду, а ехать мне некуда. Экзамены в университет начнутся через две недели». Капитолина Ивановна засуетилась, встала и поспешно сказала: «Так я вас заберу к себе, прямо сейчас! Вы знаете, к кому тут надо обратиться?»

В палате началось что-то невообразимое! Ребята громко стали советовать Капитолине Ивановне выйти в коридор и поискать палатного врача. Одни кричали, что тот наверняка уже в операционной... Другие возражали, что он никак не мог туда пойти, потому что операция только через три часа...

Наконец Капитолина Ивановна поспешно вышла из палаты, а я суетливо стал собирать из тумбочки свои вещи. Через полчаса пришел палатный врач и спокойно спросил: «Ну что, Юрганов, покидаешь нас? Ладно, до встречи. Только есть одна проблема: не знаю, как тебя отвезти к...» Он виновато посмотрел на Капитолину Ивановну, но та, успокаивающее коснувшись его руки, сказала почти радостно: «Сейчас я позвоню, и придет машина. Мы на ней хлеб развозим по магазинам, довезем и Олега!» Раздался дружный хохот.

И действительно, минут через двадцать приехала машина. Распрощавшись с ребятами из палаты, которая была моим пристанищем целый год, я с помощью санитаря, ковыляя на костылях, добрался до выхода из клиники. Там стоял маленький фургончик — «Москвич». Шофер и санитар аккуратно перевернули меня на живот и почти задвинули внутрь фургона, где вкусно пахло хлебом.

...Ехали недолго. Моя спасительница жила неподалеку от Института ортопедии и травматологии. После того как Капитолина Ивановна и водитель осторожно занесли меня в просторную комнату и опустили на большую кровать, стоявшую у окна, хозяйка, виновато улыбнувшись, сказала: «Олег, ты лежи немного, я быстро сбегаю на работу, а заодно принесу тебе чего-нибудь поесть. Чего бы тебе хотелось, сынок?» Я, немного растерянный, а если быть точным, просто обалдевший от неожиданных перемен в моей жизни, молчал. Она понимающе улыбнулась и, сказав: «Да ладно, сама соображу...», ушла.

Я не стану живописать тихий, размеренный быт одиноко жившей Капитолины Ивановны. Наслаждался атмосферой уюта теплого дома, о котором за год клиники просто забыл. Настало время, когда мои ум и чувства постепенно наполнялись новыми заботами, радостями и сюрпризами.

Во-первых, приходили студенты университета, помогавшие мне заниматься. Во-вторых, было составлено расписание экзаменов и в ти-

шине дома Капитолины Ивановны я мог спокойно к ним готовиться. В-третьих, я... моментально влюбился! Да так, что сам испугался.

Как ни прятал я свои чувства, Капитолина Ивановна что-то заподозрила. Да и как было не заподозрить, если в дом зачастила девушка, которая помогала мне готовиться к экзамену по русскому языку и литературе, и мы с ней очень скоро перешли к разговорам о вещах, далеких от экзаменационных тем... Раз уж ты в своем письме просишь рассказать об этом подробнее, так и быть...

Звали студентку Вера. Ей было 19, а мне — 21. Родилась она в Хвалынске, где, как ты помнишь, и мой отец появился на свет. Чуть выше среднего роста, с темно-русыми волосами, большими зелеными глазами, пухлыми губами. Говорила Вера воркующим голосом, тепло и сердечно. Она училась на втором курсе и мечтала быть учительницей. Из ее откровенных рассказов я понял, что она — «плод любви», свидетельство последней встречи ее матери с любимым, который уходил в никуда зимой 1941 года.

Оплакав погибшего возлюбленного, мать сразу после войны вышла замуж, и у Веры вскоре появилась сестра. Конечно же, в Веру влюблялись и к ней влекло многих ребят-однокурсников. Иначе, наверное, и быть не могло. Она притягивала парней как магнитом! Как видишь, и я не стал исключением.

Почему-то Капитолине Ивановне Вера сразу не понравилась. Она считала, что девушка изматывает меня долгими разговорами, мешает нормально готовиться к экзаменам, вовремя есть, пить и спать. Может быть, она ревновала? С чего бы это? Как мог, я пытался сглаживать ее недовольное ворчание, когда Вера засиживалась допоздна.

...Все экзамены я сдал на «отлично» и только немецкий — на четыре балла, однако в сумме получалось, что я набрал достаточное их количество и мог предполагать, что, скорее всего, по конкурсу пройду.

По этому поводу мои новые друзья и Капитолина Ивановна устроили «сабантуй». Было весело, но на душе скребли кошки. Предстояло ехать домой, в Краснодар. Снимать гипс, тренироваться. С тревогой я думал, успею ли к сентябрю прийти в хорошую форму, чтобы приступить к учебе?

Причины для тревог были. Шутка ли, пролежать год в постели! Перенести тяжелую операцию. Мышцы ног стали тонкими тряпочками, которые теперь надо было размассажировать, заставить держать вес моего тела. Но прежде всего предстояло снова (в который раз!) научиться ходить.

Конечно, я тосковал еще и потому, что предстояли долгие три месяца разлуки с моей любовью — Верой.

Но... был куплен билет, и вокзальные санитары посадили, а точнее, положили меня на нижнюю полку плацкартного вагона.

На крупных железнодорожных станциях в вагон заходил фельдшер

местного медпункта. Оказывается, из каждой станции, начиная от самого Саратова, по телефону сообщали о движении на линии «важной персоны» — загипсованного Олега Юрганова. Меня заботливо спрашивали, не нужно ли чего, и, пожелав счастливого пути, провожали поезд дальше на юг — в Краснодар.

В Ростове предстояла пересадка. Дело хлопотное! В вагон вошли два санитары, дюжие ребята, взяли меня на руки, отнесли на перрон и посадили в инвалидную коляску.

Сооружение это никак не было приспособлено для транспортировки такого «негабаритного груза», каким оказался я. Загипсованная нога торчала, как дуло станкового пулемета «Максим». Спина внутри гипсового панциря изогнута дугой. Левая нога с натянутыми на нее двумя шерстяными носками висела на краю коляски, чуть ли не касаясь пальцами сырого асфальта перрона. На меня было наброшено одеяло, и моя кудлатая голова в меховой шапке (в самом начале апреля пробирал весенний морозец) напоминала широкое гнездо, когда я вертел ею в разные стороны, обзвывая вокзальный быт.

За мной присматривала фельдшер — худенькая молодая женщина. Она бодро притопывала вокруг меня и приговаривала: «Ваш поезд, Олег, будет уже через полчаса. Осталось потерпеть совсем немного. Вы не замерзли?»

Между тем поезд все-таки опаздывал. Наступил вечер. Я почувствовал, что мне надо «кое-куда». Только хотел поделиться с санитаркой своими «соображениями», как она неожиданно запричитала: «Я быстренько смотаюсь в здание вокзала. Ваш поезд будет только минут через десять. Хорошо?...» Мне ничего не оставалось, как молча кивнуть.

Перрон был безлюден. Ожидая возвращения фельдшера, я порядком продрог и, чтобы как-то согреться, непроизвольно передернул плечами. Наверное, это дало толчок коляске, и она, медленно развернувшись, стала двигаться к краю перрона, туда, где двумя матовыми полосами светились рельсы.

Не успел я сообразить, что же делать, как почувствовал, что коляска набирает ход. Катилась она под уклон, навстречу приближавшемуся пыхтящему, дымному паровозу, тащившему длинный состав. Мне удалось остановиться буквально в нескольких сантиметрах от края высокого перрона. Схватившись руками за колеса, я что есть силы сжал их и почти завис над рельсами. Раздался истошный свисток паровоза, в него вплеся то ли визг, то ли жуткий крик вернувшейся на перрон женщины-фельдшера. Она оттащила меня от гибельного края и тут же в голос разрыдалась. Такая вот оказалась впечатлительная...

...И снова я в вагоне. На этот раз ехал без попутчиков. Проводница иногда спрашивала, не нужно ли мне чего. Ничего мне не было нужно, потому что я писал письма своей возлюбленной Вере и просил проводницу

бросать их в почтовые ящики на каждой станции. Человеком она оказалась невозмутимым, только однажды спросила с улыбкой: «Ты что, писатель?» Послушно кивая в ответ на протянутый мною очередной конверт, она брала его и направлялась к почтовому ящику на перроне очередной станции...

Ты, мой друг, все просишь меня побольше документальности. Правильно! Хронограф иначе не может... Но у меня сохранилось только одно письмо к Вере с дороги. Раз уж ты просишь документов — дам тебе возможность прочитать то заветное, что с кончика пера просилось на бумагу под стук колес. Это письмо было написано почти сразу после того, как я едва не погиб. Даже не знаю, как оно у меня сохранилось и как попало ко мне от Веры. Ну да ладно!

Здравствуй, моя девочка! Я уже еду в поезде, несущем меня прямо в Краснодар. Через каких-то семь часов буду дома. Что ты делаешь и где ты теперь, когда появились в твоих руках эти мои тетрадные листочки? Я заранее прошу прощения за те ужасы, которые все-таки перескажу. Представь, чуть не попал под поезд. (Дальше я рассказываю ей ситуацию, о которой ты знаешь. — О.Ю.)

Жизнь начинаешь ценить лишь на грани ее утраты. Во всяком случае, я был готов поверить в эту истину, когда моя непослушная коляска несла мое закованное в гипс тело на рельсы. Но и сама жизнь для меня была абстракцией до той поры, пока я не встретил тебя, пока не понял, что такое тепло твоего дыхания, твой шепот, прикосновение ладоней, запах твоих волос... Я понял, что, потеряв все это, я потеряю саму жизнь. Заметь, не жизнь я потеряю, попав в мясорубку железа, влекомого пыхтящим паровозом, а потеряю жизнь, утратив все то, что ты мне дала с присущей тебе щедростью. В моей памяти, как в шкатулке, хранится все, что я получил от тебя в те часы и дни, когда нам никто не мешал. Когда мы слушали музыку, когда учебники мирно дремали рядом с нами, а я выстукивал по своему гипсу ритм той части «Кармен», которая так тебе нравилась. Я снова и снова представляю, как буду готовить себя к студенческой жизни. И только ты будешь помогать мне выдерживать все тяготы тренировок, когда ноги будут учиться ходить уже в третий раз в моей жизни. Я закрываю глаза и вижу твой взгляд. Твои губы, которые производят мое имя, храня его для тебя. Быть может, сейчас, когда ты читаешь это письмо, твои губы неслышно шевелятся и в твоей памяти сохраняется все, о чем я тебе сейчас пишу. Я удерживаю себя от соблазна написать свое имя снова и снова, чтобы, прочтя, ты еще и еще раз повторяла его. Удерживаюсь, чтобы неожиданно громко не крикнуть: я люблю тебя! Когда я получу письмо от тебя, написанные твоей рукой строчки, я приму их, как бальзам. Так что пиши чаще, потому что твои письма помогут мне преодолеть все трудности моих тренировок.

А вот и новая станция. Названия не знаю, а спрашивать проводницу

нет времени, она сейчас придет и, как всегда, спросит: «Олег! Здесь тоже надо бросать письмо в почтовый ящик?» До встречи! Целую... Я.

Видишь, Коля, я свое обещание выполнил. Но, пожалуйста, не требуй больше повторения моих откровений...

Я приехал в Краснодар ярким солнечным утром. На перроне стояли мои родители и младший брат — тринадцатилетний пацан. Я не видел их почти полтора года. До такси меня везли на тележке носильщика. Было смешно и забавно восседать на ней вместо чемоданов и тюков. В такси я влезть не мог, просто не вмещался, поэтому пришлось ловить маленький грузовичок.

Я лежал в кузове, морщась от боли на каждой кочке, а мои родители и брат сидели рядом на деревянной перекладине. Ехали через весь город. Здесь была уже настоящая весна. Я наслаждался свежестью утра после палаты, пропитанной лекарствами, сыроватого воздуха моей комнаты в квартире Капитолины Ивановны, прогорклой атмосферы вагона...

...Наступили будни моей подготовки к учебному году. Я понимал, что если буду следовать рекомендациям врачей — не снимать гипс еще два месяца, — то к сентябрю мои ослабевшие мышцы не успеют приобрести упругость. Выбора не было, и я решил рискнуть. Недели через две после приезда домой решаюсь снять свои гипсовые оковы. Конечно, я опасался, что сустав мог срастись еще недостаточно прочно, и нашел компромисс — снял гипс только от стопы до колена, сохранив гипсовый бедренный пояс.

Расчет был прост: тазобедренный сустав пока остается неподвижным, не будет испытывать нагрузок, а я могу разрабатывать коленный сустав и стопу...

...Несчастные мои родители! Они редко меня видели все эти годы. Но едва я появлялся в отчем доме, как неизбежно давал им повод для волнений. Вот и теперь они с беспокойством смотрели на меня. Назавтра мне предстояло сделать первые попытки согнуть колено на полградуса, закусив губы, чтобы не застонать от жуткой боли... Они старались не смотреть на эти «эксперименты» — и правильно делали!

В общем, я весь июнь таскал на себе остатки гипса и каждый день боролся с соблазном снять его. Останавливала память, которая запечатлела взгляд нашего палатного врача. Будто тень отца Гамлета, он являлся передо мной, едва я доставал пилу, припрятанную под кроватью, чтобы окончательно распиливать мои гипсовые «оковы». Наконец в самом конце июня я не выдержал.

В доме никого не было. Я вертикально распилил гипсовый пояс и стал пилить дальше вниз к колену. На мне были как бы гипсовые трусы с одной штаниной. Вот ее, эту «штанину», я распилил поперек, а затем, раздвинув половинки, выполз из гипсовой скорлупы на кровать.

Было страшно. Напуганный тем, что может произойти разрушение еще

недостаточно прочно спаянного сустава, я старался быть очень осторожным. Но при этом меня мучил вопрос — как же все-таки я буду сидеть? В тот же день, может быть через час после того, как я избавился от гипса, я попытался сесть на стул. Снова вспомнил, как садился мой палатный врач, и основной упор сделал на левую ягодицу. Правая нога была вытянута, как палка. Я попытался согнуть ее в колене, но пока ничего не получилось — за полгода пребывания в гипсе коленный сустав и связки «забыли», как надо работать. Было ужасно больно! И все же у меня получилось что-то похожее на положение сидящего человека! Это воодушевило, а через месяц я сидел уже вполне прилично.

Однако когда я попытался надеть трусы, носки, брюки, меня ждало полное разочарование! Запертый тазобедренный сустав не давал мне никаких шансов согнуть ногу и просунуть ее в штанины брюк. Наклон, на который я был способен с помощью позвоночника, не позволял дотянуться до кончиков пальцев ног и надеть носки. Сидеть я мог не более получаса — начинала страшно ныть поясница. А теперь представь, сколько часов я должен был высиживать за письменным столом и на лекциях в университет, в библиотеке!

Выбросив гипс, я занимался 10–15 часов разработкой мышц тела, приучением их к нагрузкам. Мучился от болей, но шаг за шагом приближался к результату. Вскоре правая нога, которая была в гипсе почти три месяца, стала сгибаться в колене уже до критической точки. Это, когда между икроножной мышцей и ягодичной я мог поместить свой кулак. Ближе, плотнее никак не получалось!

Поясница постепенно стала выдерживать длительные нагрузки. Я мог уже сидеть и писать около двух-трех часов кряду. Чтобы вырабатывать разные положения сидя и приучать к нагрузкам мышцы спины и поясницы, моделируя работу над книгами, я стал переписывать в тетрадь толстый том какого-то романа.

В середине июля я впервые вышел на берег Кубани и решил, что пора искупаться и мне в ее прохладной глади. Плавал я неплохо и сразу же почувствовал себя в воде уютно. Все мышечные боли куда-то исчезали, и я резвился с местными парнями.

Как и всякого молодого человека, меня, 23-летнего парня, тянуло на подвиги. Вот тут-то я в очередной раз чуть не погиб. Соседские парни, увидев, какой накачанный был у меня пресс, плечевые и грудные мышцы, предложили переплыть Кубань. В том месте, где мы жили, она не была быстрой, но если не хватало сил достичь противоположной стороны, течение неминуемо уносило в широкую даль, которая уже морщилась водоворотами.

Кубань каждый год принимала дань — утонувших парней, демонстрировавших друг перед другом свою удаль. Я не плавал на большие расстояния

года два... Но разве откажешься от соблазна, когда в тебе «кровь молодая кипит» удалью и силой!

Прыгнули... Поплыли... Сначала все было хорошо. Весело переговаривались, плывя чуть наискосок, против течения, чтобы не позволить ему отнести к широкой стороне реки. Я наверняка переоценил свои силы и уже на середине реки понял, что меня ждет беда.

Навстречу, рассекая воду, в мою сторону шла огромная баржа. Несколькими рывками я пересек ее курс, и это было ошибкой. Я стал выдыхаться.

Баржа приближалась. На корме сидело два-три человека. Не глядя в мою сторону, они лениво переговаривались. Я крикнул: «Помогите!», но и это было ошибкой. Этот крик означает, что ты признаешь нужду в помощи, перестаешь сопротивляться и твои ресурсы мгновенно иссякают.

Я испытал странное чувство. К горлу подступил сладкий ком, а там, где был желудок, ощущалась холодная пустота. Руки уже не слушались, и, непроизвольно глотнув воздуха, я вяло двигал ими, толкая тело к берегу, который был хоть и близко, но для меня уже казался недостижимым. Парни, далеко отогнанные течением, весело плескались, не замечая меня, а я уже прощался с жизнью...

Мимо, шумно пыхтя моторами, прошла баржа. Течение несло меня все дальше от заветной кромки берега, и тут я непроизвольно дернулся, делая последнюю, наверное, инстинктивную попытку достичь берегового склона, который обещал мелководье в том месте, куда я сейчас из последних сил гроб.

И точно! Я увидел торчащую из воды палку и в последней надежде судорожно за нее схватился. Это был вбитый глубоко в грунт кол, на котором висела толстая леска с большим крючком с нацепленной на нем приманкой для крупной рыбы. Кол меня выдержал. Вцепившись в него, я час или полтора лежал на воде, не веря, что все благополучно обошлось. Наконец я выполз на берег. Плыть назад уже не решился. Часа через три соседи моих родителей перевезли меня на лодке на наш берег...

Это я к тому тебе рассказываю, что в то время, когда я только вставал на ноги, мне не было чуждо лихачество. Наверное, в 23 года оно понятно. Я с каждым днем чувствовал прилив сил, да такой, что голова кругом шла от молодости, которую болезнь пыталась победить...

...Приближался день моего отъезда в Саратов. Я неплохо ходил, правда, еще не мог оставить костыль, но, опираясь на него и на палочку, передвигался достаточно резво. Очень хотелось вернуться в Саратов только с одной палочкой! Но... этого никак не удавалось добиться — мышцы моих ног все еще не были готовы к такому «героизму».

За эти месяцы тренировок я получил три письма от Веры, и каждое вызывало у меня тревогу. Не было в ее письмах прежнего тепла, нежности,

Мы с тобой и тогда не встретились... Я сильно изменился за прошедший год. Хотя... Ну что такое двадцать три года? И все же глаза выдают. Порой трудно спрятать горькую усмешку, как след ережитого. Но я всегда был оптимистом и теперь изменять своим привычкам не буду...

и я был готов сейчас же лететь в Саратов или в Хвалынский, чтобы увидеть, поговорить, спросить ее, что случилось, откуда такой холод.

Не выдержав, я все-таки написал своему приятелю в Саратов, поделился своими тревогами. Он быстро прислал мне примерно такой ответ: *«Слушай, Олег Юрганов! Тебе не надо думать о Вере. Тебе надо думать о том, зачем ты поехал в Краснодар и с чем должен вернуться в Саратов...»* Вот так!

23 августа 1961 года я вернулся в Саратов. На вокзале меня встретила Мария Владимировна и привезла в студенческое общежитие. Никого из ребят там пока не было, ведь до учебного года оставалась еще почти неделя...

...Вера пришла в общежитие увидеться со мной вместе со своей подругой Ниной, которая часто заживала еще на квартиру Капитолины Ивановны, помогая мне готовиться к экзаменам.

Я задремал, и девушки тихо присели у кровати. Наверное, они вскоре решили прийти в другой раз, но я, проснувшись и увидев Веру, едва не задохнулся от радости. Ее волосы выгорели, глаза, казалось, тоже. Смуглолицая, похудевшая, она восторженно смотрела на меня и молчала. Наконец мы поздоровались. Я встал и, желая показать, какой я герой, прошелся даже без костылей и палочки. Девчонки захлопали в ладоши, радостно меня разглядывая.

Вера подошла ко мне, обняв, расцеловала. Мои подозрения мгновенно рассеялись, и волна нежности чуть не свалила меня с ног. Правда, я заметил, что Вера выше меня почти на полголовы, и немного смутился. Не ускользнуло от меня и то, что, когда первые эмоции восторга улеглись и мы заговорили о скором начале учебного года, о студенческом быте, встрече в учебных аудиториях, на лице Веры мелькнула какая-то странная тень. Я заметил это, когда шел к столу взять тетрадь, лежавшую там со вчерашнего дня.

Конечно, я сильно хромал. Запертый сустав позволял двигаться правой ногой вместе с бедром и позвоночником. И внешне казалось, что с каждым шагом правой ноги движется вся правая часть тела. Левая нога была короче на полтора сантиметра, и я на нее припадал. Но я быстро об этих неприятностях забыл. Слишком велика была радость встречи с Верой.

Совсем скоро начались учебные будни: лекции, работа в библиотеке, семинарские занятия. Моя любовь отошла на второй план. Вера жила в общежитии, расположенном далеко от нашего, и мы виделись поначалу редко. Встречались в библиотеке, где однажды я и увидел ее в обществе высоченного, очень загорелого и колоритного мужчины с «нездешним» лицом.

Это был Бранко — эмигрант из Югославии, невесть как оказавшийся в наших краях. Он преподавал итальянский язык в Саратовской консерватории, а на филфаке университета совершенствовал свой русский.

Разница в возрасте между ними была просто вопиющей — 30 лет.

Рядом с ним Вера выглядела ребенком. Я был настолько ошеломлен, что долгое время отказывался верить, что между ними — «отношения». Мой приятель (помнишь, он прислал мне очень лаконичное письмо в Краснодар?) рассказал подробности, и сомнений не оставалось. Мое душевное состояние было тягостным. Я не знал, что мне делать.

...Однажды Вера попросила меня о встрече и мы поговорили. Вся в слезах, Вера призналась, что любит и Бранко, и... меня. Что она пребывает в страшном отчаянии! Не знает, как ей поступить. Рыдая, она непрерывно повторяла: «Прости меня, ради Бога! Помоги мне, прошу тебя... Не отгоняй меня от себя». Позже я узнал, что в тот момент Вера была беременна и готовилась делать аборт. Я и сам был в шоке от ее состояния.

...Я пишу тебе все эти подробности намеренно, стараясь подвести к мысли о любви как чувстве страшно трудном для осознания и понимания. Оказывается, она может походить на тяжелую затяжную болезнь! Особенно трудно, когда ты пришел в нормальную жизнь из крови и боли, из риска все потерять от неосторожного движения скальпеля хирурга или от собственного неистового лихачества, как вызова проклятой судьбе.

Пройдя восстановительный марафон в Краснодаре за вдвое меньший срок, чем было назначено докторами, успев при этом и в глаза смерти посмотреть, и насладиться победой над самим собой, научившись простым, обыденным навыкам: сидеть, стоять, ходить, я не был готов к таким нелепым «сюжетам» в любви и расценил поведение Веры как предательство, с трудом сдерживая тяжкие слова в ее адрес...

Вскоре мы расстались. Все мои мучительные переживания сегодня уже не имеют значения. Я учусь и, может быть, завтра снова столкнусь с очередной проблемой, которую мне придется решать. Такой вот я, видимо, «проблемный человек»...

Тогда мы с тобой так и не встретились... Я сильно изменился за прошедший год. Хотя... Ну что такое 23 года? И все же глаза выдают. Порой трудно спрятать горькую усмешку как след пережитого. Но я всегда был оптимистом и теперь изменять своим привычкам не буду... Прощаюсь с тобой, не знаю, устроит ли тебя то, что я написал.

Пиши, обнимаю. Олег.

* * *

А теперь снова вмешуюсь я... То, о чем писал Олег в 1961 и 1962-м, имело продолжение. Есть возможность убедиться, насколько бывают трудны шаги мужчины по тропам любви. Сколько ушибов и шрамов оставляет в душе человека эта дорога.

Казалось, прошли годы. Притупилось, стало уходить в прошлое пережитое. Но снова и снова Олег попадал в свои лабиринты любви, ощущая горький вкус прошлого опыта, который не хотел его оставлять.

В нашем семейном архиве сохранились письма — продолжение первой части истории жизни Олега. По их мотивам я хотела писать повесть, но когда стала работать над «Автопортретом...», поняла, что никто не сможет рассказать о случившемся лучше самого участника и автора сложных жизненных обстоятельств.

Начну с короткого письма от Николая М., того самого журналиста, который еще в начале 1961 года сумел «разговорить» Олега, убедив его написать свою юношескую биографию.

**Саратов — Минск,
1973 год. Николай — Олегу**

Здравствуй, Олег!

С огромным трудом мне удалось найти твой новый адрес. Спасибо твоим родителям, которые поняли, что я ищу тебя не из любопытства, а из желания работать над книгой о тебе и твоей трудной жизни.

Знаю, знаю! Ты снова скажешь, что время биографий и мемуаров у тебя еще не наступило, но и я повторю в который раз, что ты неправ. Твоя жизнь должна быть известна людям, потому что тысячи попадают в ситуации, аналогичные твоей, и гибнут, так и не попытавшись бороться за себя и свою душу. Вот и теперь я прошу тебя: расскажи, пожалуйста, как сложилась твоя жизнь дальше, после 1962 года?

Не стану продолжать эту записку, главное и так понятно. Николай М., как мне показалось, был прав. Надо рассказывать о жизни человека. Сделает это лучше всего тот, кто ее сам и проживает. А если в этой жизни случились события неординарные, трагические, если эти события подвергли трудному экзамену душу человека, рассказывать об этом необходимо тем более! Я стала союзником Николая М. и настойчиво убеждала мужа продолжить свои письма к «хронологу». Мне удалось... Теперь читатель имеет возможность увидеть продолжение истории, начало которой уже знает...

Минск, 1973 год, декабрь

Дорогой Николай!

Пишу тебе, честно говоря, без особой охоты, следуя чувству долга: обещал, теперь уже Тане, которую неведомо как ты убедил в своей правоте. Во всяком случае, она на меня так насела, что я сдался...

...Ну что ж, продолжу с конца 1962 года. Я учился в университете на филфаке, и дела мои шли очень неплохо. Мучительно переживал разрыв с Верой, которая из университета ушла в академический отпуск. Вскоре я узнал, что он вышла замуж, правда, не за Бранко. Через полгода развелась. Снова вышла замуж и снова развелась. Это было похоже на сумасшествие. Между тем ее отношения с Бранко продолжались.

Меня привлекали студенческие компании, я жил своей жизнью, пока однажды не встретил девушку, которая показалась мне привлекательной. Наверняка я очень устал от своих бесконечных размышлений и хотелось обыкновенного, ясного и очень простого счастья.

Я слышу иногда, как женщины говорят о «простом бабьем счастье». Это когда есть любящий муж, дети, дом. Может быть, мне, человеку с далекими крестьянскими корнями, хотелось такого же, только «мужицкого счастья», в котором одиночество противостоит естественности? Это я так пытаюсь тебе объяснить, почему я быстро откликнулся на едва уловимый интерес ко мне со стороны Лены, выпускницы Саратовского педагогического института, с которой я познакомился на одной из вечеринок.

Мы общались с ней не более двух-трех дней. Бесконечные наши разговоры — уже наступили каникулы у меня, а у нее остались позади госэкзамены — сблизили нас. Жила она в Энгельсе, под Саратовом, с мамой и старой кошкой Кисой, кстати, существом с необыкновенно мерзким нравом. Отец погиб в первые же дни войны, а мама работала в средней школе учительницей русского языка и литературы. Лена, моя новая знакомая, только что окончила романо-германское отделение пединститута. И не просто окончила, а блестяще, с красным дипломом. Похоже, что учиться иначе она просто не могла. Школу, например, окончила с золотой медалью, теперь институт...

Да, была она очень эрудирована. Я, признаюсь откровенно, частенько обнаруживал досадные пробелы в своем гуманитарном образовании. В общем, все складывалось прекрасно. Нам было очень интересно друг с другом, и бесконечные разговоры очень скоро продолжились у нее дома, куда она пригласила меня сразу же после начала летних каникул. До отъезда в Краснодар у меня оставалось два-три дня, и я согласился.

Поздним вечером, после долгих разговоров о поэзии я, поддавшись минутному соблазну, попытался Лену поцеловать, сидя с ней на ночной скамейке у толстой липы, росшей рядом с ее домом. Что на меня нашло, не знаю. Особых чувств к ней я не испытывал, но... Она неожиданно... расплакалась! Всклипнув, сказала мне, что «это...» для нее «...непременный сигнал притязаний мужчины».

Видит Бог, никаких «притязаний» у меня не было! Я просто поцеловал... Однако после ее неожиданных слез я растерялся... Наверное, я все-таки делал «что-то не так»? В тот вечер мы разошлись: она пошла спать домой, а я устроился на летней тахте, которая стояла тут же у толстой липы, в маленьком садике. Потом оказалось, что ее мама не спала всю ночь. Она слышала редкие, украдкой всхлипывания дочери и уже хотела идти к липе, где я устроился, чтобы «серьезно поговорить с молодым человеком», но все-таки решила дожидаться утра.

Утром Лена как ни в чем не бывало весело болтала о всяком-разном,

а я, «сделав выводы», был сдержан, аккуратен в словах и жестах.

К концу дня я уехал на вокзал, сел в поезд и отправился домой в Краснодар. За двое суток, проведенных в доме Лены, я написал три рассказа, которые читал ей вслух и с удовольствием смотрел, как она радуется, слушая меня, как бурно меня хвалит. Тогда я понял, что нас, мужиков, и в голодный год хлебом не корми — вполне достаточно похвалы женщины.

Я оставил свои рассказы Лене вместе со своим краснодарским адресом и уехал в родительский дом «наращивать жирок» для будущего, уже второго учебного года.

Прошло недели три после моего приезда домой, когда я получаю от Лены письмо, в котором она пишет, что ужасно скучает и просит разрешения моих родителей приехать в Краснодар — погостить, увидеться со мной.

Странное простодушие Лены меня ошеломило. Я не считал, что двое или трое суток нашего общения «посеяли» в моей душе нечто такое, что я мог бы назвать привязанностью или чем-то большим. Почти сутки я размышлял над ее письмом, прежде чем пришел к своим родителям...

Что же со мной происходило в тот момент? Впервые я встретил девушку, которая стремилась к общению со мной. Она признается, что очень скучает и хочет встретиться. Мне показалось, что, если я человек порядочный, простое, естественное желание Лены увидеть меня должно быть мною услышано. Наивно ли, глупо, несовременно я рассуждал тогда — кто знает? Однако именно так я и рассуждал, когда решился на разговор с моими родителями.

Мои мать и отец — люди консервативные. Они считают, что отношения юноши и девушки должны развиваться по «традиционному сценарию». «Мне кажется, — внушал мне отец, — ты должен был с ней встречаться не два-три дня, а гораздо большее время. Надо ее получше узнать и дать ей возможность так же хорошо узнать тебя!» «Алик, — нервно теребя фартук, говорила моя матушка, — надо бы узнать, в курсе ли мама этой девушки, что она собирается ехать к парню в гости, в его дом после всего-навсего двух-трех дней общения».

Наверняка и я буду выговаривать своим детям похожие истины в такой ситуации. Но мне шел уже 24-й год! Я продолжал оставаться юным, непорочным существом, для которого женская ласка и девичья нежность были недоступны. Все пережитое с Верой было всего лишь намеком на естественные и страстно мною желанные ощущения и переживания, которых я был лишен. Наверное, это и послужило основанием для моей опрометчивости. Видя, что мои родители в принципе не против этого визита, я послал телеграмму Лене: «Приезжай, жду!» Уже через неделю я знал номер поезда и вагона, а через двое суток встречал ее на краснодарском вокзале.

...Никогда не забуду момент, когда мы стояли на задней площадке

полупустого трамвая, направлявшегося с вокзала к моему дому. Я мучительно боролся с ощущением странной нелепости ситуации, в которую сам добровольно попал. Лена что-то почувствовала. С присущей ей прямоотой спросила: «Ты что это мрачен? Может, я все-таки приехала некстати?» Я поспешно замотал головой. Было стыдно за свою слабость, и только ночью, когда закончился веселый день за столом, умело организованным моими родителями, я успокоился.

В конце концов, ничего страшного не произошло! Приехала девушка, которой я нравлюсь, которая решилась приехать к парню в дом, не испытывая при этом никаких комплексов. Ей можно было даже позавидовать...

Она гостила у нас неделю. Я — живой человек, поэтому не мог равнодушно находиться рядом с девушкой и не прикасаться к ней. Она теперь сама помогала мне и совсем не походила на недоступную барышню из девятнадцатого века. Правда, дальше поцелуев дело не шло. Лена без обиняков сказала: «Я хочу, чтобы ты знал: близость будет, только если мы поженимся». Но я не был к этому готов! Более того, я не желал брака, считая, что еще рано, а может быть... Нет, скорее всего, именно так и было — в глубине души я полагал, что Лена не та, с кем мне хотелось бы связать свою судьбу.

Мы много гуляли по окрестностям и паркам. Было чудесное время — лето, нежаркое и ароматное. Однажды мы уселись на траву и Лена вдруг сказала: «Я хочу тебе откровенно признаться, что люблю тебя, но если ты решишь жениться на мне, я обязана сказать, что... не могу иметь детей».

Сам этот разговор, вернее, тема разговора была настолько ошеломительна для моих чувств и ума, что я долго не мог прийти в себя, пытаюсь осознать «крутые» виражи возникших обстоятельств. Я видел перед собой женщину и не мог вымолвить ни слова. Она спросила: «А ты меня любишь?» Я машинально кивнул. Почему я это сделал, не знаю, но я кивнул. Она под села поближе и сказала: «А детей я не могу иметь потому, что у меня большое сердце. Диагноз скучный и банальный: «порок митрального клапана с преобладанием стеноза». Это случилось после тяжелой ангины, которую я перенесла в тринадцатилетнем возрасте. Теперь, если я забеременею, мое сердце не выдержит нагрузок. Об этом мне сказали врачи. Так что лучше не иметь детей, и тогда можно прожить довольно долго».

Потрясенный услышанным, я попытался успокоить ее: «Знаешь, я не думаю, что ты права. Многие женщины, даже услышав от врачей такой приговор, выходят замуж, рожают... Просто надо поддерживать свой организм, стараться извлечь из него все ресурсы. Ты молода, да и наука не стоит на месте, со временем возможна хорошая операция...» Она молчала, но я увидел в ее глазах благодарность. Эту же благодарность я услышал и в ее голосе. По-моему, это же чувство было в слезах, собравшихся в уголках ее глаз. «Ты — хороший человек, Олег! Спасибо тебе. Такое может сказать

только тот мужчина, который любит...»

Мы вернулись домой. Я попросил Лену подождать в моей комнате, а сам решил поговорить с родителями. Очень осторожно я намекнул, что могу жениться и мне хотелось бы узнать их мнение на этот счет. Отец молчал. Он был чем-то явно смущен, а мать буквально с первых же минут сорвалась: «Ты с ума сошел? На ком ты хочешь жениться, на ней?» Она показала в сторону стенки, за которой находилась моя комната и сидела Лена. «Алик, кончай учебу, получи образование, а там видно будет! Тебе надо присмотреться повнимательней к ней. Не спеши!» Эти слова вполне миролюбиво сказал отец.

Матушка у меня женщина крутая и прямолинейная. Она давно разглядела, что у Лены не все в порядке со здоровьем. Теперь, скорее всего испугавшись моих «радикальных намерений», она подумала, что мне срочно надо открыть глаза на правду. «Ты знаешь, что у нее со здоровьем?» «Знаю... У нее порок сердца». Мать почти торжествуя взмахнула руками: «Хороша пара, нечего сказать: ты — инвалид, а у нее порок сердца... Ты думаешь своей головой, как вы будете жить?»

Не буду пересказывать тебе весь разговор. Должно было пройти почти десять лет, чтобы я осознал, как права была моя мать и насколько глубоко я тогда погряз в прекраснотушии, окунувшись в теплые, как кисель, иллюзии. Тогда, разумеется, я был оскорблен в своих лучших чувствах. Лена казалась мне Золушкой, которую я, принц, должен спасти от чар примитивной и жестокой правды.

В тот же вечер, буквально хлопнув дверью, мы с Леной уехали на вокзал и через двое суток уже предстали пред очи ее матери. Кстати, как мне показалось, ее мать мало чем отличалась от моей. Разве что мягче нравом и образованней. Такие же моральные принципы, как и у моей, тот же нравственный консерватизм, правда, позже я понял, что она в большей степени склонна к компромиссам, чем моя матушка.

Мать Лены с достоинством и завидной выдержкой восприняла сообщение дочери о нашем желании пожениться. Она попросила меня выйти на улицу для разговора. Было заметно, как она волнуется. «Вы понимаете, что вам предстоит, если вы все-таки решитесь на этот брак?»

По-видимому, она в молодости была фантастической красоты, но теперь эта угасшая от тягот жизни и утрат женщина смотрела на меня своими огромными черными глазами почти с мольбой. Точеное лицо уже с бороздами морщин, обрамленное седыми, некогда черными как смоль волосами смутно напоминало мне иконописный образ...

Тщательно подбирая слова, с привычной, наверное, ей как педагогу декламацией мать Лены пыталась внушить мне, что наше решение — ошибка. Я в моем тогдашнем возрасте не был лишен характерной для молодости

категоричности. Что я мог сказать в ответ? Лишь последующая правда нашей с Леной жизни и накопленный опыт неудач за восемь лет супружества подтвердили правоту близких нам с ней людей, ее матери и моих родителей. Но тогда, как говорится, Рубикон был перейден... Мне всегда было жаль эту женщину. Было ей уже лет 55. После гибели мужа в первые же дни войны она посвятила дочери всю свою жизнь, так и не выйдя замуж.

...Я ушел на заочное отделение университета, потому что надо было ехать с Леной в маленькую волжскую деревушку, куда ее распределили после окончания пединститута. Она мечтала об аспирантуре, но пришлось ехать в сельскую местность, даже несмотря на порок сердца.

На следующий день после маленькой «свадебной» вечеринки, устроенной матерью Лены, ее соседями и немногочисленными нашими друзьями, мы отправились в село, где «для скорости» решили в сельсовете зарегистрировать наш брак.

...Переступив порог сельсовета, мы все объяснили секретарю — девушке с озорными глазами. Уже минут через десять я и Лена получили на подпись большую толстую книгу регистрации бракосочетаний.

Все проходило банально и бесконечно пошло. Конечно же, требовались свидетели. Новые школьные коллеги Лены, с которыми она познакомилась полчаса назад, весело выслушав нашу просьбу, тут же согласились подсобить и поставили в той же книге свои подписи. Когда чиновница сельсовета заполняла свидетельство о браке, делала запись этого «акта» в книге регистраций, я вдруг испытал тягостное чувство такой безысходности и драматической нелепости происходящего, что мне неудержимо захотелось... бежать! «Вот бестолочь!» — скажешь ты, наверное, и будешь прав!

Между тем все завершилось: теперь моя фамилия принадлежала не только мне, но и Лене. Так она захотела. С той минуты я и стал ее мужем.

Не берусь давать определение сути словосочетания «чувство долга». Мне проще сказать, что все семь лет жизни с Леной и были следованием моему чувству долга. Я был виноват перед женщиной, которая все годы супружества, начиная с первого же месяца брака, не понимала и не верила, что я эту вину и до сих пор чувствую каждодневно.

Тогда, в дни нашего супружества, моя вина заставила меня неистово действовать. Я решился все-таки разбудить скрытые жизненные резервы в организме жены. Мне казалось, что только ее физическая и духовная самостоятельность способна привести ее жизнь к новому качеству, вызвать в ней независимость от недуга и достоинство!

Прежде всего я убедил ее поступить в аспирантуру и продолжать изыскания по германской поэзии любимого ею XVIII века, которым она увлеклась еще в институте. Она долго отнекивалась, но все-таки решилась. Сдала кандидатские экзамены, стала писать диссертацию.

В то время я работал в организации, где от меня требовалась полная самоотдача. Мне это даже нравилось. Командировки, поезда, гостиницы, усталость давали возможность задуматься о жизни и тех событиях, которые, как говорится, шли по касательной. Тогда-то я и решил, что единственный способ хоть как-то исправить свою ошибку с минимальным ущербом для Лены — сделать карьеру, получить квартиру, попытаться обеспечить ее материально и... развестись.

Вместе с тем я не оставлял надежды убедить Лену с помощью спорта и хирургии дать сердцу новый ресурс. Мною были прочитаны горы литературы о ее болезни, и я стал убеждать жену лечь на операцию по замене митрального клапана.

Московские родственники Лены по материнской линии, наведя справки в клиниках Москвы, тоже пришли к оптимистическому выводу: такое возможно! Статистика усвоения искусственных клапанов сердца улучшается с каждым годом. Все чаще и чаще звучало имя Николая Амосова, знаменитого киевского кардиолога... Однако Лена наотрез отказалась, а я не имел права настаивать.

В 1965 году как гром среди ясного неба — известие о том, что Лена беременна. Она решительно заявляет, что раз уж так получилось, будет рожать. К тому времени я уже имел хорошие связи в Саратове, встал на очередь на получение квартиры, имел неплохую по тем временам зарплату.

Лена легла на сохранение ребенка и для постоянного врачебного надзора за функцией сердца в лучшую в Саратове больницу. Она была под неусыпным наблюдением квалифицированных кардиологов. Прогнозы оказались самыми оптимистическими, и в сентябре родился сын Илья. Мальчик был здоровенький, крупный, и все бы ничего, да вот Лена никак, вопреки настойчивым требованиям врачей, не хотела оставаться в кардиологическом отделении, куда ее положили для стабилизации работы сердца после родовых нагрузок.

«Если бы молодость знала...» Кажется, так начинается известная сентенция. Как важно было, чтобы Лена, тогда молодая двадцатипятилетняя женщина, знала, куда заведет ее каприз, впрочем, вполне естественный и даже извинительный для ее возраста и нового положения мамы. Она хотела быть рядом с сыном, растить его, играть с ним и не понимала, что сердце — орган, который нуждается в особом к себе отношении. Уже спустя три недели после ее возвращения домой я вынужден был через очень влиятельных людей в Саратове и в Москве срочно везти ее в столицу и положить в кардиологическое отделение Боткинской клиники. Мне пришлось оставить ее там, а самому вернуться в Саратов. Надо было работать, помогать ее матери ухаживать за внуком.

Лена пролежала в московской клинике почти месяц. В Саратов она

вернулась в хорошем состоянии и сразу же переступила порог новой квартиры, которую я получил накануне ее приезда.

В общем, все пошло своим чередом: работа, дом, сын, семья. И снова работа, работа, работа. Мои планы оставить Лену немного поутихли, но судьбе было угодно снова и снова пробовать меня на излом.

Еще на самом старте нашей супружеской жизни я рассказал Лене о Вере. Тогда же я честно признался: «Не кори, а постарайся понять меня. Если я снова ее встречу и она будет нуждаться в моей помощи, я не смогу отказать ей, сославшись на брак с тобой. Если Вера позовет меня, я вряд ли выдержу... Может быть, это и болезнь, нелепость, сумасшествие, но это — реальность и я хочу быть честен с тобой».

Мою откровенность Лена восприняла спокойно. Скорее всего, она полагала, что все сказанное — блажь, фантазии.

Однако, представь, эта самая фантазия, тем не менее, стала реальностью, и очень, как оказалось, драматической.

Я забыл тебе написать, что, еще учась в университете, то есть за полгода до встречи с Леной, я бросил костыль и стал ходить только с палочкой. Было трудно, но я сумел приучить ноги и к этому. Однажды, наверное в отчаянии убедить Лену взяться за себя, я сказал, что покажу на собственном примере, насколько велики возможности человека. «Я буду ходить без палочки, а зимой встану на лыжи и пойду в зимний поход наравне со взрослыми здоровыми мужчинами». Она оторопела, но было видно, что не поверила. Моя тренировочная ходьба без палочки проходила очень просто. Около дома матери Лены в Энгельсе, куда мы возвратились через год после деревенской «ссылки», пролегалла прямая улица длиной километра два. Я, бросив костыль, начал со ста метров сразу. О-о-о! Было ужасно тяжело! Но уже через месяц я прошел улицу туда и обратно без палочки! Тренировался я обычно глубоким вечером, чтобы не смущать прохожих счетом шагов, ругательными словами (лексикотерапия!) и заметной хромотой. Лена меня, как правило, не сопровождала. Она спала, не зная о моих тайных вылазках.

Закончилась осень, выпал снег. На зиму мы обычно уезжали из Саратова к ее матери, как на дачу. Там, на свежем воздухе, было хорошо сыну и Лене. Однажды я пригласил жену в лес посмотреть старт зимнего похода, в котором и я принимал участие. Она согласилась и воочию увидела, как я катаюсь на лыжах. Была поражена, но... вскоре забылось и это. Приставать к ней со своими «тренировочными идеями» я не стал. Может быть, я был неправ, да и вообще, каждому — свое!

Лена увлеченно писала диссертацию, а я организовывал для нее в университете на филологическом факультете всевозможные семинары. Я «толкал» ее вперед, к независимости, как мог.

Преодолевать препятствия на пути к полноценной жизни я научился

неплохо, однако Лену не вдохновляли мои усилия. То есть личным примером мужа она не воодушевлялась. Вряд ли ее можно осуждать за это. Диссертация, сын, комфортабельная квартира, заботливая мать-экономка, одновременно — бабушка. Что еще надо? Думать о будущем, тренировать сердце? Конечно, были опасения... Да и зачем прилагать усилия, когда все вроде бы складывалось прекрасно!

К своим 29 годам я стал ощущать подступавшее душевное истощение. То, что давало хлеб насущный, меня уже не привлекало. Я делал свою работу добросовестно, мне неплохо платили, но это меня не радовало. Я почти физически ощущал тесноту тупика, в который загнал себя добровольно, не сумев в свое время найти в себе возможность и силы выскочить из него. Наверное, по закону подлости именно в эти месяцы душевного кризиса случилось то, о чем я предупреждал в давнем разговоре с Леной и чего сам тайно опасался...

...Я встретил Веру на саратовской улице ясным весенним днем 1969 года. Она мельком на меня глянула и, скорее всего, сразу не узнала. Я же ее просто не заметил. Ну прошла мимо какая-то женщина. Почему-то повернулась ко мне. Шли в одном направлении, только я медленно, а женщина с подругой побыстрее. Вот она глянула еще раз на меня. Внимательно всмотрелась, что-то подружке сказала. Замедляет шаги... Ну и что? Успел заметить под глазом женщины синяк. Иду себе дальше, думаю о своем. Женщина останавливается. Я продолжаю идти, на нее не смотрю. Разделяет нас уже шагов пять-шесть, не больше. Она остановилась. Стоит. Приближаюсь к ней, все еще не узнавая. Замечаю, что одета она кое-как, довольно неряшливо причесана. Вижу в ее руке дымящуюся папироску. Ощущение странное: узнаю и не узнаю. Почти приблизился к ней. Вижу, женщина заулыбалась...

Вот только тогда я понял, что это Вера! Когда я, наконец, поравнялся с женщинами, Вера протяжно, как обычно она говорила, произнесла: «Олежек? Боже мой! Не могу поверить. Ты ли это?»

Нас разделяло почти шесть лет. Передо мной стояла худая, потрепанная жизнью, но еще красивая и даже обворожительная женщина. Тяжко заныло сердце. Мы поздоровались. Ее спутница засуетилась, вспомнила про неотложные дела, прыгнула в подошедший троллейбус и уехала. Я предложил Вере сходить ко мне на работу. Здание, куда я мог привести ее и спокойно поговорить, было в двух шагах. Она сразу согласилась.

Зачем я это сделал? Наверняка просто боялся снова потерять ее. «Посмотрим, где ты работаешь и как устроился...» Мы вошли в мой кабинет, и она, устало вздохнув, села в кресло. Силы изменили и мне. Я подошел, обнял ее, прижав к себе. Все выглядело естественно. Она нисколько не удивилась моим чувствам. «Ты еще любишь меня?» — шептала она, целуя. Я отвечал

только одно: «Девочка моя, что с тобой? Боже мой, что с тобой случилось?»

Оказалось, что Вера, оставив своего третьего мужа, уехала в Бурятию работать учительницей в какой-то дальний зулус. То была паника женщины, которая уже понимала, что не сможет связать свою жизнь ни с кем, кроме этого старика Бранко, и решила просто сбежать на край света. Но там она попала в ловушку. Местный лихой тракторист, «ковбой», без лишних разговоров, уже на следующий день после ее приезда, четко и ясно сформулировал свое условие ее безопасности в этом зулусе. Или она выходит за него замуж как положено, с регистрацией и бурятской свадьбой, или он насилует ее и тем самым заставляет жить с ним столько, сколько сам захочет.

Она все-таки выторговала у него на размышление месяц. В Саратов Бранко пошла отчаянные телеграммы о спасении. Тот прислал свой ответ телеграфом: «Друг мой зпт. Это был твой выбор тчк Ничем помочь не могу тчк. Бранко». Оставались варианты: я или ее школьный товарищ, который безнадежно любил ее с первого класса. Моего адреса в Энгельсе она не знала, а краснодарский не сохранился. Разыскивать меня у нее просто не было времени, и она отправила телеграмму своему школьному приятелю в Хвалынский.

Надо отдать ему должное. Он прилетел через два дня самолетом в столицу Бурятии, а через день появился в этом зулусе на рычащем, ощерившемся пулеметами БМП. Ты — военный, знаешь, что это за «автомобиль». Оказывается, парень демобилизовался два года назад из десантных войск, был знаменитым военным спортсменом в годы службы в армии. Теперь ему охотно помогли ребята из расквартированной в Бурятии воздушно-десантной дивизии.

...Вера вернулась домой, в Хвалынский, и стала работать учительницей русского языка и литературы в местном детском доме, который возглавляла ее мать. За своего спасителя она вышла замуж сразу же по возвращении из Бурятии. Год прожили мирно. У Володи, так звали ее мужа, была работа, связанная с командировками, и он подолгу отсутствовал. Вера очень скоро поняла, что жить со своим спасителем не сможет, но боялась гнева матери и осуждения окружающих.

Но любовь бывает злой... Только муж за порог, Вера под каким-нибудь предлогом едет в Саратов и там встречается с... Бранко. Он принял советское гражданство и остался жить в этом волжском городе. Его жена стоически терпела связь с Верой, а дети, похоже, мало что пока знали.

Однажды, вернувшись домой, Володя жену не застал. Мать Веры, стараясь не обострять ситуацию, сказала, что у дочери семинар в Саратове в институте повышения квалификации учителей. Володя приехал в Саратов и нашел Веру у одной из ее подруг в обществе Бранко. Он там же избил Веру, досталось и Бранко... В общем, в Хвалынский он на другое утро явился без

жены. Вера позвонила матери и сказала, что домой не вернется, останется в Саратове. Спустя месяц Володя тоже поселился в Саратове и быстро нашел там работу. Он уже «сорвался с петель». Каждую субботу приходил к Вере на квартиру, выламывал дверь, вытаскивал женщину за волосы, избивал и бросал у порога. После такой вот «эзекуции» я ее и встретил на улице с лиловым «фингалом» под глазом.

...Передо мной сидела несчастная, запутавшаяся женщина, которой надо было помочь.

Вечером того же дня, когда мы случайно встретились, Вера пригласила меня в дом, где она снимала угол еще с двумя молодыми студентками из пединститута. Здесь увидел в ней что-то новое. Она выглядела заметно вульгарней. Яркая губная помада, курение, лихо опрокинутая рюмка... Это вызвало у меня оторопь, но я готов был понять, что это результат той бестолковой жизни, которая закрутила ее после окончания университета и ее многочисленных бракоразводных «экспериментов». Познакомился с девушками, что делили кров с Верой, сидим, тихо беседуем.

...В окно постучали громко и настойчиво. Мужской голос крикнул: «Верка! Выходи, ты должна получить свое!» Я открыл дверь и вышел на порог. Передо мной стоял коренастый, очень крепко сбитый парень. Это и был Володя, муж Веры. Его я видел впервые, хотя она мне о нем рассказывала еще до нашего с ней расставания. Меня Володя узнал сразу. Оказывается, в самые светлые наши годы девушка рассказывала ему обо мне, показывала фотографии, письма, вырезки из газет. «Олег? Вот не думал, что встречу тебя сейчас здесь». Он пошатывался. Было видно, что пьян парень крепко. Едва держится на ногах...

В тот вечер Лена, ее мать и сын были в Энгельсе, в квартире тещи. Я поймал машину и отвез Володю к себе, положил спать. Он не сопротивлялся. Оставив его в своей саратовской квартире, я снова вернулся к Вере, и мы проговорили на скамье у ее дома до утра. Странно, да? Но я был ужасно счастлив и целовал ее как безумный. Однако надо было уходить, и я вернулся в свою квартиру, к Володе. Было уже семь утра. Тишина и утренняя прохлада помогли нам спокойно поговорить.

«Ты, Олег, так и не понял, с кем имеешь дело... Вера не задумываясь перешагнет через тебя, если это будет в ее интересах. Наверняка ты уже знаешь, что случилось в Бурятии... Простить себе не могу, что спас ее от этого «хана»-тракториста. Она может жить только под железной пятой, под страхом смерти, перед лицом ужаса уничтожения». Володя говорил спокойно, размеренно. Было видно, что из его души медленно вытекает яд, в сущности, уже не опасный ни для кого. Глаза были полны тяжкой горечи. «Я больше не буду ее преследовать и вообще уеду в Хвалынск...» — сказал он, уходя.

Мы расстались, а дня через два Вера позвонила мне на работу и каким-то чужим голосом сообщила, что Володя вчера ночью опять пришел пьяный и жестоко избил ее.

Я понял, что надо принимать какие-то меры, пока Володя не изуродовал Веру или не убил ее. Буквально за три дня при моем содействии был оформлен их развод. Володя не унимался! Однако милиция не собиралась выставлять патруль у ее квартиры, ловить Володю, сажать его за хулиганство. Пришлось мне самому позаботиться о ее безопасности...

...Когда схлынули трудные дни суматохи с Володей, Вера немного отошла от страха, побоев и через месяц спокойной жизни буквально расцвела. Однажды, в самом начале ноября, она позвонила мне на работу и попросила срочно приехать к ней на квартиру. Взяв машину, я быстро приехал и отпустил шофера.

То, что я увидел, поразило меня. В комнате, где жила Вера с подругами, был страшный кавардак. На пороге, у распахнутой двери, стоял, пошатываясь, молодой парень в шляпе набекрень и в расстегнутом плаще. Вера, очень бледная, заплетающимся языком представила его: «Это — мой брат, Миша. Он приехал сегодня из Кишинева, привез коньяк, ну мы тут и дерябнули». Она повернулась к брату, а тот с глупой улыбкой кивал в такт ее словам и все пытался удержать чемодан, который выскальзывал из его пальцев, испачканных чем-то красным. Я услышал сигнал такси, которое он, оказывается, вызвал. Вера чмокнула его в щеку, мужчина сделал какое-то неопределенное движение рукой в мою сторону и, стараясь не упасть, вышел за калитку, сел в машину и укатил.

Почему я сразу тогда не ушел? Почему не плюнул на весь этот вонючий разор, полуодетых, валявшихся на диване в пьяном сне девок и Веру, рухнувшую на пол в жутких конвульсиях рвоты? Почему? Этот вопрос преследует меня по сию пору. После отъезда Миши, войдя в квартиру, я увидел Веру, скрючившуюся на полу и дергающуюся в судорогах. Ее рвало с таким остервенением, что можно было даже заподозрить, что женщина умирает. Две другие девушки, едва прикрытые одним пледом, лежали, раскинув ноги, полураздетые, на широкой тахте.

Все-таки я — крепкий мужик! Иначе откуда взялись душевные силы в ту невероятно грязную и пакостную минуту моей жизни? Я наполнил ведро холодной водой и вылил ее на Веру, валящуюся на полу в блевотине. Это привело ее в чувство. Но двинуться с места у нее не было никаких сил. Отодвинув ее на чистое место в комнате, я снял с нее всю испачканную одежду и обмыл. Вера была без сознания. Я положил ее на свободную тахту и, найдя в шкафу большой махровый халат, собрался надеть его на омытое обнаженное ее тело. И тут я замер...

Передо мной лежала распластанная и беспомощная женщина, и

все вокруг померкло для меня. Была только телесная красота, только что отмытая мной от грязи и снова сиявшая, манящая своим неудержимым порочным соблазном. Но повторю еще раз: я — крепкий мужик. Натянув на нее халат, завернув в одеяло, я уложил Веру отсыпаться. Потом тщательно вымыл пол, проветрил комнату, запер дверь и... вернулся к себе на работу.

Все случилось часа в три дня. В этот же дом я возвратился часов уже в девять или десять вечера.

Когда я вошел, Вера и девушки сидели нахохлившись. Подруги-студентки временами всхлипывали, громко о чем-то спорили, а Вера, уже отдохнувшая, причесанная, молча выслушивала их упреки и чувствовала себя, это было заметно, ужасно подавленной. Она курила сигарету за сигаретой.

Квартирантки Таня и Тамара стали громко, со слезами жаловаться мне на жуткие вещи, случившиеся с ними. «Он напоил нас и обеих изнасиловал. Мы были девчонками, он надругался над нами...» Тогда, в момент уборки этого «вертепа», я был настолько занят Верой, что лишь на мгновение, когда наткнулся на странные подробности, мне в голову пришла такая же мысль. Теперь картина случившегося стала для меня совершенно очевидной.

Вера попросила меня выйти на улицу. Мы сели на «нашу» скамейку. «Миша — хороший парень. Я не знаю, что на него нашло! Теперь они, — Вера презрительно мотнула головой в сторону дома, — требуют, чтобы я с ними поехала домой, в Хвалынский. Они жаждут крови, хотят устроить скандал на весь город». Вера тяжело вздохнула. Я чувствовал, как во мне закипает гнев. После всего, что я увидел и услышал, я не мог понять, откуда у нее такая странная ирония. Девушки пострадали от вероломства ее брата — взрослого мужчины, женатого человека, отца пятилетнего ребенка. «Да, они не заслуживают никакого уважения за то, что бросились на халявный коньяк, напились до одури... Но ты же виновна в случившемся не меньше, чем твой брат!» Вера молчала, закрыв ладонями лицо...

Буквально назавтра, в воскресенье, были куплены билеты, и девушки, решительно настроенные устроить семье Веры, ей самой и ее брату головомойку, направились на речной вокзал. Вера уговорила меня плыть с ними, и я согласился.

Все, что случилось потом, — вообще за пределами понимания. Я уверен, что, читая продолжение моей исповеди, ты будешь снова и снова спрашивать меня, как такое могло случиться? Нет, даже не пытайся найти в происшедшем хоть каплю здравого смысла. Я сам ничего не понимаю...

В общем, плывем... Мелькают за бортом городки и поселки, во множестве разбросанные по обоим берегам Волги. И тут Вера зовет меня на нижнюю палубу. Там темно и безлюдно, только слышен шум двигателей. Ее огромные глаза полны слез. Она стала безумно меня целовать и умолять сделать хоть что-нибудь, чтобы предотвратить приезд этих девушек в Хва-

лынский. Она готова была на все, только бы они не приплыли в городок, ведь саму ее и мать ждал страшный позор!

Я пообещал сделать все возможное и пошел в пассажирский отсек, где Таня и Тамара ждали конца путешествия. Я подошел к девушкам и без предисловий, жестко сказал: «Ваше появление в Хвалынске бессмысленно. Вы ничего не докажете, а, устроив скандал, сразу попадете в разряд хулиганок и пьянчужек. То, что Миша лишил вас девственности, доказать не удастся. Если бы вы в тот же вечер сделали экспертизу, составили протокол, вы хотя бы эту бумажку могли сунуть его жене и тете. Тогда бы вы могли на что-то рассчитывать. Мой совет: на первой же остановке вы сходите на берег, покупаете обратные билеты. Вот вам деньги. Если вы меня не послушаете, вам придется стать героями позорной журнальной публикации, это я вам обещаю!»

Они безропотно сошли и отправились назад, в Саратов. Вера была счастлива. Боже мой! Как все перевернулось в моей голове и чувствах. Я смотрел в ее счастливые глаза, и для меня не было никого прекрасней этой женщины... Но, в сущности, какой нелепостью оказались эти радости...

Наконец мы приплыли в Хвалынский. Мне предстояло познакомиться с ее матерью, которая давно знала меня по рассказам Веры, но видела впервые.

Дом, где родилась Вера, был большим добротным двухэтажным особняком с просторным чердаком. Уже идя от пристани к дому, который располагался на улице Красноармейской, Вера застенчиво попросила меня не брать ее за руку, не приближаться слишком близко. Понимая, что этим она ранит мое самолюбие, Вера, все так же кротко опустив глаза, сказала: «Я намозолила всем глаза со своим Бранко. Потом трижды приезжала с моими тремя мужьями. Давай пощадим нервы обывателей».

Мы прошли через калитку на просторный двор. Навстречу нам двигалась высокая, статная женщина с властным лицом. Это была Верина мама. Подойдя к дочери, она нежно ее расцеловала и вопросительно посмотрела на меня. «Это Олег Юрганов, мама», — сказала Вера, и я приветливо кивнул. «Я столько слышала о вас, Олег», — сказала женщина удивительно красивым, мелодичным голосом. Я смотрел на нее и искал сходство с Верой. У нее были такие же пышные русые волосы, такие же зелено-серые глаза, чуть припухлый нос...

Уселись мы на просторной веранде за стол, который был уже накрыт явно к нашему приезду. На одной из остановок, избавившись от «подруг», Вера позвонила домой и предупредила о своем приезде. Брата Веры за столом не было. Мать несколько раз спросила женщину с мальчиком лет пяти, наверное, невестку: «А где же Миша, где он бродит? Гости наверняка проголодались!» Та молча пожимала плечами, мол, не хочет — не надо. Пришли соседи. Вера оживленно рассказывала им о том, как она помогала

мне готовиться к экзаменам и какой я молодец, сдал их успешно и теперь учусь в университете. Правда, я тогда уже не учился. Торчал в академическом отпуске уже второй год — работа никак не давала завершить образование. О моем браке и ребенке она тоже умалчивала.

После ужина я попросил Веру показать мне, где мог спрятаться Миша. Я не собирался бить ему морду. Но поговорить с мерзавцем по душам хотелось. Знаешь, бывает так: видишь пакостника в деле, но помешать не можешь. Знаешь, что от наказания этот негодяй ускользнул, но если тебе представляется возможность заглянуть ему в глаза, отхлестать бранным словом, избежать такого соблазна невозможно!

Узнав, что он сидит на чердаке, я тут же туда поднялся и в полумраке заметил Михаила, затравленно глядевшего на меня. Он еще не знал, что я приехал без жертв его насилия, и ждал худшего. Первое, что он спросил: «Они тоже приехали?» Я промолчал.

Передо мной сидел обычный мужичок. Расстегнутая рубашка, поверх наброшен ватник, на голове какая-то задрипанная кепка, в зубах папироска. На столике, прибитом к толстой чердачной балке, бутылка водки, тарелка с надкушенным соленым огурцом, куском сала и горбушкой черного хлеба...

Я нащупал ножку от разбитой табуретки, зажал ее в руке и, размахнувшись, с силой ударил мерзавца. Он успел закрыть лицо, и удар пришелся по локтю. Спрятав лицо, он беззвучно заплакал. Потом быстро-быстро зашептал: «Ты можешь меня убить, можешь искалечить, можешь сказать все жене, тете Жене (так звали Верину маму), я все стерплю...» Он умолк, сбросил ватник, закасал рукав рубахи и вытер кровь на разбитом локте. Плеснув водки в ладонь, приложил к ране. Я молча наблюдал за ним. Было ужасно противно...

Наконец он поднял глаза и улыбнулся какой-то странной блудливой улыбочкой человека, которому кое-что известно обо мне... Причем такое!.. «Не хорохорься, Олег! Тебе надо будет еще доказать, что не ты это сделал». Признаться, я обалдел от услышанного. Снова схватил деревяшку и в ярости замахнулся. Он закричал: «Да! Да! Да! Доказывай им теперь, что это я, а не ты сделал. Они-то, эти девки, напились вусмерть на халяву, но я-то уехал раньше, чем они свалились в отключке! Ты же остался!»

...Я спустился с чердака без сил. Вера с тревогой смотрела на меня. Она догадывалась, какой у нас состоялся разговор, и потянула меня к выходу из дома.

«Что случилось?» Голос ее дрожал. «Этот негодяй пригрозил мне, что, если они начнут искать правду в суде, мне придется доказывать, что насиловал не я!» Я негодовал. Вера, услышав зов матери, быстро сказала: «Нам сейчас необходимо отдохнуть, все-таки ехали пять часов. Давай успокоимся!»

...Вернулись мы с Верой в Саратов уже глубокой ночью. Я поймал такси для себя и для Веры. Она возвращалась в дом, где уже спали Таня и Тамара. А может быть, как раз и не спали, а ждали Веру. Я — в свой дом на улице Чернышевского...

Вера позвонила мне домой на завтра в девять вечера, попросила о встрече. Через полчаса она сидела у меня в квартире. В тот день Лена с сыном, воспользовавшись неожиданным теплым днем погожего бабьего лета, уехали в Энгельс.

«Я не могу больше жить с этими девочками», — сказала Вера. Выпив залпом целый стакан воды, она, обхватив ладонями лицо, разрыдалась искренне и громко, по-бабьи причитая. «Я — преступница! Ты должен меня уничтожить, презирать. Убить меня мало!» Я пытался успокоить ее. Она прильнула ко мне и простонала: «Я — ужасная женщина!» Я ничего не понимал, предположив, что причина слез — едва не случившийся с ней и ее семьей позор, которого она избежала с моей помощью.

Наконец она вытерла слезы, перевела дыхание, посмотрела на меня и сказала почти шепотом: «Я сказала им, что все это сделал не Миша, а... ты!» Почему-то она тут же отодвинулась от меня. Я тоже непонятно почему встал и пересел на стул, стоявший напротив дивана.

Конечно, я ничего не понимал. Спросил в недоумении: «А что я сделал?» «То, что сделал Миша», — ответила Вера и снова закрыла лицо ладонями. Я все еще мучительно соображал. То есть я знал, что именно сделал Миша, но никак не мог понять, при чем тут я?

«Когда я приехала вчера ночью, Таня и Тамара не спали. И начали кричать, что если они не приехали в Хвалынский, это не значит, что все так и оставят, грозили, что завтра же, то есть сегодня, пойдут в милицию и все там расскажут. Ну что мне было делать? Я знаю, что эти сучки так и сделают! Напишут заявление, начнутся разбирательства, появятся в Хвалынске следователи, начнутся разговоры. Мама не выдержит этого позора. Ведь Мишка для нее как сын! Она его вырастила и теперь в ответе за его проделки. Мишке что? Он дня через три снова поедет в Молдавию. Там у него работа. Заберет жену, сына и уедет! А мама? Как она все это переживет?»

Вера захлебывалась слезами, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться в крик, истерику. Я не выдержал: «Ладно, ладно! Про маму понятно, а я тут при чем?» Вера посмотрела на меня молча и горестно покачала головой: «Ты-то ни при чем! Это я тебя сделала «при чем». Я сказала Тане и Тамаре, что их изнасиловал не Миша, а ты!»

Прошло уже десять лет с той поры, когда поздним вечером я сидел напротив этой женщины, которую бесконечно любил, и слушал слова, которые по силе и жуткой своей убийственности могли сравниться с отрав-

ленными пулями, впивавшимися в мои тело и душу. «Как же ты могла такое сказать?» — я шептал эти слова в каком-то отупении, почти непрерывно. Вера спустилась с дивана на пол, обняла мои ноги и умоляла простить ее. «Ты сможешь заткнуть им рот. Тебя они побоятся. Они не посмеют никуда идти, зная, что ты сумеешь сделать так, что их отправят в деревню, откуда они приехали. Они страшно боятся тебя, а еще больше боятся с позором быть выгнанными из института!»

Повторюсь: событие случилось десять лет назад. Тогда, в тот действительно роковой для меня вечер, я был не таким, как сейчас. Я был другим...

Встал, обошел Веру, которая все еще стояла на коленях, прошел на кухню, открыл шкаф, где стояла бутылка «Перцовки». Налил почти полный стакан и выпил. Затем машинально задернул на кухонном окне занавеску, открыл холодильник, достал кусок колбасы, нарезал ее, сел к столу и снова налил стакан водки. В голове непрерывно звучали слова Веры о том, что «сделал это не он, а ты». Теперь уже никакой ярости не было. Никакой обиды. Никакого гнева. Только бесконечная растерянность...

...Она вошла в кухню и просто сказала: «И я хочу выпить и поесть!» Быстро, почти залпом выпила водку и тут же налила еще полстакана. Я ничего не замечал. Проходя в комнату, я наткнулся на большую спортивную сумку, лежавшую в прихожей. Спросил: «Что это?» — «Это?» — Вера встала из-за стола и пошла на мой голос. Увидев сумку, сказала уже слегка заплетающимся языком: «Это моя сумка. Я все свое ношу с собой. Мне некуда деваться...» Она вернулась в комнату, свернулась калачиком на диване и тут же уснула.

Всю ночь я просидел на кухне, не замечая, что сижу уже который час на табуретке и то ли сплю, то ли бодрствую. Было гадко на душе и больно за судьбу любимой женщины, которая долгие годы не исчезала из моих чувств и памяти. Да, она жила «там» своей жизнью, а моя судьба никак не хотела сворачивать в сторону от линии жизни этой женщины. Именно не хотела, потому что едва наши тропы пересекались, как моя судьба тут же наполнялась событиями, в которых Вера занимала главенствующее положение... Почему так происходило?..

Я так и уснул на кухне, сидя. Утром я ее не обнаружил: Вера исчезла. Я быстро собрался и уехал в Энгельс. Была середина ноября. Осень в ту пору оказалась на редкость теплой, и я решил провести воскресенье с семьей. После завтрака мы с Леной вышли погулять и, не вдаваясь в подробности, я рассказал ей о появлении Веры. Просто описал отношения ее с мужем, развод, нашу поездку в Хвалынский (якобы чтобы познакомиться с ее матерью, которая давно Веру просила об этом), сказал, что Вера потеряла жилье и работу. «Я не знаю, как она живет, — заключил я, — но для меня ясно одно: если в дверь нашей квартиры постучит эта женщина и будет просить о по-

мощи, как я однажды тебе уже сказал, отказать я не смогу!»

Тебе, конечно, покажется непостижимым все сказанное Лене... Правда? Буквально часы отделяли мои слова от тех жутких признаний, которые сделала Вера в моей квартире. Но из песни слов не выкинешь...

Лена сочувственно кивнула и надолго умолкла. Так же молча мы вернулись в дом матери и сразу засобирались в Саратов, а через час, глубоким вечером, уже сидели перед телевизором в своей квартире. Именно в это время в дверь постучали. Открыла Лена. На пороге стояла Вера, которую она никогда не видела. Однако интуиция подсказала ей, что это именно та женщина, о которой мы совсем недавно говорили. Лена позвала меня. Я прошел в прихожую. Увидел Веру. Она стояла помятая, простоволосая, в стоптанной обуви на босу ногу, в старом, заляпанном желтой грязью пальто...

...Она долго мылась под душем. В это время я говорил Лене и ее матери: «Я предупреждал вас, что эта женщина мне очень дорога. Я был ей очень многим обязан, и теперь, когда у нее нет ни куска хлеба, ни крыши над головой, мой долг предоставить ей ночлег и стол. Вы можете меня осуждать, корить, возмущаться, но предупреждаю: это бессмысленно. Она будет спать в комнате вместе с вами и сыном, а я устроюсь на кухне. Выделите ей место и в одежном шкафу».

...Вера вышла из душевой распаренная и домашняя. Обняв Лену, поблагодарила ее, взяла на руки никак не засыпавшего Илюшу, что-то сказала ему нежное, и через минуту малыш уже спал. Для гостей разложили кресло-кровать, постелили свежее белье, и уже через десять минут из комнаты в кухню, где начал укладываться и я, доносилось мирное посапывание уснувших женщин и нашего малыша.

Именно в этот напряженный период стал сдавать мой организм. Левая нога болела невыносимо, я почти не мог ходить. А еще через две недели безуспешных попыток встать на ноги почувствовал припухлость в левой ягодице. Тогда же у меня случился серьезный конфликт с начальством и работу я потерял. Но об этом уже не думалось. Надо было снова «ремонтровать» ноги, и я лег в загородную клинику.

...Мне предоставили отдельную палату, и я решил готовиться к сдаче экстерном 20 экзаменов, зачетов, кучи курсовых работ, то есть всех задолженностей в университетском курсе, которые накопились за три года. Академический отпуск закончился. Пора было думать о завершении моего высшего образования...

Лена физически не могла взять на себя все хлопоты по организации экзаменов, доставанию учебников, приезду преподавателей в больницу. Не знаю, угнетало ее это обстоятельство или нет, но она не возражала, что все заботы обо мне взяла на себя Вера. Та продолжала жить в моей семье, и, как ни странно может показаться, женщины быстро сдружились.

В тот же период, когда я лежал в больнице, у Лены был сравнительно хороший тонус жизни. Она с увлечением писала диссертацию и уже весной должна была представить первый вариант на ученый совет филфака университета. Наши супружеские отношения прекратились почти полтора года назад, когда я был предупрежден врачом: «Помните, что секс для вашей жены равносителен смерти!»

Находясь в клинике, я сдал почти все зачеты и экзамены, а вернувшись домой, заметил, что атмосфера в моей семье в присутствии Веры удивительно доброжелательная и теплая. Мудрая мать Лены, похоже, все понимала, и сложившаяся ситуация ее уже не угнетала. Вера не работала, занимаясь домом, маленьким Илюшей, ухаживала за мной, организуя мне подготовку к экзаменам, собирая по моим планам и методикам материал к моей дипломной работе.

Не скрою, отлежавшись в клинике, избегнув открытия процесса, отменно отдохнув, я уже не мог спокойно смотреть на Веру. Как бы ни был я загружен экзаменами и как бы ни тревожился по поводу сдачи последнего госэкзамена, как бы ни был увлечен дипломной работой, я ловил каждый ее взгляд, каждое тайное прикосновение ко мне, каждый вопрос и звук ее голоса, а тайный поцелуй казался верхом блаженства...

Вера продолжала жить в общей комнате с Леной, сыном, моей тещей, а я располагался на кухне. Я неистово готовился к труднейшему экзамену и заметно нервничал, боясь провала. От Веры я узнал имя преподавателя, который будет принимать у меня госэкзамен. Оказалось, что я ее немного знаю. Это была руководительница дипломной работы Лены, когда та училась в пединституте. Перейдя на работу в университет, педагог, профессор, кстати, очень милая женщина, через месяц должна была прийти ко мне домой, чтобы принять у меня госэкзамен.

Я попытался уговорить Лену замолвить за меня словечко, а может быть, и самой привести профессора к нам в дом на экзамен. Но жена без обиняков заявила, что делать этого не будет, потому что очень уважает этого педагога, а главное, дорожит своей репутацией. Она, по-видимому, считала, что я вряд ли успею хорошо подготовиться к экзамену и, сморозив какую-то глупость, подорву ее, Лены, репутацию. Я добродушно обещал, что готовиться буду изо всех сил, но она была непреклонна.

Вера сама встретила с этой преподавательницей, договорилась и привела ее в наш дом. Я сдал экзамен, услышав в свой адрес от профессорши кучу комплиментов. Лена сидела на кухне и все слышала. Правда, перед приходом преподавателя она вышла к соседке, чтобы ненароком не встретиться с профессором, будучи уверенной, что ей предстоит увидеть постыдную сцену моего провала. Во время экзамена она, незаметно вернувшись, прошла на кухню и слышала, что все обернулось иначе. Теперь она появилась в комнате,

и педагог приветливо констатировала, что Лена — жена Олега Юрганова! Такого «мужественного человека», только что отлично сдавшего трудный экзамен. Пожелав мне успешной защиты дипломной работы и собираясь уходить, она с некоторым удивлением посмотрела на Веру. Та быстро удалилась на кухню, а Лена, оживленно переговариваясь, проводила гостью к дверям...

Я могу сказать теперь определенно, что ни Лена, ни Вера не испытывали ко мне чувств, которые, не рискуя ошибиться, можно было бы назвать любовью. Много позже, уже после развода со мной, Лена признается, что никогда меня не любила. Скорее всего, так оно и было. Теперь уже не важно, чем она мотивировала желание стать моей супругой. Но именно в те дни обе женщины, не любя меня, каждая по-своему понимала: я нужен был им на тот момент их жизненных обстоятельств. Да, был нужен! Даже по-своему дорог! Я оказался тем мужчиной, который сделал для каждой из них достаточно много. Влекла их ко мне не страсть, не привязанность, даже не дружеские чувства, а сила банальной зависимости, которую ни та, ни другая в то время не могли игнорировать. Разумеется, и я тоже в то время зависел от них! В этой взаимной зависимости, тесно связавшей судьбы разных по внутреннему складу и чувствам людей, все же находилось место и уважению, и даже сочувствию.

Между тем, сломленный усталостью и болью, я нередко обнаруживал в этих женщинах, так не похожих друг на друга, странное превосходство надо мной. Однако день за днем их превосходство меркло перед моим упрямым, неугомонным стремлением к духовному и физическому восстановлению.

Каждая из этих женщин стремилась к своим целям. О намерениях Лены я знал определенно и даже помогал осуществить их. Ей хотелось уюта, благополучия, моего успеха, новой моей работы ради поддержания относительно устойчивого баланса жизни, который продолжался даже в такой неординарной ситуации, в которой она оказалась.

А чего хотела Вера? Я мало что знал о ее желаниях в эти трудные месяцы. После успешно защищенного мною диплома и окончания университета мне стало ясно многое...

Через три месяца после того, как Вера поселилась в моем доме, между нами установились такие ровные отношения, что я не выдержал и однажды, по-видимому, следуя каким-то неведомым мне тогда и опьяняющим иллюзиям, предложил ей «руку и сердце». Она, не раздумывая, согласилась. Тогда же сразу у меня состоялся разговор и с женой. Конечно, разразился скандал. Лена уехала жить в Энгельс к матери, которая все эти годы, а тем более во время хлопот Веры о завершении мною образования, понимала, что рано или поздно развод неизбежен. Конфликт с Леной меня не пугал. Я был уверен, что жена поймет: жить иллюзиями дальше уже невозможно.

...Я даже начал хлопоты о разводе. Однако за свою наивность был

отменно наказан! Как выяснилось чуть позже, когда я был в клинике, Вера снова стала встречаться с Бранко. Когда я вернулся из больницы и Вера начала помогать мне собирать материал для моей дипломной работы в Саратовском ТЮЗе, их встречи прекратились. Но Бранко всегда знал, что происходит с Верой и где она живет. Он сильно сдал за прошедшие восемь лет. Все-таки шел ему уже шестьдесят первый год...

...Однажды Вера не пришла ночевать. Я затревожился и стал обзванивать ее подруг и знакомых. Одна из них, особа прямолинейная и даже циничная, на мой вопрос о Вере без лишних предисловий выпалила: «Успокойся! Она с Бранко, в его доме! Его жена забрала детей и уехала. Надолго ли?» Ее откровенность была понятна. Лариса, так ее звали, давно уже не одобряла двойной жизни Веры и не раз пыталась убедить меня вырвать ее из сердца. «Олег, ты живешь дурацкими и абсолютно несбыточными мечтами! Вера больна этим стариком, как, наверное, и ты ею! Тебе никогда с нею не быть. Посмотри, наконец, правде в глаза!»

Я провел бессонную ночь, а утром в дверь постучали. Вошла Вера, смущенная, но с тем чувством собственной независимости, которое у людей безнравственных очень часто переходит в откровенное хамство. В этот день Илюша приболел и Лена приехала, чтобы сходить с ним в саратовскую поликлинику. Так случилось, что сдержаться я не смог и она наш разговор услышала. Спрашиваю Веру уже «на взводе»:

— Где ты была всю ночь?

— Я не обязана перед тобой отчитываться!

Я едва сдерживал себя. Именно в такие минуты происходят трагедии. Я теперь знаю это определенно. По счастью, я сумел взять себя в руки. Преодолев гнев, я оделся и со словами: «Через час я вернусь в свой дом и хочу одного, чтобы тебя здесь больше не было!» — выскочил из квартиры.

Вернулся я поздно вечером. Лена тихо спала рядом с Ильей. Верино кресло-кровать было сложено. С той поры я никогда больше ее не видел...

Наступил новый, 1970 год. Случившееся со мной Лена, как человек прагматичный, поняла по-своему: до развода не дошло — и хорошо! Против такой «эволюции» событий я тоже возражать не стал и нашел работу в крупном оборонном институте...

...Однажды я увидел в газете объявление о предлагаемом размене квартир в Минске на Саратов. Сообщил об этом жене и ее матери. Я знал, что она родом из Гомеля, и начал уговаривать поехать со мной в Минск и посмотреть своими глазами предлагаемую квартиру для обмена, а если удастся — поехать в Гомель, увидеть родные края. Кстати, там же появилась на свет и Лена. По-видимому, по этим причинам моя идея размена и возникшая перспектива оказаться поближе к родным местам им обеим понравилась. 16 января 1970 года мы приехали в Минск.

Прости, я забежал вперед! Еще до моего с тещей отъезда в Белоруссию произошли события, которые прямо повлияли на мою судьбу в... Минске, где, как ты знаешь, я теперь и живу.

...Однажды мне позвонил мой саратовский друг Миша Чернышев и попросил прийти. Ему хотелось познакомить меня с двумя московскими поэтами, которых неведомым ветром занесло в Саратов. Так я познакомился с Львом Щ. и Натальей Т. Ему было сорок пять, ей — двадцать один год. Высокий, колоритный, с окладистой бородой, Лев внешне напоминал старобрядца. Его подруга была хороша собой, очень бойкая и, по-видимому, действительно талантливая поэтесса.

С ними было приятно общаться, и я, как мог, помогал этой странной паре немного заработать денег, организуя по Саратову и округе их поэтические выступления. Лев — москвич. Он давно развелся с женой и частенько удалялся в провинциальную Россию на «поэтические семинары», как называл он свои поездки на заработки. Дурацкая, скажу тебе, жизнь: ни кола ни двора! К нему присоединилась Наталья, юная минчанка, появившаяся в Москве с единственной целью — показать свои стихи каким-нибудь известным поэтам и, может быть, опубликоваться в столичных литературных журналах. В редакции одного из таких журналов они и познакомились. Лев собирался на очередную «гастроль» и предложил Наталье составить ему компанию. Та согласилась.

Я с недоумением разглядывал эту пару, причем совсем близко, потому что временно приютил их у себя в доме. Попытка Льва опубликовать стихи в саратовском журнале «Волга» привела к стычке с местными поэтами, которые к «чужакам» относились с недоверием и подозрительностью. Собирать аудитории для «столичных поэтов» мне становилось все труднее. Жизнь наша усложнялась, а поэты частенько неосторожно фрондировали. А тут еще обнаружилось, что у Льва был просрочен паспорт, так что «молодые поэты» очень скоро оказались в тупиковой ситуации и мне пришлось даже их содержать.

В те недели я уже «бредил» разменом своей квартиры, затеял с Минском переписку. Однажды, случайно разглядев обратный адрес на конверте из Минска, Наташа, которая родилась в этом городе и жила 20 лет до того, как отправилась в погоню за удачей в Москву, радостно воскликнула: «Это же прямо напротив нашего дома!»

Было заметно, что девчонка уже явно устала от неустроенной жизни. Ей хотелось домой. Она давно знала, что родители сходят с ума, но боялась гнева Левы, уверенная, что домой он ее просто не отпустит. Действительно, Лев звал ее в Москву, твердил о своей любви, но ничего путного там предложить ей не мог.

«Чемоданное настроение» у меня созрело давно, но я очень боялся по-

терять сына. То, что с моим отъездом его воспитание пойдет наперекосяк, я не сомневался. Получалось, что встреча с Наташей и Львом оказалась для меня знаковой, хотя, честно говоря, в тот момент я еще толком не знал почему.

Через неделю после нашего знакомства и гостевания в моей квартире, узнав, что жильцы минской квартиры, пожелавшие переехать в Саратов, готовы к переговорам, Наташа позвонила домой. Разговаривала она с моего домашнего телефона. Льва не было, и, услышав голос матери, Наташа дала волю чувствам. Плакала, просила простить побег из дома «с заезжим циркачом», как, оказывается, прозвала Льва ее мать. На вопрос матери: «Где ты живешь?», рыдающая Наташа молча передала трубку мне.

«Здравствуйте», — как можно бодрее поприветствовал я пространство, откликнувшееся звонким женским голосом: «Это кто?». Представившись, я сказал, что никаких оснований для беспокойства нет. Наташа живет в хорошей квартире, регулярно ест, здорова. Маму звали Нелли. Она кричала мне: «Боже мой! Спасибо вам огромное, Олег. Вы просто вернули меня к жизни. Вы понимаете меня? Дочь, которой только исполнилось 20 лет, срывается с места и с каким-то стариком несется в Москву! О Боже, как мне все это пережить? И когда она вернется?» Наташа, услышав вопрос матери, снова взяла трубку и сказала: «Олег хочет переехать в Минск. Пришли нам объявления о размене квартир. Когда он поедет в Минск, то возьмет и меня с собой...»

Дней через пять объявления были присланы. Появились очень соблазнительные варианты размена, и я с тещей засобирался в столицу Белоруссии. Однако такая перспектива никак не устраивала Льва. Он не хотел расставаться с Наташей, хотя еще и не знал, что она приняла твердое решение оставить его.

Можешь представить, Николай, мои чувства, когда я слышал панические возгласы Наташи, адресованные маме в Минск: «Я его ужасно боюсь! Он может меня убить! Я хочу домой, мамочка!» Все смешалось у меня в голове. Этот сюжет напоминал мне недавние страсти с Верой, ее связь с Бранко, который даже внешне чем-то напоминал Льва Щ.

Я настойчиво убеждал Леву дать Наталье шанс свидеться с родителями. В Минск он ехать не хотел, потому что понимал: там его не ждут ни как будущего мужа Наташи, ни как московского поэта. Однако я немало сделал Леву добра, и он в конце концов согласился с моими доводами.

...Мой приезд с тещей в Минск, в дом Наташи, расположенный по Ленинскому проспекту, дом 43, можно вполне назвать триумфальным! Еще бы! Я привез блудную дочь в семью, которая уже и не чаяла ее когда-нибудь увидеть...

Однако был перед отъездом из Саратова эпизод, который я упустил. Именно он во многом предопределил будущие события, произошедшие в

самые первые дни моей жизни в Минске.

Однажды, уже глубокой ночью, Лев заканчивал перевод стихов с немецкого по подстрочникам, которые сделала Лена. Это были стихи каких-то немецких поэтов из книги, купленной ею. Лена, чтобы долго не засиживаться, пообещала посмотреть перевод завтра и ушла спать. Я, Наташа и Лев сидели на кухне. Пили кофе, устало перебрасываясь ничего не значащими фразами.

«Поездка в Минск, — вяло начал я, — штука все-таки серьезная. Все придется начинать с нуля. Мне уже 30 и начинать все сначала будет нелегко...» — «Ты хочешь продолжать жить с Леной?» — напрямик спросил меня Лева. Я задумался. Тогда я еще слабо представлял себе, как в условиях незнакомого города, никого не зная, не имея связей, я смогу снова влиться в водоворот жизни в поисках своего, нового, витка судьбы и привычного комфорта, без которого Лене с малышом жить было бы очень трудно. Однако я понимал, что продолжать нелепость, именовавшуюся браком, а фактически похожую на дурной сон, долго не смогу. Я знал, что в этом браке, с грузом случившегося со мной за последние два года я буду очень уязвим нравственно. Но и продолжать жить под одной крышей с человеком, который, по сути, ко мне равнодушен, хотя полностью от меня зависит, я не смогу.

Скорее в шутку, чем всерьез я спросил у Наташи: «А у тебя нет подруги, с которой можно познакомиться, чтобы дни в Минске протекали не слишком тяжело для души?» Эту мудреную фразу я произнес скорее с юмором, чем с лукавым значением. Однако Наташа встрепелась. Живо вскочила, воскликнув: «Ну конечно, есть!», и тут же испуганно закрыла ладошкой рот. Потом зажмурилась и замахала руками. Это было ее привычное выражение радости или открытия чего-то очень важного и счастливого.

«У меня есть подруга, Таня Тузова. Правда, она еще крутит роман с одним придурком, но ... Нет, это уже позади. Она — свободна!» Наташа решительно закурила, выпуская дым в форточку кухни. «Как только ты появишься и она тебя увидит...» Наташа загадочно улыбнулась, а я едва не рассмеялся.

...Через две недели я и мать Лены были в Минске. Спустя час после моего появления в доме Наташи в дверь позвонили. На пороге стояла маленькая худенькая девочка в пушистой шубе. По радостному крику Наташи: «Танька, привет!» — я понял, что появилась та, о ком Наташа говорила мне в Саратове. Нас познакомили. С этого мгновения и началась новая глава в моей «книге жизни»...

Мое время — «до...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда случается встреча, невероятная изначально, когда она вроде бы невозможна, но все-таки случилась и наша судьба меняется, жизнь разделяется на два периода: «до ...» и «после...». Схема очень простая, но сколько людей ощутили ее неукоснительную логику!

Так было и со мной. Финальным мгновением моего времени «до...» стало письмо от Наташи из Саратова: *«Милый Туз! Очень хочу, чтобы ты познакомилась с Олегом Юргановым. Подробно о нем я тебе расскажу в Минске, а пока только штрихами... Изящный, интеллигентный человек. Очень солнечный. С белокурыми волосами и белокурой бородой...»*

Я читала эти строчки и ловила себя на мысли, что в письме — характерная для подруги словесная шелуха. Портрет Олега получился нереальным, будто сотканным из дыма.

Впрочем, тогда я совсем не была готова воспринимать рядом с собой другого мужчину, потому что была в ужасном кризисе. Слово «кризис» — самое точное определение тогдашней моей жизни...

Нет, я не хочу рассказывать сейчас о встрече с Олегом, случившейся в Наташиной квартире в самом начале 1970 года. Постараюсь быть логичной. Именно поэтому читатель сейчас встретится со мной — шестнадцатилетней. Встретится в том времени, которое я и назвала «до...». Тогда возникла первая моя глубокая и очень противоречивая привязанность. Любовь... Душевные страдания, о которых я рассказывала страницам дневника осенью... 1966 года. До февраля 1970-го мне предстояло пережить четыре трудных года моих душевных блужданий во времени «до...».

Кстати, и время, в котором Олег жил своей жизнью, тоже можно называть «до...». Оно на десять лет обогнало день моего появления на свет и заполняло его судьбу событиями, пересказанными в письмах приятелю, прозванному им «хронологом». Теперь — моя очередь откровений...

...Время и события, отмеченные в моем дневнике, буквально переплелись со временем жизни моей школьной подруги Наташи. Той самой одноклассницы, которая однажды постучит в дверь саратовской квартиры Олега и очень скоро приедет с ним в Минск, скажет, показывая на мужчину с «белокурыми волосами и белокурой бородой»: «Знакомься! Это и есть Юрганов...» Тогда и наступит миг начала нашего с ним времени, которое потом я назвала одним словом — «после...». А пока...

* * *

В шестнадцать лет разрешить посторонним читать страницы своего дневника я бы не решилась. На откровенность согласилась лишь сейчас, потому что наша встреча с Олегом и события во времени «после...» были тесно связаны с моей жизнью «до...». Дневник — часть моего автопортрета, а записи Наташи, устроившиеся в той же тетради под одной обложкой с моими, я публиковать не буду. Не имею на это права. Ну что ж, начнем благословясь?

* * *

10 сентября

Мы договорились с Наташей писать дневник вместе, заклеивать страницы, а когда тетрадь закончится, распечатать и вместе же прочесть. Сегодня 10 сентября. Я сижу в комнате, пишу и слышу, как Наташа играет «Осенний сон». Вспомнила сегодня одно стихотворение (просто настроение было «не очень...»), показала Наташе. Ей понравилось.

Мерцают сумерки вечерние,
А в них кружится снег.
И все сомнения никчемные
Ушли... Их больше нет.
Лишь снег задумчиво
падает
И бьется, глупый, в окно...
Ничто уж давно не радует
И не печалит давно...

А Наташа играет «Осенний сон». Под эту музыку смешно писать такие стихи. Пришла Джемма и сказала, что М. пьет и окончательно бросил школу. Это ужасно для него и для Наташи. Это — жестоко, глупо, наконец, гадко, что он так с ней поступает. Что же делать? Наташа не знает, как его вернуть. Но он должен, должен вернуться! Ведь это предательство перед собой! Они любят, ну, любили друг друга. К чему такой кошмар? Зачем так глупо, так, именно так, все рвать?! Признаюсь, я считала его лучше... Я начинаю думать, что он не стоит Наташки. Но как же быть? Я как-то привыкла, и М. уже неотделим от Наташи. Это подло! Она его любит...

11 сентября

Пришла из школы. Мама сердита. Кое-как помирились. Она ушла. Я пообедила, убрала все, потом взяла ножницы и отрезала себе косу. Не всю, но больше половины. Потом завязала «хвост», закрутила концы и позвонила Анне Петровне. Сообщила ей эту новость и попросила подготовить маму. Анна Петровна позвонила маме, потом мне. Сказала, что мама была в яро-

сти и обещала избить меня до синяков. Но приговор был заменен хорошей словесной каторгой. Потом я сама позвонила маме (не без страха) и просила ее не волноваться, потому что получилось очень красиво. Она ответила, что еще поговорит со мной дома, что я сведу ее с ума, что она растит в доме врага и т. д. и т. п. Теперь вопрос: почему я это сделала? Ответ: мне нравится Р.! Конечно, глупо, но я бы не решилась, если бы не он.

Потом я позвонила Наташе. Она сказала: «Я почти уверена, нет, я больше чем уверена, в общем, мне кажется, что я уверена, что ты ему нравишься». Неубедительно. А если нравлюсь? Тогда вопрос: к чему было отрезать косу? Совет: семь раз отмерь, один раз отрежь. Очень глупо.

Днем мир с мамой восстановила. Я и не думала, что она примет все так трагично. Ну, отрезала я волосы. Конечно, это дерзость... Но ведь я спрашивала у нее все время. Умоляла, просила... А она все отказывала. А коса у меня никудышная. Одно название. Все, кто видел, советовали отрезать. Мама сказала, что это легкомысленно, что сегодня я без разрешения отрезала волосы, завтра я сделаю еще что-нибудь. Что я связалась с компанией (с какой компанией, я всегда одна!). И в довершение всего она сказала, что все кончится тем, что приведу кого-нибудь домой.

Ну, пошло! Это же гадко! Она сказала, что я глупая, что меня любой одурачит, что у меня ни капли здравого смысла и что, конечно, если какой-то мальчишка поведет меня куда угодно, то я, несомненно, пойду не задумываясь. Сказала, что я была скромной, хорошей девочкой, а теперь все, у нее нет дочери, она хочет умереть!

Все мамины подозрения и упреки безосновательны. Я уверена, что в нашем классе вряд ли найдется кто-нибудь, кто так повинует матери. Я ей ответила, что прическа не делает человека хуже. Она еще долго плакала. Я тоже не выдержала. Так мы ревели, и я утешала ее и сама редела. Потом она приняла валидол. Сказала, чтобы я ушла, и добавила, что она так бы не убивалась, если бы знала точно, что я еще худшее завтра что-нибудь не выкину. Я ответила, что мне не 5 лет, что я уже могу что-то решать сама, иначе я буду безвольной тряпкой. Сказала, чтобы она за меня не беспокоилась, что компании у меня нет, мальчиков тоже нет. Если мне предложит дружбу мальчишка, я соглашусь (если он мне понравится). Нет, я этого не говорила, но подумала. А вслух сказала: «Если будет что-то получаться, я тебе скажу». Она ответила, что я ее не ценю и что она мне больше не доверяет. И тут я вспомнила слова, которые мне недавно сказала Елизавета Васильевна: «Чем меньше доверия, тем легче его нарушить. И наоборот: чем больше доверия, тем труднее его обмануть».

Мама лежит.. Я сказала, что с косой не пойду в школу. Коса до плеч — смешно! Раньше она мне говорила, что я могу оставаться дома, могу бросать школу и вообще делать что хочу. Но это раньше. Теперь она махнула рукой

и сказала: «Иди, занимайся...» Я пошла и закрутила кончики «хвоста».

Что-то будет завтра! А вдруг я ему разонравлюсь с этим хвостом. Тогда, несмотря ни на что, пойду и сделаю стрижку. Но обязательно спрошу у мамы. Обязательно, потому что еще одна сегодняшняя сцена — и мы обе попадем в сумасшедший дом. Кончаю, пора за уроки.

14 сентября

Какой удивительный, счастливый, неповторимый день!!! Я, кажется, уже люблю его. Уже! Как быстро... И как все чудно! В субботу, в половине двенадцатого, мне кто-то позвонил. И кто же, кто?! ОН!!! Это счастье, сон: я все боюсь, что он вот-вот оборвется... Нет, нет!!! Я нравлюсь ему. Да, да, да!!! Я хочу без конца смотреть на него. Он стройный. Ната говорит, что обаятельный. Не знаю: я так мало говорила с ним. Я без конца, постоянно думаю, думаю о нем. Я счастлива. Он звонил мне. Сегодня он говорил со мной, и так будет завтра, послезавтра... Как хорошо, как легко и радостно!.. Пусть! Пусть всегда будет так хорошо!

У него день рождения 13 июня. Он лишь на неделю старше меня! Сегодня ужасно счастливый день!!! Даже солнце и тепло... А вчера был дождь. Жора забрал мой чертеж. Странно, я даже не думаю о нем, а постоянно чувствую, что он существует, что он есть, что завтра я увижу его! Мне очень хорошо... Когда он позвонил и спросил: «Ты узнаешь меня?» — я хотела сказать: «Да, да! Ведь это ты, Жора!» Боже! Как трудно поверить, что я ему нравлюсь! Я так счастлива!

А Нате плохо. Ей трудно. Я никогда не думала, что у них это так серьезно. Она страшно подавлена. Сегодня сказала: «Он больше звонить не будет. Это — конец!» Но они любят друг друга! Мне достаточно звонка для счастья, а ей нет... Почему у нее все так? Почему? Она мне как сестра... Она — самая близкая подруга! Но, может быть, они все-таки помирятся? Ната говорит: «Не сейчас, а много позже». Пусть позже, лишь бы помирились. Я-то ей все уши прожужжала о Жорке. Надоела, наверное, смертельно. Но что делать, если я такая и если все так получилось? Так дивно получилось!

(Сейчас, читая дневник, а вместе с ним и страницы, написанные Наташей, я все же решилась показать те из них, где подруга пишет обо мне. — Т.Ю.)

15 сентября. Наташа

Таня! Как хорошо, что ей нравится Р. Она начала жить! Жить в полном смысле слова. Пускай бы и она нравилась ему. Так хорошо! Это было бы просто прекрасно... В последнее время мы здорово сблизились с Таней и я по-настоящему начинаю любить ее как человека. Мне больно, когда ей плохо, и радостно, когда ей хорошо. Пусть она понравится Жоре! Да поможет ей Бог! Вот я даже к Библии обратилась: пускай все будет хорошо!»

16 сентября. Это снова я

Вчера сделала страшную глупость. На уроке поговорила с Жорой, потом отвернулась и от нечего делать стала считать, сколько лет было Исааку Ньютону, когда он открыл закон всемирного тяготения. Оглянулась: С. спрашивает у Жорика время, а он ей любезно отвечает. Я не думала, что это особенно удивит меня: Жора — человек, и ему не запрещено разговаривать с кем он хочет. Он даже имеет право влюбиться в ту же С. Именно так я подумала, снова отвернулась и долго сидела, уставившись в затылок Андрею С. У меня было такое чувство, будто меня медленно душат. Я не выдержала и разревелась. Так и сидела, отвернувшись, а слезы капали, капали... Наташа сказала: «Перестань! Не глупи! Ничего не произошло». Я и сама это знала. Но ведь от этого не легче! На перемене он подошел к нашей парте, потом вдруг повернулся и ушел. Ни слова! Испугался? Гордый он, что ли?

18 сентября

Ходили на завод... Самое лучшее в Жорке то, что он почти не смотрит на меня. Я странно успокоилась. Он сегодня болтал с Женей, с другими, с Наташей. На химии — со мной... Нам сделали замечание. Надо лучше узнать его. Нет, к чему? Я чувствую, что он отдаляется и становится мне почти безразличен. Мы несколько раз говорили и уже привыкли к этому. Если я ему нравлюсь, то хорошо! Я даже счастлива. А если нет, то не знаю... Ко всему привыкаешь. Вчера до часу писала стихи. Много набросков, но закончила только одно.

Не подходи ко мне, не говори!
А только изредка, вот как сейчас,
Из-под ресниц задумчиво смотри.
Нет мне дороже взгляда этих глаз...

*

Я ночью просыпаюсь. Мне не спится...
Так в мире одиноко, тяжело.
Что тебе стоит
Мне хоть раз присниться?
Сегодня...

Нет, сейчас!

Пока не рассвело...

Страшно хочется, чтобы Жорик позвонил. Но он этого не сделает. Он — гордый. И это мне в нем нравится. Звонил Г. В его голосе есть что-то от голоса Жоры... И я начинаю сомневаться: может быть, в субботу звонил Г.? И все же нет! Нет! Не знаю. Я хочу, и пусть будет так, пусть это звонил Жора. Завтра идем на «Горе от ума». Разговаривать с Жорой, когда он занят, не буду.

19 сентября

Всю анатомию веселились. Придумывали, кто на кого похож. Придумали: Б. — на тощую завитую корову, я — на кошку с бантом (?), Зоя К. — на муравья, Наташа Т. — на сову. Учительница биологии напоминает мятую бумагу (промокательную, добавила Наташа). Она сказала: «Как ты думаешь, что будет, если Петеньку Р. раздеть?» Я ответила, что это было бы Явление Христа народу.

21 сентября

Я люблю этого дикаря Жорку! Боже, как тяжело! Люблю до ужаса и совсем стала на себя не похожа. Женька сердится на меня и терпеть меня не может. Ведь Жорик нравится и ей! Кажется, ему нравится Женья. Он болтает с ней. И со мной тоже. Нет, нет, нет!!! Я не хочу! Не хочу этого. Все, не буду говорить, писать, думать об этом. Я ничего не знаю, кроме того, что люблю этого странного мальчишку. Жора, Жора, Жора... И так без конца. Целыми днями думаю только о нем. Опять стала писать стихи. Вернее, не стихи, а коротенькие строчки.

Недавно написала еще одно стихотворение в том же духе. А перед этим написала последнее стихотворение, посвященное Ю. Н. Оно начинается так: «Над городом спустился тихий вечер...» Наташе так понравилось, что она переписала. Я думаю, что это просто под настроение. Но я рада, что она поняла его. Сегодня хотела попросить Жору, чтобы он со мной не разговаривал...

22 сентября. Наташа

«Таня... Станный человек. В ней еще очень много наивности, и вместе с тем она совсем не ребенок. Сказывается воспитание. Таня влюбилась по уши в Р. Ну что ж. Приветствую. Это превосходно. Человек может жить настоящей, глубокой жизнью лишь тогда, когда любит. Иногда мне кажется, что я люблю эту Тузову за все: за лицо, улыбку, мысли. А сегодня она просто светилась изнутри и не в силах была сдерживать улыбку. Ничто ее не интересовало кроме Жоры...»

27 сентября. Снова я

В четверг была практика. У нас — вторая смена: с 2 до 5. С практики шла вместе с Жорой. Я оставила в школе пальто, а ему домой идти все равно мимо школы. Болтали с ним целый день: и когда сдавали инженеру технику безопасности, и до этого, и после. Я по дороге (надо же что-то говорить!) рассказала ему, как комично сдала т. б. Все — в диалоге. Он слушал, а когда я кончила, заметил: «Вообще вы, слабый пол, предпочитаете выражаться диалогом...» и т. д.

Я удивилась и сказала, что незачем выражаться таким высоким сло-

гом... Поболтали о том, о сем. Говорила, собственно, я. При моей способности болтать редко кому удастся вставить слово.

Дошли до школы. Он сказал: «Пока!» Я: «До свидания!»

Между прочим, уже подходя к школе, я начала вслух беспокоиться о своем пальто, как будто это меня интересовало. Ладно... Чудный день!

Потом зашла к Наташе. У нее окончательный разрыв с В. Она очень переживает. Еще бы! Говорит, что он эгоист. Что она любила иллюзию... Я совершенно теряюсь.

В пятницу Х. между прочим сказала, что я делаю успехи. Мы шли всей школой на стадион. Был День здоровья. Я удивилась и спросила, что это за «успехи». У меня две двойки по химии. Она ответила, что так ей сказала Наташа. Я рассердилась, но не подала виду и стала расспрашивать. Оказалось, что в четверг все девочки шли домой по одной дороге, а Юра с Ларисой и я — по другой. Жора пошел с нами. Со стороны это выглядело так: Юра и Лариса — на одной стороне, я и Жора — на другой. Из этого девочки сделали вывод, что Жора провожал меня! Я не думаю, что он хотел проводить меня, но было приятно это слышать. Девчонки сделали вывод! А я пока не решаюсь делать никаких выводов! Во всяком случае, Жень Л. ему уже не нравится.

Есть такое стихотворение:

Слышишь, светлый мой, слышишь, милый,
Я тебя подарила, я сама
тебя подарила,
Подарила девчонке с курносым
Личиком...

У меня была такая же философия: дарить. Понравился кто-нибудь (я их почти не помню), а приглянется ему другая, я не огорчалась. Подумаешь!..

Но Жорика я никому дарить не намерена! Ни Жене, ни Наташе! Сегодня звонила Наташе и между прочим спросила (в который раз!): хорошо или нет? Это значит: нравлюсь я или нет? Она ответила: «О, Боже мой! Ну да! Да! Конечно! Он даже когда говорит с тобой, у него глаза светятся!»

Я: А с другими не светятся?

Н: Нет! Не замечала!

Я: А я не помню.

Н: А ты помни! Я на химии обернулась и мельком видела!

На химии меня вызвали решить домашнюю задачу у доски. Я ее дома не делала. На перемене попробовала — не получилось. Встала, а Ната шепотом спрашивает: «Знаешь?» Я — тоже шепотом: «Ни в зуб ногой!» Вдруг Жора подсовывает свою тетрадь, и я слышу: «Смотри...» Настроение у меня подсакивает с космической скоростью. Я чуть поворачиваю голову и, улыбаясь Жорке, говорю: «Я сама!» И иду к доске решать задачу

с риском получить третью двойку. По странной случайности решаю! Ответ — 4. Сверяю с ответом в задачнике, там 2. Мгновенное замешательство, потом хватаю тряпку, стираю. Еще раз решаю. Опять 4. Тогда беру мел и аккуратно вывожу:

$$4:2 = 2.$$

И записываю ответ: 2. Не прибегая к цифрам, объясняю ход решения (он почти одинаков во всех химических задачах). Учитель стоит спиной к доске и слушает. Потом поворачивается и смотрит на ответ — 2. Говорит: «Хорошо, правильно». Я быстро вытираю доску (заметаю следы). Из-за прежних двух двоек получаю 3 балла...

Жорик все спрашивает, когда я пойду фотографироваться на пропуск. Отвечаю, что еще успею. Скорее бы понедельник. Сейчас читаю В.Беляева «Прыжок в ничто». Космос...

Да, кстати (хотя вовсе некстати!), когда Ната говорит, что я нравлюсь Жорике, я ей верю, хотя и не совсем.. Откуда ей знать? А когда она в классе говорит мне об этом, я ей совсем не верю, потому что мне кажется, что она сама хочет понравиться Жорке. Я сегодня ей это сказала. Она удивилась и ответила: «Я даже не строю ему глазки, как другим!» И скорчила мину опытной соблазнительницы. Я не выдержала и рассмеялась. Вообще-то я много болтаю и смеюсь. Жора сказал, что ему не интересно болтать на уроках. Значит, надо отучиться. Вообще, надо поумнеть. Боже!!! Что за глупость я написала!!!

Сегодня я спросила у мамы: «Это яйцо свежее?» Она отвечает: «Ну да! Пахнет яйцом!» Я пристально взглянула на нее и, покачивая чайной ложечкой, изрекла: «А я нисколько не сомневаюсь в том, что плохое яйцо будет пахнуть плохим яйцом, а не прожаренным крокодилом...» Мама испуганно взглянула на меня и поспешно вышла из кухни. Я кончала завтракать. Мама причесывалась. Ей надо к одиннадцати в парикмахерскую. Все часы в доме испорчены. Диктор по радио сказала: «10 часов 50 минут». Мама не расслышала и спросила: «Сколько, сколько?» Я ответила тоном автомата: «Одиннадцать часов 10 минут!» Мама заохала, надела шпильки и убежала. Я спокойно встала, закрыла дверь и пошла читать. Завтрак кончился, и, если бы мама еще задержалась, мне пришлось бы делать уроки. Во всяком случае, начать делать.

Вообще, такие невинные шуточки почти не вызывают угрызений совести...

28 сентября. Наташа

...Сколько еще однако в Тане ребячества и наивности. Я часто наблюдаю за ней «старушечьими глазами» и действительно чувствую себя старухой по сравнению с ней. Если бы во мне сохранилась хоть капелька той наивности,

которая есть в Тане. Ее представления о жизни основаны на книгах и на наблюдениях за жизнью собственной семьи и знакомых. Она всеми силами старается понять меня, но это невозможно: ведь она не пережила и сотой доли того, что пережила я...

Таня меня подозревает в том, что мне нравится Жора Р. Неужели она не понимает, что такие, как Р., не могут мне нравиться. Ведь он еще ребенок! Да, Тане очень нравится Р., и, по-моему, она ему — тоже. А вообще, кто его знает? Андрей сказал: Д. заметил, что Р. смотрит на меня. Я была бы очень рада, если бы он ошибался. По-моему, Р. смотрит на Таню. Да будет так! Не хочу из друга делать врага. Ведь она и так жутко ревнует...

29 сентября. Снова я

...Предложила Наташе заняться Жориком. Как все надоело! Он не говорит со мной. Даже не подходит. Пару коротких фраз за день. И все. Это даже не отношения одноклассников, а так, как в трамвае: вежливо, прохладно. Как говорится, «мы с тобой случайно в жизни встретились, потому так скоро разошлись!..» Собственно, какое МЫ?! Нас нет и не было. Печально. Остается теперь понять, нравился он мне или нет, и как нравился, и почему?

1. Безусловно, нравился. Я даже была влюблена в него некоторое время. Но это прошло довольно быстро.

2. Как нравился? Понятия не имею. А впрочем... Есть люди, которые привлекают издали, без знакомства. Пожалуй, Жорик мне нравился именно издали.

3. Он самый симпатичный в классе. Высокий. Мне нравилось в нем, что он именно «мальчик». Обычно девочки называют так робких, еще не знающих ни девочек, ни увлечений, в общем, мальчишек, не умеющих быть циниками. Но именно это мне в нем нравилось. Ну, может быть, еще рост, глаза, голос. В общем, тысячи мальчишечьих черточек, которые не подходили под общую мерку. Разрисовал мой портфель дикобразами: теперь выводы чем хочешь. Я сказала, что художественного в этом, с позволения сказать, рисунке очень мало!

3 октября

Эх, урок биологии! Дождик... Учительница ставит задачу: «Дать понятие о тканях». Замираю. Не имею понятия об этом... понятии. Сегодня идем на «Грозу»... Наташа посоветовала не устраивать конфликтов и, если в воздухе запахнет скандалом, повернуться на 180 градусов и уйти.

5 октября

Мне нравится Жорж. Опять. Ната говорит, что и я ему нравлюсь. Сегодня она мне сказала, что я нравлюсь М. Зачем мне М.?

Сегодня Жора подошел и спросил: «Ну как портфель?» «Все так же», — от-

ветила я. Достāju портфель и кладу на парту. Он совершенно машинально начинает чистить его маленьким кусочком стирки. Стоит, разговаривает и трет. Я даже удивилась, но взяла чернильную стирку и, продолжая разговаривать, протянула ему. Он взял и некоторое время продолжал свое занятие. Потом, видимо, спохватился, мол, как это так? Я чищу ей портфель! Бросил свое занятие и сбежал. Да, он мне нравится!

А ты уходишь...

Останься!

Так просто: ты и я.

Останься!

Ночь...

Кружатся звезды.

Осень.

Я без тебя — лодка без весел.

Протяни мне руку молча.

Не хочешь.

Уходишь?

Уходишь...

Останься!

Так просто: ты и я.

Останься!

Уйдешь

и будет иначе...

Все ближе будет снег

На черных крышах.

И я буду смеяться,

Услышав,

Что ветер свистит,

Как грустный мальчишка:

Останься!

Так просто: ты и я.

Останься!

Так просто: ты и я.

Останься...

7 октября (5 часов)

Что же произошло? Почему все так жестоко оборвалось? Кто виноват? Он? Наташа? Я? Никто. Никто. Как страшно, как ужасно, когда человек рядом и почти потерян, быть может, навсегда потерян!

Как жесток этот дружеский взгляд,

Безразличия светлого полный.

Вперед — ничего...
А назад возвращаться
Не стоит.

Довольно!

Да, тут говоришь стихами! Ната говорит, что рисунок лица у меня не получается. Как будто у меня вообще что-то получается! Анна Петровна видела меня в субботу с Жорой. Больше не увидит... Реветь опять, как вчера? Пусто, все пусто. Хожу сжав зубы, молчу. А вообще мне никто не нужен, не хочу никого видеть! Как это я вчера смеялась и плакала! Безумно весело! Я знаю, что Наташа ни при чем. И он — тоже. Не все ли равно, кто ему нравится? Ведь не я! Остальное — детали. Отбивать? У кого? Зачем? Не умею и не буду! Скоро переезжаем на другую квартиру. Подальше! Говорить с ним? Нет! Бежать! Бежать! Смешно... А так хочется исчезнуть! Совсем... Ната говорит, что надо бороться! За что? За то, чего не было? Даже рвать нечего. Что же это? Забыть, забыть все! Скорее!!! Это так больно. Но плакать я больше не могу. Больно и дышать нечем. Ничего не хочу и никто не нужен. Пусто. Звонила недавно Г. Мне теперь все равно: не Жорка, так пусть Г., или М., или, или...

Никого не могу видеть. Со всеми надо шутить, улыбаться или быть спокойной. А я не могу. Если Жоре нравится Наташа?

Не нравится сейчас — понравится после маскарада? Что ж, неужели это значит: дарить? Нет, чтобы дарить, надо иметь. В добрый час! Но я не смогу с ней дружить. Я люблю Жорку. Больше, больше, чем Н. когда-то. Больше, а я думала, что нет. Что же теперь будет? Что?

7 октября (6 часов)

Надо чем-то заняться. Но чем? Что-то надо делать! Вот так буду сидеть и писать все, что придет в голову. Стихи, он пишет стихи. О чем? Нет, не то! О ком? Все равно не обо мне. Л.Ф. сказала, что нельзя добровольно отказываться от любимого человека. А разве человек вообще делал когда-нибудь что-то добровольно? Если он не зависел от других, то все равно зависел от своего настроения, от многого... Зачем я это пишу? Надо же с кем-то поговорить. С кем? С Наташей? Уже шесть... Она, наверное, скоро придет из кино. Я сегодня отказалась идти с ней на «Зорге». Я не могла пойти. Поймет она меня или нет? От одиночества можно с ума сойти! Позвонит ли мне, когда придет? Нет, наверное, нет. Она обиделась. Да и что за радость со мной говорить? Все ною, ною. Она уже не говорит, что я ему нравлюсь, это лучше, чем если бы она обманывала. Да если и скажет — я не поверю. Я теперь никому уже не поверю, кроме него. Никому... А он мне ничего не скажет. Почему я не могу, как другие, говорить с ним, шутить.

Зачем ты, глупая, плачешь,
Руками лицо закрыв?

Почему не можешь иначе,
Все зачеркнув и забыв?
Попробуй, скрывая беспечность,
Смеясь, в глаза заглянуть,
А может, как первому встречному,
Руку ему протянуть?
А он уходит с другими,
И ничего уже нет...
Как будто бы тронул иней
Едва расцветший букет.

Глупость. Как плохо... Я какая-то невменяемая стала. Внешне живу кое-как, а внутри — одна боль, одна мысль, даже не мысль, а только боль, боль...

Наташа говорит, что если ей кто-то нравится, то она подходит, заводит разговор, короче, постоянно о себе напоминает. Я не умею быть такой. Не хочу напоминать, хочу, чтоб меня так помнили. Разве Жорка напоминает о себе? Но я все равно о нем думаю. Если он говорит с кем-нибудь, я никогда не подхожу и не перебиваю. Не могу. Мне даже подумать страшно, что он не ответит или ответит так, лишь бы ответить. А когда он говорит со мной, я иногда отвечаю, а чаще вообще молчу, потому что когда он говорит, я не слышу слов, а только смотрю на него. Вообще я стараюсь делать вид, что мне все равно, в классе он или нет. Раньше я даже не думала о нем, а только была очень счастлива, когда говорила с ним...

А теперь... Теперь, когда все так плохо, я не хочу, но постоянно думаю о нем. Если бы не думала, мне было бы не так тяжело. Я — гордая. Странно. Наташа слышала бы — удивилась. Но все же это так. Мне страшна даже мысль о том, что я могу быть навязчивой или бегать за Жорой. Я не хочу и никогда не хотела, чтобы он бегал за мной! Нет! Пусть он будет таким, как есть. Пусть будет всегда гордым, умным, пусть никогда не волочится. Я не хочу, нет, он не должен быть ни с Г., ни с С.

Андрей — друг Наташе. Но даже ради дружбы я бы не хотела, чтобы Жора дружил с девчонкой. Был таким, как Андрей. Даже если бы он дружил со мной. А это, если не пройдет так скоро, то утихнет, притупится.

Но почему? Ведь я думала, что счастлива. Как теперь каждый день видеть его? Как?

Что это? Почему я не могу привязать его к себе, постоянно говорить, шутить с ним, спрашивать, даже надоедать, но добиться своего? Почему не могу? Это пройдет. Мне вспомнились одни стихи, которые давно написала:

У каждого есть тайное мгновенье,
Которое ему не позабыть,
В нем вечное, мятежное сплетенье
Того, что было

И могло бы быть...

Так и я сейчас... Я уже путаю то, что было, и то, чего я хотела, но что не сбылось.

Я даже не сержусь на него. Я не могу сердиться. Исчезнуть бы! Теперь все, все сделать для того, чтобы забыть о том, что он мне нравился. Пусть и он забудет, если знал. Я не хочу, чтобы меня жалели, утешали. Не хочу! Пусть одиночество, пусть что угодно, только бы Жора не презирал меня. Опять эта глупая гордость! Трудно. Все. Больше не ныть, не думать, не думать и не думать...

8 октября. Снова Наташа

Таня, милая моя Таня! Девочка моя дорогая! Как тебе сейчас тяжело! Почему, почему ты добровольно отказываешься от своего счастья? Почему ты перестала верить в него? Почему ты думаешь, что все потеряно? Неужели все это равносильно смерти? Нет! Нет! Нет! Пойми, пойми одно — если это любовь, то невозможно, тысячу раз невозможно забыть. Я знаю, ох как знаю это по себе! Ты не забудешь его. Так почему же ты так слабовольно отказалась от всего, что дорого?! Не смей этого делать, не смей! Потом тебе будет тяжелее. Я сделала страшную, непростительную глупость, а зачем же тебе делать ее?!

Подумай, ради Бога, подумай обо всем хорошенько, пойми, наконец, как мучаюсь теперь я, и ты не сделаешь этого! Почему ты думаешь, что не нравишься ему? Разве можно заглянуть человеку в сердце? Если я буду говорить тебе какие-то слова утешения, ты все равно не поверишь мне. Но если он нужен тебе, как небо, как воздух, если ты не сможешь жить, не сможешь существовать без него, то почему же ты, черт возьми, заводишь свою старую песню о «дарении». Нет! Нет! Нет! Это твое счастье — и никому его не дари, никому не отдавай, держи в руках и не забывай о нем. И нельзя, нельзя, нельзя отказываться от него без борьбы. Пойми это и выбрось из головы муть. Пойми, иначе случится непоправимое! Допустим, он нравится какой-нибудь другой девочке. Ну и что же? Ты любишь его! Он нужен тебе, так на кой черт ты должна отдавать его кому-нибудь другому? Не смей! Сейчас нужно плюнуть на всех и на все, но удержать, оставить его себе. Нужно бороться. Ведь он нужен тебе! Нужен!!!

8 октября. Это я

Распечатали страницы нашего дневника и все прочли. Удивительно, до чего хорошо иметь друга, от которого нет нужды ничего таить. Теперь нас с Наташей не разлучит даже ОН. Как записано в дневнике: «Д. сказал, что ОН смотрит на Наташу...» Но зачем об этом думать? Ведь я запретила себе об этом думать! Сегодня не пошли на физику. Явились на теорию производства. Ч. и ОН сидели на нашей парте. Ч. на Наташкином месте, ОН — на

моем. ОН обрадовался и глядел на Нату. Пусть. У НЕГО мания портить мои вещи. Разрисовал мой портфель и что-то выжег на парте. Что, не знаю. Еще не видела. Вообще-то он был очень грустным. Опустил голову, повернулся спиной. Всадник без головы да и только! Мне действительно кажется, что он глядит на Нату. Тогда я как-то застыла внутри. Обернулась, стала болтать с Н. без конца. Л. слепил меня солнечным «зайчиком»... Я сидела и ни о чем не думала, от нечего делать глядела на Г., и Г. сиял! Боже, который год я ему нравлюсь. Не надоело так безнадежно?

Ната говорит: «Обернись!» — «Зачем?» — спрашиваю. «Да обернись ты, глупая! ОН на тебя смотрит!» — «Не буду!» — «Почему?» — «Не хочу!»

Я не обернулась, потому что была уверена и сейчас уверена, что это была случайность. Как легко раньше верила каждой случайности.

Сегодня О. говорит Жоре: «Я тебя оболью керосином и подожгу!» Я слышу и замечаю: «Не сгорит...!» — «Почему?» — спрашивает он. «Сухой, но несгораемый...» Жора: «Нет, я уже сгорел». — «Как?» — спрашивает О. «Дотла», — отвечает Жора.

Какой простор воображению! Если бы я нравилась ему, это можно было бы принять за объяснение в любви. А теперь... Если это и объяснение, то кому-нибудь другому, той же О. например.

...Я верю, я любил,

Для сердца нужно верить...

Мудрый, милый Пушкин! Несмотря ни на что, сегодня — хороший день, первый такой день в моей жизни: я не одинока. Все малейшие движения души, все мысли Наташи открыты мне, а мои — ей. Чувство одиночества исчезло. И даже о том, что он смотрел на нее, я говорила Нате без злобы, а так, как делятся горем с близким человеком, не требуя помощи. Просто чтобы высказаться. Почему это? Потому что мы прочли дневник. Этот наш общий дневник.

Может быть, это было только сегодня, может быть, только сегодня мы были так близки друг другу и не стыдились того, что все друг о друге знаем. Может, это не повторится, но я этого никогда не забуду. Ната никогда не верила, что я ему нравлюсь. Она только хотела этого для меня. Странно, но где-то еще звучит и не умирает: а вдруг!

14 октября

Урок химии. По контрольной — 2. Сегодня писали вторую. Тоже будет 2. До лампочки! Плакать не могу. А жаль. Нареветься бы и успокоиться.

Я — ужасная, некрасивая. Человек красив, когда кому-то нравится, а я не нравлюсь. Дура! Сидела бы уроки лучше делала! Г. надоел до смерти. Начинаю его ненавидеть. С ним все кончено. Ничего не поделаешь, но это ужасно.

Эта ночь — чернота.
 Эта ночь —
 Только тихие всплески
 Да квадраты окон
 В фиолетовой дымке домов.
 Замерцали огни перекрестков.
 Витрины — нелепы. Шелест...
 Шепот прохожих...
 Сигарет ярко-красные точки...
 Фонари — тени людей
 Вырывают
 Из тьмы.
 А вечерние люди
 На утренних так непохожи!
 И смеются вечерние,
 Когда утренние грустны...

15 октября

Звонила Г. Вообще, часто ему звоню и просто болтаю. И он мне звонит. Г., наверное, счастлив. Не понимаю. Жора Р. взял билеты в кино. Правда, Ната спросила: «Кто возьмет мне билеты?» Он сказал: «Я!» Меня еще не было в школе. Я пришла, и Ната рассказала мне об этом. Она уверяет, что не нравится ему. Значит, он сделал это из-за меня. К тому же Ната говорит, что у него уже были билеты. Я с ним не разговариваю. По возможности объясняюсь жестами. Недавно он подошел. Я читала журнал «Искусство кино». Он проходил около нашей парты, поговорил с Натой, ушел. Вернулся, постоял у окна, потом раза два прошел мимо меня, остановился и спросил (без иронии): «Что читаешь?» Я молча показала обложку. Он спросил: «Интересно?» Я кивнула с таким видом: мол, не приставай. Он ушел.

Ничего примечательного, но Ната сказала, что когда Р. говорил, то смотрел на парту, потом на журнал. Потом быстро, искоса бросил на меня взгляд и ушел. Трудно поверить, что уже конец.

«Если бы знала, если б ты знала, если б можно было все начать сначала...»

У нас поселился симпатичный сосед. Лет семнадцати. Уступает мне дорогу. Однажды я стояла, он оглянулся и, споткнувшись, чуть не упал с лестницы. Сегодня утром я шла на практику, а он чистил туфли. Так и застыл со щеткой. Симпатичный. К черту их всех! Был бы он — настоящий. Один, самый любимый и никого, никого не надо! А где он? Может, он — это Жора, может — другой. Где он сейчас? Ходит по Минску с шайками. Не хочу такого!

16 октября

Наташа прочла мою запись и сказала: «Бред!» Я спросила: «Почему?» Она говорит: «Ты сама не знаешь, чего ты хочешь!»

Сосед как в воду канул. Не жалею. Звонил Г. У меня была сестра Лена. Она подошла к телефону, и Г. ее перепутал со мной. Потом извинялся. Лена передала мне трубку. Г. спросил меня подозрительно:

— Послушай, это точно была не ты у телефона?

— Нет, это моя сестра.

— У вас голоса похожи...

— Неудивительно, сестры все-таки...

Мило поболтали с ним. Г. сказал, что у него болит рука: мама линейкой ударила.

Я спросила: «Мама у тебя дерется?» — «Да вот, погорячилась», — отвечает. Спросила: «Ну так что ты хотел мне сказать?» В том смысле, мол, чего звонишь? Он стал рассказывать, что вчера подрался с братом, потом жаловался на Лену З. В общем, поболтали на славу!

Сегодня Жора сказал, что на «Онегина» не пойдет. Я сидела в первом ряду, Ната в шестом или седьмом. Рядом было свободное место. Я подумала, что на «Гамлете» мы с ним сидели рядом. Хорошо бы и сейчас. Но тут же вспомнила, что он вообще не пришел.

После сеанса выходили втроем. Ната, Андрей и я. Андрей прощается и идет домой. Мы — к троллейбусу, на остановку. Выходим на улицу, видим: Жора, Таня О. И человек десять девчонок. Мы как раз проходили мимо, и я прямо у него за спиной громко спросила у Наташи: «А где Андрей?» Он мгновенно отделился от этой группки и пошел впереди нас, путаясь под ногами. Шел с Ч., потом тот «испарился».

Жора быстро пошел вперед. Затем стал идти медленнее, медленнее. Зачем-то остановился у киоска, пропустил нас с Натой и через минуту догнал. Сначала, как бы случайно, пошел с нами рядом. На остановке мы уже разговаривали.

Мне фильм очень понравился, только этот красноватый фон не совсем...

Он сказал, что ему не понравилась Татьяна. Я ответила, что Онегин хорош и спросила, чем ему не понравилась Татьяна. Он сказал: «Не знаю... Но, понимаешь, неопределенная антипатия». Я ответила, что, напротив, она очень мила, хотя и не вполне соответствует роману: ведь у Пушкина Татьяна не была красавицей.

В разговор вступила Наташа. Так проговорили несколько минут. Потом я что-то ему сказала, а он, как обычно, демонстрируя свою невоспитанность, сделал вид, что не слышит, хотя я стояла рядом, говорила громко и обращалась к нему.

Тогда я сказала: «Жорик, ты слышишь? Ведь я с тобой разговариваю!»

Ему ничего не оставалось, как повернуться и слушать. Скоро разговор оборвался: подходил троллейбус. Он отошел шага на два. Я сказала: «Ната, мы непременно должны сесть в этот троллейбус». А очередь стояла огромная, троллейбусы переполнены. Он сорвался с места, влез раньше всех в троллейбус. Мы — не шевельнулись. Троллейбус тронулся, и он уехал.

Если я ему нравлюсь, то он будет зол за такую шутку, когда доедет. Ведь мы выходим на одной остановке...

Ната идет на вечер в 23 школу. Там будет М. Любят друг друга, а наладить ничего не могут.

Плохо. И все-таки мне кажется, они помиряются.

Сегодня в школе Жора не решился со мной заговорить. Ходил вокруг, а я улыбалась про себя. Соня К. подозвала меня и сказала, что я влюблена. Вот кумушка! Терпеть их не могу! Кстати, они меня тоже не жалуют.

Я воспитаю Жоржа-дикаря! Шахматист! Ну, если я ему нравлюсь, то он попался!

Во-первых, он будет выслушивать меня до конца... Во-вторых, я буду нравиться ему все больше. Я добьюсь, что он будет звонить мне — даже из автомата. Пусть булочку не купит, а побережет денежки на то, чтобы мне позвонить. Но это если я ему нравлюсь...

Кстати, Оскар Уайльд сказал, что все женщины хотят взять мужчину очень плохим, а бросить до противности хорошим. Смешно!

Как выплыть мне из этой глубины,
Как разгадать значение слов и взглядов...
Из окруженья громкого парада
Уйти в прохладный сумрак тишины?

Безмолвен снег, заметены дороги.
Легко ступать мне в мягкий, белый мох.
Больное звуком горло — долгий вздох
К губам не отпускает строгим.

Кривые вездесущи зеркала.
Мой ум усталый верит снам и зыби,
Когда глаза для зренья внутрь закрыты,
Полна теней ночного леса мгла...

То лживо все и нет тебе пощады.
То даже взглядом страшно обмануть...
Проснуться б, детски радуясь, однажды,
С порталов радуг — в бездну заглянуть.

*

...Я одинока, как цари и ведьмы,
Зажженная свеча в покинутом дому.

17 октября. Наташа

Таня не любит Жору. Это не любовь, а очередное увлечение из тех, которые забываются через месяц. Я просто судила по себе. Мне казалось, что если я люблю кого-то, то и другие на это способны. Нет, у Тани не любовь. Не так, не так любят! Не знаю, нравится ли Таня Жоре Р. Я вообще его не понимаю и не питаю к нему никаких чувств. Обыкновенный мальчишка, вихрастый... Но больше я в нем ничего не вижу. Вообще, Таню тянет к вихрастым и таким же наивным, как она сама...

18 октября. Снова я

Сегодня воскресенье. В субботу звонил Г. А много, много недель назад мне звонил Жора. Один раз. Первый и последний. Я не знаю, нравится он мне или нет, но я хочу говорить с ним, видеть его, наконец, хочу, чтобы он смотрел на меня, улыбался только мне, был рад только мне. Все это — общие фразы, но я хочу этого!

А порой мне Жорик кажется чужим и ненужным. И все же что-то в нем есть. И это «что-то» мне нравится. Хочу ходить с ним в кино, но не хочу, чтобы при этом судачили в классе наши кумушки.

Интересно, настоящая любовь — сразу или постепенно? Наверное, и так и эдак. Я не знаю о себе ничего. Знаю только, что Жора мне нравится. Надолго или нет? Не знаю. Но сейчас нравится, и пусть сейчас все будет хорошо.

Я нравлюсь Г. Давно. Я немного горжусь, что я — его первая любовь. Говорят, что первая любовь бывает одна и на всю жизнь. А что, если я буду нравиться Г. всю жизнь? Ужас, как хорошо для меня и как ужасно для него! Бедный! Хорошо было бы, если бы человеку никто-никто не нравился, а потом понравился. Сразу и на всю жизнь! И еще, если бы любимому нравиться сразу и тоже на всю жизнь.

Вот прочла этот бред и подумала, что где-то внутри я серьезнее, чем меня считают и чем я кажусь дневнику. Я — неопределенность? Хорошо бы хоть во сне увидеть себя лет через десять или хотя бы пять.

19 октября 1966 г.

Безобразный урок черчения: кричат все, а кто не кричит, тот, значит, уже охрип. Жорик ушел после пятого урока. Куда? Все! Сегодняшний день зачеркнут. Что будет завтра? Он мне нравится, когда я его не вижу. Почему? Он не говорит со мной. Я с ним тоже. Он мне нравится.

Что за видение: Жорка! За 15 минут до конца последнего урока! Чудак милый! Явился! Был у зубного врача. Люблю, люблю этого дикаря!!!

Пришла домой. Настроение — ужас...

Жора пришел, но все внимание Тане О. Я к ней равнодушна. Умная девочка. Мне не она нужна, а Жорка. А если она ему нравится?

Извечный вопрос. Сейчас он нравится мне. А завтра? Сегодня на биологии Тania О. несколько раз искоса на меня поглядывала. Я смотрела на нее. Она отвернулась. Он смотрел на меня. Я — на нее. Комедия.

20 октября

Он мне не нравится, и слава Богу. Кажется, это его огорчает. В чем я изменилась? Примерно это выглядит так: раньше я хотела читать письмо Татьяны, теперь — ее монолог. Раньше: «**Я жду тебя, единым взором...**» Теперь: «**Я вас прошу меня оставить...**»

Кстати, Ната сказала, что по характеру я похожа на Татьяну Ларину. Странно, это говорят мне люди, незнакомые друг с другом и совершенно разные: вчера это сказала Лена, сегодня — Наташа. Потом я узнала, что Х. и С. тоже так думают. Неужели? Я польщена. А Жора, кажет-ся, сказал, что ему Татьяна не нравится. Кстати, Ната сегодня наговорила мне о нем массу гадостей: подлиза, эгоист, болван и т. д. Причем не со зла, а так... Некоторые черты и я замечаю. Все. С этим надо кончать. И я закончила. Странно: еще недавно я так убивалась, а теперь все прошло...

Вот прошла
Колдовская ночь...
Ворожила.
И ветром развеяна.
Выпью пепел с вином —
К черту все,
В чем была уверена!
Как ребенок потерянный,
Бреду я по сонному городу.
В закоулки его загляну,
Где еще не была с тобою.
Улыбаюсь...
В год ушедший смотрю,
Как из окон поезда —
На
Поворотах...

28 октября

Как давно я не открывала эту тетрадь! Натка поставила число, подумала, а потом, закрыв тетрадь, сказала: «А писать-то не о чем!» Мне тоже не о чем. Но я пишу о том, о чем думаю.

Я ненавижу Г.! Терпеть его не могу, гадок он мне! И жалко его, и знаю, что со мной он не такой, как с другими мальчишками и девчонками. Знаю, что я ему нравлюсь. Н. тоже об этом знает. Что-то в последнее время он хочет подружить меня и Г. Зачем мне это «сватовство»? Не нужен мне Г. Не

нужен! Влюбился бы, что ли, в кого-нибудь!

Н. вызывает во мне отчуждение. Я даже теперь с трудом представляю, что он мне когда-то нравился. Только помню, что нравился, а почему — забыла. Как ни плохо все с Жоркой, но спасибо ему, что он излечил меня от Н.

Г. ни с того ни с сего перестал со мной разговаривать... Звонить тоже перестал.

Если бы его еще и не видеть! Как только он появляется, у меня сразу портится настроение! Теперь еще новость: М. я нравлюсь, он ждет меня после уроков, под разными предлогами садится рядом, вертится все время под ногами. Болтает о том, что занимается борьбой, в общем, старается казаться мужчиной со стальными нервами и стальными мускулами. Пусть болтает. В конце концов, я его не слушаю. Несколько дней назад я на его предложение сесть вместе ответила: «Ах, оставь, сегодня я хочу сидеть одна!» С тех пор таких предложений не было. Но он продолжает цепляться при каждом удобном случае. Зачем он мне? Все пусть убираются!

Некоторые в классе меня не любят. Почему? Ведь я не вредная. Не сплетничаю, не подлизываюсь, не жалуюсь, наконец, мальчиков ни у кого не отбиваю. Впрочем, мальчишки некоторые считают самым лучшим — меня избегать. Может, они считают меня легкомысленной? Наверное, думают, что голова забита мальчишками, нарядами и поэтому на уроки времени не остается. Я не думаю о мальчиках, но я не могу не думать о Жорке. Что значит «не могу»? Можно сделать все! Можно не думать. Но я не хочу не думать. Я хочу помнить, видеть, хочу, хочу нравиться ему!!!

М. со мной не разговаривает, а в душе вообще презирает. Считает, что я опытная кокетка. Теперь я понимаю почему. На биологии я повернула голову и вижу, что Жорик на меня смотрит. Случайно. Я взглянула на него. Все исчезло. Какой-то миг — только я и он. Это не случайность. Ему хотелось смотреть на меня, а мне — видеть его. Потом я вдруг заметила, что М. улыбается. Уже позже он что-то сказал Жорке. С этих пор все оборвалось окончательно. М. сделал вывод, что я, выражаясь Наташиными словами, наглая девка. Я не знаю, что подумал Жора, и вообще не хочу об этом!

Если Тania О. будет впредь меня так ненавидеть, значит, ты меня любишь. Глупая девчонка эта О. Ты говоришь с ней, и я тебя оправдываю, а к ней не питаю ничего. Она для меня не существует. Для меня существуешь только ты и то, как ты относишься ко мне, а не к ней. Я вижу, что она умна, у нее много достоинств. Тебе нужно подтянуться, чтоб дружить с ней. Перестать подлизываться и замыкаться. А со мной этого не нужно. И плохо, что не нужно.

Ты мне нравишься.

И порой я презираю себя.

С тобой мне трудно и обидно, что ты даже не подходишь. А когда

тебя нет, я хочу, чтобы ты был здесь. Ходил, не замечал, но был. Когда ты смотришь на нее, я хочу, чтобы ты смотрел на меня. А когда ты смотришь на меня, я не верю тебе, не хочу, чтобы ты смотрел, не хочу лжи.

Все, кажется, решено. Теперь скорее забыть. Мне думается, что я и не любила тебя. Просто надо же в кого-то влюбляться, чтоб не скучать.

Дружи с Таней О. Оставь меня в покое. Исчезни из моей жизни. Мешать я тебе не буду, бегать за тобой — никогда! Я знаю, что очень нравилась тебе, что Таня О. — это потому, что я молчала, потому что я не сумела. Я нравилась тебе. Так или иначе, но ты меня не забудешь. Остается только вздохнуть и сказать: **«А счастье было так возможно! Так близко...»**

Наташа говорит, что для нее день закончен, когда бьет последний удар кремлевских курантов. Для меня время и день обрывались, когда уходил Жора. Он возвращался — и продолжался день. Как тогда, на уроке черчения. Он ушел, и я подумала: «Все, день окончен, до завтра». Он вернулся: «Нет, еще нет! Он — здесь. Еще может быть что-то хорошее». Так и теперь. Когда это кончится? Что хорошего?

Сегодня ночью долго не могла заснуть: постоянно какой-то голос читал монолог Татьяны. И без конца, как бред, измученное: **«Довольно... Встаньте... Довольно...»** Потом вдруг: **«Что ж ныне меня преследуете вы, зачем у вас я на примете?»** И почти криком: **«Отдать... тдать я рада всю эту ветошь маскарада, весь этот шум, и блеск, и чад...»** И как пластинка: **«видела я вас... видела я вас...»** И наконец вдруг: **«Вы поступили благородно... Я благодарна всей душой... Благодарна, благодарна, благодарна...»** Мне вдруг начало казаться, что я — Татьяна. Я не помню, чтобы мне было страшно, но все похолодело. Мне было очень холодно, хотя с головой я залезла под одеяло. Что это? Так странно. Я помню все, я поняла Татьяну. Но как? Словами не скажешь. И в чем поняла? Не знаю. Но это уже не героиня. Осталось чувство, будто во сне она была рядом, будто на мгновение переселилась в меня, а затем исчезла. Чей это был голос? Я его не знаю. Вообще, у меня было странное состояние. Меня лихорадило. Наконец я закрыла глаза и постаралась отогнать все мысли. А затем мне приснилось, что кто-то сказал: **«А счастье было...»** И будто хотелось плакать.

Бред какой-то. Но это так.

Не люблю своего отца... Ленку люблю. И Дианку. Ната молчит. А мне хочется, чтобы она сказала: «Ты ему нравишься».

...Кружится голова,
Солнце вверху
Кажется маятником
И останавливается,
Упав.
Небо покачивается...

Крыши покачиваются...

* * *

Не так ли счастье

Над жизнью прохаживается?

31 октября

Сегодня суббота. В школе устраивают «Огонек». Пойду. Если Он придет и будет со мной, а не с Таней О., то, может быть, хорошее настроение вернется. Сегодня Наташа пришла в школу. Он говорил с ней. Я влезла в разговор. Он, как ни странно, отвечал. Впрочем, ему, может быть, нравится Наташа или Таня О. Мне кажется, что если он вернется (...я пишу, что мне все равно, а мысль, что я ему нравлюсь, страшно радует)... Так вот, если он вернется, будет ли все по-прежнему? Нет. Как жаль.

Говорят, есть «любовь взгляда». Это любовь без слов. Это даже еще не любовь, а только ее рождение. Когда любовь рождается, она всегда прекрасна и всегда, почти всегда, счастлива. Я расфилософовалась! У меня и у Жоры была эта любовь. Когда же мы познакомились, поговорили, то наступила необходимость говорить чаще. А я не умела этого. Он — тоже. Нам было так хорошо, пока мы не говорили. Я помню, как Он говорил, а я смотрела на него и улыбалась. Не словам, а голосу. И глазам. Тогда он почему-то тоже улыбался. Начинал путаться или спрашивал что-нибудь и, наклонившись, смотрел на меня и ждал ответа. Я несколько секунд молчала, и мы смотрели друг на друга. Как хорошо, когда слышишь голос, когда не надо вдумываться в слова, а просто, как во сне: мелькают тысячи лиц, среди них только одно лицо, только один голос. Это так чудесно!

Я слышала и понимала, что ты говорил. Но мне не хотелось отвечать на какие-то ненужные ни тебе, ни мне вопросы. Ты ждал. Но как только нужно было что-то говорить, я принимала высокомерный вид и отвечала. Зачем вообще слова? Если бы ты спросил меня или о химии, или об алгебре... Я бы ответила тебе о другом. Мысленно я говорю тебе тысячи мелких глупостей. Мол, что ты там стоишь с М.? Брось его, подойди ко мне! Ну что ты боишься? Глупый — повернись!

А когда ты оборачивался (бывают совпадения), я продолжала мысленно с тобой говорить и примеривалась к выражению твоего лица, придумывала вопросы, болтала с тобой на расстоянии. А когда ты подходил ко мне, я не знала, что тебе сказать. Ну какая нежность может звучать в моих словах, когда ты спрашиваешь меня о ненавистной химии?! Ты всегда подходил ко мне с радостью, а уходил обиженный.

Я не знаю, почему так получалось. Таня О. умеет по-другому.

Сегодня я постаралась говорить с тобой искренним тоном. Но, поболтав, подумала, что со стороны это выглядит так, будто я что-то выпрашиваю.

К тому же исчезло все очарование наших коротких разговоров. Понимаешь, раньше в твоём лице, в твоих глазах я невольно видела свое отражение. Я улыбалась — и ты улыбался. Я чуть хмурилась — и ты тоже был серьезен. Теперь я знаю, что нравилась тебе. Ты ловил не только слова, но и жесты, мимику, потому что ты смотрел на меня и перенимал все это, потому что хотел запечатлеть. Ты следил не столько за словами, сколько за лицом. Как и я. Я отражалась в тебе. Ты был зеркалом. А теперь у меня такое чувство, будто это зеркало повернули другой, черной стороной. Что, всегда открытый, ты теперь другой. Я потеряла тебя. Когда исчезнувшее находят — это не потеря. Потерять — это значит не найти никогда! Я не могу терять.

Вчера пришла домой после школы и долго ходила по комнате, не зная, за что взяться. Думала о Жоре, о Тане О., о себе. Ведь я нравилась ему. Постояла. Помолчала...

Потом вдруг начала читать:

Слышишь, светлый мой, слышишь,
 милый,
Я тебя подарила, я сама тебя
 подарила.
Подарила девочке с курносым личиком,
 с робким взглядом,
И была так счастлива, и была
 так рада!
И ходила, мучилась и собой
 гордилась...
Мне было тогда шестнадцать.
А в шестнадцать не знают,
Что этого надо бояться!
Что любимых не дарят!
Что в счастье с другой — не верят!
Были двери, черные, с белыми пятнами
 двери,
И трава, и синее небо...
Я не знаю, был ли ты...
А вдруг тебя просто не было?
У девчонок курносых есть любимые,
Есть влюбленные. У девчонок — слезы
Отбежали — и словно не было...
У девчонок из солнца волосы,
А в ресницах — частички неба...
И в прохожих ищу похожего...
А они и рады...

Почему плохие стороны характера — вздорность и пр. люди показывают без стеснения, а любовь всегда скрывают? Может, потому, что боятся насмешек? Но над чем смеяться? Может, бояться, что любовь будет безответной, и чтобы легче это перенести, скрывают ее от других, чтобы не жалели? Но почему должны жалеть? Разве отвергнутая любовь унижает человека? Почему скрывают самое чудесное?

Может быть, бояться, что другие опоздают это чувство? Но ведь любят все! Если бы каждый, прежде чем смеяться, подмигивать или многозначительно улыбаться, вспомнил о своей любви, пошляков бы не было.

Я не за то, чтобы все — наружу. Нет. Как хорошо понимать без слов! Как чудно глядеть в любимое лицо и думать, что он тоже любит тебя, понимает, что он тоже рад тебе и твоей любви!

Но что же будет сегодня? Если она — Таня О.? Ах, я не знаю, что будет! Я не могу разобраться. Я лишь хочу нравиться ему!

1 ноября

«Огонек» был веселый. Молодцы, ребята! Я надолго запомню его. Но лучше все по порядку.

Я надела белую кофточку и прямую юбку цвета «электрик», каблучки. К тому же мой «хвост». Надела голубое пальто. Одним словом — была вся

«дама в голубом». Наташа окинула взглядом и сказала: «Прическа чудесная, только, ради Бога, не трогай руками!» Спрашиваю: «А пальто?» «Пальто — шикарное!», — отвечает Наташа.

На ногах Наташки — красные шпильки. Сравнить с моими — невозможно! Мои — колодки каторжника. Разглядываю ее наряд дальше. Клетчатое платье — красное по серебристому фону. Красиво... Про шпильки, что они были красными, говорила. Шаль — тоже красная. В общем, красная девица...

Весь вечер Наташа танцевала. Мне бы так танцевать!

Между прочим, М. была изумительна. Даже Н. оценил и пригласил на танец. Д. не было. А жаль. Ю. ее заметно не хватало, особенно в начале «Огонька».

А что же я? Я зашла в оживленный, праздничный зал: с потолка свисали разноцветные шары, а сквозь них светили огни люстры. На стене три огромных плаката-рисунка. На первом — черт, лежащий на боку. Черный с огненным брюхом. На втором что-то непонятное: поверхность Луны? Или Марса? На третьем рисунке — танцующая пара. Расстояние — пионерское. Он и Она целуются. Изумительно! Никакой пошлости. Только смешно. Мальчишки и те не подмигивали и не хмыкали, настолько все было чудесно сделано. Я все это видела, но настроения не было. Где Жорка? А вот и Таня О. Очень мила. Сиреневое платье и белые шпильки. Очень мила. И совершенно счастлива.

Я обернулась, ища Наташу, и почти сразу увидела Жорку. Он стоял на стуле в своем обычном школьном костюме и привязывал шар. Удивительная способность нигде не смущаться! Привязал, пошел в радиорубку, вернулся. Я из-под ресниц следила за ним и думала: «Неужели не заметит?» Куда там! Он даже не оглянулся!

Подошла к девчонкам, пригласила переключать двум или трем за наш столик. Мы с Натой сидели вдвоем, потому что ни Андрей, ни Володя Д. не пришли. Алла Д. удивленно на меня посмотрела и сказала: «Почему вы только вдвоем? Ведь за вашим столиком еще сидят Нина А. и Жора Р.»

Я еще немного поболтала и вернулась к своему столику. М. подошел и спросил своим скрипучим голосом: «У вас два места свободны?» Я сделала Наташе умоляющие глаза, и она ответила: «Нет, заняты». Я была и рада, и огорчена тем, что Жора — за нашим столиком. Рада потому, что мне хотелось говорить с ним, видеть его, вместе смеяться, радоваться, шутить. И была огорчена, потому что боялась: «А если он хочет сидеть с Таней О.? Зачем же его насильно привязывать, портить ему вечер?»

Все решилось очень просто: он не сел ни со мной, ни с Таней О. Он сел совсем в противоположном углу зала.

Наши столики оказались напротив. Он иногда глядел на меня, ино-

гда на Таню О. Я была рада, что Он здесь! Он поглядывал на меня через голубой шар, который держал в руке, а потом откровенно отворачивался и глядел на О. Та — сияла!

Самодетельность была хорошая. Потом объявили танцы. Таня О. танцевала со Светой, я не танцевала.

После танцев Жора увидел такую картину: Таня О. и я сидели к нему спиной. Что он мог видеть? Только наши спины.

Снова — танцы, и Жора пригласил Таню О., однако опоздал, музыка почти сразу кончилась. Он пересел к их столу, и они без конца смеялись. Я тоже смеялась. В общем, весь вечер смеялись и веселились, а я на Жорку больше внимания не обращала.

Но вот заиграла музыка, и он встал, а я подумала: «Сейчас он пригласит Таню О. на танец».

Мне почему-то подумалось, когда он сидел с Таней за столиком, что все могло быть иначе... Что я нравлюсь ему больше Тани О. Что я... я... подарила моего Жорку ей. И вот он встал... Нет, никого не пригласил. Сел напротив меня у другой стены. Правда, мне было уже все равно. Я просто смотрела на него. Это право у меня осталось!

Он исподлобья несколько раз взглянул на меня, а потом повернулся и, улыбаясь глазами, упорно смотрел на Таню О. Зачем мне это демонстрировать? Разве и без этого не больно? Я встала, подошла к Тане Ч. и спросила, можно ли мне почитать стихи? Та ответила: «Хорошо, я тебя объявлю». Вскоре Таня объявила последний номер, а мне передала, что я читать не буду. Но мне повезло. Последний номер задерживался. Я посмотрела на Жору. Он улыбался Тане О. Я чувствовала, что он улыбается не столько ей, сколько мне, чтобы показать, что я ему больше не нравлюсь.

Тогда я встала. Было тихо. Выйдя на середину зала, я сказала:

«Ребята, тише! Я сейчас прочту стихотворение». Все затихли.

Не знаю почему, но голос у меня был громким и каким-то особенно взволнованным. Я начала: «**Наталья Ктовщикова**. Стихотворение без названия». Потом помолчала. В зале — тихо. Я подняла голову. «**Слышишь, светлый мой, слышишь, милый...**»

...Я закончила. Все молчали. Я быстро прошла на свое место и села. Каких усилий стоило мне, чтобы не разреветься! Я подняла глаза и увидела, что Он сидит на том же месте, опустив голову.

Грянула музыка. Г., Н. и Наташа молчали. Жора глядел в пол. Я встала и, чувствуя, что уже плачу, что слезы катятся и что Жора видит это, поменялась местами с Наташей, чтобы сесть к нему спиной. В окне я видела его отражение. Он, кажется, поднял голову и смотрел на меня.

Мы с Натой встали и вышли из зала. Я умылась, успокоилась. Попробовала рассмеяться. Получилось. Через несколько минут вернулась в зал,

веселая и спокойная.

В коридоре столкнулась с ним. Он опустил глаза и быстро прошел мимо. Я сделала вид, что не заметила его. Вообще, когда он меня увидел, я шла с Натой и смеялась.

Ната сказала мне потом, что у Жорки был вид побитой собаки. Не понимаю. Он был очень веселый, а после стихотворения всю его веселость как ветром сдуло. Я сидела с Наташей. Неподалеку сидела Д., он подошел к ней и пригласил на танец. Танцевал перед нами с высокомерным видом. Ната показала на них глазами и сказала мне: «Что за финты?» Но меня это почему-то не тронуло. Если бы он танцевал с Таней О., может быть, я и обратила бы на это внимание. Я совершенно спокойно (сама удивляюсь!) взглянула на него. Так смотрят на незнакомых. Лицо у него было скорее напуганным и растерянным, но из-за натянутой улыбки казалось высокомерным.

В конце концов, я читала стихи тому, моему Жорке, а не этому. Ната говорит, он не понял. А я знаю, что понял! Иначе не слонялся бы потом весь вечер, как неприкаянный. Теперь пусть дружит с Таней О. Я сказала ему все, что хотела сказать.

После «Огонька» мы бродили по городу. Жора тоже. Чудный вечер! Д. очень понравилось, как я читаю. Зоя спросила: «Ты что, плакала?» Я засмеялась и ответила: «Нет!»

Какая-то девчонка из «А» класса подошла ко мне и восторженно сказала: «Ты читала так, будто сама это чувствовала». Я улыбнулась и сказала глупейшую фразу: «Артисты — великое дело!»

Алла Д. сказала: «Мы попросим, чтобы ты прочла письмо Татьяны на литературе». Но я не смогу прочесть письмо Татьяны. И монолог тоже. А завтра — литература.

Мне хочется, чтобы Жорка вернулся. Я хочу, чтобы все вернулось. Может быть, не бороться за любовь — это и значит дарить? Я люблю Жорку. Конечно, в своей жизни я буду любить еще многих. Так говорит Наташа. Но я не хочу так! Многих... Разве можно любить многих? На моем счету уже Н. Увлечения артистами не в счет. Что будет завтра?

Ната говорит: «Ты сама во всем виновата». Я знаю. Но зачем говорить мне об этом? Зачем? Это жестоко. Она говорит: «Ты его не забудешь». Я говорю: «Забуду». Она: «Нет, неправда!» А когда я спрашиваю: «Почему он мне нравится?», она отвечает: «Все пройдет!» Она что, забавляется?

Ната порой говорит грубые вещи. Грубые не по форме. Она скажет, совершенно не думая, что это может быть неприятно. Может, она не понимает, что не все говорят вслух? Я предвижу, что, прочтя это место, она скажет: «Так что, я не могу сказать другу то, что я думаю?» Я думаю, что друг, как я это понимаю, не только для того, чтобы ему все рассказывать. Надо еще уважать взгляды и чувства.

2 ноября

Вот он, долгожданный понедельник! Как я боялась и хотела, чтобы он наступил! Сегодня должно было произойти что-то необыкновенное. И произошло. Все кончено!

Странно: чем хуже, тем сильнее я его люблю! Странно читать такое в дневнике девчонки, это так серьезно, что даже смешно. Я смотрю на него, как бы со стороны, и вижу мальчика. Даже не юношу. Просто мальчика. Небрежного, даже чуть глуповатого на вид. И вдруг девочка пишет такое о мальчике, да еще об этом! Так я думаю, когда смотрю на него, когда рассуждаю. Сегодня мы шли к вешалке, а он вверх поднимался.

Он шел в своем новом пальто, которое ему очень идет. Ну и что? Да ничего! Он мне нравится в этом пальто. Вот где собака зарыта! Как все просто. И глаза его нравятся.

К Н. я в те давние времена чувствовала нежность независимо от фасона костюма. К Жорке я не чувствую никакой нежности. Он меня угнетает, потому что имеет надо мной какую-то власть. Удивительно. Так было всегда. Но когда я нравилась ему, эта власть была таким счастьем. Он никогда не знал этого. И сейчас не знает. Итак, будем считать, что все дело в пальто. Наступит зима, он наденет другое — все изменится.

Забывать всегда можно, но не хочется забывать. Ведь с иллюзиями жить интереснее, чем без них.

Сегодня на биологии я рискнула посмотреть на него. Он что-то искал, случайно повернулся и очень испугался, когда увидел, что я смотрю на него. Признаться, у меня тоже душа ушла в пятки.

И все-таки — Таня О. Кстати, сегодня она села со мной на черчении: ну что ж, лежачего не бьют, да протянет победитель руку побежденному... И так далее.

Уже через пять минут я от нее освободилась. Пришла Наташа, и я так радостно ее позвала, что Таня встала и сказала: «Садись, Наташа!»

Он мне нравится. Я запретила Наташе вообще говорить об этом. Она пыталась, но я сказала: «Наташа, не надо!» Тогда она сказала: «Последний раз. Ну, ответь на последний вопрос: сколько ты Н. из головы вышибала? Помнишь? Четыре года». Я ответила: «Клин клином!» Наташа: «Клином...» Я: «Все! Довольно!»

Если б я знала! А собственно, чего я не знала? Я знала все: знала, что нравлюсь. Правда, не знала, что разонравлюсь. Не хотела верить в это. Наташа предупреждала. Но я делала все так, как могла. Веди я себя по-другому, это была бы уже не я. Хотя, может быть, тогда все было бы иначе! Я сейчас пишу, и мне кажется, что я вру. Что ничего этого нет, я все придумала. Пишу и думаю: все! Кажется, ЭТОГО нет. Просто надо же кого-то любить. Но если все только кажется, зачем я читала на вечере стихи? Зачем ТАК читала?

Кстати, сегодня девочки просили, чтобы я почитала стихи на следующем вечере. Я отказалась. «Хватит, все, не буду я читать стихи!» Таня О. (проницательно) сказала: «Ну не эти, а другие...» Я ответила: «Ломаюсь, как дешевый пряник? Не обижайтесь, но стихов я читать не буду!»

Я суеверна: мне кажется, что человеку дана определенная доза любви. Поэтому Жорке я не нравлюсь. В общем, глупость.

Больше не говорить ни с кем о Жорке! Это все. Даже сегодня я надеялась, что-то изменится. А если не говорить, значит, зачеркнуть сразу и не исправлять. Исправленное уже не то... Почему у всех хорошо, а у меня плохо? Почему? Не сумела с Жоркой, и с другими будет так же. Я иначе не могу. А сегодня выпал снежок.

День наряжен в белый бархат,
Он росы не пригубил.
На руке его усталой
Солнце — перстнем золотым...
Ах, упасть бы!
Ах, оставить
И от света убежать!
Как устал он,
Как устал он
Величаво выступать.
Сяду в детские качели...
Буду тень свою дразнить.
Полетели, полетели...
И опять —

Вниз!

Камни темные, немые
Вам не жаль?
Ах, как вы бы,
Ах, как вы бы —
Мне лежать...
День наряжен в белый бархат
И ликует трубы.
Гаснут долгие дороги.
Отдохнуть бы!..
И багряный, словно в кубке,
В цепи гор — закат
Пригубить,
Допить до сумерек
И — спать...

На плечах большие птицы,
Даль дорог и звезд шипы,
А земля, земля дымитя:

Пить!

Пить!

Ах, упасть бы!

Ах, оставить!

И глаза закрыть...

И костров горящих пасти

Пеплом усыпить.

2 ноября. Наташа

Боже мой! Как мнительна Таня! Ей кажется, что на нее кто-то смотрит, кто-то за ней следит, что все обращают на нее внимание. И этот Жорка, черт бы его побрал! Нужно же, чтобы он оказался в нашем классе! Такая злость берет. Какой-то ребенок будет портить нервы! Взять бы его да оттрепать хорошенько! В конце концов, когда он вернет мне Блока? М. ничтожество! Вот уж кто, действительно, — жалкая букашка!

Честное слово, Таньке надо подлечиться, у нее настолько расшатались нервы, что просто невозможно. А я вообще зла на всех. Вдарилась в науку. Читаю «Занимательную психологию» и т. д. и т. п. Скоро стану законченным психом...

3 ноября. Снова я

Опять прочли наш с Натой дневник. Он уже заканчивается. Сидели, читали. Ничего нового: Ната любит М. Ново лишь то, что я люблю Жорку.

Сегодня наревелась у нее. Она читала, а я стояла у нее за спиной и слушала. И... расстроилась! Потом сидели во дворе. Она сказала: «Можно, я задам тебе один нескромный вопрос? Даже не знаю, спрашивать или нет...» «Почему же нескромный, — полюбопытствовала я, — ты хочешь, чтобы я сказала «да»?» Тут она собралась с духом: «Слушай, Таня, только честно: тебе никогда не хотелось, чтобы Жорка Р. тебя поцеловал?» Я ответила: «Нет, никогда». Потом я добавила: «Когда мне нравился Н., хотелось. А вот с Жорой... Нет, никогда». Ната не унималась: «Ну, а если бы вы очень нравились друг другу?» Я ответила: «Все равно не хочу». И я ушла домой...

Ната! Я люблю его по-другому. Не хочу никаких поцелуев. О чем я? Ведь ничего и не будет! Но я люблю его не так. Говорят, есть платоническая любовь. Не знаю, какая она, но я не хочу целоваться с ним. Ничего не хочу. Хочу только видеть и любить его. Хочу все вернуть, когда уже конец.

Сегодня в книге «Психология» я прочла, что «взаимное влечение, не подкрепленное дружбой, исчезает, как дым». Фраза «исчезает, как дым» не выходит из головы. Я не хочу верить, что я «исчезла, как дым». Я верну

его! Еще завтра — день! Еще завтра! Скорей бы завтра! Почему он мне нравится? Исчезни, как дым, Жорка!

Нет, не исчезай! Я не хочу.

...А в снах моих такое солнце!
Как гнев в языческих глазах,
Как меда золотая вязь,
Как шелк восточного узора.

А в снах моих — степная мгла...
И всадник факел поднимает.
Мой пленник дерзкий точно знает,
Что мне он не заплатит дань.

4 ноября

Сегодня был последний день. Исправила все двойки.

5 ноября

Ната хочет уйти из нашей школы. Был скандал с математицей. У Наты две двойки в четверти.

Украшали зал к празднику. Я вместо десяти пришла в 10.30. Жорка сидел спиной к двери. Я вошла, он обернулся и просиял. Потом, видно, опомнился и все поворачивался ко мне спиной. Ч. очень предупредителен. Остряк!

Жорка стоял на лестнице, а я все боялась, что он упадет. Но этот страх был глубоко внутри. А внешне я совершенно спокойно сидела в противоположном конце зала, зубрила стихотворение и болтала то с Ч., то с М.

Жорка не упал. Слез, достал откуда-то шарик и подошел к нам. Стал напротив, шагах в десяти. М. и Ч. начали играть с шариком. Жорка стоял напротив, а шарик без конца летел в мою сторону. Я делала вид, что не замечаю. Когда шарик летел на меня, я смотрела на Жорку. Это кончилось тем, что М. не выдержал и заорал на Жору: «Ты чего, косой?»

Я встала и ушла оттуда. Они перестали играть.

Наконец я подошла к газете «Наш пресс-центр». Стою, читаю. Жорка где-то сзади молчит. Наконец подходит. Стоит и молчит. Потом: «Что ты читаешь?» «Газету, — отвечаю я и добавляю: — В общем хорошо, только это я бы не напечатала...» Показываю пальцем на несколько стихов. Он соглашается, кивает: «Да, да...» Подходит Ч. Жорка радостно хватается за плечи и подталкивает ближе к газете. Я ухожу. Оборачиваюсь. Жорка показывает Ч. те же стихотворения и с сияющим лицом что-то говорит. Что — я не слышу.

Снова пришла в школу уже в конце дня, потому что был вечер. Я все время танцевала. Пришел М. и тоже меня пригласил. Жорки не было. Он

пришел в самом конце вечера. Не знает, что я провалила стихотворение. Правда, провалила так, что мне очень хлопало. Если не считать остановок, то я читала выразительно. Интересно, что когда меня слушают, я читаю лучше, чем когда одна — сама себе.

Лидия Федоровна сказала, что я буду играть Нину в «Маскараде» Лермонтова. Я тут же спросила: «А Ната?» Она говорит: «Мы теперь будем делать все с дублерами».

Ч. об этом уже кто-то сообщил...

Ну вот и Жорка пришел! Вытужен до невозможности! Темно-серый костюм. Однако он из него чуть вырос. А! Какая разница? Дикарь, шахматист, ты все же пришел!

С вечера шли всем классом. Потом так получилось, что половина из нас ушла вперед и Таня О. с ними. Другая половина отстала. Между этими двумя группками и шли: М., несколько неизвестных мне мальчишек, Ч., Л. и... Жорка.

Жорка говорил о политике. С кем? Со мной! Шли мы позади, мальчишки — впереди. Я уже не помню, о чем он еще говорил. Потом я чуть отстала, а он прошел немного вперед. Я стояла и смотрела на него. Он еще говорил. Потом вдруг остановился, обернулся и замолчал. Так мы и стояли шагах в шести друг от друга. Он спросил: «Ты чего?» «Мне надо домой, Жора», — сказала я. «А куда?» — решил уточнить он. «На Красную».

Он молчал и смотрел на меня. Потом вдруг неожиданно попросил: «Пойдем еще немного погуляем...». Я удивленно взглянула на него, потом улыбнулась и сказала: «Пойдем!» Шли молча. Я спросила: «Жора, так что же Китай?» Это я вспомнила его разговор о политике... Он нахмурился и махнул рукой. Вскоре группки собрались. Он что-то сказал Ч. и тут же исчез. Ч. провожал меня до дома с каким-то незнакомым мальчишкой. У Жоры — строгая мама.

Я родилась на умершей планете.
Я помню сумрак. Вековой покой.
Песок да камни. Лед. И солнце светит —
Тяжелый шар. Огромный. Голубой.
Я помню эту мрачную планету,
Ее холодную, стальную седину.
Я помню в небе алую комету
И мерзнувшую в сердце тишину...
...А здесь трава, другое светит солнце,
Прохладные цветы и теплые глаза.
Мне снятся сны, хоть у меня бессонница.
Как мошка в янтаре, в моей любви — тоска.
Ей — миллионы лет, она пришла оттуда,

Где голубого солнца тусклый, блеклый свет...
Сейчас я — хрупкий миг. Я — ожидаемое чудо.
Меня не видишь ты. Меня там больше нет.
Упрямо ждешь меня в холодном, синем свете,
И до тебя доносится молва,
Что на другой, неведомой планете
Твои я слышу нежные слова.

9 ноября

Что будет завтра? Ната перешла в двадцатую школу. Вчера смотрела КВН. Масляков очень мил. Детское лицо. Так и хочется по головке погладить!

Честное слово, не знаю, нравится мне Жора или нет! Сегодня шли из школы с девчонками, и Д. закричала на всю улицу: «Жорик! Я его люблю!»

Поразительная искренность! Никто не принял ее слова всерьез. Даже я. А ведь я знаю, что он ей нравится. Хороший ребенок эта Д.

Ната сказала, что хочет побить Жорку. Я хочу его понять...

Ты не веришь мне...
И я себе не верю.
Помню только,
Как ты шел ко мне:
Мимо всех
Красивых,
Умных,
Верных —
Шел ко мне...
В ветвях
Кружатся тени...
Или птицы?
Как сухой огонь,
Как письма дикарей,
Притаились
Под ногами листья
Щедрой
Обреченностью своей.
Листья
Дарят
Себя
Снегу.

А во мне
Сейчас —
Всех слов
Твоих напев.
Я молчу...
В тебе такая
Нежность
И такая
Тишина в тебе!
Ожиданье ласки —
Это рабство,
Добровольное.
На всей земле...
Я с тобой, как
Разуверившийся
Пастор,
Служащий
Праздничный
Молебен...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Наше время — «после...»

Теперь снова настала пора читать письма Олега к своему другу Коле, к тому «хронографу», который иногда о себе напоминал нам. В них — наше время — «...после».

В этот раз все письма, посланные Олегом из Минска Николаю М. в Саратов, к нам возвратились. Их прислала жена «хронографа». Он погиб при взрыве боеприпасов на каком-то полигоне.

Эти письма Олега и помогли мне разобраться в себе самой, когда, наконец, я вышла из лабиринта любви, в который сама же себя и загнала. А теперь будем их читать...

* * *

Минск, 20 мая 1974 г.

Олег — Николаю (письмо первое)

Привет, мой дорогой друг! Давно не писал тебе, прости. Был очень загружен. Работаю над телепрограммами под общим названием «Акценты». Тема — культура личности, поведение человека в обществе. Подробности не пишу, знаю, что ждешь ты от меня не признаний, как у меня получается на ТВ. Кстати, получается, слава Богу, неплохо. Во всяком случае, раз моя жена так считает, значит, так оно и есть! Однако я как-то незаметно даже расхвастался, извини...

И чего я смущаюсь? По-моему, лишний раз похвалиться — значит признаться, что ты счастлив, все у тебя хорошо... Так и есть! Хочется тебе рассказать о рождении у нас с Танечкой еще одного сына, которого нарекли Игорем...

Но не буду забежать вперед. Продолжу с того момента, когда я впервые увидел Таню...

Все-таки напомним... В Минск я приехал с тещей по поводу квартирного обмена в первых числах февраля 1970 года и привез домой счастливым родителям их сбежавшую дочь Наташу. Наконец-то она снова переступила порог дома, покинутого почти год назад в поисках приключений и удачи. То, что она, сбежав из дому, «прихватила» с собой Таню с тогдашним ее... другом, я узнал чуть позже. Теперь, после восторженных причитаний домочадцев, самой Наташи и знакомства ее родителей с гостями из Саратова, то есть со мной и тещей, мы уселись за стол.

Потом, как я писал тебе уже, пришла Таня, нас познакомили, и я впервые получил возможность ее разглядеть.

Честно говоря, я был разочарован. Худющая, курит, лихо опрокидывает рюмку, держится, как мне показалось, слишком уж раскованно. В тот день ушла она очень быстро. Сославшись на просьбу своей матери купить хлеб, юркнула в свою пушистую, искусственного меха, шубку и убежала.

В тот вечер Наташа не стала приставать ко мне с вопросом: «Ну как?», потому что рядом со мной была теща. Я продолжал оставаться женатым человеком и приехал в Минск по «квартирному вопросу».

Два-три дня поездив по множеству адресов в Минске, мы поняли, что сделать обмен быстро не удастся. Правда, мать Наташи, Нелли, уверяла, что все образуется. Надо набраться терпения и поискать варианты. Пусть район будет не престижным и дом попроще... Мол, дело с обменом непростое, наскоком не одолеть! Из Саратова я уехал, уволившись с работы, и, как говорится, свободу действий имел. К тому же получил пенсию по инвалидности за целый год и был при деньгах.

Я позвонил Лене, обрисовал ситуацию. Она настаивала, чтобы я продолжал поиски новых вариантов обмена, а мать возвращалась. Возражать я не стал, купил теще билет до Саратова, и она уехала.

...Если браки заключаются на небесах, то разводы явно зреют... как бы это правильно сказать, «на бытовой почве» или «в бытовой»? Думаю, ты меня понимаешь...

Как бы там ни было, я приехал в Минск человеком, еще окончательно не решившим судьбу своего непутевого брака, которому шел уже восьмой год. Целыми днями я честно перелистывал все газеты, выписывал варианты обмена, ходил смотреть квартиры, аккуратно звонил в Саратов, чтобы посоветоваться с Леной.

Квартирный обмен — штука просто жуткая. Находились варианты, которые я принимал, но требовалась доплата. Суммы назывались запредельные. В общем, я ужасно злился и постепенно начинал чувствовать, как накапливается усталость от понимания абсолютной нелепости ситуации, в которую я попал.

Возвращение в Саратов явно уже замаячило передо мной. Там — новое трудоустройство и жизнь, которая уже была мне явно не мила.

Я писал тебе, что от радикальных мер меня удерживал сын... Лена звонила, нервничала, срывалась на крик и требовала действовать решительно. Она не понимала, что квартира в Саратове — провинциальном по сравнению с Минском городе — «не ровня» жилью даже на окраине столицы Белоруссии.

Такая вот крутилась почти месяц дурацкая карусель! Наговоришься «всласть», положишь трубку — и все, Лены рядом нет. Остынешь немного, и... на завтра снова за работу: ходить по адресам, вести переговоры, убеждать, показывать фотографии моей саратовской квартиры...

Моя жизнь в Минске у родителей Наташи не могла длиться бесконечно. Да, я жил в приличной семье: Нелли — преподаватель англий-ского в институте иностранных языков, ее муж Николай — довольно крупный чиновник белорусского Литфонда. Конечно, я невольно окунулся в очень своеобразный быт, шумный, колоритный и непривычный для меня.

Квартира — большая, в самом центре города и, кстати, буквально в нескольких сотнях метров от дома Тани Тузовой, с которой Наташа по-знакомила меня.

Случилось почти невероятное — у меня впервые за многие годы по-явилось свободное время! Раны, нанесенные Верой, зарубцевались, только изредка напоминая о себе.

Еще в Саратове, общаясь с Львом и Наташей, несомненно людьми творческими, я снова вернулся к своему давнему увлечению — романти-ческой прозе.

Я никогда не писал тебе о том, что в тягостные минуты меня выручала моя фантазия и, когда ее «волны» будоражили чувства, воображение, я ино-гда выплескивал их на бумагу.

Перед отъездом в Минск я завершил повесть «Апельсиновая роща». Наташе она очень понравилась, Лев хотя и морщился, но все-таки признал, что написано неплохо для человека, «...берущегося за перо лишь от случая к случаю».

Меня мало смущали такие оценки. Было главное — творчество, из-бавлявшее от душевной боли.

Продолжил писать и в Минске. Даже не мечтай прочитать, что я на-писал. Все давно выброшено — и поделом! Это скорее психотерапия, а не литература.

...Однажды Наташа, увидев меня ночью на кухне за рукописью, как бы между прочим сказала: «Я понимаю, тебе Таня не понравилась... Она действительно сейчас не в лучшей форме. Но я уверена, что она смертельно устала от своего Т., от бесконечных выяснений отношений. Она и курить стала, выпивает только потому, что устала и не знает, как выпутаться из всего случившегося с ней».

Что именно случилось с Таней, я не знал и молча слушал. В Саратове Наташа ничего подобного о Тане не рассказывала. Наверное, из деликатно-сти... Теперь, видя, что я разочарован, что на обмен квартиры надежд мало и я, неровен час, вернусь в Саратов, она решила рассказать мне подробности, о которых раньше предпочитала не упоминать.

Что заставило ее сделать это, не знаю, но я слушал «во все глаза». Мы просидели всю ночь и отправились спать лишь к утру. Заснуть я так и не смог. То, что я узнал, никак не укладывалось в голове, переполненной собственными драмами и тяготами.

Если кратко, то получается, что Таня после окончания средней школы страстно влюбляется в сокурсника по университету, куда она поступает учиться на филфак. Подумав немного, она решается перевестись на журфак, где учиться ее избранник. Однако у него были совсем иные критерии женской привлекательности... В конце концов, что я тебе объясняю?! Парень ее про-сто не любил. Хотя ему, весьма одаренному человеку, нелегко было устоять перед интеллектом девушки, ее остроумием и той вызревающей прелестью, которая так очевидна, когда наступает девятнадцатый год жизни!

Но однажды Таня осознает, что она не может рассчитывать на ответное чувство. Она страшно рассердилась, когда поняла это! Можно тысячи раз говорить о культуре душевных переживаний, особенно если в них есть «яд отказа». Но факт остается фактом: Татьяна просто потеряла голову.

Ситуация осложнилась еще и глубоким конфликтом с отцом. Тот явно не умел щадить чувства и уважать личность юной дочери. А может, не хотел, не считал нужным! Словом, поссорившись с ним, Таня ушла из дому. Наташа приютила ее, и обе, в общем-то уже взрослые девушки, стали развлекаться в компаниях, что, впрочем, тоже вполне банально. Родители Тани пытались ее «усмирить», но...

И вот однажды в какой-то компании Таня увидела долговязого худого парня, которого окружающие звали Юрой. Наташа его знала. Как водится, представила... Из разговоров Таня поняла, что Юра женат и в этот момент с женой в затяжном конфликте. У него — трехлетний сын и больной отец, у которого он, уйдя из дому, живет. Слово за слово, и выясняется, что Юрий пишет прозу, очень хочет поступить во ВГИК на сценарный, отсидел в тюрьме за хулиганство. Правда, срок всего-то полгода или год.

В общем, они познакомились. Оба были не в ладах с близкими, оба не лишены литературных увлечений, оба в то время избавили себя от каких-то обязательств и забот...

Когда перемирие с родителями у Тани наступило и она вернулась домой, Юрий, все еще живя у отца, навел мосты со своей «половиной». Но встречи продолжались и, по-видимому, их отношения были тогда при-ятельскими.

Однажды на улице их увидел Танин отец. Человек грубый, импуль-сивный, он спровоцировал драку с Юрием. Того задержала милиция. У отца Тани был в городской прокуратуре близкий друг. Тот живо от-кликнулся на просьбу своего приятеля «наказать безобразника» — и Юрий Т. получил «за хулиганство» срок около трех месяцев. Правда, его отпускают прямо из зала суда, поскольку на то время случилась какая-то амнистия...

Таня, возмущенная хамством отца, снова уходит из дому. В это же время Наташа уезжает в Москву, знакомится с московским поэтом Львом Щ. И

когда тот зовет ее на «поэтический семинар» в один из волжских городов, не в Саратов — другой, Наташа зовет туда и Таню с Юрием Т.

Я не знаю подробностей их жизни в этом волжском городе. Могу только догадываться, как непросто было устраивать свою жизнь совсем юным девушкам, вовлеченным в водоворот отношений с мужчинами, которые, как и они сами, абсолютно не были приспособлены к жизни.

Я верю в страсть. Верю в любовь с первого взгляда. Верю в провидение, когда, казалось бы, устроена жизнь, есть дети, спокойный быт, работа, но вот появляется ОНА или ОН и... все рушится! Верю и понимаю, что такое в отношениях мужчины и женщины может быть! И слава Богу, что такое случается, иначе любовь превратилась бы в пресный кисель.

Но когда мужчина обнаруживает беспомощность в трудных жизненных обстоятельствах, равнодушно созерцает неустроенность быта и при этом рассуждает о поэтических красотах...

Во мне всегда жила простая, сермяжная правда любви к женщине: ее надо сначала заслужить. Суметь ее защитить. Надо дать ее уму шанс обогатить чувства осознанием счастья в супружестве и материнстве. Наконец, надо уметь нежно любить ее! Только одолев все эти «надо», мужчина готов жить с женщиной, надеяться на ее взаимность, преданность, если пробьют его роковые часы!

...Кое-что о приключениях, выпавших на долю подруг вдали от дома, Наташа мне все-таки рассказала. А позже, когда мы с Таней уже поженились, о том времени поведала мне и она. И по этим скудным признаниям можно представить, что им пришлось пережить.

Таня забеременела от Юрия Т., но вскоре от непосильных бытовых нагрузок случился выкидыш. От всего произошедшего появилась безысходность. Юрий Т. уезжал в Минск, ссылаясь на тоску по сыну, нисколько не заботясь о том, на что будет существовать его подруга.

Родители Тани, возмущенные связью дочери с Юрием Т., после ее отъезда в далекий волжский город были сначала в ярости, потом мать попыталась наладить с Таней контакты, помогала деньгами...

Наконец Таня вернулась в Минск.

Решила, что надо браться за ум, и восстановилась в университете. Но разумно все выглядело лишь внешне. Конфликта с дочерью мать испугалась. Наверное, пыталась как-то приспособиться к ее характеру. Отец ненавидел Юрия Т.

Вернувшись домой, Татьяна сумела (для этого потребовалась немалая воля!) убедить родителей, что все случившееся — ее личное дело. Кажется, ей это удалось. Да и у родителей выбора не было: дочь стала взрослой!

Постепенно она стала сдавать экзамены, необходимые для перевода на факультет журналистики. Жизнь вроде бы налаживалась...

И тут в начале февраля 1970 года в Минск приезжаю я и Наташа знакомит Таню со мной. О моих проблемах и вообще обо мне Таня ничего не знала. Со слов Наташи, которую я просил не распространяться о моей судьбе, Таня знала совсем мало: женат, имеет ребенка, приехал в Минск попытаться обменять саратовскую квартиру. Однако я быстро понял, что Таня «в курсе» моих проблем с женой. Наверняка рассказала Наташа. Правда, я уже не делал из этого секрета.

Наше общение с Таней началось через день-два после отъезда моей тещи. Я уже писал тебе, что привез с собой много рассказов и хотел привести их в порядок, отредактировать и попытаться издать в Минске отдельной книжкой.

Планы мои хоть и выглядели амбициозно, тем не менее особого скепсиса у Тани не вызвали. Рассказы ей понравились. Она охотно откликнулась на мою просьбу отредактировать их. Решили, что удобнее всего работать здесь же, в Наташиной квартире. Таня приходила после университетских занятий и садилась править тексты.

Признаюсь сразу, работала она великолепно! Знание языка, тонкое чувство стиля, явное редакторское чутье придавали моим текстам очевидное благородство. Я был в восторге! Наверное, это льстило ее честолюбию.

В первое время разница в возрасте немного сковывала Таню. Я не замечал в ней особой эмоциональности, скорее — наоборот. Однако ее интерес ко мне чувствовал. В общем-то мои тридцать лет никак не контрастировали с двадцатью годами Тани. Пожалуй, я не ощущал своего преимущества. Может быть, лишь в большем количестве прожитых лет и том объеме физических и душевных страданий, которые выпали на мою долю.

Однажды Таня принесла и свои рассказы. Я сразу понял, что в сюжетах отпечатались коллизии, через которые она прошла за последний год жизни.

Стремление к излишне красочному описанию внутреннего состояния персонажей рассказов, растянутость текстов придавали повествованию рыхлость и беспомощность. Она критиковала меня за те же «грехи», и мы «цеплялись» друг к другу по этому поводу. Правда, споры наши были безобидны и даже веселы.

В наших диалогах она оказалась остроумной, самокритичной, и я с удовольствием замечал: хороший, крепкий ум, готовый к быстрым и ясным реакциям, способный на неожиданные оценки и четкий анализ.

Это не был ум двадцатилетней девушки. Он как бы пробуждался, как мне казалось, в моменты, когда мы работали над моими рассказами. Однажды, многозначительно посмотрев на меня, Наташа сказала: «А я думала, что Тузова уже кончилась для чего-то интересного в этой жизни».

...Мы с Таней начали потихоньку выходить в город. Она любила Минск и неплохо его знала. Я старался не слишком докучать родителям Наташи,

предоставившим мне кров, и решил питаться в кафе. Таня посоветовала очень симпатичное кафе «Молочное» напротив цирка, где мы стали проводить много времени за разговорами.

Настал момент, когда Таня решила рассказать мне о своих отношениях с Юрием Т. Своей откровенностью она как бы давала мне знать о горечи разочарования этим молодым человеком. Я понял и то, что эти отношения она оценивает очень пессимистично, хотя парню искренне сочувствует...

В тот период я уже начал понимать, что в Саратов не вернусь. Это не было связано с моим интересом к Тане. Тогда интереса особого и не было!

Нет! Решение вызрело независимо от нашего общения. Слишком много накопилось за восемь лет жизни с Леной, и, в любом случае, наше расставание было неизбежным. Однажды я позвонил Лене и сказал, что в Саратов не вернусь, а все подробности напишу в письме.

Завершался второй месяц моей жизни в «приживалах». Пора было как-то устраиваться. Конечно, меня тревожил мой новый «нулевой цикл»!

Мог или нет я рассчитывать на моральную, психологическую поддержку Тани, я не знал. Прошло слишком мало времени, да и определенности у меня никакой не было. Страшно угнетала моя решительность разрыва с Леной. Давил сам факт, ну а в фантазиях потеря сына никак не укладывалась!

Мне предстояло в Минске прописаться, найти работу, постараться не заболеть от нагрузок и душевных переживаний. Одно я знал твердо: раз уж принял решение, то и следовать надо в одном направлении, без мучительных колебаний. Тем более что на решение ушли годы!

В общем, тогда вряд ли мы с Таней интересовали друг друга больше, чем как знакомые, чьи увлечения хоть как-то могли вызвать диалог минут на тридцать, час...

И все же каждый из нас, по-видимому, накапливал взаимную симпатию. Общась, споря, просто болтая о пустяках, каждый из нас отдыхал от своих нелегких проблем. По-моему, мы были тогда именно за это благодарны друг другу.

Таня сдержанно реагировала на мой отказ вернуться в Саратов. Она видела, как трудно я принимал это решение. Терпеливо меня выслушивала, когда я «выговаривал» в диалогах свои душевные недомогания. И никогда я не слышал от нее никаких резюме: «хорошо-плохо». Было деликатное уважение ко всему, что со мной происходило.

Как человек, принимающий тяжелые решения, признающий нравственную уязвимость своего положения, я чувствовал благодарность к этой юной женщине. Безумно на меня давил факт: я оставляю пятилетнего сына, его мать, у которой нелады со здоровьем. Хотя и она, и ее мать получали хорошие пенсии, имели неплохую квартиру, жили в очень удобном районе, случившееся было испытанием и для них.

Мое заявление в саратовский суд было написано на 40 страницах. Я обосновал полную бесперспективность нашего брака, привел факты, хорошо известные и мне, и Лене, убеждая судью принять решение о разводе.

Судья не настаивал на моем приезде в Саратов на бракоразводный процесс и принял заявление. Однако Лена была настроена решительно и поначалу на развод не соглашалась. Правда, недолго. Конечно, она затаила тяжелую обиду! Я до сих пор ее чувствую...

...Когда я отправил свое заявление в саратовский суд и ждал ответа, во мне произошел какой-то надлом. Я нуждался в душевной поддержке. В «прветривании» всех внутренних «закоулков», до предела заполненных горькими событиями, еще недавно случившимися в Саратове.

Может быть, в этот самый миг я обратил внимание на то, что Таня меня послушалась и бросила курить. Перестала рассказывать о том, как лихо «поддавала вчера в одной компании». Очень скоро стала выглядеть отдохнувшей, даже какой-то умиротворенной. Ее лицо округлилось, посвежелело. По-моему, тогда с ней случилось то, что происходит с любой молодой женщиной, которая не мешает своему организму жить в согласии со своей природой и возрастом...

Позже я узнал, что Юрий Т. снова сидит в тюрьме за хулиганство. Правда, срок всего месяц, но в городе его нет! Может быть, это и было причиной благодатных перемен во внешности Татьяны.

Постепенно и наше общение стало оживленным. Мы, сначала робко, затем смелее, научились весело и громко смеяться. Смотреть друг на друга уже прямо, а не искоса, откровенно, а не изучающе...

Однажды, прогуливаясь вечером по проспекту, я в каком-то странном порыве веселого озорства поцеловал ее. Таня остановилась. Посмотрела на меня отчужденно и сказала: «Больше этого делать не надо!» Но меня как будто кто-то подхлестнул! Я снова ее поцеловал. Раскатисто и очень искренне рассмеялся. Она решительно тряхнула головой и, повернувшись, быстро пошла прочь.

Я опешил! Но не от того, что она действительно уходит. От своего «разбойного» поведения! Догнав ее, я срывающимся голосом стал просить прощения. Наверное, на моем лице было написано что-то такое, что Таня остановилась. Взяв меня под руку, она сказала почти шепотом: «Пойми! Мне очень тяжело перепривыкать... Прошу тебя, пойми...»

В дом к Наташе она не приходила. На четвертый день я рискнул позвонить Тане домой. Трубку взял ее отец. Привычно представившись, я попросил Таню к телефону. Мне было сообщено, что она не может подойти, поскольку болеет. На том разговор и закончился.

Позже я вышел прогуляться по городу. Наверное, было уже часа два или три пополудни, везде полно народу, и я неспешно шел по проспекту.

Хотя уже прошла первая неделя апреля, было еще довольно прохладно. Неожиданно я заметил знакомую шубку.

Едва ли не в двух шагах от себя я увидел Таню, а рядом с ней высокого парня лет двадцати семи. Она меня не заметила, что-то оживленно рассказывая спутнику, которого держала под руку.

Я понял сразу, что это — Юрий Т. Потом я узнал, что из тюрьмы его выпустили, так как дело отправили на пересмотр. Он тут же позвонил Тане и...

Наверное, в моем подсознании шла какая-то «своя» работа. Нечаянная встреча Тани с Юрием Т. как бы толкнула меня чуть в сторону от моих тогдашних мыслей и чувств, связанных с разводом, потерей душевного покоя из-за неудач с разменом квартиры, моего смущения от уже сравнительно долгого проживания под крышей у гостеприимных, но чужих людей.

В тот момент я, пожалуй, уже начинал смотреть на Татьяну другими глазами. Еще мало что внутри себя понимая, я, в миг этой случайной встречи на улице, заметил ее сверкающие глаза, звонкий смех, голос, в котором успел уловить нотки радости. И... эти ее пальцы, которые обхватывали длинную руку спутника, снисходительно поглядывавшего на нее с высоты своего роста.

Я почувствовал какой-то толчок. Он мгновенно растворился в моем быстром движении по улице прочь от этой пары, но, по-видимому, именно его энергия разбудила во мне пока дремавшее, то ли от настроения, то ли от усталости, желание действовать незамедлительно.

Тогда-то и пришло осознание, что усталое выжидание — нелепо! Что пора начинать как-то устраивать свою жизнь. И тогда же я, наверное, стал ощущать недвусмысленное волнение от того, что рядом с Таней мог быть кто-то другой.

Быстрый шаг, колющий ветер немного рассеяли мое негаданное волнение от недавней встречи, и, вернувшись в Наташин дом, я, не снимая пальто, взял телефонную книгу, нашел название организации...

Да, я нашел телефон точно такой же организации, в которой работал в Саратове четыре года назад. Ты же знаешь, такие организации есть во всех столичных или крупных городах страны.

Так вот... Я быстро набросал сценарий предстоявшего разговора, вжил-ся в роль, сконцентрировался и набрал номер первого лица этой организации.

Если ты перечитаешь мои прошлые письма, то согласишься, что за свои тридцать лет я десять-пятнадцать прожил в реальном обществе со всеми его контактами, отношениями и накопил какой-то опыт. Многому я научился за годы работы в Саратове. Потому, наверное, мой разговор сразу дал хорошие результаты! Меня попросили немедленно приехать, а уже через два часа я возвращался в квартиру Наташи с планами предстоящей работы в этой организации!

...Не сговариваясь, мы вышли во дворик, напротив подъезда таниного дома, уселись в беседке и в тот вечер, не понимая, что с нами происходит... Да нет же! Вовсе не желая что-то понимать, мы смотрели друг на друга безумными от счастья глазами и целовались, как перед казнью!

Почти все ощущения, возникшие от той неожиданной встречи на проспекте, улеглись. Мне даже захотелось, чтобы Таня не появлялась еще дней пять-десять...

И все же то был только контур нормальной работы и очень туманная преамбула к нормальной жизни в Минске. У меня не было прописки в этом столичном городе, и считать, что я прочно закрепился, было нелепо.

Я лишь получил возможность показать первому лицу той организации, назовем его Борисом С., чего я стою! Он показался мне человеком энергичным, прагматичного ума.

Всего три месяца назад он переступил порог своего просторного, с батареей белых телефонов кабинета. Его распирали амбиции, и очень хотелось реформ, преобразований. Он жаждал заметных, впечатляющих эффектов своего руководящего присутствия в городе и в этой организации. Однако тогда мне показалось, а позже я в этом убедился, что окружавшие его помощники не могли похвастаться интеллектуальным ресурсом, оригинальными взглядами, новыми идеями. Наверняка это вызывало в нем досаду потому, что планы желанных преобразований требовали энергичных мозгов. Их-то рядом и не было!

...Поработав полночи с бумагами в Наташином доме, я на следующий день принес Борису обширную программу действий. Тогда же я «за бесплатно» предложил свои услуги в качестве главного консультанта и двигателя реформ, которые он намеревался провести в жизнь. Я рассчитывал на его отклик и надеялся, что успех моих идей даст мне шанс прописаться с помощью Бориса в столице.

Не буду утомлять тебя подробностями. Не в них суть. Главное в том, что весь апрель я работал день и ночь с той командой, которую и составляли подчиненные Борису люди. Я нередко ночевал в его кабинете, он оплачивал мое питание, и мне удавалось появляться в доме Наташи лишь несколько раз в неделю, чтобы помыться и сменить одежду.

О Тане я даже не спрашивал. Номер своего телефона в кабинете, который мне был выделен для работы, Наташе не дал. Получалось, что я надолго исчезал неведомо куда. При редких встречах с Наташей я узнавал, что Таня пребывает «...в тревоге, теряется в догадках, не понимает, что случилось, куда ты пропал?»

Не удержавшись, я все же рассказал Наташе, где обитаю и чем занимаюсь. Через день в кабинет, где мы с Борисом обсуждали очередные планы, входит секретарша и сообщает, что пришел корреспондент Белорусского радио и просит разрешения войти. Тот кивнул, и я увидел... Татьяну с портативным магнитофоном через плечо.

Мне было трудно сдержаться, но, слава Богу, удалось. Таня, не обращая на меня внимания, заявила хозяину кабинета, что она корреспондент

Белорусского радио и хочет получить информацию о готовящемся «мероприятии». Тогда действительно готовился большой семинар и я принимал в его подготовке самое деятельное участие.

Тут же, при мне, Борис С. дал обширное интервью, и я с удивлением обнаружил железную хватку Тани в деловом диалоге, оценил точность вопросов, уместность «провокаций», к которым обычно прибегают журналисты для оживления диалога.

Сразу после интервью Таня обратилась ко мне: «Ты куда пропал? А, понимаю, здесь собрались лучшие мозги города Минска, но...»

Борис с недоумением поглядывал то на меня, то на Таню, ничего не понимая. Таня посмотрела на меня с укором и, повернувшись к хозяину кабинета, сказала, что позвонит, когда смонтирует запись, чтобы договориться, когда можно показать материал...

После ее ухода Борис вопросительно посмотрел на меня. «Я уже в городе больше двух месяцев, что ж ты хочешь, чтобы я ни с кем не знакомился?» Он расхохотался и одобрительно потрепал меня по плечу.

Через пять минут в его кабинете началось большое совещание. Я должен был, используя свои методы оценки работы проблемной группы, которой руководил, подвести итоги совместных наших усилий в решении поставленной Борисом задачи.

Приоткрою тебе «тайну». В Саратове, года за четыре до отъезда в Минск, я сменил профессию, стал социологом в одном крупном, все-союзного подчинения оборонном НИИ. Там я разрабатывал проекты деловых управленческих игр. В то время это был последний «писк» управленческой моды. Все, что знал и умел, я продемонстрировал в Минске. Это стало настоящей сенсацией!

С помощью системного подхода и деловых имитационных игр можно было заранее моделировать любые мероприятия и процессы, которые закладывались в основу директив и планов организации, в которой я так удачно тогда подвизался.

Конечно, уставал я смертельно! Ничего вокруг не замечал. Борис обещал прописать меня в Минске и устроить на постоянную работу, где мне бы дали комнату в общежитии. Такое ему было вполне по силам, а мне оставалось продолжать доказывать свою незаменимость!

Работа шла отлично, и, как у каждого вымотанного человека, сильно обострились чувства. Безумно хотелось обычных радостей. Ну хотя бы... внимания женщины.

Таня стала звонить мне на работу. Мы снова возобновили наши встречи, долгие разговоры, и вечерами я провожал ее домой.

Однажды, в каком-то странном и, как тогда мне показалось, даже нелепом восторге она обняла меня в подъезде своего дома и стала целовать

с удивительной, трепетной нежностью. Я чувствовал прикосновение ее влажных, теплых губ и отвечал уже долгими поцелуями. Стемнело. Не сговариваясь, мы вышли во дворик напротив подъезда Таниного дома, уселись в беседке. Не понимая, что с нами происходит... Да нет же! Вовсе не желая что-то понимать, смотрели друг на друга и целовались, как перед казнью!

«Давай уедем на какую-нибудь одинокую станцию, как ты однажды там, в Саратове, — неожиданно прошептала она, — и побудем вдвоем в ночной тишине!»

Действительно, однажды в Саратове, поддавшись очень трудному настроению, я сел в электричку, которая унесла меня на дачные, лесистые окраины города. Так я пытался найти душевное равновесие, избавиться от спазмов безысходности, схвативших меня в тот миг за горло.

...В полупустом вагоне электрички мы всю дорогу целовались, говорили те самые милые глупости, на которые горазды молодые люди, вкусившие плод любви еще только в своих фантазиях. Куда-то приехали. Сошли, не замечая, где мы, куда идем и что с нами случится потом.

Оказались на глухой станции. Здесь еще даже не стоял снег, хотя март уже кончался. Ночной, весенний, чувствительный морозец стал меня беспокоить уже минут через пятнадцать. Таня была беззаботна и весела. Наше приключение явно забавляло ее.

Моей обалдевшей от происходящего фантазии хватило на то, чтобы сделать попытку остановить поезд и вернуться на нем в Минск. Боже! Что делает с тридцатилетним мужиком свалившееся с неба счастье — женщина! Юная, веселая, нежная, с ужасно вкусными губами и блестящими озорными глазами...

Увидев меня на рельсах и стремительно приближающийся поезд, Таня встала рядом. Мы отскочили в сугроб, только когда расстояние сократилось метров до пятидесяти. Вот так, милый ты мой. Опьяненные друг другом, мы потеряли границу жизни и смерти. Все на себя взяла Природа: как всегда недремлющий инстинкт самосохранения сделал свое дело. Спасибо ему. Но сначала спасибо Тане. Черт его знает, отскочил бы я, не окажись она рядом?..

Я не знал, сколько времени провели мы на этой одинокой станции в полночной темноте. Только пришедшие откуда-то люди подсказали нам, что электричка все-таки будет и довезет нас до Минска. Мы даже не замерзли. Не успели!

... Едем в электричке домой. Таня тихо спит, положив голову на мое плечо. В оконном отражении я вижу глуповатое лицо молодого человека с бородой и усами, который не может оторвать взгляд от своей спящей подруги...

...Дня через три, завершив свою работу у Бориса, я вернулся в дом родителей Наташи. Хозяйка, интригуяюще прищутив глаза, сказала, что «звонила

мать Тани» и с «большим интересом и тревогой спрашивала: кто такой этот Юрганов?» «Я сказала ей, — оживленно продолжала мать Наташи, — что ты — замечательный человек, мы все от тебя без ума! Ну и те де и те пе!»

Тут же, как бы между прочим, мне было сказано, что освобождается квартира, где я мог бы пожить до самой осени, пока не найду себе жилье...

Знакомо ли тебе состояние внутреннего восторга, который так и распирает душу, не находя выхода? У меня все получалось! Дела с пропиской в Минске уже начались, Таня... любит меня. Во всяком случае, я уже готов был так считать после нашего ночного приключения.

Опустошенность предшествующих моему приезду в Минск месяцев сменилась ощущением неожиданного внутреннего могущества! Однако как же все хрупко в жизни наших чувств!

...Я отлично помню этот день. Пришла Наташа и после колебаний (она уже знала причину моих восторгов) начала: «Мне неприятно тебе говорить, но ты просто обязан это знать. Таня снова с Юрием. Я видела, как они вышли из подъезда ее дома обнявшись, со счастливыми физиономиями. Думаю, этот факт комментировать не нужно? Прости, но мне кажется, что ты рано радуешься...»

Увидев мое лицо, Наташа осеклась. Неожиданно для самого себя я стал наливаясь медленной, дремучей и какой-то обжигавшей душу яростью. Еле слышно сказал: «Я сейчас же уезжаю... В Краснодар. Там у меня еще остался кров...»

Не слова ни говоря Наташа выскочила из дому, а я медленно и сосредоточенно начал собирать вещи в мешок величиной с базарную авоську.

Пришла мать Наташи — Нелли. Увидев мои приготовления, удивилась и заставила меня рассказать ей все, а затем тоном, не терпящим возражений, заявила: «Этого ты делать не будешь. Сейчас мы с тобой все приведем в порядок!» Что она собиралась делать, я не успел узнать, потому что зазвонил телефон. Нелли взяла трубку и, услышав голос Тани (оказывается именно она в ту минуту звонила, «подстегнутая» Наташей), заговорила с ней каким-то тихим равнодушным голосом: «...Он уже уехал на вокзал... Да, решил в Минске не оставаться и вернуться к родителям... Почему? Наверное, есть причины? Подумай, может быть, и ты о них догадаешься».

По своему душевному складу мать Наташи — мастер розыгрышей и артистичных мистификаций. Женщина яркая, абсолютно без комплексов и природная оптимистка.

Я очень скупно рассказывал ей о себе. Старался избегать подробностей, но именно она сумела разобраться в моих саратовских и уже здешних, минских, проблемах лучше всех.

Нелли была мне благодарна не только за дочь. Я помог и ее младшему сыну-подростку Володе. Тогда он учился в девятом классе и у парня были

неприятности в школе. С кем не бывает такое в шестнадцать лет, когда мать с отцом вечно заняты... Мальчика даже собирались исключить за разные проделки, но я пошел к директору, представился родственником и поручился за него, пообещав, что проблем с парнем больше не будет.

С Володей мы подолгу разговаривали «за жизнь», и, слава Богу, все «рассосалось».

Так вот, Нелли взяла трубку, а я сидел рядом, едва справляясь с нахлынувшим негодованием. Наташи все еще не было.

Не думаю, что во мне «бушевала ревность». Пожалуй, обида на Таню. Может быть, это звучит глупо, но мне казалось, что меня просто обвели вокруг пальца!

В минуты нежданного счастья, искренних эмоций, моих медленных, малозаметных, но все-таки подвижек навстречу к женщине, тоже приближавшейся ко мне, совсем непросто понять мотивы ее поступков, которые твоя душа уже не хочет принимать!

Я считал... Ну, пусть готов был считать, что случившееся недавно — наша радость! Пусть неожиданная, но такая откровенная и восторженная влюбленность обоих!

Да, я готов был верить, что наступило наше созвучие! Душевное, эмоциональное! Мне даже казалось, что принадлежность друг другу стала почти очевидной. Если я даже и предвосхищал, я уже боялся это потерять!

«Он уехал на вокзал, — спокойным тоном говорила с Таней мать Наташи. — Не думаю, что он вернется... Ты хочешь его там найти? Попытайся...» Она положила трубку и сказала вещие слова: «Успокойся, она придет сюда максимум через полчаса-час и будет просить у тебя прощения...»

Должен прервать это письмо, надо бежать на работу, и так просидел над ним почти всю ночь.

Олег.

Минск, 2 июня 1974 г.
Олег — Николаю (письмо второе)

Привет! Продолжу...

...Действительно, минут через сорок, когда я спускался по лестнице вниз, чтобы сходить в магазин за хлебом, дверь внизу резко распахнулась и в подъезд вихрем влетела Таня. Увидев меня, спускавшегося ей навстречу, едва не сбила с ног.

Она плакала, торопливо всхлипывая, как будто прощаясь, целовала меня и твердила: «Прости! Люблю, люблю, люблю!» Ей даже в голову не приходило, почему я здесь, а не на вокзале, как о том сообщила ей Нелли. Но теперь это было уже неважно...

Вспоминаю привкус ее соленых от слез губ, свое бормотание и едва

сдерживаемую радость от прикосновений к моим щекам холодных пальцев, ее глаза с растекшейся тушью, наконец, плотное кольцо рук, сомкнувшихся на моей шее...

В те минуты, как мне показалось, я успокоился. Оказывается, мне для этого нужно было всего ничего: слова, которые я услышал, прикосновения, которым я радовался, глаза, в которых было столько вины и раскаяния. Я оттаивал...

Мы поднялись наверх, в квартиру Наташи. Она еще не вернулась. Нелли как ни в чем не бывало встретила Таню, усадила нас пить чай, а сама, вспомнив, что ее давно ждет подруга, быстро оделась и ушла.

Увы! И мне надо было идти к Борису. Он давно ждал. Несколько раз звонил, и невозможно было дальше испытывать его терпение. Перед уходом я с Таней договорился, что встретимся вечером еще в одном «нашем» кафе — «Березка», почти рядом с ее домом.

В тот день, когда все эти «страсти-мордасти» случились, я пришел с работы рано. Наташа была дома. Она уже все знала. Мать от подруги позвонила домой и все рассказала. «Ты как-то признался, что коллекционируешь лица и личности, — загадочно улыбаясь, сказала Наташа. — Вот я и хочу предложить тебе познакомиться с Юрием Т. Может быть, тогда тебе станет понятно, почему Татьяна мечется?».

Выслушав Наташу, я устало махнул рукой, мол, всему свое время, и задремал. День уже близился к закату. Мне хотелось, до встречи с Таней в «Березке», немного отдохнуть. Наташа опять куда-то ушла.

Звонок телефона вернул меня из дремотного забытья. Я услышал голос Тани: «Олег! — взволнованно говорила она. — Ты мне очень нужен. Здесь, у «Березки», Т. оскорбляет Наташу. Приди, пожалуйста, объясни ему популярно, чтобы он не хамил!»

Бывают ситуации, когда в «воздухе попахивает грозой». Мы с Таней еще по телефону разговаривали, когда в дом вошел Володя. Поэтому, прихватив его с собой, я быстро пошел к месту, указанному Таней. Она стояла у входа в кафе, но... одна. Глаза красные, наверное, от слез. Ни Наташи, ни Юрия. Володю я тут же отправил, а мы с Таней спрятались от накрапывающего дождя под широким козырьком какого-то ларька на колесах.

Ты знаешь, наверное, меня все-таки опустошили сильные переживания накануне. Я смотрел на Таню и вдруг почувствовал, как во мне неожиданно возникло отчуждение к ней. Дождь прибил ее челку. Глаза какие-то бесцветные, с растекшейся тушью. Лицо осунувшееся. Голос усталый... «Наташа сказала, что ты хочешь познакомиться с Юрием?» — она вопросительно посмотрела на меня. Я пожал плечами: «По-моему, ты позвала меня утихомирить его...» Честное слово, в моем голосе не было ни тени иронии! Кажется, я начинал понимать, что и в самом деле пора знако-

миться с этим парнем. Хотя бы для того, чтобы составить представление о личности, которая сумела так увлечь Таню.

...Кафе еще не открыли после перерыва, и мы с Таней пристроились к очереди у дверей. На мой вопрос, куда же подевался Юрий Т., Таня рассеянно ответила: «Пошел в магазин за водкой...» Я невесело подумал: действительно, без водки «встреча на Эльбе» будет малоинтересной.

Сейчас я приведу выдержки из дневника, который я тогда вел, правда, не аккуратно. Просто хочу дать тебе возможность увидеть тогдашними моими глазами встречу с Юрием Т.

* * *

«...Он появился неожиданно. Я узнал в нем того парня на проспекте прохладным апрельским днем. Отметил про себя вялую, влажную ладонь, сунутую мне для приветствия. Блуждающий, немного растерянный взгляд. Я сказал неожиданно для себя равнодушно: «А, Т.? Слышал, слышал...» Заметил он мою явную небрежность или нет — не знаю, мы все еще стояли в очереди. Т. окинул меня оценивающим взглядом. Раздвинув пухловатые губы, обнажил тусклый ряд вставных с никелевыми коронками зубов, сказал: «Не думал я, что ты такой маленький...» Похлопав меня по плечу, добавил с ухмылкой: «И с животиком...» Я широко улыбнулся и тут же отреагировал: «И — хромой! Что ж не договариваешь для полноты впечатления?» Он смутился: «Ну, это ты зря...»

Почти сразу, после «обмена приветствиями», мы вошли в зал и сели за свободный столик. Принесли еду, рюмки. Юрий вытащил из кармана поллитровку. Взглянув на Татьяну, я решительно сказал: «Пить не будешь!» Она послушно кивнула. Молча выпили, молча ужинали.

Положение складывалось прелюбопытное. Напротив меня сидел тот, кто провел с ней почти 2 года, а я хотел их разрыва.

В тот момент у меня не были никаких планов. В конце концов, пусть будет как будет. Нервы натянуты, но я ощущал даже прилив сил. Юрий выглядел растерянным. Нелепость ситуации (с какой стати и кто именно нас «сводит»?), наверное, выводила его из равновесия.

Я разглядывал лицо сидевшего напротив молодого человека. Был он худ, смугловат. Карие глаза и вялые, безвольные губы, тяжеловатый, такой же безвольный подбородок. Говорил он короткими, отрывистыми фразами. Часто не к месту усмехался, затрудняя понимание его мысли.

Минут через пятнадцать, видя, как осунулось лицо Тани, я попросил ее уйти. Она, послушно кивнув, удалилась. Кажется, Юрий был благодарен мне за это.

Провожая взглядом уходящую Татьяну, он мелкими глотками пил кофе. Вдруг, неожиданно, с некоторым даже вызовом, посмотрел на меня

... Татьяна, с кошкой на руках, устроилась на широкой спинке дивана.

и спросил: «Так чем могу быть полезен?»

Эта пижонская фраза меня взбесила, но я сдержался. Неожиданно Юрий встал, вышел из зала. Я молча дотил водку, заканчивая гуляш. Минуту спустя пожалел, что выпил, пытаясь заглушить раздражение от вовсе не нужной мне встречи.

Т. быстро вернулся и почти жалобно пробормотал: «Я не могу больше здесь сидеть... Пойдем на улицу, подышим?» Я согласился, показав рукой на свою тарелку с едой, мол, придется немного меня подождать...

Было трудно справиться с ощущением, что я теряю время. Но тут «кстати» вспомнил, что повод для встречи все-таки был — мне по телефону позвонила Таня, жалуюсь, что Юрий оскорбил Наташу! Я тут же вспомнил голос Тани, ее слезы, просьбу урезонить этого длинноногого хама...

...Мы шли по улице, и я, разделяя произносимую фразу, сказал, что хамство никогда не было свидетельством ума и эта истина находит подтверждение в его поведении. Не обращая внимания на удивленно поползшие вверх брови Юрия, я продолжал резонерствовать, и мне «помогало» выпитое спиртное: «Хамы — народ на редкость капризный. Как только они попадают в ситуацию, лишающую их возможности хамить, они начинают мучиться комплексом неполноценности».

Т. сначала протестующе замахал руками, как бы отбиваясь от меня, потом сник и слушал, невольно приспосабливаясь к моим шагам.

Я продолжал: «Жертвы хамов — люди беззащитные и легко ранимые. Наталья оказалась той самой жертвой, которую ты, Юрий Т., вы-брал для своих пассажей!»

Он оторопело остановился и, театрально прижав руки к груди, сказал: «Но она же оскорбила Таню! Ей морду бить надо!» Я продолжал идти: «Ты не прав! Наташа — очаровательная женщина и морды у нее нет! Это — человек, защитить которого я считаю своим долгом, и в моем присутствии или без меня говорить о ней подобным образом я запрещаю!»

«Энтузиазма» мне добавляла водка, которая дразнила мою неприязнь к этому долговязому парню. По-моему, на нас стали даже оглядываться... Юрий сказал откровенно: «Ладно, чего ругаться посреди улицы? Пошли ко мне, что ли?...»

Без всякой связи он признался мне извиняющимся тоном, что Таня дала ему почитать мою повесть «Апельсиновая рожа». Почему-то начал говорить, что сам бы написал ее совсем не так... Я резко оборвал его: «Не хочу слушать никаких комментариев, а Татьяна выскажу свое отношение к этому факту!» Он испуганно заморгал и извинился...

Он снова предложил пойти к нему домой, сославшись, что живет в двух шагах. Однако я почувствовал жуткую усталость и направился к дому Наташи...

* * *

...Она была дома. Держался я не очень уверенно, однако разогрел чай, молча пил, не обращая внимания на вопрошающие взгляды Наташи. Неожиданно без звонка пришла Таня. Я рассказал ей о разговоре с Юрием Т. Она тихо прихлебывала чай и безучастно слушала, не перебивая. И тут я почувствовал, что между нами, как ядовитый дым, расплзается отчуждение...

Нет, она была сдержанна, но мой рассказ, похоже, вызвал какую-то внутреннюю «оскомину». Не знаю, верила ли она в тот момент моим словам, но с каждой минутой мне казалось все заметней ее неприязнь. Я не был готов к такой реакции. Усталость давала о себе знать, и я откровенно ждал, когда, наконец, наш разговор иссякнет. Хорошо помню, что скрывать свое пренебрежение и даже брезгливость к Юрию Т. я уже даже не пытался...

...В последующие дни отчуждение и сдержанность Тани становились все явственней. Когда в неожиданном разговоре с ней в моих оценках Юрия Таня улавливала нотки пренебрежения или критичности, ее реакция была даже агрессивной.

Однажды с обидой в голосе заявила, что «...в любом случае, он человек и заслуживает уважения...». Я разозлился и сказал, что это ничтожество оставило в ее душе след только потому, что было ее первым мужчиной, что именно поэтому она не может быть объективной по отношению к нему.

Неожиданно Таня согласилась с моими доводами. Я был озадачен. Моя реплика была лишь желанием поддеть ее. Спустя день или два у Наташи дома, в безучастном разговоре, я снова уловил странную и очень раздражавшую меня враждебность в ее глазах. Но в этот раз такой ее взгляд меня откровенно смутил.

...Таня, с кошкой на руках, устроилась на широкой спинке дивана. Я сел напротив и заметил, что она боится оторвать от кошки взгляд, наверное, чтобы не наткнуться на мои глаза. И тут мне ужасно захотелось, чтобы Наташкина Мурка неожиданно прыгнула! Таня попыталась бы ее удержать, невольной улыбкой смягчив напряженно сжатые губы...

...Встречаться мы продолжали. Дома у Наташи, в «наших» кафе: «Березка», «Молочное», но чаще гуляя по проспекту. Однажды, когда уже подползали сумерки, я провожал Таню домой и неосторожно опять коснулся болезненной темы. Она резко остановилась. Ветер растрепал ее волосы, открыв решительное, даже злое лицо. Заявив, что признает ущербность личности Юрия Т., она сказала, что «...может справиться с ее... совершенствованием!». Я хохотнул и, наверное, уж слишком пренебрежительно. Тут же спохватившись, стал серьезно убеждать в иллюзорности ее намерений. Не слушая и не попрощавшись, она быстрым шагом ушла прочь...

Наступило трудное время. Особенно для Тани. Я уже чувствовал ее раздвоенность. Страдал от своей беспомощности, раздражения, волнами

закипавшими в душе, сменявшимися нежностью и тоской.

Из наших отношений исчезла романтика влюбленности. Дерзкие наши разговоры о ней, ее жизни, нелепости выбора опустошали нас.

В эти же дни я наткнулся на новую «напасть». Это художник. Его тоже звали Юрием. Широкоплечий, бородатый, с угрюмым взглядом глубоко посаженных глаз, он привлек внимание Тани в музее, и она с ним познакомилась.

Встречались они в музее, разговаривали, часами простаивая у картин, которые он копировал, пытаясь «настроить» руку.

Ему, может быть, даже льстило ее внимание. Все-таки это был еще молодой человек, пожалуй, мой ровесник, пока не достигший никаких успехов, но уверенный в себе и своих возможностях.

Таню что-то к нему притягивало и одновременно, как мне кажется, пугало. Он же был к ней равнодушен, но не чурался ее размышлений и оценок своего творчества.

Вряд ли их отношения можно было назвать романом. Я об этом ничего не знал, пока она не привела Юрия Л. в дом к Наташе.

В тот вечер у меня была мучительная мигрень, но перед приходом Тани и Юрия Л. мне удалось снять приступ медитацией. После нее я бывал немного вялым и раздражительным. Приход Тани с незнакомым мужчиной поначалу поверг меня в уныние. Прошло недели две или три, как случился мой «марафон» с одним Юрием, а тут неожиданно появляется второй...

Постепенно за бутылкой вина наша компания развеселилась, и полились разговоры. Правда, бородатый гость упорно молчал. Он выглядел застывшим речным валуном, иногда почесывал в затылке или пытался сказать что-то путное, но неудачно.

Татьяна острела, как всегда, умно и тонко. Нет, представь себе, я совсем не ревновал. Присматриваясь к гостю, я очень скоро понял, что в обществе Тани он — эпизод, не более того.

В тот вечер гость Наташу явно заинтриговал. Она старалась быть милой и в меру кокетливой. Мне же почудилось, что она маскирует свою растерянность или безуспешно пытается что-то понять в происходящем.

То, что присутствие Юрия Л. ее смущало, мне стало заметно очень быстро. Даже позабавило. Мужчины типа Юрия Л. и женщины Наташиного типа почти мгновенно осознают некую принадлежность друг другу. Только время может быть ранним или поздним свидетелем их взаимного признания в этом. Похоже, что время в тот вечер неслось вскачь!

Гость вскоре вообще перестал отворачивать свою бородатую физиономию от Наташиного лица. Мне кажется, что я это заметил одним из первых и, когда убедился, что не ошибаюсь, весело и язвительно шепнул Тане: «По-моему, ты явно теряешь очки! Не слишком ли самоуверенно было

пригласить этого «бурлака» к Наташе в гости?»

Таня поморщилась, но сдержалась. Поняв оплошность, решила увести Юрия Л. из «опасной зоны». Тот не возражал, и они, откланявшись, ушли.

Минут через пятнадцать-двадцать раздался телефонный звонок, и голос, явно незнакомый Володе (он поднял трубку), попросил Наташу к телефону. Та, быстренько схватив трубку, уплыла в другую комнату. Вслед за ней послушно вполз длинный телефонный шнур.

Когда она вернулась, ее лицо было одновременно загадочным и растерянным. Уведя меня на кухню, сказала жарким шепотом:

— Представь, это звонил Юрий Л.

— Не может быть!

Я старательно разыграл недоумение. Меня звонок не удивил, но озадачил. Поди ж ты, как все быстро случилось!

— Точно, он!

Наталья театрально закатила большие, выпуклые светло-голубые глаза.

— Олег! Я в шоке! Он приглашает меня сегодня вечером в ресторан. Я просто в панике. Что делать?

— А я откуда знаю? Он тебе хоть понравился?

Я смотрел на нее с нескрываемым любопытством. Передо мной стояла молодая женщина, налитая здоровьем и желаниями. Она познала соблазны, как говорят подростки, «с ранья», и теперь, после двух месяцев «домашнего режима», едва способна скрыть возбуждение, разбуженное взглядом и голосом бородатого сатира.

— Так понравился или нет? — нетерпеливо повторил я.

— Д-д-да! — Наташа спохватилась и, слегка покраснев, добавила: — Колоритный мужик, ничего не скажешь!

Она отвернулась к шкафчику с посудой, чтобы скрыть явную растерянность, и глухо спросила:

— Но как быть с Таней? Они же наверняка встречаются... Я не знаю, что там у них было, будет.

Она почти успокоилась. Смотрела на меня, наивно округлив глаза, как бы говоря: видишь, я совсем не забываюсь! Я ради подруги...

Неожиданно подошла ко мне очень близко и сказала почти умоляюще: «Олег, давай так: как ты скажешь, так и будет!»

Я оторопел.

— Да, да! — В ее глазах была теперь странная решительность. — Как ты скажешь...

Хитрить я не стал. Мое воображение весь вечер гостевания «бурлака» в Наташином доме «соединяло» эту пару. Теперь оставалось продолжить...

— Ну что ж! Сегодня последуй своему желанию. Встреться с этим человеком...

Я сделал паузу, как бы проверяя, насколько я прав в своих выводах. Увидев, как загорелись Наташкины глаза, продолжил:

— Ты имеешь на это право! Тебя же пригласили... Я не думаю, что уместно разыгрывать из себя преданную подругу неизвестного рыцаря. Твой отказ будет означать только плохое воспитание. В общем, причин для отказа я не вижу, так что — иди. Кстати, заговори о Тане. Все выясни — и наверняка поймешь, куда «рулить». Уж себе-то ты точно сможешь определить, кто у него «на кону»: ты или Таня!»

...Наташа в ту ночь домой ночевать не пришла. Мне удалось убедить ее мать, что волноваться не стоит. Скорее всего, для молодой и очень интересной женщины, после возвращения домой и неудачных приключений в столице и провинции, «лед тронулся». Мне повезло. Нелли была женщиной без комплексов и, почти сразу после моих слов, успокоилась.

...Утром, придя домой, Наташа застала только меня. Просияв, сказала: «Я не знаю, что из всего этого выйдет, но в любом случае спасибо тебе большое!» — «Пожалуйста», — машинально ответил я и не стал задавать лишних вопросов.

С тех пор Наташа частенько и подолгу жила у Юрия Л. в его просторной мастерской, которую прозвала «берлогой». Шаг за шагом она приближала логическую развязку своих с ним отношений. Конечно, родители волновались, пытались потребовать у нее объяснений. Но мне удавалось сдерживать их гнев, ссылаясь на прошлый неудачный опыт «обуздывания», который для их дочери окончился побегом в Москву и в волжский город.

Узнав правду, Таня в доме Наташи не появлялась недели три. Юрий Л. без обиняков сказал ей все и разом. Сделал он это довольно бесцеремонно, поблагодарив за «...потрясающее знакомство с потрясающей подругой». А что же я?

Однажды я неожиданно получил день отдыха от напряженной работы у Бориса и после завтрака сидел в пустой квартире на кухне. Неожиданно пришла Наташа и сказала мне: «Ты должен выслушать меня и постараться держать себя в руках. Я случайно узнала, что Таня вчера, сразу после того, как вы расстались с ней после встречи в кафе...» Мы действительно с удовольствием вчера вечером посидели в кафе «Молочное». Куда-то ушло отчуждение, настороженность. Наши взгляды снова теплились нежностью, и я так расслабился, что непрерывно объяснялся Тане в любви. Она отвечала мне тем же и только многочисленные посетители как-то нас сдерживали...

«...Так вот, — продолжала Наташа, — Таня на Круглой площади встретила Юрия Т., который ехал в машине, набитой ребятами. Он ее окликнул. Я видела, как Танька села в машину и куда-то укатила. Там была и Лена (приятельница Тани и Наташи). Потом она мне позвонила, рассказав, что они уехали в Радзивиловский парк и там провели у костра всю ночь.

Эту ночь, — решительно заключила Наташа, — она явно провела с Т. Что ты будешь делать?» Наташа озадаченно уставилась на меня.

Совершенно сбитый с толку, я растерянно пробормотал: «Не знаю...» Усевшись на диване в гостиной, я не заметил, как Наташа, Нелли, ее муж, сын Володя ушли, оставив меня в полумраке.

... Было ужасно одиноко и тоскливо. Я снова спрашивал себя: «Ну почему, почему?...» Пытался найти оправдание поведению Тани, готов был признать сходство случившегося с тем, что выпало мне, когда неумолимое влечение к Вере делало меня беспомощным, уязвимым в моих желаниях и действиях.

Я не знаю, сколько часов я просидел на диване. Поздним вечером приехали Наташины родители. Очень устав, они быстро легли спать, закрыв дверь спальни. Я пришел на кухню, включил настольную лампу, сел за письмо Тане. Мне казалось, что я готов сию минуту сообщить ей, что наши отношения отныне прекращаются...

... Едва я взял ручку, в дверь очень тихо, даже боязливо, не то поскреблись, не то постучали. Я был уверен, что пришла Наташа, которая забыла ключ. Распахнув дверь, я увидел на пороге Таню. Она стояла в какой-то длинной цветастой одежде, похожей на вязаное осеннее пальто. Туфли вымазаны в желтой грязи. Вязаный берет нелепо сбит на бок. Лицо бледное и растерянное.

— Здравствуй, — нерешительно пробормотала она.

— Здравствуй, — шепотом ответил я, борясь с неодолимым желанием закрыть дверь у нее перед носом.

Наверное, это мое желание она почувствовала и поспешно переступила порог. Не говоря ни слова, тут же сбросила на пол пальто, сняла туфли и быстро юркнула в ванную комнату, чуть прикрыв дверь. Машинально повесив пальто на вешалку, я оторопело смотрел на яркий свет, дерзко бьющий из дверной щели ванной, и нерешительно направился на кухню. И тут сквозь шум воды услышал голос Тани:

— Алик! Ты где? Иди сюда!

Я подумал, что ослышался. Она никогда меня не называла «Алик». Однажды я рассказал ей, что моя мать только так меня и называла. Теперь, услышав это имя, я резко повернулся и замер перед дверью в ванную. Шум воды не заглушил ее голос, который звучал очень отчетливо: «Алька! Иди сюда! Не бойся, помоги мне...»

Этот миг я запомню на всю жизнь! Осторожно ступая одереженными ступнями, я медленно, с возрастающим желанием осторожно приоткрыл дверь и увидел в мыльной воде обнаженную Таню. Беспредельной кротости взгляд, вина и надежда защемили сердце. Она протянула ко мне руки и прошептала: «Помоги же мне...»

Не понимая, о чем она просит меня, я увидел обнаженное тело женщины, которое могло рассказать мне о пережитых напряженных днях, душевных кризисах и нервных срывах. Худоба, угловатость, струнная натянутость мышц и кожи, спина с пунктиром позвонков, острые лопатки, маленькие груди вызвали во мне прилив такой нежности, такой бережной любви, что я непроизвольно погладил Таню по слипшимся мокрым волосам.

Она тут же схватила меня за шею, притянула к себе. Я едва не плюхнулся в ванну. Весело рассмеявшись, она игриво, уже громко спросила: «Может быть, и тебя искупать?» Я непроизвольно отпрянул, чем снова рассмешил ее.

Таня заговорила быстро-быстро, погружаясь в мыльную воду, пошлепывая ее ладошками, иногда крутя медные головки кранов, чтобы усмирить шумные струи воды... «Ты мой! Ты только мой! Алик! Наконец я нашла тебя. Я гадкая, я готова принять твой приговор. Но знай: я люблю тебя и только тебя! Я это, наконец-то, поняла! Он, этот человек, хотел меня! Но я принадлежу только тебе, и ты, только ты мой мужчина! Прости меня, если сможешь, и знай, что ты — мой Алька!» Я, не знаю почему, непроизвольно закрыл лицо руками и вышел из ванной комнаты.

...Я сидел на диване, который был моим ложем два месяца жизни в доме Наташи. Через минуту пришла Таня в Наташином халатике. Она села рядом. Обхватив мою голову руками, приблизила полуоткрытый рот к моим губам. Я никогда еще не чувствовал такой вкус ее долгого поцелуя. Теперь он был без привкуса слез, без отчаянной жадности губ, как раньше...

Таня явно потеряла чувство реальности. В другом конце комнаты на раскладушке спал Володя, родители Наташи хотя и уgomонились в своей спальне, но шум воды в ванной, голос Тани могли их потревожить и заставить посмотреть, что же происходит. Я вовсе не был уверен в том, что сейчас не вернется Наташа...

И еще одно. Я вынужден признаться, милый мой биограф, что с момента, как вышел из больницы в Саратове, сдал все экзамены, написал и защитил дипломную работу, расстался, наконец, с Верой, с женой, прошло почти полгода.

Все это время я, женатый человек, не знал женщины. К Лене подходить я отчаянно боялся. Вера умоляла меня о сдержанности, потому что безумно боялась беременности и уже сделала три или четыре аборта от мужа и Бранко. Ни о каких контрацептивах тогда и речи не шло. Их просто не было, или они были доступны единицам...

С тех пор как я приехал в Минск, накал переживаний и нервных нагрузок был для меня, как ты догадываешься, чувствительным. Я сам удивлялся, как я все это выдерживаю!

И вот теперь, в миг, когда трепетная, нежная, страстная Татьяна влекла меня к себе, меня обуял панический страх. Я боялся и конфуза от себя, и

пробуждения родителей, Володи, прихода Наташи...

Слава Богу, Таня быстро поняла свой просчет. Продолжая осыпая меня поцелуями, она непрерывно шептала: «Алька! Алька! Знай, я только твоя женщина! Алька, любимый мой, неповторимый, прости за все...»

Примерно через час она молча оделась и я проводил ее по улицам, погруженным в предутренний сумрак, до самого дома.

Снова прерву письмо. Завтра рано вставать...

Пока! Твой Олег

Минск, 3 июля 1974 г.

Олег — Николаю (письмо третье)

Здравствуй, Николай! Небось ждешь продолжения? Ладно, читай, дружище, дальше.

...А затем наступили дни, открывшие счет тяжкому времени новых испытаний, выпавших на мою долю! Едва Борис занялся моей пропиской в Минске, сразу возникли препятствия. Оказывается, моя фамилия уже попала в «черные списки» горотдела милиции. Борис ничего не понимал, я тоже. Он сообщил мне, что ему показали заявление каких-то супругов в правоохранительные органы, которые писали о появившемся в городе мошеннике. Он якобы «...знакомится с непонятными целями с молодыми девушками, являясь женатым человеком, у которого маленький ребенок в городе Саратове. Этот человек бросил свою жену на произвол судьбы, и если милиция не позаботится, то этот человек может опозорить честь столицы Белоруссии...».

Борис был в растерянности. Я многое рассказал ему о себе, и у него никогда не возникало сомнений в моей порядочности. Теперь он озадаченно на меня смотрел и попросил дать ему свидетельство о разводе, чтобы показать в милиции.

Об этих неожиданных проблемах я рассказал Тане. Выслушав, она закрыла лицо руками и, раскачиваясь в такт словам, запричитала:

— Боже мой! Какой стыд! Это мои мать и отец стараются. Какой ужас! Что же теперь будет?

— Погоди, — стал я урезонивать ее. — Давай поговорим спокойно.

Надо было что-то делать и действовать решительно! Я попросил Таню очень подробно рассказать о матери и отце. Не буду здесь приводить все подробности, это займет слишком много места. К тому же до сих пор эта тема очень деликатна и болезненна. Тот хрупкий баланс отношений с родителями Тани, который нам теперь удалось установить, может разрушиться в любой момент, а я этого не хочу.

В общем, я оказался на волосок от насильственной депортации из Минска, да еще с позором. Я писал тебе, что отец Тани имел связи в городской

прокуратуре, был дружен с прокурором, а мать, как главного врача «скорой помощи», хорошо знали в среде медицинского городского начальства. Родители Тани любой ценой хотели выгнать меня из города, избавить себя от «головной боли». Причины?

Они были убеждены, что Таня просто потеряла голову. Слепо идет на поводу у тридцатилетнего «хромого черта», который, не дай Бог, завлечет их дочь неведомо куда или сделает что-нибудь пострашнее, чем ненавистный им Юрий Т.

Таня и смеялась и плакала, рассказывая мне, как она умоляла родителей забрать из городской милиции «телегу». Однако те были непреклонны. В ярости они твердили одно: «Пусть убирается ко всем чертям из Минска. Пусть оставит тебя в покое! Иначе мы его выкинем!»

Нужно было срочно искать «противоядие». Взвесив все, я сказал Тане: «Есть только один шанс выжить в этой ситуации: если я буду располагать какими-нибудь фактами, которые помогут разбить их союз против меня. Тогда я смогу получить хотя бы передышку, чтобы Борис успел меня здесь прописать. Есть закон, есть порядок, есть справедливость, но все это очень часто «не работает»! Меня просто вышвырнут из Минска. Есть еще вариант, но прибегать к нему я не буду!»

Таня удивленно посмотрела на меня. «Ты имеешь в виду регистрацию нашего брака?» Фактически это действительно был единственный формальный повод получить прописку в Минске. Однако я хотел строить основания для брака с любимой женщиной своими руками и не давать даже намека на спекуляции.

Тогда же я убедился, что в минуты испытаний Таня обнаруживает мудрость и прагматизм. Так было и тогда. Немного поразмыслив, она рассказала мне убийственную историю, случившуюся год или два назад в семье.

Устав от постоянных возлияний мужа по поводу и без повода, мать, пользуясь служебным положением, добыла очень сильнодействующий препарат «Антабус», применяемый при лечении от алкоголизма. Не говоря ничего мужу, она подсыпала порошок ему в кефир.

Тот продолжал принимать алкоголь и был на грани гибели. Жена-врач фактически гробила своего мужа. Выпив, не ведая об опасности, стакан кефира с подмешанным препаратом, он, вечером, за ужином, «опрокидывал» бутылку пива или рюмку водки и вскоре начинал биться в жутких конвульсиях.

Все это Татьяна видела, но «что к чему» сообщила много позже, когда «застукала» мать. Та стала оправдываться, ссылаясь на свою усталость от пьянства мужа, но...

Выслушав рассказ Тани, я понял, что эта история, получи она огласку, значительно ослабит союз моих противников и заставит мать Тани

отказаться от планов известить меня.

Я составил текст «телеги» (бей врага его же оружием!), попросил Таню показать его матери и снова пытаться убедить забрать заявление из милиции. Сказать, что, в противном случае, заявление будет отправлено в Министерство здравоохранения республики.

Конечно, и я и Таня знали, что такая «телега», напоминавшая «инициативу» Павлика Морозова, никому и никогда не будет послана. Я просто очень надеялся на типичную реакцию — страх! Именно страх ее матери должен был парализовать ее действия, направленные против меня, дать мне время с помощью Бориса добиться прописки. Родители Тани тогда мне уже не были страшны, потому что я знал, где буду работать и сколько зарабатывать! В планы Бориса входило помочь мне, а в мои — пустить корни здесь, в Белоруссии...

...Таня пришла домой. Молча положила перед матерью переписанный своей рукой «документ». Отца дома не было. Судя по ее рассказу, мать пришла в неопишемую ярость.

«Я не могу повторить, — рассказывала Таня, — ни одного ругательства, ни одного оскорбления, которое я услышала в свой адрес от родной матери. Она так грязно, так площадно никогда не ругалась! Такие слова не звучали в нашем доме даже из уст отца. А уж он-то человек распушенный, известный у себя на работе как мастер блатного и матерного лексикона. Ты оказался прав: она страшно испугалась и почувствовала себя в западне. Конечно, «телегу» она разорвала в клочья, крича: «Скажи этому хрому козлу: пусть посылает куда хочет это заявление!» Я ее поправила: «Мама! Не он будет посылать, а я, твоя дочь, которая все видела своими глазами!»

Нам с Таней следовало предположить, что, успокоившись, мать сама расскажет мужу о случившемся. Она «покается», и они снова продолжат преследование. Но я получил передышку, а Борис усилил давление на милицию.

Случилось так, как я и думал, однако я не успел получить прописку раньше. Родители Татьяны бросились на меня с новой силой. В каждой прописке есть свои изъяны. Постоянного места жительства у меня не было. Прописали меня в рабочем общежитии заводского района, где у Бориса были серьезные связи. Но желательно было милиции на глаза не попадаться, чтобы снова, по формальным мотивам, меня не вытурили из города...

Кольцо снова сжималось. На квартиру к Наташе зачастил участковый милиционер. Он настойчиво просил указать, где я скрываюсь. Все дружно отвечали, что я давно уехал, а вот куда, они не знают! Вы-слушав пламенные и путанные разъяснения Наташи, Володи и их родителей, этот сержант понял главное: не того «ловят»! Может быть, милиционер проникся интуитивным сочувствием ко мне, а может, был от природы хорошим человеком и беззаконие его смущало, но он сказал однажды Нелли и Наташе, что имеет

предписание прокурора начать республиканский розыск и, чтобы как-то оттянуть эту очень опасную акцию, предложил передать, что готов мне «подействовать», но ему нужно со мной встретиться на «нейтральной полосе».

...Мы с Таней решили рискнуть и поговорить с сержантом. Он оказался долговым паренком лет двадцати пяти, с круглым лицом и белесыми ресницами. Присели мы напротив какого-то учебного корпуса университета. Сержант внимательно выслушал нас и... попросил написать объяснение. Поколебавшись, я написал этот странный документ.

Ну, знаешь, «...я, такой-то, приехал в Минск с намерением обменять квартиру. Однако планы изменил. Оформил официальный развод (документ такой-то), решил найти работу, прописаться. Дата... Подпись». В общем, такая вот дребедень! И гнусно, и грустно, и противно... «О времена, о нравы!»

Таня решительно поставила и свою подпись с припиской: «Свидетельствую правдивость написанного, и никаких притязаний на меня гражданин не оказывал!»

Сержант тяжело, почти горестно вздохнул, взял мою писанину и ушел. Я считал, что с таким «стражем порядка» мне крупно повезло! А мог ведь и скрутить...

Мы приехали с Таней на мою «конспиративную квартиру». Нелли меня временно поселила в квартире матери, которая с сестрой уехала до сентября жить на дачу...

Было ужасно гадко на душе. Я свалился на кровать и мгновенно уснул. Сколько спал, не знаю. Проснулся вечером. В комнате — полумрак, а рядом со мной лежит Таня и смотрит на меня с нежностью.

...Случилось то, что должно было случиться. Именно тогда мы и зачали нашего первенца. Был первый день августа, и наше счастье казалось бесконечным...

Мы встречались чуть ли не каждый день. Таня приходила ко мне днем, уходила глубокой ночью. Иногда она оставалась на ночь. Я жил с уверенностью, что никакие силы не способны оторвать нас друг от друга.

Все глубже я погружался в пучину любви. Как ни странно в тридцать лет признаваться, только сейчас я познавал обескураживающие наслаждения страсти...

Но кольцо вокруг меня продолжало сжиматься. Борис сообщил, что у него был тяжелый разговор с прокурором города. Правда, ему было высказано лишь недоумение по поводу того, что такой крупный работник защищает «аморального типа». Никого не смущало то, что представить хоть какие-то доказательства моей «нравственной ущербности» не могла ни милиция, ни сами «жертвы аморального типа». Настал момент, когда потребовалось предпринять какие-то решительные действия.

Но ни я, ни Борис не знали, что может подействовать на родителей

Тани, которые обивали пороги прокуратуры города, требуя известия меня...

...Я сидел в кабинете Бориса, который в то время получил повышение по службе и занял новый огромный кабинет с целой батареей телефонов правительственной связи. Мне было поручено подумать над одним многообещающим проектом, и я сидел за его столом, рассеянно перебирая стопку документов. Голова решительно отказывалась работать. Сверлила мысль: «Что же делать?»

Я стал обозревать его письменный стол, дивясь количеству телефонов. На глаза попался нарядный, даже какой-то надменный аппарат цвета слоновой кости с государственным гербом на номеронабирателе.

И тут меня осенило! Я взял абонентскую книжку государственных учреждений, нашел номер Генерального прокурора Белоруссии, его фамилию, имя, отчество. Записал на отдельный листок. Потом увидел на столе справочник телефонных номеров отделов ЦК КП Белоруссии и, открыв на странице с заголовком: «Центральная парткомиссия», выписал две или три первые попавшиеся мне фамилии. На листке с именем генпрокурора и его телефоном я записал составленную мною фамилию-«мутант» и, подняв трубку правительственного телефона, набрал номер Генерального прокурора республики, но не успел...

В кабинет вбежал Борис. Он стал извиняться за опоздание (накануне мы планировали вместе поразмышлять над его новыми идеями) и назначил встречу на завтрашнее утро. На его машине я вернулся домой. Позвонила Таня, пообещав прийти поздно вечером. Я погрузился в тревожные размышления.

...Тебе еще не знаком круг моих новых интересов. Мы встречались в последний раз в Саратовском НИИ, когда я только начинал заниматься социальной психологией деловых коммуникаций. Письмами я тебя тоже не баловал.

За год до переезда в Минск я очень увлекся изучением психологии мошенников. Даже прочитал несколько лекций для курсантов саратовской школы милиции. Конспект лекций мне удалось сохранить, и теперь, сидя в полутемной комнате своего «шалаша в Разливе», я стал его просматривать.

Звучит забавно, но мне пришлось опробовать еще задолго до Минска свои изыскания на практике. Помнишь, я тебе писал, что попал в опалу, был уволен? В Саратове, в той организации, где я работал, возник конфликт с начальником. Рыльце у него было в пушку, и, боясь моих разоблачений, он меня возненавидел! Меня благополучно «ушли», а устроиться на новую работу мне никак не удавалось. Оказывается, я сразу попал в список «нежелательных элементов»!

Тут, как ты помнишь, у меня возникла угроза возобновления туберкулезного процесса, надо было «устраивать себя» в хорошую клинику.

Тогда-то я и был вынужден воспользоваться очень популярным у нас «телефонным правом». Как? Я применил хорошо известный мне метод речевой трансформации. Он был важным приложением к другому методу, который чрезвычайно солидно звучал на моих лекциях, прочитанных в саратовской школе милиции: «Метод формирования адекватности влияния и согласия».

Подробности, конечно же, опущу. Не ко времени разглагольствовать. Но, поверь мне, благодаря моим «научным напряжениям», я был помещен местными медицинскими бюрократами в хорошую клинику, за мной ухаживали, хотя формально я был всего-навсего безработным. Мой напор и решительность, барский тон и безапелляционность в разговоре по телефону, точная лексика с ходу убеждали медицинских чиновников, что я — «шишка», и они после моих «серьезных рекомендаций помочь товарищу...» лечили меня изо всех сил! Спасало то, что я «прицелился» в медицинскую структуру, не специализировавшуюся на лечении партийных боссов, но реально их боявшуюся. В общем, «что наша жизнь? Игра!»

В Минске произошло нечто подобное. Легальным способом искать правду в республиканской прокуратуре было бессмысленно. Кому я там нужен? Идти же за справедливостью туда, где меня искали, чтобы депортировать, было просто глупо.

Я использовал свои знания и добился, чтобы меня принял именно Генеральный прокурор республики! Только его «потенциал власти» мог запугать моих преследователей из тех карательных городских структур, которые, потеряв всякий стыд, «отрабатывали» бесплатные «хлеб-соль» и выпивку отца Татьяны и дефицитные лекарства и «блатную» медицинскую помощь ее матери.

На первый взгляд все это покажется нелепостью! Между тем второй месяц травли и вовлечение в число охотников за мной все новых и новых чиновников из правоохранительных органов на легкомысленный лад не настраивали.

Помню приход к судье по надзору за уголовными делами городского суда. Крупная, с властным широким лицом славянской воительницы женщина, сидя за столом, смотрит на меня с нескрываемым презрением.

Я уже знал, что ее мать была очень тяжело больна и благодаря умелым действиям главного врача минской станции скорой помощи (ты уже усек, кто это?) пожилая женщина была спасена. Конечно, судья-дочь была готова «отправить на каторгу» кого угодно по просьбе спасительницы. Тем более что меня «спасительница» аттестовала примерно так: «Какой-то авантюрист выдает себя за члена партии, пристает к моей дочери, склоняет ее к браку, чтобы прописаться в Минске...» И так далее. Сочувствующий судья по надзору и стала «нажимать» на соответствующие «кнопки».

...Захожу в кабинет, прошу разрешения сесть. Представляюсь, держа в

руках свой партбилет. «Вас ввели в заблуждение, Анна Дмитриевна!» Голос у меня спокоен, хотя внутри все кипит. Я знаю, что эта женщина дала слово матери Татьяны в любом случае «выдворить» меня из города...

«Так вот, — продолжаю, — мы с вами члены одной партии. Если вам наплевать на законы, то мне совсем нет...» Она налилась фиолетовым румянцем и закричала: «Ты кто такой? Что тебе здесь надо? Убирайся!» Я молча кивнул и сказал: «Мне жаль вас! Через минуту я буду у...» Я назвал фамилию генпрокурора республики, повернулся и вышел из кабинета. Мадам-судья сидела в здании генпрокуратуры, и ее действительно через десять минут пригласил к себе главный в этом здании «товарищ по партии»...

Городской прокурор, собутыльник отца Татьяны, с его подачи, конечно, позвонил домой к Наташе и пригласил ее к себе на «собеседование». Я уже не жил в ее доме, и, позвонив мне, она в страхе спросила: «Что делать?» Я сказал, чтобы она не ходила, а потребовала прислать повестку на домашний адрес. Наталья крепко струхнула и в прокуратуру все же пошла.

Вернулась в слезах. «Он говорил со мной, как с преступницей! Требовал от меня все, что я о тебе знаю, и я рассказала». На нее было больно смотреть! «Ты глупая девчонка, — сказал я в сердцах, — он тебя, как кот мышку, в зубах треплет, чтобы напугать! Если бы ты отказалась прийти, а потребовала прислать повестку, твой визит был бы зарегистрирован в журнале и ты могла бы потребовать официальных мотивов вызова в прокуратуру! Откуда у него мотивы? Ты что, преступница?»

— Олег, я боюсь!

— Чего и кого ты боишься?

— Не знаю...

Она, всхлипывая, сказала, что дала телефон моего кабинета в здании, где работал Борис С. Я устроился там временно, так удобно было ему и мне.

Через день этот «прокурор-собутыльник» позвонил туда. Я взял трубку. Вкрадчивым тоном представившись — так и хочется назвать его фамилию, но не решаюсь. Не трогай г-но — вонять будет! Так вот, просит прийти в прокуратуру. Спокойно отвечаю, что с официальными лицами я общаюсь только официально. «Присылайте повестку по адресу...» — называю адрес «конторы», где сидел с Борисом С. «Собутыльник-прокурор» разъярился, стал кричать в трубку... Вежливо называю его по имени-отчеству — уже успел узнать — и говорю: «Совсем вы себя не жалеете... Так и нервы можно сорвать!» Материт меня на чем свет стоит. Положил трубку, а сам за сердце держусь. Хотя и молод, но нервы не выдерживают такого «государственного» хамства.

Он оставил меня в покое, но я не мог рассчитывать, что надолго. Надо было срочно что-то предпринять, причем на самом высоком уровне! Вот тут-то я и обратился к своим знаниям и «методикам».

Конечно, что уж тут скрывать, помимо моих «методик» мне здорово помогли «технические средства», которыми был оснащен кабинет моего друга, знание биографии прокурора Белоруссии, анализ его фотографии, знание стандартных стереотипов деловых диалогов по телефону и с глазу на глаз с чиновниками высшего ранга.

...Назавтра, снова воспользовавшись тем, что Борис ушел на совещание и оставил меня в своем кабинете, я набрал номер генпрокурора республики. Подробности опускаю, главное, что мне удалось вызвать у прокурора незамедлительное желание выслушать меня. В его кабинете у нас состоялся доверительный разговор. Прозвучали все фамилии чиновников, которых науськивали на меня родители Татьяны, были выслушаны все мои комментарии по поводу происшедшей два месяца травли. Выходя из кабинета, спускаясь по лестнице, я лицом к лицу столкнулся с той самой славянкой-воительницей, то бишь судьей по надзору, которая после моего визита была первой приглашена на «собеседование» к генпрокурору...

...Через день Таня пришла в мой «шалаш». Она была крайне возбуждена: «Что ты сделал? Признайся, Алька! Мои родители просто в жутком бешенстве. Эти чиновники из городской прокуратуры, их друзья и подруги, в том числе и эта Анна Дмитриевна, судья... Ну та самая, которой моя мама когда-то помогла с каким-то светилом-доктором. Позвонили родителям все чиновники подряд, вечером. Обкладывали ну просто непотребной руганью! Я по параллельному телефону слушала и краснела, как «бедная Лиза». Родители готовы были меня уничтожить. Теперь все их связи рассыпались, как карточный домик! Что ты сделал?» Я не скрывал гордости, хвалился напропалую: «Просто применил научный метод и проник к генпрокурору, рассказал ему обо всех этих делах...»

В тот вечер мы любили друг друга бесконечно и необыкновенно сладко. Я попросил у Тани руки и сердца. Она согласилась. Казалось, что впереди нас ждет безоблачное счастье. К тому же через день я уже выходил на работу в Министерство легкой промышленности. Меня взяли главным консультантом по социальному планированию в трудовых коллективах отрасли. Туда меня порекомендовал Борис С.

Приближалась осень. Родители Наташи попросили меня съехать с бабушкиной квартиры, где я прожил почти два месяца.

«Хату» я нашел быстро и попросил Татьяну переехать жить ко мне, пока подойдет очередь на рассмотрение нашего заявления в загсе. Она согласилась.

Ее родителям ничего не оставалось, как примириться с печальной для них реальностью. Не питая к ним враждебности, я успокоился и углубился в работу. Она была связана с постоянными командировками, которые длились неделями, а то и по несколько месяцев.

Мы жили в комнате, которую нам сдала овдовевшая год назад хозяйка трехкомнатной квартиры. Таня быстро привела все в порядок, и мы начали жить, наконец, своей жизнью.

Продолжу, когда будет время. Пока, Олег.

Минск. Сентябрь 1975 года.

Олег — Николаю (письмо четвертое)

Вот что значит дать слово мужчины, а? Каторга! Ну что ж делать, получай продолжение, раз уж ты оказался таким терпеливым.

...В самом конце августа Таня призналась, что беременна. Она не ходила к врачам, боясь «утечки информации». Врачи всех поликлиник и больниц города Минска хорошо знали ее мать. Таня не сомневалась, что это известие вызовет в доме скандал.

Я был очень рад беременности Тани, но в то же время какая-то непонятная тревога преследовала меня. Внешне все у нас складывалось как нельзя лучше. Мы подали заявление в загс и ждали положенный месяц. Сняли квартиру. Я работал. Меня поставили на квартирную очередь. Моих заработков вполне хватало на жизнь, и рождение ребенка меня не пугало.

И все же контуры причин моих непонятных тревог вскоре стали проясняться все отчетливей. Счастье делает мужчину слепым эгоистом. Я не замечал, что с моей Таней что-то происходит. Мне казалось, что, как любая беременная женщина, она немного капризничает.

Я, конечно, старался быть к ней внимательным, но все чаще и чаще замечал, что она как бы отдаляется от меня. Причину я видел все ту же — ее беременность, старался не докучать своими расспросами.

Иногда, просто к слову, происходили между нами разговоры о ее настроении. Случалось, я недоумевал, пытался понять причины ее молчаливости, какой-то странной, как мне казалось, тоски. Не скрою, мелькнувшее несколько раз в наших разговорах имя Юрия Т. однажды вывело меня из себя. Мол, до каких же пор?..

Конечно, мне приходилось нелегко. На новой работе надо было себя показать, и я старался, понимая, что от этого зависит благополучие моей новой семьи. Надо было думать и о помощи Лене с сыном.

Бесконечные семинары, командировки, разработки сложных министерских документов отнимали много сил.

Вскоре я почти на месяц уехал в Гомель. Работы там было очень много. К концу дня я приходил в гостиницу и мечтал поскорее дозвониться до Тани и услышать ее голос. В первую неделю мы подолгу разговаривали и телефонистки могли учиться у меня любовной лирике.

Всю вторую неделю трубку поднимала только Юлия Викторовна, наша квартирная хозяйка. Тани не было дома. Звонить позже я не решался, терялся в догадках, нервничал.

В самом конце недели Юлия Викторовна, поднимая в очередной раз трубку, тихим голосом сказала: «Не звони, Олег, она собрала вещи и ушла...» Конечно, надо было доработать до конца командировки, но мои нервы не выдержали... Я все бросил и уехал в Минск.

Пришел на квартиру. Юля грустно показала на кучу белых листочков, разбросанных на письменном столе. Как оказалось, это было письмо Тани ко мне. Точнее, не столько ко мне, сколько о ней и о нас. Перебираю рассеянно листки, готовлюсь читать письмо и слышу голос хозяйки квартиры: «По-моему, не ту жену ты себе выбрал, Олег!» Я сорвался, наговорил ей дерзостей. Она обиделась, ушла к себе. Через час, постучав в мою комнату, попросила меня съехать как можно быстрее.

...Я прочитал Танино письмо несколько раз. Ничего не понял. Отложил. Потом прочитал еще раз. Честно говоря, я был в страшной панике. Уж не знаю, смогу ли я помочь тебе представить мое состояние в тот миг. Но попытаюсь...

Представь мужчину, который видит свою беременную жену в состоянии тихо протекающей тоски по... прошлым переживаниям, поглотившим ее настолько, что прерывает нормальное дыхание, естественный ритм жизни, а главное, мешает осознанию новых и вполне счастливых ролей свободной женщины, жены и будущей матери.

Я не был оригинален в своем неприятии еще отчетливых следов прошлых чувств Тани к Юрию Т.

В наших разговорах на эту тему я стремился расставить точки над «і», не сомневаясь, что женщина, носящая под сердцем моего ребенка, должна отказаться от прошлых иллюзий. Мне они казались сущей нелепостью!

Ее желание, несмотря на свое новое положение, сохранить с Юрием сердечные отношения ради того, чтобы ненароком не разрушить его «...очень хрупкую душевную конструкцию», я не понимал. Признание, что она, Татьяна, ответственна перед своим первым мужчиной, который якобы остался у разбитого корыта, в то время как она благополучно устроила свою судьбу, мне казалось наивным. Мысль, что у нее сегодня сил гораздо больше, чем у Юрия, и она просто обязана приложить хотя бы минимальные усилия, чтобы попытаться «сделать его лучше», на мой взгляд, была полным абсурдом.

Я бесился, не понимая ни логики, ни смысла, ни мотивов поведения женщины, которая готова была разрушить все, что мы с ней с таким трудом только что создали.

В том, что нас связывали сильные, искренние и глубокие чувства, я не сомневался. Даже когда Таня попыталась внушить мне, что это далеко не так, если она не может забыть «своего первого мужчину», нося под сердцем ребенка от своего любимого мужчины. Все это выглядело парадоксально. Казалось мне затянувшимся недоразумением.

И все же такая странная двойственность, неподвластная моему прямолинейному, с ясной логикой уму, меня ошарашивала, выбивала из колеи, лишала тех радостей, которые, как мне казалось, я наконец-то обрел после стольких месяцев жуткого напряжения и борьбы с ее родителями.

И вот, наконец, это письмо... Потом — второе. Но о втором — позже. Прочти первое и попытайся понять мое состояние. Нетрудно представить, как дрожали мои руки, перебирающие эти листочки.

...Знаешь, я просто пришла к мысли, что ты не любишь меня. Без всяких «...посмотри, что ты натворила», «...терпение у любого другого человека давно бы лопнуло» и, наконец, «... а за что, скажи, пожалуйста, тебя любить?» и пр.

Обыкновенно не любишь.

Нет, пожалуйста, не обыкновенно.

Однажды ты сказал: «Посиди, вспомни все свои «от» и «до». Помню прекрасно. Тогда, видимо, то, что происходит сейчас, — обратный ход бумеранга? Пусть так.

Я четко знаю только одно: тебе доставляет какое-то мрачное удовольствие опустошать меня изнутри, выбрасывать «старую мебель» совсем в духе итальянских новогодних традиций. Тут ты мне сказал бы: «...Правильно делают ребята, выкидывают на фиг всякое дерьмо и хлам. Очень хорошая традиция».

Но я так устала, что мне, ей-богу, совершенно все равно, что и как ты возразишь. Я просто чувствую, что твое стремление к истине и ясности, твоя «школа», через которую, как ты повторяешь постоянно, я должна пройти, твое желание ставить точки над «і», потом делать коротенькую передышку и как ни в чем не бывало опять «трубить сбор» (это все образно говоря), твоя неоспоримая логика, твоя обаятельная улыбка, твоя аутогенная тренировка, твое терпение, твоя выдержка и, наконец, сама возможность возвращения твоей болезни, твоя совсем недавняя одичалость и неустроенность — все это дает тебе право требовать, требовать, требовать. И на знамени твоём — твой ребенок, твое священное право отцовства и, главное, твое чувство ответственности перед ребенком. Именно то чувство, которого нет, нет и нет у меня, как утверждаешь ты.

Да, но прежде чем твое чувство ответственности найдет себе точку применения, ребенок должен родиться. Иначе — не перед кем и не для кого...

А чтобы он родился, пока еще, к сожалению, нужна я. Это — досадно! Ведь я — не более чем среда. Инкубатор. И все такое прочее. Но инкубатор пока необходим. А потом, как говорится, Богу — Богово. Твое дитя — бери и властвуй.

И вот что я думаю: почему нет в тебе пусть глупого, но такого приятного страха, что твои поиски истины, которые добивают не только тебя, но и меня, добивают и «его».

Почему ты понял, что если я захочу выяснить свои отношения с Т., это поставит под угрозу здоровье ребенка, и в то же время не понимаешь, что выяснения отношений с тобой (бесконечные) еще до рождения этого ребенка, о судьбе которого ты так мучительно думаешь, могут попросту лишить его какой бы то ни было судьбы. Это попросту может «выдавить» его из меня еще не способным к жизни.

О! Тогда, конечно, все узлы разрубятся сами собой. Не об этом речь. Речь о том, что выяснение наших с тобой отношений для тебя просто ставит точку над «і», а для меня — ставит еще одну точку в том предложении, где сказано: родится ли... И — какой...

Я не хочу сказать, что ты об этом не думаешь. Скорее, напротив: я повторяю твои слова. Потому что ты, в пылу словесных баталий и всяких внутренних потрясений, начнешь вести со мной разговор «на выдержку», что совсем не подходит к моему состоянию, хотя вполне присуще моему характеру и стилю.

Пожалуй, я могла бы себе позволить отказаться слушать тебя — не потому что ты не прав (ты — прав!), а потому что все это можно обговорить и попозже, оставив в стороне такие понятия, как «самолюбие», «двойственность», «любовник», «рогоносец», «муж»... Именно оставив в стороне. Но ты предпочитаешь «любить, как душу, и трясти, как грушу». Нет сил. Нет больше. Совсем.

Из-за этих бесконечных выяснений, которые растут, как снежный ком, из-за этого твоего бескровного препарирования я уже почти перестала ждать ребенка. Мне некогда о нем подумать. Он только тем и напоминает о себе, что прыгает. «Видеть» его я уже перестала. Я знаю — это от усталости.

А вчера ты «великодушно» предложил систему телефонных звонков: раз в две недели. Гуманно, мудро, справедливо и... мерзко. Совершенно мерзко. И не видется до марта месяца, то есть до дня рождения ребенка. Хотелось согласиться и кончить все разом. Ты добился состояния, когда слово «любовь» вызывает только судорожное желание не жить, не быть, не мучиться.

А впереди «...такая долгая, счастливая жизнь...» И перед этой долгой счастливой жизнью, оказывается, можно просто так «не видется до марта месяца». Конечно, юридическое право установлено. Ребенок — твой. А мне, пожалуй, следует поступить умно и, выкормив его, как-нибудь безболезненно «рассосаться». Как и не было. Тебя это устроит?

Ты сказал, что моя любовь к тебе имеет свойство: ее нет. Так ты сказал? А твоя любовь? Каково ее главное свойство? Перекрыть воздух, а потом опять дать глотнуть. Или ты считаешь, что каждого человека любят «в соответствии с его к.п.д.»? Сломается — на свалку! Переплывится — ценнее будет.

Стояла тёплая осень, под ногами похрустывали листья, а небо было поразительно прозрачным и равнодушным. Мы уселись на скамью прямо у выхода из сквера и долго молчали. Каждый из нас боялся начать этот тяжёлый разговор...

Олег, я даже не могу написать тебе письмо. Ты просто раздавил меня. Я чувствую это физически. И мне еще долго ничего не будет хотеться: ни быть красивой, ни быть умной, а уж любимой и подавно. Нет меня. Я почти умерла.

Боже мой, какой тупик. Тупик, когда, казалось, все решено и оставалось только быть счастливыми. То ли мне прощенья у тебя просить, то ли тебе у меня. И вообще, когда это кончится? И кончится ли? Скорей бы все разом. Вчера ты сказал: «Надоело! Надоели эти слезы!» Завидую. Как быстро ты берешь себя в руки. Конечно, потом ты можешь ночами не спать. Вернее — ночами не можешь спать. Знаю, знаю, знаю — ты мучился и мучаешься в сто раз больше, чем я. Никто с этим не спорит. Это очевидно. Я не говорю, что мне тяжелее. Совсем нет. Но если тебе все это в высшей степени надоело, то мне самым банальным образом хочется тихо, по-христиански отойти. Да, глупо, ничего не скажешь.

Т.Т.

Это письмо было написано человеком, попавшим в тупик и, более того, не желавшим из него выбраться! Все мои «гуманные» попытки — предоставить Татьяне возможность отсидеться в этом тупике до марта (предположительный месяц рождения ребенка) — она называла мерзостью, а мое стремление к ясности — я или он (Ю.Т.) — оценивала как «бесконечные выяснения отношений».

И теперь я созерцал пустоту, которая сообщила мне, что Татьяна ушла, запутавшись в себе, устав от моих «поисков истины»... То, что она была беременна моим ребенком, а ушла к другому мужчине, к Юрию Т., которого я всерьез и не воспринимал, означало крах той новой и счастливой жизни, которую, как мне казалось, мы сумели, наконец, обрести.

...За самовольный отъезд из Гомеля я из министерства был уволен. Оказался на улице, поскольку хозяйка потребовала расчет...

Я пришел к Борису, все ему рассказал. Мы осушили с ним за разговором почти бутылку медицинского спирта. Он устроил меня в служебном общежитии, но предупредил: «Извини, но только недельки на две...»

Повторю еще раз: когда мы счастливы, мы эгоистичны. Здравый смысл не обременяет себя противоречиями. Ясность и простота идей сохраняют уму здоровье, укрепляют его работоспособность. Но в той ситуации, в какой я оказался, здравый смысл пребывал в таком смущении, в такой стыдливой беспомощности, что невозможно было нащупать хоть какую-то мысль для изначального понимания поступков любимой женщины. Я ни на секунду не сомневался, что Таня любит меня, и буквально погибал от катастрофической нелогичности ее поведения.

Я абсолютно не был готов понять истоки ее решения, казавшегося мне

даже преступным по отношению и ко мне, и к нашему будущему ребенку...

...Кое-как устроившись в общежитии, я стал искать Таню. Наташа, потрясенная случившимися у нас событиями, живо откликнулась на мою просьбу помочь мне. Тогда ее отношения с Юрием Л. пришли к счастливому финалу. Они поженились, и она уже ждала появления первенца.

Наташа обещала разыскать «эту сумасшедшую Тузову», и, действительно, вскоре мы встретились в сквере неподалеку от Дома-музея Я. Купалы. Стояла теплая осень, под ногами похрустывали листья, а небо было поразительно прозрачным и равнодушным. Мы уселись на скамью прямо у выхода из сквера и долго молчали. Каждый из нас боялся начать этот тяжкий разговор...

...Не буду приводить здесь наш диалог, потому что не помню всех его деталей. Я опять призывал Таню к ответственности за судьбу будущего ребенка. Называл ее поведение «предательством», все разговоры о любви ко мне — мистификацией и красивой болтовней.

Услышав мои «оценки», Таня расплакалась, заявив, что никто не имеет права говорить о чувствах, которые она ко мне испытывает, кроме нее самой. «...Ты можешь лишь догадываться, — сказала Таня, — что у меня в душе. У тебя только собственное мнение о моих переживаниях. Очень жаль, что твои впечатления так нелепы!».

От ее слов можно было просто сойти с ума! Но дальше — больше. Я говорил, что ее возвращение к Юрию Т. — полный абсурд и хотелось бы понять мотивы. «...Я должен быть уверен, — яростно кричал я, — что ты в здравом уме сделала это». Она мужественно выслушала мои тирады и ответила, что раз уж она оторвала этого человека от семьи, от его ребенка, провела с ним два года жизни, убедившись, что это — слабый, беспомощный, очень ранимый человек, хотя и старается изобразить сильную личность, стало быть, она должна испить сию чашу до дна.

«Я гораздо сильнее его, — говорила Таня, вытирая слезы. После общения с тобой я осознала, что у меня достаточно ума, чтобы понять: мне нельзя наслаждаться счастьем, которое я обретаю с тобой. Я должна попытаться помочь этому человеку найти себя, вернуть ему уверенность в его силы. Но для этого, к сожалению, придется пойти на жертвы...»

Я был просто вне себя от негодования. «Жертвы? Ты хочешь сказать, что я должен идти на заклятие, чтобы ты исполнила невесть какой долг по отношению невесть к кому? Почему? Почему ты определила в своих планах мне и моему ребенку такую роль?»

И тут меня как током ударило! Я мгновенно умолк, ошарашенный жуткой догадкой, которая показалась мне в ту секунду вполне реальной. Таня испуганно смотрела на меня (много лет спустя она говорила, что страшно испугалась, думая, что меня хватил паралич), не догадываясь о пронзившей меня мысли.

Думаю, ты понял, Николай, какая мысль меня «пронзила». Да, да! Я подумал, что весь этот спектакль имеет одну-единственную подоплеку: ребенок, которого я считал своим, вовсе не мой, а «его»!

...Мимо проходила цыганка. Таня, все еще испуганно поглядывая на меня, по-видимому, решила разрядить обстановку. Подозвала ее, через пять минут мы уже знали, что Таня «...родит троих детей, двоих мальчиков и девочку... А жить вы будете долго и счастливо».

Я усмехнулся, одарил прорицательницу жалким рублем, мол, хватит и этого за вранье — через минуту разбежимся в разные стороны — и встал. Мы дошли до остановки троллейбуса, а затем я долго бродил по улицам города...

...От белорусского журнала «Маладосць» я получил заказ на большую статью об использовании социальной психологии в управлении трудовыми коллективами. Обещали хороший гонорар. Деньги мне были нужны, и я засел за книги. Я надеялся, что это занятие хоть как-то отвлечет меня от неприятных мыслей. Но не тут-то было! Та шальная мысль не давала мне покоя. В ней, как мне казалось тогда, была хоть какая-то логика, объяснявшая странное поведение Татьяны.

Я по крупицам восстанавливал время нашей близости с ней и сопоставлял с вероятными днями ее возможной близости с Юрием Т. Как ни идиотски все это звучит, но к чему маскироваться ретушью? Что было, то было!

И вот, по моим самым придирчивым расчетам, возможность беременности Тани от него полностью исключалась.

Все чаще и чаще меня посещала мысль о том, что Таня гораздо сложнее, противоречивее, глубже, нравственней, чем та «роковая фигура», которую я в отчаянии рисовал своими долгими бессонными ночами, перебирая наши трудные дни...

...Юрия посадили в тюрьму. То ли за очередное хулиганство, то ли по пересмотренному старому делу, а Таня вернулась в дом родителей.

Никаких подробностей, в том числе и о ее беременности, они не знали. Таня просто им сообщила, что ушла от меня. Родители были довольны, и, скорее всего, именно возвращение в дом помогло ей избежать семейных разборок. Завершался сентябрь. Таня сдала половину задолженностей, оставшихся при переводе с филологического факультета на журфак, и вскоре ее зачислили на четвертый курс.

...Продолжая работать над статьей в молодежный журнал, я от случая к случаю работал у Бориса. Жил я в общежитии его «конторы», но скоро его снова повысили. Мы практически перестали встречаться, и сразу после его ухода «наверх» я стал... бомжем.

Дело в том, что комендант общежития требовал, чтобы я немедленно съезжал, потому что мой покровитель уже работал в другой организации.

Упрямыться было бессмысленно, и теперь меня ждали только теплые, согретые солнцем, к счастью, очень погожего бабьего лета ночные парки Минска, а милиция больше меня не тревожила, так как в моем паспорте стоял штамп прописки в столице Белоруссии...

...С утра до глубокого вечера я работал в библиотеке над статьей. Там же вскоре познакомился с молодой женщиной по имени Элла. Это знакомство оказалось для меня очень кстати, потому и опишу его подробнее.

Однажды в курительной комнате библиотеки — после пятилетнего перерыва я снова начал курить — Элла, сославшись на множество книг, виденных ею у меня на столе (она сидела в читальном зале, слева от меня и видела по корешкам книг, что они — по психологии), спросила, не психолог ли я? Я кивнул...

Элла училась на заочном отделении ВГИКа и собиралась стать кинокритиком. Она совсем недавно приступила к написанию дипломной работы. Тема — что-то о психологии семейных конфликтов в современных кинофильмах, снятых на эту тему.

Слово за слово, мы разговорились. Узнав, что я писал дипломную работу на тему «Психологические основы театральной драматургии», по детским спектаклям Саратовского ТЮЗа, Элла обрадовалась. «Вот вы то мне и нужны! — воскликнула Она. — Я искала именно вас для моей работы над дипломом. Вы, Олег, даже не представляете, как мне повезло!»

Это знакомство было действительно очень кстати для нас обоих. Общались мы каждый день, вскоре даже прогуливались по улицам Минска. Сидели в кафе, правда, ни разу в нашем с Таней «Молочном» не появились. Инстинкт хранил меня...

Дня через два-три я разобрался в дипломной работе Эллы. Пришлось перечитать все ее записи, несколько сценариев, конспекты ее семинарских работ и еще какую-то книгу, которую ей рекомендовал ее научный руководитель во ВГИКе.

У меня в таких ситуациях включается «автопилот»: посидел, перекроил общий план, быстро написал содержательное резюме по каждой главе. Не читая, уже поджимали сроки, Элла послала всю эту писанину в Москву. Оттуда очень скоро пришел положительный ответ с приглашением на семинар выпускников-заочников. Перед отъездом в Москву Элла очень нервничала и решила подготовиться получше. Вот и пришлось мне делить время написания моей статьи в журнал «Маладосць» с консультациями моей новой знакомой.

Незаметно мы сблизились. Я стал бывать у нее дома. Кстати, жила она рядом с домом Тани. Иначе как иронией судьбы это не назовешь. В квартире обитал младший брат Эллы, который недавно женился и до получения квартиры, которую «пробивал» отец его жены, какой-то крупный чиновник,

жил в родительском доме.

Отец Эллы, известный театральный деятель, года два назад умер. Мать, бывшая актриса, женщина лет 55–60 с вялым, беспомощным характером, где-то подрабатывала, но в основном сидела дома. Ее звали Лариса Аркадьевна, и мне сразу показалось, что имя ее удивительно гармонирует с теми ролями, в которых она была изображена на фотографиях, развешенных на стенах квартиры.

Элла располагалась в крохотной комнатухе, отделенной от кухни широкими застекленными дверями, складывающимися «гармошкой».

Я не стал скрывать от Эллы своих проблем. Она оказалась сентиментальной и, слушая меня, даже всплакнула...

Ты знаешь, Николай, есть такой странный тип женщин, которые охотно сочувствуют, готовы плакать по всякому поводу, но вот разгорится какой-то мелочный конфликт... Они тут же выплескивают яд «праведного» гнева! Неведомо куда исчезает сентиментальность, испаряется недавнее сочувствие. Однако уже через минуту они «отошли», успокоились, снова готовы сочувствовать и всхлипывать...

...Уже неделю я ночевал в парке Горького, потому что из общежития меня все-таки выдворили. От ненормальной жизни я отошел, а от переживаний нервы сильно сдали. Случайно оказавшись у дверей крохотного фотосалона, я шагнул в полумрак помещения. Ко мне тут же вышел шустрый мужичок, и я, сев на стул перед фотокамерой, решительно сказал: «Снимайте именно так!» Он, послушно кивнув, быстро поставил свет и движением мага снял колпачок с объектива... Младший брат окрестил меня Спартаком. Моя жизнь тогда действительно была спартанской.

...Однажды, оказавшись на проспекте, я почувствовал себя плохо, присел на выступ здания, где располагался большой книжный магазин, и ...потерял сознание. Очнулся лежащим на асфальте, в окружении реденькой, но громко сочувствующей мне группки прохожих. Тут же подъехала «скорая», и минут через десять я оказался в больнице.

Я не выглядел бродягой. В каких только передрягах я не побывал, но всегда старался быть аккуратным и подчеркнуто опрятным. Я отлично знал, что, если сорвешься в малом, назавтра «концов не соберешь».

Врач решил положить меня, уж не знаю почему, в психоневрологическое отделение клиники. Сначала я был шокирован. Дожил! Лежать рядом с психами! Но вскоре понял, что мне даже повезло: я обрел «и стол, и дом», отлично выспался и забыл о своем давнем недруге — чувстве голода.

На следующий день пришел Борис. Он принес фрукты и, посмотрев на меня, простодушно и беззлобно сказал: «Эту твою Таню (или как ее там?) надо забыть, иначе ты свою съехавшую крышу никогда на место не поставишь!» Сказал и ушел.

...От ненормальной жизни я отошел, а от переживаний нервы сильно сдали...

Младший брат окрестил меня Спартаком.

Моя жизнь тогда действительно была спартанской...

Этот парень обладал крепким практичным умом. Он искренне удивлялся, когда сталкивался с моими странными обстоятельствами, которых не понимал и считал полной дурью.

На следующий день пришла... Таня. Оказалось, что ее мать, главный врач минской городской «Скорой помощи», перебирая ежедневные сводки, обнаружила знакомую фамилию и, придя домой, рассказала об этом дочери.

Увидев Таню, я, раздельно выговаривая слова, холодно и жестко потребовал от палатного врача, чтобы «эта женщина» никогда здесь впредь не появлялась. Врач поспешно кивнул, и Таню попросили из палаты удалиться...

Подходила к концу вторая неделя моего пребывания в больнице. Однажды поздно вечером, когда почти все мои соседи спали, в палату вошел бородатый мужчина в белом халате и шапочке. Он подошел к моей койке и тихо произнес, что зовут его Михаил Ф. и что он готов помочь мне в любом деле и в любых обстоятельствах, если таковые у меня возникнут. Пожав плечами, я спросил его: «Кто вас прислал?» Он так же тихо ответил: «Ваша Таня...» Я скривился. Он тут же отреагировал на мою гримасу: «Напрасно вы так ... Я хочу сказать, что Таня безумно переживает все случившееся с вами. Она понимает, что вы здоровы, просто крайне утомлены. Я посмотрел ваши назначения и скажу, что вас лечат от простого нервного срыва и утомления. Они написали в бумагах «реактивный психоз», но у вас нервное истощение...»

Я слушал размеренную, спокойную речь Михаила и никак не мог взять в толк, к чему все это?

Все, что со мной случилось, произошло благодаря Тане, а теперь она, видите ли, «безумно переживает». Я чувствовал, как в груди растет ком горячей ярости, и уже еле себя сдерживал: «Передайте Тане, что я не нуждаюсь в ее сочувствии. Пусть лучше подумает о том, какую роль она сама сыграла во всем случившемся со мной. А вас я прошу больше ко мне не приходить. Я не сомневаюсь в истинном назначении вашей, так сказать, миссии».

Оказывается, Тане показалось, что именно мать отправила меня в «психушку»! Мол, дотянулись-таки ее руки до меня. Она устроила матери скандал, а найдя меня в больничной палате, бледного, исхудавшего, с гневными глазами, к тому же, увидев и мое «окружение»: старого марзматики, лежавшего в мокрых штанах на соседней койке, молодого парня с безумным взглядом, мечущегося между кроватями и непрерывно повторявшего какую-то фразу... потребовала от матери, чтобы меня забрали из этого «зоопарка» и перевели в другую палату или клинику.

Ни оправдываться, ни спорить с дочерью мать не стала, а отправила «в разведку» Михаила Ф. — психиатра, работавшего у нее на станции «скорой помощи». Тому сразу стало ясно, что «пациент» не собирается «вступать в переговоры», о чем он и доложил своему начальству. Таня настаивала, но и у

ее матери влияние и возможности были не безграничны...

Уже на второй день своего пребывания в клинике я превратил кровать в тренажер и часами отжимался. Очень скоро я действительно почувствовал, что превосходно отдохнул. Мне повезло: врач, который положил меня именно в это отделение, оказался человеком не только наблюдательным, но и порядочным. Он не назначал мне никаких «бронейных» лекарств.

Буквально за день до выписки, которую я ждал с тоской (куда податься? куда идти? что делать?), снова приехал Михаил Ф. и решительно сказал, что готов временно предоставить мне кров. Его доверительность, желание помочь показались мне искренними, хотя я не сомневался, что за всем этим стоит Таня.

Противиться не стал, и на следующее утро служебная машина Бориса привезла нас к подъезду дома Михаила.

Почему-то я предчувствовал, что меня ждет сюрприз. И точно! Открыв дверь, я увидел... Таню. Она стояла в фартуке, улыбалась и сразу же сказала, обращая ко мне: «Давай заключим временное перемирие. Пусть в этом доме пока наступит мир, ладно?» Неожиданно для себя, я, весело и радостно, выдохнул: «Согласен!» Спросил: «Что отмечаем?» Миша ответил: «Как что? Твое возвращение в нормальную жизнь...» «Ну, до нормальной жизни, — начал я неуверенно, — еще далеко...» Таня весело перебила меня: «Хватит философствовать! Прощу к столу».

С Таней и хозяином дома мы проболтали почти сутки. Она снова была моей прежней Татьяной, на которую я смотрел неотрывно. Я ужасно соскучился, но решил не поддаваться иллюзиям. В это время я уже решительно отмел свои самые мрачные подозрения о мотивах ее разрыва со мной. Они меня больше не тревожили.

Наконец, сломленный усталостью, я уснул и проспал часов двенадцать. Проснувшись, никого в квартире не обнаружил. На столе лежала записка от Миши: «Олег, запри дверь и спрячь ключ под коврик. Удачи!»

Я позвонил Элле. Она оказалась дома и решительно потребовала, чтобы я срочно приехал к ней. Перечить я не стал...

Мой рассказ о случившемся снова заставил ее расплакаться. Осторожно поцеловав, сказала, что «...с ума сходила все эти дни, что надо было позвонить, сказать...»

По-видимому, я нуждался в этой немного странной женщине. С благодарностью принимал ее сочувствие и засиделся у нее до глубокой ночи. За три недели моего отсутствия Элла к диплому не притрагивалась. «Я искала тебя...»

В общем, она оставила меня ночевать, сказав матери, что «...имеет право на личную жизнь...» На другой день она простодушно предложила: «Оставайся здесь. Мать уже знает, что ты будешь со мной жить... Сам-то

ты не против?»

Как оказалось, ей было 29 лет. Она дважды выходила замуж и оба раза неудачно. По ее словам, виноваты в разрывах были ее мужья, которые, едва ли не с первой недели супружества, волочились за каждой юбкой.

«Тестом на проверку супружеской верности» Элла «определила» свою близкую подругу Аллу. «Ой! Какая это была прелестная девочка! В 17 лет от нее невозможно было оторвать глаз!» Пока Элла рассказывала, сама «красавица» сидела тут же, осторожно прихлебывая водку из граненого стаканчика.

Прищурив длинные веки, она молча слушала подругу, таинственно улыбаясь. Я попытался незаметно разглядеть в лице Аллы следы красоты, но Элла, перехватив мой взгляд, молча достала альбом и, вынув оттуда фотографию, дала мне.

Я увидел огромные, бесконечно добрые глаза. Круглое лицо завершали роскошные косы, закрепленные короной на русоволосой голове, аккуратные, пухлые дольки губ были чуть полуоткрыты.

Сейчас передо мной сидела вполне заурядная, правда, совсем еще молодая женщина. И глаза сохранили прелестную лучистость и доброту. Косы исчезли, уступив место короткой, слегка растрепанной стрижке.

Сравнивая лицо на фотографии с оригиналом, я испытал щемящую боль и, наверное, как-то себя выдал.

Элла сказала: «Правда, жалко? Какая была краса! А во всем виноват мой брат. Негодяй! Ненавижу». Алла, отодвинув уже пустой стаканчик, смущенно протянула: «Элла, перестань! Ну прошу тебя!»

Оказалось, что брат Эллы изнасиловал Аллу. Та забеременела и, никому не говоря ни слова, сделала аборт, но очень неудачно. Возникло заражение крови. Алла долго лечилась, но врачи ей сказали, что рожать она теперь не сможет. С той поры она окунулась в разгульную жизнь, а Элла, «подсовывая Алле» своих мужей, проверяла их на супружескую верность.

Быстро утратив былую яркость, Алла сохраняла поразительную статью. Даже в обычном своем летнем платье она привлекала внимание...

...Завершалась вторая неделя моей жизни под одной крышей с Эллой. Однажды пришел respectable вида мужчина. Элла успела мне шепнуть: «Это мой дядя, он хочет поговорить с тобой о работе...» Дядя присел на кухне, попросил присесть и меня. Внимательно меня оглядел и спросил приятным, мягким баритоном: «Что вы, молодой человек, можете делать хорошо?» Не дав мне вымолвить ни слова, Элла моментально отпартовала: «Да он же умница, дядя!»

То был брат покойного отца Эллы. Как я узнал позже, он был в городе человеком известным. Работал в очень солидном учреждении с охраной у дверей. Дядя так же мягко попросил Эллу удалиться и вопросительно на

меня посмотрел.

Я сказал, что неплохо знаю социологию, социальную психологию, показал большую статью с моей фотографией, опубликованную к тому времени в журнале «Малодосць». Дядя прочитал пару абзацев, попросил разрешения взять журнал с собой и, неопределенно хмыкнув, сказал: «Дня через три я позвоню...»

Действительно, дня через три раздался звонок. Трубку взяла Элла. Через минуту она с сияющими глазами сообщила, что сегодня в 3 часа мне надо пойти на часовой завод к начальнику отдела кадров.

Не буду утомлять тебя подробностями, но скажу: уже на следующей неделе я работал социологом на этом заводе...

— А что же Таня? — в нетерпении спросишь ты. Но я снова прервусь. Что-то ужасно сегодня устал от писанины. Понять не могу, неужели тебе все это интересно? Ну да, понимаю, вы, «биографы», немного напоминаете золотоискателей: в завалах породы нет-нет да и блеснет что-то...

Ну, пока. Олег.

Минск. Ноябрь 1975 года.

Олег — Николаю (письмо пятое)

Привет, Николай! Нет, я не забыл о своем обещании, просто работаю сейчас над книгой по психологии управления. Называется «Смотришь, как в зеркало, в другого человека». Представь, ни минуты времени не остается... И все же продолжу.

...По Тане я безумно тосковал и писал ей многостраничные послания до востребования, но ответа не получал. Я ничего о ней не знал, потому что связи с Наташиными родителями как-то незаметно прервались. Я жил своей жизнью, они — своей. Наташа родила девочку, назвала ее Верой и мирно жила в новой просторной мужниной квартире.

Однажды я прогуливался по аллее парка неподалеку от театра Я. Купалы. Я подждал Эллу, которая туда заскочила на минутку. Увидел Татьяну. Мне показалось, что она меня заметила. Делать вид, что я ее не вижу, — глупо. К тому же обстоятельства, как я тогда искренне считал, у меня сильно изменились, и мне захотелось воспользоваться случаем, чтобы объясниться.

Я был спокоен и холоден. Поздоровался, жестом предложил присесть на скамью, стоявшую у голенастого фонаря с белым шаром наверху. Она молча кивнула мне без удивления, будто давно ждала.

Немного помолчав, я начал: «Ты должна знать. Я решил строить свою жизнь. Судьба ребенка, которого тебе предстоит родить, целиком останется на твоей совести. Я уверен, что тебе следует забыть, кто именно его отец, и не морочить ему голову, ведь он вырастет рядом с женщиной, которого ты выбрала себе в спутники...»

Я очень изменился внешне. Сбрил бороду, прилично оделся. Положение обязывало — все-таки зав. сектором большого отдела на крупном минском заводе. Высказавшись, слушать Таню я не захотел, быстро встал и ушел.

В это время из здания театра вышла Элла, я подошел к ней, взял под руку, и мы зашагали, оживленно разговаривая.

Увы! После этой случайной встречи желание видеть Таню стало еще острее. Кстати, я заметил, что она заметно округлилась, но умело прятала свою беременность под просторной одеждой.

Кстати, живя дома, она до восьми месяцев искусно скрывала от родителей свое «интересное положение». И смех и слезы! Мать — врач! И представь себе, так ничего и не заметила, пока Таня сама не рассказала. Узнав, что отец ребенка — я, и услышав о ее готовности выйти замуж за Юрия Т., мать решение дочери одобрила. Уж не знаю почему. Скорее всего, она сама блуждала в тех же лабиринтах, по которым бродила тогда ее дочь.

Приближалась зима. Элла, блестяще защитив дипломную работу в Москве, с помощью дяди устроилась на Белорусскую киностудию. Мы виделись теперь только по вечерам в нашем крохотном пристанище. Свои отношения мы решили не регистрировать. «Ты выдержал «тест» на верность, — хохотала она, — Алла опозорена! Ты ее отверг. Единственный мужчина, представляешь? На кой черт нам обременять себя штампами?»

...Однажды я бродил по улицам, продуваемым промозглым декабрьским ветром. Оказавшись рядом с почтамтом, неожиданно остановился. Когда-то, в пору нашей с Таней переписки, я заглядывал туда частенько. Там же, в окошке «До востребования», я получал письма от родителей из Краснодара. Последний месяц-два я туда уже не заходил. Не было надобности!

Поддавшись какому-то странному наитию, я вошел в здание. Остановился у окошка с буквой «ю». Просунул свой паспорт, пробормотав неуверенно: «Посмотрите, пожалуйста!»

Через пару секунд передо мной положили конверт. Это было письмо от... Тани. Оно было датировано вчерашним днем! Если учесть, что много дней я не заходил на почтамт, потому что знал определенно: писем нет! Что мои родители писали уже по домашнему адресу Эллы. Что ждать письма от Тани бессмысленно... Если все это учесть, то мой внутренний голос, властно заставивший войти в полумрак почтамта, и был неким, почти мистическим, провидением!

Присев у испачканного чернилами и сургучом стола, я поспешно распечатал письмо. *«Милый Аля! Я буду ждать твоего звонка каждый вечер, начиная с девяти часов, и делать это буду бесконечно, до тех пор, пока ты не получишь это письмо и не решишь, что надо позвонить мне... Целую, родной. Таня».*

И опять, подчиняясь этому наитию, я подошел к телефону-автомату, нашарил в кармане «двушку», набрал ее номер. «Алло?!» — услышал я голос, такой любимый, близкий, что едва не лишился чувств. «Алло! Это ты, Алик?» Голос Тани был звонким, отчетливым, радостным. Лишь легкая тень сомнения в нем все-таки проскользнула. «Да, — поспешно ответил я. — Здравствуй!» Она деловито затараторила: «Ой, какой ты молодец, что позвонил! Давай сделаем так: я сейчас досмотрю телепрограмму, по которой мне надо писать курсовую работу, а ты приезжай к моему дому. Ты где? У почтамта? Ну вот, приезжай, а к этому времени и я все уже сделаю. Хорошо?»

Представь, Николай, иронию происходящего. Едва я вышел из троллейбуса на площади Победы, откуда обычно шел домой, как наткнулся на Эллу. Она весело на меня глянула и тут же осеклась: «Что случилось?» Я не остановился. «Ничего. Я скоро...» Наверное даже грубовато отодвинув Эллу, я пошел дальше. «Олег, куда ты?» Она крикнула еще раз, но я не обернулся. Подойдя к Таниному дому, я снова позвонил. Нисколько не сомневаясь, что звоню именно я, Таня звонко крикнула в трубку: «Ты где? Напротив иняза? Стой там... На углу... Я сейчас примчусь!»

Было самое начало декабря. Пошел снег. Первый в эту зиму. Неожиданно, сзади, меня обхватили Танины руки. Повернулся. Та же шубка, только застегнуть ее уже не удавалось. Она прикоснулась к моему лицу холодными озябшими руками и поцеловала в губы. Я увидел ее счастливые глаза и понял: теперь все позади! Теперь никакая сила не способна нас разлучить...

Она сказала мне, что договорилась с подругой, которая учится с ней на журфаке, и та сегодня же приютит нас у себя. Я поймал такси, и мы уехали к Марине, к той самой ее подруге...

...Я не спал всю ночь, сочиняя письмо Элле. Наверное, я плохо воспитанный человек, раз у меня не возникали ни раскаяние, ни чувство вины. Нет... Чувство вины все-таки было...

Элла забеременела. Она призналась мне в этом с некоторым испугом и спросила: «Ты уверен, что хочешь этого ребенка?» Я опешил и от сообщения, и от такого вопроса. «Наверное, в том положении, в каком мы сейчас находимся, о детях лучше пока не мечтать...» Это я так ответил.

Ну что тут скажешь?! Но она с каким-то радостным облегчением сказала: «Мамина сестра — гинеколог. Сделать аборт — нет проблем!» Через день, вернувшись из больницы, она шепотом мне сообщила: «Все в порядке!»

Я написал Элле покаянное письмо и просил прощения... Думать о ней, оправдываться я уже не был способен. Счастье распирало меня. Настолько, что в душе не было места ни сожалению, ни сочувствию, а была одна сплошная радость: Таня и наш малыш снова со мной! Вот она, только протяни руку! Стоит, ходит, разговаривает, целует меня, читает книгу, спрашивает

о чем-то... И это не мистика...

И все же, что случилось? Что заставило Таню, которая не переставала любить меня, стремиться ко мне, однако, отказаться счастливо жить со мной под одной крышей в ожидании нашего первенца?

Я не могу прислать ее дневник, где она объясняет причины своего кризиса. Попробую сделать это сам.

...Все ее попытки признать крах связи с Юрием Т. разбивались о жестокую дилемму. С одной стороны, она готова была признать, что их отношения были лишены самого главного — любви. С другой — не в силах была согласиться с тем, что оказалась способной на самый вульгарный адюльтер с женатым мужчиной, в пику то ли самой себе, то ли родителям, то ли тому парню, который искренне отверг ее чувства...

Фантазии Юрия Т., его инфантильность вызывали в ней необъяснимую, но странно стойкую симпатию. Чувство вины, возникавшее у Тани, когда ее отец умело провоцировал Юрия Т. на «драки чести», не давало ей покоя. Отсидки за хулиганство, ожидание освобождения, изможденный вид Юрия Т. — все это в воображении Тани оформлялось в образ «страдальца». Именно желание искупить свою воображаемую вину перед ним, его женой и ребенком порождало в душе Тани переживания за судьбу беспомощного, непутевого и по-своему дорогого ей человека.

Таня всегда знала: Олег — сильный! Он все выдержит. А вот этот «мальчик», длинноногий, наивный фантазер, в семейную жизнь которого она случайно вмешалась, несчастен. И если он принес ей, Тане, в жертву свою семью, своего ребенка, свою свободу, наконец, она просто обязана отказаться ради него от самого дорогого — любимого человека и его будущего ребенка.

Конечно же, такое раздвоение было драмой для Тани. Она любила меня, носила под сердцем моего ребенка и в то же время писала в тюрьму Юрию Т., обещая выйти за него замуж.

При всей нелепости, даже жестокости этого морального парадокса Таня искренне верила, что она права. Так подсказывало ей чувство вины перед Т., свинцовой плитой давившее на ее совесть.

О любви Таня знала в основном из литературы XIX века. Она спасалась в этих фантазиях от грязи и лжи, которые с раннего детства за-хлестывали ее дома, в семье родителей.

Юра Т. с его ребячеством и картинным бунтарством представлялся Татьяне героем ее чувств. И все же здравый смысл, сильный и точный ум, природная логика постепенно выдавливали из воображения Татьяны сочиненный ее фантазией, мифический образ. Однако не всегда успешно.

Разуму нелегко было справляться с эмоциями, самолюбием юности, познавшей таинства жизни с первым мужчиной. Этот «герой-любownik» удобно устроился в романтической люльке, бесцеремонно паразитируя на

жертвах, которые Татьяна ему добровольно приносила.

Я читал его письмо из тюрьмы. Юрий Т. воспринял, как само собой разумеющиеся, слова Тани о том, что она, дождавшись его и к тому времени уже родив ребенка (нашего с ней ребенка!), надеется, что ему понятно ее желание воспитывать малыша именно с ним. Правда, он был немало удивлен тем, что Таня пожелала имя и фамилию ребенка оставить мою. Его недоумения были искренними. «Зачем, — вопрошал он в письме, — давать ребенку фамилию человека, который, хотя и является его отцом, но которого ты добровольно и навсегда оставила?» «Между тем, — пишет он, — я готов воспитывать этого ребенка, как своего...»

Я уверен, что со временем ум Татьяны был возмущен «проделками» ее девических фантазий. Вот почему «романтическая люлька», в которой так уютно и, похоже, надолго устроился этот длинноногий щербатый «бунтарь», все-таки не выдержала давления сермяжной логики. Когда это случилось, на почтамт полетело письмо, адресованное мне. В душе Татьяны поселилась надежда на чудо. И оно случилось! На следующий же день! Мы встретились, чтобы теперь уже не расставаться никогда.

Решение Тани вернуться ко мне Юрий Т. воспринял как предательство.

Может быть, он даже заслуживает сочувствия. Хочется думать, что его заблуждения были, скорее всего, искренними...

Прощаюсь с тобой. Кажется, я сделал все возможное, чтобы удовлетворить твою любознательность...

Удачи тебе!

Твой Олег.

* * *

Теперь настала моя очередь предстать перед читателем в том времени, которое я лаконично обозначила словом «...после». Сейчас я не боюсь правды. Она пришла ко мне, прорвавшись сквозь преграды наивных амбиций, нелепых надежд, оставаясь частью моей души...

Но сначала я хочу представить письмо, которое я написала, когда поняла, что еще минута — и я потеряю своего Альку навсегда, сотворю жуткую беду своими руками: лишу отца его сына, а сына, уже всюю стучащего ножками «там», в таинстве моего чрева, невольно или осознанно начну обманывать с первых минут его рождения. Это письмо — правда, ставшая предисловием к моему дневнику, который еще немного подождет своей очереди...

Минск. Декабрь 1970.

Таня — Олегу

Алька! Ты творишь со мной чудеса. Когда я беру в руки твои письма, когда я читаю их — я реально и радостно чувствую невесомость. Чувствую,

что мир именно такой: необъятный, обязательно счастливый и большой, как ветер. Мне хочется уткнуться носом в твои руки и твердить бесшабашно и счастливо: ты — моя бесконечность, мой светлый смысл, моя непризрачная радость и просто мой, просто Аля, которого так хорошо слушать, так чудесно видеть, маленький Аля с длиннющими ресницами, такими, что все время хочется целовать его глаза и нашептывать немудреные заклинания — чтобы был здесь, чтобы был со мной. Чтобы... Чтобы...

Это так нетрудно — уверить женщину, что она прекрасна и любима. Это так соблазнительно — мечтать сделать ее безмятежной.

Я благодарна тебе за другое — за то, что ты хочешь видеть меня не безмятежной, а сильной. И потому, читая эти прекрасные письма, дорогие письма, я не вижу в них лести любящего. И когда я бесконечно повторяю тебе, что ты красив, прекрасен, великолепен, — в этом тоже нет слепоты. Я расту в этой твоей песне, расту и, даст Бог, захочет человек, встану вровень с твоей любовью.

Ты не удивляйся, Аля, но ты ведешь меня за руку к тому, как я могу любить. Это не похоже на слова. Это не письма. Ты знаешь по себе: это просто сама жизнь — большая, долгая, с огромным, светлым днем.

Ты невероятно нужен мне — я впадаю в тебя, как илистая речка, и срываюсь, пройдя сквозь твои глаза, твои руки, твою улыбку, твои письма, сильным сверкающим водопадом.

Дай я поцелую тебя за тебя самого, за то, что ты бесстрашный и любимый мой человек.

Т.Т.

В ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ лабиринтах любви

Это — мой дневник. Я начала его 27 февраля 1970 года, в день, когда жизнь Олега отсчитала очередной, тридцать первый, год. Последняя запись сделана в самом конце ноября того же года. Он вместил в себя две сотни дней моей жизни, и каждый из этих дней был наполнен трудными для меня часами раздумий, событиями, диалогами, решениями, отказами и согласиями. На его страницах часто нет логики, «причесанности» стиля: захлестывали чувства, душили слезы, плескалась радость, тоже такая нелогичная в тогдашней моей душевной пустоте. Но в каждом слове — правда. И поэтому мне нечего стыдиться и продолжать прятать свои мучительные сомнения, которые, как клещами, держали уже проросшую и отчаянно требующую выхода любовь к моему Альке...

Случилось главное: за эти дни моего диалога с собой на страницах этого дневника я окончательно поняла, что не хочу навсегда утратить то, чем бесконечно дорожу. Не хочу!

Как странно... Действительно странно, что так трудно мне было это понять...

* * *

...Итак, Юрганов.

Первое впечатление двойственное: лицо мистически знакомое, так бы сразу и сказала, как увидела: «Здравствуй, вот славно, что ты здесь!» Улыбка, которую называют очаровательной. Однако неверно это. Даже приторно. Просто — смелая улыбка. Так улыбаются сильные люди.

Встал, протянул руку. И тут же возникло впечатление второе: да когда же он встанет во весь рост? Была уверена после такой улыбки, что он — громадный. На секунду перестала воспринимать происходящее во-круг. Неожиданно вспомнила вычитанную где-то мысль: маленькие мужчины ненасытны и со всеми женщинами очаровательны.

...Звонок в дверь. Юрганов — мимо меня — делает шага три в коридор. Кто там, интересно? Он любопытен до... детства, до озорства. Но... по-прежнему не воспринимаю. Мал золотник?

Вместе с вошедшим проходит в комнату. Я этого не вижу, своими мыслями занята и стою спиной. Оборачиваюсь — и сразу как в холодную воду. Итак, Юрганов, вот что с тобой! Неуклюжая походка, страшно милая — причиняет боль. Чувство, будто смотришь на Природу, как на

толстенную, сытую и наглую бабу, и поражаешься ее жестокости, тупости. И хочется схватить ее за неумные руки и встряхнуть до желудка: что ты сделала?

И не хромота, а эта неуклюжесть, которую так не терпится сбросить черт знает куда!

Человеку с таким лицом надо не то что бегать — летать, ходить ходуном, плясать!

Ковыляет по-утиному, светится весь.

Улыбка!

Улыбка улыбкой, но глаза не отдыхают, все, и вся, и всех держат. Меня тоже. Отлично все заметил.

Неудобно — так вот, с первого взгляда...

Впрочем, я скоро уйду отсюда, не век же здесь сидеть.

Юрганов... Интересно, жена у него такая же? Уверена — это редкая женщина. Этот умница знает толк...

Хорошо, что он женат.

И хорошо, что он — такой светлый умница. Я почти уверена, что этот человек — умница...»

** * **

И все же надо кое-что объяснить, прежде чем продолжить перелистывать страницы моего дневника — грустного путешествия по лабиринтам любви. То были дни пронзительные и болезненные, горькие и счастливые. Наверное, я была не в силах с холодной рассудочностью фиксировать события, связанные с появлением Олега в моей жизни. Были дни такого страшного накала, таких противоречий, возникали события такие нелепые и одновременно такие драматические, что я непроизвольно брала ручку и, раскрыв тетрадь, заполняла сразу три — пять, а то и десять страниц кряду, пытаясь помочь самой себе осознать все происходившее со мной. После первой записи, сделанной 27 февраля 1970 года, прошло восемь месяцев, которые сжались в моей памяти в единый миг. Я не успевала осознавать все пережитые мною события.

Одно из них случилось 24 сентября 1970 года. С этого дня продолжились записи в дневнике. Они не отличались упорядоченностью, потому что мне не нужна была хронология, а важен был миг возвращения моей памятью каждого события, пережитого в эти восемь месяцев. Они выстроились в длинный, запутанный лабиринт, в который я ступила в тот сентябрьский день, когда рассталась с Олегом...

Тогда, в этих событиях, запечатленных мной в дневнике, пряча себя и Олега в туманных «Он», «Она», я спасалась от нелепой реальности, которую сама же, по своей воле, создавала. Интуитивно осознавая беду, пугалась... Размышляла... Искала выход из лабиринта...

...Первое впечатление двойственное: лицо мистически знакомое, так бы сразу и сказала, как увидела: «Здравствуй, вот славно, что ты здесь!»

Об этом теперь и читайте...

* * *

Минск. Сентябрь 1970 г.

Скамейка стояла на ветру, а поза, в которой он сидел, утомляла. Но ему отчетливо не хотелось ни шевельнуться, ни хотя бы вздохнуть. Он устал. Постукивал окоченевшими пальцами по деревянной планке скамьи... Ему казалось, что холодно не от ветра и неподвижности, а от слов этой женщины, сидящей рядом. От движения ее губ...

Она говорила то ясно, то сбивчиво, то пряча глаза, то резко поворачивая к нему лицо. И тогда он задерживал дыхание от внутренней надежды, что она тоже устала и замолчит, тогда все минет, она по-детски смутится и скажет: «Ну хватит об этом!» — и проведет своими прохладными пальцами быстро и просительно по его щеке...

Вот тогда можно будет забыть этот разговор, обессиленно улыбнуться внутри, бросить: «Ладно, старуха!», прижать к себе ее голову и незаметно поцеловать эти тяжелые, пахнущие дождем волосы.

Когда она медленно отгадет, можно будет выговорить: «Иди сюда!» И женщина сначала смешливо прищурится, дернет бровью и, как бы нехотя, подойдет совсем близко к нему. Можно будет сказать: «Поцелуй меня!». Женщина снова удивится, засмеется, отрицательно качая головой. А потом взмахнет руками и вдруг войдет в тебя — вся: на губах опять будут ее твердые губы, потом твоя голова уложится в ее ладони.

Тогда наступит время странное, молчаливое. И только с каждой минутой, как далекие звоны, как удары в колокола, в ударах сердца будет все прибывать и прибывать радость...

Будет огромная светлая ночь. В такие ночи кажется, что светает... Всю ночь светает! И тихие слова падают чисто, четко, как белые камешки в круглые зеркальца колодцев.

Шепот кажется громким и ласковым, как ветер. А стены исчезают, тускнеют, как полустертая роспись, и вдоль них, как штормы, колеблется и мерцает рассветный туман.

Это женщина отгаивает...

Она смеется тихо, удивительно. Да смеется ли? Может, просто вздыхает. Может, и не смех это, а говорит она, вспомнив свой древний милый язык, говорит-лопочет, поет тебе что-то и плывет в тебе, как в белом корабле, гладит летящими к тебе руками то твои плечи, то лицо, то ерошит волосы... А ты говоришь ей, восторженный, сумасшедший и тоже растворенный в ней совершенно: «Ты любишь меня! Знаешь ли ты, что любишь меня?!»

Она не отвечает, и тебе кажется, что она не слышит. Ты смотришь в ее черные большие зрачки и видишь там, в глубине, свое лицо — прозрачное

от улыбки и удивленное...

Она ничего не говорит тебе. Всю ночь ничего не говорит. Только как-то освобожденно любит тебя, смотрит на тебя бессонно, и лицо ее становится то плачущим, то счастливым, как будто она плывет над тобой...

...Женщина умолкла и засуетилась. Она даже растерялась, обнаружив, что он давно не слушает ее. Она все-таки хотела еще что-то сказать, но вдруг испугалась, а может и передумала. Смахнула мерзнувшими пальцами две капли, уже медленно и тяжело ползущие по щеке, торопливо открыла сумочку, быстро вытащила пудреницу, мельком глянула в зеркальце. Зачем-то вытащила тюбик с губной помадой, неожиданно смутилась и, бросив в сумочку, захлопнула ее.

Он наблюдал за ней с отрешенным видом и даже с удивлением. Именно сейчас она казалась ему невероятно близкой и такой же невероятно враждебной. Это причинило боль. А она уже не имела права на его боль. Он встал.

Женщина подняла припухшее, покрасневшее лицо и увидела на фоне плывущего белесого неба его волосы, светлый шарф вокруг шеи, стянутое отчуждением лицо, твердые, прозрачные, как у рыси, глаза. Он стоял и казался в сговоре с этим небом. Неожиданно она подумала, что он кажется ей сейчас замерзшим белым деревом, и белый, даже голубой холод собирался у его суженных зрачков.

...Они молча прошли два пустых осенних квартала. На перекрестках их подхватывали порывы ледяного ветра. Неожиданно он резко остановился и бросил в ее удивленную спину: «Мне — сюда!»

Она, не оглядываясь, кивнула, почти взлетела на новую волну ветра, испугалась, что сейчас, не удержавшись на ногах, упадет. Шофер громко засигналил. Она нашла глазами машину и медленно перешла через улицу.

Минск. Октябрь 1970 г.

Вот какой сегодня день. Рядом с Олегом — другая женщина. Но (радоваться ли?) рядом не с моим Олегом, а с Олегом без меня, после меня. Ощущение полного недоумения...

Нет, не реальность существования кого-то другого рядом с ним (этого я никогда не пойму), а буквально сиротство: это не он. Хочется потрогать руками воздух рядом с ним, дотронуться до него и почувствовать, что этого нет, что это мираж в цвете и звуке.

Не он...

Растерянные глаза и в них какое-то виноватое торжество. Хмурые губы, гладко выбритое (перемена привычек?) лицо. И от этого — лицо незнакомое и похудевшее. Лицо в «скорлупе», непрозрачное, заостренное, безглазое...

Но самое странное — так это то, как он говорил. Я не сразу поняла, что это его голос, что эти слова я должна слушать и даже сосредоточиться

на них. Никак не могла этого сделать. Это все равно, что говорить с невидимкой. Неужели так быстро случилось и это? Голос уже не подчиняет меня его мысли, как было всегда! Мои слова (он меня слушает!), сама я — все это уже не смыкает над нами непроницаемый для всех прочих купол. Не заключает нас в электрический круг. Распалось то, что прежде, даже в минуты жестоких ссор, не мешало нам уйти в себя и сосредоточивало наше внутреннее зрение только друг на друге.

Мы никогда не говорили только о себе, всегда помня, что это слышит второй: я или он. Мы всегда перебрасывали друг другу какие-то невидимые мячи. И поэтому наши ссоры были, при всей их остроте, даже удовольствием, так как, ссорясь и доходя до азарта, мы все же внимательно и восхищенно, зло и счастливо встречались глазами.

Сегодня, заговорив, мы впервые не пробились через внешнюю стену друг к другу. Воздух, оказывается, очень плотная материя.

Недоумение — вот, пожалуй, что чувствовал Олег. Так бывает, наверное, когда после взрыва двое мгновенно оглохших людей сначала радуются тишине, а затем пытаются заговорить и тут же обнаруживают, еще боясь в это поверить: что-то исчезло...

* * *

Минск. Ноябрь 1970 г.

Я еще сама не знаю, отчего это я повернула свою жизнь на 360 градусов. Это какая-то гангстерская, пиратская уверенность в счастье. Атавизм? Возможно. Было не трудно — было совестно и мучительно, было до слез жаль — и я плакала. Было жаль, что я не могу — мешает мне что-то остаться в этом человеке, с ним. И всю жизнь быть счастливой женщиной, быть женой, быть улыбкой этого усталого человека, быть добрым товарищем во все его дни, быть его соперником в спорах, быть во плоти и крови воплощением его идеи счастья. Редкого, безрассудного счастья. Любить, как дышать. Любить раньше, чем пробуждается сознание, и утром, раскрыв глаза, заранее любить этот день за то, что светлоглазый человек, прихрамывая, войдет в комнату и снова сделает мир необыкновенным.

Я верю во все его идеи и теории. Я нутром чувствую их правоту, их изящество, их железную логику. Теперь я понимаю, что этот человек был дан мне не в спутники — он был мне как предостережение, как явление того, в чем мне нужно было убедиться: оно есть! Это моя идея жизни. Это мой критерий ума. Это — как выплеснуться целиком, в одну минуту, чтобы с тайным страхом навсегда влюбиться в эту минуту. Чтобы сходить с ума и не любить раз и навсегда заведенным порядком. Любить всегда на острие потери, любить не вне, а внутри — чтоб если уйти, то ничего не теряя. Потому что любовь — в тебе. Она равна каждому твоему шагу, твоему дыханию.

В Юрганове меня убеждать не надо. Он вошел в меня целиком. Я не потеряла ни одной пылинки золотого слитка.

* * *

...Проснулся ум, открылись глаза, и жизнь за спиной показалась маленькой ниточкой, а впереди — громадной... Олег со смехом и вдохновением говорил, что отныне весь мир ко мне добр. Что я умею все — и буду уметь больше, чем все, что я заново рожденный человек. «Плыви ко мне, кораблик!» — говорил Олег.

Он верил эгоистично и свято, почти сумасшедше верил, что я — его творение, я вышла из его рук. «Эти волосы, эти глаза, эти губы я боготворю не потому, что это — прекрасно! Нет, ты еще даже не женщина, ты — девочка... Но все это — твое. Это — твои губы, это — твои глаза, это — твои тяжелые волосы, это — твои руки, эти маленькие руки. Их нет ни у какой другой женщины. Нет, ты не способна теперь это понять! Не те чувства, не тот возраст... Но — девочка моя! Я вижу тебя в будущем — это прекрасно!» А затем с тяжелым вздохом добавлял: «Без меня все это погибнет! В тебе много мелкого, злого, того, что я не приемлю и никогда не приму, что делает тебя почти враждебной мне... Но есть три вещи в тебе, за которые я буду драться, лезть в огонь, за которые я могу пойти на казнь: это когда ты смеешься, это когда ты зла и остроумна и когда говоришь, что любишь меня».

* * *

Сколько раз мне хотелось сказать ему: «Я счастлива с тобой совершенно. Ты — великолепен во всем. Мне некого поставить рядом с тобой, и я горжусь этим. Не мелко, не собственнически, а как-то даже назло себе горжусь тем, что ты вот такой, каким ты себя сделал.

Мне без тебя скучно, скучно до бессмыслицы. Я — полумертвая. Я половина в себе самой. Не вижу, слепну и глупею без тебя. Но я не могу остаться с тобой! Это дико и необъяснимо, но я не могу... Возможно, я уже навсегда осталась с тобой. И потому, что ты уже во мне, я и ухожу.

Только одно способно заставить меня броситься к тебе и не уходить, как бы ты ни гнал. Если исчезнет последняя связь с тобой. Последнее, в чем отражаешься ты, и я, обернувшись и взглядевшись, опять вижу тебя, опять нахожу тебя в каждом дне моей жизни. Если что-то случится с этим последним — я не выживу. Я не могу потерять тебя совершенно. Пока он неведом. Но он есть. Я чувствую его ладонью, чувствую его неожиданное движение: твой ребенок во мне».

* * *

Олег был как берег, от которого надо оттолкнуться. Я слишком самолюбива, чтобы в чем-то уступить ему, а его восхищение мной — самогипноз.

И еще. Меня гонит вперед какая-то неистребимая жажда создавать

самой. Чем сильнее это абсурдное стремление делать непременно по-своему, тем яснее я понимаю, что делаю что-то не то, что нет еще у меня сил создавать, потому что я сама еще никем не создана. Олег — первый скульптор, посмотревший на меня по-человечески празднично.

То, что я делаю, похоже на инстинкт разрушения. Инстинкт, потому что и доводы ума, и страх как-то легко отступают перед этим.

Олег был снисходителен, когда сказал: «Я понимаю, в тебе дух Пигмалиона. Ну что ж, я мог бы пожелать тебе удачи. Но я не радуюсь этому. Я слишком хорошо знаю тебя и вижу дальше. Ты уж прости, но я знаю: даже если ты признаешь свое полное поражение, ты никогда не вернешься ко мне. Хотя я — единственный, кто понимает тебя и принимает даже такой, какая ты сейчас есть. Ты не вернешься. И виной тому твое самолюбие... Ну, признайся, ведь только поэтому ты не вернешься?»

«Но это так... жалко и глупо!» — «Вот! Я так и знал! Ты верна правде, стало быть — себе! Отличное качество! Ты совершенно не способна насиловать себя. Рано или поздно истина прорвется. Самое печальное — ты не способна лгать как женщина. Как женщина ты бесконечно искренна, и от этого все, что исходит от тебя, — жестоко. Ты никого не щадишь! Но пойми: с той минуты, как ты расстанешься со мной, ты лишишься главного и единственного, чего тебе не хватало всю жизнь, — понимания. Ведь тебя никогда не понимали. Да ты и сама плохо понимаешь себя. А я с дотошностью психолога всегда пытался понять тебя... Ты хочешь остаться без этого? Я говорю не о себе, я — о тебе. Ты-то сама знаешь, чего ты хочешь?»

«Олег, ну как не совестно, — говорила я, — почему у тебя опять такое прекрасное лицо? На тебя невозможно смотреть». Олег хохотал или совершенно неожиданно смущался. Или сердился и, еще не решаясь улыбнуться, говорил: «Не понимаю. Любишь ты меня, что ли?» Или бросал: «Оставь, пожалуйста! Научись сначала слушать!»

* * *

Минск. Ноябрь 1970 г.

Будь Олег слабым — я стала бы его женой. Олег сильнее, умнее меня. Бесконечно разнообразней. Достичь этого и даже большего — вот чего я хотела бы. Теперь я вряд ли смогу быть женой слабого человека. Я настроена на скорость обгона и не хочу ничего другого.

Слишком много потеряно времени уже хотя бы потому, что рядом нет Олега, и замедлять это время буксированием — роскошь. Я не могу стоять на месте — ведь скоро у меня на руках, рядом со мной будет Алька-младший. У него должна быть только скорость обгона. Природа даст этому ребенку очень много. Я должна чувствовать ответственность за это.

Какие чудеса мог бы делать с ним Олег! Так легко представить их

вместе — кажется, нет ничего более похожего, ведь это будет Юрганов. В каждом движении — Юрганов. Они были бы необходимы друг другу.

* * *

Об Олеге не существует нейтрального мнения. Это — человек-противоречие. Человек, о котором говорят столько разного — плохого и очень хорошего. Мне чаще говорили плохое. Причем не то с ужасом, не то со злорадством. И всегда — с оглядкой.

А я слушала с интересом. Говоривший и не подозревал, что я изучаю его самого. Вот еще один враг Олега. Вот еще одна ложь об Олеге. Вот еще один страх перед Олегом. Вот еще один неизвестный мне Олег.

Я, в отличие от других, знаю, что Олег иногда бывает человеком настолько беззащитным и потерянным, что тяжело видеть его глаза, его лицо, трудно слышать этот беззвучный, медленный шепот. Это тот Олег, которого мы с ним сами как-то окрестили «ромашкой за решеткой». Это — выражение его глаз: кроткий и растерянный взгляд, нематериальный свет, пойманный в тяжелые ресницы.

Знаю, когда Олег бывает человеком-прессом. И кажется, что один его взгляд способен размазать тебя прозрачным слоем по стене. Или вдруг пригвоздить к месту, да так, что вдох покажется непосильной тяжестью. Это Олег на крайней точке отчуждения. Но это состояние — самое нелюбимое им самим, хотя он и чувствует свою силу. Это состояние сковывает его, заставляет молчать его душу. А ему в свое время так не хватало возможности быть открытым, распахнутым, юным и доверчивым, что сейчас всего этого в избытке. Он то и дело превращается, сам того не замечая, в юного фантазера и рыцаря.

* * *

Был ли Олег со мной предельно жесток? Да, был. Но даже этого Олега я никогда не боялась. И вообще, я не понимаю, как можно не радоваться этому человеку, как можно ему не верить и, наконец, как можно его бояться? Наверное, если он становится врагом — можно. Но это уже не обо мне. Я никогда не боялась, интуитивно чувствуя, что он не причинит мне вреда. Ведь я произрастаю из его духа, я не только его женщина, я — его творение, которое он тысячу раз проклял и в котором столько же раз обманулся. И все же я — творение его духа, его ума, и уничтожить меня ему будет больно.

Я люблю чувствовать его силу, потому что в такие минуты я обнаруживаю в себе холодную, острую, как свет, иглу, на которую нанизывается его сила. И самая великая ссора и злость каждую минуту может быть просто остановлена... поцелуем, потому что она перемешана с восторгом.

Восторг — это прежде всего ощущение завершенности, ощущение замкнувшегося круга. Я чувствовала бесконечную и даже злую нежность

к этому человеку, когда он пытался «размазать» меня по стенке. У Олега было то же самое.

Я сейчас вспомнила, как он сказал об одном нашем очень тяжелом разговоре: «Мне так хотелось тебя целовать!»

* * *

И еще одно.

«Как мне хочется тебя уничтожить!» У Олега глаза делаются спокойно-белые, даже веселые, но зрачок неподвижен и блестит. Я смотрю на него и знаю, что мои глаза абсолютно такие же. Но я даже любила эти минуты. Я видела: такая жестокость не знает границ, такой же будет и нежность. Я не ошиблась ни разу.

...Нежность. Не называемая, прозрачная и холодящая. Идущая от соборных сводов, где дышит орган. Нежность — доверчивая и бесстрашная, наивная и какая-то удивленная...

Олега, который врвался ко мне таким — светлым, как античный гонец, — я называла Алик... Алик. Это как один звук, вызывающий во мне одну постоянную картину. Один образ.

...В наступающих сумерках в маленькой кухне сидит человек. Он почти нереален — он плывет в гаснущий за окном день... Это — светлый человек. Светлолицый, светлоголовый, весь золотой, с блуждающей улыбкой, со светлыми глазами. Он загляделся или задумался. Он склонил голову набок... И так молчит, что даже страшно за него. И кажется, что сам он — маленький, прекрасный остров, который вот-вот уйдет под воду, исчезнет с последней полоской света...

Тогда, неожиданно для себя, я назвала его «князь». И оказалось, что так кто-то окрестил его раньше. Что так его и называли. Но я не огорчилась. Я почти мистически принадлежала ему в такие дни. И он тоже. Я знала это. Его рука, не отрываясь ни на миг, была на моем плече, на моем затылке. В такие дни мы просто боялись раствориться в воздухе. Надо было как-то реально ощущать друг друга. В такие ночи даже тело его казалось мне белым ароматом. И сама я была невесомой. Казалось, что воздух, которым я дышу, — это тоже Алька.

В комнате звучали и плыли какие-то удивительные слова. Его и мои. Они путались, сбивались под потолком и уносились. Мы засыпали, не дослушав их...

Любовь? Или более редкое, чем любовь?

Мы с Олегом — одно явление природы. Это — переселение душ. Я убеждена в этом, убеждена совершенно. Ведь расставшись, мы взаимно уничтожились. Тело, разрубленное на два куска, перестает жить. Мы растались. И может быть, оба никогда не достигнем единения.

* * *

...Алька, маленький князь, твой ребенок — еще золотая тайна, солнечная тайна. Ты тоже, я знаю, ждешь его, думаешь о нем, наверное, даже как-то видишь его. Он появится неожиданно для нас обоих.

Я знаю, тебе тоже хочется нежно позвать это существо из неизвестного оттуда. Позвать осторожно, тихо. Позвать теми же словами твоей прозрачной рассветной песенки: «Журавлик мой, кораблик мой, плыви, плыви ко мне...»

Пусть скорее родится наш малыш. Я скажу ему, что человек — чудо и радость. Золотое, рыжее, неведомое существо, которое так нежно и трогательно толкает меня. Родись, существо, у которого еще неслышимо даже для меня бьется сердечко. Родись! Ведь в каждой твоей золотой реснице навсегда сплетены я и Алька...

* * *

Мы с этой женщиной прощались,
Как два редчайших близнеца,
Как корабли, чуть сопричались,
Уже — раскачиваются.

И в той счастливо-быстрой тайне
Мы среди множества «нельзя»
Друг друга поняли бортами,
На них друг друга унося.

И понял я внезапно то, что
На нас нахлынуло, нашло.

Любовь — особенная точка

И, ++++может, более ничто.

Е.Евтушенко

* * *

Откуда такая легкость? Она похожа на ожидание праздника, светлого, самого главного в году.... Вот он ближе, ближе, ближе, и на рассвете, если первой проснешься, — первой врасплох его и застанешь!

Олег — стержень. Идеи вокруг этого стрелы вспыхивают, как электрические разряды. Идея — это для него среда существования, горячее для ума.

* * *

Минск. Декабрь 1970 г.

Теперь часто думаю об Олеге. Думаю строго и замкнуто, никого в это не посвящая. Если бы он спросил меня: «Чего ты хочешь сегодня, сейчас?», я бы не сказала: «Быть с тобой». Я бы сказала только о том, что мне действительно всегда будет нужно: не скрещивать слова и взгляды, нет! Не страсть, не слезы, не беспамятное бормотанье, не сумасшедшие поцелуи. Нет! «Я

хочу стоять твоей доброй улыбкой... Или хотя бы твоей доброй памяти».

Как очень давно сказала Елена Ширман, «девушка, которая будет любить тебя... пусть целует каждую твою ресницу в отдельности. Пусть не забудет ямочку за твоим ухом... Пусть руки ее будут нежными, как мои мысли... Я не понимаю, как люди не замечают твоей красоты, как спокойно выдерживают твоё рукопожатие, ведь твои руки — конденсаторы счастья».

Делая из меня Ното sapiens, ты, кажется, «изобрел велосипед»: влюбленную женщину.

* * *

Твое старое письмо. Три месяца назад писано — уже старое...

«В радости — истина!» Здорово! Ты придумала великолепный лозунг... Молодец, Журавль! Молодец! Это вполне по-моему! Умно! Просто! Мощно! Точно! Целую за находку. И отнюдь не осторожно.

...Все-таки ты можешь писать удивительные письма. Один жест, но он доставил мне такую радость, какой я давно уже не испытывал. Я знаю: любить и ценить ты можешь красиво и ясно. Ты почему-то стесняешься лучших проявлений себя. Ты же внутри необыкновенно тепла, нежна и красива. Нужно только не бояться проявлять эти радостные порывы. Я ужасно по ним соскучился! Сегодня я рад, завтра я рад, послезавтра я силен и бодр, весел, оптимистичен, готов на долгие годы к восторженному мироощущению.

Ты же знаешь, что мое душевное состояние в основном зависит от того, как ТЫ себя чувствуешь! Моя нежность к тебе безгранична. Как только я получаю подтверждение того, что ты расцветаешь как личность, как только я вижу, что человеческое в тебе побеждает в борьбе стихий и внутренних пожаров, — я радуюсь твоему успеху. Радуюсь, потому что моя борьба оплачивается цветущей дерзостью твоих мыслей и чувств!

Я хочу одного: чтобы наша жизнь была насыщена радостью, чтобы все то, что ты ищешь в жизни, было заполнено поиском одного — истины. Истины в человеке, истины в чувствах, истины в понятии добра и зла. И я готов бесконечно твердить о том, что иначе жить ты просто не смогла бы. Я вижу в тебе воплощение любящей женщины. В твоей нежности, ожидании, тоске, материнстве, расцвете твоего духа и тела — все, что подтверждает мою идею.

Ты прекрасна в минуты, когда в тебе пишет, говорит, целует, ждет, радуется, ласкает влюбленная женщина. Что может быть для меня лучше? Ничего, кроме этого.

Боже! Как я скучаю!»

* * *

Напишет ли он свою книгу «Человек влюбленный»? Хотелось бы ее

прочитать. Сложная и солнечная книга должна получиться!

У Олега есть один нематериальный талант. Я бы сказала, что Олег — стрела, сделанная человеческими руками и пущенная человеком, но летящая бесконечно, стремящаяся к бесконечности. Будь он однодум — он был бы великим человеком. Но... Он «индеец в перьях». Называют эти «перья» по-разному: импровизатор, гипнотизер, авантюрист, актер, блестящий лектор, удивительный рассказчик, истерик, дьявол, железный человек... Чего только не услышишь о нем. Хуже всего, что эти глупости приклеиваются, как бирки. Олег, правда, до слез над ними хохочет, но и его это тоже злит безумно.

Если Олег и театрален, как утверждают многие, то лишь в одном смысле: он любит само представление. Ему так не терпится «сыграть свою пьесу», что он тратит на представление ее всем и каждому массу времени. А вот написать ее не соберется именно из-за своей непосредственности.

Вот, к примеру, его манера обговаривания статей, возникновения и развития идеи, концепции, теории в живом разговоре, в процессе убеждения собеседника. «Обговоренное» в большинстве случаев остается наброском и складывается в толстую папку, рядом с другими конспектами, на исполнение которых в законченном виде не хватает времени. Почему? Да потому, что он, его помыслы с не меньшим жаром уже устремлены на другое. При этом он вовсе не похож на перелетную птицу или пустоцвет, потому что все эти бесконечные устные импровизации не беспорядочны, а подчинены одной общей тенденции, идее, развитием которой и увлечен его ум.

Но эта целенаправленность не афишируется. То, что у Олега есть и она, и железная хватка, и прекрасное исследовательское чутье, можно без труда определить хотя бы потому, что он, говоря языком селекционеров, «скрещивает не всякое растение». И суть этого человека — не минута и минутность, а понятие противоположное! Насыщенность каждой минуты жизни!

* * *

Олег не умеет забывать. Ничего и никого. Воспоминания его не тускнеют со временем. В этом смысле он похож на человека со странным дефектом зрения, когда отсутствует ощущение перспективы в пространстве. Так бывает с впервые прозревшими людьми. Кажется, что все предметы — вплотную и рядом и вот-вот все они на тебя рухнут.

У Олега два четких критерия: прекрасный — ужасный. Все или прекрасно, или ужасно. Я говорю об эмоциональном мире, а не об уме и воле. Здесь он почти всегда объективен. Но эта эмоциональность — «джинн в бутылке» — заметна даже в его манере говорить. Серьезный и сосредоточенный, он вдруг встрепенется и, совсем как женщина, выдохнет: «Ах!» — и уже тянет тебя за собой, как человек, впервые увидевший мир: «А! Ты только посмотри! Здесь цветы! Какое небо над этим домом! Какая ты сегодня!

С тобой по утрам просто чудеса творятся! Это удивительно! Это страшно интересно! Ну, ты меня расстроила! Неужели ты не знаешь? Я сегодня совершенно размечтался — хотел попасть на концерт органной музыки, а в кармане ни копейки!» — «Зачем тебе это?» — «Ну что ты, это же просто необходимо!»

* * *

Он обладает безграничным воображением. И порой, рассказывая о чем-то, вновь переживает давние события едва ли не сильнее, чем тогда, когда все происходило. Он экзальтирован, но как-то по-хорошему, искренне и даже простодушно.

Когда он взволнован или увлечен чем-то, его лицо становится прекрасным, кожа излучает свет, речь блестяща. Его слушаешь, не запоминая слов, даже не замечая их. И вдруг он внезапно останавливается, потому что в этот миг все известные слова не способны выразить мысль. Он ловит воздух губами, ужасно смущается и закрывает лицо руками, повторяя: «Нет, не могу! Это невероятно, это слишком чудесно!»

Или: «Нет-нет-нет! Я схожу с ума, я больше не выдерживаю, я просто сейчас буду плакать, но я больше не могу, я раздавлен. И...ты знаешь, как я люблю жизнь... а сейчас бы умер...»

Михаил Ф. не раз с пеной у рта доказывал мне, что это клинические признаки истерии и неврастении. Прости, Миша, ты, конечно, специалист, а я — нет, но я частенько находила в тебе клинические признаки недоброжелательности...

* * *

И еще один Олег — официальный. Неулыбчивый, с умными проницательными глазами, хмурый, немногословный, деловой, с внезапной светлой улыбкой и заразительным хохотом: «Ну, старик, что ты говоришь?»

И второй официальный Олег — вербующий союзников. Я мысленно называю это так: «Десять минут очарования». Здесь он не хмур. Он серьезен, сосредоточен, улыбчив и первую деловую беседу старается превратить в маленький дипломатический триумф. Собеседник только успевает заметить, что этот человек очарователен, а Олег уже «берет быка за рога». Он не умеет говорить о делах скучно, он жонглирует вариантами, слушает, предлагает свое. Создается впечатление, что не он что-то устраивает, а вы сидели и с нетерпением ждали, когда же он придет именно с этим делом...

Человека, который согласен с ним, и особенно того, кто находит контраргументы, он буквально облучает улыбкой. Однако люди чувствуют, что сквозь это лучезарное сияние проникнуть внутрь прозрачного и цепкого взгляда почти невозможно.

Олег знает, как отвлечь внимание собеседника от чего-то нежелатель-

ного: то ли улыбкой, то ли неожиданным поворотом темы, то ли переводом разговора на другие «рельсы»... Через несколько минут он вдруг резко оборачивается: «Так, значит, основное мы уладили? Ну вот и прекрасно!» После такой атаки человеку остается только удивленно покачивать головой: «Умен, хват, бесспорно умен, причем приятно умен, оригинально умен...»

* * *

Минск. Декабрь 1970 г.

Я осмысливаю Олега. Скучаю по нему. Я читаю его письма. И мне кажется, что получаю я их только теперь.

«Лапонька, здравствуй! Получил твое письмо. Безуспешно пытаюсь взять себя в руки и чувствую, что просто не могу. Твои аргументы совершенно точны и убедительны. Они меня ошеломили не новизной и стройностью, а темпераментом и энергией. Это — хорошо! Это ты молодец! Исходя из всего написанного, могу только сказать, что это будет нерушимым фундаментом жизни. Пусть будет так... Этот парень (это он так называл еще не родившегося первенца. — Т.) не упрекнет нас в бессердечии: мы оставим его жить. Он будет дышать, пить, бегать, смеяться, чмокать губами и сучить ножками. Все это будет. Да будет так!»

Но не всегда решаешься на то, что составляет тайну, глубоко спрятанную внутри. Так вышло и в этом письме об аборте. Да, страх... И не от того, что в тисках боли ореешь: «SOS!» Нет, к этому я привык. Здесь другое: душевное равновесие потеряно. И от чего? От последних событий, от твоего отрешенного: «Давай попробуем еще раз...» Твоего мрачного: «Если бы ты дотронулся, была бы истерика...» От твоего отчаянного: «Я боюсь встречи...» От твоего растерянного: «Конечно, эта стена растет, значит, я никогда с ним не буду...». От твоего: «Не хотела ехать...» И это когда ты уже была беременна моим, нашим дитем, а твоя готовность уйти от меня с моим ребенком стала очевидной...

Я сейчас тяжело болею. Не сплю вторую неделю и постоянно задаю себе один вопрос: «Что делать?» На что уходят лучшие годы? На то, чтобы эта женщина, то есть ты, поняла, наконец, главное: нельзя так жестоко обращаться с человеком, который, по счастью, долго терпит и, по несчастью, — любит. И во имя чего? Во имя переживаний? А я для чего? Значит, для того, чтобы эти переживания получать, сортировать, квалифицировать и... чувствовать дикие головные боли, боли в сердце, страх за себя и... острое желание крушить все и вся.

Нетрудно догадаться, чем все это может кончиться. Чем? Ранней гипертонией, трансом и... одиночеством. Тогда уже не будет сил сделать научную карьеру. Вот так проходят дни нашей с тобой жизни.

А! Что говорить. Нелегко снова объяснять то, что было уже тысячу раз обговорено.

Я начинаю жизнь в четвертый раз с нулевого цикла. Мне не привыкать. Но с неврастенияй я не могу справиться своими силами. И какой толк от лечения, если у тебя не будет ни сил, ни желания беречь мое душевное равновесие. Я говорю «мое», потому что вряд ли ты можешь обвинить меня в том, что мое поведение нарушает твое душевное равновесие. А мое душевное равновесие — это и деньги, и будущее, и радость творчества, и верность, и нежность, и любовь, и надежность, и страсть новых откровений в работе. И... и... и...

Разве тебе этого не надо? Разве тебе лучше оттого, что я превращаюсь в маньяка, тупо упершегося в стенку: «Что делать?» Или медленно умираю духовно, тупею. Стервенею от мысли, что тебе не дороги ни моя жизнь, ни мое здоровье, ни мой дух, разрушающийся уже сейчас.

Неужели тебе приятно оттого, что я с проклятиями бьюсь головой о стенку и думаю: неужели суждено уйти в ночь? Это я так называю болезнь, которая подстерегает меня, чуя мои моральные страдания, которые истощают не только мою душу, но и мое тело...

Третья неделя бессонницы, третья неделя борьбы за душевное равновесие, необходимое для работы, для меня самого. Третья неделя жутких вопросов: «За что? За что? До каких пор все это будет продолжаться?»

Ребенок — это синтез любящих, а не сожителей мужчины и женщины. Я выдержу все, но одного я не хочу — лжи. Ложь — яд для меня и, думаю, сейчас ты понимаешь, — для тебя.

Хорошо! Пусть он будет! Но учти, что я не могу ждать, когда ты ко мне придешь с желанием продолжить нашу жизнь. Я просто навсегда умолкну, но ты умрешь в моей душе (как ни старомодно это звучит) и даже не заметишь этого. В этом я уверен.

...Итак, на сей раз все в твоих руках. Я радуюсь, что это случится. Он будет орать, сосать, в общем — жить. Ты его роди — я буду с тобой всегда, и не будет в этом горя: я умею быть тем, кто нужен и детям и женщинам.

Но твердо запомни: ребенок не может ждать. Ему нужно давать все и сию минуту: ласку, нежность, ум, доброту, верность, правду, долг, спокойствие, радость и даже суровость. Лишь лет через двадцать он сможет услышать и как-то оценить это твое: «Случилось несчастье...»; «Я хотела уйти...»; «Я боялась, что...»

Но эти двадцать лет будут прессом для его отца или радостным признанием того самого трепетного счастья, которое называется любовью. И кто простит, если будет первый вариант лишь в угоду страстишкам? Он? Не думаю. Я? Возможно, не успею. Бог? Найдешь ли? Да, жизнь имеет

свойство бумеранга...

Пусть о н будет! Я рад, что он будет. Но учти все, что я сказал. Знай, что как человек, просто влюбленный в тебя человек, я почти не существую. Но я еще держусь!

Больше об этом ни писать, ни говорить не буду! Сама попробуй домыслить, что во мне происходит, догадаться, к чему это ведет меня. Сама решиай, что тебе делать, чтобы человек, который тебе ничего худого не сделал, мог жить достойной жизнью.

Целую, Олег.

Скучаю...отчаянно как-то».

* * *

Я не встречала более искреннего человека. Может, поэтому иногда он неприятен, почти неодушевлен, а иногда кажется божеством, излучающим счастье.

Олег — разный. Это одновременно и мужчина и ребенок. Жестокость, крутой нрав, парадоксальность, вера в то, что ему все подвластно и что людей можно расставлять, как шахматные фигуры. Все это не больше чем попытки не потерять равновесие в потоке впечатлений, которые обрушиваются на эту душу, необъятную в своей неумной жажде счастья.

Пусть говорят: эгоист, авантюрист, болтун, мистификатор и проч. Пусть. А я вижу в нем странное: это доверчивый мальчик и мужчина, способный защитить от любой беды. Это человек, о котором сказано у Грина: «Чудеса надо делать своими руками». Олег — это мудрость. Не нажитая, а сотканная из наивности. Наивное — это то, что прекрасно, но непрактично и быстро гибнет.

Да, Олег бывает маниакален. Его мания — почти болезненное ощущение дисгармонии и стремление достичь «земли обетованной» — «высокого и огненного счастья», как сказала Анна Ахматова. Счастья живого, имеющего облик, улыбку, судьбу. Счастья, как свет, чистого, как свет, видимого, как свет, вездесущего, как свет, земного. И всех, кто мешает ему в этом, он объявляет своими врагами.

* * *

Поманить счастьем, а потом испуганно стереть его, как ошибку на школьной доске, — высшее преступление.

Однажды Олег сказал мне: «Я бы убил тебя. Как жаль, что я не могу этого сделать. Тебя просто необходимо убить. Ты — преступница. Ты меня понимаешь?» Я смотрела на него, лежа рядом и чувствуя его дыхание. Смотрела на него с каким-то радостным удивлением. При этом я не чувствовала ни страха, ни угрызений совести. Мне было странно легко — как будто то, что он сказал, было примирением, «отпущением грехов».

Нет, представить, что он убьет меня, невозможно. Я недоверчиво улынулась, потрепала его по волосам и рассмеялась: «И как же это будет?» Кажется, он накричал на меня. Потом вдруг умолк и взял в ладони мое лицо. «Если бы ты этого не боялась, я бы убил тебя». Я снова рассмеялась: «О, господи! Но если ты убежден, что это необходимо, в чем же дело?»

Он осторожно провел пальцами по моим волосам и вдруг, словно споткнувшись, сцепил их горячим кольцом на моей шее. Видимо, сделал он это шутя, но потом его лицо стало сосредоточенным и пальцы начали медленно и, как бы помимо воли, сжиматься.

То, что помимо его воли, я поняла по его лицу. Я решила, что минута затянулась, но странно было чувствовать свою беспомощность. Помню еще, что разозлилась на него жутко — вцепилась пальцами в его руки. «Ага! — сказал он. — Не притворяйся!» И вдруг сам испугался и отпрянул от меня, а в глазах уже стояли какие-то растерянные слезы.

Потом, ночью, он долго не мог уснуть. Все поднимал голову и долго смотрел мне в лицо. Я, свернувшись, как ежик, делала вид, что сплю. Именно в эти минуты Алька был мне ужасно дорог! Лежала, а внутри все плакало и я казалась себе рядом с ним почти тестом.

* * *

Первенец...

Какое апрельское слово. Как будто с крыши в оттепель звонко падают серебристые сосульки. Первые птицы, первая трава, пробивающаяся из-под снега. Все — первое. Живая красота — лучшее, что мы с Алькой создали на этой земле.

Сейчас осень.словно легкий, нечеткий, приглушенный карандашный набросок. Как красиво все! Красивы деревья без листьев. Легкие и какие-то поющие каждой выгнутой веткой. Красивы листья у ног. И костры из листьев в глубине парка. Они не горят, а дымят... Горький запах щекошет ноздри, хочется от него увернуться, рассмеяться. Тишина так осторожно красива. Даже бездомные кошки делаются медленными, дымными и осенними. У них легкие, усталые спины и блуждающий огонь в голодных, алчных глазах.

Так хочется, чтобы и маленький увидел это поскорее. Красота сразу завоюет это существо. Слышишь, маленький? Еще немного, и это будет твой мир с осенними туманами, со скорым снегом. И пусть у тебя будут прозрачные Алькины глаза-льдинки. Его улыбка. Так хочется скорее увидеть тебя. Не из любопытства, нет! Это будет справедливое рождение. Ты должен быть! Ты — маленькое чудо, малыш. Ты — гармония, которую ищет твой отец — Алька. Я знаю, что он тоже ждет тебя. Так ждет, что даже боится этого. Храни тебя небо, и земля, и солнце. Все силы пусть хранят тебя...

* * *

Вспомнилось.

Две ночи тяжелейших разговоров. Нестерпимо солнечный день. Сидим в сквере неподалеку от музея Я. Купалы. Мир — нереален. Отдален. Тяжел. У людей — любопытные, тупые лица. Я опухла от бессонницы и слез. У Алика ни кровинки на лице. Руки сплетены в замок — иначе дрожат. У Олега — тяжелая неврастения. На горизонте маячит больница. Только что сказал мне тяжелое, больное. Ощущение почти физического удара. И вдруг отрешенно, с ужасом произнес: «Таня! А вдруг я разлюблю тебя?» И — нараспев: «...Перестану тебя любить... А?» Заглядываю в его лицо. Там — какая-то испуганная, странная надежда... на это.

* * *

...Два дня лежал снег. Трудно поверить. Сразу подумалось: «Долгая, долгая зима...» И стало прочно, светло и спокойно. Но так было только в первый день. К вечеру второго вдруг охватила тоска оттого, что осень так неожиданно закончилась.

Ночью проснулась от влажных шорохов... Шел дождь. Дождь. Невидимый, туманный... Он падал длинными нитями, обнимал, тек без звона, ласково и сонно... Я босиком подошла к окну — и вздохнула с облегчением. Осень вернулась. Утром тоже была осень. Теплый, сумрачный, сырой воздух. В дворовых арках прозрачность и дымность. Туманные деревья. Дождь уже привычный, ленивый, шелестящий по водосточным трубам. Темные крыши, темный асфальт. Снег затаился в кустах, и вода его оттуда вымывает. Медленно вылизывает.

* * *

Я пришла к мысли: все, и плохое и хорошее, в моей жизни имеет одно общее свойство — события решают за меня.

Я ушла от Олега, осталась между небом и землей, потому что не могла бы четко сформулировать мое отношение на ближайшее будущее ни к Олегу, ни к Юрию Т. Только одно состояние было и есть: я жду ребенка. И двое этих людей отделились от меня. В свое время я рассталась с Т., потому что перспектива будущего с ним сделалась тягостной, а сам этот человек стал больным местом, которое лучше не трогать.

Антисостояние того времени — Юрий Л. Ничего реального, ни одной плохой минуты. Все просто и надежно. И молчание... Много молчания.

Потом — Олег. Сначала со страшным внутренним протестом: ничего не хочу, никого не хочу! Рывок к Юре Т. — и через минуту, на следующий день неотступная мысль, неотступное чувство: не могу! Не могу — тяжело.

Олег — неожиданность. Взрыв. Сомнамбулический восторг. Все как через увеличительное стекло. Слепну от удивления. Ум — холодный,

раздраженный, настороженный. И все же должна признать: восхищаюсь. Восхищаюсь этим человеком, независимо от того, будет ли он, будем ли мы.

Когда все решилось, состояние счастья сменилось (молниеносно!) состоянием тяжелого предчувствия, какой-то внезапной, беспросветной тоски. Хотелось лечь и, не двигаясь, перетерпеть. Но не действовать. Ничего не сдвигать в пространстве, чтобы не попасть, не дай Бог, не в свой «круг жизни», как говорят в Индии.

Потом какой-то день — я даже знаю какой — вывернул меня наизнанку: это — мое! Ничего, кроме этого, мне не нужно! Этим «мое» стал Алик. Сначала Олег Борисович, потом Юрган, потом Олежка, и только теперь — Алик, Алька. Кто знает, может, мы оба не имели прав друг на друга. Хотя это — ересь. «Имели — не имели». Когда начинаешь копаться в эмоциях, всегда попадаешь в тупик.

* * *

Алькины письма. Мне необходимо разобраться хотя бы в себе.

«Здравствуй, журавлик!

Только что поговорил с тобой по телефону и очень расстроился. Чувствую себя виноватым... Мне кажется, что тобой и твоим характером никто так не занимался, как я. С такой скрупулезностью, с таким пристрастием. Наверное, это уникальный случай, когда мужчина не отвергает женщину из-за невыполнения ею каких-то сложившихся человеческих норм поведения, а старается глубоко разобраться в предпосылках этого поведения и отчаянно ищет пути для воплощения в ее жизнь лучших черт, данных ей природой.

Видит Бог, не хотел писать такое сухое и грустное письмо, но я страшно обеспокоен тем впечатлением, которое может произвести на тебя запись в синем блокноте...»

...Хочу прервать письмо Олега, чтобы объяснить кое-что о записи в синем блокноте. Было так: я прочла, совершенно случайно, строки, которые повергли меня в шок. Их он позднее уничтожил, так что передать смысл могу только по памяти. Суть заключалась в том, что Олег вынес мне приговор: «капризная», «безответственная», «опасная для нормальной жизни женщины», для которой ее «собственные капризы, некие парадоксы, нелепости дороже беспомощной жизни ребенка и любви, которую она не в силах осознать, готовая переступить через нее».

У него были веские основания рассуждать именно так. Уже прошло полгода наших отношений, мы уже начали фактически жить одной семьей, он написал обо мне своим родителям, а я все металась между Юрием Т. и отцом ребенка, который жил у меня под сердцем...

До того момента я не думала, что все происходившее в то время со стороны выглядит именно так. Я была слишком занята собой и теми обсто-

Сейчас осень. Слово легкий, нечеткий, приглушенный карандашный набросок. Как красиво все! Красивы деревья без листьев. Легкие и какие-то поющие каждой выгнутой веткой. Красивы листья у ног. И костры из листьев в глубине парка. Они не горят, а дымят... Горький запах щекочет ноздри, хочется от него увернуться, рассмеяться. Тишина так осторожно красива.

ательствами, которые пришли в мою жизнь, когда я снова увидела Юрия Т. Случилось это, когда Олег был в длительной командировке в Гомеле. Меня снова «раздвоило» и стало даже страшно от внутреннего бессилия.

Перед отъездом в Гомель у нас с Олегом был трудный разговор. Он был прав: жить со мной, ожидать общего ребенка и постоянно ждать, что меня «позовут старые ощущения», Олег не хотел. После разговора, засидевшись за полночь, он «под настроение» и вынес свой вердикт: «капризная, нелепая, парадоксальная», а по сути крайне ненадежная спутница, которую он все-таки... любил.

Теперь прочла...

Неужели я такая? Тут же села и стала что-то писать на свободных листах блокнота. Он их сохранил.

«...11 сентября 1970 г. Итак, сегодня сделала вывод, несколько меня удививший. Во мне произошел раскол. Два разных человека сосуществуют рядом. Один выглядывает из-за спины другого. Я очень хочу двигаться, уметь, достичь чего-то значительного. Быть просто женщиной для меня очень мало, хотя это — большое искусство, им тоже надо овладеть. Но это искусство — удовольствие. А я хочу еще минут, когда существует ум без раздела на ОН и ОНА.

Олег прав, возможности любого человека огромны. Удивительно, какое множество людей не мыслят, спят на ходу! Итак, с Олегом у меня связана жажда власти над собой, своими слабостями, власти над всем, что предлагается человеческому уму, жажда, почти физически ощущаемая, — постигать, преодолевать и ставить преграды. В этом смысле я удивительно удачлива. Олег — незаурядный человек, с ним можно не соглашаться, но он «заразителен» во всем, что делает, и он честолобив, как мальчишка, с той лишь разницей, что он четко и железно впиывается зубами в дело. Это — человек! Сейчас он хоть и в загоне, но в расцвете, а я — почти неживая. Каменная. Молчаливая, раздражительная и нерастоящая. Я еще не чувствую себя его женщиной, его женой и матерью его ребенка. А ведь все это уже фактически существует! Я же смотрю на себя, как на постороннюю женщину, чьей судьбе я по-хорошему завидую. Однако нет у меня желания меняться с ней своим больным счастьем, призрачным, ложным, плохим, заставляющим меня просыпаться по ночам и... неизвестно чему улыбаться.

Я — раздваиваюсь. Я иду вперед, мне помогает Олег. Я горжусь им и хочу, чтобы он гордился мной. Я хочу, чтобы он был бесконечно требователен, потому что именно в этом залог моего совершенствования. Я хочу становиться умной и красивой, хочу растить ребенка. Хочу быть отличной женой и одухотворять свой дом, делать его милым, уютным и в то же время боевым и хорошо проветренным. Хочу, чтобы Олег никогда не при-

вык ко мне и знал, в то же время, как самого себя. Хочу быть отличным товарищем, хочу любить, как дышать, — со светом.

Мне очень дороги Олег и моя надежда на то, что со временем все это придет. А сейчас еще остается другое. Остается на губах запах Юриного виска, остается эта привычка к его имени, эти бесконечные сны, это желание взять конверт и написать ему. Ни о чем... Но... писать не о чем. И... некуда.

Вот в сумке его телеграмма: «Дождя все нет». И такая тоска по этому бедолаге и босяку... Такая тоска по этому человеку. Знаю, что каждый шаг, делающий меня лучше, отдаляет меня от него. Нет, не потому, что он плох. Знаю, что была бы с ним всегда, ведь я умею находить счастье в мелочах. Но каждый день и каждое маленькое достижение, которое принадлежит уже мне и Олегу, отдаляет меня от моего первого мужчины. Он пробудил во мне все женское, материнское, самоотверженное и... все жалкое.

Я никогда не могла защитить его, никогда не умела помочь — я брала его захлеб, любила его только для себя, была жадной, безрассудной, беспринципной, глупой и злой. Но тогда я была и тем, что сейчас спрятано во мне за семью замками: женщиной, которая счастлива тем, что она любит, а не тем, что любят ее.

Я знаю, я изменюсь настолько, что это сделает меня даже одинокой. Если я не смогу забыть ощущения, забыть руки, дыхание, забыть тебя, я приду к тебе, я захочу повиснуть на тебе, болтая ногами, и чмокнуть тебя в нос, укутаться в твои плечи и руки. Я все захочу — тоскую по этому. Но пройдет неделя — и ты что-нибудь сделаешь такое, от чего я до удивления отвыкну. Ты покажешься мне чужим. Но к тому времени я буду уже понимать, что иным ты так и не стал. Хотя бы совсем немного иным.

Я сразу пойму, что «немного» мне мало! Что я люблю вот это, это и это. А остальное для меня не имеет цены. И я буду стоять рядом с тобой, отброшенная на сто лет назад. И чувствовать себя виноватой за свою жизнь, рухнувшую и тебе ничего не давшую. Вот эта мысль, к которой я пришла. К этому расколу я двигаюсь каждый день. Я — расту, умнею. Хочу быть счастливой женщиной и потому теряю тебя. Теряю, как говорит Олег, даже возможность иллюзий. Что будет — раскол души и ума? Разумность и лицемерие?

Т.Т.»

Теперь можно продолжить письмо Олега, которое я вынуждена была прервать...

«...С того самого момента, когда я понял всю парадоксальность твоих поступков, я сформулировал для себя ряд четких принципов, на основании которых и строил свои отношения с тобой.

1. Уважение к твоим идеалам.

2. Внимательное отношение к твоим переживаниям и чувствам.
3. Глубокое сочувствие к тебе, как к личности, нуждающейся в помощи и поддержке.
4. Нежное, бережное, тонкое понимание душевных страданий, через которые ты прошла.
5. Объективная оценка возможностей твоих нервов, психики, на которых отпечатались мерзости, с которыми тебе пришлось столкнуться в детстве, отрочестве и девичестве.
6. Глубокое сочувствие, как к женщине, пережившей тяжелейшие драмы.

Признаюсь, что все эти принципы сложились далеко не сразу. Более того, они складывались мучительно и окончательно установились совсем недавно. Поэтому я не мог говорить о них как о свершившемся факте, просто старался придерживаться по мере сил.

Усталость, тревога за будущее, горечь переживаний, драматизм нашей с тобой жизни и общения делали меня далеко не таким последовательным, как этого хотелось бы мне самому. Именно этим можно объяснить изнурительность переживаний, которые выливались в длительные разговоры, столь ненавистные и тебе, и мне.

Я знаю, что ты человек незаурядный, с массой талантов и способностей. Я знаю также, что ты не утратила главных принципов, которые делают тебя притягательной. У тебя есть идеалы, ради которых стоит жить. Я, наконец, с не меньшей убежденностью утверждаю: отними у тебя сейчас надежду на восстановление духовного темпа — и ты потеряешь вкус к жизни и уверенность в завтрашнем дне.

Не думаю, что я ошибаюсь...

Но существует, к сожалению, целый ряд обстоятельств, которые мешают тебе двигаться по восходящей. Они и вызывают во мне острое беспокойство и горькие переживания. Речь идет о твоей психике. Я не могу считать себя опытным психологом. Разобраться в твоей душе очень непросто. К тому же я — человек влюбленный, которому очень трудно быть объективным.

Страсть, эмоциональные перегрузки, связанные с длительной травлей (Олег имел в виду преследования его милицией, минской прокуратурой, организованные моими родителями. — Т.), ослепляли меня. И если четыре первых принципа соблюдались, то пятый частенько предавался забвению. Сейчас, когда я немного успокоился, когда мои нервы и ум отдохнули, я могу совершенно спокойно поделиться с тобой своими соображениями и дать какие-то рекомендации на будущее.

Наверное, нечасто встречаются в жизни такие неуравновешенные и богато одаренные натуры, как ты. К тому же твои претензии сформировали стиль авторитарного отношения к людям. И случилось

это слишком рано. Этот стиль постоянно приводил к внутренним конфликтам и не согласовывался с твоим стремлением к внутренней гармонии. К тому же ты не могла точно судить, на что ты способна! Ты просто смутно представляла себе, что это — нечто очень большое!

Длительное противостояние в твоей семье привело к тому, что у тебя сложились такие черты, как стремление управлять или подавлять окружающих. Твой яркий интеллект давал на это право, однако твоя мораль, твоя жизненная философия не успели оформиться в такие качества личности, которые позволяли бы уважать тебя. Внутри твоего родственного окружения возникли конфликты в оценке тебя.

Мать и отец недооценивали твои справедливые притязания на свободу выбора поведения, игнорируя то, что ты очень рано и вполне справедливо, сурово и нелицеприятно стала оценивать их поступки и мораль. Подсознательно это отчуждало тебя от них, затем ты сознательно отказалась от авторитета родителей. Именно потому тебе отчаянно был необходим круг друзей! Твои притязания на признание собственных достоинств, на моральный и духовный авторитет ощущались тобой очень рано!

Вольно или невольно, но Наташа, убежденная в своей гораздо большей «опытности» и «авторитетности», ущемляла тебя. Да, у нее были к тому объективные основания: яркая внешность, поэтический талант, ранняя сексуальная жизнь. Общась с Юрием Т., ты обнаружила, что его интеллект уступал твоим ресурсам ума. Однако именно это обстоятельство вызвало в тебе прилив сил и энергии. И вот тут началась драма. Все лучшее в тебе не было востребовано никем: ни родителями, ни лучшей подругой, ни сверстниками из твоего школьного, а затем студенческого окружения, ни тем более Юрием Т. Твоим духовным ресурсам грозила гибель. Жизнь духа стала постепенно ограничиваться ощущениями, эмоциями. Ты уже не замечала, что они становятся вульгарными.

Я очень внимательно перечитывал рассказы, которые ты давала мне. Твое творчество (назовем это так) и было тем каналом, шлюзом, через который выплескивались твои эмоции, переживания. Это понятно: долго носить в себе пережитое ты не могла. Так родились рассказы «Красная юбка», «Утро», «Печаль» и, наверное, много другое. Как только пережитое ложилось на бумагу, ты немного успокаивалась.

Признаться себе в том, что это «творчество» — всего лишь «разрешение от бремени», ты не могла. Тебе было необходимо культурное, духовное переосмысление всего случившегося с тобой. Но для этой работы ума нужно было, прости за тавтологию, умное общение и сама культура. Та же самая духовность!

Я появился — и тут же попал в «ножницы». Мне тогда, в нашем

первом «туре» общения, следовало набраться терпения и спокойствия. То же требовалось и от Юрия Т., и от твоей подруги Наташи, и от твоих родителей... Это было то, в чем ты так нуждалась...

Я могу только сожалеть, что своей нетерпимостью, а может быть, и нетерпеливостью доставил тебе столько неприятных переживаний. Мне кажется, что со временем ты все поймешь и воздашь Богу — Богово, кесарю — кесарево.

Мои опасения, высказанные на тех листочках из синего блокнота, — результат растерзанных от перегрузок ума и чувств. Я не заклинаю тебя простить мои дерзкие слова. Однако хочу заметить, что твои поступки, сталкиваясь с привычными для меня моральными стандартами (я не утверждаю, что они идеальны!) и угрожая их разрушить, побуждают меня защищать их! Однако, исходя из привычных для меня моральных представлений, я все же ищу объяснение твоим поступкам, и это объяснение прежде всего ищу в тебе самой. Вспомни самые лучшие минуты, проведенные со мной, и тебе станет гораздо яснее, что я имею в виду.

Интеллект, ум требуют постоянной, свежей нагрузки, и, если ум игнорируется, «свято место пусто не бывает!» Эмоции овладевают всем: памятью, поступками, суждениями. Но эмоции, как блестящий железный таз, покрываются ржавчиной. Если союз эмоций и ума распадается, возникает грязь!

Суждения, которые сложились у тебя в отношении Юрия Т., пропитаны эмоциями, основанными на общении с ним. Эти эмоции за два года вашего знакомства расскледи твою личность, отодвинув ум, интеллект, духовные силы на второй план. Эмоциональная память отказалась «сотрудничать» с духовными ресурсами твоей личности потому, что нужда в них отпала. Это происходило и тогда, когда твои отношения с Юрием Т. только начинались и привели к тяжким последствиям, и когда ты ушла от меня к нему, чтобы заняться его «совершенствованием». Продолжайся это — более года ты бы не выдержала. Наступил бы тяжелый душевный кризис.

...Я никогда не страдал манией величия, но я знаю себе цену и не собираюсь заниматься самоуничижением. Это так же мерзко, как надменность и чванство. Я исхожу из желания каждой личности прожить жизнь ярко, интересно, убедительно, по-человечески. И я вижу в тебе такое желание. Но одного желания мало! Надо знать, как это сделать и что мешает этому. Единственное, что могу сказать наверняка: то, что ты сейчас делаешь, и меня, и тебя ведет к утрате главного итога усилий человека в самовоспитании — культуры.

В тот мир переживаний, который бушует в твоей душе, давно пора внести хотя бы каплю воли! Воля и есть панацея от возможной потери

целей, которые ты должна осознать и поставить перед собой. Необходимо критически осмыслить годы, прожитые под крышей твоего дома, потом в том волжском городе и в Минске, вплоть до сегодняшнего дня. Но не стоит и губить все лучшее, что было в те годы. Есть хороший метод справедливой оценки прожитых дней: заставь себя четко представить, что было бы или что будет, если, если, если...

Наверняка это поможет тебе расставить точки над «і». Трезво мыслить ты умеешь, и в тебе живет хороший страх перед жуткой вероятностью духовной гибели. Надо признать, что только безнаказанность позволяла тебе некритически к себе относиться.

Посмотри теперь на все другими глазами. Некритичность к себе и другим, но прежде всего к себе, привела тебя на грань тяжких нравственных утрат.

Итак, критичность — главный инструмент оценки твоей сегодняшней жизни. Я полон оптимизма. Даже запись в синем блокноте, если ты заметила, заканчивается оптимистически... Я уверен в тебе. Тебя ожидает прекрасное будущее, если ты выдержишь требования, которые я к тебе предъявляю. Первое время будет очень трудным, но потом, взяв разбег, ты сможешь идти самостоятельно и достичь того, к чему тебя сегодня тянет. Пусть пока весьма вяло, слабо, но все-таки тянет!

Я надеюсь, что ты простишь мне академизм стиля. Ты же знаешь, что я могу писать совсем другие письма. Но когда речь идет о твоём будущем, я становлюсь строгим и нелюбезным. Думаю, что ты за это меня простишь.

Олег. 18 сентября. Гомель».

* * *

Сквер рядом с театром Я. Купалы...

— У тебя не будет претензий ко мне и к моей будущей жене, если я женюсь? Могу я быть в этом уверен? (Отчаявшийся человек обычно считает своего собеседника идиотом.)

Дальше — больше. «Для ребенка будет лучше, если он ничего не будет знать обо мне. Видимо, ты дашь ему фамилию своего будущего мужа — Юрия Т. Я думаю, что так будет лучше для всех нас». Все остальные слова проникали в меня, как в ватное чуело. Но это — ударило! Он — Юрганов, и ты тоже — Юрганов! Он не может носить другую фамилию. Взорвалась: «В таком случае ты, видимо, уже понял сам, что никогда не увидишь этого ребенка!»

Алька молчал вечно. Лицо далекое, больное, какие-то безнадежные белые губы. Покачнулся. Втянул голову в плечи и медленно пошел куда-то шатко, хрупко, загребая ботинками пожухлые осенние листья.

Смотрела ему вслед, пока он не исчез за пятном света. Какой-то глупо-

яркий фонарь. Проехал троллейбус. Свежая осенняя ночь. И неожиданно подумала, что одно движение — туда, за ним... Вдруг сразу, в одну секунду поняла, что в его поспешности сообщить мне о женитьбе (уверена, я узнала об этом решении раньше самой невесты!), и в резких, чужих словах, и в минутном отречении от маленького Юрганова — просто нечеловеческая боль, совершенно измороженная душа, безысходность. Какое-то отупение, внутренний шок, когда человек сам на себя накладывает руки.

* * *

Говорят, не скоро сказка сказывается. Звонил Олег, поставил меня в известность, что женился. По поводу чего-то промелькнуло: «Там, где я сейчас живу...» По привычке мысленно откорректировала и удивилась. Ведь есть варианты гораздо короче: «у жены», «у меня дома», «у нас», наконец. Деликатность? По-видимому...

Женился. Глагол совершенного вида. Означает совершенное действие. «I have done» — сделано, как говорят англичане. Поразилась той решительности, с которой эта женщина открестилась от ожидаемого мной ребенка. Как Юрганов-два сказала себе: «И правильно сделал...» Как женщина обнаружила, что сижу с телефонной трубкой на коленях, слушаю гудки и неизвестно почему плачу. Положила трубку. Четко себе выговорила: «Ты отказалась от него. Сама. Он был свободен поступать, как считал нужным».

Об Альке-младшем в этот день думать не могла. Как будто меня разрезали надвое. Вообще только работала, работала и работала. Что ж, круг замкнулся...

* * *

Получила от Юрия из тюрьмы письмо: «Пусть у тебя все будет хорошо. Пусть у тебя получаются твои статьи. И пусть внутри тебя скорее начнет шевелиться малыш».

Прочла и подумала, что для всех он «малыш», «ребенок». Что-то абстрактное. Решают, чья у него будет фамилия. Юрий требует: «Пусть это будет мой сын». Олег — как будто его ребенок погиб, еще не родившись, не то не верит, что он родится, не то ждет этого, как беды. Для него, наверное, это и есть беда. Для Юры — просто «малыш», не лучше и не хуже других. Малыш, которого я жду.

Лучше всех, даже лучше меня, знает этого ребенка Олег. После Олега — я. Юра этого не понимает и не поймет, что это зависит не от ума. Это просто чувство своего. Как я знаю себя, как Олег знает себя, так мы оба знаем его, хотя он и не родился еще. Поэтому мы с Олегом давим в себе страх за этого ребенка и его судьбу. Олег с самого начала ходил с тихими расширенными глазами и был готов, кажется, убить меня за беспечность. Я чувствую, что ребенок растет во мне и что появляются такие вопросы,

на обдумывание которых требуется мужество.

Юра здесь не помощник. Олежа, мое совершенство, тебе-то уж этим заниматься не придется.

Для Юры это — абстракция. Для Олега, может быть, реальность. Для меня это еще и человек, который вырастет и спросит...

* * *

После осознания того, что нам с Олегом «не быть», пришло чувство самой большой в жизни потери. И я внутренне сделалась спокойно-бесстрастной. Теперь главное, чтобы дни, чтобы каждый день не зарастал коркой, а становился необходимым. Потому что я — живой человек, у которого уходит время. Живое время, годы. И ничего на свете, если я сама не возьму, ждать не будет.

* * *

Я ушла от Альки. Знала, что у нас, в нашей жизни всегда будет неслышное: «Не может быть!» Невещественная, как всякая не вступившая в силу ложь. Мне дорого все прекрасное, а Юрганов дорог вдвойне, потому что я могу о нем сказать: «Умен. Прекрасен. Светел». И мешать все это с сомнениями (в себе, только в себе — не в нем!), со всяческими «поживем — увидим...» или «может быть...» выше всяких сил. Не могу.

Олег смутно это понимает. Как-то он, пересилив себя, сказал, дабы я не занималась самоедством: «Ладно, старуха. Во всяком случае, ты вернешься без «троянского коня». Я понимаю тебя. Раньше — был грех — не уважал. А теперь уважаю за это». Надо думать, «троянский конь» — это мои мучительные парадоксы...

* * *

Минск. Декабрь 1970 г.

Типичная юргановская черта — гигантское самолюбие, чего он, кстати, во мне не выносил. А по-моему, это качество само по себе ничуть не хуже, чем воля к жизни. Просто надо иметь небольшое, очень чуткое самолюбие. Как сейсмограф.

«Я привык, что меня любят!» — сердито сказал Алька. Привыкнуть к этому нельзя. Сам отлично знает и врет. Слушала и как-то весело и зло думала: «Ты хочешь любить сам. Только потому, что ты умеешь любить. До остального тебе нет дела. Ты — ценитель и не позволишь себе общение с чем-то ненастоящим, не прекрасным. Начало — здесь».

Любить и быть не столько самому счастливым, сколько осознавать, что ты мистически творишь из женщины необыкновенное существо. Что рядом с тобой она чувствует себя озаренной каким-то «ниспосланным благословением».

Неожиданно подумала о Лене, его первой жене. Восемь лет Алик прожил с ней. Четыре года без Ильи. Потом появился Илья. И как ни ждал его Олег, через четыре года — развод.

Сотни раз слушала его объяснения, что и почему. Но ясно поняла совсем недавно: он просто обессилел тащить жену за собой! Тащить во всем: в отношении к ребенку, в чувствах, в интеллекте. Она потеряла «скорость обгона». Не ждет ли меня то же самое с Юрием Т.? Только мне страшнее. Если Лена была не в силах притормозить Олега, то со мной это проще простого: без общения я тупею. Глупый человек мне физически неприятен.

Алька просто колдовал надо мной. Скучаю по нему безнадежно. Скучаю. Ужасно не знать, что у него там за идеи теперь.

Состояние страшной ошибки, что почти равно неизлечимой болезни.

Да, я буду необходима нашему ребенку физически. Это — первые годы. А потом? Потом? Стану ли я для него внутренним двигателем, каким для меня был Олег? Боже! Как непросто учиться думать! Как непросто, как страшно непросто двигать себя, двигать со скрипом, пока возьмешь разгон.

Физически я готова к этому моему самому золотому ребенку. А внутри? А голова? А истины? А принципы, а четкие критерии, по которым научиться бы оценивать этот мир, чтобы быть уверенным, что оцениваешь его почти ювелирно точно...

Как необходимо здесь юргановское озарение Пигмалиона! Надо уметь любить. Должно быть не стихийное лелеяние, не инстинкты, а чувство, в котором — ум и искусство любви. Любви к ребенку. Любви к мужчине — родному тебе не только благодаря ребенку, не только физическим восторгом, не только как к любовнику, пусть даже это великолепно, — любви такой, чтобы не только его тело, его руки, но и мысли, их ход, их красоту чувствовать. Это не только твое, но наше, когда мы — единомышленники в том счастливом смысле, что я понимаю его поступки, разделяю его принципы до мелочей, что он покупает мне такую булавку, о которой я подумала.

Ребенок в таком случае — не только физическое воплощение гармонии, но и духовно, внутренне прекрасное существо. Его слух различает нюансы, его принципы формируются не абстрактно, сознательно, как непосредственная способность цельного человека жить только так, а не иначе. И все наносное, фальшивое, все шлаки будут несовместимы с миром его души и мысли.

Да, рядом с Олегом любая женщина чувствует себя королевой, потому что он хочет, чтобы рядом с ним была королева. Я ценю это в нем. Но я хотела, чтобы иногда он не считал меня королевой. Хотелось, чтобы ругал. Чтобы хоть раз хмуро не заметил или сказал: «Я — занят!» Признаюсь, хотелось бы немножечко самой его завоевывать...

Сейчас хочется другого, Алик. Не королевой, а Галатеей. Даже

не пропащей девчонкой. Хочется, чтобы потерял, проклял, зачеркнул. Усилим воли, как угодно...И все-таки, сидя где-нибудь в поезде или над статьей, вдруг сжал кулаки. И чтобы в горле что-то сжалась и похолодело. И чтобы это было не восторженным, не парящим, не творческим, а только человеческим. И чтобы это была я. Вернее, мы с ним...

*Есть ремесло не засыпать ночами
И в конуре, прокуренной дотла,
Метаться зверем,
Пожимать плечами
И горбиться скалою у стола...
Потом сорваться
В ночь,
В мороз,
Чтоб ветер
Стянул лицо...
Чтоб, прошибая
Лбом
Упорство улиц,
Здесь,
Сейчас же
Встретить
Единственную
Нужную любовь.
А днем смеяться
И, не беспокоясь,
Все отшвырнуть,
Как тягостный мешок,
Легко вскочить
На отходящий поезд
И радоваться
Шумно и смешно!
Прильнуть ночами
К звездному оконцу
И быть несчастным
От дурацких снов,
И быть счастливым
Просто так, от солнца
На снежных елях...
Это — ремесло.
И твердо знать,
Что жизнь иначе — ересь.*

*Любить слова,
Годами жить без слов,
Быть Моцартом,
Убить в себе Сальери
И стать — собой.
И это — ремесло.*

*Борис Смоленский.
Студент Ленинградского университета.
21 год. Нигде не печатался.
Убит в Великую Отечественную.*

* * *

Штрихи.

Олег в Гомеле. В Минске ночь и легкий дождь. Идем с Юрой Т. по улице, как выпускники. Пустынно. Надо успеть на последний троллейбус. Юра впервые говорит так. Слушаю, радуюсь за него. Трогательно, трогательно, трогательно. Но я уже взрослая, а передо мной — мальчик, который хочет быть сильным мужчиной. Мой мальчик... А завтра приезжает Олег. Он звонил, сообщил мне об этом. Просто дышать без него нечем. Голова пустая.

Сажусь в троллейбус. Возвращаюсь к Юле, в нашу комнату. Алькины книги, Алькины рукописи. И мы с малышом во мне.

...Среди ночи просыпаюсь с невероятно ясной головой, как будто всю меня окатили холодной водой: зуб на зуб не попадает от ужаса. Не выдержала. Зажгла свет, подошла, потрогала рукописи, отшатнулась. Вижу, что руки дрожат. Хохотнула, вырубил свет и решила спать. Только уснула — утро.

Утро. Олег приедет сегодня. И вдруг озарение. Это неважно, что приедет Олег. Я уже потеряла право оставить все как было. И, поступив иначе, — опять обмануть. Обмануть обоих — и Олега, и Юрия. Я обнаружила, что первый шаг сделан. Остальное — всего лишь следующий шаг...

Потеряв Олега, я проиграла себя. Я четко поняла это в то утро. Стать виновницей того, чтобы себя проиграл и Юрий?

А Олег? Как же Олег? Олег не проиграет себя.

* * *

Возвращение в родительский дом. Отъезд Юры. Прощаюсь с Олегом в сквере, теперь навсегда. Подходит цыганка, слушаю ее пророчества. Говорит, что у меня будет два сына и дочь, если я захочу переменить характер. Что поеду я в «тучный город» на большой реке. Замолчала. Ушла. Черная, высохшая.

А я долго смотрю на Олега. Прежде чем встать и уйти. Если бы он знал, как хочется и двух сыновей, и дочь, и всех ясноглазых Юргановых. Знаю: не будет этого. Будет гораздо проще. «Вместе с планетой заверчены

солнечные рощи. И мысли мои расчерчены на дни и ночи...»

Писала же я когда-то стихи.

Еще раз говорю тебе:

— Алька. Прощай, моя бесконечность.

— Ты решила, что будет с ребенком?

— Что с ним будет?.. Это же твой ребенок.

— Да, это дитя любви...

* * *

Юрины письма из тюрьмы получаю уже выжатая. Сил нет ни радоваться, ничего...

* * *

Юра — сел. Старая история, состряпанная еще моими родителями. До будущей весны — тюрьма. И нет писем. Нет писем. Нет писем. Только бы выдержал т а м. Только бы не сломался.

Олег. Блондинка. Домашняя. Деловая. С изюминкой. Женат...

Чего же я хочу? Как смогу? Что я решила?

Любовь — прекрасный клубок противоречий и счастья. Противоречий и боли...

Ребенок. Только бы он был.

Замужество... Смысл?

Я — Юра. Жизнь заново? Я и Алька-младший.

Делать из Юры что-то я уже просто не успею. Разве только он сам...

Планов — никаких...»

* * *

Этот мой дневник Олег читал в коридорах журфака, когда я и мои сокурсники сдавали экзамен по иностранной литературе. Мы все время дергали его, и он терпеливо консультировал нас, проверял, насколько мы готовы к каверзным вопросам.

Едва выдалась минутка, снова раскрывал мою тетрадку, которую я дала ему, упросив прийти в университет, чтобы помочь мне и моим друзьям на экзамене. Уловка была слишком очевидна, чтобы он не понял ее, но вида не подал.

Потом он читал эту тетрадку много-много раз. Странно, но никогда ничего не уточнял, хотя не могла я похвастать «хронологической точностью» событий. Однажды сказал: «Ты — здесь, когда я был — там... Теперь я знаю, что происходило в твоём лабиринте любви. Спасибо тебе за этот дневник. Он стал временем и местом, куда я стремился все эти месяцы и дни с адским упорством, но куда ты с не меньшим упорством меня не пускала. Кто знает, может быть, ты была права?»

Однажды я не выдержала и с едва скрываемой ревностью, на нерве

спросила про «ту» женщину... Спросила в смысле: действительно... или «просто так, чтобы...». Он, смеясь, сказал мне: «Я три ночи ночевал на скамьях в парках. Не было работы. Голодал... Потерял последнюю надежду...» Я в ужасе перебила его. Именно в ужасе. Господи! Ну до чего же может довести эта бабья дурь и бестолковость. Слышу: «Я у нее в долгу...» Подумала, а ведь я — тоже!

...Обняла Альку-большого, а наш сын, Алька-маленький, затаился во мне. И теперь мы — вместе! Навсегда...

В ЧАСТЬ ВТОРАЯ *любви супружеской — начала материнства...*

Я (*осторожно*): Ты думаешь, теперь у нас будет...
другая любовь?

Он (*с недоумением*): То есть как «другая...»?

Я (*неуверенно*): Супружеская...

Он (*весело*): А!.. Хочешь, я сочиню стихотворение на эту тему?

Я (*недоверчиво*): Прямо сейчас?

Он (*решительно*): Да! (*говорит медленно, нараспев*). Слушай:
«В любви супружеской — начала материнства... (*умолк*)».

Я (*растерянно*): Чего ж ты замолчал?

Он (*немного смутившись*): Ты знаешь... Муза, наверное,
уже спать хочет... (*с воодушевлением*): А что! Разве это
не ответ на твой вопрос?

Я (*целую его*): Наверное... Ведь я — уже любящая
супруга и... мама.

Минск. 1971 г.
Февраль. 2 часа ночи

Университеты глава первая супружества

До рождения нашего первенца Алюни мы с Олегом поселились у Марины, моей университетской сокурсницы. Жила она в Зеленом Луге в трехкомнатной кооперативной квартире с мужем Юрой, пятилетней дочкой и котом Антошей — важным и толстым. То, что мы собирались гостеприимным хозяевам платить за постой, их даже обрадовало.

Маринка трудилась в какой-то конторе и заочно училась на журфаке. Юра окончил РТИ и работал на Минском радиозаводе. Выплачивать кооперативную квартиру непросто, так что в роли платежеспособных квартирантов мы оказались для них очень кстати. Правда, жили мы у них недолго, позже нам удалось на два года арендовать квартиру на Волгоградской, но Маринка с Юрой нас тогда здорово выручили...

...5 января 1971 года мы втроем — Алька-младший в моем животике, Алька-старший, отпросившийся с работы, и я — пришли в ЗАГС, который располагался в том самом районе, где работал Боря С., друг Олега. Он-то нам все «по-быстрому» и устроил. Свидетелями были Наташа и Марина. Поначалу меня тревожило отсутствие кольца. Денег на покупку не хватило, и я немного растерялась. Что же делать? Но когда настал момент «кольцевания», Олег, загадочно улыбаясь, достал из кармана великолепное, сияющее и очень модное в то время широкое кольцо, торжественно водрузил его на мой средний палец и сказал чиновнице загса — молодой веселой женщине: «А я воздержусь от кольца, терпеть не могу бижутерию!» Все рассмеялись, мол, достаточно главного символа на руке молодой жены, а поцелуй мужа — лучшее тому дополнение...

«Ларчик» с кольцом открывался просто. Накануне регистрации, узнав о моих тревогах, Олег попросил своего приятеля, токаря из механического цеха часового завода, где муж тогда работал, выточить из латуни кольцо. Накануне он снял размер с моего старого колечка, которое точь-в-точь подходило мне по размеру. Мастер выточил, отполировал. А уже через месяц на моей руке красовалось настоящее золотое кольцо, купленное Алькой-старшим на полученную им премию. То, первое, из латуни, я сохранила. На память...

Итак, я стала женой... Такие понятия, как «супружество», «домашний очаг», «муж-жена», до моего брака были для меня малопривлекательными. Я родилась в семье, в которой смысл этих понятий уродовался моими родителями. Они очень старательно играли роль любящих супругов. Так

и не разобравшись, кто они друг для друга, разошлись как раз ко времени серебряной свадьбы. Наконец-то мои родители согласились, что всю свою супружескую жизнь были чужими...

У нас с Олегом не было свадьбы. Ни в обычном, бытовом смысле: собрались, напились, покричали «горько!», ни в том понимании, которое моя мама вынесла из абхазских нравов. Представления отца о свадьбе? Не знаю... Правда, еще в годы моего отрочества, при хорошем настроении он, мечтательно зажав глаза, говорил: «Свадьбу закачу тебе царскую!»

Я была рада, что мы с мужем избежали шумных гульбищ, смятения перед расходами, а главное, зная об отношении к мужу моих родителей, — неизбежного их лицемерия.

И вот передо мной встал главный вопрос: как мне жить в супружестве, под одной крышей с милым и дорогим мне человеком? Что теперь для меня будет самым важным, а что потерпит до полного привыкания к новой роли? Женская интуиция подсказала, что прежде всего нужно принести в дом, в те стены, которые предназначены мне судьбой и отныне будут называться семейным очагом, тепло, любовь и нежность к мужу и нашему будущему первенцу.

Я не забыла первую попытку нашей совместной жизни у Юли, хозяйки квартиры, давшей нам кров почти год назад. Помнила, как металась тогда в своих лабиринтах, нося под сердцем Алюню. Теперь моя любовь, нежность станет для меня главным источником семейного счастья. Мне верилось, что это и будет сутью моей роли жены и мамы.

...Очень быстро пришлось убедиться: из домашних моих обязанностей жены я мало в чем разбираюсь и мало что умею. Честно говоря, об этом знали, увы! все, кто меня окружал или был со мной знаком более или менее близко. До замужества я не очень-то обращала на это внимание, но теперь, когда началась моя супружеская жизнь...

Боже мой! Шить не умею. Готовить — тоже. Убирать квартиру — терпеть не могу! Хранить вещи на своих местах, гладить, штопать, беречь от порчи, всяческой нечисти типа моли — скучища! Покупать продукты, то ли впрок, то ли на стол — тоже, оказывается, надо уметь. Стирать? Мне приходилось делать это нечасто.

У нас в доме установился свой порядок: отец стирал себе сам, мать — тоже, правда, мои вещи прихватывала. И, признаюсь, такое случалось частенько! Меня это не смущало — привыкла. И вот теперь... Стирать, оказывается, тоже надо уметь.

Сколько денег надо тратить на семью в день, в неделю? Разумеется, деньги мне были нужны. Припоминаю, как я обходилась, не зарабатывая ни гроша в свои 16, 18, даже 20 лет. Все — просто: мать даст, отец «подкинет». Если денег у меня нет, ничего страшного...

Что и сколько стоит в магазинах? Кто ж знает... Вообще-то я ходила за хлебом, за молоком, и цены на них, кажется, запоминала. Остальное — не моя забота! Ела без капризов, что было на столе.

Родители часто затевали споры о деньгах. Долгие, шумные. Тогда я замыкалась в себе, подробности пропускала мимо ушей. Неинтересно мне было, кто сколько заработал, спрятал, потратил. Никогда не задумывалась, сколько мать или отец тратят на себя, на семью. Почти никогда не просила у родителей себе на одежду и развлечения...

Муж, напротив, умел делать все! Он-то и учил меня. Я проходила его университеты супружества, материнства и любви — честной и нежной, доброй и страстной. Олег был терпеливым учителем. Я это хорошо знала... Он всегда успевал вовремя меня подстраховать, хотя и не чурался придирчивого контроля. И это понятно! Не так сварись — будет плохо. Не так поставишь — может упасть и разбиться. Не там положишь — попробуй найди, когда надо!

Примерно через месяц я поняла: оказывается, университетов супружества несколько. Первый — порядок в доме. Каждой вещи — свое место. Требования ужесточаются, если снимаешь квартиру, где хозяйка живет по своим, давно установившимся правилам и не желает делать тебе поблажек. Мало быстро найти нужную тебе вещь, надо помнить, что она тебе не принадлежит и обращаться с ней осторожно, непременно тщательно вымыть и положить на место. Ревнивые взгляды хозяйки, сопровождающие тебя, когда ты пользуешься ее вещами, неизбежны. Все верно! Свое-то ты еще не нажила! Никакого приданого не получила! Терпи и привыкай беречь чужие вещи и чужой порядок.

Легко сказать! Я вообще человек неорганизованный, а на кухне — тем более! Мне труднее всего было запомнить, куда класть вещь, которую только что использовала. Вот кухонное полотенце. Оно мирно висит на крючке, прибитом к деревянной планке, ярко разрисованной петухами. Это у плиты, совсем рядом с окном. Сейчас мне нужно взять горячую кастрюлю с супом, который я, кажется, благополучно сварила. Мне хочется поскорее разлить суп по тарелкам, чтобы накормить мужа, да и самой поесть.

Но где же полотенце? Его на крючке, том самом, «родном» для полотенца... нет! Муж стоит, смотрит на меня и смеется. Оказывается, минуту назад, желая попробовать суп и схватившись за горячую крышку кастрюли, я взяла полотенце, подняла крышку, попробовала, достаточно ли соли, а затем уже ненужное полотенце положила... мужу на плечо. Положила и забыла. Он так и ходит с полотенцем на плече по кухне. Помогает мне накрыть за стол, усаживается. Наконец и я замечаю свою оплошность...

Еще один университет супружества: искусство тратить деньги. Он тоже давался мне нелегко. Поначалу наш бюджет был очень скромным. Работал

только Алька-старший. Хоть и получал он неплохо, часто приносил домой премиальные, но у расходов, как я очень скоро обнаружила, есть одна особенность: они постоянно опережают доходы!

И все же не было случая, чтобы получку мы ждали с «голодным блеском в глазах». Конечно, мои родители иногда приносили продукты, даже предлагали деньги. Но жизнь моментально продиктовала свои правила: от отца и матери денег лучше не брать! Во-первых, надо самим справляться с затратами — это просто «золотое правило» семейной жизни. Во-вторых, ни я, ни муж не верили в бескорыстие моих родителей. Олег рассуждал просто: «Каждый человек с трудом расстается со своими деньгами. Родители — такие же люди! С каждым их рублем, отданным на нужды детей, в их подсознании закрепляется идея компенсации за понесенные затраты. А это опасно! У нас одно мировоззрение, у них — другое. Неизбежен соблазн попрекнуть, мол, мы — вам, а вы? Ни к чему это!»

...Когда денег было мало, ежедневное меню мой разумный муж предпочитал составлять, пользуясь старой русской поваренной книгой «Рецепты на «черный день»». Говорил, мама ему подарила. Пригодилась! И здесь меня ждали сюрпризы!

Однажды по рецепту из этой книги Олег сварил луковый суп. И надо же! В этот же день к нам в гости пришли мои родители. Мы тогда жили в арендованной квартире и хозяйничали сами всюю! Пришли, надо угощать! А в тот вечер показывать наше «благосостояние» было нечем. Рискнули — предложили «деликатес» — луковый суп с черным хлебом. Мама от супа отказалась. Женщина она осторожная, лишь искоса посмотрела на полупустую кастрюлю. Удивленно подняла брови, услышав, что отец просит добавки да и я — тоже...

Примерно через неделю мне попался в руки какой-то журнал. В разделе «Их нравы» читаю: «На окраинах Лос-Анджелеса, среди множества недорогих закусочных и ресторанчиков, есть маленькая забегаловка, в которой каждый может попробовать «пищу трущоб» — луковый суп. Богатые клиенты приезжают попробовать это блюдо. Они одеваются «под бедных» и с удовольствием едят этот луковый суп».

Однажды показываю журнал отцу. Читает, покачивая головой. Мама спрашивает: «Что-то страшное?» «Еще бы! — отвечает папа. — Олег угостил нас супом, который едят миллионеры в этом их Лос-Анджелесе!» Вот так! Знай наших.

Признаюсь: гастрономические проблемы, которые молниеносно решались Олегом, увы, зачастую создавала я сама. То мне надо было срочно заканчивать курсовую или готовиться к экзаменам, то писала дипломную работу, то материал для диссертации собирала...

Даже моя мама, которая в дни «оттепели» в наших отношениях при-

носила дочке полуфабрикаты, не могла помочь мне избежать «кухонного кризиса». Но Олег никогда не унывал, а его фантазия и находчивость при поиске выхода из «едальной проблемы» всегда приводили меня в состояние зрителя, сидящего в цирке в самом первом ряду и напряженно следящего за манипуляциями факира.

Однажды, когда у нас уже немного подросли дети и надо было «подтягивать бюджетную дисциплину», муж признался, что с деньгами «не в ладах»! И тут же предложил «утихомирить» такой неприятный процесс, как затраты. Принцип «утихомиривания» был простым. Сначала надо было дать исчерпывающий ответ на вопрос: «Нужно ли это покупать?» Следовал перечень каких-то вещей, предметов, которые ждали своей очереди в специальных конвертах с надписями. Например, «Алюня». Это когда у нас был только первенец. Потом мы сменили название на конверте, написав: «Дети».

Так вот, по мере обнаружения нужды в чем-то, в конверт клалась для памяти бумажка, на которой записывалось, что следует купить для малышни, как только появятся деньги. Причем на бумажке в конверте что-то постоянно зачеркивалось, а что-то приписывалось после наших дискуссий. Случалось, что для покупок из списка надо было деньги подкопить, поэтому туда же, в этот конверт, они и клались. Там же хранились деньги для ежедневных потребностей детей, например на питание, или на текущие — пеленки, мыло и прочее...

Второй конверт имел такую же лаконичную надпись: «Еда». Сюда попадала бумажка с моими приписками, например: «праздничный стол ко дню рождения...», перечислялись продукты, которые надо было купить загодя, чтобы не мотаться по очередям в поисках дефицита. А вот конверт с надписью «Плата за квартиру». Тут-то уж все ясно, но, бывало, и здесь появлялась записочка: «Купить новые краны в ванную, шампунь, мочалку, зубную пасту». Каждый вечер просматривая конверты, я и Олег могли быстро сориентироваться с наличными деньгами и загодя знать, сколько потребуется денег на покупки, необходимые уже через неделю, день или три.

Был еще один конверт, который я, по своей легкомысленности, всегда держала пустым. На нем красовались две таинственные буквы: «Ч. О.»

Шутливо поджав губы, Олег важно говорил: «Расшифровку названия конверта — «Чрезвычайные обстоятельства» — надо хранить от всех в тайне. Его суть должна быть понятна только нам с тобой...» Я рассеянно кивала, но едва заметив там «ассигнацию», положенную мужем в день получения очередной зарплаты, моментально отправляла ее то в конверт «Дети», то в конверт «Еда».

Делала я это, скорее всего, из суеверия. Есть деньги в этом конверте, глядишь, и «чрезвычайные обстоятельства» не замедлят появиться. А вот нет там ничего и — «Ч. О.» минуют нас!

Потом, когда дети подросли и надо было приучать их уважительно к деньгам относиться, у нас появился «банк» — деревянный шкафчик со множеством отделений, в каждом из которых лежали деньги по номинациям: десятки, трешки, пятерки, мелочь. Рядом лежала книга текущих трат, в которую был вложен отпечатанный на машинке список часто употребляемых нами продуктов с ценами на них.

Подросший Алька был у нас банкиром, и каждый, кто шел в магазин, мог сделать предварительный расчет и взять нужную сумму денег для покупок. Это касалось подросших детей, которых мы с раннего возраста старались приучить к аккуратному обращению с деньгами. Но об этом потом...

Вернусь к семейной кулинарии. Этот «университет» был для меня самым необходимым и, что скрывать, непростым.

Позже, кое-чему научившись, я все чаще и чаще стала заменять у кухонной плиты мужа. Скоро я поняла, что, оказывается, существует не только твой, «личный аппетит», есть и вкусы мужа, детей, есть обязанность жены красиво накрыть на стол, приготовить еду, вкусную для всех, забота матери — следить, чтобы дети ели вовремя и вели себя за столом прилично...

Раньше я ела что под руку попадется, когда придется и то, что нравилось моей матери. У нее были свои вкусы, сложившиеся не в Белоруссии. Пищу по рецептам своей родной Абхазии мать готовила изредка, так что на столе ее любимые блюда, например мамалыга с сыром, появлялись нечасто. Отец, как я уже писала, предпочитал готовить себе сам или обходился консервами.

Однажды я наткнулась в холодильнике на консервную банку с «многообещающим» названием: «Завтрак туриста». Это «блюдо» моего отца. Там же вижу еще пару банок: «Килька», «Солянка с грибами». Бр-р! И как мама это терпела? Муж все-таки!

...Когда я поняла, что Олег — хороший кулинар и знает толк в еде, мне неудержимо захотелось научиться готовить. Постепенно это удалось, чему очень была удивлена моя мама, хотя, приходя к нам, она присаживалась за обеденный стол нечасто. Даже за праздничный не удавалось уговорить присесть. Я никогда не настаивала, может же у человека быть природная безразличность!

Но бывали случаи, когда мама откровенно завидовала своему мужу, гораздо менее капризному. По-моему, у отца не было комплексов. Наоборот! Ему понравилось приходить к нам, чтобы покушать что-то приготовленное или мной, или Олегом. Мать пожимала плечами, но все же не решалась отведать с дочернего стола.

Олег изобретал блюда не только во дни «едального кризиса», но и в благополучные периоды жизни, когда можно было себя и побаловать. Своим блюдам он всегда давал звучные названия. Например, «Творог

по-бразильски». Сейчас, читая, как это блюдо готовится, вы, конечно, почувствуете в рецепте что-то «до боли знакомое»! Но зато звучит-то как!

Итак, в маленькую глиняную чашку кладется половина творожного сырка. Наливается половинка чайной ложки воды. Затем поверх кладется десертная ложка сметаны и насыпается чайная ложка сахара. Все это отправляется томиться в заранее прогретую духовку. Проходит 5–8 минут, и «сюрприз» готов. Немедленно хочется попробовать это великолепие. Взламывается сахарная корочка, и творожная масса, выпущенная из сахарного плена, вспущенная от тепла, устремляется вверх и манит своей дымящейся белизной.

Если добавить в творог немного апельсиновой цедры, приготовленной из мелко нарезанной корочки, оставшейся от неизвестно когда съеденного апельсина, мандарина или лимона, то к чувству удивления примешивается еще и недоверие. Неужели это блюдо подано именно тебе? Неужели только тебе дано право съесть его, не медля ни секунды?!

Конечно, о вкусах не спорят, но должна признаться, что простые рецепты и сами блюда, никак не претендующие на изысканность, были по душе и мне, и моим детям.

Иной раз чай, распиваемый в семейном кругу, под галдеж детей, с ржаным сухариком, дороже всех кулинарных изысков!

Кстати, о чае. Одна из «технологий» заварки была Олегом с шиком названа «Гондурасский чай». Я подозреваю, что подсознательно мой муж давно и безнадежно стремился побывать в Латинской Америке. Исключительно, как мне кажется, поглазеть на тамошних жгучих красавиц. Оттого у него и в наименованиях блюд преобладают соответствующие географические акценты...

Так вот, как заваривать «Гондурасский чай». Надо налить три столовые ложки кипятку в заварник, который «...не жалко, если лопнет» (привожу выражение автора «технологии»). Поставить его на плиту на очень маленький огонек и подождать, пока не услышишь звуки, напоминающие взрывы петард. Затем заварник снимается с огня, и в его наполненную паром «утробу» засыпают три чайные ложечки (с «горочкой») сухого чая. Огонь на плите все такой же минимальный. Затем надо посчитать до пяти и в «утробе» стрельба почти затихнет. После этого заливаем в «пузо» заварника кипятку до половины. Залили? Теперь заварник стоит там же, на плите, но уже без огня. Оказывается, и в этом есть смысл.

Остаточным теплом от еще горячей, но погашенной газовой конфорки надо несколько секунд поддержать «баню» внутри чайничка. Через три минуты настаивания заливаем кипятком «под завязку». Еще потерпим минутку-две... Все! Теперь чай готов. Этот напиток я пила часто. Уж не знаю, надо ли оставлять за ним столь сомнительное название, но способ заварки явно стоит

сохранить для потомков, что я и делаю.

Из продуктов у нас часто появлялись всевозможные деликатесы, а уж про специи молчу. Они всегда ждали того часа, когда у моего мужа пробудятся гастрономические фантазии. Здесь я с ним не пыталась конкурировать, а предпочитала рецепты из кулинарных книг, которые потихоньку накапливала и осваивала.

И все-таки игривая фантазия домашнего «шеф-повара» обнаруживала себя именно в названии задуманного блюда. Скажите откровенно, слышали вы когда-нибудь о таком блюде, как «Турецкие вареники»? Убеждена, что никто никогда ничего подобного не слышал! Но мой муж отлично знал, как делать эту экзотику, потому что сам же ее изобрел! Я же это ела!

Точнее сказать — мы ели. То есть мои родители, даже мама! Отец, наши детки и, разумеется, сам автор фантастического кулинарного изобретения.

Оказывается, делается все это великолепие очень просто. Берется телятина и режется на прямоугольные лоскуты размером с ладонь. Потом эти лоскуты отбиваются, желательным деревянным молоточком. В эту «ладошку» заворачивается несколько долек яблока сорта «шафран». Автор этого деликатеса настаивал именно на сорте «шафран».

Придав лоскуту с завернутыми в него дольками яблока форму вареника, «шеф-повар» зашивает его толстыми белыми нитками, оставляя короткий хвостик, и укладывает в чугунок, посыпая черным немолотым перцем, и заливает почти доверху слегка разбавленной сметаной. Наконец чугунок ставится на плиту на маленький огонь. Через полчаса в чугунок сыплется чеснок, мелко нарезанный лук, укроп, лаврушка и многое из того, что есть на полке со специями. Очень скоро в доме, если при «священнодействии» случайно оказались гости, начинается «пресс-конференция», нетерпеливые намеки, мол, когда «это все» удастся, наконец, попробовать? Однако надо ждать! Должен пройти еще один час томления для «Турецких вареников».

Наконец блюдо готово и все приглашаются к столу. В тарелку кладется два-три «вареника», а в качестве гарнира — румяная картошка, которая, поджарившись в горячем масле, отправляется на несколько минут для размягчения «исккупаться» в соусе, в котором готовились «вареники».

Оказывается, эти вареники едят руками. Предупреждаю: потребуется определенный навык. Перед тем как отправить «вареник» в рот, нужно большим и указательным пальцами схватить нитку, чтобы вытащить ее из зашитой «ладошки» вареника. Вообще-то он буквально тает во рту! Не скрою, миг поедания «Турецких вареников» во время моего «гастрономического университета» был для меня самым приятным!

...Было еще один очень трудный «университет супружества». Это когда строились отношения между моими родителями и мужем. Уж не знаю, где этому можно научиться, зато знаю точно: «зачеты» и «экзамены» по курсу

этого «университета» я неоднократно пересдавала еще задолго до того, как стала женой и матерью.

Привязанность к родителям складывается с раннего детства. Так было и у меня. Однако еще задолго до встречи с Олегом я начала испытывать к своим родителям отчуждение. И вовсе не потому, что мне иногда попадало от них за какие-то проделки. Нет! Я постоянно видела лживость, неуважение друг к другу в их отношениях. Мне было стыдно за отца, когда он напивался. Потом я поняла, что он изменяет маме. Я откровенно стала отвергать притязания отца учить меня «уму-разуму». Понимала, что это его злит, но ничего не могла с собой поделать!

Его моральный авторитет для меня рухнул еще в годы моего отрочества, хотя мне всегда хотелось иметь отца, заслуживающего уважения людей...

К матери я была все-таки ближе. Сочувствовала ей. Но когда поняла, что люблю и любима Олегом, когда, наконец, связала с ним судьбу, с горечью убедилась: мама не способна стать моим другом и союзником в моем супружестве. Быть справедливой к моему мужу ей мешала хроническая отчужденность к Олегу, которую питали глубокие обиды после того, как он сумел вырваться из кольца «мохнатых лап» моих родителей, спасая свою репутацию. Кроме того, в своих мечтах о до-стойном для меня муже мать так и не смогла отказаться от своих нелепых, а порой просто глупых мерок. То, что я счастлива, ее не интересовало. Об отце я уж и не говорю!

У меня — прекрасная семья. Любимые муж и дети. Но невозможно было не видеть: мои родители моему счастью не рады. Они стараются найти в нашей жизни любые «пятна», чтобы укорить меня за сделанный выбор.

Потому и пришлось нам с Олегом строить отношения с моими родителями как с сильным, но враждебным государством. «Дипломатия» давалась нелегко, однако Олег был склонен к компромиссам и постоянно призывал меня к тому же.

Завидую тем, кто умеет жить, рассчитывая каждый свой шаг. У меня не получалось. Иной раз казалось, что не стоит смотреть слишком уж настороженно на действия родителей. В конце-концов, надо пытаться верить, что они добра мне, их дочери, желают. Однако наш с Олегом опыт чаще доказывал обратное!

Помню, жили мы еще на частной квартире, но так случилось, что мы с Алькой-младшим заболели и, подчинившись настойчивым уговорам матери «переждать невзгоду», я согласилась пожить с малышом в их квартире. Они вот-вот должны были получить новую. Олег приходил с работы посмотреть на меня и Альку. Я кормила его, а ночевать он уходил в «нашу» квартиру. Таково было условие родителей.

Мне было ужасно неприятно соглашаться с его компромиссом, но муж

хорошо знал, что произойдет, если он уступит моему желанию и попытается переночевать в квартире моих родителей.

Устав от ночных бдений, когда к плачущему внуку надо было непрерывно вставать, мама немного смягчилась, когда Олег оставался, чтобы помочь мне укачивать капризничавшего сына. Так было дважды, но малыш никак не вылезал из простуды и ему пришлось остаться в третий раз. Тут уж мои родители решили, что это уже посягательство на их жилплощадь!

В конце концов я очень рассердилась, хотела взять сына и уехать. Мать стала убеждать меня остаться, но моему мужу все-таки указала на дверь. Это было настолько оскорбительно, что я решительно стала одевать малыша, чтобы немедленно уехать всем. Алёня-младший капризничал, не хотел одеваться, начал плакать, однако неожиданно, видимо, утомившись, задремал, и мы с Олегом присели отдышаться у коляски. Вернулся с работы отец, и мать стала рассказывает ему о нашей размолвке.

Тихо открывается дверь, в гостиную появляется мама, зовет меня на кухню. Прихожу. Там сидит отец, очень злой, смотрит на меня из-под лохматых бровей. «Что он здесь делает?» — «Кто, — спрашиваю, — Олег?» — «Да!» — «Мой муж пришел с работы...» — «Вот пусть и убирается отсюда!» Отец был настроен агрессивно, но и у меня сдали нервы: «Я его жена и хочу, чтобы муж после работы по-человечески поел и посмотрел на сына, наконец, помог мне ночью. Я сама валюсь с ног!» Неожиданно отец ударил меня. Он и сам испугался, но свою растерянность старался замаскировать грозной гримасой. Мать сначала оторопела, но предпочла отмолчаться.

Едва сдерживая слезы, захожу в гостиную. Смотрю умоляющими глазами на Олега, чтобы не взрывался. Он прошел в коридор, где стоял телефон. Едва сдерживая себя, снял телефонную трубку, позвонил в райотдел милиции. Сажу в гостиную, укачиваю расплакавшегося малыша. Слышу глухой голос мужа.

Пока ждали милицию, отец молча удалился в спальню. Он уже явно понял, что не на того наварился. В аналогичных случаях отец провоцировал драку, умело изображая «жертву» нападения хулигана. Друзья из правоохранительных органов тут же «заводили дело». Так было с Юрием Т., которого в подобной ситуации мой отец сумел дважды привлечь к суду. Однако сейчас все складывалось совсем по-другому!

Пришел участковый. Мужчина лет 35. Открыла двери я и проводила на кухню. Наверное, увидев мой «фонарь» на щеке, он решил сначала выслушать меня. Отец остался в спальне. Рассказываю все, как было. Не выдержав, указывая рукой на Олега, который тоже пришел на кухню и спокойно смотрел на происходящее, мать почти кричит.

— Этот человек...

— Это мой муж, — тут же уточнила я.

После моего уточнения мать, поперхнувшись, почти фальцетом завершает:

— А я здесь основной квартиросъемщик и настаиваю, чтобы он (тычет пальцем в Олега) удалился из квартиры!

Милиционер спокойно вытащил книжку квитанций и сказал устало: «Я все понял! Вопрос: вы сами его впустили или он ворвался в вашу квартиру насильно?» Мать оторопело смотрела на «представителя власти» и хватала ртом воздух от его неожиданной любознательности. Комизм ситуации был очевиден, и, едва сдерживая смех, я смотрела на весь этот «театр абсурда». Мать растерянно ответила: «Сама...» — «А вы прописали его здесь?» — продолжал допытываться страж порядка. Наверное, по-своему поняв вопрос участкового, мать с энтузиазмом ответила: «Нет! Я его не прописывала! Я же сказала, что он в другом месте прописан...» — «Ну так вот, — милиционер с трудом сдержал зевоту, — с вас штраф в размере 10 рублей за нарушение закона о прописке! Если бы вы заявили в милицию, что этот гражданин, — показывает на Олега, — насильно занял вашу жилплощадь, мы бы наказали его! А вы пустили его добровольно, и он живет у вас без прописки, а это нарушение паспортного режима, ясно?!»

Мать потеряла дар речи! «Но он живет-то здесь всего день или два!» Как ни печален был миг этой глупой «разборки», я откровенно рассмеялась. Или у милиционера было врожденное чувство юмора и, устав от подобных конфликтов, он решил просто позабавиться, или он решил перевыполнить план по штрафам.

Положив десятку в кожаный планшет и выписав квитанцию, участковый, еще раз глянув на мой «фонарь», сказал: «Снимите побои, и мы «пришьем» их к делу. Та-а-ак, а где же ваш папаша?» Постучав в дверь спальни, милиционер махнул рукой отцу, который, сидя на диване в позе затравленной зверушки, смотрел и слушал «сцены на кухне». Покорно встав, он подошел к двери. «Пройдемте в отделение, гражданин...» — сухо потребовал участковый и, повернувшись ко мне, повторил: «Идите в амбулаторию прямо сейчас и завтра мне принесите документ...» Он открыл дверь, взяв за руку отца, от которого несло спиртным. За дверью я слышала удаляющиеся шаги стража порядка и моего отца. Пожалуй, впервые в жизни он побывал в шкуре мелкого хулигана, схваченного за руку...

Мать, ни слова не говоря, ушла в спальню, а мы с Олегом решили потихоньку собраться и ехать с нашим сынулей домой, к себе на Волгоградскую. Пока мы собирались, вернулся отец. Хоть и был он злой, но вел себя смирно. Так закончился этот нелепый конфликт.

Враждебность к Олегу у моих родителей не утихла, но мне кажется, что-то после этого случая они стали понимать. Однако я все-таки поторопилась с оптимизмом. Сейчас, когда наш брак преодолел пятилетнюю планку, в

отношении к нам мало что изменилось! Разве что отец уже не рисковал «размахивать руками», а мать перестала оскорблять Олега в моем присутствии.

Тонкая нить, связывающая семью моих родителей с нашей, часто рвалась. Снова и снова приходилось ее связывать в непрочные узелочки. Теперь уже вместе с нами «старались» и внуки. Наверное, у матерей, ставших бабушками, перемены к лучшему все-таки происходят. Мне кажется, что моя мама стала терпимей, сдержанней. Что-то ей в моей семье даже нравится, а внуки наверняка радуют. Но нет-нет да и обнаружится в ее поведении застарелая болезнь — пренебрежение к нашим взглядам на жизнь, на воспитание детей, неуважение к человеческому достоинству — моему и моего мужа.

Где та грань, перейдя которую мы, дети, вступаем в рискованную «зону» родительского неуважения, а то и отчуждения? Что нам самим следует делать, чтобы наше достоинство не становилось игрушкой в их руках? Опыт взаимоотношений с родителями у каждого свой. Хорошо, когда их зрелость, жизненный опыт служат гарантией моральной мудрости! А если нет?

...Вспоминается забавный, а по сути, горький случай. Мы прожили на частной квартире уже год. Мой отец решил в очередной раз, не припомню точно по какой причине, «выяснить отношения» с Олегом. Звонит, просит никуда не уходить... «Хочу поговорить с твоим мужем по душам!» — угрожающе уточнил он. Я почувствовала неладное, и, чтобы избежать конфликта, мы решили пойти на хитрость.

Жила у нас во дворе молодая семья — Тамара и Олег Р. Муж Тамары был настолько похож на моего Олега, что очень часто соседи принимали их за родных братьев. «Двойник» — парень среднего роста, широкоплечий, с накачанными мускулами. По возрасту он мог сойти за младшего брата Олега — Александра, который жил в Краснодаре. Олег договорился с «двойником», что тот сыграет роль его брата, который якобы «приехал» погостить с Кубани. Объяснил причину, тот все понял и согласился.

В свои 58 лет отец не был особо спортивным и сильным человеком, поэтому не мог причинить моему Олегу никакого вреда, но спровоцировать скандал или случайно нанести травму мог. Человек он злопамятный и вряд ли забыл, как его препроводили в «кутузку».

Кстати, мама нередко специально провоцировала отца на скандал с Олегом. Так что я была почти уверена, что о предстоящей встрече она отлично знала, а может быть, даже «благословила». Отчуждение к Олегу спланивало родителей. Нечасто они могли похвастать супружеской солидарностью. «Помогло» мое замужество... У них появился «общий противник» — отец их внука — Алюни!

...И вот, посреди нашей комнаты, сидит «двойник» младшего брата моего мужа. Олег показал ему фотографии Краснодара, назвал имена ро-

дителей, детей брата.

Отец был явно ошарашен «приездом брата», с порога подозрительно вглядываясь в молодого мускулистого человека. Мы с Олегом весело сказали, что это сюрприз! Младший брат из Краснодара... Мы настроили «брата» вести разговор в раскованном тоне и на провокации не поддаваться. Мы все-таки допускали, что отец сорвется, полезет в драку...

По-видимому, он сразу понял, что двое молодых мужчин моментально его усмирят, и вел себя вполне прилично. Правда, в какой-то момент разговора он все-таки попытался показать, что есть у него еще «порох в пороховницах». В его голосе появились нотки агрессивности, адресованные Олегу. «Двойник» спокойно встал, якобы желая размять «затекшие члены». Поиграл внушительными мускулами. Смачно хрустнули пальцы, сжатые в крутые кулаки. Все это было сделано с широкой и доброжелательной улыбкой, однако настолько недвусмысленно, что отец эту «демонстрацию силы» понял. Тут же сменил тон, «подобрел» и даже стал расхваливать кулинарные способности Олега. Расспрашивал «брата» о жизни в Краснодаре и признался, что там живет его дочь от первого брака. Наш сосед насколько мог поддерживал разговор.

Наконец отец ушел. А утром мне позвонила мама: «Мы приглашаем брата Олега к нам на обед...» Я сказала: «Он отказывается иметь с вами дело!» — «Почему?» — с хорошо разыгранным недоумением спросила мама. «Можно подумать, что ты не знала, куда собирался отец и почему это ему приспичило поговорить с моим мужем «по душам» на повышенных тонах!» На том разговор и закончился...

И тем не менее моя мама — человек отзывчивый. Она помогала сотням людей справиться с недугом. Ее наверняка еще и теперь помнят те, кому она помогла. Да и отец — очень веселый, знающий цену шутке человек. Он всегда был душой любой компании. Балагур, весельчак. И все же в отношениях моих родителей к людям преобладала корысть, а мозаика искренней добросердечности, уважительности так и не сложилась...

...Мы жили в арендованной квартире, и я уже ждала Игорешку на последних неделях, а тут Олега в командировку на неделю посылают. Затревожился: «Как же ты, а? Сроки-то поджимают!» Успокоила его, заверив, что уйду в родительский дом, если уж он так волнуется.

Приходит как-то мать навестить меня. Осторожно спрашиваю, можно ли переждать, пока муж в командировке, в ее доме сроки моих «сносей»? То, что я услышала, вызвало и тогда, и теперь, как только вспомню этот случай, веселый смех. «Доча, — бодро говорит мне мама, — не надо так волноваться! Если начнутся схватки, выйди на балкон и кричи: «Помогите, вызовите «скорую»!» Моего веселья она не поняла, искренне удивилась, что я так легкомысленно оценила ее «совет».

«Квартирный вопрос», как утверждал М. Булгаков, испортил москвичей. Не только их, осмелюсь добавить я. По-моему, всех подряд! Жуткий страх «оккупации» зятем квартиры вселял в мою мать отчаянную панику! Она не была способна понять, до чего же глупо выглядит! А я подумала, что, когда слышишь от родной матери такие нелепости, только юмор способен спасти душу от разочарования и желчи...

Отношения с родственниками матери и общение родителей Олега, которые иногда приезжали к нам в Минск, с мамой и папой стали трудной семейной дипломатией.

Пишу я родственникам матери письма в Абхазию. Туда же строчит и моя мать. Читают они наши письма, и уж точно знаю, голова у них кругом идет! Из моих писем следует — я счастлива в своем браке, а из писем матери «текут слезы горя»!

Моя свекровь, мать Олега, в своих первых письмах к нам просит передать приветы моим родителям, не ведая и сотой доли тех проблем, которые пережил их сын по вине моих родителей. Знала бы, вряд ли дождались бы мои мать и отец этих дружеских родственных приветов!

Все мы разные... Найти общий язык друг с другом без взаимных уступок трудно! Олега в этой «дипломатии» выручает терпение, способность к компромиссам. Но как я могу себя чувствовать, когда узнаю, что моя мать в письмах родственникам в Абхазию оповещает о «...большом горе, свалившемся на нее!». Это она о моем браке с Олегом. У моих двоюродных сестер, тетушек, дядьев, одним словом, в стане абхазской родни — переполох! Даже племянник моей матери, большой, грузный Ромик, неожиданно приехал в Минск из Сухуми «разбираться». Входит в нашу квартиру. Я, не ведая его «миссии», обнимаю, целую. Как-никак — двоюродный брат! Знакомится с Олегом, отлично общаются... А чуть позже узнаю, почему он приезжал к нам. Но дело сделано — «...тень наведена на плетень...», как говорит мама Олега.

Лет через пять или шесть приезжаю в Абхазию отдохнуть уже с двумя сыновьями — Алуней и Игорешей. Наиграются родственники с племянниками — и снова за свое: «Танечка, как же так получилось? Мама места себе до сих пор не находит...» Моему браку уже седьмой год, третьего сына родила, а они опять о том же. Воду в ступе толчем...

Олег остается непреклонным: «Ждать! Терпеть. Против пожилой женщины, да еще с такой несчастной судьбой, как у твоей матери, выступать не могу! Поверь, я хорошо знаю ее характер. Годы идут, время меняет людей. Может быть, повезет и нам с тобой! В общем, надо терпеть, искать компромиссы».

А ведь как просто было мне уехать в Краснодар и жить там в семье мужа. Ведь звали к себе родители Олега. Но он понимал, что это значило

бы для моей мамы. После смерти моего близняшки-брата я осталась у нее единственным ребенком!..

Проходя «курс наук» в университете супружества, я усваивала правила отношений с родственниками, стараясь не «умничать». Все очень просто: «Дают — бери, но если попрекают дареным — навсегда откажись и, по возможности, все верни до последней копейки и вещи!» «Родственникам — пиши, но только тем, кто не оскорбил тебя ни словом, ни действием, кто научился уважать твоих близких и более всего — твоих детей, мужа и жену». «Тебе самому виднее, как реагировать на родственника, обидевшего тебя, но в любом случае никогда за рамки общепринятой вежливости не выходи, уважай свое достоинство, не пачкай его скандальным гневом и сварой».

Были в этих отношениях и особо деликатные обстоятельства. Я, например, какое-то время не знала, как обращаться к родителям моего мужа. Традиционное «мама» чем-то меня стесняло. «Папа» — всегда вызывало во мне противоречивые чувства. Тут уж «постарался» мой отец. Впрочем, у моего мужа тоже непростые чувства возникали, как я чувствовала, когда такая же перспектива «родственного обращения» замаячила перед ним. Называть «мамой» женщину, которая причинила ему столько зла, а со словом «папа» обратиться к мужчине, который по числу пакостей от своей жены не отстал, и вовсе язык не повернется! Его можно понять.

Я же обращение «мама» и «папа» привычно адресовала моим родителям, а уважительное имя-отчество в обращении к родителям мужа считала ничуть не меньшим по значимости, а в моем случае даже большим!

Супружество взламывает старые границы между людьми. Соединяя в браке мужчину и женщину, оно создает новую, собственную родственность. Единая фамилия — тому свидетельство. Мужчине и женщине, еще недавно пребывавшим в своих отдельных родовых «званиях» — брата, сестры, дочери, сына, супружество дает новые родственные ранги: мужа и жены, зятя, невестки, потом, с появлением детей — отца и матери и, главное, — единую судьбу. Я воспринимала эти перемены непросто, но, осознавая их значение, понимала и новую ответственность, и новые свои права...

Новая семья вступает в «дипломатические отношения» с другими «ячейками общества», обмениваясь после загса «верительными грамотами» с теми, кто теперь оказывается с ними в родстве. Со временем супружеской паре предстоит осознать отношение к ним людей, которые теперь уже не посторонние, а «родня».

Мой опыт супружества показал, что баланс отношений мужа с моими родителями, с родней со стороны моей матери (тут уж она постаралась!) оказался очень хрупким морально, а психологически неустойчивым. Только когда абхазская родня узнала, что Олег написал книгу и мать прислала ее братьям, сестрам... мол, вот, и мы «не лыком шиты», наступило потепление.

Надолго ли?

А вот родители Олега меня приняли сразу! Никогда ничем не обидели. После моего замужества родство с ними осознавалось мной как естественное продолжение моих отношений с их сыном — моим мужем. Свекровь и свекор не предъявляли мне никаких претензий. Они с пониманием отнеслись к моему отказу обращаться к ним «мама» и «папа», довольствуясь уважительным «имя-отчеством».

Возможно, им была небезразлична дистанция, возникающая при таком обращении, однако родители Олега сумели деликатно об этом умолчать, не требуя объяснений. Я сразу почувствовала: родители Олега меня уважают! Мне благодарны. Родству со мной рады! Моего первенца бабушка с дедушкой, живущие в Краснодаре, «приняли во внуки» безоговорочно! Однако им пришлось выдержать тяжкие испытания при первой же встрече с моими родителями. Зная их нрав и ту враждебность, с которой мои отец и мать воспринимали Олега, я очень опасалась этой встречи. И совсем не зря!

...Приезжает Борис Александрович с Зинаидой Никитичной в Минск погостить. Когда это случилось впервые, я с ними и познакомилась. Теперь предстояло по-родственному пообщаться с моими родителями. Накануне встречи папа Олега дотошно расспрашивал меня о жизни моего отца, его военной биографии. «Понимаешь, — говорит мне доверительно, — вдруг воевали на одном фронте, в одних и тех же местах... Так и разговор пойдет легче». Ну что я скажу свекру? Только однажды в детстве видела, как в День Победы пришли к отцу бывшие фронтовые друзья. Сели, выпили, разговорились. Песни пели. Мать мне кое-что рассказывала. От нее и узнала про «Поезд жизни», на котором она была военным хирургом. Служила капитаном медицинской службы.

Однажды, в порыве откровенности, мать мне рассказала, что отец, уже после войны, служил на учебном аэродроме, пересек то ли случайно, то ли лихости ради границу с Турцией, а когда вернулся на свой аэродром, его — под арест! Все звания и ордена отобрали. Говорить об этом свекру ничего не стала. Зачем ему знать эти неприятные подробности?..

Видит Борис Александрович, что из меня ничего не вытащишь, спрашивает: «Ну, а что любит твоей отец выпить, не с пустыми же руками в гости идти!» Я опять сконфуженно молчу. «Ну да ладно — совсем не женские вопросы я тебе задаю...»

А вот разговор со свекровью у меня получился. Сидим на кухне, пьем чай. Олег с отцом заняты в соседней комнате, играют с Алькой и вполголоса о чем-то своем «гутарят». Это словечко ввел наш папка, и Альке оно страшно понравилось.

Так вот, сидим с Зинаидой Никитичной, пьем чай и «гутарим». Подробностей уже и не припомню, но все про завтрашний день, когда родители

Олега пойдут знакомиться с моими. У меня, конечно, язык не поворачивался в наших «отношениях» признаваться. Знаю, Олег очень скуп на слова, год назад о трудностях общения с тещей и тестем, так что я промолчала. Похвалиться-то нечем! Выбрали мы для себя «худой мир» и, как могли, избегали «доброй ссоры».

Я очень боялась, что мой отец завтра что-нибудь «отмочит». Меня уже ничем не удивишь, но ужасно не хотелось портить родителям Олега пребывание в гостях у сына. «Ты можешь мне объяснить, чем он так ей не по нраву?» — спрашивает меня свекровь. «Главное, что ваш сын нравится мне», — это я уклонилась от неприятных объяснений.

Потом свекровь рассказала, как намучилась она с Олегом, когда тот болел, потом учился ходить, потом снова болел... Сидим мы, две женщины, две матери и очень хорошо понимаем друг друга. Вот так бы и с моей...

...Назавтра приходит моя новая родня, свекровь и свекор, «из гостей». Скорее всего интуиция родителей Олега подсказала им, что не стоит нам быть на их встрече с моими «предками»! Я сразу согласилась, Олег — плечами пожал, мол, вам виднее. А сам, конечно, понимал, что почти на «заклание» послал своих родителей. Довез на такси до дому, где уже родители мои жили, в лифт посадил, этаж назвал и номер квартиры...

Вернулись Зинаида Никитична и Борис Александрович сами. Быстро сориентировались! Правда, жили мы неподалеку от моих родителей. Вижу, свекор молчаливый, мрачнее тучи. Сразу ушел в комнату, которую мы выделили нашим гостям. Зинаида Никитична мне шепчет: «Мы про своего сына столько дурного век не слышали, сколько нам про него рассказали твои мать и отец!»

О мудрости пожилых людей я много раз слышала, а вот теперь убедилась, глядя на поведение своей свекрови. Никаких обид на моих родителей, никаких упреков. Нет! Свекровь даже улыбается и говорит мне все так же тихо и доверительно: «Вот она, родительская ревность! Мама о тебе такие слова приготовила — заслушаешься! Любит, конечно, дочку... А вот наш сынок, твой муженек, совсем не ко двору им пришелся! Оно и понятно! Увел дочку из-под маминого крылышка, вот она и беснуется...» — «А как отец мой себя вел?» — спрашиваю я, не в силах удержать уже сорвавшийся с языка «проклятый» вопрос. «Тот по Олегу прошелся будь здоров как, — Зинаида Никитична опасливо посмотрела в сторону комнаты, куда удалился Борис Александрович. — Сижу рядом с ним, чувствую, как под столом кулаки сжимает. Перепугалась страшно! Человек он горячий, за словом в карман не полезет... Но твой папа, слава Богу, что-то, наверное, почуял! Осторожней стал высказываться. Откровенно скажу: про сына нашего старшего никогда столько гадких слов не слышала. Никогда! Ну да что с ними поделаешь? Это тебе, милая, терпеть и учиться отношения со своими родичами налаживать.

Мы-то что... Завтра — домой. Уже и в дорогу собрались!»

Ночью мы с Олегом долго не могли уснуть. «Неприятно, — говорит он, — но не смертельно! Сколько мы с тобой живем... Четвертый год... Привыкнул! Давай спать: утро вечера мудренее». Это он так пытался меня успокоить...

В общем, «университет» родственных отношений оказался для меня делом нелегким. Но главную для себя мысль я тогда постигла: молодые супруги сами должны учиться разбираться в этой «родственной дипломатии». Готовность моего мужа к компромиссам очень мне помогала, а моя твердость в защите его от оскорбительных выходок моего отца и унижительных реплик матери позволяла сохранять равновесие. Пусть хрупкое, пусть очень неустойчивое, однако «худой мир» мы оба признали лучшим вариантом в наших отношениях с моими родителями.

До брака никогда обо всем этом не задумывалась. Никогда! Все же было хорошо! Ездили каждое лето с мамой в Абхазию к ее родственникам. Виделась с тетюшками, двоюродными братьями, сестрами, племянниками. А вот стоило мне выйти замуж... Не меня слушали мои тетюшки и двоюродные сестры, когда обсуждали мой выбор. Так повелось — слову матери моей верят, а к моему прислушаться не хотят. Вот почему ехать туда с мужем так и не решилась, а с детьми поехала только после долгих и слезных уговоров матери. Кто же ее знает, эту материнскую родню, как себя поведет?

Но мне повезло: на Кубани тоже благодатный климат! Мои детки с папой отдыхали там летом под боком у бабушки с дедушкой. Им хорошо и мне спокойней.

Лет через пять решилась я все-таки составить матери «компанию», погостить у нее на родине, встретиться с ее родней. И она научилась писать моей свекрови хорошие письма. Правда, не знаю, искренние ли?

Вывод из моего опыта наведения родственных мостов был и остается простым: очень трудно сделать родными еще вчера чужих друг для друга взрослых людей. Дети, став супругами, ставят эту задачу перед своими родителями, и очень часто она так и остается нерешенной! По-моему, в нашем с Олегом случае именно так и случилось...

...Время моих «университетов супружества» заполнялось новыми открытиями и... экзаменами. Конечно, и ошибки случались. Мне повезло: мой муж на десять лет старше и очень часто его опыт выручал меня в трудные минуты. Я не зря повторяю, что у него училась компромиссам. Трудная, кстати, наука, а в супружестве просто незаменимая!

Кто знает, где грань между самоуничижением и терпимостью при общении с людьми, для которых твое человеческое достоинство — пустой звук? Как заставить уважать и твое мнение людей, уверенных в своем праве быть категоричными? А как бороться с хамством, например, родного отца?

Есть ли более сложные вопросы? Увы, сколько угодно!

...Неожиданно приезжает в Минск из Ленинграда фронтовая подруга моей матери. Маленькая, вся седая, но очень волевая и умная женщина. Она во время войны была вместе с матерью в «Поезде жизни». Как встретятся — наговориться не могут. «А помнишь?.. А ты не забыла, как?..» Так случилось, что в Минске проходила какая-то конференция медицинских работников, в которой принимала участие и она.

Остановилась в гостинице, пришла в гости к бывшей фронтовой подруге, и теперь сидят они с матерью на кухне, разговаривают. Я в это время оказалась в ванной комнате. Олег был на работе и обещал прийти в обеденный перерыв, на Альку посмотреть, помочь мне. Сын болел, и я опять временно «квартировала» у матери.

...Стою перед умывальником, колготки сына стираю. Между кухней и ванной комнатой, под самым потолком, большое окно. Оно оказалось распахнутым. Занята своим делом, к разговору подруг не прислушиваюсь, о чем-то своим думаю.

Через минуту, услышав имя мужа, насторожилась. Как боевой конь при звуках трубы. Деталей сейчас не припомню, но одну фразу не забыла. Мать говорит: «Это несчастье на нашу семью свалилось так неожиданно, что уже второй год никак привыкнуть не могу!» Пока соображала, о каком несчастье мать говорит, Валентина Федоровна — кажется, так звали подругу матери, — «помогла».

— Брак Тани, что ли? Ты писала мне об этом.

— Ну да!

Мать говорит уже тише, но мне слышно.

— А чем этот Олег, так его, кажется, зовут... Чем он вам с Сашей не угодил?

Слышу, мать, отвечает и явно нервничает. Тут уж я даю знать, что мне все слышно: открыла сильнее краны, полощу шумно. И все равно успела услышать. «Не такой муж моей дочке нужен!»

Захожу на кухню повесить над плитой постиранные колготки, чтобы быстрее просохли. Спрашиваю с веселой, даже злой дерзостью: «Сплетничаєте?» Женщины смущенно улыбаются. Не выдержала, сказала свое: «... Столько лет не виделись! Неужели не о чем поговорить двум фронтовым подругам?» Вышла, в сердцах хлопнув дверью. Себя уже ругаю, что сорвалась, но...

В общем, ничего нового! О том, что мой брак — «несчастье», а Олег — «не тот муж», который мне нужен, мне все уши прожужжали. Об этом знала не только я. Теперь вот и мамина фронтовая подруга в курсе. Стоп, стоп! Не обращать внимания!

Вечером мамина подруга пришла в гостиную, где я кормила Алюню.

«Извини, Таня... Я очень давно знаю Женю и не могу не выслушать ее, понимаешь? Прости, что так получилось... Это — твой брак! Только тебе судить, хорош он или плох. Я старалась это внушить твоей матери, но, по моему, бесполезно! Во всяком случае, прими мои пожелания семейного счастья на долгие годы...»

Приятно иметь дело с умным человеком! Кажется, А. Пушкин сказал, что страдания — школа жизни, а счастье — ее университеты! Вот и я проходила свои университеты супружества, потому что была счастлива...

ПЕРВЕНЕЦ ГЛАВА ВТОРАЯ

До рождения первенца оставалось месяца два. Пока Олег искал квартиру, как я уже писала, моя университетская сокурсница, Маринка согласилась приютить нас в своем доме. Она выделила нам комнату и даже оборудовала ее, как могла. Во всяком случае, тахта у нас была, на стене висело зеркало, у окна стояла табуретка, которую можно было использовать и как письменный, и как обеденный стол. Правда, чтобы поесть, надо было, как японцам, садиться на пол. Но все это мелочи... Вскоре у нас даже появилась этажерка, которую кто-то выбросил на мусорку, а хозяйственный Юра, муж Марины, подобрал, почистил, обновил и поставил в нашу комнату. Олег тут же подружил на нее свои книги и папки с рукописями.

Каждое утро муж уходил на часовую завод, где работал социологом. Маринка с Юрой тоже бежали на работу, а их дочка Леночка отправлялась в детский сад. Мы с рыжим котом оставались в квартире полными хозяевами. У меня сразу появилась обязанность: забирать Леночку из садика, который был во дворе дома.

Алька внутри меня, а я точно знала, что будет сын, отчаянно толкался ножками и требовал выхода, так что я не сомневалась, что скоро его увижу.

Было начало февраля 1971 года. Прошел год с той поры, как мы с Олегом встретились, и мне хотелось, чтобы Алька появился на свет точно к папиному дню рождения — к 27 числу. А что! Вот был бы сюрприз! Старший Алька ко дню своего рождения получает от жены новорожденного сына Алюню!

Я действительно не сомневалась ни на минуту, что будет сын. Даже не знаю, откуда у меня появилась такая уверенность. Наверное, когда я блуждала в лабиринтах и почти на полгода потеряла своего старшего Альку, тоска по нему все время толкала меня к мысли, что «там» у меня растет такой же, как он, человечек. Малыш мои планы немного нарушил...

16 февраля, примерно часов в шесть вечера, я сидела и мирно болтала с Маринкой. Неожиданно мне показалось, что «там» с Алькой что-то происходит. Встала, а Маринка всплеснула руками: «Танька! Ты ж вся мокрая! У тебя воды уже отошли...» Я испугалась, потому что мало понимала в «родильных» делах да и особенного ничего не чувствовала. А Маринка уже Леночку родила и, хоть пять лет прошло с той поры, все помнила.

Я сразу решила позвонить Олегу на работу, но Марина настаивала на вызове «скорой». Я туда звонить не хотела. Знала, там работает мать. Человек

она беспокойный, начальственный, начнет командовать: «Поехали туда... Делайте это...» Спорить с Маринкой я не стала, а пошла к соседям звонить Олегу. Он задерживался на работе, но был в своем кабинете и тут же взял трубку. Стараюсь быть спокойной, говорю: «Ну, как ты там?» — «Скоро буду дома», — отвечает он также спокойно. Тут возмущенная Маринка, которая все-таки пошла к соседке со мной, хватает трубку, смотрит на меня грозными глазами и кричит Олегу: «Танька уже рожать собралась... Не хочет «скорую» вызывать, тебя требует. А я считаю...» Олег мгновенно реагирует: «Какие разговоры? Вызывайте «скорую», я сейчас частника поймаю и успею догнать. Девочки, вперед!»

«Девочки» так и сделали. Не прошло и десяти минут с момента, как я встала со стула с мокрой юбкой, почувствовала: начались схватки. Мелькнуло тут же: «Господи, не родить бы прямо здесь, у Маринки, на нашей кушетке...»

Олег приехал к дому на такси раньше «скорой». Влетел на седьмой этаж, а я уже и шубу надела, платок. Стою в прихожей, жду, когда Маринка оденется, постанываю от пока слабых, но уже чувствительных схваток.

Спустились на лифте к подъезду, а у порога уже «скорая» стоит. Я села в такси к Олегу, а Марина ведет переговоры с врачом «скорой». Те настаивают, чтобы я к ним пересела, а мне не хочется!

Едем на такси за «скорой», а она прямиком — в роддом. Заходим в приемный покой, а там меня уже ждут. Оперативность понятна: маме по рации уже сообщили, мол, Татьяну, дочку вашу, в роддом везем.

Олег такси отправил, рвется в приемный покой, а его не пускают! До сих пор не понимаю, к чему такие строгости? Стоит на улице, а там февральский холод. Бегает, притопывает, ждать собрался сообщений: мальчик или девочка? Тут и мама моя прикатила. Мечется, суетится и страшно смущает меня своим командным тоном...

Наш первенец появился действительно раньше положенного срока. Хотя кто ж их разберет, врачей? Конечно, на прием к гинекологу я пришла поздновато. На то были свои причины. Об этом я еще расскажу... Да и сроки всегда колеблются.

В общем, все прошло хорошо. Страх, что малыш может появиться на свет недоношенным, быстро рассеялся. Сынуля родился быстро и легко. Такая легкость была утром, когда «отродилась», что мне взлететь хотелось!

А это мои записки Альке-старшему из родильного дома. Потом покажу его записки ко мне...

17 февраля 1971 г. Утро

Записка первая

Аля! Парень, пацан! Он просто молодец — кроме веса у него еще и

рост 51 см. Вот как! Вчера было ужасно забавно: врачи, бедняги, не знали, как записать. Он «рожался», и они были настроены на недоношенного. Потом, когда появился на белый свет во всей своей красе, акушерка взяла его в руки и говорит: «Ничего себе недоношенный! Тут будет килограмма три!» Родился он тоже «своим ходом». Я не успела даже на ужасы настроиться, хотя криков тут от рожениц наслушалась вдосталь. Врач ходит вокруг меня и ворчит (пожилая тетя, такая самостоятельная, строгая): «И чего это там внизу волнуются? Радоваться надо, что женщина родила быстро и не мучилась». Это она намекала на страсти моей матери. Я даже не знала, что ты там на свежем воздухе обитаешь в ожидании вестей. В общем, вот такой у тебя сын — просто лорд! Я рожала одна. Его унесли, и я заметила, что к его ножке и ручке бирки привязали. Углядела: пальцы на ножках — длинные... Представляешь, что он натворил в первые минуты? Засунул лапку в рот и умолк! Все тут же захлопотали. Шутка ли, умолк, когда орать ему нужно несколько минут. Акушерка быстро его за лапку схватила и говорит строго: «А твоя рука мне тут совсем и не нужна! Орать надо, давай!» Он снова в крик. Никаких «рубашек» на нем не заметила, пуповина хорошая. Давай, знакомься: Алька-младший собственной персоной! Ты не против, что его зовут Алька? Я — «за!» обеими руками. Соков мне пока не надо. Лучшие творожочек и фрукты.

Целую. Таня.

18 февраля. 1971 г. Утро

Записка вторая

Аленька! Ужасно по тебе скучаю. Малышика я еще не видела, потому что сегодня лечащего врача нет, а дежурный не имеет права разрешить кормление недоношенных. Сын все-таки официально попал в эту «компанию». Сестричка оттуда, где он лежит и скучает без мамы, говорит, что наш парень «тянет соску хорошо!» Но я не хочу, чтобы он привыкал к соске и становился лентяем. Грудь надо тянуть как следует! Вот видишь, какой я стала грамотной. У «отродивших» женицин здесь день идет, как на фронте, за два, а то и за три. Так что опыта набираюсь в полном объеме! И тружусь вовсю! Сцеживаю молоко. Готовлюсь к встрече с сынулей! «Работа» у меня, конечно, не творческая, но делаю ее со спортивным хладнокровием: чем больше разработаю грудь, тем лучше будет нашему Альке! Сегодня был врач, посмотрел и сказал, что сына принесут уже завтра. Значит, не зря стараюсь с грудью!

Целую. Таня.

18 февраля 1971 г. Вечер

Записка третья

Алька, родной мой! Я даже толком не успеваю отвечать на твои

чудесные письма-записки. Матери написала, как больно читать мне ее записку и восторги. Такое чувство, что меня поздравляют как мать-одиночку. «Наши внук» пишут, старательно выводя каждую букву. Горько, что это так. Написала, что за подарки, конечно, большое спасибо, но дело не в подарках, а что у меня не только сын Алька, но и муж, и ни от того, ни от другого я не собираюсь отказываться. Более того, не разделяю их — мое, одно-единственное и любимое...

Я сегодня вспоминала, каким был февраль прошлого года. Ничего не вспомнила, кроме того, что скоро приедет «некто»! То есть ты, тогда еще неясный, нарисованный в письме подружки, незнакомый и оттого пугавший. А потом вспомнила светлые дни — наши долгие прогулки по городу, наши первые нескончаемые разговоры, твоя повесть «Апельсиновая роща». И даже вспомнила, как ты проявил мою большую фотографию. Вспомнила нашу поездку за город на электричке. Ночь на безвестной станции. Вообще, все вспомнила, как я страшно люблю и какой ты у меня. Целую, мой родной. Обещаю написать тебе об Альке.

Уф, как соскучила-а-ась!!!

Целую. Таня.

19 февраля 1971 г. Утро

Записка четвертая

Аля! Доброе утро!

Здесь весь «птичник» просыпается в шесть часов и всю ночь пицчат малыши, каждый на свой лад. Но к этому быстро привыкаешь, так что спать не мешают, даже наоборот, когда пицчат меньше, все начинает печально напоминать больницу.

У нашего малыши ровная красная рожица без родимых пятен — это врач сказал, пока его не принесли. Детей приносят на третьи — пятые сутки. Кому как повезет. Здоровый мальчик: дышит через носик. Волосики какие-то есть, это я успела уловить, но без подробностей. По-моему, темные. Хотя, когда мокрые, и светлые волосики кажутся темными.

От дежурного врача я узнала сегодня, что, когда я рожала, мать устроила тут истерику. Вызвала к себе врача, который принимал роды. Короче, о матери так громко и нелицеприятно здесь высказывались, что мне было ужасно неприятно слушать. Откуда у нее такие амбиции? Вроде бы и начальник небольшой! Кстати, она-таки первая заглянула в детскую и посмотрела на мальчику. Говорила она тебе об этом? Наверное, нет...

Мальчик наш хоть и совсем законченное «произведение», но по своему статусу находится в палате для недоношенных детишек. Там, между прочим, все с гораздо меньшим весом (до 2400 граммов), а уход лучше. При-

шла мать в палату (почему она, а не ты, врач?). Читаю твою записку и слушаю краем уха: «Это чудесно, что мальчик. Я сначала думала о девочке, но в последнее время настроилась только на мальчика... Мы очень хотели мальчика...» Вот в таком духе. Кто это «мы»? Я ей говорю, что все необходимые вещи мы уже приобрели. «Ты нас обидеть хочешь?» Сплошное «соперничество». Предупреждаю: «После роддома к Марине поеду...» Она встрепенулась, замахала руками: «Не думай об этом! Все будет, как ты захочешь!» Потом помолчала и говорит, что на Волго-градской квартира сдается. Правда, хозяйева еще не уехали, но скоро уедут. У них трехлетняя командировка...

В общем, ни вид внука, ни скоротечные мои роды ничего не сдвинули с места. Мы свободны в своем выборе строить наши отношения, как нам покажется необходимым, верно же? Алька, узнай у юрисконсульта, что будет с моим декретом — вычтут деньги за те недели, что я срок не доходила? А как будет оплачиваться послеродовой период?

У меня пока держится температура между 36,7 и 37,4. Но так и должно быть, пока не появится молоко. Сегодня уже хожу. Животик мой хорошо сократился. Вообще, ощущение необыкновенной легкости, почти пустоты внутренней, что ли.

Целую. Т.

20 февраля 1971 г. Вечер

Записка пятая

Лапушка! Сегодня увидела, наконец, нашего мальчишку! Без пятнадцати четыре покормила Альку! Принесли его утром — просто посмотреть. Был он сыт, спал. Сестра торопила, не дала полюбоваться, унесла. А сейчас, пока он ел, я рассмотрела его лучше

Ой! Это копия ты! Даже смешно от того, что твоя мимика сведена до таких микроразмеров в живом виде! Твой подбородок, губы, ноздри, брови поднимает так же, как и ты. Главное, еще, правда, не густые, но длинные прозрачные ресницы. Торчат как-то независимо, прямо вверх, даже когда глаза зажмурены. Когда я кормила, зашла мать (снова я пожалела, что не ты медицинский начальник). Посмотрела очень внимательно на сынулю нашего. Я его чуть приподняла, оторвала от еды. Он сразу же недовольно вскинул брови, нахмурился с тем же выражением лица, когда ты говоришь о чем-то мрачно и раздумчиво: «Что вы говорите...» — и раскрыл очень сердитые глаза. Сразу посмотрел на меня, губы сжал, не бантиком сложил, а сжал плотным узелком. Мать говорит: «Похож на отца. Ничего нашего!» — «Все наше, — говорю. — А мы хотим есть, вот что!» Поняла, тут же ушла.

Ест он серьезно, после соски быстро устает, но здоровая жадность побеждает в нем лень. Причем, когда он устает, это ему самому явно

не нравится. Он тогда вскидывает уголком свои брови (как ты!). Глаза у него пока серо-синие, потом будут, как ты говоришь, «очень серые». Уши — твои. Волосы — тоже.

Больше всего меня радует, что у него уже сейчас твоя мимика. Это живо тебя напоминает, и я чувствую к нему симпатию помимо материнской... Просто еще и за то, что он обладает твоими черточками. Молоком я заливаюсь, не успеваю сглатывать. Идет оно легко... Декретный отпуск у меня будет 77 дней, так как Алька — семимесячный. Мальчик крепкий и хороший. Врач сегодня на обходе так и сказал... Ну, целую тебя. Напиши и ты! Таня.

21 февраля 1971 г.

Записка шестая

Родной мой, как ты там мотаешься?! Выдалась сонная минутка. Тихо. Давай-ка я буду писать тебе об Альке. Каждый день что-нибудь новое. Младенцы в палате подобрались прелюбопытные: едят через одно кормление. То есть раз едят, а второй раз аж через целый час! Мы, шесть мам, будим каждая свое чадо. За нос дергаем, за подбородок, треплем за щеки, но разбудить никак не удастся! Потягиваются, выгибаются в пеленках и опять спят! Так их, неразбуженных, и забирают. Зато на следующее кормление они прибывают в «твердой памяти» и ясном сознании. Глазки открывают и начинают шумно есть. Потом разом на нас глядят, а мы — на них.

Сегодня утром наш Алька был явно не в духе, но зато при аппетите. Кстати, в палате он один с ресницами. Большие — ни у кого! Я говорю: «Здравствуйте, реснички! Давайте открываться!» А мои соседки хором: «Нет у них еще ресниц!» Я опять за свое. Тогда подошли, пригляделись, убедились. Тут же кинулись к своим деткам, рассматривают не дыша. А там... Там только капельки ресниц и видны. У Альки большие! Я сегодня даже с ресниц пушинку сняла, так он сразу глазом дернул!

У Альки улыбка в одну сторону — он ухмыляется, и сразу же около носа обозначается резкая складка. Вообще-то мимика у него такая, что я иногда еле сдерживаю хохот. К его гримасам недостает только тех точенных фраз, которые ты произносишь к своим.

Сегодня его приносили к половине первого. Он был с утра еще сыт, и я, как и остальные мамы, его не добудилась. Этот хитрец явно не спал. Он просто видел какой-то сон, потому что, когда я его растормошила, вытянул губы. Потом выгнул спину и стал потягиваться, вылезая из своего пакетика. Запрокинул голову, задрал вверх носик. Кстати, у него ноздри — «сердечком», и зажать ему носик просто невозможно, потому что ноздри не сходятся.

Потом он стал корчить рожи, улыбаться, хмуриться. Я ему пытаюсь толковать: «Ешь, а то не выпишут, не успеешь к папе на день рождения. Вот это уже будет с твоей стороны бесстыдством!» Тут он в первый раз взял и ухмыльнулся. Я аж взвизгнула от восторга. Губы он выпячивает, сжимает на тысячу ладов. Преподвижнейшая физиономия. Но самое интересное не это. Как ты объяснишь такое: не стала я его будить. Думаю, пусть поспит, держу на руках. Спит. Такая спокойная, сосредоточенная лапушка. И вдруг засмеялся! В голос, четко сказал: «Угу!» — и расплылся в улыбке. Потом снова нахмурился, дернул ресничками и дальше спит. Забавно, правда?

Сейчас вот-вот опять принесут. Наверное, теперь уж «придет» с аппетитом!

Ой, женщины говорят, что с семимесячными здесь могут держать 12–14 дней. Спроси у врача. Впрочем, я сама узнаю здесь. Не хотелось бы торчать до марта.

Как твои сегодняшние дела? Что ты и как?. Да... Совершенно точно выпишут только через две недели. Наш педиатр, молодая женщина, на мои расспросы об Альке сказала: «Хороший мальчик, крепкий. Вес прибавляет. Тело чистенькое. Ребенок активный. Пуговина еще не отпала, так что выписывать рано».

Ах, Алька, скорее бы!!! Впрочем, может быть, и лучше. Он все-таки действительно семимесячный. Не стоит полагаться на то, что он крепкий, с хорошим ростом и весом для своего срока.

За эти недели я лучше с ним освоюсь, научусь обращаться как следует. Он привыкнет к режиму. Жалко, что ты его позже увидишь! Зато домой заберем без риска, правда же? Значит, ровно через неделю (одна уже, считай, пролетела!) мы снова будем все вместе. Ну все, лапушка, жду, напиши. Куклу возвращаю. Оказывается, здесь ей нельзя быть. А вот журналы припряду. Занимайся пока в библиотеке, пиши статью, не унывай, ходи в филармонию... Не разорайся мне на передачи. Пиши сейчас же мне большую записку. От Альки — приветнице! Вот он, разбойник, здесь, у меня. Сопит...

Таня.

22 февраля 1971 г.

Записка седьмая

Алька! На одной руке сын. Ест, чмокает. Поэтому не могу даже достать бумагу. Пишу на твоей же записке. Сынуля вместо столика. Родной! Я тебя очень прошу, больше отдыхай, не натруди ноги! Лежи, пока не поправишься. Не волнуйся, у нас с сыном все тут есть, и мы хотим, чтобы ты немного отдохнул тоже. Целую, милый! Т.

24 февраля 1971 г.

Алька, ура!!! Меня выписали! Матери, пожалуйста, не звони, а если позвонишь, скажи, чтобы они с отцом не приезжали: я хочу, чтобы меня с малышом забрал только ты!

Мальчику нужно: одна легкая распашонка, одна теплая. Косыночка и шапочка. Две тонкие пеленочки, одна байковая, теплая. Одеяльце легкое и ватное одеяло с ленточкой, если нет конверта. Говорят, надо ленту голубую, но ничего, если будет иного цвета. Мне возьми рыжее платье, лифчик, пояс, чулки, сапоги, шубу и шарф. Кажется, теперь все. Да, забыла: маленькое полотенце на грудь. Не забудь коробку конфет или что-то в этом духе. Это для нянечки, которая будет вручать сына. Впрочем, можешь позвонить домой, предупредить, что мы приедем. Ну вот, теперь, кажется, все. Ужасно хочется именно сегодня остаться втроем. Ну все, жду, целую!

Таня.

Когда я закончила переписывать свои записки, решила «подкатиться» к супругу и порасспрашивать, что помнит он об этом времени. Хотя, конечно, в наших архивах сохранились его записки ко мне, и я могла бы их сразу же привести. Потом покажу...

...Дети у нас уже не маленькие: двое в школе учатся, а третий в садик ходит. Уложила я их, убедилась, что дружно засопели, прикрыла дверь в их комнату и — на кухню. Там Олег. Сидит, чай пьет и что-то строчит. Подсаживаюсь к нему и тихо завожу разговор на интересующую меня тему.

— Ты еще помнишь, — спрашиваю, — как ты Альку и меня забирал из роддома?

Смотрит немного отрешенным взглядом. Потом оживляется, откладывает свои бумаги в сторону, прихлебывает чай.

— Представляешь, помню, будто вчера все случилось... Тебя увидел в больничном коридоре, сердце екнуло. Какая же ты красивая была!

— Ну уж нет, позволь тебе не поверить! Я была растрепанная, в халате до пят...

— Не говори так! — Алька-старший протестующе машет рукой. — То был особый миг. Ты — мама! Лицо нежное, щеки от тепла, волнения — розовые. Я принес все, что ты просила. Там же Марина стоит, сердится, что тебя задерживаю. А я как обнял тебя, так и оторваться не могу! Знаешь, такой от тебя особый запах нежности...

— Запах молока, наверное, — уточняю со смехом.

— Наверное... — муж задумчиво смотрит куда-то в окно, за которым стояла весенняя ночь 1978 года и где шевелились занавески от легкого ветра, дувшего в форточку. Потом стал вспоминать, как тревожился оттого, что я должна быть в доме одна с ребенком целый день.

— Прихожу к начальству и прошу дать мне дней десять отпуска. «Чего это ты в отпуск запросился?» — спрашивает начальник. «Надо, — говорю, — жену немного к новой роли приучить. «Первородка» она у меня...» Он хохочет: «Ты-то тут при чем?» Потом спохватывается, понимает, что глупость сморозил, исправляется: «Нет, я понимаю, ты, конечно, как говорится, «при чем», но помощь маме с малышом — это мамы и бабушки дело, а?» Уговорил все-таки...

— Ох, ты меня тогда здорово выручил!

...Вспомнила и я этот момент. Назавтра Алька на работу не пошел. Я его уже провожать собралась, а он мне сюрприз преподносит: «Взял отпуск аж на двадцать дней! Буду тебе помогать, лады?» Очень кстати мне была помощь мужа в эти дни!

— Да ты и сама все помнишь, как с Алюней все у нас происходило...

— Не только с Алюней...

Тут мы с Олегом вспомнили, как с ребенком на руках искали «общий язык» с моими родителями.

...Я прекрасно понимала, что маме доложат о выписке, что она приедет и мой Алька встретится с ней в холле, куда я должна буду выйти с большим конвертом, в котором будет спать, не ведая ни о чем, наше сокровище. Но что произойдет дальше, я все же не знала. Марина готова была нас приютить и с малышом, пока квартиру не подыщем, так что из роддома нам было куда ехать.

Теперь хочется мне сравнить записки из роддома. Когда родился Игоречек, переписка тоже была интенсивной, но, к сожалению, записки не сохранились, а вот все связанное с появлением Ярослава удалось сохранить. Вот они.

Кстати, рождение Ярослава действительно было событием. Радостным и даже смешным. Настрой на девочку был очень сильным, да и Олег был убежден, что уж в этот раз! Ан нет, промахнулись и теперь! Вот сижу и перебираю свои записки из роддома, написанные тогда, в «эпоху» рождения нашего третьего сына Ярика — 15 февраля 1974 года. Да, он тоже февральский, как и его старший брат Алюня...

Записка первая

Здравствуйте, мужички! Вашего полку прибыло! Итак, хоть и «показала я вам дулю» — родила не девочку, а мальчика, — все-таки согласитесь: Олег, Игорь, Ярослав — это звучит! Не отчаивайтесь! Я чувствую себя в полной безопасности среди такой богатырской дружины. А тебе, отец, хоть орден вручай. Сыны как на подбор! Славного нашего Ярослава я видела. Он похож на Игоря (темный) и на Алика (что-то в мордашке такое пухлое). В общем, судить будем, только когда я увижу его еще раз. Что еще? Лентяй знатный! Во-первых, терпение можно было потерять, пока он «раскачался» родиться. Во-вторых,

родился и орал только «для приличия», минуты 2–3 всего! А когда сунули его в одеяло — «пошел спать дальше». Не то что Игорь. Тот орал минут сорок... Вот вам и мой сон в руку о том, что я родила двух девочек. Первое диво: мне пришлось рожать, как по учебнику. Совсем не так было в прошлые разы. Второе диво: родился опять сын! Папа! Совесть моя чиста: я была абсолютно убеждена, что на сей раз — дочка! Ничего, папа Олег, зато твой престиж в научных кругах обеспечен! Надо только придумать теорию, согласно которой ты «рожаешь» мальчиков, — и все!

Весит Ярослав 3 кг 500 г. Рост 54 см. Целую вас всех в ваши мордашки. Мама.

Записка вторая

Сегодня мне нежданно-негаданно принесли Ярослава. Алька, ты прав, называя его не Славиком, а Яром! Девочка из него вышла бы несколько монументальная. Он, пожалуй, самый мужичок из наших лапушек. От Игорешки он взял невозмутимость и четкость, но Игорешка тонко «начерчен». От Алюни — лепку: крупные черты лица, но без Алюниного «импрессионизма». Вот тебе словесный портрет. В общем, темные волосы, твой лоб, очень большие глаза. Может быть, по контрасту — узкий овал лица. Твои губы. А нос — крупнее, чем у Игоря, но и не круглый, как у Альки. Скорее Игорешкин нос, с более решительными ноздрями. Сегодня займусь грудью — теперь его будут мне приносить на кормление. Кстати, попал он к той же сестричке, что носила мне Игорешку, а тебе его вручала, помнишь? Ярослав за еду уцепился крепко, правда, сердится, что мало. Но ничего, я теперь мама опытная, сумею молока нагнать ему впрок... Как решим с Алюниным днем рождения? Что ему сказали? Я его поздравляю и целую сто раз! Что вам удалось почерпнуть полезного из моих прошлых инструкций? Что решили делать и как? Мой милый муж, высыпайся ли ты? Кто поздравлял тебя с рождением сына? И вообще, как там дела с общественным мнением? Я здесь героиня не то эпоса, не то анекдота. Довольны ли вы теперь с тещей друг другом? Ужасно хочу домой, к вам! Ску-ча-ю! Таня.

P.S. Ой! Все в палате восхищены мужеством, с которым ты перенес известие о... сыне вместо дочки. (Увы!)

Записка третья

Аля! Я сегодня ужасно за тебя волнуюсь. Вчера вечером ухитрилась добраться до телефона, а ты, оказывается, уже ушел на лекцию. Хотелось сказать тебе пару слов: мол, старик, держись! Услышать тебя и понять, как ты там настроен. Ужасно, что именно сегодня меня нет рядом с тобой. Как и что, напиши сейчас же! Дозвониться теперь я не сумею... Объявили карантин в соседних отделениях, где телефон, туда не пускают, да и рискованно: грипп, простуда и т. п. Так что, лапушка, пиши. Я вижу сны. Почему-то все время снится мебель. Причем поломанная... Происходят

во сне какие-то переезды, и вижу тебя очень веселого, озорного, стоящего среди всеобщего погрома. Что там у тебя? Сейчас же отвечай мне, я жду. Теперь о выписке. Выписка с 12.00 до 15.00. Детский врач посмотрел Яра: мальчик хороший, набирает вес. Пуговинка отпала, значит, могут выписать. Скорее всего завтра после обхода, в 10.00, если все будет хорошо, подадут документы к выписке. Если ты после 12 часов позвонишь по телефону 22-21-64 (приемный покой), то тебе скажут, выписана ли Юрганова. И тогда до трех часов дня ты должен меня за-брать. Матери придется посидеть с ребятами, а тебе приехать за мной. Не забудь что-нибудь взять для сестрички. Это та же, что вручала тебе Игорешу. Правда, симпатичная девочка? Мы с Яром ждем тебя с нетерпением. Яр тут наяривает. Личико у него стало четким, опала послеродовая припухлость. Она у всех детей бывает, особенно в первые дни, как будто малыш спал на носу. Теперь личико четкое. Очень красивый лобик — высокий и выпуклый. Глазищи большие, ресницы фирменные. Узкий овал лица, лепные губы. Лапушка. Нос такой решительный, четкий, прямой. Почти как у Игорешки, но с «тенденцией» к Алюниным ноздрям. Иногда Ярик-бойрик напоминает бабушку Зину каким-то размеренным выражением лица. У него высокие брови и законченный лоб — эдаким плавным куполом! Я его уже разглядела в деталях. Он тебе понравится, хотя, возможно, не сразу: ты же помнишь этих гавров? Сначала желтенькие, как апельсин. Руки, ноги, пуп и... «пистолет». Аля! Не могу успокоиться... Как там твои дела? Целый день за тебя молюсь. И вообще, ужасно люблю тебя — это уже, видимо, стало моей привычкой. Когда долго тебя не вижу, прямо начинаю болеть: во всяком случае, чувствую себя неполноценным человеком, как без голоса, что ли? Знаешь, случайно попалась «Иностранная литература» №1 за 1974 год. Читаю А.Моруа «Письма к незнакомке». Рассуждения и заметки старика, мудрого, ясного, даже юного. Удивительно: то, что он понимает на склоне лет, мы понимаем сейчас, потому что любим. То, к чему он приходит в опыте, от интеллекта, у нас с тобой есть и, оказывается, обнаруживается это у людей крайне редко. В общем, скучаю по тебе ужасно, а этот Моруа еще душу разбередил. Напомнил, какой ты у меня солнечный. До завтра, и пусть у тебя сегодня будет все хорошо! Жду все, что ты мне напишешь, и ужасно волнуюсь.

Таня.

Записка четвертая

Ребята! Запоминайте инструкцию! Поставьте коляску в полной готовности: с матрасиком, простынкой, подушечкой. Купите в аптеке детскую клееночку. Хватит этих прозрачных, от которых искры! Яро-славу принесите все по списку. Я уже написала. Прочтите и ничего не забудьте. Муж! Ты, наверное, приедешь за мной один, а мама с мальчиками

будет встречать нас дома. Или как? В общем, я не первый раз в роддоме, да и вы — тоже! То есть знаете, что и как. Мне надо прикупить соков и яблок. Аля, особо не разоряйся, но если ты принесешь «контрабандой» мороженое, буду счастлива. Хочется чего-нибудь эдакого! Целую. Деток — в носики. Таня.

Теперь снова вернусь в 1971 год, в тот февральский день, когда мы — Олег, я с Алюней, завернутым в огромный конверт из пеленок и ватного одеяла, приехали из роддома в квартиру моих родителей. Сидим за праздничным столом. Мать в легкой растерянности от случившегося события. Теперь-то она отлично понимает, что такое мой муж. Ей пришлось убедиться на себе, какой он сильный и умный противник, разрушивший все ее нелепые и агрессивные планы.

Сам «противник» со смущенной улыбкой сидит за столом и слушает сладкие речи моего подвыпившего отца о новом поколении, которое вон там, в пеленках, лежит и сопит. Имеет имя, а главное, имеет звание — внук. Тут же напоминаю ему, что его первейшее звание — сын. Не спорит, но морщится, мол, совсем некстати перебиваешь дедушку. Олег незаметно мне подмигивает, мол, и в самом деле...

Наступил поздний вечер. Я собралась кормить сына, но мать решительно встала: «Покормишь потом. Сейчас уже поздно. Надо ехать...» Я не поняла: «Куда ехать?» Мать немного смешалась, но решительность в голосе и в настроении сохранила. Отец тоже встал из-за стола с выражением на лице, мол, «никаких вопросов!»

Нам тут же все и объяснили. Пока мы с Олегом жили у Марины и муж искал квартиру для нас с малышом (а это было очень непросто, с ребенком никто не хотел брать), моя мать прознала, что рядом с киностудией «Беларусьфильм» сдается однокомнатная квартира. Ей подруга сообщила, что хозяева — молодые супруги — у нее спросили, не знает ли, кому можно сдать квартиру, поскольку они вот-вот уедут в Москву учиться во ВГИКе. Та про хлопоты моей матери со мной уже давно знала и позвонила.

Мы-то, что называется, ни сном ни духом... Пока сидели за столом, слушали тосты, у моих родителей давно уже созрел план. Сейчас, к полуночи, они нас про это уведомили.

Однако владельцы квартиры собирались в Москву только через три недели, но мои родители не хотели, чтобы мы это время жили под их крышей. По-видимому, здравый смысл матери послушно умолк перед страхом: пусти, а потом не выгонишь! Она обрадовалась, когда подруга, жившая в том же доме, где освобождалась квартира, согласилась нас приютить на эти три недели. В общем, задумали мои родители в тот уже поздний час выводить нас.

Как ни дико выглядело выгонять в 12 ночи дочь с мужем и новорожденным ребенком на руках в двадцатиградусный мороз, выбирать не

приходилось! Я хотела поехать к Марине. Позвонила ее соседке по этажу, но — не повезло — к Марине приехали родители Юры из Бобруйска недели на две, их уже поселили в «нашу» комнату...

Мы с Олегом лихорадочно соображали, кому бы еще из друзей позвонить, чтобы пустили на день-другой, но время уж больно позднее было, и решили на судьбу не роптать, а ехать, куда везут, чтобы потом что-то придумать...

Я, конечно, разозлилась! Мне и в голову не мог прийти такой странный «финт» с моими родителями. Наверное, я плохо их все-таки знала!

В общем, за полночь, после родительского «застолья» по случаю рождения внука, мы с Олегом и первенцем переступили порог чужого дома, который и стал на несколько недель нашим пристанищем после рождения малыша Алюни.

Квартира, которая скоро освобождалась, была этажом выше той, куда мы приехали в ту памятную зимнюю ночь. Решили не суетиться, и уж если подруга матери Марго, которую я за солидные размеры прозвала «бэбс», хочет моей матери жертву принести, это ее печаль!

...Комната, в которой нам предстояло расположиться, была размером примерно два метра на полтора. Там стояла широченная кровать, платяной шкаф, забитый бельем и одеждой хозяйки. Широкий подоконник мог служить столом. На спинки двух стульев можно вешать нашу одежду. У окна — гладильная доска, на которой можно пеленать младенца. Хоть и впритык, но здесь же нашлось место даже для коляски...

Малыш в ту ночь, словно чуя, как мы устали, молча сопел в две дырочки, и, едва добравшись до постели, мы мгновенно уснули...

...Теперь самое время показать записки от моего мужа, которые он писал мне в роддом. Я их ждала с огромным нетерпением. Вокруг меня стояли ор, суета. Все мы на одно лицо — родившие и еще нет, уже кормящие деток или еще ждущие, когда им позволят это сделать. Но весь этот мир ожидания и появления новых «гавриков» занимал меня не так, как мысль о том, какими же будут первые слова моего мужа?

Наверное, я надеялась увидеть в его записке что-то необыкновенное, похожее на то, что переживала и я. Ну вот, теперь читайте сами.

Записка первая

Кораблик, как дела? Потрясен твоим мужеством и... таинственными возможностями... Сразу позвонил Наталье, сообщил. Вот было визгу! Жду, напиши, что тебе купить? Целую. Олег.

Записка вторая

Ну как ты там, моя бесконечная радость? Как ты себя чувствуешь, как Алька? Страшно соскучился по тебе, мне не терпится взглянуть на

сына поскорее. Слушай, лапонька, неужто я так в его внешности все «моно-полизировал»? А твоего ничего нет? Ладно, потом разглядим. Очень тебя прошу, хорошенько проконсультируйся с врачами, какой специфический уход нужен семимесячным детям? Наверняка нужен специальный уход. Вообще-то я надеюсь, твоя мать, как врач, поможет. Все-таки у нее опыт... Как ты думаешь? Мне кажется, уж ей-то надо себя как-то реабилитировать в глазах малыша...

У меня все в порядке. Жду вас с сыном, вижу во сне каждый день, как вы смеетесь. Радуюсь вместе с вами: здоровы, веселы. Ты, лапонька, ешь хорошо! Старайся побольше мучного, жирного, тогда и сын будет толстеньким и здоровым. Моя ненаглядная прелесть, жду! Береги себя, не лезь в форточку, не дай Бог, грудь застудишь! Целую. А.

Записка третья

Лапонька, я думаю, что яблоки можно помыть у вас, правда же? Замотался совсем. Наша Марина ложится в больницу. Юра, ее муж, уезжает в командировку. Подкинули они мне дочку, но это хорошо — родительская тренировка.

Все твои просьбы выполнил. Купил пеленки, одеяло, распашонки. Сейчас на очереди коляска и кроватка. Как ты думаешь, долго пролежишь? Теперь я буду приходить к тебе вечером, часам к шести, когда Леночку заберу из садика и накормлю. Как там наши пацан? Ты так здорово его описываешь, что я живо представляю, где у него что и как все выглядит. Теще не звонил. Сдерживаюсь. А как у тебя настроение? Все будет здорово! Я беру отпуск за свой счет. Надо будет — продлю. Доведем Его Величество сына до кондиции, а потом снова за работу. Да и ты подучись материнским премудростям, идет?

Я так понял, что пить тебе уже можно, и притащил соки. Хотел «пропихнуть» мороженое, но побоялся экзекуции ваших докторов. Целую. Твой О.

Записка четвертая

Родная! Эти хлопоты, заботы, выяснения отношений — тот самый быт, через который не перешагнешь и не перепрыгнешь. Постепенно «обрастем» всем необходимым. Ведем с Мариной, она уже вернулась из больницы, радостные разговоры о твоём возвращении. Единственное, что встревожило: у ее дочки нашли дизентерийную палочку. Когда можно будет уже не бояться этих ее «дров», не знаю. На подарок судьбы в виде гуманности твоих домочадцев рассчитывать не могу, хотя, конечно, бывают неожиданные «приливы» и у них.

Главное, что случилось, — Алька. Это наш с тобой сын, и его надо охранять от скверны любой ценой. Я горжусь, что ты у меня такая стойкая,

красивая и, главное, гордая. Я всегда знал, что ты рано или поздно такой царевной станешь! Это ужасно хорошо, правда?

Купил уже пеленок тонких и теплых. Всего 25 штук. Распашонок, шапочек, одеяло ватное, пододеяльник. Чуть не купил роскошный конверт для малыши, но он оказался розового цвета! Марина меня перехватила вовремя. Ах, как хотелось купить: ужас какой роскошный.

Не застуди грудь, умоляю! Узнай, запомни или запиши, как ухаживать за Алюней: питание твоё и его, купание, температура в комнате и пр.

Все-таки при всех оптимистических прогнозах — мальчик недоношенный. Надо помнить об этом, ухаживая за ним. Простудишь, перекормишь, не уследишь за ним... и может случиться непоправимое! Мы с тобой должны заменить ему... утробу, то есть природу. А это ох как сложно сделать! Правда же? Мне кажется, что надо разработать четкую программу ухода в первый месяц: сколько он должен весить? какой рост должен быть? какова динамика того и другого — по неделям, месяцам? Читаю литературу, готовлюсь.

В этот раз мой день рождения неповторим! Такой подарок ты мне сделала! Это ж надо!

Сын! Ты же у меня — подарок судьбы, неоценимый, бесценный (как лучше сказать?). Знай об этом, только, чур... не зазнаваться! Целую тебя. Папа Алюни. Жду, черкни пару слов.

Удалось сохранить... Но, воскрешая в памяти те дни, не могу не вспомнить особое чувство то ли ответственности, то ли страха, которое преследовало меня, когда я представляла жизнь с нашим первенцем.

Вопросы, роившиеся в голове, пока в роддоме я ждала сына на кормление или пыталась заснуть после суетного и шумного дня, были самыми прозаическими. И, что интересно, меня они скорее успокаивали, чем тревожили. Действительно, не в лесу ведь живем...

Но один вопрос стоял особняком: как стать настоящей женой, матерью? Как, если я, хоть и жена, с кольцом на пальце и со штампом в паспорте, к этой роли никогда всерьез не готовилась? Я бросилась в манящую незнакомость своего нового положения, но спроси меня тогда, что такое «мать», «супруга», «супружество», толком не смогла бы ответить.

Не потому ли я предавалась только радости, которая пришла ко мне с этим комочком, моим сыном? Не потому ли я держала эту радость цепко, двумя руками, когда видела мужа из больничного окна, а его записки зачитывала до дыр?

Я верила ему безоглядно. Он все знает! Он все умеет! Он все объяснит! Он скажет, как надо делать, чтобы нам с Алюней было хорошо!

Я намеренно назвала эту часть книги словами мужа: «В любви супружеской — начала материнства...». Став женой, я видела отношение к себе

моего мужа как к женщине, вот-вот готовой родить. Я нуждалась в опеке, внимании, предупредительности и получала все это в избытке. Марина прозвала Олега «наседкой», со смехом наблюдая, как он ухаживает за мной.

Для меня «любить ушами», как и для миллионов женщин, естественно. Слышать ласковые слова мужа в свой адрес не просто приятно, скоро это становится потребностью. Правда, подруга моя, Марина, охлаждала мой восторг, говоря, что все «мужики такие словоохотливые в первые годы жизни под одной крышей», и даже предупреждала: «Ты сейчас вдосталь наслушайся этих слов любви, а когда фонтан у твоего мужа иссякнет, вспоминай, чтобы этими впечатлениями жить всю оставшуюся жизнь...»

Кстати, я никогда не слышала от мужа сюсюканья. Никаких «рыбка», «птичка», «зайчик», «солнышко». Мне и самой не понравилось бы, услышав я в свой адрес нечто подобное. Ему очень нравилось мое имя, и я никогда не думала, что можно изобрести такое количество его вариантов. «Татьяна» — это когда он чем-то озабочен. «Танечка» — момент каких-то просьб или пожеланий. «Танька!» — восторг или миг каких-то удач и открытий, к которым я причастна, а может быть, только от моих усилий эти открытия и зависели. «Танюсик» — когда муж в чем-то виноват передо мной и пришел каяться и просить прощения. На этот вариант своего имени я реагировала всегда улыбкой. Голос, взгляд, виноватые глаза и этот «Танюсик»... Нет, выдержать серьезность невозможно. Начинаешь чувствовать, что губы сами растягиваются в улыбку... Все готова простить сейчас же! «Танюсенция» — это когда я что-то совершила в высшей степени заслуживающее похвалы, восхищения и даже зависти мужа. Когда я защитила диплом (это особая часть моей жизни), Олег, когда мы пришли с ним в кафе «Молочное» отметить это событие, сказал: «Дорогая моя Танюсенция! Я — у твоих ног!» «Танюша» или Танюшка» — пожалуй, самые любимые мною сочетания звуков моего имени. Это миг сердечной привязанности, дружелюбия и бесконечной нежности. Иногда я слышала долгое «ю», с мягким финальным «ш», завершенным гласной «а», тоже долгой и «вкусной». Эдакий вокализ: «Таню-ю-ю-ша-а-а»!! В этот момент мой муж признавался мне в любви, и достаточно было мне услышать именно эту «арию», чтобы почувствовать, как екнуло в груди сердце и я готова ответить тем же.

Я рискнула приоткрыть завесу своих семейных тайн только потому, что знаю — любовь мужа к жене, ожидающей ребенка, обещает добрый опыт будущего его отцовства, а женщина, которая слышит нежность и сердечность в словах и голосе мужа, переносит его любовь на своего ребенка, как бы «заряжая» малютку этим чувством еще задолго до рождения.

Наверное, нелегко удерживать этот настрой нежности и любви су-пругов друг к другу при следующих беременностях жены. Хлопоты, заботы, случается, вытесняют их, а рождение второго, третьего ребенка, уход за ними

могут стать однообразной рутинной. Но мой опыт не знает таких перемен. И вторая моя беременность, и третья протекали, как и перед рождением первенца. Но никогда я не забывала о тех особых обстоятельствах, в которых протекала моя первая беременность.

...В нашем супружестве, как на днище корабля, образовывались наросты и ракушки — проблемы и просчеты. Они, может быть, и притормаживали движение нашего семейного судна по житейскому морю, но я убеждена: о том, что я «люблю ушами», муж помнил всегда! Как и прежде, всегда звучали и звучат по сию пору мои «имена». Теперь я могу уверенно сказать, что муж прав: в любви супружеской — начала материнства.

И все же самое первое чувство в материнстве — страх... Страх невольно навредить малышу возник почти сразу, едва я поняла, что должна быть с ним и отвечать за него. Возник он в тот момент, когда малыш был воцарен в нашу комнату — первую семейную гавань. Едва я развернула пеленки, услышав его плач, как застыла в ужасе. Крохотный, еще с послеродовой желтизной, трясущимися от крика ручками и ножками, малыш лежал в мокрых пеленках, а я... боялась к нему прикоснуться. Это он, мой первенец, моя разобитая на маму малютка, требует помощи, немедленно, сию минуту, а я стою как вкопанная...

Только позже, когда я немного привыкла к нему, а он ко мне, я разглядывала его тельце, осторожно дотрагивалась, всматривалась, как в неведомое мне существо, которое совсем недавно росло во мне, толкало ножками, наверное, как и я, переживало все то, что со мной происходило. Тогда-то я и обнаружила на ягодичке сына большое родимое пятно. «Ну вот, — смеялся папа Олег, — теперь уж точно не потеряется. Есть особая примета!» Но это все потом. Сейчас же я стояла, как в столбняке, и не знала, как успокоить раскричавшегося малютку, готовая расплакаться вместе с ним.

Олег прибежал в комнату, в фартуке, с разгоряченным лицом, пахнущий жареным луком, с теплыми ладонями, которые специально подержал под струей горячей воды, прежде чем притронуться к орущему сыну. Минуты через две-три, после ловких манипуляций папы, сынуля уже аппетитно сосал мою грудь, а я, счастливая и спокойная, неотрывно смотрела на его личико.

То, что ребенок недоношен, я понимала лишь на словах. Внешне, как мне казалось, это не было заметно. И все-таки я тревожилась. Врач-педиатр утешила меня, пообещав, что к нам будет приходить патронажная сестра, которая поможет мне в уходе за малышом. Однако менять пеленки, купать ребенка патронажная не будет! Я должна как можно скорее научиться всему сама.

...Муж умчался на работу, всего на часок, чтобы утрясти самые неотложные дела. Вообще-то он взял отпуск, но сейчас его нет, а малыш орет, ждать папу не хочет. Пеленая сама и... плачу. Вот вырвал ручку. Вот ножка

торчит из прорехи теплой пеленки. Теперь, кажется, все в порядке! Удалось наконец-то сделать все как надо. Внешне даже вполне прилично получилось. Но почему же он кричит? О-о-о! Снова мокрый... Опять надо пеленать!

Мой малыш обладал уникальной способностью пугать меня. Вот лежит и спит. Вдруг слышу — не дышит. Именно так: «слышу, что не дышит». Опустила ухо прямо к его носику. Тишина! Бегу на кухню. Там Алька-старший читает. Смотрю на него с ужасом. Соображаю, что слово «умер» будет явным перебором. Говорю жутким шепотом: «Не дышит!» Гляжу на мужа — испугала его насмерть!

Через минуту сажу, слушаю, как меня ругает Олег. Очень я любила эти минуты, когда он меня ругал. Еще бы! Страх позади! Все налажено, и выговор мужа теперь слаще музыки. Алька-младший чист, сыт и спит. Сажусь за книгу Бенджамина Спока «Ребенок и уход за ним», повышаю свое материнское самообразование.

В этой книге меня больше всего поразила мысль о том, что дети сами знают, что им нужно. Главное условие правильного обращения с малышом — научиться угадывать, что именно ему хочется в данный момент...

Постепенно ко мне приходил опыт. Кричит? Значит, мокрый. Капризничает? Смотрю на часы — пора кормить. Хнычет? В чем же дело? И сухой и сытый... Немного укачиваю в коляске. Успокоился...

...Как светопреставления, ждала я первого купания сына. Всеми силами пыталась осознать важность и нужность своего личного участия в этом священнодействии, но это мне удалось не сразу. Сначала решили купать малыша в ванной комнате квартиры «бэбс». Однако там оказалось слишком тесно. Потом подумали, что кухня будет лучшим местом для такого «обряда». Прознав о наших намерениях, хозяйка сообщила, что именно в это время у нее свой «обряд» — чаепитие, а своих привычек она менять не собирается. Наконец придумали устраивать купание в комнате, где стоит широкая кровать. Положив на нее широкую доску, Олег поставил ванночку с водой. Включил стоявший на подоконнике вентилятор, а напротив поставил обогреватель. Струя теплого воздуха от обогревателя пошла в сторону ванночки. Вскоре в комнате возникла атмосфера тропиков.

Разворачиваю сына. Малыш открыл глаза, сладко потянулся. Снова смежил веки, не желая просыпаться. Опустив свой локоть в воду и удостоверившись, что температура подходящая, Олег ловко подвел свою широкую ладонь под спинку малыша и, перенеся к ванночке, стал медленно погружать его тельце в воду. Я стояла у окна и со сладким ужасом наблюдала за манипуляциями мужа.

Вот он, напевая что-то нежное, скорее мурлыча, опустив сына в воду, поливает тельце водичкой из маленькой кружки. Малыш молчит! Он сосредоточенно смотрит куда-то в потолок, сжимает кулачки и не издает ни звука.

Опомнилась я лишь когда Алюня сосредоточенно и деловито сосал мою грудь, а муж, убирая ванночку и вылив в ведро воду, буднично сказал: «Ничего страшного...»

Может быть, так оно и было, но на самостоятельное купание первенца я решилась только через три месяца. Это уж потом, когда родились Игорь и Ярослав, я сама успешно справлялась с купанием малюток. Но тогда...

Подлинное материнское счастье я испытала в первый же миг прикосновения ко мне малютки. До того во мне жило чувство страха навредить ему. Потом пришло время, когда я каждую минуту стала говорить «МЫ», олицетворяя в этом слове себя, сына, мужа — его отца.

Теперь и о своем доме я говорю — «мой». Точно так же и о моей семье. Путь к этому осознанию «мы» был труден, но сейчас в этом «мы» — мой материнский, семейный, супружеский опыт. Теперь и я могу им поделиться.

...Когда ты дома, твой ребенок целиком зависит от тебя, от твоей сноровки, умения делать все необходимое для его здоровья и жизни. Твои роли — матери, хозяйки, жены — к концу дня сливаются в одно состояние — усталости.

Кстати, об этом мне постоянно твердили «доброжелатели». Во всяком случае, мне приходилось слышать их голоса, особенно когда они, «окинув взглядом» мою округлившуюся фигуру, предвестие наступившей беременности, почему-то сразу вспоминали о своем «горьком опыте».

А мне «их опыт» не нужен. У меня свой накапливался. То, что опыт обычно соседствует с усталостью, — аксиома! Так что пугать меня не надо. Сама знаю. Для меня, например, ночное кормление Алюни было делом очень трудным. Так сильно хотелось спать, что иногда я не выдерживала, заваливалась набок. Это было опасно. Я могла придавить малыша. Тогда муж, давая мне на кормление уже «готовенького» сынулю, следил, чтобы я ненароком не задремала. Такие ночные дежурства Олега продолжались месяца три, а потом я уже и сама стала справляться. А уж следующие мои малыши опыт закрепили прочно!

С первенцем были моменты, которые меня иногда ужасно пугали. Ночной крик ребенка я очень скоро стала воспринимать как сигнал к моей казни. Я совсем не радовалась призывам моего сына. Скорее, наоборот! Где-то я вычитала, что женщины-«первородки», как я, именно в такие минуты приходят к мысли о нежелании еще иметь детей...

...Олег давал мне отдых. Со спящим малышом в коляске он медленно вышагивал по длинной улице Волгоградской или добирался до маленькой рощицы, росшей неподалеку от дома, где мы тогда жили. А я успевала и подремать, и заняться домашними делами. Удавалось даже перелистать учебные конспекты, готовясь к очередному экзамену в университете. Ночами муж при первом же «скрипе» Алюни моментально

Олег давал мне отдых, вышагивая улицу «Волгоградскую» в оба конца с коляской, где мирно посапывал наш первенец...

вскакивал и делал все сноровисто, быстро и бесшумно. Сын еще не успевал «сообразить», что он мокрый и хочет есть, как сухая теплая пеленка уже плотно обнимала его тельце, а в губки «просился» влажный сосок моей груди, обещая крохе вкусное молочко. Точно так же происходило, когда мы начали его прикармливать из бутылочки...

Конечно же, тогда без анекдотичных случаев не обходилось. Алька-маленький, когда подрос, любил рассказывать об этом Игорю и Яро-славу. Пусть и теперь расскажет.

«Когда я был совсем маленьким и помещался на ладони у папы, мама кормила меня своим молочком. Я часто хотел есть и даже ночью просил молочка. Тогда я не давал маме спать и кричал громко: «А-а-а!» Это на моем языке тогда значило: «Мама! Хочу есть!» Но мама так крепко спала, что долго не могла проснуться. Папа меня разворачивал, менял пеленки, потом заворачивал, как бревнышко, и отдавал маме. Мама просыпалась и кормила меня. Потом, когда мама меня уже покормила, она решила положить меня в колясочку, где я спал. «Все! Положила!» — подумала мама и легла спать. Но тут папа проснулся, посмотрел в коляску, а там меня нет!»

Слушать рассказ сына для малышей-братьев до этого места — одно удовольствие. Настоящий детектив! И в самом деле, исчез месячный младенец! Исчез! Но куда? Алюня выдерживает паузу, как настоящий артист, и завершает под всеобщий восторг: «Где сын?» — спрашивает папа. Мама пугается и сначала молчит, а потом говорит шепотом: «Как где? В коляске!» «Там его нет», — говорит папа. «Как нет?» — кричит мама. Алька в этот момент рассказа — на пике воодушевления и восторга. «В комнате шум, переполох. А тут и я просыпаюсь, кричу! Мама с папой умолкают и открывают дверцы огромного шкафа, где хранились простыни, полотенца... Вот там, на полке, я и лежу прямо на этих простынях хозяйки квартиры. Мама — рада! Папа — рад! Я — нашелся!»

Да, было и такое...

Месяцев через шесть, когда малыш стал уже совсем «взаправдашной лялькой», я могла бесконечно играть и забавляться с ним. Даже когда он засыпал, я сидела у коляски и неотрывно смотрела на его личико.

Алюня был очень похож на папу. Я сравнивала сына с фотографиями Олега в шестимесячном возрасте и удивлялась чудесам природы. Ну буквально одно лицо! Правда, Олегу очень хотелось, чтобы сын больше был похож на маму. Чтобы у мальчишки были такие же волосы, глаза, как у меня... Честно говоря, мне — все равно. Что «взял» малыш, то все его. А точнее, «наше»...

...Для меня нежность мужа в это время моей жизни была особенно приятной. Он сказал мне однажды: «Материнство разбудило твою женственность. Ты расцвела! Исчезла угловатость и напряженность в движениях.

Красота во всем. В линиях тела, в повороте головы, в тяжелых волосах и голосе, который стал у тебя сочным и долгим, особенно ко-гда ты говоришь со мной или с малышом... Вдали от тебя — тоскую и бесконечно люблю!»

Слышать о себе такие поэтические признания — наслаждение! Особенно когда живешь, закрученная в спираль быта и хлопот, когда, услышав плач малыша, бегаешь из кухни к коляске, с досадой выливаешь в унитаз испорченный суп, который подгорел потому, что ты забыла обо всем на свете, засмотревшись на личико спящего сына. Не успев еще умыться, надеваешь передник, чтобы побыстрее приготовить завтрак мужу, который уже спешит на работу...

...Олег неплохо фотографировал. Однажды он решительно заявил, что хочет «для истории нашей семьи» сфотографировать меня, «...любимую, красивую женщину и мать». Через день он фотографии напечатал и я с любопытством рассматривала себя. Вот я сижу, кормлю малыша. Впервые увидела себя в «позе мадонны», держащей сына, который аппетитно сосет грудь и не ведает, что папка, разгоряченный, с азартными глазами, носится по комнате, чтобы «поймать» меня в объектив фотоаппарата. Я беззаботно смеюсь, глядя на эту его восторженную суету. Теперь, разглядывая себя на фотографиях, удивляюсь — узнаю и не узнаю себя. Как же я изменилась! Кажется, что на меня смотрит другая женщина, хотя улыбается она моей улыбкой, окутана моими длинными густыми волосами. Вот она — обнаженная и странно на меня похожая — держит на руках моего малыша и со счастливым бесстыдством смотрит туда, где застыл с фотоаппаратом влюбленный в нее человек.

«Материнство принесло твоему телу не только покой и тепло, которым наслаждается наш малыш, — шептал мне муж, устав от беготни с фотоаппаратом, истратив две пленки и теперь устроившись рядом со мной и сыном на тахте, — оно наградило твое тело соблазнами и неведомыми ароматами».

На следующее утро, проснувшись, я снова разглядывала уже увеличенные до размеров портретов фотографии. Олег прикрепил их на бамбуковую широкую циновку, которой я декорировала голую стенку комнаты. Снова и снова я всматриваюсь в себя. Вот лежу на животе и улыбаюсь «...таинственно и нежно...» Это не мои слова. Муж так выразился, прежде чем нажать на кнопку затвора фотоаппарата. Здесь я присела на корточки напротив тахты, а на ней лежит мой сынуля. Еще снимок: стою в новом платье. Его мне подарила Таисия, моя подруга, сказав небрежно: «Я растолстела, а тебе в самый раз!» Держу на руках малыша, а он внимательно смотрит на папин фотоаппарат...

В тот день я неожиданно призналась себе, что мне приятно смотреть на эту женщину с моим лицом! Я верила, что на этих фотографиях — любимая женщина. Она же — новая и счастливая мама! Даже сейчас,

спустя почти семь лет, смотрю на эти фотографии и сама себе удивляюсь. Чувствую дыхание мужа: «Это — эпоха в нашей жизни!» Он у меня любит пафос. А может быть, он прав?

...Я спрашивала у Маринки, как было у нее, когда она родила? «Ой, мой Юрка обходил кроватку и коляску стороной до года. Ко мне боялся прикоснуться. Смотрел настороженно и почему-то виновато. Мне-то что? Не пристаёт — и хорошо. Устава-а-а-ла! Вот когда дочке исполнился годик, тогда уж он показал себя заботливым и любящим папой...»

Другая моя подруга со смехом рассказывала, как «гоняла мужа» от себя. «Дурной какой-то! Я кормлю, а он пристаёт: «Ну, скоро ты? Я устал ждать тебя! Сколько можно!» Представляешь? Ох, уж это мужичье!» О своих радостных открытиях я промолчала. Это — мое! Я храню его в памяти. И только теперь, спустя годы, решилась рассказать...

Фотографии висели на стене долго. Дня два меня это смущало: могла заглянуть соседка или мастер из ЖЭКа... Но Олег привел аргумент, который невозможно было опровергнуть: «В музей ходят все! И наткнуться на Мадонну Рафаэля совсем не грех!» Наивный и смешной Алька! Уступила...

Приходит к нам как-то муж Марины Юра. Олег просил его починить наш умолкший радиоприемник. Вошел в комнату, увидел фотографии и добродушно вымолвил: «Голография...» Тоже мне, знаток!

Реакция моей мамы меня позабавила: «Доча, как ты можешь, ты же здесь совсем голая!» Я рассмеялась и поправила: «Я просто обнаженная, а не голая. Это разные понятия...» Мама оторопела, уставилась на меня и тихо произнесла: «Да? И все-таки лучше убрать. Не дай Бог, папа увидит!»

Папа увидел... Он долго ходил вокруг «фотогалереи» и сказал: «Елки-палки! Никогда не думал, что моя дочка такая...» Уточнять какая, я не стала, надо было Алюню на прогулку везти. Что-то его остановило от пошлых ремарок, хотя я уже была к ним готова и внутренне сжалась.

Наташка Т., прибежав ко мне однажды, долго ничего не замечала. Она была близорука и к тому же на одном месте взгляд долго удерживать не могла. Очень была подвижной женщиной, если не сказать суетливой. Я вышла на кухню воду согреть, подругу чаем хотела напоить. Слышу ее голос: «Танька! Это ты?» Прибежала ко мне на кухню возбужденная, рукой на комнату показывает и вопрос свой повторяет: «Там, на стене, это ты?» Я киваю. Она снова убегает к стенке с фотографиями. Я вошла. Вижу — смотрит внимательно и головой качает. Думаю, наверное, и она меня поучать собралась... «Какая же ты, Танька, красивая...» — почти пропела подруга. Посмотрела на меня оценивающе. А в этот момент я была в домашнем халате, не очень причесана, просто волосы сзади заколола... Наташа снова глянула на фотографии, и будто кто-то ее в спину подтолкнул: «Ой! Я же забыла, мне бежать за Веркой надо в сад, опаздываю!» И умчалась.

*Алюня был очень похож на папу.
Я сравнивала сына с фотографиями Олега в шестимесячном
возрасте и удивлялась чудесам природы.
Ну буквально одно лицо!*

Год мои фотографии висели на стене. Гости в арендованной квартире у нас не бывали, и смущаться было некого. Сняли только к приходу одного пожилого московского профессора, которого Олег привел к нам, чтобы тот посмотрел мою дипломную работу. Хотя я уверена, уж он бы все понял правильно! Но застеснялась...

Месяцы жизни первенца Альки в моей материнской биографии, которая «перелистывалась» в крохотной нашей квартирке, проносились незаметно. Но в моей душе складывалось особое отношение к малышу, так что нельзя было сказать, что «все шло само собой». Нет, я пропускала через себя каждый день жизни моего первого сына, и мне казалось, что каждый этот день дарит мне новые и новые открытия, которые и были следующим из начал материнства, еще незнакомых мне.

...Вот он держит головку или неожиданно потягивается, очень комично прищурившись. Вдруг почему-то заплакал! Как-то уж слишком обиженно. Ах, мама, мама! Оказывается, из соски не идет молочко, а я успокоилась, всунув рожок в ротик и придавив бутылочку подушечкой, чтобы не сдвинулась. Отошла на минутку в кухню, где варится суп. Сосет малыш, а молочко никак в рот не попадает. Ну какая же я недотепа, перепутала соски! Поставила в бутылочку ту, в которой дырка еще не проделана.

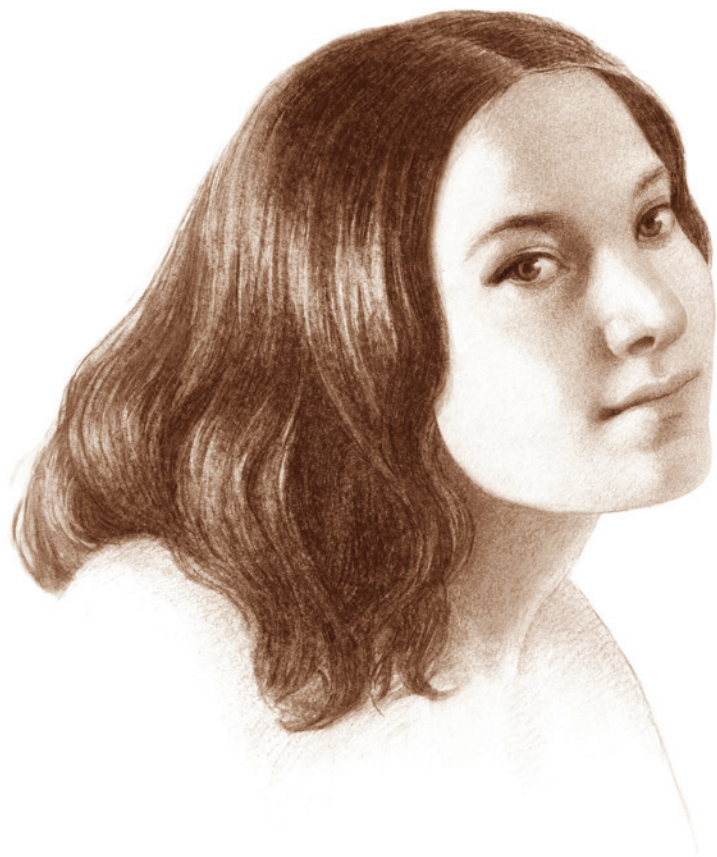
Услышав плач, который сразу показался мне немного странным, даже незнакомым, разбираюсь в причинах. Все поняла, быстро исправила и задумалась. Наступил еще один новый миг в общении с сыном. Прости, малыш, исправила мама. Соску поменяла. Молочко теперь идет хорошо. Он доволен, кушает с аппетитом. Эй! Почему есть перестал? Смотрит на меня внимательно. И... неожиданно усмехнулся, мол, что, досталось на орехи? Я опешила! А сын тут же снова за работу: сосет молоко с удвоенным аппетитом. Рассказываю Олегу, он смеется: «Это он тебя учит быть внимательной к нему...»

Открытия в поведении первенца часто заставляли меня врасплох. Еще вчера малыш не мог сам садиться, а сегодня, едва вошла в комнату, вижу — сидит в коляске! Восторг сменился тревогой. Сын оказался очень шустрым. Нет бы посидеть и повозиться со своими разноцветными игрушками. Не тут-то было! Уже через неделю — новое открытие: в коляске одного оставлять уже нельзя! Очень ему хочется заглянуть за бортик. На миг отвернулась, а он чуть не вывалился! Ужасно испугалась. Олег «провел опрос» среди своих коллег, нет ли у кого ненужного манежа. Нам повезло. Раздобыли! Набросала туда игрушек, подушек и посадила малыша...

...Еще одно состояние женщины из времени начала материнства — невозможность оторвать взгляд от занятого игрой малыша. Дома я чаще всего была одна. Наслаждалась этим одиночеством и радостью общения с сыном. Про себя даже мечтала, чтобы никто мне не помешал. Это я-то? Сидеть в

...Он сказал мне однажды: «Материнство разбудило твою женственность. Ты расцвела! Исчезла угловатость и напряженность в движениях. Красота во всем...»

Как же я изменилась! Кажется, что на меня смотрит другая женщина, хотя улыбается она моей улыбкой ...

четырёх стенах было для меня каторгой! Значит, меняюсь...

Обратила внимание, что все свои радости и настроения, которые малыш во мне вызывает, я больше держу в себе. Переживания радостных минут или тревог за сына можно увидеть только на моем лице.

Соседка, женщина на год-два старше меня, родила девочку месяцем раньше, чем я. Иногда заходит ко мне поболтать, когда ее дочка спит. Сидит, играет с моим Алюней. Разговаривает с ним, что-то напевает, прихлопывает ладонями и говорит бесконечное количество ласковых слов. Разговаривает с ним «в голос», громко произнося каждое слово. Малыш улыбается, доволен. Она тут же обращается ко мне, о чем-то спрашивает, что-то советует. Заметила, что Алька, которого она положила в коляску, быстро-быстро засучил ножками, закапризничал. «Ишь ты, — сказала с удивлением соседка, — понравилась я твоему сыну. Видишь, как требовательно разговаривает, мол, куда ж ты уходишь, возьми-ка меня еще разочек на ручки!»

Я об этом рассказала Олегу. Он улыбнулся, подошел к кровати, где мирно посапывал наш первенец, и сказал задумчиво: «Как ни крути, а воспитание давно уже началось. И не только ты его, но и он тебя воспитывает. Ему понравилось, что с ним повозились. Кучу ласковых слов услышал, женский нежный голос его слух «усладил». Мужичок наш удовольствие получил, а кто же от удовольствия откажется? Придется это тебе учесть...» Вздыхнул, обнял меня и продолжил: «Сегодня ты с ним... С одним... Он каждый день тебя видит, слышит, чувствует. Конечно, привыкает к тебе. Ты для него почти ... Ну как сказать... «облако в платье» — красивое, мягкое, нежное, теплое». Я рассмеялась. Вижу, спящий сын неожиданно улыбнулся во сне. Что там ему приснилось? Олег помолчал немного и добавил: «Теперь ему женский голос нужен. Ясный, громкий. Песенки придется петь, Танюша!»

С песенками у меня как раз-таки и не получалось! И хотя муж мне говорил, что голос у меня звучный и эмоциональна я для детских песенок, — ничего путного не выходило. Но я нашла выход. Купила проигрыватель, много пластинок детских, и стал наш сын слушать эти песенки в исполнении настоящих артистов или самих детей.

По-моему, слушать ему нравилось. Правда, не все. Какие-то песенки ему явно были по вкусу, а какие-то не очень. Про таракана, что за печкой жил, слушал хорошо, внимательно, что-то даже агукал, «подпевал», наверное. А вот «В лесу родилась елочка» терпеть не мог. Как за-слышит — сразу в слезы. Это неожиданное открытие папу развеселило: «Понимает, что «под самый корешок» срежут елочку. Жалко стало ее!»

В это же время Олег где-то прочитал, что детям полезно слушать классическую музыку. Подобрал пластинки. Не так чтобы специально экспериментировать собрался, а захотелось ему попробовать. Оказалось, что Сен-Санса и Моцарта Алька слушает с явным удовольствием. Как по-

ставишь ему скрипичный концерт Моцарта, моментально успокаивается и слушает. Ну что за ребенок! Если болеет или устал, капризничает перед сном, поставлю ему «Рондо каприччиозо» Сен-Санса — моментально успокаивается. Главное — не перебрать. По опыту знала, «переслушает» — начинает плакать. Наверняка устает от «музыкальных эмоций». Но когда музыка звучит едва заметным постоянным фоном, малыш ее не замечает, но все равно «пропитывается» ею. Вот только пластинки менять приходится часто. Это уж потом, спустя пять или шесть лет, когда мы купили большой магнитофон, у нас в доме незаметной, нетребовательной «гостьей» постоянно жила классическая музыка, помогая и нам, и детям чувствовать себя парящими над своими заботами и хлопотами. Но включали мы ее все реже и реже, потому что домой мы приходили уже к вечеру кто откуда: из школы, садика, с работы... Но это потом, а пока мы с Олегом размышляли, окуная нашего первенца в музыкальную «нирвану»!

Мне хотелось, чтобы сын стал пианистом. Я сама училась в музыкальной школе, но все позабыла, хотя любовь к музыке во мне жила всегда. Муж тоже мог часами слушать классику. Чайковский, Моцарт, Бетховен... Особенно Олег любил скрипичные концерты и виртуозные этюды Паганини. «А что, — сказала я как-то, — почему бы Альке не стать музыкантом? В наследство что-то получил и от тебя, и от меня...» Олег мечтательно смотрел на малыша, который в это время быстро-быстро двигал ножками, словно на велосипеде катался, и агукал сам себе что-то...

...Однажды, в первые месяцы Алькиной жизни, я услышала от Олега: «...Родители обязаны все свои знания и навыки передавать детям. То есть учить их тому же, что умеют сами! Это аксиома. Ты обязана учить Альку английскому языку, потому что хорошо его знаешь!»

Я оторопела! Малыш только-только родился, у меня масса хлопот и проблем, которые я должна решать в первую очередь. Мне искренне казалось, что обучение английскому младенца — полная нелепость и Олег «перегибает палку». Но я плохо знала своего мужа.

Однажды порог нашей арендованной квартиры переступили двое мужчин. Один из них — мой супруг, другой — незнакомец с бархатными карими глазами и короткой бородкой. Это был очередной «сюр-приз» Олега.

И тут я слышу: «Good morning, Tanya! How are you? My name is Arthur». Я оторопела. Вижу протянутую руку гостя, заговорившего с порога со мной по-английски, понимаю, что он говорит, но разум, за-программированный на русский язык, отказывается быстро реагировать.

Олег молчит, как, впрочем, и Артур, весело прищурившийся и готовый рассмеяться. Они наверняка накануне о чем-то договорились, и я сейчас была «жертвой» их заговора. Олег все-таки не выдержал — раскатисто и вкусно расхохотался. Артур был более сдержан и мягко улыбнулся...

Оказалось, что Олег попал в институт иностранных языков, выполняя просьбу одного из своих приятелей, работавших на часовом заводе. Уж не припомню точно, что это была за просьба, но, проходя по учебным коридорам института, муж наткнулся на стенгазету. Полюбопытствовал, подошел и начал читать. В одной заметке, к которой прилагалась фотография Артура П., которого в ту минуту Олег, конечно же, не знал, было написано о том, как один из преподавателей этого вуза уже пять лет успешно проводит эксперимент по обучению двоих своих детей иностранным языкам.

Артур П. знал английский, испанский и французский языки, а его жена Адель — итальянский и шведский. И вот супруги решили, что рождение ребенка обязывает их разговаривать с ним на всех языках, которые они знали. Переполох среди родни поднялся нешуточный! «Ребенок сойдет с ума! Девочка свихнется!» — кричали родственники, а некоторые психологи «приговорили» ребенка Артура и Адель к «лингвистической смерти». По их «теории» получалось, что девочка, слыша шесть(!) языков, так и не сможет научиться говорить ни на одном и на всю жизнь останется «безъязыкой»!

Когда мы познакомились с Артуром, старшей его девочке было уже пять лет и она болтала совершенно свободно на семи языках! «Конечно, — мягко улыбаясь, рассказывал счастливый папа ребенка-полиглота, — каждый язык потребует в будущем тщательной культурной лингвистической шлифовки, когда надо будет научить не только говорить, но и читать, писать...»

Все проходило удивительно просто. Неделью папа или мама разговаривали с девочкой на одном языке, например на английском. Пели песенки, рассказывали сказки, произносили отдельные слова. Со стороны могло показаться странным, как Артур разговаривал с еще совсем крохотной Галочкой, так звали его дочку, например, на испанском в то время, как малышка спала или пила молочко. После недели испанского языка наступала неделя итальянского. Тут уж к делу приступала Адель. И то же самое: каждую минуту общения с дочерью она говорила, пела и приговаривала ласково только на итальянском.

Привилегия говорить на русском предоставлялась бабушке с дедушкой, которые оставались с внучкой каждый день почти на пять часов, пока родители были в институте.

Шли годы, родители не спешили рассказывать о своем эксперименте, и многие о нем просто не знали. Сенсацией стало, когда через пять лет Галочка с родителями пришла в институт. Они поочередно представляли ее преподавателям и студентам-старшекурсникам на разных языковых факультетах. Девочка свободно разговаривала на английском, итальянском, испанском, французском. Специалистов шведского языка не нашлось, но однажды вся семья поехала на отдых в Карловы Вары и там-то их Галочка показала, что она свободно может объясниться с настоящим шведом, который отдыхал там.

Успех был полным! А когда у Адели и Артура родился сын, супруги решили продолжить свой эксперимент.

Олег с восторгом смотрел на Артура, когда тот начал меня «вдохновлять». Мы перешли на английский, и мой собеседник с похвалой отозвался о моем произношении. Но я, честно говоря, не придавала его комплиментам особого значения. Говорить мне было трудно, сказывалось отсутствие разговорного навыка, и я довольно быстро устала от нашего англоязычного «собеседования».

Гость ушел, оставив в моей душе смешанное чувство зависти и неуверенности в себе. Олег настаивал на переходе на английский при общении с Алюней, и примерно месяц я очень старалась! В доме, конечно, тут же появились детские книжки на английском, записи текстов английских песенок с нотами, две или три пластинки с песенками из американских мультфильмов. Все это передали Артур и Адель, желая подбодрить меня на пороге нашего «языкового эксперимента».

Трудно сказать, почему я оставила эту затею. Скорее всего, в то время я не была готова к чему-то «особому» в своей роли матери и жены. Надо было научиться простым и обыденным вещам, без которых немислима семейная жизнь. К тому же я действительно считала, что если уж говорить с Алюней на английском, то делать это нужно старательно и правильно, а то сын усвоит мой английский с ошибками. Совершенствовать же свой английский в то время, когда еще не были сданы экзамены и зачеты почти за три курса университета, не было времени и сил. Материнство меня пропитало насквозь, я была счастлива и... безумно уставала от всего, что на меня нахлынуло!

Олег, слушая мои хоть и вялые, но все же аргументы и тревоги, вскоре перестал настаивать. Так завершился мой не начавшийся толком «лингвистический эксперимент».

...Проза жизни, даже когда у тебя «преlestная кукла» — сын, неприятна! Она диктует свои правила. Например, сон твоего ребенка дан тебе не для отдыха и мечтаний у его кровати, а для той работы, которую тебе подбрасывает твоя семейная жизнь! Если ребенок не спит, а спокойно лежит, это время для ожидающих тебя дел, в том числе и семейных забот. И если ты их отодвигаешь, усевшись у коляски или кровати сына, играя с ним, оказывается, не только малыш к этому быстро привыкает, но и ты, его мама. Однако семейные заботы рано или поздно тебя «догонят». Тогда уж тебе придется понервничать, а с малышом ты начнешь вести себя совсем по-другому. Как? Всем мамам это известно, чего ж повторять! А сын это очень хорошо чувствует.

...Стираю пеленки, на плите кастрюля с борщом. Запоздала и с уборкой комнаты. Причина все та же: заигралась с сыном, размечталась. А

тут подружки пришли, сидели, забавлялись с Алькой, который с явным удовольствием, переходя из рук в руки, улыбался, агукал и пускал пузыри. Через полчаса-час придет муж, а мне нечем его покормить! Сына надо быстренько одеть, взять в охапку и — в магазин. Потом уговорить его не плакать и не проситься к маме на ручки, а полежать тихонечко, чтобы мама приготовила папе ужин, да и сама с ним за компанию присела поесть и словом обмолвиться...

Сейчас сын лежит в коляске, перебирает ручонками цветные «цапки», гулит, лопочет что-то свое. Но вот закапризничал. Прибегаю из ванной, где стирала пеленки, уже привычно (первым делом!) — ладонь под попку... Мокрый! Несу его на тахту, разворачиваю, пеленую. Делать это уже научилась хорошо и быстро. Но что-то в моих движениях сыну не нравится. То ли слишком быстро его переворачиваю, то ли заворачиваю туго, резкими движениями. Обиделся ужасно, расплакался всерьез. Рев на весь дом!

Обняла мою «живую куклу» и, как говорит муж, «приголубила». Все равно плачет! Взяла на руки, походила с ним по комнате, уговариваю не плакать, успокоиться. Уговорила... А сама подумала: ну кроха же совсем еще! Что я такого ему сделала? За что обиделся на маму? Оказывается, мое беспокойство, а может, и нервное отношение к нему сын хорошо чувствует. Ощущает, что пеленую его в спешке, без уже привычных и приятных для него ласковых слов. Это его и расстроило! Он хочет нежности и в моих прикосновениях, и во взгляде, и в голосе. Но дать-то все это я сию минуту не могу! Занята по макушку. Но ему на это, как говорится...

Пришлось привыкать быть с малышом всегда и разговорчивой, и нежной, и ласковой, и терпеливой. Ох, как же трудно «отношения» строить с малышом! Ребенок — настолько чувствительный «прибор», что улавливает мое настроение, даже когда я и сама-то еще не поняла, весела ли, озабочена неотложными делами, о чем-то задумалась! Быт требует свое, ребенок — свое. Хотя он — часть этого быта, потому что постоянно нуждается в моем уходе...

...Муж хотел Альку закаливать чуть ли не с пеленок. Он много читал о раннем закаливании и горел желанием добиться, чтобы сын никогда не болел, рос выносливым и крепким. В печати замелькали статьи о легендарной семье Никитиных, о их опыте закаливания детей, которых в этой семье было, кажется, шестеро! Я была с мужем согласна. Какой матери не хочется иметь здоровенького малыша? Но что для этого надо делать? Слушаю мужа: «...держат развернутым несколько минут, протирают по утрам влажной ваткой и давать немного тельцу просохнуть...» Да мало ли способов? Муж начитан, хорошо подготовлен, многое знает и умеет. И все же закаливание малютки, скажу я вам, занятие не для слабонервных матерей!

Малышу неприятно, он чувствует дискомфорт, покряхтывает, ино-гда

всплакнет. Мне трудно на это даже смотреть, не то что следовать советам Олега и проделывать самой, когда по утрам он убегает на работу. А тут еще моя мать прознала про эти «эксперименты». Начала возмущаться, пугать «последствиями». Я по натуре человек решительный и готова была сопротивляться, но это так непросто! Наслушаешься от матери-врача «страшилок» и невольно задумаешься: а стоит ли, в самом-то деле, «ребенка мучить»?

Смотрю по телевизору, как закаливают малыша. Лежит голенький, животиком на ладони доктора, и не где-нибудь, а на морозе, во дворе! Доктор берет свежий снег и протирает малышу спинку, головку, затем переворачивает и то же самое проделывает с грудкой, ножками. Малыш молчит, покряхтывает! Мать в этот момент пришла к нам поиграть с Алькой. «Посмотри», — говорю ей. В сердцах выключает телевизор: «Глупости все это!»

Мне уже 22-й год, матери — пятьдесят с «хвостиком». За плечами — опыт медика, да еще какой! Знаю, что она не только хороший хирург, но и диагност. Как отбросишь такой опыт? Олегу — 31. У него уже растет пятилетний сын. Правда, когда его первенец родился, не было у него знаний и отцовского опыта, настолько проверенного, чтобы это сказалось на здоровье Ильи. Но, когда родился Алька, папа был настроен решительно: сына закалить, избавить от болезней! Есть уже знания, рекомендации педиатров...

Ужасно тяжело было разрываться между верой в мужа и страхами за ребенка. Конечно, мне тоже хочется, чтоб сын сызмальства «не знал соплей», «сорока одежек», всяких градусников и «капель датского короля». Какое решение принять? Как сделать, чтобы твой ребенок не чувствовал этот клубок решительных и противостоящих друг другу желаний папы Олега, тещи-врача и жены-мамы, дрожащей от страха за своего ребенка.

И на этот раз Олег пошел на компромисс. Однажды он сказал просто и тихо: «Я не один. Это я понимаю. Тебе надо убедиться в том, что ребенок, если его не закаливать, проболует все детство. Я настаивать не могу. Если бы я сидел с ребенком и только с ребенком, может быть, я сам бы все и делал, отодвинув в сторону тебя и твою консервативную мать. Но...»

Мы оба были правы. Странно, правда? Но я была права, потому что методики закаливания не знала, опыта материнства у меня — никакого. К тому же я «бояка» ужасная, когда речь заходит о моем ребенке. Наверняка все это можно было преодолеть, быть решительной, ничего не бояться. Другие же матери умеют! Но... Нет, я не такая. И стал наш Аленька расти, «как все».

Бабушка была счастлива, что мы уступили ее настойчивости. Да и я обрела спокойствие, страхи исчезли. Олег миролюбиво занял позицию невмешательства. И теперь, забегая вперед, скажу: из всех детей Аленька болел и чаще, и тяжелее. Побывал даже в больнице с двусторонним воспалением легких. Перенес инфекционные детские болезни гораздо тяжелее, чем Игорь и Ярик, которые прошли папину школу закаливания.

Правда, когда Аленька подрос, папа взялся за него всерьез. Отправил в секцию гимнастики, каждое утро во дворе делал с ним зарядку. По ночам мальчик спал, в любую погоду, с открытой форточкой или даже с приоткрытой балконной дверью. Но то было уже от шести до нынешних его лет...

То, что бабушка была врачом и решительно вмешивалась, едва обнаруживались какие-то неприятности со здоровьем внуков, хорошо лишь на первый взгляд. Да, были лекарства, консультации хороших докторов, очень внимательный уход в больницах, если наш ребенок туда попадал. Поэтому, воспитывая своего первенца, я так и не научилась еще одному началу материнства: видеть в организме малыша те ресурсы здоровья, которые с самых первых недель после рождения ребенка надо умело «вводить в оборот».

...Навыки материнства особенно трудно давались мне на «первом курсе», то есть первый год. Но самыми сложными оказались первые три месяца «родительских университетов». Затем постепенно все устроилось, и уже остальных детей я растила без особых хлопот и страхов. К рождению Игоря и Альки подрос. Подрос совсем чуть-чуть, а меня, свою маму, уже учил уму-разуму! При кормлении Игоря мой старший постоянно трогал то место малыша, где была его попка. «Смотрю, не описался ли», — деловито сообщал он мне с озабоченным видом. Когда я кормила Ярослава, Алька, в то время уже большой, шутка ли, почти три с половиной года, опускал свой указательный пальчик в кашу и удовлетворенно говорил: «Можешь кормить — не горячая...»

Я знаю, что мои материнские «университеты» наверняка растянутся на годы. Дети-то всегда дети, даже если у них уже усы пробиваются...

Не мое... мое *милое чадо!* ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Моему первенцу был уже год, когда мой муж затосковал по старшему сыну. Все чаще темы наших разговоров касались Ильи. Я мысленно готовила себя к тому, что рано или поздно мне придется познакомиться с мальчиком. Уже в первые недели нашего общения Олег рассказывал о сыне, и я видела: ему очень больно, что жена после развода, обидевшись, не писала, не присылала фотографий... Потом настали наши «трудные дни», и я уже не могла видеть, знать, только догадывалась, как переживает он разлуку с сыном...

Когда Алька уже начал уверенно топать и почти заговорил, у меня и возникла мысль, что сын Олега может приехать к нам недельки на две. Позже все будет сложнее, предстояли экзамены в университете, дипломная работа... На том мы и порешили. «Стучать» в Саратов о браке Олега и настраивать Лену против общения отца с сыном, слава Богу, было некому.

Пока Олег ничего не писал Лене обо мне и старался поддерживать с ней хорошие отношения. Иногда получал от нее письма и в них искал строчки об Илье. Правда, сообщения были очень скудными.

Ревность, убеждал меня Олег, опасна тем, что может привести к долгому отчуждению матери Ильи. А вот если Лена разрешит сыну приехать, то потом, уже после его возвращения в Саратов, можно все рассказать и надеяться на прощение ею этого в общем-то бесхитростного и вынужденного обмана. Или можно сделать по-другому: привезти Илью, а дня через два написать Лене покаянное письмо, а там... видно будет.

Олег позвонил Лене и попросил разрешить ему привезти сына в Минск недельки на две. Неожиданно она согласилась не раздумывая. В двух словах он объяснил, что живет в однокомнатной квартире со всеми удобствами, что в общем-то было правдой. Да и Лена больше ничем не интересовалась, даже ничего уточнять не стала. Тут же договорились, что Олег завтра полетит за сыном в Саратов. Не веря ушам своим, Олег побежал в билетные кассы, благо были они с нами по соседству. Вечером сел в самолет, и уже дня через два порог нашего дома переступили папа и его пятилетний мальчуган.

Вынужденное лукавство с Леной Олега очень смущало. Прилетев домой, он несколько раз брался за покаянное письмо и все откладывал. Грустная ситуация. Но выбирать не приходилось...

Познакомиться с Леной мне захотелось, чтобы постараться найти с бывшей женой Олега общий язык и помочь мужу «навести мосты». Все-таки она прожила с ним почти семь лет! Может быть, это выглядело с моей

стороны наивно, но Олег утверждал, что Лена была женщиной умной, образованной...

Как я буду привыкать к ребенку, которого никогда не видела, и как он ко мне отнесется, я старалась не думать. Верила в свою интуицию. Главным для меня было право малыша видеть отца. Однако я не ожидала, что мое желание дать возможность папе общаться с сыном от первого брака многие мои приятели и знакомые, кому я верила и кого уважала, не поддерживали...

Однажды, когда мы с Олегом еще жили на квартире у Марины, я разговорилась с ней как с близким человеком, доверявшим мне свои личные тайны. Марина не намного меня старше, но ее практицизм, деловая хватка, таланты и жены, и хозяйки дома, и матери меня восхищали. Замужем она была пятый год, и ее муж Юрий души в ней не чаял. Кстати, он, как и его жена, в хозяйственных и бытовых делах был умельцем.

Была я тогда в декретном отпуске, Олег работал. Маринка немного прихварывала, простудилась, но пришла ко мне в гости, и времени на разговоры у нас оказалось предостаточно. К новой своей роли жены и будущей матери я только привыкала, так что думать мне приходилось о разном. Я ничего от Маринки не скрывала, к тому же мне еще до рождения первенца очень хотелось во внутреннем своем мире разложить все по полочкам.

Узнав от меня о переписке Олега с его бывшей женой, Марина спросила, как я отношусь к этому и что буду делать, если Олег захочет увидеться со своим сыном. Я ответила, что переписка эта меня не смущает, а ребенок должен встречаться с отцом. «По-моему, — сказала я, — это естественно, когда отец хочет видеть сына».

Марина удивленно на меня взглянула:

— Ты это серьезно?

— Да, конечно! Я как думаю, так и говорю.

— Нет, я бы так не смогла... Он твой муж, — Марина решительно ткнула в меня пальцем, — а пишет письма другой женщине.

— Но эта женщина — мать его сына! Как я могу запретить? Да и зачем?

— Это чужая для тебя женщина, понимаешь? Другая, чужая! Он твой муж, — снова Марина сделала ударение, — твой — может захотеть туда поехать и...

Марина умолкла, а я не стала уточнять, что означает это ее «и...». Однако подруга не успокоилась и продолжила:

— Ну, а ребенок? Ты что, готова его воспитывать?

— Почему воспитывать, — искренне удивилась я. — Он живет со своей мамой в Саратове. Если будет приезжать — хорошо! Тогда будет у него брат или сестра, смотря кто у нас родится...

— Погоди, погоди! — негодуя запротестовала Марина. — Ты что же, будешь разрешать этому пацану все время приезжать сюда?

— Какому пацану, — рассмеялась я, — этому крохе всего-то пять лет!

— Кроха, кроха! Это же чужой, не твой ребенок, понимаешь? Ты, ей-богу, блаженная какая-то, Танька. Твой мужик переписывается с бывшей женой, а ты терпишь. Теперь он ребенка будет сюда возить, ездить за ним туда-сюда, а ты и это будешь терпеть? Ну и дела! Нет! Я бы так не смогла, это уж точно! — решительно заключила Марина, разглядывая меня с каким-то особым интересом.

Наверное, есть какая-то житейская философия в такой позиции Марины... Но какая? В чем ее суть, я до сих пор не понимаю. Со слов мужа я знала сотни подробностей его прошлой несложившейся семейной жизни. О ней он рассказывал, как на исповеди, будто хотел избавиться от груза пережитого, наивно полагая, что этими откровениями можно смягчить тягостные воспоминания. Эти подробности, доверенные мне, и трогали меня, и тревожили, заставляли надолго умолкать, задумываться и... сочувствовать им обоим — ему и его бывшей жене. Мне казалось, что эту женщину я узнала бы из сотен, настолько реально и убедительно изображал ее человек, гневно и горько казнивший себя за необдуманную женитьбу.

Олег читал мне свои письма к Лене перед тем, как отправить. Нередко знала я и содержание ее писем к моему мужу. То были простые, естественные, обычные письма двух людей, которых связывали пусть не очень счастливые, но прожитые бок о бок годы и родной для них сын.

Нашлось немало людей, которые были близки мне, например, моя мать или те, кого я едва знала, кто, как и Марина, предостерегали меня. Я чувствовала в этом хоре предупреждений какую-то пока неведомую мне истину, которую люди, разумеется, из «добрых побуждений», пытались мне внушить. Но как они ни старались, я их не понимала.

Что же это за истина? Мой муж уйдет к своей первой жене? Ребенок, который уже всю топают по комнате, и второй, который скоро у меня родится, как-то пострадают от мальчика, живущего на белом свете пять, шесть, семь лет?

Я, например, исповедую хорошо понятную мне истину: если уж человек настроен обмануть, он обманет! И не спасут ни высокие заборы, ни заламывание рук, ни «колючая проволока» подозрений и бдительности.

Если же ты живешь с человеком, разделяя с ним любовь, как хлеб в голодуху, по крошке, как поток воды в жару, верь ему во всем! И в том, что довелось увидеть, и в том, что увидеть не было дано. Может быть, меня и можно назвать наивной, но я действительно не догадывалась, как может обмануть меня муж, если он встречается с сыном и переписывается с его матерью.

...Кажется, на второй или третий день гостевания пятилетнего сына у нас сел Олег за письмо Лене. Написал... бросил в почтовый ящик, и, пока

письмо достигло волжского города, а Лена осознавала правду бывшего мужа о его «грехе», наша жизнь с маленьким гостем шла своим чередом...

Илья — смуглолицый, кареглазый мальчишка с короткой челкой и неуклюжей походкой — жил в нашей комнате, играл с новым, незнакомым для него братиком Алюней, весело бегал во дворе, аппетитно ел мороженое...

Он спал на раскладушке, свернувшись калачиком, смешно рассказывал истории, приключившиеся с ним в его саратовском детском садике, лепил из пластилина, рисовал смешные картинки, вспоминал, как с папой лихо съезжал на санках зимой с высокой горы, прямо к Волге, храбро касался ладошками боков чашки с горячим чаем, совсем как папа, который любил греть руки, обхватив пальцами ее широкие края...

Когда папа уходил на работу, Илья оставался со мной на целый день, рядом с Алюней, и я почти сразу забывала, что ребенок этот не мой, что у него другая мама и она сейчас далеко-далеко отсюда.

Стал он для меня «чадушкой», и я искренне полюбила этого славного малыша. Потом, спустя годы, я уже привычно ждала его приезда, а он знакомился и привыкал к родившимся новым братьям: Игорю и Ярославу. Не могу сказать, что все было безоблачно в доме, который с приездом Ильи стал «домом его папы». Не раз мое сердце сжималось от боли и даже страха.

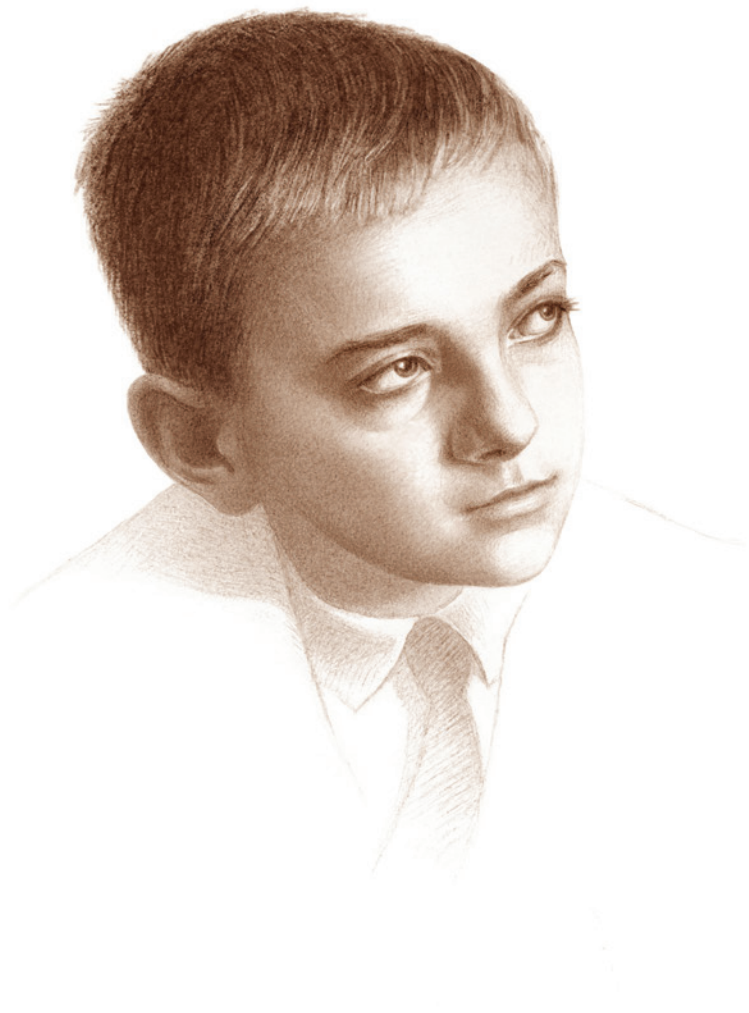
Когда Илья приехал к нам впервые, мы жили в доме на улице Волгоградской на втором этаже, в однокомнатной квартире с крохотной кухней, санузелом и довольно просторной гостиной. У хозяев, сдавших нам квартиру, «лишней» мебели не было, а мы ничего не покупали.

И вот шустрый, крикливый, смешной пацанчик стал наводить у нас свои порядки. На правах дорогого гостя он пользовался «льготами». То есть мы с Олегом старались не слишком его контролировать или делали это очень незаметно.

Но однажды произошел случай, заставивший меня ужаснуться, потому что шалости черноглазого малыша стали грозить здоровью и, как мне тогда показалось, даже... жизни Алюни.

В один из дней, уже после ухода Олега на работу, я обнаружила, что в доме нет хлеба. Магазин был в двух шагах от дома. Надеюсь, что два моих малыша просто не успеют набедакурить, я не мешкая побежала туда. Я думала, что мне удалось убедить Илью в том, что он «командир» и «ответственный старший брат». Малыш согласно кивал моим словам. Я не сомневалась, что он справится с «военным заданием» — внимательно смотреть за Алюней, пока я не вернусь из магазина.

Возвращаюсь минут через десять-пятнадцать. Поднимаюсь на свой этаж, и... Сердце чуть не разорвалось от картины, которую я увидела. На лестничной площадке, прямо у порога квартиры, стоит босой Алька. В одной руке у него — шило, причем держал он его острием к себе, а в другой — кусок

Илья - смуглолицый, кареглазый мальчишка с короткой челкой и неуклюжей походкой - жил в нашей комнате, играл с годовалым Алюней, весело бегал во дворе, аппетитно ел мороженое...

стекла, по форме напоминающий штык! В это время Илья на балконе запускал воздушного змея и был поглощен этим занятием.

...Илья простодушно признался, что, случайно разбив окно в балконной двери, не стал убирать осколки, а дал Алюне шило и кусок стекла, чтобы «...он не мешал мне запускать воздушного змея».

Признание «чадушки» меня просто убило! Конечно, испуг не может быть союзником здравых размышлений о случившемся. Прокручивая варианты возможных последствий, я представляла только самые печальные для моего малыша.

Когда Олег пришел с работы, скрывать я не стала и очень эмоционально рассказала обо всем случившемся.

Он сразу и решительно отмел намеренные, а тем более агрессивные мотивы поведения Ильи. На его взгляд, все было гораздо проще: детская глупость, недомыслие, явная неосторожность... Досталось и мне. «Тебе не следовало оставлять двух малышек даже на минуту!»

Только теперь, когда у меня трое детей, двое из которых уже прошли шестилетний рубеж, понимаю, как прав был Олег! Но тогда...

Скажу откровенно: не одна я попала в плен нелепой версии о «намеренном враждебном поведении» пятилетнего мальчика, сына расставшихся друг с другом родителей.

Не удержавшись, рассказала Марине о напугавшем меня случае. Хотя я и знала о явном предубеждении моей подруги к Илье, мне и в голову не пришло, что она поделится со своей соседкой. И случается же такое, та оказалась хорошей знакомой моей матери! День спустя пришлось мне почувствовать себя провинившейся школьницей перед своими не на шутку рассерженными родителями.

Они уверенно заявили, что в этом факте есть «умысел», имея в виду, конечно, Илью, что с «визитами» пора кончать, что мое благодушие рано или поздно может привести к «трагедии». Мама была убеждена: налицо факт «ревности» и «тайного науськивания» матерью Ильи сына на малолетнего брата!

То, что все эти «версии» были откровенным бредом предубежденных, а то и просто враждебно настроенных к Олегу людей, я не сомневалась. А в такой ситуации, как известно, каждое лыко — в строку.

И все же в тот момент, когда страх от увиденного немного рассеялся, я пыталась понять: неужели, как я считала, уже пятилетнему (!) мальчику было трудно понять явную опасность для малыша таких предметов, как кусок стекла с острым концом и шило? А тут, буквально в тот же злополучный день, мне на глаза попала заметка в какой-то газете, где автор с гордостью пишет, как пятилетний мальчик спас своих маленьких сестренок из горящего дома!

Может быть, я слишком строго сужу других, но я никогда не стремилась выгородить себя. Мне действительно было невдомек в мои годы и с моим мизерным опытом материнства, что мальчик, который на следующий год уже пойдет в подготовительный класс, не может понять опасность, которой он подверг своего маленького братика. Это уж потом «задним умом» я стала кое-что понимать. Наверняка невозможно было Илье, жившему под опекой двух безгранично любящих его женщин, мамы и бабушки, суметь увидеть в неуклюжем карапузе по имени Алик родного человечка. Время еще не пришло, чтобы он уже увидел в нем младшего своего братика! Да и недоступно было пацанчику понять, что надо за ним приглядывать, заботиться, чтобы малютка чем-нибудь не навредил себе.

Олег как-то сказал мне: «Илья твой страх за случившееся с Алькой наверняка увидел. Может быть, даже понял, что виноват. Но в его мизерном опыте старшего по возрасту мальчугана эта вина, скорее всего, просто испарилась через секунду. Он сам еще малыш и нуждается в опеке. Твой же опыт матери, я уверен, станет после этого случая разумнее! Вот что главное!»

Помню, снова глаза мои оказались на «мокром месте». Пробормотала в ответ: «Боже мой! Какая же я была дура! И как я могла так поступить? Взрослая тетка, а ума — на копейку!» Олег обнял меня и сказал тихо и спокойно: «Дети убедили тебя, что ты плохо знаешь их способности набедокурить! Подсознательно ты чуяла, что оставлять их одних было опасно! Иначе ты не торопилась бы вернуться домой быстрее... Они преподнесли тебе хороший урок. Придется хорошенько запомнить, что избалованный мамой и бабушкой мальчуган — ненадежный помощник.

И все-таки отношения братьев — мальчишек, имеющих одного отца и разных матерей, — мне со временем представлялись оптимистично. Картины я рисовала радужные: взрослеют, встречаются братья, хлеб-соль делят за одним столом. Конечно, надо иметь в виду законы возраста, когда детей неудержимо тянет действовать по-своему. В период, названный розовым словом «детство», родителям ничего не остается, как быть бдительными, пытаться предвидеть проблемы, которые могут возникнуть в стихии шалостей. Я не знаю, что меня ждет, когда мои сыновья вступят в пору отрочества, а тем более юности, но сейчас мне кажется, что и тогда «бдительность» и «проблемы» не оставят меня ни на минуту!

Хорошо, что мой родительский опыт, тоже, наверное, «сын ошибок трудных», уже прорастает через мои тревоги и растерянность, пусть даже под аккомпанемент моих гневных тирад и... всхлипываний от пережитых страхов.

...Помню следующий приезд Ильи, года через два. Мы летом отдыхали в деревне, где сняли большой дом. Альке было уже два с половиной года, Игореше — девять месяцев. Стояло теплое лето. К дому примыкал сад.

Яблоки в саду были еще зелеными, но мальчишеский «пиратский» порыв заставил Илью искать дерево с удобно расположенными ветками, чтобы пожить. В это время Олег был на реке, а я кормила Алюню. В саду в огромной корзине спал Игорек.

Я была уверена, что Илья пошел с папой на речку удить рыбу, а он, оказывается, захотел яблоки посшибать. Вдруг слышу отчаянный крик. Как оказалось, то был голос Маши — внучки нашей хозяйки, девушки лет семнадцати-восемнадцати.

Прибегаю на ее крик. Вижу, стоит она перед корзиной, в которой, укрытый простышкой, лежит Игорек. Рядом с корзиной присел смуглолицый от раннего загара Илья. Голову понурил, поглядывает искоса на проснувшегося Игоря. Тот, сонный, беззаботно улыбается. В сантиметре от головы малыша, на самом краю корзины, — толстая, коротко обрубленная палка. «Как она туда попала?» — недоумеваю я, еще не успев испугаться. Слушаю взволнованную Машу и постепенно ощущаю, как по спине начинают бегать противные холодные мурашки. «Я вижу, как он кинул эту палку вон туда, высоко...» — показывает девушка рукой в сторону ветвей, под которыми стояла корзина со спящим малышом. Илья... Ему было уже почти восемь лет. ...Явно осознавший, что едва не покалечил братика, хнычет: «Я не видел его... Я не знал, что он тут лежит... Я не нарочно...»

Игорешка продолжает безмятежно улыбаться, сладко потягиваясь со сна... Еще один урок мне! Да, Илья заметно подрос, он уже учится в школе, но... оказывается, и теперь опасно переоценивать самоконтроль мальчугана.

Позже, лет через пять, я сама столкнусь с таким же явлением уже у моего старшего сына Альки, который был в таком же, как и его старший брат, возрасте! Сейчас я стою, смотрю на Илью, сержусь и недоумеваю... Мальчишка слишком увлекся, хотя его, оказывается, та же Маша предупредила, чтобы не шумел, перестал метать в ветки палку, показала, где спит Игореша. Но — охота пуще неволи...

Моя мать продолжала противиться свиданиям Олега с «сыном из Саратова». Я не понимала ее, пыталась переубедить, защитить малыша от ее отчуждения. Увы! Это не удавалось.

Однажды она пришла к нам в гости и принесла Алюне игрушку и еще какой-то гостинец. Илья сидел неподалеку, и чувствовалось, что ему хочется получить то же самое! Конечно, я быстро сообразила, как сгладить неловкость ситуации. Отвлекла малыша. Но мне стало стыдно за умудренную жизненным опытом женщину, которая не сумела справиться со своими эгоистическими чувствами.

А ведь никакой особой мудрости в тот момент от нее не требовалось! Дети одинаково искренни и простодушны. Они поверят, даже если человек будет просто сдержан или замаскирует свои не самые лучшие побуждения

в фальшивую, но яркую обертку показного внимания к малышу. Ну что делать, если даже обремененному годами, жизненным опытом человеку не удастся справиться со своими древними инстинктами?

Я много говорила об этом с мамой, и, наконец, как мне кажется, она все-таки поняла, что нужно делать, чтобы ребенок, приехавший в дом отца, не чувствовал отчужденности бабушки его братьев. Правда, удалось мне это уже лет через пять. К тому времени Илья значительно подрос...

...Тогда, в свой первый приезд, пятилетний Илья ко мне быстро привык. Я сразу отменяла его обращение ко мне — «тетя». Мы с Олегом посчитали, что называть меня по имени — лучшее из немногочисленных вариантов, возможных в общении с Ильей. И Олег, и я были в этом уверены, хотя и здесь у нас нашлось немало противников. Я вовсе не чувствовала, что мой авторитет взрослой женщины или матери хоть как-то ущемлялся, когда Илья обращался ко мне по имени и на «ты». Такое «бесцеремонное» обращение тоже вызывало нарекания у моих друзей и знакомых. Они не понимали этого «панибратства», а самые опытные, те, у кого были семья и дети, горячо убеждали нас, что мы поступаем «непедагогично»!

Из опыта общения с Ильей я усвоила главное: и обращение ко мне, и мои поцелуи перед его отъездом домой, и напутственные слова мальчик запомнит, как и мое доброе к нему отношение.

Если в самом начале моих контактов с Ильей я получала удовольствие от общения с малышом, то позже, когда он стал подрастать, взрослеть, я пробовала прибавить к этому еще и мои намерения чему-то полезному его научить.

Однажды Олег предостерег меня от возможных «трудных вопросов» в разговорах с сыном. Например: «Почему папа с тобой, а не с моей мамой?» «Скоро ли Алюня приедет жить в Саратов с моей мамой?» Ответить на них было бы очень непросто... Я пыталась быть готовой и к этому. Ребенку не запретишь думать и спрашивать о том, что ему интересно.

Еще в первый приезд Ильи мы оба ждали этих вопросов, готовились к ним, пытались предвидеть, какими они будут, и даже «конструировали» ответы. Допустим, прозвучит вопрос: «Почему папа с тобой, Таня, а не с моей мамой?» Вариант нашего ответа звучал очень абстрактно. Хотя мы пытались ухватиться за идею доступности для ребенка обыденных человеческих отношений, в которых существуют такие понятия, как «ссора», «договорились», «не обижать друг друга». У нас получилось что-то наподобие: «Люди ссорятся и обижают друг друга. Ты тоже, наверное, часто видишь такое? Папа Олег и мама Лена тоже поссорились, а когда помирились, то договорились, что больше ссориться не будут. Но, чтобы такого никогда больше не случилось, они решили, что будут жить на расстоянии, в разных городах. Так мама Лена осталась жить в Саратове, а папа здесь, в Минске.

Чтобы маме было легче, ты решил жить с ней. А чтобы твоему папе не было тяжело жить одному в Минске, я стала ему помогать, живя вместе с ним...»

Все эти «сказочные объяснения» срабатывали, когда Илье было пять — семь лет. Уже подростком, лет в тринадцать, он однажды все-таки спросил своего отца напрямик: «Что у вас с мамой случилось?» Олег рассказывал мне: «Я ответил, что когда двое взрослых людей приходят к решению жить врозь, никто, даже их дети, не должны спрашивать о причинах такого решения. Это их личное дело! У тебя, Ильи, уже есть личная жизнь? Представь, тринадцатилетний парнишка мне тут же ответил на этот вопрос утвердительно! Я ему и сказал, что в свою личную жизнь он наверняка никого не пускает, вот и я хотел бы, чтобы в личную жизнь его мамы и в мою никто не вмешивался. Даже сын. Захочет, мама тебе сама расскажет, что и как у нас случилось. А я пока не хочу. На том наш разговор и закончился».

Не уверена в правильности тактики Олега в том разговоре с сыном на щекотливую тему, но его попытки не отворачиваться от этой проблемы, не отмахиваться от вопросов Ильи, по-моему, верны. И все же наши отношения с Ильей никогда не были безоблачными. При расставании на год, а то и на два, невольно обрывалась нить, связывавшая нас. И расстояние, и время, и... ревность его мамы — все это мешало нам всем чувствовать потребность друг в друге. Об этом я еще расскажу в других главах книги.

Я поддерживала мужа в его желании как можно дольше, активнее влиять на сына, когда он гостил у нас. Но в то же время я понимала утопичность желаний Олега убедить Лену разрешить сыну пожить у нас дольше, хотя бы год-два кряду. Я бы сама никогда не решилась расстаться со своим ребенком на полгода или год, тем более на два, как однажды Олег все-таки предложил Лене, убеждая ее, что десятилетнему мальчику уже нужны «отцовская воля и твердое воспитание». Конечно, отец лучше, чем, допустим, та же Лена или я, сумеет внушить мальчику привычки и навыки, необходимые будущему мужчине. Но...

Может быть, радость, с которой я встречала мальчика, объяснялась еще и моим сочувствием его маме? Тем, что Лена с сыном пусть не надолго, но расстанется, а я (не дай Бог!) не разлучаюсь со своими детьми. Мне знакомо это чувство, потому что у меня в этом смысле тоже был опыт: мои дети уезжали иногда на все лето к бабушке Зине и деду Боре в Краснодар, и я подолгу не видела своих детей, ужасно скучая!

Никогда не представляла себя, даже в воображении, разведенной женщиной, растящей ребенка без отца. Но мой оптимизм и уверенность в муже не мешали мне представлять другую женщину в таком положении. Я хорошо понимала, как Лена любит своего сына, пусть даже «до вредных для мальчика пределов». Увы, такая материнская любовь действительно существует. Даже я «грешу» этим. И у меня постепенно, совсем незаметно

пределы моей родительской любви могут стать «вредными» для будущей судьбы ребенка, если я потеряю способность честно смотреть на то, каким растет мой сын и что в нем может не понравиться ни мне, ни окружающим.

Скорее всего, именно посторонние первыми заметят, к чему ведет такая «беспредельная любовь» к растущему человечку. Но мы с Олегом не были сторонними наблюдателями любви матери и бабушки к Илье. Скорее всего, мы даже были ее соучастниками. И хотя наше «соучастие» было кратковременным, наши нежные чувства к мальчику «уходили» с ним в Саратов. Он приносил в свой саратовский дом тепло из нашей семьи. Во всяком случае, мое отношение к Илюше постепенно привело к нашей переписке с его мамой. Двум мамам было уже о чем писать и обмениваться впечатлениями.

И все же наши с Олегом раздумья о том, каким растет мальчик, будет ли он хорошим человеком, когда повзрослеет, оставались с нами здесь, в Минске. Мы не имели права делиться с Леной своими тревогами, возраставшими из года в год по мере взросления Ильи. Я и Олег замечали, что парнишка растет избалованным, к жизни не приспособленным, капризным и беспомощным в самых элементарных ситуациях.

...В тот памятный для меня самый первый приезд Ильи мои впечатления о нем только начинали складываться. Я не очень была в себе уверена с малышом, которого увидела впервые. Олег уходил на работу, а наше утро постепенно переплавлялось в день и вечер. Я умывала Алюню, сажала его на специальный стульчик и готовилась кормить. А Илья, уже умытый, выпрашивал у меня о планах на день. То ли мы пойдем в лес, то ли на речку, то ли в цирк. Так оно и получалось, пока папа Олег не приходил с работы. Тогда мы все вместе играли, читали малышу сказки, укладывали спать Альку, а потом и наш черноглазый гость укладывался калачиком на своей раскладушке.

Но так продолжалось всего неделю. Получив письмо от Олега, в котором он написал, почему вынужден был скрыть свой второй брак и рождение сына, Лена страшно разгневалась. Тут же села в поезд и приехала в Минск, чтобы немедленно забрать Илью в Саратов. Накануне она прислала грозную телеграмму: «Возмущена ложью тчк Еду сыном тчк Поезд будет 12 июля 11.30 тчк Жду вокзале» Я выучила текст наизусть...

Олег к этому был готов, но старался сдерживаться, хотя я видела, что не очень-то ему это удастся! Я молчала, пытаясь все свое время посвящать детям и его старшему сыну. Малыш даже не догадывался, какие громы и молнии рокоуют и сверкают над папиной головой.

...Узнав, что поезд уже прибыл в Минск, Олег отправился на вокзал, нашел Лену и ее мать, которая ее сопровождала. Долго уговаривал приехать в наш дом, переночевать. Лена категорически отвергла это предложение, и Олег вернулся ни с чем, оставив их в комнате отдыха коротать время в

ожидании утреннего поезда на Саратов.

Тогда мы с ним проговорили всю ночь. Снова и снова Олег вспоминал свою юность, брак с Леной, все тяготы, которые выпали ему в те годы... Ясно было одно: отношения с Леной после случившегося неизбежно скажутся на воспитании Илюши, на образе «отца-негодая», который «не останавливается ни перед чем» в «осуществлении своих бредовых планов».

Это я привожу реплики, услышанные Олегом на вокзале, когда он уговаривал Лену приехать к нему, пока не будет сформирован обратный поезд. Лена была страшно разочарована тем, что Олег не взял Илью на вокзал и не привел в зал ожидания. «Пусть мальчик поспит до утра. Ведь ваш поезд отправляется только утром в 6.30!» Тут-то он и услышал о себе...

И все же язык не поворачивается осуждать эту женщину за ее резкость. Наверное, каждая мать имеет право на такую реакцию по поводу трудных событий, которые случились в ее судьбе и на которые мы, женщины, откликаемся каждая по-своему.

Рано утром, с трудом разбудив Илью, привезли его на вокзал. Там я увидела двух симпатичных женщин: Лену и ее мать. Они тепло встретили Илюшу, разговаривали со мной и Олегом вполне прилично. За ночь гнев, наверное, как-то «рассосался».

Вместе мы быстро прошли к поезду. Олег накануне, за день до этих событий, купил сыну красивую пожарную машину. Она сверкала никелем, красками, и утром сонный Илька, не понимающий, зачем надо так рано вставать, куда-то идти, почему мама и бабушка приехали в Минск, получив подарок, моментально проснулся в полном восторге! И вот теперь, сидя в купе, у окна еще не тронувшегося в путь поезда, он рассматривал машину и что-то говорил, глядя на маму и бабушку, а через оконное стекло и на нас.

Я почувствовала на себе долгий, оценивающий взгляд Лены. В этом взгляде была снисходительность женщины, старшей по возрасту, но сейчас уставшей от бессонной, нервной ночи. Мне даже показалось, что сейчас она сожалела о своей горячности. Еще не избавившись от всей этой шумной, суетной, скандальной ночи, она смотрит на меня, уходя постепенно в себя, помечая, откладывая что-то в своей памяти о другой женщине, с которой сейчас, когда поезд дернется и станет отплывать от перрона, останется ее бывший муж...

...Мы вернулись домой, когда летнее утро уже решительно изгоняло с горизонта следы серой мглы. Соседка Тоня, приветливая женщина, с которой мы загодя договорились посидеть с нашим Алюней, пока мы отвезем Илью на вокзал, стояла рядом с кроваткой нашего малыша, который продолжал безмятежно спать. Доложив, что «все в порядке», она ушла, тихо притворив за собой дверь.

Была суббота. Стала сказываться бессонная ночь. Не сговариваясь, мы

быстро разделись и улеглись на свою широкую и бесстыдно скрипевшую старую тахту, которая досталась нам от хозяев квартиры.

...Я вспоминаю об этих событиях сейчас, спустя почти девять лет, и не могу не признать, что такой страсти, такой огромной, нежной, отчаянно счастливой страсти я не знала с момента, как вернулась к моему любимому после блуждания в своих лабиринтах. Я не сомневалась: именно в то утро мы и зачали нашего Игорешу.

В полдень того же дня в открытую дверь балкона влетела птичка. Кажется, это был обыкновенный воробей, но Олег, с восторгом глядя на этого «пернатого» гостя, сказал мне, боясь вспугнуть его горячим шепотом: «Смотри, смотри! Это наверняка добрый знак...» Птичка села на ручку балконной двери и, кажется, не собиралась улетать, хотя мы успели уже раздвинуть шторы. Она спокойно чистила клювик, потом деловито справила нужду прямо на паркет и под оглушительный хохот папы Олега выпорхнула на свободу. «Что я говорил! Это нам знак! Ты родишь, и птичка сообщила тебе об этом!» Я тоже рассмеялась. Мне очень не понравилась бесцеремонность воробья, но «знак» действительно оказался «вещим»: через девять месяцев у меня родился Игорек.

...Илья рос, а вместе с ним росли тревоги Олега за его судьбу. И частенько я боялась себе признаться, что тревоги эти не были напрасными...

И ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ хлеб, и слезы, и любовь...

Никогда не думала о «медовом месяце»... Вообще не представляла себе свадьбу, застолье, громкие крики «горько!» Все казалось мне таким далеким от моих желаний, хотя, наверное, это может показаться странным.

Когда мы с Олегом пришли к Марине после загса, подруга уже поставила на стол шампанское, тут же лежала огромная и очень красивая коробка конфет. Когда Алька-старший успел все это раздобыть — не знаю. Но тогда, едва ли не перед самым уже сном, мы немного посидели, сказали друг другу теплые слова. Обычно молчаливый муж Марины сказал, как всегда, просто и ясно: «Совет вам да любовь!»

...Закончились наши «пещерные будни», как прозвала я пребывание в крохотной келье Марго. Пробыв у нее полтора месяца, мы перешли на этаж выше в однокомнатную квартиру, хозяева которой наконец-то уехали в Москву на высшие режиссерские курсы аж на три года! Теперь на вопрос, где мы обитаем, я могла назвать улицу — Волгоградскую, дом и квартиру и даже пригласить к нам в гости.

Мы стали получать письма от родителей Олега уже не на Главпочтамте — до востребования, как все это время, а по нашему почтовому адресу, прямо к нам домой.

Денег, которые я получила за «отпуск по беременности и родам», хватило на то, чтобы мы расплатились за квартиру на год вперед. Хозяева именно с таким условием нам квартиру и сдали.

Как говорят на профсоюзном собрании, «поступило предложение...» и от моих родителей о «предоставлении финансовой помощи». Однако было оно сделано с условием: я пойду «в свой дом», а Олег «останется здесь и будет жить, пока малыш не подрастет». Мы с Олегом настолько уже привыкли к подобным «фокусам» моих родителей, что даже не удивились такой однообразной фантазии. Мне удалось сравнительно спокойно ответить: «Я думаю, что деньги вам самим пригодятся...»

Родители Олега прислали письмо и денежный перевод. «Поздравляем с бракосочетанием, — писали они. — Посылаем вам немного денег на обустройство. Вы уж сами решите, что вам надо в первую очередь. Пишите чаще о своей жизни. Чем сможем — поможем...»

Возникло множество затрат, неизбежных, когда начинаешь новую жизнь. Хозяева нашей арендованной квартиры были молоды, ничего особенного не нажили. Вдоль стен комнаты висели книжные полки с литературой

о кино. Очень кстати оказался стенной шкаф. После родов я поправилась. Когда была беременна Алюней, я связала из оранжевых шерстяных ниток платье. Алька-большой «млел», когда видел меня в нем, но пришла весна, и потребовалось раскошелиться, чтобы купить подходящее и по размеру, и по сезону. Я поправилась, и мой «юный гардероб» уже не подходил. Потом расходы потребовались на малыша и нашего папку.

Кухня квартиры была почти совсем пуста. То есть ни ложек, ни вилок, ни ножей, ни кастрюль... К тому же мне надо было питаться если не на 5 баллов, то уж на 4 с плюсом точно — я еще кормила малыша грудью... В общем, потребности упорно обгоняли наши возможности, и я задумалась над тем, как бы помочь нам с заработком.

Марина подсказала, что если научиться печатать на пишущей машинке, то можно брать заказы на дом и, пока малыш спит, печатать рукописи. Посидели с Олегом, подсчитали и оказалось, что Маринка права, приработок мог быть неплохим! Купили в комиссионке старенький «Ундервуд», и, просидев за ним полмесяца, я все-таки научилась печатать вполне прилично. Правда, больших заработков все-таки не наблюдалось, но, как говорил Олег, «на булавки» вполне хватало...

Кончался март семьдесят первого года, приближался теплый апрель, за окном стало очень красиво, и я часто гуляла с малышом в коляске, которую загодя купил Олег.

Он очень беспокоился о судьбе моего высшего образования. Врать не буду, меня это тревожило гораздо меньше. Мои «университеты» материнства и супружества настолько мне нравились, что садиться за скучные книги, зубрить и сдавать экзамены на журфаке не очень хотелось. Однако я была согласна с мужем: рано или поздно университетское образование надо завершить и лучше с этим не тянуть.

Мать же была убеждена, что теперь-то уж точно на моем образовании «поставлен крест»! «Этот ужасный человек» лишит дочь «судьбы»! Таким высоким «штилем» она пыталась выразить свои тревоги по поводу преград, поставленных, конечно же, Олегом на пути к университетскому диплому.

Между тем однажды вечером, когда Алюня спал «без задних ног», мы сели с Олегом и составили список предметов, которые мне предстояло одолеть, чтобы получить право писать дипломную работу. Ситуация была, увы, безрадостной. К тому же я умудрилась потерять свою зачетную книжку и теперь мне предстояло пройти всех педагогов, которым я когда-то сдавала экзамены и зачеты, чтобы вновь отметить их в новой. Но самая главная моя забота — сдать за пропущенные сессии почти 18 предметов! Среди них были спецкурсы, спецсеминары, которые я не посещала, но обязана была отчитаться, написав курсовые работы или выступив с докладами.

Конечно, мне очень повезло: муж окончил филфак Саратовского

университета, и хотя у него было уже второе образование — социолога и социального психолога, он многое знал и помнил из пройденного курса.

Мы составили план подготовки предметов, похожий на график движения поездов. Я прикрепила его к стене и каждый день отмечала приближение дня и часа сдачи очередного зачета или экзамена.

Дни летели стремительно, и скоро мой «график» стал пестреть перечеркнутыми, то есть сданными, курсами. И все же справиться разом с этой канителью не удалось. Хотя половину долгов я сдала до июля, вторую половину пришлось перенести на следующий год.

Перевела дыхание и подумала, что теперь можно Олегу было бы привезти своего сына к нам в гости. Сел мой муж в самолет и полетел в Саратов. Так впервые после нашего расставания, случившегося по моей вине, когда я блуждала в своих «лабиринтах любви», я почти на двое суток оказалась в одиночестве. В ожидании нашего папки мы с Алюней коротали время.

Уже через час после того, как Алюня-старший уехал в аэропорт, я почувствовала страшную тоску. Ночь почти не спала и непроизвольно бормотала: «Господи, хоть бы ничего не случилось!»

На вторые сутки, утром, я сидела над книгами. Хоть и перенесен срок сдачи оставшихся экзаменов на будущий год, заниматься ведь все равно надо! Следовало загодя подумать и о дипломной работе. Взяла машинально листок, ручку и, как сказал когда-то поэт: «Минута — и стихи свободно потекли» Я выплеснула на бумагу все свои чувства.

* * *

*Теперь,
когда у меня есть несколько дней
и они названы разлукой, —
теперь я, может быть, сумею рассказать тебе,
как я люблю тебя,
Подобрать эти слова,
прислушаться к ним,
вырастить их для тебя,
как выращивают цветок из сухого, невзрачного зернышка.
...Еще на зеркале — нечеткое облачко
твоего слова последнего,
...Еще на губах моих — золотистость твоих волос,
их свежий речной запах.
...Если выбежать на улицу и срезать угол двора,
может быть, даже удастся еще раз увидеть тебя*

издали.

*Время,
Не замечаемое раньше,*

Ведет себя нагло:
Оно входит огромным львом,
И рык его вязнет в всклокоченной гриве.
Грозный мой лев, я знаю:
Станешь ты львенком и будешь ты таять быстро и пуделем кончишь,
Ноги мои догоняя, растянешься на пороге
высохшей шкуркой.

* * *

На руках моих самый красивый, тебя повторивший мальчик.
Тебя повторивший и в имени легком твоём...
Я поднимаю его к небу, как будто опускаю в голубой водоем,
И пушистый его затылок невесом, как одуванчик.
Над домом, серебряный, такой ненадежный!
Зыбко плывет самолетик.
Мы с сыном задрали наши печальные мордашки
И долго смотрели на эту воздушную рыбку,
Пока, стремительный и беззвучный, самолет не сделался точкой
и не растаял в сизой туче, как дробинка,
Нырнувшая в пену.
Ты еще не уехал, а я уже жду тебя.
И скучаю по тебе так,
что ожидание превращается в безнадежность.

Ты не печалься...
Огромные вещи — схожи.
Час. Полчаса. Взлетная полоса.
Пешеходы идут быстрее, машины едут быстрее,
Самолеты летят быстрее — время быстро скользит.
Общее
внешнее время.
...Во мне — тишина. Все во мне остановилось!
Приедешь ипустишь снова веселые наши секунды,
Счастливые наши года.

* * *

Это не я люблю тебя
(не Пигмалион, не леплю тебя),
это любовь создала меня, чтобы тебя любить.
Вот так же Средневековье, дымное от костров и затмений,
тосковало по Возрождению...

По возрождению-наваждению
Улиц в праздничном солнце, цветами увитых балконов,

Где словно в гондолах
Красавицы плыли с глазами, как синие виноградины...
По возрождению-солнцу
С его захмелевшей щедростью и
Желанием согреть и камни, и землю, бессмертных и смертных,
и своим легким лучом расправить золотые ресницы ребенка,
и соком наполнить персик...
Художнику дать палитру,
Чтоб счастливую дал улыбку склоненному
над младенцем лику Мадонны или создал бы Мону Лизу...
О загадочность Возрождения — как загадочность
Зарождения Жизни...
На древних полотнах — ветка, чутко вздрагивает от ветра...

* * *

Я боюсь за тебя не банально —
Я боюсь за тебя неземно,
Как в счастье огромного выигрыша
Таится — своя опасность,
А в переполненной чаше таится гармонии — тяжесть.
Любовь

Тебе досаждают:
Столько слов и событий,
С тобой не имеющих, впрочем, никакого родства,
Как стая ворон на зеленой кроне.
...Любовь — вот, казалось бы, ясное слово.
А смысла его не постичь.
Время, в котором ты — не со мною,
Оно предо мной, как
Огромное поле.

Оно не прополото,
И надо, до самого горизонта,
Пройти его в поте лица,
Перебирая минуты, часы и сутки,
Как сорные травы...
Сегодня эта работа так тяжела, еле движется.
И конца им не видно —
Этим сорным сплетенным травам,
Этим часам и минутам, растянувшимся вдаль.

* * *

Есть люди, которые знают меру всему.
Семь раз они отмеряют.

И семью семь отмеряют.
 Как будто бы обирают — и вдосталь не оберут.
 Отмеренное — отмирает.
 Отмеренное — умирает,
 А им не понять — почему?
 Я знаю условность меры...
 Я верю в наивность веры,
 В доверие, что прочнее доверенности любой.
 Я жду телеграмм и писем,
 И день для меня бессмыслен
 Без доброй, такой знакомой
 Улыбки твоей большой.
 Что ж, может быть, это слишком...
 Может быть, это слишком, как
 Пустыня, ползущая к морю,
 Небо, ушедшее в землю,
 Стрела, влюбленная в цель.
 Но великие океаны и великие горизонты,
 И солнце, и космос
 Не знают, что это — слишком?
 «Слишком» — исподтишка возникает,
 Как завистливый взгляд.
 С «лишним» созвучно «слишком»,
 Как с «боем» созвучен «булат».
 Беззвучное слово с л и ш к о м,
 Безголосое и бездарное,
 оно означает гирьку в грамм,
 Килограмм или тонну.
 Грамм, килограмм, обязательность рам...
 И горит светофорчик приличий,
 И обидчивый бродит обычай,
 Заболевший от собственной власти...
 А счастье?
 ...Ах, какой взъерошенный праздник!
 Как мальчик-проказник:
 Не могу найти свои бусы...
 Для цветов твоих не куплена ваза...
 Ах, как волосы твои русы,
 Будто солнцем они измазаны!
 ...Поэтому я не говорю тебе, что люблю тебя слишком.
 Слишком для такой короткой разлуки,

На меня смотрели его серые глаза, с которыми любили
 встретиться мои, чтобы обменяться лукавством или
 задиристыми сигналами. Но вот вижу, как отчетливые
 пропорции скул, щёк, подбородка, губы, клинышек бородки,
 очерченные светом и тенью, медленно сливаются в долгий,
 мягкий взгляд.

*Которая кажется слишком долгой.
Поэтому мне, горожанке, живущей в XX веке,
Совсем не смешно бояться
Машин, самолетов, трамваев...
Трусливое слово слишком —
Пусть вечно оно скитается,
Шажками меряя мир.
Есть слово Творящего: — Мало!
Есть слово Входящего: — Здравствуй!
Детей — неразгаданный лепет
И светлое слово — кумир...*

Не перечитывая, положила листки на стопку моих бумаг, а через день, утром, открылась дверь и я увидела широко улыбающегося папу Олега и малыша, которого звали Илья.

Потом начались веселые хлопоты, возня детей... Я забыла о написанном мною в часы тоски и ожидания. Листы постепенно погрузились в мои бумаги. Исчезли... Да я и не стремилась специально их найти, чтобы отдать виновнику моего неожиданного поэтического мига.

...Однажды я вошла в комнату и увидела мужа, неподвижно сидевшего за столом. В руках он держал какие-то листки и читал их. Издали я узнала свое неотправленное письмо — стихи.

Олег меня не заметил. Снова и снова перебирал листки, читал. Наконец положил их на стол. Долго и неподвижно смотрел в окно. Во всей его фигуре мне почудилась напряженность, и почему-то я испугалась. Боясь пошевелиться, я продолжала смотреть ему в спину, и, наверное, он это почувствовал. Повернулся.

Кажется, никто лучше меня не знает это лицо! И сейчас на меня смотрели его серые глаза, с которыми любили встретиться мои, чтобы обменяться лукавством или задиристыми брызгами иронии. Но теперь в лице почудилось что-то новое. Очерченные светом и тенью отчетливые пропорции скул, щек, подбородка стали медленно сливаться в мягкий долгий взгляд. Сжатые секунду назад губы шевельнулись. «Нико-гда, никому не показывай эти стихи, — прошептал Олег, — эта прекрасная песнь твоей души должна принадлежать только мне!»

В это время в комнату вбежал Алюня, и папка, встав, подхватил на руки сына. Мы втроем, слившись в теплый ком, застыли посреди комнаты...

...Прошло 9 лет... Сейчас весна, апрельский день 1980 года. Я сижу за своим столом и перебираю горы писем, записей, рисунков, перелистываю тетради. Это наш семейный архив, с которым я уже не один год «дружу». Когда есть время, он помогает мне работать над этой книгой. Сейчас как раз и выдалась минутка...

Вдруг, как бы подпрыгнув, аккуратно уложились между моими указательным и большим пальцами слипшиеся листки. Непроизвольно, почти невидящим взглядом я коснулась их, хотела отложить в сторону, но тут мои глаза выхватили строчки: «Теперь, когда у меня есть несколько дней и они названы разлукой...»

Я залпом прочитала строчки, потом снова. Хлопнула на сквозняке входная дверь. Муж вернулся с работы, и прихожая заполнилась детскими голосами: папка прихватил наших мальчиков со двора. Пора готовиться к ужину.

Он подошел ко мне, наклонился посмотреть, чем я занимаюсь... Присел рядом.

— Что-то задумала?

— Так, вспомнила кое-что...

Показываю Олегу листки с памятным стихотворением, он пробегает глазами строчки, улыбается... Осторожно спрашиваю:

— И теперь хочешь, чтобы я никому эти стихи не показывала?

— Нет, не хочу, — неожиданно серьезно ответил Олег и, поцеловав меня, сказал: — Пусть эти стихи займут свое место в твоей книге, а женщины пусть учатся у тебя любви.

Он посмотрел на меня пристально и снова поцеловал. Подбежал Алюня и закричал: «Ну папа, что ты с мамой все целуешься и целуешься, а Игорь в это время у меня цветные карандаши стащил!» Папа обнял его, обращаясь ко мне: «И они пусть учатся у тебя, как надо любить!» «Любить, любить!» — ворчал Алюня, таща папу в другую комнату.

Снова вернусь в ту летнюю ночь. Когда дети засыпали, мы с Олегом еще долгие часы осторожно шептались, боясь потревожить сон малышей. Потом мы проваливались в сон, как в пропасть, паря в сладких просторах теплой дремы до первой светлой строчки рассвета, просочившейся за далеким горизонтом...

...Когда я поняла, что беременна вторым ребенком, это был Игоречек, снова замаячил вопрос о хлебе насущном. Надо было устроиться на работу, чтобы получить «декретные деньги», полагавшиеся мне при рождении ребенка. Решила, что самый удобный вариант — сообщить родителям и, воспользовавшись тем, что мой отец долгие годы работал на Минском радиозаводе, устроиться туда.

Узнав о моей беременности, мама в ужасе схватила за голову: «Зачем? Ты с ума сошла, дочура! Алюня еще такой маленький!! Теперь уже точно ты не закончишь свое образование! Что он себе думает, твой муж?»

Сейчас, когда у нас растут уже трое детей и постепенно определяется моя судьба, я невольно перебираю события той, теперь кажущейся такой далекой, поры.

Отношения четырех человек: моих родителей, меня и Олега, оказались сначала «закольцованы» на судьбе нашего первенца. Прошло время, и я в ожидании второго ребенка, события радостного для нас с мужем, слышу от мамы слова негодования... То же самое, когда должен был родиться третий! Ну как не задуматься над странностями такого характера!

...Есть у мужа замечательный друг в Саратове — Миша Ч. Он перенес в детстве полиомиелит, иначе говоря — детский паралич. Война застала его на лечении в Анапе. В первые недели войны он с матерью был спешно эвакуирован в волжский город. А вскоре в их дом пришла похоронка на отца.

На момент моего заочного знакомства с Мишей он уже был известным в Саратове поэтом, автором книг, ученым, по-новому взглянувшим на уникальное явление русской поэзии — Д.В.Веневитинова. По рассказам Олега, учившегося с Мишей в Саратовском университете, тот, парализованный смог окончить филфак, успешно защитил дипломную работу, стал аспирантом, написал диссертацию, женился, стал отцом двух очаровательных девочек...

В первом браке с ним случилась похожая на нашу с Олегом история. Правда, сходство, слава богу, было только в одном: в презрении родителей его «музы» к нему — «жалкому паралитику». Под их давлением его жена, в конце концов, просто сбежала! Зато второй брак — с Натальей Николаевной — принес ему счастье и детей. Олег был очевидцем той ужасной драмы и рассказывал подробности первого брака друга, не скрывая от меня подробностей.

...Роясь в нашем семейном архиве, я наткнулась на обрывок письма Олега к Мише Ч. Не зная, черновик ли это или какой-то неоконченный вариант письма, я спросила Олега, что это за обрывок? Он сказал, что года три назад «под настроение» послал большое письмо Мише.

Ничего не говоря мужу, я решила письмо это раздобыть. Интуитивно чувствовала, что стоит попытаться! Миша, наверное, очень удивился, когда получил от меня конверт с запиской, в которой я очень осторожно намекала, что хочу написать книгу о нашей с Олегом жизни, и просила поискать это письмо. Ждала долго. Уж и не чаяла, что письмо сохранилось. Но однажды получаю от Миши Ч. небольшой пакет с запиской: «Милая Танечка! Тебе очень повезло. Письмо Олега сохранилось, и я отсылаю его тебе. Твои планы о романе меня просто ошарашили. Вот бы и моя Наташа однажды взялась бы написать такой же роман о нас... Правда, уже сейчас могу сказать, что по жизни наш роман получился с очень интересным сюжетом. В двух частях: дочка Оля — первая часть, а дочка Даша — часть вторая! Кроме того, будет наверняка продолжение нашего «романа», но это уже — дело дочерей и их будущих мужей. А там, глядишь, и внуки постараются над своими романами. Так что собрание «сочинений» нашей семьи впереди!»

Итак, письмо Олега к Мише Ч. в Саратов. Я привожу его полностью,

потому что мне оно кажется очень поучительным.

«Здравствуй, Миша!

Давно тебе не писал. Семейная жизнь не всегда способствует переписке друзей... Но теперь простуда «помогла». Сижусь, кашляю и строчу.

Вообще-то давно хотелось мне рассказать о нашей с Таней жизни. С годами она обрастала интересными, даже неожиданными подробностями... Но все недосуг.

Наша любовь была насыщена многими драмами и сложными противоречиями... Сначала мы долго блуждали с ней в длиннющих и мрачных катакомбах недоумений. Каждому из нас было отмерено достаточно сомнений и горьких страстей, которые, наконец-то, остались позади. Как это бывает в таких случаях, рождение нашего малыша Алёны — его так назвала Таня — стало особым моментом истины! Потом родились Игорь, Ярослав, и вся эта «княжеская троица» сейчас шумит, бежит... Одним словом, растёт.

Спустя почти девять лет, в окружении моего дружного семейства, я в неспешных раздумьях вспоминаю иногда первый год нашей с Таней знакомства, подобный разрушительному землетрясению, эпицентром которого была ее мать. Точно так же, как и ты, окунувшись сейчас в ауру счастливого своего семейства с Натальей, я уверен, не забываешь о браке с Тamarой...

Я хочу сказать о другом. Сопоставляя все случившееся в моей жизни здесь, в Минске, с тем, через что тебе пришлось пройти, я натываюсь на жуткую проблему, хорошо тебе и мне знакомую. Я имею в виду реакцию родителей наших жен на выбор, который они сделали.

Ты — парализованный инвалид и я — сохранивший подвижность, но не избавленный от внешних признаков пережитых мною физических страданий. Мы с тобой два человека, сделавшие себе судьбу, причем завидную по самым строгим меркам! Однако мы с тобой стали объектом злобных, оскорбительных пересудов тех, кто присвоил себе право неистово перебивать выбор своих дочерей.

Я видел мать твоей бывшей жены. Определенно могу сказать, что более жестокого и «уперистого» человека я не встречал. Уже тогда мне было ясно: эта женщина не успокоится, пока не разорвет отношения, которые связывали тогда тебя с Тamarой. Хоть она и сбежала от тебя, ужаснувшись тяжкого для нее супружеского долга, контекст ее поступка был выращен ненавистью ее матери.

Не хочу беречь твою душу воспоминаниями о пережитой драме! Бог судья Тamarе. Сегодня ты по-настоящему счастлив с Наташей. У вас — дети. Все будет хорошо...

Кстати, лицо Наташиной матери, которую я увидел, когда она впервые пришла к тебе в гости, невозможно забыть. Прекрасная, светлая

*...Теперь,
когда у меня есть несколько дней
и они названы разлукой, -
теперь я, может быть, сумею рассказать тебе
как я люблю тебя...*

женщина! Ты счастлив вдвойне: любящая жена, ее родители, которые тебя уважают.

Когда умерла твоя мать — незабвенная тетя Оля, мама Наташи стала тем человеком, который сумел сделать почти невозможное: восполнить тебе потерю родной матери.

Увы! Я не могу похвалиться тем же. Нет. Мама моя, слава Богу, жива, но то, что живет она далеко от Минска, не дает мне возможности хоть как-то расслабиться.

Для Таниных родителей я был всегда лютым врагом! Со мной обращались, как с опасным неприятелем. После рождения Альки я мог лишь рассчитывать на холодное снисхождение. Даже рождение Игоря и Ярика мало что изменило.

И теперь, спустя почти шесть лет, по своим ощущениям я остаюсь для Таниных родителей «хромым козлом», который «невесть почему» или, в лучшем случае, потому что «задурил девчонке голову», сумел ее «окрутить», навесив теперь еще и троих детей. Таня успешно закончила университет, аспирантуру, сдала кандидатские экзамены, работает над диссертацией. Растут наши дети, а... воз отчуждения и ныне там. Для ее родителей неважно, что я уже достаточно известный в городе человек. Меня уважают и ценят. Сотни студентов слушают мои спецкурсы в минских вузах. Популярны мои авторские программы на радио и телевидении. У меня уже масса публикаций в газетах и журналах, издающихся в Белоруссии. Увы! Я продолжаю оставаться для них человеком, «разбившим» жизнь их дочери. Я не жалею тебе, мне это не присуще, ты же знаешь! Я полон недоумения и размышляю. Что же это за люди? Я не смогу найти ни одного доброго слова в адрес отца Тани, впрочем, как и она сама. Это — откровенный циник и негодяй! Я приведу здесь только один факт, рассказанный мне женой, чтобы ты понял, что это за субъект и как же тяжело мне с ним общаться на правах «родни».

«Мне было 16 лет, — рассказывала мне Таня. — Был праздник, кажется, «старый Новый год». Пришли к нам гости. Приятели родителей — супружеская пара. Он — работяга, она — кокетливая «болонка». Все выпили, но показалось мало. Гость вызвался сходить в магазин за «добавкой» спиртного. В этот же момент маму срочно вызвали на «скорую». «Болонка» осталась на кухне, а я сидела в гостиной, закрыв за собой двери, смотрела телевизор. Вскоре мне показалось: за дверью что-то упало, послышалась какая-то возня. Я открыла двери и сразу увидела: животом к тумбочке прижата «болонка», а мой папа занимается с ней... сексом! Секунду я стояла, как парализованная. Потом схватила шубу, и, как была в домашних тапочках, убежала в зимний холод, на улицу. Шла, не замечая холода, промокших ног, и плакала. Ворвалась в дом к Наташе и не могла

целый час ничего сказать. Потом звонили мама, папа, но я не в силах была вернуться в этот дом! Неделю прожила у подруги... Конечно, пришлось вернуться домой. Но там ничего не изменилось! С той поры уважать мать не в силах! Как она могла терпеть такую грязь! Отца же я возненавидела!» Такая вот история...

Откровенно говоря, Танину мать мне жаль. Это сильная женщина. Она сумела сделать здесь хорошую карьеру. У нее несомненный организаторский талант, и медик она от Бога: прекрасный диагност и хирург с фронтовым опытом. Это женщина со сложной судьбой. Я основательно размышлял над корнями ее предрассудков, нелепых поступков, от которых я реально мог пострадать.

И все же, как мне кажется, я понимаю мотивы неистового противостояния этой женщины. Тогда, зимой семидесятого года, я уехал в Минск и, как ты знаешь, оставил семью, ребенка. По-видимому, сработали стереотипы! Но даже в этом случае невозможно оправдать ту травлю, которую мать Татьяны с мужем затеяли против меня. О подробностях я писал тебе, повторяться не буду.

Конечно, тогда, как, впрочем, до сих пор я спрашиваю себя: где корни такой оголтелой ненависти этой женщины и ее мужа ко мне? Почему этим людям изменил здравый смысл? При всей наивности риторического моего вопроса я был готов их действия осмысливать только в привычных мне критериях совести и порядочности. Был готов, но не видел в них ни совести, ни порядочности! Спустя годы я понял: человеку, плененному предрассудками и стереотипами, безнадежно зараженному хамством, критерии порядочности, совести и чести недоступны! С отцом Тани все ясно. Все закоулки его характера пропитаны грязью. Но Танина мать личность сложная. Она относится к той категории женщин, которые выросли на руинах родовой морали, но сумели прочно усвоить привычки советского чиновника. Первое ушло глубоко в подкорку, второе определяет ее поведение все 24 часа в сутки. Отсюда — самоотдача на работе. Преданность идеалам карьеры с черно-белой оценкой людей.

И все-таки я многое ей прощал и прощаю. Она — несчастная женщина! Таня рассказала мне о трагических событиях, свалившихся в тридцатые годы на мать, ее сестер и братьев, погибших в Абхазии в бериевских застенках. Матери Тани удалось выжить. Пережив открытую форму туберкулеза легких, она после школы поехала в Краснодар и, окончив мед-институт, в самом начале войны была мобилизована как врач и провела всю войну почти на передовой, у линии фронта блокадного Ленинграда. После войны вернулась в Абхазию, в маленький городок Гудаута, где родилась и где обитали оставшиеся в живых члены ее семьи.

За годы ее отчуждения ко мне я не переставал ей сочувствовать. Я даже

признавал, что наши с ней судьбы были в чем-то сходны! Пусть немного позже, но от той же системы пострадал и я, попав под такую же кровавую колесницу. Я рассказывал тебе о том, что приятель Бери — Багиров под прикрытием тотальных прививок в Азербайджане против туберкулеза сумел отправить в могилу тысячи армянских, русских, еврейских детей, погибших от завышенных доз туберкулина и некачественного прививочного материала.

То, что я выжил и после всех операций сумел научиться ходить, да, хромая, но все-таки ходить самостоятельно, получить образование, сделать себе биографию, достойную уважения, матерью Татьяны не ставилось мне в заслугу! Эта несчастная женщина была убеждена: дочь — ее собственность! А раз так, то лишь ей, матери, дано решать, какой муж должен быть у нее. Ты знаешь, по большому счету, мир человеческий удивительно банален. Вот и я столкнулся с такой банальностью, которая способна отравить жизнь и мне, и моей жене!

И все же я всегда считал эту женщину несчастной! Так считаю и сейчас. Ее разум хорошо усвоил профессиональные знания и навыки. Однако она разрушила свою совесть нелепыми, глупыми предрассудками! Вот почему, мечтая о счастливой судьбе дочери, она была способна видеть рядом с ней лишь «здорового и богатого».

Несчастья туманят разум женщины, особенно если они преследуют ее всю жизнь! Смотри: она была трагически несчастна в детстве. Несчастлива в любви. Ее романтическая любовь к некому греческому юноше прервалась гибелью его при возвращении на родину, в Грецию. Брак с отцом Тани и материнство слились в долгую тяжкую драму! Родив двойню, мальчика и девочку, она очень скоро потеряла малыша.

Несчастья в семейной жизни этой женщины мешали и деловой карьере. Амбиции вполне соответствовали ее природным способностям. Но муж — ненасытный бабник и алкаш — сотни раз ставил ее в нелепое положение перед людьми, которыми она руководила. Она приносила этому хаму в жертву свою женскую честь, ибо знала, что в наше время за развод приходится расплачиваться карьерой! И этот вынужденный и очень горький компромисс ожесточал ее!

Прошли годы, и к осени своей жизни, вопреки своей воле, направленной против меня, она, именно благодаря моему сочувствию и порядочности, получила возможность наслаждаться радостным покоем в окружении моих сыновей. Общаться с внуками, рождению каждого из которых... она неистово препятствовала! Теперь, кажется, она наконец-то расстается с мужем. На старости лет она решилась-таки на этот шаг. Теперь ее привилегией стало уважение в семье дочери. Но сколько же сил потратила в недавнем прошлом эта несчастная женщина, чтобы разрушить свою теперешнюю и единственную обитель покоя и уважения! Слава богу, у

меня хватило сил и мудрости не мстить ей! Да, нам с Таней было нелегко дать ей шанс обрести в нашем доме сочувствие и понимание ее душевных и житейских бед! Сберечь души наших детей от горькой отравы враждебности и отчуждения. Мать, которая годами поносила и отвергала любовь и брак дочери, сегодня, на склоне лет, обрела единственный шанс на тепло и душевное равновесие! Не правда ли, какой потрясающий парадокс?

Ты как-то заметил: «Нет убедительней произведений, созданных самой жизнью. Она рождает характеры, строит коллизии, неподвластные фантазии писателя...»

Как же ты был прав, мой дорогой друг...

Обнимаю. Олег»

Это письмо я перечитывала множество раз. Все решала: оставить-убрать. Решила оставить. Судьба моей матери может стать уроком для тысяч таких, как она...

Все годы нашей супружеской жизни вместе с Олегом проходила моя борьба за то лучшее, что было в душе моей матери. Олег мне помогал, как мог, и я не переставала поражаться его терпению...

...В самом начале беременности Игорешей пошла я работать на склад радиозавода. Куда ж еще идти за «декретными деньгами»? Ни профессии, ни образования! «Да ладно, — думала я с оптимизмом, — перезимуем». Однако тревоги все-таки меня подстерегли.

Была у меня начальница по имени Настя. Невысокая, плотно скроенная, лет 35, с большими черными глазами. Почему-то она невзлюбила меня. Что ж делать? Насильно мил не будешь! Сначала я не обращала внимания на ее ворчание и окрики, но постепенно это стало мешать нормальной работе. На складе работали еще две девочки: Рита и Маша. Маша собиралась замуж, а Рита была совсем уж малолетка. Настя к ним никогда не придиралась, а ко мне — едва ли не каждый день. Однажды, когда никого не было рядом, она подошла ко мне и, глядя на мой живот, почти прошипела: «Прискакала к нам, чтобы деньги получить, да?» — «Какое твое дело?» — не выдержала я. «Ты не думай, — угрожающе процедила начальница, — что если ты дочка... — она назвала имя моего отца, который в то время работал на этом же заводе и помог устроиться мне, — то я буду поблажки тебе давать».

С той поры работа у меня стала откровенно тяжелой. Нужно или не нужно, но Настя заставляла меня переносить тяжелые коробки с деталями в дальний конец территории завода. Отказываться? Идти искать на нее управу? Кому это надо?

Я страшно испугалась, когда почувствовала ноющую боль внизу живота и в пояснице.

Олегу решила ничего не рассказывать, а позвонила домой и спросила отца: «Ты можешь поговорить с ней?» Тот замялся. Чувствовалось, что ря-

дом стоит мать или он в чем-то не уверен и не хочет мне обещать. Я молча положила трубку и расплакалась.

Врач дал бюллетень на три дня. Сказав Олегу, что иногда полезно беременным побыть дома, я своим легкомысленным заявлением его, кажется, не встревожила. Назавтра он уехал в командировку на денек-другой, а я, отлежавшись, успокоилась.

Вышла на работу, но тревоги меня не оставляли. Я знала, что Настя снова возьмется за свое и от ее опасных для меня поручений не уклониться. А если случится непоправимое? Жутко было даже себе представить! Она-то умоев руки!

Мне даже подумалось, что мой отец сговорился с ней, поддавшись давлению матери, чтобы таким образом «легально» спровоцировать у меня выкидыш. Ведь оба мою вторую беременность встретили в штыки!

Олег вернулся из командировки, и я сразу рассказала ему обо всем. Он был вне себя! Готов был идти куда угодно: к директору, к главврачу заводской поликлиники, объяснять, требовать внимания ко мне. Мой милый муж! Он метался по нашей маленькой квартирке и напряженно думал, как сделать так, чтобы я, его жена, не пострадала, и не была уволена, и все-таки получила эти ... деньги, необходимые нам на хлеб насущный.

Весь день Настя не приходила к нам на склад, и только перед уходом домой я неожиданно ее увидела. Она была необычно бледна, смотрела на меня, как затравленный зверек. Я терялась в догадках.

Пришла домой, все Олегу рассказала. Он выслушал меня и обычным своим тоном сказал: «По-моему, твоя начальница что-то поняла. Сама женщина... Дошло все-таки...» Его словам я не придала значения.

На следующий день я увидела Настю с такими же испуганными глазами. Правда, говорила она со мной вполне миролюбиво и... ни одного «опасного поручения». Девчонки, те, кто работал со мной, удивленно пожимали плечами. Перемены в поведении Насти как-то вытеснились другими событиями. Маша, работавшая рядом со мной на том же складе, дня два назад вышла замуж, и мы все то и дело пытали ее, прося рассказать подробности предстоявшего «медового месяца».

Однажды, когда Насти не было, Рита подошла ко мне и шепотом спросила: «Таня, а твой муж, случайно, не сидел в тюрьме?» Я опешила. «Случайно? В тюрьме? Чего это тебе в голову взбрело?» Рита, почему-то еще раз осторожно оглянувшись, шмыгнула носом и почти шепотом, в самое мое ухо сказала: «Настя вчера с Любой разговаривала, я стояла за шкафом и все слышала. Так вот, Настя Любе говорит: «У Таньки муж — просто зверь!» Любка ее спрашивает: «Это в каком смысле?» — «Да в самом прямом — зверь! Посмотри, аж холод по спине пробегает!» — отвечает Настя и говорит дальше: «У нас в штамповочном парень есть, очень на него

похож... Так он из тюрьмы вышел месяц назад. Уголовник, все его боятся». — «А при чем здесь мой муж?» — почти закричала я с негодованием, совсем запутавшись в Настинной логике. Рита испугалась, торопливо стала оглядываться и, увидев Настю, тут же спряталась за стеллаж.

Спрашивать Настю о ее разговоре с Любой о моем муже? Нелепость! Махнула рукой и пошла своими делами заниматься. Прихожу домой, рассказываю Олегу эту историю. Он улыбается. Садится на стул, на другой сажает меня и говорит: «Я тебе расскажу, почему Настя так себя ведет, но ты мой рассказ просто прими к сведению, и только!»

Олег умолк, отвернулся к окну. Я смотрю на него во все глаза в полном недоумении. Жду. Он повернул теперь свое лицо ко мне и, уже не улыбаясь, а скорее даже холодно-важно начал. «Я пришел на радиозавод. С Настей я говорил накануне по телефону и попросил ее прийти на проходную в комнату переговоров. Она пришла. Сели мы за стол наедине. Я спросил ее спокойно и ясно: «Так вы Настя?» Она подтвердила: «Да, я — Настя!» — «Дети у вас есть?» — спрашиваю. Отвечает: «Да, есть, а что?» Чувствую, что я сейчас ее просто задушу. «Ах ты тварь, — думаю, — сама же баба. Ребенка под сердцем носила, рожала, а что ж ты творишь с моей женой?!»

Я слушала Олега, постепенно проникаясь его настроением. Он уже встал, ходил по комнате и говорил: «Чувствую, что сейчас что-то случится. Придвинулся к этой Насте почти вплотную и говорю: «Я тебя предупреждаю, если с Таней и с моим ребенком что-то случится, тебе — не жить! Поняла?» Она в ужасе отшатнулась и послушно кивает головой, как китайский болванчик. «Иди, — говорю, — и не дай бог тебе забыть мои слова!» Встал и ушел. Вот так...»

Я Олега знала уже больше двух лет. Знала яростным, нежным, отчужденным, сосредоточенным. Страстным... Но я не знала, что таким может быть мужчина, когда его женщине, детям, даже еще не родившимся, что-то угрожает. Я не знаю, что такое женский атавизм. Будни самки в стаде питкантропов, вожделенное созерцание ею схваток самцов, чтобы принадлежать вожаку, в моем подсознании не являлись. И слава богу! Я родилась в эпоху, которую называют «современной цивилизацией».

Но сейчас, когда я увидела лицо мужчины, которое выражало такую потрясшую меня беспощадную, яростную решительность, я поняла: за ним не страшны никакие стихии и никакие враждебные силы!

...Игорек родился в срок — 2 ноября 1972 года. Это было воистину дитя красивое и нежное, очень напоминавшее ангелочка. Правда, он принес нам с первых же дней большие тревоги... Но об этом потом.

Мы с Олегом давно решили, что если девочка не родится, попытаемся еще раз и на этом демографическую программу нашей семьи завершим.

...Я забеременела в третий раз уже аспиранткой БГУ. Олег работал

научным сотрудником Института философии и права Академии наук Белоруссии. Узнав о беременности, мать снова вознегодовала! Все бы ничего, злиться, ну и пусть. На каждый роток, как говорится, не накинешь платок. Но, как оказалось, недооценивала ее я совершенно зря!

...Родители уже получили новую квартиру, а мы стали осваиваться в той, где я прожила почти десять лет. Досталась она нам совершенно пустой! Олег взял «халтуру» — разработку планов социального развития на заводах, а это было делом хоть и тяжелым, но очень денежным. Купили огромный стенной шкаф. «Стенка» не вместила все наши книги. Их у нас оказалось почти 2 тысячи томов. Случайно, за бесценок, нам сделал еще два стеновых шкафа очень «рукастый» столяр, а еще одну симпатичную книжную «стенку» подарил друг Олега, который обновлял свой интерьер. Она досталась детям. Там было два секретера, множество полок и ящичков, так что все книжки детей, игрушки и вещи разместились.

Алька с Игорешей моментально освоили свои первые «рабочие места» с секретерами. Кстати, презент приятеля Олег сразу обновил, покрыв лаком. Тогда же мы купили два дивана, кресла и стулья. Видя, что мы стремительно обустроиваемся без ее участия, мать поспешно купила на кухню очень симпатичный белый складной стол, а в гостиную отдала старый, но вполне приличный ковер. Теперь и у нас, и у детей комнаты стали выглядеть очень прилично! Но я забежала вперед...

...Третья по счету беременность у меня случилась за полтора года до рождения Ярослава. Она меня вовсе не испугала. Опыт уже появился, а мы с Олегом хотели непременно троих детей.

Пошла я в поликлинику того радиозавода, где все еще стояла на учете, хотя после рождения Игореша с завода ушла. Врач-гинеколог, которую я знала еще по годам детства, когда она приходила к родителям в гости, встретила меня приветливо. Анна — назову ее так — была очень дружна с моей матерью, и все годы их общения я всегда видела ее улыбающейся и приветливой.

Вот и теперь она с неизменной улыбкой сообщила мне, что действительно беременность наступила, что все в порядке, срок совсем маленький. Полнобпытствовала, не хочу ли я сделать аборт. Выслушав мой отказ и продолжая улыбаться, Анна начала меня урезонивать: «Пожалей себя! У тебя уже есть два малыша, один родился-то совсем недавно... Тяжело же...» Очень удивилась, узнав, что я успешно сдала все гос-экзамены в университете, а «с Игорешей» и подростком Алюней защитила диплом, «с ходу» поступив в аспирантуру, где вполне благополучно уже учусь и готовлюсь к кандидатским экзаменам.

Расстались мы тепло. Через неделю она сама позвонила мне и,

узнав про мое хорошее самочувствие, деловито сказала: «Приходи, посмотрим, как там у тебя дела...»

Не ожидая подвоха, я пришла. Снова, как, наверное, было принято, она заставила меня взгроздиться на «женское кресло». Все время улыбаясь, деловито осмотрела меня. Я человек не капризный, но тогда мне почему-то было особенно неприятно и вдруг стало тревожно.

Анна что-то рассказывала мне, я рассеянно ее слушала, в нетерпении ожидая, когда осмотр закончится. В какой-то миг я почувствовала странное и незнакомое мне ощущение. Минутный дискомфорт! Я постаралась сделать вид, что ничего особенного не почувствовала, только ужасно захотелось побыстрее пойти домой, и я обрадовалась, когда за дверьми поликлиники плотнула, наконец, свежего воздуха.

Через день у меня случился выкидыш! И это при том, что я была привычно осторожна, а ухаживать за Игорешей мне помогал Олег, пользуясь тем, что у него было гибкое расписание работы.

Конечно, я была очень расстроена, но никак не связывала случившееся с моим недавним посещением кабинета гинеколога. Мне и в голову не могло прийти, что такое возможно было при ее «старании»!

Узнала я обо всем случайно, когда забеременела уже Ярославом.

Не угадаешь день и час, когда к тебе придет слово, жест, чья-то мимика, способные тебя встряхнуть, раскрыть нелепую правду, подтвердить тайные подозрения, которые ты старательно от себя отгоняешь. Так случилось и со мной.

Случайно подняв трубку телефона, который стоял у нас в гостиной, с намерением позвонить на свою кафедру, где работала лаборантом, я услышала голос мамы, которая на кухне с кем-то уже разговаривала по параллельному телефону. Я хотела тут же положить трубку, но на секунду удержалась, узнав голос Анны и услышав слова: «Нет, Женя, не проси. Хватит! Я однажды уже взяла грех на душу. Больше не хочу...»

Еще держа трубку, я непроизвольно сообразила, о чем идет речь, и уже намеренно хотела дослушать этот разговор. Мама о чем-то просила: «...Но она все равно ни о чем не догадается... Она устала, пойми...» Тут она назвала собеседника по имени, и я поняла, что не ошиблась: на другом конце провода действительно Анна, гинеколог, которая меня полгода назад осматривала. Теперь она работала в нашей районной женской консультации, где я, не ведая ни о чем, стояла на учете с Яро-славом, бывшем тогда во мне размером с рыбку.

Окаменев, я продолжала слушать разговор женщин. «Не дай бог, Таня узнает про тот случай... Она же меня...» Мать рассмеялась: «Да брось ты, Аня! Ты все правильно сделала. Она у мужа под каблуком. Эта сволочь таким образом закрепляет ее за собой! Я уверена, что моя девочка давно

бы ушла от него, если бы не дети!»

Я осторожно положила трубку и легла на диван. Рыдания душили меня. Мать, еще поговорив с подругой, вошла в комнату, где, не вытирая слез, молча всхлипывала я, ее родная дочь. Она все поняла, и, по-видимому, страшно испугалась! Не спрашивая меня о слезах, словно тень, мать вышла из квартиры и недели две или три не заходила и не звонила.

После этого телефонного разговора, наверное, месяца через два, поглядывая на мой заметный живот, в котором мирно почивал Ярослав, мать не выдержала, сорвалась в крик, выговаривая Олегу: «Вы гробите мою дочь! Вы — преступник! Как можно так поступать?» Тут, признаюсь, и я чуть не сорвалась в крик, готовая сказать все, что случайно недавно узнала. Но делать это при Олеге не хотела. Понимая, чем это может обернуться, я дала себе зарок: Олег не должен ничего знать, во всяком случае, года два-три! В ту минуту, не желая поддерживать ссору, Олег вышел из комнаты. А я почти спокойно — и как только мне это удалось? — посмотрела на мать и спросила: «О чем ты говоришь, мама? Кто все-таки преступник? Может быть, тебе надо кое-что вспомнить? Или тебе помочь?» Мои слова моментально на нее подействовали. Умолкнув, она ушла, осторожно прикрыв за собой входную дверь. Олег, ни о чем не спрашивая, пожал плечами, мол, «горбатого...», и пошел к своему секретеру у окна в гостиной. Он был увлечен книгой о психологии деловых отношений, а ее фрагменты «наговаривал» в лекциях, читая их в Институте народного хозяйства, в Минской партшколе и мне, когда в доме было совсем тихо.

Только спустя год после рождения Ярослава я рассказала Олегу обо всем. То было время очень радостное: решение издательства «Вышэйшая школа» о публикации первой книги Олега «Смотришь, как в зеркало, в другого человека» уже было принято. Раз в две недели стала выходить его авторская телепрограмма «Акценты». В Минске Олега уже знали многие, а уж популярность как ведущего авторской телепрограммы была очень велика. Позже он стал вести и новые программы на радио.

Да, время тогда было очень радостным, и нам удалось справиться со своими горькими обидами и тяжелыми впечатлениями от прошлых бед, «сработанных» при усилении нашей неутомимой «бабини»...

...Вернусь еще раз назад. Я сдала кучу долгов-экзаменов и зачетов еще до той минуты, когда постучался к нам в дом новый, 1972 год. Встречая его, мы дружно решили: никуда не пойдем, никого приглашать не будем. Встретим праздник своим тихим семейным кругом. Решила я елку поставить. Как же иначе? Сын в доме, хоть и несмышлениш, но без нее никак нельзя!

Приносит Олег пушистую, пахучую гостью, быстро сооружает «костовину», ставит елку. Навесили на нее что под руку попало! Алькины игрушки в ход пошли, из ваты снежинки сделали, и уже к самой кромке

старого года, готового уйти и уступить место новому, подняли глиняные кружки с шампанским. Благополучно пропустив мимо ушей телевизионное послание всесоюзного начальства и его же призыв «За мир между народами», мы выпили... за нашу любовь! А потом за нашего малыша-первенца.

...Работа над моим дипломом все-таки шла трудно. К апрелю, получив тему, я откровенно заскучала. Вокруг благоухала весна, и работать совсем не хотелось, к тому же было ужасно неинтересно прочитывать и выслушивать банальные рекомендации моего руководителя диплома. И тогда я стала... фантазировать! Такое со мной случается. Только попадаете под руку что-то ординарное, примитивное, меня как черти щекочут! Хочется тут же обсмеять банальность и сотворить что-то необычное!

Однако время не стояло и не терпело моих «резвостей». Встреча с научным руководителем, сановитым профессором, который считал, что «...мы с вами, Таня, справимся с работой в два счета...», привела его в полное расстройство.

Я ничего путного не сделала, что-то вяло бормотала о «тривиальности подходов к теме», которая «ни уму, ни сердцу». Пожав плечами, он с обидой сказал: «Таня, защищать диплом — это совсем не то, что защищать диссертацию! Хотя что-то покажите мне, а там и время защиты подойдет. Главное — пишите!» Профессор пытался внушить мне бодрость, а получалось наоборот!

После очередной такой «творческой» встречи прихожу домой. Олег играет с Алькой. Оба смеются, а у меня в душе — темень. Заметил муж мои печальные вздохи-охи, подсел и спросил: «Что, взгрустнулось?» Рассказала ему о своем разговоре с руководителем диплома, о невероятной скуке, которая охватывает меня, когда я перебираю план дипломной работы, составленный еще неделю назад.

Попросил план, посмотрел, что-то почеркал, написал на полях. А тут и вечер незаметно приплыл. Уложила я Альку, погладила по своему еще совсем незаметному «животику», в котором мирно спал Игореша размером с молекулу. Тогда мы, конечно, думали, что это Аленушка, потому что надежды на девочку были «агромадные». Иду на кухню, где устроился с моими «дипломными каракулями» муж...

...Все-таки виновата была во всем я. А точнее, не развитое к тому времени мое мышление студентки, которая к концу университетского курса, дважды уходя в академический отпуск, штурмом подавав все экзамены и зачеты, так и не научилась мыслить глубоко и основательно. В итоге я пришла к финалу своего университетского курса, зная лишь «кое-что кое о чем».

Не хватало главного — культуры мышления. Для дипломного же сочинения это было важным условием успешного анализа. К тому же я всегда чуралась философии, скучала на теоретических семинарах по лингвистике,

а получая темы курсовых работ, избегала «умничать». Все это мне сейчас и «отомстило»!

То, что Олег прокомментировал, опираясь на мои же записи, иллюстрируя моими же примерами, собранными для дипломной работы, в его изложении стало выглядеть очень прилично! С его помощью я нащупала корни и связи темы диплома с научной дисциплиной, которая меня давно привлекала, — стилистикой языка журналиста.

Пока во многом интуитивно я обратила на нее внимание. Как человек пишущий, я была внутренне заинтересована в усвоении практического инструментария журналиста для достижения большей выразительности и убедительности статей, которые иногда писала в разные газеты.

Я не могла не видеть, насколько разнообразен ресурс стилистики языка для выражения идей и чувств — в статьях, очерках, заметках, зарисовках талантливых авторов.

Впрочем, однообразие стиля, беспомощность языка многих журналистов были частым явлением на газетных полосах. Газетный язык стал ругательным термином, символом пресности, заштампованности, стилистической неряшливости и скуки. Однако, размышляя на эту тему, я пока беспомощно «плавала» между обломками спонтанно вызревавших во мне идей и предположений о закономерностях практической стилистики языка журналиста, связанных с требованиями газетных жанров.

Процедив через методологическое сито мои записи, черновые наброски, пролистав «Стилистику русского языка», толстенный учебник, чтобы припомнить кое-что из слышанного пять лет назад курса на филфаке, Олег помог мне убедиться в том, что идеи, над которыми я корпела, действительно стоящие!

...Русский язык, десятилетиями приспособляемый практикующими газетчиками к задачам профессии журналиста, в современную эпоху развития публицистики стал быстро «специализироваться». О стилистике языка журналиста филологи стали говорить как о самостоятельном явлении. Культурные стандарты стилистики русского языка, выращенные на сочной и благодатной ниве русской литературы, теперь соседствовали с довольно либеральными нормами языка газет и журналов.

Их сосуществование далеко не всегда было мирным. Для одних отказ от культуры языка на страницах периодики означал его обеднение. Для других — вынужденный компромисс, поскольку газетная заметка — не рассказ, а ее читатель не нуждается в «красотах стиля», потому что ему нужна информация!

Однако публицистика стала заметно развиваться, а тиражи газет были просто астрономическими! Возникали даже новые публицистические жанры. Они требовали своей специфической стилистики языка, отличной от

художественной литературы, публичной речи и научных сочинений. Между тем тщательного анализа и серьезной систематизации в этом процессе еще не наблюдалось.

Слушая комментарий Олега о конфликте критериев художественной стилистики русского языка с опытом реальной практической стилистики газетных жанров, я постепенно стала нащупывать здесь уже конкретные проблемы.

Работая над конспектами глав своего диплома, я еще не была готова внятно их обозначить, но осознавать их признаки мне уже удавалось.

Главное, я ощутила тот редкостный внутренний подъем, который будоражил мое сознание, обещая неожиданные и даже очень дерзкие откровения.

Все субботы и воскресные дни шли мои «лингво-философские семинары» с мужем. Прихватывались выпавшие к тому времени и праздничные дни, и глубокие вечера будней.

Наконец я полностью перекроила и тему, и структуру дипломной работы, набросала довольно обширные комментарии к каждой главе и приготовилась к очередной встрече со своим руководителем.

То, что он будет в восторге от моих «новаций», я даже не сомневалась! Вот такая меня охватила самоуверенность... Каково же было мое уныние, когда, прочитав мои тезисы, а потом выслушав мои комментарии по возникшим у него вопросам, профессор сказал мне с нескрываемым разочарованием: «Танечка, вы написали что-то неудобоваримое! Напоминаю в последний раз: вы пишете только дипломную работу! Диссертацию, если захотите, вы будете писать значительно позже!»

Вздыхнув, профессор посмотрел на меня долгим, укоряющим взглядом и завершил: «Думаю, что если вы будете и дальше так фантазировать, то вынудите меня отказаться от руководства вашей дипломной работой...»

Вернулась домой я злая и... непримиримая! Тогда случилось то, что должно было случиться именно со мной: я стала писать дипломную работу самостоятельно, на свой страх и риск! Дерзости придавало и то, что буквально накануне моей встречи с руководителем диплома я нашла в свежем выпуске научного журнала журфака МГУ статью профессора В.Г. Костомарова, посвященную проблемам языка и стилистики газетных жанров. Его идеи были мне близки, понятны и привели в восторг! Этот автор мыслил смело и азартно, излагал свои позиции бескомпромиссно, даже агрессивно, а главное, строил свои неординарные концепции на железной логике и безукоризненных аргументах. Я сразу почувствовала в нем родственную душу!

И вот однажды Олег сообщает мне, что Костомаров... в Минске! Показывает «Вечерний Минск», где была напечатана крохотная заметочка о том, что в городе проходит семинар по стилистике языка журналистики и ведет его «...московский профессор Виталий Костомаров».

То, что мой ясноликий Олег — авантюрист, пират и вообще непредсказуемая личность, я знала давно, но когда он заявил мне: «Причешись, наведи марафет, приготовь все свои дипломные конспекты, сегодня вечером к нам придет... — Он выдержал паузу и выдохнул: «Профессор Виталий Григорьевич Костомаров!»

Когда он мне об этом сказал, я чуть не лишилась чувств! Нет, этого не может быть! Невероятно! И тем не менее в семь часов вечера, когда уже мирно спал наш первенец, а Олегом заранее уже была напечена гора блинов, в нашей квартире появился худощавый мужчина среднего роста, с умными карими глазами. Олег привез его из гостиницы и прямо на пороге меня представил: «Виталий Григорьевич — это моя жена Танечка...»

Костомаров улыбнулся и протянул мне руку. Определенно, в такой ситуации смутишься и раскраснеешься до корней волос. Было от чего! Передо мной стоял автор прекрасных монографий по теории языка и стиля. Профессор МГУ. Но главное — человек, писавший статьи, которые я читала с восторгом, понимая в них каждую запятую и точку! Подумать только! Сидит он сейчас рядом со мной. Здесь, в моем доме. Прихлебывает горячий и ароматный наш знаменитый «Гондурасский чай». Мало того! Он... читает мои листы, где я уже успела изложить довольно обстоятельно почти все свои идеи, так обескуражившие руководителя моей дипломной работы.

Наконец наш гость, прочитав аккуратно распечатанные мной накануне листы, сказал: «Ну что ж, Таня, я считаю, что дипломная работа в целом есть!» Костомаров весело глянул на меня и добавил: «Почистить, конечно, надо кое-что... Но это уже детали. Главное схвачено! Есть концепция. Очень неплохая доказательная база. Некоторые места этой части прогляните придирчивей. Иногда логика рыхловата, да и аргументацию старайтесь подыскивать убедительней... Однако повторяю: главное есть! Молодцом, Таня!»

Он ушел, оставив нам аромат своего обаяния и внушенную мне уверенность в моей правоте. Тогда же Костомаров сказал, что порой и очевидное приходится «доказывать с пеной у рта!». «...Если что-то очевидно для вас, а не для остальных, это еще полдела! Здесь, — Костомаров с улыбкой показал на мои листы, — вы делаете настолько оригинальные и неожиданные «кульбиты», что должна быть «очень глубокая тишина», чтобы к вам прислушались даже знающие люди, а главное, чтобы они очень захотели понять вас!»

...Когда я защищала диплом, уж что-что, а тишины в аудитории было предостаточно! Но сначала расскажу о «шуме».

Ученый совет журфака оказался в тупике. Этим же Советом назначенный мой научный руководитель публично отказался от своей «почетной роли!» Однако Совет упрямился его представлять дипломницу хотя бы ради приличия или просто формально Юрганову Татьяну в день защиты.

Никаких оснований не было официально лишать меня права защищать диплом, который был написан, аккуратно отпечатан и в срок представлен на кафедру. Профессор нехотя согласился. Он выторговал себе право сказать свое «последнее слово» сразу же после защиты, в зависимости от того, как она пройдет и как отреагируют на мою дипломную работу его коллеги из экзаменационной комиссии.

Конечно же, о моем «контакте» с В.Г. Костомаровым я никому не говорила. Пришлось считаться с негласными этическими правилами, действующими среди профессуры, о которой я уже имела какое-то представление, поговорив в тот знаменательный вечер с Виталием Григорьевичем.

Зная от меня о дне защиты диплома, В.Г. Костомаров прислал накануне телеграмму: «Таня вскл. Держи хвост морковкой тчк Костомаров».

И вот «мы», то есть я с «Игорешей-Аленой» в животике, уже значительно подросшим, пока я корпела над своей дипломной работой, взошли на кафедру, как только объявили мою фамилию и тему моего диплома. Олег сидел в первом ряду...

...В моей памяти мелькнула быстрая картинка: Олег на трибуне все-союзного симпозиума по социальной психологии, проходившего в Минске. Я сижу в первом ряду, а в моем пока еще не очень заметном животике прячется наш Алюня...

...Университетский зал, где проходила защита, был невелик. Но, взгромоздясь на кафедру, я вздрогнула: он был забит до краев! О пикантности ситуации с моей защитой быстро прознали и студенты, и преподаватели. Любопытных было хоть отбавляй.

...Я говорила спокойно, размеренно и, не буду скрывать, — с наслаждением. Я рассказывала о своих идеях, систематизированных за полтора месяца бдений в библиотеках, в спорах с Олегом, в переписке с В.Г. Костомаровым и моих с ним телефонных переговорах. Я рассказывала о том, что уже не казалось мне странным, но отрицалось в позициях многих ученых, специализировавшихся в стилистике языка журналистики, в том числе и моего «научного руководителя», его коллег здесь же, на факультете журналистики.

Чувствовалось, что меня напряженно слушают все. Наконец я кончила, произвольно пробормотав: «У меня все...»

...Тишина робко обтекала меня, моих педагогов, сидевших за моей спиной у кафедры, публику в переполненном зале. Олег не выдержал и хлопал первым. Наэлектризованный зал мгновенно «выстрелил» громкими аплодисментами. Улыбающийся муж стоит у кафедры, подает мне руку, чтобы помочь спуститься к первому ряду, где на запасном сиденье лежали для меня цветы...

Мы уселись рядышком, и я вслушивалась в «речь» моего «научного

руководителя». Я помню ее почти наизусть! Даже сама не понимаю, для чего это мне понадобилось сохранить ее в памяти? Но, кажется, не зря...

«Я понимаю, мое, как бы это сказать поточнее, — профессор вытирал большим платком пот со лба и щек, избегал смотреть в мою сторону, — да, особое мое положение сейчас позволяет мне высказать мнение об услышанном абсолютно искренне и честно. Я не приложил никаких усилий к тому, что было представлено здесь выпускницей факультета журналистики Татьяной Тузовой... э-э-э, простите, Юргановой! Но это, как вы убедились сами, уважаемые коллеги, нисколько не повлияло на конечный результат, доложенный сейчас вам. То есть я хочу сказать, что результат этого эксперимента, — тут он посмотрел в мою сторону и улыбнулся какой-то вымученной, виноватой улыбкой, — получился просто блестящим!»

Пятерка за дипломную работу, а чуть позже рекомендация кафедры для поступления в аспирантуру были итогом моего завершившегося высшего образования.

Пока я защищала диплом, Алька-младший играл с дедом, а мама бегала к телефону и звонила своей подруге, которая работала лаборантом на соседней кафедре, и «собирала информацию» о том, «что там да как».

Гора с плеч свалилась! Наконец-то университет окончен!

...Потом, уже в доме моих родителей, мама с папой смиренно и не в силах скрыть радости смотрели на супругов Юргановых. И тут я услышала робкий вопрос мамы: «И что дальше?» Ответить я не успела. Это сделал за меня Олег: «Как что дальше? Дальше — аспирантура, кандидатская диссертация! Она у Танечки, считайте, в кармане!» Я рассмеялась. «Это правда?» Мама смотрела то на меня, то на моего мужа. Это выглядело ужасно комично, однако я старалась сдержаться: вдруг неправильно поймет меня моя мама! Сколько раз так бывало...

Олег не унимался. Он вдохновенно «строил планы» моей жизни и карьеры. «Через год, — продолжил муж, — Таня сдаст кандидатские экзамены и в крайнем случае еще через год, ну от силы два — защитит диссертацию». Потрясенная ясной логикой не менее ясноликого зятя, теща тихо спросила меня: «Это правда? Ты так решила?» Я спокойно допила свой апельсиновый сок, заела его виноградиной и ответила: «Раз муж так решил, значит, так и будет! Разве ты не знаешь, у нас — домострой!» И мы все весело расхохотались.

Действительно, я поступила в аспирантуру, еще через год, родив Ярослава, сдала кандидатские экзамены и полным ходом стала работать над диссертацией, которую Олег назвал «научным детективом с интригующим сюжетом», а Виталий Григорьевич Костомаров довольно прозаично «важным делом для науки и журналистской практики».

«Как выплыть мне из этой глубины, как разгадать значение слов и взглядов...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Передо мной лежала стопка писем, которые я и Олег писали друг другу. Сначала он мне писал... Так было чаще всего в те дни, когда мы бродили по лабиринтам любви, а безотказный покровитель почт и писем Меркурий доставлял нам конверты с поспешно исписанными листочками. От меня Меркурий уходил чаще всего без писем, зато мне приносил целые пачки конвертов, проштемпелеванных на почтамтах разных городов Белоруссии, по которым разъезжал Олег, выполняя задания Бориса С.

Через год список городов резко сократился, хотя писем стало гораздо больше и я уже не отставала от Олега по их количеству. Переписка шла из Краснодара, куда Олег уезжал к родителям, забирая детей, чтобы избавить меня от хлопот и дать возможность готовиться к сдаче кандидатских экзаменов, работать над диссертацией, или из Саратова, куда папа Олег иногда ездил, чтобы провести его, а заодно пообщаться со своим другом Мишей Ч.

...В дни блуждания по лабиринту любви я часто видела во сне почему-то морское дно. Я бродила по этой зыбкой поверхности, объятая с головой мрачной пучиной, с трудом передвигая ноги. Но, странное дело, я совсем не чувствовала страха! Скорее любопытство, которое заставляло меня снова и снова погружаться в эти глубины.

Когда Олег уезжал с детьми, я чувствовала себя в густой, вязкой тишине одиночества, погруженная в заботы и обязанности, наедине с которыми оставлял меня мой «князь». Моя душа жила по каким-то своим законам, и в дни вынужденного одиночества я с ней нередко конфликтовала. Я не могла усидеть над книгами или писать что-то научное, а садилась за пишущую машинку, и тут же рядом укладывались аккуратные стопочки листков. Потом, так же аккуратно, они укладывались внутрь конверта и я отправляла их в город на Волге или на Кубани. Теперь мои чувства были сходны с переживаниями Олега во времени, отделенном от меня, сегодняшней, девятью годами...

Читая его письма тогда, я окуналась в глубину его страстей и мыслей, поначалу пугаясь их, пытаюсь осознать значение слов и взглядов пока неведомого мне человека. С годами писать ему письма научилась и я, а Олег стал для меня дорогим человеком. Я уже пребывала в глубине его слов и взглядов, осознавая их гораздо успешнее, чем раньше. Это было нелегко, признаюсь, и, рассказывая об этом, я решила увенчать эту главу риторическим вопросом из стихов моей ранней юности. Кстати, ответ на этот мой вопрос оказался

неожиданно простым: «Пишите письма!»

И еще... Работая над диссертацией, а это было главной моей обязанностью, с которой муж оставлял меня в Минске, уезжая летом с детьми в Краснодар, я должна была прочитывать кипы газет. Писала я о стиле языка периодики применительно к ее жанровому разнообразию, и мне надо было собирать иллюстративный материал. Все было просто: беру газету, нахожу в ней статью, фельетон, заметку, очерк, дотошно анализирую, делаю для себя пометки и, как букашку, прикрепляю в определенную папку с каким-нибудь «умным» заголовком.

Я часто наталкивалась на поразительно глупые, смешные и нелепые опусы. Из этих газетных фрагментов — рисунков, абзацев статей, заголовков, я делала коллажи и со своими комментариями, наклеенными из вырезанных печатных строк, отправляла в Краснодар, чтобы мой муж позабавился вместе со мной.

С Кубани понеслись восторги, и я поняла, что резвиться можно и по почте. Иногда газетная заметочка сама по себе ничего не значила, однако, «возбужденная» моими комментариями, а главное, значением используемых мною слов, о которых был осведомлен только Олег, она приобретала точный смысл, уловив который мой муж уж наверняка заливался раскатистым смехом, который я очень любила.

Однако я снова забежала вперед...

...Первые письма Олега я стала получать, когда он уехал в Борисов в командировку. Была весна 1970 года. Я думала о происходящем со мной и еще не знала, какое место займет в моей судьбе автор этих писем!

Мне было только известно, что зимой он приехал из Саратова. У него цепкий ум. Пишет неплохие рассказы. Разводится с женой. Тоскует по сыну. Страшно раздражает моих родителей. Успешно сотрудничает с организацией, у которой большое зашифрованное наименование. Совсем недавно он поехал в командировку в город Борисов и почему-то все больше и больше начинает мне нравиться...

...На его письма из Борисова я не отвечала. Нет, не из вредности характера. Просто тогда я еще не созрела для таких чувств. С трудом успевала «переварить» эти огромные красочные послания человека, который, как ему верилось, уже любил меня и, чувствуя мои колебания, огорчался.

Тогда Олег убеждал и себя, и меня, что наши отношения уже состоялись и грешно отказываться от того счастья, которое уже «...так близко, так возможно...».

Я погружалась в глубины собственных ощущений, замечая с досадой, что их новизна меня нередко пугает, потому что чувствовала я иначе, чем Олег. Увидеть себя в душевных пределах этого человека мне долго не удавалось, хотя к нему тянуло магнитом.

Когда я, наконец, научилась осознавать значение каждого взгляда и слова Олега, в моей душе все разом изменилось. Стало интересно, и скоро даже возник страх потерять все, что стало понятным и дорогим для меня!

...Первые письма Олега ко мне из Борисова я читала отстраненно. Так читают романы, новеллы — ясные, ритмически очень мерные. Я их читала и откладывала, чтобы обдумать, осмыслить. Назавтра приходила новая порция этих новелл. Я снова их читала, неспешно погружаясь в смысл слов и образов, щедро раскиданных на тетрадных страницах, запечатанных в конверты.

В то время я, еще осторожно и даже недоверчиво, прикасалась к его мыслям и переживаниям, чутко прислушиваясь к отклику своей души. Но на отклик требовалось время...

Олег понимал мое молчание по-своему. Пытался себе что-то объяснить, и, возможно, ему это удавалось, потому что в его письмах я не обнаруживала ни упреков, ни раздражения на мое молчание.

...И вот в дождливый апрельский день он вернулся в тот самый дом на проспекте, где мы с ним впервые увиделись. Как и я два месяца назад, он быстро проскочил ступени подъезда. Наверняка решительно притянул к себе входную дверь, распахнув упрямую створку. Быстро поднялся на старом, скрипучем лифте и, наконец, остановился у знакомой двери. Нажал кнопку звонка в квартиру, где в тот миг я весело болтала с подругой. Наташка, занятая приготовлением чая, попросила: «Открой...»

На пороге стоял Олег. Никакой неожиданности для меня не было. Я не ждала его, как жду теперь, едва за ним закрывается дверь. Тогда я просто знала: рано или поздно мы снова увидимся...

Непроизвольно, как выдох запыхавшегося человека, у него вырвалось: «Ты получила все мои письма?» — «Да!» — ответила я спокойно. Он посмотрел на меня с интересом и почему-то шепотом сказал: «Спасибо...» Я пожала плечами. В прихожей появилась Наташа, увлекла нас на кухню, и мы стали пить чай, болтая о пустяках...

Его письма лежали у меня в сумочке, которую я таскала с собой, как «писаную торбу». В тот же вечер, вернувшись домой, я снова их все перечитала и, как мне кажется, лишь в тот момент поняла, что принадлежат они только мне! Тогда же я надежно спрятала их дома в потайное место, о котором родители даже не догадывались.

Сейчас передо мной распахнута «особая» папка, где, прижавшись друг к другу, лежат сотни листов наших писем и записок, написанных за эти девять лет друг другу...

Здравствуй, моя хорошая!

Что-то мутно у меня на душе. Хочется поговорить с тобой. Завалил тебя письмами, наверное. Ты уж прости меня за такую «писучесть». Что делать? Когда много работы и к тому же нет рядом тебя, настроение

начинает портиться.

Ты почему-то всегда осторожно говоришь о любви. Может быть, оттого, что много людей вокруг слишком неряшливо относятся к этому понятию? Может быть, ты даже боишься сама себе признаться в своих переживаниях...

Я нахально сейчас воспользуюсь тем, что ты не остановишь меня и будешь читать это письмо где-нибудь в уголке почтамта или в библиотеке и даже помотришь на меня глазами, которые я так люблю...

С каждым днем нашей с тобой жизни я все больше и больше удивляюсь тому редкому сочетанию счастья и тревоги, в которых пребываю вот уже не один десяток дней. Человеку необходимо, наверное, такое сочетание прожитых дней, в которых счастье рождало бы надежды, а тревога... А тревога закаляла дух.

Ты иногда возвращаешься к мысли о том, что я человек странных сочетаний. Мне так кажется. Сложность судьбы, противоречивость пережитых событий выбивают меня из спокойствия. Иногда мне кажется, что я лишен какого-то центра, откуда по нитям несутся сигналы с ясными инструкциями, необходимыми для моей повседневной жизни. Оттого и получается, что каждый день рождает бурю противоречий, а во главу угла мной ставятся иногда ошибочные суждения и несправедливые упреки. Это вызывает резонанс в тебе, и тогда я откровенно пугаюсь, снова путаюсь в мыслях, пытаюсь загладить неловкость.

Я люблю тебя нервно. Так же нервно боготворю тебя. Ты принесла в мой мир массу прекрасных ожиданий, которые заслуживает далеко не каждый мужчина. Ты упрекаешь меня за излишний аналитизм... Моя прелесть, ты и представить себе не можешь, как сложны чувства человека, прошедшего сквозь игольное ушко поисков истины! Именно в этом я увидел в тебе союзника. Я хочу привести тебя в мир таких переживаний и светлых страстей, которые сцементировали бы нас вместе в единую суть. Бог мой! Как я мечтаю об этом единстве и нерасторжимости мыслей, сопереживаний... Как жду слияния наших идеалов.

...Тысячелетний опыт любви: нежность, доброта, ласковость, страстность... я вижу в своем свете. И это меня закручивает в спираль неожиданных открытий, которые я делаю... в тебе.

Никогда не соглашусь, что я не должен говорить тебе об этом. Почему ты загораживаешься от этих волшебных понятий? Почему ты лишаешь меня главной радости — провозглашать! Делать это по типу клича: Monte video!, то есть — «Вижу берег!» А зачем? Я радуюсь и говорю о том, что я — радуюсь! Ты прекрасна уже оттого, что радость все новых и новых открытий в тебе заставляет меня волноваться! Эти мои радости, которые приходят с тобой, — трудны. Ты же человек непростой... Тем более я

горжусь, правда, пока в одиночку, тем, что с каждым днем ощущаю прилив сил, помогающий чувствовать тебя уже как часть моего «Я».

В мой мир ты вошла осторожным прикосновением. Но я нетерпеливый и неровный человек. И уже то, что ты не испугалась своих странных, но таких естественных для тебя предчувствий... То, что ты осталась со мной, было для меня предзнаменованием доверия.

Нам пришлось столкнуться с адскими трудностями, возникшими за границами наших чувств. В этот период многое «клатось на наковальню». Я горжусь, что мы не дрогнули и не зажмурились. Вспомни — не раз отчаяние готово было разорвать наши узы, но мы выстояли!

В последнее время я очень люблю с тобой об этом говорить и размышлять вслух. Ты знаешь, Танечка, как трудно бросить вызов традиционным представлениям. Даже лучшие друзья не способны понять те отчаянные шаги, которые мы предприняли и готовы предпринять в будущем, чтобы спасти от грязного нашествия то, что в наших душах родилось.

Да, ты очень осторожно прикасаешься к понятиям, которые помогают нам с тобой до тонкостей разобраться в чувствах, которые уже возникли. Мне кажется, что это — ложная осторожность. Иногда меня охватывает такая буйная стихия переживаний, что, когда я произношу слова «любимая», «друг», «нежность», «надежность», «счастье», «радость», они сотрясают мое существо до основания. Тогда я избавляюсь от мрачных предзнаменований, разочарований и горечи. Отбрасываю страх неизвестности, заставляю себя быть сильным. Я наслаждаюсь радостным возбуждением, и воспоминания, захваченные щупальцами неудач и страхов, исчезают из моей души, растворяясь в надеждах...

Я чувствую, что здоров, полон жизни и... даже бессмертен! Конечно, ты сейчас упрекнешь меня в нафосе. Я ощущаю какой-то глобальный размах в будущих моих действиях. И виной тому — ты! Ты! Ты!

Даже не пытайся сопротивляться моим эмоциям, друг мой. Я смогу дня через три — четыре увидеть тебя.

Ты знаешь, я рад, что письма избавляют меня от приступов странной твоей стыдливости. Люди почему-то не стыдятся унижать себя и себе подобных, а благодарность, возвышение и поклонение любимой женщины может, оказывается, вызвать прилив нелепой стыдливости!

Представь эту изумительную картину, когда мужчина возвышает женщину не в припадке эротического экстаза, а просто оттого, что иначе не может, — так хорошо ему, даже отдаленному на сотни и сотни километров от любимой. Кстати, что плохого в восхищении умом, идеями, музыкой души тех, кого знаешь, кто волей судьбы стал твоим современником? Я рад, что уж это ты принимаешь. И даже останавливаешь меня, если я, забывшись, хамлю или не сдерживаюсь в

более «приличных» формах.

Да, еще можно найти немало горьких плевел в моих поступках, и ты это понимаешь, когда останавливаешь меня. Трудно оторваться от мысли, что впереди все-таки целая жизнь с ее тенью и светом! Не устану повторять: оставайся всегда такой, какой ты приходишь ко мне в лучшие минуты наших встреч. Оставайся смелой и решительной перед лицом жестоких превратностей жизни. Я люблю тебя и бесконечно чувствую, как дорога ты мне! И за что только мне привалило такое счастье? И не спорь со мной, уж я-то знаю, что это — счастье! Мое милое дитя, я ищу встреч с тобой и наверняка раньше времени сбегу отсюда...

Сегодня удивительный день... Я поговорил с тобой!

Целую.

Юргаша.

А через день я получила еще одно письмо из Борисова...

Здравствуй, прелесть моя!

У меня сегодня такой насыщенный день, что ноги гудят, как струны контрабаса. Но это все ерунда по сравнению с тем, что я увидел. Ты была когда-нибудь на стеклозаводе? А на фабрике пианино? Тож же нет? В таком случае мне крупно повезло! По обилию вопросительных и восклицательных знаков ты можешь судить, в каком я сейчас состоянии.

Словом, пришел я к городскому начальству, как и было в моих планах командировки, и обнаружил полное отсутствие этого начальства на месте. «Первое лицо» отчалило в Минск сдавать какие-то экзамены, «второе» (об этом мне поведало «третье лицо») заболело, поскольку накануне, в воскресенье, решило пожариться на весеннем солнышке и застудило поясницу. Мне обещали, что это «второе лицо» будет очень скоро знать о моем приезде, что ему сообщат о моем не совсем «инспекционном» визите, и оно, это «второе лицо», очень скоро прибудет в свои служебные «пределы».

Оказавшееся на месте «третье лицо» недавно вернулось из отпуска и сразу же завязло в делах. Сначала оно с опаской стало меня разглядывать и осторожно выяснять цели визита. Очень скоро оно с облегчением поняло, что я «почти ручной», и успокоилось. Я сообщил, что приехал помогать, даже объяснил, в чем именно, и тут же вызвал прилив симпатий к себе.

Вскоре появилось «второе лицо», и я поразился: оно светилось счастьем. Правда, оно уже знало, что я приехал «помогать», и никакие вопросы, кроме: «Чего изволите?», не собираюсь задавать!

Решено было повести меня на стеклозавод, поскольку тамошнее начальство нуждалось в моих консультациях прежде всего. Скажу тебе, милая моя радость, что стеклозавод — это большая-большая хоромина. Там дуют в трубочки, делая фужеры, рюмки, роскошные вазы и прочую прозрачную и не очень прозрачную, но чертовски красивую продукцию.

Там стоит неимоверная жара! Меня, конечно, потаскали по цехам, и я даже понял кое-что из техпроцесса производства рюмок, да так толково, что пора было в эти рюмки что-то налить, чтобы мои знания закрепить. Я человек иногда не очень скромный: что на уме, то и на языке. Так случилось и теперь. Слышу, мои губы произносят робкое пожелание занять небольшое коньячное семейство, которое здесь называется очень даже профессионально: «Питейный набор для употребления благородных напитков». Мне так же тихо и осторожно ответили, что как только убедят директора в том, что моя командировка на завод привела к выполнению текущего планового задания на этот месяц, мне непременно нечто подобное вручат.

Мудрость моих собеседников не знала границ. Когда я завершил свой семинар, некто громадный в чистой робе, глядя на меня сверху вниз, пробасил: «Спасибо!» — и вручил что-то такое красивое, что я это чуть не разбил от распиравших меня чувств встречной благодарности. Мне сразу сказали, что такой вещицы нет ни у кого, она — уникальна... Вот увидишь, это так и есть!

Конечно, я сразу вспомнил о тебе, возгордился, что эта вещица начнет твою коллекцию бытового стекла, что она выделит тебя из ряда коллекционеров, которые просто лопнут от зависти. Что это? Ишь ты! Приеду — покажу! А пока терпи. Я же хитрый, хочу, чтобы ты ждала меня с нетерпением. Авось так и получится, а? Ну ладно, ладно... Шучу! Лапонька, как ты там себя чувствуешь? Скучаю по тебе совершенно нечеловечески. Все бы бросил и...

Потом мы поехали на фабрику пианино. Эх, скажу я тебе... Пианино — это да! Какая сложная механика — страсть! Я такого не знал и не видывал. Посмотрел я, как пианино делается, и стало ужасно обидно, что играть не умею. То пианино, что у тебя в доме стоит, тоже делали в Борисове. Гордись и радуйся. Правда, то — старая модель. Какую они сейчас сварганили (чуть не сказал — съюрганили! Вот честолобец, а?) — сказка! Посмотрел я и говорю с тоской: «Вот побывал я у вас и хочу радоваться, даже когда домой вернусь!» Ребята оказались на редкость сообразительными. Тут же куда-то скрылся сопровождающий, кто-то с кем-то стал шептаться. Я, конечно, человек наивный и по простоте душевной уже думать стал, куда я буду ставить... и кто играть будет, пока сам не научусь? Потом мне пришла в голову одна коммерческая мысль, и я сразу же успокоился. А тут и сопровождающий вернулся. Я понял, что мне «ничего такого не грозит». Повели меня в цех ширпотреба. Это такое место, где из остатков пианино делают хорошие вещицы. На душе стало светло, когда мне вручали сувениры. Печально я глянул на эту продукцию и тут понял их редкую ценность. Словом, я завалю тебя сувенирами. Откроем музей... за плату будешь пускать посетителей.

И вот, он вернулся в тот самый дом на проспекте, где мы с ним впервые увиделись... Как и я, два месяца назад, он быстро проскочил ступени подъезда. Наверняка решительно притянул к себе входную дверь, распахнув упрямую створку...

Однажды в кино я видел, как делают и настраивают пианино в... Тбилиси. В Борисове делают точно так же! На этом день завершился. Завтра буду смотреть, как делают пластические массы и электрооборудование для тракторов...

Друже, как ты там? Как у тебя в «лесу». Держись, старушенция! Я отчаянно хочу тебя видеть и...и...и... целовать! Скромное желание, правда? В городе очень много зелени. Очень оказался чистеньким город Борисов и очень тихим. Отдыхаю от шумного Минска, с наслаждением вдыхаю свежий воздух, ароматы весны.

Получила ли ты мое предыдущее письмо? Приехали ли к Наташе родственники и куда мне смыкаться? Узнай поточнее относительно времени отъезда бабушки на дачу. После Борисова я поеду в Березино, потом в Ждановичи и вернусь в Минск. Как готовишься к своим зачетам и экзаменам? Получается? Не куришь? Не надо, милая, прошу тебя! Ты же у меня умница и здоровье будешь беречь, правда?

Интересно, как твои родители отнеслись к тому, что ты теперь рано приходишь домой? Между прочим, промолви: «Олег... в командировке...» Пусть не истекают желчью!

Ну вот и все! Страшно хочется наговорить тебе кучу нежных глупостей и посидеть с тобой в твоём дворике, в нашей беседке и в не менее нашем кафе «Молочное». Но это — впереди. Не ходи поздно. Это без меня небезопасно. Не смейся! Целую тебя, моя прелесть.

Твой Юргаша.

Почти сразу же пришло новое письмо.

Здравствуй, здравствуй, моя прелесть!

Я, конечно, уже за столом и пишу тебе длинное письмо. И хотя я знаю, что длинных писем ты «ужасно не любишь», пишу. А что? Ведь должен же я как-то хитрить и быть с тобой наедине подольше.

Ну ладно, ладно! Сегодня у нас с тобой такой день! Ты сдала очередную порцию своих экзаменов из той приличной порции долгов, которые травят тебе душу. Но всему свое время. Не горюй! А я благополучно завершил свою командировочную эпопею в этом городе.

Можешь себе представить состояние человека, который сразу по прибытии в город Борисов вздрогнул. Как? Неужели я еще не выезжал из Минска? Представь, что вокзальное здание этого городка — один к одному минский вокзал! Спросонья наверняка так и подумаешь, когда выйдешь из поезда и уткнешься в этот архитектурный «дубль».

Я объехал весь Борисов. Даже побывал в Березино. Правда, наполеоновский клад не нашел, ну да это не к спеху. Впечатления очень неопределенные. Суди сама, город похож на торт «Наполеон». Между слоями раститель-

ности — дома «всех времен и народов». Не скрою, заметны в основном и коробки, и срубы старинного типа, но есть что-то такое, что заставило присмотреться, правда, за неимением времени особо к архитектуре не приглядывался.

Как обычно, в глаза бросается яркое. Ну что может быть ярче «современного» оформления магазинов, особенно промтоварных? Моему привыкшему к сенсациям и капризному глазу предстала вдруг картина, достойная Джером К. Джерома.

Магазин... Приземистый и достаточно прочно сколоченный. Местные гангстеры вряд ли решатся его «осваивать». Меня привлекла толпа, стоявшая у магазина. Подхожу поближе. Толпа как толпа. Но сложность в определении принадлежности к полу большинства из стоявших ставит меня в тупик. Вспоминаю твою реплику: «Это мальчик, конечно же, да?» Помнишь, ты глядела на дылду в желтых брюках? Ну вот, вспомнил и почувствовал, как я тебя понимаю! Здесь, в толпе, распознать, кто есть кто, еще труднее. Не успеаешь делать выводы. Они же двигаются, эти «волосатики». Однако уже через пять минут все становится на свои места. За витринным стеклом стоит великолепный черный обнаженный манекен. Это — «она»! Я убедился сразу: «она» демонстрирует летние шляпки. Грудь — в духе рококо. Лицо — явный ампир, а точнее, «вампир». Толпа тычется носами в стекло. Впечатление — во! Манекены, как диковинные рыбы в аквариуме. Теперь понимаю: предо мной — сильная половина города Борисова. В романтическом возрасте, проходящая стадию феминизации, чтобы, по-видимому, лучше понять насущные проблемы женского движения.

«Чугунок» — назовем так манекен со шляпой на голове — «взирала» на мир со спокойным равнодушием, а я, взволнованно дыша, отошел от витрины. Сел в автобус, успокоив себя тем, что я не градоначальник Борисова и не мне заботиться о том, как развлекать толпу. Еду... Уже спокоен. И вдруг моя гортань судорожно сжимается, дыхание прерывается. Сталин? Сталин...

Проезжаю мимо постамента, на котором красуется «наш дор...» и так далее. Тихо ахаю и выхожу из автобуса... Иду. Подошвы почти приклеиваются к асфальту. Шаркаю ногами, медленно приближаясь к этой скульптурной фантасмагории, дожившей до 1970 года!

Подошел, читаю табличку: «Орджоникидзе». Проглатываю слюну, поражаюсь невероятному сходству с «вождем и учителем». В голову приходит шальная мысль, что И.С. в этом городе «работает» под легендарного Серго, который властями пока не запрещен, а табличка на постаменте уточняет для таких неверующих, как я, кто есть кто! Да, произошла не ошибка, милая Танечка, а осечка. Просто перепутали головы, поскольку все остальное на месте! Тот же френч, рука там же, куда ее обычно за-

совывают все вожди, в том числе Иос...Вис... В общем, страна должна знать своих героев, даже если они на одно лицо с теми, с кем народ наш исторически размежевался во времени и пространстве после партийных постановлений о «культе».

Был в церкви... Т-с-с-с! Тише. Я же в качестве зрителя. Пели хорошо. Вспоминаю Загорск. Лавру... Ты знаешь, здесь, оказывается, поют не хуже! Моя «поповская» физиономия, с явной «дьяконовской растительностью» на подбородке, ввела старушек в заблуждение. Приблизилась ко мне, креститься стали истово, правда, странно как-то: двумя пальцами, всей ладонью... Обкурил меня ладаном священник. Думаю, не случайно: а вдруг я ревизор из епархии? Словом, постоял под сводами, вдохнул аромат свечей, окунулся в молитвенное бормотание, песнопения звучные и сочные.

Уходя, заметил группу матерей, ожидавших причастия с детьми на руках. Взгрустнулось... От «контрпропаганды» отказался, все-таки суббота, да и свобода совести опять же... Как бы не обвинили в нарушении Конституции.

Вышел из церкви, — и сразу, с разбегу, лицом... в жизнь. В автобусе, в который я неосмотрительно прыгнул, шел напряженный диалог между женщиной-кондуктором и молодым человеком, которого... стошнило. Он, бедолага, молчит, почти лежа перед содержимым своего желудка. Чувствуется, что хочется ему на воздух, а его не пускает трамвайная власть. Народ не безмолвствовал, и автобус стал чем-то напоминать парламент. Мужчины очень аргументированно стали доказывать кондуктору, что «такое может случиться с каждым...» Мол, «пьем-то гадость!» Женщины из сочувствующих предположили: «Видать, не закусывал как следует...» Кондуктор поняла, что из страдальца ничего не выбьешь, так что о штрафе и мечтать не стоит, крикнула привычное: «Граждане, освободите салон!» — и автобус поехал «мыться» в депо. Страдалец, которого горожане выволокли из автобуса, прилег под деревом и блаженно прикрыл глаза. Стало быть, живем...

Как ты там? Уже скучаю. Очень хочу в беседку. Говорю тебе разные-разные слова и слышу твое извечное: «Чего?...» Целую тебя!

Олег.

...Беседка эта стояла во дворе нашего дома. Теперь, спустя девять лет, ее перенесли в другое место. Недели две назад, оказавшись рядом с ней, мы сели с Олегом под ее крышу. «Не та аура», — с сожалением сказал мой муж, и мы пошли домой, где в одиночестве играли наши уже подросшие дети.

...В той беседке мы нехотя прощались, когда я возвращалась домой. Было это еще в те времена, когда я иногда «выходила из лабиринтов» на встречу с Олегом. Там же мы дарили друг другу «прощальные поцелуи»,

тайные, бесконечно длинные и сладкие...

Тогда буйство красок е г о любви и пугало, и завораживало меня. Придя домой после прощания в беседке, рухнув в постель, я мгновенно нырнула в сон. На завтра, быстро вскочив, бежала в университет, не забыв заскочить на главпочтамт, чтобы в окошке «До востребования» получить письмо от Олега. Письмо, написанное им позавчера или даже вчера ночью, когда он, возвратившись после нашего долгого прощания, сидел писать мне о своей любви. Иногда, убегая домой, я оставляла его поздно ночью в квартире Наташкиной бабушки, где Олег жил пару месяцев. Еду в троллейбусе домой и точно знаю: сейчас он сядет к столу, чтобы написать мне вслед новое огромное письмо!

То были странные для нас обоих дни. Мне они открывали неведомые чувства, а его терзали моей раздвоенностью и неопределенностью.

Письма Альки обнажали острые грани не только его душевных откровений, но и моих тоже. Продираясь к нему через свои противоречия, сомнения, я вглядывалась в себя сквозь призму писем уже небезразличного, но пока еще, как я думала тогда, недоступного для меня человека.

Минск — Минск

Олег — Тане

Родная!

Я знаю одно: человеческое чувство — святыня. Я это знаю и поэтому обязан относиться к твоим чувствам бережно. Вот что странно: я не могу совладать с мыслью о том, что я, принеся тебе радость, а ты утверждала это не раз, в ответ получал горечь тяжелейших раздумий над тем, что лучше — всепрощение или честность?

Любящие друг друга люди не могут привлекать в мир своих чувств тех, кто уже относится к третьим лицам. Неважно, что в свое время эти лица были первыми. Теперь они за порогом отношений, даже если следы их присутствия еще остались в душе. Так уж в человеческой природе устроено.

Я хочу, чтобы ты меня поняла. Поняла, насколько мне горько и как я мучаюсь от сочувствующих взглядов близких мне людей, знающих, как мне тяжело. Меня ничего не пугает, разве только то, что я — люблю впустую! В этот роковой для меня день я понял, насколько тягостен миг, когда человек предаст идеалы, запечатленные в строчках ранних, полудетских, но прекрасных в своей наивности рассказов, стихов, когда свежесть ощущений юности не запятнана ни гневом, ни мстью, ни корыстью.

Настал день, когда я осязал безумную невероятность счастья, когда я утопал в словах, поцелуях, вздохах, объятиях... Тогда я гордился, что твое излечение от застарелой болезни — раздвоенности — наступило. Лекарством была искренность и свежесть радости, которая захлестывала нас обоих.

И вот прошло четыре дня... Бог мой! Эти четыре дня!!! Горькая и

вместе с тем сумасшедшая надежда, которая вдохновляла весь мой мир, утопла в этих же словах, в таких же вздохах, поцелуях, объятиях, но теперь адресованных другому человеку, который, казалось бы, перейдя в разряд третьих лиц, оказывается, так и не расстался с привилегиями лица первого. И я за один миг чужого наслаждения потерял свою сумасшедшую надежду, эти удивительные руки, эти громадные от слез глаза, этот горячий шепот. Я потерял все, что свалилось на меня накануне как дар за терпение и любовь.

Ощущение было таким, будто я мог бы спокойно уйти в мир иной и не жалеть ни о чем. Ведь ты же вошла в меня! Ты же влилась в мои уставшие мускулы, обняла отяжелевшую от забот и горя голову. Я радовался еще совсем недавно, как радуется человек, в одиночестве проводивший долгие месяцы в океане и наконец увидевший землю.

Мое первое разочарование не пришло тогда, когда оно случилось. Я мог надеяться на честность, и, право же, все нужно было делать честно, ибо потом, когда дни прошли, я обнаружил, что ты вросла в меня прекрасным кораллом. Мог ли я ожидать, что женщина, которая смотрит на меня такими глазами, способна завтра забыть мои глаза, в которых надежда просто криком кричала!

Как трудно шли эти дни. Я встретился с Т., и 19 часов моего общения с ним дали мне все! Я понял, что счастье — это когда ты совсем-совсем точно знаешь, на что человек способен. Что он такой, а не иной, что ты сам вовсе не в плену «могучих страстей», а во власти всесильной правды, фактов. Да, я могу сказать определенно: я встретил человека, который не мог ни в чем соперничать со мной. И горе мое было неизбывным потому, что этот человек так долго вершил твою судьбу, а ты верила в его аморфное начало!

Горе мое было в том, что я наверняка знал, что этот человек неизбежно воспользуется моей слабостью (любящие — беспомощны!) и оскорбит мои чувства, прибегнув к хамству. Однако меня поддерживала надежда, что ты этого не допустишь, не дашь повода для дешевых игривых тривиального ума. И не только надежда. Я умолял тебя не давать повода к тому, чтобы ум этого человека извлек из своих дремучих извивов свое право и власть над тобой. Увы! Мои надежды остались тщетными.

Нет-нет! Ты пыталась. Ты храбро пыталась избавить меня от мучительного созерцания его власти над тобой. И все же он торжествовал, а я... надеялся. Ты снова дала увлечь себя в мир, насквозь пропитанный банальностями. Вглядываясь в свою душу, я снова и снова вопрошал: «Любит? Не любит? Меня ли?» Не может же так поступать человек, который дорожит другим человеком. Ведь любят не лицо, не глаза, не руки... Вернее, не столько все это, сколько все то, что входит в смысл емкого слова

«душа». В ней и честь, и гордость, и счастье, и нежность, и радость, и сумасшедшая, совершенно отчаянная надежда!

Так хотелось счастья! О, как этого хотелось в дни тяжелейших раздумий над жизнью, над судьбой сына Ильи, над всем, к чему шел я столь трудными путями. Я знал тогда, что тебе тоже этого хочется отчаянно, и я с испуганием маньяка нес тебе все, чем был богат сам. Ты нуждалась в тепле и нежности. Я нес это тебе. Я нес тебе доверчивость и наивность безумца, знающего, что радость — это прежде всего искренность, честность чувств. Это принадлежность миру дорогого человека. Я знал, что любимая — это женщина, которая нуждается в повседневной поддержке. И каково было мое счастье, когда ты стала... моей!

Я не мог скрыть восторга и... заболел от счастья. Я болел испуганно, и порой мне казалось, что от земли я отрываюсь, несусь к тебе... Нет, с тобой! К той заветной черте, у которой начинается правда о нас. Эта истина для меня — твоя радость, искренность, твое творчество и обещания, ставшие, уже было ставшие реальностью...

В те минуты я был с тобой — фанатиком, и совершенно невозможно было представить, что я — нелюбим. А оказывается, я действительно не был... любим. И теперь это звучит для меня чудовищно и больно. Но я признаю с трезвостью и реализмом выздоравливающего человека, что так было и есть... Почему?

Как случилось, что, когда я принес в твой мир прекрасные надежды, Т. получил их «отзвук»? Я просто раздавлен мыслью, что такое могло случиться. Ты провела часы с этим человеком, а я в то же самое время писал тебе письма, потрясавшие меня: «Что-то тяжело на душе. Хочется поговорить с тобой... Ты почему-то всегда очень осторожно говоришь о любви...» По нелепой случайности я писал тебе это письмо, когда ты была... с ним. Кому я писал это письмо?

Я смертельно устал... Я не заслуживаю всего этого... Но главное, я не заслуживаю тех тщеславных мыслей, которые проносились в голове этого человека. Ты забыла о том, что существует очень хрупкий мир, хранить который — и твой долг тоже. А впереди у меня снова тяжелейшие раздумья. Он, Т., пришел, когда я испуганно молил богов, чтобы они обратили твое лицо ко мне. А он взял и отобрал счастье этого дорогого мне времени созерцания тебя.

Ты позвала Т., а я понесся к тебе в своих фантазиях, туда, к вам... Теперь я боюсь своих фантазий. Я не в силах справиться, отбросить те картины, которые она мне рисует. Я — в колючих терниях сомнений...

Я люблю тебя бесконечно и не скоро оправлюсь от всего, что ты принесла мне, моя прекрасная чадушка! Зачем, зачем ты все это натворила?

Прощай! Олег.

тина». Помнишь? Труба, горн — эмоциональный акцент: радостный звук истины... А вот куда же деть ромашку? Правильно! Пока — за решетку, чтобы никто, не дай Бог, не украл! Она (или он? Ромашка это — я?) еще пригодится, правда?

...Самое большое количество писем было все-таки в нашей уже семейной переписке. Олег ездил в Саратов повидать сына, когда мальчик по каким-то причинам не мог приехать в Минск, или в Краснодар. Я мечтала побывать на Кубани, но занятость мешала. Главная моя забота — аспирантура, диссертация — отнимала все время. Я уже сдала все кандидатские экзамены, «по уши» влезла в диссертацию, и было решено, что летом лучше всего ему с детьми уезжать в Краснодар.

Олег разработал десятки сценариев уникальных деловых игр и, «сдав» детей родителям, мотался в поисках заработка по краснодарским заводам, организуя сеансы управленческих игр. Так продолжалось три или даже четыре года.

Однажды мать повезла меня с Игорешей и Алюней в Абхазию, к своим родственникам, а Олег, «на пару» с Ярославом, отправился в Краснодар. Где расставания, там и письма! Теперь сижу, перечитываю их, снова погружаясь в глубину, снова ищу «...значенья слов и взглядов...».

**Минск — Саратов
Таня — Олегу**

Здравствуй, Алька!

Ну вот, можно считать, еще один день закончился. Сейчас полдесятого вечера. Мальчишки спят. В квартире тишина. Раньше мне хотелось, чтобы наступила, наконец, тишина. А сейчас — очень уж тихо. И ты не ворчишь. И телевизор, как назло, заглох. По радио — сплошные оперные арии. Постигаю истину — в труде спасение. Сейчас для разминки пишу тебе, а потом — за свои научные изыскания.

Целый день «висю» у матери над душой: звоню, проверяю Алькин режим. Раз уж решили «дать мне облегчение», доверить бабушке с дедушкой старшего, а мне опекать вместе с детсадовским персоналом только Игоря и Ярика, буду держать «ухо остро»! Так оно и есть: ни черта (pardon!) родители не придерживаются режима. Вот сейчас звонила, говорю: «Уже 5 минут десятого. Альке пора спать». Мать мне отвечает: «Он с дедом на балконе. Сидят, разговаривают. Минут через пятнадцать уложу». Тоже мне — совет долгожителей, буддийские монахи, уединились для постижения мудрости...

Я оторвала в календаре все листики до 9 сентября и сложила их отдельной стопочкой. Дни, которые прошли, — справа, а которые еще остались, — слева. Сейчас правая пачка — тоненькая, а левая — толстая. Она толстая, но незаметно подтаивает и скоро станет тонюсенькой... Но до

этого еще целая неделя — в августе и неделя — в сентябре. Всего две недели. Ты только не считай меня бессовестной: я скучаю совершенно без всяких тайных призывов. Просто неудачно так — в этом году мы не видели Ильку, а Илька — нас. Так что ты расскажи ему про братанчиков побольше и по-смешнее и постарайся нацелкать множество Илюшек — чтобы Алька до следующего года этими фотографиями держался. Да, слушай, писем от тебя нет и нет. А я очень хотела, чтобы ты рассказал, как тебя встретили Илька, Лена, Анна Наумовна. Как они устроились на новой квартире, что там за друзья во дворе — в общем, все твои первые впечатления. Я почему прошу, ведь ты подробно не расскажешь. А если будешь писать, то и расскажешь, и сам потом перечитаешь.

Я знаю, что ты ужасно всем озабочен, устаешь, но хотя бы страничку вечером нацарапай — я буду ждать сама, а об Ильке буду читать малышам: они тебя каждый вечер вспоминают. Алька твердо знает, что ты уехал к Илюше, а значит, ты недалеко, почти дома. Он только спросил, когда ты приедешь. Я сказала: «Через три недели». Он поинтересовался: «Это долго?» Я говорю: «Долго, но не очень». Он немножко скис, но на этом успокоился.

Игореша вечером, около семи, подходит к двери, задирает мордашку и поет: «Па-па! Па-па!...» Ведут они себя отлично. Игореша — веселый, мы с ним играем, «дружим». Только услышит музыку, сразу просится на руки: танцуй с ним! Сегодня, пока играли польку, он так кружился, что сел на попку и мотает головой, как лоша денка.

Мама купила им три трикотажных свитерочка. Один небесно-голубой (это принцессе Алуне), два — цвета опавших листьев (светлая ржавчина). Вот в «ржавых» мы и ходим гулять. В этом свитере Игорь «загорается» — щеки розовые, реснички и брови золотые, а голова чуть ли не рыжая! Алуня остается пепельным блондином, только глаза становятся синие, на лбу и под носом появляется «интересная бледность».

Кстати, Алька, ключи твои я так и не нашла. Завтра перетрясу шкафы. Может быть, там? Постарайся вспомнить — не потерял ли ты их? Илюшке от нас приветы и поцелуи. Какой он стал, напиши! Что в нем нового появилось? А что исчезло? Лене и А.Н., к слову и при случае, тоже приветы от меня.

...Сегодня видела сон из периода оккупации Италии. Карабинеры, зенитки, прожекторы, залив, южная ночь и чистая итальянская речь, чуть глуховатая и шепотом! Может, на этот раз скажешь, что, если меня загипнотизировать, я заговорю по-итальянски? Оказывается, не надо меня гипнотизировать! Мне достаточно просто задремать, и я уже... Gracia, итальянка. Сегодня думала о цыганских танцах. Что особенного? А знаешь что? Цыгане — единственный народ, который в танцах ничего

не изображает: ни трудовой процесс (сбор урожая и пр.), ни животных (павлины, слоны и т.п.), ни сценки из таборной жизни. Ничего. Танец у них всегда — выражение любви, и только! А знаешь, это здорово! Наверное, только танцем любовь и выразишь. Как-то ты мне рассказывал о цыганском таборе и цыганских танцах...

Есть еще японская пословица: «Женищина, которая не умеет танцевать, не умеет любить». Ах, Юрганов, хватит болтать о любви. О ней не говори — о ней все сказано, как в той песне.

Хотелось бы не очень под старость написать о тебе большую, красивую, романтическую книгу. Да ты ведь зазнаешься и пропадешь от гордости. Верно? Это я тебя на «мушку беру». Чувствуешь? Целую крепко в светлую головушку. Не зазнавайся, Юргаша. Пиши мне хотя бы на почтовых открыточках.

Я скучаю, но еще не очень. Вот когда совершенно заскучаю, ты уже приедешь. Так что грустить вроде и ни к чему. Пожалуйста, не ходи поздно по улицам. И один. Будь умницей. Спокойной тебе ночи, мой хороший.

Твой

кораблик.

**Минск — Саратов
Таня — Олегу**

Ромашка! Уж не за решеткой ли ты? Ужасно скучаю. Не волнуюсь, ибо обещала тебе не волноваться. Но с огромным нетерпением жду письма или открытки. Целую миллиард раз. У меня все в порядке. Галка нашла мой конспект, представляешь? Посмотрела своим зорким глазом и заметила тетрадь, которая завалилась на кухне у аквариума. Вот молодчина, а?

Посылаю тебе денежку, отдадим в сентябре Таисе. Если еще «выцарапаю» у маман — ко дню рождения Ильки подкину. Но в принципе это тебе на подарок Ильке: цветы, торт и пр. Если нужны будут деньги — звони.

У меня есть Мишкин телефон (приветы им, кстати)... От сынуль — целования и просьбы: «Папа, папа...» Любят тебя. Это они в меня пошли такие.

Пиши!!!

Таня. Разумеется, еще сто тысяч раз целую.

**Минск — Саратов
Таня — Олегу**

Ясноликий!

Трепетно пишет тебе стриженная Мать Детей Твоих. Напрасно я думала, что нервы мои крепки, а фантазия от Бога — убога. Увы и ах! Нервы мои тоньше той самой тонкой паутинной пряжи, которую плетет в кладовке наш искусный домашний паук Том. А фантазия моя ярче перьев

инкского вождя и трепещет при малейшем дуновении ветра, вспышке света, шорохе листвы.

Можешь представить теперь себе, как зазвучала, затрепетала и разбилась вдребезги бессмертная, но уже умершая от страха Душа Твоей Любимой, когда не далее как в ночь с четверга на пятницу (когда сбывается все роковое!..) громоподобный звон колокольчика у нашей двери в полвторого ночи сорвал твою юную и неокрепшую духом жену с одинокой супружеской постели.

..Дорогой, слушай, зачем шлешь срочные телеграммы на ночь глядя? Людей не жалко? Ай-яй-яй, дорогой, нехорошо пугать женищину. Посмотри — ни жива, ни мертва, как горная козочка под диким луком охотника — вся трепещет.

Молодец, что приехал, молодец, что благополучно, молодец, что целуешь, но зачем срочную телеграмму даешь, слушай! Сам не спишь, людям спать мешаешь. Жене сердце портишь — думай, дорогой, думай, когда домой ехать будешь, думай: не давай срочную, давай простую — хорошую телеграмму. И, главное, чтоб днем приходила, а не ночью. Это ж умереть от одного страха можно! Вай-вай...

Итак, драгоценный мой и незабвенный Путешествующий Супруг, как ты понял, дни мои проходят, я вяну, старею и чахну, ничто не радует моих глаз, и они выцветают. Ничто не вызывает у меня улыбки, а тем паче смеха, и голос мой тускнеет. Ничто и никто не призывает меня в объятия — и совсем скоро стану я бесчувственным средним «оно». Умру решительно и скоропостижно! В монастырь... Да разве дети дадут! Разве дети... Ах, разве это дети?!

В пятницу мы проспали в детский сад. В субботу (принцесса Алёня у «бабини») мы с рыжиком Огонечком и не тигром Яриком храпанули до 10 утра по «нашему Гринвичу». Спали сладко. Шуршал дождик: вымывал, лизал наш скучный дом, как оглохшую от старости большую собаку лижет дымчатый и веселый щен. Вот этот щен нас и убаюкал. Сегодня у нас в окнах — сплошная Прибалтика. Туманно, сыровато, хмуро. Низкое небо. Сырой густой воздух. А у меня сонное благодущие медведицы, улегшейся на зиму в берлогу. Сухо. Тепло. Медвежата мои спят в кроватках. Берлога моя вымыта. Часики тикают. Аду — наш чернокожий друг из Африки, прислал, как и обещал, открытку. Тебя он называет Юрган, а меня — Мадам. Сообщает, что «...все в порядке у меня с моими родителями...» На конверте штамп Верхней Вольты. Открытка же «Printed in France», то есть сделано во Франции. Аду крепко нас целует и добавляет: «Ждите письмо...» Вот такие у него каникулы.

Вчера выстирала все, что «подозревалося» на стирку. Завтра решила гладить — мать заберет Огня, а я переглажу все белье и приведу в порядок

наши детские шкафы. Эта кампания называется «Будет все, как у белых людей». А сегодня у меня — день отдыха и чтения. Вот пишу тебе письмо, а вечером буду заниматься — я-то теперь выпалась.

Хочешь новые Алькины хохмы? «Мама, а ты у нас дама?» Показывает на холодильник и говорит: «Мама, знаешь, что это? Это Рев! Рыжий! Ратор! В нем звери ездют!»

А вот Игорешкина хохма. Лежит он на коврике без штанов и молотит ногами. Я говорю: «Игореша! Простудишь пистолетик!» А он раздвигает ножки и делает так: «Бах! Бах! Бах!» Стреляет, раз уж при пистолете. Вот я и говорю: разве это дети? Это же...

...Галка К. хотела с тобой посоветоваться насчет своих дел. Она делала какой-то опрос, но в итоге не знает, что важно, а что нет. Хотела проверить полученные итоги «в высшей инстанции», а «инстанция» укатила на Волгу. Но ей, как она говорит, «не жизненно необходимо».

Супруг! Не вообрази себе жену свою нечесаную! Или в мятых панталонах! Это — грех. Жена твоя умыта, надушена, румяна, вчера только выкупана — вся новая, полная сил, надежд и на детей не кричащая! Таким образом, жена твоя находится в совершенно соответствующих ипостасях.

Итак, в двери ко мне никто не ломится. На улицах меня не преследуют. Тайной переписки ни с кем не веду. От мужа я получила московскую открытку, только муж мой срисовал в почтовом индексе двойку неправильно и задержал получение. Муж! Срисовывай правильно, ибо почты я жду неустово!

Целуем, лобызаем, чмокаем, смиренно прикасаемся устами и увядаем от тоски. Чада и жена.

Всем персональные приветы и поклоны. Таня.

Минск — Саратов
Таня — Олегу

Здравствуй, Алька!

Твой звонок был для меня неожиданностью — громко, поздно (у вас там небось была полночь, Герман?). И поговорили впопыхах. Я даже не успела спросить, как тебя Илька встретил? Ты уж извини! Отчаянный человек! Купить приемник мальчишке... Люблю тебя за это! С деньгами справимся, не бойсь! Знаешь, предлагаю вместо классического: «Деньги не пахнут!» ввести в обиход: «Деньгами не пахнет!». Оно современнее, ближе к жизни, правда? Как ты думаешь, сколько бы мне дали в «Литгазете» за эту остроу? Неужели трешку?

Но, дорогой мой, неунывающий супруг! Ты сделал святое дело, когда позвонил мне в эту вашу саратовскую полночь! Звуки небесные твоего грешного и веселого голоса влились в мое существо таким теплом и побежали по всем жилкам, достигнув блестящих островов маникюра и педикюра.

Ничто не может сравниться с этим теплом и тем настроением, которое ты подарил мне. Разве что тепло янтарного и теплого кубинского рома, когда его подносишь к губам в серебряном наперстке...

Ночь я спала спокойно, и мягкий лунный свет, пробиваясь сквозь фантастические цветы и заросли на легких шторах, капризно набросил сеть на мое усталое тело, утонувшее в белоснежном облаке подушки, согретое ворсистыми лапками верблюжьего одеяла.

И знаешь, что мне снилось? Удивительно, но мне снилась... Чукотка. Она была вся в розовом снегу и лежала, переливаясь, как огромная перламутровая раковина. Снег на берегу шуршал. Глубинно-синее тихое море подкатывало к снегу и, шипя, входило в него. И опять, как будто его кто-то оттаскивал, отползало. Но это ты увидишь, когда приедешь на Чукотку. А я видела еще и то, что ты никак не увидишь, потому что было это во сне. Море это и ясное зимнее небо были необычны. И знаешь почему? Потому что в них не было холода. В них была только ясность, было скучное солнце, был прохладный воздух, а на кончиках волн — это самое главное — вместо белой пены легко плыл белый снег. Не лед, а снег! И это, снежное, шуршало, волны терлись друг о друга, сквозь снег проглядывала глубина. Все было северным — даже розовое тугое солнце. Только не было холода, была только свежесть.

И тут я увидела у самой воды высокую длинноногую девочку. В нежно-розовом свете ее смуглые ноги казались темно-золотистыми. Фигурку ее облегал пушистый, белее снега, маленький купальник, а за плечами билась под ветерком тоже пушистая, короткая, искристо-розовая мантия. Смуглое ее лицо разгорелось, под сведенными бровями блестели агатовые горячие глаза, а черные косы были хитро уложены на легкой головке, и какой-то снежный, пушистый, холодный цветок венчал все это.

И вот эта девочка обернулась к морю и, ступая по снегу смуглыми ногами, дотрагиваясь до хрустящего льда розовыми пятками, вошла в воду, начала купаться в снежных волнах, а затем выбежала, такая же яркая, свежая и горячая. И всех, кто пугливо стоял на берегу, начала манить рукой. Ужасно хочется пойти за ней в это торжественное, праздничное, зимнее море.

...Вот такие я вижу сны, а тут вдруг орет Огонечек и я несу его пописать. Потом он не успокаивается, закатывает ор, и я кладу его к себе. Он обнимает меня за шею, и мы с ним засыпаем. Он сопит, а я чувствую на губах запах и пух его головки. Так мы беспробудно качаемся в гамаке Морфея до полдевятого. А в полдевятого Ярик, возмущенный своим мокрым одиночеством, возвращает нас в реальность. Реальность хмуро-солнечная. Дождь собирается, да вот никак не соберется...

Целую тебя, Алюня. Таня.

Здравствуй, моя драгоценная супруга!

Получил я твои исповеди и живо представил, как ты там сидишь, весь дом спит и спят ребята, а ты сидишь и пишишь. Потом, наконец, ложишься спать и ты, и вот надо же! К тебе приходят сны дивной красоты. Завидую. Хочется прикоснуться лбом к твоей голове и тоже их увидеть. Но это потом, когда приеду и не лбом коснусь, а губами, так будет точнее, верно?

Как же было здесь? Все было очень здорово и радостно! Я приехал ночью и очень устал. Решил отоспаться и пошел в гостиницу. Там я снял недорогой номер, встал под душ и почувствовал бодрость необыкновенную! Даже стыдно стало: вроде молодой еще, а на покой тянет! Нехорошо!

Пошел к Мишке. Он как раз напротив гостиницы живет. Пришел. Он — седой совершенно! Жена у него в больнице уже три месяца — резус отрицательный, давление большое. На сохранении. Волнуется... Проговорили с ним часов до трех ночи. Уполз спать в свою гостиницу. Просыпаюсь и с утра иду к сыну. Ноги трясутся, сердце скачет. Подхожу к двери, звоню. Открывает Анна Наумовна. «Ой! Олег!!! А я совсем не одета! Илюша, Илюша! Папа приехал!» Я вижу, выходит из комнаты некто с огромными глазами, смуглый, в трусах. Оказывается, это так вырос мой Илья! Поцеловались и стали осматривать «фатеру». Жилье на 5 с плюсом. Все обставлено со вкусом, чисто, уютно. Две комнаты, кухня. Мать Лены тает от восторга, вся светится счастьем. Седая, худая, без зубов, но светится счастьем.

Отличный район. Все — рядом. Лены дома не было. Ушла на рынок. Сели на кухне. А.Н. тут же сварганила завтрак. Илюшка ко мне тихонько привыкает. Вдруг обращается ко мне: «Папа, а вы когда приехали?» Что за чертовщина? На «вы» с отцом... Поделился своим недоумением с А.Н. Она смеется. Оказывается, Илья был полтора месяца в Самаре у ее сестры, там все говорят родителям «вы», так принято. Приехал оттуда неделю назад и никак не может отвыкнуть «выкать». Отлегло... Стало даже забавно.

Пришла Лена... Как только увидела меня, на мать и накинулась: «Ну, что я говорила? Приехал! А ты твердила — нет да нет!» Оказывается, у них спор вышел, мать говорила, что я, дескать, не приеду, а Лена, наоборот, была уверена в обратном. И тут же достает из сумки «Старку», особую водку, сделанную по старинному рецепту. Она — редкость, как неандерталец на проспекте! «Вот, — говорит, — я как знала, что ты приедешь».

Стала она просто огромной. Толстая, круглая, с одышкой. Вот тебе и диета! Сели, выпили. Обстановка в квартире превосходная. На кухне есть все, в комнате — тоже. Родственники и друзья подкинули разное, так что

«квартирный вопрос» решен просто здорово! Дом новый и еще не проверен на «морозоустойчивость». Так что зима для него будет первым экзаменом.

Я сразу стал устранять недоделки. Так, по мелочам. Потом взял Илюшку, и мы долго ремонтировали его велосипед, а когда справились, пошли гулять. Он сиял от счастья. Оказывается, велосипед простоял почти 4 месяца! Уже поздно вечером отправился я к Мишке.

Утром снова к Ильке. Пошли на пляж, искупались, побесились, позагорали. Аппетит нагуляли просто волчий! И ел парень ну прямо за троих! Купил шахматы, учу его играть. В общем, он, как мне показалось, не изменился. Однако все-таки несколько затюкан, обидчив. Лена уж очень недержанна. Кричит. Кричит дерзко, как-то неприятно и, главное, все по мелочам. Илья этого страшно не любит, а у нее не получается по-другому. Срывается она с самого миролюбивого тона в крик — мгновенно! Это меня огорчает страшно. Говорили с ней об этом. Аккуратно, осторожно... Признается, что не может, не получается, что парень стал непослушным. Это и понятно. У него уже рефлекс — на крик мамы реагировать равнодушием или упрямством. Вот и происходит между ними странное противоборство. Конечно, это очень опасно, хотя Илья, вне всякого сомнения, мать любит. Добр, чуток и внимателен.

По дому, как всегда, ничего не делает. Ни-че-го! Постель убирает бабушка... Иногда она даже его, одиннадцатилетнего парня, одевает! Тоже говорил об этом с тревогой. Все понимают, но, уверен, все останется по-прежнему.

Конечно, я вовсе не пытаюсь «долбить» и «права качать», но все увиденное угнетает меня ужасно. С Ильей поговорил, вроде бы пытается исправиться: начинает постель застилать, с мамой разговаривать сдержаннее, но завтра все повторяется. От многолетней привычки так сразу не избавишься...

Безумно честолобив, однако для реального самоутверждения обычно довольствуется малым, не требующим усилий. Эта малость — 3 с плюсом или 4 балла в учебе. Если не удастся достичь и этого рубежа, особо не страдает, а к 5 даже не стремится...

Забавный парень. Хочет стать шофером и уже запланировал поступать на курсы шоферов. Вчера нарисовал большой корабль с парусами. На корабле лозунг: «Долой пролетариат!!!» Оказывается, он думал, что этим словом обозначают «врагов советской власти». Вот так!

Любит играть в оловянных солдатиков, в войну. За этим занятием готов проводить все время. Не скучно ему! Купил сыну кучу машинок, самолетов, танков. Играет с наслаждением. И вдруг узнаю, что он хочет давно и безнадежно железную дорогу! Об этом я и написал тебе в открытке. Попытайся достать денег... Не реально, наверное, да? Словом, я так, на

всякий случай. А вдруг удастся. Расплатимся... Я восхищен твоим финансовым героизмом и просто думаю, а вдруг!

Здесь железной дороги нет в продаже, а в Минске их до черта! За неделю бандероль дойдет? Попробуй! Его радость — тебе подарок. Билет на самолет уже купил.

Все у меня здесь хорошо, но две проблемы не дают покоя: Мишкина квартира и телефон для Лены. Хожу по инстанциям, твержу, доказываю. Поднял все свои старые связи. Ох, трудное дело. А так — похудел, окреп, загорел... Получается — отдыхаю...

Ты, моя прелесть, не представляешь, как я люблю тебя, и сил нет тебе все это выразить. И если бы можно было меня превратить в море с надписью: «Океан любви», была бы катастрофа: людям не осталось бы суши. Береги себя, прости за баламутную телеграмму. Хотел успокоить, а вышло — наоборот. Но сердце твое все-таки билось чаще? Правда чаще? Это совсем так, когда я рядом и целую тебя, верно?

Деток обними, каждому скажи от меня что-то очень-очень папино...

Алька.

Мои письма в Краснодар были частыми, да и я получала оттуда щедрые послания о жизни наших гавриков. Дети — с бабушкой-дедушкой, а папа на заводах и фабриках, «играет» с начальством разного калибра в деловые игры. В это время мама, то бишь я, в Минске готовится и сдает кандидатские экзамены, пишет диссертацию. Таковы наши будни, да и праздники тоже...

И все-таки мы умудрялись отдыхать вместе. Съездили на озеро Нарочь всем нашим большим семейством! В деревню, рядышком с городком Березино. Как уложим днем деток спать, так и сами на боковую. Зато ночью, когда дети уgomонятся, мы и наговоримся всласть, и воздухом озерным, речным надышимся вволю!

...И все-таки письма из Краснодара и в Краснодар — особая глава нашей с Олегом эпистолярной жизни. Чего здесь только нет: зарисовки с натуры, деловые размышления о деньгах и расходах, «бодрые отчеты» о моих бдениях за книгами и статьями. У нас была электрическая пишущая машинка, на которой я «шлепала» уже с приличной скоростью. Олег купил себе портативную, с которой ездил в Краснодар. Конечно, нужна она была не только чтобы печатать мне письма, но и для подготовки документации к деловым играм.

Тогда же я «освоила коллажи» и приспособила этот метод графического озорства под письма. Когда от сбора газетного материала для диссертации «крыша едет», беру из печатного мусора самые нелепые «измы», приклеиваю их на лист писчей бумаги, кое-что добавляю свое и получается веселое и почти полностью типографски изготовленное послание. Сейчас перебираю их. Самой весело и смешно. Как удалось сохранить все, ума не приложу!

Итак, снова письма... На этот раз самые мои любимые.

Минск — Краснодар
Таня — Олегу и детям

Дорогие мои Юргашечки, здравствуйте!

Уже 12 часов ночи, но я решила написать вам длинное письмо, потому что в коротком невозможно выразить весь восторг, в который привели меня ваши фотографии, рисунки и письма. А в субботу смотрела папину передачу «Акценты», и вдруг почудилось, что вы рядом. И так мне стало славно и радостно, что я даже вкалывала все воскресенье на научной ниве и плюхнулась спать только в половине второго ночи, потому что стали стыть пятки, а не потому что хотелось спать.

Сначала о папиной передаче. Это было замечательно: ровная, задушевная, гармоничная, профессиональная беседа. Жаль только, что оператор очень невоспитанно показывает крупным планом затылок ведущего, а не милое лицо говорящей бабушки-психоневролога. Но это в двух-трех местах. А большие замечаний совершенно никаких. Да и это замечание вызвано только повышенной потребностью некоторых зрительниц видеть прозрачные глаза ведущего в тени длинных и густых ресниц.

Среди собеседников нашего папы была мадам-адвокат, подобная вулкану. Даже когда она молчала, от нее летели искры. Говорила она хоть и сухо, но точно и живо выражала свои мысли, чего не скажешь о мужчине по имени Геннадий Михайлович. Такое впечатление, что его челюсти склеились от жвачки. Куклы — прелесть! Таких я еще не видела. Особенно покоряла «равноправная женщина». Она сумела смутить даже нашего деда, который отворачивался от экрана телевизора, потупив очи, когда оператор подавал крупным планом ее поролоновые (или из чего там ЭТО делают у кукол) груди. Рыжий Адам — прелесть, и Господь тоже. То, что он не лысый, а с черной лохматой шевелюрой и без «сияния», делает его очень близким и знакомым. Отличная передача. Только... папы Олега там очень уж мало было!

Сижу, смотрю на фотографии... Даже не ожидала, что слова ваши так быстро сбудутся. Зинаиде Никитичне очень идет эта прическа «а ля Любовь Орлова». Нам очень понравилось. Дети! Постарайтесь сохранить этот победный бабушкин вид — ведь все дело в настроении! Очень хорошо, что у всех веселые лица.

Заметила: Борис Александрович, то бишь дедушка, с Ильей обнаруживают фрагментарное сходство. У Б.А., кажется, усы?! Или это только на фото? В лице дедушки угадывается Восток?

Миль пардон, кэп, благородная мисс не знает, как выразить... Big Happy! Strong! Smiling! Seaman! Ocean-man! An old sea-cap! ... Such

gentleman!

В остальном у меня не хватает слов!

Алюня, спасибо тебе за письмо, мой хороший зайчик! Как растут твои зубки? Улыбайся больше — тогда они к солнышку вылезут. Целую тебя в глазки. Как поживает Федор Иванович? Не жарко ему, хвостом не машет? Опять целую тебя в носик.

Игорюня! А почему это ты держишь себя за ушко на фотографии? Натворил что-нибудь? Целую тебя в одно ушко и в другое и в нос. За то, что ты у нас такой веселый, и за то, что помогаешь папе.

Ярик, роднуля! Мне очень понравилась фотография: «Бди!» Ах ты моя хорошая Буратинка! Целую тебя в реснички-хитрюшки и в носик-вопросик! Помогай братьям, ты же у нас очень сильный. Не попадай в карцер!

Папа Олег! Я работаю с перерывами на обед, но без выходных — это работа над собой. И на службе я строчу непрерывно в своих тетрадочках. Разобрала и наклеила языковой материал четырех газет за полгода. Это стопка величиной в табуретку! Подбираюсь ближе к делу и все время думаю о том, с каким результатом я должна вас встретить. От писем в восторге! Обожаю вас всех азиатски! И просто тихо скучаю без вас.

По возможности загорайте, купайтесь, впитывайте солнышко — потому что здесь, в Минске, настоящая осень: ходим в плащах, в брюках и под зонтиками. Каждый день дожди и холодно. Летние платья ни разу не надевала.

Доходят ли до вас мои письма? На какое число будете брать билеты? Целую всех вас, роднули.

Мама.

**Краснодар — Минск
Олег — Тане**

Здравствуй, наша ненаглядная краса, мама!

Мы получили от тебя два письма и читаем их уже четвертый день. Все никак не начитаемся.... Прежде всего о Ярике. Растет парень не по дням, а по часам. Хорошо ест, спит. Правда, ему страшно хочется, чтобы его немного поуживали, потому что это все-таки его оружие, которым он хочет воспользоваться в полной мере. Когда я дома, я его уговариваю, в шутку, конечно, но когда бабушка или дедушка «пасут» его, тут уж не до уговоров. Поэтому со стариками ведет он себя вполне прилично. К тому же, как ты знаешь, мой брат, дядя Саша, человек весьма строгий и с конкретными требованиями порядка и точности, не дает Ярославу покапризничать. Но это даже хорошо!

Сначала бабушка Зина никак не могла приспособиться к Ярику. То он ей «спасибо» не скажет, то откажется помочь, то еще что-нибудь из ряда вон выкинет. Она обратилась ко мне за разъяснениями. Я сказал

ей, что процесс воспитания детей — дело всего народа и поэтому что она считает нужным ему привить, пусть и прививает. Она успокоилась и перестала относиться к нему, как к хрустальной вазе. Тогда-то Ярик, хоть и «через не хочу», стал поливать огород, собирать опавшие яблоки, мыть посуду, помогать бабушке, так что все довольны.

Ярик побывал у твоей сестры Лены. Там — вольница, и через полторы недели, когда он вернулся под бабушкино крылышко, обнаружилось, что прежние полезные привычки исчезли. Однако все быстро вошло в норму... Вот так и подтверждается древний постулат учеников: «Если я не воспитан, то в этом виноваты взрослые!» То есть я хочу сказать, дорогая наша небесная краса мама, что Ярик не прикроется этим высказыванием ни теперь, ни когда вырастет, потому что я — свидетель: все взрослое население краснодарской семьи Юргановых его воспитывает изо всех сил!

Но, любимая моя жена, мать наших с тобой детей, добытых в страстных совместных усилиях, не подумай, пожалуйста, что Ярика здесь только и делают, что «воспитывают»! Нет. Он купается и загорает, смотрит телевизор и ходит в кино, играет с местными ребятами в «войнушку» и ест помидоры с огурцами, лакомится арбузами и дынями, спит и днем, и ночью. Рано утром прибегает ко мне в комнату, где шкаф с дедушкиной библиотекой, и садится изучать «Детскую энциклопедию».

Так протекают его детские годы, правда, весьма отличные от детских лет Багрова-внука, но, тем не менее, годы вполне внуческие, дет-ские. Я, например, ему завидую. В этом письме Ярик нарисовал тебе подводное царство и подводную лодку. Очень старался и всем сообщил, что на этой подводной лодке ты, если захочешь, можешь немного поразвлечься. Так что непусти шанс, садись в эту лодку, она, кстати, одноместная, и... путешествуй!

А теперь и я собой погоржусь. Ты знаешь, радость моя, я, взявши подряд на проведение деловых игр в городе, уже заработал приличные деньги и вышлю их тебе уже завтра. Отдай наши долги. Я заработаю еще.

Когда я заканчиваю игровые сессии, мне чаще хочется плакать, чем радоваться. Уровень мышления моих подопечных: мастеров, всевозможных начальников (а я провожу деловые игры именно с этим контингентом)— весьма низкий. Порой они мыслят настолько примитивно, что у меня не остается никаких сомнений: люди, которыми они руководят, имеют все основания их не уважать и даже уходить с производства, которым они руководят.

Однако я совершенно убежден, что в этом грустном обстоятельстве сами эти руководители виноваты лишь наполовину. Их обучением практически никто не занимается всерьез. То есть их учат «чему-нибудь и как-нибудь». Эти руководители не имеют навыков и знаний, их мышление

рыхло и в лучшем случае обнаруживает лишь бытовой практицизм. Вышестоящее начальство уповает на нижестоящее, а последнее — на «верхний этаж». «Нижний слой» начальства ругает верхний, а тот, в свою очередь, возвращает заслуженное раздражение снова «вниз».

Готовясь к деловым играм, я провожу время в цехах, на собраниях, в беседах с рабочими и бригадирами, начальниками подразделений и крупных отделов. Собрав сюжеты, составляю задачи на основе производственной жизни этого же предприятия. Мои сюжеты отражают, как правило, актуальные проблемы предприятия, которые узнаваемы всеми моими учениками. Тем более печально видеть, что решения, которые конструирует в процессе деловой игры нижний ярус управления, примитивны. Они сами это осознают, разводят руками, мол, понимаем, глупо, но так нас учит жизнь, обстоятельства, в которых мы работаем...

Читаю и лекции. Бурную реакцию вызывают темы по служебному этикету. Люди слушают очень внимательно, а потом неизменно говорят: «Вы бы нашему начальству об этом сказали!» Однако самое высокое начальство на мои лекции не ходит.

Совсем недавно на одном предприятии дискуссия шла три часа! Можешь представить себе, горячо любимая моя жена, что три часа 10 человек из числа управленцев крупного здешнего завода... говорили! О чем? Я предложил тезис и учил методам его защиты и развития в системе аргументаций и убеждения: «Людей надо беречь, надо относиться к ним с уважением, несмотря на все трудности и сложности производства, несмотря на издержки в их поведении, которые они порой демонстрируют руководителю».

Контртезис начальника, противостоящий первому мнению, звучал так: «Когда у меня, то есть управляющего, будет достаточное количество людей, когда мне создадут нормальные условия труда, когда, наконец, закончится проблема дефицита сырья и комплектующих, я буду иначе относиться к своим работникам». Схлестнулись две позиции, аж искры посыпались!

Неистребимость противоречия между тем, что хочется, и тем, что может, удавкой хватая за горло тех, с кем я работаю. Их позиция в основном проста: слова должны соответствовать делам, обещания должны полностью базироваться на объективном расчете, дело должно питать слово и цементировать его, потому что слово у нас — копейка. Ничего не стоит!

Я получил твое последнее письмо и прочитал его с большой радостью. Ты у меня действительно редкостная умница, и, поверь, признаваться тебе в любви мне, старому, хромому сатиру, совсем не опасно и не зазорно! Как хорошо, что ты работаешь, радуешься своим успехам и приближаешь миг,

который заставит тебя окончательно признать, что голова тебе дана вовсе не зря! Сколько лет я призывал тебя к уважению своих природных талантов — и, наконец, ты согласилась со мной! Мне, ей-богу, приятно признаться в том, что ты стала активно двигаться к своим сокровищам семимильными шагами, потому что мы объединились с тобой в единый кулак, который ударит по всякой нечисти — лени, пошлости. Именно так я думаю, когда читаю твои письма.

...Всем приветы громадные. Пожелания мои остаются в силе: береги себя и помни, что ты все-таки пойдешь на работу и надо хотя бы выпастись хорошенько!

Получил из Абхазии письма от наших «гавриков» — Альки и Игоря. Сообщаю об этом с радостью, потому что всегда приятно осознавать, что дети тебя вспоминают, и, более того, не забывают, что мужчина, благодаря которому они появились на свет, зовется папой. Посылаю тебе их письма. Очень мило и хорошо все, что они сообщают, правда?

Целую, обнимаю, люблю... Алька.

16 августа. Краснодар.

Минск — Краснодар

Таня — Олегу

Мой дорогой и прекрасный Олег!

Сегодня я неожиданно получила от тебя в подарок бандероль с замечательным платьем. Оно действительно мне идет и очень милое. Спасибо тебе за то, что ты представляешь меня загорающей и отдыхающей. Во всяком случае, в этом платье у меня действительно вид южной шпаны, сбежавшей из-под маминого строгого глаза. Цвет мне очень идет, карманчики тоже веселые.

Мне радостно осознавать, прелесть моя, что ты хранишь обо мне такие славные воспоминания. Надев это платье, я действительно представила себя миниатюрной булочкой с пышными формами и блестящими коленками. Но, увы! в действительности я несколько меньше в объеме и значительно выше ростом. Поэтому, мой дорогой, я сохраню это платье как кусочек краснодарского солнца, которое ты прислал мне в подарок. А также буду при вечернем свете надевать его и таким образом воображать себя продвинутой к тому идеалу, для которого оно было тобой куплено.

О научных делах. Полностью переделала статью о методике и шкале жанров. Напечатала 13 страниц одного только обоснования. Можно и шире, но это я сделаю в диссертации, а это вариант для статьи. Все идет хорошо. Ох, не сглазить бы! Методикой газеты, композицией газетных жанров и вообще многим никто не занимался. Это признание было написано в «Вестнике МГУ» за 1977 год!!!

Работать очень интересно и совсем не утомительно. Устают только глаза. И очень не хватает времени.

Обратила внимание, что исследования по жанрам сплошь и рядом описательные, а не аналитические. Все прекрасно усвоили программу предмета «Русский язык» и упражняются. Есть интересные работы, но это в основном статьи и брошюры, разбросанные и фрагментарные. В общем, представление я имею. Сейчас пробегаю теорию жанров по диагонали, чтобы проверить свою интуицию. Да, иду интуитивно-логическим путем. Он в такой ситуации самый верный. Одновременно штудирую «Словарь лингвистических терминов» и «Литературоведческий словарь». Это важно, потому что моя работа — на стыке. Надо набраться терминов, чтобы быть во всеоружии. Работы УЖАСНО МНОГО. Воистину, пока не начнешь работать, реальный объем представить невозможно. Но — буду делать. Глава диссертации — это же только 30 страниц, я успею большие, конечно. Но когда дойду до примеров, дело пойдет медленнее. Тут уж я ни при чем! Вообще-то работаю.

С 1 августа буду в отпуске. Значит, дней десять чистых до вашего приезда у меня будет. К тому времени я, возможно, буду писать уже прямо на машинку по порядку. У нас стоит жара: плюс тридцать! Балкон открыт настезь. По квартире гуляет легкий ветерок, кругом чисто, потому что с утра я затеяла уборку, и вот сейчас, в начале первого, все закончила и до пяти просижу в библиотеке. Воды горячей у нас нет, поэтому после библиотеки поплзу к матери мыться. Оттуда, часиков в десять, приду домой, в чистые и пустынные апартаменты.

Как вы там? Алюня почему-то мне ничего не пишет, чай, грамотный уже! Не болеет ли? Его последнее письмо вдохновляет меня на подвиги, особенно когда сижу в библиотеке. Ваши фото стоят по всей квартире, и я на них поглядываю, правда, только поздно вечером, потому что раньше дома не появляюсь. Целую всех мальчишек: Ильку, Альку, Огня, Ярусю. Ильке еще и персонально жму лапу.

Пишите мне. У вас же есть время. И вообще, драгоценный супруг мой, необыкновенное создание природы, я взяла для тебя из нашей библиотеки афоризмы (кажется, Лихтенберга). Там есть много чудесных мыслей, но ни одна из них не греет так мое сердце, как те лучики и улыбки, которые я нахожу в твоих торопливых почтовых посланиях.

У меня иногда возникает ощущение, что я, как ребенок, жду от тебя чудес...

Всем поклоны и приветы. Всех целую. А тебя еще и обнимаю нежно.

Между делами сочинила для деток песенку.

Четыре капитана

Вставали утром рано,

Чтоб отдыхать у бабушки и отдыхать у дедушки,

*Стоять на травке мокрой,
Смотреть в цветные стекла.*

Четыре капитана

Достали из кармана

И спрятали от бабушки, и спрятали от дедушки

Четыре вкусных жвачки

На случай — качки.

Четыре капитана

Служили без обмана

И помогли бабушке, и помогли дедушке,

Не плакали, не дрались,

А в море отправлялись.

Четыре капитана

В четыре океана

От бабушки уплыли, от дедушки уплыли

В ладошках тишины

В цветные сны.

Здоров ли Игореша, а то я его видела во сне голеньким...

Целую. Мама.

Но однажды папа Олег с Ярославом остались в Минске, а мы, то есть я с Алюней и Игоречком, укатили в Абхазию, на родину нашей бабушки, в городок Гудаута. Тогда папа не смог составить нам компанию: держали лекции в институтах, авторская его телепрограмма «Акценты». Не захотел он расставаться и с Яриком, хотя, наверное, просто решил помочь нам с бабушкой успешно «воевать» с меньшим составом команды семейного крейсера «Павел Корчагин».

Об этом «крейсере» расскажу потом, но в этот раз команда была разделена обстоятельствами: Ярик — боцман — коротал дни «плавания» с папой в Минске, а капитан-лейтенант — Алюня и мичман — Игореша махнули на Черное море в Абхазию...

**Минск — Гудаута
Олег — Тане**

Здравствуйте, дорогие!

Собрались мы с Яриком в кино («Хочу в кино!!!» Ну, раз такое дело...), проходим мимо почтового ящика, который для меня теперь вроде сундучка волшебного стал. Смотрю: письмо! Ярику-то что: «Хочу в кино!», а мне письмо почитать охота. Не стал с сыном ссориться, положил конверт в карман, прыгнули мы в трамвай и поехали в кинотеатр «Пионер». Купил билет, и пока ждали своего сеанса, распечатал конверт, начал читать

ваши послание.

Я страшно рад, что у вас все хорошо, вы отлично устроились и даже живете на улице, которая носит имя родни вашей бабушки. Все, стало быть, отлично. Теперь слушайте приказ командования: никаких болезней! Мы, например, следим за прогнозом погоды и знаем, что у вас там: то ли дождь, то ли облачность, то ли солнечно.

Второй приказ: отдыхать на все 200 процентов!

Теперь о нас. Как только вы улетели, а мы остались, я взял Ярика под бока и, заливая ему о том, что самолет наш еще кушает керосин и скоро будет готов, сумел без рева привезти домой. Едва мы приблизилось к порогу нашего дома, как Яр стал орать: «Самолет улетит без нас, надо идти на аэродром, а то самолет улетит без нас!» Еле-еле убедил его, что надо заправиться самим, а потом п-ть (уточню: сокращенно — покакать) и п-ть (еще раз уточню: сокращенно — пописать), потому что делать это на голову честному народу нельзя, обидится. Это для Ярика оказалось самым веским аргументом, и мы быстро поднялись на наш пятый этаж.

Едва мы открыли дверь, как Ярик, лукаво глядя на меня, сообщил: «Мама и дети спрятались в комнате, и, как только я покакаю, непременно их разыщу». Я был просто сражен его юмором, но сделал вид, что шутку его понял, и согласно закивал.

Сел он в туалет и стал читать журнал, буркнув мне, что «здесь есть про самолеты». Я стал готовить обед, постель, чтобы уложить его спать. Как только Ярик вышел из туалета, он заявил, что «готов лететь», уже забыв, что собирался искать в шкафах маму и братиков. Я заметил, что «голодных в самолет не пускают», и усадил его за стол. Он быстро поел и сказал, что «пора уже идти на аэродром». Я спросил его, не знает ли он, какой ему зададут вопрос на «аэродроме». Он ответил: «Знаю», но я был любопытен и настаивал: «Скажи!» Он замолчал и долго собирался с мыслями. Тогда я высказал свою «версию» этого вопроса: «Мальчик, а ты спал?» Ярик немедленно возмутился: «Я не мальчик! Я — Ярик!» Видимо, понимая, что деваться некуда, он встал со стула и с горькими рыданиями поплелся в детскую комнату. Я вслед ему, не обращая внимания на рев, быстро и легко согласился: «Так и есть. Ты — Ярик, но, к счастью, еще и мальчик». Он неожиданно перестал плакать и задумался, ему сочетание «Ярик-мальчик» явно понравилось. Раздел я его без эксцессов и положил на большой диван-кровать. Он улегся поудобнее и сказал, вздохнув: «А завтра мы полетим?» — «Может быть», — философски заметил я, так как твердо решил: если врать, то не слишком нахально моему Ярику.

Утром он проснулся и, обнаружив себя в своей кровати (я его перенес и делаю это каждую ночь, потому что засыпать он хочет только со мной на диване), спросил с недоумением: «А где мои братики?», но я держался

стойко: «А кто ж их знает, куда делись твои братики!» Потом меня осенило и я предложил ему дожидаться вечера, может быть, братики как раз к вечеру и явятся.

О маме он пока не вспоминает. С моим предложением он согласился, и мы дошли до детского сада уже без дискуссий. Вечером, когда мы уже почти добрались до двери нашей квартиры, Ярик спросил с недоумением: «А где братики и мама?» Я неопределенно пожал плечами и пробормотал: «Не знаю, может быть, они уже дома?» Однако, войдя в квартиру и никого не видя, сын с восхищением произнес: «Ну, как спрятались!!! Я их никак не могу найти!!!» Я согласился с ним и приготовился к щекотливым вопросам, мол, будем искать или подождем, пока они сами появятся? Но вопросов не последовало. Ярик озабоченно проишествовал в туалет, поскольку «нужда» оказалась выше желания найти родственников.

Усевшись в «кабинете задумчивости», он спросил оттуда: «Ну что, не появляются?» Я промолчал, красноречиво уронив кастрюлю. По-видимому, Ярик понял, что я занят на кухне, и умолк. Потом он вышел, вымыл руки и, усевшись за стол, молча съел свой ужин. Я усадил его за «уроки». В этот раз у нас была география, и он с увлечением разбирался, где север, а где юг. Тут позвонил дед, и Ярик обстоятельно стал ему рассказывать, что есть на севере, что на юге. Деда быстро утомила его географическая эрудиция, и он без всяких сантиментов повесил трубку.

Подкрался вечер, и мы стали готовиться ко сну. Ярослав снова поставил вопрос ребром: «Где братики и мама?» Тогда, пребывая в отчаянии от его упорства, я сказал: «Ты не слушался родной матери не раз и не два!.. Обижал братьев — Олега, Игоря Юргановых. И вот итог: они уехали от тебя!»

Однако в «педагогический капкан» попался не Ярик, а я сам. Он на секунду умолк, глаза его стали отчаянными, полными откровенной трагедии... и он заревел горько и печально. Он обнимал подушку, аки любимую, но бросившую его женичину, и повторял: «Я больше не буду! Пусть они меня простят, я буду хорошим, зачем они уехали...»

Я бросился спасать положение и «включил» психологические трюки. «Кто уехал?» — «Братики!» — «Они не уехали!» — «А где они?» — «Кто ж их знает!» — «Они не обижаются?» — «Нет!» — «А когда ж они вернуться?» — «Скоро!» — «Когда я проснусь?» — «Все может быть!» и т.п.

Он моментально успокоился и заснул. Наутро он ничего не вспомнил про вчерашнее, и теперь у нас с ним как репортаж о футболе: «Где мама и братики?» — «Да кто ж их знает!» — «А они спрятались?» — «Может быть...» — «Пойдем искать?» — «Как хочешь...» И так по сей день.

Бывают у нас и гости. В четверг с Яриком сидела Галя, а я ушел на лекции в институт. Потом пришла Люда, ее подруга, тоже посидела с

ним, пока я разбирался со своими студентами. Ярик быстро привык к тете Люде и, когда лег спать, потребовал, чтобы она к нему подошла и пожелала ему спокойной ночи.

Заходил Валера — художник-иллюстратор моей второй книги. Был он с женой, и Ярик ее буквально очаровал. Правда, меня он огорчил, так как при гостях «ходил на ушах».

Так и живем. У меня все в порядке, хотя мобилизоваться что-то трудно в твое отсутствие. Пишите мне, не ленитесь. Алька, рисуй! Вовсю идут дела с «Акцентами». Скоро запись программы. Рад, что дети ведут себя на 5 с плюсом. Это прекрасно! Танечка, как идет прибавка в весе? Праздничное ли у тебя настроение? Целую. Папа.

Нам так понравилось в Абхазии, что мы решили немного «расхулигаться» и прихватить десяток дней сентября, хотя в минских школах уже начался учебный год! Мы успели получить еще одно письмо от папы Олега с описанием его «бдений» с младшим сыном.

Минск — Гудаута
Олег — Тане

Здравствуйте, дорогие!

Ужасно рад получить от вас весточку. Тоскливо тянутся дни ожидания вашего возвращения к родным пенатам. Почтовый ящик стал моим личным врагом, потому что чаще всего пуст. Но вот сегодня радость. Милая моя жenuшка! Рад безмерно, что ты отдыхаешь «по-черному», и очень доволен, что у вас там все чудесно проходит. Насчет школы не волнуйся, парни у нас brave, быстро всех догонят в классе!

Хочу сразу же утешить тебя, моя прелесть, что все у нас устроилось прекрасно. Ярик здоров. Я — здоров. Денег — куры не клюют, так как получил огромный гонорар за свою книгу. Она вышла как раз через день после вашего отъезда. Отвечаю на все твои вопросы положительно: долги раздал, продукты купил, вкусниц уйма, питаемся до отвала и даже не стесняемся с Яриком побаловать себя деликатесами.

Но погода у нас ужасная. Представь, уже заморозки. Берегусь и я, и Ярослав. Одеваемся тепло, не волнуйся. Мы тоже отдыхаем. В субботу, например, у Гали К. был день рождения. Пригласила она и нас с Яриком, и мы прибыли с цветами и тортом. Провели у нее роскошный вечер.

Вокруг меня там цвела клумба из одиноких роз, чье благоухание прямо зависело от моей щедрой поливки. «Воды» во мне достаточно, ты же знаешь, и я не скупился на комплименты, репризы, шутки и пр.

Ярик совсем расшаллся. Все пытался оседлать Галкину собаку Юньку, помнишь ее симпатичную болонку? От Гали тебе привет передаю свежий и горячий. Она ждет тебя с нетерпением. Мой соавтор Коля П.

тоже передает тебе привет. С новыми идеями ко мне не пристаёт, так что можешь на него не сердиться. Восторженно рассказывает мне, как его «трудовой коллектив» встречает нашу с ним книгу.

С режиссером сдали очередной номер «Акцентов», называется intriguing: «Юношеская любовь и этикет добрых отношений». Скорее всего, выйдет 8 октября. Ты уже будешь здесь, посмотрим, ладно?

Новая моя книга пока идет со скрипом. Но самое любопытное, что я затеял совершенно новую книгу и пишу ее, как помешанный. Называется она «Мновения тишины». Это короткие афоризмы, максимы, раздумья. В книге несколько рубрик: «Человек», «Воспитание», «Мужчина и женщина», «Отношение людей друг к другу», «Любовь». Работа идет просто сумасшедшими темпами. Уже готовы две вещицы, а всего их будет штук триста.

Хочу доставить тебе маленькое удовольствие, а заодно проверить, понравится ли тебе? Раздел «Любовь».

Мораль в любви нередко похожа на мать, всегда готовую прийти на помощь своему ребенку. Она сопровождает любовь всегда. Она ее бережет, лелеет...

Умирает любовь — мать-мораль безутешна. Она скорбит, стонет, проклинает...

Случается так, что любовь бросает свою мать — мораль. Бежит от ее требовательного взора. А если любовь заболевает, если, отвергнутая, гибнет под тяжестью жестоких осложнений, тут же она устремляется на поиски морали. Она зовет ее: «Помоги!» Вывает: «Верни!», «Утешь!», «Накажи!»

Так и живут они по сей день... И чему удивляться? Любовь — дитя морали.

А это из раздела «Воспитание».

В потребности ребенка любить своих родителей есть начало его любви и к себе, и к другим людям. Но если эта потребность не питается уважением родителей друг к другу, любовь их ребенка к самому себе становится главным условием его существования, но тогда любовь к другим, увы, маловероятна...

Раздел «Отношение людей друг к другу».

Человек, жаждущий сразить собеседников решительностью и максимализмом, похож на цветущий кактус.

Эта работа очень увлекла меня тем, что я впервые почувствовал, как велик и тяжок труд создания предельно кратких мыслей. Приедешь, прочтешь, потолкуем. Самому мне кажется это интересным занятием не потому, что просто увлекает меня. Я экзаменую себя, свой опыт и ум на четкость взглядов, точность мышления и глубину мировоззрения. Мне

казалось, что в целом-то у меня со всем этим полный порядок. Но когда я стал работать над «Мгновениями тишины» (кстати, как название?), понял, что заблуждаюсь...

...Твоя фотография стоит на моем рабочем столе. На меня смотрят такие любящие глаза!

Мне радостно оттого, что ты есть, что ты приедешь, что я снова буду говорить тебе те ласковые глупости, в которых нельзя отказывать любящему сердцу. Не надо тебе огорчаться ни по какому поводу. Это — мой запрет, ибо нет в нас с тобой ничего такого, что заслуживает этих огорчений. Я верю, что впереди еще годы и годы взаимных нежных признаний, которые не иссякнут, пока мы живы... А молоды мы будем всегда, ибо и старости не дано наложить вето на нашу любовь. Не так ли?

Обнимаю тебя, моя прелесть, целуй деток. Спасибо им, что не забывают папку. Рисунки — чудесны. Ярик и я в полном восторге от фотографий.

Еще раз обнимаю вас, и передайте всем огромный привет.

Ваши папа. Детей расцелуй и растолкуй им, что папа тоскует безумно, но героически ждет их возвращения домой.

Целую. Алька.

Гудаута — Минск
Таня — Олегу

Здравствуйте, Яринька и папа!

Получили ваше письмо. Читали-перечитывали несколько раз... В деревне наши дети всем понравились. Кавказцы целкали языками и говорили: «Хорошие дети, красивые дети». Все, как сговорились, удивлялись цвету волос: «Абхазцы или русские?» Бабушка говорила: «И те, и другие». Они кивали: «Глаза светлые, в нашу породу». Я молчала. Что возражать, когда кругом глаза светлые. Нашлись очевидцы, которые говорили, что у меня тоже раньше были светлые волосы. Игоречек «взял» глазами, Алик — своей независимостью...

Дети не отходят от дворового пса Рекса. Он большой и добродушный, его берут на охоту перепелов гонять. Так вот, дети наши в этого Рекса просто влюбились. Целыми днями они лежат с ним в обнимку, таскают для него кости и мамалыгу, глядят его, смотрят ему в глаза, и он тоже ходит за ними по пятам. Когда мы засобирались поехать на полдня в гости к родне, Рекс выл и скреб лапами. Думал, что дети уезжают насовсем.

Дети называют Рекса — Кексом, так им понятней. Игорь поймал курицу, приволок тете Анюте на кухню и сказал: «Сжарь Кексу курицу!» На веранде сидит сорокопудка, это птичка-приманка для ястреба. Глаза у нее заклеены, она привязана за ножку. Алька стоял под ней в задумчивости, а она вдруг какнула ему на темечко! Он побежал мыть свою светлую макушку,

а мы ползали от смеха. Бедная птица от нашего хохота оступилась и, как канатоходец на страховке, повисла вниз головой на ниточке. Еле ее усадили на место, потому что она отчаянно клюется.

Дети заработали кучу денег, потому что здесь принято, если ты впервые видишь ребенка, давать ему деньги. Так что и Ярик в этом смысле принес бы нам «доход».

Хочу приехать в Минск за два-три дня до окончания отпуска, сходить в кино, акклиматизироваться. Вообще-то здесь скучно. Ску-у-чно-о-о! Книгу твою читает вся родня. «Бабиня» сначала прочла книгу в одиночестве, про себя, а теперь перечитывает вслух «избранные места». Диана, моя сестричка, взяла с меня слово, что я ей буду пересылать все твои новые книги. Что и говорить, писателей здесь пока не было. Одна из наших родственниц, которую мы все зовем ласково Киса, называет твою книгу энциклопедией. «Как умно, как тонко, — говорит, — всякому человеку, и молодому и старому, есть что для себя взять и чему поучиться!»

Времени много, читаю и я. После Фейхтвангера прочла том новелл Андре Моруа. Потом современный роман о супругах «Путь к сердцу» (Чушь!), Д. Гранина «Искатели» (Схема!). Сейчас читаю Тура Хейердала «В поисках рая» и «Аку-Аку» о его раннем путешествии на остров Пасхи. Это — интересно.

Молодой Хейердал похож на нашего Андрея С. — такой же гуманист и оптимист... Дети придумали новое слово. Алик ссорится с Игорем, и я говорю: «Вы девчонки или мальчишки?». Алик отвечает: «Нет!» Я спрашиваю: «Как так нет?» Слышу в ответ: «Мы не девчонки и не мальчишки!» «А кто же вы?» Слышу ошеломляющий ответ: «Мы — некто!» (вообрази: от слова «никто» сделали «некто»). Я — никто, ты никто, а оба мы — некто).

Сегодня 25-е, у тебя передача. Дети жалеют, что они не в Минске. TV у нас нет, а там, где есть, принимают только Москву. В кино здесь не ходим. Читаем абхазские и грузинские сказки. В деревне я наткнулась на книжку «Огненный бог Маранов» Волкова (из серии «Волшебник Изумрудного города»). Уволокла эту книжку без зазрения совести, и сейчас мы ее читаем. Вообще, за это время мы научились долго и терпеливо слушать. Алику можно читать часами, а Игорь больше 30–40 минут не выдерживает... Устает.

Алька уже быстро читает и сам. Сегодня рассматривал карту и как заорет: «Мама! Азербайджанское море!» Я спрашиваю: «Где это?», а сама думаю: ай да азербайджанцы! А на карте написано: «Оз. Боджан». Он прочитал: «Озободжан», ну и решил: Азербайджан. А уж если написано по голубому — значит, море!

Дети загорели. Алик поправился. У него теперь здоровый вид. Вечерами ходим на пристань смотреть огни пароходов. Алик читает названия.

Игорюня выгорел, Алик — тоже. Загар ровный, но не черный, потому что не хотим их «жарить», ходим на море с самого утра. Один день загораем, другой — делаем перерыв.

Теперь о тебе: что значит «не работаю...», «не могу мобилизоваться...» Не болеешь? Напиши еще одно письмо, подробное: как тебе понравились фотографии детей, как у тебя с деньгами? Что с книжкой о настроении? Как дела у Галочки? Передай ей мои поздравления с днем рождения. Я приеду и тогда как следует сама поздравлю.

Как получилась передача? Какие новости из Краснодара? Пиши не только о Ярике, но и о себе. Цензура письма не просматривает.

Целую. Мама.

Теперь прочти персональное послание Ярику.

«Ярик! Здравствуй, кораблик! Мама, Алёня, Огонь, «бабиня» целуют тебя крепко в носик и щечки! Мы скоро-скоро приедем и привезем тебе подарки и игрушки. А ты слушайся папу...»

Приехали... Год пронёсся стремительно мимо наших окон, и мы оглянуться не успели, как наступило очередное трудовое лето! И снова стали приходить из Краснодара письма Олега, а я старательно отсылала туда свои.

**Краснодар — Минск
Олег — Тане**

Здравствуй, милая Танечка!

Вот мы и приехали. Хочу сразу тебя обрадовать: нас встретили и мы добрались до дому вполне благополучно. Конечно, в поезде было очень жарко. Наш сосед по купе, очень милый дядька, хоть и остался спать на нижней полке, шепнул что-то жене, и она уступила нижнюю полку Ярику. Конечно, все было чудесно, вроде как камень с души упал. Ты-то ушла с перрона, думая, что Ярику предстоит спать наверху... Помни, везде есть хорошие люди!

Ярик сразу же познакомился с проводницами, причем особую симпатию у него вызвала рыженькая. Помнишь, та девочка, которую ты назвала моделью для полотен Веласкеса? Девочки — студентки Белорусского института народного хозяйства. Кстати, когда я сказал им, что я преподаватель этого института, они зауважали меня и сказали, что позвонят, когда вернутся в Минск (я дал им, моя радость, наш домашний телефон... Ничего, а?), и расскажут тебе лично обо всех подробностях нашего путешествия.

Думаю, что для Ярика это путешествие было действительно замечательным, потому что проводницы сразу приняли его в свое дорожное «братство». Дали ему форменную фуражку с кокардой, и он ни на миг не снимал ее.

На остановках мы выходили только на больших станциях, например в Гомеле. Во всех остальных случаях стояли в тамбуре. Мальчики, которые

ехали в нашем вагоне, Ярику смертельно завидовали из-за его фуражки проводника, и он очень скоро этим воспользовался.

Правда, с самого начала, когда Ярик еще не был «проводником», один из этих пацанов втянул нашего парня в какую-то авантюрную игру, и Ярик проиграл всех своих оловянных солдатиков. Правда, страдал от этой потери недолго, просто «сделал выводы» и с этим пацаном больше не играл.

Потом началось паломничество детей вагона в наше купе. Пришлось мне «стать воспитателем», и все были довольны. Я коротал с ними время, а детки отдыхали от своих раздраженных от перегрева пап и мам.

Как только приехали в Краснодар и перецеловались со всей родней, тут же прыгнули под душ, так как чувствовали, что уже «плавимся». Затем сели за стол. Ели множество всевозможных салатов, авторы которых — дедушка и бабушка — с надеждой смотрели на нас: понравится или... Конечно, понравилось! Пили замечательное вино! Правда, тут случился конфуз. В большую, ужасно красивую бутылочку с вином залетела муха. Эта нахалка-алкоголичка ползала внутри, как дух какого-то Абдаллы, и Ярослав с возмущением указал деду на происки насекомого. Тот извлек муху с большой осторожностью, так, чтобы она не утонула в драгоценной жидкости, только-только распробованной дорогими гостями...

Я страшно рад, что приехал. Здесь тихо, уютно и настолько демократично, что даже зеленые мухи залетают куда им вздумается...

Дорогая моя и милая Танечка! Пожалуйста, не скучай и работай с одной главной мыслью: мы здесь о тебе не забываем ни на минуту!!! Ведь иначе и быть не может. Едва Ярик пошел спать вчера после ужина, он вспомнил, что его не поцеловала мамочка, и я его поцеловал и за тебя. Я сделал это точно так же, как ты, только, конечно, борода предательски кололась.

Будь умницей, питайся регулярно и, главное, не ходи поздно вечером. Пишущую машинку осваиваю старательно. Прочитал инструкцию и знаю теперь все ее секреты. Привыкаю к клавиатуре.

Очень, очень тебя люблю, моя милая, и целую.

Твой Алька.

**Минск — Краснодар
Таня — Олегу**

Здравствуй, драгоценный мой муж, ведущий моей жизни и расставляющий в ней акценты!

Сегодня я, как скупой рыцарь, могу спуститься в подвалы моей души и бросить в драгоценные сундуки моей памяти еще две золотые монетки. Их принесла мне вестница-почта в образе двух белых писем. Две одинокие слезы внутреннего волнения проступили со дна моего сердца при виде этих конвертов, белых, как паруса лодок, к которым тянется мое сердце. И я подумала: одиночество не красит человека, но человек скрашивает

одиночество.

Долго держала я перед собой эти драгоценные сосуды из бумаги, в которые были заключены голоса и приветы, и не решилась выбрать: с которого начать?

Так на пиру, увидя два бокала,
Гадаешь: может лучше тот,
Который пенится лукаво —
Иль хмелем обжигает рот?

Не знаю, как там на Востоке,
Где много истин о вине,
А я взяла бокал глубокий,
Где крепость прячется на дне.

Твое письмо, мой муж бесценный,
Прочла я первым оттого,
Что с ним покой благословенный
Влетел в открытое окно.

В моих руках письмо. Страница
Ума, остроумия и красоты...
В себя вбираю по крупицам
И убеждаюсь: это — ты!

Твои мне новости приятны,
Твои заботы мне милы.
Возможно, даже вероятно,
Что заслужу я — похвалы...

Потом пришел черед второго —
Большого детского письма.
Его, от слова и до слова,
Я не прочла, а пронесла!

Как огонек, веселый, жгучий,
И беззащитный, и лихой...
О, детства радостный попутчик
В дороге, что зовут судьбой!

Глава вторая. Ближе к делу.
Пишу не только лишь стихи,
Руду копаю оголтело...
Да! Корни истин — глубоки.
Ученого с кротом сравню я.

Во мраке он ползет, порой
Мала добыча на страницу,
Но ты не ной! Ты снова — рой!

Копай, веди ходы упрямо!
Там, впереди, забрезжит свет.
Наука иногда, как яма,
А иногда — цветов букет.

Она немножко то и это.
Цветы с землею пополам.
И в ней, как в жизни:
Края нету,
А воздается по делам...

Яруля! Нарисуй мне свою железнодорожную шапку. Можешь и братикам написать и нарисовать...

Целую. Мама.

Минск — Краснодар
Таня — Олегу

Здравствуйте, наши дорогие краснодарцы!

Трудно описать всю нашу с мальчишками радость, когда мы в воскресенье, 31 августа, утром побежали вниз и вытащили из ящика целых два письма от вас. Детки от радости даже запрыгали. Они великодушно рассматривали Ярикины рисунки и говорили: «О-о-о!», дав возможность спокойно прочитать папино письмо.

Как сказал Пушкин: «И для меня воскресли вновь и красота, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь». Правда, Пушкин сказал «божество», но красота и божество — не одно ли и то же? Во всяком случае, для меня ожили краски, и даже густой туман, типично городской, скучный, стал вдруг каким-то тургеневским. И в сердце ясно, и мысли в голове бесхитростные и удивительные. Вот так хорошо, когда ты пишешь нам письма. А ждали мы их целых десять дней.

Теперь наши новости. Мальчишки приехали в прошлое воскресенье. Самолет их вовремя не вылетел, так что прибыли они не в субботу в 11 вечера, как должны были, а в воскресенье в 9 утра. Срочную телеграмму, которую мама отправила мне, чтобы я встречала их, мы ждем до сих пор. Может, мы получим ее через тридцать лет. Говорят, такие случаи бывают.

Я, зная, что маме в понедельник на работу, заранее приготовила обед, убрала и у нее в квартире, и у нас. В понедельник пошли с детками в магазинчик, купили ботинки всем. Ребята приехали «с прибылью», я пи-

сала тебе о местной традиции — плату за «просмотр» детей. Хорошая традиция, помогла им купить все, что хочется, к школе. Потом сходили в кино, поели мороженого, купили продукты и буквально забили ими весь холодильник. Сумела растратиться и я: купила кучу интересных книг. Ты ж сам говоришь: книги — это святое! Вот я и следую твоим заповедям, дорогой мой муж!

Не влез ли ты в долги у родителей? Смотри, чтобы они не спустили на вас с Яриком свои сбережения. Не ишачь, лучше привези денег поменьше, но не забывай отдыхать. Лара Б. опубликовала в «Знаменке» предельно сырую статью, которую мы с тобой уговаривали ее не публиковать. Упрямая женищина! Ну что ж, «лавры» ей собирать, но боюсь, что листики с этого венка даже в борщ не будут годны...

Целую. Таня.

Минск — Краснодар
Таня — Олегу

Доброе утро, Олежек!

Целую всех, приветы родителям и Саше.

Только что отправила тебе встревоженное письмо, ведь как вы долго не писали. А когда вернулась, обнаружила в ящике извещение на заказной пакет от тебя из Краснодара. Конечно, сразу же побежала на почту... В твоём письме есть прекрасные страницы, и я понимаю, почему все же хорошо публиковать письма (хотя раньше это осуждала), причем, что меня особенно поразило, так это то, что ты, как и в прежние времена, умеешь и хочешь писать мне обо всем, что внутри тебя «кипит». К сожалению, это сегодня очень большая редкость. Люди разучились писать письма. Мужчина предпочитает посидеть за бутылкой чего покрепче, чем написать письмо. Конечно, ты прав, словам сейчас не верят, поэтому испытывают отвращение к ним, как к «словесам». Но, с другой стороны, наша литература, искусство, драматургия, кино годами пытаются что-то сказать о современнике, а сказать могут крайне редко, и всегда это или случайные, или странные «попадания в точку».

Далее. Ходила вчера в театр. Смотрела «Восемь любящих женщин». Актеры переигрывают, впервые хотелось уйти после первого действия. Но из-за Люды и Галки сидела. Юмор, который переходит в сатиру, а затем в истерику — вещь неприятная...

Еще была в кино. Смотрела расхваленный фильм «Вернемся осенью». Справа сидели алкоголики, слева — пенсионеры. И тех и других нельзя было тревожить. А фильм — ужас! То есть, как ты говоришь, «...16 тысяч за сценарий». Такие сценарии пишутся в клозете! «Экипаж» не смотрела, хотя идет совсем рядом, в «Мире». Не хочу. Не доверяю нашему кино. А ходить на «грандиозный пожар» — жаль времени.

...Завтра выхожу на работу. От этого заранее тошно. Нет, не от работы, а оттого, что снова попаду в институтское, кафедральное болото: «Где, кто, с кем, о ком...»

К Ирине — страшная антипатия. Это человек, который хороши, когда ему надо! И, откровенно говоря, я презираю интеллектуально бесплодных людей: за нее тему выбирают, за нее план делают, за нее решают, а она — кивает!

Конечно, занимаясь самоанализом, я думаю, что во мне говорит зависть: она — преподаватель, а я — нет. Но в данном случае если и зависть, то только к месту преподавателя. Не хочу ходить в лаборантах. И знаешь почему? Потому что лаборант обязан, как мебель, присутствовать при всех заумных беседах. А это тошно! Только поэтому. Печатание документов и обращение «Танечка» меня совсем не задевает.

Как жаль, что ты приедешь только 15! Это же целый месяц! Но... Надо так надо!

Кстати, 18-го у Людэ Т. день рождения, она пригласила нас на всякие вкусные вещи. Хорошая она баба, очень даже прозорливая, без распространённых предрассудков и даже со своеобразным умом. Но до чего же однообразна! Прямо какой-то телеграф без точек и запятых.

Была в гостях у Бори К. Зашла на полчаса, на чаек, а просидела до 12-ти. Поговорили по известной тебе программе. У К. действительно очки: одно стекло розовое — на запад, а одно серое — на восток. Б-о-ольшой дефект зрения. Надеюсь, от глупостей его уберегут не убеждения, а хотя бы покупка машины и такой-сякой покой, отлаженный быт и, может быть, представь себе, даже его своеобразная ирония.

Что до его «половины», то она, по-моему, может жить везде. Ее не томит, не греет и не беспокоит. Она только учитель игры на арфе и лозунг: «Почему я не могу этого сделать за свои же деньги?»

Конечно, это яхватила через край. Я прекрасно знаю, как все у них непросто. Но вдобавок к этому «непросто» они лишены оптимизма и добродушия, которое является проявлением доброты (как у Темкиных, например).

Ну, все. Пиши. Целую. Таня.

Краснодар — Минск
Олег — Тане

Здравствуй, моя роднулечка!

Получил от тебя сразу два письма и погружаюсь в их чтение, как в нирвану. Твои письма читаются на редкость легко, и делать это многократно — большое удовольствие. Вчера Ярик просто-таки заставил меня прочитать вслух твоё второе письмо с философскими отступлениями и, представь, затихал и смеялся в соответствующих местах. Потом он заставил меня прочитать ещё одно твоё письмо, но, видимо, уже иссяк:

смеялся не там, где надо... Но так вот мы с тобой пообщались — и это главное.

Как у нас дела... Стало значительно прохладней, чем недельки две тому. Уже по утрам откровенно холодно, и я накрываюсь тяжелым ватным одеялом. Ярик тоже не храбрится, спит под таким же ватным одеялом. Правда, спит он в комнате, где тепло круглый год. Она так расположена. Парень наш здорово вытянулся, зарос, но, как ты и просила, я не веду его к парикмахеру.

Загорать ему особенно не давал, помня о твоей просьбе и напоминании о годе беспокойного солнца. Но он все-таки загорел, причем загаром мягким, шоколадным, и теперь напоминает ребенка, рожденного от брака эфиопа со славянкой.

Ест он спокойно. Прямо скажем, не любит он предаваться «брюхачеству». Конечно, старики беспокоятся на этот счет, но я их убеждаю, что все нормально. Ярик нажимает в основном на фрукты, которых здесь в изобилии. Завод, где я провожу деловые игры, расположен неподалеку от базарчика, вот я на обратном пути и прикупаю для Ярика груши, сливы, яблоки, абрикосы и всякое-разное...

Как у меня? То, что приближается конец моим «игровым мероприятиям», меня радует. Надоело порядком! Во-первых, устал от непрерывных контактов с людьми, которые считают, что они семи пядей во лбу и им ничего такого не надо. Надоело видеть всеобщее равнодушие к проблемам, от которых у этих начальственных деятелей оскомина должна быть пожизненная. Во-вторых, это оплата моего труда. Надо объяснять, как следует считать затраты моего труда. Ты же знаешь, делать это я не умею. Меня спрашивают: где взял такой тариф? Толкую им, что все методики оригинальные, что это нигде не опубликовано, что каждый урок — уникален, вроде бы как эксперимент. Пожимают плечами, но... соглашаются. Действительно, о деловых играх слышали только по «телеку» или на курсах повышения квалификации где-то в Москве или в Питере.

Привезу приличное количество денег, поскольку в этот раз удалось неплохо заработать. Правда, все за счет отдыха. Буду делать такие же игры и в Минске. Провожу последнюю игру на заводе Седина — и сразу же домой, к тебе. Игра будет большая, часов пять-семь. Примет участие все начальство Краснодара...

Вообще-то, моя ненаглядная прелесть, я поработал здесь славно! Разработал много различной документации, методических новинок. Приеду с багажом. В Минске у меня бешеная нагрузка и нет времени для поисков новых вариантов. Как я тебе писал, интерес к игре есть! Однако какой-то балаганный, базарный. Смотрят и не пытаются понять логику всего процесса обучения. Ну хотя бы спросили: зачем это, зачем то? Нет...

Лекций читаю мало: платят гроши. Игры — другое дело...

Отсылаю домой все книги, которые брал с собой. Если бандероль придет раньше моего приезда, просто положи на мой стол. Получила ли ты тетрадки для наших школьников? Мне кажется, что бумага воцеленная и качество вполне приличное... Прошу тебя, сходи в музыкальную школу, посмотри расписание, узнай, что нужно к занятиям. Игорь записался на балалайку? А что, здорово! Деток поздравь с началом учебного года, устрой маленькое семейное торжество. Жаль, что я не успею к этому дню. Ты еще можешь написать мне пару писем. Хочется узнать, какие они стали, как вытянулись на «абхазских харчах».

Страшно рад за твои диссертационные дела. Из всех новостей, которые ты мне сообщал, это — мой десерт! Приятно видеть, как ты делаешь мощные рывки.

Твое отношение к Ирине разделяю вполне, поэтому прошу тебя быть с ней осторожней, чтобы не приобрести заклятого врага. Она слишком быстро может догадаться, что ты умеешь нечто такое, чего не умеет добыть она, то есть ты у м е е ш ь, а она не умеет. Учти: дискредитация — универсальное ружье: стреляет и прямо, и с поворотом на 90 градусов. Помни об этом. Что касается твоей реплики: «Не хочу быть лаборантом» — понимаю. Но пока советую представить себе, что впереди у тебя годы и годы преподавательской работы, несравненно более тяжелой, чем лаборантская.

Да, в газете, скорее всего, опубликовали мой фотоочерк, оттуда и гонорар. В журнале «Беларусь» лежит моя статья, но я сомневаюсь, что ее опубликовали.

Целую тебя крепко, моя радость, люблю тебя. Олег.

В сентябре 1977 года Олег должен был закончить в Краснодаре обещанные сеансы деловых игр с управленческими работниками и поэтому, прихватив Ярослава и подбросив его родителям, целиком занялся этой работой. Длилось это две недели, и в это время мы не особенно переписывались. Я нашла одно свое письмо, которое, как мне кажется, хорошо описывает наш тогдашний быт и нагрузки, когда старшие дети пошли в школу.

Минск — Краснодар
Таня — Олегу

Здравствуй, Олежка!

Получила твое письмо, в котором ты пишешь, что приедешь в понедельник. Ничего я не сержусь — очень интересно сердиться на дорогую мне жизнь и пр. Сколько привезешь денег — столько и отдадим. Не хватит — перезайдем и отдадим. Ничего. Ты об этом не думай. Лучшие почитай о наших новостях.

Игорь и Алик теперь ходят в школу вместе. С этой недели у обоих вторая смена, и уходят они в 12.50. Я бегу на работу, выхожу с ними, работаю с 13.00 до 18.00. Потом — домой. Они уже дома или приходят сразу после меня. По утрам я дома. Уроки делаем вечером, потому что по утрам они отдыхают, бегают во дворе, смотрят фильмы, ходят в музыкальную школу. Туда Алика и Игоря взяли в подготовительный класс, правда, позже Игоря взяли в первый, потому что попала хорошая учительница, сказала: «Пусть он у меня посидит два года в первом, если не справится. А справится — пойдет во второй». Алик ходит в подготовительный, на гитару, к весьма симпатичному учителю — бакину. Зовут его Гайфуллин Нариман, а вот отчество невозможно выговорить. Молодой парень. Сказал мне: «Через два года будет играть». Значит, на будущий год, возможно, он возьмет Алика в первый класс. На сольфеджио я Игоря и Алика записала к одной учительнице, чтобы ходили вместе и чтобы Алик Игорю растолковывал...

Альке купила гитару, а Игорю — балалайку. Денег хватило, но с натягом. Правда, пока за школу денег не взяли, сказали, что сделают перерасчет.

Учительница у Игоря хорошая. Сразу окрестила его Плутончиком. Это молодая русская тетя, незлобивая, понимает, что дети есть дети. У Алика учитель тоже скорее эдакий чернявый товарищ, нежели «казенный козел», каких много в школах.

Ася Акимовна, ты ж помнишь, учительница Игоря по русскому языку, вцепила ему двойку. Я сразу же пришла в школу и долго выясняла за что. Потом, уже на завтра, отвела Игоря в школу, взяла Асю под руку и пять минут «пела» ей, что Игорь выучил и знает. Она поставила ему двойку за то, что он забывает в правиле слова «признак предмета», «действие предмета» и даже само слово «предмет». Она вызвала нашего сына к доске, но — вот стервь! — на другое правило! Правда, после двойки поставила четверку. И так будет, я чувствую, всякий раз: чем больше двоек, тем больше объяснений. Как говорится, кто кого.

У Алика первые пятерки. По всем предметам подряд. За лето прочитал всего Шерлока Холмса и еще какие-то две-три приличные книги. Скорость чтения уже хорошая, и устные уроки делает быстро. Письменные уроки — тоже быстро, но нужно следить, притормаживать, чтобы заставить проникнуть вглубь. Иначе «скачет по верхам».

На работе у меня запарка. Планы кафедры, учебные отчеты. Печатаю больше дома, так как стараюсь побыстрее с работы удрать. Еще на мне висит методичка, за которую я еще не бралась. Часы в этом году мне не дали. Кстати, ни одному почасовику не дали, так как все забрала приехавшая доцент Д., для которой штатной единицы не нашлось, и ее взяли почасовиком. Мне понравилось, что некоторые наши преподаватели расстроились, что мне не дали часы, и высказали это завкафедрой Ш. Тот

пожелал мне побыстрее закончить диссертацию...

С тех пор, как приехали мальчишки, я за нее не садилась. Вот ты приедешь, начну стучать по вечерам на машинке. Я бы и теперь «шлепала», если бы не кафедральная запарка. Вот возьму с понедельника свою законную отгульную неделю и буду дома.

Тебе пришло очень хорошее письмо из Алтайского края, от товарища, который прочел твою книгу и тоже придерживается мнения, что под лежащий камень вода не течет и что давно пора засучить рукава и заняться проблемами управления. Он написал в издательство с просьбой дать твой адрес. Письмо тебе не пересылаю. Оно большое, не хочу, чтоб потерялось.

Ну вот кратенько все. Бегу на работу. Большие приветы всем домашним. Игореша уже тренькает на балалайке и поет: «Барарайка, барарайка, под столом сидит хозяйка». Алька выводит кошачий концерт на гитаре, изображая из себя а ля Мишель Боярский.

Живем дружно. Смотрим Холмса. Игорь чуть плаксив, хочется ему быть маленьким. Мы — Алик и я — его любим и не ругаем, а помогаем ему во всем. Скучаем по папе и Ярику. Гвоздик (ты не забыл нашего сиамиского кота?) хочет кошку, правда, почему-то чаще после рыбы. Кажется, я сожрала сухарик, отмеченный страстью Гвоздика. Но, как говорится, такова судьба. Прощайте ненадолго. Целуем и ждем.

Алик, Игорь, мама.

Письма родителям Олега — Зинаиде Никитичне и Борису Александровичу — стали привычным делом в первые же годы нашего с Олегом супружества. Пока мне не довелось побывать в Краснодаре, но «если гора не идет к Магомету»... Я познакомилась с ними здесь, в Минске, когда мы уже жили в своей квартире. Веселый нрав бабушки Зины и бесконечная эрудиция деда Бори очаровали меня, и я посылала им письма с большим удовольствием... Кстати, для меня эти письма были как бы поводом для оценки нашей семейной жизни, о которой я писала в Краснодар много и с радостью, а также о жизни и «деяниях» их старшего сына — нашего папы Олега. Я старалась рассказывать о нем подробнее, потому что знала, как непросто найти время, чтобы черкнуть два-три слова о себе и нас нашему папке...

Минск — Краснодар
Таня — свекрови

Дорогая Зинаида Никитична!

Спасибо Вам за то, что Вы, как всегда, хотите помочь нам. Но Олег зря Вас перепугал. Я попала в больницу по сушей безделице — просто амбулаторно. Никакие операции не делаются. Уже неделю я дома, так что все в полном порядке. Пока меня не было, тут вечерами крутилась мама, а в

дневное время многочисленные мои и Олега подруги, которые, конечно же, не оставили без внимания «одинокое и интересное» О.Б.

Они даже очень неплохо справили Олежкин день рождения. (Я, без-условно, вся изревновалась... отчего прибавила в весе на 2 кг!) Из больницы я каждый вечер звонила (там был телефон-автомат) и говорила с мужем, детками, подругами. Правда, Ярик сказал мне по телефону: «Мамочка, а когда ты придешь из больницы? Мне от тебя очень скучно!» (То есть от-того, что меня нет.) Дома все в полном порядке. Олег написал сценарий для маленького учебного фильма об этикете. Вышла его большая статья в местной «Настаўніцкай газеце», где говорится об этикете отношений на службе, в коллективе учителей. Недавно дипломица Олега (он был у нее научным руководителем) защитилась. Так что Олег молодецом!

20 марта Олег начинает читать новый курс лекций по культуре поведения педагогов в институте иностранных языков. Это очень от-ветственный курс. Сейчас он пишет лекции. А слух о том, что он будет их читать, уже пополз по всем институтам, и все хотят попасть и по-слушать. Олег утешает желающих тем, что каждую лекцию он будет читать по пять раз, потому что они предусмотрены на пяти потоках (курсах института), так что для его горла это будет испытание, если помнить, что горло у него слабое...

Большое спасибо Борису Александровичу от мамы и от меня за по-здравления с 8 Марта.

Игоречек сейчас сидит рядом со мной и рисует для Вас картину с кораблем в море. А Ярик стоит, смотрит и говорит: «Это — синее море? Ой, умираю!» Язва этот Ярослав.

Ярик с Игорем разнятся только на полголовы. Алик сильно вытянулся, и уже молочные зубы шатаются.

Живем мы весело. Каждый день у нас наполнен. Особенно славно от-метили 8 Марта. Олег устроил такой удивительный вечер, что все при-сутствующие женщины были им очарованы. Была музыка, стол, стихи, веселье — все были счастливы. И все это сделал Олег! Так что гордитесь сыном.

Пишите. Таня.

Минск — Краснодар
Таня — свекрови

Здравствуйте, дорогие Зинаида Никитична и Борис Александрович!

Запоздало поздравляем вас с семейным торжеством — 39-летием су-пружеской жизни. Надеемся, что в общем и целом, даже если 5 лет отдать на притирку характеров, 10 — на ссоры, а еще лет 15 — на недоразумения (чего не бывает в семейной жизни), все же останется (10+5+15) 9 лет совершенно «медовых», без единого облачка на семейном горизонте. Таким

образом, можно считать, что вы накопили (9x12) 111 (сто одиннадцать!!!) медовых месяцев! А такой набор кому угодно составит честь!

Это все шуточные наши поздравления — они с той долей юмора, на которую мы способны. Вы уж не сердитесь, примите наши лучшие поже-лания, тем более что сочетание чисел получается мистическое: после 111 медовых месяцев до золотой свадьбы остается 11 лет.

Горько! (Нам тогда уже будет под 50 и под 40 и мы будем еще бо-дрячки!)

Теперь несколько уточнений насчет дня рождения папы Олега. Как известно, ОНЕ родились 27.2.39, что не помешало отмечать эту дату 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 26, 27 и даже 28-го. Немного было дарено, но много выпито. Друзья отличились тем, что пришли не в один день, когда были готовы столы, закуски и т.д. и т.п., а заглядывали (как было указано выше) в течение всей недели по одному.

20-го отметили вместе с детьми и родственниками. 21-го пришел друг Коля, принес украинский рушник и толстую рукопись. За рушником и рукописью сидели до глубокой ночи, не притронувшись ни тому, ни к друго-му. Рушник — слева от Коли, рукопись — справа от папы Олега. Внимание друзей было сосредоточено на шампанском.

22-го папа Олег был ушедши (как говорили наши предки славяне) в божему. (Богема — это, говоря по-русски, не очень трезвая, но очень интел-лектуальная компания, где количество мужчин примерно равно количеству женщин.)

23-го, под предлогом Дня Советской Армии, папа Олег опять принимал поздравления. Доедались закуски и допивалось вино.

24-го — вспоминал 23-е наедине с женой, в узком семейном кругу. Пили в основном крепкий чай для прояснения «верхних этажей» (так говорил о мозгах один лондонский дипломат).

25-го пришла Галя, давнишняя знакомая Олега, с тысячами извинений, а на тысяча первом достала «Советское шампанское». Полусухое (или полу-сладкое?). Говорили о Галиных проблемах и о том, какой прекрасный возраст — 37 лет... для мужчины. Если, конечно, не иметь в виду А. С. Пушкина.

26-го прошло в волнениях и заботах. Ведь готовились к 27-му. К тому самому звездному часу, когда воистину родился наш папа Олег. В конце при-готовлений пришла некая Лиза, милая девушка без мыслей выйти замуж... Она долго рассказывала Олегу его собственную статью в журнале «Неман».

27-е наступило. Единственный строго пунктуальный человек (опять женщина!), моя подруга Таусия, пришла со своей дочкой (еще одна женщи-на), принесла в подарок Олегу соки, воды, вина и колоду карт, в которые приличному человеку можно играть только с закрытыми глазами. Пили, ели, веселились. Не напились...

28-го пришел друг и подопечный Олега Роман. Привез приветы от друзей Олега из Саратова. Опять посидели...

Наступил март, первые четыре дня которого ушли на поздравления. До 8 Марта Олег Борисович наметил два деловых похода в ресторан (по программе «Акценты» «Как вас обслуживают?» в рубрике «С кем вы пьете?»).

В промежутках он успел легкой кавалерией перескочить ангину и сейчас весь «дымится» новым сценарием. Мне велено сегодня приходиться домой лишь поздно вечером, так как дети мастерят сюрпризы к 8 Марта. 3 и 4-го мы с Олегом участвовали в двух утренниках (у Алика и Игоря), где изрядно попотели в разных детских затеях.

Вот, пожалуй, и все! С праздником! Целуем. Таня.

Минск — Краснодар
Таня — свекрови

Добрый вечер, дорогие Зинаида Никитична, Борис Александрович, Саша и Шурик!

Большое спасибо за посылку, которую мы получили на днях. Теперь наша семья полностью в сборе. Олег перешел работать в институт иностранных языков, где он весь прошлый год уже читал лекции. На телевидении он по-прежнему будет вести программу «Акценты», но теперь уже не через месяц, а ежемесячно. В феврале выходит его вторая книга, которую он написал в соавторстве со своим другом Колей П. Работа над книгой проделана огромная. Это дневник рабочего с комментариями психолога. Кроме комментариев, Олегу пришлось все записи рабочего капитально отредактировать. Теперь все выглядит очень прилично. Записи были очень многословными, перегруженными лишними рассуждениями и множеством деталей. Редактировать надо было очень осторожно, чтобы соавтор не обиделся, а это значит, что каждую поправку следовало объяснить, убеждая принять ее. Сегодня эта работа позади, и мы ждем со дня на день сигнальный экземпляр...

В последнее время мы стали чаще бывать в театрах. Это связано с тем, что Олег начал возвращаться в театральные круги, подыскивая режиссера для постановки своей пьесы «Сказка о злой принцессе Гелле и добром докторе Демидролли». Сказку «Иван-царевич и Серый Волк» Олег писал у вас, в Краснодаре. Чистовой вариант он еще будет делать, но пьеса в целом готова. Теперь он хочет написать современную драму. Посмотрим, как у него получится. Он знаток человеческих душ. Скоро Олегу исполняется 40 лет. Это, как известно, возраст творчества, взлета, зрелости. Надеюсь, что все его начинания и планы окажутся ему под силу.

Детки растут неплохими пареньками. Алька с Игорем ходят в спортивную школу на гимнастику и акробатику. У них один тренер. Четверть Алька закончил на 4 и 5, но в тетрадах еще мелькают тройки. Но это за

грязь, за спешку, а не за ошибки. Пишет с ошибками, это да. Однако ошибки эти закономерные — пишет «на слух». Вот будет читать со временем побольше, тогда и грамотность будет лучше.

Сейчас самое главное — приучить его к собранности и самостоятельности по отношению к его собственным делам (тренировки, учеба). Это нелегко, потому что человек он неровный, капризный. Одна надежда, что у него хорошая башка. Логика его убеждает больше голоса.

Игорешка хорошеет. Куда уж больше, ума не приложу! Ярослав стал серьезнее и задает перцу братцам. Но лентяй, каких свет не видывал!

Джек, наша овчарка, у нас больше не живет — его украли. Мы переживали, но теперь привыкли без нашего Джека. Кошка Кнопочка стала очень красивой. Папа Олег ее очень любит. У них жуткий роман: они целуются и спят вместе. Главное, что у Кнопочки (это — сиамская кошка) — голубые глаза. Очень красивые.

Вот так мы и живем.

В день моей выписки из больницы мама упала (был ужасный гололед), сломала два ребра и получила трещины в тазобедренном суставе. На работу не ходит. Лежит дома. Я ее навещаю... Я чувствую себя хорошо, можно сказать, даже отлично, но пока сижу на «больничном», так говорить не принято.

Привет Саше, Шурику. Таня

Оказалось, что я люблю писать письма, и отъезды моего мужа, наши временные расставания давали мне возможность частенько сосредоточиться над листками, вставленными в пишущую машинку почти с самого начала «освоения эпистолярного жанра». Сейчас, перебирая эти письма, я убеждаюсь, как прозорлив был человек, который изобрел письмо! Живая история нашей семейной жизни, ее почти забытые с годами события, настроение, с которым я и Олег садились за письма, за-ставляли теперь переживать все заново!

Но вот особый случай: юбилей бабушки Зины! Олег поехал к матери в Краснодар, прихватив с собой Алюню, которому тогда уже исполнилось 9 лет. Наши гонцы повезли подарки и стихотворные послания, которыми я разразилась по такому приятному случаю.

Сначала приветствие от имени внуков:

*Бабушку от всей души
Поздравляют малыши!
Наша бабушка красива,
Величава, весела,
Много в ней задорной силы,
Много нежного тепла!
Как она поет и пляшет,*

*Как готовит пироги!
Слово весело так скажет...
Деда, ты нам береги
Нашу бабушку родную!
Обнимаем крепко все —
Семь десятков раз целуем и
И любимся... во сне!*

А это стихотворение я специально написала Зинаиде Никитичне к семидесятилетию, и наш папка рассказал мне, как во время торжественного застолья он самолично его прочитал. Алька мне потом рассказывал: «Папа так громко-громко, прямо как на стадионе, читал!» Я знаю, что Олег может отлично декламировать, и с удовольствием представила картину доброго семейного собрания, попасть на которое мечтала, но здоровье, дела и заботы не пустили.

* * *

*Мы все из маминых ладоней
Взошли, как из земли трава.
В нас молодость ее трезвонит,
Хоть голова ее бела.
В нас красота ее не вянет.
К ней мы идем —
На яркий свет.
Нас тянет к маме, к маме тянет
И в 10 лет, и в 40 лет.
Но разделяют расстоянья
Детей и милый мамин дом...
Но пусть на краткое свиданье
Мы прилетим, вбежим, войдем,
Чтоб снова в мамы ладони
Запрятать детское тепло.
Пусть снег годов тебя не тронет,
С тобою, мама, нам светло!*

...Месяц назад в Белорусском обществе «Знание» Олегу предложили большой лекционный «тур» по городам, в которых он бывал в то самое время, когда писал мне оттуда свои огромные письма. Девять лет спустя он снова оказался в тех же местах и, конечно же, в достославном городе Борисове. Цикл его лекций продолжался почти две недели, включая субботу и воскресенье, а, по правде говоря, в эти дни нагрузка была особенно большой.

Он прислал мне открытку с видами города и написал: «... хорошо бы получить пару строк о твоём житье-бытье...» Теплая, рыжая осень рас-

полагала к легкомысленности, и так случилось, что поводов для игривого настроения набралось немало, чему очень поспособствовала давняя наша приятельница Людмила Т. Бывшая балерина, вышедшая «в тираж», в свое время попала «под опеку» моего мужа — защитника «униженных и оскорбленных», всемогущего ведущего программы «Акценты», известность которого в Минске была достаточной, чтобы «приводить в порядок» расхулиганившихся мужей не очень счастливых в супружестве жен. Люда нам очень помогла, когда я попала в больницу. Тогда я и была прооперирована, находясь некоторое время между «могу — не-могу». Для быта и семьи такое состояние мешает чувствовать себя в равновесии, особенно если хочется и работу сохранить, и «науку двигать», а муж целыми днями занят на работе. Пока Олег «приводил в порядок» мужа Люды, устраивал ее на работу, воевал с ее начальством, норовившим урвать часть ее денег, положенных при увольнении из оперного театра, она была при мне, как нянька. Наши мальчишки ее беспрекословно слушались, и она возилась с ними с большим удовольствием. Ее сыну было уже 15 лет, и, как она с грустью говорила, он уже «...кошка, которая сама по себе». У нее был веселый нрав и бесшабашный артистизм, с которым она успешно «заваливала» решение многих своих жизненных проблем. Однако Люда легко расставалась с надеждами, точно так же, как и предавалась новым...

В тот день, когда я получила открытку от Олега, дети были у родителей, а ко мне, как сговорившись, с утра и до самого полудня непрерывным потоком приходили друзья. Пили чай, болтали, и я, купаясь в солнечном буйстве бабьего лета, в сквозняке, парусом натягивавшим зеленые занавеси на моем распахнутом окне, легкомысленно вообразила себе, что обитаю не в осеннем трудовом времени, а в отпускном, летнем. Неожиданно и, как всегда, некстати явился отец с «сюрпризом» — тетей Машей, его сестрой, и тут же старательно стал изображать...

Стоп, стоп! Чего я пересказываю? Вот письмо, в котором все и рассказано. Вернувшись, Олег его привез и положил в ту мою «особую папку».

Таня — Олегу. Октябрь 1980 г.

Здравствуй, Алька! Получила твою открыточку, в которой ты просишь написать, как проходят мои будни, пока тебя нет рядом...

Хоть сегодня и понедельник, но уже с утра ко мне пришли буквально друг за другом все кому не лень. Не буду тебе перечислять, сам догадайся — и попадешь в точку. Гомон стоял, как на ярмарке! Хорошо, у нас друзья нетребовательные, сами и чай нальют, и посуду после себя помоют. Наши дети отправились к «бабине».

Неожиданно пришел ко мне отец. Оказался не один, а с тетей Машей, его сестрой. Ты же знаешь, как я к нему и к ней отношусь... В общем,

хорошо, что с расспросами о моем здоровье она не приставала, чем спасла себя же от моего настроения, которое в таких случаях сразу портится. Она сунула мне «презент» и минут десять пребывала во всеобщем «гостевом» гомоне, раздававшемся в нашем доме. Наверное, нервы ее сдали, и она удалась вместе с братом-отцом-дедом.

По счастью, именно в тот момент в нашем доме рассеялась «ярмарка» и я осталась на пару с Людой Т. Она возбужденно глянула на яркую, как спинка какаду, сумку, только что подаренную мне тетей Машией, но особенно на лежащую в ней пуховую штуковину. Уважив ее любопытство, я вытащила штуковину, и мы, почти одновременно вскричав с Людой: «О-о-о!», вспомнили про комиссионку. Внутри пуховой штуковины, оказавшейся жакетом времен юности тети Маши, лежал пакет с коробкой конфет и... пирожками. Люда стала весело и громко смеяться, приговаривая, что бедная голодная тетя действовала прямо по «Фроиду», мечтая после прогулок по ЦУМам и ГУМам попить с племянницей чай, заедая пирожками. Люда средствами балета тут же изобразила мне приход папы и его диалог со мной о жизни. Она прикладывала ладони к вискам, как мартышка, что должно было означать синие старые тузовские уши, оттягивала ногу, гнула спину, что должно было показать старческую неотразимость нашего донжуана. И очень похоже она изобразила, засунув руку по локоть в разрез своей юбки, как отец рылся в своем брючном кармане и звенел круглым рублем, спрашивая: «Дать тебе (то есть, кажется, мне), что у меня в кармане или не дать? Нет, не дам! Ты же все равно не возьмешь!» Это я тебе документальный текст привожу...

Вот уж я насмеялась, глядя на этот театр одного актера, точнее, одной балерины! Мы собрались было «слинять» за дверь в направлении комиссионки, но Люда неожиданно вытащила из своей сумки пакетики. Развернула его и вытащила две копченые тюльки, похожие на жареные портняжные булабочки. По соседству с тюльками лежали два ноготка южного чеснока. Кто-то из моих гостей, справившись с соблазном, не выпил единственную бутылку пива, стоявшую в нашем холодильнике. Мы с Людой тут же присели прямо на кухне и...

Идти в комиссионку только с пушистой «штуковиной» тети Маши оказалось непрактичным делом, и я полезла в шкаф. Вытащила вещи, которые тут же приговорила к «утрате перспективы» для меня, и мы с Людой, быстренько запаковав приличный сверток, помчались вниз по лестнице. На улице Люда грациозно остановила машину, царственно продиктовала водителю свои условия и, не забыв мне сказать: «Я плачу, ясно?», плюхнулась вместе со мной на заднее сиденье. Мы неслись к самой дальней комиссионке. «Там все оторвут у нас с руками!» — заявила Люда, и спорить с ней я не стала. Пока мы ехали, Люда уже в сотый раз рассказала мне о своем романе с Арнольдом П. — железобетонным культуристом, и все время, а главное, очень кстати

повторяла слово «кретин», но почему-то с итальянским акцентом. Потом, без перехода, стала неожиданно рассказывать про Д., от кулаков которого ты и спасал ее, и тот же эпитет — «кретин» — повторялся бесчисленное множество раз с таким же акцентом. Уже почти у порога комиссионки Люда вспомнила анекдот про кретинов, но я его, наверное, должна была услышать уже на обратном пути к дому.

Народу оказалось столько, что пришлось встать в очередь. И тут Люда стала рассказывать разные истории, случавшиеся с ней в банях. Признаюсь тебе, мои скулы уже стали ныть и хотелось небольшой передышки. Но оказалось, что очередь, услышав эти истории Люды, проявила к ним огромный интерес. Множество голов повернулось в нашу сторону, что Люду ужасно вдохновило! Хохот с каждой минутой становился все громче и громче. Раздались просьбы уже из «головы» очереди кое-что повторить, поскольку расслышать там детали историй, сквозь смех толпы, было невозможно.

Ты себе представить не можешь, какой стоял хохот. Вновь заходившие забывали спрашивать, кто за кем, и очень быстро образовалась бесформенная толпа. Тут голос подал мужчина лет 35, застенчиво сообщив, что бывают разные травы: приворотные, отпугивающие, от желудка и давления, даже от ожогов. Сначала я не поняла, к чему это он? Потом «врубилась». Оказывается, Люда уже стала рассказывать, как ее подруга, моясь в бане, всплакнула, что никак не может привлечь к себе внимание молодого соседа, на которого «положила глаз». Почуввав, что «спец по травам» может помочь ее подруге, уж не знаю, кого она имела в виду, Люда вжала в угол этого дядечку и стала его выпрашивать, какую травку и как заваривать в разных случаях жизни. Потом оказалось, что думала Люда все-таки о себе, потому что вспоминала случаи, в нормальной жизни, по-моему, абсолютно невозможные, но случившиеся именно с ней! Дядя серьезно на все ее вопросы отвечал, а поскольку «семинар» для Люды шел в полный голос, очередь, слушая подробности, в изнеможении стонала!

Тут распахнули дверь своей клетушки, куда сдавались приемщицей приобретенные на комиссию вещи, работницы магазина, которых обычно никто никогда не видит. Хохот очереди оторвал их от дел, и работа магазина была почти парализована.

Представь итог: кроме нас, ни у кого из очереди шмотки не приняли! Вот она, волшебная сила искусства! Представь, очередь не расстроилась! Люду, как кинозвезду, забросали вопросами, из которых я поняла главный: «Придете ли вы завтра?» Люда с легким капризом ответила: «Нет, комиссионка закрывается...»

С этой уморой мы сдали тряпья, она и я, на сорок рублей каждая! И хотя это пока в квитанциях, глядишь, со временем они обернутся «кредитными билетами».

«...Иногда смотришь на свои 31 и думаешь: не поздно еще признаваться в любви? И когда понимаешь, что не поздно, хочется и признаться, и сохранить это в тайне. Но, конечно, не от тебя. Люблю тебя очень-очень нежно...»

Люда предложила перешить мои венгерские шелковые брюки на шелковую юбку, уверенно заявив, что я буду в ней, «как цветная змейка».

Я появилась дома уже совсем к вечеру и просидела над пишущей машинкой почти до утра. Дети ночевали у «бабини», а я с легким сердцем сделала свою норму, которую выполняю, несмотря ни на что!

Даже спина не устает, а попка стала просто квадратной, как в тех американских помидорах, тайна которых еще пока не раскрыта.

Но все-таки дело идет хорошо. Весь вопрос в том, сколько можно успеть физически, потому что остановок в работе нет. Главные усилия — набор примеров. Набор и классификация. Вообще, красивая получается работа. Хочется сделать книгу, потому что в диссертацию попадут только крохи. Настроение радостное, могучее и вообще оптимистическое.

Только иногда, к вечеру, когда дети крепко спят, позволяю себе взгрустнуть, поглазеть на дорогое лицо моего Альки и даже вести диалоги с плоским фото. Обо мне не волнуйся. Живу я славно, работаю, нахожусь в хорошей внутренней форме. Галка привезла мне много ягод поречки. Мама Люды Т., любя тебя, прислала целую корзинку крыжовника. Так что я потребляю витамины. Наш кот Гвоздик привязан ко мне, как собачка, и понимает все слова и интонации. Писает только в ванночку, какает — орешками. Идиллия!

Алька, родной, мне только жалко, что к приезду домой с тебя сойдет на этих лекциях сто потов и ты, напавшийся, впряжешься в новый учебный год в своих институтах.

Вчера меня очень насмешила Наташа. Знаешь ее приятеля — Сашу из Харькова? Так вот, он написал ей письмо с приветствиями нам с тобой и поделился личными впечатлениями, что я... симпатизирую Володе Б. Правда, идиотское впечатление? Но Наташе это понравилось.

Б. к нам часто захаживал, и Ната сегодня в 11 вечера звонила и спрашивала, не тут ли он, раз дома его нет. У нее возникает необходимость шутить, в то время как я совершенно заморожена тем, что в доме пусто и существую я без моего Альки, как будто без души.

Иногда смотришь на свои 31 и думаешь: не поздно еще раз признаваться в любви? И когда понимаешь, что не поздно, хочется и признаться, и сохранить это в тайне. Но, конечно, не от тебя. Люблю тебя очень-очень нежно.

Мама.

В ГЛАВА ШЕСТАЯ *словах ищущу я мысли след...*

Завершение моего высшего образования совпало по времени с успешным, как мне казалось, окончанием моих университетов супружества и материнства. Я многому научилась. Мне удавалось то, что в семейной жизни было и есть важным: аккуратность, рачительность, сдержанность в общении. Правда, кулинарное мастерство пока оставалось «за бортом» моих возможностей. Однако наш «караван» шел, и мы с Олегом не переставали надеяться, что все лучшее у нас — впереди.

В нашей жизни наступила интереснейшая пора: заговорил первенец! Малыш болтал без умолку целыми днями, слушать его было очень забавно. Я даже не предполагала, что буду смеяться до слез над «изобретениями» проклюнувшегося детского ума. Не думала, что первое время мне частенько придется, в поисках смысла, ломать голову над словами малыша. Вот почему я и взяла для названия главы первую половинку шуточных строчек, оброненных Олегом: «В словах ищущу я мысли след...» Так он с грустным смехом сопровождал свое впечатление от курсовых работ студентов, завершив строчку безнадежным финалом: «Ее все нет, и нет, и нет!»

...Я очень радовалась общению с моим двухлетним «собеседником». Признаюсь, что искать «...мысли след» в первых его словах, а потом у подросших и разговаривавшихся Игоря и Ярослава иногда приходилось очень напряженно. Вовсе не потому, что за малостью лет у моих разговаривавшихся сыновей мысль в словах отсутствовала. Вовсе нет! Просто мне надо было научиться так вслушиваться в первые слова и фразы, чтобы догадаться, наконец, «о чем речь».

Ну вот, например, едва ли не самое первое слово Альки — «авва»... Как вы думаете, что за смысл в нем кроется? Долго не могла понять, что оно означает, пока случайно не сообразила, да и то вместе с папой, что сын «говорит» о... собаке. Оказывается, Алька «адаптировал» собачий лай к обозначению четвероногого существа, так хорошо нам всем известного. Вот именно! «Гав-гав!» — говорят одни дети, а вот мой Алька: «Авва-авва!» Всего ничего потребовалось от мамы с папой — прислушаться!

Разговаривавшийся малыш был ужасно интересен, и я почти сразу же начала записывать первые слова и фразы малыша, делать свои или папины комментарии к ним, потом читать друзьям, посылать эти забавные «чириканы» внука бабушке с дедушкой в Краснодар, иногда основательно размышлять над ними, когда выдавалась свободная минутка.

*В нашей жизни наступила интереснейшая пора: заговорил первенец!
Малыш болтал без умолку целыми днями,
слушать его было забавно и весело.*

Оказалось, что записывать не так просто. Алька, а затем подростки младшие братья разговаривали беспрерывно, а не только когда я, имея свободную минутку и карандаш, готова была записывать их «перлы». Услышав слово, фразу, надо тут же, отбросив все дела, записать, иначе забудешь... Однако не всегда было время, чтобы поразмышлять над услышанным, хотя я надеялась, что чуть позже успею добавить и свой комментарий к уже сделанной записи. Случалось, забывала, но позже, обычно ближе к ночи, когда малыш уже спал, все старалась вспомнить. Увы! Воспроизвести по памяти удавалось не всегда точно. В моих тетрадях первые записи сделаны на скорую руку, но со временем я все-таки приспособилась записывать забавные эпизоды рождения нового слова или фразы. Размышляла над ними, открыв в свободную минуту заветную тетрадь, чтобы немного развеяться, улыбнуться...

Когда дети подросли и поняли, что «продукция» их ума фиксируется мамой, а позже, слушая, как папа громко читает мои записи и смеется, они стали сами напоминать о моих «обязанностях». Было забавно видеть, как прибегают Алька, Игорь и только-только «развязавший язык» Ярослав и сообщают: «А вот что Алик сказал...» или: «Мама, я вот что сказал... Запиши, а папа потом громко почитает, ладно?»

Чуть позже я стала собирать в отдельную папку рисунки детей, мои шуточные стишки, которые или я, или мы вместе с папой писали иногда ко дню рождения сыновей. Много рисунков и стишков писалось по адресу: Краснодар... бабушке и дедушке. А когда дети с папой уезжали туда на все лето, то везли с собой гору листов с рисунками. Потом, отдыхая у бабушки Зины, они присылали мне свои новые рисунки, а я, отвечая на их письма из Краснодара, пририсовывала смеха ради всякие смешные рожицы. Все это потом возвращалось Олегом домой и складывалось в нашу «Особую папку».

Пока «продукция» ума заговорившего Альки была сравнительно небогатой, Игорь был еще совсем крохой, а Ярик нами еще только «проектировался». Я привыкала к первенцу, как к незнакомому человеку, который интересен своим будущим откровением. Ухаживая за ним, как миллионы таких же, как я, матерей, пела ему незатейливые песенки, купала, кормила, присматривалась и... прислушивалась.

Конечно, я постоянно с ним говорила и ко второму году жизни сына стала понимать, что мое с ним общение становится... работой. Я никогда не «сюсюкала» и, когда первенец заговорил, старалась отчетливо произносить фразы, слова и позже убедилась, что хорошая речь детей закладывается именно в это время и во многом зависит от родительской.

Алька был очень привязан к отцу. Не потому, что тот с ним много и часто играл. Времени у нашего папки было немного, но в их общении, особенно когда первенец перешел границу двухлетнего возраста, скоро про-

изошел «информационный взрыв», и я заметила, что между отцом и сыном стал складываться свой, особый стиль диалога.

Муж часто говорил с ребенком, как со взрослым человеком. Признаюсь, сначала я со смеху покатывалась, а потом научилась с интересом смотреть на эту забавную «драматургию» их диалога. Я понимала: папе в пору и самому иногда расхохотаться, но держался он героически, зная, что ребенок смех может не понять и «стройная педагогическая поэма» общения отца с сыном тут же рухнет!

Как и во всех семьях, у нас к моменту проклюнувшейся разговорчивости Альки уже появились любимые словечки и фразы. Муж, обращаясь к друзьям, говорил, например, «скажи, старик...» или «смотри, старик...» Иногда он так же обращался и к Алуне. Потом закрепилось слово «погугарим». С разными интонациями, характерными для разговора Олега с детьми, эти слова «возвращались» от них к папе. «Сталик, — спрашивал папу трехлетний Алька, еще нечетко выговаривая «р», — ты не видел мою машинку?» А вот фраза, от которой взрослые покатывались со смеху: «Папа! Давай попьем чайку и погугалим!»

Как и все его сверстники, Алька сначала изобретал слова, потом стал конструировать фразы. Было весело, забавно, чудно. Однако постепенно первая родительская эйфория прошла, и я пыталась уже найти в словотворчестве моего ребенка то, о чем прочитала в книге Корнея Ивановича Чуковского «От двух до пяти». И здесь меня ждали сюрпризы.

...Однажды я вытирала пыль и решила стряхнуть тряпку, просунув руку в распахнутую форточку. Было Альке года два, два с половиной. Он сидел неподалеку, играл с машинками и, казалось, ничего не замечал вокруг. Поэтому я была очень удивлена, когда сын, сдвинув брови, посмотрел на меня и укоризненно сказал: «Мамочка! Кому ты машешь? Я папе скажу!»

...Я сейчас понемногу начну выдавать «на гора» те высказывания детей, которые записывала, чтобы вместе со мной и вы поудивлялись и позабавились. После каждой порции записей фраз детей я продолжу свой рассказ.

Альке — два года.

* Увидел костер: «Смотри! Огонь летает...»

* Дедушка, а почему у тебя головка гладкая, волосики оторвались, да?

* Мамочка, сними меня с горшочка, у меня попка не работает!

* Собака авает: «Ав-ав!». Корова говорит: му-у-у — мучит... А лошадка иржет и скокает: скок, скок! (При этом бежит и щелкает язычком. Очень доволен! Теперь все совпадает: скокает, цокает, авает, мучит.)

* О сказке «Аленький цветочек»: «Расскажи мне про чудissime-снежище!»

* А почему все мамы — тети? (Отвечаю ему: «Потому что когда я была маленькой, была девочкой. Потом я выросла и стала тетей». Он не

соглашается: «Нет, нет! Ты не тетя, ты — мама!»)

* Раньше бабушка была маленькая, дедушка тоже был маленьким, и мама, и Илюша, и папа. Мы все были маленькими.

* Я в сердцах угрожаю ему: «Не будешь слушаться, унесет тебя Баба-Яга!» Он округляет глаза: «А куда она меня унесет?»

* Поет: «Доктор Айбалета из оперы и балета!»

* Просит: «Мама, купи мне булочку с мизинчиком!» Вот так изюмчик стал «мизинчиком»...

* Мама! Из меня в горшочек дождичек идет!

* Поет: «Развеселая цыгана по бодави гуляет. А еще они украли модавую молдаванку...»

* Какая снежная сметанка!

* Мама! Отгвозди мне от пола платилин!

* Я стараюсь привлечь внимание расшалившегося сына: «Алька! Папа пришел!» Он в ответ мне очень строго: «Это не папа, а муж!»

* Папа! Ты рассказывал, что робот ходит, говорит, поет, а он писает?

* Я сержусь на сына: «Разве ты не слышал, что я тебя зову?» Он невозмутимо отвечает: «Слышал, но я забыл, что я Алюня!»

* Рассматривает новорожденного братика Игорешу. Молчит. Потом тяжело вздыхает: «Папа — старый. Я — старый. А Игоречек — совсем новый...»

Альке — три года.

* Спрашиваю Альку: «Ты Игоречка любишь?» Вздыхает с сожалением: «Я его — нет, а он меня очень любит...»

* Возмущается: «Мама! Игорь такой плюн, такой плюн, всего меня обплевал!»

* Рассказывает мне: «У меня пальчик болел-болел, а я его лизал-лизал... А теперь он у меня поправился (показывает царапинку на пальчике). Вот, смотри, одни облизки остались!»

* Радует: «Смотри, сколько пузырей — целое мыло!»

* Докладывает папе: «Мы так долго гуляли, что стало темно!»

* Предупреждаю сына, усевшегося на коленки на мокром песке: «Алька, не стой на коленках, сядь на пятки!» Тут же с возмущением отвечает: «Что ты, мама, они же погнутся!»

* Пытается загладить шалость и обращается ко мне: «Я у тебя хорошая детишка, правда?»

* Требуем за столом: «Дай мне хлебушиную шкурку!»

* Заметил: «Смотри, смотри, какой собачонок!»

...Немного ошарашенная, прикрыв форточку, я попыталась понять, откуда у моего малыша такие неожиданные, а главное, вполне взрослые ас-

социации? Темы об изменах, кокетстве женщин, помахивающих платочками кавалерам, нами не обсуждаются. Сын уже перешел из яслей в садик, там на него сразу навалилось столько забот, что вряд ли похожий сюжет он мог случайно подслушать в разговорах воспитательниц. По телевизору смотрит только детские передачи, невинные мультики, из которых никак не извлечешь двусмысленные детали из взрослой жизни.

Живя в стихии освоенных за нашу жизнь стереотипов, мы не замечаем, как из материала, казалось бы, принадлежащего только нам, ребенок «возвращает» родителям «переработанную» уже своим разумом «продукцию» взрослых.

Я знала, что малыш будет и мне, и папе в чем-то подражать. Даже к этому готовилась. Знала, что дети — настоящие обезьянки и с ними надо держать ухо востро! По своему характеру я несдержанна, муж — тоже человек вспыльчивый, хотя лучше меня умеет держать себя в руках. Срывы бывают разные: то голос повысишь, то не к месту поборанишься. Да, конечно, надо в семейном общении стараться быть... поаккуратнее в выражениях, особенно когда малыш уже все видит и слышит. Признаюсь: грешна, не всегда это удается! То слово меня выдаст, то жест, то эмоция! Так что приходилось учиться смотреть на себя со стороны, глазами собственного ребенка! Не раз убеждалась: нет, не дремлет мое уже трехлетнее чадо! Все впитывает...

Вот сорвалась, в сердцах шлепнула его: «Что ты делаешь, ирод!» Он парирует моментально: «Я не Ира, я Алюня!» Про царя Ирода он ничего не знает. Стало быть, надо исправляться вдвойне: рассказать сказку, где героем будет этот библейский дух зла, и... надо сдерживаться! Однако улыбку сдерживать не могу: Ирод... Ира! Забавно...

Мне кажется, что наш первенец все-таки подражать стал сначала отцу. У папы усы и борода. Его привычка перебирать их, пребывая в глубокой задумчивости или перед телевизором, у книжной полки, сидя за столом, прихлебывая чай, в разговоре с гостем, быстро «зацепилась» в памяти малыша. Не беда, что «растительности» у нашего пацанчика еще нет! Сын садится на свой стульчик, как папа, вытянув ноги. Пальцы — на подбородке и поглаживают его... В таких случаях обычно можно сказать: «Ну вылитый папа!» Что ж, так и есть!

Сейчас пишу, а в памяти — целая галерея лиц троих моих «гавриков». Однажды захожу в комнату. На полу сидит папа. Руки — кольцом, внутри, как в гнезде, устроились Алька с Игорешей. Меня не замечают! У каждого — «свое лицо» и «свой взгляд» туда, на экран, где Волк опять гоняется за Зайцем, грозно крича: «Ну, погоди!»

А вот записала эпизод, который меня очень рассмешил. Я увидела, как малыш наблюдает за мной, пытаюсь подражать.

Я, сидя в кресле, читала, положив ногу на ногу. Алька устроился на-

против на своем маленьком стульчике. Краем глаза вижу: сын рядом, но почему-то притих. Оторвала взгляд от книги и обнаружила, чем Алька занят. Оказывается, он пытается, как и я, положить ногу на ногу, правда, ему это никак не удается. Я сидела, согнув в колене ту ногу, которая находилась по-верх другой, вытянутой. Малыш никак не мог добиться такой же «позиции» ног! Кто бы видел, как сын старался!..

...Любит наш папа «пошалить». Играя голосом, как бы вызывая к моей совести при плаче голодного малыша — тогда совсем недавно родился Игореша, — Олег тоном ярмарочной бабенки дурашливо кричит: «Мамаша! Мамаша! Ребятеночек орет!»

Алька вроде бы даже не замечал дурашливых реприз папы. Время шло. Подрок Игорек, родился уже Ярослав, у которого очень быстро обнаружились замечательные «орательные» способности. Однажды, когда я в гостиную переодевала Игорешу, входит Алюня, которому было уже четыре года, и безо всякой «дурашливости» недовольным голосом произносит: «Мама! Ребенок орет!» Вот так! Содержание усвоил и сохранил в памяти аж на целый год! Да и форму точно «привязал» к неприятному для него факту: Ярик-то всюду наяривал в комнате, где Алька смотрел большую книжку с картинками. Мешает же! Тут уж не до шуток! Вот он свое недовольство папиными словами и выразил...

Во время, когда Алька разговорился, я стала регулярно читать сказки, пересказывать уже известные, прочитанные, чтобы отвлечь или увлечь малыша. Потом захотелось узнать, как же сын усваивает содержание прочитанного мною вслух?..

Альке — четыре года

* Возмущается: «Не хочу спать! Мне спать скучно!»

* Изобрел форму примирения: «Мамочка! Давай друг другу улыбнемся. Я буду всегда хорошенький, всегда буду сынулечка!»

* Играет «в войну». Спрашиваю его: «Алик, ты солдат?» — «Нет!» — «Капитан, полковник?» — «Да нет же, нет!» Набирает побольше воздуха и выпаливает: «Я — военнослужащий!»

* Заходит на кухню и сообщает: «На Северном полюсе — снег, а на Южном — грязь!»

* Рассказывает уже чуть подросшему Игорю, который едва начинает что-то понимать из увиденного и услышанного вокруг: «Вот идет Бармалей с ведром. А в ведре у него сидит большая овчарная собака!»

* Допытывается у меня: «Мама, ты сначала была у бабушки дочка?» — «Я и сейчас бабушкина дочка...» Умолкает, размышляя. Вскоре уточняет: «Потом ты родила папу и Ярика?» Не выдерживаю, смеюсь: «Еще и тебя с Игорешей!» Категорически не согласен: «Нет, мама, мы мимо проросли!»

* На сандалиях заметил узорчатые дырочки: «Мама, смотри, какие

дырные сандалики!» Надел их и доволен: «Вот теперь мои ножки в домике!»

* Очень любит крокодила Гену. Сказочный персонаж почему-то напоминает ему деда Сашу. Ласково гладит деда по лысине и приговаривает: «Ах ты мой старый крокодил!»

* Смотрит на бабушку Женю, которую называет «бабиня», нарядную, благоухающую. Спрашивает у нее: «А вы с дедушкой будете старенькими?» Бабушка вздыхает: «Будем...» Допытывается: «Скоро?» Бабушка почти с печалью во взгляде: «Скоро...» Тут внук радостно орет: «Вот тогда я вам палочки куплю!» Вспоминаю сходный сюжет у Корнея Чуковского «От двух до пяти», когда почти с такими же вопросами внук обращается к бабушке. Услышав от нее такое же грустное признание: «Скоро...», малыши, ровесник Альки, восклицает: «Вот тогда я твою машинку покручу!» Имелась в виду швейная машинка, предмет возжеления малыша. Приятно осознавать мотив расспросов моего сына о помощи бабушки с дедушкой: желание помочь им, купив палочки, чтобы ходить было легче...

* Набросал в железный чайник своих оловянных солдатиков. Ходит, трясет чайником. Подходит ко мне и говорит с гордостью: «Мама, смотри, какой железный чай!»

* Смотрит на Игорешу и говорит с достоинством: «Ты — меньшуха, а я — большуха!»

* Рассматривает после дня рождения, ему исполнилось 4 года, полученные подарки: «Смотри, какой я богатый! Я — богатырь!» Не помню, успела ли я растолковать сыну разницу между этими двумя словами...

* Смотрит на термометр и спрашивает: «Мама, здесь уже много сантиметров?»

* Читал сказку... Сейчас уж и не припомню какую. Через несколько дней что-то мне рассказывает, явно на тему услышанной сказки, и сообщает: «Это страна Добротия, а это страна Вежливения!» Наш папа позаимствовал у сына эти названия волшебных стран, о которых начал писать сказку...

* Одеваемся. Натягиваю ему капюшон и слышу возмущенный голос: «Мама, не застегивай мне капюшон, у меня лицо помнется!»

* Подарили Олегу самовар. Сын увидел и тут же сообщил мне: «Мама, это робот с крантиком».

* Пришли с Алькой с аэродрома. Сообщает Игорю: «Мы видели целое стадо самолетов!»

* Играет во дворе. Остановился у ямы. Показывает мне и говорит: «Смотри, какая большая выкопанность!»

* После грома с дождем и молнией рассуждает: «Это гром гонялся за молнией, а она плачет. Вот тогда идет дождь...» Да, в логике ему не откажешь.

** На следующий день сидит у окна. За окном весеннее ненастье с тучами и урчанием далекого грома. Юный философ рассуждает: «Тучи крадутся, совсем как кошки...»*

...И вот однажды спрашиваю с желанием позабавиться и «наколоть» малыша: «Алька! А какая шапочка была у Красной шапочки?» Чадо мое вскинуло на меня свои невинные глазенки и без тени улыбки отвечает: «Мамочка, ты забыла? Зеленая!» Через секунду мы уже вдвоем весело смеемся...

Кстати, когда у ребенка появляется чувство юмора? Кто знает... Но уверена, что, скорее всего, мы, родители, опешаем его в наших детях. Наверное, происходит это потому, что не каждому из нас удастся заметить в детях крохотные ростки доброй иронии. То, что эти ростки есть, сама только что убедилась в истории с вопросом о «цвете красной шапочки». Хороший юмор всегда доброжелателен, забавен, неожидан, а пошлость — банальна и скучна...

Еще один вопрос «догнал» меня во время записей моих наблюдений за детьми. Можно ли у собственного ребенка учиться мыслить нестандартно? У него еще нет опыта, и окружающий мир он пробует не «на зуб», а «на язык». Хорошо бы нам об этом помнить и помогать ребенку эту нестандартность мышления сохранить подольше... Как? Ну хотя бы во время чтения сказок приглядываться к первым реакциям и не упустить миг, когда малыш сам захочет что-то сочинить вслед за услышанным. Язык сказки закладывает в чувства и разум ребенка первые семена фантазии, а уж она, как мне кажется, и становится для него инструментом осознания мира. Может быть, я ошибаюсь?

...Полулюбилась мне игра со старшим сыном в «обманитки». Это когда в читаемой сказке все наоборот! Здесь и текст, и «режиссура» — все его, Алюни. Рассказывает сказку о курочке Рябе. Сначала все, как обычно: «Жили-были дед с бабой. Была у них курочка Ряба. Снесла им...» И так далее, все как надо. Но вот наступает кульминация: Алка уже знает, где и когда «обманет» нас, слушателей. Мы — «не дышим», ждем! Он поощряет наше внимание подмигиванием, мол, держитесь, что-то сейчас будет!

— Плачет дед (произносит тоненьким голосом) И-и-и!

— Плачет баба (теперь басом) Уу-уу-уу! Не выдержал, сорвался в смех: нет мочи дальше рассказывать! Хохочет. А вместе с ним, конечно, и мы с папой тоже хохочем. Все-таки «обманул» нас! Не сумели мы предвидеть его «изобретение».

Отсмеявшись, Алка продолжает рассказывать и снова, почти сразу же, подмигивает нам лукаво, мол, а в этот раз догадаетесь? «Говорит курочка Ряба: «Снесу я вам яичко простое, а не золотое, раз вы не умеете с золотым обращаться!» И снова мы смеемся: опять не догадались!

Смотрим мы с папой на этого «хитреца-мудреца», переглядываемся.

Нам такое в голову не пришло, даже «понарошку»!

Действительно, неожиданный ход предложил малыш! Мы преподносим ему пресный, банальный расклад, не давая шанса подучиться и пошутить. Трехлетний сын желает позабавиться, и уже сам, через свои «обманитки», не только делает чтение веселым, но и открывает в услышанном сюжете новые, действительно неожиданные повороты. По-моему, получается у него интересно! Мы, как та курочка, «снесли» назидательный пассаж вместе с безымянными авторами многовековой сказки, желая все и вся разложить по полочкам. Нам что надо? Стремиться к тому, чтобы каждая причина заявила детскому уму о с в о и х следствиях!

Став родителями, воспитывая детей, мы, усвоив «пресный детерминизм» (это выражение Олега мне очень понравилось), озабочены, чтобы разум ребенка поскорее научился связывать следствия с причинами и наоборот, видя в этом основы морального воспитания!

А может быть, не так уж и плохо, когда детская фантазия, игнорируя стереотипные схемы мышления, перекраивает привычные сюжеты слышанных сказок? Все равно ребенок не посягнет на ту самую «здоровую мораль» сказки, ради которой она и была кем-то, когда-то в незапамятные времена, написана!

Кстати, о морали. Наши речевые штампы, с налипшими на них назиданиями, попадая в ум ребенка, тоже возвращаются к нам. Происходит это порой удивительным образом!

Ругая сына, используя привычный штамп-укор: «Алька, у тебя совесть есть?» Тут же слышу ответ: «Есть!» Став жертвой все той же штампованной логики назидания, спрашиваю произвольно: «Так где же она?» Быстро понимаю, что вопрос-то мой — глупый! Уже готова рассмеяться. Смотрю, сын искренне недоумевает и оглядывается вокруг: «Не знаю, мама. Потерял, наверное». Вот теперь я смеюсь! Однако сын моего смеха не понимает... То, что совесть можно «потерять», ему, конечно же, невдомек! Еще время должно пройти, чтобы это стало ему понятно. Моя то стандартная реплика рассчитана на взрослого человека, способного к абстракциям. Стало быть, сама же и «попалась»! Теперь папе предстоит работа, используя сказочную форму, объяснять сыну, что такое «совесть» и почему она «теряется»...

И снова к сказке...

Как воздействует читаемая мною сказка на сына? Когда я стала читать Алке первые книжки, меня это вряд ли занимало. Однако почти сразу я обратила внимание, что сына очень заинтересовала я — ч и т а ю щ а я. Заметила: Алка слушает и не очень улавливает сюжет, а поведение героя сказки и тем более ее «мораль» его и вовсе не занимают. Смотрит мой двухлетний сыночек на меня очень внимательно. Даже дотронулся пальцем до моихдвигающихся в чтении губ и, наконец, спрашивает: «Это у тебя отсюда, из

рота сказка летит?» Такое вот сделал малыш «открытие»...

Однажды, ему было уже года три, попросила Альку рассказать прочитанную мной сказку. Начинает с воодушевлением! Однако уже через минуту понимаю, что рассказывает-то сын с в о ю! Герои его сказки моментально «переселяются» из всех остальных, слышанных им от меня во время чтения. Так, в сказку «Снежная королева» мог попасть Колобок, а в сказку о Колобке «влететь» Петух из сказочной истории о Лисе и Зайце...

Альке — пять лет.

* Папа задумчиво спрашивает меня: «Интересно, какая будет в этом году зима?» Я не успеваю ответить, как наш пострел Алька — везде поспел: «Конечно, белая!»

* Сообщает мне об «открытии»: «Есть на свете два «пожалуйста»: «на-пожалуйста» и «дай-пожалуйста».

* Игорь спит. Алька кладет руку ему на живот и говорит шепотом: «Мама, у него в животике сердечко стучит!»

* Видит на экране титры, кричит мне: «Мама, смотри, буквы на лифте поехали!»

* Увлеченно рассказывает фильм о шпионах, причем слово «шпион» понимает почти правильно: человек, который что-то делает плохое и тайно. Так вот, рассказывает и завершает так: «И вот он сел на лифт и поехал в тюрьму!»

* Во дворе рассыпан сырой песок. Проехала машина, оставив четкие отпечатки шин. Алька замечает: «Смотри, какие о т ъ е з д к и».

* Делаю строгое замечание расшалившимся мальчикам, у которых в час сна еще не выключен свет: «Почему в комнате свет горит?» Алька тут же реагирует укоризненно: «Мамочка, это не свет горит, а лампочка!»

* Увидел собаку колли, когда-то наверняка слышал, но забыл точное наименование породы. Однако след остался. Собака прошла мимо, Алька кричит мне: «Мама! А я видел собаку Коля!»

* Что-то мастерит с папой. Доску с гвоздями, которую папа предусмотрительно спрятал от беды, Алька быстро «присвоил» и через минуту уже возмущается: «Папа, зачем ты дал мне эту г в о з д я в у ю доску?»

* Завелся у нас хомяк. Сидит себе мирно в клеточке, щечками шевелит, зубками пищу перетирает. Алька называл его х и м и ч е к...

* Купили большую книгу с огромными страницами, заполненными иллюстрациями. Алька держит двумя пальцами эту большую страницу и в восхищении говорит: «Смотри, какая большая с т р а н а!»

* Скоро понял «вкус» к рифмам: «Я — миха — чиха; нет, я — Михайла-чихайла! Нет, нет! Я — Михаил-чихаил!»

* Играет с Игорем в «войнушку». Алька-командир доволен Игорем. Папа советует: «Повысь его в звании, раз такое дело!» Алька подходит

к брату и серьезно говорит ему: «Идите сюда, товарищ капитан, я вас п о в е ш у в звании!»

* Обилие двери в квартиру черным дерматином. Алька спрашивает с недоумением: «Почему наша в ы х о д н а я и заходная дверь стала черной?»

...Перекраивать сказки на свой лад старшему сыну нравилось и в четыре, и в пять лет. Изобретение сюжетов по мотивам услышанных сказок стало для него веселым и забавным фантазированием. Рассказывая перделанные сказки, Алька эмоционально, азартно старается показать каждый персонаж. Когда Колобок в сказке поет, то и Алька громко распекает его песенку! Раздувает щеки, подпирает их руками, чтоб выглядеть круглее. Голос — задорный. Если по сюжету Колобком песенка поется Волку, то между куплетами сын остановится, пощелкает зубами, изображая Волка. Но совсем не зло, нет! А как-то умильно, лукаво, мол, пой-пой! Я тебя все равно съем!

Иногда про его импровизации я забываю и, читая сказку, настраиваюсь только на ее текст. Но Алька не хочет быть пассивным слушателем. Начинает фантазировать, играть в свои «обманитки».

Очень скоро меня перебивает: «Нет, мама, это не так. Давай сделаем так: волк как бы...» Что скрывать, не всегда было настроение играть с ним в эту творческую игру. Даже сердилась, что слушать не хочет, не соглашалась на его вольности. Хорошо, хоть быстро спохватывалась: это же игра, а передо мной малыш! Отодвигаю усталость, занятость, уже прислушиваясь к его поправкам, и читаю, стараясь учитывать «ремарки» сына и даже ожидая новые его «режиссерские» идеи. А малыш старается всюю! Однако очень скоро я нить его истории по мотивам читаемой сказки утрачиваю и растерянно говорю: «Теперь ты окончательно все в сказке перепутал, да и меня запутал совсем!» Он этому рад и смеется.

Записала как-то одну из таких смешных нелепиц четырехлетнего сына. «Слушай, мама, расскажу тебе одну смешную сказку. Так вот, бежала лошадь с баяном (!) Бежала, бежала и скок мне на голову. Ладно, думает, буду здесь жить... И тут посмотрела она в окошко, видит — едет машина с прицепом. Много прицепов было, много! Целый поезд. Наехал этот поезд на Бабу-Ягу, что сидела в избушке. Оторвал ей куриные ножки. Баба-Яга так испугалась, что вся умерла!»

Папа эту историю не слышал. Он в это время на кухне заваривал свой знаменитый «Гондурасский чай». Я, моя подруга, ее муж юмор малыша не поняли. Конечно, мы посмеялись, но только в поощрение рассказчику. Сын замечает: что-то не так! Умолк, обиженно опустил голову и чуть не плача направился к дверям... Вот она, живая потребность автора в успехе! Оказывается, уже в раннем возрасте «сочинитель» стремится «сорвать» поощрительные «аплодисменты» слушателей...

...Иногда сын слушает мое чтение сказки без видимого интереса. Я уже привычно жду от него «изобретений», но нет, молчит, слушает. Закончила читать. Вскоре он или засыпает, или, если чтение случилось днем, мы расходимся каждый по своим делам. Часа через два-три, а может и на другой день, подходит сын ко мне и без всякой связи с разговором, ситуацией говорит, например: «Вот как интересно: есть Иван-дурак, а есть Иван-молодец!» Сказал и ушел...

Сначала теряюсь, к чему это он? Потом припоминаю, что дня три назад читала ему сказку «Конек-Горбунок». Герой сказки Иван оказывался вовсе не дураком в привычном смысле, а совсем даже наоборот: Иван-молодец! Стало быть, работа ума и чувств идет, если, конечно, к чувствам ребенка тоже применимо слово «работа». А ведь мне казалось, что к исходу четырех лет эта сказка будет для Альки сложной для понимания...

Альке — пять лет.

* Сидим, объясняемся с сыном. Сукором спрашиваю его: «Тебе было бы хорошо, если бы твой сын не слушался?» Алька начинает в ответ мыслить парадоксами. Спрашивает: «А ты, мамочка, будешь моя жена?» «Я для тебя старенькая», — пытаюсь я поддержать разговор в предложенном русле. Алька негодует: «Нет, ты не старенькая! Старенькие — такие!» Хватает свои щеки, пытается «смять» их пальцами, изображая морщины. Я «исправляюсь» и говорю: «Я же папина жена, а у тебя будет молодая невеста». Алька с энтузиазмом: «Которая к нам вчера приходила?» Вспоминаю, что вчера приходила 5-летняя Оля, дочь моей подруги, и наш папа сказал: «Ой, какая большая девочка, совсем уже невеста!» Я подтверждаю: «Можно и Олю в невесты взять!» Алька возражает: «Оля не может быть невестой, она говорит басом: «У-у-у!» Я миролюбиво подвожусь итог: «Ну, тогда выберешь себе невесту сам, хорошо?» Сын, упрямо набычившись, смотрит на меня: «А я хочу, чтобы ты была моей невестой». Я немного растерянна, не очень понимая, как все-таки завершить затянувшийся спор о «женах и невестах», говорю: «Но я же папина жена!» Алик умолкает и через минуту просит с горестным выражением лица: «Тогда ты не будь ни Игориней, ни Ярикиной невестой, хорошо, мама?» Пришлось пообещать...

* Новые сюрпризы «детерминизма» в мышлении сына появляются неожиданно: «Зимой бывает снег, потому что приходит мороз. А летом жарко потому, что можно купаться и загорать. Старенькая и сердитая тетя осень приходит и листики красит. Осенью бывает дождь потому, что из трубы вода течет. Днем светло потому, что все идут гулять. Ночью темно потому, что все спят». Все в порядке? Причинно-следственные связи устанавливаются?

* После лечения в больнице Алька принес домой опыт «лекарской практики». Играет с Игорем, которому два с половиной года, в больни-

цу. Алик — доктор, Игорь — пациент. «Доктор» кладет Игорю на спину кубики. Это — «банки». Говорит: «Надо вам поставить банки». Игорь недоволен врачебной экзекуцией, а доктор строго предупреждает: «Не орите, больной, а то по попе получите!» Потом прикасается к моей спине электрическим инуром от утюга, приговаривая: «Дышите, не дышите...» Наконец сообщает мне «диагноз»: «У вас в легких хрипы. Пейте «какавазин» и «стрекоцит». Решаюсь у «доктора» уточнить «дозу»: «А сколько пить, доктор?» Слышу ответ: «Таблеток двадцать-тридцать!» Тут же «пугаюсь»: «Ой, доктор, не много ли?» Алька-доктор категоричен: «Я думаю, хватит. Пейте какавазин и стрекоцит, и вы поправитесь!»

* Все детки — блондины, в нашего папу. Как-то я вздохнула невзначай: «Ну что ж вы все у меня беленькие? Никто на меня не похож». Алька хватает нашего кота: «Мама, Черныш на тебя похож, он совсем черный, смотри!»

* О Ярике Алька рассказывает так: «У меня есть братик. Ему один год и... четыре зуба!»

* Увидел Алька на улице кота и кричит мне: «Мама, это наш кот Черныш!» Успокаиваю сына: «Посмотри, он же не черный, а полосатый, видишь?» Сын не соглашается: «Нет, мама, это наш кот, только он п о л о с е л».

* Рассматривает мозоль на ноге и сообщает: «У меня н о г о т н а я мозоль!»

...К сожалению, тайная работа ума и чувств ребенка не всегда была для меня заметна, и я порой попадала впросак, продолжая оставаться взрослым человеком, который привычно снисходительно смотрит на ребенка, что бы он ни сказал!

Вот придумала незатейливую игру: читаю сказку и неожиданно для Альки произношу слова без нескольких последних слогов. Например: «И сказал Коло...» Алька быстро завершает: «...бок», а я продолжаю в том же духе. Получается, что читаем мы как бы вместе и оба довольны. Иногда сын, явно намеренно, произносит слог невольно. «Я говорю: «Смотрит Ли...», жду нужного слога, поощрительно поглядывая на Альку. Без тени лукавства, с очень серьезным лицом малыш быстро прибавляет совсем другой слог — «...да». «Лиса, — говорю, — а не Лид!» Он смеется довольный. Маму провел! Конечно, понимаю, что сын со мной решил пошутить! Однако эта игра, наверное, меня слишком увлекла, и однажды я, разговаривая с сыном о его проделках, непроизвольно опять в нее включилась. «Алька, Алька! Если мальчик капризничает, маму, папу не слушается, значит...» Намеренно растягиваю слова, смотрю на сына, поощряя правильный выбор пропущенного мною слога: «...значит, этот мальчик из-ба-ло...» Сыну ничего не стоит завершить знакомое слово слогом «...ван». Сделай он так, я, скорее всего, извлекла бы из этого слова «педагогический» смысл. Однако сын мгновенно

предлагает совсем иной слог: «...та!» Вот так: «из балота». Один — ноль! Получила мама по носу? А зря ты недооцениваешь способности сына «раскусить» твои доморощенные воспитательные «приемчики» и «хитрости»...

Подросли Алькины братья — Игорь, Ярослав, и я в поисках мыслей в их словах невольно стала сравнивать работу проклянувшего ума младших братьев с уже записанными мною «опусами» старшего.

Вот Ярик поет песенку о котенке и паровозе. Эти песенки — уже детская «классика». Приносятся они обычно из садика или со двора, и эта, стараниями Алюни, была мне известна. Паровоз переехал непослушного котенка, а тому хоть бы что! Мама-кошка теперь старательно пришивает дома хвост малышу...

Пропел Ярослав куплет и замолчал. Но вот он поднял брови и решительно сообщает нам: «А сейчас будет смешно!» Продолжает так же задиристо и громко: «Паровоз лежит в больнице! Ему делают укол!» Остановился. Ждет нашей реакции, то бишь смеха. Мы в недоумении переглядываемся, мол, ну и что? Ярик обиженно надувает губы, но надежды не теряет: «Смешно же, правда?» Наконец завершает песню: «А котенок сидит дома, пьет какаву с молоком!» Мы с папойжимаем плечами. Разуверившись в нашем чувстве юмора, Ярик уже не требует смеха, а решает песенку повторить только для себя самого, громко распевая, удаляется в другую комнату, вполне довольный своим «творчеством». Вот уже и Ярик познал «жажду славы» и готов разочароваться «публикой», не воспринимающей его старания ее рассмешить...

Эту же песню, самозабвенно закатывая глаза, изображает перед Алькой четырехлетний Игорь. В этот момент Ярика дома нет, никто не мешает «юному дарованию», и наш Игорек полностью отдается творческой импровизации. Однако «зритель», старший брат, — мрачен. Правда, не останавливает, не критикует, пока слушает. Игорь немного смущен «неадекватной» реакцией брата — ожидаемого им смеха-то нет!

** Стали подрастать Игорь и Ярик, и у меня прибавилось работы. Садимся с передней площадки в трамвай, и Ярослав заглядывает в кабину водителя. Заметив, что рука водителя лежит только на рычаге, деловито сообщает: «Дядя, а у тебя руль оторвался!»*

** Услышала от Игоря нежные комплименты: «Мамочка, ты моя любимочка, ты моя красавочка!»*

** Игорь нашел в лесу старую еловую шишку. Приносит мне и говорит: «Мама, возьми себе этого ежика!»*

** Однажды Игорь увидел, как папа обнял меня. Подбежал и сердито потребовал от отца: «Отдай!»*

** Еще как-то рассердился уже на меня и сказал строго: «Все! Я тебе не буду покупать новые платья!» Известно, откуда ноги растут у этой*

его «сердитки». Мы частенько угрожаем точно так же расшалившимся детям, что не купим курточку или игрушку, раз мальчик ведет себя плохо!

** Удлиняю Игорю брюки. Ему не терпится, он спешит на улицу, интересуется у меня: «Ну что, ты уже у н и з и л а мне штанишки?»*

** Дети долго и дурашливо играют с папой на полу, изображая «кучу малу». Я говорю: «Папу совсем замучили! У него ангельское терпение! Того и гляди крылья вырастут!» Игорь радостно завопил: «Мама, можно мы тогда на папе будем летать?»*

** Пошли дети навестить деда Саю в больницу. Возвращаются с бабушкой Женей, и я, обращаясь к ней, спрашиваю: «Ну как вы там нашли деда?» Ярик отреагировал быстрее всех: «Мы нашли его в больнице...» Вот так!*

** Прибегает Алька: «Мама, дай ножницы, у Игоря ноготь о т п о - р о л с я ».*

** Ярик, совсем как Алька три года назад, говорит мне: «Я хорошая д е т я, правда?»*

** Записала первую рифму Ярика: «Джон-капюшон!»*

** Лето выдалось дождливым, с бесконечной сыростью. Алька резюмирует: «В этом году у нас будет сначала осень, а потом лето, правда?»*

** Ярику — три года. Приходит ко мне на кухню мрачный: «Папа меня начертил!» «Как это?» — искренне не поняла я. «А он сказал: «Иди к черту!» Стало быть, «достал» сын отца, вот папка его и «начертил».*

** Алька впервые увидел радугу и закричал: «Радуга, радуга! Это я ее нашел!»*

** Сидит Алька, рисует радугу и много маленьких танцующих человечков: «Это каждый из них радуется своему цветку!»*

** Алька уже школьник. Важно сообщает: «У меня завтра математика». Ярик моментально реагирует: «А у меня в садике будет м а т ь и м а т и к а!»*

** Причесываю Игоря, он обращается к папе: «Папа, сделай мне п о л о с о ч к у». Ярослав тоже подходит с похожей просьбой: «Сделай мне з а в о р о т».*

...Поглядывая на старшего брата, Игорь продолжает звонким голосом:

*...А котенок лежит дома
Пьет какава с молоком.
Сидит кошка на окошке,
Пришивает ему хвост
А сама его ругает:
«Не ходи под паравоз!»*

Наконец умолкает, с надеждой поглядывая на Альку. Тот мрачно изрекает: «Еле дождался, когда ты кончишь...» Игорь — в слезы! Бежит из детской ко мне на кухню. «Мама, почему Алюня не смеется на мою смеш-

ную песенку?» Боже мой, слезы-то искренние, горькие! Ужасно ему хочется «аплодисментов»! Однако старший брат, тоже вполне искренне, возмущается. «Это же ерунда какая-то! Лучше бы я с пластинки сказку послушал! И польза была бы, и удовольствие, чем твою ерунду слушать!» Да, «планка» требовательности у Альки-зрителя оказалась высокой!

Мне кажется, что некоторые родители шести-, семилетних детей, желая «осерьезнить» свои отношения с ними, не замечают, что мышление сына или дочери, рано утратив стимулы эмоций, фантазий, становится «пресным», банальным. То же происходит со старшими детьми, когда в оценках высказываний, реплик младших на два-три года братьев или сестер могут уже появиться следы пренебрежения и даже надменности. Кстати, подобные симптомы по отношению к малышам я стала замечать у старшего сына уже в пять лет... Нет, спешить «осерьезнивать» мир подрастающих детей не следует! Не надо отказывать себе в удовольствии созерцать красочный калейдоскоп образов, которыми так богато мышление наших детей. Не опасайтесь за свой авторитет, не тревожьтесь выглядеть легкомысленным в общении с подросшим ребенком. Дайте ему шанс как можно дольше стимулировать фантазию. Тогда удастся добраться до тайников его настроения, уловить зреющие чувства. Я убедилась в этом на собственном опыте.

...У Алюни, который заканчивал уже второй класс, как-то разболелся зуб. До встречи с дантистом хочу сына от неприятных ощущений отвлечь. Тонем заговорщика спрашиваю его: «А знаешь, почему у тебя зуб болит? Там, под зубом, живет черт...» Честно говоря, ничего умнее мне в тот момент на ум не пришло. Однако надо продолжать, потому что вижу, каким любопытством загорелись глаза Альки.

Продолжаю: «...Звать его Федор Иванович. Ему стало скучно вот так всю жизнь сидеть под зубом, и он стал ковырять его рогами. Ковыряет и думает: «Расковыряю до дырки, высунусь, посмотрю, что на свете делается, какая там погода?»

Видю, сын уже слушает внимательно, хотя иногда еще морщится от боли. Наверняка мой разумный мальчишка настроен скептически, но постепенно «заражается» моим энтузиазмом и сравнительно спокойно терпит боль в зубе до визита к врачу.

Про себя отметила, что сыну история с Федором Ивановичем понравилась. Уже к концу дня, когда, казалось бы, зуб подлечен и нет никаких оснований для беспокойства, Алька неожиданно говорит мне: «А Федор Иванович был одет сегодня в рубашку в клеточку красненькую и синенькую». На этот раз подыгрывать ему не стала, но снова обратила внимание — в глазах моего пацанчика остались следы интереса! Федор Иванович чем-то его «задел»!..

* Услышал Игорь разговор взрослых о его припухших от простуды

железках. Подходит как-то ко мне и спрашивает: «Посмотри у меня во рту ж е л е з к и».

* Алька сочиняет рифмы: «Сидит Мирон, на Мироне — шпион!»

* Ребята играют в циклопов и Синбада-Морехода. Следы недавно увиденного фильма с этими героями. Нарисовали красками огромную страшную рожу, прикрепили ее к двери, а рядом печатными буквами рукой Алюни выведено: «Осторожно, страна ц е к л о п о ф».

* Зашла с Яриком в троллейбус, а водитель поторопился закрыть дверь и зажал мне ногу. Все обошлось: я вызволила ногу, мы доехали до своей остановки и сошли. Сын стал возмущаться: «Он что, сдурел?» Потом остановился и говорит мне: «Мама, теперь я начну плакать!» «Почему?» — испугалась я такого решительного намерения сына. «Потому что у тебя теперь ножка болит!» Спасибо, родной, за сочувствие маме. Всегда бы так!

* Гуляем с Яриком зимой по улице. От мороза парок идет изо рта. Сын замечает и старается дышать глубже и чаще. «Смотри, мама, что у меня изо рта вылетает?» Говорю ему: «Да, вижу... А что это, ты знаешь?» — «Это — д у т ь! Дуть!» — отвечает сын.

* Алик наследил на полу. Ярик увидел и говорит: «Смотри, Алёня, это твои т о п о т ы!»

* Ярику 4 года. Читаю ему книгу, а он сидит и слушает на полу у моих ног. Вдруг громко меня прерывает: «Мама, мама! У тебя глаза е з д и ю т!»

* В пять лет Игорь сообщает мне: «Когда я вырасту, у меня будет много детей...» Я, стараясь быть заинтересованным слушателем: «И что ты с ними будешь делать?» Игорь деловито отвечает: «Одного ребенка положу в колясочку, другого в кроватку, а еще одного на диван, а другого положу в холодильник». Я — в шоке: «А зачем в холодильник?» Игорь радостно: «А пусть он там на саночках катается!»

* Прошу Ярика: «Положи свитер в шкаф». Он возражает: «Я его повешу на стул». «Нет, положи!» — настаиваю я, беру из тарелки финик и предлагаю ему: «Дам тебе финик!» Ярик берет финик, кладет его в рот, как будто мне удалось убедить его положить свитер в шкаф. Вижу, идет к нему, но с полдороги возвращается, поворачивается к стулу и собирается вешать свитер на него: «Нет, мама, я его тут на стул повешу». Вытаскивает изо рта финик, возвращает мне: «Возьми, он невкусный!» Как говорится, «номер не прошел!»

Мой стимул оказался некачественным...

* Трехлетнему Ярику надели новый свитер с рисунками из звездочек. Ему очень нравится разглядывать эти звездочки, и он вертится у зеркала. Мы спешим в цирк, нервничаем, боимся опоздать. К брату подходит Алёня: «Ярик! — сдвигает брови. — Если ты опоздаешь в цирк, у тебя с твоего свитера все звездочки отвалятся!» На лице Ярослава сложная гамма ужаса

и недоверия... Как летит время! Старший брат уже использует «приемчики», которые мы «опробовали» на нем, когда он был в возрасте Ярика!

* Игорь: «Дай мне халву лизнуть лизычком!»

* Укладываю детей спать, целую Ярика и слышу его потрясающую «репризу»: «Мама, ты целуешься, как женищина!»

* Игорь слушает, как Алька долго и нудно хнычет. Не выдерживает: «Будешь реветь — тогда у тебя на голове вырастут грибы!» Что интересно: Игорю — пять лет, Альке уже шесть с половиной! Младший уже пытается безобидно иронизировать, старший молча утирает «набежавшую слезу».

* Ярик спрашивает Альку: «Почему когда птички крыльшками не машут, то все равно летят?» Алька ошарашенно смотрит на него и моментально убегает: ему сейчас не до научных догадок, надо в футбол поиграть!

* Ярик впервые попал под острые струи душа Шарко. Спрашивает с удивлением: «А почему душ д е р е в я н н ы й?»

...На следующий день Алюня сообщает мне:

— Мама, а сегодня наш Федор Иванович — в рубашке, на которой треугольники нарисованы. Ждет Федор Иванович дождика...

От неожиданности я вполне искренне удивилась:

— А почему дождика?

Сын отвечает:

— А потому, что одет он сегодня еще в плащ с капюшоном, как у меня...

Вечером того же дня снова затеял сын разговор о Федоре Ивановиче.

— Мама, интересно, а что сейчас поделяется Федор Иванович?

— Пломбу тебе поставили хорошую, ничего не болит?

Это я решила выиграть время и подумать над мотивами поведения черта по имени Федор Иванович, «поселившегося» под зубом. Сын отвечает:

— Хорошую... Не болит!

— Значит, твой Федор Иванович хвостом обмахивается. Это он от жары.

Дырки-то в зубе нету! Оба смеемся. Оба довольны...

Прямолинейная педагогика: «Будь мужчиной! Терпи!», может, и была бы примером взрослого отношения с моим школьником. Но мне кажется, что она не дала бы мне возможности реально отвлечь сына от зубной боли, помочь ему справиться с недугом.

По-моему, мне пришла в голову хорошая мысль сочинять небылицы, чтобы ослабить страдания сына, а не призывать его волю к «победе» над зубной болью.

Вместе с тем мне действительно хотелось, чтобы Алька семи с половиной лет от роду уже показывал мне готовность переносить свои невзгоды.

Как и папа, я готова была сказать: «Будь мужчиной!» Однако, наверное, и здесь надо искать какой-то разумный компромисс...

...На исходе пяти лет у Альки стал проявляться явный скепсис старшего к наивной вере младших братьев в сказочные чудеса. И в шесть, и в семь лет он с сарказмом реагировал, когда малыши, насмотревшись мультиков или наслушавшись сказок, которые и я, и папа им читали, восхищались проделками сказочных героев. Но едва у Альки возникали неприятности, например когда он болел, те же сказочные истории увлекали его настолько, что я терялась. «Мама, расскажи мне сказку...» Сыну уже шесть, семь с половиной, восемь! Невзгоды преодолевать пора научиться без нытья и фантазий! К тому же появились уже серьезные заботы, которые его скорее удручали, чем приучали к ответственности, например школьные уроки, которые надо делать «через не хочу», даже когда простужен или болят пальцы, а на гитаре учить упражнения надо! Да мало ли подобных ситуаций, когда тебе уже семь или восемь лет? Казалось бы, не до сказок, жизнь заставляет взрослеть!

Оказывается, я ошиблась! Черт по имени Федор Иванович, что «жил» под зубом у моего школьника, еще долго приходил к нему в «гости». Эту историю он уже сам мне рассказывал, правда, вызывая меня на «сказочный диалог», только если ни Ярика, ни Игоря рядом не было! Побоялся потерять авторитет взрослого парнишки? Наверное...

Я убедилась, что мир фантазий уже подросткового мальчишки вполне может и ему, да и мне тоже еще сослужить добрую службу. Папа посмеивался, пожимал плечами, мол, что с вас взять, если мама и сын пытаются требования жизни «разбавить» своими фантазиями. Я же не думала, что от них надо отказываться, если они ...работают и на разум, и на чувства моих подростков!

...Пришла с моими мальчиками в парк. Решила дать им возможность отдохнуть по «полной программе». «Хали-гали» сменил «Автодром», затем карусели... Игорь с Яриком выдержали нагрузку хорошо, просят новых «порций» развлечений, а вот старший — притомился. Бывает... Перебрал с развлечениями. Посадила малышей на карусель, присела со старшим на скамеечку. Спрашиваю:

— У тебя что-то болит?

Мой восьмилетний мальчишка «прислушивается» к себе и неожиданно говорит:

— Да, у меня там, в животе, Федор Иванович в одном месте лопатой копает!

— Что, опять объявился Федор Иванович? — недоумеваю я. Наверняка год о нем ничего не слышала от сына.

— Да, он цемент (!) у меня ищет. Я его спрашиваю: «Зачем тебе цемент?»

Он говорит: «Не знаю... Может, дом построю!» Я тогда его спрашиваю: «Какой дом?» А он говорит, что еще об этом не думал. «Я ему говорю, — продолжает фантазировать Алька, — что пока ты думать будешь, у тебя весь цемент засохнет», а он меня успокаивает: «Я его водой залью!»

Слушаю сына и чувствую, что этот Федор Иванович мне становится все симпатичней и приятней. Ну прямо живая душа какая-то! Между тем Алька продолжает:

— Федор Иванович сегодня такой франт. У него курточка с солнышками, шорты со звездочками и желтые гольфы, а на голове шлем с рогами.

— Да он у тебя настоящий дорожный рабочий, — стараюсь я подыграть сыну. Но он меня не слышит, совсем погрузился в свои фантазии...

— Вот когда он построит дом, тогда уже будет искать железо(!). Потом построит самолет и будет внутри меня летать.

— Интересно, понравилось ли Федору Ивановичу, что утром ты пил только чай?

Сын морщится, неможется ему, что-то тревожит. Явно устал. Хочу домой его отвести, да малышня бунтует, снова просится на «хали-гали». Пришлось сдаться. Снова с Алькой про Федора Ивановича решила поболтать.

— Слушай, — спрашиваю, — а зачем ему цемент? Это он притворяется! Ты же вчера, наверное, сто конфет слопал, вот он лопатой их разгребает.

— Нет, — возражает Алька, — Федор Иванович в озере плавает... (Вот те раз!)

— Недолго ему плавать, — сомневаюсь я, — скоро его лодка растает.

Сын весело и как-то облегченно смеется...

Альке — шесть, Игорю — пять, Ярику — скоро будет четыре года.

* Алька слышит, как по двору цокает лошадка, и говорит: «Как маленький барабанчик».

* Игорь впервые услышал слово «чебурек» и тут же сообщил мне: «Мама! А чебуреки едят чебурашки!»

* Первая встреча Ярика с морем. Заходит в воду, плюхается, тут же вскакивает и кричит: «Мама! Здесь же нельзя купаться, вода соленая!»

* Кажется, услышала Алькин афоризм, который можно было бы отнести к разряду высказываний начинающего фенолога: «Мухи летают — весна наступает!»

* Ходит Ярик по летнему лугу, заткнув пальцами уши. Кругом красота: бабочки летают, солнышко светит, травка зеленеет. Спрашиваю: «Почему уши заткнул?» — «Чего?» — «Уши, спрашиваю, почему заткнул?» — «Потому, — отвечает, — что мне не нравятся голоса этих пчел!» И действительно, кругом густой пчелиный гул. А я и внимания на них не обращаю...

* Слышу разговор братьев: «Мы на даче соревновались, кто больше молока выпьет. Я выпил почти литр, Игорь аж пол-литра, а Ярик — целый

батон, нет, батон». Игорь исправляет брата: «Не битон, а бедон». Алик возмущен: «Ну что ты говоришь? Бедон... Бедон — это из которого дорога бедонная делается, она что, из бидонов?»

* Ярику уже 4 года. Сидит, обедает и сообщает: «Когда я жую котлетку, она у меня во рту крутится». Братья заинтересовались: «Покажи!» Ярик говорит назидательно: «Ты что, не знаешь: я с закрытым ртом жую!»

* Игорь дает мне «указание»: «Мама, выключи кипятилок, надо включить телевизор».

* Ярик восторженно: «Небо ну прямо как потолок!»

* Алька делится со мной недоумением: «Если есть лунатики, то почему тогда нет с о л н а т и к о в?» В самом деле, почему, если, кроме луны, есть солнце...

* Игорь спрашивает Алику: «А правда, что солдат и воин — это одно и то же?» Старший брат разъясняет: «Нет... Солдат бывает и который не воевал, а воин — который воевал».

* Увидел Алька чайный сервиз с перламутровым покрытием и кричит изумленно: «Мама, смотри, чашки облиты бензином!» Я немного растерялась сначала. Спрашиваю: «А ты понюхай, пахнет бензином?» Нюхает и сообщает: «Пахнет!»

Слегка ошарашенная его утвердительным ответом, я догадываюсь, что увиденные однажды сыном в луже радужные переливы следов бензина запомнились ему и теперь, увидев такие же переливы на боках чашек сервиза, он убежден, что всему «виной» именно бензин!

* Ярик тоном первооткрывателя сообщает: «Когда маленькие зубы уходят отсюда — показывает на свой рот, — тогда здесь вырастают рога!»

...Подраставшие младшие братья уже не пропускали мимо ушей снисходительный скепсис старшего. Особенно болезненно младшие реагировали на его подчеркнутое равнодушие к их «словесному творчеству». Призрак конкуренции, соперничества между мальчиками становился все явственнее. Если кто-то из братьев удачно пошутил, вызвав дружный смех взрослых или одобрительную реплику родителей, у остальных начиналась «работа»: как можно быстрее ослабить это впечатление, показать собственные «возможности». Ссоры, обиды возникали почти сразу. Мне стало казаться, что «ядовитая тень зависти» внесла в отношения между братьями раздор. Постепенно стала исчезать аура еще недавнего наивно-детского единения...

...Папа старался возбудить у сыновей стремление, глядя на мир, задаваться вопросами и пытаться искать ответы на них. Вопросы, которые возникали у детей или которые задавал им папа, по его замыслу, должны были в их умах разжечь, как он выражался, «очаг пытливого раздумья». Эта красивая фраза означала, что дети сами находят ответы на вопросы, а когда найдут, их ожидает такая же радость, какую испытывали на заре

цивилизации первые пытливые умы человечества, тот же Архимед с его знаменитым восторженным кличем «Эврика!».

Я уже видела, что Алюня обладает раздумчивостью, природной логикой и склонностью к анализу. Это у него от папы, хотя Олег утверждает, что от меня. Не знаю, кто из нас прав, но умение анатомировать факты, которое я наблюдала, посещая лекции мужа в институтах, явно просматривается и в зреющем уме нашего старшего сына.

Игорь в свои шесть лет был очень сообразительным мальчишкой, рано обнаружил способности к арифметике, обладал жадной памятью, но был страшной непоседой.

Ярик все схватывал на лету, но не терпел никакой опеки и особенно не переносил критических замечаний в свой адрес. Когда старшему было семь, среднему — шесть, а младшему — четыре, в нашей семье наступило время довольно задорных дискуссий, когда и я, и папа затевали разговоры «за жизнь», полагаясь на ресурсы ума наших детей, которые обнаружились у каждого с момента «проклонувшегося слова».

У нас у всех был одинаково замечен «разговорный микроб». С ним легче было жить и взрослым, и малышам, потому что он вытаскивал наружу все наши внутренние интересы, а также невзгоды и заботы. Что-что, а поговорить о «проблемах», не забывая увлекать и детей, папа мог мастерски!

Пишу бабушке Зине письмо в Краснодар:

Недавно папа Олег спросил у Ярика и Игоря, что такое «правда». Мои Юргановы, как вы и по себе знаете, очень любят поговорить на самые глубокие человеческие темы. Чем мучилось человечество, тем и они за милую душу согласны помучиться и влезть в самые дебри. Детки тут же, за ужином, быстренько выяснили, что честный человек — это «который делает хорошо не только себе, но и другим», как сказал Игорь.

«Что такое истина?» — не унимался папа. «Это правда», — сказали хором восьмилетний Игорь и шестилетний Ярик. Но тут папа спросил: «А надо или не надо бояться правды?» Дети минутку подумали, и Игорь сказал первым: «Правды всегда боятся...» Папа не успокоился: «Почему?» — «Потому... — заорал Ярослав, — потому что за нее всегда здорово попадает!» Тут мы с папой скисли. Истина (в который раз!) глаголет устами младенца.

Это, наверное, результат того, что папа всегда помнил об «очаге пытливого раздумья» в умах своих сыновей, стараясь не дать ему угаснуть. Я убеждалась в этом не раз!

...Как-то уже поздней осенью мы всей семьей гуляли в парке. Папа посмотрел на небо и вдруг ахнул от неожиданности. На небосклоне висела огромная оранжевая Луна. Она действительно, как огромный медный таз, «висела» у самой кромки горизонта и натолкнула Олега на первый вопрос:

— Кто знает, что это? — папа показал рукой на оранжевый диск.

— Луна, Луна! — хором крикнули дети.

— А почему она не падает нам на голову? — стал допытываться папа.

— А разве она может упасть? — удивленно спросил второклассник Алька. Игорь и Ярик, тоже слегка ошарашенные, молчали, и было видно, что папин вопрос смутил их.

— Яблоки же падают, — продолжил папа очень серьезно.

— Да, — радостно воскликнул Ярик, — яблоки падают, и одному дяде такое яблоко упало на голову — и он сразу поумнел!

Интересно, откуда он в свои четыре года прослышал о Ньютоне?

— А если Луна упадет тебе на голову, — сердито проворчал Алька, — ты тоже поумнеешь?

Старший сын явно был озадачен, и чувствовалось, что его ум бессилен перед вопросом, который только что прозвучал. Ярослав не растерялся:

— Пусть падает, я все равно успею отскочить!

— И я тоже успею! — резво отреагировал первоклассник Игорь и, довольный собой, рассмеялся. Наверное, он с оптимизмом представил свою реакцию на падающую громадную Луну.

Однако вопрос требовал ответа. Папа не торопил, но я уже была заинтригована тем, как же мои мальчики справятся с «космогоническим парадоксом», на решение которого человечество, пребывая в своем детстве, потратило долгие сотни лет. Между тем гипотезы уже стали появляться, и я прислушалась.

— Луна приклеена к небу клеем, — решительно высказался Ярослав.

— Нет, — осторожно возразил Игорь, — люди прибили ее гвоздями к метеору.

— Чем прибили? — решил уточнить Ярослав.

— Молотком, конечно! — никаких сомнений в голосе Игоря я не почувствовала...

** Сообщение, сделанное Яриком с полной убежденностью: «Небо сделано из воздуха!»*

** Увидел Ярик облака белесые и плоские. Удивился: «А почему это свет в полоску?»*

** Все наше семейство сидит у телевизора и смотрит французскую комедию. Все смеются, кроме Ярика. Папа интересуется: «Ярик, что, картина не смешная?» «Смешная...» — очень мрачно отвечает сын. «Веселая, правда?» — уточняет папа. «Очень веселая...» — все так же мрачно соглашается Ярик. Папа в полном недоумении: «Так чего же ты не смеешься?» Ярик сообщает: «А во мне смеху нету!»*

** Долго и безуспешно мы искали напуганную громкими играми малышкой Кнопочку. Ярик подошел к дивану, посмотрел в щель между нижним краем дивана и полом. Сообщает: «Вон она там г л у б и н е -*

е т с я». По-видимому, наша голубоглазая сиамоочка и вызвала у Ярика такой «неологизм».

* Папа однажды сказал Ярику, что когда тот приходит со двора, то может постучать в дверь и крикнуть: «Откройте, свои!» Как-то случайно Ярика заперли в туалете. Закончив свои дела, он обнаружил, что заперт, стал громко стучать и кричать: «Откройте, свои!»

* Ярик интересуется у меня: «А из чего котлеты? Из мясины?»

* Слышу спор Алика с Игорем. «Илья Муромец только в сказке был!» — утверждает Игорь. Алик немедленно возражает: «И не в сказке! Его скелет даже нашли, понял?»

* Игорь мылится и приговаривает: «Я — мылю т к а». Ярослав стоит под душем и сообщает? «Я — чист ю т к а».

* Шутки ради повязываю на макушке Игоря бантик. Подходит Ярик и говорит басом: «Жена!»

* Уже не припомню, по какому поводу папа спрашивает Алика: «Зачем же ты приплюснул подушку?» Алёня отвечает, почти снисходительно: «Ничего, я ее снова в збушую!»

* Алька поет: «А на праздник кондуктор испечет нам пирог!» Кондитер-кондуктор — очень похоже...

* Старший сын слушает музыкальное вступление к кинофильму — ритмичное, «скачущее» — и возмущается: «Почему музыка такая кривая?»

* Слышу возмущенный голос Алика: «Мама, Ярик снова сказал глупость!» Интересуюсь: «И что же он сказал?» Алик набирает побольше воздуха и выпаливает: «Что Костина мама красивее тебя!»

* Ярик сидит на кухне за столом, слизывает варенье с ложки и вдруг говорит: «Муха села на варенье, потому что воскресенье!»

...Алик молчал и никаких «теорий» не высказывал. Пришли домой. Дети легли в постели, в доме установилась тишина, и я вскоре забыла об этой истории.

Назавтра папа о своем вопросе не напоминал, однако старший сын, зная, что в детской энциклопедии, стоявшей на книжных полках в его комнате, можно найти ответ, стал перелистывать страницы толстых фолиантов с яркими картинками. Он уже сравнительно легко и быстро читал тексты учебника или книг для младших школьников. В поисках ответа на папин вопрос сыну требовалось приложить немало терпения. Тем не менее Алька, найдя в детской энциклопедии сведения о Луне, сумел разобраться в том, что это — планета, такая же, как наша Земля. Его это открытие буквально ошарашило! «Эврика!» с ним случилась, и он радостно сообщил братьям: «Луна никогда не упадет, и никто ее не прибавал к небу и не приклеивал. Это планета, как наша Земля, такая же круглая, как шар». Игорь и Ярик довольно спокойно

выслушали Алика и ничего уточнять не стали. Они просто поверили брату на слово и... успокоились.

Я поняла, что Олег и не пытался загружать едва проклюнувшийся ум младших детей научной информацией о Луне. Он был уверен: «всему свое время». Но заставить ум Альки работать он захотел именно в ситуации, когда яркие впечатления от созерцания Луны могли ограничиться простым признанием ее красоты, большого размера и особого, редко видимого, ярко-оранжевого цвета.

«Двинуть» эти эмоции, разбуженные созерцанием огромного небесного объекта, то есть возбудить ум старшего сына и младших детей «каверзными» вопросами папа хотел из желания вызвать к жизни само состояние поиска ответов на них. У старшего сына уже был инструментарий поиска: он хорошо читал, а дома была большая библиотека.

«Наши дети, — повторял Олег, — не вундеркинды. Не стоит ждать от них ошарашивающих успехов в познании. Но заставлять работать их ум, который еще дремлет, уже пора!»

Начиная обучать детей с четырех лет в своей «домашней школе», папа Олег ограничивался стандартной программой: чтение, письмо, работа с числами. Он готовил сыновей к школе, стараясь приучить к рутинной работе в классе и дома, которая ожидала детей уже через два-три года.

Олег, как мне кажется, отдавал себе отчет в том, что не может рассчитывать на большее, потому что его занятость была просто убийственной. У меня тоже хватало времени лишь на то, чтобы посидеть с ребенком и почитать ему книжку или проследить, насколько аккуратно он выполняет задание папы-учителя, а позже — школьные уроки. Быт, диссертация, работа в университете требовали от меня большого напряжения.

И все же в свободные минуты Олег стремился делать то, что ему нравилось больше всего: заставлять детские умы работать!

По-моему, самый интересный случай «раздувания очага пытливого раздумья» у детей Олег рассказал мне, когда приехал с сыновьями из Краснодара.

...Мальчики беззаботно купались в Кубани, а когда вышли на бережок позагорать, папа с невинным видом спросил: «А скажите-ка мне, можно ли дважды ступить в одну и ту же реку? Посмотрите, — папа махнул рукой в сторону желтой воды, лениво огибавшей берег, — подумайте и скажите, можно ли ступить в эту реку дважды?»

...Меньше всех смутился услышанным вопросом пятилетний Яро-слав. Он вскочил, побежал к воде, пошлепал по ней стопами, выбежал на берег, затем снова вернулся к воде, опять потопал по ней пятками и, вернувшись на берег, уверенно сказал, глядя на всех веселыми глазами: «Вы видели, я два раза прыгнул в речку! Значит, можно!». Игорю через пять месяцев

«стукнет» восемь. Альке шел девятый год, а Илье (в тот год он тоже приехал к бабушке с дедушкой) было уже почти четырнадцать. Игорь молчал, как, впрочем, и Алька с Ильей.

В вопросе папы старшие дети сразу почувствовали какой-то подвох. Алька задумался. Подошел к воде, окунул в воду указательный палец. Обтекая палец, желтоватая вода образовала «строчку», и, казалось бы, разгадка была совсем рядом! Но сын растерянно молчал...

** В пятилетнем возрасте Ярик сделал открытие: «Река живет в воде!»*

** Папа «побесился» с детьми на славу и сразу же сел к столу за свои дела. Подходит Алька и спрашивает: «Маленькая разминочка перед умственной работой?»*

** Дети выходят на улицу с песней, сочиненной ими: «А сегодня я поеду на свиданье к людоеду! До свиданья, людоед, я приеду на обед!»*

** Игорь пристает к папе: «Давай поиграем в Бармалея...» «Я уже ста-а-арый, — хитрит папа, уклоняясь от настойчивых требований сына. — Завтра у папы лекции, а надо бы еще посидеть над книгами...» Подбегает Ярик: «Папа! Ты — молодой, молодой!» Останавливается и с недоумением завершает: «Но почему-то с бородой!»*

** Сидит Игорь и лепит из пластилина собаку. Слепил, отставил в сторону, лепит еще одну. Интересуюсь: «Зачем тебе еще одна собачка?» Разъясняет: «Это — Джек, а чтобы ему не было скучно, я слепил ему Ону!» (она — ону, то есть ее).*

** Игореша заболел, и пришлось даже положить его в больницу. Узнав об этом, Алик сказал грустно: «Я всегда буду Игоря помнить». И тут же с большим трудом, но все же натянул на себя Игорешины новые джинсы и ходил в них целый день, хотя они были ему безумно коротки... Выражение лица так и оставалось грустным.*

** Алик собирается в школу, надевает пальто. У его ног сидит Кнопочка и смотрит своими голубыми глазами. Алька присел, гладит ее и говорит: «Смотрит на меня Кнопочка и думает, а чего это Алик надевает второе тело?»*

** Игорь в больнице с подозрением на дизентерию. Прихожу к нему в больницу, он доверительно мне сообщает: «Мама, во мне нашли дерево!» «Какое дерево?» — ужасаюсь я. Игорь уточняет: «Ну, палочку!»*

** Алька простудился. Натираю его спиртом. «Фу, как противно!» — кричит он. Я ишутиливо говорю ему: «Ты у меня сейчас ну просто пирожное для алкоголиков!» Минут через 20 приходит ко мне на кухню и говорит заговорщицким тоном: «Мама, смотри, что я придумал. Ты мне дашь денег, я куплю бутылку водки и пойду с ней по городу, а за мной пойдут все алкоголики. Я приду в милицию и скажу: вот вам привел алкоголиков со*

всего города!» Современный вариант андерсеновской сказки про мальчика с дудочкой, который спас город от крыс.

** Альке 8 лет. Делится со мной открытием: «Мама, смотри, какая у меня интересная система (ох уж этот язык папы-социолога!): когда мои руки забывают, какую букву надо писать, голова дает сигнал!»*

** Алик исправляет «м» строчную на «М» прописную, приговаривая: «Сейчас при-ри-су-ем ей антенну...»*

...Илья напряженно вглядывался в воду, и чувствовалось, что ему, как самому старшему, уже ученику седьмого класса, очень хочется ответить на вопрос папы. Увы! ответа он не знал...

Прошла неделя. Вода и вообще любая жидкость стали популярным предметом разговоров среди детей. Обедаят, кладут ложку в суп, и тут Игорь радостно изрекает: «Нельзя одну и ту же ложку дважды опустить в один и тот же суп!»

Ярик пьет компот и спрашивает озадаченно: «Этот компот я уже пил дважды: вчера и сегодня!» «Нет, — парирует Илья. — Этот компот, хоть и был сварен вчера, сегодня уже все-таки другой! Ясно?» «Как?» — удивляется Игорь и зовет бабушку Зину. Спрашивает у нее: «Бабушка, ты этот компот вчера варила?» «Да, — ничего не подозревая, отвечает бабушка Зина и тут же с тревогой уточняет: — Уж не прокис ли? Жара вон какая, а кастрюля в холодильник не помещается!» Папа Олег успокоил: «Нет, все в порядке, не прокис...» «Но он все-таки д р у г о й?» — вопрошает Илья, явно довольный смущением братьев. Алька осторожно высказывается: «В него бабушка сегодня уже сахару добавила или воды долила...» «Ничего я не добавляла и не доливала, — сердится бабушка, — ты чего сочиняешь?» Замечание адресуется автору «гипотезы». Хохот от веселой перебранки внука с бабушкой немного разрядил обстановку. Братья снова бегут к реке.

Вопрос папы «жил» в умах детей, и он видел, что напряжение мальчиков, ищущих на него ответ, не ослабевает. Наконец дети стали к папе приставать, скажи да скажи! Однако папа не сдавался: «Думайте сами!»

И все же он сжалился над ними. Позвал детей к реке, подвел к небольшой излучине, где течение было медленным, а вода достаточно прозрачной. В большой стеклянной банке у него лежали мелко нарезанные накануне вечером соломинки. Он высыпал их в воду, и соломинки моментально покрыли водную поверхность широким светло-бежевым подвижным ковриком, который, подчиняясь течению воды, тут же стал медленно двигаться мимо кромки берега.

— Ступи в эту воду, — крикнул папа Альке. Братья не дыша смотрели на это «священнодействие». Алька ступил на «коврик», и дети увидели, как, обтекая его ноги, он двинулся дальше.

— Выходи быстро на берег и снова ступи туда же! — приказал папа.

Но Алька уже радостно, истошно заорал на весь берег:

— Нельзя, нельзя!!! Река течет! Вода — другая!

Все были счастливы! Игорь и Ярослав не отставали от старших братьев в выражении восторга, хотя им вряд ли удалось понять, почему «вода другая», и тем более проникнуть в суть философского вопроса, заданного папой вслед за древнегреческими мудрецами.

С того момента отношение к воде реки у старших стало какое-то нежное. Илья гладил поверхность воды и ошарашенно бормотал: «Это ж надо! Никогда бы не догадался...» Алька непрерывно ступал с берега в воду и обратно, повторяя: «А теперь это другая вода. Та уже ушла, вон она, там, за поворотом, а теперь к моим ногам идет новая вода...»

* Из анатомических догадок пятилетнего Игоря: «Мама, когда мы у тебя были в животике, ты ела?» — «Да, конечно!» — «А почему на нас ничего не падало?» — недоумевает сын. Помолчал и решил сообщить мне свои «соображения»: «Потому что у тебя там внутри (показывает пальцем чуть ниже моего живота) мешок есть?» Пришлось признаться: «Да, есть мешок...»

* В нашей квартире параллельные телефонные аппараты: один в гостиной, другой на кухне. Звоню с работы домой. Трубки берут Игорь и Алик. Спрашиваю: «Папа дома?» Хором отвечают мне: «Ушел уже!» Уточняю: «Давно?» Слышу ответ Алика: «Минут пять...» Игорь не согласен: «Давно!» Продолжаю опрос: «Он обедал?» Отвечает Алик: «Нет, не успел...» Тут же слышу голос Игоря, полный оптимизма и укора одновременно: «Да, поел, только посуду не помыл!» Решила «под занавес» поинтересоваться: «А чем вы занимаетесь?» Алик: «Я делаю уроки». Игорь: «Играем...» Вот и пойми...

* Алик объясняет мне: «Понимаешь, мама, как у меня от злости заело: хотел взять подушку — взял одеяло, хотел взять одеяло — взял раскладушку, хотел раскладушку, а взял подушку. А потом треснул себя по голове — и сразу о т ъ е л о!»

* Игорь шумно что-то доказывал Алику, спорил, кричал. Тот с досадой произнес: «Ну какой ты б а з а р и ц и к!»

* Случился у Алика грамматический казус: написал «учиники». Спрашиваю, почему написал так? Отвечает: «Потому что это слово проверяем ударением в слове «учИтель».

* Ярик смотрит, как я глажу его рубашку, и говорит задумчиво: «Утюг убивает микробов...»

* Воспитываем в детях самостоятельность, при этом не обходимся без «убедительных» иллюстраций важности и необходимости этого качества. Говорю Ярику: «Надо уметь все делать самим! Мы состаримся с папой и умрем, некому будет за вами ухаживать...» «А вы не умрете, — с интонацией яростной убежденности отвечает мне самый младший сын, — вы

снова станете маленькими...»

* Игорь говорит пренебрежительно Ярику: «Смотри, какой х р а - б р а ч нашлся!»

* Алик делится со мной своими первыми догадками из области школьного жульничества. «Мама, мне задали написать четыре предложения. А знаешь, как это можно сделать быстро? Надо поставить четыре точки!» Видит, что я не понимаю. Горд своей «изобретательностью» и говорит мне снисходительно: «Потому что в конце каждого предложения стоит точка!»

* Во время чтения одной сказки, где говорится о красоте, Игорь вспоминает, что у него красивый нос. Кто-то из нас об этом «объявил», может быть, даже шутя, но сын об этом не забыл. Спрашивает меня: «Мама, а нос — для красоты?» Я не успела даже рта раскрыть, как слышу авторитетное мнение Ярослава: «Нет! На носу глаза висят!»

Чуть позже после этого случая на реке Кубани я заметила философствование Алика. Сидит старший сын за обеденным столом и смотрит на Игоря, который, в ожидании тарелки с манной кашей, задумчиво ковыряет в носу.

— Вот интересно, — произносит юный диалектик, — я с м о т р ю на Игоря, сейчас это о д и н Игорь. А вот на диване в детской комнате был д р у г о й Игорь...

Этот миг диалектики мышления второклассника впечатлил меня! «Очаг пытливого раздумья» у Альки вновь затеплился.

...Оценка родителями «продукции ума» детей — дело вовсе не простое! Когда присутствуешь при рождении очередного «перла» своего ребенка, невольно задумываешься. Сын высказал свою мысль и через секунду уже забыл ее, а тебя она никак не отпускает! Даже когда это высказывание сына тобой записано, подробно прокомментировано в дневнике, продолжаешь о нем думать. Почему? Юные мыслители уже дерутся в соседней комнате, деля полнобившуюся игрушку. Набедокурили во дворе. Слышу плач кого-то из них на лестнице, а меня упрямо не «отпускает» слово, фраза, услышанная от них полчаса, час, день назад.

Не берусь сравнивать, кто из сыновей на что способен, занятие это скорее для психологов. Могу только заметить разницу в реакциях на окружающий мир, на поведение взрослых, на трудные вопросы, которые задает то ли сама жизнь, то ли наш папа, который умеет и любит их задавать.

Однажды Олег шутки ради спросил: «Ребята, а что такое п л а н?» После некоторой паузы началась дискуссия.

— План — это такой костер... — говорит шестилетний Игорь, разводя руки и показывая, какой это большой костер. — И этот план — г о р и т!

Алик (ему на момент «дискуссии» было 7 лет) недоверчиво посмотрел на брата и решительно воспротивился:

— Ты что! Это такая бумага, которая горит!

Реалии времени растворили в слове «план» такой метафорический признак, который оказался доступным даже моим малолетним детям!

** Слышу спор братьев:*

Ярик: Ты молоко ненавидишь, а я — навизжу.

Игорь: Такого слова — навизжу — нет.

Алик: Оно раньше было, Игорь, а теперь нет.

Игорь: Почему это «было»?

Алик: Раз Ярик говорит, значит, было давно и люди раньше так говорили, а вот теперь так не говорят. Я раньше тоже говорил «лззя» вместо «нелззя».

Игорь: Что, кипяченка на печенку люди тоже говорили? (Это Игорь так саркастически оценил новое слово Ярослава, которое прозвучало за столом, когда он, уплетая жареную печенку, сказал: «Мама, я очень люблю кипяченку!»)

Алик: Нет, Ярик просто еще не знает слова п е ч е н к а, а я заметил, что, когда он не знает слово, всегда к нему что-то прибавляет. Он говорит «конфетный напиток» вместо «кофейный напиток», а кофе — это же не конфета!

Тут уж я вмешалась, добавив к размышлению старшего сына свои уточнения: «Ярик так делает, чтобы слово, которое он имеет в виду, но не знает смысла, было немного похожим на знакомое ему слово».

Это я так свою мысль подчеркнула, адресуясь к Алюне, как бы подталкивая его к завершенности его рассуждений, которые мне очень понравились. Тут же слышу утвердительную реплику четырехлетнего Яро-слава, который этот «лингвистический семинар» слушал очень внимательно: «Конечно, мама!»

** Ярик смотрит на соломенную шляпу дворового приятеля Леши и говорит осторожно: «Мама, а Леша не верит, что у него шляпа из к о р з и н ы!»*

** Алька сообщает: «Бабушка Зина родила папу и дядю Саиу!» Игорь растерянно: «А почему это она родила чужого дядю?!» В понимании Игоря за словом «дядя» пока скрыт не родственный статус, а нечто чужеродное, вот он и недоумеает.*

** Шестилетний Алька уже читает всюю! И в этом есть своя прелесть. Слышим его призыв: «Смотрите, смотрите, стихи!» Подходим к объявлению, вывешенному на стене кинотеатра, расположенного рядом с нашим домом. Алька читает: «Кинотеатру «Мир» требуется кассир!»*

** Алька закончил первый класс на все пятерки и получил похвальный лист. Игорь разглядывает нарядную бумажку и упрекает меня: «Ну почему ты не могла родить меня первым?!»*

** Увидел Игорь, что в чае чайники плавают, и кричит восторженно: «Мама, смотри, в чае — в е с н у ш к и!»*

** Ярик задумчиво смотрит на потолок и спрашивает папу: «А корова холодное молоко р о ж а е т?»*

...Правда, не всем. Ярослав, которому тогда было года четыре, уплетая оладьи со сметаной, с удивлением поглядывал на братьев, горячо дискутирующих о «плане», но в разговор не вступал...

Иногда в мышлении детей я натываюсь на замечательные парадоксы. Подходит, например, Игорь к Альке, который только что провел циркулем окружность, и спрашивает: «Алюня, а как ты провел в тетради — в о к р у г — п р я м у ю линию?»

Если для искушенного ума прямая линия может иметь другое состояние — «свернуться калачиком» и стать окружностью, то для ума Игоря окружность — это, в сущности, прямая линия, только непонятным ему образом изогнутая в круг! Вот он и спрашивает брата, «как это удалось сделать?».

Дети родились в эпоху, которую мы называем «современной» или «эпохой научно-технического прогресса». К таким эпитетам нашего времени привыкаешь и не замечаешь того влияния, которое оно оказывает на мышление твоих детей, причем, казалось бы, в совершенно неожиданных ситуациях.

Читает Алька рассказ в «Родной речи». Сын завершает вторую четверть третьего класса, и на уроках их уже учат анализировать художественные тексты. В рассказе повествуется о том, как мальчик в грозу спрятался в лесу под дубом, но дерево от сильного ветра упало и мальчика зашибло ветками.

Составители учебника предлагают вопросы в конце рассказа, полагая, что школьник будет последовательно отвечать на них и таким образом научится анализировать развитие сюжета, поведение героя. Составители задали вопрос: «Какую ошибку совершил мальчик?», полагая, что ребенок из текста рассказа должен узнать, что при сильном ветре и тем более грозе прятаться под кроной дерева — опасно.

Терпеливо жду, когда Алька ответит на этот вопрос и продемонстрирует верное восприятие текста рассказа и его понимание. Но дидактика потерпела полное поражение! «Мальчик, — говорит Алик, — совершил грубую ошибку: он пошел в лес, не прослушав по радио прогноз погоды!» Можно ли было предположить, сколь прочно врос в ум моего школьника, современного ребенка, навык пользоваться услугами Гидрометеоцентра?

** Папа разговаривает по телефону с абонентом, который ему не слишком приятен или излишне надоедлив. Разговор как-то не клеится. Рядом усаживается Ярик, прислушивается к разговору и, как оказалось, не просто прислушивается, а берет на себя роль суфлера:*

Папа: Да нет, я в этом году расклеился совсем. (Ярик вполголоса «подсказывает»: «У тебя болела нога».) У меня болела нога... А в начале лета, когда было тепло, мы смотались на озеро, да... (Ярик: «И ты там отлично

*Ярик задумчиво смотрит на потолок и спрашивает папу:
«А корова холодное молоко рождает?»*

отдохнул»). Да, и я там отлично отдохнул. Невероятно, но факт!

* Алька в восемь лет «изобрел» отличный образ: «Реактивный самолет царапает небо!»

* Ярик спрашивает меня: «Мама, а почему у тебя на работе сердитый цыган?» Долго ломала голову, пока не поняла, что малыши имеют в виду декана, о котором я рассказывала Олегу, жалуясь на несносный характер моего начальства...

* Игорь смотрит на парня, косящего траву. Что-то ему нравится в этой работе, и он говорит с восхищением: «Смотри, какой косер!»

* Игорь наблюдает, как папа разогревает паяльник, собираясь отремонтировать утюг. Подходит Ярик. Игорь сообщает ему, показывая на провода: «Их надо запаялить».

* Ярик от Алика уже знает, что на небе есть созвездие, которое называется Большая Медведица. Задирает голову и спрашивает меня: «Мама, а где тут Большая Медведица?» Я показываю ему: «Вон, видишь ковшик? Это она». Ярик неумолим: «А где же медвежонок?»

* Появился у нас кот по прозвищу Гвоздик. Подрос, растолстел. Однажды папа взял его на руки и произнес восхищенно: «Какое удивительное существо!» Алик «поправил» папу:

«Гвоздество», папа!»

* Смотрим в цирке, как пони бежит по кругу и фыркает. Игорь жалостливо: «У лошади насморк, она все время носом шмыгает!»

* Игорь говорит Ярику угрожающе: «Я тебя победю!» Тут же засомневался: «Побежу!» Это слово опять не устроило его. «Побегу!» И тут же себя остановил: «Нет! Нет! Не так. Победю!»

* Папа инструктирует Игоря перед выходом на улицу, как переходить дорогу на светофоре: «Смотри во все глаза!» Игорь хохочет: «Папа, у меня только два глаза!»

* Пример ранней дипломатии ребенка. Бабушка подходит к Игорю и ведет с ним переговоры: «Хочешь, я тебя возьму в гости... Или Ярика взять, а?» «Ты берешь, ты и выбирай», — уклончиво отвечает пятилетний Игорь. Это значит, что у него есть свои планы, но отказаться открыто от предложения бабушки он не решает.

* Ярик говорит: «Ближе — дальше» вместо «дальше».

* Игорь слепил из пластилина кавалериста-конника и назвал его «солдак оном». Конечно, дело в слове «конь», однако, наверное, слышал и «похожее» слово «солдафон».

...Еще один пример следов прогресса в мышлении современного ребенка. Сидит все тот же ученик третьего класса Алюня за учебником истории. Он должен изучить карту Полтавского сражения и с помощью авторов учебника кое-что усвоить из истории Российской империи. И тут я

слышу его восторженный вопль: «Мама, мама! Тут телефон Петра Первого записан!» Потрясенная сообщением сына, я всматриваюсь в цифры: 25-27.06 и думаю, что, печатая их в т а к о м порядке, составителям и во сне не могло присниться, какие ассоциации могут возникнуть в уме современного мальчугана, отлично усвоившего, например, наш домашний номер телефона: 33-03-63. Дефиски и точки — это мелочи! То, что великий самодержец давно умер, в уме моего пацанчика не удержалось. Главное — набор цифр, моментально вызвавших у мальчугана семидесятих годов двадцатого века ассоциацию с номером телефона. Ну, а раз так, стало быть, «номер телефона» царя Петра Первого — налицо! Осталось только осмелиться и позвонить царю!

Сижку, листаю книгу. Подходит Алька:

— Стихи читаешь?

— Да...

— А кто автор?

— Фет...

— ФЕД? Это же фотоаппарат такой есть! Наверное, он фотоаппарат изобрел и стихи написал...

Пришлось папе срочно внести ясность в этот вопрос. Случается, что продукт технического прогресса не вызывает у Алика соответствующих ассоциаций. Скажем, самовар старший сын уже не видит глазами современного человека. «Я смотрю на самовар, — говорит он, разглядывая никелированное чудо, подаренное Олегу в день его сорокалетия, — и мне кажется, что он, как человек: вот нос, а вот уши...»

В тот же день читаю ему о приключениях бравого солдата Швейка, и он, услышав: «Швейк сказал, что ему на голову упал метеорит — и никакого последствия не случилось!», не рассмеялся, а очень серьезно прокомментировал: «Это, наверное, был не метеорит, а микрометеорит! Если бы на голову Швейку упал метеорит, от него ничего бы не осталось!»

Причудливо переплетаются в уме моего восьмилетнего мальчика фантазия и современная информация об окружающем мире, когда самовар может возбудить эмоции, а упоминание о метеорите — «включить» рассудок...

* Папа взял Ярика на руки и любовно «обозвал»: «У, шестеренка!» Игорь тут как тут: «Папа, он п я т е р е н к а! Ему п я т ь лет!»

* Гвоздик улегся в коробку, свернувшись клубком. Алик заметил: «Наши Гвоздик любит о т д е л ь н о с т ь».

* Наши дети часто показывали кукольные спектакли. Однажды Алька спрашивает: «Когда же мы будем к у к л о т и р о в а т ь?»

В день рождения, глядя на большое количество подарков, Алик говорит восторженно: «Я сегодня такой о д а р е н ы й мальчик!»

* Дети о папе. Алик: «Наш папа — писатель, он пишет книги». Ярик поправляет брата: «Наш папа — писатель и читатель! Он читает лекции».

Алик протестует: «Он не читатель, он л е к ц и о н е р!»

* Пожелание Ярика папе в день рождения: «Я хочу, чтобы тебе еще раз было сорок лет!» Потом он разразился «стихотворением»: «Папочка, тебя люблю я — три поцелуя!»

* Афоризм Алика, представленный на суд папы: «Природа — главное свидетельство о том, что мы — живем!» Папа был просто сражен и тут же записал уже в свою записную книжку. «Покажу студентам: пусть поучатся, как лаконично можно мыслить!» — сказал он мне шепотом, наверное, чтобы автор не зазнался...

* Уточняя слово «кляп»: «Это тоже пробка, только во рту». Алька уточняет: «Он т р я п ч а т ы й?»

* Ярик сообщает, держа в руках книгу детских стихов: «Эту книгу написал писатель, нарисовал — рисователь, а стихи написал — п о э т е л ь!»

* Увидел Алька в цирке джигитов на лошадях и в бурках: «Мама, а почему джигиты костюмы вместе с вешалками носят?»

* Игорь играет с Яриком в какую-то игру и требует от него: «Овца, иди за мной!» Алик спрашивает с недоумением: «А кто он?» Игорь отвечает: «Ты что, не видишь? Это з а м н о й н а я овца...»

* Игорь говорит мне с недовольством: «Ты что, дала мне п р о ш л о - л е т н и е брюки?»

* Игорь говорит Алику: «Пойду в отставку, а если надо будет — опять в приставку!»

* Поругал папа Альку за шалости и спрашивает: «Ну, ты все понял?» Тот отвечает: «Понял!» Папа все-таки решил уточнить: «Что ты понял?» Старший сын без запинки отпарировал: «Я понял, что очень трудно писать книги и чтобы дети не выросли дураками!» Кстати, прихожу домой, вижу такую картину: папа сидит за пишущей машинкой и строчит, как из пулемета. На плечах у него, свесив ноги и чуть ли не касаясь стопами клавиатуры, сидит семилетний старший сын с пластмассовым ружьем. Спрашиваю: «Это что такое?» Алька отвечает спокойно: «Я на тачанке белогвардейцев расстреливаю...» Насмотрелись фильмов?

Папа стонет: «Представляешь, час канючит: «Дай посидеть, дай посидеть... А у меня завтра сдача последней части книги в издательство». Вот так...

* Иду с Яриком мимо магазина, и он спрашивает: «Мама, у тебя есть деньги?»

«Нет», — говорю я. Ярослав посмотрел на меня с сочувствием и спросил: «У тебя их папа забрал?» Не знаю, откуда у четырехлетнего малыша возникла такая «экспроприаторская» гипотеза насчет папы? Наверняка влияние «внешнего мира»...

* Ярик придумал слово и вместо «голый» говорит: «Я — попый!»

** Ярик с удовольствием смотрел в свои пять лет фильм «Красное и черное». Имя героя Жюльен «вошло» в него. Сидим смотрим какой-то фильм с криминальным сюжетом. Ярик спрашивает: «А кто это?» «Жулик!» — лаконично отвечаю я. Ярик обрадовался: «А! Это Жульен, да?» Мне и в голову не пришло, что это французское имя можно так здорово сократить!*

** Трудный путь к познанию терминов. Алик рассуждает полувопросительно: «Мама, правда, термометр — это который меряет мне температуру, а градусник — это который на улице градусы показывает сантиметрами?»*

** Ярик: «У меня в глазах — соньки...»*

** Игорь: «Мне такой длинный сон снился, что я еле проснулся».*

** Наблюдения Алика: «Тучи крадутся, совсем как кошки...»*

** Сидим с Олегом на кухне, разговариваем. Не замечаю, что Алька сидит на полу, играет с машинкой. Где-то в детской слышны голоса Игоря и Ярика. От этой мирной картины нашего папу потянуло к философии. Слышу вопрос Олега: «Таня, как ты думаешь, любовь никогда не умрет?» Отвечаю: «Как чувство всечеловеческое не умрет. А как чувство человека конкретного — может умереть...» И тут слышу голос старшего сына, которому накануне исполнилось семь лет: «Папа, правда, грустная мысль?»*

** Игорю четыре года. Он приходит ко мне и жалуется на нашу Кнопочку. «Мама, почему я говорю киске: «Идем играть!», а она не идет?» «Потому что она тебя не понимает...» Настаивает: «Но у нее же есть уши!» С некоторой растерянностью уточняю: «А разве она ушами думает?» Игорь убежденно: «Конечно же, ушами!» «А ты?» — вопрос вырвался у меня произвольно... «Я тоже ушами думаю!» Не результат ли это нашего обычно сердитого обращения к ребенку, который не двигается с места, когда его зовут сделать что-то важное и нужное, и мы возмущаемся: «Ты что, не слышишь, что тебе сказали?» Стало быть, если слышишь ушами, значит, и думаешь ушами. Буду теперь говорить иначе... Например, так: «Ты что, не слышишь, что тебе сказали?»*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ *Когда малыш пробуждается...*

Это — прекрасная минута, когда малыш пробуждается ото сна! Может быть, я пристрастна, хотя иначе и быть не может, но мои дети были удивительно хороши в миг, когда просыпались...

Теплое, мягкое, удивительно «вкусное» существо смотрит распахнутыми, как вымытые окошки, глазами, и радостно тебе от того, что это твое дитя, на твоих, родительских руках. Позже, когда его уже не возьмешь на руки по причине веса и роста, исчезает умиление, возникшее в дни их младенчества и детства...

Алька — прелесть, потому что у него румянец во всю щеку! Игорь — потому, что в глазах его моментально загорается озорной огонек. Недаром мы между собой, вслед за бабушкой Зиной, зовем его Огонечек! Ярик — лапушка, потому что он после сна бесконечно ласков и нежен. Особенно по утрам. Именно от него первого мы слышим с папой: «Доброе утро!» Но чудеса после пробуждения — впереди!

Итак, дети проснулись, наградили меня ароматом, теплом, уютом детских объятий. Детки умылись, сели за стол, завтракают. Чаще всего завтрак, как, впрочем, и ужин, превращались в нашей семье в подобие клуба. Каждый наш ужин, особенно в воскресенье, — время раздумий, советов, подведения итогов прожитого дня и, конечно же, «выговоров» за проделки и явные грехи. Но с большим интересом мы обсуждаем, конечно, «проблемы», даже если это обыкновенная заноза, невеста как попавшая в пятку кого-то из моих вкусных юргашек.

Очень скоро я отметила, что предметом наших «парламентских дебатов» все чаще становились увиденные сны. Признаюсь, видеть и рассказывать сны мы любили все. Конечно, до языческого страха и трепета не доходило, но для нас сон являлся как бы полотном, на котором неведомые силы рисовали красочные картины наших прошлых переживаний или будущих надежд и тревог.

Во сне происходили важные события, случались неожиданности, и, конечно, героями сновидений были мы сами. Охотнее всего сны рассказывали дети. Мы с папой слушали их фантастические сюжеты и понимали: это тоже... творчество и в нем — следы прошлых, настоящих обстоятельств и фактов нашей жизни.

Обычно вечером, перед тем как лечь спать, начинался ритуал. Папа приходил к детям в комнату, иногда один, иногда вместе со мной. Если

папа задерживался на работе, приходила пожелать спокойной ночи только я. Пожелания и у меня, и папы были обычными и нежными: «Спокойной ночи, Алюня, Игореша, Яруся». «Спокойной ночи, мамочка и папочка», — слышим в ответ. Целовали мальчиков, и они тоже прикасались к нам своими теплыми, влажными губами. Нередко я добавляла: «Пусть вам приснится рыжая собака Марья Ивановна».

Когда я впервые услышала такое пожелание, а произнес его Олег, очень удивилась. Муж объяснил мне, что рыжая собака Марья Ивановна — символ чего-то очень доброго, сердечного, что должно сопутствовать во сне маленькому спящему человеку. Мне образ понравился, а когда однажды у подружки я увидела пушистого, рыжего шпица-самку по кличке Марьяна, мне и вовсе показалось обязательным пожелание детям увидеть ее во сне, чтобы она нашептала им свои смешные истории или терпеливо выслушала их, а может, и утешила, если в неведомых далях сновидений неожиданно случится с нашими малышами неприятность.

Мальчики очень быстро «раскусили» мое желание поскорее услышать их рассказы о тех приключениях, которые случились с ними во сне. Правда, я и не скрывала от них своего любопытства и нетерпения.

...Начало рассказываемого ребенком сна может быть действительно следом какого-то приключения, «увиденного» дремлющим мозгом, или отпечатком пережитого детьми сюжета из их жизни. Это может быть толчком к фантазиям уже «по мотивам сна». Мне так кажется. Ну и пусть! Сон увлекает чувства и разум ребенка, подталкивая их к творческой «работе», когда малыш спит.

...Одно время Алька очень боялся Бармалея, ему хорошо известного по сказке К. Чуковского «Доктор Айболит». Не помогало даже то, что папа мастерски читал историю про доброго доктора Айболита, стараясь разбойника Бармалея представить как можно комичнее. И вот однажды просыпается Алька и рассказывает, что видел во сне... Бармалея. Я сразу насторожилась, но сын не плачет, не ужасается, как это накануне было не раз. Нет! Трехлетний малыш деловито рассказывает, что он ходил по берегу реки Лимпопо с Бармалеем и тот срывал бананы и... угощал Алюню. Дальше — больше! В Алькиных снах Бармалей полностью потерял свою свирепую сущность и очень скоро стал для него чуть ли не близким другом.

Рассказывает:

— Я видел сон, когда спал...

— И что же ты видел?

— Я видел Бармалея, мы сидели с ним у него в квартире... Да, в собачьей будке (?!).

— Значит, Бармалей живет в собачьей будке? — оторопела я.

— Да, — отвечает сын, — тот, «сонный», Бармалей...

Да, это удивительно прекрасная минута, когда малыш пробуждается ото сна! Может быть, я пристрастна, хотя иначе и быть не может, но мои дети были удивительно хороши в миг, когда просыпались...

Сын вошел во вкус и, видя, с каким интересом я слушаю его утренние истории, рассказывает мне все новые и новые сны. И, честное слово, не хочу задумываться над тем, видел он их или откровенно фантазирует, сочиняет. Хочу просто слушать сына. Мне действительно интересно!

— Я видел сегодня ночью много снов. Видел маленькую, беленькую, кудрявую собачку. Она как будто сидит на стульчике рядом с моей кроватью и со мной разговаривает...

Замечаю про себя, что это не рыжая собака Марья Ивановна. Предполагаю, что, наверное, это собачка из цирка. Мы как раз в прошлую субботу в цирк ходили. Спрашиваю:

— И о чем же она с тобой говорила?

— Она говорила собачьим голосом, а вот о чем она со мной говорила, я не расслышал, мама. Не успел — проснулся.

На моем лице, наверное, было написано явное разочарование от того, что не услышала его разговор с собачкой. Вижу, глядит на меня Алька хитро-хитро!

— Это шутка такая... Смеется.

Решила уточнить:

— Это про собачку шутка?

Однако мне показалось, что ему самому от этого правдивого признания в лукавстве стало невесело. Сочинить что-то завлекательное, сразу после пробуждения, чтобы мама заслушалась, — не получилось! Но как же хотелось внимания заинтересованного слушателя! Сыну не хотелось врать, повторяться, пересказывать сейчас маме что-то из уже слышанного ею. К правдивости в нашей семье мы вызываем денно и нощно. Снисходительно его целую — ладно, в следующий раз что-то, может, и привидится интересное!

Однажды в воскресенье, за завтраком, когда не надо спешить на работу и можно все изобразить в лицах, как это мастерски умел делать наш папа, услышали мы его историю, которая «приключилась» с ним во сне.

— Я видел во сне нашу маму. Она скакала на лошади и кричала «Ура!»

Алька, ему было уже пять лет, тут же взволнованно вскакивает и с восторгом кричит: «Папа, папа, и мы тоже слышали!» Такое «соавторство» в порядке вещей, если оба — отец и сын — большие фантазеры.

Возникали и забавные ассоциации сна ребенка с реальностью. Алька рассказывает: «Лечу я на коньке-горбунке...» Я спрашиваю: «Наверное, когда тебя конек-горбунук поднял высоко в небеса... холодно было?» — «Да!» — отвечает сын уверенно. «Это с тебя одеяло сползло... — иронически уточняет папа, — и ты замерз». Мы весело смеемся, и Алька тоже, уже явно понимая все эти «реальности».

Конечно, и теперь братья очень ревниво следили за авторскими правами на свои рассказы о «сонных приключениях». Хитрюнчик Игорь мог через

неделю «увидеть» во сне то, о чем уже рассказывал Алень. Хорошо, если плагиат прозвучит в отсутствие автора. Но если Игорь потеряет бдительность, автор немедленно потребует «сатисфакции».

Каждый из детей рассказывает о своих снах по-своему, с присущим ему подходом ко мне, их главной слушательнице.

Ярик, едва проснувшись и увидев меня, тут же начинает:

— Доброе утро, мама! А я видел такой сон: я во дворе катаюсь на слоне. Слона зовут... Вася.

Ох уж этот Вася! Был у нас и микроб с таким именем. Папа, требуя мыть руки перед едой, частенько разыгрывал малышку, поднимая в ужасе брови и восклицая: «Вон бежит микроб Вася! Он несет в зубах грязь и сразу! Скорее мыло в руки и смыть его в канализацию!»

На этот раз Васей оказался слон. Ярик продолжает: «...сам я катаюсь на лошади. Ее зовут Красавица. Слон, когда меня увидел, очень удивился...» Почему удивился слон Вася и как во двор, где он гулял, попала лошадь Красавица, а особенно что же было дальше, узнать не удалось, потому что сон Ярика может неожиданно «оборваться». Он умолкает и — никаких подробностей от него уже не услышишь. То ли сон действительно кончился, то ли иссякла фантазия...

И все же на завтра или дня через два-три Ярослав может продолжить рассказанные накануне сны и, как ни странно, в точности напоминает мне конец той его части, на которой прервал свой рассказ. Ну как не позавидовать малышу? Его сон может продолжаться и три, и четыре, и пять дней, превращаясь в многосерийный фильм.

Ярику — четыре года, и слушать о его приключениях во сне мне очень интересно. Память малыша меня удивляла. Однажды шутки ради спрашиваю его: «Посмотри, пожалуйста, Яруся, еще раз свой вчерашний сон. Уж очень он мне понравился!» Сын обещает с готовностью: «Хорошо, мама...» — и на завтра рассказывает мне то, что «видел» день или два назад. Правда, случаются и «проколы». Говорит немного смущенно: «А на каком месте я остановился вчера?» Обычно он спрашивает об этом, укладываясь спать, собираясь отправиться в царство Морфея, как в далекое увлекательное путешествие. Тут уж и мне нельзя упасть в грязь лицом, слушать стараюсь внимательно, чтобы сыну помочь припомнить «избранные места» из его сновидений.

Однажды, по просьбе автора вспоминая его утренний «репортаж», я допустила «отсебятину». Ярик страшно обиделся: «Нет, ты не то рассказываешь! Я это не видел, я другое видел!» Напрягаюсь, вспоминаю, рассказываю. Теперь — в точку! Поворачивается на бочок со словами: «Ладно, завтра расскажу, что дальше там было...» — и тут же засыпает.

Бывает, что на завтра, проснувшись по утрам, Ярослав молчит. Деловито

одевается и ничего не сообщает о своих «путешествиях» в сонное царство. Так же молча завтракает и, если остается по каким-то причинам дома, идет играть в свою комнату. Я ни о чем не расспрашиваю, потому что уже по опыту знаю: сын сам сообщит, почему в этот раз ничего мне не рассказывал. И точно, через час-два подходит ко мне и говорит доверительно: «Я ничего мама не рассказал тебе, потому что просто этот сон не видел. Вот посмотрю сегодня ночью и завтра тебе все расскажу».

Пятилетний Ярослав иногда мог нас своими сновидениями и ошарашить. Встает как-то: «Доброе утро!» — и тут же сообщает — на этот раз и папа Олег был дома:

— Мама, папа, мне очень красивый сон приснился! Меня такая красивая женщина полюбила!

Папа очень натурально вздыхает.

— Как я тебе, Ярик, зави-и-и-идую!

Сын утешает:

— Ничего, папа, тебе скоро тоже она приснится!

Вот так-то!

Да, мы слушаем сновидения детей не только ради забавы или из праздного любопытства. Нас не смущает, что в «оболочке сна» может скрываться сиюминутная фантазия ребенка, которая пришла на ум сейчас, в миг рассказа кого-нибудь из братьев о своих приключениях в царстве Морфея. Я даже убеждалась, что, рассказывая сон или даже сочиняя фантастическую историю, ребенок обнаруживает что-то им усвоенное или «застрявшее» в памяти, возможно, такое событие, которое приключилось в реальности или было кем-то рассказано во дворе, в школе, в садике. Даже что-то увиденное в кино, прочитанная нами книга могут вызвать в их снах невероятные фантазии. Кто знает, какой «миксер» смешивает в их внутреннем мире впечатления каждого дня жизни, но слушать их «коктейли» из снов мне очень интересно и даже поучительно!

Альке — четыре года. Он знает слово «фашист», его смысл, хотя и в своем, ограниченном, но в общем-то верном смысле, олицетворяющем зло. Понятие это у него отчетливо ассоциируется с именем Гитлера, со словом «война» и очень часто — с образом сожженных детей. Знает свастику, то есть чей это был символ. И вот однажды, сразу после утреннего пробуждения, говорит мне:

— Я видел сон про фашистов, про тех, которые детей убивают, сжигают их.

— А что ты во сне делал?

— Я с ними сражался! Была большая огненная война, и я фашистов убивал!

Рассказывает горделиво, но, по-моему, как-то отстраненно. Наверняка

в его рассказе — отпечаток фильмов про войну, фрагмент одного из которых крепко «впился» в его детскую память, ну а «участие» в благородном сражении со злом — неизбежно! Как же иначе?

Если Ярик рассказывает, как по написанному, громко, то Алька любит подойти ко мне близко-близко, прикрыть ладошкой мое ухо и доверительно рассказать свою «сонную» историю. Правда, он долго не выдерживает такой «интимной» обстановки. Желание расширить аудиторию берет верх. Игорь и Ярик, если уже «отстрелялись», рассказали свое, внимательно слушают брата. Однако Игорь не выдерживает. Ему быстро надоедает пассивная роль слушателя, и он начинает ерзать. Без всеобщего внимания к себе ему трудно!

Случается, что Алька позволяет ему прервать себя. Правда, такое случается редко. Если Игореше удастся дорваться до «трибуны», он тут же начинает рассказывать какую-то свою «новую-старую» историю, однако... быстро иссякает. Или бдительная «аудитория» безжалостно разоблачает его: «Ты это уже вчера рассказывал!» Тогда Алька полон праведного гнева, мол, уступил «трибуну», а он, этот Игореша... И снова требует к себе внимания. Поначалу, попав впросак, Игорь смущается, но через секунду сообщает: «А я думал, что вы про это еще не слышали! Теперь я расскажу, что видел сегодня!» Но недоверчивая «аудитория» просит помолчать и готова слушать Алика, которого Игорь прервал.

Манера изложения обычно соответствует сюжету сна, который рассказывает ребенок. Если излагается какое-то виденное во сне приключение, малыш, едва ли не глотая слова, стремится заразить нас, слушателей, теми переживаниями, которые якобы он во сне испытал. Ино-гда сон рассказывается спокойно, размеренно, с подробностями. Тут уж я рада делать пометки в своей тетради, не рискуя что-то потерять по ходу повествования.

Дети нередко рассказывали сны, в которых они видели себя преодолевшими какие-то реальные и сложные для них проблемы, с которыми жизнь сталкивала их, как говорится, лицом к лицу. «Мама, — говорит Алька, — я видел сегодня во сне, как Ирина Александровна поставила мне пятерку за красивые буквы». Лицо у старшего сына мечтательное, в глазах — надежда. Увы! Не всегда ему давалось чистописание, и буквы непослушно раскорячивались в разные стороны. Нередко папа, который строго следил за прилежанием при заполнении прописей, сердился, и сын за нерадивость получал «штрафные очки». И во сне мальчик видит, что наконец-то самая неприятная на это время проблема «решена»!

Рассказала об этом случае Олегу. Он меня предостерег. Да, ребенок хочет удовлетворить свои и наши желания: показать, что у него все получается, однако работать с напряжением и старанием пока не приучен, а успеха то ох как хочется! В итоге возникает конфликт между желанием хорошо выполнить трудное задание учительницы — аккуратно написать

прописи — и пока еще слабыми навыками в аккуратности и усидчивости.

В таком случае во сне и возникает иллюзия достижения цели. Папа считал, что мне, как «доверенному лицу» автора сновидений, надо осторожно, но настойчиво внушить, что сон может быть «в руку», но только если Алька хорошенько поработает. Это — установка разуму: проблему можно решить! Однако, работая наяву, надо хорошо постараться! Если же все оставить без внимания, то у ребенка после приятного для него сна может возникнуть ощущение достигнутой цели и появится иллюзия решения проблемы...

Я не спорила, но мне показалось, что уж слишком далеко он заглядывает и слишком придирчиво оценивает такой мимолетный след в детской душе, как сон. Пусть даже такой «тематический», как вожденная «пятерка», якобы полученная за «неподдающиеся» прописи.

Прошло немного времени, и я поняла, что поспешила с такими выводами. Даже стала задумываться над тем, как мне научиться, не отвергая прелесть фантазии дремлющего сознания и чувств, увидеть в снах моих мальчиков действительные их заботы, боль и надежды.

...Воскресенье. Сидим завтракаем всей семьей. Игорь — мрачен. Он у нас уже заканчивает первый класс. Ему нелегко, потому что в классе он — самый младший и по росту самый маленький, потому что отдали мы его в школу в шесть лет. Наступило время, когда шестилеток брали в порядке эксперимента, да и то в отдельных, специальных школах. Папа подготовил сына хорошо. Игорь читал, прекрасно обращался с цифрами и вообще был очень сообразительным мальчиком. Наш мальчишка гордился тем, что пошел в школу, когда его сверстники еще «дохаживали» в детский сад.

Однако школьные будни заставили Игоря почувствовать не только учебные нагрузки, но и отношение к нему учителя и одноклассников.

Тренинги с учительницей возникли у нашего непоседливого мальчишки с первых же месяцев учебного года. Просидеть урок для него оказалось делом нелегким. Понятно, что в классе требовалось послушание, прилежание, и учительница Игоря добивалась этого довольно строгими методами. Дисциплинарные записи в дневнике нашего второго ученика стали появляться в таком количестве, что мы едва успевали их прочитывать и как-то урезонивать нашего среднего сына! Конечно, нас это тревожило, хотя мне, например, казалось, что учитель предъявляет дисциплинарные требования к малолетним ученикам уж слишком прямолинейно и однообразно! Дети же не роботы!

Олег считал «дисциплинарный пресс», в который попал Игорь, делом нормальным и не особенно тревожил, когда сын приносил записи. Внимательно выслушивал оправдания нашего пацанчика и мягко просил «не расстраивать учительницу». Я расскажу подробности школьных будней в отдельной главе, а теперь о сне Игоря в эти трудные для него дни...

Детки пробудились, умылись, оделись, сели завтракать, а с ними и мы с папой. Сегодня воскресенье, все в сборе. Ну и, конечно, или я, или папа задаем традиционный вопрос: «Кто и что видел сегодня во сне?» Сны оказались очень краткими, ну совсем как ролик кинохроники. Ярик рассказал о червячке Грише, имя «Вася» у него уже не в почете. Гриша выполз из земли и рассказал, как его чуть было не поймали рыболовы для наживки. Алик сообщил, что видел ночью только прописи. Бедняга! На тетрадных строчках плясали буквы и дразнились!

Игорь мрачно молчал. Я спросила о его сне, и мой Игорь... расплакался. Мы всполошились. Что случилось? Немного успокоившись, он стал рассказывать, хотя и очень неохотно, о своем сне. Чувствовалось, что ему рассказывать очень не хочется, и я готова была уже оставить его в покое, рассчитывая чуть позже выяснить причины такого горестного настроения. Но он, вытерев слезы, стал рассказывать.

Ему приснился его класс. Вызывают к доске, а он идет к ней и не знает, как решить задачку, которую задала учительница.

— Я стою у доски, думаю, а на меня смотрит Сашка Лазарев и рожи корчит! Я не могу решить задачку, а он дразнится!

Все-таки не выдержал наш мальчишка, опять расплакался. Слезы в три ручья. Решили больше не докучать ему. Пропустив мимо ушей беды Игоря, братья убежали играть во двор, а он, горестно вздохнув, стал смотреть мультики.

Попештались мы с папой и решили, что надо мне идти в школу, разведать обстановку. На другой день отправилась туда с сыном. Объясняю причину: «Хочу посмотреть, как у вас в школе на перемене, весело?» Лукавлю намеренно, чтобы мой приход не слишком был связан с его проблемами. Сын, кажется, настроен бодро. Шагаем по солнечной улице, я слушаю его щебет и думаю, как мне построить разговор с учительницей, но не на «больную» тему дисциплины нашего школьника, а чтобы посмотреть на Сашу Лазарева, «пробравшегося» в тревожный сон моего сына.

Приходим в школу. Так как мы особо не спешили, на первый урок опоздали. Пришлось подождать звонка. Сидим в холле, молчим. Смотрю я на сына и, быть может, впервые серьезно задумываюсь о том, что жизнь ребенка в каждую минуту его бытия в этой «формальной системе», как называют иногда школу наш умный папка, наполнена такой массой событий и переживаний, что, в сущности, ему не удастся расслабиться и побыть самим собой!

Мы — взрослые — гораздо искушеннее во взаимоотношениях со своими «формальными системами», в которых живем и трудимся. Что-то нам удастся «вытеснить» из ума, на какое-то событие просто не реагируем, можем, наконец, отвлечься, на худой конец, рюмку опрокинуть!

Ребенок переживает все! Поначалу происходящее в классе для него — событие! Тот же вызов к доске, чтобы задачку или пример решить. Наверняка ребенок переживает, ощущая себя объектом внимания двадцати с лишним человек. Событие эхом отзывается в его памяти, в чувствах, расплзается по лабиринтам его мозга и нервов...

— Что-то у вашего сына не ладятся отношения с классом. Правда, он и сам отчасти виноват в этом, — говорит учительница, высокая чернобровая дама с манерами отставной оперной певицы. — У него странное поведение: его ругаешь, а он... улыбается! Не могу понять вашего мальчика, — разочарованно вздыхает она. И тут же без всякой связи с предыдущей репликой жеманно улыбается и гладит Игоря по голове.

Прошу сына отойти в сторонку. Он с удовольствием убегает в класс. Мне хотелось поговорить с учительницей откровенно, и я рассказала ей сон Игоря. Смотрю — смеется. Искренне, весело...

— Ну вот видите, как бывает! Это ж надо! Действительно, так и рассказывал? Странно, право... Впрочем, ничего особенного в этом не вижу, это ж дети, что вы от них хотите...

Решила разговор далее не развивать. Уходя, махнула Игореше рукой. Тот, сидя за своей партой, подмигнул мне, весело улыбнулся.

Кстати, Саша Лазарев в тот день болел. Так я и не увидела пацанчика, который «рожи корчил» нашему сыну наверняка не только во сне — наяву, когда у Игоря задачка у классной доски никак не решалась...

Шла домой, корила себя, что не сумела разговорить учительницу, убедить ее в том, что слезы ребенка заслуживают более серьезного внимания, чем наша обыденная реакция на «детские глупости». Стоит задуматься и над взаимоотношениями детей в классе, особенно если учесть, что Игорь — шестилетка и все ребята в классе на год старше его. Неудовлетворенность от разговора с учительницей меня не оставляла.

Папа решил применить свои методы в этой ситуации. Возможно, рассуждал он, у Игоря и существует проблема взаимоотношений с одноклассниками, но раз уж он учится в школе, ему придется приспосабливаться! Нам, родителям, следует научить сына выходить из затруднительных положений самостоятельно, а для этого надо внушить ему... самоуважение.

Олег стал применять «хитрую» тактику. Утром на зарядке папа «официально выдвинул» Игоря на «пост» тренера. Всем сыновьям было «дано указание» слушаться его.

Лукавый малыш моментально оценил прелести своего нового положения. Он то командовал братьями слишком сурово, то помыкал аж самим папой! «Команда» иногда ворчала, но «тренера» слушались все! В общем, какая ни есть, а эта «власть» помогала Игорю самоутверждаться.

Потом, в отсутствие Алика и Ярослава, папа в гостиной стал с Игорем

устраивать на ковре инсценированные схватки. Смысл заключался в том, что папа боролся очень хитро. Сначала он Игоря «клат на лопатки», но потом все чаще и чаще стал жаловаться, что слабеет и вся сила переходит к Игорю. Ну, казалось бы, какие секреты? Наверное, и малыш понимал, что в этих инсценировках больше намеренной папиной игры, чем на самом деле к нему переходит от отца какая-то «сила». Но, быть может, мальчик, проживая напряженные ситуации в классе, нуждался в намеренном внушении ему силы, «переходящей» от авторитетного для него папы? Трудно сказать...

Через неделю-две Игорь заметно повеселел. Тогда же мы с Олегом внимательно следили и за тем, чтобы старший брат не «тюкал» младшего. Стали чаще разговаривать с Алькой об Игоре, пытались растолковать ему, как нуждается братик в его поддержке. Старший, конечно же, не всегда понимал проблемы Игоря. Однако наши с папой просьбы слушал и задира брата гораздо реже.

Тогда же папа стал активнее заниматься с Игорем математикой и чтением. На стене он повесил длинный транспарант с собственноручно сделанной надписью: «Игорь! Поразим твоих противников в самое сердце скоростью чтения и сообразительностью!»

Я решилась уточнить у папы, кто это — противники? Уж не учительница ли? Он поморщился, мол, «не порть песню!», и уточнять не стал. Игорь лозунг прочитал, каверзных деталей не понял, но неожиданно взялся за дело с энтузиазмом, который, впрочем, быстро улетучился. Я-то знала, что особым прилежанием мой парнишка не отличался. Спасали его хорошая память и умение «схватывать» все на лету. Но папа все-таки нашел подход к сыну-сладкоежке.

Раздобыл где-то большую коробку шоколадных конфет, изготовленных в форме разнообразных зверушек. Показал призы Игорю, объяснил, при каких условиях он может добраться до вожделенных конфет, и сластена дрогнул!

Через неделю успехов в чтении и математике поедание шоколадного «зоопарка» пошло такими темпами, что я забеспокоилась, как бы мой сын не заработал какую-нибудь золотуху! Скорость чтения действительно заметно возросла. Учебник арифметики за месяц занятий с папой Игорь почти полностью освоил, хотя до конца учебного года оставалось еще шесть месяцев! Папа радостно потирал руки: «Вот что значит найти верный стимул!»

Однажды Игорь пришел из школы сияющий: «Я читаю быстрее всех в классе!» Дней через пять приносит вторую новость: «У меня в четверти будет пятерка по математике! Галина Аркадьевна сказала, что я настоящий Лобановский!»

— А кто это такой? — искренне удивился папа.

— Это великий русский математик. Так сказала Галина Аркадьевна.

Голос Игоря немного упал, он почувствовал, что папа смеется не зря. Что-то напугал? Папа уточнил: «Лобановский — это великий футбольный тренер, а Галина Аркадьевна, наверное, имела в виду Лобачевского». Нам было радостно, что Игорь праздновал справедливую победу...

Примерно недели через две после этих событий, опять же в воскресный день, сидим всем семейством за столом и завтракаем. Свой сон рассказывает Ярослав. Оказывается, его во сне катал на своих крутых боках воздушный шарик и сажал на пушистые облака. Алька молчал, был хмур, скорее всего, встал не с той ноги. Бывает.

Наконец Игорь, едва сдерживая нетерпение, начал рассказывать.

— Я сегодня видел во сне соревнование по самбо. Зал большой, как в телевизоре показывают. Я участвую в соревновании, а Сашка Лазарев (это тот самый дразнила-кривляка!) не участвует. Я слышу, меня судья вызывает. Выхожу. У меня — большой противник, — сын все больше воодушевляется. — Грудь — во, ручки — во!

И тут Алька изрекает с издевкой:

— Ты что, не на свой ковер попал, что ли?

Это, как я поняла реплику старшего сына, — не в свою весовую категорию.

— Почему не на свой? — не понял Игорь подвоха.

— Потому что, — все так же с издевкой стал разъяснять Алька, — если у твоего противника в с е т а к о е б о л ь ш о е, то он и сам большой, а ты — м а л е н ь к и й! У вас разные весовые категории, ясно?

Поражаюсь, до чего же грамотные у меня дети!

Игорь окончательно растерялся. Он еще не был искушен во всех спортивных тонкостях, поскольку Алька ходил на гимнастику уже полгода, а Игорь на свое самбо не больше месяца. Я замерла! Думаю, сейчас разобидится на брата и мы не узнаем, что же там, во сне, у Игоря произошло. Уже чувствую: совсем не зря сын начал сон рассказывать! Явно туда «просочились» из реальной жизни какие-то его неурядицы.

Выручил папа. «Да ладно, Алёня, не придирайся! Это же во сне происходит, Игорь здесь ни при чем!» Игорь вновь воодушевился и продолжил:

— Здоровается со мной противник и говорит, что зовут его Мухаммед Али.

Тут Алька возмутился!

— Да это же чемпион мира по боксу! Американец. Ты же про соревнование по самбо рассказываешь? Как боксер на твой ковер попал?

Этот «прокол» Игоря обескуражил. Он выдавил из себя: «Мне так показалось во сне, что у него такое имя...»

Как раз в это время Мухаммед Али приехал в Советский Союз и очень часто его показывали по телевизору. Наверняка Алька видел его в

репортажах.

— Ну, Алёня, не придирайся, — снова попытался сгладить ситуацию папа. — Может, во сне у Игоря и был такой противник...

Старший сын махнул рукой, мол, что с вами, невеждами, говорить, а папа продолжал допытываться у Игоря: «Ну и что же было дальше?» Поощренный папой и моим внимательным отношением к его «сонной истории», Игорь продолжал:

— Ну, я стал с ним бороться... — Игорь умолк. Замешательство, возникшее от суровых реплик «правдолюбца» — старшего брата, ему все-таки преодолеть не удалось. Только Ярик слушал Игоря, не спуская с него разгоревшихся глаз. Он даже сел к нему поближе. Видя, что Алька из кухни ушел, Игорь решил закончить свой рассказ.

— Ну, я применил приемчик такой...

Однако ему захотелось показать мне и папе, какой же «приемчик» он применил в схватке с «Мухаммедом Али». Он попросил Ярика поассистировать, и тот охотно согласился. «Противники» встали посреди кухни. Игорь, резко захватив руку брата в локте, быстро подвел ее к спине. Ярик явно не ожидал, что «приемчик» будет исполнен так натурально. Он охнул, а потом жутко взревел и стал медленно опускаться на пол.

На его крик в кухню из детской прибежал Алька. Ни слова не говоря, он ударил Игоря кулаком по лицу:

— Ты что, в своем уме? Самбист!

— Дурак ненормальный, — отчитывал Игоря пострадавший «ассистент». Игорь растерянно моргал, потирая место, куда приложился старший брат. Он не заплакал, а, скорее всего, не знал, что же теперь делать. Утешать Ярика или бросаться с «ответными мерами» к Альке?

Папа при общем гаме и моем «столбняке», в который я от неожиданности впала, сохранял редкое спокойствие. Случившееся могло папу рассердить, так как он строго пресекал драки между братьями, сурово выговаривая каждому после пацанских потасовок: «Нечего кулаками размахивать друг перед дружкой! Никогда не забывайте: вы — братья!»

Сейчас он хладнокровно смотрел на происходящее, будто оценивая последствия «физических издержек» Ярика после «иллюстрации» Игоря.

Я молча ждала, что ж будет дальше. Папа отпил глоток чая, попросил Алику выйти, начал растирать Ярику травмированную «самбистом» руку и, наконец, обратился к автору затянувшейся «сонной эпопеи».

— И все-таки, чем же кончилась ваша схватка?

Вопрос прозвучал настолько искренне, что даже я почувствовала в голосе папы неподдельный интерес. Игорь молчал. Он все еще потирал лоб, куда «приложился» кулак старшего брата. Ярик успокоился и снова готов был слушать брата. Я хотела подойти к Игорю и посмотреть покрасневшее

место на его лбе, но сын быстро шагнул к папе и громко прошептал ему на ухо: «Я победил его!»

Сказав это, Игорь убежал в гостиную, и мы слышали оттуда его громкие рыдания. Я ушла вслед за ним, «зализывать его раны», а папа, позвав Альку, усадил его рядом с Яриком и начал свой, мужской разговор.

Не знаю, о чем он с ними говорил, но поздно вечером, когда все дети уже спали, мы с мужем стали размышлять о том, что еще не все благополучно в «нашем королевстве», да и в классе у Игоря, по-видимому, опять проблемы.

Между тем учиться Игорь стал значительно лучше. Сменила гнев на милость и его учительница. Однако, даже став отличником, сын в классе выглядеть фаворитом не мог! Правда, я не была уверена, стремился ли он к этому? Вряд ли. Однако, вырвавшись в число первых учеников, Игорь так и остался лицом к лицу со «змеем-горынычем» Сашкой Лазаревым. Тот все время подтрунивал над нашим мальчишкой и, явно пользуясь тем, что был значительно крупнее Игоря, постоянно его задирал. Почему?

По натуре наш сын был мальчиком мягким, добрым, но, переступая порог класса, вливаясь в компанию пацанов, тут же чувствовал влияние тех законов, которые уже проявлялись и среди первоклашек. По-требность найти свое место была у каждого одноклассника Игоря. Но ему самому это пока не удавалось. Наверное, он примыкал то к одной группе, то к другой. Саша Лазарев, похоже, не хотел оставить Игоря в покое. То ли он сам утверждался таким образом, то ли ему нравилась робость окружавших его одноклассников. Иначе, как вожаком, он себя не видел!

В итоге, побеждая во сне Мухаммеда Али, Игорь хотя бы «там», в царстве Морфея, одолевал своего «главного» обидчика и достигал пика вожделенного самоуважения! Когда его «соломенная хитрость» была сожжена «испепеляющим» гневом старшего брата, он разрыдался. Наверное, папа выбрал верную тактику — через занятия спортом укрепить характер сына. Усваивая азы самбо, а папа отправил его именно в эту секцию, Игорь постепенно, месяц за месяцем, стал чувствовать себя уверенней и, наконец, научился давать сдачи. Конечно, потребовалось время, чтобы главный противник — Саша Лазарев — понял, что издеваться над Игорем уже опасно! Пока же сон Игоря поведал нам не о реальных его возможностях справиться с настырным одноклассником, а только о мечтах добиться этого.

...Вызывают папу в школу. В этот раз — не меня. Удивилась: почему именно папу? Возвращается домой и еле сдерживает удовольствие. Рассказывает мне почти шепотом в гостиной:

«Учительница недовольна! В классе драка была». Я ужасаюсь: «Игорь дрался?» — «Да!» Олег усмехается. Я нетерпеливо тереблю его: «Причина-то в чем?» — «Да все тот же Лазарев...» Олег снова усмехается.: «Игорь, как

учили его в секции самбо, подошел и сказал Лазареву, что, мол, не приставай и не кривляйся, а то могу покалечить!» Я ужаснулась: «Так и сказал?» — «Ну, может, не так», — Олег пожал плечами. Мои опасения ему явно не понравились. Папе хотелось рассказать в красках, как Игорь проучил обидчика, а я тут со своими охами и ахами. Продолжает: «Ну, Лазарев считал, что наша малявка ему угрожает, дал Игорю подзатыльник. Наш парень тут же свалил Лазарева через бедро на пол, а руку заломил в болевом приеме! Наверное, как тогда с Яриком, перестарался! Стал Сашка орать благим матом! Все пацаны — в хохот, но тут некстати вбегает учительница...

В общем, поговорили с ней. Но, сдается мне, ничего она не поняла. И ты ей объясняла, и я пытался. Но главное не в этом. Что-то в классе теперь изменится в отношении к нашему сыну».

С той поры своих снов Игорь больше никогда не рассказывал. Наверное, побаивался сарказма старшего брата, а может быть, просто подрос, научился свои отношения с классом регулировать и не нуждался в том, чтобы утверждать себя в миражах сновидений. Наверное, Лазарев стал его побаиваться, и теперь никто в классе не смел приставать к самому маленькому, но, как оказалось, «удаленькому» мальчишке.

Психологией я никогда серьезно не интересовалась. В университете сдала экзамен по этому курсу — и все. Муж изучал этот предмет основательно. Написал две книги по психологии управления и десятки острых статей по психологии семейных отношений. На собственном родительском опыте, часто с привкусом горечи, убеждаюсь, что наше невежество дорого обходится прежде всего детям.

Наверняка сны детей вызывают у большинства родителей лишь умиление. Происходит это «под настроение», если есть время послушать нескладные или фантастические, страшные или смешные истории, приключившиеся с детьми во сне.

Однако теперь я уверена: сон — предвосхищение будущих поступков наших детей, отпечаток прошедших событий, новых желаний или потребностей растущего человечка. Мне кажется, надо учиться серьезно осмысливать сны детей, постараться найти в них следы пережитых ребенком событий! Тогда гораздо легче будет предвидеть его проблемы, помочь ему успешно их преодолеть...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ *Веселые «вральки» и превратности фантазии*

Когда я стала искать в первых словах и фразах детей «мысли след», то обзавелась толстым томом с надписью: «Амбарная книга». Листов много — пиши на здоровье!

Труднее было собирать и сохранять бесчисленное множество листков, страничек из альбомов для рисования, запечатлевших мгновения «творческого вдохновения» моих подрастающих сыновей.

Настало время, когда я готова была признать, что рассказывание детьми историй, намеренное переделывание ими читаемых мною сказок, сюжетов детских мультфильмов, рисование картинок, смешных этюдов и есть то, что уже можно назвать словом «творчество».

С наступлением четырех-пяти лет у моих сыновей стало появляться что-то новое. Ум каждого сына преподносил свои сюрпризы. Довольствуясь тем, что дети, как бы между прочим, подбрасывали мне свою «продукцию» в «Амбарную книгу» или в зеленую папку, где хранились их рисунки, размышляя над всем этим «материалом», я понимала, что по своей природе все дети — творцы и мои не исключение! Но считать их в чем-то особо одаренными у меня не было никаких оснований.

Сравнивая записи в тетрадях, где я только начинала в первых словах моих детей «искать мысли след», с нынешними, когда они подросли, я все-таки рискнула на обложке второй тетради написать: «Творчество моих детей». То есть я для себя решила, что настало, пожалуй, время, когда мои дети уже начали с о ч и н я т ь. Они пользуются увеличившимся словарным запасом, следуют «подсказкам» книг, читаемых им папой и мамой или прочитанных самими.

Я, конечно, не строила иллюзий, слушая стишки, истории, фантазии детей. Время моей материнской «бронзы» давно прошло. Разглядывая их рисунки, я видела обыкновенные картинки без каких-либо следов оригинальности или природного дарования.

В музыкальных занятиях Альки и Игоря очень скоро обнаружилось их упорное желание избежать трудностей. Не было никаких намеков что-то сочинить самим, пользуясь уже изученной нотной грамотой и элементарными навыками пользования инструментом: гитарой и балалайкой.

Другое дело — словесное творчество. В нем-то и проявились, как мне показалось, новые грани ума и чувств сыновей, которые нельзя было не заметить.

Настало время, когда я готова была признать, что рассказывание детьми историй, намеренное переделывание или читаемых мною сказок, сюжетов детских мультфильмов, рисование картинок, смешных этюдов и есть то, что можно уже назвать словом «творчество».

Меня очень привлекал сам процесс детского сочинительства, в котором я видела те перемены в уме, эмоциях подросших детей, которые невозможно было не заметить. Тогда же обнаружили и перемены в поведении детей, в их характерах. По-моему, родителям никогда не удастся заранее подготовиться к таким изменениям в личности ребенка.

Точно так же невозможно спокойно относиться к неизбежности наказания повзрослевших детей, уже совершающих проступки, еще невозможные или маловероятные год-два назад.

То, что по мере их взросления менялось и наказание, значило для меня лишь одно: прелесть младенчества, время наивности и простодушия раннего детства уходит бесследно! Оно сменяется неприятными для родителей и вовсе теперь не наивными ухищрениями детей, снисходительно относиться к которым мне, например, удавалось уже с трудом.

Конечно, некоторые проступки были еще со следами «ангельских» крылышек. Однако уже обнаруживались намерения или поступки детей, которые вызывали у нас с папой гнев и даже душевное смятение. Но об этом — потом...

Безоговорочно признаю, что первая часть портрета моих детей и прежде всего Альки с Игорем, написанная от года до шести лет сочными красками природной наивности, завершилась. Старшие дети ступили в новый возрастной круг, где хотя и не сразу, но безвозвратно исчезает «желторотая» прелесть! Заметив это, с грустью признаешь, что утрата твоим подросшим дитем наивности — необходимое условие для вступления его в новые жизненные коллизии, из которых путь — на следующие ступени взросления.

И все-таки, как «летописец», свидетель младенчества, детства, раннего отрочества моих мальчиков, я получила, кроме их неожиданных, иногда странных для меня «сюрпризов», еще и щедрую палитру их словесного творчества. Спасибо им за это...

Обнаружив новый «продукт» ума и эмоций сыновей, я, конечно же, не оценивала его на взрослый, искушенный взгляд. Перечитывая эти «произведения» сейчас, когда два их автора уже давно учатся в школе, а третий готовится переступить ее порог на будущий год, я искренне смеюсь. Мне весело от корявых слов, нелепо скроенных сюжетов их историй, материалом для которых служили все те же прочитанные книги или персонажи мультфильмов.

Перебираю рисунки, наскоро записанные стишки — следы эмоций и мышления подрастающих «братцев-кроликов» или добросовестно запечатленный мною в «Амбарной книге» «поток сознания» моего старшего сына.

Пока я не рискую предвидеть, кем они будут и к а к и м и вырастут. Еще рано об этом думать. Однако, перебирая все, что выплеснули их эмоции, за-

печатленные в словах и кратких фразах, я радуюсь. А бывает, и восторгаюсь!

Мне кажется, что первые признаки словесного творчества детей — это следы той меры врожденной духовности ребенка, которая постепенно начинает себя обнаруживать. Они, эти следы, могут быть едва различимы или довольно отчетливо заметны, однако в них радость и удивление родителей, которые созерцают и слушают внутренний мир своих детей на старте их мышления. Я же пыталась еще как-то и оценить эти признаки.

...Альке шесть лет. Он берет карандаш, бумагу. Задумался. Крутил, крутил бумагу и так, и сяк, двигал карандашом по воздуху, как бы примериваясь к листу. Наконец провел горизонтальную линию у основания листа и... замер. Что-то там, в его головенке, происходило. Но что? И вот слышу: «Я всегда начинаю рисовать с полоски!» Ну чем не «творческий метод»?

Прошло полтора года. Сiju в гостиной, двери открыты. Время ночного сна, и мальчики уже в постелях. Алька тоже в кровати, но, кажется, что-то напевает. Я затревожилась: не разбудил бы братиков... Подошла к двери детской. Хочу попросить не мешать Игорю и Ярику спать. Но что-то меня остановило. Прислушалась. Мне показалось, что напеваются какие-то «стихоподобные» строчки. Быстро взяла карандаш, тетрадь и устроилась на полу, прямо в полоске света, идущего от кухонной потолочной лампы. Сын, как будто специально для мамы, «во всеоружии» насторожившейся у двери в детскую, речитативом запел:

*Шел солдат на войну,
Пушками гремел!
Это солдат, этот солдат —
Был Аты-Бат!
Шел солдат на войну,
Саблями гремел..
И гранату свою бросить не успел.
Шел солдат на войну,
Песни он не пел,
Про него я пою,
Он уж постарел.
Шел солдат на войну,
Шел он, шел и шел.
Шел он тридцать пять веков,
До войны дошел..
Шел солдат на войну,
Чаю он не пил,
Потому что на войне
Пищи — не добыть!
Шел солдат, шел солдат*

*Дальше на войну.
Шел он тридцать пять веков...
А война от него да-ле-ко!
Шел солдат на войну,
Песни он не пел
Про него я пою,
Он уж постарел...*

Торопливо записываю этот «поток сознания». Умолк... Закончил? Осторожно приоткрываю двери, тихонько просовываю голову. Слышу ровное, мерное сопение «братцев-кроликов». Алька тоже спит. Минуту назад он «выдал» мне что-то созревшее в его внутреннем мире.

Стала вспоминать: что недавно читали? Что смотрели в кинотеатре, в театре, по телевизору? Вспомнила! Мы всей семьей в кинотеатре «Пионер» смотрели фильм «Аты-баты, шли солдаты». Про войну... Значит, что-то застряло в его уме и чувствах? Наверняка! И вот нате вам...

Успела записать Алькин «опус» полностью, а утром спрашиваю сына: «А что это за песенка про солдата, что ты напевал вечером перед сном?» Изумленно смотрит на меня. Подумала, что Алька хитрит, цену себе набивает. Нет — искренен. Прочитала ему записанные строчки. Удивляется: «Это я сочинил? Правда?»

Не буду оценивать этот текст. Признаюсь только, что не удержалась, показала его друзьям, коллегам на кафедре, где тогда работала, рассказав предысторию. «Поток сознания» Алёны у многих вызвал удивление. Мне кажется, что импровизация Альки, при всех ее корявостях, все же обнаруживает некую философию. Для меня, например, она вполне осязаема в этом тексте. Я чувствую скорбь, безысходность, сострадание. Да если бы только я...

Шутки ради мы дали почитать эти строчки артисту, частенько выступавшему с чтением стихов на эстраде. Он иногда заходил к нам на «огонек». Альки дома не было, гостил у «бабини», и наш папка, вспомнив его «Аты-баты», когда зашел разговор о войне, не удержался и...

Сочный, прекрасно натренированный баритон артиста, искусное маневрирование между уязвимыми местами текста, лишённого поэтического баланса строк и рифм, вызвали странный эффект... заклинания! Кто-то из моих подруг неожиданно всхлипнул. Я заметила, что тоже поспешно приложила к своим глазам салфетку: оказывается, и у меня...

...О сказке про Колобка и готовности Альки вмешаться в ее сюжет я уже писала. Даже не знаю, чем привлекал сына этот сказочный герой. Ему месяца два назад исполнилось восемь лет. В тот день он был болен и попросил меня почитать сказку. Тогда я пожалела его и не стала, как обычно я уже делала, просить его самого читать ради тренировок скорости или

для выработки навыка выразительности. Молча села на край его дивана, раскрыла книгу и вслух стала читать сказку про Колобка. Очень скоро сын остановил меня и говорит: «Знаешь, мама, давай мы с тобой сами сочиним новую сказку про Колобка!»

Идея мне понравилась. Действительно, скучно большому мальчику перечитывать давно и часто читанную сказку. Взяла тетрадь, ручку и приготовилась быть при сыне «секретарем». Он уже и сам неплохо писал, но в тот день я решила ему помочь.

Со смехом, с «творческими спорами» мы за день сочинили новую версию сказки про Колобка. Причем Алька настолько быстро и складно сочинял текст, что я едва успевала записывать. Магнитофон у нас тогда сломался, и пришлось мне стать чуть ли не стенографисткой.

Сейчас покажу, что из всего этого получилось. Конечно, пришлось текст отредактировать. Расставить знаки препинания, уважить правила грамматики и синтаксиса.

Вечером сказку прочитали Игорю и Ярику. Братья с увлечением слушали и с завистью смотрели на автора. Тот снисходительно говорил им: «Я еще для вас что-нибудь сочиню. Мама запишет, а папа напечатает на машинке...» Всем нашел работу! Итак, представляю сказку, как положено, начиная с имени автора...

Алик Юрганов (младший), при участии мамы — стенографистки и редактора.

НОВАЯ СКАЗКА ПРО КОЛОБКА

Жили-были дед и баба. Стало им скучно, и решила бабушка испечь Колобок. Нашла немного муки и масла, испекла Колобок. Положила на окошко, чтобы остыл, и ушла деда порадовать. Колобок прыгнул с окна и покатился по дорожке. Прикатился на вокзал, смотрит: стоит паровоз.

— Ты что здесь делаешь? — спрашивает Колобок.

— Я — Паровоз, я бегаю по этим рельсам.

— Вот по этим узеньким дорожкам? — удивился Колобок и попробовал пробежать по рельсам. Но у него не получилось. Тогда он попробовал пробежать по рельсу, как канатоходец, и тут же упал! Встал и спрашивает у Паровоза:

— Как же ты по двум дорожкам сразу бегаешь? Все время падаешь, да?

— Бегаю! — важно засопел Паровоз. — И не падаю вовсе!

— Врешь! — упрямится Колобок. — Падаешь, только признаться не хочешь!

— Это ты падаешь, — обиделся Паровоз, — а я бе-га-ю! Он заморгал фарами, засвистел, надулся и громко запыхтел. На голове у него была кепочка, и из-под кепочки вырвался белый пар. Вот как он рассердился на

Колобка. Но очень быстро Паровоз успокоился и говорит Колобку:

— Ну чего с тобой спорить! Садись, Колобок, если не веришь, я прокачу тебя по моим блестящим железным дорожкам.

— Ой, правда прокатаешь? — удивился Колобок. Он подумал, что сердитый Паровоз сейчас укатит и все! Присел Колобок и как прыгнет прямо на ступеньку к Паровозику.

— Слушай, Колобок, — строго спросил Паровозик, — а билет-то у тебя есть?

— Н-н-нет... — смутился Колобок. — Я же не знал, что билет понадобится!

Он уже хотел спрыгнуть со ступеньки Паровозика, но тот сказал:

— Ладно! Так и быть, прокачу тебя без билета. Только крепко держись!

Засвистел Паровозик, запыхтел, дернул своими колесами и тронулся с места. Испугался Колобок, зажмурился и даже заткнул пальцами уши. Когда Паровозик дернулся и поехал по рельсам, Колобок покатился и чуть не упал на землю.

— Я же тебе говорил, держись крепко! — крикнул Паровозик Колобку.

— Ух ты! — закричал Колобок Паровозику. Здорово у тебя получается!

— Вот видишь! А ты сомневался! — рассмеялся Паровозик и побежал в гору. Солнце жарило Колобка, как огонь в печке, и только он об этом подумал, как увидел впереди черную дыру в большой стенке. Это было похоже на печку, в которой его пекла бабка. «Ой, сейчас приедем прямо в печку!» — подумал Колобок, и тут же Паровозик вбежал в темноту. Жары не было, и Колобок очень удивился. Он хотел спросить у Паровозика, почему в печке совсем не жарко, но тот выскочил наружу и опять побежал под солнцем.

— Смотри, смотри! — закричал Колобок Паровозику, — Что-то там впереди блестит!

— Это речка, — засмеялся Паровозик, — мы через нее по мосту проедем.

— А я хочу к речке, можешь остановиться?

— Ладно, так и быть, — сказал Паровозик и остановился, как только переехал по мосту через речку.

— Слушай, Паровозик, — спросил Колобок, когда спрыгнул на землю со ступенек Паровозика, — а что это было такое черное, куда мы въехали, и очень похожее на печку, только без жары?

— Эх ты! — засмеялся Паровозик. — Сразу видно, что ты никогда по моим железным дорожкам не ездил. Это же тоннель! Тоннель! — крикнул Паровозик и покатил по своим блестящим дорожкам дальше.

Колобок подкатился к берегу реки, остановился у самой воды и удивился. На самой середине реки стоял какой-то большой дом с трубой,

который, наверное, заблудился.

— Эй, дом, чего ты там делаешь на середине реки? Ты что, заблудился?

— А я не дом, — ответил тот, кто был посередине реки. — Я — пароход и не стою, а плаваю.

— А как тебя звать?

— Пароходик! А тебя как?

— Колобок! А как это ты плаваешь? У тебя нет ни рук, ни ног...

— У меня есть два больших колеса и мотор, который их крутит. А ко-гда колеса крутятся, то я ими отталкиваюсь от воды и еду вперед или назад.

— Ух ты! — восхитился Колобок и попросил Пароходик к берегу подплыть.

— Ага! — засмеялся Пароходик. — Хочешь покататься на мне, да?

— Да, — сказал Колобок и, как только Пароходик подплыл к берегу, прыгнул прямо на палубу.

Качнул Пароходик своими боками, закрутились два больших колеса, которые были на двух боках, и Колобок поплыл!

— Эй, Колобок! — крикнул Пароходик. — Держи спасательный круг, а то скатишься в реку и утонеешь!

Колобок прыгнул в серединку спасательного круга, удобно устроился и стал смотреть, как назад плывут берега реки.

— Пароходик! А куда это мы плывем?

— А куда бы ты хотел?

— В Африку можно?

Колобок очень хотел доехать до Африки. Там было жарко, как в печке у бабки, но Колобок этого совсем не боялся.

— Можно и в Африку, — сказал Пароходик и басом пропел: «Плы-в-у-у-уу в Африку-у-у-у-у-у!!»

«Хорошо! — подумал Колобок. — Может, в Африке встречу льва Бонифация» — и... заснул. Пароходик из реки выбрался в голубое море, а из моря попал прямо в огромный океан. Ему повезло: никакой бури и никакого шторма в океане не было. Пока Колобок спал, Пароходик приплыл к Африке. Колобок спрыгнул на берег Африки, сказал Пароходику спасибо и покатился навстречу новым приключениям.

Очень скоро Колобок увидел детишек, которые были сделаны из шоколада! Они бежали рядом с ним и спорили, кто это. Одни кричали: «Это — мяч!», другие говорили: «Нет, это — сын Луны». А один шоколадный мальчик сказал важно: «Это — рыба-шар! Теперь она решила пожить на берегу, потому что в море вода очень соленая!»

Слушал-слушал Колобок, захохотал, замахал руками.

— Эй, ребятки-шоколадки. Все вы неправильно говорите. Я — не сын

Луны, и не рыба-шар, и совсем не футбольный мяч.

Я — Колобок:

У меня — румяный бок,

Очень сладкий

Я на вкус,

Никого я не боюсь!

— Это, оказывается, Колобок, — радостно закричали, заплясали шоколадные дети и стали петь: «У тебя — румяный бок! Очень сладкий ты на вкус!!!»

— Никого я не боюсь, — добавил Колобок и прыгнул на ручки к самому маленькому мальчику, потому что прыгать высоко не умел.

— А ты из шоколада или тебя пережарили? — очень тихо спросил Колобок мальчика и сказал: — Когда много сахара в тесто кладут, а потом в печку, в жар, то можно тесто пережарить. Но меня бабушка не пережарила, а твоя, наверное, тебя пережарила?

Мальчик весело смеялся и на вопросы Колобка не отвечал. Остальные мальчики, то ли шоколадные, то ли пережаренные, тоже смеялись и хотели Колобка поддержать в своих ладошках.

— Эй, ребята! Пошли к вашим бабушкам!

— К бабушкам пошли, к бабушкам! — обрадовались детки и побежали за мальчиком, который нес Колобка в своих не очень пережаренных и почти совсем не шоколадных ладонях.

Из домиков стали выбегать бабушки и мамы, дедушки и папы шоколадных или пережаренных мальчиков и девочек. Колобок удивился, когда увидел, что и бабушки с дедушками, и мамы с папами такие же шоколадные или пережаренные, как их детки.

«Вот это да!» — подумал Колобок, но тут же раскрыл рот от удивления. Он увидел что-то очень похожее на подъемный кран. Только этот кран в Африке был живой! Он смотрел на Колобка, хлопал большими ресницами, такими же прямыми, как у дедушкиной лошади Мадеры. Колобок помнил, что Мадера была ласковой, нежной. Она не говорила, а шептала — тихо-тихо...

Подъемный кран с такими же ресницами, как у дедушкиной лошади Мадеры, тихонечко опустил маленькую голову с двумя маленькими рожками к Колобку и прошептал:

— Здравствуй!

Колобок храбро прыгнул на шею подъемного крана и громко спросил:

— А кто ты?

— Я — Жирафа!

— Ты та самая Жирафа Анюта, которая вместе с крокодилом Геной и Чебурашкой строила дом Дружбы?

— Нет, я не та Анюта, но я тоже Жирафа и работаю экс-кур-со-во-дом.

Жирафа сказала очень длинное слово. Оно к ней очень шло, потому что было похоже на жирафу. Колобок хотел узнать, а что такое «экс-кур-за-вод»? —

— Куры здесь ни при чем, — сказала Жирафа и опустила Колобка на землю. — Завод тоже ни при чем... Жирафа немного обиделась на Колобка. Ей показалось, что он над ней смеется. — Я показываю туристам наш город. Ты ведь тоже турист, правда?

— Кто я? — не понял Колобок и увидел, как Жирафа открывает рот. Она просто зевнула, а Колобок подумал, что она сейчас его съест!

— Только ты меня не ешь, — испуганно закричал он, — я тебе сейчас песенку спою! И начал петь. Я — Колобок, Колобок, я — в печке испечен...

— Знаем, знаем мы эти сказки, слышали, — сказала Жирафа. — Ты ушел от бабушки, ты ушел от дедушки. Знаем. Но это — нехорошо! Они волнуются, ищут тебя повсюду, а ты себе спокойно гуляешь по Африке! Нехорошо!

Колобок от смущения еще больше зарумянился. Он вспомнил добрые руки бабушки, и ему стало стыдно.

— Ты думаешь, мне надо скорее домой возвращаться?

— Конечно! Незамедлительно! Безусловно! — Жирафа говорила так медленно, что все ее слова казались Колобку тоже похожими на нее. — Но сначала я покажу тебе наш город. Пойдем!

Колобок снова подкатился к шее Жирафы, потом по шее покатился к ее маленьким рожкам и устроился там очень удобно! Жирафа медленно пошла по улице с Колобком на голове.

Это был замечательный город. Бананы, апельсины, ананасы, мандарины росли прямо на автобусных остановках. На мороженое никто не смотрел, так было его много! Такси катало всех бесплатно, и каждому пассажиру шофер говорил спасибо! Все горожане — большие и маленькие, старые и молодые — ходили в шортиках, потому что было очень жарко! И были эти шортики, как и рубашки, шляпы, всех цветов радуги.

Пока Жирафа разговаривала с регулировщиком на перекрестке, Колобок разогрелся на солнце и незаметно пересел с Жирафиной шеи на какую-то «штуковину», которая висела чуть выше Жирафиных рожек. Эта «штуковина» была похожа на скворечник, только почему-то с тремя окошками. Каждое окошко было круглым, и в нем сидело по одному попугайчику. Они были с красными, желтыми и зелеными перышками.

Когда попугайчики увидели Колобка, они пришли в ужас! Какой-то круглый и румяный предмет вкатился в помещение СВЕТОФОРА! Попугайчики очень рассердились и вылетели вон! Колобок подумал: «Ну, как хотите!

Мне и здесь удобно!» — и устроился в одном из окошек этого скворечника. Он смотрел на улицу и ничего не понимал.

А там произошло что-то невероятное. Регулировщик в белых перчатках показывал в сторону скворечника с попугаями, но они же улетели! Машины не видели ни красного попугая, ни желтого, ни зеленого! Они видели только что-то круглое, румяное, думали, что это красный свет, а Колобок тут же поворачивался своим чуть-чуть поджаренным боком и получалось, что шофер видел желтый свет! «Когда же будет зеленый?» — кричали все, а зеленого все не было!

Жирафа тоже посмотрела на светофор и догадалась, что случилось. Она заглянула в окошечко светофора и шепнула Колобку: «Прыгай мне на голову, а то тебя сейчас оштрафуют!» И снова Колобок удобно устроился у Жирафы между рожками, и она пошла к дому, где была надпись: «ПОЧТА».

Когда Жирафа узнала, что Колобок не послал бабушке с дедушкой телеграмму, что он укатился в Африку, она сказала ему, что повезет его на почту и оттуда он может послать бабушке с дедушкой весточку. И вот они пришли туда и Колобок написал такую телеграмму: «Очень жарко в Африке. Не волнуйтесь, как в печке! Жив, целую. Колобок». Жирафа прочитала телеграмму и очень тихо сказала Колобку: «Исправь! Разве можно «волноваться, как в печке»? Ты что, плохо учился, да?»

— Н-н-нет... — смутился Колобок. — Я сейчас все переделаю — и будет хорошо. Снова написал: «Ох, жарко в Африке, как в печке. Не волнуйтесь. Колобок».

Пока Колобок переделывал телеграмму, Жирафа увидела льва Бонифация, который прогуливался по улице. Жирафа вспомнила, что каникулы у Бонифация кончились и он очень-очень скоро отплывает домой. Он согласился взять Колобка с собой и проводить его к дедушке и бабушке.

Бабушка Бонифация быстро-быстро связала сетку, куда улегся Колобок, когда лев поднялся в самолет. Когда самолет летел над городом, где у Колобка было столько приключений, он увидел сквозь облака голову Жирафы. Глаза у нее были грустными: она плакала. Колобок помахал Жирафе и увидел, что люди на земле раскрывают зонтики. «Им кажется, что дождь идет, а это плачет Жирафа», — подумал Колобок, и ему стало ее очень жалко. Он помахал ей еще раз и громко закричал:

— Не плачь! Не плачь! Я еще раз когда-нибудь прикачусь к тебе в Африку!»

Когда они прилетели домой, был большой ливень, и Колобок очень испугался.

— Ой, ой! Бонифаций! — кричал он. — Я же размокну! Что же делать? Что делать?

— Прыгай, — приказал Бонифаций, — прыгай, Колобок, ко мне в пасть!

— Ой! Куда? Туда? — Колобок с ужасом ткнул пальцами в зубы Бонифация.

— Не бойся! Ты же видел, что укротитель клал мне в пасть голову, да еще и в шляпе! Вот и ты сейчас по команде «Але, оп!» прыгнешь ко мне в пасть, и я отнесу тебя к дедушке с бабушкой. У меня, правда, там тоже сыро, но не такой же ливень, правда?

— А если ты меня проглотишь? Можешь же случайно...

— Не бойся, Колобок, — успокаивал его Бонифаций, — я буду идти молча и ни с кем не буду разговаривать. Пасть моя будет приоткрыта, чтобы ты не задохнулся.

— А если с тобой поздоровается твой друг или сосед? — не унимался Колобок. — Ты что, не ответишь?

— Нет, промолчу, — грустно сказал очень воспитанный Бонифаций. Еще бы, что могут подумать о нем люди!

«Але, оп!» — сказал Бонифаций, и Колобок, зажмурившись, прыгнул в пасть льва. Он сразу устроился между клыками и замер.

Самолет уже приземлился, и лев Бонифаций с Колобком в пасти вышел. Лапы у льва были заняты, потому что он нес в них чемодан и мешок с гостинцами для дедушки и бабушки Колобка. Пасть была приоткрыта, а голова немного опущена вниз, чтобы дождь не попадал на Колобка.

Друзья встречали знаменитого дрессированного льва, который вернулся с каникул. Они громко кричали: «Привет! Здравствуй, Бонифаций! С приездом домой!» Но лев не мог им ответить, потому что боялся случайно проглотить Колобка. Сначала друзья очень расстроились, а потом стали беспокоиться: что-то с Бонифацием случилось! Он никогда не был таким! Друзья шли рядом, спрашивали: «Что случилось, Бонифаций?» Но лев шел с Колобком в пасти и молчал!

— О-о-о!!! — закричали друзья. — Наш Бонифаций, наверное, заболел в Африке какой-то странной болезнью! Его срочно надо везти к доктору! Самые настойчивые друзья Бонифация подскочили к нему, схватили его под руки и понесли к машине «скорой помощи». И вот Бонифаций в кабинете знаменитого доктора Айболита. Как хорошо, что была пятница, потому что доктор Айболит в субботу и воскресенье всегда был в цирке и помогал дрессированным животным, если у них что-то болело.

Как только Бонифаций оказался в кабинете доктора, где было светло, тепло и сухо, и увидел доктора Айболита, он широко открыл пасть и оттуда, веселый и невредимый, выскочил Колобок!

— Привет всем! — крикнул Колобок. — Ох, как мне пришлось попотеть... Но это ничего!

Доктор Айболит и друзья Бонифация, которые его привели сюда,

остолбенели. Вот это да! Колобок прыгает из пасти льва. Такого еще ни в одном цирке мира не видели! А Колобок кричал и размахивал руками, подкатывался то к одному, то к другому:

— Не сердитесь на Бонифация. Он удивительный, он вежливый, воспитанный лев! А какой он верный друг! Он не мог с вами поздороваться, потому что спасал меня от ливня в своей пасти!

Друзья Бонифация быстро все поняли и тут же бросились Бонифация обнимать, подбрасывать Колобка до потолка. А потом Колобок пригласил всех в гости к своим бабушке с дедушкой. Увидели бабушка, дедушка и лошадь Мадера Колобка, а с ним много-много друзей, обрадовались. В их доме давно не было такого веселого праздника.

Дедушка с бабушкой решили Колобка не ругать за то, что он убежал из дому. Он все-таки вернулся, да еще и столько друзей с собой привел. Уж теперь-то бабушке с дедушкой скучно не будет. А завтра дедушка решил пойти в цирк работать. Ухаживать за животными, помогать доктору Айболиту. Бабушка решила тоже работать в цирке. Она будет печь вкусные пряники и угощать детей, которые пришли посмотреть на представление льва Бонифация.

И лошадь Мадера тоже захотела работать в цирке. Тогда Бонифаций с Колобком решили придумать для Мадеры цирковой номер. Скоро появится афиша: «Внимание! Колобок, Мадера и Бонифаций на арене цирка! Приходите, всем будет очень весело!»

Сюжет Алька строил сам, приключения героев — тоже. Труднее ему было выразить свои фантазии более или менее нормальным языком. Вот здесь-то я и помогала. Смотреть на сына в момент, когда он буквально шквалом выбрасывал мне разные «сюжетные ходы», было одно удовольствие. А сейчас перечитала сказку с нескрываемым удивлением...

...Однажды прихожу с работы домой. Младших ребят видела во дворе — играли в футбол,— но Альку там не заметила. Прошла на кухню мимо детской комнаты и услышала там голоса. Дверь была прикрыта, но через стекло — оно было у нас полуматовым — я увидела: папа и старший сын сидят на полу, разговаривают. Стало ужасно любопытно, что они затеяли? Слышу, восьмилетний Алька убеждает папу что-то делать «без бумажки», а папа смущенно бормочет, мол, неплохо бы «по ходу делать пометки».

Решила устроиться на полу прямо у щели между створкой двери и косяком, понаблюдать. Мимо неспешно прошла Кнопочка, задрав свой красивый хвост. Она изящно просочилась в детскую комнату, приоткрыв дверь пошире и этим оказав мне услугу: слышно стало лучше. Моя тетрадь, та самая «Амбарная книга», лежала на полке, в шаге от двери в детскую. Быстренько ее взяла, прихватила ручку и, вернувшись на свою «позицию», приготовилась делать заметки «с места события». Вскоре я поняла, что папа

обкатывает недавнюю свою идею, которую назвал «гимнастикой фантазии».

А началось все с пустячной сценки, которую он частенько разыгрывал по воскресеньям на кухне, когда мы все собирались вместе. Папа брал куклу, которую однажды подарил мне, насаживал ее на руку и, заходя на кухню, сразу же начинал изображать кокетливую девочку: «Здравствуйте! Меня зовут Юля, а тебя?» Папа поворачивал куклу к Альке или к Игорю с Яриком, и дети весело подхватывали игру. Здороваются, пытаются погладить Юлю, даже сделать ей «козу», как малышке.

И тут папа говорит за Юльку: «А я о вас все знаю, потому что живу в этом доме давно. А вы что-нибудь знаете обо мне?» Дети в растерянности. Кукла действительно давно стоит в шкафу, под стеклом, к ней привыкли. Правда, иногда она попадала в мальчишеские руки, а Ярик однажды даже искупал ее. После просушки «макияж» Юльки немного «поплыл» и поблек, как и краски на ее одежде. Папа тогда очень рассердился, и дети над куклой больше не «издевались».

И вот сидит папа, а пострадавшая Юлька, водруженная на его руку, говорит мужским голосом (изображать женский папа долго не мог, сказывалось уязвимое горло нашего «вечного лектора»): «Попробуйте догадаться, как я появилась на свет? Кто дал мне имя? Кто одел, обул? Кто причесал? Какие со мной случились приключения?»

Дети, перебивая друг друга, стали фантазировать «на тему Юльки». Каюсь, что тогда не записала эти импровизации мальчишек, но ясно было одно: дети часами были готовы сочинять легенды, в которых кукла Юлька прошла огонь, воду и медные трубы.

Игра всем понравилась, но особенно, как я заметила, нашему папе. Он говорил мне, что кто-то из писателей, кажется, Чехов или Андерсен, были готовы любой предмет «одушевить». Вот, например, перед ним на столе стоит чернильница и Андерсен мог написать о ней захватывающую историю. «Дети — настоящие сказочники, — воодушевлялся папа, — «гимнастируя» фантазию детей, я не раз убеждался в этом!»

Конечно, фантазии детей были нередко примитивны, занудливы и пресны. Однако все зависело от их настроения... Иногда бывали дни настоящего «творческого вдохновения»! Тогда семилетний Алька, шестилетний Игорь и даже четырехлетний Ярослав, захлебываясь, подхватывали самые невероятные зигзаги сюжета, героями которых была кукла Юля и даже предметы, окружающие нас в доме: книжный шкаф, стул, большая деревянная ложка... Папа строил обычно простую фабулу, вводил главных героев и «запускал» фантазию детей, как бы стартером включая двигатель автомобиля. Мальчики подхватывали и наперегонки предлагали свои «ходы» и даже своих героев...

...В настроении каждой семьи бывают свои спады и подъемы. Не знаю, чем это объяснить, но сама была свидетелем этого в нашей семье. Все на-

чинается неожиданно. Однажды наш папка рассказал смешную историю, приключившуюся с ним в пионерском лагере. Хотя и было ему нелегко среди здоровых сверстников, но, если летом он оказывался дома, а не в больницах, родители отправляли его в пионерский лагерь, куда-нибудь в Геленджик или Горячий Ключ. Места курортные, берег Черного моря, благодатное время, почему не поехать? О том, что там ему приходилось трудновато, он сам быстро забывал и возвращался домой, как он мне признавался, со множеством впечатлений.

Эти-то впечатления и стали основой огромной серии «историй в лагере», которые папа Олег рассказывал детям два года почти ежедневно! Конечно, папа фантазировал по мотивам каких-то событий, случившихся с ним в отрочестве! Мальчишки не давали папе отдыха, теребя его: «Папа, расскажи историю в лагере!» Я вовсе не уверена, что все рассказанное папой случилось на самом деле. Слишком уж смешно и фантастично! Но слушать эти «истории в лагере» можно было бесконечно!

Сначала Олег выстраивал сюжеты своих историй, не слишком заботясь о «реализме». Эффект был! Дети хохотали, изумлялись изворотливости «героя» этих историй, конечно же, папы, в возрасте 10 или 12 лет, требовали новых подробностей...

Но потом наш хитрый папа, озабоченный, чтобы в его историях для детей был прок, то есть «добрым молодцам урок», стал в свои истории закладывать мораль. Была она достаточно прозрачна: осуждался порок — вранье, вороватость и проповедовалось добро — смелость, бескорыстие.

Я очень скептически воспринимала эти «моралите». Однако справедливости ради скажу, что сюжет каждой такой истории Олегом строился с таким искусством, а повествование шло с такой энергией, что дети слушали, затаив дыхание, проглатывая с «наживкой» и эту самую мораль.

Зимой Олег гасил верхнюю лампу и зажигал свет в ванной, окно которой выходило на кухню. Теперь его голос звучал таинственно и даже банальные сюжеты, при изложении в таком полумраке, воспринимались иначе, а поступки героев историй выглядели или страшновато, или так забавно, что, когда наступало время смеяться, дети, слегка устав от нагнетаемого папой напряжения, счастливо и оглушительно хохотали. Я умудрилась записать только одну из таких незатейливых историй, рассказанных папой.

Однажды вечером, уже когда протрубил горн отбой, уговорил я приятеля, который лежал в соседней кровати, немного прогуляться неподалеку от нашего летнего домика. Пошептались мы с ним, чтобы ни-кто не знал, что мы задумали, и притворились, что спать хотим. Засопели почти по-правдашнему. Соседа моего Эдиком звали. Ему понравилась моя идея, хотя он признался, что боится, если увидит вожатый Гриша, нам не поздоровится. Я тоже, честно говоря, побаивался, потому что могли нарваться

не только на Гришу, но и на «товарищ Женю», старшую пионервожатую, которая была еще больше, чем Гриша, строгой. Слышим, кто-то из пацанов громко шепчет другому: «А Гриша влюблен в товарищ Женю! Понял?» Мы с Эдиком в любви ничего не понимали, и он не удержался, спросил: «А ты видел, как они целуются?» Тут пацаны тихонько засмеялись, но быстро успокоились, потому что мимо окна прошла товарищ Женя. В общем, мы с Эдиком засопели громко, вроде как спим, и постепенно все пацаны угомонились. Смотрим мы с Эдиком, что все спят, взяли тонкие свои одеяла, завернулись и вышли за порог домика. Неподалеку от нашего домика росло толстое дерево. Наверное, столетнее. Луна ярко сияет. Тишина. Мы мимо дерева проходим, чтобы пройти в кустарник слева от домика, но тут услышали голоса. Что делать? Бежать к домику? Нет, не успеем! Стоим под деревом и не знаем, что делать. Хорошо, луна скоро за тучу спряталась. Стало темно-темно, а мне с Эдиком страшно. Эдик шепчет мне: «Пошли назад», а мне не хочется! И тут прямо в десяти шагах от нас, видим, идет в темноте кто-то. Разговаривает. Я узнал голоса товарища Жени и пионервожатого Гриши. Толкаю Эдика и шепчу: «Стань на коленки и руками в землю упрись. Я тоже, а сверху накинь одеяло! Мы будем как скамейка». Эдик быстро меня понял. Головами друг в друга уперлись, попками в разные стороны, одеяло сверху накинули и стали похожи на скамейку у дерева. Сидим, дрожим от страха. Слышим, Гриша говорит товарищ Жене: «Давай немного посидим, сейчас луна выглянет». Я от ужаса чуть не упал, а Эдик лбом о мою голову бьется, потому что дрожит от страха. Также испугался. Товарищ Женя говорит: «Да нет, пойдём, уже спать пора!» Гриша настаивает: «Еще же детское время...» Я слышу, шаги к нам приближаются, и думаю: все, конец! Сядут на нас — раздавят! А Эдик просто колотится весь. Тут мы почувствовали, что на наши головы что-то тяжелое давить стало. Мы с Эдиком ойкнули и под тяжестью упали. Это товарищ Женя стала садиться, вроде как на скамейку, и упала, потому что мы с Эдиком не выдержали. Она как закричит. Гриша ее хватает за руку, а мы вскочили и побежали. Слышим только голос товарищ Жени: «Кто это!» А Гриша смеется и говорит: «Ты спроси, что это такое было?» Они смеются, а мы лежим в своих кроватях и не дышим. А что было завтра, потом расскажу. Мальчики хохотали без удержу! Игорь и Алик тут же попытались изобразить скамейку по «проекту» папиного детства, кричали мне: «Садись, мама, мы выдержим!»

Мне кажется, что с той поры, как стали регулярно звучать «истории в лагере», Алька-младший почувствовал особый вкус к сочинительству. Папа это заметил и решил, что это желание надо поддержать и направить в русло, полезное для развития его творческого мышления. Олегу показалось, что главным достоинством детского творчества будет тренировка фантазии.

Только ею надо управлять, то есть ставить перед сыном, готовым что-то сочинить, допустим, сказку или какую-то историю из современной жизни (бывало и такое!), — конкретные цели. Дети охотно садились с папой «в круг» и сочиняли «буриме».

Тут же появились сюрпризы. Фантазируя, например, втроем с Алькой и Игорем, папа все время сталкивался с «конфликтом интересов». Герои сюжета, предложенные или Алюней, или Игорем, реже Яриком, «выделялись» в сочиняемой истории то, что желал их «создатель», и папе надо было как-то умиротворить соавторов, обиженных друг на друга, если их предложения отклонялись. Чаще всего мне так и не удавалось пробраться сквозь гвалт «творческих дискуссий» соавторов и записать истории моих домашних «веселых и находчивых».

Тогда папа, видимо, устав от дискуссий вперемежку с «дуэлями» между авторами и поиском спасительного компромисса, решил пойти по пути наименьшего сопротивления.

Он стал уединяться со старшим сыном, которому было уже восемь лет. Фантазировать с Алькой папе было легче, хотя... так могло показаться лишь на первый взгляд. Легко потому, что в фабулу, которую предлагал папа, Алька сразу вставлял героев, которые ему были хорошо известны: милиционер, учительница, одноклассники, дворовые приятели Альки. Он знал, что может каждый из этих героев делать, и ему проще было сочинять историю с ними. Сложность же была в том, что в свои восемь Алька был очень импульсивным мальчиком и такими же оказывались его герои. Они у него обычно обнаруживали «авантюрные» наклонности. Тот же милиционер, учительница, продавщица магазина... Ну какой реализм? Правда, папа внимательно следил за моральным контекстом поведения героев, придуманных сыном.

Едва Алька предлагал какой-то «легкомысленный» поступок для героя, не очень то задумываясь над «можно-нельзя», папа вводил в сюжет последствия такого поступка или предлагал какого-то «антигероя», который обязательно сурово оценивал или явно осуждал легкомыслие героя Алькиного.

В конце концов история благополучно завершалась. Происходило это потому, что папа не забывал помогать сыну оценить обстоятельства, которые могли бы привести героя фантазии Алюни к неудачам и даже к гибели.

Нет, скучно не было! Папа всегда лихо «раскручивал» сюжет, наделяя героев чертами характера, присущими живым людям. Милиционер у него заиграл на губной гармошке, а учительница пекла пироги и все время теряла очки, хотя была совсем молодой. Алька был неистощимым выдумщиком невероятных сюжетных ходов, непредсказуемых событий и таинственных коллизий. Эта его способность была настоящим испытанием для воображения папы, потому что ему надо было успеть вовремя реагировать на идеи сына.

Герои, как я уже упоминала, были «плохие» и «хорошие». Рядом с ними действовали «соучастники», «союзники» и «противники». Случалось и так, что на авансцену вдруг выходили герои второстепенные, а главные куда-то и неизвестно почему исчезали. Такое случалось обычно по воле сына, которому неинтересно было повествовать только о действиях одного главного героя, и он в любую минуту мог привнести в сюжет невесть откуда взявшегося «новичка». Папе было очень нелегко держать в голове сюжет, раскручиваемый сыном. Но он был терпелив.

Иногда в «творческом» диалоге с папой Алька бунтовал, упрямился. Он просто «губил» главного героя в какой-то неожиданной «аварии» («самолет разбился и...»), делая это ради выдвижения на авансцену понравившегося ему второстепенного персонажа: «Гриша умеет кататься на коньках, он очень умный, давай его оставим!» Фантазеры ссорились, и со стороны смотреть на них было ужасно уморительно...

...И вот сижу я на маленьком стульчике у приоткрытой двери в детскую комнату и записываю. Историю назвала сама: «Приключения инженера Сидорова». Записывала на скорую руку, а потом немного почистила, согласовала с авторами и сохранила в своем архиве. Это — единственная записанная мною полностью «тренировочная фантазия» для гимнастики детского ума, конечно же, с неперменным «моралите». Теперь можно почитать. Итак:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИНЖЕНЕРА СИДОРОВА

Инженер Сидоров работал на автомобильном заводе. Это был очень талантливый инженер. Он предлагал много интересных идей, и от этих идей машины, которые делал завод, становились все лучше и лучше. Была у Сидорова жена, звали ее Ира, и сын Сергей. Он был еще очень маленький. Когда сын научился говорить, то первым его словом было «машина».

Был у Сидорова сарай, который он называл гаражом. Он хорошо его оборудовал. Но автомобиля у Сидорова не было. Купить автомобиль «Жигули» Сидоров не мог, не хватало денег, а вот сделать автомобиль своими руками он мог. Правда, не знал, с чего начать.

Приходит к нему приятель и говорит, что недалеко от базара стоит развалившийся «Запорожец». Сидоров обрадовался. Пошел посмотреть. Посмотрел. Годится! Есть колеса, есть мотор, есть фары. Вышел на дорогу, видит: едет подъемный кран. Остановил его, рассказал шоферу про свою беду. Тот согласился помочь за 10 рублей. Приехали к развалюхе, кран подхватил «Запорожец» и привез к гаражу Сидорова.

День и ночь без устали работал Сидоров с машиной. Долго ли коротко, но дело сделал. Из машины, которую надо было сдавать в утильсырье, Сидоров сделал настоящий лимузин. Но тут случились два события.

Однажды жена Сидорова громко заплакала и сказала, что уйдет от него, потому что не может больше терпеть одиночества. Сидоров

забросил дом, забыл о сыне и о ней, его жене. Сидоров растерялся и хотел жене все хорошенько объяснить, но не успел. Жена села в такси и уехала в другой город. Обидно стало Сидорову, ведь его машина была уже почти совсем готова!

Назавтра после ухода жены пришел к Сидорову милиционер с собакой. Он сказал, что у гражданина Никитина, который живет рядом с базаром, украли «Запорожец». Он уехал в отпуск и оставил машину на улице, а когда приехал, машины уже не было.

Сидоров растерянно молчал. Долго молчал. Милиционер посмотрел на лимузин и сказал, что его собака взяла след, но потеряла его где-то неподалеку от дома Сидорова. Сидоров все еще молчал, милиционер подумал, что сказать ему просто нечего, и ушел.

А послезавтра пришел к Сидорову тот шофер, который помог ему перевезти «Запорожец» в гараж. «Давай, — говорит, — сделаем так, что я снова переставлю этот «Запорожец» на место и отдам тебе деньги, а то мне стыдно, что я помог тебе украсть машину». Сидоров снова растерялся. Он не знал, как ему быть. «Запорожец» уже не было, а был лимузин, и теперь надо было отдавать его! Шофер крана лимузин не видел и все твердил: «Дай мне исправить мою ошибку! Где тот «Запорожец»?» Тут он прошел к гаражу Сидорова и увидел лимузин. «А где «Запорожец»?» — «Нет его!» — ответил Сидоров. «А куда ж ты его дел?» — «Вот каким он стал!» — показал Сидоров на лимузин. Почесал шофер в затылке, вернул Сидорову 10 рублей и уехал домой, потому что ему надо было уже выгуливать собаку.

Решил Сидоров посоветоваться с женой. Сел он в свой лимузин и поехал в тот город, где жили его жена с сыном. Приехал. Жена увидела машину и обрадовалась: «Чего ж ты раньше не приехал?» — «Да я только сегодня кончил делать!» Села жена с ребенком в машину Сидорова, и они поехали домой. Дома Сидоров все жене рассказал. Она заплакала. Ей уже хотелось на машине кататься, а Сидоров сказал, что машину придется вернуть, раз она чужая. Жена сказала, что это уже не так! «Ты, Сидоров, столько трудов вложил, делая из утильсырья лимузин!» Но Сидоров решил твердо, что надо отдать машину, раз она не его!

Но как найти владельца? Если просто поставить машину там, где Сидоров ее когда-то взял, владелец не узнает ее и она так и будет стоять, пока ее не возьмет кто-то другой, а это будет несправедливо! Если обратиться в милицию, то Сидорова накажут: взял развалившийся «Запорожец» без разрешения хозяина! Если пойти в дом владельца «Запорожца» и сказать ему: «Извини, больше не повторится, вот твоя машина — возьми!» — тот может удивиться: «Была развалюха, а ты мне, Сидоров, лимузин даешь!»

Думал Сидоров, думал и решил все-таки познакомиться с владель-

цем «Запорожца». Приходит к нему домой. Тот спрашивает: «Что вам надо?» — «У вас «Запорожец» не пропадал?» — спрашивает Сидоров. «Да! — отвечает тот. — У меня его кто-то украл!» — «Это я его взял!» — признается Сидоров. «И вам не стыдно?» — «Стыдно!» — «А теперь что делать будете?» — «Я вам его капитально отремонтировал. Может быть, вы мне его продадите?» — «Давай, — согласился владелец «Запорожца» Никитин, — только по всем правилам! Поехали в комиссионный магазин».

Приходят они в комиссионный магазин. Входит специальный продавец. Сидоров говорит ему: «Я хочу купить у товарища Никитина машину «Запорожец». «Пожалуйста, покажите машину», — просит продавец. Сидоров показывает на лимузин. «О! Красавица! — восхищается продавец. — Она будет стоить девять тысяч!» Сидоров побледнел. Хозяин «Запорожца» сказал продавцу: «Это не моя машина! У меня была развалюха, которую теперь Сидоров хочет купить».

Продавец растерялся. «Какая развалюха? Это ж лимузин!» — «Правильно, — сказал Сидоров — но это я ее сделал такой. Я ее отремонтировал, усовершенствовал. Но раньше это была развалюха! Теперь я хочу ее купить у прежнего владельца». — «Ничего не понимаю, — сказал продавец. — Почему вы ее не покупали, когда она была развалюхой, я бы тогда определил ее стоимость!»

Сидоров опустил голову. Никитин тоже вздохнул и сказал: «Он взял ее у меня без разрешения...» — «А я думал, что она — ничейная», — оправдывался Сидоров. «Так вы ее украли?» — воскликнул продавец и куда-то исчез. Через пять минут пришел милиционер с собакой и шофер автокрана. Сидоров совсем растерялся и даже испугался. Милиционер составил протокол. Оштрафовал шофера автокрана на 10 рублей. Сидоров попросил милиционера разрешить ему, Сидорову, заплатить этот штраф, потому что шофер автокрана не виноват. Милиционер не разрешил: «Пусть думает! У него голова на плечах есть! Он что, на собственной машине работает? Нет! Вот пусть и расплачивается».

Когда шофер автокрана ушел, милиционер спросил Сидорова: «Что же вы мне сразу не сказали, что этот лимузин был «Запорожцем»?» «Не успел!» — ответил Сидоров. Милиционер оштрафовал Сидорова на 50 рублей. Сидоров заплатил.

Тут Никитин видит, что Сидорову приходится туго, и говорит: «Ладно, все ты теперь понял, ездь на своем лимузине, я дарю тебе свой старый «Запорожец!»» «Как же так, — говорит милиционер, — «Запорожца»-то нет! Что вы ему дарите?» Никитин говорит: «Пусть как будто я ему «Запорожец» подарил, когда он был еще развалюхой». «Ну, раз так, я пошел!» — сказал милиционер и ушел вместе с собакой.

Сел Сидоров в лимузин, посадил Никитина и весь день катал его по

городу. А потом познакомил со своей женой, и снова они катались все вместе по городу. Так они и подружились.

В том «потоке сознания», которым обменивались папа и старший сын, хотелось прежде всего уследить за логикой развития событий, репликами героев, особенно за их смыслом.

Дидактичность истории понятна и простибельна. Повторю, что папа старался с помощью «гимнастики фантазии» внушить сыну нравственные представления, а главное, убедить его в существовании связи поступков людей с теми последствиями, которые они вызывают в жизни других людей. На словах восьмилетнему ребенку это объяснить трудно, слишком абстрактно все выглядит. А вот когда маленький человек сам начинает строить сюжеты, создавать коллизии, пытается обозначить взаимоотношения между героями (помните, жена ушла от Сидорова...), то, как мне кажется, он впитывает и смысл, и логику, допустимость или непозволительность действий героев своих фантазий.

Разговоры про автомобиль мальчики и папа вели в доме часто. Мотивы «свое-чужое», такие явные в истории про Сидорова, тоже были актуальными у нас дома. Дети постоянно приносили домой игрушки, которые «плохо лежали» то в нашем дворике, то в соседнем, куда мальчики ходили иногда поиграть. Это становилось настоящей эпидемией, которая меня с Олегом очень тревожила...

...Придумать что-то особенное стало настоящим азартом у старшего сына. Однажды стал он сочинять какие-то забавные задачки, которые предлагал решить своим друзьям в школе или во дворе. Некоторые из этих задачек я даже успела записать.

У меня есть собака, у соседей тоже есть собака. У других соседей тоже есть собака. Спрашиваю соседа: «Сколько сигарет в день вы выкуриваете?» Он отвечает: «Дома — три!» «А на работе?» — спрашиваю я его. Он отвечает: «Одну в день». Вопрос такой: сколько сосед выкуривает сигарет?» Записала эту задачку и спрашиваю с искренним недоумением: «А причем же здесь собаки?» Сын лукаво улыбается: «Это я просто так, для разнообразия!» Помолчал-помолчал и говорит: «Хочешь еще? Слушай!» И продолжил снова о соседе и собаке, но с некоторыми изменениями: *Я соседа спрашиваю: «Сколько раз ваша собака в субботу лает?» «Двадцать раз», — отвечает сосед. А я ему говорю: «А моя собака двенадцать раз! А вот из квартиры напротив — десять раз». Теперь — общий вопрос задачки: «Сколько раз в субботу собаки лают вместе?» Помолчал... Потом хитро улыбнулся и завершил свой сеанс «математических фантазий»: «Привет собакам!»*

Это он повторил любимое выражение моего бывшего одноклассника, суетливого и шумного. Он частенько к нам заглядывал, крича с порога

вместо приветствия именно эту фразу.

Я не была удивлена довольно примитивной логикой арифметических фантазий сына. Алька уже познал «курс наук» во втором классе и, скорее всего, резвился «по мотивам» начал арифметики. Правда, обратила внимание: все эти соседи, сигареты и собаки — из нашей жизни. Сосед напротив и живущие этажом ниже — заядлые курильщики. Их домашние восстали, и теперь мужчины потекают своей дурной привычке на лестничной площадке. Сквознячок тянет дым в нашу прихожую, так что и мы чувствуем его в своей квартире.

Недавно мне в руки попала книжка ранних заметок А. Чехова, подписанных забавным именем «Антоша Чехонте», и я просто ошалела, увидев там в «Задачах сумасшедшего математика» такую: *«За мной гнались 30 собак, из которых 7 были белые, 8 — серые, а остальные — черные. Спрашиваю, за какую ногу укусила меня собака? За правую или левую?»* Как говорится — выводы делайте сами...

Задачки про собак Алька сочинял явно вслед событиям. У соседей этажом ниже — собаки. Едва откроешь или закроешь свою дверь, они, услышав звуки, начинают лаять, видимо, «для порядка». Облают и успокоятся. Днем их не слышим: мы на работе, старшие дети в школе, Ярик в саду. Лайте на здоровье! А вот по ночам — беда... Поэтому для нас это актуально, так что задачки хоть и просты, но в русле знакомого тезиса классика, слегка мною отредактированного: «Бытие определяет фантазию...»

Алька продолжает развивать в задачках тему. *«Мама, послушай, еще про собак и курильщиков. Мой сосед говорит мне: «Вот я курю сигареты, а не лаю. Собаки лают, но не курят сигареты. Ты скажи мне, говорит сосед, сколько раз собаки лают и сколько сигарет я выкуриваю во время лая собак? Курю я, только когда собаки лают. У меня такая привычка, когда я волнуюсь. И курю я по три сигареты, когда собаки лают».*

Юный сочинитель опять хитро глянул на меня и сказал: «Здорово я накрутил и запутал? Но все равно можно решить, сколько выкуривает сигарет и дома, и на работе сосед и сколько раз собаки лают в разных квартирах...»

Прошло время. Алька читал какую-то книгу про шпионов. Сидим, разговариваем с ним, и он просит записать новую задачку. На этот раз героями его «арифметических фантазий» оказались шпионы. Вот эта задача. *Ехали в машине четыре шпиона, а им навстречу 18 милиционеров. Сколько было и шпионов и милиционеров? Но это только первый вопрос. Случилось такое: заметили шпионы милиционеров и открыли огонь! Убили четырех милиционеров, а шпионов на два меньше. Теперь вопрос такой: сколько же убили милиционеров, шпионов и сколько стало теперь их вместе?* Вот такая кровавая «арифметика»...

Увлечение «арифметическими фантазиями» благополучно завершилось.

Что-то сына не устраивало то ли в сюжетах задач, то ли еще в чем. Не знаю, но больше задачи не составлялись, а вот стремление описывать домашние истории, то есть то, что случилось дома между братьями, с участием домашних животных, между мной и детьми, папой и сыновьями, неожиданно стало повальным увлечением и у него, и у младших братьев.

Записала как-то историю, назвав ее, как предложил сам автор — Алька, которому было уже восемь с «хвостиком» лет, «Джек и Кнопочка». Это наши четвероногие домочадцы: собака с «профилем» восточноевропейской овчарки (впрочем, на этом сходство с этой породой и заканчивалось!) и сиамская кошка.

Алик Юрганов

ДЖЕК И КНОПОЧКА

Кнопка с Джеком — в большой комнате. Подошла Кнопочка к Джеку, она принимает его за свою маму, стала что-то шептать ему на ухо. В это время по-пластунски в комнату вползли Ярик с Игорем. Игорь сказал Ярику: «Ярик — тихо! Кнопка что-то Джеку шепчет!» И они начали ловить Кнопку. Игорь дернул Джека за ногу, Джек свалился и начал пищать. Кнопка вылетела белой ракетой из комнаты. Игорь устроился за диваном, Ярик на диване, и они стали сторожить Кнопку, которая уже спряталась под диван. Кнопка выскочила и стала прыгать по дивану, а Игорь и Ярик ее ловили. Но Игорь поймал только пустое место: Кнопка убежала. Игорь сказал: «Нет, без папы нам Кнопку не словить. Давай, Ярик, подождем папу». Тут зацелкали ключи в двери и зашел папа. Он был от дождя весь мокрый, как ручеек. Папа держал в руке большой мокрый зонт. Ярик и Игорь сказали папе два раза:

— Здравствуй, папа!

— Здравствуй, папа! Дай нам зонтик!

— А зачем вам зонтик? — спросил папа. Хитренький Игорь сказал: «Чтобы под дождем ходить!» Взял Игорь зонт и закрылся на замок с Яриком.

Потом Игорь и Ярик стали снова ловить Кнопочку, но уже с зонтом, и чуть не зацепили ей хвост. Вошел папа, и Игорь со страху сломал зонтик. Папа сказал: «Что же ты сломал мой единственный зонтик? Я же теперь буду мокнуть, как сосулька!» Вошла мама. Ребята подбежали к ней и стали просить у нее черную ручку. Взяли ручку и поймали Кнопочку. Поймали и стали марать ее чернилами. Ярик сказал Игорю: «Пойдем покажем папе, какое у нас получилось чудовище!» Игорь сказал: «Нельзя, а то папа нас наругает!»

Понесли Игорь и Ярик Кнопочку в ванную и взяли пемзу. Они начали Кнопкины волосы оттирать пемзой. Они оттерли Кнопочку, и она стала

желтой. Мама увидела все это и крепко наругала Игоря и Ярика, а папа помыл Кнопочку.

Автор попросил папу громко прочитать его рассказ. Сидели, слушали, смеялись, и... как уже не раз случалось, между братьями возникла творческая конкуренция. Игорь писал еще неуверенно, но все-таки в свои семь лет сумел набраться терпения и написать историю «Лисица и Рак». Конечно, все это было им где-то прочитано, где-то слышано, однако...

Игорь Юрганов

ЛИСИЦА И РАК

Шла Лисица по лесу. Потом она увидела Рака. Лисица сказала: «Давай перегоняться!» Когда Лисица побежала, Рак вцепился ей в хвост. Лисица добежала до того места, посмотрела туда, шевельнула глазом, и Рак отцепился и сказал: «А я тебя здесь давно жду!» Потом Лисица сказала: «Пойдем к Волку перегоняться вдвоем». Пришли они к Волку, и Лисица сказала... (придется уточнить: что сказала Лисица, так и не знаю до сих пор, сам же автор по каким-то причинам это утаил). Начали они перегоняться. Рак переполз к пеню около дерева и стал там. Пока соревновались, и становились на старт, и болтали, Рак переполз через пеню и сказал: «Эх вы, медленные черепахи!»

Сохранила всю авторскую орфографию в неприкосновенности. Конечно же, узнала старую сказку про Лису и Черепаху и еще какую-то, но не в этом дело! Папа оглушительно хохотал, слушая, как сын старательно читает свою историю. Правда, «старшой» — Аллюня — очень скептически хрюкнул и ушел. Ярик настойчиво требовал от Игоря показать, как Рак переползал через «пеню».

Соперничество нарастало: едва один из «авторов» озвучивал свой рассказ, как немедленно ему «на пятки» наступал конкурент.

Наблюдая за поведением «творческих соперников», мне казалось, что в их реакциях многое напоминало поведение взрослых.

Я работала на филфаке в университете, и мне часто приходилось наблюдать, какими ядовитыми оценками сопровождалось суждение коллег о статье, написанной кем-то из преподавателей кафедры, или с каким пренебрежением встречались ими выход новой книги, публикация положительной рецензии на нее в профессиональных журналах! Зависть — бессмертна! Не знает она и возраста...

Сочинения братьев Алька почти никогда не хвалил. Он «уничтожал» соперника сначала взглядом, потом ухмылками, а когда чтение прекращалось, он вставал и говорил иронически: «Ой, ой! Тоже мне писатель! Научись сначала грамотно говорить!» Из-за недостатков своей речи Игорь стал немного комплексовать. Он теперь старался читать только мне или

папе, предупреждая тихо: «Только не показывай Алюне!»

Я и наш папка не очень расстраивались по этому поводу, понимая, что рано или поздно детям придется столкнуться с чем-то аналогичным в «социуме», как выражался Олег. И вот однажды...

Игорь простыл. Ученик второго класса уже знал: когда болеешь, наступает совсем другая жизнь! Тебя балуют, братьев-конкурентов дома нет, никто не мешает делать что хочется. Была дома лишь я. Через неделю — кандидатский экзамен по философии. Надо готовиться, вот и сижу над конспектами.

Мой мальчишка, иногда покашливая и сморкаясь в платок, чем-то занимался в детской комнате и не тревожил меня. Папа был на работе, иногда мне позванивал, интересуясь, как там дела у сына.

Назавтра, в субботу вечером, когда вся семья собралась за ужином, папа, как обычно, спросил: «Ну, писатели, создали что-то новенькое?» Игорь моментально поднял руку, и, хотя существовало негласное правило демонстрировать свои сочинения по старшинству: Алик, Игорь, Ярик, если, конечно, было что показать, — старший сын спорить не стал. То ли у него настроения не было, то ли что-то задумал и решил сделать нам сюрприз, но слушать Игоря он не захотел. Ушел в детскую комнату.

Игорь явно воодушевился. Я подумала, что его, наверное, «воодушевил» уход старшего брата, отчаянного «критика». Читал он на редкость складно и размеренно. История была про собаку, которая потерялась и искала своих хозяев, которые ее тоже искали...

Неожиданно из детской комнаты приходит Алик. Прислушивается. Мне показалось, что с каждой минутой его лицо становится зеркалом каких-то внутренних «страстей», пока мне непонятных.

И вдруг он почти истошно завопил: «Ты сам написал эту историю?» Игорь Алика не видел, сидел к нему спиной. От резкого голоса брата он вздрогнул, поперхнулся, прижал тетрадь к себе и сказал очень тихо: «Да, сам...» «Что ты врешь?!» — Алик негодовал! Он подошел к папе и стал показывать ему свою тетрадку, которую держал в руках, когда вернулся из детской. Выхватил из рук Игоря его блокнот, который папа накануне подарил «сочинителю», стал лихорадочно его перелистывать...

Позже, когда все успокоилось, Игорь, заливаясь горячими слезами, признался мне, что в пятницу, когда я не пустила его в школу, он открыл ящик Алика, вытащил оттуда его тетрадку и переписал в свой блокнот его рассказ «Как пропала собака», который очень старательно автором был записан большими аккуратными печатными буквами. «Грамотность — страшная сила!» — пробормотал папа, услышав признания среднего сына. И добавил растерянно: «Это ж надо, сколько времени потратил на переписывание...» Я увела рыдающего Игоря во двор, чтобы немного развеяться и дать остынуть

«возмущенному разуму» старшего, который не на шутку раскипятился...

...Поздним вечером, когда дети уже спали, Олег, сидя за своим секретером, молча вглядывался в ночное окно. Перелистывая свои бумажки, я услышала его голос:

— Они только учатся жить... Он неопределенно махнул рукой в сторону дверей гостиной.

— Дети? — решила уточнить я.

— Да, а кто же еще? — Олег посмотрел на меня необычно грустными глазами. — А сколько они нам с тобой показали уже именно оттуда!

Он мотнул головой в сторону окна, за которым ночная мгла уже расстворила ветви деревьев, контрастно выделив свет окон в домах напротив. «Оттуда», сообразила я, это значит из общества, куда, повзрослев, войдут наши дети... Нередко мы говорили на эту тему, и мне было ясно, о чем Олег сейчас размышляет.

Помолчав, он рассказал, как однажды случайно увидел рукопись своего коллеги, отставного капитана второго ранга, уволенного с корабля в запас и работавшего теперь научным сотрудником в их Институте философии и права Академии наук Белоруссии, не имея ни малейшего представления «...ни о праве, ни о философии...».

«...Я случайно заглянул в текст и ...обомлел! Узнаю в нем проект своего выступления на научной конференции, которая должна была состояться через месяц.

Представь теперь мое положение. Доказать, что это именно мое выступление, я не смогу! Моя рукопись бесследно исчезла! С завсектором она не была мною даже еще согласована. Просто сидел как-то с приятелем, разговаривал о теме в присутствии этого отставника. Спокойно и подробно излагал свои идеи, готовясь к другому семинару на сходную тему. Черновик с тезисами положил в ящик стола, который стоял как раз напротив стола «боцмана», как мы его прозвали.

Заикнись я о плагиате моего коллеги, будет скандал! Что я скажу? Что рукопись лежала у меня в столе? Что я с приятелем обговаривал подробности? И вовсе у меня не было уверенности, что тот поспешит подтвердить мои слова. Моя версия, что Георгий Авдеевич, ну, этот боцман, переписал пять страниц в свою тетрадку, как наш Игореша у Альки, слово в слово, а мою рукопись просто выбросил, станет предметом скандального разбирательства. Он, конечно, оскорбится. Начнется базар...»

Олег давно уже не работал в том институте, ушел на телевидение, но многие неприятные события, случившиеся с ним там, хорошо помнил...

...Прошел месяц или два после конфуза с «кражей» Игорешей истории о пропавшей собаке, и братья вскоре опять дружно делили благосклонность музыки. Правда, она в этот раз оказалась ужасно хулиганистой и даже

какой-то крикливой. Снова и снова рифмуя, «склеивая» слова и строчки, мальчики бежали ко мне или к папе, показывая, что у них получилось. И теперь малейшее сходство в строчках Игоря с теми, которые произнес Алька, вызывали у него подозрительность.

Правда, справедливости ради скажу, что Игорь старался быть теперь очень аккуратным и стычки соперников почти прекратились. А вскоре заметила, что Игорь с Аликом снова объединили свои творческие усилия и приносили мне показать совместные смешные песенки и стихи. Одну записала специально, для «истории»:

*Жила-была мышка по имени Крышка.
Она жила в пещере, ее любили звери.
Она умела лазить по вышкам и
По крышкам...
Весь день она трудилась,
Под вечер умиралась...
Она любила кушать
Яблоки и груши.
Но ела в пещере
И не показывала зверям...*

Я не стала разбираться с тем, что у Крышки был странный характер: она прятала от зверей свою еду, не делилась, но почему-то ее, такую эгоистку, звери любили. Не до того было. Братя без конца горланили первые две строчки совместного «опуса»: «Жила-была мышка по имени Крышка...».

...В день, когда старшему сыну исполнилось девять лет, он на целый день был нами объявлен королем! Взяли гладильную доску, поставили на нее табурет, задрапировали «трон» ярко-красной тканью (кажется, это был мой отрез на платье). Прежде чем виновник торжества взгромоздился на «трон», мы с папой изрядно поломали головы в поисках короны. Наконец нашли желтый (почти золотой!) металлический обод от конфетницы и водрузили сыну на голову. Корона получилась классная!

«Король» уселся на «трон» и очень старался быть величественным! Мы устроились на полу у ног «его величества» и беспрерывно повторяли бесконечно сладостную для него фразу: «Чего изволите, ваше королевское высочество?» Честно говоря, мы побаивались, что «высочество-величество» захочет чего-то такого, что нам окажется «не по зубам»! Наконец «король» громко заявил: «Мне нужны гимны в мою честь!»

Ну вот, доигрались, подумала я, но папа, тут же изобразив королевского шута, пригнул головы Игоря и Ярика к полу и, изображая подобострастие, спросил «их величество»: «Не могли бы вы подсказать нам, вашим королевским поэтам, слова, которые вы обязательно хотели бы услышать в гимнах?» В папином вопросе был свой смысл. Я играла с детьми в «стихоплетство»

и, научив их конструировать рифмы, заметила, что игра быстро увеличивает их словарный запас. Папа решил взять у «короля» рифмы, чтобы в день рождения заставить и «его величество» немного поработать мозгами.

Алька, то бишь «король», презрительно ухмыльнулся, и я невольно подумала: откуда у детей появляется и накапливается такое количество точных мимических масок с гаммой презрительных, снисходительных, чванливых, высокомерных и прочих уничижительных акцентов? Ведь еще совсем дети!

«Их величество» произнесло: «Берите карандаш и записывайте!» Игорь и Ярик с удовольствием заметили, что папа решил сам записать «высочайшее повеление», потому что не смогли бы поспеть за капризным «королем».

Однако Алька в тот день был явно не «в ударе» и надавал нам кучу пресных слов и рифм. «Не знаю — пылаю», «любое — простое», «министра — быстро» или что-то в этом роде.

Мы решили разделиться: папа объединил свои творческие усилия с Яриком, я — с Игорем. «Король», сидя на своем троне, ждал гимнов в свою честь. Коротать время ему помогали «Бременские музыканты», песни которых наш «король» любил слушать.

Наконец «творцы гимнов» объявили, что работа закончена, и папа, почтительно кланяясь, с радостью принял распоряжение «их величества» прочитать. Вот мое с Игорем «сочинение»:

*О наш король, увь! не знаю,
Чем вас порадовать. Пылаю
Желанием придумать быстро
Вам речь от вашего министра.
Скажи желание любое —
Волшебное или простое.
Все будет: слон, банан, машина,
Ведь так правительство решило!
А если вы хотите танк,
Дадим на танк — зеленый бланк.
А если вы хотите гром,
Мы в барабан ударим — «Бом!»
На сердце руку положи —
Всего, что хочется, — скажи!
Мы сядем все на вертолет,
Кто обещает — чур не врет!
Пока ты пьешь свой царский чай,
Слетаем всюду, даже в рай...
Король (прекрасная деталь!),
Когда не трус он и не враль,
Когда ему все по плечу,*

*Как цирковому силачу...
Тогда король всегда в «пятерках»
Зимой катается на горках.
Да здоровствует король!
Привет!
Ему сегодня — девять лет!*

Игореша в «творческом союзе» со мной был на редкость сговорчивым и полностью доверял мне все манипуляции с теми словами и рифмами, которые «их величество» произнес и приказал использовать в тексте «гимнов» в свою честь.

Когда папа торжественно завершил чтение наших виршей, Алька благосклонно кивнул и сказал: «Хорошо, ваше превосходительство мама! А теперь читайте дальше, что вы там сочинили, дорогой королевский шут!»

Папа непочтительно прыснул, Ярик ничего не понял и сказал строго: «Не обзывайся, понял?» Но папа замаял неловкую и явно рискованную для Ярика в день рождения «короля» реплику. Он торжественно стал читать «совместный» с малышом гимн «королю». Вот он.

*Не знаю лучше я министра,
Чем наш Алюня дорогой!
Соображает он так быстро,
Как будто конь спешит домой.
Заданье выполнит любое
(Машина даже не сможет).
Вот их величество решило
Всем танкам произвести учет!
И, взявши в руки чистый бланк,
Алюня записал в нем? «Танк!»
Но тут раздался страшный гром!*

*Бом, бом, бом, бом, бом, бом, бом, бом!
И все слышали приказ:
Войну скорее отложи,
Слова приветствия скажи!
И короля усвой наказ:
Войны не будет! Вертолет
Не отправляется в полет!
Заварим тихо мирный чай,
В своей семье устроим рай...
По государству объявление:
Король справляет день рожденья!
Войну и пушки — все убрать!
И в игры мирные играть!*

Краем уха я слышала диалог соперничавшей с нами «двойки»: «Ты согласен с такой строчкой?» — спрашивал папа пятилетнего Ярика и тут же получал в ответ «горячее одобрение»: «Да, конечно, здорово! Согласен!» Ну чем не «слияние душ»?

«Король» не преминул заметить в адрес папы с Яриком, что из их «гимна» не понял, кто он сегодня — глава государства или министр? Авторы смущенно опустили очи долу, но Ярик моментально все поставил на свои места: «Ты же не сразу стал королем, правда? Сначала ты был солдатом, потом — министром, а уж совсем потом — королем!»

«Их величество» хмыкнул, но перечить такой логике помощника «придворного поэта» не стал. Через минуту «король» спустился к «народу», и мы весело стали распевать свои скороспелые вирши-гимны.

Рифмотворческий зуд захватил детей надолго... Споры о сочетаемости рифм переходили иной раз границы «парламентских» правил дискуссий. И все-таки я слушала эту «творческую полемику» с большим удовольствием.

...Игоря с Яриком отправили мыть посуду на кухню. Вымыли. Стали спорить. Почувяв «запах паленого», хотела уже вмешаться. И тут слышу: «Под водой — раки», — говорит Ярик. Немного помолчал и, как всегда, восторженно и громко завершил: «Ползут во мраке!»

Слышу голос Игоря: «Нет! Нет! Не так, а так: «Под водой раки, они пошли во мраке!» Сама чувствую симпатию к варианту Ярослава, но, довольная уже тем, что дискуссия не перерастает в потасовку, молчу, слушаю. Ярик пока не в силах заметить, что в варианте Игоря нет никакого отличия от его собственного, но то, что брат пытается изменить его, Ярикины, рифмы, самолюбивому автору очень не нравится! «Собаки, может быть?» По-моему, он пытается иронизировать, но в его голосе уже чувствуется приближение слез. Слышу Игоря: «Собак под водой не бывает!» Ярик доволен: «Ну вот, а ты говорил!»

Через несколько минут «поэты» приходят на кухню и сообщают уже спокойно и даже деловито: «Мама! Мы сочинили хорошие стихи: «Под водою раки во мраке». Запиши!» И уходят.

Бывали у нас дни и вечера, которые папа называл Болдинской осенью. Дети открывали для себя рифмы с восторгом. Их настолько поражала игра совпадений окончаний слов, что они снова и снова подбирали самые невероятные сочетания. Правда, бывало это очень редко!

Вот мальчики уже лежат в кроватях. Пора уgomониться, но где там! «Поэт — привет!» Это — Игорь. «Вот за мной идет коза, дам ей шапкой три раза!» Это дурачится Алька. Все хохочут! Прислушиваюсь... Шепот братьев вдруг резко нарушается громкой пренебрежительной репликой старшего: «Тоже мне, Пушкин!» Слышу ответ самого младшего: «Не Пушкин, а Стишкин!» Хотя Ярик еще неграмотен, но лингвистическая интуиция подсказы-

вает ему, что Пушкин — это тот, кто делает пушки, а стихи пишет Стишкин!

Случалось, что необычно долгая тишина в детской оказывалась обманчивой. Вдруг оттуда выскакивают полуголые, безумно размалеванные наши мальчики и, топая ногами, размахивая руками, кричат:

*Пейте водку!
Бейте в глотку!
Пейте пиво!
Бейте в гриву!
Пейте квас!
Бейте в глаз!*

Это, так сказать, вульгарный крен в «поэтическом творчестве» юных рифмоплетов. Заметила, что «с годами» он становился все более явственным. Правда, сначала я не очень тревожилась по этому поводу, потому что все было в рамках приличия. Но вскоре стала замечать в словах и рифмах детей наши с папой «словесные шлаки».

Иногда появлялись слова, оброненные гостями, не слишком щепетильными в выражениях. Иногда это настораживало, но не более того. Тревог особых не было, просто я поняла, что происходит неизбежное «лексическое засорение».

Словесные прелести типа «шкаф сказал: “Гав!”», а комод сказал: “Урод!”» постепенно сменялись пресным и однообразным, примерно такого пошиба, выданным Игорем: «Алюня-кастрюля пошел в магазин, купил там колбаску и маленький сыр. А мама-мамаша пошла на базар. Купила она там большой самовар. А папа-папаша...» И все в таком духе — примитивно и уже, увы, не смешно.

...Со временем «словесное творчество» братьев обрело новое направление: они увлеклись сочинением детективов. Хотя и громко сказано, но появился жанр, который старший сын назвал «вральками», а Игорь с удовольствием его поддержал.

Дети изображали чекистов, шпионов, милиционеров, разведчиков. Играли увлеченно и всерьез — с допросами, погонями, тайниками, шифровками. Вскоре я записала в своей тетрадке: «Насмотревшись фильмов о преступлениях, приключениях, шпионах, Алюня, который уже перешагнул порог третьего класса средней школы, пришел к заключению, что живет он скучно, и ему захотелось, чтобы вокруг поскорее «запахло жареным».

По-моему, Альке показалось, что всякая детективная история начинается с таинственного письма «неизвестного». Таковым был, конечно же, сам Алик. Теперь осталось решить: кому это письмо адресовать? Я могла только предположить, что в поисках достойного адресата Алик остановит свой выбор, конечно же, на папе. «Неизвестный» сразу же приступил к делу. Утром папа обнаружил на своем столе конверт с письмом. Там было написано:

«Здравствуйте, дорогой!

Срочно вызываем вас в Париж, у нас произошел ужасный случай! Мы знаем, что вы хороший психолог. Мы вам все объясним, когда вы прилетите». На конверте был обратный адрес: «Париж, улица кардинала Ришелье, дом 25, квартира 106».

Открыв в подъезде ячейку с номером своей квартиры, папа нашел второе письмо! Тут же его распечатав, он прочитал: *«Господин! Если вы приедете в Париж и поможете нам решить проблему, вас ждет много золота!»* Подпись, стоявшая в конце письма, ввергла папу в полное смятение: *«Казатская банда»*.

Я, разумеется, сохраняю орфографию оригинала, чтобы сберечь весь «стилистический аромат» текста. Разумеется, «хороший психолог» решил в Париж не ехать, чтобы не испытывать судьбу. Кто знает, чего там задумала эта «казатская банда»?

Больше всего меня рассмешила такая деталь «подметных писем». Слово «проблема» — любимое у папы. Подхватив его, дети придали своему тексту особый привкус.

Детективный жанр, прозванный самими авторами «вральками», снова объединил братьев. Вместе писали, вместе рисовали к своим историям иллюстрации, читали, громко хохоча, и впервые не спешили показывать свои «творения» ни мне, ни папе.

Влияние прочитанных книг, увиденных по «телику» фильмов, например «Трех мушкетеров» с Боярским-Д'Артаньяном, определенно чувствовалось. А история brave солдата Швейка, которую я совсем недавно закончила читать детям, так им понравилась, что «авторы» стали все чаще делать этот персонаж романа Гашека чуть ли не главным действующим лицом своих сочинений.

Я приведу сейчас несколько историй, авторы которых, наверное, уже и забыли об их существовании. Повторяю, я сохраняю орфографию и пунктуацию, потому что не могу устоять перед аурой очаровательной безграмотности «авторов». Именно она придает неповторимость тексту «детективов».

Вралька 1. Как Швейк хотел записаться в роту мушкетеров

(Здесь же нарисованы герои «вральки»: Атос, Портос, Арамис, Д'Артаньян, Швейк и кардинал.) *Приехал Швейк в Англию. Он убежал от паручика дуба. Сначала он пожил один день в лесу и переночевал там. А потом он пошел искать город. Решил Швейк искать Город Мушкетеров. Искал он искал и наконец пришел в Париж. Передвижение Швейка из Праги в Париж через Англию нашего папу ужасно рассмешило! Он взял карту, показал детям Прагу, Англию, провел пальцем через пролив, отделяющий Британские острова от Франции, и наглядно продемонстрировал, какой длинный путь прошел несчастный Швейк. Но «авторы» пропустили мимо*

ушей папины географические коррективы. «Это же «вралька», папа!» — сказал старший сын и укоризненно глянул на отца. Ну в самом-то деле!

Вралька 2. Швейк в Париже

В Париже охранники стоят у ворот. Сколько Швейк ни ходил его в город не пустили. Тогда он взял свой ремень а он у Швейка был такой что нужно только нажать кнопку и он вытягивался в двадцать пять метров! Тогда он закинул на стенку ремень и перелез через нее.

Лаконизм текста выдавал, скорее всего, поспешность, с какой авторы хотели писать эти истории, чтобы тут же прочитать их вслух самим себе. Воображение сочинителей хранило гораздо большее количество деталей, чем те, которые «выливались» на страницы тетрадей. Недаром они громко смеялись. Написание текста было стимулом к включению воображения. Их «внутренний телевизор» показывал героя во всей красе, и авторам не требовалось описывать на бумаге все его проделки! Писалось для стороннего читателя или слушателя, но процесс сочинительства никак не хотел согласовываться с процедурой написания. Последнее было делом нудным и требовало много терпения. А вот его у авторов как раз-то и не хватало!

Вралька 3. Солдат Швейк вступает в роту мушкетеров

Увидел солдат Швейк из-за забора мушкетеров и кричит им: «Я тоже хочу быть мушкетером!» Тут кто-то тронул его за плечо и сказал: «Хочешь быть моим денщиком?» Швейк испугался и сказал: «Так точно!» И неизвестный унес его с собой в неизвестном направлении.

Вралька 4. Швейк в доме кардинала

Очнулся Швейк в доме кардинала. Он увидел открытое окно. «Ой, я же могу спрыгнуть!» Он спрыгнул потому, что был на первом этаже. Его никто не заметил. Он побежал искать двор мушкетеров. На дворе мушкетеров все было в разгаре. Мушкетеры тренировались.

Мне показалось, что с каждой серией «авторы» приобретали навыки более или менее упорядоченного изложения событий, которые происходили со Швейком.

Вралька 5. Как Швейк поступил в роту мушкетеров

Швейк подошел к воротам двора мушкетеров и его заметил господин Де Тервиль и казал: «Что тебе тут надо?» А Швейк говорит: «Я хочу поступить в роту мушкетеров!» А Де Тервиль отвечает: «Если ты умеешь драться на шпагах, то возьми.

— Я умею!

— Так покажи! — Де Тервиль дал Швейку шпагу, с которой он будет драться. И Швейк начал.

Вралька 6. Как Швейк ранил всех четырех мушкетеров

Швейк победил всех мушкетеров, которых капитан Де Тервиль дал ему, для того, чтобы Швейк показал, как он дерется. Первого мушкетера

он оглушил, второго ударил по ноге, третьего сразил ударом в кобчик, а четвертого проткнул шпагой в руку. «Ловко! Сказал Де Тервиль. Кто ты?» «Я — Швейк!» Закричал веселый Швейк.» «Это мой денщик! Он у меня служит!» — раздался голос кардинала.» «Я — погиб!» — подумал Швейк и выпругнул в окно.

Тут уж сам «накал» ситуации очевиден!

Вралька 7. Швейк в драке с гвардейцами

Подумал Швейк и сказал сам себе: «Ну Швейк прощай!» И только он это сказал, как услышал за спиной четыре голоса: «Ах! Я тебе вот так то! За проказы! Давно асфаль нюхал? Ты козел давно травку щипал?» «Что такое, что такое?» возмутился Швейк. Оказывается мушкетеры били гвардейцев кардинала. А рядом стоял кардинал и со страхом смотрел на побоище пока Швейк не изловчился дать ему по голове какой-то мотыгой. «Молодец, парень!» Крикнул Д'Артаньян Швейку. Но Швейк не остановился на достигнутом, он так мутузил гвардейцев, что кардинал, когда пришел в себя от этой картины снова упал в обморок. Да! Драка была очень горяча! Бились тем, что под руку попадалось. Главным героем этого побоища был наш Швейк. Он без разговоров здоровается с гвардейцем, а когда тот уходил в середину драки запускает в него кирпич или дубину. В общем картина выглядела так: мушкетеры сидят на каких-то бревнах, стройными рядами лежат гвардейцы во главе с кардиналом.

Вот так, а не иначе!

Примерно через две недели интенсивного творчества «авторы» выдохлись, чего и следовало ожидать...

...Было утро воскресного дня. Дети бегали по квартире еще не умытые и не одетые, постоянно натываясь друг на друга, громко визжа и даже падая. Это безобразие я решила изобразить в картинках, и, когда мальчики немного утомонились и сели с папой завтракать, быстренько нарисовала недавние сцены утреннего столпотворения.

Свой сатирический плакатик я повесила рядом с расписанием дежурств по кухне, и дети очень быстро увидели его. К каждой рожице, которую я набрасывала, не слишком заботясь о сходстве, прилагалась эпиграмма, и Алька, как самый грамотный и уже бегло читавший, стал громко декламировать, прерывая чтение громким хохотом:

АЛИКУ:

*Алик рано встал, чуть свет,
Только толку в этом нет!
Он уроки сделал, но —
Было в голове темно...
На зарядке — разрядился
И потом весь день ленился.*

*Нотки бедные на грифе,
На струне: четыре — пять,
Словно корабли на рифе —
Только некому их снять.
Шлют сигналы в океан:
«Помоги нам, Нариман,
Напиши ему в тетрадь:
«Ноты твердо надо знать!»
Алик им ответ дает:
«Я таких не знаю нот!»*

Придется все-таки кое-что разъяснить. В эпиграмме — мотивы наших домашних бед: Алька учился играть на гитаре у педагога по имени Нариман.

Игорь нашел свою рожицу.

ИГОРЮ:

*И войдет навеки в спорт
Новый чтения рекорд.
Чемпион ужасно горд,
Улыбаясь во весь рот.
Он читает за минуту
Девяносто слов подряд!
Только книжки почему-то
Непрочитаны стоят...*

О тренировке Игоря на скорость чтения я уже писала, но любовь к книге еще предстояло привить. Вот и возник у меня сюжет для этого сатирического стишка.

ЯРИКУ:

*Это что за рожа?
На кого похожа?
Рот уехал к уху,
Нос полез на лоб.
С музыкальным слухом
Кто это орет?
Слышно даже во дворе:
«До-Ре-Ми-До-Ре-е-е-е!».
А потом исчезла рожа
И от слез просохла кожа.
Вот сияет, как фонарик,
Наш веселый мальчик Ярик!*

Ярослав был малышом вспыльчивым. Моментально взрывался и орал. Чтобы «глас вопиющего в пустыне» был услышан в любой точке планеты, голос орущего должен быть именно таким, как у нашего Ярика.

В тот воскресный день Ярик орал особенно вдохновенно. Немного оглохшие, мы общими усилиями наконец-то успокоили мальчугана. Однако крикун очаровал нас своими совершенно сухими глазами и сногшибательной, как говорит наш папа, улыбкой. Вот об этом я решила написать в своих стишках на плакатике...

...Наш папа решил, что пора от развлекательных форм «словесного творчества» переходить к полезным для общества. Я опешила от такого заявления главы нашего семейства и попыталась получить разъяснения. Олег, улыбаясь, сказал: «Мы с тобой пишущая братия, так? Ну, и дети наши унаследовали от нас эти способности. Не берусь прогнозировать, станут ли они прозаиками и поэтами, но учиться писать в газету уже можно!» «Зачем?» — вырвался у меня вопрос, потому что я действительно была искренне удивлена, зачем мальчику, едва закончившему первый класс, нужно учиться писать в газету.

Папа позвал Алика в гостиную, посадил на стул напротив себя, а меня усадил на диван. Он попросил сына рассказать, что сегодня (разговор случился уже под вечер) было в школе.

Алька весело начал рассказывать, как прошел в школе праздник скворечника (на дворе был апрель), как в классе выпустили первую сатирическую газету «Гвоздь» и двое ребят и одна девочка, которые все время шалили на уроках, попали туда. «На них нарисовал карикатуру один мальчик, Саня Мельников, совсем как мама рисовала на меня...» Еще были какие-то события, о которых наш ребенок рассказал нам.

«Теперь, — таинственно прищурившись, сказал папа, — идите в другую комнату, я вас скоро позову». Мы вышли. Сын стал меня пытаться, что это папа придумал? Я и сама не знала. Когда живешь с таким выдумщиком и фантазером, как наш папа, невозможно знать, что ждет тебя в следующую минуту.

И действительно, очень скоро папа позвал меня и Алика. Мы слышали, как стучала пишущая машинка, и я предположила, что папа что-то пишет и хочет нам показать. Когда мы вошли, он держал в руках листочек с ровными рядами печатного текста. «Сейчас я вам прочту сообщение об одном дне из жизни Алькиного класса», голос у папы был каким-то особо торжественным. Он слегка приподнял листок и стал читать. Мы услышали про то, о чем несколько минут назад рассказывал старший сын. Только изложено это было темпераментно и весело. Папа постарался изложить события как можно ближе к Алькиному стилю, и получилось просто здорово! Алька был в восторге. Потом папа взял местную газету «Зорька» и прочитал несколько сообщений о жизни школ республики под рубрикой «Юные корреспонденты сообщают». Это были коротенькие заметочки о том, что случилось в той или иной школе.

«Ты уже натренировался выражать свои мысли вслух, — голос папы звучал очень серьезно, а взгляд выражал то ли надежду, то ли поощрение. Алька тоже слушал отца очень внимательно и кивал. — Теперь надо научиться эти мысли «причесывать», грамотно излагать на бумаге и такие заметки отправлять в газету. Будешь писать о событиях, которые видел, в которых сам принимал участие. Это — жизнь твоего класса. Школьная жизнь. Потом ты, например, придешь в театр и напишешь о своих впечатлениях, о том, что увидел на сцене. Может так случиться, что тебе в поведении твоих товарищей что-то не понравится или, наоборот, очень обрадует, ты и об этом можешь написать...»

Я и подумать не могла, что папе придет в голову обратить внимание нашего школьника на... журналистику. «А почему бы и нет! — Олег вдохновенно ходил по комнате, пытаюсь растворить мой скепсис в своих, как всегда, очень убедительных аргументах. — Мальчик неплохо владеет устным словом. Мыслит логично. Пусть пишет для пользы дела. Будет мыслить еще точнее, пристальнее смотреть на окружающую жизнь...»

Я не то чтобы возражала... Просто не представляла себе, что Алька готов к таким экспериментам. Слишком мал, девять только что исполнилось... Правда, папа еще год назад научил сына фотографировать, доверял ему даже свой фотоаппарат! Для нашей домашней стенгазеты, которая выходила раз в три месяца или в полгода, Алька часто писал короткие заметочки. Папа его заметочки редактировал, потом эта обязанность перешла ко мне.

...О жизни своего класса и школы Алька сначала наговаривал на магнитофон. Папа просил повторить пересказ два-три раза, и сын, слушая запись, убеждался, что в каждом варианте остается какая-то главная деталь, коренное событие, вокруг которого уже «хороводились» все остальные.

Потом Алик садился за папин стол и уже писал окончательный вариант. Мне кажется, что у него получалось неплохо.

К середине учебного года Алик опубликовал в той же газете «Зорька» свою первую заметочку. Он писал, как в их классе отмечали именины троих ребят, у которых и год, и день рождения совпали. Было много веселых эпизодов, о которых сын написал толково и, как показалось даже мне, — интересно. Ни я, ни папа текст его информации не правили.

Мне не удалось сохранить эти газетные вырезки, но я помню, с какой гордой физиономией ходили сам автор и его братья. Ярик, тогда еще не умеющий читать газетный текст, прихватил в садик какую-то газету — то ли «Правду», то ли «Советскую Белоруссию» — и просил воспитательницу Альбину Петровну: «Почитайте! Здесь статья Алика. Это мой брат. Он — писатель для газеты».

А вот статейку Алика, которая из минской газеты «Зорька» попала даже в большую молодежную газету «Комсомольская правда», мне со-

хранить удалось. Не стоит удивляться такому «взлету» юного журналиста! Ларчик открывался просто: в нашем доме жила милая женщина Вера, которая была одновременно заместителем главного редактора газеты «Зорька» и собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Белоруссии.

А случилось все так. Приходит однажды сын из школы, было как раз время обед, и мы с папой были дома. Возбужденный Алька кричит с порога: «Ты понимаешь, папа, что этот гад сделал? Он медаль...» Мы удивленно смотрели на сына: «Садись, рассказывай...»

Выслушав Альку, папа отодвинул тарелку и серьезно сказал: «Да за такое дело... В общем, так! Надо тебе сесть и написать об этом в газету. Пиши, как все случилось, как сам пережил, и, главное, помни, что это твоя точка зрения и ее надо будет читателю объяснить, ясно?» Сын согласно кивнул и, как был в школьной форме, помчался на свое рабочее место в детской комнате, сел писать по «горячим следам».

Вечером старший брат рассказал о случившемся младшим и между прочим сообщил, что об этом безобразии написал в газету! Игорь и Ярик моментально прониклись уважением к брату. Через неделю, получив газету с его статьей, потребовали, чтобы у каждого был свой экземпляр...

Вот она, эта статья.

Алик Юрганов

ДЕДУШКИНА МЕДАЛЬ

Произошло это с нашим одноклассником, имя которого я называть не стану по просьбе моих друзей. Как он мог это сделать, я не знаю, но он украл у своего дедушки медаль и принес в школу. Он хотел выменять ее на двух игрушечных ковбоев. И одноклассник Артур с ним поменялся! Но, подержав у себя медаль два первых урока, подумал: честно ли будет менять медаль, которую сам «обменик» не заслужил? Артур вернул мальчику медаль и сказал, чтобы тот возвратил ее владельцу. Он не знал, что медаль принадлежала дедушке того одноклассника, но предупредил его, что расскажет об этом нашей учительнице Ирине Александровне. Мальчик испугался. Он сказал: «Бери за просто так, только не рассказывай учительнице!» Мы строго осудили этот поступок всей звездочкой, и медаль была передана дедушке мальчика. Хочу рассказать историю про медаль, только другую.

Я гулял во дворе. Вдруг в траве что-то заблестело. Это оказалась медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Я принес медаль домой. А потом отдал ее бабушке. Она положила мою находку туда, где хранятся и ее награды. У нашей бабушки много медалей. Она часто рассказывает, за что ее награждали. И я понял, как нелегко получить награду Родины, как она дорога сердцу того, кому она принадлежит, и относиться к ней нужно бережно!

Примерно через три месяца, как раз к празднику 9 Мая, в «Комсомольской правде» эта статья Альки появилась в ряду писем и заметок, опубликованных ко Дню Победы. Газету нам принесла собкор Вера и вручила юному корреспонденту подарок от молодежной газеты — шариковую ручку и красивый блокнотик. Алька был страшно горд, а младшие братья ходили с ним по двору, как свита, показывая всем на карман алькиной куртки, из которой торчали заветные ручка и блокнот с наименованием газеты, многозначительно уточняя: «Это ему прислали из Москвы!»

В адрес Альки стали приходить письма, в которых дети соглашались с ним, клеймили тех самых «мальчишей-плохишей», которые поступали, как тот пацан с дедушкиной медалью. Алька стал на письма отвечать. Тут уж мне пришлось помогать с грамматикой, потому что негоже автору такой заметки показывать свою еще не очень окрепшую грамотность.

Потом случилось и вовсе невообразимое! Оказывается, «Зорька» объявила конкурс на лучшую заметку на тему дня и Алька попал, что называется, «в струю». Он выиграл конкурс и был приглашен в редакцию для получения приза. Это была книга «Рядом с отцами» о детях-партизанах, воевавших в тяжкие годы оккупации в одном ряду со своими родителями.

В тот день Алька болел и прийти в редакцию не смог, но представитель редакции, молодая улыбчивая женщина, появилась у нас дома с тортом и призом, которые торжественно вручила хворавшему автору-победителю...

...В каждом деле есть спады и подъемы. Алька по горло ушел в учебу и в газету писал все реже и реже. Но шутки, словесные забавы нет-нет да и захватывали воображение братьев, творчество которых продолжалось.

Неважно, что их сочинения укладывались «в мамину папку», главное, что теперь, когда я перелистываю эти уже пожелтевшие странички, меня смешат каракули и бесхитростные рисунки, уместившиеся под обложкой, на которой выведено: «Вральки».

...Перечитала все написанное. Посмеялась, хотя почти наизусть знаю все репризы моих детей. Пусть будет в каждой семье так: ребенок, открывающий родителям свои неожиданные и новые возможности. Правда, случается, что мы, родители, остаемся равнодушны к творчеству наших детей. Принес ребенок рисунок, стишок, а нам недостает доброй снисходительности, чтобы посмотреть, похвалить, что-то даже записать себе на память.

Я искренне веселилась и радовалась, когда детям удавалось сочинить что-то действительно смешное и забавное. А когда у своих мальчиков я обнаруживала искры растущего ума, так же искренне удивлялась и... гордилась!

Пусть я немного все-таки «довожу до ума» то, что сотворили дети, не способные еще к своим сочинениям отнестись критически. Может быть, я не слишком терпеливая и умелая мама, чтобы в творчестве детей укреплялись и грамотность, и тщательность. Может быть. Но от радости созерцания

творчества моих мальчиков я никогда не откажусь, даже если доживу до того времени, когда они, с высот своей зрелости, будут оценивать «продукцию» своего раннего ума с откровенно скептическими физиономиями...

...Между тем на «гимнастику фантазии» нам с Олегом все-таки пришлось посмотреть настороженно. Одновременно с творчеством детей обнаружился рано созревший рецидив застарелой болезни всех детей всех времен и народов — ложь.

Может быть, я признаюсь сейчас в собственной наивности, но я действительно не знала, откуда у детей появляется ложь. Возможно, она всегда сопутствует пересказу детьми случившихся в их жизни событий, эпизодов дворовых историй, конфликтов, которые случаются у каждой девочки или мальчика, едва они получают возможность поиграть без присмотра родителей. Муж считал, что ложь как бы «обслуживает» интересы детей, их притязания, стремление защитить себя от нелюбимых оценок взрослыми их поступков. Самолюбие ребенка естественно, отсюда и его попытки уклониться от строгих родительских оценок, особенно в случаях, если свои притязания ребенок осуществляет непозволительным способом. Ну как тут обойтись без лжи? В общем, все не так просто...

...Приходит домой пятилетний Игорь. Взмокший, с растрепанными волосами, почти в слезах. Что случилось? «А Сашка сломал мой домик, который я строил там, в песочнице». И в пять, и в шесть-семь лет таких эпизодов множество. Решила все-таки разобраться. Спускаюсь с пятого этажа, подхожу к песочнице и вижу Сашку, такого же взмокшего и плачущего. Слушаю его жалобы. Его версия иная. Игоречек строил какой-то шатер или «вигвам» (накануне мы читали книгу про индейцев!), а Саша строил «пещеру» и вел подкоп так, что проник на территорию Игоря. Возник «конфликт интересов». Наш сын рассердился и бесцеремонно растоптал Сашкину «пещеру». Тот возмутился, ну и, конечно, от «вигвама» Игоречи остались только воспоминания. С ними разобиженный Игорь и пришел домой жаловаться маме. Сашка решил больше «судьбу не испытывать», ушел в другую песочницу, но слезы обиды еще не просохли и у него.

Вечером за ужином Игорь рассказывает шестилетнему Алуне и трехлетнему Ярику эту историю. Вожусь на кухне и краем уха тоже прислушиваюсь. Какие разительные изменения произошли в новой версии Игоря! Оказывается, он строил в песочнице не шатер и тем более не «вигвам» (это слово он почти сразу забыл), а корабль! Зловредный Сашка, оказывается, «пещеру» не строил, а этот корабль стал коварно бомбить песочными бомбами. Песок попал Игорю в глаза, и тогда он стал «стрелять» из «корабельных» пушек в противника. Сашка заплакал. «А я ему говорю, — тоном человека, убежденного в своей правоте, сообщает Игорь, — чего ты в мой корабль стреляешь и мне в глаза песком сыплешь?» Братья историю слушают вни-

*Игорь, подперев кулачками розовые щеки, хитро улыбаясь, рассказывает папе о представлении в цирке.
«Внутри железного шара ездит мотоциклист и стреляет!
«Прах-тах-тах!» А пули прямо мимо моих ушей свистят!»*

мательно, даже старший не ухмыляется скептически, а согласно кивает...

Слушаю и недоумеваю, где же правда?

... Из папиного ящика под его секретером стали пропадать значки, которые он когда-то начинал коллекционировать, но так и не «набрал темп» в своем увлечении. Однажды искал какое-то удостоверение. Недоумеает, куда запропастилось? Расспрашивает детей: может быть, кто-то видел? Мальчики сочувственно пожимают плечами.

Дня два спустя слышу разговор Алюни с Игоречком. Было им в ту пору одному — 6, другому — 5 лет. Алька спрашивает брата:

— Окуда у тебя этот значок?

— Кнопочка принесла, — отвечает Игореша. Алька с явным недоверием в голосе решил уточнить:

— Прямо тебе принесла, в твой ящик положила?

— Да, принесла... — ответил Игореша, правда, как мне показалось, с некоторой неуверенностью в голосе.

— Не ври, — резко сказал старший брат и громко позвал папу. Тот был занят в гостиной и попросил меня вмешаться. Алька стал рассказывать мне, как он нашел на рабочем месте Игореша значок, о котором спрашивал папа. «Игорь мне сказки рассказывает про Кнопочку, которая таскает ему папины значки прямо в его ящик с игрушками! Надо посмотреть: там, наверное, и лежит все, что папа искал!» Алюня был категоричен, а Игореша уже явно смущен. Я решила не прибегать к «ревизии», хотя и у меня уже возникли подозрения.

— Расскажи-ка и мне, — попросила я сына, — как это тебе Кнопочка таскает папины значки?

Игорь сначала нехотя, но потом, все более увлекаясь, стал рассказывать, как он лепил вчера из пластилина Бармалея, к нему подошла наша сиамская красавица кошка Кнопочка и принесла вот этот значок. Сын показал. Я знала, что у нашей Кнопки и в самом деле обнаружились «собачьи» способности таскать то бумажку, то кусочек колбасы, то невесть откуда появившуюся тряпочку.

Свою «добычу» она могла принести то Алику, то папе, то Игореше. Мы знали об этой особенности нашей кошки, но я, например, и предположить не могла, что кошка будет именно Игорю таскать папины значки. Ящик-то она открыть не способна!

— И много она тебе значков натаскала из папиного ящика?

Пятилетний Игорь простодушно пожал плечами. «...Значит, она крадет у папы значки и таскает тебе?» Это съязвил Алюня. Однако его скепсис все-таки не поколебал юного фантазера, увлеченного рассказом о талантах кошки. Пока разговаривала с Игорем на кухне, где возилась с ужином, Алька уже из детской громко кричит:

— Мама! Иди посмотри, что тут у Игоря!

Алька, в нарушение всех запретов лазить по чужим ящикам, все-таки не удержался. Иду в детскую, вижу в ящике книжечки удостоверений, которые папа искал уже третий день, и горочку значков.

— Вот, — гневно кричал Алюня, — что ты нам тут сказки рассказываешь про Кнопочку! Ты лазил в ящик стола к папе, все воровал и прятал к себе!

На шум пришел папа и, узнав, в чем дело, молча собрал все свои «цацки» и снова ушел к себе в комнату. Он был ужасно занят, готовил новую передачу «Акценты», к тому же «трещали» сроки заказанной молодежной газетой большой статьи...

Когда все уюмонились, я никак не могла выбросить из головы этот эпизод. Вранье и мелкие кражи были прилипчивыми спутниками детства наших мальчиков. Одному ребенку игрушка надоедала, он зарился на игрушку брата, которого могли «настигнуть» такие же соблазны. Тогда у Алика под подушкой оказывалась игрушка Игоря, о которой тот забыл, но, увидев случайно, что Алюня играет с ней, возмущался и требовал вернуть. Наверное, в каждой семье такое не редкость...

В той истории со значками меня обеспокоило, как увлеченно, правдоподобно рассказывал Игорь про Кнопочку, которая якобы таскала ему значки. Пять лет — время прелестное, и, глядя в большие зеленые глаза мальчугана, полные искренности, верить сыну хотелось безоговорочно, а «разоблачив», свести все к снисходительному смеху. Во всяком случае, так хотелось мне...

Если бы не нарушение Алюней запрета лазить по чужим ящикам, я была бы готова поверить младшему сыну, тем более что знала: папа у нас человек рассеянный, мог значок уронить на пол. Ну а Кнопочка... Бывают среди домашних животных и очень талантливые! А Игорешу Кнопочка действительно как бы выделяла среди остальных детей. Почему бы не принести ему «дань» за ту ласку, которой малыш одаривал кошечку? В общем, тогда ни я, ни Олег не стали делать выводов из случившегося, увидев в этом поступке обычное безудержное любопытство Игоря и такое же обычное лукавство, в котором нелепо было искать у пятилетнего малыша «криминальный» подтекст.

...Наступил шестой год жизни Игоря. Папа уже занимался с ним по полной программе, готовя к школе. Сын знал азбуку, решал простые арифметические примеры, ну и, конечно, с увлечением, как и его старший брат, проходил через папину «гимнастику фантазии».

Невольно я стала уже внимательней прислушиваться к рассказам детей. Попыталась хоть как-то сопоставить то, о чем они рассказывали, с теми событиями, которым сама была свидетелем. Меня ждали сюрпризы, но как к ним относиться, я знала далеко не всегда.

Пришли однажды дети из цирка. Ярик, которому уже исполнилось четыре года, рассказывает о дрессировщике. С удивлением слышу (я тоже была в цирке с детьми), что у слона «на голове стоял дом, а в доме сидели два мальчика...» Дом — сильно сказано! Было нечто, напоминавшее широкую бадью, обернутую ковровой дорожкой. А внутри действительно сидели два лилипута обоего пола. Но малыш не может разобраться в таких деталях. Это понятно!

Игорь, ему шесть лет, подперев кулачками розовые щеки, хитро улыбаясь, рассказывает папе о представлении в цирке. «Внутри железного шара ездит мотоциклист и стреляет! «Трах-тах-тах!» А пули прямо мимо моих ушей свистят!» Папа искоса посматривает на меня. Он в цирке не был. Старший брат сразу же вносит в рассказ Игоря дозу скептицизма: «Ты что, сдурел? Если бы они там стреляли, была бы паника!» Однако Игорь не теряет: «А люди там все кричали! Я сам слышал, это они от страха! Кричали так: «Ах! Ах! Ах!» Цензор — старший брат — терпеливо уточняет: «Конечно, это они боялись, что мотоциклист упадет, а не потому, что кто-то там в шаре стрелял и пули свистели!»

Не дожидаясь, когда Игореша замолчит, Алька начинает излагать уже свои впечатления. Рассказывает о воздушных гимнастах: «Летят они друг к другу под куполом цирка, и вдруг один из них не успел схватить за руку другого и падает, прямо вниз!» Папа полушутливо-полусерьезно почти кричит в ужасе: «Разбился?» Алюня страшно доволен: «Ну что ты, папа, не знаешь разве, что там натянута спасательная сетка. Гимнаст упал на нее и стал прыгать по сетке, как на батуте, и снова схватился за перекладину на веревке!»

По-моему, такие пересказы интересны, и дети, внося в них «отсебятиную», придают пережитым или увиденным событиям привкус собственного внутреннего соучастия.

...Все чаще и чаще я убеждалась, что дети стали опускать в своих рассказах о случившихся с ними событиях невыгодные для них детали. Мимика и жесты, слова, в которых можно было явно разглядеть «комплимент самому себе», украшали их роль в рассказанном эпизоде, особенно если речь шла о каком-то дворовом конфликте со сверстниками. «Я взял его вот так! — рассказывает семилетний Алька, показывая, как он защитил слабого от сильного драчуна, сложив руки в кольцо. — И он просто не мог пошевелиться!»

Если учесть, что обидчик был на голову выше Альки и на год старше, то объективность рассказа уже была под сомнением.

Позже и, как часто бывает, случайно выяснились вовсе не привлекательные для нашего Алюни детали. Оказывается, и «обидчик», и «защитник» были заодно против «жертвы», ненароком сломавшей игрушку Алюни — не-

давно купленный заводной мотоцикл. Кто-то из наших соседей «разборку» детей увидел и остановил.

Понимая, что информация просочится к маме с папой, которые всегда требуют делать все «по справедливости», а уж нападения типа двое на одного никак не одобряют, Алька оказался перед альтернативой: рассказать этот эпизод, сделав акценты на обиде за поломанную игрушку или на том, что в конфликте он защитил слабого!

В тот момент у нас в семье идея «Защити слабого!» была особо почитаема. Потасовки между братьями, особенно когда старший, в порыве «безудержного гнева», распалялся, да так, что малыши начинали плакать, нас с папой очень тревожили. Что в таких случаях делать? Выбор невелик! Читаем книжки, говорим о том, что «обижать младших и слабых дурно!» А тут случилось это злополучное событие во дворе... Алюня и решил во время вечерней беседы за ужином упредить «утечку информации» и рассказать нам, какой он «справедливый человек». Он полагал, что, поскольку прямых улик его лжи нет, можно без риска разоблачения показать, какой ты хороший человек!

Случайно разговорившись с соседкой, которая видела потасовку из окна своей квартиры и строго попеняла мальчишкам, я услышала от нее подробности, а с ними и укор: «Ну как твой Алик стал колотить Генку по голове, я аж испугалась! А этот Леша, ну Алкин сын... Ему помогал. Тут я и заорала на них».

Когда дома мы снова вернулись к этому событию, Алька подавленно молчал. Он не отказывался, что потасовка была и соседка крикнула из окна, но быть откровенным так и не захотел. Папа резонно заметил сыну:

— Или ты совершил хороший поступок и соседка сказала неправду, то есть оклеветала тебя, или она права, тогда тебе, видимо, есть чего стыдиться. Только ты можешь сказать, что же было на самом деле. Если ты молчишь, я, как твой папа, должен пойти к Генке (та самая «жертва»), к твоему приятелю Леше («соучастник»), Марии Григорьевне (соседка-свидетель) и спросить их, как все было на самом деле. Но я хочу, чтобы ты сам все нам рассказал.

Стараясь хоть в чем-то сгладить свой проступок, Алька почти шепотом, коротко рассказал о случившемся. Правда, ни я, ни папа не увидели в мучительном признании старшего сына даже намек на раскаяние. В лучшем случае — протокол: «Генка попросил мотоциклиста поиграть. Вернул мне с погнутым рулем. Я его побил, а Лешка добавил, потому что Генка стал со мной драться...»

Олег все-таки пошел к «жертве» домой. Он хорошо знал его родителей и попросил мальчика рассказать, как все вышло. К тому же он увидел две свежие и глубокие ссадины на щеке и подбородке у мальчика. Это и были следы «орудия расправы» — мотоциклиста, которым наш старший сын

колотил «противника».

Я специально записала в своем дневнике эту историю так подробно, чтобы понять корни «защитной» лжи для облагораживания дурного поступка, который совершил мой сын. Ни Олег, ни я не считали верным «тезис»: «Дети есть дети, сами разберутся».

Мы слышали его часто от друзей, соседей, от незнакомых людей, когда заходил разговор о проделках детей. Опыт наших наблюдений за поведением сыновей показал, что надо разбираться с каждым фактом и помогать ребенку понять опасность его проступков, если для этого появились причины.

По-моему, именно с этого случая мы вступили в полосу жизни старшего сына, в которой его ложь стала предметом нашего беспокойства и внимания. Вот почему в разговорах с мужем об этом я стала откровенно тревожиться, что «гимнастика фантазии», которой так увлекся папа Олег, будет только совершенствовать детскую ложь.

Что-то надо сделать такое, говорила я Олегу, чтобы эти тренировки фантазии и логики не привели разум наших детей к опасной изворотливости в будущем! Надо менять наше отношение к рассказам детей о пережитых ими событиях и эпизодах, чтобы правда факта все-таки преобладала. Надо учить ребят оценивать себя честно.

Я вспомнила старый шуточный прием контроля за правдой в рассказах детей, который применяла бабушка Зина. Как только ей казалось, что начинаются «завирания», она тут же накладывала средний палец на указательный. Это значило для рассказчика: «Не верю!» Если рассказчик продолжает фантазировать, бабушка Зина делает это и на другой руке. Энтузиазм увлекшегося враньем рассказчика заметно угасает. Недоверие слушателя резко снижает «масштаб вранья».

Мы с папой решили применить этот «бабушкин» метод. Сначала рассказали детям, что вранье — не такое уж и безобидное «увлечение», как может показаться на первый взгляд, что можно привыкнуть говорить неправду и уже не отличать, где правда, а где ложь. Словом, побеседовали и показали бабушкин «знак сомнения», предупредили, что будем его применять, если и нам покажется, что...

Теперь рассказы наших детей звучали не столь красочно, как раньше. Они внимательно смотрели на наши руки. Едва пальцы у папы или у меня начинали шевелиться, приближаясь к «конфигурации сомнения», дети моментально сбавляли темп, стараясь рассказывать «поаккуратнее». Было очень забавно смотреть на лица мальчиков, которые чувствовали, что надо быть «поосторожней с фактами», и старались рассказывать, уже думая о доверии к ним слушателя.

Я записала разговор с Олегом по этому поводу.

«Я не знаю, — говорил муж, — станет ли его величество Факт уважа-

емым в моральных правилах детей, когда они станут взрослыми. Может, в качестве аргументов им по душе будут выдумки. Я наверняка в их возрасте не был идеалом... Подрост и наткнулся на то, что нередко от правды приходится отказываться! Проблема древняя. Но у нее есть другая сторона: когда дети вырастут, им неизбежно придется столкнуться с обстоятельствами, когда только правда и факты станут свидетельством их порядочности! Я понимаю, легче замаскировать трудную для них правду в красочные складки фантазии. Потому и уживаются сейчас в их возрасте наивность с выдумкой! А что будет потом?»

В жизни семьи и в отношениях с родителями, особенно в подростковом возрасте, дети часто не получают желанного внутреннего комфорта. Об этом я могу судить и по своему дочернему опыту.

Нет комфорта внутри твоего «я»? Зато у тебя есть фантазия. Она предоставит тебе иллюзии, может замаскировать неприятную реальность. Ты создаешь с помощью фантазии свой мир и вправе никого туда не пускать! Ни своих родителей, ни тех, кто тебе неприятен. Однако так и до реального яда недалеко: наркотики, синтетический клей, который затеяли нюхать пацаны и девчонки. Они «балдеют», отравляя свой разум, на который давят обязательства и конфликты реальной жизни.

В моей семье тоже были конфликты между родителями. В порядке вещей были между ними скандальные разоблачения, а потом лицемерные примирения. В раннем возрасте я очень неохотно пускала их в свой внутренний мир. Окунаясь в облака фантазий, я выглядела человеком «не от мира сего». В 13–15 лет я подпитывала свои фантазии чтением, стихами и не замечала, как в моем внутреннем мире за клубился дым иллюзий!

Став взрослой, я наделала немало ошибок именно потому, что окунулась в удобный для меня с раннего отрочества иллюзорный мир, в котором я оценивала себя вовсе не так, как требовала жизнь. Теперь, став матерью троих мальчиков, я стала тревожиться, увидев, как умело используют они фантазию для своих уловок.

У моих детей — совсем иная атмосфера в семье. Ее невозможно сравнить с той, в которой росла я — их мама. Мы с папой очень хотим быть друзьями сыновьям, но вряд ли нам удастся игнорировать частую готовность наших мальчиков использовать свою фантазию как «дымовую завесу» для лжи, лукавств и ухищрений. Может быть, это неистребимо? Детям предшествующих поколений человечества всегда хотелось и делать, и желать что-то из области запретного, а на себя они смотрели вовсе не глазами своих родителей! Хотелось избежать ограничений, возводимых папой и мамой. Их-то и следовало перехитрить, обмануть, чтобы эти ограничения преодолеть! Вот они и привлекают фантазию, даже не догадываясь, что идут «по кругу»...

Пока двойственность прелестной работы ума и чувств моих детей, то есть их раннее фантазирование, до меня только «доходило», я не чувствовала тревоги. Должно было пройти год-два, чтобы уже возникло беспокойство.

К возрасту восьми-девяти лет старшего сына, шести-семи — младшего нам с мужем пришлось все-таки задуматься о том, что в сознании наших детей тренируемая папой фантазия, ее словесное и логическое оснащение привели к совершенствованию... детской лжи. Я пыталась следить за тем, чтобы фантазии не стали «троянским конем», в чреве которого прятались бахвальство и ложь, иллюзорность в оценке событий, героями которых оказывались мои подростковые сыновья, и неискренность. Желание мальчиков защититься от порицания родителей (да и не только!) при совершении дурных поступков, стремление избежать раскаяний и, конечно, наказания с каждым днем становилось все очевиднее. Между тем внешний мир со всеми его противоречиями и опасностями уже вплотную приблизился к растущим сыновьям. Но, как говорится, «еще не вечер...». Поживем — увидим!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ *Корабль «Павел Корчагин»*

Наш папа очень любит дисциплину и порядок. И еще он любит морской флот. Болезнь не позволила ему осуществить мечту детства — стать моряком, и, когда дети немного подросли, морские порядки он начал вводить дома.

У меня на столе лежит «бортжурнал» корабля «Павел Корчагин». На обложке дата: 1977 год. Это значит, что старшему сыну — шесть лет, Игорю — пять, младшему, Ярославу, «стукнуло» почти четыре года.

Может быть, папка и оставил бы эту затею с морским крейсером на нашем пятом этаже, в двухкомнатной квартире, но жизнь заставляла что-то придумывать. Алько предстояла школа, и старшего сына надо было настойчиво и планомерно приучать к дисциплине и самоконтролю. Был он довольно возбудимым мальчиком, которому часто не удавалось совладать со своими желаниями, «хотячками», как я их называла. К тому же он часто срывался, обнаружив, что младшие братья делают что-то не так, как ему бы хотелось.

Одним словом, когда впереди замаячила школа, названная моим умным мужем «социальным институтом с хроническими стрессообразующими факторами», мы задумались: что же делать? Я уже рассказывала, что папа учил нашего первенца грамоте с четырехлетнего возраста. В шесть Алька очень прилично читал, решал задачки и фактически программу первого класса полностью освоил уже к сентябрю. Сначала подумывали отдать его в школу с шести лет, чтобы на фоне легкости в учебе, после хорошей подготовки дома, успешнее проходило привыкание к общению с одноклассниками, приобретались навыки терпения и внимания.

Однако от этой идеи пришлось отказаться. Несобранность, неаккуратность сына, слабые самоконтроль и сосредоточенность были настолько очевидны, что школа могла обернуться настоящей каторгой и для него, и для нас. Мы боялись его отвращения к школе, которое может сделать учебу неприятным занятием.

На семейном совете было решено приучать старшего сына к порядку, подтянуть дисциплину... Но как? Я уже начала работать. Диссертационные дела заставляли меня часами просиживать в библиотеке. Рассчитывать на бабушку с дедушкой не приходилось: во-первых, они оба работали, во-вторых, даже когда у них и появлялось время для внуков, нашим сыновьям хотелось, чтобы время, «когда — все можно», не прекращалось, а папа с мамой становились бы такими же покорными, как бабушка с дедушкой.

Муж работал в Институте философии и права, дома засиживался далеко за полночь над статьями для журналов и газет. Потом начались его авторские программы на радио и телевидении, задумывались первые книги. То есть времени — в обрез!

Мне надо было походить по магазинам, постоять в мучительных очередях, чтобы купить продукты. Придешь домой — надо приготовить еду. Быт — рутина, без которой невозможен теплый семейный очаг.

Как же в таких условиях, когда вся семья была в сборе только в праздничные дни, субботы и воскресенья, приучать детей к порядку и дисциплине, причем чтобы это все не выглядело нудным и скучным делом? Вот тогда наш папка и предложил нечто такое, что у детей сразу вызвало восторг!

Однажды, ужиная и беседуя о том о сем, папа предложил нам представить, что мы живем и служим на большом... корабле!

«Это — крейсер или линкор! — вдохновенно размышлял папа. — Кругом океан! А мы — матросы этого корабля!»

Дети моментально подхватили идею и стали требовать... присвоения морских званий. Алька кричал, что папа будет, конечно, адмиралом, а он — старший сын — капитаном первого ранга. Удивляюсь, откуда он все это знал?

Ярик мало что понимал, еще совсем кроха, но представил сразу, что кругом бушует море. «У нас здесь как будто много-много воды, правда, папа?»

Он куда-то убежал и через минуту притащил «спасательный круг» — резиновую уточку, на которой плавал, когда мы отдыхали на озере Нарочь. Его предусмотрительность нас рассмешила, но начать распределять морские звания мы решили именно с Ярика. Так он стал на нашем корабле боцманом, Игорь — мичманом, Алька — первым помощником капитана, ну а наш папа по праву стал капитаном первого ранга, пообещав: «Адмиралом я стану, когда вы все закончите школу, хорошо?»

Очередь дошла и до меня. Мои мужички растерялись и умолкли. Я в морских делах не дока, но из книг знаю, что женщина на корабле — признак беды! Дети об этом не знали, но папа, я уверена, был не хуже меня осведомлен по части женщин на борту.

Придирчиво оглядев меня, папа снисходительно вымолвил: «А ты, женщина, будешь матросом!» На том и порешили. На большее я не претендовала, к тому же не в званиях дело! Не выбросили женщину за борт — и на том спасибо!..

Уже следующим вечером папа ввел построение на палубе, приказы и рапорты. Как там у моряков? С ударением, кажется, на букве «о»? Отбой происходил под звуки «склянок» — колокольчика, найденного кем-то из детей во дворе у мусорки. Сделали флашток, и мне пришлось проститься с бело-голубой юбкой, потому что именно такой флаг бывает у моряков на

кораблях.

Папа где-то раскопал старую пластинку с военно-морским маршем, громким и бравурным! Марш звучал утром и вечером. Правда, звучал он всего несколько секунд и звуки меди решительно прекращались на самых высоких нотах.

Утро на корабле начиналось в 7.00. Подъем оповещался папой, когда он, встав по будильнику (бедный папа, ему так хотелось спать!), заходил в детскую и, взяв в руки мелодичный колокольчик, тихо, а затем все громче и громче провозглашал (другого слова и не подберу): «Подъем! Подъем!»

Резвей всех вскакивал Ярослав. Игорь вскоре научился делать это даже быстрее «боцмана». А вот Алюня! Он тяжело вздыхал, страдальчески морщился, но все-таки, наконец, поднимался. Уборка постелей, зарядка проходили без меня. Женщина-матрос срочно «откомандировывалась» на кухню, нет, простите, на камбуз! Надо было кормить капитана первого ранга, отправляя его в плавание, то есть на работу...

Зарядка проходила под музыку. Папа нашел какую-то ритмическую мелодию, и наш магнитофон старательно воспроизводил задорные, возбуждающие звуки, начисто изгонявшие с заспанных мордашек «моряков» последние следы сонной неги.

С наступлением вечера капитан первого ранга, то бишь отец семейства, объявлял построение и вся команда выстраивалась «во фронт», чтобы «отрапортовать» о событиях прожитого дня. После краткой линейки — минута подготовки ко сну. Дети шли умываться, чистить зубы, предварительно расстелив постели.

Здесь папа ввел новшество. Он брал секундомер, и под его тиканье команда должна была делать все как можно быстрее: одеться, раздеться, положить вещи на свои места, почистить зубы, убрать — постелить постель. Это было внове, детей страшно интриговало, и «команда крейсера» старалась вовсю!

Особые требования предъявлялись к Альке. Папа стоял над ним и требовал, чтобы первый помощник капитана показывал «младшему комсоставу» пример! Для старшего сына настали трудные времена! Всегда медлительный, особенно после сна, готовый отвлечься по любому поводу, а то и просто вставший «не с той ноги», Алюня теперь должен был научиться все делать быстро и четко, потому что звание первого помощника капитана обязывало. Он очень дорожил им, старался соответствовать!

Первая неделя «корабельных будней» прошла прекрасно! Дети буквально на глазах менялись, и я не верила своим глазам. Папа лукаво мне подмигивал, но однажды, когда мы улеглись спать, признался: «Знаешь, я со страхом жду дня, когда все это детям надоест, рухнет, и... не знаю, что я тогда буду делать? Надо постоянно что-то выдумывать». Вздыхнув, он за-

кончил шепотом: «Никогда не думал, что отцовство — такое жутко трудное занятие...» «Если бы только отцовство», — хотела добавить я, но решила промолчать, скрыв свой внутренний вздох сочувствия нашему папе.

В начале второй недели после «отплытия» нашего корабля кто-то из детей, уже сидя на «камбузе» перед отбоем, спросил папу: «А почему наш корабль называется «Павел Корчагин»? Папа Олег сокрушенно хлопнул себя по лбу и растерянно воскликнул: «В самом деле! Как же я так? Совсем забыл!» Он сурово глянул на меня и сказал: «Женщина-матрос! Почему личный состав ничего не знает о Павле Корчагине?» Я растерялась, но решила подыграть капитану первого ранга. Вскочила и, поджав живот, вытянувшись в струнку, отрапортовала: «Виноват, товарищ капитан первого ранга, исправлюсь!» Алька снисходительно улыбнулся: «Надо говорить «виновата», ты же женщина!» Папа мягко поправил младшего по званию: «Грамматически правильно, но по корабельному уставу надо говорить «виноват!».

Одним словом, я получила задание: каждый вечер перед сном читать книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». «Приказано» было делать это в субботу и воскресенье. Конечно, надо было «адаптировать» текст к возрасту «команды крейсера», опуская непонятные «товарищам офицерам» подробности.

Папа был очень доволен. «Представь, у нас все есть, как на настоящем корабле! Даже политзанятия!» Я посмеялась над восторгами папы-капитана, подумав, что легко так говорить «начальству», но мне-то надо изыскивать время! Да и читать требовалось выразительно, чтобы команда не разбежалась, уже не говоря о том, что приходилось комментировать места в книге, непонятные детям, тут же, во время чтения...

...Больше всего мальчикам нравилась вечернее построение. Как только в 9 часов вечера звучал колокольчик, то есть «морские склянки», дети бежали в свою комнату и в считанные минуты стелили постель. Затем так же бегом мчались в туалет, в ванную комнату, умывались, чистили зубы. Очередь выстраивалась чинная и спокойная. Ни-кто не смел опередить старшего по званию. Алька наслаждался своей ролью первого помощника капитана, когда Игорь вежливо уступал ему место перед умывальником, за обеденным столом. Накануне папа объяснил, что такое военно-морская вежливость и морская выдержка, и теперь это, вроде бы даже успешно, «внедрялось в практику».

У балконных дверей папа поставил флагшток. Приспособил к нему сверху и снизу специальные колесики, чтобы, подтягивая за веревочки, можно было опускать и поднимать военно-морской флаг, ту самую белоголубую юбку, которую женщина-матрос пожертвовала для крейсера «Павел Корчагин».

Поднимать и опускать флаг утром и вечером на линейке разрешалось

только «самому-самому» морскому офицеру. Случалось, что эта «почетная миссия» доставалась и мне. Хотя я и не любила военно-морской марш, громкий и противный, признаюсь, под его звуки подъем флага даже мною ощущался как особое, торжественное действо.

Книгу «Как закалялась сталь» читали долго, почти год. Потом папа принес альбом с фотографиями Н. Островского, читал его письма, очень ясные и добрые. Рассказывал, как сам оказался почти в таком же положении: не мог ходить, сидеть, только лежал. Потом тренировался и, благодаря спорту, теперь может и ходить, и даже немного танцевать...

В общем, наш корабль зажил своей особой жизнью, и папина придумка, как мне показалось, во многом помогала нашим сыновьям. Нет, они не стали идеальными детьми. По-прежнему существовали проблемы: задиранье старшим братом младших, бесконечное вранье Алика и Игоря и скандальные слезы Ярика, готового оглушить всех, если что-то идет не так, как ему хотелось бы...

...Однажды папа принес и показал мне кружок величиной чуть больше пятака. На него был наклеен маленький кораблик с красными парусами. «Знаешь, что это такое? — спросил меня капитан первого ранга и, не дожидаясь ответа женщины-матроса, произнес почти торжественно: — Это «Орден Благородной Бригантины»! Им будут награждаться моряки крейсера «Павел Корчагин» за особые отличия!

В тот же вечер «товарищи офицеры военно-морского корабля» рассматривали «орден» и прикладывали к своей груди, стараясь представить, как они будут выглядеть. Я сидела на диване, с любопытством поглядывая на детей и папу. «Орден» понравился всем, но папа предупредил, что на завтрашней вечерней линейке, которая совпадала как раз с концом недели и подведением итогов шести дней «службы на корабле», будет объявлено, за что будет вручаться «Орден Благородной Бригантины». Я, как школьница, подняла руку и спросила: «А что такое «благородный»?» Надо было позаботиться, чтобы дети поняли смысл этого слова, а папа, похоже, слишком увлекся красивым названием «ордена».

«Ну хорошо, — сказал папа, — сейчас объясню, что такое «благородный». Алик, помнишь, ты взял у Игоря луноход, когда «сели» твои батарейки?» Такой случай был, куда ж деваться. Смущенно шмыгнув носом, сын кивнул. Однажды Алька, «до смерти укатав» свой луноход, взялся за Игорешкин. Через полчаса игрушка малыша замерла — истощилась батарейка. Брат приходит из школы и удивляется, почему игрушка не двигается. Еще вчера он играл, подбрасывая луноходу под гусеницы всякие препятствия и радуясь, что он через них переползает, а сегодня ни на сантиметр не продвигается. Алька молча наблюдал за его растерянностью. Игорь обратился к старшему брату за «консультацией», и лукавый мальчишка, вертя в руках

игрушку, старательно изображал полное недоумение. Наконец решительно вынес «вердикт»: «Сломался, наверное...»

Игорь — в слезы! Я наблюдала за этой сценой, но не вмешивалась. Накануне я Альку просила игрушку младшего брата не трогать, и теперь мне хотелось узнать, чем же все закончится.

Алик спокойно смотрел на слезы Игоря и сказал примирительно: «Чего ты реवेशь? Все игрушки когда-нибудь ломаются!» Пришел папа с работы, нашел у себя в столе запасную батарейку, поставил ее в луноход, и наш Игоречек снова оказался на «седьмом небе» от счастья!

Взяла я Алика «под белые ручки», повела в гостиную, где никого не было, и спросила: «И тебе не стыдно?» Сын смущенно потупил взор. «Я же тебя просила не трогать игрушку Игоря. Говорила, что батарейка быстро «сядет» и луноход замрет!» Алька молчал. «Иди, извинись перед братом и объясни, как все было!» Алька, прислушиваясь к мерным звукам движущегося лунохода за дверьми комнаты, упрямо мотнул головой...

Я обо всем рассказала папе. Теперь, очень кстати, он эту историю вспомнил и привел как иллюстрацию к слову «благородный».

«Тогда, Алька, ты поступил неблагородно! И брата обидел, и струсил признаться в дурном поступке. А если бы ты все сделал, как тебя просила мама, — признался Игорю, попросил у него прощения... ты был бы благородным человеком. Ясно?» Алька нехотя кивнул.

«Женщина-матрос, — вдруг неожиданно строго обратился ко мне капитан первого ранга, — теперь вам понятен смысл слова «благородный»? Я даже не знаю, как у меня вырвалось громко и правильно: «Так точно, товарищ капитан первого ранга!»

Со словами «бригантина» и «орден» вопросов не было. Дети давно видели на столе у папы большую фотографию модели парусника, которую сделал наш дедушка Боря. «Это и есть бригантина», — сказал папа.

Я уже не стала вредничать и спрашивать, почему «благородная» именно бригантина? Меня так и подмывало посмотреть, как бы капитан первого ранга — большой любитель произвольных и парадоксальных словосочетаний — выбирался из своего словесного «капкана».

Из прочитанных нами вслух книг и просмотренных фильмов о войне дети давно уже знали, что орден — это особый знак отличия за геройские подвиги, так что смысл слова объяснять не требовалось...

И все же недельки через две с понятием «благородный» у Алики произошел конфуз. Теперь «согрешил» Игорь. Он без разрешения Алика взял поиграть во двор его пластикового солдатики и... потерял. Как ни пытался Игорек объяснить Алику, что все вышло «случайно», что он «не хотел», что он «больше не будет», брат был суров и неумолим: «Ты украл из моего ящика! Ты — вор!»

Папа напомнил старшему сыну историю с луноходом, и он немного поостыл. «Простить брата и не напоминать ему о его проступке — благородно!» — резонно заметил папа. «А почему он не извинился передо мной?» Алька явно стремился к «реваншу» за неприятные минуты собственной слабости, пережитые в недавнем разговоре со мной.

Услышав от папы, что теперь придется забыть о том, что Игорь самовольно взял его любимого солдатику и потерял, старший сын нахмурился. Но побыть «благородным» все-таки хотелось, потому что он мог получить красивый «орден»! Алька подошел к Игорю и сказал: «Ладно, я тебя прощаю!» Тут же повернулся к папе и решительно сказал: «Ты видишь, папа, я уже благородный! Давай мне орден!»

Пришлось папе еще раз разъяснять, что «орден» — пока образец, не приспособленный к ношению, а награждаться будут только те члены команды нашего крейсера, кто выполнит условия, объявленные на следующей вечерней линейке, то есть через шесть дней. Алька разочарованно вздохнул.

В глубине души «первый помощник капитана» понимал, что его ждут новые испытания, преодоление которых потребует от него еще больших усилий, особенно по утрам. Но, как говорят военные, приказы не обсуждаются. Это знала даже я!

Прозвучал марш, флаг был спущен, и «товарищи военно-морские офицеры» отправились в свои кровати. Безумно уставший за день папа подошел к письменному столу, на котором его ждала гора неразобранных бумаг и гранки новой большой статьи в газете, заложил в пишущую машинку чистый лист бумаги и быстро напечатал: «Приказ о высшей награде личному составу крейсера «Павел Корчагин» — ордене «Благородной Бригантины».

Простить себе не могу, что не сохранила оригинал этого приказа, как и многих других, зачитываемых во время вечернего построения. Но суть его помню хорошо.

Награждались орденом «Благородной Бригантины» те, кто помогал слабым, защищал их и во дворе, и в школе, кто не перечил маме и помогал ей убирать квартиру, работать на «камбузе», кто получил только «четыре и пять» в школе за прошедшую неделю, на кого не поступали жалобы от воспитательниц детского сада (это касалось теперь только боцмана), кто читал книжки, точно выполнял задания «старших по званию», соблюдал корабельный порядок...

Игра в корабль, безусловно, влияла на детей, их поведение становилось... Как бы это сказать поточнее... Пожалуй, более организованней. Однако многое из того, с чем мне приходилось сталкиваться едва ли не каждый день, все равно вызывало тревоги.

Агрессивность Альки, странная способность Игоря врать и изворачиваться. Его постоянная готовность свалить на других свои ошибки и

проделки не давали мне покоя. Я понимала крикливость и обидчивость Ярослава. Когда в квартире собираются два подросших «братца-кролика», малыш — «третий — лишний»! Вот он и требует к себе внимания доступным ему способом...

И все же с введением «Ордена Благородной Бригантины» перемены к лучшему в поведении старших Алика и Игоря стали чувствоваться. Мне показалось, что в душах моих старших ребят отчетливей пробудилось что-то хорошее, доброе.

Я видела, что дети, даже маленький Ярик, очень старались, чтобы «женщина-матрос» и «капитан первого ранга» были ими довольны. Все же уточню: пытались! Да, дети пытались не драться друг с другом, не ссориться. Пытались держать вещи в порядке, вовремя садиться за рабочий стол, выполнять задания, полученные в домашней папиной школе, а потом и в настоящей, куда уже пошел учиться Алька. Без нытья и вовремя ложиться спать и вставать по утрам. Быстро убирать постель, не забывая чистить зубы, тщательно умываться, а не «мазать» мокрыми ладонями по щекам. Пытались без напоминания мыть посуду, убирать мусор, протирать пыль в квартире, стирать свои носки, трусики, носовые платки, «дежурить по камбузу».

Все это дети теперь пытались делалось старательно. Разумеется, «боцман», «мичман» и «первый помощник капитана» постоянно напоминали «женщине-матросу», чтобы не забывала докладывать на вечерней линейке, какие они были хорошие и что у них не было замечаний! Если же случались срывы, «команда» дружно просила «женщину-матроса» простить «сорвавшегося» товарища, и такая «морская солидарность» мне настолько нравилась, что я готова была им все простить!

Я вспоминаю время борьбы за право получить «Орден Благородной Бригантины», как время редкого союза братьев, готовых позабыть взаимные распри и упреки.

Конечно, я не верила, что так будет продолжаться долго. Мой опыт уже научил меня не поддаваться вредным иллюзиям и не расслабляться. И все же я действительно отдыхала душой и даже наслаждалась минутами гармонии и мира в отношениях между моими мальчиками.

Наконец настал день, когда старший сын явно заслужил вожденную награду. Неудивительно, что именно ему удалось первым созерцать на своей груди красивый знак «флотской доблести». Во-первых, Алька успешнее стал контролировать свои эмоции и, когда требовалось исполнить обязанность или мою просьбу, ему уже удавалось преодолеть свои «хотячки» и капризы. Во-вторых, он хорошо понял, что никаких привилегий ему не дожидаться, а, скорее всего, с него будет спрашиваться гораздо строже, поскольку в команде «крейсера» он — «старший по званию».

Когда старший сын пошел учиться в первый класс, я докладывала на вечерней линейке о его школьных делах. Тогда же мы с папой стали оценивать внешний вид мальчиков, порядок на их рабочих местах, в ящиках с игрушками и вещами, чистоту в комнате.

Привожу приказ № 3 по кораблю «Павел Корчагин», который случайно нашла в своих бумагах, почему-то среди конспектов по философии.

Третью неделю наш корабль бороздит волны мирового океана. Очень трудна морская служба и нелегки обязанности военно-морских офицеров. Но я, как командир корабля, хочу выразить благодарность первому помощнику капитана Алке Юрганову за точное исполнение корабельного Устава и военно-морского порядка на крейсере «Павел Корчагин». Как командир корабля, я учитываю особую благодарность женщины-матроса первому помощнику капитана и ее ходатайство о награждении капитана первого ранга Алика Юрганова «Орденом Благородной Бригантины». На основании Положения об «Ордене Благородной Бригантины» и с учетом полного совпадения поведения первого помощника капитана с условиями награждения ПРИКАЗЫВАЮ:

Наградить первого помощника капитана крейсера «Павел Корчагин» Альку Юрганова «Орденом Благородной Бригантины» и разрешить носить этот орден до первого нарушения корабельного порядка.

Командир крейсера «Павел Корчагин»

Капитан первого ранга папа Юрганов.

Женщине-матросу было поручено после зачитания приказа тут же включить военно-морской марш. Но тут вышел конфуз. Поскольку с техникой у меня всегда были проблемы, я нажала на магнитофоне не ту кнопку, и мы несколько секунд ожидали, когда же зазвучит торжественная музыка. Магнитофон молчал. Награжденный первый помощник капитана и команда, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, с недоумением смотрели то на меня, то на магнитофон, то на капитана первого ранга. Вдруг Алька, совсем не по «уставному», сорвался с места и с ужасом закричал: «Мама! Ты же стираешь марш!»

Оказывается, я вместо «Воспроизведение» нажала «Запись» и магнитофон стал автоматически стирать марш и записывать тишину, а потом истощный вопль первого помощника капитана. Женщине-матросу «за нерадливость...» приказом по кораблю был дан наряд вне очереди на камбузе, и личный состав крейсера, правда, кроме капитана первого ранга (муж все-таки!), к вращению своему удовольствию, не появлялся на кухне для исполнения обычных своих обязанностей: мыть посуду, подметать пол и пр. Но... Все правильно! Виновата — исправлюсь!

...Папа быстро нажал нужные кнопки на магнитофоне, марш, хотя и с урезанным началом, все-таки прозвучал, а «первый помощник капитана»

получил заслуженный орден! Вечером, укладываясь спать, Олег сказал с тревогой: «...Если так пойдет и дальше, то у нас и орденов-то не хватит!»

Выходило так: мы все настолько хорошо «несли службу» на корабле, что каждый претендовал на этот «орден». Вначале предполагалось, что «Орден Благородной Бригантины» будет переходить «от груди к груди» в зависимости от старательности претендента и возможных ошибок уже награжденного. Но жажда мальчиков получить «орден» была настолько велика, а покладистость Алика так неожиданна и очевидна, что папа забеспокоился, как бы не возникла напряженка с «орденами»!

Пришлось срочно придумывать варианты, чтобы, во-первых, не сбить накал «наградных страстей» и, во-вторых, не ослабить стремление наших сыновей достойно нести «корабельную службу».

Через две недели после награждения Альки, которые я назвала «римскими каникулами», в младшем «комсоставе» нашего крейсера начался «ропот».

Приходит как-то ко мне Игорь и, почти плача, шепчет: «Почему у Алюни орден так долго? Я тоже стараюсь...» Ярик поступил проще: «Алик, можно я поношу орден, когда ты в школе будешь?» Малыш в тот день приболел, в садик не пошел и по наивности решил, что уж дома, когда хозяин «ордена» отсутствует, он может с ним покрасоваться.

Алька возмутился: «Ты что! Это же награда, а не значок!» Обиженно поджав губы, Ярик ушел ни с чем.

Папе срочно пришлось учесть ситуацию. Поразмыслив, он придумал еще два «ордена», так сказать, категорией пониже, но с конкретным смыслом: «Орден честного рыцаря» и «Орден трудолюбия». Кстати, с «Орденом честного рыцаря» папе пришлось повозиться основательно. Сначала им была куплена на «толкучке» Комаровского рынка миниатюрная женская пудреница. Он уменьшил размер пластиковой крышки голубого цвета, доведя ее до размера металлического рубля, и приклеил с тыльной стороны маленькую булавку. Рыцаря искали долго. И однажды в комиссионном магазине папа разыскал на какой-то коробке изображение воина в шлеме. Отпилил лобзиком по контуру и приклеил к голубому пластиковому кругу. Орден получился действительно красивым и невероятно соблазнял наших мальчишек!

«Орден трудолюбия» был папой изготовлен без помех. В его коллекции был старый, еще с тридцатых годов значок ГТО с изображением серпа и молота. Наверное, дед Боря его носил. Символы были понятны и не требовали комментариев. Папа пожертвовал коллекционным значком, возвысив его до ранга «ордена». Подержав часика два в растворе соляной кислоты, добился его соблазнительной яркости. Затем, представив на вечерней линейке этот «орден», наслаждался «алчным» блеском в глазах младшего сына Ярика.

Открою семейную тайну: задумывались эти «ордена» с учетом двух серьезных грехов у Игоря и Ярослава. Игорь был редкостным врунишкой, и у него напрочь отсутствовало желание раскаиваться или хотя бы иногда признаваться в совершенных провинностях. Задумывая «Орден честного рыцаря», папа предполагал, что правдивость и честность — черта важная для каждого мальчика, а для Игоря — особенно.

Женщине-матросу, то есть мне, было поручено наблюдать за малейшими сдвигами к лучшему в поведении «мичмана», накапливать факты, которые бы свидетельствовали о приближении его к честности и раскаянию. Конечно, «стучать начальству» на Игоря я не стала, а просто иногда, в дни «грехов» среднего сына, «женщина-матрос» обращала внимание «мичмана» на то, как он себя ведет. Намеркала ему, что красивый орден мог бы украсить его «морской бушлат», если бы...

Кажется, и новые «знаки отличия» стали себя оправдывать. Каждый раз на вечерней линейке папа напоминал «соискателям» о возможности получения и смысле каждого «ордена». В приказе, который я и теперь воспроизвожу по памяти, значилось: *«Честный рыцарь — это бесстрашный воин, справедливый человек, готовый всегда говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды! Он защищает женщин, слабых, помогает старым и больным. Он не затевает драк с братьями, уважает своего командира, помогает женщине-матросу».*

Когда папа читал положение об «Ордене трудолюбия», он буквально сверлил глазами пятилетнего Ярика: *«...Орден вручается только самому добросовестному и трудолюбивому моряку, который всем помогает убирать «корабль», соблюдать чистоту и порядок на «камбузе», моет посуду только на «пятерку», содержит свое место и свои вещи в отличном состоянии, выполняет просьбы женщины-матроса».*

Теперь складывалось все не так уж и плохо! Если кто-то получал высшую награду — «Орден Благородной Бригантины», то предполагалось, что этот наш малыш был и благородным, и честным, и трудолюбивым. Награждение «Орденом честного рыцаря» свидетельствовало о миролюбии, честности, справедливости в поведении. Если ребенок получал «Орден трудолюбия» и допускал по мелочам лукавство, грубоватость, тогда мы старались внушить, что можно достичь более высокой награды. Для этого надо... Далее следовали просьбы не грубить, не драться, не врать, чтобы получить все-таки высшую награду — «Орден Благородной Бригантины».

Примерно через месяц после «выхода в плавание» корабля «Павел Корчагин» случилось так, что все «офицеры» нашего «крейсера» заслужили награды, правда, немного в другой последовательности, чем сразу после учреждения высшего ордена. После нескольких досадных промахов старшего сына тогда с ним случилась неприятная история, о которой расскажу

позже высшая награда перешла к Игорю. «Орден честного рыцаря» ждал Альку неделю, и он постарался! Ярослав получил «Орден трудолюбия», и тоже вполне заслуженно. Его готовность услужить всем, помочь женщине-матросу, то есть маме, по дому и на кухне (извиняюсь! «на камбузе») не знала удержу!

Мы все, включая и «старших по званию», буквально шалели от такой горячей готовности! Однако Ярик не забывал требовать от женщины-матроса тщательной регистрации фактов его трудолюбия. Вытер пыль на телевизоре и тут же кричит: «женщина-матрос, запиши в тетрадь, что я вытер пыль на телевизоре!» Подает Алику тапочки, сразу как тот приходит с улицы и снимает у порога ботинки, и тут же слышу: «Я подал Алику тапочки! Запиши». Приходилось регистрировать... в «корабельном журнале».

Перед выходом на вечернюю линейку малыш напоминал мне, чтобы я не забыла взять журнал и про «хорошего Ярика» все прочитала в строю. Признаю, что количество услуг, оказанных Яриком, просто зашкаливало! По итогам недели Ярик заслужил «Орден трудолюбия», о чем я на вечернем построении и сообщила капитану первого ранга!

Снова по памяти воспроизведу приказ, в котором мальчики, то бишь «офицеры» корабля «Павел Корчагин», награждались заслуженными «орденами»:

Вот уже второй месяц корабль «Павел Корчагин» бороздит океан. Командиры и офицеры, в том числе и женщина-матрос, несут вахту не покладая рук. За это время вся команда не раз сталкивалась с опасными чудовищами: Лению, Грязью, Грубостью, Неаккуратностью. Не раз чудовища Грязь и Лень грозили поглотить боцмана Ярослава Юрганова. Чудовища Ложь, Упрямство грозили уничтожить мичмана Игоря Юрганова. Женщина-матрос едва не погибла в пасти страшного врага моряка Усталости, однако команда корабля успешно прошла сквозь невзгоды и бури. На основании изложенного приказываю:

Первое. За образцовое несение службы объявить по кораблю благодарность всей команде.

Второе. Вручить ордена следующим членам команды:

«Орден трудолюбия» — боцману Ярославу Юрганову...»

Теперь я уже вполне успешно включала торжественный «туш», который папа по моей просьбе раздобыл и переписал на наш магнитофон. Эта музыка была короче и приятней, чем тот длинный и слишком громкий военноморской марш. В общем, Ярослава наградили. Ждал своей очереди Игорь.

...Лишается права на «Орден Благородной Бригантины» — высшего ордена корабля «Павел Корчагин» — первый помощник капитана Алик Юрганов за серьезную провинность, и указанный орден вручается мичману Игорю Юрганову за проявленные волю и мужество при сражении с

морскими чудовищами Ложью и Упрямством, а также за героизм при защите от обидчиков младшего брата во время игры на дворе, за успехи в учебе и помощи женицине-матросу при покупке на базаре продуктового довольствия!

Правильно! Все так и было. Алька взял у Игоря «ковбойский пистолет» с кобурой, подаренный на день рождения одним моим приятелем, который купил его «за бугром». Вещь красивая и, разумеется, Игорь был на «седьмом небе». И вот она исчезла... Перерыли весь дом, успокаивали Игоря, причем делали это все члены семьи, включая и виновника — Алика. Наконец по «кораблю» был отдан приказ считать случившееся чрезвычайным происшествием. Это означало, что все имеют право обыскать друг друга, чтобы удостовериться, что «злоумышленника» среди своих нет!

После оглашения приказа Алька сделал два шага вперед на вечерней линейке и очень тихо, но внятно сказал: «Я виноват! Это я без спросу взял кобурку с пистолетом и пошел играть во двор, а там кто-то у меня украл, потому что я забыл его в песочнице». Тут же «первый помощник капитана» неожиданно горько расплакался. Было видно: правда далась ему очень нелегко! «Мичман» подошел к нему и сказал фразу, совершенно неожиданную для всех нас: «Я прощаю тебя! Не плачь!» Благородно, правда же? Главный «орден» корабля украсил грудь «мичмана»...

Но и это не все! Шли мы с Игорем с базара, и самую тяжелую сумку тащил Игорь. Потел, но передохнуть не желал! В тот же день во дворе какой-то мальчик хотел присвоить игрушку Ярослава, но, по счастью, рядом оказался Игорь, который «поставил обидчика на место».

Посоветовавшись, мы с папой все-таки решили за моральные муки Алика наградить. *«Орден честного рыцаря» вручается первому помощнику капитана Алке Юрганову за готовность признать свою вину и храбрость в поиске истины»*. Призналась себе — красиво папа пишет приказы, ничего не скажешь! Даже мне захотелось хоть что-то получить из рук «капитана первого ранга»!

...Награждая «офицеров» крейсера, папа расчувствовался (я тоже не отстала в этом от него!) и под звуки торжественного туша прикрепил ордена. Тут же был объявлен праздничный ужин. Пошли на кухню, накрыли стол белой скатертью, налили в бокалы лимонад, который изображал шампанское, и возбужденные «герои» весело болтали, а женщина-матрос, улучив минутку, чмокнула «командира корабля», шепнув ему, что мечтает с ним немного потанцевать под звуки сладкого медленного танго.

«Командир корабля» громко объявил танцы с женщиной-матросом. «Товарищи офицеры», выстроившись по рангу, ждали своей очереди, чтобы потанцевать с дамой — женой капитана первого ранга и одновременно — мамой команды крейсера. Было ужасно приятно!

Однажды Алька, ученик первого класса, надел свой «орден» на школьную форму. Ни я, ни папа не стали его отговаривать. Ярик с Игорем ушли в детский сад, тоже нацепив свои «знаки отличия». Реакция представителей «социальных институтов» последовала незамедлительно.

Ирина Александровна — классная руководительница Алюни — позвонила мне домой и спросила: «А что это за значок у вашего сына?» «А он разве вам не рассказал?» — ответила я вопросом на вопрос. «Он нам стал объяснять что-то про корабль...» В конце разговора Ирина Александровна попросила меня «внушить ребенку», что «вешать что-то рядом с октябрятским значком» не положено!

Когда я пришла за Игорем и Яриком в садик, воспитательницы вернули мне «ордена», отобранные у награжденных «офицеров», сделав мне внушение: «Ваши дети фантазируют про какие-то ордена и корабль... Заберите это, и пусть они не приходят в садик с такими опасными игрушками. Могут поцарапаться, а потом за них отвечать, когда занесут себе инфекцию!»

На вечернем построении при спуске флага «капитан первого ранга» произнес речь: *«Товарищи офицеры! Наш корабль прибыл к берегам государства, в котором никто не знает смысла наших наград. Простим им это невежество! Храните свои награды бережно и носите на территории корабля, на котором служите!»* На том и порешили...

...Много воды утекло «за бортом» нашего корабля. Много событий случилось на «палубе», и теперь можно сказать, что идея себя оправдала. Не буду лукавить, со временем она стала утрачивать свою оригинальность, и папе требовалось снова и снова «впрыскивать» в эту идею какие-то «новации».

Накануне окончания Алюней второго класса, а Игорем — первого, когда мальчики начали «отвлекаться» от игры в крейсер, новым стимулом для них послужило письмо папы в Севастополь. Послав его почти «на деревню дедушке», подписав конверт примерно так: «Севастополь. Начальнику Политотдела Черноморского флота», папа не рассчитывал на скорый ответ. Однако письмо все же достигло адресата. В него папа вложил фотографии нашей «команды», «орденов», образцы «приказов» и короткий рассказ о «педагогике» идеи. В письме папа спрашивал, нет ли на Черноморском флоте корабля с таким же названием, как наш, — «Павел Корчагин».

Мы были в восторге, когда увидели в почтовом ящике конверт с военно-морской символикой: якорями и бело-голубым флагом. Дети в нетерпении топтались у папиного стола, когда Олег осторожно распечатывал конверт. Вскоре все мы разглядывали фотографию корабля с отчетливой надписью на борту у носовой части: «Павел Корчагин». Оказывается, на Черноморском флоте есть эсминец, который носит то же имя, что и наш «крейсер». Читаем коротенькое письмо.

«Здравствуйте, моряки домашнего крейсера «Павел Корчагин» в Минске. Нам приятно знать, что у нашего эсминца «Павел Корчагин» есть «тезка» в столице Белоруссии. Приветствуем команду минского крейсера и желаем ей успехов в жизни и учебе. Ждем кого-нибудь из вас, когда придет время, служить на нашем корабле. Доброго здоровья и успехов в учебе!

*Суважением командир эсминца «Павел Корчагин»
Капитан первого ранга Столяров В.И.»*

Это письмо стало новым толчком для продолжения еще почти на полгода успешного «плаванья» нашего крейсера «Павел Корчагин». Теперь мы с папой могли опереться и на авторитет настоящего севастопольского одноименного эсминца.

Размечтавшись, папа однажды на вечерней линейке сказал слова, потрясшие всю команду, в том числе и женщину-матроса: «Кто сумеет хотя бы три месяца прожить без замечаний, трижды получить высшую награду корабля «Орден Благородной Бригантины», тот поедет со мной в Севастополь и познакомится с командой настоящего эсминца «Павел Корчагин». Олег тут же прикрепил на стене в детской комнате большой лист картона, на котором были наклеены фотографии Алика, Игоря и Ярика с линиями напротив снимков, и разъяснил: «...Здесь, под фотографиями, не должно быть ни одного дисциплинарного замечания в течение трех месяцев! То есть апрель, май, июнь. И тот, у кого не будет замечаний, поедет со мной в Севастополь на корабль «Павел Корчагин».

Меня о таком «сюрпризе» Олег не предупредил, и я была просто ошарашена его сообщением на линейке. Подумала тут же: «А где мы возьмем деньги на эту поездку?» Ох уж эта проза жизни! Но без нее, увы, даже на «корабле» не обойдешься. Папа меня успокоил: «Эта поездка, как идеал! Как недостижимая мечта! Как далекая звезда, которая зовет и манит ярким волшебным мерцанием. Невозможно жить без идеала, скучно жить без мечты и тем более без звезд. Успокойся, у команды на три месяца идеального поведения не хватит никаких сил и терпения. Однако пытаться наши «офицеры» будут! Главное, не слишком придирайся, а уж если начнут резко нарушать порядок и «морской устав», все начнем сначала. Снова дадим шанс...» Ну разве устоишь перед такой логикой?

Забегая вперед, скажу, что поездка в Севастополь так и не состоялась. Виною тому была, скорее всего, я. Как это бывает в жизни, я, нехотая, заболела...

...Самым трудным «орешком» нашей «корабельной программы» было воспитание у детей самостоятельности и ответственности. Впрочем, мы не исключение. Все семьи бьются над этим. Я ловила себя на том, что почти постоянно вмешиваюсь в то, что и как делают сыновья. Как ни сердился на меня муж, укоряя за то, что я не даю сыновьям «права на ошибку», у

меня не получалось пройти мимо пыльной полки, плохо вымытой посуды, неисполненного поручения. Все делала сама. Олег был прав, когда выговаривал мне: «Дай человеку самому сделать так, как он может, убедись вместе с ним, что сделано плохо, заставь переделать, но не делай вместо него!» Казалось бы, хрестоматия семейной педагогики, но... Наверное, у меня такой несносный характер!

Однако я старалась, и, кажется, мне все-таки удавалось терпеливо приглядываться, что и как делают дети, исполняя нужные и полезные домашние дела или поручения, которые были за ними закреплены.

С четырех лет ребенок уже может начинать привыкать к порядку. Он должен содержать в чистоте то место, где находится постоянно, убирать после себя грязь и помогать старшим делать это, прибирать после себя игрушки, знать место своих вещей и уметь еще многое другое. Мы считали, что мальчики должны как можно раньше привыкать к порядку и дисциплине. Аккуратность и пунктуальность в характерах детей были «голубой мечтой» папы и моей, конечно, тоже.

За время взросления трех наших сыновей нам пришлось пережить немало неприятных сюрпризов. Разбитые ударом мяча стеклянные люстры, дверные или оконные стекла, тарелки, чашки, которые превращались в цветные осколки. Пыль и мусор, загнанные под шкаф, в углы, — самый противный и частый грех наших пацанчиков. Бороться с этим было нелегко, приходилось проверять, заставлять исправлять, переделывать, а чашки и тарелки научить кропотливо и терпеливо склеивать если не для дальнейшего использования, то хотя бы в назидание!

Воспитывать ответственность и самостоятельность детей мы серьезно начинали с раннего возраста, лет с четырех. Но дети подрастали, и, странное дело, зачастую я в бессилии руки опускала: иногда они обнаруживали едва ли не полную утрату навыков, которые, казалось бы, демонстрировали всего месяц-два назад. Каждый возрастной виток ставил нас в тупик — приходилось начинать все сначала! Мы старались свои требования порядка и самоконтроля, дисциплины и аккуратности связывать с реальными возможностями возраста. То есть приучать детей делать так, чтобы все было «поправдашнему», без «государева ока» — папы и «скорой помощи» — мамы.

После долгих раздумий мы с Олегом решились еще на один эксперимент. Он пришелся на возраст детей, который мы считали вполне пригодным для тренировок уже настоящей самостоятельности. Альке было семь лет, Игорю — шесть, Ярику — четыре с «хвостиком», когда мы начали пробовать воплотить свой план в жизнь.

Забегая вперед, могу откровенно сказать, что при троих детях да с таким «раскладом» возраста мы с мужем ходили в театры, филармонию, кино и в гости... Конечно, удалось это не сразу. При младенчестве

моих мальчишек на «бабушку и дедушку», в том понимании, которое считается нормальным для большинства семей, мы чаще всего рассчитывать не могли. Моих родителей просить посидеть с внуками, когда нам с Олегом надо было пойти куда-нибудь, — бессмысленно, хотя жили они в пятнадцать минут ходьбы от нас. Родители Олега — далеко, в Краснодаре... Но вот когда наши дети подросли!..

Итак, почти полтора года «корабельной жизни» позволили нам убедиться, что доверие и ответственность можно теперь попытаться проверить на практике. Что мы и сделали.

Да, да! Наши дети оставались дома одни, без опеки взрослого «надзирателя», когда мы уходили. Был, конечно, риск, когда за старшего в доме оставался первоклассник — «первый помощник капитана», а под его опекой — малолетние «мичман» и «боцман». Мы понимали, что ко-гда братья одни в доме — это «совокупный сорванец». Но... Как же воспитать ответственность и самостоятельность, не пробуя и не рискуя? Как дать детям шанс показать, что и они понимают, что такое самостоятельность?

Все начиналось просто и даже буднично. На вечерней линейке «капитан первого ранга» объявил: «Завтра вся команда корабля, за исключением командира крейсера и женщины-матроса, остается под командованием первого помощника капитана. Расписание прежнее: в девятнадцать ноль-ноль — ужин, в двадцать ноль-ноль — выключить телевизор и провести вечернюю линейку. Дежурный по кораблю должен принять чистый камбуз. В двадцать один час после сангигиены — отбой. Нарушители дисциплины будут наказаны, те, кто соблюдал дисциплину и порядок, — награждены. Желаю удачи!»

Назавтра, уже не повторяя объявленных условий «плавания корабля», мы спокойно одеваемся «для особого случая». Дети, то есть «офицеры», со странным смирением смотрят на нас. По-видимому, и они чувствуют некую «особость» наступающего момента. Алька немного нервничает. Он чувствует, как ответственность начинает давить на плечи. «Папа, а если Ярик будет кричать?» — спрашивает «первый помощник капитана». «Пусть кричит...» — меланхолично отвечает «капитан первого ранга». У меня екает сердце. Я представляю себе, как из нашей квартиры раздастся «трубный глас» младшего сына.

Папа мне подмигивает и шепчет: «Не бойсь! Все будет нормально». И, уже обращаясь к Ярославу, спрашивает: «Боцман! Ты готов к труду и обороне?» Не понимая, в чем, собственно, дело, «боцман» бодро и четко отвечает: «Так точно, товарищ капитан первого ранга!» Не зря их папа натренировал, как отвечать на вопросы командира. «Ну вот, — радостно говорит папа, — боцман не подведет!»

Мы уже у двери. «Первый помощник капитана» вяло интересуется:

«Так вы в театр?» «Да», — небрежно бросает папа. «Можно и я с вами?» — неожиданно для нас, голосом, полным тоски и неизбежного желания спасти себя от надвигающегося бремени ответственности, произносит Алька. Вопрос явно провокационный. Папа немного хмурится, смотрит на часы. До начала спектакля осталось полчаса. Надо еще дойти до троллейбусной остановки и минут десять ехать... Получалось почти впритык.

Папа мужественно держит себя в руках и говорит озабоченно: «Кажется, у вас, товарищ первый помощник капитана, начинаются проблемы с дисциплиной?» Сын быстро понимает по тону папы, что судьбу лучше не искушать!

Закрываем дверь, выходим на лестничную площадку и слышим Алькин голос: «Та-а-а-к! Команда была ужинать!» Мы почти бегом спускаемся с пятого этажа...

На сердце тревожно! Нет, не могла я в первые недели такой «свободы» спокойно сидеть в театре или в кино. Представлялись всякие ужасы. Но папа был неумолим: «Только так, а не иначе! Вариантов у нас просто нет! Да пожалей ты их! Им хочется показать, какие они самостоятельные и ответственные. Вся наша жизнь только этими понятиями и пропитана! Надо, наконец, дать им шанс показать, что у них тоже получается то, к чему их постоянно ты и я призываем. Алька уже большой, с него пора требовать ответственности на полную катушку, но нужно дать ему почувствовать, что такое ответственность! Сиди и терпи».

Неожиданно хмыкнул: «Сожгут хату — построим новую!». Рассмеялся, но я заметила, как в глазах мужа мелькнула тревожная тень. Ни-кто во всем мире не знал о том, что сейчас, когда мы сидим в зрительном зале русского драмтеатра и смотрим на сцену, а потом пьем с режиссером, приятелем Олега, шампанское в честь премьеры, там, на пятом этаже нашего дома, — крейсер «Павел Корчагин» с командой, которая вышла в «автономное плавание», а среднеарифметический возраст команды — шесть с половиной лет!

Шесть лет! Много это или мало? Как об этом судить? В войну дети Белоруссии помогали партизанам и были разведчиками, рискуя жизнью... Скажу сразу, так рассуждаю не я, а папа наших мальчиков. Он полагает, что «социальный возраст» детей в мирное время сильно принижен избыточным комфортом и родительской опекой. Экстремальные периоды жизни, по его мнению, резко повышают вес каждого прожитого ребенком дня. «Почему, — спрашивал он, — в нормальной жизни надо лишать ребенка раннего понимания им собственной ответственности и обязательств?»

Об этом шли у нас с мужем постоянные споры. Я склонна к традиционным позициям, которые он называл «подбюбочными». Олег стремился внушить мне, что взросление приходит очень быстро и, если с ранних лет не приучать городского ребенка к самостоятельности, он будет обречен

на беспомощность и при первой поросли под носом, и в зрелом возрасте.

Действительно, я убедилась: надо что-то делать, когда у нас возникли проблемы с утренним пробуждением подросших детей. Для шестилетнего Алюни... да и к старшему возрасту, подъем — тяжкая задача! Случилось так, что он сумел и нас, взрослых, подчинить своему желанию поспать подольше.

К его капризам мы готовились. Уговаривали себя сдерживаться, подготавливали одежду, чтобы с первых минут пробуждения потихоньку одевать нашу «принцессу Алюню» под «мурлыканья» и ласковые разговоры. В такую «сладкую» опеку старший сын постепенно втянулся...

Однажды папа решил прекратить это безобразие. Он сказал всем детям, что есть очень хороший прибор — будильник! Это не только детская телепрограмма, но и умный аппарат — часы, которые очень-очень давно заменили людям петухов. Дети с интересом слушали эти исторические «реминисценции». Потом папа сказал, что, пока не подружился с будильником, часто просыпал в школу, а потом и на работу. Наконец он вытащил из-за спины большой будильник с огромными медными шапочками-колокольчиками и дал детям хорошенько его разглядеть, «покрутить».

Мальчики с удовольствием вертели ручки пружины, слушали тиканье, а затем попросили папу показать, как будильник звенит. Папа нажал какую-то кнопочку — и в комнате раздался звон. Дети засмеялись. Понравилось...

Папа сказал: «Теперь мы все будем вставать по будильнику. Тот, кто первый встанет, должен прибежать к нам с мамой в комнату и разбудить. Если мы будем спать и не захотим вставать, вы можете нас оштрафовать». Такая перспектива детям сразу понравилась. «А как это оштрафовать вас?» — спросил Ярик. Игорь тут же нашелся: «Ну как, как... Давать будем папе шелабаны!» Алик с недоверием посмотрел на младшего брата: «Это тебе надо давать шелабаны, понял?» Игорь смутился, видимо, поняв, что такое неуважение к родителю, тем более к капитану первого ранга, непозволительно.

Папа сказал: «Если вы дадите нам с мамой штраф, мы будем мыть вне очереди посуду или убирать вашу детскую комнату...» Дети закричали: «Ура!» — и тут же согласились на папино нововведение.

Будильник «внедрил» в пробуждение детей на удивление быстро и, главное, с большим эффектом. Мальчики даже соревновались, кто быстрее добежит до нашей комнаты и разбудит нас. Папа был на высоте и моментально вскакивал. Я же на подъем не столь резвая, и мне, конечно, доставались штрафы. Дети наказывали меня «нарядами вне очереди» с большим удовольствием, поэтому пришлось срочно подтянуться и женщине-матросу.

Однако с появлением будильника у нас начались неприятности, которые пришли, что называется, извне. Дети в саду рассказали о «нововведении», и об этом узнала директор садика. «Как вы не боитесь, что ваш

ребенок станет психически ненормальным?» — возмущалась она, когда мы забирали Ярика.

Больше всех заволновалась моя мать. Она сурово сдвигала брови, «сверкала молниями» в сторону «капитана первого ранга», обнимая при этом «несчастливого первого помощника капитана», который, хитро прищурившись, поглядывал на папу с нескрываемым лукавством, мол, и тебе достается!

Бабушка у нас медик, правда, последний раз она держала в руках марлевый тампон и флакончик с йодом уже лет двадцать пять назад. Пребывая на административных должностях и командуя медициной в масштабе города, а теперь городской станцией «Скорой помощи», мама привыкла командовать, уже не замечая, что мы не ее медперсонал. Но «капитан первого ранга» и женщина-матрос люди терпеливые, молча слушаем критику «сверху», держимся спокойно и даже уважительно. Пришлось и в этот раз выслушать ее жуткие пророчества о роли будильника в развитии тяжелых психических аномалий у детей.

Но у «капитана первого ранга» оказались встречные аргументы. Он позвал детей, построил их в ряд и спросил: «Как влияет будильник на вашу психику?» — «А что такое «психика»?» Это был вопрос «боцмана», то есть Ярика. «Это такая штука, которая портится от будильника», — не скрывая сарказма, искоса поглядывая на тещу, сказал папа. Пятилетний малыш пожал плечами: «От будильника у меня ничего не портится!» С таким же оптимизмом высказались и Алюня с Игорем. На том разговор иссяк, а «бабиня» ни с чем удалась...

Перебираю записи и натыкаюсь на описание одного эпизода тех лет, когда воспитание самостоятельности на «корабле» «Павел Корчагин» было в разгаре.

«Проснулись они как-то утречком...» — так назывался один из рассказов В. Шукшина. Так же и у нас...

Проснулись они, то бишь наши деточки, утречком. Будильник прозвенел и умолк. «Инспектировать» нас никто не бежит. И мы никого не торопим, не напоминаем: «Умываться, одеваться! Убирать постели!» Мама с папой встали, умылись, оделись, убрали свою постель, сидят себе в комнате на диване, разговаривают, а на детей вроде бы никакого внимания не обращают!

А время идет! 7.00, 7.30. Кажется, дети начали убирать постели. Но вот передумали, завернулись в одеяла и стали играть в Бармалея. Алик, забыв, что давно пора в школу, вдохновенно изображает книжного страшила и по ходу дела то носки наденет, то брюки натянет, то рубашку. Игорь тоже игрой увлекся, но шортики все-таки надел. Правда, бегаёт пока босой, однако, в отличие от Ярика, кое-что на нем уже надето. Ярик в трусиках и маечке играет самозабвенно!

Уже 7.45! Совсем скоро будет 7.50. А в 8.00 младшим мальчикам надо быть в саду, а первокласснику надо садиться в трамвай и ехать в школу.

Сад во дворе, добежать — минуты хватит, но надо же явиться туда в приличном виде! Алик, почти одетый, убирает постель, вовсю вой и зевая, — Бармалей все-таки! Вот уже и раскладушку свернул, поставил на место. Игорь уже в носках, надевает сандалии. Ярик еще не умыт и не одет.

Игра продолжается. Восемь ноль-ноль! Очень весело! И тут в детскую комнату входят папа и мама, взявшись за руки. Мама, то бишь я, говорит: «До свидания, дети! Мы уходим на работу». «Пожалуйста, — это говорит уже папа, — захлопните за собой дверь».

Дети как громом поражены! Алик, схватив портфель, пулей вылетает и через ступени лестницы несется впереди мамы и папы, сверкая пятками и вопя: «А я все равно успею!»

Но я перехватываю руку «первого помощника капитана» и спрашиваю: «А Игорь? А Ярик?» Папа спокойно уточняет: «Как старший по званию, ты обязан уйти с корабля последним и задраить люк, то есть закрыть дверь!»

К радости почти одетого Игоря и совершенно раздетого Ярослава Алька возвращается в дом. Командует: «А ну быстрее!!! А то всем наряд вне очереди будет!»

Мы с папой неспешно спускаемся по лестнице с пятого этажа, направляясь на улицу, чтобы сесть в городской транспорт и двинуться на работу.

Проходим мимо воспитателей, наблюдавших за своими подопечными на летней площадке, что находится как раз напротив нашего подъезда. Киваем им и говорим: «Сейчас детки придут!» Наши «конторы», где мы трудимся, расположены неподалеку от дома. Созвонились и решили: обедаем дома, а заодно и поглядим, как там обстановка на «корабле» после «самостоятельной эвакуации» «товарищей офицеров».

Приходим, поднимаемся на пятый этаж. Вот и наша дверь. На черном дерматионе обивки белеет лист бумаги, а на нем рукой старшего сына выведено: «ФАНТАМАС». Я весело смеюсь, папа тоже не удержался. «Один — ноль!» — заключаю я. Папа согласен: «Победил юмор!» Вечером «команда» выяснила, что «первый помощник капитана» получил замечание в дневнике за опоздание в школу. С «Орденом честного рыцаря» тут же пришлось расстаться...

На следующий день Алька проснулся раньше будильника и уже через пятнадцать минут был готов идти в школу. Игорь, немного понежившись в постели, тоже встал и быстро оделся. Ярик даже не забыл умыться! Правда, когда он подошел к двери и недовольным голосом сказал: «А я не хочу в садик!», было, кажется, 7.20. До обычного времени выхода детей из дома оставалось еще почти тридцать минут. Я глазам своим не верила! В то утро папа ушел на работу рано — ему надо было ехать на какой-то завод. Тогда

я и решила немного «подправить» наш «корабельный устав» и усадила «личный состав крейсера» за столик на кухне. Съели мы по кексику, выпили чайку, и мои «гаврики» спокойненько спустились с пятого этажа, ведомые старшим братом — школьником.

Ах, какое замечательное утро случилось тогда: тихое, нежное, удивительно послушное. Забыть его не могу! Рассказала папе, немного опасаясь, что будет мне выговор от «капитана первого ранга» за то, что перед завтраком в садике напоила детей чаем, аппетит перебила. Но нет! Даже позавидовал...

...Летом приехал Илья. В эту пору он стал бывать у нас почти каждый год. Мальчики жили дружно и относились к старшему брату с большим уважением. Первые дни пребывания Ильи и в десять, и в тринадцать лет на нашем «корабле» давались ему с трудом. Это было очевидно, и младшие братья не могли этого не замечать. Чувствовалось также, что наша большая, шумная, восторженная орава подростка иногда утомляет.

Из застенчивого кареглазого малыша Илья превратился в неуклюжего, немного замкнутого подростка. Папа был верен себе. Дав сыну два-три дня на адаптацию, он стал вовлекать его в гущу семейных или, как мы говорили, «корабельных» забот. Мальчишке пришлось столкнуться с тем, что в Саратове, у мамы и бабушки, было в диковинку.

Требования аккуратности, ответственности, чистоплотности, пунктуальности — словом, всего того, что мы старались привить Алику, Игорю и Ярику, были для Ильи тягостны и непривычны. Может быть, он и слышал об этих понятиях из уст мамы или бабушки, но сами понятия были для него, скорее всего, абстракцией.

Вымыть после себя посуду, участвовать в приготовлении пищи, стирать свои носки, трусы, помогать в стирке общего белья, ходить по магазинам, поскольку «корабельный устав» предписывал «товарищам офицерам» исполнять роль «охраны» и носильщиков при женщине-матросе, то есть маме и «даме», — все эти уже привычные для наших детей обязанности оказались для Ильи неожиданным сюрпризом.

Он выглядел беспомощным и готов был «умереть голодной смертью», если дома не было меня и папы. Забавно было узнать, как однажды, оставшись с Яриком дома, Илья, проголодавшись, попросил у пятилетнего малыша «что-нибудь перекусить». Ярик моментально открыл холодильник, вытащил оттуда масленку со сливочным маслом, колбасу, затем достал из кастрюли уже нарезанный хлеб, поставил все это на стол и сказал: «А чайник ты сам ставь, мне не разрешают брать спички, я недавно чуть дом не спалил!»

В дни стирок белья Илья вел «сепаратные переговоры» с Алькой, чтобы тот вместо него постирал его рубашку и трусы. Алька перечить не стал, шепнув мне: «Все-таки он в гостях...» Но папа, узнав об этом, потребовал от Ильи объяснений и строго сказал, что слуг в его доме нет! Пришлось

парню привыкать и к этой непривычной для него обязанности.

Шло время, Илья потихоньку втягивался в наш распорядок и правила. Он менялся день ото дня, и причиной тому было не только воздействие папы, строгого и придирчивого в домашних делах, но и влияние братьев, которые очень приветливо принимали его и готовы были слушаться нашего гостя (все-таки гостя!) во всем.

Мама и бабушка Ильи соглашались расстаться с сыном и внуком только на месяц, а за тридцать дней особых перемен в характере подростка не дожدهмся. Помню, приехал он как-то к нам двумя годами раньше. Было ему тогда почти двенадцать лет. Тогда младшая наша «команда» отправлялась еще в полном составе в детский сад, давая возможность Илье отдохнуть в тишине и покое. Он читал, смотрел телевизор, иногда я с ним ходила в парк или в магазин. Заскакивали по дороге и в кино. Во дворе нашего дома у Ильи появились друзья-сверстники, и нередко он проводил время с ними.

В тот год Илья нас всех озадачил. Быстро войдя в ритм нашей жизни, он решил взять власть над братьями и легко этого добился. Алька «власть» старшего брата принял безропотно. Может быть, он хитрил? Теперь-то не ему папа выговаривал за то, что недоглядел за младшими братьями, не успел или плохо сделал что-то, отлынивал от поручения, данного папой утром, перед уходом на работу. Теперь, когда появилось новое «корабельное начальство», произведенное папой в «старшие помощники капитана», его роль была как бы выше ранга «первого помощника капитана».

Стало сразу заметно, что Илья испытывал соблазн покомандовать малышами, а вот исполнять возложенные на него папой обязанности ему удавалось редко.

Получив на вечерней линейке программу дел «на корабле» на завтра, Илья просил не отправлять Альку в садик, а оставить дома, ссылаясь на то, что, мол, он «очень соскучился». Сначала папу это умиляло, но вскоре «братская тоска» обернулась другой стороной.

Едва Илья и Алька оставались одни, Илья загружал младшего брата выше головы, а поскольку тот уже привык слушаться старших, то выполнял поручения беспрекословно, причем «старший помощник капитана первого ранга» оставался не у дел с кучей свободного времени!

Придя с работы, папа замечал какие-то неполадки или невыполненные указания и начинал разбираться. Илья моментально сообщал, что он, как старший по званию, поручал выполнение работ «первому помощнику капитана», но тот делает все из рук вон плохо и с него, «старшего помощника», взятки гладки!

Алька на Илью страшно обижался! Назревал конфликт. Папа решил все просто. «Приказом по кораблю» он поручал всем конкретные дела. Теперь «старший помощник капитана первого ранга» обязан был отчитываться за

порученные именно ему дела и, кроме того, помогать своим подчиненным — Альке, Игорю и «боцману» Ярику.

На следующий год Илья снова приехал к нам в гости. Как ни странно, но все повторилось. Снова звучали поручения на день, снова младшим братьям предписывалось «слушаться старшего по званию», снова труд оставался главным стержнем домашнего воспитания на «Павле Корчагине».

Однако тут вышла «неувязочка». Не успевая за день сделать всю порученную папой работу (а мне строго предписывалось не вмешиваться и не напоминать Илье о порученных папой делах) старший брат-гость с радостью встречал из детского садика младших «братцев-кроликов» и тут же включал их в работу. Он умело их подгонял, придумывая множество различных поощрений, и «работа кипела».

Вечером на линейке при подведении итогов дня, вычеркивая из списка дел проверенные и исполненные, довольный папа пожимал руку «старшему помощнику капитана первого ранга» и, как говорится, ставил в пример «младшему комсоставу».

Сначала братья не возражали и вроде бы даже не замечали такой несправедливости в распределении поощрений. «Златые горы», обещанные братом-гостем, так и не становились достоянием младших мальчиков, однако они почему-то не «жаловались на жизнь» ни мне, ни папе.

Похвалу капитана первого ранга Илья воспринимал с гордой улыбкой, не замечая, что к исполнению порученных папой дел имел весьма отдаленное отношение. Мы с Олегом обо всем догадались давно, но решили набраться терпения и посмотреть, чем же все закончится?

Между тем Илья «вошел во вкус». Он подгонял «работничков», придирался к каждой мелочи и явно наслаждался готовностью «команды» подчиняться каждому его требованию.

И вот настал день, когда «команда» крейсера «Павел Корчагин» «подняла восстание» и в полном составе обратилась с протестом к женщине-матросу, бывшей в тот момент на «борту». Решив слукавить, я сообщила, что, как самый младший по званию, не могу разбирать дисциплинарные нарушения «старших офицеров», и попросила «взбунтовавшийся комсостав» дожидаться вечерней линейки и доложить «по начальству» о случившемся. Сама же я сообщила «капитану первого ранга» на работу по телефону о назревшем «бунте на корабле». Звонила из телефона-автомата, чтобы не допустить «утечки информации» и ненароком еще больше не накалить атмосферу на «борту».

Вечером уселись за обеденный стол. Ужинаем. Все молчат. Нет привычного гвалта расслабившейся после трудового дня «команды». Наконец на «вечерней поверке» папа выстроил «команду» и попросил «капитан-лейтенанта» «доложить обстановку». Тот вяло пробормотал, что, мол, «все

в порядке», все поручения выполнены. Тут папа задал вопрос: «У команды есть вопросы, претензии?»

«Первый помощник капитана» Алька сделал шаг вперед: «У меня!» «Слушаю», — спокойно поощрил его папа. И тут... началось! Сначала Алька тихо и неспешно доложил, что вот уже третий день Илья ничего не делает, а только лишь командует. Что он даже тряпку в руки ни разу не взял, чтоб пыль вытереть! На всех кричит, обзывается... Тут же вступили уже вне всякого порядка и «иерархии» Игорь и Ярик. «А Илья, — стал жаловаться уже близкий к слезам «боцман», — ударил меня по попке грязной тряпкой! Грязной нельзя, это же негигиенично!» Мы не стали поправлять «боцмана», понимая, что суть все-таки не в этом...

Илья был мрачнее тучи. К тому же он сломал во дворе вишневое деревце и тут же, не моргнув глазом, свалил все на болезненного, страшно застенчивого мальчугана двумя или тремя годами младше его! Я понуро стояла перед женщиной, которая посадила во дворе саженец и теперь охала и ахала над ним. И я, и Олег испытывали тогда горечь полной беспомощности от случившегося.

...Сидим мы все в «кубрике», мрачные, подавленные. Папа спрашивает старшего сына: «Значит, ты сам ничего из порученного тебе не сделал, а заставлял младших братьев выполнять свою работу? На вечерней линейке ты даже бровью не повел, когда получал мои похвалы и поощрения! Как же так?» Тут Алька снова вспомнил: «Приносит мне свою майку и говорит — стирай! А когда я отказался, он мне говорит: «Приказы не обсуждаются!» Игорь тут же подхватил: «Я только из садика пришел, а Илья мне говорит: «Мой полы! Это приказ капитана первого ранга!»

Папа удрученно молчал. Потом тихо сказал: «Завтра ты едешь в Саратов, собирайся!» Илья кивнул и молча пошел в комнату к своему чемодану. Назавтра дети играли как ни в чем не бывало, мы же с папой проговорили ночь напролет...

С каждым приездом Ильи папа Олег убеждался в том, что характер сына к лучшему не меняется. На мой взгляд, драма мальчика тесно переплелась с драмой его отца. При всем моем оптимизме я никак не могла представить себе будущие отношения моих детей с их старшим братом. Слишком различны у них взгляды на жизнь и привычки. Как бы идилично ни выглядели картины совместных игр братьев, как бы ни хотелось отцу что-то сделать, чтобы братья не чувствовали разницу в возрасте и разделявшее мальчиков расстояние, с каждой новой встречей оптимизма в моей душе оставалось все меньше и меньше...

...Илья уехал. Наш «Павел Корчагин» плыл теперь по «морям и океанам» без «капитан-лейтенанта». Не помня обид, младшие братья писали старшему в Саратов: «Мы ждем тебя на следующий год!»

И вот как гром среди ясного неба. Получаем от Лены письмо, очень сердитое и обидное для всех нас. Мама Ильи писала нам, что мальчик «жестoko обижен», он «уже отказывается ехать к вам», хотя до следующего лета, как говорится, еще «дожить надо...».

Думая, что в письме что-то интересное, распечатывали конверт «всем гуртом», читали, конечно, тоже вслух. Прочитали... Для нас с Олегом возникла неловкая ситуация. Наши дети Илюшину маму никогда не видели. Мы старались при детях не говорить о ней. Но папа решил, что раз письмо адресовано нам всем, не уточняя, что в качестве адресата фигурировал только он, то и думать над ответом должны все вместе. «Надо ответить так, — сказал он, — чтобы мама Ильи, его бабушка да и он сам поняли, что все это — несправедливо! Надо помочь им узнать правду и чтобы Илья эту правду рассказал сам!» Папа очень волновался, дети тоже. Наш разговор я записала в своей «Амбарной книге».

Папа: *Ребята, нам с вами надо подумать, чем же мы все-таки обидели Илью? Вы же слышали, что пишет его мама?*

Алик: *Это несправедливо! Он сам нас обижал, а мы терпели!*

Игорь: *Да, мы совсем немного на него посердились, когда он нас заставлял работать, а награды сам получал! Я вот видел, как он без спросу брал конфеты из коробки, сам их ел, а нас не угощал... Я же никому не сказал про это!*

Алька: *При чем тут конфеты? Он съел мой завтрак, а потом стал смеяться и говорить, что я сам все скушал и забыл! Я от такого нахальства даже обалдел!*

Ярик: *А папе ты рассказал об этом?*

Папа: *Стоп, стоп! Я вас спрашиваю, чем вы Илью обидели, а вы про то, как он вас обидел...»*

Тогда же мне пришла в голову неплохая, как мне показалось, идея написать Илье «говорящее письмо». «Давайте, — предложила я, — вспомним сейчас тот месяц, когда с нами на нашем «корабле» жил Илья, сядем перед магнитофоном и расскажем все тете Лене, маме Ильи, и его бабушке Ане. Споем наши песенки, прочитаем стихи, которые сами сочиняли. Позовем его дворовых приятелей, пусть и они привет Илье передадут...»

Это всем понравилось. И вот в порыве всепрощения мы излили душу на магнитную пленку, которую в тот же день и отослали в Саратов. На бандероли я нарисовала парусник, а там, где значился обратный адрес, приписала и вовсе «нестандартное»: Крейсер «Павел Корчагин».

Ответ пришел через месяц. Конечно, мы истомились в ожидании, пока не получили письмо из Саратова. Я его сохранила:

Добрый день, минчане! Получили вашу пленку и сразу же поставили на магнитофон. Как раз я совсем недавно купила его Илюшеньке. Сначала

сын очень встревожился. Хотел уйти, сказал, что его зовут во дворе друзья. Но когда услышал ваши веселые голоса, заулыбался и прирос к стулу. Спасибо вам, вы двадцать минут радовали нас всех, и когда мы слушали ваши голоса, очень хорошо представляли каждого из вас.

Илья забыл, что хотел уйти к друзьям, едва услышал ваш морской марш. Потом он с увлечением слушал все, о чем вы рассказывали, и я даже залюбовалась им. Чувствовалось, что ему сейчас очень хотелось туда, к вам, в Минск.

Олег, Таня! Я поняла ваш «педагогический маневр»! Честно скажу, что вы оба поступили правильно. До получения этой пленки я таила на вас обиду. Наверное, все любящие матери, у которых осталась одна отрада — ребенок, не очень-то способны быть объективными. Особенно в оценке поступков и слов своих детей. Так и я. Выслушав сына, я поторопилась вслед за ним со словами осуждения в ваш адрес. Теперь я вам очень благодарна, что вы все верно поняли и не замкнулись.

После того как мы послушали пленку, Илья сидел молча довольно долго. Потом расплакался и сказал, что ему стыдно. Однако писать вам письмо и признаваться, что поступил дурно, настроив меня против вас, сын отказался. Пороху не хватило! Я думаю, что при вашем великодушии вы сумеете простить мальчика, которому еще только двенадцать лет. Правда, я сказала Илье, что за него придется извиняться мне. Он, чертенок, при этом обрадованно кивнул и убежал на улицу. Вот и все... До свидания. Лена».

Дети поначалу не очень поняли, отчего это мы с папой ходим обнявшись, улыбаясь и нередко целуясь с большим удовольствием. Письмо-то было получено днем, когда дети были в саду, а радостное настроение не отпускало нас до самой вечерней линейки на нашем «корабле». Там же, на линейке, оно и было прочитано папой, то бишь (все время забываю!) «капитаном первого ранга». Он же и подытожил: «Для каждого моряка и для нас тоже честность и справедливость — как знамя! Мы сумели доказать, что Илья был неправ, а мама капитан-лейтенанта все правильно поняла и помогла Илье разобраться, что нет ничего хуже несправедливости! Честный, справедливый моряк, — папа немного замялся и добавил, — как и каждый человек, наверное (папа все-таки считал, что небольшие различия между ними имеются), не должен торопиться и говорить необдуманно. Даже если очень обиделся или разозлился на кого-то. Надо подумать, иметь доказательства...» Тут «боцман» совсем не по-уставному зевнул и спросил: «А что такое «доказательство»? Линейка грохнула здоровым морским смехом! «Ты зеваешь — это доказательство того, что ты хочешь спать!» — логично парировал Алька. Ярик счастливо улыбался. Уставший от «морской морали» малыш радовался, что снова находится в центре внимания...

А летом вся команда «Павла Корчагина», кроме женщины-матроса,

отправилась в Краснодар к бабушке Зине и дедушке Боре. Шел 1978 год, и я уже почти вплотную подошла к сдаче моих кандидатских экзаменов по русскому и английскому языкам. Экзамен по философии я уже сдала, и теперь за лето предстояло подготовиться, а осенью преодолеть завершающую экзаменационную «планку». Диссертация вчерне была уже готова, но требовался еще год-полтора на «доводку», «чистку», подготовку двух статей (это — минимум диссертанта) и массу формальностей, к которым даже подступиться было страшно.

Три года подряд дети ездили в Краснодар к родителям Олега, а у меня была возможность поработать над диссертацией...

...Я перечитываю два огромных письма из Краснодара с рассказом о жизни «команды» и тех событиях, которые там произошли. Ими я и завершу эту главу своего повествования.

**Краснодар — Минск
10 июня 1978 г.**

**Команда крейсера «Павел Корчагин» —
женщине-матросу, любимой жене и маме**

Здравствуй, наш милый матрос!

Вот уже вторую неделю мы жаримся под кубанским солнцем. Тоскуем без тебя страшно, но отлично понимаем, что, представ перед твоими очами свежими, загорелыми, закаленными, мы порадуем тебя, потому и стараемся вовсю!

Доехали без приключений, если не считать, что Игорь с Яриком всю дорогу в поезде играли в... прятки. Я, конечно, пытался это пресечь, но... Почему пресекал? Да потому, что малышня уж больно талантливо пряталась и мне все время казалось, что они остались на станции, а я поехал с Алькой дальше. Нет, нет! Не подумай плохого. На остановках мы на станциях не выходили, Боже упаси! Однако Игорь с Яриком так умело «вербовали» союзников среди пассажиров, что мне кто-то вполне серьезно сказал: «Смотрите! Это не они там по перрону бегут, наш поезд догоняют?»

Конечно, быть многодетным отцом почетно, однако... очень к тому же и «весело»!

Словом, доехали мы благополучно! Прошу тебя, милая наша женица-матрос, не надо задним числом страдать и мучиться! Почему об этом написал? Хотел тебе «поплакаться в жилетку», вот и все...

Алька в поезде мне вовсю помогал. Правда, он так натурально рычал на младших братьев и делал это настолько часто, что окончательно «адаптировал» их к своему гневу. Они просто перестали обращать на него внимание и уже не реагировали. Ладно, хватит нам, мужикам, на жизнь жаловаться. Все-таки — морские волки!

Приехали мы рано утром. Нас встретили. Каково же было наше

удивление, когда мы увидели рядом с бабушкой Зиной и дедушкой Борей... Илью! Вот это да!

Дети, расцеловав дедушку с бабушкой, ткнувшись на мгновение носами в небритые щеки дяди Саши, бросились к Илье и зацеловали, заворковали, замурлыкали о чем-то своем.

Илья здорово вытянулся! Он худ и нескладен, как и все подростки в свои 14 лет. Я вынужден был даже слегка приподняться, чтобы поцеловать своего старшего сына.

Но это даже приятно...

Дом наш весь в зелени. У порога выросло из когда-то посаженной бабушкой Зиной косточки огромное абрикосовое дерево, усыпанное золотистыми плодами. Апартаменты у нас королевские: мне достался кабинет дедушки Бори, Илье выделили комнату, очень напоминающую скворечник, но с электричеством и мягкой кроватью, с книжной полкой и даже радиоточкой. Все эти удовольствия сделаны руками деда.

Наши морские волки устроились в комнате дяди Саши. Это очень практичное расселение, если учесть, что дисциплина и порядок — конек моего брата, так что с отбоем и подъемом на нашем «корабле» проблем не будет! Брат не только грозен внешне, он к тому же ужасный педант. Груды мышц, которыми он непрерывно играет, буквально гипнотизируют детей, и они смотрят на моего брата-атлета с благоговением!

Когда дядя делает утреннюю гимнастику, дети смотрят на это священнодействие с таким восторгом, с каким смотрели на богатырей в цирке. Дед, как всегда, разговорчив и обеспокоен мировой обстановкой. Бабушка стала еще краше, хотя и сохранила свою «сурьезность» в воспитании внуков. Мне, конечно, достается, как обычно, и за поведение сыновей за столом, и за их несдержанность в общении со старшими, и за грязные руки (случается и такое, потому что аппетит они нагуливают здесь со страшной силой и норовят прошмыгнуть к столу мимо умывальника, забыв о приличиях).

Хотя и «вколачиваем» в наших «товарищей офицеров» военно-морской этикет и нормы поведения в Минске, здесь, в Краснодаре, в «южных широтах», случаются накладки в поведении и боцмана, и мичмана, да и у остальных «старших офицеров» имеются грехи. Вот мне и достается на орехи от высшего родового «начальства».

То, что мы «приплыли» на «Корчагине», дед Боря воспринял спокойно-скептически. От предложенной должности «адмирала» отказался как-то уж очень бурно. Но после длительных уговоров наших «офицеров», в том числе и капитан-лейтенанта Ильи, согласился быть и.о. адмирала. Мы довольны! Исполняющий обязанности — тоже неплохо, тем более что дед согласился вести на нашем «корабле» политработу с «комсоставом».

Первая встреча «морских волков» с и.о. адмирала состоялась уже вчера. Расскажу, как она проходила.

К вечеру жара начала потихоньку спадать. На карнизе входной двери я повесил большое объявление (для грамотных морских офицеров, конечно!): «Внимание! Сегодня в 18.30 состоится встреча представителей младшего поколения нашей семьи со старшим поколением». Слева приклеил фотографии дедушки и бабушки, справа — групповой снимок наших детей с Ильей в центре. Между фотографиями кое-как нарисовал две руки, сомкнутые в «экстазе» рукопожатия.

Эффект был потрясающий! Дети меня просто атаковали, не дожидаясь торжественной минуты: «А что будет? А как будет?» Я молча указывал то на часы, то на «кубрик», то есть большую комнату, которую бабушка торжественно всегда называла «залом». Там все уже было готово: стояли кресла, а перед ними — маленький столик с... графином, доверху наполненным водой. Это постарался дядя Саша, которому идея «встречи поколений» очень понравилась. Он переживает свой очередной развод, а детей от второго брака забрала в Харьков его жена-«разлучница», с которой жизнь так и не задалась...

Перед началом «мероприятия» решили наши детки искупаться в Кубани. Я был дежурным по «камбузу», так что впередсмотрящим назначили дядю Сашу. Пока дети купались, я быстро приготовил ужин и накрыл на стол как раз к приходу нашей «матросни». Накормил, быстро помыл посуду — и в «кубрик». Молодое поколение уже расселось, дед тоже присел к маленькому столику, но в одиночестве, поскольку бабушку Зину вызвали по делам местного женсовета.

И.о. адмирала окинул взглядом аудиторию, как рублем одарил. Потом задал вопрос, который вверх нас всех в глубокое смущение: «Знаете ли вы о своих предках?» Молодое, еще даже без начального образования, поколение молчало. Илья уже начальное образование получил и даже более того, но решил «не высовываться». Храбрый Ярик из задних рядов почти басом спросил: «А кто это — предки?» Дед начал объяснять: «Это те, кто жил до тебя. Я — твой предок, даже отец — предок!» Раздался непочтительный смешок, сурово молчавший дядя Саша тоже хмыкнул. Я сдерживался, решил ограничиться наблюдением за происходящим. Наверняка завтра кличка «Папа-предок» ко мне приклеится, но ничего уж тут не поделаешь! Между тем дед стал рассказывать, и уже через минуту внуки раскрыли рты!

«Мой дедушка, прадед вашего папы, а ваши прапрадед родился в 1861 году в Российской империи, в Пензенской губернии, в селе Дубасово в крестьянской семье, которая не имела и крохотного участка земли. В семье было четыре человека: отец, мать и двое братьев — старший, Василий Петрович, и младший, Павел Петрович. Родители Василия и Павла труди-

лись от зари до зари и сумели дать своим детям возможность окончить церковноприходскую школу. Там их научили считать, писать и читать, так что по тем временам были они образованными. Пришло время, и старшего, Василия, взяли в военно-морской флот, на Балтику». Тут нетерпеливый Ярик не выдержал и восторженно заорал: «Как нас! На крейсер «Павел Корчагин»!» Громкий хохот «кубрика» был ему ответом. Дед хоть и нахмурился, но явно не рассердился. К Ярику он вообще питает слабость... «Дослужился Василий до звания старшего матроса и отдал флоту 10 лет. Павел Петрович был призван в царскую армию в 1882 году. Служил он в пехоте и дослужился до младшего ефрейтора в стрелковом полку, расквартированном на Кавказе.

Оба брата были коренастыми и очень сильными мужчинами. Перед драками на масленицу к ним приходила делегация и просила или отказаться, или биться вполсилы, чтобы, не дай Бог, не покалечить противников». И тут Ярик не удержался: «Они были, как наш дядя Саша! Он такой же сильный, как дед Вася и дед Паша, правда, папа?» Привычно обратившись к моему отцовскому авторитету, Ярик слегка меня смутил, но его реплика, видимо, понравилась дяде Саше. Он широко улыбнулся, сграбастал племянника на руки и сказал внушительно: «Тихо!» Дед Боря погрозил малышу пальцем и продолжил: «Василий Петрович в село так и не вернулся. Осел сначала в Петербурге, потом переехал в Москву, женился, работал на заводе, так его концы и потерялись... А Павел Петрович в село Дубасово возвратился».

О чем мы только не узнали из рассказа дедушки Бори. Вот теперь я тебя могу удивить, потому что от отца мало что слышал из рассказанного. Наверное, дед Боря, выйдя на пенсию, все привел в полный порядок и о родовых корнях нашей семьи сумел вспомнить такие детали, о которых я ни сном, ни духом. Представь, мой прадед со стороны отца был женат на цыганке, которая, родив моего деда, умерла. Прадед после похорон красавицы-жены привел в дом кухарку барина. Была она вдовой. Совсем недавно ее муж погиб от удара рогами племенного быка. Звали ее Олимпиадой, и у нее тоже остался на руках мальш. Стала она молочной матерью мальчику Саше, как называли моего деда, а моему прадеду Павлу Петровичу — женой. Кое-что отец рассказывал мне, когда я был маленьким, но я не знал, например, что барин предложил Павлу Петровичу отправить Александра со своим сыном в Мюнхен учиться на инженера, но тот не согласился. А потом, уже к 1917 году, мой дед окончил реальное училище и стал связистом. В гражданскую воевал в дивизии В.И. Чапаева (тут уж внуки вообще радостный визг подняли!), а когда вернулся домой, положил глаз на юную красавицу Надежду, так звали маму моего отца, нашу с Сашкой бабушку, которая в то время работала агентом контрразведки

в ЧК Саратова. Вообще-то наши предки хорошо помотались по Руси, а осели почему-то на Кавказе. Прадед мой по отцу обосновался на берегах Каспийского моря, хотя путь от Пензенской губернии, где он родился, до Баку, где он жил и умер, неблизкий! Корни бабушки Зины — в деревне Туровка. Ее родители Прасковья и Никита Юрьевы родились там. А находилась она в Тамбовской губернии, Козловском уезде, Богоявленско-Сурепинской волости. Их судьба тоже, как и предков отца, занесла в далекий от родных мест Баку, куда они прибыли в самом начале XX века с шестью детьми. Там же родилась, встретила свою молодость, вышла замуж наша бабушка Зина, родившая в 1939 году меня. Но про это наши дети уже не слушали. Они разбежались и играли в войнушку, а точнее, в белогвардейцев и чапаевцев. Только и слышно было: «Ура! Чапаевцы — вперед!» А мы, я и брат, сидели с нашими «предками» и слушали их бесхитростный рассказ о себе. Когда тебе 37 лет, воспринимаешь услышанное из уст родителей иначе, чем в юности. Узнал, что мой отец в юности хорошо побродяжничал. В 14 лет убежал из дому и путешествовал по Кавказу. Было это в далекие 20-е, и растянулось его путешествие почти на четыре года! Ищи ветра в поле! Сам пришел домой уже в 18. Получил от своего отца, то есть моего деда, большую порку, сказал «спасибо» и начал учиться ремеслу слесаря на каких-то технических курсах. А благодарил он отца за то, что тот за его безобразия с позором из дому не выгнал! Пришла война, дед ушел на фронт, воевал, был ранен, вернулся и снова ушел на телеграф, тот самый, на котором его отец, то есть мой дед, работал и моя бабушка тоже. Работал там и я, начав с 16 лет учиться на слесаря-ремонтника телеграфной аппаратуры...

Говорили-говорили и вдруг услышали плач и ругань. Плакал Ярик, ругались Илья с Алькой. Прибежали чумазые, лица залеплены остатками гнилых яблок. Оказывается, эти яблоки были для «чапаевцев» снарядами. Из-за них, этих снарядов, и вышла обидная свара.

Но об этом потом, во втором письме, потому что сейчас будем разбираться...

Целую и жду подробностей твоей жизни и научных бдений.

Олег, дети, «предки».

Краснодар — Минск

20 июня 1978 г.

**«Команда крейсера
«Павел Корчагин» —
женщине-матросу**

Здравствуй, наша милая женщина-матрос! Это письмо почти рапорт, настолько сухо и лаконично оно написано. А делаю это я потому,

что мы, разобравшись в случившемся накануне (я писал тебе о событиях в предыдущем письме), пришли к выводу, что ты должна знать все. Не пугайся, дорогая, все, как говорится, живы-здоровы, хотя на многое пришлось нам всем посмотреть другими глазами. Итак, по порядку...

Вчера мальчики с целой оравой местных пацанов играли «в войну». Так случилось, что Алька был в отряде у Ильи, а Игорь с Яриком оказались в лагере противников. Играли, по-видимому, яростно. Набрали зеленых яблок, алычи, которая во множестве опадает с деревьев, растущих вдоль берега Кубани. Были и абрикосы, тоже в большом количестве опавшие на землю. Это и были «снаряды». Я не видел, кто с кем воевал, но суть не в этом. Истошный вопль Ярослава подбросил меня из кресла. Прибежал на крик. Наш младший сын размазывал по лицу остатки подгнившей кожуры яблока и ревел в голос, как молодуха на похоронах суженого. Привели его в дом, за ним потянулись «солдаты-родственники»: Алик, Илья, Игорь. Когда «санобработка» закончилась, все дети собрались в комнате, а «предки» решились не вмешиваться и удалились к соседям «чайку попить и погутарить».

Обсуждали горячо. Илья, сверкая глазами, гневно кричал в адрес Алика: «А ты — предатель! Ты предал нашу армию. Иди ты знаешь куда?! Ты живешь по закону родственных чувств!»

Такая «темпераментная философия» четырнадцатилетнего подростка меня ошарашила, и я потребовал подробных объяснений. Я, например, считаю, что в игре тоже есть мораль, и ребенок, постепенно переходя от игры к реальной жизни, привносит в нее опыт взаимоотношений, опробованных в игре. Обвинение Ильи было серьезным, и я считал, что надо разобраться «всем гуртом». Почувяв привкус «педагогической теории», дядя Саша, который страшно ее не любит, ушел играть в бильярд, а мы стали разбираться.

Фабула конфликта проста. Перед началом «войнушки» Илья набрал много «снарядов», подкопал несколько ямок у своего «окопа», высыпал туда «боезапас» и стал командовать «отражением атаки», не задумываясь о том, что «противник» сплошь состоит из малышни во главе с Игорем. Там же находился Ярик, как оказалось, наиболее уязвимый, потому что он быстро разбросал свои снаряды и, выйдя из «укрытия», пытался собрать те, которыми бросался противник.

Ему повезло. Во-первых, никто из «врагов» в него не попал. Во-вторых, Илья на миг отвернулся, по-видимому, для того, чтобы «проинспектировать» линию своей обороны. Алька, улучив момент, насыпал Ярику, то есть «противнику», кучу снарядов из собственных «складов». Как только Ярик с «боезапасом», полученным от брата (сработали «законы родства»!), побежал к линии своей обороны, то есть к Игорю и к малышне из местных ребят, Илья обернулся и увидел «факт предательства со стороны своего

«солдата». Он был очень рассержен и стал выговаривать «первому помощнику капитана». Как я понял, пикантность ситуации была в том, что, пока «паньы ссорились», «хлопцы» подошли к ним почти вплотную и обстреляли. Соратники Ильи и Алика, местные пацаны, позорно убежали, а Ярослав с Игорем кричали, оказывается, оглушительное «ура!» и, главное, осмелились потребовать (представляешь, какой позор!) от старших братьев: «Сдавайтесь! Мы вас победили!» Выдержать такое было просто невозможно! Тут-то Илья и бросил в Ярика большое гнилое яблоко, попав ему почти в нос. Малыш разревелся от боли и обиды.

Мне нравятся эти «разборы полетов». Видно, как на ладони, кто есть кто... Илья мрачно горбился, сидя на стуле. Остальные пацаны сидели на полу. Алик молчал, Ярик с Игорем сосредоточенно смотрели на меня. Я решил обратить внимание детей только на одно слово, в данном случае ключевое: «предательство». То есть был ли предательством поступок Алика, можно понять только в случае, если это слово толкуется верно всеми.

— Итак, — спросил я, — предатель именно Алик?

— Да, я в этом не сомневаюсь, — горячо крикнул Илья.

— Нет, нет, нет! — это Ярослав. Малыш, скорее всего, не знает точно, что такое предательство, но защищает Альку, потому что брат снабдил его «снарядами», а раз он это сделал, какое-то «плохое» слово в адрес брата Ярик не допускает!

— Илья! — я решил это сразу же уточнить. — Скажи, что такое предательство? Как ты понимаешь это слово?

— Что тут гадать, — с места в карьер начал Илья, — это тот, кто тебя предал, изменил тебе... Вот и все!

Все замолчали. В том числе и я. Понимаешь, Таня, я не был уверен, что наш первоклассник будет способен толково разъяснить это слово. Сомневался, хватит ли у него морального опыта, ума, в конце концов, «семантической», то бишь смысловой информированности о понятиях, чтобы противостоять Илье, шестикласснику, старшие Альки практически в два раза? «Ну, а как ты понимаешь, — спросил я теперь уже у Алюни, — предательство?» Он ответил так: «Предатель — это человек, который изменил Родине, изменил своему государству. Изменил идеям... Зачем разбрасываться словами? Мы играли с пацанами, с малышкой, и надо, хотя бы в игре, быть справедливыми!»

Я вскочил в счастливом волнении! Ну, думаю, моя школа! Все-таки не зря наши «кубрики» в Минске очень часто «дымился» от споров, а я «накачивал» ум детей комментариями про то, про се!

Илья молчал. Алька продолжал говорить: «У них были малышки еще меньше, и нам с ними вообще не надо было стреляться! Силы-то неравные. Ну дал я немного снарядов Ярику, так что? И я уже предатель?» «Измен-

ник, — в запальчивости вскочил Илья, — ты братьям помогал! А раз так, то ты изменил нашему отряду!» «А ты что, не родной мне брат, что ли? — парировал Алька. — Я же с тобой был в отряде, но ты был несправедлив к малышам!» Алька разволновался так, что хотел уйти. На глазах даже слезы появились. Я удержал его.

Я сказал, что игра есть игра. Дети хотят играть со старшими братьями и верят им. Верят, что их не покалечат ни камнями, ни теми же гнилыми яблоками. «Посмотри, Илья, какой синяк у Ярика. Ты, здоровый парень, бросил прямо в упор, и могла случиться беда! Почему ты не хочешь думать об этом? Тебе обидно, что Алька поделился снарядами, а ведь ты сам должен был присмотреться, против кого ты в этой игре выступаешь? Есть же закон мужчин: не обижать маленьких, стараться сдерживаться с теми, кто слабее тебя и не может дать отпор! Получается, что эти правила ты знаешь, но не следуешь им, а твой младший брат Алька подумал об этом... Так кто же в этой ситуации был предателем?»

Назавтра и вовсе случилось невероятное.

Бабушка Зина собрала абрикосы, помыла их и поставила огромную чашку на стол, мол, ешьте, милые внучата. Илья в одиночестве читал, лежа на диване в большой комнате, и сразу узрел лакомство. Через полчаса все абрикосы были им съедены. Появляется Алюня, подходит к столу, а там в миске только... косточки. Илья смеется: «Абрикосы-то тют-тют!» Подвинул Альке миску с косточками и так же весело изрек: «Кушай на здоровье!» Алюня растерялся, да и я тоже, узнав об этом нелепом сеансе хамства, признаюсь, потерял дар речи! Я стоял у входа в комнату, а Илья меня не заметил. Ты прости, но нервы у меня сдали: «Ах ты мерзавец! У тебя, оказывается, нет ни стыда, ни совести! Кто тебя учил хамству? Я? Мать? Бабушка? Ты когда-нибудь видел, чтобы твои близкие так относились к тебе?» Да, Танюша, сорвался! Сил не было видеть мерзость хамства. Илья был в панике. Мой крутой нрав он отлично знал, а тут еще, услышав мой громкий, гневный голос, сбежалось все взрослое население дома. «И.о. адмирала» уже переступал порог комнаты, и я тут же услышал и его хлесткое: «Сукин сын!» Дядя Саша без лишних разговоров схватил Илью за шиворот и, дав пинка под зад, приказал: «Лезь на дерево и собирай в эту сумку абрикосы. Потом каждую вымой и положи в миску на стол, ясно?» Илья, перепуганный такой реакцией родни, беззвучно полез на огромное дерево, и через час на столе стояла такая же большая миска желтых, ароматных абрикосов...

Но в тот вечер все в доме были в трауре. Илья тоже маялся, хотя пацаны проявляли чудеса великодушия. Алька еще некоторое время косился на брата. То ли ждал очередного подвоха, то ли просто не знал, как себя вести с обидевшим его человеком...

...Я бы еще написал тебе о нашем житье-бытье, но, честно говоря, устал. Давай-ка договоримся: я приеду и все подробно расскажу, а пока пожелаю нам счастливого плавания. Завтра у нас выставка картин. Да, да! Мы уже второй день готовим выставку «Я вижу мир!» Приглашаются все местные пацаны и пацанки, а также их родители. Сделаю фотографии, обязательно пришлю.

Пока, помахай нам платочком!

Целуем тебя, любимая наша женищина-матрос.

Остаюсь твоим и здесь, на корабле, в южных широтах.

Капитан Первого Ранга — Олег Юрганов

Краснодар — Минск

10 июля 1978 г.

Команда крейсера
«Павел Корчагин» —
женщине-матросу

Здравствуй, наша милая мамочка, дорогая жена и женищина-матрос! Получили от тебя письмо и все страшно обрадовались. Да, я все-таки успел сделать фотографии с выставки «Я вижу мир!» и послал их тебе с предыдущим письмом. Я молодец, правда? Спасибо!

Живем мы весело. Начали выпускать сатирическую газету «КЛИЗЬ-МА», правда, пришлось Ярику, как наименее образованному, объяснять значение этого слова, но он, оказывается, помнит еще время, когда ему по необходимости ставили клизму, так что и смысл названия понял тоже. «Это когда у тебя в животике много грязи и ее смывают водой через попку?» Соображает...

Стали мы проводить и вечернюю линейку, подводить итоги прошедшего дня. Зовем на помощь «эксперта» бабушку Зину, чтобы и она сказала свое веское слово. Достается всем, поскольку бабушка у нас женищина требовательная и никакого «либерализма» в поведении не терпит. А чтобы держать весь «комсостав» в узде, решили выпускать сатирическую газету. Ох, как нам не хватает твоего рисовального и стихотворного таланта, наша женищина-матрос! Но все-таки пытаемся справиться сами. Что-то получается. Правда, бабушка Зина удивилась, чего это в слово «клизма» втерся мягкий знак? Ну что ж, пришлось сделать графический акцент: взял я красный фломастер и жирно этот мягкий знак перечеркнул. Все встало на свои места. Во всяком случае, с точки зрения старшего и очень грамотного поколения.

Именно в день, когда «Клизьма» была задумана, дети стали буквально на головах ходить. Я был просто ошарашен таким «раскованным» поведением молодого поколения и осторожно спрашиваю: «А чего это вы

сегодня так расшалились?» Они мне выдали, как говорится, открытым текстом: «Папа! Мы хотим попасть в «Клизму!» Лучшие всех у нас рисует карикатуры Илья. Вооружившись красками, кистями и фломастерами, он начал рисовать намеченные мною и Алькой сюжеты. Меня сын родной изобразил в «семейных» трусах на берегу Кубани, с широко распахнутым ртом и торчащими вперед огромными зубами. Из глаз сыпались искры, надо полагать, гнева. Это я зову детей обедать, а они не очень торопятся, вот и получился сюжет — беспомощный отец, да еще и в «семейных» трусах!

Игоря с Яриком Илья изобразил в облике хрюшек за то, что устроили «свинарник» за столом, когда, проспав все утро, завтракали в одиночестве. Они сначала страшно обиделись на «художника», но зато потом, кажется, решили больше не попадаться под «боевой карандаш».

На вечерней линейке Алик заметил, что Илья сам себя не изобразил, хотя причин для самокритики было немало. На это Илья ответил с изрядным лукавством: «Я не могу себя рисовать! У меня просто не получится. Пожалуйста, если кто может — изображайте!» Ярик с Игорем мгновенно расхватили карандаши и фломастеры и стали совещаться, как Илью изобразить, однако я отправил их спать, потому что уже прозвучали «склянки» отбоя. Да, «склянки» есть и здесь, правда, звучат они нежнее, чем наш колокольчик. Я беру нож и постукиваю по большому стеклянному графину. Звук получается нежный, но довольно громкий...

Назавтра Ярик с Игорем, посоветовавшись, нарисовали Илью (как могли, конечно!) танцующим в грязи. Для точного понимания зрителями, кто изображен на карикатуре, пришлось Игорю писать печатными буквами «сопроводительную надпись»: «Это Илюша». Тема была актуальной. От «и.о. адмирала» Илье изрядно досталось за то, что отведенная ему комната очень скоро стала похожа на мусорный ящик!

Кстати, взглянув на карикатуру, Илья пробурчал что-то насчет полного отсутствия сходства с оригиналом, но авторы были довольны.

Стоит ужасная жара, и мы бежим купаться на Кубань. Мы тебе еще напишем, наша дорогая женщина-матрос, научная ты наша героиня, единственная дама нашего крейсера и вообще наша радость!

Целуем, привет от деток. Папа.

Краснодар — Минск
21 июля 1978 г.
Команда крейсера
«Павел Корчагин» —
женщине-матросу

Добрый день, родная наша мамочка! На борту полный порядок: загораем, кушаем и страшно без тебя скучаем. Сегодня получили от тебя

депешу и сразу же уединились изучать ее. Все в яростном восторге, а я и более того.

Погода нас балует. Стоит жара, и река будто молочная — теплая и медленная, зовет к себе постоянно. Дети, то есть «личный состав крейсера», загорели до африканских стандартов. Могу похвастать своим загаром и я. Впервые я отдыхаю в Краснодаре без «производственных нагрузок». Не надо нигде спешить, не надо проводить деловые игры и думать о деньгах. Подумалось: вот что значит издать одну книгу!

Кстати, Сашка таскает мою «Смотришь, как в зеркало, в другого человека» с собой постоянно. У него вообще-то довольно конфликтный характер, но врожденное чувство справедливости. Так, на работе он весь начальственный состав терроризирует «книгой брата», который знает, «как надо себя вести с людьми на производстве», а вот как именно — прочтите на странице такой-то и такой-то. Тут же открывает и читает вслух! С ума можно сойти от такой пропаганды идей твоего горячо любимого мужа...

«Политработа» и на нашем корабле не утихает ни на час. Только что открылась первая в нашей местности художественная выставка картин, нарисованных руками команды нашего крейсера. Я тебе писал о том, что выставка готовится, но теперь сообщу подробности.

«Оргкомитет» выставки, сплошь состоящий из самих художников, единогласно решил, что все картины мы привезем в Минск и покажем тебе. Так что готовься...

Теперь отчитаясь. Картины были развешены на широкой кирпичной стене нашего дома. Картин 25–30. Разместили мы их по темам: «Космос», «Армия», «Цветы», «Мой дом», «Мама и я». Эти темы заранее не планировались, но дети, готовясь к выставке, рисовали что в голову придет. Вот и «пришло» и то, и другое, и третье. Представь, рисовал даже я! Вот так меня заразили пацаны! Дети безошибочно отличали мои работы от своих, хотя старался я вовсю, рисуя в стиле «очевидного примитивизма». Ну да ладно, не смейся! Главное — процесс...

Молва о выставке шагнула далеко за порог нашего дома. Приходили соседи, смотрели, хвалили, ахали.

Вечером дети услышали от Ильи знаменательную фразу: «Ну, мы теперь на всю округу знаменитые!» Братья закивали и тут же согласились, когда Илья минуту спустя сообщил: «Хорошо, когда тебя много человек знают!»

Как-то разговор среди детей зашел о популярности, известности. Алька тут же выдал: «А вот наш папа очень известный в городе человек и от этого только страдает!» Я молчу, а сын развивает свою мысль: «Идем по городу с папой и слышим все время: «Здравствуйте, Олег Борисович!» Думаете, не устаешь отвечать? Еще как устаешь!»

Илья стоит, ошарашенно глядя на меня и Альку. Впервые до него стало доходить, что популярность, оказываясь, может быть обременительной.

Назавтра на выставку народ просто валом повалил. Прибегает Илья и говорит: «Пять человек пришло!» Через минуту снова сообщение: «Уже 12 человек во дворе!» Потом, полчаса спустя, заходит в мою комнату и говорит с гордостью: «Вот это успех! 25 человек! Ворота надо распахнуть, а то в калитку не вмещаются!» Но ворота открывать не стали, а я попросил Илью быть гидом. Он сломал веточку и ходил между посетителями, рассказывая, кто и какую картину нарисовал, даже что на ней изображено, хотя, между «нами девочками», там и так все было ясно...

Атмосфера на корабле веселая и мужская. Каждый серьезный конфликт обсуждается без «соплей», и довольно сурово звучит наша «мужская морская правда». Очень трудно избежать между братьями потасовок. Недаром сказано: «Когда кони сытые, они бьют копытами». И бьют иногда больно. Я решил это безобразие пресечь.

Однажды, после очередной свары, я отдал команду: «Свистать всех наверх!» «Предки» ушли в роу, так что мы обошлись своими силами. На повестке дня стоял один вопрос: «О драках между братьями». Гвалт стоял невообразимый! Стали припоминать подробности уже случившихся столкновений, начиная аж со времен Царя Гороха. Наконец возобладала здравая мысль, что мордобой между братьями — позор и даже преступление!

Решено было эту мысль как-то торжественно закрепить. Я нашел толстый лист ватмана, взял фломастер и написал заголовок: «Декларация Дружбы, Взаимного уважения, Братской чести и Достоинства!!!» Именно так: все с большой буквы и с тремя восклицательными знаками. Ярику пришлось объяснять, что такое «Декларация», и хотя он тут же стал обзывать наш документ «Декорацией» (и откуда малыш знает этот театральный термин?), мы решили, что рано или поздно он усвоит и это «иностранное слово». Вот он, текст нашей «Декорации»:

«Мы, братья: Илья, Алик, Ярослав, Игорь — собрались 21 июля 1978 года в городе Краснодаре на борту крейсера «Павел Корчагин» и решили следующее:

1. Каждый из нас отныне будет твердо стоять на том, что наше братство прочно, как скала.

2. Мы решили, что, если чужаки обижают кого-нибудь из нас, мы брата защитим.

3. Если кто-нибудь из нас поднимет руку друг на друга, это будет считаться тяжким преступлением.

4. Если это преступление все-таки будет совершено, тот, кто осмелится поднять руку на брата, будет презираем нами как злой человек, недостойный нашего уважения.

5. Если такое преступление повторится, этот человек лишается звания брата, и вся команда крейсера «Павел Корчагин» не разговаривает драчуном весь день.

6. Если я нарушу эту Декларацию, пусть я буду лишен дружбы братьев, их уважения, братской чести и достоинства и пусть я получу презрительное звание: «Мерзавец».

«И.о. адмирала» отнесся к «Декларации» скептически, а вот бабушка Зина горячо одобрила и, если кто-то из внуков начинал «зарываться», молча брала его за руку и подводила к двери, на которой был прикреплен этот «документ».

Ты знаешь, я всегда был озабочен приступами странной агрессивности братьев, их периодической готовностью едва ли не растерзать друг друга. Я собирался идти к детскому психиатру или психологу, да все руки не доходили или ты считала эти явления «печальной нормой мальчишеского детства», «нормальной конкурентностью». Теперь, когда я убедился, что агрессивность принимает уродливые формы, я придумал эту «Декларацию» как акт отчаяния. И точно, волшебства не наступило. Назавтра Алька подрался с Игорем. «Собрание», в котором принимали участие теперь и дедушка с бабушкой, постановило применить к Альке пункт 6 «Декларации». Правда, дед молчал, а бабушка уговаривала не «позорить мальчика». Илья был суров, а его поддержал малыш Ярик. Мне пришлось напомнить, что это первый случай после принятия «Декларации», что надо просто внушить... Тут пришел с работы дядя Саша. Узнав, в чем дело, сказал веско: «Мерзавец, конечно! Ударить брата так по голове, что шишка вскочила, может только чужой человек и к тому же плохой! Одним словом, мерзавец, и все!» Алька сидел мрачный. Игорь, потирая ушибленное место (Алька ударил его по голове каким-то поленом), не спешил высказываться и защищать брата. И все же решились голосовать. Дед Боря почему-то ретировался, но бабушка Зина осталась. Неожиданно наш пятилетний Ярик, который сидел очень тихо, сказал почти такую же по мудрости фразу, на какую был способен его древний тезка князь российский Ярослав Мудрый: «Пусть Игорь сам решает, он же от Алика пострадал!» Все затаили дыхание, я тоже. Игорь подумал и сказал едва слышно: «Ладно, я его прощаю, но пусть больше так не делает!» Все облегченно вздохнули...

Наш быт полон неожиданностей. Абрикосы были чрезвычайно популярными в рационе питания, но пришлось срочно остановиться, потому что матросы начали «свистеть». Не путать со словом «свистать». Это совершенно противоположные явления. В первом случае юный моряк бежит к маленькому домику, расположенному в середине двора, во втором — к большому дому, где в кубрике — вечерняя поверка...

Стал варить компоты — и все наладилось.

Сказать, что мы, моряки крейсера «Павел Корчагин», скучаем по тебе, нашей женицине-матросу, значит ничего не сказать. Мы просто сгораем от страстного желания увидеть тебя. Мы хотим сказать тебе, как ты нам дорога, как мы тебя любим за веселый нрав, за верность доброму слову, за нежность, которая льется из твоих писем.

Каждый раз, когда мы читаем твои письма, мы с грустью представляем твое вынужденное заключение в Минске, в порту приписки крейсера «Павел Корчагин». Мы наградим тебя «Орденом Благородной Бригантины», наша дорогая женицина-матрос и дама сердца. Это произойдет уже очень скоро, когда вернемся из «плавания по южным широтам». Даже драчун Алюня научился правильно писать слово «диссертация». Стало быть, он верно понял смысл твоего затворничества...

Мы тебя целуем и передаем тебе наши морские приветы.

Олег.

**Краснодарский меридиан
Борт крейсера «Павел Корчагин» —
матросу-женщине, маме**

Здравствуй, наша дорогая и ненаглядная мамочка, матрос-женицина и жена! Мы получили вчера от тебя письмо с рисунками и стихами. Как только я вынул конверт с твоим письмом из почтового ящика и распечатал, Ярик оказался тут как тут. Увидел твои рисунки и заявил: «Это мама мне прислала! Скорее читай!» Я подчинился, только мы пошли с ним сначала в дом, потому что была ужасная жара. Остальные ребята плескались в это время с дядей Сашей на Кубани, так что Ярик наслаждался моим и твоим вниманием. Ярик тычет пальцем в лошадку, на которой сидит Незнайка, и спрашивает: «Это про лошадь мама написала?» Стал я читать ему вслух:

Потому зовусь
Незнайка,
Что совсем не знаю я,
Куда лошадь Погуляйка
Повезет меня сейчас!

Ярик серьезно сказал: «Лошадь надо назвать Погуляй, а не Погуляйка. Вот так, мама, прозвучал голос критики «снизу». Учти... Потом Ярик спрашивает, тыча пальцем в зайчонка на велосипеде: «А мама написала, куда этот зайчик едет?» Пришлось уточнять, прочитав и это стихо-творение. Ты наверняка уже и текст-то забыла, а? Напомню, потому что Ярик и здесь нашел «неточности».

Я зайчонок знаменитый,
С Волком под руку хожу,
Волка я перевоспитываю,

Хотя жизнью дорожу.
В гости ты ко мне приди,
Я живу в «Ну, погоди!»

Признаюсь, что я прочитал так, что трудная рифма с «перевоспитываю» мне подчинилась, однако Ярик сказал очень строго: «В «Ну, погоди!» заяц не живет, а бегаёт!» Когда мальчику уже почти пять лет, милая моя мамочка, ум его очень даже острый. Есть в кого... Порезаться можно.

«А кто это?» Да, мамочка, твоего Микки Мауса Ярик не узнал. Я решил, что ты в стихах, посвященных этому «зверюшке в лодке», все ясно объясняешь:

Вот опять отважный Микки,
Он поплыл за океан,
В лодке, всем ветрам
Открытый,
Он отличный капитан!

Нет, определенно в тот день Ярик был настроен очень придирчиво к твоему творчеству. «Если это Микки Маус, почему у него хвостика нет? Если он капитан, почему у него нет команды, как на нашем «Павле Корчагине»? Вот так! Зато от лягушки Ярик пришел в восторг! Помнишь?

Я — зеленая, лунатая,
Я — прыгунья распрыгастая.
Ты меня не перепрыгаешь,
Только ножкой зря подрыгаешь.
Раз — я здесь. А там я — два.
До свидания, ква-ква.

Ярик восторженно запрыгал и требовал, чтобы я читал эти стихи еще и еще. Представь, выучил почти сразу и прыгал по комнате с воплями: «Раз — я здесь. А там я — два!» Вечером, когда жара спала, Ярик бегал по двору и восторженно кричал: «Ты меня не перепрыгаешь! Только ножкой зря подрыгаешь!»

Когда мы дочитывали твое письмо-стихотворение на другой стороне листочка, Ярик ткнул пальцем в рисунок и решительно потребовал: «Давай про эту обезьянку читай!» Узнав от меня, что это снова Микки Маус, Ярик возмутился: «Мама совсем не может рисовать Микки Мауса! Папа, научи ее!» Боюсь, что Ярик явно переоценивает мои рисовальные способности. «Давай-ка почитаем, что мама написала про эту... эту» — я был в нерешительности. «Животную!» — быстро закончил Ярик. Читаем...

Я — отважный Микки Маус. (Ярик, совсем как ты, снисходительно улыбнулся, мол, знаем, какой это Микки ...)

Я — проткну рапирой вас.
Раз — укол!

Еще — укол!

Я кота ловить пошел.

Ярик задумался и говорит: «Папа, а это животное в руке ипгриц дер-жит и теперь побежал коту укол делать?» Признаться, я опешил. Слово «рапира» Ярик не знал, а слово «ипага» знал хорошо, по нашим громким чтениям «Трех мушкетеров». Пришлось все растолковать.

Винни-Пух Ярику тоже понравился. Как и про лягушку, он быстро выучил стишки и декламировал потом, стоя перед бабушкой Зиной:

Я — веселый Винни-Пух,
Штангу подыму, как пух.
Потому что круглый год
Ем из бочки сладкий мед.

Прodeкламировал твои стихи и смотрит на бабушку внимательно-внимательно. Бабушка похлопала в ладоши, мол, хорошо, молодец! Но Ярик, хитро улыбаясь, подходит к бабушке и почти басом говорит: «Я — Винни-Пух, и я люблю мед!..» Он не был уверен, что бабушка Зина поняла его «дипломатически-художественный прием» и тут же «своим голосом» и вполне открытым текстом спросил: «А мне ты можешь дать мед?» Бабушка рассмеялась и угостила Ярика — Винни-Пуха медом.

Однако вернусь к тому моменту, когда мы с Яриком читали твои стихи. Следующим рисунком оказался кот. «Это наша Кнопочка! Мама про нее стишки написала? Читай, папа!»

Я — котик Леопольд,
Берегитесь, мышки.
Вышел я на скользкий лед,
Стал я быстрым слишком...

«А... — почти разочарованно протянул Ярик. — Так это Леопольд». Спрашивает меня: «Папа, а что значит «быстрый слишком»?» Признаюсь, моя радость, я растерялся. «Когда вернемся к маме в Минск, она сама все объяснит». Это я так «подло струсил» и очень обрадовался, когда Ярик (ты же знаешь, какой он упрямый!) не стал настаивать, а ткнул пальцем в последний рисунок: «О! Это из команды «Метеор» из нашего мультика». Да, малыши отлично помнил, как мы купили кинопроектор и запускали мультфильмы «туда» — «обратно», глядя, как веселые человечки бегали и прыгали «правильно» и «неправильно». Ох, и умора тогда была, помню... Ну вот, читаю ему:

Я — известный всем боксер
Из команды «Метеор».
Драки мне противны.
Я — боксер спортивный.

Ярик тут же стал изображать боксера и почти безошибочно де-

кламировать только что услышанные стихи. Потом, запыхавшись, подходит ко мне и спрашивает: «Папа, а почему мама пишет: «Я — боксер спортивный? А еще какой есть боксер?» Объяснил, кажется, удачно — сын все понял.

Дня два или три по двору и дому носился Ярик и всех нас «доставал» громкой декламацией твоих стихов. То мы слышали: «Я — веселый Винни-Пух. Штангу подыму, как пух!» Или «Я — зеленая, лупатая, Я — прыгунья распрыгатая!» Было в общем-то очень весело...

Милая мамочка! Я решил тебе про Ярика рассказать так много и весело еще и потому, что недели две назад напугал он нас ужасно. То ли кубанской воды хлебнул, то ли в какой-то грязной луже червяков для рыбалки (с дядей Сашей собирался) копал и поцарапался, получив инфекцию. В общем, к вечеру поднялась у него температура аж 40 и 41. Уложили мы его в мою комнату, вызвали «скорую», а доктор говорит: «Я могу его в инфекционную отвезти, но там ваш мальчик «схватит» еще какую-нибудь гадость. Вот вам жаропонижающее и поите его водой побольше, пройдет. Это у него явно что-то желудочное». Мы все дрожали от страха, а дед Боря спокойно говорит: «Будем давать ему кефир с чесноком. Есть у меня лекарство такое...» Представляешь? На дворе двадцатый век, а в больницу везти опасно. Диагноз ставят приблизительно. Дали Ярику первую порцию дедовского лекарства. Еле уговорили, такая это гадость. Но влили. Я не отходил от него ни на минуту, обмазывал его водичкой с уксусом, чтобы, испаряясь, охлаждала тело. Рвоты не было, поноса тоже не было. Только очень высокая температура. Так я и просидел рядом с ним пару суток без сна. Жар снимал. Он все от меня требовал: «Расскажи про чего-нибудь!» Приходилось фантазировать вволю! Вот где твои талантыгодились бы! На третьи сутки жар спал и установилась нормальная температура. Врач из поликлиники пришла. Говорит: «Это у нас здесь бывает. Какой-то микроб. Мы и сами толком не знаем...» Вот так. На третий день Ярик уже встал, а я проспал почти сутки. Потом твое письмо со стишками получили. Хорошо! Теперь Ярик здоров, только похудел. Но до приезда в Минск жирок еще «нагуляем» и все будет в порядке!

Не пугайся! Я уже и за тебя, и за себя напугался...

Мы обнимаем тебя, наша мамочка, целуем.

Капитан первого ранга папа и команда крейсера «Павел Корчагин»

Илья, Алик, Игорь, Ярик.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Домашние животные: трудные истины и деликатные вопросы

В семье, где я росла, не было ни кошек, ни собак, ни птичек, ни рыбок — в общем, никакой живности, хотя и отец, и мать — родом из деревни. В детстве и отрочестве я завидовала девочкам, у которых в доме жила кошка или собака, но в квартире родителей на домашних животных был запрет.

Мать — человек брезгливый и очень чистоплотный, любила наводить гигиенический глянец, который подобно бесцветному лаку покрывал наш быт. Отец на мои робкие просьбы: «Хочу кошку!», — всегда отвечал почему-то шепотом: «Нет, этого мать никогда не допустит!»

Когда я сама стала мамой и у нас появилась квартира, я долго не помышляла о животных в доме по очень простой причине — маленькие дети. Пришло время, когда мальчики подросли и тема «животные в доме» стала сама стучаться в дверь нашего жилища.

...Принес Игореша с улицы котенка. Все умилялись, в том числе и я. Однако Олег, как я уже знала, отчаянный кошатник, тут же отнес котенка к ветеринару, и оказалось, что животное болеет стригущим лишаем. После этого случая Олег строго предупредил детей, что бродячие животные — рассадник заразы. Вскоре я поняла, почему наш папа Олег так испуганно отреагировал на котенка, принесенного Игорем.

Накануне наш папа получил письмо из Краснодара, в котором бабушка Зина сообщала, что она и Саша попали в диспансер, в котором наше народное здравоохранение кожные болезни почему-то сочетало с венерическими. А попали наши краснодарские родичи туда потому, что выбрали красивого котенка, бродившего у дома. Он жил у них до тех пор, пока у бабушки Зины и у дяди Саши на коже не появились белесые проплешины и зуд. Это и были признаки неприятной болезни. Примерно в то же время Игоречек принес бродячего котенка и в наш дом. В общем, обжегшись на молоке...

Игоречку и нам повезло: папа вовремя заметил в доме живой «сюрприз», вовремя были вымыты руки, сразу же котенок был отвезен папой к ветеринару, и диагноз тоже вовремя узнали. Позже у нас стали жить даже несколько кошек, однако время, предшествовавшее этому событию, было явно «не нашим».

Тогда же в минских газетах стали появляться заметки о том, что, мол, пора отстреливать сизых голубей. Их количество превысило, как полагало городское санитарное начальство, все мыслимые нормы. Тон публикаций был серьезным, готовились даже специальные бригады «стрельцов».

В нашем дворе тогда же произошла драма: заболел и едва не погиб мальчик. Оказалось, что он играл с больной птицей и заразился от нее какой-то болезнью. Мальчишка почти пять дней был между жизнью и смертью. Слухи ползли от дома к дому, от семьи к семье и связаны были они именно с больными голубями, якобы разносчиками этой болезни.

Тогда же, на фоне этих событий, и мое отношение к животным стало осторожным. Я — мама, и мысль о том, что мои дети могут заболеть от стихийного общения с животными, пугала. Незаметно причины тревог ушли вместе с удалившимся в прошлое тревожным годом. Подросли дети, и снова, как бы сама собой, возникла тема «животные в доме».

Я работала лаборантом в университете на филфаке и одновременно готовилась в библиотеке факультета к кандидатскому экзамену по современному русскому языку. Приходилось «прихватывать» вечера, задерживаясь в читальном зале.

Уходя домой, я не раз сталкивалась в опустевших коридорах здания с улыбчивой уборщицей Аленой. Однажды она пришла на работу с... котенком. «Вот принесла одной нашей преподавательнице, а она отказалась. Котенка для дочки просила, но та неожиданно уехала в долгую командировку...»

В корзиночке среди тряпок мирно спала сиамская кошечка. Я погладила ее. Проснувшись, кошечка встала, выгнула спинку. Грациозная, с голубыми глазами, палевой спинкой, черными ушами, головой и лапками кошечка сразу покорила мое сердце! Узнав, что Алена собирается отнести ее домой, я спросила, не продаст ли она эту сиамку мне. Она немного смутилась и спросила: «Ты ведь не одна живешь. Я знаю, у тебя маленькие дети. Ты уверена, что они ее не покалечат?» Я стала убеждать Алену, что мои дети уже в таком возрасте, когда кошек не мучают, а, наоборот, защищают, и рассказала историю с Алькой.

Он увидел, как во дворе трое ребят играли в футбол, а «мячом» служило тело мертвого сизого голубя. Альке было пять лет. Увидев это, он расплакался. Дождавшись, когда ребята устали и разошлись по домам, сын взял мертвую птицу и закопал неподалеку от мусорных баков, где земля была рыхлой. Был он в перчатках, так как уже стояла глубокая осень и было холодно.

Малыш рассказал мне о случившемся. Мы выстирали перчатки, вымыли руки и решили эту историю сохранить в тайне, чтобы не тревожить нашего папу и не пугать «бабиню». Но Игореша выдал нас с головой, когда узнал от Алики о случившемся и тут же за ужином все рассказал папе. Может, это было и к лучшему. Папа посочувствовал, деловито спросил: «Руки хорошо помыли?» — и на этом все успокоились.

...Выслушав меня, Алена согласно кивнула, и кошечка уютно устроилась у меня в сумке. Когда я пришла домой, дети уже спали. Папа

сидел за своим столом и что-то строчил. Встав у него за спиной, я тихонько положила кошечку ему под руку. Увидев это чудо природы, Олег окаменел. Ах, как я жалею, что не сфотографировала его лицо в этот миг!

Сначала в его чертах еще оставались следы внутренней сосредоточенности. Две-три секунды отрешенным взглядом он смотрел на кошечку. Однако разочароваться я не успела. Глаза мужа вдруг округлились, а лицо приобрело выражение клоуна Олега Попова. Он широко раскрыл рот, будто у него сейчас начнется приступ астмы, и уже через мгновение его лицо просияло от восхищения и восторга.

«Боже мой! — громким шепотом воскликнул папа Олег. — Какая прелесть!» Он осторожно взял кошечку и прижался щекой к ее мягкой шерстке.

Так состоялось их знакомство. У меня отлегло от сердца. Я немного тревожилась и не знала, как воспримет муж мой «подарок семье».

Хоть и прошел уже год с момента получения памятного письма из Краснодара и той истории с котенком, которого принес со двора Игорь, но настроенность, наверное, еще осталась.

Я, как человек импульсивный, нарушила заповедь цивилизованных родителей: заранее и тщательно готовить перемены в быту, который до краев заполнен детьми. Главное — ничто не должно угрожать их здоровью! Все это так, но...

Папа Олег предложил назвать кошку-сиамку Кнопочкой. То ли ему на глаза попалась кнопка, валявшаяся вверх острием на его столе, и образ «застрял», то ли сама кошечка чем-то напоминала кнопку. Но имя Кнопочка удивительно прочно к ней прицепилось. Моментально освоившись на столе у Олега, она свернулась клубочком и, замурлыкав, закрыла свои голубые глазки.

Назавтра было воскресенье. Дети, едва встав с постелей, как загипнотизированные смотрели на Кнопку. Папе пришлось с ними поговорить об отношении к кошке, подыскать ей место для еды, а потом мы долго совещались, где расположить «отхожее место» для нашего нового члена семьи.

Алька принес со двора песочек, мы его тщательно просеяли, прокалили в духовке, чтобы «убить всю опасную микрофлору», как выразился наш ученый папа. Остудив, насыпали в коробочку и поставили в туалет. Дверь туда мы плотно не закрывали, и наша кошечка беспрепятственно «справляла нужду».

«Гостинцы» Кнопочки надо было регулярно убирать, и папа попросил Игоря пожертвовать лопаточку, с помощью которой сын в дворовой песочнице строил лабиринты или замки. Малыш долго не соглашался «пойти на жертвы» ради пушистой красавицы. Наконец мы его уговорили, и мальчишка с гордостью сообщал нашим гостям, желающим вникнуть в подробности быта Кнопочки: «А это моя лопаточка. Это я ее дал, чтобы

убирать Кнопочкины какашки».

Вслед за Кнопочкой в нашем доме появились... рыбки. Как-то Олег пошел с детьми на базар, расположенный неподалеку от нас, где устроились продавцы всяческой живности. Сначала детки попытались склонить папу к покупке собаки. Но он стойко убеждал их, что вражда между кошками и собаками непреодолима. «Собака кошку рано или поздно съест! — нагнетал страсти папа, пытаясь убедить детей в ошибочности их просьбы. — Вы же не хотите этого? Кнопочка вам нравится, правда?» Дети соглашались, но через минуту начинали все сначала. В поисках компромисса папа подошел к стойке, где торговали рыбками.

Прелестные создания с гибкими плавниками и чарующей расцветкой заставили детей отвлечься от «собачьей» темы. Папа «приклеился» к аквариуму и сказал сыновьям странную фразу: «Рыбки лечат от нервов...» «Собаки тоже», — попытался возразить шестилетний «эрудит» Алик, но папа оказался хитрее: «Сначала купим рыбок и убедимся в этом, а уж потом видно будет...»

Когда папа вернулся домой с детьми и с большим аквариумом, я растерялась. В доме — кошка, и, как мне казалось, появление рыбок явно будет плохо действовать на ее психику. «Не волнуйся, — сказал Олег миролюбиво, — я это учел» — и показал на кусок стекла, которым накрыл большую часть поверхности аквариума.

Через два часа, когда папа установил на кухне столик, поставил на него аквариум, налил воду, «посадил» водоросли, погрузил в грунт красивый грот, пустил рыбок, включил компрессор и зажег лампочку с тыльной стороны аквариума, мы всей семьей уселись перед ним... «лечить нервы». Дети смирно созерцали подводное царство, млея, видя, как рыбки мелькают между листьями водорослей, заплывают в грот, хватают корм.

Конечно же, Кнопочка сразу взгромодилась на защитное стекло, быстро просунула лапу в щель между железным краем аквариума и расположенным поверх стеклом. Дети замерли!

Папа был сбит с толку авантюрным интеллектом любимицы, но не терял надежды. Кнопочка еще раз опустила лапку в воду, но, недовольно фыркнув, спрыгнула с аквариума. Убедившись, что рыбки ей недоступны, мы успокоились.

Уже вечерело. Папа выключил на кухне верхний свет, и, погрузившись в полумрак, мы затихли. Маленькие блестящие, красные, полосатые с пушистыми хвостами рыбки неведомых мне видов медленно, сонно передвигались, шевеля плавниками.

Папа был счастлив. «Я как на курорте...» — взглянув на меня странными глазами, казавшимися в темноте больше обычного, прошептал муж. Сидящий у него на руках Ярослав мерно задышал с закрытыми глазами.

«Представь! Он заснул!» — восхищенно прошептал папа Олег, а Игорь, желая удостовериться, даже тронул пальчиками веки спящего малыша.

Папа отнес его в кровать. Попросил Альку и Игоря тоже укладываться спать. Глядя, как они безропотно разделись и улеглись, Олег был просто ошарашен: «Вот это гипноз! Я сам, когда смотрю на аквариум, чувствую, что меня какая-то неведомая сила придавливает к стулу. Хочется закрыть глаза и...»

Пишу бабушке Зине в Краснодар письмо. *«Погода у нас стоит чудесная: рассыпчатый снег, каждая снежинка сама по себе и все сугробы, сугробы. Солнце сухое, в дымке, небо ясное. Деревья, как невесты в фате, — в инее, в снеге, нарядные. Вид из нашего окна на деревья и дворик просто как картина старых мастеров. Зима! Дети приходят со двора румяные, как купцы с базара. А мы дома завели рыбок — у нас большой аквариум, растения всякие там «заморские» и рыбки между ними снуют: алые, пестрые, золотистые — разные, большие и маленькие, узкие, толстенькие, пучеглазые и с хвостами-вуалями. Глядя в окно на зиму, с изумлением переводя глаз на этот стеклянный квадратик лета с зеленью, запахом мокрой травки и рыбами, которые вытягивают губы трубочкой и что-то словно говорят, состоящее из одного «о-оо-ооо!» Олег может часами сидеть у аквариума, как мальчик. Посему мы теперь не палимся в телевизор, а смотрим только новости и самое-самое важное и интересное: хороший фильм, передачу. А так как хорошее и важное в наших телепрограммах — редкость, то в доме теперь тишина, как на дне морском. Ну как может серо-серо, черно-черный телевизор, орущий во все горло, сравниться с этим, во-первых, цветным, во-вторых, бесшумным, в-третьих, практичным (хочешь — смотри, не хочешь — не смотри) экраном... Так мы полюбили аквариум, и вам советуем завести такой же. Успокаивает нервы, расчесывает и разглаживает спутанные нити в завихренной душе, радует глаз и дает занятие — ведь за рыбками надо ухаживать!»*

А я оказалась «неподдающейся». В тот вечер, когда аквариумные рыбки «усыпили» детей, моя нервная система «позволила» мне посидеть над конспектами перед аквариумом на кухне еще часа два: через несколько недель я должна выступить на заседании кафедры по поводу моей диссертации...

Позже выяснилось, что на старших детей, а потом и на Ярика аквариум почему-то успокоительно больше не действовал. А через полгода взбудораженные начавшейся семейной игрой в корабль «Павел Корчагин» Игорь и Ярик устроили на водной поверхности аквариума «морское сражение». Они сняли с него защитное стекло, запустили кораблики, сделанные из бумаги, и «сражались», пока не обнаружили Кнопку на краю столика, на котором стоял аквариум.

«Моряки» бурно приветствовали ее появление, не сообразив, что у

Кнопки были свои цели. Мгновенно сунув лапу с растопыренными когтями в воду, кошка ловко подцепила красную рыбку и выбросила ее на пол. «Моряки» онемели! Бросились дружно ловить конвульсивно прыгающую на полу рыбку, пока не прихлопнули тщедушное тельце своими ладошками.

...Папа увидел мертвую рыбку на поверхности воды и огорчился. Ярик стал подробно рассказывать, как «...Игорь пустил Кнопку, а Кнопка схватила рыбку, а Игорь рыбку прихлопнул, потому что она хотела убежать...». Игорь тут же стал излагать свою версию, по которой и Ярик, и Кнопка оказывались главными виновниками беды, а он сам спасителем несчастной рыбки...

Тут папа заметил на дне аквариума, рядом с гротом, разбухшую бумажку, сложенную лодочкой. Вытащив затонувший бумажный кораблик, папа развернул его. Расплывшийся чернильный след на бумаге заставил его испугаться: «Чернила! Это ж «химия» — рыбки сдохнут!»

...Через два часа, сменив воду, приведя все в порядок, папа сказал горестно: «Ну что за пацаны? Настоящие засранцы! Устроить морское сражение! Пустить Кнопку на «рыбную ловлю!» Я меланхолически изрекла: «Прежде чем приобретать рыбок, надо, оказывается, серьезно подумать...» Папа Олег не отреагировал. Он напряженно смотрел, как одна из рыбок, с трудом сохраняя равновесие, явно готовилась проститься с жизнью. «Смотри, она умирает...» — сказал он почти шепотом. При этом страшном слове мальчики окаменели. Через минуту рыбка всплыла брюхом вверх. Папа молча взял сачок, вытащил ее и выбросил в мусорное ведро. Красивое существо, еще вчера радовавшее нас всех, исчезло среди очисток лука, картофеля, клочков бумаги.

Папа сказал, грустно глядя на мальчиков: «Я купил рыбок, чтобы они радовали нас своей красотой. Я научил вас их правильно кормить и ухаживать за ними. Аквариум — не лужа и не таз с водой! Это жилище рыбок, и не надо им мешать, они не выдержат и все помрут! Хотите играть в морской бой, наполните ванну водой и плескайтесь там со своими бумажными лодками сколько хотите!»

Дети подавленно молчали. Папа ушел в свою комнату и сел за рабочий стол. Я выпроводила сыновей в их комнату и вошла в гостиную. Олег что-то писал. Я подошла к нему, обняла за плечи, пытаюсь утешить «отца золотых рыбок». Он покачал головой: «Вот он, урок домашней зоологии: в доме, где живут еще маленькие социальные животные, при появлении представителей фауны, да еще таких беззащитных, как рыбки, расслабляться нельзя!» Он умолк, усмехнувшись каким-то своим, явно невеселым мыслям...

...Что заставило меня забыть уроки «домашней зоологии» уже через месяц-два после случая с рыбками и морским сражением, устроенным в аквариуме Игорем и Ярославом, не знаю. Помню только, что пошла я на базар с определенной целью: купить укроп и помидоры. Очень хотелось

сделать салат из свежих, красных, «базарных» помидоров. Как меня угодзило вместо рядов с овощами попасть туда, где продавали собак, я тоже не знаю. В общем, я вернулась домой не с пустыми руками!

Когда у двери меня встретили дети, старший сын, желая мне помочь, взял сумку из моих рук и увидел там черный комочек. «Ой! — вскрикнул он. — Это кто?» Опустив сумку на пол, Алька широко раскрыл ее, и оттуда медленно и осторожно стал выползать... щенок. Да, я купила собаку!

В нашем доме, где уже жили рыбки, кошка, появилась... собака. Наверное, сам Зигмунд Фрейд не смог бы разобраться в том странном кульбите, который проделало мое подсознание, когда, идя за помидорами, я принесла домой песика!

Помню, что на рынке оказалась я у огромной, распластанной на земле сумки со щенками. Рядом стояла старушка с блеклыми голубоватыми глазами. Она ласково стала меня приглашать: «Доченька, посмотри, какие собачки красивые». «Это овчарка?» — спросила я осторожно. «Да, да, овчарка! Она самая», — поспешно ответила бабушка и, присев, раскрыла сумку пошире.

Там, внутри просторной кожаной «ямки», копошились беспомощные существа, попискивая и тряся изогнутыми хвостиками. Я взяла одного в ладони, и что-то теплое широко и нежно растеклось у меня в груди. Никакими силами я уже не могла положить щенка обратно и пойти по своим делам.

Расплатившись с бабушкой и уложив щенка в свою плетеную кошелку, я быстро пошла к трамвайной остановке. Минут через десять я была дома, даже не подозревая, что принесла с собой массу проблем!

...Увидев взгляд моего мужа, я сразу поняла, что сделала все-таки что-то из ряда вон! Описать, как он на меня посмотрел, не берусь! Скажу только, что наш разговор по поводу... собачки был очень трудным.

Пока дети ворковали вокруг щенка, а Кнопка взидала на все с высоты платяного шкафа, на который она буквально взлетела, спасаясь от собаки, я узнала от мужа массу сведений, о которых по своему легкомыслию и наивности не имела ни малейшего представления.

Во-первых, на это животное нужен паспорт, в котором указываются все прививки, в том числе от бешенства и чумки. За прививки надо платить... Во-вторых, неизвестна порода собаки. Возможно, это овчарка, но может вполне случиться, что это — обыкновенная дворняга с ужасно пошлой генеалогией и с врожденными дурными манерами.

Олег был расстроен... «Представь, — развивал свои убийственные доводы мой ужасно умный муж, — вырастет эдакий теленок, который будет есть такое количество пищи, которое даже мы все вместе не съедаем. Значит, его надо ставить на довольствие». Я легкомысленно расхохоталась, услышав этот «военно-морской» термин. Дети, с самого начала почувствовавшие в диалоге папы с мамой напряженность, теперь, услышав мой легкомысленный

смех, распахнули дверь в «комнату переговоров» и громко спросили... Нет, скорее утвердительно произнесли: «Мы оставляем Джека...» Папа выдохнул, будто пробежал за-предельную дистанцию: «Этот... пес уже — Джек?» — и отрешенно махнул рукой. Открыв дверь и слегка отодвинув детей, папа тут же вляпался босой ногой в небольшую лужу, которую оставила после себя новоявленная «овчарка», которая оказалась «мальчиком».

Почуввав сырость, папа замер! Потом с каменным лицом, наступая на пятку, «прошкандыбал» в ванную комнату смывать следы, оставленные четвероногим несмышленищем с крюковатым хвостиком. Сквозь шум воды до меня доносился голос главы семьи и его «речи», о сути которых нетрудно было догадаться. Слышала я и горячий спор детей по поводу имени «овчарки». Выделялся голос Игореша, который горячо убеждал Алика назвать собаку не Джеком, а Рексом, «...как ту, которая живет у бабушкиной родни в Абхазии». Алик эту идею сразу отверг, презрительно заметив: «Рекс же не овчарка! Он просто охотничья собака, а наша — овчарка!» Игорь, по-видимому, поняв, что явно недооценивал «породистость» щенка, купленного мамой, смутился и сразу согласился с доводами старшего брата...

...В раннем детстве Олег жил в Баку у бабушки Нади, матери отца, а у той настоящей страстью были кошки. «Представь! Баку, центр города. В квартире бабушки Нади жило кошек пять или шесть. Сытые, ухоженные, гладкие. Тогда-то я и привязался к ним. Заметил, что их мурлыканье меня успокаивает, а тепло их тел, когда они усаживались на диван к моим ногам, снимало мою вечную боль. Жуткие любовные кошачьи серенады выводили мою мать из себя, а отец втихомолку ловил кошек, прятал их в сумку и увозил в дальний конец города. Однажды, увидев вернувшуюся через месяц кошку, которую он отвез на электричке куда-то в «тмутаракань», отец их зауважал. Бабушка Надя сама регулировала вновь появлявшееся «кошачье поголовье». Она, не комплексуя, топила «избыток», оставляя кошке-матери на «отсос молока» одного котенка».

...Когда в нашем доме страсти по щенку уже как-то улеглись, Олег рассказал мне о своей первой и единственной собаке. «Мне было лет 16, и я, как и ты, пришел на базар. В кармане были заработанные на «халтуре» деньги, и я купил щенка. Мои родители дня три не знали, что в моей комнате живет собака, потому что было лето и в школу я не ходил. То, что я целыми днями не высываюсь из своей комнаты на уличную жару, родителей не особо беспокоило. Я кормил щенка, убирал за ним, но однажды, разыгравшись, он залиvisto залаял, когда домой пришла мама. Она рассердилась, но, увидев мое несчастное лицо, согласилась поговорить с отцом.

Настроение матери можно было понять. Она не разрешала нам с братом держать котенка, потому что мы, наверное, как и все пацаны, сразу же забывали, что за кошкой нужен уход, и все валили на плечи мамы! А когда

у нас появился котик, мы даже не предполагали, какую он нам «свинью подложит»! Когда он подрос, то стал метить все углы нашего дома! Вонь стояла ужасная.

Теперь вот собака... Смотрит отец на щенка и спрашивает: «А как звать-то этого пса?» Я с гордостью ответил: «Джультбарс!» Но мои познания в собачьей анатомии оказались позорными. От клички Джультбарс пришлось отказаться, когда отец сообщил мне: «Тебе подсунили сучку...» Тогда я назвал щенка Пальмой. Даже обрадовался, потому что новое имя было благозвучней.

Мы с собачкой подружились, я даже купил книгу о дрессировке и стал ее штудировать, пытаюсь растить и воспитывать свою овчарку по всем правилам. Из книги я и узнал все подробности развития организма собак.

Через полгода я попал в больницу с обострением болезни и мама, приходя ко мне в туберкулезный диспансер, рассказывала, как поживает моя Пальма. Однажды она пришла вся в слезах и рассказала, что Пальма сорвалась с поводка и убежала, а через два дня ее нашли с перебитым позвоночником. Кто-то из соседей ударил собаку чем-то тяжелым и оттащил прямо к порогу нашего дома. Мои родители враждовали с соседями, вот те и «отыгрались» на собаке. Спасти Пальму не удалось. Через месяц я уехал в Саратов, взяв с собой фотографию погибшей Пальмы...»

...Мы поместили Джека под кухонным столом. Папа сшил ему матрасик, выделил железную миску. Щенок был еще мал. Он спал на боку, постоянно подрагивая лапками и поскуливая во сне. Дети устраивались на кухне на полу перед спящим щенком и подолгу смотрели на него. На тумбочке, над щенком, в подсвеченном аквариуме мерно и величаво плавали рыбки, а на крыше белого посудного «столбика», стоявшего рядом с раковиной, удобно устраивалась Кнопочка, поглядывая из своего «безопасного далека» на существо, которое теперь отбирало у нее все внимание членов семьи.

Вскоре Кнопка поняла, что она все равно остается «хозяйкой дома», потому что неповоротливый Джек, получив пару раз когтистой лапой по носу, нашу сямку зауважал и стал трусливо обходить стороной.

Дети спорили уже не о том, с кем будет спать Кнопка, а о том, с кем будет играть Джек. О своих привилегиях сразу и категорично заявил Алька: «Джека надо воспитывать, дрессировать, а он понимает только старших — меня и папу!»

Ярик брал Кнопочку на руки, «чмокал» губами, зовя Джека, и, едва простодушный пес подходил на его зов, бросал кошку ему на загривок. Кнопка шипела, жутко мяукала, царапала собаку, а пятилетний Ярик смеялся, считая, что его «четвероногие друзья» весело играют.

Алька сделал брату выговор. Не помогло. Потом он пожаловался «капитану первого ранга» — папе, и наш «боцман» получил два наряда вне

очереди на кухне, то есть... на камбузе. Для Ярослава эти наряды пустяком не были — пришлось отрабатывать повинность по всем «военно-морским» правилам. Помогло! Он перестал баловаться.

Заметив, что Джек все вокруг кусает, Ярослав «предлагал» щенку собственные руки. Пока у собачки были слабые челюстные мышцы, Ярик, по-видимому, получал хоть и странное, но удовольствие. Но однажды уже подросший Джек крепко куснул «социальное животное» и «оно» в отместку ударило собаку машинкой...

...Наши беседы с детьми о животных, забота о них, прогулки с Джеком даром не прошли, но скоро детям это надоело и они стали увиваться от хлопот, связанных с уходом за собакой. Нравилось только то, что доставляло удовольствие: купание, чистка шерстки, наблюдение за бесконечными шалостями собаки. Однако надо еще каждую неделю стирать покрывало матрасика, мыть миску, мыть пол от брызг пищи, разлетавшихся вокруг миски, когда Джек, чавкая и хлюпая, поедал свою похлебку. Требовалось регулярно выгуливать собаку. Причем в определенное время, чтобы выработать прочные «гигиенические рефлексy». А пока эти рефлексy выработаются, надо терпеливо и кротко убирать все «гостинцы» песика. Вот тут-то и начались проблемы!

Алька сидит, смотрит по телевизору фильм. Пришло время выводить Джека во двор! Сын сидит до упора! Наконец Джек не выдерживает. Запах сообщает Алуне о случившемся.

Сначала он стыдился своей безответственности и быстренько за Джеком прибирал. Правда, делал он это не слишком старательно, логично заключая, что «раз дело сделано», гулять теперь ни к чему...

Когда собака была еще маленькой, Игорь и Ярик гуляли с Джеком вместе. Мы с папой не боялись отпускать во двор мальчиков со щенком. Я сама убедилась, что шестилетний Игорь вполне может справиться с прогулками. Но малыш был просто непредсказуем. Однажды он отстегнул ошейник и щенок, получив свободу, умчался от него во все лапки и едва не угодил под колеса машины. Пес был пойман каким-то взрослым дядей, а Игорь получил нагоняй от меня и папы.

С каждым днем я стала понимать, что собака в квартире, при всех забавах и умирении, которые мы переживали с ее появлением, — настоящее стихийное бедствие. Щенок подрос, и мне — полной невеже в собачьих породах — пришлось согласиться с приговором папы Олега: «Это типичная дворняга. Ее навыки обучаемости минимальны! Джек — генетически дворový пес, и все, что несет в себе его мозг, было поколениями его «родичей» почерпнуто из стихии улиц, дворов и подворотен».

Тем не менее наш «член семьи» нуждался в терпеливом воспитании. Однажды, на очередной «корабельной линейке», наш «капитан первого

ранга» прочитал приказ, согласно которому ответственным за санитарное состояние «дома, где живет собака» объявлялся старший сын, его помощником — «мичман» Игорь. Иначе говоря, если обнаружатся «следы отбросов желудка Джека» и грязь, наряды вне очереди будут получать «первый помощник капитана» Алька и «мичман» — Игорь. И тут я слышу: «...руководителем по воспитанию щенка объявляется женщина-матрос, «...которая приобрела собаку...» Я пришла в ужас! Тут же на линейке стала слезно умолять «команду» избавить меня от такой «почетной обязанности», но «капитан первого ранга» был неумолим. Дети же были просто в восторге от того, что «генеральным опекуном» Джека буду я, и стали меня уговаривать «не бояться». Наконец папа, сжалившись надо мной, внес в приказ изменение: с завтрашнего дня он берет на себя обязанности «генерального дрессировщика».

Как же мне хотелось вернуть то время, когда я оказалась на базаре перед распаханной огромной сумкой, чтобы решительно пройти мимо нее и просто принести домой свежие помидоры, за которыми туда и отправилась!

Миновал пятый месяц «собачьих радостей». Джек стал постепенно превращаться в неуклюжего, зубастого, нахального подростка. Теперь мы могли выводить его на прогулку только всем семейством, держась «всеми руками» за поводок.

Пес рвался на свободу, возбужденный свежим воздухом, множеством запахов и звуков. Мускулистое, откормленное животное настырно требовало независимости, ведя себя в полном соответствии со всеми «стихиями подворотен», которые уже бурлили в его крови, едва это дитя слепой дворовой «собачьей страсти» оказывалось за дверями подъезда!

Непростыми были проблемы с прогулками уже с самого первого дня появления у нас собаки. Надо встать рано утром, чтобы дать возможность дворняге «облегчиться». Пока дети умывались, одевались и завтракали, то есть готовились к школе, мы с Олегом спускались с Джеком во двор. Кобель тащил нас к каждому кусту, который ему непременно нужно было окропить, или, с той же целью, к каждому столбу. Очень скоро я поняла, что во дворе у нас великое множество деревьев, кустарников, столбов, а Джек — просто бездонная бочка! Завидев четвероногих представительниц «прекрасного пола», он с восторженным визгом мчался к ним, таща нас за собой! Своей бесцеремонностью он пугал не только хвостатый «слабый пол», но и сопровождавших хозяев. Было ужасно стыдно!

Как раз в это время я сдавала философию и стала прятаться за спасительную мысль бородатого классика: «Что естественно, то не безобразно!» Но от этого легче не становилось. Обладатели пуделей, болонок и прочих элитных пород, завидя нас с Джеком, пускались наутек в паническом ужасе, уже зная о жутких манерах нашего пса, один вид которого заставлял слабо-

нервных сучек биться в истерику, заливаясь возмущенным лаем.

Несколько минут, которые Джеку давались для того, чтобы остаться на улице свои «визитные карточки», ему не хватало! Накопив силы после ночного сна, пес рвался на все четыре стороны! Возбуждение «зашкаливало». «Генетически» не приученный к дисциплине, он не воспринимал команд хозяев, которые, нетерпеливо ожидая «гостинцев» хвостатого члена семьи, только и думали, как бы поскорее помчаться на пятый этаж, затолкать «четвероногого друга» в квартиру, проверить, разбредились ли дети — кто в школу, а кто в сад, — и, наконец, самим бежать на работу!

Вечером, перед сном, в доме начиналась детско-собачье-кошачья вакханалия. Спасть от детского визга, смеха и звонкого лая было невозможно. Наконец, стиснув зубы, мы с папой начинали разводить «домашних и социальных животных» по разным комнатам.

Однажды в субботу я рискнула прогулять собаку одна. Мои пальцы не выдержали, и я упустила поводок. Джек обрел долгожданную свободу! Как ни жалостливо звучал мой голос, как ни пыталась я уговорить «члена семьи» утихомириться, пес гонялся в неистовом восторге то за голубями, то за воробьями, то за кошками. Его лай был полон счастья от обретенной, наконец, свободы!

Заметив, что Джек взял что-то в пасть и стал старательно пережевывать, и помня наставления «главного дрессировщика», я постаралась очень грозно крикнуть: «Фу!» Джек снисходительно вильнул хвостом и тут же нашел еще какую-то косточку. Улегшись на живот, он стал грызть находку и, казалось, забыл о бдительности. Стараясь быть незаметной, я подкралась к нему сзади, чтобы схватить конец поводка, лежавший на асфальтовой дорожке, но не тут-то было! Бдительный Джек, осклавившись, будто в улыбке, рванул в сторону и снова улегся, грызя свою находку... Я быстро поняла, что поймать это животное мне не удастся и надо идти домой за подмогой.

Как на Голгофу, поднимаюсь на пятый этаж к нашей квартире. Олег, распахнув дверь на мой звонок (я забыла ключи), мгновенно оценил ситуацию. «Знаешь что? — нехорошо улыбаясь, сказал «капитан первого ранга», — представим, что Джек держит сейчас экзамен на верность нашему дому, нашим детям и нам. Если он вернется сам — значит, мы чего-то стоим и он, кстати, тоже».

Это было очень слабым утешением! Увидев меня без собаки, дети приуныли, а Ярик даже расплакался. Сыновьям папа сказал: «Каждый человек сдает экзамены. Только школьникам, например, ставят пятерки, если экзамен выдержан, а собака получит вкусную еду, если она поймет, что с нами лучше, чем на улице». Дети с надеждой слушали папу, а Игорь спросил: «А можно мы ему подскажем? Пойдем на улицу, найдем его и позовем домой. Если он нас послушается, ты ему дашь вкусную косточку,

хорошо?» На том и порешили.

Как назло, в то утро зарядил дождь, и мальчики, облазив всю округу, вернулись грязные, с чумазыми физиономиями и... без Джека. Тут уж и папа немного запаниковал: «Он будет общаться с бездомными собаками, еще чего-то подхватит!» Помня о страшном скандале, который нам закатили «бабиня», увидев Джека, я не на шутку испугалась. Однако ничего не оставалось, как ждать возвращения запропастившегося «брата нашего меньшего» уже размером в половину теленка.

Да, каюсь, мы еще не сделали Джеку прививок — не было ни денег, ни времени — и теперь кусали локти. Спрашивали друг друга: как быть дальше? Что делать с Джеком? Но вопросы задавались шепотом, потому что мы видели глаза детей, полные слез и отчаяния.

Каждый из нас переживал по разным причинам. Мы с папой думали о возможных инфекциях, а дети — о гибели собаки под колесами машины!

Вернулся Джек только на завтра, глубокой ночью. Он царапался в дверь и жалостливо поскуливал. Я открыла ему и тут же побежала спасаться от его грязных лап и мокрого языка. Папа громким шепотом цыкнул на пса и повел в ванную мыть. Потом он его покормил и, улегшись в постель к трем утра, сказал то ли с облегчением, то ли осуждающе: «Пришел все-таки, стервец!» Спросонья я так и не поняла, чего было больше в его реплике — разочарования или удовлетворения...

Дня через три меня положили в больницу. Мне предстояла операция, и я провалялась недели три... В больничном коридоре, где был телефон, я стояла и слышала в трубке, как Джек громко лаял, подчиняясь папиной команде: «Голос!» Даже не предполагала, что дворняга могла продемонстрировать хоть какие-то способности к дрессуре. «Это он приветствует тебя!» — весело сообщил Олег.

Я не знала, сколько хлопот принес Джек нашему папе в мое отсутствие! Только вернувшись домой, я поняла, какие за это время произошли с Джеком неприятности...

После того как наш внушительно подросший член семьи, побродив сутки в округе, возвратился домой, папа решил сделать ему все прививки. Но, как это часто у нас бывает, нашлось время отвезти его к ветеринару, чтобы привить только от бешенства. Остальные прививки снова ждали своей очереди.

В один из дней папа увидел на кухне Джека, лежавшего на боку. На все призывы «главного дрессировщика» пес не хотел вставать. Он лишь слегка помахивал кончиком хвоста, когда, обеспокоенные странным поведением собаки, дети и папа попытались его растормошить. Описав все симптомы своему приятелю, «отпетому собачнику», Олег услышал слово «чумка». Это — распространенная болезнь собак 7–8-месячного возраста. Она не

была заразной, так что дети ничем не рисковали, но собака могла погибнуть голодной смертью, потому что при этой болезни она теряет аппетит.

Олег работал на телевидении, и у него был свободный график. Когда старшие дети, как обычно, уходили в школу, а Ярик — в садик, папа все время посвящал уходу за больным Джеком,

Ветеринар ответил отказом на просьбу по телефону — посетить заболевшее животное. Как ни убеждал Олег, что «оплату гарантирует», ветеринар, узнав, что собака не зарегистрирована, так и не согласился приехать.

У Олега был опыт лечения наших детей, а уколы он делал лучше квалифицированной медсестры. Домашняя аптечка была забита всевозможными лекарствами. Был там и пенициллин, инъекции которого, на свой страх и риск, Олег и решил делать захворавшему Джеку.

Я ничего не знала о случившемся, потому что, не желая меня расстраивать, и папа, и дети хранили «страшную тайну».

Трудно даже представить себе, каково приходилось Олегу. Он не скрывал, что боролся с соблазном пойти на поводу у многочисленных советчиков, отнести Джека, когда детей дома не было, к ветеринару с просьбой усыпить собаку. «Доброжелатели», среди которых были, конечно, и мои родители, резонно говорили: мол, в такой ситуации «удобнее всего» объяснить детям исчезновение пса неизлечимой болезнью или гибелью.

Не хочу врать, и я, узнав, какие хлопоты с собакой и с тремя детьми легли на плечи мужа, когда я лежала в больнице, подумала, что надо было так и сделать. Чувство вины перед собакой, детьми и мужем еще долго меня угнетало!

Я — дома... Вижу Джека здоровым и веселым. Он окреп, вырос, хотя так и остался вислоухим, глупым, бесконечно добродушным псом.

Он быстро меня вспомнил, но мне от этого легче не стало. И все же я заметила, что в собаке произошли перемены к лучшему. Пес уже с уважением относился к паркету, на дворе не рвал поводок, потому что папа приобрел «строгий ошейник» и Джек чувствовал боль, если пытался дернуться вслед за местными четвероногими «дамами». Однако гулять с ним мог теперь только Олег, потому что после операции я была слаба, а детей Джек совсем не слушался, наверное, считая, что если гуляют с ним они, то играть можно бесконечно!

...Излечившись от чумки, Джек, наверное, «понял», что жизнью обязан Олегу, и не давал ему проходу. Непрерывно лизал, радостно встречая папу с работы громким лаем и «объятиями». Но именно папа от Джека и пострадал. Эта четвероногая бестия однажды съела очень важный документ, который хоть и был размером с аптечный рецепт, но достался Олегу Юрганову, преподавателю института иностранных языков, огромными усилиями.

Потом Джек невесть как открыл ящик, в котором хранились микро-

фильмы, переснятые с большими трудностями в «Ленинке» из американских книг по менеджменту. Читая лекции в институте народного хозяйства, Олег иллюстрировал лекции оригинальными вставками из американских источников. Обнаружив куски микрофильмов, разбросанные по всей комнате, он рассердился и не хотел верить, что это дело пса, но, взглянув на глубокие вмятины, оставленные клыками Джека, папа понял, что «криминальный талант» этой дворняги он явно недооценил.

Между тем наши «собачьи будни» попали даже на страницы всесоюзной печати. Однажды соседка, собкор «Комсомольской правды», симпатизируя Алоне, тогда уже призёру конкурса местной детской газеты «Зорька» на лучший материал, написала заметочку, в которой рассказывалось, как «... мальчик Алёня счастлив, потому что у него появился верный друг — собака Джек!» Я тогда записала в своём дневнике: *«С Джеком целая история! Стоит только купить на базаре за тришку собаку, как об этом уже пишут центральные газеты. Другие за сто и двести рублей покупают, а пресса, даже местная, молчит!»*

Вообще-то в моих записях нет и тени того беспокойства и реальных хлопот, о которых я рассказываю сейчас. Пишу даже весело: *«Алёня обычно так рассказывает историю появления Джека у нас в доме: «Это — Джек. Очень хорошая собака. Овчарка. Мама ее купила на базаре (!) за три рубля». Публика, конечно же, в шоке!»*

Еще одна запись: *«...Наш папа долго издевался над моей нелепой покупкой, говоря: «Вот у меня была собака! Настоящая породистая, овчарка! Ее звали Пальма. Красавица: лапы — во! Корпус — во! Я купил ее за десятку у одного дядьки». Я защищаюсь как могу. Задаю вопрос с подвохом: «А в каком году это было?» Папа, ничего не подозревая, мечтательно вспоминает: «Да, это было давно, молодым был... Году в 59-м...» Прерываю его воспоминания еще одним вопросом: «Говоришь, за десятку купил? В 59-м? Так по новым деньгам это выходит 1 рубль! А я за три рубля, а эти деньги в тот момент в десять раз дороже были. Значит моя собака стоила 30 рублей по старым ценам 59 года, не то что твоя, понял?» Олег застывает в изумлении, потом безудержно хохочет. Любит и понимает наш папа шутку...»*

А вот новая запись о собаке:

«Джек растет и... хорошеет. Может быть, мне это только кажется. Дети играют с ним, визжат от удовольствия и уже немного побаиваются, когда пес легонько прихватывает их зубами за уши и руки. Папа Олег тоже возится с ним и даже пытается имитировать собачий лай, страшно раззадоривая этим Джека. Тот встает на задние лапы, «вырастая» почти с папу. При этом уши пса неожиданно встают торчком, ну совсем как у настоящей овчарки. Папа в восторге восклицает: «Таня, смотри, смотри! У Джека уши встают! Может быть, все-таки один-два овчарных гена,

ответственных за уши, у него есть?»

...Однажды я обратила внимание на открытую входную дверь. Такое случилось крайне редко. Может быть, кто-то из сыновей, убегая во двор, не успевал ее захлопнуть. Гулять с псом время не пришло, да и нашего папы дома не было. Я позвала собаку, прошла по комнатам — Джека в доме не было. Убежал? Похоже на то...

В этот раз я, признаюсь честно, особого сожаления не испытала. Даже не смогла скрыть облегчения. Понимаю, это не самые лучшие мысли и чувства в такой ситуации, но скрывать не стану, что было, то было! Добро-совестно покрутившись в нашем и соседних дворах, мы стали ждать возвращения Джека. Нет, не пришел... Спустя неделю я заметила, что дети уже меньше тоскуют и не просят нас звонить в милицию и писать объявления: «Пропала собака по кличке Джек».

Через месяц кто-то из коллег Олега по институту иностранных языков, расположенному напротив нашего дома, в случайном разговоре рассказал, что на его глазах машина переехала довольно крупного размера собаку, попавшую под переднее колесо. По описаниям это мог быть наш многострадальный Джек.

Пес стал жертвой моего безрассудства, нашей неготовности осознать право животного на безопасность и, если уж на то пошло, на «счастливую собачью жизнь».

...После гибели Джека жизнь в нашем доме, где теперь обитали только Кнопочка и рыбки, шла своим чередом. Предвидеть неожиданности взаимоотношений домашних и «социальных» животных, членов нашей семьи, чтобы хоть как-то подготовиться к сюрпризам, от которых иногда «крыша едет», нам с папой, увы, не удавалось...

В самом начале этой главы я писала о своем старшем сыне, который в пятилетнем возрасте увидел жуткую картину, когда несколько ребят пинали ногами мертвого голубя, будто играя в футбол. Олег и я рассказывали детям случаи из нашего детства, когда мы оказывались свидетелями издевательств над животными со стороны дворовых подростков.

«Представь, — рассказывал мне Олег, — несколько пацанов решили удостовериться, что если сбросить кошку с пятого этажа, то она все равно упадет на лапы и убежит как ни в чем не бывало! Поймали кошку, притащили ее на крышу нашего пятиэтажного дома в Баку и сбросили. Она же оказалась беременной! Страшная картина...»

Наш старший сын, казалось, ничем не обнаруживал в своем поведении признаков жестокости. Ему шел седьмой год, и только его слишком уж драчливое общение с младшими братьями меня немного тревожило. Мне казалось, что все стычки между братьями, заканчивавшиеся слезами и обидами, — естественны и временны. Я видела соперничество Альки с

братьями за внимание родителей, за обладание игрушками и старалась со всеми детьми быть одинаково ласковой и внимательной.

...И тут, наблюдая за отношением Альки к домашним животным, мы с папой затревожились. Играя с собакой, сын мог сесть, например, верхом на нее, ударить Джека палкой, когда замечал его «гостинцы» на паркете. Собаке доставалось от мальчугана особенно в ее младенчестве, хотя сам же Алька и был виноват, потому что вовремя собаку не прогулял!

Стравливание Кнопочки и Джека стало его не таким уж и редким «грехом». А ведь еще месяца два-три назад Алька очень сердился, когда видел, как Ярик хватал кошку и бросал на холку Джеку! Тогда же он очень толково и убедительно объяснял Ярику, что так поступать нельзя!

Мы с папой растерялись. Не знали, что же нам делать. Просьбы, угрозы слабо помогали, недолго действовали на сына и наши наказания. Что с ним стряслось? Беседы Олега с друзьями-психиатрами и психологами о тревожных фактах поведения старшего сына ничего не дали. Скорее, даже разочаровали мужа, да и меня тоже.

Я слушала мнение специалиста, черноволосого, худощавого психиатра, которого Олег привел «на чаек» в наш дом. «Все дети в возрасте от пяти и выше — жестоки, потому что они все-таки еще и сами «животные», — прихлебывая «Гондурасский чай», разглагольствовал гость. — Жестокость детей обычно не целенаправленна. Так может показаться лишь на первый взгляд, когда ребенок играет с кошкой или собакой, доводя ее порой до жалобного писка или визга. Вообще-то жестокость детей один из «...сюпризов эволюции», сигнал из подсознания, в котором за сотни тысяч лет эволюции сформировались сценарии к самозащите или расправе с теми, кто слаб и приговорен естественным отбором быть съеденным».

Вот и получалось со слов психиатра, что «социальное животное» Алик чувствует себя сильнее в минуты ощущения своего превосходства во время игры с животным реальным. «В такие минуты сознание резко сужается. Мальчик не готов в этой ситуации сочувствовать, остановиться. Со временем, в результате воспитания, его агрессивность может быть ослаблена. Конечно, не у всех людей так получается к зрелым годам, но у большинства...» Такая хладнокровная «логика» нас с папой, конечно, расстроила.

Случай, о котором я расскажу, произошел еще до появления в доме «овчарки Джека». Алику только минуло шесть. В тот день он болел и я не пустила его в школу. Пошла в магазин купить кое-что к завтраку и быстро вернулась. Открываю двери и вижу такую картину: мой сын продел толстый шпагат в кольцо, прикрепленное к верхней планке дверного проема детской комнаты. Мы прикрепляли на два кольца качели, когда дети были совсем маленькими.

Один конец шпагата был в его руках, второй — завязанный петлей,

был надет на шею Кнопки. Она смирно сидела, с петлей на шее, на пороге детской комнаты. Алька был в глубине комнаты и меня не заметил. Я вижу, что шпагат натягивается и петля начинает сжимать горло кошки. Кнопка заметалась. Разуваясь на пороге, ничего не понимая, я хотела уже крикнуть. Едва я сделала шаг по коридору к детской комнате, как заметила, что шпагат резко натянулся и Кнопка повисла!

Я ворвалась в комнату, подскочила к сыну, схватила шпагат, быстро избавила от петли нашу сиамку и, чувствуя, что собой уже не владею, надавала в сердцах сыну по щекам.

Никогда не забуду его глаза в тот момент, когда он, неожиданно увидев меня, замер, инстинктивно продолжая тянуть шпагат к себе. Его глаза были огромными и... удивительно пустыми. Какими-то равнодушно-плоскими, как две оловянные пуговицы. Никогда не думала, что увижу у своего мальчика такие глаза!

Запершись в ванной, я едва могла сдерживать рыдания, которые душили меня! Как хватило у меня сил не звонить Олегу на работу и не звать его домой разбираться по горячим следам, не знаю. Что-то меня удержало.

В тот день я общалась с Алькой, едва сдерживая отчуждение и гнев. Вспомнила, как год назад сын пришел в слезах, увидев, как дворовые мальчишки играли в футбол мертвым голубем, а теперь не могла понять, что случилось с моим мальчиком? Что? Почему он мог такое сделать?

Я люблю своего старшего сына, как и всех своих детей. Однако я убедилась, как трудно, почти невозможно удержаться от гнева, когда твое дитя, на твоих глазах, совершает что-то непонятно гадкое.

...Вечером за ужином шел разбор этого случая. Я рассказала обо всем уже без гнева и возмущения, но все еще с болезненным недоумением. Папа и дети молчали. Позже Олег признался, что впервые за годы нашей жизни откровенно растерялся.

Молчание нарушил Ярослав:

— Тебя бы так! Ты что, не знаешь, что Кнопочка умерла бы?!

— Не умерла бы, — неожиданно резко и даже убежденно ответил старший брат, — я тихонечко...

— Как же так?! Ты понимаешь, что делаешь? Папа говорил громко и возмущенно. Он уже едва сдерживался, а я была готова к худшему, причем с нелепым чувством одновременного согласия с его гневом и в то же время страхом перед суровым наказанием, казалось, сейчас неминуемым. Олег тяжело вздохнул, медленно встал и вышел из кухни. Весь вечер мы были подавлены. Младшие сыновья сторонились Альки, по-видимому, инстинктивно чувствуя идущую от него опасность.

Мы с мужем никогда не оставляли без внимания мало-мальски плохой или хороший поступок наших детей. При нашей загруженности всегда на-

ходило время достучаться до их ума и чувств, чтобы убедиться, насколько они сумели понять, «что такое хорошо и что такое плохо!» Вот почему дети очень рано уверенно и ясно представляли, что и как называется в человеческом поведении. «Воровство», «обман», «лень», «предательство», «жадность» и, конечно, «жестокость».

Разбираться в сути понятий, особенно тех, которые обозначали реальные проступки наших детей, — занятие отца. Он с ранних лет разговаривал с детьми, заставляя их сознание впитывать его комментарии. Позже, когда дети подросли, папа приучал их самих докапываться до сути поступков и их причин. Богатый словарный запас, хорошо развитая в «домашней школе» и ранним чтением речь позволяли, например, Альке четко оценивать моральную суть своих проступков или провинностей младших братьев, которые обсуждались то ли на кухне во время «разбора полетов», то ли на вечерней линейке на «палубе» нашего «крейсера».

В этот раз очевидность нелепого зла, совершенного старшим сыном, разрушила душевный уют нашего дома, выбив нас из колеи. Ни мне, ни мужу даже в голову не пришло, что теперь о случившемся надо с Алюней говорить, требовать какой-то оценки его поступка, выяснять причины такого жуткого обращения с Кнопочкой. Все было очевидным и без объяснений!

Потом мы познакомились с Жорой М. — партнером Олега по телепрограмме «Акценты». Психолог по профессии, он как-то рассказал нам случай, как трое подростков играли «в партизан». Двое были «гестаповцами», третий — «партизаном, попавшим в плен». «Гестаповцы» накинули «партизану» на шею петлю и заставили встать на скамейку. Потом один из них выбил табурет и «партизан» повис, дергая ногами в страшных конвульсиях. Его руки «по всем правилам казни», увиденной детьми в кинофильмах, были связаны за спиной... Спасти жертву игры «в партизан» не удалось.

Рассказывал Жора спокойно, без эмоций. Мне же стало холодно, едва я представила эту картину. Детям из рассказа Жоры было лет по 9–11. «Такие «фокусы», — продолжал он, — с детьми случаются, но фатальных исходов все-таки меньше, чем нам кажется, потому что инстинкт самосохранения у детей обычно срабатывает и сознание успевает «учуять» опасность»...

...Алька готовился встретить свой девятый день рождения, неплохо учился в школе и больше не создавал нам каких-то особых проблем. Отшумела наша «собачья история», в доме продолжали жить Кнопочка и рыбки. И вот однажды приходит Игорь из магазина и вытаскивает из кармана... цыпленок. «Я иду с хлебом из магазина, — рассказывает Игореша, — вижу: в телефонной будке — цыпленок! Нельзя же оставлять, правда?»

Что же делать? Нашли коробочку, вырезали в ней маленький квадратик для дыхания и пристроили ее на окне. В доме — кошка, как-никак хищник, и папа сразу скептически оценил ситуацию. «Если Кнопочка будет все вре-

мя сыта, возможно, этот цыпленок и уцелеет!» Птичка выглядела облезлой и жалкой до такой степени, что вызывала у меня не столько сочувствие, сколько... брезгливость. Но я сдержалась...

Дети приняли цыпленка с энтузиазмом. Решили внимательно следить за Кнопочкой, чтобы она его не съела. Игорь сразу и безоговорочно заключил, что цыпленок — курочка, скоро начнет нести яйца, и даже уже заранее меня попросил, чтобы из «его яиц», поскольку это была «его курочка», я никому не «делала яичницу!»

Однако «эрудит» Алик Игоря моментально разочаровал. Он сообщил изумленным младшим братьям, что курица несет яйца только если у нее есть петух. Ярик вместе с Игорем не согласился и требовали от старшего брата доказательств: «А что этот петух делает? Как он помогает курочке нести яйца?» Алька был загнан в угол упрямым вопросом братьев, но «процесс яйценоскости» с участием петуха объяснить так и не смог.

Тогда неугомонный Ярик отправился за ответом к папе. Олег считал, что цыпленок все-таки петух, и предложил назвать его... Петей, а выслушав вопрос Ярослава, папа «нелогично» предложил компромисс: «Пусть Петя подрастет, а там все вместе и посмотрим, появятся все-таки яйца или нет!»

Цыпленок Петя подрастал. Как ни странно, но Кнопочка не проявляла к нему ни малейшего интереса. Птичка немилосердно пачкала, но постепенно приобретала приличный вид. У нее подросли перышки, обозначились крылышки, а в центре темечка даже появился явный намек на гребешок.

Иногда мы Кнопку запирали в гостиную, ставили Петю на пол детской комнаты, рассматривая со всех сторон это худосочное, жалкое существо. Всем нравилось, что он бегал за нами, как собачонка. «Каждый из вас — его мама!» — говорил Олег, показывая, как даже движение руки может вызвать у цыпленка неудержимое желание следовать за ней. Это забавляло детей, и каждый хотел, чтобы цыпленок представил его мамой, за которой надо бежать, чтобы поклевать чего-нибудь...

В нашем присутствии игры детей с цыпленком выглядели безобидно и мило. Мальчики лежали на полу, наблюдали, как Петя клюет хлебные крошки, рассуждали о том, что если он петушок, то скоро закокарекает и будет по утрам будить всех...

Нам с Олегом и в голову не могло прийти, что может вскоре случиться. Теперь я пишу уже спокойнее. Может быть, потому, что основательно разобралась в подоплеке случившейся беды?

Однажды, вернувшись с работы, я обратила внимание, что Петя сидит в своей коробочке какой-то поникший. Утром, перед уходом на работу, я подбросила ему хлебных крошек, которые цыпленок, весело попискивая, тут же принялся клевать. Теперь он сжался в неподвижный комок и умолк. Пока готовила ужин, я не обратила на это особого внимания. День у меня

был хлопотный, шумный, и теперь, не слыша привычных споров мальчиков, я вскоре удивилась. Из садика пришел Ярик и тихо прошел в детскую комнату. Дети вели себя необычно смирно, даже порадовав меня этим. Позвонил Олег, сказал, чтобы к ужину его не ждали, придет поздно...

Положив трубку на рычаг телефона, я обратила внимание на скукожившегося в своей коробке Петю. Взяла его в руки и сразу заметила, что правая лапка цыпленка странно вывернута, а на кончике клюва засохла красная точка. Тут же подумалось, что Кнопочка все-таки помяла Петю. Позвала детей, укоряя их, что недоглядели. Мальчики как-то странно и подавленно молчали. Это меня и вовсе насторожило! В их глазах был испуг и та самая виноватость, которая яснее любых слов говорила мне, что у случившегося были причины, хорошо известные моим мальчикам.

Я спросила: «Расскажите, что произошло с Петей? Вы же все были дома... Что вы с ним делали?»

Почти шепотом Алька ответил: «Мы учили его... летать». Оказывается, восьмилетний «экспериментатор» и два его «ассистента» подбрасывали цыпленка к потолку, пытаясь заставить его расправить еле видимые крылья. Услышав «аргумент» Ярослава: «Это же птица, она должна уметь летать!», я была совершенно обезоружена. Нам с отцом, взрослым людям, уже кое-что познавшим в этой жизни, и в голову не пришло, что могут появиться причины, которые заставят трех наших мальчиков проделывать такое с Петей! Вспомнила рассказ Олега о проделке мальчишек старше наших, по-моему, им было лет по десять-двенадцать, которые сбросили кошку с крыши пятиэтажного дома, чтобы убедиться, что она успешно «приземлится»...

Вечером, разбирая этот случай, папа, в отчаянии схватив уже мертвого цыпленка, показывал детям крохотные отростки, которые через много-много недель, возможно, и стали бы подобием крыльев. Дети подавленно молчали, согласно кивая.

И тут настала очередь старшего сына ошарашить нас: «Давайте его съедем! Мы же покупаем цыплят, и папа их жарит очень вкусно...» Алька тут же понял, что ляпнул совсем уж непотребное. Папа еле сдерживался: «Мало того, что ты равнодушно смотрел, а может, и сам участвовал в том, что твои глупые братья проделывали с Петей, теперь ты предлагаешь его, полумертвого, добить и съесть? То, что мы покупаем в магазине, — просто куриное мясо! А это — живое существо! У него даже была своя судьба: каким-то образом он попал на городскую улицу, его спас Игорь, принес к нам домой, мы дали ему имя Петя, кормили, спасли от Кнопочки. Даже она к нему привыкла. Петя стал нас всех считать своей мамой и за каждым бегал. Вы, хоть еще и маленькие, но — люди! Двое из вас уже в школе учатся и все-таки не сумели понять, что он — живое существо, что к нему, такому беспомощному, надо относиться, как к слабому. Вы бы посмотрели внимательно — у него же

нет крыльев! Просто крохотные отростки! Вы были для Пети гигантами, которых он не боялся, потому что верил, что вы — добрые и защитите его. И вот вы — люди-гиганты — его сгубили! А теперь один из вас предлагает Петю... съесть!»

...Едва Петя на наших глазах превратился в твердый холодный комочек, я почувствовала необъяснимый страх. Молча ушла в другую комнату, села на диван и выключила свет. Оказывается, я не знаю, правильно ли воспитываю своих мальчиков. Я не могу влиять на них так, чтобы они, прежде чем что-то совершать, старались думать! Ну, Игорь с Яриком, быть может, еще все-таки по глупости увлеклись «идеями» научить Петю летать. Но Алька! Он же думать мог! Он же действительно умный и развитый мальчик!

Мы с Олегом знали многих детей — сверстников наших сыновей и тех, кто был уже значительно старше. Мы виделись с ними во дворе, приглашали к нам домой. Признаюсь, чаще получалось так, что только плохие поступки дворовых ребят, привлекая наше внимание, невольно заставляли нас судить, на что они были способны. Выходит, точно так же и с нашими детьми? Если они сделают что-то умилившее нас, мы готовы приплюсовать этот поступок к нашим воспитательным усилиям. А когда сделают что-то дурное? Кто тогда виноват?

...Наш район считался спокойным, а двор вполне благополучным. Но именно в нашем дворе был выбит глаз у мальчугана — единственного сына одинокой мамы. Неподалеку от нашего дома был убит подростками полупьяный бомж. В двух шагах от нашего подъезда, я уже рассказывала об этом, пятилетний Алька видел, как орава мальчишек пинала ботинками мертвого голубя, восторженно и лихо изображая футбол. Но годом позже старший сын уже весело рассказывал, как мальчишки, привязав к хвосту приبلудного кота консервную банку, с гиканьем гоняли его, заливаясь смехом...

...Папа завернул тельце цыпленка в промасленную бумагу, крепко перевязал сверток тесемкой и отдал детям. «Идите и закопайте его за домом, в кустах», — сказал он тихо. Была осень, накрапывал мелкий дождь, полумрак сглаживал контуры кустов, фонарный столб и стволы деревьев. С балкона было видно, как маленькой игрушечной лопаткой Алька сделал ямочку, Игорь положил туда сверток и засыпал его землей. Ярослав молча стоял в сторонке...

...Кажется, только Кнопочка не собиралась доставлять нам хлопот. За год жизни в нашей семье она выросла и стала всеобщей любимцей. Пережив Джека, Петю, она оставалась полноправной хозяйкой нашего внимания и времени. Мы все одинаково ее любили, а она только выбирала, к кому пойти посидеть и помурлыкать. Бесспорным любимцем Кнопочки был папа, потом она выбрала своим фаворитом Игоря, особенно когда тот укладывался спать. Алька, быстро забыв про свой жутковатый «эксперимент» с Кнопкой,

тоже боролся за ее внимание...

Конечно, наша сиамка периодически громко требовала «жениха», настойчиво кричала и грациозно «соблазняла» всех нас, извиваясь на полу посреди комнаты. В такие минуты мы с папой говорили, что Кнопочка «немного болеет» и сообщает нам об этом недомогании. Ее не надо трогать, она скоро «поправится» и все будет в порядке.

И все же мы с папой решили привести ей «жениха». Среди прознавших о наших планах друзей и знакомых сразу нашлись желающие разобраться будущих котят, что нас очень вдохновило.

Теперь предстояло рассказать детям «про это», и мы знали, что потребуются и особый подход, и особые слова. Предстояло подготовиться к тому, чтобы рассказать детям, почему кошка и кот так себя ведут, а заодно рассказать, как родились они — наши сыновья.

Кажется, в то время Альке было почти восемь, Игорю — почти семь, Ярику около пяти. Каждый из мальчиков что-то уже подмечал, невольно слышал и как-то приближался к «деликатной теме».

Наблюдая за беспокойным поведением кошки, каждый из мальчиков делился со мной своими мыслями. «Мама, — рассказывает Ярик. — Кнопочка прыгает ко мне на колени и все время поворачивается ко мне попкой!» Игорь: «Я ее глажу по спине, а она подымает свой зад и хвост. Я ее поворачиваю к себе мордочкой, а она снова поворачивается задом. И все время мяучит и мяучит!» Алька о чем-то уже явно догадывается, но молчит. Мой мальчик ну прямо «вещь в себе»!

Полгода назад приходит с прогулки во дворе и говорит: «У нас на дворе две собаки друг на друге катались!» Папа сразу понял, о чем речь, а мама, то есть я, оказалась не очень сообразительной: «Это как в цирке?» Наивноотреагировала я, да? Слышу «нехороший» смех папы Олега, а старший сын посмотрел на меня с укоризной и неуверенно проговорил: «Лешка сказал... — кстати, этому мальчику — десять лет. Живет он с одинокой мамой и развивается с опасной скоростью, — Леша сказал... что так собаки щенков делают!»

Тогда ни я, ни папа не стали вдаваться в подробности. Очень кстати подоспело время ужинать, потом по «телику» начинался «клевый мультик». Однако мы все-таки поняли, что «рано или поздно...». Стало быть, надо готовиться!

Впрочем, «деликатные неожиданности» подстерегают родителей и совсем «из-за угла»! Одному из наших сыновей было лет пять, и воспитательница детского сада рассказала нам, что несколько раз замечала, что он прячет руку в колготки, как ей кажется, с каким-то «не очень хорошим намерением». Осматривая детей, воспитательница заметила, что крайняя плоть у нашего мальчика — красная. Пошли к урологу, и врач объяснил

нам, что мы недоглядели. Это нам урок! Каждый вечер, перед сном, обязательна — полная гигиена. С тремя детьми, при постоянных перебоях с горячей-холодной водой это делать нелегко, вот мы и попались! Когда крохотные капли мочи застревали в складках крайней плоти и раздражали ее, мальчик пытался избавиться от возникавшего при этом зуда с помощью руки. Ну а дальше...

Разговор проходил при сыне, потому что врач показывал ему, что и как надо делать и почему возникали неприятные ощущения. Прошло время, он все понял, да и мы, крепкие «задним умом», уже придирчивей следили за гигиеной, и, кажется, причины для беспокойства исчезли.

Через месяц-два, от той же воспитательницы, я снова услышала предостережения: «Ваш мальчик опять и довольно часто держит руку в колготках». Как же так? «...Мне кажется, — продолжает воспитательница, — что раньше он действительно пытался спастись от зуда, а теперь я боюсь, не ищет ли он таким образом приятных ощущений?»

Снова пошли к урологу. Тот, отправив сына в коридор, сказал нам: «Ваш мальчик, по-видимому, очень возбудим. Случайно он мог испытать приятные для него ощущения».

Тут уж папе пришлось исподволь, осторожно объяснять тогда уже шестилетнему сыну, что «этот» орган «очень чуткий» к прикосновениям. Его можно «испортить», если трогать руками. К тому же, «руки в штанах»... это так некрасиво! Неудобно, наконец! Сын согласно кивал...

Я занервничала. Заметив руки сына в колготках, вытаскивала их и шлепала мальчишку. Пошла к детскому невропатологу. Ничего страшного доктор не заметила, но попить валерианку в таблетках порекомендовала. «Не волнуйтесь... Отвлекайте и следите ненавязчиво. Наказывать не следует. Все постепенно само пройдет...» Миновало месяца три-четыре, и «конфузные дела» сына действительно благополучно исчерпались.

...И вот в нашей квартире появился сиамский кот, «жених» для Кнопочки. «Новобрачным» была отведена гостиная со стеклянной дверью, и дети могли, как студенты-медики, наблюдать за «процессом». Правда, стекла были декоративными, очень «картинку уродовали», но кое-что разглядеть все-таки было можно. Алена, которая подарила мне Кнопочку и предоставила напрокат «жениха», объяснила нам, что «все получится» только через двое-трое суток. Поначалу мы ошарашенно переглянулись: а где же нам спать и как работать за своими письменными столами? Но потом решили, что деваться некуда, придется нам с папой переночевать в детской комнате, на полу, оставив «новобрачных» в гостиной. Там же поставили еду, «отхожее место», чтобы «молодые» не испытывали никакого стеснения.

Прильнув к стеклу, дети ждали от хвостатых «супругов» каких-то медленных действий. Однако кот с королевским именем Филипп грациозно

вышагивал по комнате или часами сидел в отдалении, присматриваясь к «невесте».

Наконец мальчикам надоело глазеть в мутное стекло и они ушли в детскую играть. Ночь прошла спокойно, и нам даже не пришлось ничего детям объяснять. Назавтра дома были папа и я. Дети — кто в школе, кто в саду. Кнопочка и Филипп, немножко, даже вполне «прилично» повозившись, не мешали нам с папой заниматься своими делами.

Вечером из школы пришел первоклассник Алюня, а из садика Игорь с Яриком. Как только мы сели ужинать, воздух стали сотрясать душераздирающие вопли «новобрачных». Как ни старался папа опередить своих реактивных сыновей, сделать это ему не удалось. Ярик пулей вылетел из-за стола, вслед за ним — Игорь и Алик! Через секунду, уже навстречу папе, который поспешно готовил вразумительное объяснение происходившему в нашей гостиной, неся Ярослав с воплем: «Папа! Филипп душит нашу Кнопочку! Она орет, просит, чтобы ее спасли!»

Мы понимали, что дети будут реагировать на увиденное по-своему и наверняка попытаются вмешаться в «естественный процесс». Чтобы этого не случилось, Олег высоко на дверях прикрепил крючок. Ярик стал дергать дверь, Игорь уже тащил табурет, чтобы достать до крючка... Только Алька с нескрываемым любопытством, молча пытался рассмотреть сквозь мутное стекло, что же там происходит?

Папа мягко увлек детей на кухню, усадил за стол и начал объяснять: «Наша Кнопочка уже выросла и стала взрослой кошкой. Вы это заметили, правда?» Дети согласно закивали, нетерпеливо ожидая продолжения. «Так вот, — продолжил папа, уже не глядя на меня и слегка воодушевляясь, — каждая кошка, собака, любое животное хочет оставить после себя потомство, деток...» Неожиданно Ярослав спросил: «А человек тоже хочет?» Папа не успел и глазом моргнуть, как его выручил Алька: «Тебе говорят про животных, про Кнопочку, что она хочет!» Игорь тоже укоризненно посмотрел на Ярика и попросил: «Давай сначала про кошек, ладно?»

И тут папу подвела его привычка во всем быть объективным. «Ну, если быть совсем точным, то мы с вами тоже животные...» «Вот, — восторженно закричал Ярик, — что я вам говорил!» Начался галдеж. Игорь настороженно смотрел на папу, явно ничего не понимая. Алька был спокоен. По-видимому, догадываясь, что папа не зря отнес и себя, и его, сына, к разряду животных, он ждал продолжения папиных объяснений.

В это время из гостиной снова раздалась сладострастные кошачьи вопли. Ярик с недоумением спросил меня: «А почему они так кричат. Им что, больно?» Алька перехватил взгляд Ярика и, наверное, по-своему поняв мою секундную заминку, сказал: «Это они от удовольствия так кричат!» Слегка ошарашенная такой осведомленностью Альки, подумала: уж не дворовые

ли «авторитеты» начали «просвещать» наших детей?

Сказок про капусту, в которой находят детей, и про аистов, которые приносят их в клюве, мы своим детям никогда не рассказывали. Понимая, что если не от нас, то от чужих дети все равно узнают про это, мы стали потихоньку готовиться.

Наверное, первый звоночек к щекотливой теме прозвучал в момент, когда с Алькой случился тот злополучный конфуз, замеченный воспитательницей детского садика. Помогая мальчику избавиться от случайного «рефлекса удовольствия», мы и прибегли к осторожной полуправде, рассчитывая, что она застрянет в его памяти. А дворовые «эрудиты» могли что-то и добавить из своего «опыта». Вот и получилось, что среди своих младших братьев старший сын был гораздо осведомленнее.

Между тем Игорь с Яриком заспорили о том, откуда в животике у мамы появились они и Алюня.

— Не помню, как я появился там, — честно признался Ярик, — но я там точно был, правда, мама?

Я не успела ответить.

— Я тоже там был, — с некоторой обидой произнес Игорь.

— А как ты туда попал?

Это спросил Алик. Как мне показалось, вопрос прозвучал провокационно. Наверняка он все-таки что-то уже слышал...

Я красноречиво посмотрела на папу. Тот, по-видимому, уже созрел для более точных разъяснений, однако его опередил Ярик.

— Я знаю! Человек рождается через попку. Он из животика падает, как кашки!

Никто не засмеялся. Алик ошарашенно смотрел то на Ярика, то на меня и на папу. Может быть, он ждал объяснений? Игорь растерянно вертел головой, и мне даже показалось, что в его лице появилось что-то брезгливое.

Между тем в соседней комнате «хвостатые новобрачные» отдыхали. Папа оставил без внимания «открытие» Ярика, но внести ясность в вопрос «Откуда берутся дети?» все-таки решился.

— Как я уже говорил, все живое на земле не исчезает и оставляет себе подобных. Детки есть у всех, у жучков, паучков...

— И у комариков тоже? — звонко спросил Ярик.

— Конечно! — рассмеялся папа и продолжил: — Кнопке тоже хочется деток, но она может деток родить, только если кот положит в ее специальный мешочек своих кошачьих семечек.

Дети моментально насторожились. Они смотрели на папу с надеждой и любопытством. Однако пока папа раздумывал над продолжением мысли, не выдержал Игорь.

— Семечки? А какие у них семечки?

— Ну сказали тебе, — нетерпеливо прервал Алик младшего брата, — кошачьи!

Игорь смущенно умолк. Папа продолжил:

— Когда семечки попадают Кнопочке в особый мешочек, они там начинают разрастаться и превращаются в крохотных котят. Сколько семечек попадет Кнопочке, столько котят у нее и родится.

Мальчики были ошарашены услышанным. В это время из гостиной снова раздался истошный крик кошек. Ярик хотел снова побежать и посмотреть, но папа уговорил его не мешать «супругам»: «Давай-ка не будем мешать Филиппу делать очень важное дело: класть Кнопочке в специальный мешочек свои семечки, а то она их может потерять и тогда у нее не родятся котятки!»

— Она может семечки потерять?

Алька изумленно смотрел на папу. Мальчик, который, как мне казалось, уже кое-что успел во дворе услышать от старших ребят, оказывается, воспринимает все, что рассказывает папа, с искренностью первооткрывателя. Папа почему-то долго собирался с мыслями и явно запаздывал с ответом. Игореша воспользовался паузой.

— А как же Филипп эти зернышки кладет Кнопочке в мешочек? — спросил он. Папа взглянул на меня почти умоляюще, но вступить в разговор на равных с папой я не была готова.

...Обсуждая с Олегом накануне приглашения «жениха» к Кнопочке эту щекотливую тему, я настаивала на очень умеренном, лучше «художественном», с юмором изложении сексуальных комментариев. Олег же был сторонником точного обозначения, «что есть что» и «как это делается».

Раскопав где-то микрофильм одной книги по половому воспитанию детей от пяти до семи лет, изданной то ли в Голландии, то ли в Дании, муж показывал иллюстрации, которые своей откровенностью привели меня в оторопь!

Я никогда не считала себя ханжой, но показывать детям, как рекомендовалось в той книжке, женские и мужские гениталии, рассказывать об их роли в процессе зачатия, наконец, показывать «веселеньких сперматозоидов», бегущих к маленьким яичкам — женским яйцеклеткам, — это, как мне показалось, уж слишком для младшего возраста!

Олег пожал плечами, мол, тебя бы на мое место, и, наверное, решил остановиться где-то на «золотой середине».

Игорь настойчиво теребил папу: «Ну как Филипп кладет Кнопочке зернышки, а?» Пришлось нашему папе излагать великое таинство зачатия!

— У котика есть такой крохотный... м-м-м хвостик... А находится он у него под большим хвостом. Ну вот... Этим хвостиком он попадает Кнопочке прямо в дырочку, которая у нее тоже расположена под хвостом и... запус-

ка-ет в ее особый мешочек мно-о-ого-мно-о-го семечек!

Дети замерли! То, что у кота и кошки есть хвост, не было новостью. Но что есть еще какой-то специальный хвостик, предназначенный для того, чтобы кот запустил кошке семечки!.. Справившись с первым недоумением, Ярослав спросил почему-то меня:

— А у нас, человеков, есть такой хвостик?

— Это совсем и не хвостик... — со странным скепсисом промолвил старший сын. По-моему, он уже готовился свою мысль развить дальше, но не успел. Вмешался папа.

— Ну, как хочешь, так и называй! — папа лукаво на меня посмотрел, и я увидела, что он готов был весело рассмеяться. — «Хвостик», «кончик», «пистолетик», «перчик»... Дети дружно и громко рассмеялись.

— Вот он, мой пистолетик, — с наивным бесстыдством заорал Ярик, пытаясь тут же снять колготки и показать.

— Ярик, хочешь молочка? Это я попыталась отвлечь слишком догадливого младшего сына. Он сразу согласился и подошел ко мне. Папа продолжил «урок».

— Да... И у всех мальчиков, и у кота Филиппа тоже есть пистолетик, который помогает Кнопочке получить то, чего у нее нет, — его семечки...

Алька напряженно прислушивался к словам папы, но что-то его явно не устраивало. Наверное, те сведения, которые он почерпнул из моих разговоров с врачами и воспитательницей детского садика о его «нежданных обстоятельствах», в памяти сына «застряли». Понятно, что мальчишке далеко не все было ясно, но спросить меня или папу он не решился.

— А это можно посмотреть?

Этот вопрос задал Игорь, и Ярослав, отдав мне стакан с молоком, тут же поддержал его любопытство, готовый бежать к дверям гостиной. Тут нас «подвел» Филипп. Наверное, его страсть достигла апогея, и в «арендованной» для «новобрачных» комнате раздался истошный вопль кошек. Дети мгновенно повскакивали с мест и, прибежав к дверям, прильнули к стеклам.

— А я вижу, как Филипп кладет семечки Кнопочке, — решительно заявил Игорь. В его голосе была такая убежденность, что Алька недоверчиво пробормотал:

— Где, где, как?

Игорь, гордый своей «зоркостью», ткнув пальцем в стекло, ответил:

— Вон, смотри...

Ярик с Алькой, мешая друг другу, пытались что-то разглядеть, но «брачная пара» неожиданно распалась. Кнопочка, сладострастно передергиваясь, грациозно переворачивалась на спину, нервно дергая хвостом.

Благополучно уведя мальчиков на кухню, я отвлекла их свежими пирожными, а папа рассказал им новую «историю в лагере», героем которой

был кот Антон, который храбро сцепился с крысой!

Поздно вечером пришла Алена и, положив уставшего от любви Филиппа в корзинку, удалилась...

Давая детям, с помощью кошек, урок «полового воспитания», мы, конечно же, испытывали неудобства в обозначении деталей при в сравнении животных с собой. Но теперь нас это не смущает. Когда дети подрастут и нам придется снова коснуться этой деликатной темы, то, скорее всего, это будет уже иная ее грань, скорее всего, нравственная, духовная...

...У каждого из нас могут быть свои стереотипы и комплексы, каждые папа и мама по-своему могут представлять себе ответы на вопросы детей. И далеко не всегда в этих ответах родителей можно заметить следы настоящей начитанности, культуры. Мы с Олегом в этом не исключение! Не берусь никого поучать или осуждать, могу только сказать, что добывать нам с мужем воспитательный опыт оказалось непросто!

Вспоминала начало своей «половой» осведомленности, а Олег рассказывал мне о своем опыте. «Обо всем, что надо было знать «про это», меня просветили старшие ребята в санаторной палате еще в Прочноокопске. Двадцатилетний сосед в один из таких «сеансов откровений» бесцеремонно растянул мне крайнюю плоть, мгновенно «сделав меня мужчиной».

Я в ужасе всплеснула руками: «Как это?» Пришлось выслушать от мужа некоторые анатомические подробности, о которых, уж не знаю, стыдиться мне или не стоит, я не имела ни малейшего представления. Мои родители никогда ничего мне не рассказывали обо мне, а тем более, о противоположном поле. Отец помалкивал, а мать старалась вызвать в разговорах «про это», с приближением моих шестнадцати, стойкое отвращение и брезгливость...

Мое просвещение она годам к тринадцати начала. Уведя меня в спальню, мама начала мое «половое просвещение» с предупреждения о «сюрпризах» моего тринадцатилетнего возраста, призывая не бояться вида крови на моих трусах. Когда случилось так, как она предупреждала, я не волновалась. Зато потом мама стала настойчиво меня пугать «опасностями», которые могут случиться, если я буду «...оставаться с мальчиком наедине». Она все-таки вызвала у меня что-то вроде чувства гадливости к «этим» делам, но мальчиков бояться я так и не стала!

«Откуда берутся дети», я узнала из маминых книжек. Множество медицинских учебников стояли на книжной полке у нас дома. Ни о чем маму не спрашивая, я «образовывалась» сама, перелистывая солидные фолианты по гинекологии.

Потом пришел и мой первый женский опыт. Случилось это как-то вскользь... С ощущениями, о которых я могла догадываться и даже знать из тех же маминых книжек...

Олег рассказывал: «Все взрослые ребята, с которыми я лежал в палате,

когда мне было лет двенадцать-тринадцать, конечно, мастурбировали. По ночам они, захлебываясь от возбуждения, рассказывали о своих «подвигах» с женщинами до больницы. Я был пацаном и мало что понимал, а спрашивать стеснялся. Вернувшись домой, я никогда с родителями эту тему не затрагивал. Да они и сами избегали об этом говорить. Но жили-то мы все скопом. Мать с отцом, я с братом в одной комнате! Бывало, проснусь ночью от какого-то шороха. Лежал я на раскладушке, а в дальнем углу комнаты стояла кровать родителей... Накроюсь с головой и стараюсь побыстрее заснуть...

Когда женился, понял, что я — дурак дураком в «половом вопросе», а моя первая жена — тем более...» Так и хочется сказать: «О времена, о нравы!»

...Итак, «деликатная тема» с помощью сиамской супружеской пары Филиппа и Кнопочки была благополучно преодолена. Но время шло, и наша красавица Кнопочка округлилась, отяжелела. Дети это заметили, притрагивались ладошками к набрякшим соскам и гладили по мягкой шерстке низа живота. Папа попросил детей обращаться с кошкой осторожней, бережней. Они поняли, а мы с удовольствием замечали, как Игорь, Ярик или Алька, мягко подхватив Кнопочку, переносили ее в большую комнату со словами: «Мы в войнушку играем в нашей комнате... Пусть она побудет у вас, а то еще раним...»

К сожалению, трагедия с нашей кошкой все-таки случилась. Уж не знаю, по каким причинам, но Кнопочка так и не смогла разродиться. Ветеринарной помощи на дому не было, а ветеринар из цирка, которому мы позвонили в надежде на его гуманность и профессиональную любовь к животным, к нам так и не пришел.

Февральской ночью наша Кнопочка умерла. Игорь с Яриком всплакнули, Алька сурово сжал губы и молчал. Уложив нашу любимицу в коробку из-под обуви, тепло одевшись, пошли мы всем семейством в дальний угол соседнего с нами парка. Папа выкопал под мохнатой елкой глубокую ямку, и мы тайком опустили туда Кнопочку. Нашли какой-то камень и положили его сверху...

...Через два месяца Алена принесла мне котика той же сиамской породы. Удивительным в нем было то, что спал он, вытянувшись, как по линейке, и тогда ушастая темная головка, длинное тело и острый конец хвоста отдаленно напоминали гвоздь. Первой это заметила наша подруга Людмила Т. С ее «подачи» мы и назвали Гвоздиком нашего нового члена семьи.

Прошло около года, и Гвоздик стал истошно звать «невесту». Сыновья, все уже понимая, сочувственно гладили кота, утешали его.

Однажды братья переступили порог гостиной, подошли к папе, поглаживая Гвоздика, удобно устроившегося на руках у Альки. Старший сын осторожно сказал: «Папа! Надо бы ему невесту найти... Гвоздик очень хочет кошке в мешочек семечки положить. У него много их накопилось,

и он кричит об этом». Ярик с Игорем горячо закивали. Едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться, я поглядывала на «делегацию», ожидая ответа папы. Он усмехнулся, погладил Гвоздика, сладко мурлыкавшего на руках Альки: «Хорошо, мальчики. Мы с мамой что-нибудь придумаем. А пока дайте-ка мне поработать». И снова уткнулся в книгу...

О ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Осваиваем окружающий мир...

Честно признаюсь, я не отношусь к тем родителям, которые каждую минуту бегут в библиотеку и перелистывают специальные журналы, чтобы найти там ответы на вопросы, возникающие в семейной жизни. Олег — да! Расспрашивает знатоков, консультируется, перелистывает умные журналы. Так «въедаться» в семейные и воспитательные вопросы я не могу. Нет, не от лени, а по причине извинительной: мало времени.

Наше с мужем желание — дать детям хорошее образование, «вплести» в их судьбу природные дарования и способности, которые нам удалось в мальчиках разглядеть, дать им возможность увидеть мир — обязывало делать карьеру, строить материальный достаток.

Я была занята своей диссертацией. Олег писал книги, статьи, делая себе имя, зарабатывая авторитет. Он постепенно накапливал силы и для своей диссертации, которую отодвинул на задний план, чтобы помочь мне вырваться вперед.

Наблюдая за детьми, мы прикидывали с мужем, что им уже удастся и что они усвоили. Мы радовались, когда видели, что сыновья могут быть и смысленными, и добрыми, и начитанными, когда они вежливы и готовы понимать родительское слово.

Мы пытались добиться именно таких результатов в поведении детей. Наверное, все родители стремятся к этому. Однако, если по каким-то причинам эти качества воспитать у ребенка не удастся, мать и отца ждут тревоги за судьбу своего чада.

Может показаться странным, но вежливый и смысленный, начитанный и добрый ребенок, пройдя через все превратности окружающего его мира, должен прежде всего... выжить!

...Позвонила подруга и сказала, что сын одной нашей знакомой погиб у нее на глазах под колесами трамвая. Разговаривая по телефону-автомату, она не удержала пятилетнего малыша, и тот каким-то неведомым образом вырвал руку и побежал! Молодая мама только успела попрощаться с абонентом, как услышала жуткий крик пожилой женщины, которая увидела бегущего под уклон дороги малыша. Беда случилась через несколько секунд.

Через год брат моего одноклассника хоронил дочь, девочку четырех лет. Папа с ребенком стояли на полосе между трамваями, идущими навстречу друг другу. Сошли с задней площадки и перебежали через улицу, хотели побыстрее подарить цветы маме, которая ждала их у школьного крыльца. Она работала

учительницей, и у нее начался новый учебный год. Шустрая девочка, увлекая папу вперед, угодила под встречный трамвай. Девочка погибла, а мама лежит теперь в неврологическом отделении.

Полгода назад на моих глазах погиб мальчик лет десяти. Он вышел из автобуса с передней площадки и, обогнув нос машины, побежал к трамваю, стоящему на остановке. Ребенок не видел мчащийся слева прямо на него грузовик и попал под колеса.

Невозможно забыть буквально растерзанное тело мальчика и жуткий стон водителя грузовика-убийцы. Шофер, мужчина лет сорока — сорока пяти, стоял на коленях и беспрерывно повторял: «Ну как же ты, а? Ну зачем же ты так, а?»

Насколько окружающий мир может быть опасным для детей, я понимала далеко не всегда. Оказывается, в нем таится множество нелепых случайностей, которые могут быть угрозой для жизни детей.

Ну разве ждешь опасности, например, от медсестры? Как-то я пришла с трехлетним Игорем в больницу на переливание крови. Милая женщина с добрым лицом почему-то сразу оскорбилась, когда я, по неведомым мне самой причинам, спросила, кровь какой группы она собирается вливать моему сыну? Медсестра, сердито поджав губы, отказалась отвечать. В ее взгляде я увидела оскорбленное достоинство обиженного недоверием человека. Кстати, сидевшая рядом моя мать тут же попыталась меня урезонить, мол, к чему вопросы? Человек давно работает, уже все знает...

И что же? Не прояви я настойчивость, не потребуй у медсестры ответить на мой вопрос, Игорь неминуемо погиб бы уже через несколько секунд, потому что названная медсестрой группа была абсолютно несовместима с кровью моего сына! Она чуть не лишилась чувств, а я готова была схватить свое чадо и бежать, бежать, бежать!

...Мать привела меня в районный онкологический диспансер. Главврач была ее давней приятельницей. Причина визита — маленькая горошина на моей левой груди. Весело болтая с матерью, онколог берет в руки инструменты и пытается горошину проткнуть, приговаривая: «Сейчас мы возьмем пробу на анализ и разберемся, что это у тебя тут вскочило...»

Однако это, оказывается, было грубейшей ошибкой! Нельзя было разрушать горошину! А ведь, как я узнала позже, среди профессионалов-онкологов уже существовал принцип — не спеша разрушать новообразование на теле человека! Лучше удалить, а потом уже изучать!

...Скоро я почувствовала: случилось со мной что-то недоброе. В этот раз пошла в Институт онкологии. Хирург-онколог в отчаянии созерцал дело рук своего нерадивого коллеги. Я видела его глаза и плотно сжатые губы. Потом, уже когда погружалась в наркоз, далеким отзвуком до меня донесся его голос: «Приди она ко мне с этим шариком, я бы его за полчаса

вырезал и все дела! А теперь...» Когда я очнулась и увидела, что со мной стало, пришла в ужас!

Наверное, тысячи людей оказываются в подобных ситуациях. Их обычно называют «жертвами». «Жертва дорожно-транспортного происшествия», «жертва врачебной некомпетентности», «жертва хулиганов». Но жертвой быть не хочется! Еще больше не хочется, чтобы твой ребенок стал жертвой не только чужой, но и своей ошибки и не расплачивался бы за нее своим здоровьем или жизнью.

...Позиция Олега выглядела для меня поначалу жутковато. Наши дети, считал он, каждый день подвергаются опасности, и надо учить их выживать в том мире, в который они пришли. Конечно — крайность! Однако это суровый знак правды. Дети и подростки пропадают, гибнут по недомыслию, из-за глупой бесшабашности и неумения предвидеть даже очевидные опасности. Так что не должно быть никаких иллюзий, будто с нашими детьми никогда и ничего плохого не случится! Наоборот! Надо считать, что именно с нашими детьми может произойти беда и наша обязанность сызмальства учить их распознавать ее, избегать опасности, чтобы жизнь и здоровье себе сохранили и тому же научили своих детей.

Мир, окружающий ребенка, имеет свои ритмы и горизонты, внешнее и внутреннее пространство. Опасности и угрозы далеко не всегда очевидны для неискушенных детей, вступающих в этот мир. Мы обращаемся к ребенку как к личности едва ли не с двух, трех, пяти лет. Но все ли родители понимают, что сын или дочь, обретая свой личный опыт освоения окружающего мира, с первых же шагов рискуют здоровьем, нередко и жизнью. Коробка спичек стала первым символом опасности для наших детей, едва они научились ходить. Правда, года в полтора-два Алька умудрился засунуть в отверстия штепсельной розетки мою шпильку для волос. Бдительность папы спасла ребенка от беды. Пришлось все доступные для малыша розетки заклеить.

Урок со спичками подростку к четырем годам малышу был преподан с максимальным приближением к реальности. Коробок манил к себе всех. Конечно же, старшего Алика, потом малыша Игоря и непоседливого Ярослава. Привычные варианты предостережения — класть коробок повыше и подальше — срабатывали до того момента, пока ребенок был еще совсем мал. Не знаю, то ли атавизм действовал, то ли еще что, но спички магнитом притягивали детей, а огонь казался веселым и безобидным.

Мы решили пойти от противного: клали спички на виду. Алька очень быстро понял их доступность. Бесхитростный ум даже не позаботился о какой-то конспирации, хотя мама с папой «жужжали» в уши постоянно: «Не трогай...» Пришел малыш на кухню, взял коробок, уселся на пол, вытащил спички и начал чиркать, видя, как это делали я и папа. Поскольку доступ-

ность спичек мы спровоцировали сами, то наша бдительность была «на высоте». Стоя за дверью на кухню, следим, что будет дальше, готовые в любую секунду вмешаться.

Чиркает! Появился огонь... Сначала Алька испугался, спичку бросил, и она сразу же погасла. Хм! Понравилось! Пока никакого у него беспокойства нет, чего ж тревожиться? Берет новую спичку...

Ишь ты! Почти половину коробки исчирикал. Везет пацанчику: спички вспыхивали и гасли. Но вот одна из них, попав на кучу уже полуобгоревших, «завязала» крохотный огонек. Мальчишка — ноль внимания. Берет следующую, снова чикает, и та, вспыхнув, роняет на колено кусочек серы. Шерстяные колготки начали слегка дымиться. Я хотела уже прекратить «эксперимент», но Олег удержал. Почти не дыша, наблюдаем. Костерок — совсем рядом с Алькой, но малыш его пока не видит. На подпаленных колготках, наверное, образовалась дырочка, и ребенок почувствовал боль. Испугался, вскочил, инстинктивно стал стряхивать с колготок ощущение жжения. Между тем костерок на полу прихватил невесть откуда попавшую бумажку и заметно подрос. Тут-то малыш, увидев его, уже почти бегом бросился вон из кухни, наткнувшись у двери на папу с мамой...

Мы предположили, что такая модель опасного события должна была «запустить» у ребенка в работу инстинкт самосохранения. Эмоции испуга явно отложились в его памяти. Они лучше родительских слов предостережений, как мы считали, заставят ребенка быть осторожнее, когда на глаза попадутся спички.

...Сняли колготки, смазали гусиным жиром крохотный ожог, возвращаемся на кухню. Смотрим на обгоревшие спички, воду, которой залили миниатюрный костерок. Объясняем четырехлетнему малышу: «Помнишь, тебе папа и мама говорили: «Не трогай спички!» Ты видел, какой огонь шалун. Не хочет огонь быть смирным и холодным, а всех обжигает. Твою ножку опалил и, как этот пол, сжечь может и дом!» Теперь он слушает нас, согласно, даже виновато кивает.

Одного такого раза оказалось достаточно, чтобы сделать ребенку прививку на осторожность в обращении со спичками. Младшие братья такую «школу» не прошли, потому что Алька так эмоционально и убедительно рассказал им о своем «опыте», что для малышей этого оказалось достаточно!

...Квартира наша на пятом этаже. Дверь на балкон летом открыта, как и окно в большой комнате. Как только пятилетний сын сумел придвинуть к окну тяжелый стул и встать на подоконник, нам стало ясно, что и эту опасность надо учесть.

Жесткие шпингалеты, двойные рамы — не слишком надежная преграда. Она нужна в разуме ребенка. Его и надо тренировать на понимание опасности! Папа взял банку с водой, поставил ее на подоконник и сказал

малышу: «Эта банка с водой, как и ты, — хрупкая. Если ты упадешь с пятого этажа, то с тобой будет то же самое, что сейчас случится с ней. Пошли посмотрим».

Спустились вниз. Папа с Алькой встали подальше от места предполагаемого падения банки, смотрят на наше окно. Я уже знала о его намерении и рукояткой швабры столкнула банку с подоконника. Упав на асфальт, банка разбилась вдребезги. «Вот так разобьешься и ты, если упадешь с пятого этажа!» Стали собирать осколки, папа говорит спокойно, без поучений: «Ты умрешь сразу. Спасти тебя не удастся, как невозможно склеить эту банку».

Однажды читаем в журнале, как двое детей погибли в холодильнике марки «ЗИЛ». Глухая бабушка решила его помыть, все вытащила да и забыла о нем. Внуки, играя, залезли туда, захлопнули массивную дверь и погибли. У нас такой же «ЗИЛ», с таким же замком. Тут же, не сговариваясь, вынули все из холодильника, вроде бы помыть... Дети мгновенно заметили, что могут вдвоем поместиться в камере. Мы позволили Игорю и Ярику залезть внутрь. Алька рвался, но не поместился. Дверца захлопнулась. Через несколько секунд раздался отчаянный стук и крик малышни...

Модель фатального случая оказалась настолько убедительной, что дети, выпущенные на свободу, даже не могли ничего путного рассказать о своих ощущениях. «Страшно!» — шепотом, прямо мне в ухо сказал Игорь, а Ярик заплакал. После этого Алька даже не осмелился «попробовать». Да и нам стало спокойней: еще одной опасной ситуацией стало меньше.

Опыт предотвращения вероятных опасностей в нашем доме завершился, когда мы увидели, как Ярослав карабкается к потолку по полкам большого книжного шкафа. Под тяжестью его веса шкаф накренился, угрожая упасть и покалечить малыша. Ни просьбы, ни объяснения не действовали. Пришлось провести эксперимент. Была у нас деревянная стремянка. Папа и я встали напротив лестницы. Ярик, рад-радехонек, что с ним играют, полез спиной к нам по ступеням. На противоположной стороне стояли шестилетний Игорь с Алькой, удерживая за веревки, привязанные к верхним концам стремянки, «страховку». Как только «страховка» ослабела, то есть Игорь с Аликом веревки чуть-чуть отпустили, лестница под тяжестью Ярика накренилась в нашу с Олегом сторону. Ярик испуганно закричал и тут же захотел поскорее слезть. Малыш только сейчас сообразил, почему мы затеяли эту «игру». Больше на книжные шкафы, которых у нас в комнате стояло три, он не лазил...

Предвидя варианты всяческих бытовых угроз, мы предполагали, что дети могут забыть закрыть воду в умывальнике, на кухне или в ванной. Насчет газовой плиты было железное правило — дети плиту не включают, а на входной трубе высоко, в рост взрослого человека, стоял замковый рычаг, который я и Олег сразу же перекрывали, когда заканчивали пользоваться плитой.

По всем остальным бытовым рискам ввели «перекрестный контроль». Того, кто плохо закрывает воду, ждет хоть и шутовское, но весьма ощутимое наказание — «шелабаны». К бдительности же стимулировали солидные награды: конфеты, игрушки. Умылся кто-то из ребят или дежурный по кухне вымыл посуду, любой из малышей мог тут же проверить, не течет ли вода. Неряхе — «шелабан» по лбу, как пушкинскому Балде, а бдительному контролеру — игрушка или шоколадная конфетка!

За семь лет оплошность допустил только Игорь, который однажды забыл плотно закрутить кран на кухне. Как на грех, тогда еще немного засорилось колено сливной раковины и... В общем, залили мы нашу милую, добрую тетю Геню, жившую этажом ниже. Она, конечно, сразу же Игоречка простила, потому что души в нем не чаяла. Только после настойчивых просьб папы уважить его «методы воспитания» соседка согласилась сказать вино-внику, что ремонт обойдется ей в 50 рублей. Конечно, для Игоря это была астрономическая сумма. На нашей «корабельной линейке» было решено за нерадивость «мичмана» не покупать ему игрушки два месяца, а когда тетя Геня и дядя Матвей, ее муж, будут ремонтировать изрядно подмоченный потолок, Игорь обязательно им поможет. На том и порешили.

Дня через три соседи, опять же после напоминания папы, позвали Игоря «мыть пол». Подмокший потолок был уже затерт, но остались следы побелки на полу. Шестилетний малыш очень старательно все вымыл, вытер. «А меня простили!» — радостно сообщил нам сын, показывая шоколадку — свидетельство великодушия соседей. Больше таких событий у нас не случалось.

Пока мы обследовали «опасные зоны» нашей квартиры, пытаюсь понять, что может причинить вред детям, трехлетний Алкуня познавал с папой опасности уже во внешнем мире. Папа тренировал сына правильно переходить улицу на перекрестке. Это было пересечение нашего Омского переулка с улицей Козлова, где поставили новенький светофор, как раз почти напротив большой входной арки, через которую мы обычно проходили во двор нашего дома номер 17.

Началось все с простых упражнений. В безлюдный, тихий денек вышли папа с сыном из арки, дошли до светофора. Папа спрашивает: «Стоим и ждем зеленый, правильно?» «Да!» — весело соглашается малыш и декламирует переименованные им же стихи: «Красный свет — дороги нет! Желтый просит: «Осторожно!», а зеленый — проходи!»

Сначала папа и сын переходят на зеленый свет вместе. Идут чинно, не спеша, с удовольствием используя свое право пересекать дорогу, на которой послушно стоят и ждут своей очереди машины. Так они делают раз пять. Потом, под присмотром папы, Алкуня переходит самостоятельно. Машин очень мало, риска никакого, а сын полон гордости! Идет медленно,

улыбается, осознавая особую значимость момента. Потом начинаются более сложные тренировки. Утром, когда движение транспорта минимально, папа выводит его на другую улицу, по которой едут трамваи, троллейбусы и автобусы. Папа с сыном садятся в трамвай с передней площадки, уступая дорогу пожилым людям, хотя они желают пропустить малыша и прихрамывающего Олега. Но всегда следует неперемutable: «Проходите, проходите! Мы мужчины, успеем!». Едут они одну остановку. Выходят из трамвая, и папа показывает сыну, что навстречу, по параллельной линии, едет другой. Объясняет: переходить на противоположную сторону можно, только выходя с передней площадки, иначе можно попасть под колеса встречного трамвая... Стоят, ждут, когда трамвай, на котором только что приехали, отправится дальше. Переходят на противоположную сторону, и уже сын повторяет папин наказ: «Переходить через рельсы со стороны заднего вагона нельзя! Может сбить встречный трамвай...» Так они проделывают и два, и пять, и десять, и двадцать раз.

Малыш взрослеет, правило, кажется, прочно усвоено. Подрастают братья, и для них приходит черед учиться переходить улицу на светофоре. Наступает особый период в папиных уроках безопасности. Уже пятилетнему Альке поручается проехать одну остановку самостоятельно! Малыш страшно горд таким доверием.

Чтобы попасть на трамвайную остановку, ему надо пересечь два светофорных перекрестка. Затем встать на платформу остановки трамвая у первого вагона. Сесть в трамвай с передней площадки и проехать одну остановку. Сойти на платформу и ждать папу, который придет на следующем трамвае.

Сын на моих глазах проходит перекрестки, встает на платформу, ждет трамвай. Стараюсь незаметно перейти на противоположную улицу вслед за ним. Смотрю — сел с передней площадки, поехал! Быстрым шагом иду вслед за трамваем... Это я от полноты чувств не сообразила вскочить на заднюю площадку и посмотреть, как он там, в трамвае. Папа смеется. «Ну видишь, все в порядке! А ты боялась! Не беги. Я сейчас сяду в трамвай и проеду одну остановку».

Вижу, Алкуня уже стоит на платформе остановки, ждет, когда папа на трамвае придет к нему. Вот встретились... О чем-то разговаривают. Сын улыбается, возбужденно размахивает руками. Переходят на противоположную сторону. Там тоже трамвайная остановка. Вижу, Алкуня опять самостоятельно садится в трамвай, который через пару секунд трогает. Хотела успеть с папой проехаться в следующем трамвае, но опять не успела. Возвращаюсь по Козлова домой и вижу, на платформе стоит сын и ждет папу. Уже не спешу и теперь почти не волнуюсь. Сын будет послушно ждать возвращения папы, который вот-вот придет к нему. И так они проделают два-три десятка раз.

Через год Альке — шесть, и папа тренировки усложнил. Увеличивалось

количество остановок, перекрестков, видов транспорта. В шесть лет, когда мы планировали отдать сына в школу, Алька уже педантично следовал навыкам грамотного проезда в городском транспорте.

Старшему сыну было уже девять лет, и я абсолютно не волновалась, потому что навыки его поведения на улице, как я не раз убеждалась, были основательными.

Алька учился в школе № 64 с английским уклоном. Располагалась она в нескольких автобусных остановках от нашего дома. Папа проверял Альку, выйдя через минуту после того, как сын отправлялся своей обычной дорогой в школу. Случалось и так, что папа, пользуясь тем, что у него свободный график работы, незаметно наблюдал, как Алька ведет себя на улице, как ждет транспорт, садится, приезжает, выходит из автобуса и переходит дорогу. И каждый раз с удовольствием убеждался, что у сына — прочные навыки.

Очень трудно было приучать к правилам поведения в транспорте Игоря. Олег начал приучать его переходить улицу в четыре года, а в пять, как и старшему сыну, доверил ехать в трамвае одну остановку, стоять, ожидая папу на платформе.

«Живчик» Игорь старался как можно быстрее вскочить в трамвай и сразу же усаживался на переднее сиденье, к окну. Сколько ни убеждал его папа, что так поступать некрасиво, Игорь никак не желал исполнять эти требования. Олег работал тогда в институте иностранных языков и попросил своих студентов помочь ему тренировать Игоря, подстраховывая его, или сам незаметно садился с задней площадки в трамвай и наблюдал за поведением мальчишки.

Однажды, не зная, что папа сидит в дальнем конце вагона трамвая, Игорь проехал на одну или две остановки дальше, чем его просил папа. Пришлось Олегу раньше времени обнаружить себя и, выйдя из трамвая, пройти с сыном домой пешком, выговаривая ему за «отсебятину». Наказан он был и дома: ему не разрешили смотреть «мультки». Через два дня тренировки возобновились. Все шло хорошо, и через десять дней было решено еще раз проверить дисциплинированность Игоря.

«Я отпускаю тебя одного, — говорил папа, — ты пойдешь один прямо из дому». Шестилетний мальчишка выслушивал инструкции и согласно кивал. Казалось, что теперь ничего в его поведении не предвещает опасных вольностей. Правда, и в этот раз Олег попросил своего студента, которого Игорь не знал в лицо, подстраховать мальчишку. И не зря! Сын, внимательно осмотревшись, убедился, что папы в салоне трамвая действительно нет, на следующей остановке не сошел. «Самостийно» проехал наш мальчишка еще две остановки. Накануне папиному студенту было предложено наблюдать за нашим мальчуганом и вмешиваться только в случае крайней нужды. Я рвалась присоединиться к студенту, но папа меня уговорил не делать этого.

«Мишка — так звали студента — из многодетной семьи, самый старший. Очень ответственный парень. Не волнуйся!»

Выходя из трамвая, Игорь грубо нарушил правило: сошел с задней площадки и готов был перебежать через рельсы. Навстречу шел параллельный трамвай, и, возможно, Игоря спасла расторопность папиного студента. Тот проворно подхватил мальчишку...

Игорю, конечно, отменно от папы досталось, когда вечером был «разбор полетов». «Пусть он поплачет сейчас, — резонно заметил Олег, — чем мы бы с тобой рыдали, случись беда! Все равно уже осенью придется отпускать его одного в школу, а через год-два, если не приучить к порядку на улице, так и будет безобразничать! Так что для нашего сына осторожность и навыки не должны быть заложниками его слишком шустрого характера!»

В шесть лет Игоря приняли в школу, куда он ездил самостоятельно, как и Алька. Занятия у него начинались на час позже, так что старший брат проконтролировать младшего не мог. Но, как показал опыт, этого уже не требовалось.

Кстати, прямо напротив школьного крыльца, за калиткой — улица с двухсторонним движением. Однажды девочка-третьеклассница, выскочив из ворот школы, перебежала дорогу. Там никогда не было интенсивного движения. Это, наверное, и усыпляло бдительность детей. Ребенок попал под колеса автомобиля, как и еще трое детей из этой школы за те годы, пока там учились Игорь и Алька. Так что для волнений у нас причины все равно оставались...

Устойчивость навыков ориентации папа проверял у детей постоянно. Он разбил близлежащий район на квадраты и «облазил» с детьми все проулки, переулки, проходные улицы, тупики, чтобы они хорошо знали свой район. Так... на всякий случай!

Пользуясь своей известностью телевизионного ведущего, папа сумел «разговорить» каждого участкового милиционера в нашей округе, и те его заверили, что в районе, где мы жили, «ничего опасного» нет. Это, конечно, хорошо, однако во всем надо было убедиться самому, все тщательно обследовать и научить детей чувствовать себя уверенно в том пространстве, которое могло их чем-то заинтересовать. Наш двор, кстати, довольно большой, мог детям быстро наскучить, и мальчишеская авантюризм наверняка привела бы их в соседние...

В четыре года Алька был научен пользоваться часами, а в шесть папа подарил старшему сыну наручные часы и стал строго требовать пунктуальности.

...Однажды папа сказал сыну: «Ты уже большой и будешь нам с мамой помогать в хозяйственных делах, ходить по магазинам и делать покупки». Алька учился тогда в первом классе, и Олег начал показывать ему все ма-

газины, расположенные в нашем районе. Причем не просто показывать. Он выбирал тихое, спокойное время, входил в магазин, подробно рассказывая, что здесь продается, как надо становиться в очередь, спрашивать: «Кто последний?», «Сколько стоит?» Подходить к прилавку, объяснять продавцу, чего и сколько тебе нужно купить. Очень кстати в магазинах ввели таблички, прикрепляемые к униформе, с указанием фамилии, имени и отчества продавца.

Папа заходил с сыном в магазин, подходил к прилавку, приветливо обращаясь к продавцу: «Здравствуйте, Ольга Михайловна!» Женщина, явно не привыкшая к вежливости и предупредительности покупателей, слегка шалела, глядя на Олега и Альку в какой-то прострации. Папа продолжал все так же приветливо: «Знакомьтесь, — он кивал в сторону сына, — это ваш новый и постоянный покупатель. Его зовут Алька, и если у него возникнут затруднения — подсчитать или выбрать что-то у вас вкусненькое... Вы уж, пожалуйста, помогите, а?» Ольга Михайловна, услышав такие «речи», приходила, наконец, в себя, улыбалась и старательно кивала: «Конечно, конечно! Заходи, мальчик...» Но папе хотелось именно персонального обращения к сыну. Он снова повторял: «Алик» — и Ольга Михайловна послушно кивала: «Алик... Хорошее имя!»

...Чтобы послать семилетнего мальчика за молоком, мало быть уверенной в том, что у него прочные навыки поведения на улице. Прежде чем послать сына в магазин, я машинально прикидывала, какие перекрестки ему предстоит пройти, где существует реальный риск, но постепенно привыкла доверять навыкам и дисциплинированности старшего сына на улице.

В магазины он стал заходить и по собственной воле, возвращаясь, например, из школы. Просматривал витрины, а вернувшись домой, рассказывал мне или папе, что продают и есть ли там теперь то, что я или папа обычно поручают ему купить.

Магазин «Торты» — очень красивый. Там можно купить булочку и взять ее с собой в школу, что Алька с удовольствием и делал. «Дары природы» — ароматный магазин. Там много экзотики. Вот очищенные кедровые орешки, а в витрине-морозильнике тушка кролика. В стену вмонтирован бочонок с квасом. Алька заходит в этот магазин, чтобы проверить, есть ли в продаже шиповник, который папа очень любит заваривать и пить.

На ближайшей к нам улице Козлова есть библиотека. Папа частенько читает здесь свежие газеты и журналы. Приучил он приходить сюда и старшего сына. В библиотеке можно делать уроки, если младшие братья дома мешают. Если пройти по улице Козлова, попадешь в магазин «Океан». Алька деловито осматривал прозрачные прилавки и, зная, что мы часто покупаем рыбное филе, приходил домой и сообщал деловито: «Есть рыбное филе, пойти купить?» Если в этом была нужда, ему вручались деньги, он

бежал обратно в «Океан».

Ориентация в городском пространстве требовала выработки у детей навыков культурного общения. Для начала Олег решил закрепить навыки вежливости и терпеливости, играя с детьми в «продавцов и покупателей».

«Завмагом» был Алька. Игорь, Ярик и я играли роль продавцов. Мы прикрепили таблички с именами и фамилиями, надели шапочки, которые папа сделал из белой бумаги. На себя он взял роль покупателя.

Итак, папа решил «купить» носки и направился в детскую комнату, то бишь в магазин. Но на двери висит табличка со странным словом «ПИРИУЧЕТ» Папа стучит. В дверях появляется физиономия Ярика: «Чего надо?» — невежливо спрашивает «продавец», а может быть, даже «завскладом». Папа, как можно наивнее, спрашивает: «Что такое «ПИРИУЧЕТ»?» В комнате — замешательство. Я — молчу. Есть «начальство» повыше меня. Я — кто? Только «рядовой» продавец! «Завмаг» Алька подходит к двери. «Это когда проверяют, все ли товары на месте», — громко сообщает «завмаг» «покупателю». Коварный папа кричит: «А тогда что такое «ПЕРЕУЧЕТ»?» В комнате, или, точнее, в «магазине», среди «персонала» легкое волнение. Наконец «завмаг» приоткрывает дверь, берет табличку, что-то там исправляет и папа получает возможность прочесть: «ПЕРЕУЧЕТ». Папа вздыхает, но доволен: до «завмага» все-таки дошло — надо быть грамотным человеком!

В этих играх дети приучались оперировать деньгами. Появились понятия «товар», «цена», «продажа» и, конечно же, «дефицит». Как же без него... Значения этих понятий по возможности популярно мы объяснили детям.

В настоящий магазин ходил только Алька. Братья ему страшно завидовали и требовали разрешить им тоже делать покупки. Играя в домашний магазин, мы однажды решили ввести в игру настоящие деньги, чтобы и младшие дети к ним привыкали. Через полгода-год и они пойдут в «за-правдашний» магазин за покупками, пусть присмотрятся к «дензнакам».

На письменном столе папы стояла пластмассовая шкатулка со множеством ящичков, на которых были наклеены фотокопии денежных знаков — бумажных и металлических. В каждом ящичке лежали свои «денежные единицы». Это была наша касса. На том же столе, рядом с кассой, лежала тетрадь, в которую я наклеила напечатанный крупным шрифтом на пишущей машинке прейскурант на основные продукты питания: хлеб, масло, сахар, колбасу, яйца...

Поручается, например, Альке пойти в магазин и купить по моему списку продукты. Сначала сын садится и изучает цены. Считает на счетах или ручкой в черновой тетради, сколько потребуется денег на покупки. Подсчитал, причем все самостоятельно! Взял нужную сумму денег из кассы. Обычно я клала в каждую секцию деньги, бывшие в наличии, но приучила себя каждый вечер «подбивать бабки» и записывать итог в конце тетради.

Позже этим я занималась уже вместе с Алькой.

В семь лет он на «корабельной линейке» был назначен «казначеем» и следил, чтобы и сдача возвращалась, и касса пополнялась. Когда подросли Алька с Игорем, мы с папой решили отказаться от конвертов с наличностью, как это было у нас раньше. В кассе находились деньги только для затрат на пропитание, чтобы научить старших детей, уже помогавших нам с покупками в магазинах, элементарному учету и аккуратному обращению с семейными деньгами. Все остальные деньги лежали в моем «загашнике», и, когда возникала потребность купить что-то «серьезное», мы садились все вместе и подсчитывали наши финансовые возможности. Альке очень нравилось слово «бюджет», и, подражая папе, он солидно спрашивал: «А эта покупка не истощит наш бюджет?»

В это же время папа рассказал мальчикам об истории денег, объяснил, почему взамен этих «бумажек» нам выдают нужные товары. Рассказал о чертах характера, которые складываются у людей: жадность, стяжательство, скупость, бережливость, аккуратность, рачительность...

Игра в «магазин» детям очень нравилась. Они нарезали множество бумажек и писали на них астрономические цифры: «сто тысяч», «миллион»... Может быть, эти запредельные цифры их гипнотизировали? С особым шиком «сорил» деньгами четырехлетний Ярик! Он со странной для его возраста «взрослой» надменностью и небрежностью произносил: «Вот вам миллион! Дайте мне эту гармошку». Не отставал от него Игореша: «У меня два миллиона рублей, — игриво улыбаясь мне — «продавцу» или Альке — «завмагу», произносит «покупатель», — что бы вы могли мне продать?» «Завмаг» не моргнув глазом отвечает: «У нас сегодня есть прекрасные мандарины, хотите полкило?» «Покупатель» благосклонно соглашается. Я умираю от смеха, слушая этот диалог. Выхожу из роли и шепчу Олегу: «У них что, гиперинфляция?» Наш осведомленный папа отвечает: «Деньги, как в Италии или в Японии, с трехзначной или пятизначной номинацией».

Вскоре после Альки порог настоящих магазинов переступили и младшие дети. Конечно, и они были представлены папой продавцам, кассирам, а в маленьких магазинчиках с ними знакомились и заведующие. Потом в нашем районе появилось множество киосков, и папа иногда посылал туда детей за чем-то необходимым. Однако сначала Олег познакомил детей-покупателей с киоскерами, и вскоре наши ребята тоже знали их имена наперечет.

Когда Игорь пошел в школу, он уже неплохо владел устным счетом. Сообразительный мальчик, ничего не скажешь! Правда, нам долго пришлось бороться с его необузданной покупательской «отсебятиной». Посылаешь за хлебом, а наш юный помощник купит на сдачу еще и бублик, хотя его никто об этом не просил! Или закажешь купить бутылку кефира, а он принесет пакет молока и, если позволяют выделенные деньги, кусочек колбасы!

Нашего «казначая» такое вольное обращение Игоря с деньгами страшно злило. Да и мы с папой, честно говоря, были встревожены. Уж больно часто это стало повторяться. Пришлось выдавать ему исключительно мелочь и ровно столько, сколько требовалось потратить на заказанный продукт. Но и в этом случае «мамин помощник» ухитрялся покупать не то, что было нужно, а то, на что он «глаз положил». При этом малыш всегда почему-то страшно смущался и говорил, виновато опустив глаза: «Я не хотел! У меня так получилось! А я забыл!» Через некоторое время новые фокусы: поручишь купить картошку, а он принесет морковь или капусту. Приходилось маневрировать, получая вместо заказанного продукта то, что принес «юный покупатель».

Задумываясь над нашим опытом приучения детей к обязанностям, которые можно назвать одним словом: «социальные», мы убеждались, что словосочетание «культура поведения в обществе» очень быстро утрачивает свой абстрактный смысл, едва твои дети начинают подрастать и сами входят в «социум». (Вот что значит быть женой социолога!) Но «культура поведения» детей очень скоро стала вызывать у меня чувство, похожее на отчаяние.

К нам забежали мальчишки со двора. Приходили друзья со своими детьми, и требовалось их как-то занять, пока взрослые разговаривали между собой. Когда дети подросли, мы всей семьей начали посещать выставки, театры, кино, парки, стадионы. И везде требовалось следовать каким-то общепринятым стандартам поведения. Разумеется, для меня это не было открытием, но когда ты берешь с собой детей в возрасте от пяти до девяти лет...

Скоро я убедилась на собственном опыте, что надо очень постараться, чтобы приучить детей к «банальным» нормам вежливости, сдержанности поведения на людях и за столом... Когда они были маленькими и являлись как бы моим «продолжением», было сравнительно просто. Держишь малыша за руку, а сам вступаешь в отношения с окружающими людьми, естественно, соблюдая нормы приличия. Потом твой подросший малыш начинает, уже в некотором отдалении от тебя, строить свои отношения со сверстниками во дворе, на игровой площадке. Пока ты наблюдаешь — видишь, как он и его сверстники себя ведут, как улаживают свои конфликты. Тут-то уже внимательно присматриваешься. Кричит сын, поддаваясь общей суматохе групповых игр или сохраняет спокойствие? Толкает слабых в стремлении занять «лучшее место» в той же игре или спокойно пропускает вперед девочек и младших? Умеет защититься от задиристых сверстников более слабых или совершенно равнодушен к этому?

Поведение детей за столом взрослыми, как правило, наблюдается. Делаются замечания, ребенка поправляют, предостерегают. Но даже при этом надзоре мальчишки частенько «срываются в аллюр», как говорит наш папка, и тогда к чертям летят все правила приличия.

...Помню, мы просидели с Олегом два вечера, сочиняя веселые представления сыновьям, в которых объяснялось, как надо себя вести, буквально переступив порог дома: *«Если в дом наш гость пришел — помоги раздеться... С папой-мамой познакомь, прежде чем игрой увлечься!»*; *«О нас помни — тишина — на вес золота она!»*; *«С другом ты играй, играй... но о делах не забывай!»*; *«Время гостя уважай: провожая — не болтай!»*; *«Со двора пришел домой — руки с мылом ты помой!»* Не ахти какие вирши, но легко запоминались, и дети этими «речевками» и нам указывали на ошибки! Как-то прощаюсь с подругой, открыла дверь, стоим на пороге: она снаружи, я внутри, в прихожей. Продолжаем болтать, между прочим, выстукивая дом. Подбегает Алька и декламирует: *«Время гостя уважай — провожая, не болтай!»* Все верно!

...Чтобы выглядеть пристойно, ребенок должен тысячи мелочей освоить. Но как же трудно приучить его к банальному набору полезных и для него привычек! Месяцы непрерывных замечаний, постоянное однообразное повторение одних и тех же требований. Одним словом — муштра! А чуть дашь слабину, все летит прахом! Снова портфель валяется в коридоре, пиджак — на диване, пальто повешено за воротник, а не на вешалку, ботинки так и оставлены со следами грязи, рубашка застегнута неаккуратно...

Каюсь! Долгое время я не считала важным и нужным обучать детей упорядоченному поведению. Олег же, наоборот, был настроен решительно и упорно приучал их к «светским нормам», адаптированным к современности. Да, не сразу я стала его союзником! Мне казалось, что воспитать в маленьких детях хорошие манеры — дело совершенно безнадежное. Даже если это удастся, их окружение, те же дворовые ребята, прилепят кличку «чистюля» — и начнется у наших мальчиков трудная жизнь... благовоспитанных изгоев.

Странно, правда? Однако я всерьез считала, что достаточно минимума навыков чистоты и аккуратности, а уж что касается «рыцарского благородства», «дворянского кодекса чести», а тем более «светского этикета», то это мальчикам ни к чему! Шло время, и мои наблюдения за детьми, особенно за их сверстниками, которые приходили к нам в дом, заставили меня изменить свое мнение.

...Мой скепсис относительно навыков культуры поведения стал улетучиваться после того, как я своими глазами увидела, как ведут себя в нашем доме дворовые ребята. А их к нам ходило и ходят десятки! «Политика открытых дверей», которой придерживается наш папа, проста: следует знать, с кем общаются наши дети, и по мере возможности наблюдать, как ведут себя сверстники наших сыновей вне «зоркого ока» своих родителей.

И вот мой муж выиграл конкурс на телевидении и начал работать над программой «Акценты», посвященной культуре поведения. Года через два

я побывала на его открытых лекциях по этикету в институте иностранных языков, где несколько сот студентов и преподавателей слушали рассказ о влиянии «элементарной технологии поведения» людей на их психическое здоровье, карьеру, репутацию, деловой авторитет. Меня убедили факты и логика, а когда я пошла работать в университет, приобрела и собственный опыт придирчивого созерцания отношений друг с другом умных, «остепененных» людей, в поведении которых можно было видеть серьезные просчеты воспитания.

Мои наблюдения мамы детей — младших школьников — не всегда были безболезненными для моего и Олега родительского честолюбия и нервов. Очень часто, когда после праздничного застолья гости моих сыновей наконец-то выбегали за дверь, я облегченно вздыхала в надежде, что следующий «приступ» нашего гостеприимства будет еще не скоро, и... начинала наводить в доме порядок. Алька даже сочувствовал мне и, слыша мой вопрос: «Неужели и ты вот так же бесцеремонно ведешь себя в гостях?» — горячо отвечал: «Нет, мама! Честное слово!» Хорошо бы...

Признаюсь, благодаря моим стараниям научить детей правилам приличия во мне самой произошли перемены. В поведении я избавилась от некоторых вольностей, например научилась не перебивать говорящего в пылу спора. Уже умею сдерживать соблазн «подпустить шпильку» лично мне неприятному человеку. Было дело... Нравилось иногда заставлять людей, по моему разумению малопривлекательных, испытать неловкость...

Я, как, наверное, каждая мама, мечтала, чтобы мои дети выросли добрыми, отзывчивыми, честными, порядочными людьми, чтобы в каждом их поступке была заметна нравственная личность! Того же добивался и мой муж. Но каждый возраст имеет свои границы для усвоения моральных норм. Так мне, по крайней мере, казалось.

Когда мы начали с Олегом активно и даже настойчиво прививать простейшие моральные нормы, наши дети были в возрасте пяти, четырех и трех лет. Начиная с этого возраста можно видеть результаты усилий. То есть с четырех-пяти лет, когда ребенок уже многое понимает, а главное, достаточно послушен родительской воле, приучать его к чистоте, аккуратности за столом, прививать гигиенические навыки — одно удовольствие. Парадокс в том, что с взрослением, то есть к семи — девяти годам эти навыки непонятным образом слабеют, поэтому много внимания от родителей требует контроль за их соблюдением уже подростками детьми.

Конечно, приходится быть настоящей занудой! Где-то вычитала: мальчикам прививать правила приличий гораздо труднее, чем девочкам. По-видимому, причина в большей экспрессивности, активности мальчишек, которые нетерпеливы, и «стандартизация» их поведения дается с трудом.

Мне приходилось постоянно следить и требовать сначала от старшего

сына, а затем и от Игоря и Ярослава чистоты, аккуратности, соблюдения приличий за столом, без чавканья и хлюпанья. Признаюсь, что делать это оказалось чрезвычайно трудно и нужно иметь бесконечное терпение, чтобы не сорваться и не бросить эту неблагодарную работу...

Во время обеда, ужина или завтрака я неустанно делаю замечания моим пацанам, если жуют они неприлично или неаккуратно за столом. Мальчики пытаются исправиться, но частенько мои уроки хорошего тона идут насмарку.

Встали дети-школьники не вовремя (такое бывает!), значит, к столу сели позже обычного. А раз так, надо поесть побыстрее, без особой «эстетики». Вот и закрываешь глаза на приличия. И когда во время обеда есть возможность что-то подправить в поведении за столом, конечно, пытаюсь. Но вот слышу Алькин голосок: «А утром ты нас не ругала за то, что мы чавкали, а сейчас есть не даешь, пристаешь со своими замечаниями: «Не чавкай! Не чавкай!»

Стали детки подрастать, и пришлось от простейших правил приличия переходить к более сложным моральным нормам. Например, дал слово — держи его; говори всегда правду. И в семь, и в восемь, и в девять лет эти два требования оставались моими детьми частенько «невостребованными»! Нам с Олегом все время приходилось быть начеку.

Вот, например, моральное правило: «помогай пожилым людям». Для восьмилетнего Альки не было ничего приятнее, чем подхватить тяжелую хозяйственную сумку соседки и помочь дотащить до третьего этажа. Ах, как хорошо было и ему, и мне, если я это видела! Расчувствуешься, расцелуешь, нахваливаешь... А через год навык куда-то исчез! Даже если пожилая соседка попросит: «Алик, не мог бы ты помочь...», сошлется на занятость и моментально убежит куда-то. Почему?

Методы воспитания в семь — восемь лет самые обычные: уговоры, просьбы, чтение книг с ситуациями, которые потом разбираем. Помню, прочитали книжку «Васек Трубачев и его товарищи» о военном детстве младших школьников. Кстати, дети очень любили слушать книги о военной поре в Минске, о юных белорусских партизанах.

Однажды, Альке было уже лет семь или восемь, прочитали мы какой-то рассказ о войне, о белорусских героях-школьниках. Потом, как обычно, разговорились. Сын все прекрасно прокомментировал. Он даже умилил меня и папу словами «Я бы тогда помогал партизанам и подпольщикам тоже, как эти ребята!» Родительские мечты, «возбужденные» красивыми фантазиями подрастающих детей, можно, наверное, простить. Особенно когда видишь свое чадо с «горящими глазами», слышишь его «праведные речи». Через неделю я убедилась, насколько абстрактны правильные «комментарии», обманчив «свет горящих глаз» твоего мальчишки. Как хрупок

мир нравственных ценностей, которые я и Олег настойчиво старались запечатлеть в его душе.

Возвращаюсь как-то домой с работы и вижу, как у Вечного огня на площади Победы бегают, кричат, веселятся мальчишки-школьники, сверстники моего старшего сына. Неожиданно вижу и его. Он тоже бегал, громко кричал, испугав меня своим поведением на этом, явно не предназначенном для веселья, месте. Лежали венки, горел Вечный огонь, а вокруг, забыв обо всем, не понимая, какое место этот обелиск занимает в душах людей, носился и отчаянно громко гикал мой сын, поразивший тогда меня и отца странной нелепостью своего поведения!

Сыну за это досталось «на орехи», а мои подруги, такие же мамы, как и я, урезонивали меня, ссылаясь на то, что мальчишка-второклассник слишком мал и глуп, чтобы понять, что творит. Всему свое время, не стоит расстраиваться! Права ли я? Этот вопрос я задаю себе частенько, потому что, наблюдая за отношениями между родителями и детьми в семьях наших соседей, слушая коллег на кафедре, я далеко не всегда вижу такую же, как у меня с Олегом, придирчивость в оценке поведения детей...

Сегодня я внушаю своим детям общепринятые стандарты поведения. Делаю это настойчиво, даже настырно. Я их контролирую, делаю замечания, наказываю... Но как же мне, приучая мальчиков к культуре поведения, сочетать мое желание дружить с ними, любить их и даже баловать, преодолевая «сопротивление материала»? Достаточно ли в этом только моего терпения? Моей настойчивости? Успею ли я внушить «доброе, вечное» еще до того, как, вступив в отрочество, а затем уже и в юность, наши сыновья начнут постепенно «отодвигаться» от нас, уйдя, в конце концов, в свою жизнь, недоступную нашим желаниям и, тем более, контролю? Но, кажется, я забежала вперед...

...Размышлять о приличиях в поведении собственных детей, внушать им культурные навыки особенно тяжело, когда знаешь, что, выйдя из дому, они начинают нередко общаться с людьми, которые ничему хорошему их не научат. Когда мои дети были еще совсем маленькими, я поняла эту горькую истину очень хорошо! Какой бы плотной ни была родительская опека, дети, волею случая, непременно могут оказаться вне дома, попасть в «чужие руки», увидеть человеческую непорядочность и безответственность.

Однажды шестилетний Игореша пошел к своему приятелю из соседнего подъезда. Поиграли, пора и домой. Уже стало быстро смеркаться, начался дождь. Открываю дверь, а на пороге малыш — весь мокрый, испуганный. Что стряслось? Мокрый, потому что добежал до своего подъезда и враз вымок! Испуганный, потому что уже у подъезда выскочил из-за толстого дерева подросток и громко захохотал, намеренно напугав мальчика. Ему — весело, а ребенок дрожит от страха. На месте мамы приятеля моего сына

я проводила бы гостя-малыша, который пришел в мой дом, к моему сыну. Взяла бы за ручку, раскрыла зонтик... Это в моих привычках. Неужели я одна такая «воспитанная»?

Альке — пять, Игорю — четыре. Отправила их с детским садом на загородную дачу. Возвращаюсь из магазина — мальчики дома! Сидят себе... Оказывается, через час после того, как я их привела, умудрились мои малыши ускользнуть с территории садика-дачи и, взявшись за руки, пошли... домой! Видит их какой-то военный: «Здорово, хлопцы, куда путь держим?» — и слышит в ответ простое объяснение малышни: «А мы по маме с папой соскучились...» Мальчики уже были научены кое-чему, потому и узнал «дядя военный» имена беглецов, их адрес, телефон домашний и привел наших ребят домой. Ключ лежал под ковриком, и старший сын сумел открыть двери. Но ждать родителей у военного-спасителя не было времени, и он ушел. Хорошо, я быстро вернулась домой... Конечно, я сердилась: «Ну как же вы так! Разве можно убегать из садика?» И все прочее. Добрым словом военного вспомнила, но сердце мое заныло от ужасной людской безалаберности!

Уже потом, когда мы с папой немного успокоились, задумались: как же такое могло случиться? В садике полно взрослых, опытных и ответственных людей! Не дай Бог упрекнуть их в разгильдяйстве — смертно обидятся! Но факты — вещь упрямая: мальчишки-то из садика ушли! Они подверглись реальной, а не выдуманной опасности! Почти полдня после ухода наших мальчишек никто из воспитателей не спохватился. Уже потом как охали! Как ахали! И в случившемся, конечно же, оказались виноватыми мы с Олегом! Оказывается, мы не приучили наших сыновей к дисциплине и порядку в садике!

Снова возвращаюсь к этому факту. Вырастут наши дети. В этом мире у них всего две дороги! Одна приведет к тем разгильдяям, которые работают спустя рукава. Другая — к таким, как этот «дядя военный» — человек ответственный, сберегший, спасибо ему, наших мальчиков от опасности. Уже хотя бы по этой причине стоит без устали внушать сыновьям, что завтра они точно так же, как и мы сегодня, будут надеяться на честность и порядочность тех, с кем столкнет их судьба, кому они станут верить и доверять самое дорогое — своих детей, свои жизни.

От воспитания в детях обыденных приличий можно перебрасывать мостик к формированию важных моральных привычек. Все, о чем я здесь рассказываю, действительно происходило или со мной, или с моими детьми. Я убеждалась на собственном опыте, что причинами опасностей, настигавших меня или моих сыновей в окружающем мире, являлась безответственность людей, чьи поступки несли мне, а иногда и моим детям реальное зло!

По сути, все люди, которые находятся вне нашего дружеского или

родственного круга, чужие и нам, и нашим детям. «Чужой» — очень неприятное слово. За ним всегда стоит равнодушие и даже опасность. Какие только усилия мы ни прилагаем для того, чтобы чужой для нас человек, от воли которого мы или наши дети могут зависеть, стал нам ближе, дал хотя бы каплю уверенности в своей готовности быть к нам дружелюбнее, разделить наши тревоги и надежды. Понятно наше стремление задобрить чужого человека, от которого мы зависим, показать ему, что и мы можем быть ему полезны. Это — наша попытка «купить» его внимание и ответственность. Нелепость, правда? Но делаем-то мы это сплошь и рядом!

Действительно, едва минет год-два от рождения нашего чада, несем мы его в ясли и не забываем о подношении тем, кому вручаем нашего малыша, в надежде на особое к нему внимание. Знаем — опекают наших детей чужие люди, и случается так, что ребенок может... погибнуть, как мой брат-близнец, которого воровка-нянечка напоила в яслях разбавленным сырой водой молоком. Он заболел дизентерией и умер.

Потом наш ребенок приходит в садик. Припоминаю историю. Воспитательница, не в силах успокоить разболтавшуюся девчоночку, пригрозила ей, вроде бы шутки ради, «заклеить рот». Та не вняла угрозам, продолжая болтать в «тихий час». И вот взрослая женщина, которой доверили воспитывать, опекать и оберегать здоровье ребенка, взяв тюбик с канторским клеем, стала мазать малышке рот! В результате — ожоги полости рта... Только отказом разума я, например, могу объяснить действия такой «воспитательницы».

Однако я веду речь о людях разумных. О «тонкой материи» — нравственности, порядочности и ответственности. То есть о том, что я и муж пытаемся внушить нашим детям. Пытаемся и убеждаемся в том, насколько тяжело в одиночку добиться, чтобы хрупкая основа понимания нашими детьми, что такое хорошо, а что такое плохо, была подхвачена союзниками из числа чужих людей из окружающего нас мира. Чтобы основа эта становилась прочнее с каждым годом их жизни и получала бы подтверждение в поведении тех, с кем сталкивает их судьба.

Да, очень может быть, что твой ребенок и не станет таким, каким ты хочешь видеть его в зрелости, но сегодня ты должен учить его всему, что считаешь необходимым для его будущей жизни.

Нужным часто оказывается именно то, чему мальчиков, например, никто и никогда специально не учит: искусство выживать, быть готовым встретить любые трудности, беречь честь, доброе имя, репутацию и свою, и своей семьи, быть ответственным, крепить моральные навыки долга, совести, чувство благодарности.

Учить детей так, чтобы их ум, фантазия умели «прокручивать» варианты действий, которые через минуту, через пять, через час будут ими совершаться. По-моему, город с его обычным эгоизмом и равнодушием, которых

в деревне все-таки поменьше, становится первым «полигоном», на котором обкатываются качества характера и моральные навыки подрастающих граждан! Эти навыки и есть та нить Ариадны, без которой опасно отпускать ребенка в путешествие по бесконечным лабиринтам самостоятельности...

...Сегодня вечером у нас «деловая игра»! Папа отправил восьмилетнего Альку в «командировку» в дальний конец нашего большого города. Отправил одного, в час пик. Подробности сейчас узнаете.

Слышу: «Десятый»! Я — «второй!» Голос Алюни: «...Докладываю! Нахожусь на остановке автобуса «Киностудия «Беларусьфильм». Приступаю к исполнению следующего этапа моего маршрута. Прием!» «Второй», я «десятый», вас понял, приступайте!» Это папа. К телефону рвется Игорь, споря с Яриком за право поднять трубку и услышать рапорт «второго». Я терпеливо сижу, сдерживая сердцебиение, но папа Олег вовремя напоминает: «Лучший способ унять нервы — заняться делом. Придет наш герой, счастливый, улыбающийся, ему нужны наша похвала, почести и угощение. Сообрази что-нибудь, ты же умница!»

И «умница», едва сдерживая слезы, идет на кухню. Но уже через минуту бегу в комнату: «Что нового?» «Второй» пересек подземный переход...» Ярик счастлив — папа доверил ему телефон. На всю квартиру слышен его голос: «Второй!», «второй!» Я — «десятый»! Прием!»

...Мой старший сын в свои восемь лет знал и умел гораздо больше своих сверстников. Между тем ничего, кроме осуждения и даже некоторой оторопи, я не видела в глазах родителей, когда рассказывала о методах воспитания в наших детях самостоятельности. «Придет время — сами все усвоят, сами всему научатся, куда спешить? Зачем рисковать?» — слышала я в ответ.

Большинство осуждало нас, а некоторые даже готовы были... Да что готовы, не таясь негодуяюще именовали нас «тиранами», сочувствовали нашим детям, называя наш дом «казармой», а воспитание — «муштрой».

...В наше время появилась странная генерация мужчин-мальчиков совсем не случайно! Беспомощные, инфантильные, неспособные гвоздя забить самостоятельно, жаждущие покоя, комфорта за чужой счет и полного отказа от хлопот и забот, которые обычно приходят с браком и отцовством! Количество холостяков в нашей стране удваивается едва ли не через каждые пять лет. Растет и число женщин, которые видят в мужчинах лишь «разовых доноров» для зачатия. Многие из них предпочитают растить ребенка одни, потому что, выйдя замуж, вместе с младенцем, появившимся на свет, они получают и второго ребенка — мужа!

...Едва услышала, что «второй» пересек площадь в районе, удаленном от нашего дома на километры, невольно вспомнила, как четыре года назад потеряла я на площади Якуба Коласа Игоря и Ярика. Игорю было четыре

года восемь месяцев, Ярику — три. Одному Богу известно, что я тогда пережила! В том подземном переходе, очень длинном и страшно людном, в одной из секций расположился книжный базар. Я книги люблю, готова перебирать их часами... Ох! Но не до такой же степени!

Мне казалось, что прошли секунды, а оглянувшись, обнаружила, что детей нет! Куда они исчезли? Я звала, кричала, в отчаянии спрашивала каждого встречного: «Вы не видели?.. Вы не встречали?..» Описывала моих мальчиков прохожим: «...Один маленький, ему почти пять, светленький с голубыми глазами, Игорем зовут, а другой, Ярослав, с темно-русыми волосиками, три года, веселый такой, все время улыбается...»

Нет, никто не видел... Звоню Олегу. Он был дома и тут же прибежал, благо до перехода, где памятник Якубу Коласу, было минут пятнадцать ходьбы. Решили разделить и искать каждый в своей половине.

Олег нашел Ярика очень быстро. Тот поднимался по лестнице из подземного перехода с двумя молодыми людьми. Малыш закричал: «Папа! Папа! Я потерялся! Давай теперь будем маму с Игорем искать, они тоже потерялись!» Папа его восторга не разделял, поблагодарил молодых людей и стал спрашивать у сына, как случилось, что он ушел от мамы, и где Игорь. Ярик все так же восторженно — ему всегда ужасно нравилось быть в центре внимания — рассказывал: «Я стоял, а Игорь мне показал книгу, но одна тетя наступила мне на ногу, я присел и стал ногу растирать... Потом Игорь сказал — пошли наверх, там мама! А я не хотел идти наверх. Игорь меня потащил, а я не хотел. Потом он куда-то ушел от меня. Он меня бросил!»

Поднялась из подземного перехода и я. Увидев Ярика с папой, догнала их, но хороших новостей у меня не было: «Игоря я так и не нашла...» Папа спокойно и уверенно сказал: «Таня, не волнуйся. Игорь отлично знает этот район, наш адрес, телефон, свою фамилию. Он найдет дорогу домой. Мы с детьми здесь ходили множество раз. Известны ему и правила перехода через улицы. Вот увидишь, мы вернемся, он будет уже дома!»

Действительно, по этим улицам папа с Игорем и Яриком, иногда прихватывая и меня с Алюней, прохаживались не раз. Папа приучал малышей правильно переходить перекрестки на светофоре, а на проспекте разрешал малышам оторваться метров на двадцать — двадцать пять и поиграть в «самостоятельность». Мальчикам страшно нравилось изображать больших, независимых прохожих, которые, якобы сами по себе, гуляют по широкому проспекту. Никаких «отклонений» они никогда не допускали, вели себя чинно. Конечно, мы с папой зорко за ними следили. Так закреплялись навыки самостоятельности...

...Входим с Олегом во двор и видим такую картину: Игорь рассказывает бабушке с дедушкой (ох, принесла же их нелегкая именно в эту минуту!), как они с Яриком потерялись, а потом он хотел пойти домой, а Ярик уперся

и не соглашался. Тогда он махнул рукой и пошел домой один. «...Я пошел маму искать, а ты меня бросил, понял!» — обиженно заявил Ярик на обвинения брата в упрямстве.

Как бы там ни было, но пацанчик, которому не было еще пяти, прошел почти полкилометра по центральной улице большого города, перешел через улицу там, где светофора не было, затем миновал перекресток на светофоре, пересек трамвайные линии и две полосы движения транспорта. Наконец, опять на светофоре, перешел проезжую часть проспекта с двухсторонним автомобильным движением. Как только он пересек проспект и оказался на улице Козлова, все опасности остались позади, и сын вскоре вошел в арку нашего двора.

Живчик Игорь, у которого всегда были проблемы с дисциплиной на улице, в опасной ситуации оказался на высоте! Однако вернусь к моим прежним и не очень веселым размышлениям! Малыш прошел довольно долгий и непростой для его возраста путь, однако никому из многочисленных прохожих и в голову не пришло, что мальчик слишком мал, чтобы вот так, без сопровождения, дефилировать по проспекту! По всем признакам он как бы... потерялся! Вид малыша на перекрестке даже у самого черствого человека должен был вызвать единственно верную реакцию: беспокойство! Но малыш прошел, слава Богу, три оживленнейших перекрестка, так и не удостоившись внимания сотен людей, вышагивавших рядом с ним и мимо него!

...Конечно, то, что Игорь оставил младшего брата на улице без присмотра, ушел домой без него, мы, для порядка, во время «разбора полетов», осудили. Сам же факт, что наш малыш не растерялся в ситуации, в которую дети его возраста, как правило, не попадают, нас ужасно радовал! Папа мог гордиться — его программа воспитания самостоятельности себя оправдала.

...«Десятый!» Я «второй!» Сажусь в трамвай № 12 и возвращаюсь домой! Прием!» Через пятнадцать минут старший сын, целый и невредимый, вернулся домой под крики «Ура!» всей семьи. Не было ни бала, ни банкета, но было мирное, светлое чаепитие с вкусными пирожными, широченными улыбками папы, сыновей и с моими слезами радости пополам с уже пережитыми страхами. Ну и, конечно же, «охотничьи рассказы» нашего героя дня.

«Я когда переходил с автобусной линии на трамвайную, надо было перекресток перейти. Иду. Все как надо: красный свет для машин, зеленый для меня. И тут из-за угла — частник. Я иду себе... Я же знаю, на повороте предпочтение дается пешеходу, если на светофоре мой свет. А он несется! Тормоза визжат. Прямо чуть в меня не врезался! Но... остановился». Жутко, правда? Можно и приврать, особенно когда все уже позади.

Через два месяца, на исходе лета, наш неугомонный «капитан первого ранга» придумал еще более ответственное задание для старшего сына.

Скажу для точности, было ему восемь с половиной лет. Папа решил, что надо максимально усложнить задание. Теперь Алюне предстояло на автобусе проехать до конечной остановки, там вынуть из кармана запечатанный конверт с планом района, в котором он окажется, найти трамвайную остановку, сесть в трамвай, проехать до обозначенной в плане остановки, сойти и снова с помощью плана отыскать стоянку такси. Сесть в такси, назвать адрес и приехать домой.

Этот эксперимент для нашего старшего сына был очень интересен именно тем, что предстояло вернуться домой на такси. Наш «старшой» план изучил, все вопросы «инструктору», то есть папе, задал и «рвался в бой»!

Как говаривала наша бабушка Зина, я «прямо обмерла!» Ребенку восемь лет! Какое такси? Я кричала, готова была «лечь костями». Олег привел три аргумента: «Во-первых, не восемь, а восемь с половиной! Во-вторых, соображает он явно быстрее и лучше, чем его сверстники, значит, он — старше своих лет. В-третьих, у него уже есть опыт. Ты же сама в этом убеждалась не раз. И вообще, — урезонивал меня муж, — уже сейчас в его жизни могут возникнуть ситуации, когда придется срочно куда-то поехать! Такси — лучший транспорт для чрезвычайных обстоятельств. Ни среди водителей такси, ни на стоянках нет бандитов, маньяков, педофилов. Риск минимален, но зато все его навыки поведения на улице, общения с людьми, которые мы вырабатывали у сына с трех лет, сейчас проверим!» Это папа мне доказывал при Альке, который нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

Мягко подхватив меня под локоть, он вошел в гостиную и закрыл дверь. Успокаивающе поглаживая, как маленькую, по волосам, сказал: «Танечка, не волнуйся! Альку подстрахует мой студент. Тот самый Гриша из многодетной семьи. Помнишь, Игоря подстраховывал? Он, как тень, будет идти за ним и следить за всеми его действиями». «А на такси?» — срывающимся шепотом простонала я. «На стоянке такси он вежливо спросит Альку: «Мальчик, можно и мне с вами на Омский переулок?» И мальчик скажет: «Можно», потому что знает — так будет даже дешевле!»

Уф! Отлегло... И тут я узнаю, что папа собирается отправить сына на задание уже сейчас! Опять в час пик?! Затащив Олега в комнату и прикрыв дверь, я горячо зашептала в самое ухо «капитана первого ранга»: «Там же народу полно на транспорте, в переходах, на стоянках такси. Твой студент его потеряет, а сына просто сомнут!» Но папа был неумолим: «Подумай сама. Ему идти в школу во вторую смену, когда народу полно! Он должен готовиться к этому, понимаешь? Готовиться!»

Братья завидовали Альке «по-черному». Они рвались, куда отправлялся в «командировку» их старший брат. Слава богу, папа соглашался со мной, что эти дети еще маленькие, хотя они уже частенько слышали от папы:

«Все! Детство кончилось! Пора дежурить на кухне! Мыть полы, стирать! Помогать маме! Привыкать ко всяким опасностям!» Меня последняя фраза папы приводила в ужас, а мальчиков — в восторг!

Стремясь к участию в папиных экспериментах, Игорь не раз напоминал ему и мне о своем «героическом поступке», когда я его потеряла в подземном переходе на площади Я. Коласа. Но папа невозмутимо отвечал: «Всеу свое время. Так что не спеши!»

...Итак, снова на связи «десятый», в карманах которого полно монеток для рапортов по телефону-автомату. «Второй» теперь я. Как только Алька вышел из дому и время задания «затиало», Олег сказал мне, что внизу уже стоит машина с водителем, которую дал его друг, и он собирается ехать вслед за Алькой, чтобы следить за его действиями. У меня совсем отлегло от сердца...

Тянуть не буду: все прошло хорошо! «Страховка» — студент Олега — неотлучно следовала за Алькой. Тот, ничего не подозревая, исполнял все действия спокойно и без паники, хотя народу было и в транспорте, и на улице тьма! Папа, ехавший следом за автобусом до конечной остановки, а потом за трамваем, успевал все замечать. Видел, что сыну пришлось пропустить два переполненных трамвая, встать в самый конец очереди на стоянке такси уже в сумерках. Наконец Алька сел в такси вместе со студентом...

Нам не терпелось, и я с младшими детьми около восьми часов вечера спустились вниз, во двор. Мы уселись на скамейку прямо у нашего подъезда. Наконец в арку медленно въехало такси. В приоткрытое окно выглядывает улыбающаяся физиономия Альки. Он солидно открывает дверцу, расплачивается с таксистом, прощается с каким-то парнем, сидящим на заднем сиденье (я не сразу поняла, что это и была «страховка» по имени Гриша — студент Олега, которому папа поручил «пасти» Альку). Буквально через минуту во двор въезжает черная «Волга», останавливается неподалеку от арки, а из машины выходит Олег.

...Снова был «большой чай» с пирожными и вареньем и, конечно же, «охотничьи рассказы»...

Эти эксперименты папа проводил два года, и я могу сказать, что наш опыт воспитания самостоятельности и ориентации в городе превзошел все ожидания. Алик и Игорь (Ярик был еще мал для таких игр) научились отлично ориентироваться и быстро находить правильное решение, как бы далеко ни «забрасывал» их папа...

...Вернусь к теме воспитания в детях приличий. То, что в окружающем мире царит порядок, который надо изучить и прочно усвоить, я, конечно, знала и, разумеется, следовала всем правилам. Спроси меня: кто тебя учил, что в кинотеатре нельзя сорить, грызть семечки, в музее — говорить громко, в театральном зале — шуршать конфетными обертками — я не смогу ниче-

го ответить на этот вопрос, кроме разве тривиального: «Жизнь научила!» Слышать именно такую сентенцию приходится часто. Однако то, что это не так, понимаешь, когда сама начинаешь воспитывать своих детей.

...Альке было шесть лет, Игорю пять, и я решила пойти с ними в выставочный зал Дома искусств. Главным в моем «мероприятии» было увидеть не экспозицию, а поведение моих детей, которых я наскоро проинструктировала: «Руками ничего не трогать, не бегать, громко не разговаривать». Все вроде бы понятно. Да и какие тут премудрости, верно же? Дети послушно кивнули, и мы пошли.

Я не видела ни одного экспоната по очень простой причине: мои мальчики, забыв о моих «инструкциях», уже через пять минут превратились в дикарей. Нет, они были очень симпатичные внешне, хорошо одеты, причесаны, очень непосредственны, искренни. Но восклицания типа «Правда клево?» «О, Игорь, смотри — класс!» приводили меня в замешательство. Они все трогали руками, потом начали бегать друг за другом из зала в зал, весело смеясь. Казалось, что у моих детей начался приступ буйства. Конечно, они сразу обратили на себя внимание посетителей и персонала. Но, кажется, им это даже понравилось. Пришлось извиниться перед служащими и уйти домой. Признаюсь, я расстроилась, но мои сыновья вовсе не чувствовали себя виноватыми! «А что мы делали?» — искренне удивлялся Алька, а Игорь, как обычно, смущенно улыбался и говорил: «Ну, так получилось, я не хотел...»

Действительно ли шести- и пятилетние дети не способны, придя в зал музея, спокойно рассматривать то, что должно быть им интересно? Ведь в тот день в Доме искусств была выставка детского рисунка и поделок, сделанных руками детей из стран Юго-Восточной Азии.

Примерно пять-семь минут мои мальчики действительно с интересом рассматривали экспонаты. Я тихонько рассказывала им, из какого материала сделана та или иная вещь (подробности были в каталоге), интересовалась, смогли бы они сами сделать что-то подобное. Потом разрешила самим походить, посмотреть и снова предупредила: «Пожалуйста, ничего не трогайте руками. Нельзя, такой здесь порядок!» Дети согласно кивнули, но выдержки хватило только на две-три минуты. В итоге мне пришлось взять детей «под микитки» и уйти домой.

Прошло время, дети подросли и пошли в школу. Кое-что в их поведении изменилось в лучшую сторону, но наши надежды явно опережали их возможности усваивать и придерживаться общепринятых правил поведения в обществе.

«Способны, неспособны — пустые разговоры. Надо приучать и убеждать! Впереди у них миллионы контактов!» — такова логика Олега. Я согласна с ним, потому что в общество входят не какие-то абстрактные дети, а конкретные — Игорь, Ярослав и Алька.

...Всем известно понятие «хам». Конкретный хам отделен от культуры непроницаемой перегородкой. Сделана она из прочнейшего материала: равнодушия, эгоцентризма, агрессивности, самолюбования. Хам далеко не прост. Он — многолик. Его можно увидеть в «чиновном» кресле, на соседнем балконе, полуголого, пьяного, с сигаретой в зубах. Да где угодно! Но когда-то он был рожден матерью, вскормлен ее молоком, его нянчили бабушка с дедушкой. Он приводил в умиление всех, кто созерцал его природную невинность во младенчестве, в непорочном детстве...

Когда появляются первые симптомы будущей болезни взрослеющего человека?..

Да, я считаю хамство болезнью человека, и, как с любой болезнью, приходит в его судьбу беда. Приходит она и в нашу жизнь, когда мы с хамом общаемся. Не я одна знаю, что хамское слово может убить человека или надолго поселить в душе недоверие к людям, даже страх.

Если все мы «родом из детства», то именно там надо искать корни этой беды, этой страшной болезни души человеческой. Принято считать, что «хам порождает хама» по принципу «яблочко от яблони недалеко падает». Во многом эта истина верна. К счастью, случаются исключения.

...Я знала семью, где моральная щепетильность и порядочность, выдержка и аккуратность, честность и культ совести были атмосферой, которой буквально дышали два мальчика. Родители были потрясены, когда к 15 годам стало ясно, что в этой атмосфере выросли откровенные хамы! Сегодня это уже взрослые люди, которых, без сомнения, можно назвать негодяями, заставляющими жестоко страдать своих постаревших и уже беспомощных родителей...

Когда Олег писал книгу «Смотришь, как в зеркало, в другого человека», он собрал множество примеров опасности служебного хамства. Многие из них взяты из жизни самого автора. Слава богу, жертвой хамства муж не стал, но лично был знаком с людьми, умершими... нет, выберу более точное слово — погибшими! от служебного хамства. От презрения хама к людям. Нелегко спасти свое достоинство и честь от насилия хама.

Проблема не выдумана, нет! Надо что-то делать! Вот и мы с мужем озабочены этим. Да, уверена: надо учить! Методы у нас проверенные. Сначала объяснили, показали, как надо делать. Потом проверяем на практике, наблюдаем: делает, как учили, как надо, или не получается? Схема нехитрая, но... обольщаться не следует! В совсем недалеком будущем наши подростки дети будут действовать уже самостоятельно. Наблюдать за ними, контролировать их поведение будет некому. Неутешительно... Но надо делать все возможное, чтобы спасти их от заражения вирусом хамства...

...Разговор сына с отцом.

— Папа, а ты в каком ряду будешь сидеть?

— Не скажу!

— Ну папа, скажи...

— Не хочу... Ты знай, что я буду в театре, у меня будет бинокль, я буду видеть, как ты себя ведешь.

— А если я тебя замечу, можно подойти?

— Нет! Сделай вид, что ты меня не заметил.

— Ну, а если я замечу, подойду и скажу: «Здравствуй, папа!»

— Я, как вежливый человек, скажу: «Здравствуйте», но тут же замечу: «Вы меня с кем-то спутали!» Хохочут оба!

Дело в том, что началась очередная «выездка», когда папа, теоретически натаскав сына, в данном случае объяснив правила поведения в театре, хочет проверить, как он на практике будет им следовать.

Итак, сын идет в театр. Ему буквально вчера исполнилось девять лет, и поэтому не случайно куплен первый настоящий, «почти взрослый» костюм, выходные туфли, галстук, красивая рубашка. Все отутюжено, пригнано по фигуре. Прическа сделана в настоящей парикмахерской у очень хорошего мастера. Папа слегка провел по затылку и спине сына рукой, сбрызнутой дорогими мужскими духами. Старший сын страшно доволен — в театр он идет сам! Пусть эта «самость» еще пока ограничена папиным присмотром, который будет осуществляться из неведомого сыну угла зрительного зала, но Алька знает, что в его поведение, каким бы оно ни было, никто не будет вмешиваться. Лишь потом, дома, когда он вернется из театра, папа все ему скажет.

Сын выходит из дому за полчаса до начала спектакля. В кармане пиджака — билет, расческа, деньги на мороженое в антракте. Папа тоже одевается «как положено». У него билета нет, да ему и не нужно, потому что его в театре отлично знают и он пройдет через служебный вход, поднимется на верхний ярус «галерки» и сядет в укромном местечке с большим биноклем. Как только погаснет свет, он наведет бинокль на партер и найдет сына, сидящего в пятом ряду на двенадцатом месте. Так и будет смотреть спектакль, время от времени поглядывая на Алюню в свой «капитанский» бинокль.

Неожиданно Олег, глядя через окно во двор, на удаляющуюся фигурку сына, резко меняет план. «Есть просьба!» — говорит он мне интригуяюще. «Какая?» — я в недоумении. «Сходи ты вместо меня! Алька настроен на то, что в зале я, но если ты сумеешь быть осторожной, он или решит, что меня нет, или надоест искать, и тогда...» Я с нескрываемым интересом пытаюсь понять ход мысли мужа. «Тогда, — все так же загадочно улыбаясь, развивает свою мысль папа, — Алька будет гораздо раскованней, искренней, а это очень важно! Ты понимаешь, что может произойти?» «Нет!» — я пока в недоумении. «Алька будет вести себя уже под влиянием всех тех, кто его окружает. А окружают его сверстники, такие же, как и он, пацаны. Если

Папа тренировал сына правильно переходить улицу на перекрестке. Это было пересечение нашего Омского переулка с улицей Козлова, где поставили новенький светофор, как раз почти напротив большой входной арки, через которую мы обычно проходили во двор нашего дома номер 17.

он сам понимает, что его поведение должно быть нормальным, ничто не заставит его свернуть с этого пути, а если нет... Вот мы и посмотрим, на что способен наш сын», — таинственно завершил муж.

Идея мне понравилась, и я быстро согласилась на роль «контролера». Мгновенно приоделась, причесалась: «Да, а как я в театр попаду?» Папа вытащил контрамарку. «Все равно иди через служебный вход, контролер у двери, Мария Антоновна, назови себя, сошлись на меня, и она тебя пропустит. Если что, попроси позвонить мне, она знает наш номер телефона».

...В театре шел спектакль «Повесть о бездомных собаках». В зале дети разного возраста. Приведенные учителями на «культурное мероприятие», они в основном были без родителей и без бабушек.

Спектакль шел «сам по себе», а зрительный зал жил «своей жизнью». Шум стоял невообразимый! Устроившись на «галерке», я с трудом отыскала в полумраке сына — аккуратно одетого и причесанного мальчика, который, сидя среди неутраченного гвалта, неотрывно смотрел на сцену. Подивившись терпению актеров, игравших как бы для самих себя, я немного успокоилась и стала обозревать зал в театральные бинокль.

Иногда дети носились по проходам. Наиболее ретивые даже щедро раздавали подзатыльники своим не слишком расторопным товарищам. Многие что-то жевали. «Странно, — подумалось мне, — одиннадцать часов дня. Дети уже позавтракали, к чему брать с собой еду в зрительный зал?»

Наконец воцарилась хрупкая тишина. Наверное, потому, что на сцене начали происходить активные события и столкновения между героями постановки. Мне же никак не удавалось сосредоточиться. В зале раздавались шелест конфетных оберток, какое-то шиканье или чей-то приглушенный смех, не имевший к происходящему на сцене никакого отношения.

Я снова навела бинокль на Альку. Он доедал апельсин. В этом театре мы бывали часто и сын, уже зная, где буфет, успел туда сбегать. Много раз я говорила своему мальчишке, что глупо и неприлично идти в зрительный зал «через буфет». Только неразумная малышня может смотреть на сцену, пережевывая печенье или булочку. Но сын распорядился по-своему. Спектакль только начался, а у моего парнишки появился аппетит, невесть откуда взявшийся после сытного, час назад, завтрака. Ладно, поглядим, что будет дальше.

Снимая кожуру, Алька клал ее на колени, а дольку аккуратно отправлял в рот и неспешно пережевывал. Рядом сидел мальчик постарше и с увлечением делал то же самое. Интересно, кто на кого «повлиял»? Обратила внимание: на сцену сын почти не смотрел. Он был поглощен едой и обозреванием зала, впрочем, как и большинство юных зрителей.

Антракт. В зале зажегся свет, и я заметила, что Алька внимательно осматривает партер, видимо, пытаясь найти папу. Потом посмотрел на галерку.

Я поспешно спряталась за какую-то штору, висевшую у моего кресла. Он, разумеется, не знал о «маневре» папы и о том, что в зале сижу я! Минут через пять ему надоели поиски, и он, скорее всего, решил, что папы в зале нет.

Как говорит моя знакомая, «природа взяла свое», и уже через минуту наш сын энергично шагнул по проходам, нашел какого-то приятеля, бурно с ним поздоровался, начал громко ему что-то рассказывать, смеяться. Потом он и два каких-то мальчика постарше взгромоздились на сцену — следуя модным веяниям, спектакль шел без занавеса — покривлялись там и прыгнули. Галстук у сына уже съехал набок, рубашка вылезла из-под брюк. Он жевал печенье, вытаскивая его из кармана пиджака.

У меня сердце заныло. Как и миллионы родителей, я страдаю пространственным заблуждением — готова преувеличить достоинства своего ребенка. Если бы мне кто-то сказал, что Алюня вел себя в театре именно так, как я только что видела своими глазами, — не поверила бы! Расскажи мне папа о таком поведении сына, я бы наверняка подумала: «...преувеличивает!» Однако вижу все своими глазами и... не могу поверить. Может быть, я завишаю требования к поведению сына? Мне об этом все уши прожужжал мой одноклассник, у которого тоже сын, почти ровесник Альки. Но в зале — сверстники Алюни, которые ведут себя совсем иначе! Да, их мало, но они есть! Значит, усилия их родителей приносят плоды? Может быть, эти дети — из «другого теста»?

...Свет погас, и началось второе действие спектакля. Актеры старались вовсю! Однако зрители не изменились. В зале по-прежнему жевали (сколько же можно?), галдели и баловались. Обозревая зал в бинокль, я заметила, что позади Альки какой-то шустрый пацан, скорее всего его сверстник, прилаживает к рогатке бумажную дужку. Мальчишка прицелился и запустил бумажку на сцену, но промахнулся и вытащил из кармана рубашки вторую. Алька обернулся и с любопытством начал наблюдать за действиями «стрелка». Рядом, слева и справа от владельца рогатки, сидели две мамы, которые непрерывно потчевали своих детей конфетами и мандаринами, не обращая на «стрелка» ни малейшего внимания. Второй выстрел оказался более метким, и белый комок уже лежал на сцене.

Я не сомневалась: мой сын видит, что он делает «стрелок». Видит — и недвижим! Точно так же, молча, на мальчишку смотрели еще два-три пацана, сидевших рядом. Я поняла, что надо срочно вмешаться! Спускаясь вниз по лестнице, я твердила про себя, едва сдерживая эмоции: «Алька! Ну как же ты так? Ты же можешь остановить этого паршивца! Что же ты молчишь? Почему смотришь, как безобразно ведет себя этот мальчишка?»

Быстро спустившись с галерки, я вышла в фойе и почти побежала к двери, ведущей в зал, определенно зная, что «стрелок» уже прицеливается в третий раз, и дай-то Бог, чтобы не провололочной дужкой! У нас во дворе

в прошлом году из такой же рогатки попали в глаз мальчику, который стал инвалидом! Мы долго разговаривали с нашими детьми об этом зле, эпидемией пронесшемся по нашему двору. И вот теперь здесь, в зале, рядом с моим сыном сидит (рукой достать!) этот... этот... Ну как же его назвать? «злодей?» «мерзавец?» Хоть и не в словах суть, но как-то надо обозначать явления и людей, которые несут в себе зло, неважно в каком возрасте!

...У двери в зал сидит пожилая женщина, служительница:

— Что вы хотите?

— Мне срочно надо пройти в партер, — говорю я запыхавшись.

— Сейчас нельзя...

— В зале хулиган, в руке у него рогатка, и он стреляет в актеров, — нервно выпалила я. Служительница испуганно на меня посмотрела и помогла распахнуть тяжелую дверь. Отодвинув штору, я быстро проскользнула в зал, несколько секунд привыкала к полумраку, а затем пошла в сторону сцены, всматриваясь в поисках «стрелка» и Альки.

У самого края сцены, сгорбившись, стоял высокий актер, загримированный под грязного, бездомного пса, и, жалостливо подвывая, рассказывал о своей неустроенной собачьей жизни. Я заметила, как буквально к его ногам шлепнулся новый белый комок, запущенный юным «варваром».

Наконец я заметила ряд и место, где сидел «стрелок». Однако, пока я дошла до него, он успел еще раз «зарядить» рогатку и выстрелить, уже попав актеру в щеку. Тот, инстинктивно дотронувшись до ушибленного места, стал его потирать.

Подойдя к мальчишке (он сидел у самого края ряда), я схватила его за шиворот, поволокла к выходу из зала, даже не заметив реакцию моего сына, который, увидев меня, наверняка просто обомлел и тоже шел из зала вслед за мной. Я трясла «стрелка» и, еле сдерживая себя, громким шепотом выговаривала ему.

Меня буквально дергало от возмущения, и, выйдя из зала, я сразу заметила, что мой старший сын бледен, растерян и страшно сконфужен всем случившимся. Я не обращала на него никакого внимания. Честно говоря, я очень боялась, что сейчас не выдержу и влеплю ему пощечину. Раздосадованная вконец, я отпустила воротник рубашки «стрелка», изрядно напуганного, готового заплакать, и быстро ушла в раздевалку. Оделась и выскочила на улицу...

Уже дома я узнала, что оба, и Алик, и «стрелок», ушли в зал досматривать спектакль, а когда он кончился, отправились по домам. «Эксперимент» в театре принес больше вопросов и тревог, чем энтузиазма и надежд. Как мы с папой считали, Алька почти в девять лет был достаточно взрослым, чтобы в такой ситуации суметь сделать выбор: остановить зло — не остановить. Вмешаться — не вмешаться. Зло мальчишки-«стрелка» было понятно, как

мне казалось, абсолютно! Как же мне тогда хотелось, чтобы мой сын сделал выбор, который подтвердил бы мне, его матери: мы с папой стараемся не зря!

Я готова привести массу примеров, которые убедят кого угодно, что мой старший сын — хороший, умный, добрый, отзывчивый мальчик! Готова... Но что толку, если на твоих глазах сын не сделал даже слабой попытки остановить зло. Хотя бы показать свою готовность это сделать: предостерегающим взглядом, протестующим движением руки, предупредительной репликой.

Мне оставалось только признать горькую истину: дети превосходно приспосабливаются к нашим требованиям и желаниям, к нашим рекомендациям и к тому порядку, который мы устанавливаем в наших отношениях с ними. Приспосабливаются... Тот моральный стандарт поведения, который мы внушаем сыну или дочери, может лишь абстрактно противостоять злу. Случится, увидит зло — отвернется и уйдет! Спрячется и смолчит. Уже хорошо, если сам не сделает подобного зла!

Помню слова мамы, сын которой в нашем дворе потерял глаз. «Знаешь, Таня, не могу смотреть на мальчика, который был рядом в тот момент, когда пацан целился в моего Егорку и выбил ему глаз. Веришь, не могу! Тот, кто сделал это... — урод! Но ведь ему могли помешать!» На эту женщину больно было смотреть!

Конечно, я шла в театр убедиться, какой мой мальчик хороший, как прилично он себя ведет, умеет быть равнодушным к случайному злу... Пришла домой с трудной истиной в мыслях: в столкновении со злом, даже когда им по силам его остановить, наши дети могут отказаться следовать тому, чему учили и учат их родители. Случай предоставил мне возможность увидеть это собственными глазами.

Наш с Олегом родительский энтузиазм оказался слишком романтическим, пропитанным гуманными представлениями, которые нашим детям необходимо было защищать от упрощенного, а попросту хамского поведения, достаточно растиражированного в современном мире. Алька не справился с задачей остановить зло, потому что оказался на удивление равнодушным к этому злу!

Сын отлично знал, как надо вести себя в театре, но отказался от следования образцу, к которому мы готовили его. Он знал, что «стрелок» может принести беду тем, кто там, на сцене, играет спектакль для них, зрителей. Но в этой ситуации оказался в ряду тех, кто проигнорировал зло.

Нет, наш родительский энтузиазм не иссяк, но как же хочется видеть плоды своих усилий! Замечая, что в основном твои дети не хуже других, а в чем-то даже и лучше, не стоит успокаиваться. Жизнь каждый день может подбросить твоему ребенку случай-экзамен. Увидев неверный выбор, сделанный твоим дитем, можно опустить руки. И тогда снова спрашиваешь

себя: куда, в какие тартарары проваливаются все наши педагогические выдумки, все наши усилия?

Спрашиваю Альку: «Чего ты испугался? Почему не остановил мальчишку? Он же явно и меньше тебя ростом, и наверняка трус!» Сын тягостно молчит. Так и не дождалась от него ответа ни тогда, ни много позже! И ведь действительно, нет у него ответа на мой вопрос, потому что в тот момент он не думал, что может случиться с тем человеком, в которого стреляют из рогатки. Моему сыну и в голову не пришло, что этому человеку будет больно, а может случиться так, что ему выбьют глаз!

Я убедилась, что ребенок готов усвоить уроки, преподанные ему родителями. Именно готов. Он осудит очевидный дурной проступок своего брата, сверстника. Он даже сможет правильно рассуждать об отрицательных чертах характера. («Славка — задира, он ко всем пристаёт. Наташка наврет с три короба, ей нельзя верить...») Однако наступает день «Х», и наш умница терпит полный провал! Значит, на каком-то этапе жизни ребенка наши уроки не затронули его ума и чувств в той мере, чтобы преподанные навыки поведения срабатывали.

Мы прощаем детям ошибки. Даже наказав за серьезные провинности, забываем о них в надежде, что они не повторятся в будущем. Но нужно смотреть правде в глаза: может наступить день, когда твой ребенок настолько отступит от преподанных и внушенных ему нравственных правил и требований, что своим поведением недвусмысленно продемонстрирует окружающим — он плохо воспитан! И если такой приговор будет вынесен тому же Алконе, причем совершенно справедливо, виноваты в случившемся будем мы, его родители!

Видит Бог, сколько усилий было приложено, чтобы этого «прокола» не случилось! Но тех, кто все-таки стал свидетелем проступка или зла, допущенного твоим ребенком, это не волнует! И правильно. Так нам и надо... Что же делать? Муж прост и категоричен: «Продолжать трудиться над душой и умом своих детей!»

Конечно, выбор: опустить в бессилии руки или продолжать «гнуть свою линию», черпая энтузиазм в успехах наших детей — стоит не только перед нами. Но как же нам всем, современным родителям, не хватает профессионализма и терпения гувернеров прошлых веков в этом трудном деле — воспитании детей.

И снова я заговорила о времени... Да, время, в котором мы живем, увы, часто не наш союзник! Современная семья в большинстве своем беспомощна перед проблемами, которые настойчиво стучатся в дом, едва под его крышей появляется ребенок. Они обостряются, едва возраст детей размывает первую «десятку», а потом...

Наверное, не зря родители страшатся роковых одиннадцати, двенад-

цати, тринадцати, четырнадцати, шестнадцати. Мы с Олегом пока теоретически знаем — нас тоже ждут эти трудные годы! Но как к ним готовиться? Кто победит в этой гонке за желанным успехом в воспитании детей? Сотни тысяч семей терпят поражение, миллионы родителей опускают руки в бессилии. Но рождаются новые дети... Они растут. Какими же они вырастают?

Однажды Олег спрашивает меня: «Знаешь, почему приятно иметь дело с воспитанным человеком? Ни за что не угадаешь!»

Я вяло стала перебирать: «Потому что, когда человек улыбается, доброжелателен...» «Да ну тебя! — восклицает Олег. — Все это только внешние атрибуты. Я думаю, суть в другом. Когда убеждаешься, что человек воспитан и порядочен, испытываешь ощущение... безопасности! Когда с таким ощущением безопасности общаешься с людьми, это ж просто кайф! Бывает, видишь: человек умен, вежлив, одет с иголочки, аккуратен, владеет комплиментом, как футболист мячом... Ан нет! Не чувствуешь себя рядом с ним комфортно! Если рядом с человеком у тебя появляется настороженность, тревога, считай, что твой собеседник не порядочен! Замаскированный хам».

...Жесткие инструкции, которые мы даем своим детям, когда приучаем их к культуре в быту, со стороны выглядят обычным занудством. «Пришел к тебе гость? Пусть разденется, разуется и никуда из детской комнаты, кроме туалета или умывальника, не ходит. Ясно? Пригласил на день рождения? Отлично! Продумай, кого приглашаешь, и составь план праздника. Всегда помни, что ты в доме не один, что есть родители, братья, а не только гости — твои друзья». А сколько мелочей должен усвоить ребенок, чтобы выглядеть прилично уже не дома, а в «свете»!

Но как же трудно приучить ребенка к этому банальному набору привычек! Казалось бы, чего проще приучить говорить «спасибо!» Увы! Ведь надо благодарить буквально за каждую мелочь: дали тебе воды в постель, потому что ты болееешь, — скажи «спасибо!» Накормили тебя — поблагодари. И так далее, и тому подобное. Но если услышишь от сына один-два раза слова благодарности — и то хорошо. Поэтому и приходится снова постоянно занудствовать: «Скажи «спасибо!» А «пожалуйста» где?» Сотни, тысячи раз повторяешь: «Ты забыл «волшебное слово!»! «А где твоё «можно?» «Мама, ну мне просто надоело все время говорить эти слова!» Это — старший. Младшие более сговорчивы, автоматически повторяют — и все. Именно до автоматизма и надо довести все «формулы вежливости».

А впереди усвоение уже целых конструкций вежливости: «Здравствуйте... Можно войти? Спасибо! Пожалуйста, скажите мне... Извините...» и прочее, и прочее! И эти конструкции вежливости надо буквально вдальбывать детям, зная, что без них человек не может считаться воспитанным настолько, чтобы с ним можно было безболезненно строить более конкретные и глубокие отношения.

В девять лет Алька умел сравнительно точно следовать простым формулам вежливости. Игорь и Ярик в свои шесть и четыре года постоянно забывали о них, и если я или папа находились рядом, приходилось тихо подсказывать. Бывало, что нас «догоняли» нелестные оценки наших знакомых. «Таня! Твой Ярик ну прямо из джунглей! Непосредственность потрясающая! Представь себе — как был, в пальто, в туфлях, прошел к столу, увидел там пирожное, взял его и засунул в рот!» Это комментарий моей подруги, которой незачем меня щадить! То, что мой малыш с «потрясающей непосредственностью» только-только отметил четвертый год своей жизни, хоть как-то может меня утешить — время есть! А что же будет потом? Через год-два? Усвоит ли?

Однажды Олег приходит с двумя нашими сыновьями — Игорем и Ярославом, в гости к своему другу, который пригласил его на новоселье. Я лежала в больнице, Алька был у бабушки... Приходят, и через полчаса «под шумок» мальчики устраивают маленький «костерок» прямо на паркетном полу в сияющей чистотой и белизной чужой квартире! Все были в шоке! Легендарная доброта Аркадия, друга Олега, и невероятное, просто жуткое смущение моего мужа, которого Аркадий бесконечно уважал, помогли как-то сгладить инцидент. К тому же гости спохватились вовремя, учуяв запах. Это явно спасло и паркет, и праздник, а возможно, и квартиру...

Я хорошо помню состояние мужа и его бесконечное множество раз повторенные вопросы: «Неужели так трудно понять, что ты в чужом доме? Что костер и паркет, квартира и костер — понятия абсолютно несовместимые? Откуда, ну откуда в этих милых детях такое жуткое варварство?»

Оказывается, дети, буквально накануне, собрав на дворе фильтры от окурков сигарет и поджегши их, увидели, что они плавятся, образуя бесформенную массу. Когда ребята пришли в гости, то увидели на балконе кучу окурков с такими же фильтрами и, недолго думая (по мне, так не думая вообще!), сложили их и подожгли, захотев немедленно, сию минуту понаблюдать, как они... плавятся.

Эта «дикая непосредственность» детей способна вывести из себя. Позвонив мне в больницу, уже остыв от пережитого отчаяния и позора, папа Олег, наверное, изо всех сил пытаюсь найти в действиях детей хоть какой-то «человеческий мотив» и «элементарное присутствие разума», сказал мне в трубку почти шепотом: «Ты знаешь, Танюша, наверное, у обоих наших пацанчиков в тот момент буквально «попер» напролом исследовательский дух! Им было страшно любопытно, почему эти чертовы фильтры при поджигании плавятся. А они действительно плавятся и растекаются! При этом огня нет! А вот когда человек курит, этого же не происходит!» Я мысленно покрутила пальцем у виска, мол, тоже мне, нашел «пытливых исследователей»...

Я видела многих детей с прочными навыками воспитанности и за-

видовала их родителям. «Дети рождаются с разными возможностями и способностями, — рассуждала я, — наверное, у них и разные возможности обучаемости! Учат не только читать и писать, но и вести себя. Наверное, труднее научиться вести себя в обществе, чем научиться решать задачки и даже петь или рисовать!»

Муж слушал мои доморощенные разглагольствования, когда я, вернувшись домой, участвовала в «разборе полетов». Согласно кивал... Тогда же я поняла, что, двигаясь по своему родительскому пути, мы ступили на «минное поле» общественного внимания. Наш выход с детьми в кафе, в парк, в гости мог быть чреват их ошибками. То они не поделят игрушку и подерутся. То слишком громко засмеются. То начнут бегать там, где все спокойно сидят, смотрят и слушают. Иногда их ошибки бывают настолько же смешными, насколько и нелепыми, но почти всегда они сообщают окружающим людям о нашей родительской... беспомощности.

...В кинотеатре «Пионер» папа Олег частенько читал лекции перед демонстрацией фильмов. Администрация очень ценила его за сговорчивость и умение «держат аудиторию». Одно время очень в кинотеатрах модно было устраивать нечто похожее на шоу. Приглашались заезжие артисты, участники съемок фильма, режиссеры или сценаристы. Олег вел эти встречи умело и эмоционально.

Фойе кинотеатра оформлено было «под тропики». Высокая пальма почти упиралась в потолок, у ее корней струился крохотный водопад. Вода стекала в миниатюрный пруд, где важно плавали толстые золотистые карпы. По неведомым мне причинам зрители, в ожидании очередного сеанса, наблюдая за медленными виражами красных, белых и черных рыбин, бросали в пруд монетки.

Как-то Олег выступал в этом кинотеатре с лекцией и решил взять с собой Игоря и Альку, которому было уже чуть больше восьми. В тот день ребята из Алькиного класса тоже были в кинотеатре. Наши мальчики и одноклассники Альки на лекцию нашего папы особо не спешили. Когда она закончилась, папа вышел в фойе, чтобы посмотреть, где сыновья и чем занимаются. То, что он увидел, парализовало его: Алька с братом, разувшись и закатав штанины, бродили по водной глади прудика, собирая со дна мелочь. Вокруг толпились ребята, показывая пальцами на кучки монет, которые «по невнимательности» обошли наши мальчики. Директор кинотеатра — молодая женщина с очень веселым нравом, расхохоталась, увидев наших сыновей — «таких удивительно непосредственных!», — и стала успокаивать разволновавшегося папу Олега, мол, все мы люди, соблазн слишком велик, тем более для детей.

Назавтра эта история стала известна в классах у старшего и младшего сыновей. Одни Алькины сверстники спрашивали, мол, сколько удалось

насобирать? Другие откровенно смеялись. К нему приклеилось прозвище «Золотоискатель». У Игоря в классе об этом случае почти не говорили. Посмеялись и забыли уже на следующий день.

Конечно же, у Альки на все случившееся было собственное мнение: «Мама! Эти деньги люди бросают в воду! Значит, они им не нужны? А мне эти деньги пригодятся. Игорю тоже!» Сраженная такой логикой, я онемела. Мой аргумент: «Ты пришел в кинотеатр, в общественное место! Сотни ребят спокойно смотрят на эту мелочь и не зряются на нее, и только ты с Игорем, понимаешь? Только ты! А за тобой и младший брат полезли в воду собирать монеты!» Конечно, мой аргумент не возымел действия. Алька вздохнул и тихо сказал: «Это — деньги! На них можно много чего купить, а люди бросают их в воду. Там даже есть железные рубли!»

Папе пришлось постараться разрушить иллюзии сына насчет бесхозности денег. Он снова пришел с Алькой в кинотеатр. Игоря не взял, рассчитывая, что старший брат потом все ему растолкует. Зашли в кабинет директора. Конечно, предварительно Олег с ней договорился о встрече и теме разговора. Эта милая женщина сказала Альке, что деньги они раз в месяц собирают и покупают на них корм рыбкам, лекарства для них. «Рыбки по разным причинам болеют, и мы должны следить за их здоровьем, а иногда денег хватает и на то, чтобы купить еще несколько таких золотистых красавцев».

Оказалось, что, собирая эти «бесхозные копейки», Алька с Игорем брали то, что принадлежит кинотеатру, администрации, озабоченной содержанием прудика и живности в нем! Открывшаяся истина старшего сына озадачила. Оказывается, логика той ситуации, которую он создал, была ему просто недоступна! Но произошло это в его восемь лет! Я думаю, что даже у семилетнего Игоря уже было достаточно «социальных рефлексов», как выразился наш папа, чтобы понять: в такой ситуации надо вести себя иначе! Но сработал стереотип: старший брат делает, значит, и мне можно. Ну и, конечно, «тепились» надежда, что и ему что-то перепадет из этого «клондайка»...

Поразмыслив, мы с Олегом пришли к мысли, что дело все-таки не в «культурном ресурсе возраста», как выражался социолог Юрганов, а в обыкновенном нежелании противостоять злополучной «хотячке»! В неумении мальчишки заставить себя остановиться!

Конечно, такие срывы с «морального поводка» у наших детей бывали нечасто. Но когда они все-таки происходили, это был удар по нашему родительскому престижу. Удар ниже пояса

Наша ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ «международные контакты»

...Однажды наш неугомонный «капитан первого ранга» сказал: «Слишком тесен наш мир. Надо открыть границы для дружественных государств». Мы ничего не поняли, а папа продолжал: «Ну-ка, дети, скажите, кто видел живого африканца на расстоянии вытянутой руки?» Все молчали. Наверняка ни у кого такого опыта не было. Ярик спросил: «А кто такие африканцы?» Алик сурово сдвинул брови: «Ты что, на улице негра не видел?»

Я чувствовала, что папа приготовил очередной сюрприз. «К нам в гости придет африканец! Его имя — Аду Бансе». Я сразу вспомнила очаровательного чернокожего студента политехнического института, с которым мы случайно познакомились в кафе «Березка». Периодически встречаясь, мы здоровались, обменивались ничего не значащими фразами и расходились. Но, оказывается, Олег сблизился с ним. Они уже накоротке общались, и муж знал даже некоторые подробности его биографии.

Бансе — мусульманин, живет в Буркина Фасо, бывшая Верхняя Вольта и бывшая колония Франции. Сын состоятельных родителей, Аду был отправлен в Париж учиться на дипломата. Окончив там дипломатический колледж, он решил получить техническое образование и приехал учиться в Минск в политехнический институт. Мы общались нечасто, но однажды все там же, в кафе «Березка», где мы решили с Олегом пообедать, он познакомил нас с очаровательной девушкой Наташей, представив ее своей невестой. А вскоре у Бансе с Натали состоялась свадьба, на которой мы с мужем были дорогими гостями. Через год после свадьбы Наташа позвонила нам из Парижа и вкратце рассказала, что живут они хорошо, родился мальчик, которого она назвала Илюшей. Кстати, призналась, что дала это имя потому, что, увидев однажды старшего сына Олега, она была очарована его глазами и мечтала иметь такого же мальчишку. Все получилось, как хотела, только ее Илюшка был шоколадным, а наш просто смуглым.

...Но вернусь к папиному «сюрпризу». Альке было шесть, Игорю пять, Ярику три с хвостиком. Папа сказал мне, что хотел бы пообщаться с Аду сначала наедине, без детей, чтобы адаптировать его к нам, к дому, где он никогда не бывал. Аду тогда лишь вскользь упомянул Олегу о Наташе и собирался прийти в наш дом один. Мы с папой решили отправить детей к «бабине», но, прознав (наверняка малышня подслушала наш разговор!), что к нам придет «настоящий африканец», мальчики ни в какую не хотели уходить из дому. Пришлось их оставить.

Но все вышло не так, как мы планировали. Аду все-таки пришел не один. Когда порог нашей квартиры переступила рослая, красивая девушка, наш гость просто сказал: «Это Натали», сделав характерное для французского языка ударение на последнем слоге. Дети пока оставались в своей комнате, где я уговорила их побыть, чтобы дать возможность гостям раздеться и привыкнуть к незнакомому дому. Алька обещал отвлечь младших братьев и, по-видимому, старался изо всех сил: малыши сидели в детской комнате и тихо играли, наверняка с нетерпением ожидая, когда же их позовут к гостям.

Аду и Натали прошли в гостиную, где я уже накрыла стол для чаепития с «Гондурасской» заваркой, и между нами завязался непринужденный разговор. Натали оказалась редкой умницей, с твердыми убеждениями и сильным характером. Брак с Аду стоил ей разрыва с родителями, скандала в минском пединституте, но она сделала свой выбор и не собиралась отступать. Очарование Аду было удивительным. Романтик, поэт, бесконечно добрый человек, он смотрел на мир своими темно-кариыми глазами и видел в нем только добро. Его не смущали препоны к браку с Натали, и, как мне показалось, он воспринимал их философски, как еще одно доказательство нерушимости их любви.

Наконец Олег сказал, что хочет познакомить гостей с нашими детьми, и очень этим сообщением обрадовал Аду. Озорной и длинный, как жердь, Бансе спрятался за книжный шкаф, приложив палец к большим пухлым губам. Ему захотелось стать для детей настоящим «сюрпризом». Ребята вошли в комнату, вежливо поздоровались с Наташей. Не заметив Аду, Алька спросил: «А где же этот... ну, африканец?» — «А вот и я!» — воскликнул Аду, сделав шаг своими длинными ногами от шкафа почти на середину комнаты. Алька и Ярик были в полном восторге. «Класс, — крикнул Ярик, — совсем черный, как сажа!»

С Игорем же случился конфуз. Когда он появился в гостиной и до него дошла очередь здороваться с Аду, малыш остолбенел и неотрывно смотрел на африканца своими голубыми глазами. Через секунду я заметила, как под его ножками медленно растекается лужица, а из штанишек резво бежит тоненькая струйка. Взрослые сделали вид, что ничего не заметили, даже Алька смолчал, хотя у него глаза чуть ли не на лоб полезли, когда он увидел, что с Игорем случилось.

Наташа взяла Ярика на руки и стала ему рассказывать что-то смешное, а я, быстро приведя Игоря в порядок, снова впустила в комнату. Аду взял и его на руки. Вскоре я заметила, что Игореша совсем успокоился, и услышала горячий шепот старшего сына у своего уха: «Мама! А почему она — Алька посмотрел на Наташу — без покрытия?» Я рассмеялась и не знала, что ответить. Но оказалось, что Аду услышал вопрос Альки.

— Я вам сейчас расскажу сказку про это, — он показал на свое черное

лицо, — и про это, — он раскрыл светлые ладони, мгновенно снял сандалии и показал светлые стопы. Алька устроился на полу у моих ног, Игорь сидел с Наташей, а Ярик на моих коленях. На следующий день я по памяти записала историю, рассказанную Аду.

Это было очень давно, когда в Африке еще не было людей, а был только один седой старик на небе («Это Бог, да?» — спросил Алька неожиданно и быстро. «Да, Бог», — согласно кивнул Аду). И были еще обезьяны, крокодилы, попугаи. И все они были разного цвета, а Бог хотел, чтобы люди в Африке отличались от всех других животных. Он стал создавать африканцев и тут же ставить их на четвереньки, чтобы его помощники красили людей черной краской. Это получалось потому, что Бог мог создавать только белых, так что сначала африканцы были белыми, но когда их покрасили в черный цвет, никто не заметил, что ступни ног и ладони, которыми они становились на землю, когда их красили, так и остались светлыми.

Осмелевший Игорь, удобно устроившийся на коленях Наташи, спросил: «А если бы заметили?» Аду рассмеялся громко, почти по-детски: «О! Тогда бы и эти места помощники Бога закрасили черной краской! Видишь, моя ладонь белая. Когда-то, пока нас еще не покрасили черной краской помощники Бога, мои предки и я тоже были белыми и мы с тобой братья!»

Наш гость оказался человеком не только добрым, но и на редкость веселым, жизнерадостным и общительным. Уже через полчаса дети облепили его со всех сторон и утащили в детскую комнату. Он играл с ними самозабвенно! Устроившись прямо на полу, разглядывая игрушки, разговаривая, даже споря о чем-то, он был похож на большого ребенка!

Потом игры приобрели очень «оживленный» характер. Дети во главе с длинноногим африканцем носились мимо нас, а затем решили гостя из Африки «оседлать». Ярик, Игорь и даже Алька, который громко кричал: «Вперед, моя африканская жирафа!», по очереди катались на его спине, уговорив двигаться на четвереньках, или на плечах, почти касаясь своими макушками нашего потолка.

Сначала я была немного сконфужена такой бесцеремонностью детей, но Наташа меня успокоила: «Представь — он первый сын третьей жены. Первая родила троих, вторая двоих. Он привык к большой семье и здесь очень без них скучает. Так что не лишай его радости побеситься с твоими ребятами». Оказывается, у них «там», в Буркина Фасо, — многоженство... Ну что ж, как говорит мой Олег: «У Бога всего много!»

Гости ушли... Мы решили найти на большой карте мира, что висела у нас на стене в детской, государство, где родился Аду. Оно оказалось удивительно крохотным. «Как ноготь моего мизинца», — с удивлением воскликнул Алюня. Папа принес книгу, которая называлась «Верхняя Вольта» и стояла на полке в нашей библиотеке. Папа тут же кое-что прочитал нам,

показал фотографии. Выяснилось, на одной фотографии был изображен трехэтажный дом, который, как рассказал нам Аду, когда мы показали ему книгу, принадлежал их соседу и стоял буквально в двух шагах от дома, где родился сам Аду.

...Веселый чернокожий месье Бансе приходил к нам теперь очень часто. Рассказывал африканские сказки, легенды и пел песни своего народа. Он даже стал учить нас африканским танцам! Дети были в восторге, и каждый приход африканского гостя к нам был для них праздником. В нашем семейном альбоме сохранилась фотография: по обе стороны от Аду у праздничного стола, накрытого в честь дня рождения нашего гостя, сидят мои родители.

Однажды мы узнали от Натали, что Аду мечтал отметить свой день рождения в семейной обстановке, а не в студенческом общежитии. Ему хотелось домашней кухни, семейного тепла и, главное, — щебета детских голосов. Мои родители, прознав от меня о предстоящем торжестве, совсем неожиданно для нас согласились принять гостя в своей «резиденции». Праздник удался на славу! Было содружество кухонь. Аду восхитили блюда абхазской кухни, а моя мать нахваливала самого героя дня за блюдо, приготовленное по африканскому рецепту. А Натали особенно понравилось то, что приготовил наш кулинар папа Олег.

На бракосочетании Аду и Натали мы с Олегом были свидетелями. На этом «международном мероприятии» мой муж произнес речь. Я записала ее в своей «Амбарной книге»:

Дорогой Аду! Наш великий русский поэт Александр Пушкин имел африканские корни. Вот уже несколько столетий мы чтим память великого поэта России, патриарха русской литературы! Давайте же выпьем за то, чтобы дети Аду и Натали Бансе... Хотя бы один! — прославили русскую нацию, как сделал это славный потомок африканца — Александр Пушкин! Но даже если этого не произойдет, пусть славен будет ваш жизненный путь, судьбы ваших детей, ваш брак, который начался здесь и сейчас, в стольном граде Минске!

...Когда Аду и Натали уехали в Париж, наши дети были очень огорчены. Длинный веселый африканец, с глазами ребенка и нравом лукавого озорника, покориł наших мальчиков. Молодые прибыли в столицу Буркина Фасо Уагадугу — и вскоре мы получили открытку от Аду. «Все в порядке, — писал он, — скоро у меня родится сын! Целую всех и особенно мальчиков. Люблю вас. Аду». Но в Африке супруги Бансе не задержались, уже через полгода обосновавшись в Париже всерьез и надолго. Вскоре мы получили из Парижа открытку, написанную Аду на русском языке. «Большой привет из Парижа от вашего Аду, железного, надежного друга, то есть брата, который в данный момент, несмотря на сумасшедшее расстояние, — с вами и всегда

будет с вами на завтрак, обед и ужин... Все пока нормально у меня. Жду Наташу, умираю от тоски и скоро ее увижу. Желаю здоровья, до скорого свидания. Аду». Смотрим на открытку. Видим Эйфелеву башню. Дети стали просить папу рассказать про нее...

Примерно два года длилась наша дружба с Аду. Перед самым своим отъездом из Белоруссии наш друг привел к нам в гости юношу и девушку: «Знакомьтесь — это супруги, Вольф и Вера! Они учатся в Минске, а живут в Германии».

Они оказались удивительно деликатными и сдержанными людьми. Вольф любил русскую литературу, читал наизусть главы из «Руслана и Людмилы». Вера пела своим нежным, красивым голоском немецкие детские песенки, чем приводила наших мальчиков в восторг.

Может быть, и мне следовало научиться пению, готовясь стать матерью? Я с завистью слушала Веру и смотрела на своих детей, которые, улегшись в свои кровати, слушали, как мягко и тепло убаюкивает их своим пением очень молодая немецкая женщина. Едва она умолкала, как дети с мольбой в голосе упрашивали: «Спой еще! Ну пожалуйста! А, тетя Вера!» И Вера пела, а мы с Олегом сокрушенно качали головами — нельзя же нашу гостью превращать... в няню!

Случился с Алькой конфуз. Входит он в гостиную, потирая затылок и ругается: «Дурак ненормальный!» Вслед за ним осторожно входит Игорь, красный, возбужденный. Спрашиваю, что случилось. Оказалось, что Алька назвал Вольфа — «фашистом». Игорь, который уже второй год ходит в школу, услышав, как старший брат назвал таким ужасным словом друга нашей семьи, с возмущением закричал: «Сам фашист!» — и, взяв пластмассовую битку из детского комплекта игры в крокет, ударил Альку по затылку.

Кто знает? Может, у Алюни, в его восемь с «хвостиком» лет, начался очередной переходный возраст? Он со странным упрямством и агрессивностью бубнил: «Он же немец! Значит, мог быть фашистом!» За этим словом, сопровождаемым странными и бурными эмоциями, не было ни грамма понимания сути, хотя, повторю, шел ему уже девятый год, а в нашей семье о войне, фашистах говорилось немало. Казалось бы, папа все основательно разъяснил, но...

Мы-то, взрослые, едва услышим эти слова, мгновенно «включаем» верные ассоциации. Но дети не обладают опытом глубокого понимания сути, которая скрыта за свастикой, понятиями «фашист», «оккупант», «Великая Отечественная...»

Пятилетний Ярослав изрисовал лист свастикой. Игорь нарисовал крест, причем явно где-то виденный, как орденский символ немецкой армии. Документальных книг о войне в папиной библиотеке — сотни, детям не возбраняется

брать любые, рассматривать их, читать, если есть желание и силенки. Игорь мог срисовать и оттуда... Значит, надо в очередной раз «свистать всех наверх», чтобы снова и снова объяснять суть слов и этих мрачных символов.

— Почему ты ударил Альку? — спросила я у Игорешки.

— За то, что он мужа Веры Вольфа обозвал фашистом!

— А что такое «фашист», ты знаешь?

— Это — плохие люди...

— А что они делали, за что их ненавидят? — этот вопрос папа задал Алюне. Тот понуро молчал...

— Они воевали против нас и сжигали людей в печках! — как всегда, громко и решительно произнес Ярик.

— Так... — согласился папа с Яриком и снова спросил Алика, который наверняка знал то, о чем сказал сейчас самый младший брат, но продолжал понуро молчать. — Я только не понимаю, Алюня, при чем тут Вольф?

— Так у него же отец есть? — встрепенулся Алька, как будто вспомнив решающий аргумент в свою защиту. — Когда война была, отец Вольфа воевал против нас, значит, был фашистом.

— Ты не отца назвал фашистом, — воскликнул Игорь, — ты самого Вольфа так обозвал, понял?

— Ладно, ладно! — примирительно сказал папа и снова обратился к старшему сыну: — Ты пойми, что далеко не все немцы были с Гитлером согласны, и не все были в нацистской партии, и не все были фашистами, как гестаповцы, которые и в европейских странах, и у нас, в Белоруссии, сжигали евреев, цыган, белорусов, русских... Мы были в Хатыни, видели, что эти фашисты творили... Мы читали книги про войну, и ты, Алик, должен знать, что нельзя всех немцев винить в том, что произошло в их стране почти тридцать с лишним лет назад. У Вольфа папа работал в типографии. Он был печатником. Открыто на митингах типографских рабочих в Дрездене (семья Вольфа из Дрездена) выступал против прихода Гитлера к власти, и этого гестапо ему не простило!

— А кто такой «гестапо»? — неожиданно спросил Ярик.

— Тайная полиция, не знаешь, что ли? — это Алик разъяснил Ярику.

— Они всех хороших немцев убивали... — вставил Игорь и снова стал слушать папу.

— Папа Вольфа был отправлен в концлагерь как враг немецкого фашистского государства, и его могли расстрелять в любой момент!

Игорь, выслушав папу, стал требовать, чтобы Алька извинился перед Вольфом, а тот сконфуженно отбивался: «Я же не сказал ему, правда?» В общем, решили, что теперь все ясно и Альке просто надо думать, прежде чем разбрасываться словами.

Вытащил папа из кармана рубашки два рисунка: Ярикины маленькие

свастики и крест, нарисованный Игорем. Увидев рисунок, сделанный его руками, Игорь страшно покраснел, ожидая, что сейчас папа будет его ругать. Ярик был спокоен, а старший брат с любопытством поглядывал: что теперь будет?

Папа спросил, кого напоминает свастика. Дети, не раздумывая, закричали: «Паук! Это как паук, правда?» Ярик тут же схватил лист, который папа, развернув, положил на стол. Младший сын старательно порвал его на мелкие кусочки и выбросил в мусорную корзину, стоявшую у папы под столом. «Вот так, — одобрил его папа, — нечего тиражировать символы, за которыми стоят кровь и зло, смерть и пламя печей концентрационных лагерей». Игорь ждал своей очереди, затаив дыхание. Папа посмотрел на него очень доброжелательно. «Такой крест давали как награду отличившимся фашистам. А как они могли отличиться, чтобы получить этот крест?» — спросил папа и умолк.

Молчали все. Алька, получив шанс реабилитироваться, тут же им воспользовался: «На фронте, если убил наших солдат много, на нашей земле, в тылу, против партизан, если их много убил немецкий солдат, офицер или уничтожил людей из деревень и городов, где фашисты были!» Папа кивнул. «Не надо и этот знак рисовать, тратить на него силы. Забудь, выбрось, Игорек!» Тот быстро кивнул и тоже порвал в мелкие клочки свой рисунок.

...Было заметно, что с Вольфом, когда тот снова пришел к нам в гости, Альке, после того нелегкого разговора, общаться было нелегко. Мы ужасно боялись, что Ярик проболтается дяде Вольфу о том конфузе, который произошел с Аликом. Но он оказался молодцом и сдержался. Постепенно инцидент забылся. А тут к нам в дом пришла новая гостья, Кристина, родная сестра Вольфа, приехавшая к брату на каникулы. Очень милая девушка, студентка университета из города Йена. Русский она знает неважно, но если с ней разговаривать медленно, все понимает.

Ярик, увидев гостью, всех рассмешил: «Ты в Минске прямо из Берлина, да?»

— Да, — отвечает Кристина.

— А там снег, как у нас? — не унимался малыш.

— Да, как у вас, — смеялась Кристина.

Вмешался Игорь и спросил:

— А ты наш снег пробовала?

— Я не пробовала, но, наверное, он у нас и у вас такой же на вкус, а?

Кристине было лет восемнадцать, и она была полной противоположностью Вольфу — живая, непосредственная, сразу нашла общий язык с ребятами. Они затащили ее в свою комнату, и оттуда неслись смех и обычный ребячий щебет...

...Пространство и время для наших детей были конкретными. Стоит встретить человека, который приехал не просто из другого города нашей

страны, а «оттуда!», как на язык «просится» вопрос: «Ну как у вас там?» И дети спрашивают почти так же: «Ты прямо из Берлина?» или «А снег у вас такой же на вкус, как у нас?»

...Домой, в Германию, Вольфа и Веру провожали всем нашим «колхозом». Дети кричали по-русски: «До свидания!» и даже по-немецки: «Ауфвидерзеен!» Потом были письма, поздравительные открытки, но... переписка так и не наладилась. Однако мы были очень рады этой дружбе, которая принесла нам и нашим мальчикам много радостных минут и серьезных раздумий.

Спасибо, Вольф и Вера! Где вы там, в своем немецком далеке? Наверняка у вас уже есть дети, и пусть вы и ваши «киндеры» будут счастливы!..

...Однажды подходит ко мне Ира М., коллега по работе, милая женщина, добрая и чуткая. Разговорились мы, и она признается с грустью, что, став куратором у студентов с Кубы, никак не может придумать для них развлечение в свободное от учебы время. «Представляешь, Таня, — сокрушалась Ира, — ребята еще совсем плохо говорят по-русски, приехали ну может месяцев шесть назад, у них были разные кураторы, а теперь вот мне достались. Боятся в город выходить, думают, что выглядят смешно...»

Не задумываясь, я сказала Ире, что она может привести ребят к нам в гости. «Да ты что, — вскричала она, — у меня же их 13 человек! Это ж целая орава! Как я их на тебя повешу?» Я успокоила коллегу, тут же позвонила Олегу и моментально получила его «добро». Решили, что дня через три, как раз в субботу, часиков в семь, кубинские студенты могут прийти к нам в гости на знаменитые папины блины и чаепитие.

Дети, узнав, что придут кубинцы, стали спрашивать, «...кто это такие?» Пришлось объяснить, что есть такая страна Куба, что там была революция, что у них вождь Фидель Кастро — с бородой и большой сигарой в зубах... Дети ошалели от полусерьезной информации папы. Потом он дал им большой альбом «Куба», и Алька, рассматривая фотографии и читая надписи, важно комментировал: «Это — Гавана. Столица Кубы. А вот и Фидель Кастро... Видите, какой вождь бородатый, правда, чего-то сигареты нет...» Игорь посмотрел на групповую фотографию, на которой был изображен Че Гевара в берете, и сказал: «У нашего папы тоже такая есть беретка, правда?» Тут же сбегал в коридор, с помощью длинного зонтика, стоявшего в углу, достал папин берет и натянул его себе на голову...

...Чем угощать гостей, обсуждали всем семейством. После небольших споров решили, что действительно ничего лучше папиных блинов и придумать невозможно. Но папа сказал, что кубинцы наверняка любят выпить, все-таки «за встречу» положено, верно? Я не очень понимала, как вино сочетается с блинами, но папа убедил, что это будет очень слабый «Рислинг»: «Танечка, мы «приложимся» чисто символически!» Ну что ж, если спец по этикету говорит,

значит, можно и легкий «Рислинг» сочетать с блинами...

...Гости пришли действительно «гуртом». Смущенные, немного скованные, они протиснулись в нашу гостиную и ошарашенно рассматривали накрытый стол. По-русски они действительно говорили неважно, но Ирина, неплохо знавшая испанский, очень нам помогла. Расселись. Папа встал, попросил гостей взять бокалы и обратился к ним с такими словами: *«Вы — наши гости и пришли вы к друзьям. Вот почему я хочу, чтобы вы сейчас подняли бокалы с этим вином и выпили за процветание вашей родной Кубы, за здоровье вашего Фиделя Кастро, за счастье ваших детей, — папа обвел взглядом совсем юные лица и сказал весело, — ну когда-нибудь вы нарождаете своей Кубе детей, верно?»* Ира перевела — и тут же раздался громкий хохот гостей. Папа закончил свой тост: *«Вива, Куба, Вива, Фидель!»*

Ярику страшно понравилось, что молодые люди так дружно отреагировали на слова папы, и он заорал: «Да здравствует ура!» Ира перевела этот вопль, и студенты громко загалдели, глядя на Ярика влюбленными глазами. Его подняли и начали передавать из рук в руки, что-то говорить по-испански, он кивал и с нескрываемым недоумением спрашивал: «Ты чего говоришь, а? Ну ты что, по-русски не можешь сказать?»

Блины были встречены с восторгом! Оказывается, никто из кубинцев не слышал о такой еде, и папе приходилось бегать на кухню за новыми порциями. Хорошо хоть заранее развел тесто и на четырех сковородах жарил.

Лиц было так много, что я могу и перепутать, вспоминая, кто есть кто. Но одну девушку с черными волосами, светлой кожей и румянцем во всю щеку помню хорошо. Звали ее Роза, она сидела почти в середине ряда и частенько брала на руки Ярослава. Если тому надоедало сидеть на коленках Розы, туда моментально взбирался Игорь, и Роза радостно встречала его желание «поболтать» с ней. Игореша всегда улыбался и старательно кивал, о чем бы Роза его ни спрашивала...

Неподалеку от Розы сидел худощавый парнишка с немного грустными глазами и аккуратно подстриженными усами. Я обратила внимание, что внешне он очень похож на Хосе Марти — героя кубинского освободительного движения. Алька тоже это сходство заметил, незаметно взял с полки альбом «Куба», раскрыл на странице, где была фотография Хосе Марти, и подал юноше. Тот, увидев фотографию, радостно закивал, а когда Алька пальцем показал сначала на фотографию, а затем на лицо парня, тот смущенно покраснел и что-то сказал. Ира перевела: «Санчес говорит, что он так не считает. Просто на Кубе много таких лиц». Нашего папу такая скромность просто покорила, и он потребовал, чтобы Ирина обязательно сфотографировала его с Санчесом.

Где-то на далекой Кубе в альбоме, возможно, до сих пор хранится фотография с этой «парочкой» — наш папа и Санчес с папиным блином в руках.

Конечно, наши дети внесли в атмосферу общения с кубинцами стихию ребячьего буйства. Ярик, удобно устроившись на руках у Розы, читал ей стишки, а она, таская его по коридору в гостиную и детскую, пела на испанском задорные песенки. Потом стала учить его кубинскому танцу румба и очень обрадовалась, когда к ним решили присоединиться Игорь и Алик. Несколько студентов образовали импровизированный «оркестр». В ход пошли детский барабан, дудка, невесть откуда появившаяся в руках высокого парня-кубинца с пышной шевелюрой. Потом кто-то из гостей взял на кухне кастрюлю — это уж наверняка постарался наш папа — и отчаянно забарабанил по дну этого кухонного «там-тама». Появились и железные ложки, которыми кубинцы по очереди отбивали ритм по пустой бутылке от выпитого «Рислинга».

Потом ребята-кубинцы стояли у большой карты на стене в детской комнате и показывали маленькую змейку — Кубу, «плавающую» в синих просторах Карибского моря и Тихого океана. Алька куда-то исчез, и я даже забеспокоилась. Оказывается, он, по просьбе папы, сходил к соседям за гитарой. Свою он отдал однокласснику, как только понял, что учиться в музыкальной школе не будет. И вот, хлопнув дверью, сын ворвался в комнату и закричал: «Есть гитара! Кто первый будет петь?»

Кубинцы, увидев гитару, дружно загалдели, и она пошла гулять по рукам, пока не попала в руки изящного парнишки, рядом с которым тут же устроилась Роза. Все притихли. Настроив инструмент, парень запел мягким баритоном какую-то протяжную и очень мелодичную песню, а Роза обнаружила густой, сочный голос с такими переливами, что можно было предположить: у нее явный талант певицы. Потом она сказала со смехом: «Моя мама была певицей в кабаре, я получила в наследство голос, но хочу стать врачом, так что петь буду только своим пациентам!» Гости пели еще какие-то задорные песни, очень ритмичные и дружно подхватываемые всем «кагалом». «Учили» припеву на испанском Альку, Игоря и Ярика.

...Ира еще не очень хорошо помнила биографии своих подопечных, но о некоторых тихонько мне рассказала. Отец Розы погиб в заливе Кочинос, когда американцы вторглись туда, чтобы свергнуть Кастро. Юноша, похожий на Хосе Марти, — сирота, он даже не знает, кто его родители. А вот Диас, парень, который пел и мастерски играл на гитаре, успел даже повоевать во время вооруженного выступления Фиделя Кастро. Правда, был он тогда совсем мальчишкой, но все равно метка осталась. «Видишь, кусочек уха оторван? — шептала Ира. — Это след пули».

Разошлись наши гости далеко за полночь. Конечно, мы устали, но еще долго вспоминали подробности этого удивительного вечера. Ира звонила, подходила ко мне на работе: «Ой, Таня! Кубинцы в диком восторге от вечера, а блины вспоминают каждый день! В твоих детей все просто влюблены!

Все было здорово, спасибо!»

Еще одна «международная встреча» случилась под крышей нашего дома. ...Однажды позвонила Наташа, подруга моей школьной юности, и сказала: «Танька, нужна твоя помощь! Представь, я и Володька (это друг Наташи) познакомились с американцем Майклом, который приехал в Минск всего на несколько дней. Он — художник-мультипликатор, представляешь?»

Я слушала подругу и никак не могла понять, чем я могу помочь и при чем тут «мультипликатор из Америки»? Между тем подруга мне быстро все разъяснила: «Ты же у нас лучше всех говоришь по-английски, помоги нам с переводом, мы к семи часам хотим к тебе в гости с Майклом прийти. Ну как?!» Я не считала, что «говорю по-английски», тем более, американец наверняка объясняется на американском английском и мне, наверное, придется долго соображать, о чем это он высказался, когда начнем пытаться объясняться друг с другом. Но тут меня осенило! Надо соглашаться помочь, потому что дети познакомятся с настоящим, «живым» американцем! На дворе 1980 год, в Минске иностранные туристы — не редкость, но чтобы так, запросто, принять в нашем доме американца... Не-е-ет, такой шанс упускать нельзя!

Быстро согласившись, принялась наводить лоск в квартире, благо на работу в тот день не надо было, а дети играют во дворе.

...За час до встречи в нашем «международном клубе» пришел папа Олег и сразу встал к плите. К семи стол был накрыт для грандиозного чаепития. Младшие, уже зная о приходе в гости американского художника, то и дело нетерпеливо подбегали к входным дверям, прислушиваясь к каждому звуку на лестничной площадке.

Альке — 9 лет, он учится уже в третьем классе той же английской школы, где когда-то училась и я. Английский учит, но разговорной практики у него, конечно же, нет. У Игоря тем более, хотя он учится в той же школе. Папа серьезно сказал детям, что уж поздороваться и сказать хотя бы два-три вежливых английских слова типа «Thank you!» и «Please» старшие мальчики произнести могут, готовясь к «международной встрече». «Тренируйтесь!» — приказал «капитан первого ранга».

Я накрывала стол в гостиной и слышала, как в детской комнате гремит звонкий Ярикин голос, произносящий заморское «Хело-о-о!» Алик выговаривал английское «please» очень вкрадчиво и мягко. Казалось, он действительно всей душой благодарен невидимому собеседнику за какую-то услугу. Игорь что-то бормотал, то и дело подбегая ко мне за консультацией: «Мама, я правильно говорю «тенкью»?». Улавливая в произношении сына какие-то китайские нотки, я поспешно поправляла его и отправляла в детскую. До прихода гостей оставалось минут пятнадцать...

К тому времени я уже сравнительно легко сдала на «отлично» кан-

дидатский экзамен по английскому. Но знание языка у меня было скорее академическим, чем разговорным. Да, я могу читать на английском книгу или известную всем студентам нашей страны, изучавшим английский язык, газету «Moscow News», но я не знала, будет ли это достаточно для непосредственного общения с нашим гостем из Америки. ...Ярик, стоявший «на стреме» у входной двери, первым услышал какие-то голоса на лестничной площадке. Он был уверен, что «американцы идут!», и, распахнув дверь, выскочил на площадку и заорал: «Хелло-о-о!» Однако он ошибся. По лестнице поднимались наши соседи Р., которые, в первый момент остолбенев от звонкого приветствия малыша на английском, рассмеялись и ответили четырехлетнему Ярику тоже по-английски: «Хелло!» Малыш удивленно вытаращил глаза и спросил очень искренне: «А вы тоже знаете американский язык?»

...Гости пришли с опозданием. Буднично прозвенел звонок, так же буднично я подошла к двери и, распахнув ее, увидела на пороге Наташу, Володю и молодого человека в длинном черном кожаном пальто.

Гости переступили порог, и мы без церемоний поприветствовали друг друга. Едва Майкл снял пальто и стал устраивать его на вешалке, в коридор, как всегда, шумно вбежал Ярик и, забыв о приличиях и обязанности сказать «Здравствуйте!», возмущенно спросил тетю Наташу, которая уже прошла к дверям гостиной: «Где же этот американец, который мультики рисует?» Та показала на гостя. Майкл немного замешкался с пальто, смущенно показывая на оборванную вешалку. Володя стал ему помогать, а Ярик, наконец, приметив новое лицо и услышав слова на незнакомом языке, восторженно заорал: «Вот он!» и так же громко приветствовал гостя: «Хел-о-о-о!» Шумного малыша гости весело приветствовали. Из кухни вышел папа, за ним из детской выглянули любопытные мордашки Альки и Игоря.

Майкл был высоким молодым человеком лет 30–35, с очень приятным круглым лицом. Почти перегнувшись перед Яриком, он протянул ему свою ладонь и сказал мягким баритоном: «Hi, Baby! How are you?» Ярик оторопело посмотрел на меня и сказал обиженно: «Мама! А ты нам про эти слова не говорила!» Все снова рассмеялись, и мне сразу пришлось приступить к своим обязанностям переводчика.

В гостиной старшие дети по очереди подошли и представились гостю. Он старательно повторял имена мальчиков, причем особенно трудно ему давалось имя Ярослав. Я сказала, что можно звать короче: «Ярик», но и этот вариант не показался Майклу легким для произношения. Наташа предложила: «Пусть на этот вечер твой Ярослав побудет для Майкла просто Славой!» Малыш обиделся: «Никакой я не Слава, а Ярик!»

За чаем и блинами завязался общий разговор. Наталья сразу сдалась: «Танька! Это ужасно, но я все прочно забыла, а ты совсем неплохо гово-

ришь. Помогай!»

Познакомились Наташа и Володя с Майклом на улице. Он в Минск попал случайно. После международного семинара художников-мультипликаторов в Москве гостей повезли в Киев и Минск к коллегам из республиканских студий по производству мультфильмов. Общение с коллегами в Минске длилось часа три-четыре, а до отъезда в Москву время — свободное. Вышел Майкл за порог гостиницы и почти сразу наткнулся на Володю с Наташей, о чем-то их спросил, так они и познакомились. Походили по городу, устали и вовремя вспомнили про наш дом.

Сидим, блины уплетаем, чай пьем и разговариваем. Мне удалось быстро адаптироваться, и разговаривала я без особых усилий. Даже сама удивлялась. Старший сын подходит ко мне и тихо спрашивает: «А ты прямо все-все ему по-английски говоришь, как тетя Наташа и дядя Володя рассказывают?» Киваю. Сын восхищенно смотрит на меня. Олег тихо сидел и слушал общие разговоры, иногда внимательно приглядываясь к Майклу. Разглядела его и я. Шатен, волосы курчавые, длинные. Лицо очень доброе, простое. Улыбка застенчивая. Руки с тонкими пальцами. Вдоль скул борода, собранная в короткий кудлатый кустарник на подбородке. Пухлые, почти детские губы...

Неожиданно случился смешной конфуз. Володя, о чем-то рассказывая, употребил слово «фраер». По инерции я слово это «пристегнула» к своему переводу для Майкла. Продолжая слушать и улыбаться, он неожиданно спросил: «Why is «friag»? От неожиданности я поперхнулась и сердито посмотрела на Володю. Он-то слово употребил в пренебрежительном смысле, как это делают подростки, а по-английски это слово означает — «монах»! Честно говоря, отвлеклась на секунду. Наташа не растерялась, тут же по-английски сообщила гостю, мол, это слово здесь является местным сленгом и означает «...важный человек». «Oh! This is very interesting!» — воскликнул Майкл, не заметив лукавого взгляда моей подруги и то, как Олег с Володей переглянулись.

...Рассказал Майкл и о себе. Родился в Денвере, столице штата Колорадо, в семье адвоката. Прожил там 19 лет, а потом уехал в Лос-Анджелес и поступил в колледж, в котором готовят художников кино и мультипликации. Ему очень понравилась профессия художника-мультипликатора, и теперь второй год работает в одной из мастерских Диснеевской киностудии.

Алька, услышав слова «Дисней», «киностудия», пробрался к Майклу, потребовал от меня: «Переводи, мама!» — и стал говорить, что очень любит Микки Мауса и хочет, чтобы... Тут сын замаялся. Оказалось, он не знал, как к американцу следует обращаться — «дядя» или просто по имени? Володя шутливо подсказал: «Зови его мистер Майкл Харрис!», однако гость, услышав в моем переводе о затруднениях Альки, запротестовал. «...Call me

Michael». Я перевела: «Зови меня просто Майкл». Алкуня кивнул: «Ну вот, я хочу, чтобы ты, Майкл, нарисовал мне, Игорю и Ярику, каждому... Микки Мауса, можно?»

Майкл весело рассмеялся, вынул из кармана пиджака фломастер, распахнул альбом, который принес предусмотрительный Алька, и руки гостя быстро замелькали над белым листом. Я немного расслабилась, взглянула на Олега, который героически боролся с усталостью. Всю прошедшую ночь он сидел над «халтурой»: печатал уже рассчитанные днем раньше статистические таблицы плана социального развития Минского станкостроительного завода, чтобы побыстрее получить очень нужные для нашего бюджета деньги.

...Володя пел, Майкл рисовал Микки Мауса, я и дети с восхищенным любопытством смотрели на волшебный фломастер американского мультипликатора. Наташа, стоя позади Майкла, едва сдерживала эмоции. И было отчего!

В облике каждого Микки Мауса угадывались физиономии наших детей. Сначала появился озорной мышонок с физиономией Альки. Майкл точно схватил его лукавые глаза, губы, овал лица, и вскоре сын с гордостью разглядывал принадлежавший ему рисунок с автографом автора.

Потом Майкл нарисовал второго Микки — Игоря, даже аккуратную челку нашего мальчишки не забыл. Но когда из-под фломастера стало появляться лицо Ярика, мы все дружно захлопали в ладоши! Этот Микки — Ярик был удачнее всех. В очень эластичных линиях и штрихах проступал характер нашего любопытного до ужаса малыша-непоседы!

Жаль, что рисунки пропали. Дети повезли их в Краснодар показать дедушке Боре и бабушке Зине и оставили папку с рисунками в купе вагона, забыв в суете встречи с краснодарской родней обо всем на свете, в том числе и о заветной папке, хранившей рисунки американского мультипликатора, сумевшего «породнить» моих малышей с любимцем детей всего мира — Микки Маусом...

...Володя запел «Мурку». Он мастерски исполнял эту «уголовную классику», и Майкл заметил мне на ухо: «Vladimir sings with such passion...» Наташа услышала и подхватила: «Yes! This is very famous Song for bandits and thieves...» — и засмеялась. Я замешкалась, но Володя остановил пение и весело заметил: «Таня! «Мурку» в Америке знают наверняка! В каждом русском ресторане поют хором!» Пришлось утолить любопытство гостя, и я объяснила Майклу: «Это песня про любовь вора, тоскующего о женщине по имени Мурка, которая его предала...» Майкл понимающе кивал, а его рука уже быстро набрасывала на листе альбома штрихи лица Володи, который продолжал петь. Это был очень точный шарж. Володя был изображен с прищуренными глазами, с огромным, страстно распахнутым

ртом, из которого вылетали английские буквы: «Murka!!!» Картинка пошла по рукам, и все весело смеялись.

...Засиделись мы допоздна. Дети стали прощаться с гостем, благодарили его за рисунки и тоже сделали ему подарок. У мальчиков с папой Олегом было увлечение — создание небольших миниатюр из жженных опилок. Техника выполнения была очень проста. Картон намазывался обычным канторским клеем, а на сырой поверхности острым гвоздем рисовался контур какого-нибудь изображения — дерева, домика, реки... Высыпав на сковородку опилки разного размера, поджаривая их до разной степени «палености», предварительно подготавливались разные оттенки. Самая сложная работа — сыпать опилки на сырой клей, делая картину по заранее нанесенным контурам. Эту сложную и ответственную работу дети поручали папе. Все остальное, включая закрепление верхнего слоя опилок лаком для волос (все мои баллоны с лаком пошли на картины!) и установку картины в рамку, делали Игорь с Аликом.

...Алик принес небольшую картину «Береза». Я рассказала Майклу, по какой «технологии» она изготавливалась. Он был в восторге, приговаривал: «Beautiful!», то есть прекрасно, великолепно!

...Картинку, подаренную гостю из Америки детьми, я аккуратно завернула, предварительно по просьбе Алика написав продиктованный сыном текст «дарственной»: «To Michael Harris from kids Mr. & Mrs. Yurganov — Alik, Igor, Yaroslav. Thanks for your Mickey Mouse. Minsk 12 November 1980».

...Мы открыли двери нашего дома людям, родившимся за пределами нашей страны. Они рассказали нам и нашим детям о себе. Пусть это общение было кратким, но каждая встреча помогала нашим сыновьям понять безмерность и разнообразие мира...

Школа? Школа! Школа... ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Когда Альке стукнуло семь лет и он стал школьником, где-то в самой глубине души я ему посочувствовала: детство у моего старшего кончилось!

Вопрос «Что такое школа?» для каждой семьи совсем не риторический. Шутка ли, придется нашим детям, да и нам, родителям, тоже, надолго запрячься в скрипучую «телегу», груженую уроками, книжками, ответственностью...

Свое отношение к школе мы, взрослые, формируем в зависимости от собственных впечатлений от прошлого опыта школьных своих лет. Кое-какие суждения о школьном времени есть в моем раннем дневнике. Придет время, и, может быть, у моих детей появится желание сравнить их со своими...

...Я иду по коридорам 64-й школы, где училась сама, держа за руку своего Альку. Встретила пожилого, уже почти совсем седого учителя. Он преподавал в нашем классе математику. «Здравствуйте, Танечка!..» Смотрит на Альку: «Сына привела... Молодец!» Об этом человеке у меня сохранились очень приятные воспоминания. С его именем не были связаны нудные классные собрания или беседы «на личную тему». Был он нормальным учителем и хорошо знал свой предмет, который (не хочу хвастаться, но так и было) я успешно усваивала именно потому, что в этом человеке талант педагога сочетался с талантом математика...

...Размышляя об интеллектуальном развитии своих детей, понимая неизбежность их вступления в «общественные институты», мы с Олегом предполагали, что подготовка к школе должна идти по двум направлениям. Самое первое — это выработка у сына навыков самоорганизации. Школа во многом — рутина, тренинг, муштра. Пошел в школу, значит, влился в систему организационных требований — обязательств, отношений, стандартов поведения, дисциплинарного контроля, поощрения и наказания. Едва переступив порог школы, ученик должен будет ко всему этому сразу же привыкать. Приходить на уроки без опозданий, с приготовленными домашними заданиями, аккуратно одетым. Сидеть в классе все сорок пять минут, не вставая и не бегая, а слушая учителя внимательно и терпеливо. Не отвлекаться на разговоры. Быть готовым весь урок реагировать на замечания или вопросы учителя.

Я не спорила с Олегом, когда он излагал мне свое видение школы. Да, это организационная система. Верно и то, что эта система очень болезненно относится к нарушению ее правил, порядка и отношений с персоналом,

установленных и оберегаемых дирекцией и учителями... Следовательно, рассуждал Олег, приучив сына к самоорганизации, самодисциплине, мы дадим ему шанс, как минимум, избегать конфликтов с этой системой.

Почему-то мне стало очень грустно и обидно за моего мальчика. Ну что такое семь лет? Еще совсем ребенок! Но выбора не было. Впрочем, первый опыт повиновения требованиям системы у сына уже есть. Это садик. Опаздывать — нельзя. Сидеть за столом и есть надо спокойно, аккуратно и по возможности быстро. Режим дня и занятия контролировались воспитательницей группы. Она инструктировала детей при работе с карандашами, фломастерами, клеем и бумагой. Детям надо слушать и выполнять, что им говорят, со старанием. И в саду пресекались нарушения дисциплины. Были наказания, жалобы родителям. Ну разве что атмосфера общения воспитателя с детьми была помягче...

Наш опыт постепенного, а главное, игрового приучения детей к обязанностям и ответственности, например, корабль «Павел Корчагин», дал возможность привить Альке к школе навыки хоть какой-то упорядоченности поведения.

Меня с Олегом друзья упрекали в «казарменном стиле» воспитания. Однако нелепо противостоять аргументам реальной жизни! От того факта, что в сутках 24 часа, никуда не деться. Равно как от того, что ребенок должен приходить в школу вовремя, сидеть на уроках выпавшимся, быть сытым первые два часа работы в классе, а не утолять голод, воровато жуя булочку, пряча ее под партой. Ребенок хочет после школы побегать, поиграть как можно подольше! Попробуй тут назидательно произнести над ним: «Делу — время, потехе — час!» Поймет ли? А уроки надо делать хорошо, чтобы не схлопотать нагоняй от учителя. На завтра нашему мальчишке надо пойти в школу в чистых костюме и рубашке. При этом он остается и братом, и сыном, то есть членом большой семьи, обязан помнить об этом постоянно. Должен выполнять свои домашние обязанности, откликаться на просьбы младших братьев поиграть с ними, даже позаниматься, потому что и ему теперь папа поручает учить элементарному счету младшего брата Игоря...

Что плохого в том, что уже в пять лет у наших детей появлялись обязанности по дому, свои рабочие места, личный ящик или шкафчик для вещей, свои тетради и книжки? Мы требовали от мальчиков держать в чистоте «подшефный» участок гостиной, детской комнаты. Помогали приобрести опыт личной гигиены, самообслуживания. Что плохого, если ребенок учится сам стирать свои трусики, носочки, чистить ботинки, туфли, следить за ногтями пальцев рук и ног? Мальчики поочередно дежурили на кухне: мыли посуду, полы, выносили мусор. Разве это плохо? А помогать мне по дому, ходить со мной или самостоятельно в магазины? Конечно, надо было ко всему этому приучать и требовать. Я, например, «за» такую «казарму»,

потому что убедилась: в доме, где царят порядок и чистота, соблюдаемые детьми, жить проще и комфортней. А чувствовать помощь сына, который вымоет после себя тарелку или накроет на стол, поможет тебе донести сумку из магазина, очень приятно. Я не говорю уже о том, что привычка к упорядочению жизни и быта пригодится детям в будущем.

Когда Альке минуло пять лет, папа разработал программу «домашней школы», в которую включил прежде всего навыки самоорганизации. У сына появилось свое рабочее место, персональная полка в шкафу. На стены повесили настоящую школьную доску и огромную географическую карту, а в детской стоял большой глобус. Были куплены тетради, букварь, карандаши, учебник математики для первого класса. И, напомним еще раз, началось все не с усвоения азбуки и счета, а с организации жизни старшего сына в доме, в семье. Главным папа определил выработку навыков, о которых я уже писала, — самостоятельности и ответственности. Это было предметом постоянных забот отца, потому что вслед за первенцем подрастали малыши, которых тоже надо было вовлекать в эту постоянную рутину порядка, дисциплины и самоконтроля на примере нашего старшего сына.

Результаты этих стараний папы обнадеживали: в шесть лет Алька, например, уже четко знал, когда надо вставать, что делать дома, как вести себя на улице, общаться со взрослыми, соблюдать элементарную вежливость и отвечать за свои ошибки. К концу шести лет он бойко читал, решал задачки, даже писал, хотя и печатными буквами.

Конечно, это не значило, что он постоянно следовал тем стандартам поведения, которые мы ему внушали. Были в его поведении «приливы» и «отливы». Случалось, что у меня просто руки опускались, когда в его поведении я видела такое «саморазрушение», что, казалось, передо мной не семи- или восьмилетний Алька, а малыш, тот же Ярик. Когда же старший сын показывал, как говорил папа, «чудеса взрослости», мы все ходили в праздничном настроении и гордились итогами своих усилий.

Наш опыт воспитания ответственности и самоконтроля показывал, что никогда не следует ждать от ребенка, у которого «растут года», прочности тех привычек, которые изо дня в день внушают ему родители. Мало того, что с возрастом в его организме и психике происходят изменения, бывает, что даже день-два гостевания у «бабини» могут разрушить у ребенка навык самоорганизации, «проросший» благодаря нашим длительным усилиям. Требования и контроль резко снижаются, когда дети или родители болеют. Отболеешь — и все зачастую надо начинать сначала, а ребенок с трудом возвращается в скучную и нудную рутину внушаемых родителями обязанностей.

Да, я слышала слова подруг, друзей, что мои дети «не видят детства», что «муштра губит детские души», что «самоконтроль превращает их в

роботов». Меня совсем не смущают эти замечания, потому что я на собственном опыте убеждалась в обратном.

Конечно же, дети отлынивали от обязанностей или делали то, что им поручалось, спустя рукава. Такое было, и не редко. Да, за это они наказывались. Провинившийся лишался просмотра любимой телепро-граммы, сокращалось время пребывания во дворе, вводилась внеочередная обязанность по кухне, ему отказывалось в любимом лакомстве, два-три дня не разрешалось приводить в дом друзей...

В итоге сын в школу шел с уже более или менее отработанными навыками самоорганизации и ответственности. Из тех требований, которые предъявляла ему школа, его мало что удивляло. Конечно, его там не заставляли мыть посуду и вытирать пыль. Наказывая, не лишали любимой телепрограммы. Но школьный учитель подключал к своим мерам наказания, например, записи в дневнике, вызов родителей в школу, звонок домой. Мы, конечно, «реагировали»... Алька понимал это.

Я искренне жалела моего первоклашку и даже пыталась пропускать мимо ушей первые замечания его первой учительницы Ирины Александровны, считая их обычным занудством. Я умудрилась даже провести с ней «сепаратные переговоры»: мол, вы не пишете замечания в дневник — это травмирует мальчика. Лучше я вам сама регулярно буду звонить раз в неделю и вы мне устно все расскажете. Сначала Ирина Александровна согласилась, наверняка подумав, что Олег, прочитав в дневнике замечание, может рассердиться и сына наказать и я таким образом пытаюсь отвести гнев отца.

За свою наивность я довольно быстро была «наказана», когда мой сын моментально воспользовался странной покладистостью учительницы, которая перестала записывать в дневник сведения о его грешках, а просто осуждающе поглядывала, ограничивалась устными замечаниями, что-то помечая в своей записной книжке. Когда, позвонив учительнице и получив от нее «сведения», я беседовала с сыном, упрекая его за провинности, он, уже давно забыв о своих проделках в классе, искренне возмущался: «Я? Я разговаривал? Когда? Я ходил по классу? Да ты что? Мама, Ирина Александровна говорит неправду!». На меня смотрели большие красивые серые глаза старшего сына. В странной улыбке кривились его пухлые губы. Неровная линия челки пересекала лоб. Я решительно не знала: что же делать? Как сейчас поступить?

Признаюсь честно: я просто терялась в догадках, пока не разобралась, что мой сын, едва переступив порог школы, начал вырабатывать защитные механизмы уклонения от ее требований. Он учился маневрировать между Сциллой по имени «надо» и Харибдой по имени «хочу».

Честно говоря, Олег меня предупреждал об этих «сюрпризах» в характере мальчика, попытки которого избежать ответственности «совер-

шенствовались» одновременно с повышением папой планки предъявляемых ему требований. Наверное, это естественно! Такое лукавство обнаружили все наши дети.

Игорь, например, демонстрировал поразительную способность врать и сваливать все на обстоятельства, на братьев, на собственную забывчивость или на «случайность». Ярослав в пять лет, желая показать свою полную беспомощность перед моими, папиными требованиями или когда я упрекала его в нерадивости и лени, так убедительно «подключал» свое обаяние, что я беспомощно разводила руками, слыша дрожащий голос малыша: «Я не сумел... Мне было так тяжело это сделать! Болели спина, руки... Я еще такой маленький, а стол такой большой, что я не сумел его вытереть... Я забыл... Ну может человек забыть? Ты тоже забываешь, мама, хотя ты взрослая...»

Уклониться от наших требований Альке было нелегко. Он знал: никакие его аргументы не подействуют, ведь он — старший брат, на него смотрят младшие. Тогда проказник применил тактику сваливания вины за плохо выполненную обязанность на братьев. Старый, как мир, прием во всех многодетных семьях, когда старший не обращает внимания на обиды младших в несправедливости обвинений. Мы с папой хорошо знали, что малыши действительно могли созорничать и помешать Альке что-то выполнить из порученного по дому или хорошо сделать уроки.

...Папа просматривает тетрадь первоклассника: «Почему такие уродливые прописи?» — «А ты бы видел, что Игорь с Яриком тут вытворяли, когда я писал!» В голосе Алюни почти слезы. Игорь и Ярик тут же возмущаются: «Что-о-о-о! Мы телевизор смотрели! В другой комнате!» — «Да-а-а! Рассказывайте ска-а-а-зки-и-и!» Алька прячет глаза. Нежелание переписывать домашнее задание в прописях берет верх, и он снова апеллирует к папиному чувству справедливости.

Иногда эти «спектакли» старшего сына папу убеждали. Он вздыхал, шел беседовать с младшими, сочувственно гладил Альку по голове, не заставляя переделывать работу. Но вот другая ситуация. «Причина» Алькиных недобросовестных занятий отсутствовала: братья играли во дворе. И тут папа слышит иные аргументы: «И кому эти прописи нужны? Я не могу писать лучше! Мне надо было задачку решить, а время уже кончалось. Ты же сам сказал, чтобы я больше одного часа за уроками не сидел!»

Действительно, папа очень боялся «перебора» сидений за уроками. Организм растет, ему важна подвижность, активность. И, кроме уроков, надо еще успеть в спортивную секцию, в музыкальную школу, к тому же есть немало увлекательных занятий!

За три года учебы в домашней школе Алька многому научился, и, казалось бы, нелепо просиживать часами за письменным столом ради нескольких аккуратных строчек в тетради со школьными прописями. Так казалось и мне.

Но навыки письма, как любой другой урок, учительница контролировала! Значит, надо сосредоточиться, научиться выводить линии фрагментов букв по данному контуру. А это — работа, и никуда от нее не деться!

Хоть и верно: не боги горшки обжигают, но в родительском ремесле мы, увы, не были богами и торили тропы день ото дня, заставляя детей следовать нормам поведения и навыкам жизни в обществе, в котором жили. Я, например, тоже прошла через требования усвоить стандарты поведения в школе и сейчас еще помню дискомфорт от суровой назидательности учителей, администрации школы и своих родителей. Теперь пришло время и моему сыну «лиха хлебнуть»...

Нелепо было оспаривать нудную реальность школьных требований и стандартов, особенно когда сама хорошо помнишь их живучесть. «Итак, если Алька не будет опаздывать на уроки, а его внешний вид будет аккуратным, он не будет спорить с учителем из-за пустяков, научиться выполнять хорошо домашние задания, не будет нарушать школьную дисциплину во время перемен, на уроке, будет всегда вежлив в общении с учителем и с администрацией, вплоть до уборщицы тети Даши, у него не будет проблем! Но вот вопрос: всегда ли ему удастся это делать?» Так рассуждал папа, хотя я от этих рассуждений зеленела от тоски и сочувствовала сыну.

А после школы, дома, у сына неизбежно возникают свои проблемы. Причем они имеют «свойство» появляться некстати, когда дома нет родителей, которые помогли бы сыну справиться с ними. Тогда вся надежда на привычки в характере подросших детей. Сам себя покорми, убери посуду, спрячь продукты в холодильник. Следи за временем и не заигрывайся. Мои «контрольные» звонки домой, «инструкции» — не панацея. И я это хорошо знала! Да не только я...

Наши многолетние старания в воспитании в Альке, Игоре и Ярике навыков самоорганизации добавляли нам хлопот и головной боли! Однако невозможно проложить путь к культуре учебы, культуре физической, культуре общения, культуре художественной без культуры самоорганизации. Почему? Да просто не будет на все это времени! Почему? Повторюсь: в сутках 24 часа и у каждого ребенка свой навык отношения со временем. Один делает свою работу быстро и легко, другой — медленно, но основательно, третий... В общем, понятно, правда же?

При наборе аргументов в пользу нашего «занудства» и «жестокости обращения к детству» — термин одного из наших приятелей — папы единственного сына — мы должны быть бдительными. «Соппротивление материала» обнаруживается почти сразу, как только начинаешь приучать детей к порядку. Ребенок может успешно манипулировать родительским доверием, нашей склонностью прощать. Оказывается, дети быстро распознают наши слабости, прокладывая «курс» для своих собственных желаний.

Эти желания нередко противоречат требованиям родителей или школы. Ну прямо замкнутый круг!

Хочу рассказать об одном забавном, но поучительном случае, который произошел у нас в доме в первые месяцы учебы Алюни-первоклассника.

...Моя подруга, назову ее Нина, серьезно повздорила с мужем и позвонила мне с просьбой разрешить ей с дочерью переночевать у нас. Я давно уже знала, что у подруги нелады с супругом, и мы с Олегом решили положить девочку, ровесницу Альки, тоже первоклассницу, в детской комнате, а маму — в нашей.

Нина пришла часов в одиннадцать с ужасно уставшим ребенком. Наши мальчишки уже спали. Постель для дочки Нины, Наташи, была готова, и она быстро уснула под мерное посапывание наших сыновей. «Наташе завтра надо идти в школу?» — спрашиваю Нину. «Да, конечно!» — Нина показала портфель, который она поставила у самой двери в прихожей, и дала мне мешок с форменным школьным платьем дочери. Раскрыв мешок, я увидела смятое платье и передник. Ужаснулась: «И ты наденешь на нее такое платье?» — «Ах, да!» — вздохнула Нина, бросив отсутствующий взгляд на скомканные вещи. Я пожалела подругу, сама привела в порядок платье и повесила его на вешалку рядом со школьной формой Альки, уже приготовленной им самим к завтрашнему дню. Проходя в нашу комнату, где разговаривали Нина с Олегом, я заметила, что Наташины туфли в грязи. «Куда же это вы вляпались, Нина?» — спросила я у подруги, показывая ей туфли ее девочки. «Ах, Таня! Мы к бабушке на дачу поехали, но там после дождя такая грязь!» Нина все так же устало посмотрела на меня. В ее глазах была явная мольба: «Вымой туфли и отстань от меня!» Через полчаса, вымыв туфли, постирав носочки девочки, которые тоже были в грязи, и высушив их под утюгом, я вернулась в комнату, где Нина внимательно слушала Олега. Я поняла, что муж рассказывает ей, как начнется завтрашний день и что ей не обязательно вставать рано, потому что Алька возьмет Наташу с собой. Ходят-то они в одну и ту же школу, в параллельные классы. Нина согласно кивнула и спросила меня: «А ты тоже в 6.30 встанешь?» — «Что же делать, — вздохнула я, — к восьми младшие дети идут в сад, старший в школу...» — «Можно же спать еще час! — в голосе Нины было искреннее изумление. — Встать в половине седьмого утра, когда в восемь, — она повторила с нажимом, — только в восемь! малышам надо выходить из дому... Садик-то совсем рядом, под вами!»

Олег начал объяснять, что надо встать, убрать постель, спуститься во двор, сделать зарядку на прекрасно оснащенной дворовой площадке... «Кому нужна эта зарядка?» — и на этот раз Нина была совершенно искренна. Она удивлялась: зачем поднимать детей в такую рань ради каких-то «физических упражнений». Лучше дать им поспать лишний часок. Разговор не клеился,

да и поздно уже было. Однако неожиданно Нина попросила меня разбудить ее. «Хочу посмотреть на ваших ребят, как они и зарядку делают, и сами в садик топают, и как Алька в школу сам собирается...»

...У нашего папы талант: просыпается он всегда без будильника. Ему достаточно перед сном вслух два или три раза назвать час, когда следует назавтра наутро подняться. И еще один талант: он умеет «собрать себя в кулак» и делать то, что надо в конкретный час и минуту, причем быстро и без раскачки. К тому же он приучал и сыновей.

Проснувшись и быстро надев спортивную форму, тихо, но внятно Олег произнес над ухом Нины: «Подъем!» Та распахнула свои большие, чуть навывкате голубые глаза, удивилась: «Как, уже? Мы же только недавно легли спать!» Чувствовалось, Нина колеблется, но наш папа Олег хорошо помнил, что она просила разбудить ее, как бы она ни умоляла оставить ее в покое. Потому наш «капитан первого ранга» и старался. «Па-а-а-дъем!» — ротмистрским баском, но с воркующими интонациями повторил папа, стоя над раскладушкой Нины. «О Господи! — с ужасом в голосе произнесла она, но тут же вполне осознанно и внятно сказала: — Все, все! Я готова! Я встаю...» Олег ушел в детскую комнату.

Я быстро умылась и пошла на кухню. Надо было приготовить завтрак Альке с Наташей и что-то нам всем сообразить на обед. Сегодня я работаю, стало быть, что-то сварить попозже времени просто не будет.

Из детской послышался мелодичный звоночек «корабельных склянок». Дети вообще-то встают сами, по будильнику, но иногда они просят папу поднимать их «склянками». Слышу тихий голос Олега: «Пора вставать!» Через минуту-две уже кипела работа. Дети складывали свои раскладушки, засовывали матрасы в шкаф, надевали спортивную форму, кеды и быстро выбежали во двор вместе с папой. Дочь Нины, проснувшись от «бурления» вокруг ее раскладушки, сладко потягивалась, но вставать, кажется, не собиралась.

...В открытую форточку кухни, где я готовила завтрак, доносились команды: «Бегом, марш! Т-а-а-ак, отжимайся! Прыжки через веревочку на-а-а-а-а-али!» Нина пошла в детскую посмотреть, встала ли дочь. Та уже успела выбежать вместе с мальчиками во двор. Нине эта резвость девочки понравилась: «Смотри-ка, сама встала!»

Заглядывая в окно, Нина видела, как и ее девочка, вместе с нашими сыновьями, шустро лазила по железным конструкциям, во множестве установленным на детской площадке нашего двора. Потом она хотела было спуститься во двор и посмотреть на зарядку с «близкого расстояния», но ускользнула в ванную.

Олег взял на зарядку веревку. Теперь он, дав один конец Ярику и Алику, другой вручив Игорю и Наташе, командовал: «Начали!». Дети

стали весело, с переменным успехом, «тянуть канат». Потом через веревку все попрыгали и, наконец, папа, хлопнув в ладоши, сказал: «Быстренько наверх, умываться, одеваться, завтракать...»

Прибежали, быстренько умылись, благо Нина уже вышла из ванной, потом оделись. Алька уже в школьной форме сел за стол, а малыши убежали в садик, который был у нас во дворе.

Нина, заплетая косу дочери, восхищенно поглядывая на Олега, не скупилась на комплименты: «Я никогда не думала, что моя Наташка разохотится и пойдет на зарядку...» У Альки с Наташей до школы оставалось минут двадцать пять. Обычно на дорогу уходило минут десять-пятнадцать, на завтрак — пять-семь. Так что времени было вполне достаточно.

Взрослые решили позавтракать, как только Наташа и Алька уйдут в школу. Дети поели творога со сметаной, выпили по чашке какао, съели по булочке и, не торопясь, вышли из дому. Алька ходил в школу сам, хотя иногда я, для собственного спокойствия, выходила вслед за ним через минуту — две, чтобы проверить, как он переходит через улицу, садится в трамвай... Однако подходил к концу второй месяц учебного года и сын все делал умело и спокойно. Нина сначала хотела дочь проводить, а заодно и Альку до школы, но Олег убедил ее, что «...наш рыцарь не оставит девочку в беде!»

Через три — пять минут после того, как дети ушли, в дверь постучали. Нина, видя, что я занята на кухне, пошла открывать. Олег уже принимал душ и ничего не видел и не слышал. На пороге стояла Наташа. Нина смотрела на дочь с удивлением, явно ничего не понимая.

— Что с тобой? А где Алька?

— Я сказала ему, что в школу не пойду, и вернулась, а он уехал на трамвае...

Я вышла из кухни и увидела Наташу, которая держалась за живот, постанывая, пытаясь обойти мать и пройти в большую комнату. Она подошла к дивану и улеглась на него в куртке.

Нина растерялась: «Что с тобой случилось? Где болит?» — ее во-просы звучали тревожно, а в голосе уже были слышны нотки паники. Лежавшая на диване Наташа действительно была немного бледна, но, по-моему, не более, чем обычно. Она прикрыла глаза правой рукой, а левую ладошку прижимала к животу.

Нина стала раздевать дочь, и та нехотя подчинялась все еще с закрытыми глазами. Из ванной вышел Олег. Посмотрев на девочку, он деловито спросил у нее: «Где болит?» — «Вот тут», — неопределенно махнула девочка рукой к правой стороне. Уже не закрывая глаза, она с интересом смотрела, как вокруг нее хлопчут взрослые. Олег скептически хмыкнул и сказал: «По-моему, все это фантазии. Просто ребенок не хочет идти в школу и...» Нина не дала ему договорить, с возмущением парировала: «Это твоя

зарядка! Твои перетягивания каната! Надо вызывать «скорую!» Олег пожал плечами: «Вызывай, но я пошел на работу, у меня нет времени...» Однако он набрал «03» и сказал в трубку: «Ребенок жалуется на боли в животе. Адрес...»

Едва Олег ушел, как Нина стала возмущаться, что ее девочку нельзя было так вот сразу тащить на зарядку, теперь неизвестно, что случилось с ее организмом, «...таким хрупким и нестойким к нагрузкам, тем более физическим...». Я попыталась напомнить, как Нина восхищалась, глядя на свою дочь, шустро лазившую по железным конструкциям детской площадки. «Да, мне это нравится, но ты же видишь, во что это выливается? Ребенок зря не будет жаловаться!»

Приехала «скорая». Молодой мужчина вошел в комнату и увидел сидевшую на диване девочку, которая играла со своими косичками, то заплетая их, то расплетая.

— Наташенька, — ласково сказала ей мама, — что же ты села? Ложись, детка...

— Так что же случилось? — нетерпеливо спросил фельдшер. — Что и где болит?

Девочка показала на правый бок. Фельдшер положил на указанное место ладонь, и его пальцы стали осторожно двигаться, чуть-чуть придавливая поверхность живота. Наташа спокойно и с любопытством смотрела на его действия и молчала.

— Когда все началось? — спросил фельдшер, глядя на свою руку, которая покоилась на правом боку Наташиного живота. Нина торопливо стала рассказывать, как сегодня утром Наташенька пошла на детскую площадку и, по-видимому, «перетрудилась».

— Да, — живо подхватила девочка, — я тянула скакалку с дядей Олегом, но у него был еще Ярик и Алька, а мы с Игорем только... — Наташа надула губки. Нина решила уточнить.

— Понимаете, это такое упражнение — перетягивание каната...

Фельдшер кивал, продолжая все так же мягко ощупывать живот Наташи. Та не подавала никаких признаков беспокойства, внимательно слушая рассказ мамы и периодически согласно кивая. Нина сердито посмотрела на меня и спросила:

— Сколько твой муж весит?

Я от неожиданности не могла ответить и промямлила:

— Килограммов шестьдесят...

— Вот видите, — громко сказала Нина, глядя на фельдшера, — и моя девочка, перетягивая канат со взрослым дядей, от напряжения что-то себе повредила, так же, доктор?

Врач, перестав прощупывать живот Наташи, вяло сказал, что-то помечая в своих бумагах:

— Женщина, не волнуйтесь! Отвезем вашу дочку в ДХЦ ...

— А что это такое? — испуганно глянув на него своими огромными голубыми глазами, воскликнула Нина.

— Как что? — возрился на нее мужчина. — Детский хирургический центр. Народ там опытный, разберутся быстро.

— Но вы что-то подозреваете? — в голосе Нины слышалась неподдельная тревога. Я тоже почувствовала, как в сердце заползает неприятный холодок.

— Мне кажется, — нараспев начал фельдшер, укладывая заполненные бумаги в толстую папку и передавая ее своему помощнику, молодому парню лет двадцати пяти с бородкой — под Хошимина, — мне кажется, что у вашей дочери... разрыв селезенки и ей потребуется срочная операция!

Нина, охнув, села рядом с дочкой на диван и ладонями закрыла глаза. Между тем фельдшер деловито спросил: «Кто поедет с девочкой?» Нина встрепенулась и почти закричала: «Как кто? Конечно, я!» Наташа, видимо, поняв, что тети и дяди очень озабочены тем, чтобы поскорее увезти ее куда-то лечиться, встала и пошла к двери. Она еще держала руку на правом боку, но уже вполне бодро и даже весело сказала маме: «Ну что ты сидишь? Давай одевай мне куртку. Я готова ехать, мама!»

Нина с Наташей, фельдшер, по-моему, слегка ошарашенный бодрой подвижностью девочки с «разрывом селезенки», и его помощник спустились вниз, а вслед за ними и я, чтобы пожелать всего хорошего и попросить подругу: «Звякни мне, когда что-то узнаешь...» Вернулась домой, и в ту же минуту зазвонил телефон. Это был Олег. «Ну, что там?» — спросил он почти весело. Я в какой-то прострации сказала упавшим голосом: «Разрыв селезенки!» Он молчал, напряженно сопя в трубку. Потом сказал почти откровенно: «Ладно, посмотрим...» Я была в страшной растерянности. Мне казалось, что вокруг меня разыгрывается спектакль и от меня, зрителя, его организаторы настойчиво требуют поверить, что все представление — чистая правда!

Вечером Нина позвонила мне и со смехом стала рассказывать, как в этом самом ДХЦ рентген и всякие анализы ничего не показали. Врачи разводят руками... «Ты знаешь, моей Наташке, наверное, уже надоело валять дурака, и она попросилась домой...» Нина беззаботно болтала и сообщила мне, что у нее «хорошая новость». Ее муж совершенно неожиданно, уже сегодня, летит в Венгрию на две недели. Теперь ей можно вернуться домой и спокойно отдохнуть от «его вселенской дури». Уже под конец разговора Нина сказала мне тихо, почти доверительно: «Танька! Я тебе сочувствую... У тебя ж — настоящая казарма!» Не слыша моего ответа, подруга положила трубку.

У каждой матери свой взгляд на поступки детей, на их способность манипулировать чувствами и страхами своих родителей. Спектакль под

названием «разрыв селезенки» сочинила девочка восьми лет. Надеюсь, что мои мальчики не столь изобретательны, хотя и они могут умело манипулировать моими настроениями, страхами за них и эмоциями, которые возникают, когда я стою перед трудным выбором. Например, отправить в школу слегка захворавшего сына или оставить его дома. За-ставлять зубрить гитарные аккорды, сольфеджио, когда неожиданно начинает капризно ссылаться на головную боль, или поверить его жалобам и отстать от него. Сколько раз бывало так: уступишь — и диву даешься, когда минут через пять, воспользовавшись моим согласием сделать перерыв в музыкальных уроках или вообще отложить задания в сторону, ребенок с воодушевлением играет со своими пластиковыми солдатиками или, украдкой пробравшись в гостиную, смотрит мультфильм.

...Я уже убедилась в том, что здоровье моих детей, их организованность, помощь по дому, навыки Алюни работать, как того потребовала школа, — результат той самой «казармы», которая так не понравилась моей подруге. От добра добра не ищут!

Между тем в поведении моего школьника стали происходить странные и абсолютно непонятные мне перемены. Прошло полгода новизны и бурных успехов в учебе, когда мальчик быстрее всех в классе читал, лучше всех считал, знал множество стихов, которые его одноклассники только начинали учить. В общем, наступили будни и та самая рутина, которую сын отчаянно невзлюбил.

К середине учебного года я услышала от старшего сына «жалобы на жизнь». Зачем надо рано вставать и заниматься зарядкой? К чему идти в школу в отглаженном костюме и вычищенных ботинках, если половина его одноклассников ходит, как говорится, «не отряхнув перьев с плеч»? Почему надо корпеть над прописями, когда «...я уже умею писать». Хорошо ведь знает, что умение писать печатными буквами не считается признаком освоения письма в первом классе, но... Мне было жаль сына. Его нытье я могла объяснить усталостью, трудностями «втягивания» мальчика в строгие требования, от которых действительно можно устать.

Корабль «Павел Корчагин» — организация веселая, интересная, а школа № 64? Какое там! Но если к ее требованиям не пристраиваться, что же получится? Между тем нытье старшего продолжалось. Как ни уговаривала его, как ни увещевала, что-то во мне случилось и я, наконец, «сломалась».

Олег с недоверием смотрел на сына, пытался вызвать его на разговор, но первоклашка, уже преодолевший «экватор» учебного года, опустив глаза, молчал. Наверное, Алька понял, что я уже «дала трещину», решил, что пусть родители сами разбираются с его «недомоганием», и продолжал «гнуть свою линию».

Наконец папе надоело мое бесконечное и, пожалуй, даже опасное, как

я потом убедилась, сочувствие сыну. Однажды он тихо сказал мне: «Ладно! Пусть будет по-твоему. Сама посмотришь, что из этого выйдет!» Олег перестал обращать на старшего сына внимание, сказав ему при мне: «Мальчик ты большой, многое уже умеешь и знаешь, попробуй действовать так, как тебе может быть и хочется!»

Теперь малыши, Игорь и Ярик, вскакивали вместе с папой, шли на зарядку, потом быстренько одевались и бежали в сад, а их старший брат нежился в постели, вызывая у папы «скрежет зубовный».

Начались, конечно же, опоздания в школу, хотя сына я по утрам постоянно подталкивала, просила делать все побыстрее. Постепенно и незаметно для себя я уже сама стала и чистить его школьную форму, и протирать ботинки от грязи, надраивать их гуталином, простирывать носочки и трусики...

Появились первые записи в дневнике, в тетрадях: «Алик не пишет все ряды прописей!», «Алик плохо пишет цифры!», «Алик разговаривает на уроках!»

Дежурство Альки по кухне не выдерживало никакой критики. Я отлично знала, как здорово сын умеет навести здесь порядок, уговаривала его, как могла, пыталась убедить, что «...так нельзя!» Но теперь, уже даже не ссылаясь на занятость, он просто оставлял без внимания и грязную посуду, и невымытый пол, и мусор, как бы говоря всем нам, что это уже не его дело!

Делая скидку на его загруженность, искренне веря, что он устает в школе, я, конечно, если у меня была такая возможность, помогала сыну, даже готова была что-то делать за него и делала, понимая, что нагрузки растут, а он, по-видимому, к этому просто не готов ни физически, ни психологически.

Однако когда-нибудь эта «лафа» должна была закончиться. «Не затем я устанавливал правила и порядок для детей, чтобы однажды все это бросить к чертям собачьим!» Возмущение папы было справедливым, и только редкостным терпением можно было объяснить его готовность из-за моих «слез» дать старшему сыну шанс самому понять нелепость «барских» желаний, а мне убедиться, что без «порядка» из пацанчика мужчину не вырастить!

Придя с работы в девять вечера и войдя на кухню, папа увидел там полный беспорядок. В тот вечер я была занята «под завязку» и ничего вокруг не замечала. По графику дежурств, который висел на стене, папа увидел, что именно виноват в грязи. В детской комнате стояла подозрительная тишина, хотя дети улеглись лишь минуту назад. Папа подошел ко мне и сказал: «Я сейчас подниму Альку и заставлю его все сделать как надо». Я была против: «Завтра рано вставать, он сегодня устал...» — «И впредь так будем поступать? Ты еще не убедилась, что он просто тобой манипулирует!» — «Ну дай ему возможность исправиться завтра...» — «Завтра на кухне дежурит Игорь, значит, свою грязь он «законно» свалит на плечи брату. Ты что, не знаешь?» — «Я понимаю, но...» — простонала я.

Отец поднял Альку, привел на кухню и показал все огрехи: посуда со следами жира, на полу грязь, мусор не выброшен. Сын стоял молча, опустив голову, и ждал, что же будет дальше? «Еще раз такое себе позволишь, — папин голос был суров и строг, — придется всю субботу и все воскресенье дежурить на камбузе, понял?» Сын кивнул и нехотя принялся исправлять свои ошибки. Спать он лег, конечно, поздно и на завтра долго не хотел подниматься. Но папа уже принял решение и был неумолим: «Вставай! На зарядку! И вообще, никто не отменял наш корабельный порядок, ясно?»

Почти два месяца ушли на «выпрямление» тех зигзагов, которые с моей «помощью» образовались в поведении первоклассника Алюни. Я понимала, что, скорее всего, оказала своему сыну «медвежью» услугу, но мне действительно было очень жаль мальчишку. К тому же он мог прекрасно изображать «страдание», а при появлении «бабини» и деда его лицо выражало такую гамму противоречивых чувств, что «предки» моментально «догадывались»: отец житья не даст бедному мальчику! Все это было бы смешно, если бы не было так грустно.

У моих родителей созрели свои претензии к отцу их внука. Приносят бабушка с дедушкой детям подарок: билеты на цирковое представление. Нет, не на детское, не в субботу или воскресенье днем, а на обычное взрослое представление, которое оканчивается в половине двенадцатого ночи! Олег — против: завтра рано вставать! У малышей — сад, у Алюни — школа.

Казалось бы, какие разговоры? Все же ясно! Однако просьба Олега отменить поход в цирк вызывает у родителей искреннее негодование. Понимаю, они неправы, пытаюсь «достучаться до разума», но мое вмешательство лишь усиливает накал страстей. Ясное дело! Бабушка с дедушкой готовились вкусить радостного «пирога» — счастливых улыбок детей, благодарности внуков, а им зять, то бишь папа внуков, сообщает: «Это невозможно! Завтра рабочий день! Дети не выспятся...»

Скандала и неминуемого конфликта удалось избежать, только принеся в жертву детей и их завтрашний день, который обещал быть для мальчиков трудным... Так оно и получилось. Назавтра поднимали детей на час позже. От зарядки пришлось отказаться. Школьный костюм Алюни и его ботинки пришлось чистить мне и папе, потому что начало спектакля в 8 вечера, а именно в это время дети, особенно наш первоклассник, начинают готовиться к завтрашнему утру. Постели тоже мы с папой постелили, «приняли» детей из цирка уже в «вялом» виде. Ярик заснул у деда на руках, Игоря пришлось раздевать в кровати, потому что он сразу же заснул, едва коснулся головой подушки. Алька разделся сам, но его выходной костюм и рубашка с галстуком «улеглись» на полу, рядом с кроватью. Кому нужен такой «культпоход»?

Быстренько ретировавшиеся дедушка с бабушкой были довольны:

дети позабавились, глядя на клоуна, хотя наверняка ничего не поняли из его реприз, адресованных взрослым зрителям. «Ах, какие были львы и леопарды! Ах, какие лошади и наездники!» — моя мама действительно искренне радовалась, пересказывая мне на следующий день по телефону, какой замечательный был спектакль на арене. Она не спросила меня, как дети встали или как старший провел день в школе. А в дневнике у внука появилась запись, адресованная, между прочим, не бабушке, а мне: «Татьяна Александровна! Обратите внимание на режим вашего сына! Он заснул на уроке!»

Странные спады и подъемы в поведении старшего сына, уже известные мне в первом классе, во втором прошли как-то не очень заметно, но в третьем все вернулось, как будто он взял и потерял опыт, который накопил за два года учебы! Мне, например, казалось, что в 9 лет уже не требуется напоминать о том, что надо мыть руки перед едой, класть на место свои вещи, соблюдать порядок на рабочем месте, чистоту в своей комнате, помогать младшим братьям делать то же. Я была убеждена в том, что старшему сыну, отметившему девятый раз день своего рождения, уже никогда не надо будет напоминать, что носки должны быть чистыми, а рубашка выглаженной, тем более что он умел прекрасно сам и стирать рубашку, и гладить ее. В первые два месяца учебы в третьем классе все действительно было в порядке. Но постепенно, точно так же, как и в первом, и во втором классах, аккуратность стала куда-то «исчезать».

Едва пришел из школы — бросил туфли, портфель, школьную форму где попало! Переоделся — руки не вымыл, бегом на кухню, схватил кусок хлеба — и к телевизору! Дома — никого, полная свобода, а значит...

Что происходило с мальчиком? Какие причины приводили к спадам, разрушению тех привычек, за которыми мы следили из года в год и которые упорно прививали ему?

Я болела, перенесла трудную операцию, вернулась домой слабая, и, чтобы как-то избавить меня от нудного контроля за сыном, папа снова «ослабил вожжи». Теперь уже решено было уповать на разум третьеклассника. Как обычно, папа утром приходил в детскую, тихонько будил младших, быстренько сбегал с ними вниз, на площадку, делал короткую зарядку, потом принимал душ, завтракал и уходил на работу. Ярик завтракал в саду, Игорь — дома и уходил в школу. Он уже учился в первом классе.

Все это время Алька спал, и я его не будила, считая, что времени достаточно, успеет все сделать, тем более что учился он во вторую смену и уходил в школу к часу дня. Я все-таки тоже верила, что идет уже третий год школы, сын сам все понимает, осознает, что хорошо для него и для нас, а что — плохо. Я допускала, что будут ошибки, но это — его ошибки! Он способен будет их осознать. Ума-то вполне достаточно, чтобы понять, как

себя следует вести ему, уже школьнику «со стажем». Моя наивность была неистребимой!

...Сын продолжал валяться в постели до упора. Наконец вставал, убирал постель, умывался, одевался, приходил на кухню, завтракал, садился, делал уроки и уходил в школу уже совсем «впритык». Мне было совершенно ясно, что в школу он опять опоздает, но я продолжала надеяться на его благоразумие и не приставала.

А договор с Алькой у меня действительно был! Однажды я присела рядом, когда он уплетал вкусную гренку и запивал «какавой», и сказала доверительно: «Я хочу с тобой договориться, чтобы ты сам себя контролировал. Ты уже опытный ученик, умный мальчик и все умеешь! Тебе надо просто делать все так, как надо!» Алька довольно кивает, соглашается, обещает.

Младшие дети были возмущены тем, что «...нас поднимают так рано, а вот принцесса Алюня спит...», однако папа тихо и внушительно сказал им, что сейчас, в самом начале третьего учебного года, «...начинается научный эксперимент», в котором участвует Алик Юрганов, а мама записывает «все научные данные» в тетрадь и потом выступит на «международном симпозиуме» в Болгарии (почему именно там, так и не знаю!) с докладом на тему «Конфликт между совестью и ленью у младших школьников».

Игорь и Ярик слушали папу с нескрываемым изумлением. «И мама возьмет Алюню с собой на этот... этот... симпозиум в Бугарию?» Похоже, что Ярика буквально душила зависть к Алюне. Игорь внимательно приглядывался к папе, наверняка чувствуя какой-то подвох в его словах, но папа был деловит, спокоен и убедителен. «Конечно! Мама будет показывать его как образец и рассказывать ученым все, что наблюдала...» Тут Игорь не выдержал: «А если и мы тоже будем наблюдать и сообщать маме все, что увидели, она возьмет нас на этот сипозиум?» Я убежала в гостиную, чтобы не рассмеяться и не испортить спектакль папе. Слышу голос папы: «И что же ты, Игорек, заметил, скажем, вчера или сегодня утром?» Тот выпалил: «Алюня лег вчера очень поздно. Включал свет, смотрел книжку, не давал нам спать...»

Разговор происходит на кухне, куда Ярик пришел сказать маме с папой «до свидания» и бежать в детский сад, а Игорь — поцеловать маму, отправляясь в школу. Алька еще в постели. До школы ему четыре часа. Нет, он уже проснулся, но еще лежит, «нежится» и наверняка слышит разговор папы с малышами. Ярик не хочет отставать от Игоря, но его поставило в тупик слово, которое он часто слышит, а значение его так и не знает: «А что такое совесть?» Папа немного растерялся, но быстро нашел выход: «Ярик, ты молодец! Про самое главное у папы спрашиваешь. Но давай сделаем так: ты свой вопрос принеси сегодня вечером на кухню, а Алюня на него ответит. Он знает, что такое «совесть». Ярик кивнул, они с Игорем убежали.

В то утро я осталась дома и видела, как старший сын, которого уже

третий день никто не трогает и ничего от него не требует, вразвалочку поднимается, умывается, собирается... Я, убегая на работу, с досадой смотрю на его школьный костюм. Третий день, занятая по горло, я не могу добиться от сына, чтобы он почистил школьную форму. Рубашку взял вчерашнюю, оказалось, что постиранная мною вечером другая еще не высохла. Что поделаешь, нет времени проглаживать, я уже опаздываю на работу. Говорю ему об этом, но не уверена, что сын меня услышал и сделает. Краем глаза замечаю: постель запихивает в ящик кое-как. Рассыпал по полу тетради... Бегу вниз по лестнице, злюсь и на себя, и на него...

Вечером, вернувшись из школы, Алька кладет передо мной дневник, в котором я вижу грозную запись Ирины Александровны: *«Татьяна Александровна! С вашим сыном что-то происходит! Он приходит в грязном костюме, в мятной рубашке, на уроках не работает, домашние задания выполняет неряшливо, не взял учебник по математике, постоянно опаздывает и в школу, и на уроки. Прошу вас прийти в школу в любое удобное для вас время».*

Папа на работе задержался, и Алька, опустив голову, стоит и ждет моей реакции. Прочла «послание» учительницы и спросила сына: «В чем дело?» — «Не знаю...» — в голосе Альки смущение, испуг. «А кто же нам объяснит все это?» Я смотрела на старшего сына и думала, что сейчас, видя эти красные чернила и грозное предложение прийти в школу, он начнет хоть как-то объяснять случившееся, оправдываться, что ли... Но он молчал. Я решила дать ему возможность самому разобраться со всем тем, что с ним происходит: «Садись за уроки, а завтра утром пойдем в школу».

Папа прочитал запись, помрачнел и посмотрел на меня очень красноречиво: «С пяти лет Алька готовился к школе. Два года уже проучился. Я остаюсь при своем мнении: контроль и требовательность. Ты — за добровольность и гуманность. Пока у сына не получается самоконтроль. Твой «гуманизм», — Олег презрительно поджал губы, — явно сыну вредит! Давай советоваться с учителем, тем более нас приглашают...» Выбирать не приходилось.

...Нам с Олегом разрешили посидеть и посмотреть, как идет урок. Устроившись на задней парте, мы смотрели на доску поверх детских головок.

Ирина Александровна вызвала Альку решать примеры. Он справился с ними очень быстро и получил новые, которые тоже решил. Чувствовалось, что наше присутствие его совсем не волнует. Он-то знал, почему мы пришли. Вчерашнее замешательство, когда он раскрыл передо мной дневник с приглашением учительницы, сменилось совершенно иным чувством. Теперь он стоит, чуть ли не подмигивая мне, мол, смотри, как я быстро и ловко щелкаю задачки и примеры.

После уроков мы уселись в пустом классе. Ирина Александровна от-

*...На меня смотрели большие красивые серые глаза
старшего сына. В странной, улыбке кривились его пухлые
губы. Неровная линия челки пересекала лоб.
Я решительно не знала, что же делать?
Как сейчас поступить?*

правила Альку в коридор и начала разговор: «Я не понимаю, что с вашим сыном? Месяца три все было хорошо...» — «Мы тоже, честно говоря, не понимаем, а только догадываемся», — Олег лукаво улыбнулся.

В том нашем разговоре с учителем обнаружилась новость: оказывается, Альку в классе многие сверстники... недолюбливают. «Может быть, он немного заносчив... — размышляла Ирина Александровна. — Мальчик продолжает оставаться самым сильным учеником. Прекрасно читает, считает, умен, с его мнением в классе трудно не считаться, потому что говорит он веско, основательно, логично. Правда, как-то уж слишком снисходительно он относится к сверстникам! Иногда у него это получается почти... — она стала искать подходящее слово, стараясь, видимо, и нас не обидеть, и поточнее выразить свою мысль, — презрительно, мол, что ты, малявка, понимаешь».

Мы говорили еще минут пятнадцать-двадцать. Из нашего разговора я поняла, что личность Альки, имевшая на третьем году его учебы свои особенности и черты; его ум, уже способный на многое, как бы держали очередной экзамен в школе. И теперь получалось, что в общении со сверстниками и перед требованиями учителя он этот экзамен частенько не выдерживал!

Ему нравилось общаться и в школе, и во дворе дома только со старшими мальчиками. Он быстро находил с ними общий язык, и внимание ребят старше его на три, а то и на пять лет было для сына чем-то вроде бальзама на душу.

...Прямо из школы мы с Олегом разошлись по своим работам, а вечером, отправив младших играть в детскую, позвали Альку на кухню. Он ждал нашего разговора и, чувствовалось, — тревожился. Я заметила: костюм вычищен, рубашка отглажена и повешена под пиджак, туфли сверкают. На рабочем месте был порядок. На первый взгляд, придраться было не к чему. ...

«Ирина Александровна рассказала нам, — начал папа очень тихим доброжелательным голосом, — что ты многое знаешь, умеешь и все было бы хорошо, если бы некоторые вещи тебе не мешали. Какие, ты и сам знаешь. Так что обойдись впредь без тех безобразий, из-за которых нас вызвали в школу, хорошо?» Папа тут же встал и ушел к своему рабочему столу. Алька удивленно посмотрел на меня и спросил:

— И все?

— Что? — не поняла я.

— Ну, вы больше не будете меня ругать?

— Ну, если ты все понял... Вот когда не поймешь, снова все по-старому станешь делать, тогда придется, наверное, поругать крепко!

— А что я теперь должен буду делать?

Вот странности! Казалось бы, чуть ли не с шести лет знает наш мальчуган, что надо делать! Вставать вовремя, не вылеживая в постели до последней минуты, выполнять все привычные домашние дела, уроки...

Может, случилось так, что быстрое интеллектуальное развитие сына, те радости, которые доставлял родителям год-два назад его ум, фантазии, отодвинули на второй план нашу родительскую «моральную жвачку»? Ведь кажется странным объяснять сыну, что надо садиться за уроки в одно и то же время, что плохо брать чужое, что Маша или Саша не могут читать быстро и грамотно не потому, что «дураки», а потому, что им просто не повезло и с ними отец не занимался с четырех лет. Девятилетнего мальчика, для которого сверстники не интересны, а старшие ребята привлекают видимыми признаками уважения, «моральная жвачка» родителей раздражает, а их контроль злит!

Папа стал работать полный день, а я попала в больницу с тяжелым недугом. Потом и я стала работать «от звонка до звонка». В такой ситуации Алька получил возможность сам решать, когда ему делать уроки, а когда развлекаться. Как ни гордились мы с Олегом итогами воспитания в сыне самостоятельности и ответственности, три школьных года показали: наш сын не обладает природной усидчивостью, а делать работу хорошо — противно его натуре. Выбора у нас не было: контроль, по мере сил и времени. Заставлять переделывать плохо сделанную работу. Пожалуй, все родители знают, насколько это непросто и для них, и для детей. Вот почему наши надежды: воспитать в нашем школьнике основы добросовестности — дрогнули.

Сын не хочет замечать, что урок сделал плохо! Но я-то вижу! То же самое увидит и учитель. Я заставляю переделывать, сын куксится! Конечно, ему неприятно: я забираю на переделывание его время, предназначенное для отдыха, игр. Сам себя не заставил делать урок хорошо, значит, заставлять должна я! Печальная «карусель» какая-то!

Часто его просто жаль, а когда устаешь, хочется закрыть на все глаза. Но в моем соблазне посочувствовать ребенку, дать ему «сачкануть» есть опасность. Сколько раз я в этом убеждалась! Папа говорит: «Лень — агент инстинкта самосохранения, и с ней надо считаться, но подкармливать категорически запрещается, потому что агент начинает очень успешно вербовать ум! А ум сочиняет искусные аргументы в пользу праздности. Ну а дальше — пошло-поехало!» Хоть и «кудряво» папа высказался, но убедительно!

Третий класс, как и два первых, Алька закончил с похвальной грамотой. Были поздравления, подарки, похвала папы, мамы, зависть Ярика, поскольку он еще не учился. Приветствия пришли из Краснодара и из ближних краев — с улицы Пулихова, где проживали наши «местные предки» — «бабиня» и дед. Летом повезли грамоты показать дедушке Боре и бабушке Зине на Кубань, чтобы не обидно было, а то созерцают свидетельство успехов в школе лишь минские родственники героя. Мы с папой признались друг другу, что эти грамоты и нам тоже...

...Когда Алька окончил первый класс, Игорь стал рваться в школу не

на шутку. Мы призадумались. Конечно, хорошо отдать Игоря с шести лет в школу: раньше вступит в «систему», раньше привыкнет к ее уже понятным старшему брату строгостям и проблемам. Придется среднему сыну жить не по правилам детского садика. Теперь мама будет за ним приглядывать да старший брат. Зря, что ли, мы его приучали к ответственности, хоть и увиливал от нее постоянно... Старший брат вынужден был признать, что Игорь задачки за первый класс как орехи щелкает, пишет хоть и печатными буквами, зато весь алфавит и слоги знает отлично! Читает не так бегло, как брат, но для школы совсем неплохо...

...Прихожу с Игорем в школу. Решили мы воспользоваться тем, что в системе народного образования наступило время экспериментов. Детей-шестилеток стали в школу брать. Родителей спрашивают, мол, не будете ли возражать, предупреждают, что в любой момент можно ребенка из школы забрать снова в детский сад, в подготовительную группу и дожидаться семи лет. Проводятся и предварительные испытания для малышей, особо охочих побыстрее повзрослеть.

Подумали мы, посоветовались и решили этому желанию Игореша уступить. Приходим в школу, говорим: хотим в школу попытаться поступить. Молодая симпатичная учительница улыбается и приветливо отвечает: попробуйте сначала тест пройти. Тут Игореша с испугом мне на ухо шепчет: «Мама, а я на тесто не пройду, оно липкое и густое!» Я смеюсь над страхами сына, а учительница недоумевает, что это с мамашей случилось? Уж не от переживаний ли, что сын тест не пройдет, на нее такой нервный смех напал?

Извиняюсь, объясняю... Теперь и учительница смеется. Игореша и вовсе растерялся. Стоят две тети рядом с ним и смеются неизвестно по какой причине. Но малыш оказался стойкий и говорит: «Ладно, мама! Я готов сквозь тесто пройти, спроси, где оно?» Тут мы с учительницей и вовсе задохнулись, но вовремя спохватились. Она все же на работе, а я с сыном в школу пришла, а не в какое-то увеселительное заведение.

Посадили малыша за стол, и учительница дала ему задачку. В руках у нее оказался секундомер, совсем как у нашего папы. Он тоже на скорость решения задач время засекал. Подмигнул мне сынуля, и я оглянуться не успела, как он говорит бодро: «Готово!» Учительница на секундомер смотрит, а стрелка стоит. Выходит, нажала на кнопку плохо, но и так видит, что скорость у парня нашего просто космическая.

Дала она ему вторую задачу: «Эта будет посложнее... А ну попробуй!» Теперь уже секундомер включила правильно. Сидит Игорь, решает. Губами и пальцами шевелит, почему-то в потолок смотрит. С пальцами у него давнишний «уговор». Когда папа его считать учил, пальцы у Игоречка вместо калькулятора «работали». Как ни уговаривал его папа постепенно отказываться от пальцев, ничего не получалось. Оно и понятно, привычка!

Но малыш приспособился пальцами не пользоваться открыто, а, сжав кулачок, лишь вздрагивать ими. Вот и теперь, вижу: вздрагивают пальчики, шевелятся — значит, считает.

Решил задачку, к тому же точно в срок уложился. Тогда ему дали примерчики. Он их тоже быстренько перешелкал. «Ну, ты молодец!» — воскликнула учительница, не замечая, что мне ее похвала сыну как бальзам на душу. «Что еще проверять будете, — спрашиваю, — наверное, письмо?» — «Нет, — отвечает учительница, — читать будем!» И дала Игорю знакомый до боли букварь. Первые странички порхали как бабочки. В середине букваря темп чтения слегка снизился и ошибок прибавилось. Но и эти странички были преодолены. Тексты, что были напечатаны в конце букваря, Игорю уже не поддавались, и учительница его остановила. «Очень неплохо! Я думаю, что можно принять вашего мальчика даже не в подготовительный, а в первый класс. Чего ж ему время терять?»

Записали... Приходим домой, сын наш горд. Звонит папе, докладывает: «Папа, я принят в школу! И сразу в первый класс!» Папа в восторге. Возвращается домой с работы, в руках куча подарков, купил сразу школьные принадлежности, а через час поехали в универмаг и там приобрели нашему второму ученику новенькую школьную форму. Доложили «бабине» с дедом. Приходят они радостные, щедрые и в наш бюджет «инвестиции» предлагают. Алька у нас казначей, согласовал свое мнение с нами и солидно так говорит дедушке с бабушкой: «Спасибо большое! Ваша помощь нам очень кстати! Игорю как раз на портфель хватит». Мои родители просто ошалели от такой взрослости первенца.

До школы оставалось еще дня три. В садик Игорь уже не ходил, расслаблялся дома в обществе старшего брата к черной зависти Яро-слава, который уже спросил папу: «А когда я буду в домашней школе заниматься?» От такой жажды знаний самого маленького сына папа чуть со стула не свалился. Призер по лени и медлительности, Ярослав вдруг заговорил о своем желании учиться в «домашней школе»! До поступления Игоря в первый класс Ярика никакими калачами не удавалось заманить позаниматься вместе с братиком. Конечно, папа уставал от «вкладывания знаний» в голову Игоря. Иногда папа пытался «соблазнить» Ярика поиграть с Игорем «в школу», но малыш соглашался лишь приклеивать на свой живот большие буквы или слоги, когда брат учился читать. Теперь, наверное позавидовав Игорю-первокласснику, наш «боцман», к радости папы, изъявил желание учиться.

Занятия с Игорем, как и с Аликом, проходили как игры. Папа, например, изображал «шпиона», который превратил азбуку в шифrogramму. «Случайно» у себя под подушкой Игорь обнаруживал «план» нашей детской комнаты. В нем указывалось место, где эта «шифровка» была спрятана. С веселым азартом поискал ее, мальчишка, наконец, находил под диваном

«секретный пакет». На листе, среди множества закорючек и каких-то нелепых знаков, точек, тире, оказывались буквы русского алфавита и слоги. «Юный разведчик» должен был изучить попавшее в его руки «донесение шпионов» и «расшифровать его». То есть необходимо было найти все буквы алфавита, которые Игорь знал, подсчитать их количество и отметить каждую красным фломастером. Все это надо было делать под тиканье секундомера!

Олег получил этот механизм в подарок от своего друга Бори К. и теперь не расставался с ним на уроках «домашней школы». Какое бы задание ни давалось, папа называл время или просил «...как можно быстрее...». Дети просто балдели от папиной страсти делать все и быстрее и лучше, чем соперник. Зато награды были что надо! Шоколадка, автомобиль с открывающимся мотором и багажником, игрушечный пистолет марки «Смит-Вессон» с шикарной кобурой...

Итак, учеба Игоря в школе началась! Помня свои «проколы» с Алькой, когда я ныла по поводу его нагрузок и сорвала тот порядок, который, как мне казалось, ужасно тяготит моего сына, я терпеливо помогала Игореше вживаться в школьный режим. Он быстро привык, и у нас почти не возникало проблем с распорядком дня и нашими домашними требованиями. Алька, конечно же, «сачковал» и был не слишком озабочен соблюдением младшим братом распорядка дня после возвращения из школы. Я в это время всюду трудилась у себя на кафедре в университете, пока два моих «гаврика» были предоставлены сами себе.

Результаты такой «безнадзорности» выявлялись только к вечеру, когда я или папа приходили с работы. Тут же обнаруживалось, что уроки ни Алькой, ни Игорем не сделаны, носки и трусики не постираны и не вывешены на балкон сушиться, посуда после обеда не помыта, полы на кухне грязные и так далее.

«Разбор полетов» проводился быстро и кратко. Алька признавался в том, что не сделано, и тут же приступал к исправлению ошибок. Поначалу Игорь пытался найти себе оправдания, выставляя десятки причин, которые у меня вызывали оторопь. Задержка на дворе объяснялась тем, что мальчику требовалось срочно вмешаться в конфликт между Вовкой и Сашкой и поговорить с ними, чтобы не ссорились больше, потому и время ушло... Потом, сразу после еды, у него разболелся живот и ему срочно надо было «посидеть в туалете», потому и не успел вымыть посуду и выполнить домашнее задание полностью. Альке поручалось к пяти часам привести Игоря домой. «Старшой», глядя честными глазами то на меня, то на папу, говорил в свое оправдание: «Я вышел, крикнул пару раз: «Игорь, домой!» Ответа не было, я ушел... Мне ж надо свои уроки делать!»

Папа резонно спрашивает: «Так ты же дежурный сегодня и должен помыть посуду, полы и постирать свои трусики и носки». Алька озабоченно

смотрит на папу: «Я подумал: уроки в первую очередь! Ну и сел за уроки, а задача попалась очень трудная, просидел над ней много времени и не успел все сделать».

Вижу глаза Игоря. Там скачут веселые бесенята. Та-а-ак, думаю, что-то скрывают эти братья-кролики. Но что? Как тут узнаешь, когда они уже вступили в сговор и круговая порука — древнейший метод ухода от ответственности — налицо! Папа понимает, что именно так все и происходит. Улыбается в усы, а уложив детей спать, говорит мне: «Давай-ка попробуем их перехитрить. Сделаем систему зачетов по делам «белым» и делам «черным». Звучит ужасно: «черным»... Но ты не бойсь, это так, для контраста».

Слушаю, что еще новенького придумал муж в борьбе с разгильдяйством и ленью подрастающего поколения. Он продолжает: «Берем тетрадку и нарезаем «хвостики», свисающие с каждой страницы. На странице написаны обязательства, от которых дети ни в коем случае не освобождаются. Например: «Отлично учиться»... Я мгновенно возмутилась: «Ну что ты! Отлично учатся только зубрилы или гении. Пусть наши дети учатся хотя бы на «хорошо!» В моих глазах — явная жалость к ученикам, которые еще только привыкают к новому учебному году после бурного лета у бабушки с дедушкой в Краснодаре.

Олег настроен миролюбиво: «Ладно, ладно! Хорошо учиться... Пойдет?» Я радостно киваю. «Выполнение графика дежурств по кухне». Я молчу. В самом деле, куда денешься? Чистота — залог здоровья! Между тем папа берет тетрадь, садится к пишущей машинке, печатает на ней большими буквами текст требований, вытаскивает лист и приклеивает на страницу тетради. Затем надрезает нижнюю часть листа, сделав длинные «хвостики», а на них пишет даты: «2 октября», «3 октября»... Один «хвостик» с датой в верхней части закрашивается белой краской, а другой, точно такой же, с такой же датой, — черной.

Логика проста: если Алька 2 октября не сделал порученное дело, он отрывает «хвостик» с черной меткой. Если сделал, тогда с белой. «Хвостики» сын должен хранить в своем ящике стола. В субботу, когда наступает время отдыха и наград, игр и всяких приятных посещений, например кафе-мороженого или кино, поездки на рыбалку на Минское море или в лес на печеную картошку, дети показывают их. За неделю разрешалось иметь не больше двух черных «хвостиков».

В октябре Игорь и Алька соревновались друг с другом из всех сил! «Хвостики» с белыми метками с переменным успехом преобладали то у младшего, то у старшего. И тут неожиданно возникла проблема стукачества. Попеременно то Игорь, то Алька «примеряли» на себя образ «стукача». Папе или мне сообщалось, очень часто «сугубо конфиденциально», что Игорь, например, приходит домой с опозданием и с опозданием делает уроки или

плохо моет посуду и ему, Альке, приходится исправлять (так я и поверю!) его ошибки. «А ведь он не черные, а белые хвостики оторва-а-а-ал и в свой ящик спрята-а-а-л!»

«Конфиденциально» мне сообщалось: «Ты знаешь, мама, Аленька долго за уроки не садился. Я ему говорю: «Садись, не нарушай порядок, папа рассердится!», а он мне говорит: «Заткнись! Не твоего ума дело, малявка!» Разве так с братом разговаривают? А он оторвал белый хвостик с обязательством быть вежливым со мной. Это не справедли-и-и-иво!» Детки загнали меня и папу в тупик! С самого начала ставка была на доверие. А как проверишь, действительно ли нагрубил Алька младшему брату или тот все выдумывает? Решили на этом не сосредоточиваться. При подсчете белых «хвостиков» победил Алька, и ему был вручен приз — большая шоколадная конфета.

То ли Игорь затаил обиду на брата — сам-то он был ужасным сладкоежкой и, не получив шоколадку, был явно расстроен, — то ли иные тому были причины, но на следующей неделе мы с папой от Игоря получили аж целых три «конфиденциальных» сообщения о том, что «старшой», так сказать, жульничает. Поскольку мы с папой по «информации снизу» мер не принимали, то рассчитывали, что «стукачество» постепенно иссякнет.

Конечно, такие показатели, как хорошая учеба, сомнению не подвергались — «пятерка» или «четверка» в дневнике всегда были очевидны. Но приход вовремя с прогулки, вежливое обхождение с младшим братом, упражнение в игре на гитаре (Алик учился еще в музыкальной школе) нам проконтролировать не удавалось.

Меня и папу «стукачество» детей, конечно же, расстраивало. Мы пытались как-то урезонить братьев, старались с юмором относиться к «конфиденциальной» информации. Но «стук» продолжался с обеих сторон, и тогда нам пришлось сказать просто и ясно: «Каждый из вас и учится, и привыкает к вежливому обхождению и взаимной помощи, к чистоте и порядку. Все, что вы замечаете друг в друге плохое, говорите друг другу, помогайте исправлять...»

Мораль, которую мы с Олегом исповедовали, нам хотелось передать сыновьям. Откровенно говоря, мы не очень верили, что она будет ими полностью усвоена. Ну как она может быть усвоена, если, попав в школу, дети стремятся обойти — нередко им это успешно удается — наши моральные требования! Именно в школе, по моим наблюдениям, началось противоречие между моральными требованиями семьи (будь честным, не жульничай, делай, что от тебя требует учитель...) и теми привычками «целесообразного» поведения, которые ребенок усваивает в этом «социальном институте»: не говори правду учителю — родителям «настучит», а те... Спросили урок вчера — незачем учить задание на завтра. Просит дневник двойку поставить — лучше сказать, что забыл его дома, а на завтра учитель, может, и ...

Переходя из класса в класс, ребенок усваивает правила выживания, и очень часто эти правила противоречат привычным для семьи нормам. Если повезет и в классе окажется по-настоящему порядочный учитель, преданный своей профессии, а это — редкость, значит, и нам, родителям, повезет тоже. Наши требования к ребенку будут поняты, и мы найдем в учителе — воспитателе у детей порядочности — союзника. А если нет?

...Игорь самый слабый в классе, потому что самый маленький. Так получилось. Стоит на уроках физкультуры в самом конце шеренги. Ну и что? Зато арифметика у него лучше всех! Давление в классе сильных над слабыми — норма, но учительница этого не замечает! Ей не до этого.

Игорь читает хуже, чем требуется по стандартам скорости чтения. Дома занимается с папой, а учительница упорно не хочет замечать хотя бы минимальных успехов сына в чтении и поддерживать его. В итоге мы с папой предоставлены сами себе, решая две проблемы: первая — чтение, вторая — защита чести и достоинства сына от кулаков быстро подросших одноклассников. Помните, я рассказывала о снах Игоря? Ничто даром для наших детей, ставших школьниками, не проходит. Впрочем, как и для нас, родителей. Их и нас ждут проблемы едва ли не с первых месяцев школьной жизни... Нам удалось помочь нашему сыну эти проблемы решить.

Конечно, мы решили обе проблемы. Скорость чтения удвоилась, и учительница, наконец, увидела подвижки. Игорь пошел заниматься в секцию самбо, и через месяц того, кто издевался над ним в классе, наш мальчишка особым приемом перебросил через себя и распластал на полу. Правда, он «заслужил» от учительницы «головомойку» и сомнительный эпитет — «бандит». Но, как сказал наш папа, это «...издержки школьной реальности...» Нашим детям их вряд ли удастся избежать. Да и не только нашим...

...За два года учебы, которые завершились похвальными грамотами, Игорь и Алька усвоили уловки «социального эгоизма». Суть заключается в том, что дети научились делать вид, что отзывчивы и активны. Они ловко манипулируют словами и умело избегают всяческих общественных поручений, стараясь при этом учиться и вести себя в классе во время уроков так, чтобы не было замечаний учителя ни в дневнике, ни устных. Это наверняка трудно, но это для них выгоднее, чем природная искренность. Между прочим, и для нас, родителей, это тоже выгодно: меньше разговоров с учителями. Но я совсем не уверена, хороша ли такая «выгода» для самих детей, для их души...

Наткнулась как-то на обрывок письма Олега его другу в Саратове — Мише. *Я воспитывался моим отцом так, что понятие «добросовестная работа» стало для меня драматическим. Если я делал что-то «тяп-ляп», железные пальцы моего отца поворачивали мою голову к факту нерадивости и меня он заставлял все снова переделывать. В 11 лет я ино-*

гда подрабатывал в его мастерских, отложив в сторону костыли, без которых не мог ни ходить, ни стоять. Пристроив мне к стулу почтовые ящики, которые я должен был красить, отец, видя мою явную нерадивость, заставлял меня переделывать работу. В этом он жалости не знал и правильно делал! В 15 лет я помогал ему делать макеты телеграфных линий и аппаратов для лаборатории. Кропотливая работа! Надоедало ее делать, я пытался уклониться от его требовательности. Сначала он мне говорил, что делать плохо — позор. Что люди придут, будут смотреть на сделанное, зная, что отец исполняет эту работу, помянут недобрым словом. Его резоны с меня — как с гуся вода. Слово «репутация» было для меня пустым звуком. Снова и снова он требовал переделывать работу. Причем я действительно мог делать хорошо, и отец это знал! Но делать на совесть — для меня штука слишком хлопотная... Да, я получал весомые подзатыльники, мне «снимали штаны», чтобы «прогуляться» ремнем по моим «холмам». Наконец, вроде бы приучили. Но когда стали подрастать мои дети, я столкнулся с древней истиной: путь к совести растущего человека мужского пола проходит через его «холмы»! Это, может быть, не у всех людей так, но у большинства. Так вот, я теперь, в свои сорок лет, мою посуду — тщательно. Чищу картошку — тщательно. Варю суп — добросовестно. Готовлю лекцию — стараюсь до мелочей все учесть. Пишу статью — стремлюсь очень аккуратно обращаться с фактами. Но что я вижу вокруг? Сплошь и рядом делается «тяп-ляп», на «глазок», без соблюдения порядка и технологии. Поразительно, но факт: при этом даже что-то в конце концов даже получается! А за итоги такой «работы» еще и деньги платят.

И так во всем! Что же мне, как отцу, делать при таком махровом и всеобщем разгильдяйстве вокруг? ...Научил Игоря играть в шашки. Очень скоро заметил, что он не хуже приснопамятного Ноздрева жульничает с фишками. Только моргнешь — он тут же передвинет фишку! Уличишь, и когда, казалось бы, никаких у него надежд оправдаться, слышу: «Это я случайно!» или «Ты просто не заметил. Эта фишка здесь стояла!» И столько в этой его «позиции» страсти, убежденности, что я буквально закипаю от обиды и ярости: шести-, семилетний мальчик старательно делает из своего отца — идиота! Почему? Чтобы победить — любой ценой! Во втором классе он завел ... два дневника и две пары тетрадей, необходимых для письма и математики. В одном дневнике были только «пятерки» и «четверки», в другом всякие «неприятности». Хочешь — верь, хочешь — нет, но я буквально обалдел: как еще совсем маленькому мальчику пришла в голову такая хитроумная идея «двойной бухгалтерии»? То же самое с тетрадями. Тетрадки по письму и математике с хорошими отметками он показывал мне и Тане, с плохими — прятал. Как ему удавалось следить за

«последовательностью» показав нам своих уроков, ума не приложу! Проверять тетради и сверять даты получаемых «хороших» оценок ни я, ни Таня не удосууживались. Просто не подозревали, что наш Игорь с таким жульническим искусством подсовывал нам туфту и получал за свои «пятерки» и «четверки» «заслуженные» награды: поздравления, демонстративное к себе уважение родителей, старшего и младшего братьев.

Откуда это жульничество? С ростом и проведением львиной доли времени в школе два моих пацана приобретают опыт «маневрирования» между моральными требованиями, с которыми я, подобно Дон Кихоту, скачу по этой жизни. Бедная моя Таня. Она молча переживает наши «педагогические страдания», хотя, случайно разоблачив юного конспиратора, смеется заливисто и щедро. Логика действий детей проста: если есть возможность жульничать, то почему бы этим не воспользоваться? Зачем трудиться, стараться, пыжиться, когда есть возможность добиться успеха и желанного вознаграждения — уважения папы и мамы — лукавым путем!

Жульничество младшего сына меня действительно рассмешило, но Олег к этому факту отнесся очень болезненно. Его душе претил постоянный надзор, но иного выхода воспитать в детях порядочность и совестьливость ни я, ни он не видели. Постоянный контроль за жизнью и учебой детей, наверное, во многих семьях — вполне нормальное явление, особенно в младших классах. Но он требует времени, а его-то у нас и не хватало!

Я уже сдала все кандидатские экзамены, успела попасть в клинику на операцию, с очень неприятным диагнозом вернулась домой и, оглушенная болезнью, постепенно возвращалась в обычную колею.

Олег написал книгу, изданную тиражом 75 тысяч экземпляров, которая моментально разошлась по стране, и уже подумывал о ее переиздании. Каждый месяц выходили его авторские теле- и радиопрограммы. Вскоре вышла вторая книга и сразу же была «заложена» третья из серии «Этика — школьникам». Загруженность у нас просто сумасшедшая. А впереди меня ждала защита диссертации, предварительное чтение которой уже показало, что я на верном пути и максимум через год могу смело защищаться. И тут эта «двойная бухгалтерия» Игоря...

...Воспитывая мальчиков от года до пяти, я пребывала в восторге от их талантов, ангельской внешности, фантазий и юмора, а потом Олег упорно, весело внушал им элементарные знания. Примерно лет с пяти-шести я с занудством гувернерши — старой девы — приучала детей к опрятности, порядку и вежливости. В то же время Олег упорно, строго, но, я бы даже сказала, как-то «романтично» вылепливал в их характерах ответственность и самостоятельность. Готовил к выживанию в окружающей среде, учил мыслить и действовать в нестандартных ситуациях. Понимать, «что такое

хорошо, а что такое плохо», разбирая каждый их проступок, наказывая за серьезные провинности, приучая сыновей к самоконтролю.

А дети, как показал наш последующий опыт, когда Алька и Игорь стали школьниками, в то же время — шли... своим путем! Я уже не раз ловила себя на том, что снижаю привычную требовательность к порядку, дисциплине, качеству выполняемых моими школьниками уроков. Олег однажды признался: «Иногда чувствую странную усталость, когда вижу следы явного «тяп-ляпства» у наших школьников. В душе понимаю: надо заставить переделать плохо сделанный урок, но сразу представляю себе слезы, скрытую агрессивность их внутреннего ежа по имени «Не хочу!» и замираю на миг в какой-то трудной внутренней борьбе».

Мой собственный ученический опыт, умноженный на родительский, убеждал в неизменности таких ощущений: в стенах школы преобладает, как правило, черно-белая палитра оценки личности. Школьника с первого же класса приучают отказываться от себя, от природного любопытства, от своего мнения и собственных заблуждений, хотя, как известно, это и есть первые признаки формирующейся личности и самостоятельного мышления.

В классе можно увидеть учащегося с явными признаками дебильности и его сверстника, ум которого самой природой настроен на пытливые познание тайн мироздания. Вижу лица, рассказывающие о тяжелой наследственности, хроническом невежестве родителей, и те, в которых уже следы раннего ума и одухотворенности! Эти лица — перед глазами учителя, которому поручено одинаково старательно внедрять в разум этих учащихся стандартные знания, стандартное поведение, стереотипы. Когда это становится упрямой самоцелью педагога-функционера, ребенок постепенно превращается в «социальное животное» с набором рефлексов для будущей жизни в обществе, а обнаружившиеся таланты могут и не раскрыться в полной мере!

Я поняла и другое: сеять в душах своих детей «доброе и вечное» оказалось делом трудным и даже нудным. Я как мама школьников и мои сыновья, вступившие в мир «системы» с ее порядком и пресными правилами, начинаем сложную «игру в отношения», в которые я пытаюсь вложить привычный для меня нравственный смысл, а сыновья — свое моральное недомыслие и лукавство.

Уже кончилась счастливая безмятежность наших отношений, бывшая в младенчестве и раннем детстве. Прежде чем я пойду на поводу у своей спонтанной нежности к сыновьям-школьникам, я, оказывается, должна убедиться, что они «заслужили» это. То есть они не принесли «двоек», добросовестно сделали порученную им работу, честно оценили свои проступки и рассказали о них без утайки. Они подсознательно могут воспринять мои эмоции как не заслуженное ими поощрение... Мое естественное желание

приголубить моих мальчиков не за «что-то», а «просто так», от душевной моей потребности нередко вытесняется досадой или гневом, тревогой или разочарованием. Причины для этого всегда найдутся, потому что в жизнь детей и родителей пришла школа. Впрочем, что это я? Еще не вечер...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ *Когда в доме совсем тихо...*

В нашем доме совсем тихо бывает редко! Я специально поставила в конце этого предложения восклицательный знак, потому что о тишине мы с Олегом говорим с эмоциями надежд. Шум семьи, пробуждающейся обычно в семь утра, бывает разный. Теперь уже редко вспоминаются годы, ко-гда дети были малышами, а «децибелы» от их плача впивались в наши уши чуть ли не с первых секунд пробуждения. Сейчас наши старшие мальчики уже не ревут. Правда, когда их наказывают или в чем-то отказывают, они это умеют делать. Только мастер громкого «ора», пятилетний Ярик, от своего надежного оружия никогда не отказывается. И все-таки, когда приехал дедушка Боря — отец Олега, шум в нашем доме стал разнообразнее.

Привез дедушка с собой из Краснодара (не поленился!) железки, предназначенные им стать токарным станком! Года два назад дед Боря уже установил в нашей кладовке миниатюрный станочек. Тоже токарный. Правда, Олег был настолько занят, что почти без сожаления подарил его моему бывшему однокласснику Андрею С. Однако новое «средство производства» уже не произнесешь с уменьшительным суффиксом!

Я не знала, как Олег воспринял в душе мечту отца соорудить в нашей минской квартире настоящий токарный станок, но догадалась, что это железное сооружение выступало в роли некой «смычки» между отцом и сыном. Муж у меня — мастер компромиссов и старается на все идеи отца реагировать только в форме комплиментов, пытаясь не перечить причудам старика. Я ждала, когда, собрав «орудие труда», Борис Александрович уедет домой! Тогда-то мне и станет все ясно.

По правде говоря, я надеялась, что и второй станок ждет судьба первого — попасть в подвал моего школьного товарища. «Токарить» он, кажется, умел и в присутствии Олега, думаю, не без тайного умысла, громко заявлял, что очень любит этим делом заниматься!

...С разных заводов Минска каждый день приходят в нашу квартиру несколько представителей «гегемона». У нашего папы там множество друзей, потому что он часто проводит с администрацией предприятий Минска деловые игры. С дедом Борей гости быстро знакомятся, собираются на кухне за чашкой чаю и ведут долгие профессиональные разговоры, предметом которых является, конечно, токарный станок.

Иногда я слышу марсианские термины: «штурцер», «патрон», «ротор». Ничего в них не понимая, я подкладываю гостям пирожки, варенье, режу лимон, подсыпаю

в чай сахар и поглядываю на дедушку Борю с той же мерой уважения, как делала бы это, будь у меня в доме гости с «Красной планеты».

Потом, напившись чаю, поблагодарив меня, гости, многозначительно перемигнувшись с моим свекром, бормотали какие-то фразы, из которых мне, его невестке, становилось ясно, что эти «штуцеры» и «роторы» скоро появятся у нас в доме и вдохнут жизнь в железную конструкцию, которую дедушка Боря сооружал в нашей кладовке.

Деньги в нашей домашней кассе таяли прямо пропорционально количеству визитов «пролетариев» и размеру железок, приносимых ими в карманах или в засаленных кошелках.

Через две недели станок был включен и в нашем доме раздался ровный индустриальный гул. Такой же, как я помнила по школьным годам, был и на подшефном заводе. Однако это было только начало.

К шуму станка прибавился запах. Иногда он был даже приятным, напоминая мне прогулки в хвойном лесу. Оказывается, дед Боря начал учить Олега точить на станке деревянные фигурки из сосновых чурок.

Сразу уточню: до появления у нас в доме станка я знала, что слово «чурка» употребляется при большом желании обидеть и пренебрежительно оценить человека. Но теперь моя эрудиция резко расширилась: «чуркой» мой муж называл круглую деревянную заготовку, вставляемую в станок для обработки резцом.

Успела я глотнуть и запах, возникающий от протачивания на токарном станке железной заготовки. От него у меня першило в горле. Наверное, потому, что в моей крови не было пролетарских генов, а преобладали в основном деревенские, свежий воздух был мне роднее.

Однажды дед Боря, вставив короткий кусок железа внутрь какой-то вращающейся штуковины, кажется, «патрона», приступил к священнодействию. Станок стал равномерно, приглушенно подвывать. Олег попросил детей сесть на пол метрах в трех от кладовки, которая стала теперь у нас токарным цехом. Сам он пристроился сбоку, у двери. Дед с довольным видом смотрел, как из-под резца бежит кудрявая стружка, а «юные зрители», во главе с папой, с вытянувшимися лицами наблюдали за этим «токарным» волшебством.

Сама я возилась на кухне. Зазвонил телефон. Подняла трубку. Но из-за шума станка плохо было слышно, и я плотно закрыла двери.

— Танечка! — узнала я голос тети Гени, нашей соседки. — Танечка, ты меня слышишь?

— Конечно! — Теперь я действительно хорошо все слышала.

— Тогда почему ты мне не открываешь дверь? Я принесла пирожки детям, стою у твоих дверей, звоню, но мне никто не открывает!

— А-а-а! Понимаете, тетя Геня, — решила я высказать свои предпо-

ложения, — у нас в доме отец Олега установил токарный станок, и сейчас дедушка что-то на нем вытачивает!

— Токарный станок? У вас дома?

Я не поняла, с завистью воскликнула тетя Геня название этого сооружения или с недоумением.

Токарный станок она, скорее всего, никогда не видела, потому что ее профессия врача-окулиста наверняка не «пересекалась» с токарным делом. К тому же у нее два сына — электронщики, компьютерщики, как и их папа, который работал в НИИ электронных вычислительных машин. Наверное, мои интонации по поводу маленьких индустриальных радостей, неожиданно появившихся в нашем доме, тетя Геня вряд ли поняла. И тут я слышу:

— Танечка, а на фига козе гармонь?

Задав этот непростой вопрос, тетя Геня, по-видимому, сразу сообразила, что допустила оплошность. Она тут же «перестроилась», лишив меня возможности ответить на ее вопрос.

— Олег у тебя личность незаурядная! Но при таком количестве маленьких детей токарный станок в доме — опасная игрушка! Или как?

Теперь я поняла, что бесконечно добрую и прозорливую тетю Геню я все-таки недооценивала. Может быть, она и не видела ни разу токарный станок, но своим волшебным чутьем поняла, что под одной крышей дети и железное, гудящее, вращающееся «средство производства» несовместимы.

Примерно то же самое сказала моя мама, когда случайно отворила дверь кладовки. Шесть лет назад, когда она была хозяйкой этой квартиры, там у нее хранилось все ненужное в быту. Увидев в полумраке кладовки какой-то железный остов, мама заинтересовалась. В роли «гида» вызвался быть сам дедушка Боря, и, моментально вспомнив, что она все-таки «бабиня», моя мать решительно произнесла: «При маленьких детях, — она сочувственно окинула взглядом семилетнего Алика и всех остальных наших детей, — эта железка опасна!»

При слове «железка» дед Боря поморщился, но, снисходительно посмотрев на «бабиню», сказал тоном, очень знакомым мне, супруге его сына: «Если двери будут заперты, ничего не случится. Я замок уже взрезал. А ко-гда Олег будет на станке работать, рядом детей быть не должно!»

Мать почти задохнулась от прилива праведного гнева, но ей удалось справиться с чувствами. Логике Олега она уже научилась выдерживать, это и помогло ей молча удалиться после реплики его отца. Теперь слова нашей соседки про «козу» и «гармонь» я оценила по достоинству, почуяв в них тревогу женщины.

— Тетя Геня, я сейчас к вам спущусь...

Говорила я почти извиняющимся тоном, потому что быть невежливой не хотелось. А ведь получалось именно так! Не смогла же я услышать из-за

индустриальных помех дверной звонок, и соседка с пирожками для наших ребят так и ушла домой! В трубке что-то зашелестело, но через секунду тетя Геня поспешно сказала:

— Матвей хочет посмотреть, как там у вас станок работает. Мы сейчас к вам поднимемся. — Она хохотнула и добавила: — Он давно уже слышит какой-то гул, но все терялся в догадках! Ладно, идем! Только открой нам, пожалуйста, заранее, чтобы снова не топтаться у входа в ваш «цех».

Через пару минут тетя Геня с мужем Матвеем стояли на пороге. Сунув по пирожку детям, глядевшим, как под гипнозом, на гудящий станок и сосредоточенного деда Борю, я увела соседку на кухню и сразу же закрыла дверь, чтобы шум не мешал нам разговаривать.

Супруг тети Гени, Матвей, быстро познакомился с дедом Борей и, приставив к уху ладошку, с интересом слушал его объяснения. Олег с растерянно-философским видом кивал в такт речи отца. Я мельком увидела это, когда, выскочив из кухни, решила проверить, не слишком ли близко к рычащему «средству производства» устроились дети. Мельком заметила: станок неумоимо ревел, а стружки завивались в блестящие кольца.

Вдруг его звуки стали ослабевать, куда-то удаляясь. Медленно в дом возвращалась тишина, избавляясь от длинных, как стон, звуков мотора, замедляющего обороты. По инерции я продолжала разговаривать с тетей Геней так же громко, как и минуту назад, когда промышленные вибрации сотрясали стены кухни. Причем я слышала, что на таком же пределе разговаривали не только мужчины, но и дети, хотя мотор, напоследок пискнув, окончательно замер. Ага! Орем потому, что адаптация к тишине еще не наступила! Эта гипотеза пришла мне в голову, когда мудрая тетя Геня с удивлением спросила:

— А чего это мы орем? Станок же выключен! Матвей! — крикнула она из кухни, распахнув дверь и медленно двигаясь к «цеху». — Хватит кричать, связки сорвешь! Она кивнула деду Боре, с которым не успела познакомиться, потому что тот работал на станке, а я потащила гостью на кухню.

«Это мой папа!» — вежливо сказал Олег, и тетя Геня церемонно поздоровалась. Она явно хотела сказать деду Боре что-то «народное», но передумала, продолжая так же неспешно нести свое громадное тело и гордо посаженную, почти седую, кудрявую голову к выходу...

...Как и должно было случиться, настал день, когда отец Олега уехал домой в Краснодар. Кладовка была надежно заперта, и вскоре я поняла, что привычки и увлечения сына могут резко меняться в зависимости от присутствия или отсутствия отца в его доме. Мой муж снова погрузился по уши в свои многочисленные заботы и «токарный цех» почти не открывал.

Но однажды Олег, запершись изнутри, долго там работал. Не знаю, как они там сосуществовали — ревущее «умное железо» и мой сосредоточенный

и тоже очень умный муж. Проснувшись утром 29 июня 1979 года, то есть в день своего тридцатилетия, я увидела на моем рабочем столе выточенный из дерева, покрытый лаком очень симпатичный... письменный прибор!

Высокий лакированный деревянный стакан для хранения карандашей и ручек, укрепленный на деревянной плоскости, когда-то был стволом елки, выброшенной на мусорку. Нутро ствола было тщательно высверлено, и туда было уложено несколько карандашей и ручек. Рядом стоял стаканчик наполовину короче. В его отверстие был вставлен деревянный старичок в шляпе, а по бокам пенька, на котором старичок сидел, я увидела дырки, в которые были вставлены два карандаша. Выглядело забавно: старичок — рыбак, а карандаши — удочки. Автор изделия объяснил мне: «Когда кончишь писать, вставь сюда ручку или карандаш. Удобно, и картинка получается: старик рыбачит».

Старичок выглядел очень натурально. Был он с пенопластовой бородкой, с такими же лохматыми бровями и с сигареткой в зубах. Его можно было поворачивать, куда хочешь. Повернув старичка влево или вправо, чуть задрав ему голову или, наоборот, опустив ниже, можно было «создать» настроение.

Зачем скрывать? Конечно, я была в восторге! За такой подарок я простила мужу шум «цеховых будней»!

Потом были попытки Олега точить шахматные фигурки, но главная забота отца семейства — зарабатывать на жизнь — брала свое, и станок очень скоро надолго умолк. «Цех» был надежно заперт, чтобы дети не соблазнились и не повредили себе чего-нибудь. Из квартиры исчез «индустриальный шум», а остался только привычный бытовой. К нему я отношу громкие объяснения Алика с Игорем в минуты «конфликта интересов». Это не мой термин. Это Олег научно обозначил ссоры между братьями, когда телевизор «дымился», не в силах удовлетворить одновременно разные вкусы братьев.

Ярик тоже вносил свою «лепту» в бытовой шум, когда у него старшие отбирали игрушку или случайно, в игре, больно задевали. Голос разобиженного малыша очень напоминал мне звуки точила, когда на нем «правят» резец для станка. Такие смелые сравнения я могу делать, невольно поднаторев в технических шумах моего «домашнего токарного цеха».

Кстати, сама я шумела редко. У меня не такое горло, как у Ярика, но и я могла сорваться. Тогда в доме умолкали все! Дети, потому что понимали: мама сейчас опасна. Если верить мужу, то он замолкал от... удовольствия, чтобы «вслушаться» в тон моего голоса. Он клялся, что мою искренность бытового отчаяния «очень любил», потому что случалось это крайне редко и, оказывается, звучало «очень красочно» и «по-настоящему драматично»!

Конечно, и наш папа не на шутку мог «разойтись» часто по тем же причинам, что и я. («О-о-о! Это разве де-е-ети? Это ж не де-е-е-ти, а!.. Это же...») В такие минуты я все бросала, стараясь занять удобную позицию

для созерцания лица разгневанного супруга. Признаюсь, мне это удавалось с трудом, потому что накал гнева нашего папы был просто испепеляющим, а жар его «бытовой ярости» мог привести к серьезным ожогам всех, кто попадал ему под руку.

Бывает у нас дома шум и «гостевой». Это особая гамма звуков и совсем другие «децибелы». Если приходят приятели детей, то голоса сливаются в один сплошной гам! Но вот собираются у нас взрослые гости. Если приходит наш приятель Володя Б., то почти всегда с гитарой. Значит, будем петь... Тогда в размеренный шумок интеллигентных разговоров врываются разухабистые тона песен «под Высоцкого», которые Володя мастерски исполнял. Заслышав в гостиной звуки гитары, прибегают наши дети, и Володя поет им свои песенки, которые сам сочиняет пачками. Приятный баритон певца, к которому иногда присоединяются «дишкантики» наших детей, вытесняет шелест умных разговоров гостей, не наделенных вокальными талантами.

Мы не монахи, бывает, выпиваем. Тогда в шум застолья врываются и звуки гитарных струн, и голоса поющих, и звон рюмок, и громкие споры не терпящих возражений гостей, и гвалт детей, почуявших сладкие мгновения стихии свободы. В такие минуты узнать, кто о чем говорит, можно, только приложив к уху ладонь «раковиной».

Шум и тишина в нашем доме — понятия вовсе не взаимоисключающие. Нет! Это — союзники. Чем дольше шум или если он полон резких, неприятных для уха звуков и децибел, тем сказочнее минуты будущей тишины в доме...

Когда Олег уезжал в Краснодар, забирая с собой детей, а я оставалась в доме одна, первые два дня я наслаждалась тишиной и писала диссертацию, как фанатичка. Потом тишина в доме начинала на меня «давить». Тогда я включала телевизор на «полную катушку» или магнитофон, но тут же выключала, потому что очень скоро эта моя «шумовая декорация» казалась глупостью. Мне не хватало родных голосов! Я скучала по звукам, которые стали уже частью интерьера нашей квартиры.

Однажды я даже отперла кладовку, где дремал в забвении токарный станок дедушки Бори и стала соображать, как его включить. То ли к счастью, а может быть, и совсем наоборот, мне это не удалось. Помню только сожаление, с которым я закрыла дверь «цеха».

Два месяца тишина в доме была придиричивым и очень несговорчивым контролером. Он раздраженно напоминал мне, особенно по вечерам, когда в доме совсем тихо, что папа, увезя детей в Краснодар, создал все условия для работы над моей диссертацией и над рукописью его книги, которую я редактировала! Эта требовательная тишина была наполнена обязательствами, которые я щедро приняла на себя накануне его отъезда с мальчиками на Кубань...

Наконец я привыкала к тишине, будто приобретала сговорчивую кроткую подругу. Теперь она не укоряла меня за то, что я занималась не всегда тем, чем должна была заполнять время домашнего, почти библиотечного покоя. Я писала свои легкомысленные рассказы, рисовала детям веселые картинки и отправляла их в Краснодар. Писала длинные любовные письма и сразу бежала к почтовому ящику, чтобы отправить их мужу.

Иногда, устроившись с бутылкой кефира и куском батона на нашем диване, я читала его письма, полученные день или неделю назад. Нередко почта приносила мне толстые пакеты из Краснодара от детей с их рисунками, письма от бабушки Зины или от деда Бори о внуках с описанием их отдыха. Наслаждаясь тишиной в доме, я нетерпеливо «проглатывала» десятки страниц, уложенных в конверты, которые приходили ко мне почти каждую неделю. Письма мужа, переполненные нежностью, как ароматная южная груша, напоминали главы нескончаемого романа.

Но все-таки я спохватывалась и садилась к рабочему столу. Наверное, для «очистки совести» я даже вслух перечисляла, что успела сделать за день, как бы отчитываясь тишине, уже доброжелательно поощрявшей мое желание сделать побольше и побыстрее. Так незаметно ускользал день, и к полуночи, погружаясь в сон, я уже полностью растворялась в тишине.

Иногда в мою ночную тишину громкими телефонными звонками врвался муж. Тоже тоскуя, он хотел услышать мой голос. Его баритон просачивался сквозь треск и шум засоренных телефонных каналов и казался мне чужим. Все, что он хотел мне сказать и, наверное, говорил, мгновенно смешивалось с громким моим сердцебиением, гулом, отдававшимся в моей сонной голове.

Я понимала, что муж хочет пообщаться со мной по «льготному тарифу», а этот «приз» для его бюджета становится доступным лишь в ночные часы, когда я уже... слилась с тишиной.

Встретившись дома после его поездки в Краснодар, а моей — в Абхазию, если такое путешествие у меня и моих мальчиков случилось, мы, уже вместе, пользуемся сладкой тишиной уединения, забывая обо всем на свете! В эти «наши минуты» тишина приносит на своих невидимых волнах ровное дыхание детей, шелест ветра, иногда голоса прохожих во дворе, призывное и страстное мяуканье нашего сиамского кота Гвоздика, жаждущего оставить после себя потомство.

...Иногда мы устраиваемся за своими рабочими столами. У каждого горит своя настольная лампа. Это — волшебные часы! Тишина сторожит наши тайные размышления! Для разума — это восторг эгоизма! Каждый из нас настолько погружен в свои мысли, что никому — не до кого!

Часы такого счастья — награда за то, что неотложные семейные хлопоты нашими стараниями уже завершены, как и нудные обязательства,

которые неустанно прорастают из моих служебных дел.

Олег — по уши в своих бумагах. У меня появляется возможность показать самой себе прилежание, и я распахиваю папку с диссертацией...

К полуночи, даже позже, я стелю постель, облачаюсь в длинную «ночнушку», прыгаю под одеяло, но не ложусь, а сажусь. Беру со стула, стоящего рядом с диваном, свою заветную толстую тетрадь и с вожделием распахиваю обложку.

Теперь, когда рутина дня ушла прочь, а моей стонущей совести продемонстрировано прилежание над диссертацией, я устилаю страницы этой тетради лепестками идей и веселых откровений. Заветные мои выдумки и даже целые строчки, спрятавшись в уголках памяти, терпеливо ждали встречи в чуткой тишине с этой тетрадью. Теперь они укладываются в длинные плотные строчки.

Однажды подумалось — персы, наверное, тоже сочиняли свои «диваны», сидя в тишине на мягком диване...

Если я не готова сочинить что-то новое, я читаю уже написанное мной вчера или третьего дня. Правда, это опасный миг — я сразу начинаю хихикать! Читать саму себя иногда очень даже интересно! Но и для этого нужны условия. Когда муж работает, мешать ему не стоит. Однако, заслышав мои «похохатывания», он бежит ко мне на диван. Устроившись на подушках, мы начинаем читать, перескакивая с абзацев, смешивая свои интонации, и у нас получается коктейль эмоций. Позже, в неподвижном полумраке ночи, у самой кромки сна, когда он уже приближается к нам мягкой поступью, мы, выключив свет и улегшись друг против друга, дразним тишину своим шепотом.

Именно в эти минуты я и услышала от мужа неожиданные истории о его родне. О событиях детства, в котором когда-то жили люди, уже давно Олега не видевшие, даже умершие, но которых он, их далекий потомок, не забыл.

Впечатления отрочества и юности Олега — тоже гости ушедших лет. Обдуваемые нашим шепотом, они цепляются за кособоры моей памяти и вскоре мелькают уже перед моим взором.

Я слушаю его вздох. В доме совсем тихо, и только приглушенный голос мужа опирается на упругую тишину. Она подобна волнам, на которых покачиваются баржи, груженные его ночными откровениями. Незаметно мой усталый рассказчик оседает к подушке и засыпает. До сна я успеваю все услышанное уложить в русла моих еще бодрствующих извилин.

Назавтра, в такое же время, когда в доме совсем тихо, но мы еще не спим и даже еще не в постели, я, чтобы не отвлечь мужа — пусть он занимается своими делами — быстро записываю в тетрадь все, что услышала вчера ночью.

...Ближе к ночи я снова на диване. Теперь я пишу свое, но у меня сейчас совсем не такое настроение, какое было у мужа в минуты его вчерашних полночных раздумий. Я пишу совсем о другом. Теперь на страницы моей тетради укладывается все то, что ежедневно носится вокруг меня или приходит ко мне, когда кругом — гвалт, «дым коромыслом». Это забредшие на «огонек» друзья пытаются перещеголять друг друга, громко провозглашая какие-то важные для них истины, старательно делая вид, что «схлестнулись» друг с другом «идейно».

В такие минуты я получаю как бы «вожжой под хвост»! Меня охватывает дрожь от страха потерять мысли, образы, оставляющие быстрый след в памяти. Я сажусь в уголок комнаты, незаметно беру заветную тетрадь, ручку и быстренько черкаю в ней каракулями, понятными только мне.

Но вот друзья расходятся... Снова наступают минуты, когда в доме совсем тихо, и, едва устроившись на диване, разобравшись в своей писанине, я уже неспешно и старательно укладываю в тетради строчки — равномерно, аккуратно, надежно, как поленья к зиме. Если сморит меня сон и я не успеваю сделать это, назавтра, когда дома уже тихо, но еще не мое время, я сажусь за диссертацию.

Каюсь! Часто бывает, что сажусь я «как бы» за нее. Ручка в пальцах, как лошадь в узде, бежит по страницам не оконченного вчера рассказа, а вовсе не умножает строчки диссертации. Пишу и осуждаю себя ужасно! Клянусь, но сама у себя клянчу еще минутку или лучше часик, чтобы успокоиться, наконец, в финале последнего абзаца рассказа и поставить завершающую точку.

Зачем я это делаю? Не знаю... Но лучше об этом себя не спрашивать. Толку не будет ни от вопроса, ни от сочиненного мною ответа. Но в этом моем увлечении что-то есть! Может быть, я так спасаюсь от тревог? От своих и мужниных? Тревоги-то есть... Они прячутся в тишине, в шелесте полуночного нашего шепота. Но главное в том, что эти тревоги иногда бесследно растворяются в моем веселом желании из всего услышанного и увиденного мною за день «выделять кренделя».

Так высказался Олег со смехом, узнав однажды из прочитанного моего рассказа день, который провел явно «не в духе». Однако в моем рассказе Олег увидел вовсе не похожие на правду подробности, а лишь веселый вымысел, подсказанный нашей с ним жизнью. Читает муж, смеется, приговаривая: «Кренделя да и только!»

А было так. Два дня осталось до моего отчета на кафедре по диссертации, а я, забыв обо всем, как легкомысленная стрекоза, порхаю над страницами своей заветной тетради.

Знаю же, что время уходит! В конце концов, неприлично ходить по квартире в длинной до пят «ночнушке», кое-как собирая детей, быстренько выпроваживая кого в садик, кого в школу. Негоже, не умывшись и не по-

завтракав, бегать время от времени к раскрытой тетради с неоконченным рассказом, чтобы сейчас, сию минуту что-то там черкнуть, дописать! Но не могу! Магнитом тянет!

Муж рассердился не на шутку...

Я каялась и была кротка аки агнец! Но рассерженный муж ушел, почти хлопнув дверью. Но это было только «почти»! Ведущий «Акцентов» старался собой владеть, иногда даже дома.

Поделом мне! Сижу, понимаешь, за столом, диссертация куда-то заброшена, а через два дня — Ученый совет... Сама еще не умытая, в ночной рубашке. На часах — почти полдень, дети в саду и в школе, к маме не пристаю, а в доме уже — рабочая тишина... И что же? Перед глазами лежит «та самая» тетрадка, а между пальцами, как взбесившаяся кобыла, бежит остроносая ручка, которая выводит на расчерченных в клеточку страницах легкомысленные «кренделя».

Каюсь, в тот день необходимость потрудится сначала на будущее свое и своей семьи мной не была осознана! Поэтому свобода делать, что я хочу, оказалась призрачной! А раз так, то муж мой, прихватив свой гнев в охапку, ушел на работу «не жрамши». Причем для воспитательного «эффекта» сделал он это намеренно!

А я? Что я! Моя рука теперь металась слева направо, двигаясь вниз, к основанию листа, быстро удаляясь от одинокого заголовка...

ПО СЛЕДАМ СИНЕГО ПОПУГАЯ

Утром Испепеляев поссорился с женой. Он ушел из дому не позавтракав. Жена металась от Пепеляева на кухню и обратно, пытаясь во-преки законам диалектики примирить непримиримые противоречия: справедливый гнев мужа и ее беспомощность его погасить. Этот хаос, постоянно происходивший в сознании жены, Испепеляев вдруг отчетливо и почти научно обозначил:

— Ну что ты мечешься, как сопля в магнитном поле?

Это сказал не инженер, а гуманитарий Испепеляев, и ему даже самому понравилось это выражение. У жены, конечно, покраснели уши, а на глазах выступила соленая влага, однако, давясь слезами и оскорбленной гордостью, жена удалилась в ванную якобы переодеваться.

Испепеляев остался перед белой тарелочкой и блестящей вилкой. То, что на тарелочке в это утро ничего не появится, он знал по опыту. Так сказать, из практики. Он мог бы и сам открыть алую гусятницу, и ему даже захотелось это сделать, но он тут же увидел свою гордость оскорбленной. «Уйду голодный, — решил он, — а она пусть мучается!» И крадучись пошел в коридор за туфлями, потому что дома ходил в тапочках. Тут жена выскочила из ванной вся отчаянная и несчастная.

— А почему ты не завтракаешь? — трагическим голосом спросила она в спину ускользающего за дверь Испепеляева...

«Знаю, знаю почему...», — шептала она, глядя из окна кухни в зеленый дворик, на дорожку, по которой неминуемо должен был пройти со своим «дипломатом» голодный Испепеляев. «Ну и пусть! Ну и голодай... Боже мой, как я одинока!» — как заклинание повторяла жена Испепеляева и побежала к зеркалу посмотреть, как она одинока.

Из зеркала на нее действительно глянуло распухшее разобиженное лицо, еще явно не старое, а в зареванном виде даже очень юное. Жена где-то слышала, что глупое выражение всегда придает человеку молодость. Убедившись, что эта мысль оказалась до странности верной, особенно ее вторая часть, жена Испепеляева незаметно отвлеклась от причин своих слез, отвернувшись от разобиженного лица в зеркале, и мысли ее неожиданно приобрели иное, даже приятное направление.

«Если бы он меня не любил, он бы позавтракал. А он любит — и ушел голодный!» — сказала она себе. Эта мысль ей понравилась! Она казалась изящной и, главное, выглядела убедительно перед взором жены Испепеляева.

Так было не раз. Если Испепеляев все же завтракал и в порыве отчуждения мыл за собой посуду, чтобы подчеркнуть, что он — одинок и неухожен, то жена впоследствии думала: «Вот если бы он не любил меня, то он бы не вымыл посуду. А он — вымыл! Он все равно думает обо мне, даже когда сердится». Она тут же прощала его за то, что Испепеляев в любом душевном состоянии и в любую минуту, сам того не подозревая, делает все так, а не иначе, из любви к ней — жене!

А в эту минуту сам Испепеляев вышагивал по улице, неся перед собой, как древко знамени, портативный французский зонт в сложенном виде. Сила, с которой он нажимал на ручку зонта, выражала меру его возмущения. Отпущенная с давних времен аксакальская борода скрывала волевые складки губ, по которым змеилась гневная улыбка. Глядя холодными глазами на встречных женщин, неповинных в его семейной жизни, Испепеляев, сам того не подозревая, ввергал их в смущение, хотя его мысли целиком были обращены в собственную душу.

Там, в душе, царил спартанское, бронебойное спокойствие. То, в котором он себя всегда убеждал: «Я спокоен, спокоен, спокоен», — привычно делая на три шага — вдох и на два — выдох.

— Я сам женился на этой женщине. Никто меня не толкал. Мне даже очень мешали это сделать! Значит, это не совсем несчастный случай. Я остался жив. Дышу. Работаю. У меня даже дети. Я женился по любви и теперь должен учесть: или я буду тверд — и она со временем исправится, или...

Тут Испепеляев обнаружил, что уже стоит на остановке автобуса. До работы ехать далеко, и сейчас, воткнувшись в автобусе между двумя высо-

кими спинами, он предался прежним размышлениям. «Конечно, я старше и должен быть терпеливым. Да, это нелегко, и я одинок в своих стараниях». Он пробил талончик. «Н-нда-а-а!» — протянул Испепеляев неожиданно для себя и тех двух спин, между которыми продолжал стоять. Глянув в окно автобуса на поголубевшее небо, Испепеляев заметил, что дождик так и не случился. Он хмыкнул: «А зря я захватил с собой зонтик! Зря-а-а-а...» Спины, между которыми он стоял, одна за другой сошли на своих остановках. Остальные на Испепеляева внимания обращать не стали.

Прислушавшись к собственному внутреннему голосу, Испепеляев заметил в нем какие-то странные перемены. Он стал чище, протяжнее, а выпolzавшие из каких-то его глубин эмоции с репликами хватились за звуки, как за канат, и весело выскакивали наружу, застревая на лице, губах и щеках. «А все-таки я одино-о-о-ок, как коза среди бегем-о-о-тов!» Испепеляев осторожно оглянулся вокруг: он почувствовал, что это сравнение его рассмешило. Правда, для настоящего смеха его голос еще не созрел. Тогда Испепеляев просто ограничился тем, что опять же внутренним голосом откровенно себя похвалил за выразительность мышления.

Кажется, он окончательно пришел в хорошее настроение и, чтобы уже не огорчаться по поводу пропущенного завтрака, о котором, мрачно бурча, напоминал ему желудок, решил: «И обедать не буду! Устрою-ка я себе разгрузочный день!»

Идея ему сразу понравилась. Однако его разум, привыкший к научному детерминизму, тут же стал искать мотивы такого решения.

Завтрак-то он пропустил совсем по другим причинам! Какая же будет с этим фактом внутренняя связь, если пропустить и обед? Главное в действиях человека — мотивы и принципы. А принципиальность, даже в абсурде и особенно в абсурде, Испепеляев ценил высоко.

Нет, он не был догматиком, а в огромной степени диалектиком. К демагогам относился осторожно, признавая в них способность делать из диалектики... козла (пожалуй...козу?) отпущения. Это сравнение ему тоже понравилось. Однако тратить время на осмысление связи парнокопытного существа с диалектикой не стал.

Свойство характера Испепеляева — всегда быть диалектиком — даже моясь в ванне и выпекая блины, нередко приводило его жену в отчаяние! Но особенно это обескураживало консервативную в философском смысле тещу. Несмотря на высшее образование и принадлежность к самой прогрессивной в мире партии, она существовала все еще во временных пластах средневековья. Там, как известно, превыше всего ценилась родословная и состояние чистоты перед кем-то Неведомым и Всевидящим. В минуты гнева она страстно призывала костры инквизиции, алкала крови, немедленного распятия и пр. При этом была искренна и всегда хотела, чтобы Испепеляев

это видел.

Однако теща не успевала за резвым шагом испепеляевской диалектики. Вот сейчас, при ней, он клянет и материт товарища, захаживающего в его, испепеляевский, дом. Теща, подумав, тоже находит в данном божьем создании некоторые недостатки. Вместе они делятся мыслями о несовершенстве природы и невезении на друзей. Жена Испепеляева только за голову хватается, ловя их фразы, бьющие по телу отсутствующего и обжигающие его образ гневным жаром.

Но вот назавтра Испепеляев негодника... прощает! Он уже находит в нем приятные своей душе качества. Негибкая теща, проявившая вчера солидарность с диалектиком, а сегодня застрявшая из-за своего консерватизма в заблуждении, получает нахлобучку за неверие в человека! Жена, приглашенная обеими сторонами в свидетели, обвиняется Испепеляевым в несносном характере и в отсутствии славянской доброты. Она смиренно соглашается, что душа ее темнее погреба, убеждает всех, что лучше нет на свете человека, в которого поверил Испепеляев и с коим успешно восстанавливает мир.

«Любите людей!» — требует Испепеляев, расхаживая по квартире. Это продолжается до того момента, пока кто-нибудь в очередной раз не сделает ему предательский сюрприз.

Тут уж Испепеляев ведет себя двояко. Либо он испепеляет, либо нет. Во втором случае он проявляет такое добродушие, что всем становится холодно. Он смотрит сверху или сквозь пальцы. Глядит так, будто бессмертен. «А! Это вы? Фу, не на что плюнуть!»

Обычно так бывает, когда Испепеляев ссорится с начальством, представляя их физиономии как мячи у своих ног. В этом случае он складывает руки на груди, как это делал покойный Жорж Плеханов, и повторяет то, что иногда говорят французы: «Ну что ж, не все безумцы в сумасшедшем доме!» Но чаще он произносит собственную фразу: «Ну что поделаешь? Детей-то кормить надо!» И уходит, так и не коснувшись носками туфель мячей-физиономий.

Мысль о детях делает Испепеляева материалистом. Она ставит его на ноги из любого положения, в каком бы он ни находился. С мыслью о детях он даже дважды решился на женитьбу! От двух браков он собрал урожай из четырех детей. Они требуют своего, и папа Испепеляев вкладывает в них всю душу. Он делает это потому, что уверен: женщина в принципе не способна воспитать ребенка! Сделать это может только мужчина. Особенно если дети — мальчики...

Увешанный детьми своими, детьми — друзьями своих детей и детьми своих друзей, Испепеляев вручную вращает мельницу, перед которой присела бы даже лошадь Дон Кихота. Дети, жены, друзья, сослуживцы — все

нашли в Испепеляеве исповедника, все посвящают его в свои внутренние дела и ругают, когда его советы не помогают. Все хором клянут и хвалят Испепеляева, который уже сам чувствует, что вышел из берегов индивидуального духа и начал превращаться в публично созерцаемое явление природы вроде Ниагарского водопада.

Жены Испепеляева — и та, что в прошлом, и та, что в настоящем, облегченно вздохнули, когда он взял на закорки дело воспитания совместно нажитых детей.

Друзья по работе нашли в нем Януса, единого в двух лицах. Они убеждались, что спорить с ним можно было утром и днем. Можно вечером звонить и спор продолжить. Поздно ночью им разрешалось стучаться в дверь его квартиры, чтобы, напившись холодного чая с горчичным сухариком, после охрипших аргументов сонного Испепеляева с чистой совестью признаться себе, что он их убедил... еще утром! Да, да! Уже тогда Испепеляев все-таки был прав!

Друзья постоянно и периодически разводятся с мужьями и женами. Они посещают дом Испепеляева временами врозь, временами вместе. Он их выслушивает и всем терпеливо объясняет, как сказал поэт, «что такое хорошо, а что такое плохо!» Не одну семью разбил Испепеляев и не одну семью «склеил». Как «за», так и «против» семейной жизни у него есть масса аргументов...

Испепеляев на досуге пишет книги, приносящие ему славу, а его семье деньги в нетвердой валюте. И в деле написания книг Испепеляев ухитряется закрутить такую «мясорубку», что убеждает окружающих, будто одна из его книг написана в соавторстве с инженером, пившим у него дома чай! В этом убеждается, наконец, и сам инженер, когда получает половину гонора!

Приехал Испепеляев-папа и сделал в его квартире из маленькой кладовки на пятом этаже в центре города токарный цех. Даже дети Испепеляева до седых волос будут помнить об этом счастливом мгновении! Две недели Испепеляев-папа, дедушка его детей, собирал из ненужных в хозяйстве гуманитария вещей универсальный станочек для токаря-универсала. И собрал! Правда, Испепеляев на станочке работать не умеет. Но научится! Он способный...

Две недели станочек испытывали. Он надежный. Все пробки в доме вылетели, и лампочками набиваются помойные ведра. Соседи прикладывают ухо, кто к потолку, а кто к полу, в поисках источника ровного гула. Станочек работает, и жизнь идет под его мерное гудение! Ты как бы плывешь на океанском пароходе, у которого внизу — машинное отделение. И так днем и ночью...

Но совсем не из-за этого Испепеляев поссорился с женой. И не из-за денег. И не из-за друзей, и не из-за их жен, которые горазды стучать и звонить

в дверь испепеляевской квартиры все 24 часа в сутки. Нет!

Поссорился Испепеляев из-за того, что поздно ночью жена надевает ночную сорочку и бухается спать, сверкнув острыми пятками. И это Испепеляева возмущает.

«Вот, наконец, наступила ночь, — рассуждает он, прислушиваясь к легкому храпу жены. — Дети спят и не мешают. Дедушка Испепеляев выключил станок. И это, следовательно, не может мешать. Друзья, которые не ночуют у нас в доме, тоже спят и не мешают. Которые ночуют в нашем доме, наконец-то уснули. Я — Испепеляев, проявляя мужскую сознательность, совершенно ничего не требую как природный мужчина, а она? Спит вместо того, чтобы...»

Тут Испепеляев внимательно взглянул на жену. Да, точно! Она все-таки спала. Причем спиной к нему, к мужу. «Спит! Вместо того чтобы встать и писать диссертацию, — закончил он мысленную тираду. — Утром скажу ей об этом. Хватит! Она должна подумать о нашем будущем! Все-таки доцентом она получала бы на 200 рублей больше, бессовестная!»

Вот почему утром Испепеляев ушел из дому не позавтракав!..

...Возвратившись с работы, уже остыв от утреннего гнева, ему говорить и мириться было некогда. Гудел станок. Ходили друзья. Орала дети. Звонил телефон. И он, и жена крутились с ужином, толкаясь на кухне. Затем Испепеляев в знак примирения начал мыть посуду, отпустив ошалевшего от счастья сына, который по графику дежурств по кухне должен был исполнять эту трудовую повинность.

Из кухни жена не уходила, чтобы долго и нежно смотреть на испепеляевское лицо, сосредоточенно мелькавшее над раковиной. Она подумала, что завтра, едва начнет убирать квартиру от недельных залежей, обязательно отыщет эту неоконченную диссертацию и допишет последние сорок страниц. «Раз ему так нравится, напишу!» — думала она, глотая чай с сахаром и со слезами радости. Снова добавляла сахар, потому что слезы, даже радостные, все равно соленые. «Напишу! И тогда заставлю его бросить работу. Уедем куда-нибудь, где нас никто не знает, и...»

Но тут она поняла, что это бесполезно: вечером не знают, а через день опять будет полон дом!

— Давай помогу, — говорит жена, отбирая у Испепеляева последнюю немытую ложку. — Спасибо, что ты меня отругал! А то и вправду я совсем опустилась... Завтра же пойду в библиотеку.

— И ты меня извини, — телевизионным баритоном говорит Испепеляев и, чмокнув жену в сырую от недавней слезы щеку, уходит в туалет просмотреть газеты. В туалете — светло и чисто. Звонкие голоса детей, не поделивших игрушку, сюда не доносятся. Хорошее время! Гости еще не созрели для визитов. Они только еще думают, не посетить ли им приветливый

дом Испепеляева. Папа Испепеляев, при свете недавно вкрученной лампочки, напряженно размышляет о конфигурации какого-то штуцера, которого нет еще в токарном станке. Жена, стоя посреди гостиной, разглядывает углы и спрашивает себя, куда же она спрятала от самой себя диссертацию?

Не замечая тесноты туалета, Испепеляев наслаждался тишиной. Вытащил из капроновой сетки положенную женой рукой свежую газету... После внутренней и международной информации Испепеляев решил, что пора выходить, поскольку уже произошло избавление от насыщения. Неожиданно он наткнулся на объявление: **«Кто нашел синего маленького попугая, просим вернуть за вознаграждение»**. Испепеляев увидел рядом второе объявление: **«Пропали две лошади черной масти и рыжей. Кто знает что-нибудь о них, просим сообщить»**.

Весело хмыкнув, Испепеляев, затягивая ремень на брюках, подумал, что будет, если завтра друзья откроют свежие газеты и прочтут: **«Разыскивается Испепеляев. Масти рыжей. С ним маленькая синяя жена. Просим вернуть за вознаграждение. Звонить по телефону 33-03-63 в любое время»**.

* * *

...Иногда Олег устраивал «громкие читки» своих рассказов нашим гостям. По-моему, в нем погибал артист, потому что хохот стоял такой, что однажды наша соседка тетя Геня, не в силах сдержаться любопытства, поднялась к нам, чтобы узнать что же случилось. Узнав причину веселья и притоптывания ногами очень развеселившихся гостей, присела и тоже стала слушать. Уже через несколько минут и ее звонкий смех влился в дружный хохот наших гостей.

Где-то я читала, что Зощенко ничего не придумывал. Он якобы просто умел внимательно слушать и смотреть вокруг себя. Не знаю, удавалось ли мне оглядывать окружающих так же внимательно, но, когда прототипы себя узнавали, я и радовалась, и тревожилась.

Когда моя близкая подруга прочитала рассказ, «навешанный» ее нелепыми приключениями, в которые она втянула и любовника, и бывшего своего одноклассника, у нас возникла легкая размолвка. А по-моему, все, что я описала в своем рассказе, выглядит забавно.

Обычно, завершив свой очередной опус, я, честно говоря, делать выводы просто не успеваю. Времени нет! Почти сразу же появляется новый сюжет. Он без приглашения приходит ко мне домой или сам бросается мне в глаза. И тогда...

Кстати, та разобидевшаяся «прототипша»... уже через неделю похитила мой рассказ, и скоро я узнала, что среди наших приятелей и даже за их пределами «...по рукам ходит какая-то хохма о том, как одна баба, задумав развестись...». Впрочем, дам-ка я и вам этот рассказик почитать.

ДЕЛО О ВЗАИМНОСТИ

Одна поэтесса разводилась с мужем и очень нервничала. Правда, она и раньше показывала мужчинам на дверь, но обычно не проживала на их жилплощади и не носила их фамилий. Просто своим мягким голосом она просила их забыть ее адрес и телефон, потому что счастье было лишь возможно... Да, да! Пришел конец чувствам. Ужасными оказались у поэтессы и пробуждения, и разочарования.

Теперь же ситуация иная. Нельзя без согласия официальных инстанций сказать мужчине, который стал чужим, чтобы не приходил, не мелькал в неглиже, не топтал новый ковер в спальне его собственной квартиры...

В этот момент жизни поэтессы о себе не думала! Ее заботило самое дорогое, что в результате развода и наглого характера ее официального супруга она могла потерять. Она думала об имуществе...

Смешно сказать — имущество! Восемьдесят голых квадратных метров жилого фонда, сплошь увешанных произведениями искусства из листового железа. Можно, конечно, было пожертвовать все это в дар какому-нибудь нарождавшемуся сельскому музею. Или передать... в кинотеатр! Пусть между сеансами люди любуются реликвиями недолгой семейной жизни чеканщика и поэтессы. Но произведения эти жутко тяжелы для переноса! Она не захотела их домогаться и оставила висеть на квадратных метрах.

О хорошем вкусе поэтессы друзья знали с ее слов. То есть она никогда этого не скрывала. Размышляя о самом дорогом, с чем не хотела расставаться, поэтесса и теперь своему вкусу осталась верна!

Бра, светильники, канделябры, гараж, машина, букинистические ценности она гордо презрела, посчитав пошлым задерживать прощальный взгляд на всем этом баракле.

Зная, что для нее по-настоящему дорого, она, возблагодарив судьбу, отправившую ее мужа в командировку, все близкое ее хорошему вкусу собрала и тщательно упаковала в два... узелочка. Затем она позвонила двум верным людям.

Одного она знала еще с детских лет, поэтому он имел о ней детские представления, а другого она узнала недавно, быстро успев убедиться, что он страстно желал ей свободы выбора творчества и досуга.

«Требуется, — сказала она верным людям, — вынести из моего дома два маленьких узелочка. Одной мне не справиться...». «Заметано!», — не колеблясь ответили они. И вот однажды вечером, в назначенный час, когда время близилось к полуночи, верные люди поэтессы приехали к ее дому на такси. Она ждала их в пустом подъезде и вручила ключи от квартиры, уточнив, где именно лежат узелки.

Верные люди поэтессы поднялись на лифте к дверям квартиры, которую предстояло быстренько открыть, быстренько взять два маленьких

узелка с дорогими поэтессе вещами, быстренько спуститься с ними вниз, положить в такси и быстренько увезти подальше от ее разваливающегося семейного очага.

Сама же поэтесса ждала верных друзей в полумраке двора и очень нервничала. По своей рассеянности она забыла день и час, когда муж должен был вернуться в дом, под крышей которого они официально еще жили. Фланируя по ночному двору, где ее знает каждая собака и каждый хозяин собаки, поэтесса очень умело изображала женщину, страдающую бессонницей.

Смысл «легенды» поэтессы был прост. Если ее увидит муж, она пожалуется на мигрень. Даже если случится ужасное — он столкнется с верными людьми поэтессы с узелочками в руках и невероятное — тут же узнает их, то с нее, как говорится, взятки гладки! Она гуляет с мигренью в голове — и... все!

Эта мысль ее ошпарила. В напряженном мозгу поэтессы, как на телеэкране, стала «раскручиваться» хроника: вот она стоит рядом с такси, вызванным верными друзьями. Неожиданно появляется надоевший своей пошлостью супруг. Он нагло пристает к ней со своими дурацкими вопросами и... Зябко передернув плечами, сжавшись, насколько позволяла ее рубенсовская фигура, поэтесса отошла подальше от такси и спряталась за угол дома.

...Из подъезда выскакивает друг детства со следами растерянности и волнения на лице и с непричесанной растительностью выше и ниже носа. Поэтесса мгновенно изображает окончание своей прогулки и, надменно подняв голову с водруженными на аккуратном носике модными очками, скрывается в подъезде. Друг детства — послушно за ней. «Главное, — успела подумать она, — чтобы таксист не обнаружил между этим человеком и мной никаких признаков знакомства. Мало ли что?»

Убедившись, что дверь подъезда закрылась, друг детства свистящим шепотом сообщил поэтессе жуткую новость: «Дикое положение! Втолкнули в лифт узелок, но сопровождающий не помещается. Если сначала входит в лифт сопровождающий, тогда, как ты понимаешь, узелок остается на площадке!» Поэтесса задумывается, но только на мгновение. «Пусть он на узелок сядет сверху!» — говорит она леденящим шепотом. «Ага! — радостно воображает друг детства. — Понял!» И поехал на лифте вверх выполнять инструкции поэтессы.

Через пару минут лифт бухается к ее ногам и она видит свой замысел воплощенным: поверх узелка с дорогими для нее вещами сидит, свесив худые ноги, преданный друг, жаждущий ее свободы и готовый на все ради нее.

Поэтесса стоит у лифта, близкая к обмороку. Найдя в себе силы, она приказывает верному человеку отнести узелок в такси, сесть в машину и ждать там друга детства. Тот спустился почти сразу, тоже сидя верхом на

узелке. Однако поэтесса вынуждена была помочь другу детства узелок из лифта выволакивать, потому что был он не таким мягким и податливым, как первый. Наконец поэтесса страстным шепотом приказала: «Скорее в машину!». Выключив для конспирации в подъезде свет, она выскользнула оттуда, резко свернула направо и сразу растворилась в ночной мгле двора. Боковым зрением она замечает, что верному человеку с узелком в руках дорогу к такси преградила какая-то подъехавшая консервная банка с зажженными фарами. Поэтесса мгновенно узнала транспортное средство лучшего друга бывшего семейного очага, расхищаемого ею в данный момент!

Высунься она из спасительного укрытия, чтобы помочь другу детства и верному человеку, ей придется что-то срочно приврать другу семьи, появившемуся так некстати... Тот, конечно, начнет слушать... Вежливый! Еще и предложит свою помощь... Благородный! А если муж явится?

Страшно медленно тянутся минуты. Тут еще и таксист занервничал: консервная банка с фарами дорогу перегородила, полночь уже миновала, счетчик тикает, пора уже ехать, хоть куда-нибудь!

Наконец друг детства соображает, что его-то во дворе никто не знает, неважно, с узелком он или без, и, подойдя к таксисту, говорит: «Шеф! Выезжай на дорогу! Все погружено!» Тот радостно — все-таки едем! — начинает материть владельца консервной банки, требуя, чтобы он освободил проезд. А тот не торопится. Ясное дело! Приехал-то он к себе домой! В голове у него уже постель с подушкой, теплый бок жены и сон до утра. А то, что рядом с такси стоит какой-то мужик — это он так о друге детства поэтессы подумал — с каким-то узлом, так что ж с того? В общем, ругаются они лениво-весело друг с другом, а во двор тем временем въезжает машина. До подлости она была похожа на авто поэтессиного мужа с тяжелой рукой чеканщика-профессионала. Он же ничего не знает о том, что поэтесса твердо решила загасить семейный очаг...

Вглядываясь в бока и линии подъехавшей машины, поэтесса с эстетическим ужасом встречает свои мысли: «Вот он едет сейчас в полумраке на свет этого очага и еще ничего не знает! Боже мой, это конец!» В голове проносятся новые, такие же страшные мысли о том, что верные ей люди будут квалифицированы как воры, принудившие ее, несчастную женщину, собрать свои женские вещи, вызвать такси, чтобы по их требованию вывезти неизвестно куда!..

Уже готовая потерять сознание, поэтесса дрожащими руками поправляет очки и замечает, что номер у машины — счастливый! То есть совсем не такой, как у их семейного автомобиля, и вообще это совсем другая машина! С потерей сознания можно повременить, успела подумать поэтесса, заметив, что и друг мужа откатил на своей консервной банке в сторону и даже ушел в свой подъезд. Наконец-то, путь свободен!

Друг детства с усилием, но старательно уложил второй узелок в багажник, верный человек поэтессы назвал таксисту адрес, и машина вырулила на улицу! В машину друг детства не сел. Он жил неподалеку и решил пройтись по ночным улицам до дома пешком. Поэтесса, увидев его удаляющуюся фигуру, рванулась было из полумрака, чтобы догнать и поблагодарить, но алиби остановило ее железной логикой: она никого не знает, у нее мигрень!

В это мгновение навстречу другу детства поэтессы медленно едет машина ее мужа, которого она недавно сделала бывшим. В свете фар своей машины он сразу узнал друга детства своей жены, с которым был знаком. Остановился. Опустил дверные стекла. Галантно с ним поздоровался. «Привет! А чего ты тут делаешь?» — баском спросил муж поэтессы. «Гуляю...» — растерянно улыбнувшись, пролепетал друг детства. Он почувствовал, что ноги не слушаются и готовы сейчас же уронить его тело наземь. Муж поэтессы пожал плечами. Вдаваться в подробности этого странного променада не стал и проехал к своему подъезду.

Друг детства поэтессы задком, тихонько вошел в темноту двора и, скрывшись за углом дома, почувствовал неожиданный прилив сил. Он припустил во весь дух вдоль по улице, пока не достиг родных ему стен.

Поэтесса, заметив машину мужа, шмыгнула в соседний подъезд и, убедившись, что он исчез, темными улицами осторожно добралась до дома своих знакомых. Тихо постучала в дверь...

...Запахавшийся друг детства опомнился только на собственной кухне, стены которой были увешаны голубыми и розовыми балеринами Дега. Они отвернулись пуантами от уродцев, притаившихся на другой стене, где друг детства поэтессы повесил для контраста картинку Босха.

Все понимающая жена друга детства поэтессы заварила гриб чагу. Так она делала в минуты былых потрясений и промолвила сладким голосом, который можно было даже принять за нежный, если не знать ее как женщину, лишенную сантиментов: «На тебе лица нет, дорогой!» Друг детства едва справлялся с крупной дрожью. Он искренне признался жене: «Боюсь я его... Как увижу, так и боюсь!» Тут же убежденно пообещал: «Ходить по той улице, к тому дому не буду больше никогда!»

Жена ничего не понимала, но ни о чем спрашивать не стала. Она хорошо усвоила правило: не задаешь лишних вопросов — значит, имеешь полное взаимопонимание с мужем. Даже не пожав плечами, она молча ушла в постель.

Друг детства поэтессы уснул на кухне, положив под голову кастрированного кота Мефодия, медленно погружаясь в кошмары.

Ему снилось, что его запикивают в лифт, выламывают его из шахты и грузят в такси. В лифте нет воздуха, и он задыхается, как жук в кулаке...

...При разделе имущества чеканщика и поэтессы так и осталось не-

выясненным, когда, кто и куда увез узелочки с дорогими не только для нее вещами. Удивлялась поэтесса искренне. Мужа ни в чем не обвиняла, даже не подозревала, просто показывала суду свою театральную сумочку и говорила с нескрываемой обидой: «Вот она, посмотрите! Совсем маленькая, в ней уместятся только мыльница и зубная щетка...»

Из совместно нажитого имущества, как выражаютсястряпчие, не осталось ничего, кроме машины мужа, на которой он уезжал в тот злополучный вечер.

Решением суда машину, как и полагается, разделили пополам, потому что женщины у нас с мужчинами равны в принципе, а тем более в браке. Они на все имеют право. Мы за это боролись! Это достижение нашей социальной системы!

Сейчас разведенная поэтесса и ее разведенный муж живут в совершенно пустой квартире. В восьмидесяти совершенно квадратных метрах. Оба, куда надо, ездят на такси, потому что машина разделена пополам.

Окончательно разъехаться они не могут. То есть поэтесса не может покинуть эту «берлогу». Это она так назвала мужнину квартиру в одном из своих самых проникновенных поэтических произведений.

В общем, разъехаться не могут потому, что половину ее творческого наследия бывший муж похитил вместе с официальными документами, удостоверяющими ее личность. Причем как личность поэтическую! Взамен он оставил только общих детей, которых она, как мать и даже, как поэтесса, с чувствами и эмоциями, должна вывести на верную дорогу жизни.

Пока она выводит их на эту дорогу, процесс творчества не останавливается. Она пишет новые стихи, а муж их тут же похищает и прячет. Теперь бывшие супруги связаны узами взаимности. Он что-то у нее взял, но что-то ей и оставил. Что-то взяла у него она, но что-то ему и оставила. И это «что-то» не какая-нибудь лирическая необъяснимость вроде нежного чувства, а вполне конкретные предметы — так сказать, реалии быта и творчества.

Ситуация тяжелая, но вызвала у поэтессы внутренний подъем — она пишет стихи! Причем едва успевая менять в ручке стержни! А муж, бросив искусство, которым кормился, изучает темные стороны жизни, бывшие ему до сих пор неизвестными. При этом он становится не мрачным собственником, подозревающим свою жену в краже, а цивилизованным человеком и реалистом. Да, он готов уже понять, что жена — личность! Поэтесса! А налаженный быт — первый враг творчества. Особенно если жена еще и хороша собой...

* * *

...Однажды прихожу домой, возбужденная чванством надменной профессорши с нашей кафедры. Работала я там лаборантом и ужасно уставала от ее капризов — нелепых, а порой и просто глупых. И, когда в доме было

совсем тихо, еще не успев остыть от очередного с ней столкновения, взялась я за перо и вывела на верхушке листа...

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ШКАФ

Доцент Косицына впервые вышла на работу в новом звании профессора. На этот случай, готовясь идти на работу, она достала из полированного шкафа туфли-лодочки без каблука и надела просторное голубое платье с широким белым воротником. Накинула на себя серый китайский макинтош, застегнула его на все пуговицы и задумалась... Чем бы украсить свою, теперь уже профессорскую, голову? Выбор пал на желтый мохеровый берет размером с большую яичницу...

Именно эту «яичницу», придя на кафедру, она и всунула в проем двери кабинета декана, намереваясь первой сказать ему свое, уже профессорское, «доброе утро»!

Где-то под лопаткой неприятно кольнуло: ее уже опередили! Перед столом декана, развалясь в кресле, как в пляжном шезлонге, сидел всемирно известный ученый Иосиф Артурович Шурум, пребывавший профессором уже двадцать лет.

С его худого, умного черепа стекали на плечи длинные, легкие, седые пряди. Замшевый пиджак цвета дубовой коры был кое-где усеян точками перхоти. Длинные ноги, всунутые в джинсы, вытянуты, и без труда можно было увидеть привезенные с малайзийского конгресса носки цвета горлышка какаду. Широкие стопы профессора обуты в американские спортивные туфли. Его острые колени морщили ткань, хотя брюки были отличными, в них можно хоть сено косить или картошку на овощной базе перебирать. Даже если вброд речку перейдешь — не промокнут, не испачкаются, а главное — не произведут впечатления дешевых. В общем, брюки у профессора Шурума были что надо!

Едва распахнув двери, Косицына все это мгновенно охватила взглядом и произнесла консерваторским голосом: «Доброе утро!» Собеседники приветливо кивнули, но профессор Косицына, переведя взгляд с острых коленок Шурума на лицо чем-то озабоченного декана, продолжила:

— Простите, Арсений Евдокимович, что беспокою вас и отрываю от беседы... Доброе утро! — повторила она еще раз, уже не глядя на Шурума, ответный поклон которого в ее сторону посчитала недостаточно убедительным. — Я заглянула к вам исключительно лишь для того, чтобы сказать, что если я вдруг понадоблюсь... — Чувствуя, что возникшее внутри раздражение на профессора Шурума произвольно напрягает ее взгляд, Косицына старалась сделать улыбку помягче, — ...то я буду у себя. Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу.

Закончив, она удалилась, закрыв дверь.

В кабинете воцарилось молчание. Мужчины, каждый по-своему, вспоминали сейчас: о чем же они беседовали до появления профессора Косицыной?

Арсений Евдокимович ковырнул в ноющем верхнем зубе длинным прокурненным ногтем, который отрос на мизинце то ли случайно, то ли с одобрения хозяина ладони. Иосиф Артурович ухмыльнулся чему-то своему, затем, как ловкий танцор, перекинул ноги одну за другую, скрестил руки на груди, и его лицо стало медленно покрываться мелкими красными пятнами.

Заметив это, декан уже по опыту знал, что Иосиф Артурович сейчас явно прихватил в неких своих закоулках разума, битком набитого знаниями, новую идею для статьи, а может быть, и тему своей новой докторской диссертации. Открыв рот, чтобы задать коллеге уточняющий вопрос, декан непроизвольно прислушался.

Тонко припевая в плохо смазанных петлях, дверь его кабинета стала снова медленно отворяться. В проеме появился цыплячий мохеровый берет профессора Косицыной, а вслед за ним протискивались серый макинтош вместе с большим, тощим и черным портфелем.

— Извините, пожалуйста, — с легким налетом чувства вины на умело подведенных бровях сказала Косицына. — Я хочу сказать «до свидания», потому что ухожу, но я вспомнила, что мне надо получить для нашей картотеки шкаф. Его обещал мне товарищ Жедьмо согласно заявке, которую составила наша кафедра, а товарищ Жедьмо лично ее подписал и обещал содействие.

Пока Косицына все это излагала своим меццо-сопрано, ее тело по инерции продолжало просачиваться в кабинет декана. Остановившись, Косицына испытующе посмотрела на профессора Шурума, который, почему-то испуганно на нее глянув, снова быстро сменил позицию своих ног, прижав пятки к нижней кромке кресла.

Декан внимательно смотрел на огромный плоский портфель Косицыной и никак не мог сосредоточиться на ее вопросе. Она по-своему поняла его задумчивость. Уже полностью распахнув дверь, заговорила, мгновенно перейдя на привычную лекторскую интонацию.

— Кстати, коллеги! Я в своем пособии рассматривала производное слово как бинарную оппозицию в плане синхронной этимологии. Однако я никак не могу решить, как мне быть со словообразовательным формантом?

Иосиф Артурович Шурум, немного смущенный взглядом Косицыной, опять положенным на его острые коленки, осторожно прихватив двумя пальцами брючину у самого ее основания, мелко дернул вниз, пытаясь прикрыть сизый кусок яркого носка, выступавшего из-за кромки туфли. Поджав губы, произнес бесцветным голосом робота:

— Анализируйте по принципу матрешки... По-видимому, Шуруму сразу понравилась его подсказка Косицыной. Отстраненно ощупывая взглядом

огромный желтый берет коллеги, он, уже играя интонациями, продолжил свою мысль:

— В таком случае вы избегнете ошибок. Я лично нахожу их во множестве даже у больших ученых!

— Да, да! — живо оторвав взгляд от портфеля Косицыной, подхватил Арсений Евдокимович. — По принципу матрешки! Декан даже улыбнулся, наверное, вспомнив эту игрушку, которая стояла у него дома в кабинете в книжном шкафу, рядом с коньячным набором, привезенным из Армении.

— А не противоречит ли этот метод идеям профессора Богородицкого? — с сомнением, поджав губы, спросила Косицына. Она удобно облокотилась на широкую дверь, уже упершуся ручкой в стенку. Ее насторожили слова Иосифа Артуровича Шурума! Тот вяло махнул рукой, успев мельком взглянуть на яркий циферблат часов, купленных в Гваделупе, где месяц назад читал доклад на тамошнем симпозиуме о связи испанского и русского языков.

— А-а-а! Мой вам совет, не занимайтесь гипертрофированным корнеискательством...

Декан, мельком глянув на Шурума, непроизвольно кивнул и стал озабоченно рассматривать собственный ноготь на безымянном пальце. Косицына поставила у своих ног портфель и поправила берет, предательски сползавший к правому уху.

— Меня интересует, Иосиф Артурович, ваше мнение по поводу прилагательного «невпопадочный». Я выделила здесь суффиксальный морф «и», а также более длинный морф «-очн».

Декан очень внимательно посмотрел на Косицыну, потом так же мельком на Иосифа Артуровича и, явно думая еще о своем, неожиданно хлопнул ладонями по рыжему крупу письменного стола.

— Это дело нельзя оставить без внимания!

— Вы знаете... Я еще как-то не чувствую себя профессором, — снова понимая эту реплику декана по-своему, почти робко произнесла Косицына. Ее взгляд медленно переходил то к лицу Арсения Евдокимовича, то к равнодушной физиономии профессора Шурума.

По-видимому, Иосиф Артурович давно уж перестал замечать, что он — профессор. Собеседникам об этом сообщила, наверное, его мимика, и Косицына зарделась. Уже с нажимом она произнесла:

— Иосиф Артурович! Мне кажется, что продуктивность морфа «-очн» в слове «невпопадочный» некоторым образом слаба в современном языке и вряд ли существуют какие-либо формальные помехи для образования прилагательного «невпопадный»...

— Да? — вдруг неожиданно оживился Шурум. Громко хмыкнув и со значением взглянув на декана, который опять рассматривал портфель Косицыной, он сказал: — Честно говоря, я об этом еще не думал...

— Подумайте, подумайте, — уже с превосходством произнесла Косицына, краем глаза заметив, что декан как-то нервно заерзал на стуле. Косицына снисходительно посмотрела на мужчин.

— До свидания, коллеги. Я, кажется, задержала вас... Но мне очень интересно было знать мнение Иосифа Артуровича по той проблеме, над которой я сегодня работаю.

Она повернулась и, прихватив ручку двери, стала тянуть ее за собой.

— До свидания, — повторила она, подхватывая портфель.

— До свидания, — разными голосами сказали коллеги, провожая Косицыну взглядами, в которых можно было заметить осторожность и уважение.

— Кстати, Арсений, — сказал Иосиф Артурович, поднимаясь из кресла и вытягивая в долгую вертикаль свое худое плоское тело. — Я себе посмотрел один шкафчик... Нашел на задворках, в бывшем корпусе физиков. Ты дай мне завтра машину, а?

Арсений Евдокимович рассеянно кивнул...

* * *

Этот рассказ я случайно оставила на своем столе в папке с кафедральными бумагами. Моя сменщица, тоже лаборантка, делившая со мной одно рабочее место, рассказ обнаружила и не только его прочитала, но тут же со смехом прокомментировала, без особых усилий обозначив, кто есть кто. Каждый из прототипов уже назавтра начал демонстрировать мне свое понимание юмора.

Тот, кого я назвала Шурумом, ловил меня в коридорах факультета и, аккуратно придерживая за плечи, ворковал: «Танечка, ну вы право же совершенно зря так разрекламировали мою костлявость. Впрочем, вынужден согласиться: главное — правда типажа!» Мадам, которую я нарекла Косицыной, перестала со мной разговаривать, но особых неудобств я не испытала. Что касается ее научных реприз про «невпопадочный», это — сущая правда! Своими ушами слышала и в точности вложила в уста своей Косицыной.

Сложнее было с деканом. Он не мог, да и вряд ли хотел, предъявить мне какие-то претензии, однако вольностей в обращении с профессурой кафедры не одобрял. Каждый раз при встрече он смотрел на меня веселыми глазами из-под лохматых бровей, но тут же сжимал тонкие губы в строгую складку. Я научилась в такие минуты моментально изображать кротость и покаяние. Кажется, ему это нравилось...

...По людской странности, мною так и не понятой, моей внешности приписывали самое неправдоподобное происхождение. Эрудиты по части женских физиономий, только однажды глянув на меня, заговорщицки мне подмигивали, сообщали, что корнями я наверняка из... Ирана. Не обращая внимания на мое удивление, тут же интересовались, когда это я или мои родители успели прибыть «оттуда»? До войны или уже после... Недоуменно

поднятые мною плечи «физиономисты» толковали по-своему. Они думали, что я, будучи внешне «не как все», комплексую, а услышав «разоблачения», смущаюсь. Так я побывала в «шкуре» азербайджанки, румынки, абиссинки и еще кое-кого...

Про мои настоящие корни никто не догадывался. Однажды, когда я намекнула, что во мне есть... «абхазская кровь», собеседник — это был мордастый чиновник с надбровьями, напоминавшими башни старинных крепостей с густым и лохматым кустарником над маленькими глазками, спросил: «Это в каком смысле?» Я уточнила: «В самом прямом: мама у меня абхазка!» Чиновник нахмурился. Я решила ему помочь: «Знаете город Сухуми, столицу Абхазии?..» Чиновник слегка прояснил выражение на лице, приподнял крепостные башни, шевельнул кустарником и недоверчиво буркнул: «Так я вам и поверил...»

Я не стала ничего доказывать. Но однажды, получив очередной отказ в трудоустройстве, заподозрила, что меня сопоставляли вовсе не с экзотическими этносами, а с давным-давно адаптировавшимся в Белоруссии народом, теперь уже изрядно поредевшим, выходцы из которого вызывают в чиновных кругах хроническое раздражение. Однажды, воспользовавшись редкими минутами тишины в моем доме, я взялась за перо.

Рассказ долго отлеживался, но «злоба дня» упорно меня преследовала. Я даже собралась нести свою писанину в какой-нибудь журнал. Правда, без всяких надежд...

И тут меня взял к себе на работу тот самый декан с чувством юмора и тонкими строгими губами. Подозреваю, что он был чем-то жутко обязан моей маме-доктору. Она вовремя поделилась с ним своей озабоченностью, и декану некуда было деваться! В таких случаях говорят: «Не мытьем, так катаньем...»

Рассказ сохранился, как и повод, который заставил меня однажды вывести на верхушке листа два слова:

КАК ВСЕ

У машинистки машбюро заводоуправления было странное имя Алтанасун, но все звали ее просто — Ася. Была она женщиной молодой, тоненькой, черноволосой, внешне неприметной. Одним словом, как все. И замужем была за обыкновенным человеком: белобрысым речистым профгором Одеядовым. Конечно, и у него были свои особенности. Любил он, например, ерошить свой светлый чуб, трепать такую же блондинистую бороду, ввернуть в разговоре крепкое словцо и не проходить без улыбки мимо баб с бровями вразлет и румянцем во всю щеку.

Но кто ж об этом знал? Выглядел как все, а что касается особенностей, то они могли обнаружиться только в редких случаях, когда Одеядов уезжал на

семинар профгоров куда-нибудь в нечерноземную Россию или под Полтаву. Вернется, расскажет Асе, что, мол, в колхозе «Только вперед!» под Бердичевом кухарка им готовила знатные украинские пщи, а глаза у нее были «синие-синие с загнутыми ресницами, а стать така-а-ая, что...».

Ася высокохудожественное восхищение мужа понимала и тихонько вздыхала. Нет, глаза и стать... это не про нее. Она была обыкновенная, как все! Ну разве что черненькая, волосы тяжелые, густые, челка касается бровей, а под ними — серые глаза.

Между тем было в Асиной биографии одно замечательное событие. Случилось оно еще до ее рождения, и, конечно, заслуги в том ее вовсе и не было. Отец Аси, бывший моряк Балтийского флота, балагур и выпивоха Мишка Зеев однажды случайно разбил себе губу. Где и как, вспомнить не смог, и наутро, глянув на себя в зеркало, понял: причина слинять с вахты очень даже уважительная! Доложив по начальству, что заболел, Мишка направился в медсанчасть парохода, на котором служил боцманом.

Заходит в комнатенку и ничего не понимает: смотрит на него женщина, которую Зеев никогда не видел. Оказалось, что был тогда первый рабочий день врачихи по имени Лизир Доба. Была она черноглазой калмычкой с длиннющими косами и решительным подбородком.

Так случилось, что встреча эта положила конец холостяцкой жизни Мишки Зеева. Уже через полгода увез он Лизир, которую сразу же стал называть просто Лиза, в свою деревню, в Саратовскую — как он любил выражаться — губернию.

Вскоре родилась девочка, и по желанию строгой и верующей бабки Зеева дочь называли старинными именем Анастасия. Шло время, Ася выросла до таких лет, когда надо было получать паспорт. Пошел с ней и папа, чтоб в случае чего уточнить чиновникам какие-то неясности при оформлении бумаг.

Сидят отец и дочь в конторе перед седой тетенькой, а та сразу же вопрос девочке задала, глядя почему-то на папу: «Какой национальности будем записываться?» Поскольку и папа, и сама Ася надолго призадумались (может быть, вопрос не поняли, а может, каждый про себя решал: и в самом деле, какой) чиновница стала им помогать. «Мама у вас калмычка... Вы, гражданин Зеев, — русский...» Это она в разговоре уточняла, но, по-видимому, — добрая душа — тут же решила и подсказать, чтоб не маялись папа с дочкой и сейчас, и в будущем... «Лучше, конечно, как все... Правда же? Так и запишем — «русская...» То ли Миша Зеев кивнул, то ли Ася, как эхо, прошептала вслед за чиновницей: «как все...», но та уже аккуратно вписала в соответствующей графе: «Русская».

Так в новеньком паспорте, пахнувшем типографской краской, четким почерком было выведено: «Зеева Анастасия Михайловна — русская». Вручила паспорт уже другая чиновница, но тоже улыбалась. Не забыла сказать

Асе, что она «...уже взрослая, самостоятельная девушка...». В общем, поздравила тепло и торжественно, как всех!

Однако поздравлять, как оказалось, было не с чем! Правда, Ася поняла это только через четыре года, когда разбитной профорг Одеядлов увез ее с насиженного места, из родного ее городишка. Здесь Асю знали и помнили почти все. И какая она была слабенькая, и как пил беспробудно ее батя...А мама была у нее сердечной и доброй женщиной. Ни разу на пьяного мужа своего даже голоса не повысила, а просто говорила по-калмыцки: «Э-э-э! Дурной!», тряся косами, разлитыми вдоль спины.

Русской никто в округе Асю не считал. Какая ж она русская? Маленькая, черненькая, с густой копной на голове по самые брови, ну прямо как зимняя шапка большого размера на подростке...

В общем, увез Одеядлов Асю в свой большой город. Там он институт окончил, на завод определился и повышение вскоре получил. Стали жить-поживать, и, как только Ася пообвыклась немного, решила она окончить курсы машинисток и устроиться на работу. Одеядлов не возражал. И в самом деле, пока нет детей, чего жене в четырех стенах сидеть? Можно и поработать.

Однажды домыла Ася на кухне посуду, быстренько причесалась, платье с веселыми цветочками надела и пошла устраиваться машинисткой.

В этот день ей не повезло. В одном месте нужна была машинистка, но уже взяли... Надо же! Вчера, в полдень... В другом месте, в каком-то стройтресте, нужна машинистка позарез, но... со знанием японского языка. Зашла по объявлению в библиотеку, там машинистку давно искали, сначала обрадовались: «Пишите заявление!». Однако, взглянув на Асю повнимательней, затревожились... Не маловато ли у нее опыта? Успела Ася в тот же день заглянуть еще в одну организацию. Однако и там тоже побоялись... Не маловата ли у нее скорость печатания?

Как и положено, показывала Ася везде свои документы. Их с интересом рассматривали. Почему-то переспрашивали каждый раз: «Зеева? Анастасия Михайловна? Русская?» Ася кивала, невольно думая: хорошо, что она сохранила свою девичью фамилию! Такая она звучная, красивая. Фамилия мужа ее всегда немного смущала... В общем, возвращали ей документы, приветливо улыбались и сочувственно сообщали об отказе, изредка говоря и о причинах.

Асины поиски работы продолжались месяца два. И тут решительный Одеядлов захотел сам помочь жене найти работу. Он был уверен, что «бодяга с трудоустройством» — наверняка от Асиной застенчивости, которая тревожит чиновников, уверенных, что кроткие от природы женщины, какой выглядела Ася, «недотепы» и в делах нерасторопны.

Жена не спорила — все может быть — и покорно отправилась с мужем

в отдел кадров того завода, где Одеядлов трудился. Их выслушал крупный носатый начальник. Внимательно рассмотрел паспорт Аси и бодро сказал: «Надо подумать, куда ж нам ее определить?» Он мельком глянул на Одеядлова, еще раз на Асю и вернул ей паспорт.

Одеядлов почти торжествовал, попросил жену пойти домой и ждать его звонка. Едва он вернулся к себе в конторку, на его столе зазвонил телефон и Одеядлов узнал крутой баритон кадровика.

— Слушай, а у тебя жена... того... точно русская?

— Русская, какие вопросы?

— Хм... — послышалось в ответ.

— Ну, если уж совсем быть точным — наполовину, — добавил Одеядлов.

— Вот видишь, — почти обрадованно воскликнул кадровик и положил трубку. Одеядлов опешил! Не поленился, пересек большой заводской двор, и, когда вошел в кабинет кадровика, тот понял, что профорг настроен решительно. Тут же мягко попросил:

— Для начала садись и послушай моего совета!

Одеядлов молча опустил на стул. Поведение кадровика его озадачило. Он точно знал: машинистка нужна!

— Ты на каком свете живешь, Одеядлов? Что тебе, русских девок мало было? Сам-то смотри каков — орел! Теперь проблеме создал... Мой тебе совет...

Одеядлов был мужиком понятливым и не стал, что называется, плетью обуха перешивать, а с советом кадровика пришел домой. С собой он принес с завода бутылку с перекисью и жену стал уговаривать перекрасить волосы в белый цвет. Про разговор с кадровиком жене ни гу-гу, а просто сказал: мол, сделай для «смены образа». Ася сначала удивилась, но на эксперимент решилась из чистого любопытства. Да и какой женщине не хочется выглядеть привлекательней для мужа?

Повозившись с перекисью, показала Ася мужу результат. Правда, его, то есть результата, не было! Волосы такими же черными и остались, только на макушке появилась какое-то рыжее пятно. «Перекись слабовата! — расстроился Одеядлов. — Я тебе завтра покрепче принесу». Однако Ася замотала головой и повернула свои очень посветлевшие от перекиси ладони вверх, мол, смотри. Глянул Одеядлов и понял: покрепче нельзя!

Ночью ему не спалось. Прислушиваясь к мерному дыханию жены, Одеядлов вспоминал разговор с кадровиком и лишь к утру забылся в чуткой дреме. Перед уходом на работу он решительно повернулся к жене и сказал: «Паспорт тебе все равно по срокам уже менять надо. Вот ты и займись. Когда про национальность писать будешь, не говори, что русская... Отца ты уважила, теперь мать уважь! Скажи как есть — калмычка, и все тут! Чистая калмычка, ясно?»

— Так я ж Зеева... — не поняв хода мысли мужа, сказала маленькая черненькая Ася. — Опять же имя у меня бабушкино: Ана-ста-сия!

— А ты на мою фамилию перейдешь и будешь по мужу Одеялова. Муж был настойчив: «Походила Зеевой Анастасией, пора и честь знать! Жена ты мне, стало быть, и фамилию мою носить должна!»

Ася послушно кивнула, подумав, что супруг ее наверняка обиделся, что оставила она свою фамилию после загса. Теперь забыть не может ее упрямства и, пользуясь случаем, сменой паспорта хочет все по-своему исправить.

Одеялов напряженно соображал вслух: «Я прошу тебя имя сменить тоже. Сестер у матери полно, вот ты и выбери какое-нибудь другое имя, настоящее, калмыцкое. Теток тоже уважить надо, понимаешь? Кто знает, может, не раз еще придется с ними встретиться...»

Ася вздохнула. Она так и не поняла, куда это муж клонит? Одеялов немного смутился своей настойчивости и, боясь, что жене покажется, что он груб, обнял ее и сказал почему-то шепотом: «Глупенькая, ты ж для меня все равно всегда, всю жизнь Асенькой будешь! Это для паспорта надо все сменить! Паспорт что? Документ!» Одеялов поскреб бороду и хитро сощурился. Ася сразу согласилась: паспорт и в самом деле был только документом...

...За хлопотами незаметно и время прошло. Ася получила новый паспорт, где красивым почерком было написано: «Одеялова Алтанасун Михайловна». В графе «Национальность» красовалось: «Калмычка».

...Дня через два в машинописное бюро завода, где трудился Одеялов, вошла его жена и приветливо всем кивнула: «Здравствуйте, меня зовут Алтанасун Одеялова, но вы меня можете называть просто Ася!»

* * *

...Каждый по-своему оценивает время, в котором ему довелось жить. Обычно это привилегия писателей, философов, публицистов. Но мне кажется, не надо обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить в своем времени присущие ему особые черты. Жить «как все...» было сравнительно легко. Стоять в очередях, гоняться за дефицитом, радоваться, когда что-то «выбрасывали», купить с рук «модную шмотку» было массовой привилегией. Особняком стояли в году дни, которые именовались «событиями» и «праздниками», хотя и они претендовали на моральный стандарт по имени «скромность». Однако часто лишь претендовали, потому что праздники для иной семьи являлись шансом получить возможность резко вырваться на «высоту». Показать людям — есть «порох в пороховницах»! Доказать окружающим, что, мол, и мы «не лыком шиты!»

Принимать гостей нам с Олегом приходилось часто. Правда, наш стол не поражал гостей разносолами. Он был символическим «портом», к которому «пришвартовывались» наши приятели и знакомые.

Иногда гостями оказывались и мы. Случалось, что нам приходилось

наткаться на столы, которые буквально ломились от яств... Однажды попала я с Олегом на день рождения нашего давнего приятеля. Впечатления мои в тот памятный вечер были перегружены увиденным точно так же, как и желудок моего мужа поглощенными яствами. А на следующий день пришлось идти на другую вечеринку, «обязательную», иначе у хозяев обид было бы на весь оставшийся год! Любителем выпить Олег никогда не был, но пробовать — не отказывался. Конечно, без «последствий» не обходилось, но уже дня через два впечатления испарялись!

Эти два застолья никак из моей памяти не могли исчезнуть. Наверное, потому, что их великолепие успешно конкурировало с тщеславием хозяев. И вот однажды, когда в доме было совсем тихо, я вставила в машинку лист и напечатала...

НА ВЫСОТЕ

Поводов пожрать — много! Но голод — не самый благородный из них. Вот, к примеру, всякие семейные праздники. Не говоря уже о всенародных торжествах. Именно тогда люди, чтоб не ударить в грязь лицом, то есть быть не хуже других, часто теряют голову, мысля желудками.

Люди могут обойтись без дворянских кровей и семейной Библии, но, чтоб у них не было зимой для гостей свежих помидоров, не могут! Или салата из кальмаров, или редиски, икорки всякой... Людям стыдно, когда у них на столе случайно оказывается только бутылка водки и селедка. Но это — крайность! Уж эти два дефицита они в любом случае достанут, чтоб на стол поставить перед гостями, если, конечно, их и себя уважают.

Ходить во всякие скучные компании я, к примеру, не люблю. Это когда с женами и детьми ходят. Где всех знакомят опять же только с женами и детьми. Такого я избегаю. Я хожу в компании, где собираются, как теперь говорят, по интересам. В самом деле! Ну приведу детей я, а ты — своих. Дети с детьми... Или я приведу жену, а ты — свою. Жена — с женой, а ты — со мной. Так ведь и на работе — ты да я, а тут опять же: я да ты! Разговор снова про работу, хотя и за жрачкой, ну и, само собой, выпивкой...

Вот был я недавно на дне рождения. Кстати, ранее тоже был... И третьего дня был тоже. Нет-нет! Я — не специально! Так получилось: косяком шли дни рождения друзей, знакомых, сослуживцев. А этикет требует: пригласил к себе — иди на приглашение тоже!

Ну, значит, пришли мы с женой. Сунули в темной прихожей хозяевам свои презенты, а им-то и посмотреть некогда, что там! С порога тянут нас сесть за стол. А он уходит к горизонту!

Я — человек искренний. Приближающийся экстаз меня возбуждает сразу. На жену — ноль внимания. Уверен, при таком изобилии она сама себе найдет занятие. Чай не маленькая и опыт гостевания имеет.

Та-а-ак! Что это там такое розовенькое? Проходя к указанному хозя-

евами месту, приглядываюсь. Ба, да это ж салат из раков и маринованных крабов! Перескакиваю взглядом чуть вбок. Краем глаза замечаю: жена уже присела. Хозяева нашли ей место, хоть и вдали от меня, но за этим же самым столом. Вглядываюсь дальше... Бормочу в недоумении... «А что это там обложено нежными салатными листьями?». Хозяйка — молодец, расслышала и с гордостью отвечает: «Галантин из индейки». Непонятно, но вежливо киваю. Среди такого великолепия спешить не следует. Посмотрю-ка я, кто этот галантин есть будет, как оценит, а уж потом и сам попробую.

Рядом кто-то поперхнулся, кашляет. «Что случилось?» Это я спрашиваю моего соседа, что по правую мою руку сидит. Он, чуть сдерживая слезы, отвечать не может. «...Салат из перца, чеснока и орехов». Это уточняет хозяйка, заметив затруднения гостя и не желая мой вопрос оставлять без ответа. Но я уже никого не слушаю. Батюшки! Где ж я был? Совсем рядом со мной лежит на подносе... фаршированный поросенок! Классику я всегда уважал!

Пока глаза у меня разбегаются: ветчинные рулетики с хреном, филе с грибами и сметаной, заливная рыба ломтиками, жаркое из оленины... Господи! Неужели и вправду олень? Черт возьми, тот самый, с рогами? В тундре поймали, что ли, и сразу же в холодильник? Ха-ха. Шучу... И то не вслух. Понимаю, с иронией надо осторожней — хозяева обидятся. И в самом деле: не для себя готовили это великолепие, — для нас, гостей.

Что-то в глазах неожиданно зарябило. С чего бы это? Ага, цветные фаршированные яйца. Всех цветов, кроме красного. Хм! Но отвлекся я лишь на секунду.

— Подайте, пожалуйста, во-о-н с той тарелочки. Какой? Да вон с той, берите побыстрее, а то уже кончается, не успею попробовать.

— Той индейки хотите?

— Это индейка? Да еще и с клюквенным варением? Конечно, конечно... Успел! Ем... Все-таки надо чем-то и ее заесть! Чем-то полегче.

— Что? Вы хотите этого пирожка? Он с сырным кремом...

— Нет... Пожалуй, давай-ка по-простому: хлеб с икрой!

— С черной, красной?

— Давай-ка и той, и другой, для впечатления...

Что-то случилось? Почему мы оторвались от главного дела? А... Тост! Надо... Сказали тост. Дернули водочки. Хороша! Лимонная?

— Ты что! Скажешь тоже, лимонная... Хлебная! — сердито смотрит на меня сосед напротив, мол, кому водку скармливаем? Слышу: «Воду из графина пей, раз понятия не имеешь!» Я — снисходителен: гость не в настроении, значит, еще не наелся.

Мелодичный голосок хозяйки: «Ешьте сандвичи! Сандвичи с тресковой печенью. Вот тарталетки из песочного теста с куриным мясом и помидорами. Пирожки с фаршем из гусиной печенки, салат из раков с горячим пивом.

Как не заметили? Вон в том графине...»

Смотрю и слушаю. Жую и балдею. Глазами бы все это вслед за хозяйкиным приглашением откусать! Доносится до меня призыв: «...пирог с мозгами, заливной карп...» Что-то знакомое, а? Уточняю: морковка, что ли? И... пугаюсь — хозяйка вся красными пятнами изошлась. «Господь с вами! Это ж айва, запеченная в сметанном соусе!» Извиняюсь, не разглядел. Наверное, глаза уже осоловели...

— Передайте луковый салат с яйцами, пожалуйста. Передаю без эмоций — это я уже ел. Вижу, сосед напротив, ну, рядом с тем, кто меня за водку укорял, что-то с наслаждением отхлебывает. Ловит мой во-просительный взгляд, уточняет: «Суп розитто. Хотите попробовать? Фантастика!» «Спасибо, мне бы суп грибной с ушками».

Сосед подмигивает, показывает глазами вправо. Что там? Смотрю, неподалеку сам хозяин впивается зубами в нежный бочок тушеной в черносливе курицы. Еще осталось... Смогу достать? Да, это почти рядом, но «по дороге» натыкаюсь на говяжий язык с яблочным соусом. Однако не стоит! Спасибо. Лучше вот этот картофель, фаршированный сыром. Хм! Что-то в этом есть... Снова выбираю, благо есть из чего. Вон бараний ливер в салнике, салат из бараньих ножек, голубцы с мясом и рисом. Нет, лучше все-таки голубцы с изюмом. Быстро перевернутся и место останется.

Слышу голос хозяйки: «Скоро будет сладкое!» «Доешьте шашлык из говяжьей вырезки, еще остались овощные тефтели! Печень с грибами...»

— Пошли на воздух?

— Отличная идея. Покурим!..

Вернулись... Чей-то вопрос в моем ухе: «Танцуешь?» Машу руками, мол, куда там! Ни в зуб ногой. Все мои члены животом сдавило. Слева слышу интригующее: «Анекдотик затравим? Про дядю... Не хочешь? Понимаю. Мне тоже что-то сейчас не думается, а смеяться — сил нет...»

Сзади — разговор: «Вот живут люди! А? Где берут, спрашиваешь? Умеют достать. Тут талант нужен и...» В затылок мне уперся воздух. Кто-то тяжело и длинно выдохнул: «Сколько раз слово себе давал — не жрать! Понимаешь, желудок у меня... А вот не выдержал, нажрался. И скажу откровенно, только пробовал! Совсем по чуть-чуть. Ох, сердце подпирает».

Хотел посочувствовать. Ну хотя бы для приличия. Голос жены слышу, тоже кому-то сочувствует. Нет, не буду отвлекаться... Подышал на балконе, слышу: зовут к столу! На сладкое... Осторожненько присаживаюсь, поворачиваюсь очень аккуратно. Главное — не задеть бы локтем чашечки, тарелочки...

— Тебе, что? Чай, кофе? Это голос слева. Женщина с глазами-вишенками заботится обо мне. Спасибо... Налил чай, соображаю, что ж к нему куснуть?

— Что ж ты голый чай пьешь? А... Это та самая, с вишенками...

— Соображаю...

— А чего ж тут думать? Вон эклеры с шоколадной глазурью и заварным кремом. Рядом шоколадные ватрушки, бисквитные рулетики, птифуры песочные с сырыми фруктами, а есть и миндальные...

Ну, спасибо, просветила. Нет... Все равно теряюсь...

Однако неудобно... Пора бы что-то выбрать. А соседка не унимается. Наверное, по профессии кондитер или стюардесса: показывает мне и без запинки названия перечисляет прямо в ухо: «...пирожные ореховые с шоколадным кремом, ананасы в креме, рулет из абрикосов и малины, рядом пьяная вишня в шоколаде, грильяжные шары, торт «Ева», торт «Норд», торт «Еж».

Смеется... Вконец меня запутала и рукой махнула, мол, что с вами, мужиками, делать, не понимаете вы это великолепие к чаю. Решил остановиться у «Наполеона». Правда, хотел и «Еву» прихватить, но не успел... Бывает. Выпил чаю, чувствую: остальное, пожалуй, «съем» только глазами. Так безопасней. Снова слышу голос хозяйки: «Дорогие гости! Приходите завтра — надо же доесть. Сегодня суббота...Помните? Ну так вот, воскресным днем и продолжим. Мы ж друзья! Выручайте. Не пропадать же добру!»

...То, что со мной на другой день случилось, бывает только раз в сто лет. Ага! Просыпаюсь... Жена — рядом. Уже бодрая. Смотрит сочувственно. Что-то стряслось? Она показывает мне красивую открытку. Там написано, что приглашают нас к... Батюшки! Где силы взять? Но придется потерпеть. Врага себе нажить не хочу. Откажешься — жизнь себе испортишь. Жена понимающе кивает.

— Своими глазами видела, как тебе, бедненькому, тяжело было! Но я старалась помочь тебе... Сочувствует — родная душа!

Вздыхаю...

— Вчера визит вежливости был, а сегодня, как говорится: «Надо, Федя, надо!» Жена у меня женщина с пониманием. В общем, подошло время, оделись и пошли.

Пришли. Порог переступаем, хозяев приветствуем. Слышим: музыка! Прислушались... Секунд через десять в глазах и у меня и у жены — северное сияние. Стол, как и у вчерашних приятелей, тоже к горизонту и даже прогибается. Рядом — танцующие пары скользят. Только круг с женой успел пройти в танце, все замолкло, и хозяева, усадив нас к столу, «зарядили» тост. Поскольку именинник сегодня сам хозяин, все догадались, что тост должен быть простым: «За именинника!» Чего мучиться, мудрость-то в простоте! Сказали, выпили. И я тоже. Сначала что под руку попало. Совсем чуть-чуть. Хозяева и теперь жену от меня увели. Заботливые... Поняли, беречь ее надо, потому как она у меня нервничает, когда я за рюмку берусь...

Для начала стал я изучать, что тут неподалеку от меня налито в бутылках. Смотрю, стоят, как охрана Букингемского дворца. Красивые, стройные. Приятель слева в бок толкает:

— Нальем? Что тебе? Сливянку, терновку, вишневку, спотыкач? Перечисляет, как таблицу умножения, без запинки, Молодец, разбирается. Потом поворачивается к женщине слева. Лицо вопросительное, сама вежливость — рыцарь! Слышу его баритон. «Женщинам можно помягче — коктейль «Мартини» с коньяком, с шампанским. Можно виски со льдом. Совсем чуть-чуть. А может, флип или мазагран? Возьмите соломинку. У вас горло? Стоп, стоп! Что ж вы раньше не сказали? Тогда горячий пунш. Можно пунш и холодный. Глнтвейн тоже хорош. Кстати, знаете, что это? Не знаете? Объясняю: венский напиток. Что там плавает? Ерунда: в белом вине желток, корица и гвоздика... Грог? А вы, милая, оказывается, эрудит! Берите-ка кружку...»

Где же моя половина? Куда усадили? Что-то мне с мыслями собираться стало трудновато. Слышу женский голос от меня через два тела: «Товарищ хочет жженку! Дайте ему жженки!» Снова рядом оказался приятель. Ну, тот самый, рыцарь и знаток напитков. И когда он успел все понять, попробовать и осознать? Я так не могу... Что за крик?

— Гасите свет!

— Зачем?

— В честь именинника! Сейчас буду де-е-ела-а-а-ать...

Что уж он там собирается делать? И все-таки, где ж моя супруга?

— О-о-о!

— Это вкусно?

А что же я выпил? Наливка, кажется. Ох, не смешать бы, а то... Слышу приятный женский голос с интонациями лектора: «Если смешать сироп персиковый, абрикосовый, банановый... Или нет. Давайте сделаем так: смешаем какао, шоколадный, ореховый, гвоздичный... Это почти эксперимент. Но эффект должен быть просто потрясающий. Нет-нет! Той девочке дайте только молочный коктейль. Зачем ей рисковать? Правильно, название: «Эг-Ног». Хотите напиток «Пома» или банановый? Выпейте яичное молочко с медом...»

Все все знают, а я просто пень! Пришла бы моя женушка, мы бы решили, что нам выпить вместе. Тут бы дружно и разобрались, что лучше идет и голову ясной оставляет. А то сижу тут, пробую без толку... Слышу голос хозяина-именинника:

— О чем вы говорите? «Красная шапочка» или вот это «Золотое сердце». Ничего страшного. Вы же видите, я пью! Это? Напиток клубничный — «Африка» называется. Это? «Ку-Жаке», парфет, а рядом «Черешневые чары». Кстати, советую мужчинам и «Цыганку» тоже, правда, если только

зубы здоровые. Вам лимонад? А-а-а, понял! Оранжад! Напиток дипломатов. Испугались? Это так и должно быть! Прямо — пыль в глаза, правда? Это газированная вода лимонная. Готовится просто, можете и вы научиться. Это? Звучит экзотически — кровавый флип «Сократ». А по сути все наше, известное: смородина, лимон, клубника. Конечно, советую попробовать! Что? Лед хотите вы-бросить? Да вы что! Это ж коблеры. Пусть там лежит! Повторить? Коблеры... Нет, в этом названии другая гласная... Вы просто не расслышали... Тут же все приличные люди. Понимаю, шумно... Уточняю для вас: китайский коблер. Сверху положите кусочек вафли...»

И я тоже пытаюсь подхватить инструкцию и беру вафлю. «...А если теперь полить сверху красным вином вон из того стаканчика, получится «Алая звездочка». Название красивое? Согласен».

Нет, «Алая звездочка» мне не понравилась. Где же моя жена? Ее подруга оказалась рядом.

— Привет! Чего-то ты сосредоточенный...

— Да вот, разбираюсь...

— Потанцуем?

— Давай, все равно как-то растрястись уже надо. Жену мою не видела?

— Нет, а ты уже?

— Что ты, я не успел еще. Тут всего полно... Ладно, потом попробуем.

Пошли танцевать!

Музыка умолкла. Снова — тост. Ага, его моя жена сказала. Оказывается, она сидит совсем неподалеку... Молодец! Хорошо у нее все получилось! Хозяин доволен. А что это за бутылочка с тонким горлышком? Ладно, потом...

...Полегчало. Даже, откуда ни возьмись, место во мне появилось... Вот что значит чувство меры! Подхожу к столу, где бутылочка с тонким горлышком стояла. Не вижу... Но зато слышу знакомый убедительный баритон: «...Это ж надо! Я привык, чтоб там водка. Ну, шампанское, скажем, на свадьбе. Ну, на худой конец бутылки две-три сухого. А тут черт-те что! И, главное, ясная голова! Вот что чудно! А? Зовут? Осторожненько, тут мой стаканчик. Хм! Где же он? Идем-ка сюда... Здесь что-то стоит. Обалдеть можно: рюмки, бокалы, фужеры на тонкой ножке. Ну зачем все это? Побьют же!»

Слышу, очередной тост говорят! Пошла... Надо бы и мне что-то сочинить... Жарковато стало. Подхожу к подоконнику... У окна стоит большой буфет, а та-а-ам! Такой внимательный не я один оказался. Слышу восхищенное:

— Да тут целая коллекция! «Енислеи», «Вардзия», «Дагестан».

Наверное, прав приятель, пробовать по чуть-чуть вполне можно. Никаких побочных последствий. Сам чувствую. Голова — ясная, как в зимний полдень.

Мой сосед у шкафа с коллекцией напитков — сама галантность: «Кокте-

е-ейль хочется? Ка-а-кие проблемы? Ради бога, прошу! Та-а-ак, джин «Советский», а где ро-о-ом? Вам дамский? Или английский? Какая разница? Большая, милочка, очень большая... Да-а-ави-и-им лимо-о-о-нчик... Да не в пасть, деревня! Простите, не понял, вы это кому? Мне? Я на пол лью?... Так ты ладони подставь! Ишь, аристократ! Руки он пачкать не хочет... Ладно, иди танцуй. Ну что, получился напиток? Так ты еще и не по-о-онял, что выпил? А я старался, коктейль тебе сооружал...»

...Улицу мы с женой переходили очень долго. Правда, к утру домой все-таки добрались...»

* * *

Убеждалась не раз — жизнь тоже любит тишину. Тогда она осторожно просачивается в строчки моей заветной тетради...

С ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ Самая трудная глава

Эту главу я писала долго и по частям. Откладывала и снова возвращалась к ней. Я знала, что рано или поздно мне придется рассказывать о том, что хотелось бы забыть или спрятать в самые дальние закоулки памяти. Если пережитое, оставившее болезненный след в душе, все-таки вытаскиваешь наружу, все равно самые неприятные подробности невольно пытаешься обойти...

...Перед рождением второго сына я захлебывалась счастьем общения с Алькой, которому было уже почти два года. Но с появлением Игоря мои радости сразу были отодвинуты в сторону. В наш дом пришли тревоги.

Мой первенец Алька ходил, разговаривал, был смышленным, добрым малышом, чутким к нашим переживаниям, связанным с Игорешей. Малыш мало что понимал, но, я уверена, мое настроение улавливал. Как близка мне была его еще младенческая душа! Она живо откликалась на мои тревоги за здоровье только что появившегося младшего брата...

Даже спустя семь лет, когда я вспоминаю о том времени, чувствую пробегающие по коже противные мурашки.

...При осмотре Игоря ортопедом еще в роддоме — это был опытный врач, хотя внешне очень щуплый, смешной старичок, — показалось ему, что у нашего малыша врожденные подвывихи обоих тазобедренных суставов. Узнав об этом, Олег побелел! С трудом сдерживая волнение, он едва слышно спросил: «Что же нам делать?» Ортопед — мы пригласили его в наш дом — оптимистично сказал: «Теперь для вашего сынули примерно на год наступит время очень суровой дисциплины — и глядишь, все будет хорошо...»

Никаких торжеств по поводу рождения Игоря мы не затевали...

...Алька-младший стоит у стола, на котором я развернула свое сокровище, и папа разглядывает кроху без тени улыбки. Первенец смотрит на нас во все глаза, ничего не понимая. Пытается дотронуться до пятки братика, но не достает.

Звонок в дверь. В комнате появляется старичок-ортопед. Алька здоровается с ним, говорит с гордостью, показывая на кучу пеленок, где лежит Игорь: «А это мой новенький братик!» Старичок улыбается, гладит сына по головке, что-то говорит. Подходит к столу и осторожно осматривает Игорешу, который сонно потягивается. Алька немного обижен, что старичок уже не обращает на него внимания. Отходит в сторонку.

Глядя, как доктор рассматривает рентгеновские снимки, как осторожно

сводит и разводит ножки Игорешу, я с трудом справляюсь со своими эмоциями. Непроизвольно привлекаю Альку к себе, но сын чувствует: сейчас маме не до него. Высвобождается от моих ладоней и молча уходит в детскую...

...Я уже многое умела делать, и появление второго ребенка меня не пугало. Но, узнав про возможные «...подвывихи тазобедренных суставов», готова была потерять сознание в ту минуту, когда Игоря надо было завернуть в пеленки и кормить! Ортопед дал мне и Олегу несколько уроков специального пеленания, но каждый раз мне казалось, что малыш... рассыплется у меня на руках.

Человека остро чувствуешь в моменты жизненных сложностей. Почти сразу после убийственной новости слышу от своей матери: «Я тебя предупредила! Не надо рожать! У твоего мужа плохая наследственность. У твоих детей когда-нибудь или туберкулез разовьется, или...»

...Олег от своей матери знал, что врачи терялись в догадках по поводу причин его болезни ног. Официальный диагноз — туберкулез тазобедренных суставов — сопровождал его всю жизнь, хотя сейчас он — практически здоровый человек.

Еще в самом начале нашего знакомства, сидя за столом в обществе моих родителей (было у нас и такое...), Олег отвечал на вопросы моей матери о больных ногах. Ее интерес, как мне показалось, был доброжелательным. Ни он, ни я не думали, что однажды у нее возникнет соблазн обратить искренность Олега во зло, чтобы заставить его, да и меня тоже страдать. Увы! Так и случилось...

Обвинения матери в легкомысленности моего брака я слышала давно. С появлением Игорешу опять закрутилась «старая пластинка». Правда, Олегу адресовались теперь только гневные взгляды тещи. Высказываться при нем вслух она уже не решалась. Но я и мой муж не из железа сделаны...

...Пока у нас не было никакого выбора, решили на первых порах в точности соблюдать все рекомендации ортопеда. Олег, в случае необходимости, был готов ехать с Игорешком в Москву на консультацию в Институт детской травматологии и ортопедии. А пока, опять же по рекомендации старичка-доктора, он положил на матрасики кровати и коляски деревянные щиты, аккуратно вырезав их из толстой фанеры, а поверх туго натянул два слоя фланелевых пеленок.

Пеленая Игорешу, папа Олег всегда очень тщательно укладывал ножки, в точности, как учил его ортопед, и завернутый малыш напоминал маленькую мумию. Были видны только пухлые щеки, носик и... ресницы. Повернуться, тем более хоть как-то сдвинуть ноги младенец не мог.

У старичка-ортопеда нашлись оппоненты. Они считали, что он явно ошибается с диагнозом, к тому же, если он прав и подвывихи есть, при жестком пеленании в мышцах будет плохая циркуляция крови. Они не

смогут получать двигательных стимулов, необходимых для их развития. Предостерегали, что это приведет к вялости не только тазовых мышц, но и локтевых, плечевых, икроножных. Такое мнение казалось убедительным. Во всяком случае, мне. Олег быстро нашел компромисс. Плотнo пеленая ноги сына, он оставлял верхнюю часть тельца свободной. Месяца через два он стал часто переворачивать Игоря на живот, вынуждая его поднимать голову, поворачивать ее влево-вправо, опираться на ручки, напрягая шейные, грудные мышцы, а также спины и живота. Их напряжение передавалось в поясничную и тазовую области, стимулируя мышцы запеленутых ног.

Хотя ортопед и скептически относился к страхам оппонентов, но наш метод одобрил. Мама настойчиво требовала от меня прислушаться к советам своих коллег и пеленать Игорешу свободно. Аргументы к тому были очень расплывчатыми: «Так делается всем детям». Или: «...когда малыш сучит ножками, он стимулирует тазовые мышцы к активному развитию...» Наш ортопед предупреждал: «Положение бедренных костей, судя по снимку, немного искривлено, и жестким пеленанием развивающиеся кости ребенка фиксируются целенаправленно, а мышцы при таком пеленании как бы «вылепливаются» в верную внутреннюю конфигурацию». Так я записала услышанный разговор оппонентов у нас в комнате. Моя мама не унималась...

Однажды Олег в сердцах заявил ей: «Хорошо! Вы берете на себя всю полноту ответственности за исход всей этой истории? То есть, в случае, если от советов ваших коллег ничего путного не получится, вам придется самой все объяснять внуку, когда он вырастет! Я, например, и наш врач-ортопед готовы отвечать за свои действия. А вы готовы?»

Лицо матери медленно покрывалось багровыми пятнами. На лбу и щеках появилась испарина. Она хоть и сильная женщина, но, по-видимому, после слов Олега хорошо себе представила, что такое ответственность за судьбу малыша!

Теперь она ограничивалась незначительными замечаниями. Забегая вперед, скажу, что, когда все наши тревоги остались позади и второй наш сын потопал своими ножками, «бабиня», конечно, была счастлива! Но сказать добрые слова в адрес отца своего внука она так и не сумела! В такие минуты мне ее ужасно жаль! Как сказала моя подруга Таиса... Я зову ее за жизненную мудрость «народной женщиной»! Так вот, она сказала: *«Каждый человек способен только на то, на что он способен!»*

...Шесть месяцев, промелькнувшие со дня рождения Игорешки, были переполнены страхами, сомнениями и тревогами. Забыть это время невозможно.

Конечно, с его рождением у меня прибавилось хлопот. Я уже закончила университет и сразу стала готовиться к вступительным экзаменам в аспирантуру. Нежданно расщедрившись, мой отец купил электрическую

пишущую машинку, и я стала брать заказы на дом — перепечатывать рукописи. Кое-какой прибыток это нам приносило.

Днем, когда Олег был на работе, Алька в саду, я оставалась с Игорешей дома. Делать ему специальные пеленания я научилась, но ино-гда себе все-таки не доверяла. Терзалась сомнениями: правильно — неправильно запеленала?.. Почти на грани нервного срыва, звонила Олегу в институт, где он тогда работал, и просила срочно приехать и все проверить. Хорошо, у него был гибкий график, а до дома — две-три троллейбусные остановки! Он приезжал и все проверял. Если надо — переделывал, снова терпеливо учил меня, и очень скоро я, наконец, все хорошо усвоила. Хоть и жалко было моего мальчишку, пеленала «солдатиком».

...К исходу семи месяцев рентген показал очень точное, «классическое», как выразился ортопед, положение головок подросших бедренных и тазовых костей по отношению друг к другу. Наш «старичок-лесовичок», как в шутку прозвал его Олег, рекомендовал делать жесткие пеленания до года, а перед ночным сном и по утрам легонько массажировать икры ног и тазовые мышцы.

...Ставили Игоря на ножки позже, чем его братиков. Делали это с предосторожностями, но над малышом уже не «тряслись». Олег прицепил на крючки, ввинченные в дверной проем детской комнаты, веревки, концы которых привязал к глубокому мешку с отверстиями для ног. Он сам его сшил из сложенной втрое медицинской клеенки.

Игоря сажали в этот мешок, вставив ноги в отверстия, чтобы стопы лишь слегка касались пола. Сидит малыш в таком мешке, слегка ножками «сучит», легонько отталкиваясь от пола, как бы тренируя тазовые мышцы, икры, связки стоп, готовясь уже ходить. Чуть приспустим веревки — Игорь может теперь немного постоять на ножках. Минуту-вторую постоит, шаг, полшага сделает и плюхается попкой в мешок. Страховка — надежная! Схватится малыш за веревки, снова встанет. Стоит, покачивается. Сделает на месте шаг-другой. И так полчаса — час, пока не надоест.

Я зорко следила, как сын себя ведет. Не подтягивает ли под себя ножки после того, как встанет полностью на стопы? Именно так, по рассказам бабушки Зины, было у Олега, когда он начал вставать на ноги, уже «прихваченные» болезнью.

«Мать, — рассказывал мне Олег, — говорила врачам, что когда я вставал на правую ножку, то тут же поджимал ее, как бы обжигаясь! Видно же, что было больно...» Ничего подобного у Игоря не было. Смотрела во все глаза. Постоянный анализ крови успокаивал нас: никаких отклонений...

Потом появились у Игоря ходунки на колесиках. Тут уж наш первенец взялся за дело. Встанет Игорь в ходунки, в нетерпении топает ножками, едет то вправо, то назад, то вперед, а «тренер», Алька-младший, спокойно

говорит ему: «Не спеши, милый. Не спеши. Та-а-ак, пошли потихонечку. Осторожно, не упади». Слова такие же, как говорят малышу папа с мамой.

За ужином, когда Игорь сидит рядом за столом на своем складном «троне», Алька докладывал папе: «Игорь сегодня много-много километров прошел! И совсем не плакал. Ножки его ходят уже хорошо...»

В полтора года Игорь пошел сам. Да так резво, что мы только диву давались! «Застоялся конь в стойле, застоялся!» — шутил папа.

Прививку от туберкулеза мы сделали ему года в три, и наконец-то тревожная страница судьбы нашего ребенка была благополучно перевернута.

Прощаясь с нами, ортопед напутствовал: «Не жалейте мальчика — закаливаете, массируете тело, потом обязательно — спорт, да так, чтобы всю свою жизнь ваш сын тренировал свое тело, связки, суставы».

Так мы и делали. Все годы до самой школы Игорь занимался с папой каждое утро «бытовым спортом» во дворе, где было установлено множество спортивных приспособлений. Потом папа привел его в секцию самбо...

...Когда родился Ярослав, принесли его домой торжественно! Весело, с нашими друзьями, с коллегами нашего папы по институту — он работал тогда в Академии наук Белоруссии — отметили это событие. А через две недели — как гром среди ясного неба! Разворачиваю моего сынулю, чтобы поменять пеленки, и вижу, что все его тело... покрыто гнойными головками! Инфекция? Но как в родильном умудрились ее проглядеть? Кричи не кричи, надо малыша спасать!

Конечно, и в этот раз выслушала я «компетентное мнение» моей мамы-врача: «...Доча, Олег рассказывал, что у его отца был фурункулез! Это — «гостинец» от бабушки Бори...» Тут уж я сорвалась почти в крик: «А у тебя был туберкулез легких! А у моего отца? Вспомни! Может, все-таки не Олег, а вы с отцом виноваты?»

Я была вне себя! Все тело малыша в гнойничках, надо срочно что-то делать, а мне опять жужжат по поводу дурной наследственности мужа. В сердцах захлопнула дверь, сижу — реву...

Купание в отваре шалфея, в растворе марганцовки, всевозможные мази не помогали, а давать антибиотики такому крохе врачи опасались. Лечили малыша варварски! Вижу, как молодая женщина-врач, которая приходила к нам домой, очень ловкими и точными движениями прихватывала концами пинцета гнойные головки, вытаскивая их «с корнями». Малютка, которому от роду всего месяц-полтора, кричит, извивается, как на горячей плите! Я не выдерживала, затыкала уши, убегала на кухню или заперлась в ванной, не сдерживая слезы.

Пахнущего йодом, мазями малыша заворачивали в стерильные пеленки, которые я или Олег предварительно «варили», проглаживали горячим утюгом, и смертельно уставший от «экзекуции» сын забывался у моей

груди в долгом сне.

Три месяца с переменным успехом длилась эта пытка. Каждое утро мы с Олегом, затаив дыхание, разворачивали Ярика, чтобы поменять пеленки после ночного сна. День-два тело было чистым. На третий или пятый снова появлялись гнойные головки! Правда, постепенно их число сокращалось.

Неделю — тело чистое, а потом видим: на спине, животе, на ножках новые нарывы. Конечно же, давали все необходимые и уместные в таком положении ребенка лекарства. Тут уж «бабиня» была на высоте! Била во все колокола! Предлагали нам даже сделать переливание крови, однако другие врачи предостерегали: мал еще, лучше пусть потерпит... В общем, спешить с переливанием не стали. Очень хорошо помогали компрессы из грудного молока. Я тогда сцеживала почти по кружке в день, и примочки из моего молока мы прикладывали к ранкам, оставшимся после извлеченных гнойных головок...

В общем, едва родившись, натерпелся Ярослав сполна неприятностей. В ту пору, наверное, и развил наш парень свои голосовые связки. Оказался самым горластым среди наших сыновей.

Мы ходили с Олегом, как две сомнамбулы. Валились с ног! Наконец наступило полное выздоровление и Ярик начал быстро набирать вес. Года два еще можно было видеть на его теле множество белесых точек — следов «выкорчеванных» нарывов. Годам к пяти почти все они разгладились...

...Болезни детей — драма!хлопоты, тревоги для семьи. Не могу отрицать, что моя мама-врач очень облегчала наши заботы с заболевшими детьми. Сравнивая свой опыт материнства и моих сверстниц, хотя троих детей ни у кого из моих подруг или знакомых не было, могу сказать откровенно: наши дети болели не очень часто.

Сезонные простуды, садииковские инфекции в раннем возрасте — неизбежны... Раз уж не сумели преодолеть предрассудки и мои, и моей матери, не стали закалывать детей радикальными методами, приходилось каждую осень отдавать дань инфекциям и простудам. Это, наверное, известно каждой семье, где есть дети садиковского возраста.

В пять лет — Альке, в четыре — Игорю пришлось пережить инфекционное воспаление легких. Оба попали в больницу, но не надолго. А вот Ярик почти не болел ни в годовалом возрасте, ни позже. Инфекция в Краснодаре — не в счет! Особый случай, и то, как заметил Олег, выздоровление прошло без осложнений. Что будет потом, не знаю, а пока приятно вспоминать, что после его бед с фурункулами мы с его здоровьем больших хлопот не знали...

То, что в минуты страданий детей мать ближе всех к малышам, — аксиома. Но было бы несправедливым утаить другое: накапливающуюся месяц за месяцем ее усталость. Даже когда болезни преодолены, ребенок здоров, весел, у него хороший аппетит, он радуется звонким смехом, крепким

сном, цена этому счастью — усталость матери.

Когда мы всей семьей отдыхали на Нарочи или в деревне на реке Березине, дети были с нами неотлучно. Хотя возраст сыновей от года до пяти сравнительно «покладистый», но требует постоянного и пристального внимания. Зазеваешься — и до беды короче шага...

...Стою в ванной, стираю. Коляска с Игорем, которому минуло только десять месяцев, — рядом, у самой двери. Не припомню, почему я его оставила в коляске, а не положила в кроватку. Как обычно, ноги сына крепко запеленуты, хотя руки свободны. Как мне показалось, новые игрушки, подвешенные прямо над ним, захватят внимание сына и он полежит спокойно. Мне нужно-то минут пять-семь, чтобы простирнуть, прополоскать его распашонки и пеленки. Стою спиной, но поминутно поворачиваюсь, чтобы посмотреть: как он там? Ничего не предвещало беды!

Вдруг «спиной» слышу крик Игоря. Поворачиваюсь — и немею от ужаса: вижу у него только... один глаз! Олег уже ушел, недавно хлопнула дверь. Мой крик его вернул. Я мечусь у коляски, ору как ненормальная: «Он что, потерял глаз?» Папа берет сына на руки и видит, что нижнее веко глубоко продавлено.

Уже только потом сообразили, что к чему. Игорь, перевернувшись на живот (и когда успел?), приподнялся и, падая, ткнулся глазом в железную тругольную деталь, выступавшую по периметру коляски.

Ловко оттянув нижнее веко, Олег резко, но легонько нажал на верхнее, как бы «вставив» глаз на место. Через минуту малыш уже спокойно лежал в кроватке и даже не плакал. Я же рухнула на диван без сил...

...Дети подрастали. Даже если для тревог не было никаких видимых причин, они, эти причины, обязательно «спрячутся» где-то от меня совсем рядом. У них есть имена: Алик, Игорь, Ярик...

...Воспользовалась передышкой, сижу за своим столом, читаю. Завтра выступление на кафедре о плане диссертации. В доме почти тихо. Мои мальчики в детской. Вдруг шестилетний Алька вбегает в гостиную и кричит: «Мама! Игорь просунул голову в балкон!» Прибегаю в дет-скую комнату и вижу такую картину. Игорь стоит на коленях, а его голова просунута между вертикальными прутьями балконного ограждения. Пацанчик хнычет, жалобно постанывая: «Вытащи меня... Выта-а-ащ-и-и меня-а-а-а!»

Папа — ну прямо смех и грех, как говорит бабушка Зина, — именно в это время сидит в туалете. Расстройство желудка у папы случилось явно некстати! Слышу его голос: «Что там у вас?» Алька подбегает к двери туалета и сообщает: «Игорь просунул голову сквозь балкон!» Папа не понимает сына: «Куда просунул?» — «Ну я же говорю тебе, насквозь балкона!» Папа опять не понимает. Кричит: «Позови маму!» Алька бежит за мной. Я кручусь около попавшего «в плен» сына. Не могу сообразить, как же теперь

вытащить его голову? А тут, наверное из «солидарности», громко захныкал Ярик. Он присел рядом с Игорем и спрашивает со слезами в голосе: «Зачем ты ее просунул? Что теперь с твоей головой будет?»

Подхватываю Ярика на руки. Идем с ним к туалету, где все еще сидит наш папа.

— Ну, ты скоро?

— Таня, объясни толком, что там у вас случилось? — В голосе папы неподдельный интерес к происходящему.

— Игорь голову просунул сквозь прутья балкона и назад не может вытащить! Уши не пускают!

Слышу веселый хохот мужа. Чувствую, что и сама едва могу удержаться. Иду к Игоречку, чтобы утешить его.

Наконец появляется папа. Хорошо, что все случилось в воскресенье! Вижу у Олега в руках... бутылочку с машинным маслом. Не могу понять, зачем она ему понадобилась? Стоим с Алькой и Яриком у дверей на балкон, ждем, как папа голову бедолаги Игоря из плена вырвать будет.

Он, добродушно посмеиваясь, наклоняет застрявшую между двумя прутьями голову Игоря, подносит носик бутылочки к его ушам, льет на них тоненькую струйку масла и слегка растирает пальцами. Просит сына: «Стой, не двигайся...» Затем этим же маслом густо смазывает железные прутья балконного ограждения.

Наконец приближается торжественный момент! Просунув свою руку сквозь ограждение, Олег прихватывает Игоря ладонью за лоб и со словами: «Ну, давай-ка, назад, не торопись...» — подтягивает голову сына к себе. Еще усилие, и Игорешкины уши, встретившись с промасленным ограждением балкона, почти сплющиваются и проскальзывают.

Сын счастлив! Мы — тоже. Подхватив Игоря, мы с папой радостно закружились по комнате. Родовались так, что забыли обо всем на свете! Я висла на шее у мужа, выкрикивая, что «...нет на свете всех милее! Всех умнее!»

И тут раздался жуткий крик Альки: «Ярик из балкона уходит!» Повернувшись на крик, я едва не потеряла сознание. Трехлетний малыш, то ли позавидовав «приключениям» Игоря и хлопотам вокруг него, сделавшим брата центром внимания, то ли по другим неведомым мне причинам, шагнул между железными балконными прутьями и, почти просунув попку сквозь ограждение, уже встал правой ножкой на узкий выступ балкона, обитый железом.

Папа мгновенно оказался рядом. Подхватив сына, перенес его через перекладину и поставил на пол. Конечно, слишком шустрый малыш получил «воспитательный» шлепок по пронырливой попке. Тяжелая папина ладонь явно испортила «храбрецу» настроение.

Разобиженный Ярик сел в кресло и, наверное, хотел немного похны-

кать. Но тут в комнату влетела оса, и наш малыш, подняв глаза к потолку, с интересом следил за ее виражами. Проказник уже забыл о своих недавних рискованных приключениях...

«Не будем искушать судьбу», — философски заметил наш папа, взяв из кладовки моток мягкой красной проволоки и стал переплетать узкими параллельными строчками вертикали балконного ограждения...

...Ночью я спала плохо. Мне снились большие красные Игорешины уши, плотно прижатые к щекам, и Ярик, который, как лунатик, гуляет по краю балкона, с хитрой улыбкой поглядывая с пятого этажа на меня, в ужасе застывшую внизу...

...Своих детей и себя в общении с ними я узнавала из года в год нашей жизни под одной крышей. Мои страхи и тревоги, восторги и гордость, недовольство и гнев менялись в унисон с переменами, происходящими в их характерах и поступках.

Я не могла не замечать перемен в поведении старшего сына, потому что, переходя от детства в раннее отрочество, от пяти к шести, восьми, девяти годам, он мне показывал то, что я не видела да и не могла видеть у него ни в четыре, ни пять лет. Это естественно, но почти всегда я отставала от понимания причин и мотивов поведения моего старшего сына. Особенно когда он делал что-то такое, что меня пугало, не нравилось или сильно огорчало...

...Можно ли всегда одинаково относиться к своим детям? Вопрос, может быть, и звучит риторически, но в его предпосылках — немало загадочного. Говорю только о себе. Мое отношение к сыну, неважно, кто это — Алик, Игорь или Ярик, зависит от душевного настроя, бытовой загруженности, накопившейся усталости и, конечно, самого поступка твоего ребенка. Это — «узелки» отношения к детям. Они связаны друг с другом очень плотно.

Когда дети были совсем маленькими, я никогда не срывалась в крик, эмоций гнева не было. Малыши вызывали сочувствие, если болели, ушиблись... Или — беспричинную радость: «Ах ты, мой милый!» Сяду с ними в обнимочку, поворкую и наслушаюсь вдосталь их веселого «чирикания». Вот так бы всегда с ними и сидела!

...Дети стали подрастать. Минус пять лет старшему, среднему. Но вот в наступившем у них шестилетнем, семилетнем возрасте я почувствовала, что от старшего Альки и подросткового Игоря мне ужасно хочется... понимания моих забот, нагрузок и усталости.

Меня удивляло, как тяжело было добиться от старшего, уже восьми-девятилетнего Альки сделать что-то в помощь мне. Он умел делать уже многое. Хорошо справлялся с домашними делами, разве что только обеды не готовил. Но почти никогда старший сын не выполнял мое поручение без многократных напоминаний или настойчивых, почти на нервном срыве, просьб. Подросток Игорь — такая же история! Меня это угнетало!

Поделилась с подругой, у которой росли мальчик, сверстник Альки, и девочка на год младше. Она в сердцах воскликнула: «О каком сочувствии ты мечтаешь? Я, например, точно знаю, что мои дети — потребители моей с мужем жизни! Моего времени, моих денег, моего здоровья, наконец!» Кстати, Олег думает точно так же.

Однажды записала в своей тетради разговор с ним. ...*Мы нужны детям совсем не так, как они нам! Закон природы: каждый ребенок живет за счет ресурсов жизни родителей! Сначала ты даешь им жизнь добровольно. Подрастая, взрослея, они отбирают у тебя для своих нужд твою энергию, твоё время и всё остальное, что, казалось бы, принадлежит тебе. Одни родители отдают детям всё без остатка. Другие — не дают ничего: рожают и отказываются от детей. Третьи ведут себя вполне прилично: рожают, воспитывают, однако, обделяя детей вниманием и заботами, стараясь о себе не забывать! Такова логика отношений детей с родителями и наоборот! Любовь родителей к детям и любовь детей к родителям вовсе не абсолюты! Она обнаруживается в жизни не так часто, как бы хотелось. В этом смысле кому-то из родителей или детей — повезет. Кому-то нет. Примеров забвения и родителями, и детьми морального долга друг перед другом — полно! Кто есть кто, можно видеть лишь в зеркале нравов. А оно, это зеркало, нередко оказывается мутным...*

Вадик и Миша — дети тети Гени, нашей соседки — пример нежной, просто неистовой любви матери и такого же ответного сочувствия детей к ней.

Буквально напротив нашей квартиры живет семья. Отец — алкоголик, его жена — безутешная мученица. Жертва. Судьба их 17-летнего сына — драматична. Он — алкогольный дебил. Его старший брат — нормальный парень, а вот младшему не повезло...

Рядом с нашей — дверь в квартиру семьи, где растут две девочки. В доме тишина, мир, покой. Любовь отца и матери. Нежная ответственность перед детьми. Девочкам повезло... Это только в нашем подъезде. Да и то не в каждую семью я «заглянула».

...И всё же я снова возвращаюсь к мысли о моих переменах в отношении к сыновьям. Олег меня избаловал вниманием и сочувствием. Ими пропитаны все минуты нашего общения! Я вижу, чувствую его внимание всегда! Не потому ли я хочу такого же отношения к себе у подрастающего старшего сына, в его уже подступающие десять лет? Когда вижу его равнодушные к моей усталости, к моим просьбам — очень расстраиваюсь. Он был отзывчивее, когда был младше. Куда всё подевалось в девять лет?

Мы любим его, иногда философствуем между собой, даже при гостях, по поводу его характера. Как же без этого? Мы даже забегаем вперед года на два или три, «прокладывая» в наших родительских мечтах тропы его

судьбы. Когда сын нас радует, мы видим его будущее в розовых тонах. Если его проступки нас чем-то пугают или расстраивают, тревожат, мы, в лучшем случае, надолго умолкаем. Задумываемся...

Каждый из нас — и я и папа — погружаемся в загадочный мир причин и следствий, пытаюсь понять корни недоброго дела, сделанного сыном. Если ничего дурного он еще не сотворил, с удовольствием «подкармливаем» свои родительские надежды тем хорошим, что было им сделано в недавнем времени.

Вот такие «качели» нашего отношения к старшему сыну Альке. С младшими все не так. «Пусть подрастут», — многообещающе смеется Олег, услышав мой вопрос: «А почему нет таких «качелей» с малышами?..»

Конечно, «качели» были и с малышами! Только «детские», когда наше недовольство смягчалось естественной снисходительностью к невинному возрасту. Но и тогда не обходится без родительских «сердитых эмоций», недоумения или испорченного настроения.

...Стою в троллейбусе. На руках у меня Алька. Ему — почти пять лет. Ну не уступили нам с ним место... Стою. Задумалась о чем-то своем. Ничего вокруг не замечаю, прижавшись щекой к плечу сына, который смиренно сидит у меня на руках.

А в это время Алька влез в карман гимнастерки какого-то военного, стоявшего рядом, и вытащил книжечку удостоверения личности. Миг недоумения, растерянности у меня и у «пострадавшего». Потом мое недоумение почти сразу вытесняется нешуточным «обстрелом» осуждающих реплик «бдительных» пассажиров. Хватит злословить! Малыш же! Ну что такое пять лет?

И все же... Хочется оправдаться, сослаться на то, что сын ничего не понимает. Глуп еще! «Ах, как нехорошо!» «Как же ты его воспитываешь, милая!» Тогда-то «сердитые эмоции» меня и настигли! Конечно, досадно! Захотелось надавать малышу по рукам. Сказать ему что-то строгое. Но прежде — побыстрее выйти из троллейбуса.

Да, сыну всего... А может быть — уже? Пять лет! Но мое самолюбие матери под «обстрелами» бабских реплик уязвлено! Возможно, в тот момент была я слишком щепетильной? Может, мне просто не повезло в тот день? В троллейбусе ехало больше глупых и агрессивных людей, чем снисходительных? Не знаю... Что было, то было! По-моему, я тогда впервые столкнулась с неприятной реальностью: публичным осуждением меня — матери еще глупого сына, совершившего, по глупости, дурной поступок. Ощущения — не из приятных!

...Когда старшему исполнилось восемь лет, очень часто приходилось подсознательно сопоставлять его поступки с общепринятым порядком и нормами поведения. В четыре, пять лет, хорошо помню, делали это мы с

Олегом снисходительно и спокойно. А вот окружающие нас люди, те же соседи по дому, если им пришлось стать свидетелями провинностей наших детей, делали это куда строже, чем мы.

Нашего провинившегося в каких-то дворовых событиях сына соседи оценят строгим словом. Могут помянуть и нас недобрым, в зависимости от того, что сын натворил. «И кто только тебя воспитывал?» Случалось, сама эти слова слышала...

То есть мы, родители и наши дети, все время находимся под «прицелом» придирчивого внимания окружающих нас людей. А почему они вправе судить и нас, и наших детей? Кто они такие? «Социальный контроль...» — хмыкнув, отвечает папа-социолог, когда я расстроилась от очередного дворового конфликта с соседями, рассерженными моим восьмилетним сыном, заоравшим на весь двор в восемь утра в воскресенье: «Са-а-а-шка! Выходи, в футбол поиграем!»

Растут дети, — записала я свой разговор с Олегом, — *и наша родительская репутация с каждым годом становится все чувствительней. Но вряд ли дети в девять и в десять, в тринадцать и в шестнадцать будут нашу репутацию беречь. Хотя мы о ней заботимся. Без репутации — нельзя! Конечно, всю стараемся свою родительскую честь не запятнать! Должно пройти много лет, чтобы дети, повзрослев, это, наконец, поняли...*

Когда мой школьник ходит по улицам без меня, когда может встречаться с «согражданами», он обязательно будет нас... представлять! Его проступки мне просто недоступны. Меня-то рядом с ним нет! А вот «сограждане»... Их всегда много. Они всегда рядом с ним... С моим сыном. Если что и случается с нашим мальчиком «неподобающее», мы об этом можем и не знать! Разве что иногда до нас дойдут какие-то слухи. Или если сын сам признается. И то если уж какое-то ЧП произойдет. Вспоминаю себя в этом возрасте. Было... Олег не спорит: «...конечно, скрытничал...» Обычное дело...

«Маленькие детки — маленькие бедки...» — слабое утешение. Рассказала, например, соседка, что Алик (ему было уже восемь лет) отказался помочь ей донести сумку с продуктами на третий этаж. Слышу в ее голосе осуждение в адрес моего сына, а значит, и в наш с папой тоже!

В этой ситуации — прост хамский ответ: «Не обязан мой ребенок тащить вам сумки...» У нас в семье детям внушаются иные правила. По ним и спрашиваем с Алика. «Как же ты? Она же старенькая, одинокая женщина!» Молчит. Или скажет: «Я очень спешил...» Настаиваю на своем: «А ты извинился? Потом хоть объяснил, что спешил?..» Молчит. Значит, особых причин отвернуться от просьбы пожилой женщины у сына не было. Спешил куда-то, махнул рукой и убежал.

Считать ли мне это первыми звоночками равнодушия к пожилому человеку или это обыкновенное продолжение равнодушия ко мне, к моим

просьбам, которые Алька часто оставляет без внимания, пока не наткнется на мое недовольство, гнев папы или совсем уж мою «слезную просьбу» ...

Отчего же вдруг в характере мальчишки такие тревожные перемены? Казалось бы, в семье все так прочно нами внушается. Вроде бы должно «доброе, вечное» глубоко прорасти в его душе! Увы, всходы добродетели у старшего сына с возрастом почему-то становятся вялыми, плохо набирают силу и рост...

Кстати, многие мои сверстницы жалуются на то же самое. Не допросишься принести, отнести, помочь по дому... И тот же возраст: семь, восемь, десять, двенадцать лет...

...Наши старания удержать Альку в музыкальной школе, добиться, чтобы он все-таки научился играть на гитаре, окончательно лопнули к его девяти годам! Протесты сына, его отказ тренироваться играть на инструменте, учить гаммы все более укрепляли нас с Олегом в печальном мнении, что с его волей, только-только набирающей силу, мы... не справляемся. Во всяком случае, в ситуации с музыкальной школой.

Желание дать сыну элементарное музыкальное образование оказалось только у меня. Но поначалу мы с сыном были союзниками в этом. Правда, всего-то год! Еще год он вяло, но с каждым днем все заметнее сопротивлялся этому.

К девяти годам от требований и уговоров я устала. Олег, после неистовых «слез сопротивления» Альки музыке, отказался настаивать. Однажды я поймала себя на мысли: сыну я сочувствую! Вижу, что он протестует, когда я настаиваю на уроке, на упражнениях, на заучивании сольфеджио. Кричит мой сын, плачет! В настоящей ярости отбрасывает инструмент! Потом узнала, что он уже стал нас обманывать: намеренно пропускал занятия в школе...

Конечно, только я, а не мой сын готова была понять, что, отказавшись от предоставленной ему возможности учиться игре на гитаре, он теряет много шансов душевного самовыражения, творчества, контактности...

Тогда я впервые поняла: сопротивление нашим желаниям, пусть даже самым важным для будущей судьбы сына, — хоть и печальная, но очевидная реальность! И сопротивление моей настойчивости в девять лет — осмысленное! Он действительно злится на меня, если я заставляю его заниматься. Мое упорство его угнетает. Тогда я поняла, что, упорствуя, мы с папой становимся его... противниками.

Мы — противники его желания забросить гитару, уйти играть с пацанами во двор или сидеть и смотреть «телек». Когда это осознаешь, возникает страшная внутренняя усталость! Во всяком случае, у меня.

Своим упрямством, явно неразумным, даже глупым, он утверждает какие-то свои «права», которые ни мне, ни Олегу уже не удастся проигнорировать.

Папа знает, что может «власть употребить». Знает, что его воля готова преградить путь нелепым желаниям старшего сына, в основе которых лень, глупость... Но убежден: не тот случай! Уговоры не помогают? Придется идти на компромисс. В итоге из музыкальной школы Альку пришлось забрать. Вслед за ним ушел и второй сын. Правда, туда он с самого начала «записался», да и балалайку выбрал... глядя вслед старшему брату. Мы с папой это знали, «хорошую мину» сохраняли, поддерживая его самостоятельность, добросовестно оплачивая расходы на школу, поощряя занятия. Но и с Игорем не вышло...

...Моя подруга (у нее мальчик и девочка, они ровесники моим) послушав меня, сказала:

— У них с рождения — своя жизнь!

— И какая же, можно узнать?

Подруга смеется.

— Об этом ты узнаешь, когда он вырастет! Так что оставь мальчишку в покое!

Вот оно что! «...С рождения своя жизнь». И подступиться к ней со своими родительскими надеждами, желаниями «не моги»! Нелепость какая-то! Итак, я «проиграла» в противостоянии со старшим сыном! Может быть, не он, а я виновата в этом? Ладно, не хочет заниматься старший сын музыкой... Поняла, уступила... Меня ждет новый вопрос: готов ли сын всегда быть достойным представителем нашей семьи? Везде! В магазине, в троллейбусе, в школе, во дворе, в кинотеатре...

Детям труда не составит «плыть по течению». Особенно когда рядом нет родителей. Тому же Альке в его девять лет противостоять «сильной струе» в этом течении, какому-нибудь «оболдую» с дурными манерами, тоже непросто. А ведь он получил от нас, родителей, право... Только послушайте, как магически оно звучит: *право ходить куда хочется!* Разумеется, с учетом времени суток и возможностей его возраста. Да, «за ручку» мы его уже не держим!

От сына мы требовали сущую безделицу — сообщить нам, куда он идет, где он будет находиться, и прийти домой вовремя. Доверие к детям было папиным «коньком». Однако отчитываться, где был, что делал, для сына все чаще и чаще становилось делом ...обременительным. Наша надежда на откровенность Альки, на его готовность поделиться с нами своими впечатлениями от дворовых «малолетских тусовок» постепенно обращалась в родительскую иллюзию, прибавлявшую нам тревог. А ведь поначалу дети щедро «баловали» нас откровенностью. Семилетний Игорь и пятилетний Ярик в особенности. Уже в девять Алька стал «скрытничать».

Тогда мы с папой придумали свою «теорию». В каждом дне самостоятельности старшего сына — рассуждали мы — экзамен и ему, и нам.

Что-то мы ему внушали с малолетства, чему-то учили и учим до сих пор... Теперь мы ждем его поступков, как студенты ждут экзаменационной сессии.

В недели и месяцы моей болезни, во время трудных забот у папы самостоятельность старшего сына заметно подрастала, а возможность нашего родительского контроля сокращалась. По-моему, этот «закон подростости» знаком каждой семье. Тогда-то некоторые поступки моего первенца и стали «неудом» в нашей с папой родительской «зачетке». Старший сын далеко не всегда был готов следовать тем правилам, которым мы учили его с «младых ногтей». А может быть, уже и не хотел?..

Годами внушая: «...это надо делать так, а этого делать нельзя...», трудно рассчитывать на то, что, в конце концов, твои требования закрепятся в сознании ребенка. Что его поступки станут продолжением моральных привычек родителей. Например, не врать. Не поддаваться глупым соблазнам. Быть благодарным... Уже на исходе первой десятки лет жизни старшего сына многое в его поведении говорило, что наши родительские ожидания могут и не оправдаться. Конечно, оптимизма мы с папой не теряем, но ответа на вопрос, как характер старшего будет складываться в следующее десятилетие, у нас нет. Может быть и не надо «забегать вперед»?

Очевидно, в истории всех семей ясный ответ на такой вопрос едва ли возможен заранее. Единственное, о чем можно сказать определенно: старший сын войдет в пресловутый подростковый возраст. Даже с нашим родительским опытом боюсь к нему подступаться...

Никогда не давала мне покоя мысль Льва Толстого о том, что воспитание ребенка заканчивается в пять лет. Может быть, я что-то не поняла в этой парадоксальной мысли классика? Она кажется мне жутко фатальной! Моему Альке сегодня уже девять. Уже нет надежд что-то в характере сына «подправить»? Задумаешься...

Вернусь ко времени, в котором мое физическое недомогание стало ежедневной реальностью. Случилась со мной беда к середине девяти лет старшего сына, и, пока младшие братья «набирали темп», характер Альки был уже различим.

Под влиянием болезни обострились, наверное, и мои родительские чувства. Взгляд на старшего сына стал пристальным и придирчивым, потому что в человеке девяти лет от роду уже многое заметно. Спрашиваю себя: хоть что-то в нем получилось или не получилось? *Я то знаю, что будет со мной завтра...*

...Алька с младенчества... нет, до рождения, если хорошо вспомнить время и события моей беременности, посеял в моих ощущениях нежные зерна любви. За годы его детства они разрослись до сильных и сочных побегов надежд. Время шло, сын подрастал — и на смену сплошным радостям младенчества, раннего детства, первых школьных месяцев пришли мои

несносные тревоги. Мое доверие стало первой «жертвой» наступавшего взросления сына. Да, первым «потерялось» доверие к Альке как к надежному «поводырю» или «няньке» младших братиков. Ему исполнилось семь, потом восемь — и вдруг стало опасно оставлять с ним во дворе младших братьев. Бросит... Уйдет куда захочет... Оставит и даже забудет, где же малышня заигралась.

В восемь — то же самое! Отругаешь, даже накажешь... Исправится, но не надолго. А в девять услышала: «Мама, я не буду для них нянькой, хватит!»

...Ностальгически вспоминаю, как пятилетний сын был настоящим помощником в доме! Играет, но не забывает сообщить мне, что Ярику надо сменить колготки, а Игорь залез на стул и сейчас упадет. Во дворе, если мы гуляли «всем гуртом», его глаз — самый зоркий. Непрестанно подбегает к малышам-братикам, пытается предостеречь от опасностей. В шесть, семь эти «благородные рефлексy» стали сильно ослабевать.

Тогда-то и стал меня папа подговаривать сделать «тренировки ответственности и доверия». Это когда мы уходили в кино, в театр, погулять по вечернему парку, а наши дети во главе с «первым помощником капитана» — шестилетним Алькой — должны были самостоятельно посмотреть «Спокойной ночи, малыши», поужинать и лечь спать. И так все надо было делать, чтобы ни соседей не залить, ни дом не спалить, ни «базар» в квартире не устраивать. Я писала об этом, помните?

Минули месяцы седьмого года жизни старшего, наступил год восьмой...

...В тот памятный для меня прохладный мартовский вечер мне захотелось, чтобы старший сын, которому исполнилось уже восемь лет, «попас» Ярика во дворе.

В тот злополучный день хотелось поработать над книгами, в тишине, хотя бы часик. Через две недели предстоял кандидатский экзамен по философии. Дети есть дети, их присутствие рядом часто накачивает тебя эмоциями, причем не всегда радостными. Болеют, дерутся, плачут, капризничают. Пропитаешься такими эмоциями и чувствуешь, как тебя наполняет неподъемная усталость. Начинаешь раздражаться. Голос свой не узнаешь...

Детская площадка — напротив нашего подъезда. Мне сверху, из окна, все видно. Сказала Альке, чтобы не выходил из-за ограждения, и он, кивнув, остался с Яриком в песочнице «строить замки».

Папа отвел Игоря в музыкальную школу, а сам пошел по магазинам что-то к ужину купить.

Отрываюсь от книг, своих конспектов, смотрю на площадку. Вон они, Алик и Ярик, играют в песочнице. Старший и младший. Идиллия!

Незаметно подкрались сумерки. Собралась звать детей, встала на стул, открыла форточку, смотрю на площадку: нет моих ребят! Ни Альки, ни Ярика. Почему не насторожилась, не спустилась вниз, не поинтересовалась,

куда же делись дети? Не знаю. Наверное, просто не успела...

Громкий стук в дверь. Бегу открывать. В голове мелькнуло: дети вернулись! На пороге — мужчина из соседнего подъезда с перекошенным от испуга лицом.

— Танька, беги в наш подъезд, там твой старшой на подоконник четвертого этажа брата посадил, неровен час свалится, разобьется же насмерть!

Говорит это, сбегая по лестнице, а я уже несусь вслед за ним. Обгоняю! Влетаю в соседний подъезд. По лестнице, мигом — на площадку четвертого этажа!

Вижу: сидит мой пятилетний Ярик в пальто, в шапке — холодная выдалась тогда весна... Сидит на самом краю подоконника, а окно — распахнуто! Пытается посмотреть вниз... Шагах в трех от окна, на лестничной площадке, стоят Алька и его приятель. Весело о чем-то болтают...

Хватаю малыша... За такое головотяпство готова старшего растерзать. Вниз спускаюсь с Яриком на руках — сама не своя! Сын — оправдывается. Плетется за мной.

Дома «выкрикиваю» пережитые свои страхи. Они буквально выжигают в моем воображении путь возможного падения Ярика с четвертого этажа! Вся накалена, себя сдерживать не могу. Схватила кухонное полотенце, сына отхлестала. Сажусь на диван. Пережитые страхи за малыша рвутся наружу! Чувствую: не могу сдерживать рыданий.

Минуту спустя прошу неведомые мне силы, чтобы Олег задержался подольше. Знаю, что придется рассказать, что сотворил мальчишка. Знаю, что у папы, как и у меня, воображение срабатывает, достанется старшему сыну на орехи!

Беспрестанно спрашиваю, буквально допрашиваю сына:

— Ну как же ты так? Я же просила тебя: не уходи из садика. А ты потащил ребенка на четвертый этаж! Посадил на подоконник! Тебе же во-о-о-о-о-семь лет!

В общем, нервы...

Пришел отец. Увидел меня, мое лицо, красные глаза, еще дрожащие руки. Узнав все подробности, медленно стал наливаясь негодованием. Алька сидит в детской, ждет разговора с папой, наверное, понимает, что попадет ему по первое число. Конечно, попало...

...Через месяц Альке будет девять лет. Пошел папа с мальчиками в театр на детский спектакль. Возвращаются домой веселые... Проходят мимо книжного магазина. Папа не удержался, но старший сын в магазин идти не хотел, младшие с ним готовы подождать папу на воздухе. Почему бы и нет? Погода хорошая... «Алька, поиграй тут минуточку с ребятами. Я мигом посмотрю новинки, может, и вам новые книжки куплю». Старший сын согласно кивает: «Конечно, иди...»

Выходит папа минут через пять-десять — нет детей! Огляделся вокруг — исчезли! Искал-искал, с тяжелым чувством приезжает домой. Видит — я сижу на скамейке у подъезда, а рядом, понутив голову, — Алька. Об эмоциях молчу... Стали разбираться.

...Старшему быстро надоело приглядывать за детьми, и он пошел к троллейбусной остановке, что была неподалеку, с намерением уехать домой... Но ведь папа же просил! Ты же обещал! Папе! Даже, оказывается, Ярик крикнул брату: «А папа?» Бежит старший к троллейбусной остановке, за ним Игорь, Ярик. Одному почти восемь, другому — пять с «хвостиком»...

Догнали... Опытные «ездоки», натренированные папой, сели в троллейбус втроем. Тут же, как рассказал Игорь, разгорелся скандал из-за места у окна. Старший разозлился и через две остановки выходит на площади Победы, оставив младших братьев в троллейбусе. Малышня — за ним! Выпрыгнули Игорь с Яриком на остановке, но старшего уже и след простыл. Стала малышня моя играть в «прятки» среди сизых елочек в скверике рядом с площадью Победы. До дома — рукой подать, но... свобода!

Я в это же время еду в троллейбусе с работы. Проезжаю мимо елочек и глазам не верю! Игорь? Ярик? Что они здесь делают? Одни, без Альки, без папы? Как сюда попали? Выяснили...

«Как же так? Как ты мог?» — в гневе, недоумении задаем старшему сыну вопросы, которые можно назвать... дурацкими. Откуда сын может знать на них ответы?

В такие минуты безумно тяжело справиться с отчуждением к «помощнику»! Позже, когда все уляжется, утихнет, наступает особая минута: задним числом начинаешь мучительно искать причины случившегося...

Задумываешься над тем, что если в таком возрасте случаются подобные нелепости с твоим старшим сыном, которого ты так любишь, так хвалишь за хорошие мозги, который много раз тебе показывал, что многое умеет, который, в конце концов, просто твой первенец, то что же будет дальше?

Когда подобное повторяется, несмотря на уговоры, долгие беседы, даже суровость наказания, перед тобой неизбежно встает вопрос: в чем же дело? Почему твой старший сын так тебя «подставляет»? Кто виноват в том, что он совершает такие поступки?

После шумных объяснений и слез в голову приходит отчаянная мысль: твоего собственного ума и опыта уже не хватает, чтобы понять случившееся. Что же делать? Читать журнал «Семья и школа»? Просить консультации на кафедре психологии в родном университете?

Тогда же, насытившись этими вопросами «про нелепости», замечаешь: в твоём отношении к старшему сыну что-то начинает происходить. Что-то накапливается... Досада? Настороженность? Недоверие? Не знаю... Но, главное, что-то теплое, нежное, с младенчества адресованное твоему

ребенку, постепенно уходит. Недоверие скребет где-то в самых глубинах, останавливая летучие твои эмоции, обычно питающие спонтанные просьбы к сыну и надежды на отзвук в его душе.

Конечно, потом, спустя день, два, три, в порыве все тех же произвольных эмоций, кажется, начинаешь забывать. Обнимешь своего парнишку, заворкуешь над его ухом что-то свое, материнское. Нет... Все-таки след случившегося и день, и месяц спустя возьмет да и напомнит о себе!

Иногда с какой-то «фатальной» иронией Олег произносит: «Послезавтра все равно наступит...», вкладывая в слово «послезавтра» какой-то таинственный, мрачноватый смысл. Это и есть планида родительская — жить, зная, что «послезавтра все равно наступит!» Ни на что не уповая? Снова вспоминаю слова подруги: «...у них с рождения своя жизнь...»

...Сидим с Олегом в гостиной. Скоро полночь. Разговор наш труден и долог. Сегодня Игорь и Алик, а одному же девять, другому — восемь, принесли в наш дом большой ящик с игрушками и разбираются с ними. Случилось это, когда я выскочила в магазин кое-что купить к ужину. Возвращаюсь — старшие дети играют в своей комнате. В доме — тишина, благодать! Завозилась на кухне, приготовила ужин и зову детей. Никакого отклика. Увлечлись? Прихожу в детскую. Вижу такую картину: Алька сидит посреди комнаты, с увлечением возит груженный мелкими игрушками большой самосвал, сделанный из желтого пластика. Игорь в углу весь обложен какими-то кубиками и машинками. Рядом барабан с пластиковыми палочками. Спрашиваю, что это за богатство? Нельзя ли все отложить и пойти поужинать? Зазвонил телефон. Папа сообщает, что они с Яриком возвращаются из кинотеатра «Пионер», где Олег представлял детский фильм, а затем посмотрел его с малышом. Старшие ребята от фильма отказались. Уже видели и остались играть во дворе. Скоро вся семья будет в сборе.

Решила подождать. В конце концов, папа с Яриком придут уже минут через пятнадцать-двадцать, тогда все и поужинаем. Сажу, жду, и в голове неожиданно всплывает вопрос: а что это за игрушки, с которыми дети с таким увлечением играют?

Снова отвлеклась, а может быть, и зачиталась. Слышу, папа пришел, а секунду спустя — уже громкий голос Ярика: «И я хочу поиграть! Алька, дай мне на самосвале покататься!» Иду из гостиной на кухню, в коридоре сталкиваюсь с папой. Он нежно меня целует, доволен детским фильмом, действительно красочным и веселым. Идем, обнявшись, по коридору и заглядываем в детскую комнату. Я почти непроизвольно поворачиваю к кухне. Надо посмотреть, картошка не остыла?..

Слышу вопрос Олега, адресованный детям: «А где вы взяли эти игрушки?», и голос Альки: «...с площадки, они там валялись...» Игорь молчит, но вскоре слышу и его голосок: «Да... они там просто лежали, и мы взяли

их...» Я вошла в детскую комнату. Села на диван. Внутри стало неудобно, словно меня промокнуло липким дождем на сквозняке. Глянула в лицо Олега. Тень растерянности еще не растворилась в его чертах, но глаза... Глаза были тяжелыми и почти скрылись под мохнатыми бровями. Он оперся о косяк двери, спросил:

— Эти игрушки были раскиданы по площадке?

— Да, — простодушно пролепетал Игорь.

— Н-нет, — протяжно ответил Алька.

— Где же они лежали? — допытывается папа.

— Они там были, в домике, — выдавливает Игорь почти шепотом. Заметно, что он с трудом удерживается от соблазна сказать все, что знает, но не может справиться с каким-то препятствием, осторожно поглядывая на Алику.

— Ничего не в домике, не ври! Алька решительно мотнул головой и уже готов был продолжить игру, но вздрогнул от отцовского вопроса, будто хлыстом перетянувшего его по спине:

— Так вы у к р а л и эти игрушки в детском саду?

— Н-нет, — запнувшись, ответил Игорь и добавил: — Мы просто взяли их поиграть.

— У кого же вы спросили разрешения? — уточняет папа. Дети подавленно молчат.

Я была в состоянии полного недоумения. Тема «брат — не брат», что «плохо лежит» детям, особенно Игорю и Алику, давно была хорошо знакома. В детском саду мне приходилось внимательно обследовать их шкафчики, как говорится, на предмет присутствия чужих вещей. Почти всегда находила. Уже знала о так называемом «эффекте сороки-воровки», который очень рано обнаруживается у некоторых маленьких детей и «застревает» надолго. Знала и о клептомании. В младенчестве все выглядело безобидно. Ну взял какую-то игрушку, поиграл, забыл, не отдал, не вернул...

Олег к этому отнесся очень серьезно. «Привычка присваивать чужое в детском возрасте безобидна временно. А если «застревет»? Станет неудержимой потом, позже? Пусть я буду неправ! Пусть я преувеличиваю опасность! Но воровство, как и любой порок, начинается с малого: с умильного взгляда мамы или папы на схваченную детскими пальчиками чужую игрушку».

Однажды четырехлетний Ярик, играя с братьями «в магазин», не хотел пользоваться бумажками, на которых фломастером было написано: «100 рублей», «300 рублей», а просто пошел в гостиную, открыл ящички «семейной кассы», в которой лежала наша наличность, и, вернувшись в детскую, то есть в «магазин», стал «расплачиваться», так сказать, «кредитными билетами»! Что с него возьмешь, малыш!

Алька увидел — опешил! «Ты что, с ума сошел, Ярик!» Схватил деньги и вернул их в «каассу», разложив все банкноты в ящички. Ярик похныкал, похныкал и успокоился. О наших «кровных» дети знали, и объяснять такие вольности, какие допустил малыш, не требовалось. Казалось, все понятно! Старший — молодец!

Назавтра я случайно увидела в портфеле у Альки симпатичный игрушечный мотоцикл. Он сиял лаком и красками. Привлекательная вещица, ничего не скажешь.

Сын завершал уже второй класс. Прошло полгода с того дня, как произошел случай с кражей игрушек в детском садике, о котором, казалось бы, невозможно было забыть! К этому случаю я еще вернусь...

Следуя привычке быть внимательной к «сюрпризам» старшего сына, спрашиваю Алика: «Откуда у тебя это?» — «Мне Вадик подарил...» Молча иду в гостиную, открываю тетрадку с телефонами друзей и одноклассников Альки, набираю номер Вадика К. Он почти сразу же берет трубку. Краем глаза вижу стоящего у двери в гостиную сына, с тревогой поглядывающего на меня.

— Вадик, — говорю я спокойно и даже мягко, — я тебя хотела только спросить, Алька сказал тебе «Спасибо!» за игрушку, которую ты ему подарил?

В трубке растерянное молчание. Слышу громкое сопение не совсем вылеченного от простуды носа Вадика.

— А какую игрушку? Это Вадик явно с трудом старается понять, что это затеяла мама Альки Юрганова.

— Мотоцикл, — так же спокойно отвечаю я и вижу, что Алькино лицо начинает как бы «увядать». Это происходит обычно, когда он попадает на вранье. Опустив глаза, сын проходит в комнату и усаживается в кресло, равнодушно ожидая своей участи.

— А я ему ничего не дарил! Голос Вадика решителен...

Ларчик открывался просто. Оказалось, что Алька заприметил этот мотоцикл в киоске у дома. Игрушка понравилась. Сын решил все просто: взял 3 рубля из домашней кассы.

Называют случившееся как угодно: «украл», «взял», «позаимствовал», даже «воспользовался служебным положением домашнего банкира, неважно. Это мы с Олегом перечисляли, какие же из этих слов удобнее было бы нам, родителям, употребить, оценивая ситуацию.

...Теперь вернусь к случаю с игрушками, «позаимствованными» Аликом и Игорем из детского садика. Прогуливаясь с Яриком, папа да и я иногда перебрасывали малыша через низкий забор на площадку детского садика. Очень удобно! Сидит пацанчик у песочницы, играет за заборчиком в полной безопасности, а папа, поднявшись на пятый этаж и распахнув окно,

если теплое время года, садится за стол и работает. Час выдался, и можно провести его с толком. Надоело Ярику, крикнет: «Папа!»... Тогда-то Ярик и сказал папе, который вытаскивал его из-за заборчика: «Я там в домике... — это летний домик детского садика, куда, если дождь, детки спрячутся и непогоду пережидают. — ...Я видел много-много игрушек! Посмотри, вон там». Малыш тянет отца к забору, но уже с другой стороны, и показывает на окно домика. Папа замечает: на полу большой ящик, а в нем разные игрушки. Видит и небольшой висячий замок на закрытой двери...

Сейчас перед папой тот же ящик и те же игрушки, только в собственном доме. Спрашивает сыновей:

— Вы открыли дверь и взяли эти игрушки, так?

Алик нехотя кивнул. Игорь встал и отошел в сторонку.

— Но там же был замок!

Реплика папы, как пишут в романах, «повисла в воздухе». Дети молчали...

Олег заставил собрать игрушки в ящик, и мы все вместе спустились вниз. Сыновья протиснулись в небольшой лаз в проволочном ограждении забора, таща вдвоем злополучный ящик с игрушками, и направились к домику. Папа обошел забор с другой стороны. Подойдя с ним туда же, я увидела, что одной петли замка на двери домика нет, вторая сильно погнута, а неподалеку валяется кусок кирпича.

Алька с Игорем распахнули створки двери и поставили ящик с игрушками на место. Когда Алька открывал дверь, Олег показал мне пальцем на лежавшую в траве сорванную с одной из створок двери петлю, в отверстии которой был небольшой замок. Я молча кивнула.

Было уже темно. Наши голоса, возня у домика привлекли внимание сторожихи. Пожилая женщина с озабоченным видом открыла ключом замок в калитке и быстро вышла на площадку. Что-то ворча себе под нос, она так же быстро направилась к домику. В это время Алик с Игорем уже пытались закрыть дверь, но у них никак не получалось. Мы молча наблюдали. Подошла сторожиха. Не заметив нас, она схватила мальчиков за рукава, запричитала: «Ах вы разбойники! Это вы замок сломали?» Тут она увидела и меня с Олегом. Узнала. Недобро проговорила: «Смотрите? Сегодня они у дитев игрушки воруют, а завтра по хатам пойдут?» Ткнув дверь, которая не хотела закрываться и все время распахивалась, сторожиха снова с досадой посмотрела в нашу сторону: «Ну что я теперь скажу Нине Лексеевне?» Махнула рукой, сокрушенно вздохнув: «А вот так и скажу, мол, ваши дети, — она мотнула простоволосой головой в нашу сторону, — все это поломали и хотели покрасть...»

Алька с Игорем спешно умчались домой. Я готова была сквозь землю провалиться. Олег стоял молча и только кивал в такт словам сторожихи.

Потом, также молча, поднялся на пятый этаж, домой, взял инструмент, вышел на площадку. Поднял с травы вторую дверную петлю с замком, которую Алик выбил кирпичом, валявшимся неподалеку от двери. Распрямил плоскогубцами петли, оставшиеся на двери. Сторожиha принесла ключ от замка. Папа надежно закрепил шурупами пару петель, вставил замок, запер и отдал ключ сторожиha.

...Ужин прошел в молчании. За кухонным столом сидели только я, папа и Ярик. «С ворами за один стол не сяду!» — решительно заявил папа, и я отнесла Альке с Игорем еду в детскую.

Минут через десять, кое-как проглотив ужин, вернулись с Олегом в детскую. Ярик ушел в гостиную смотреть мультики.

Неожиданно я снова вспомнила слова сторожиha и испытала липкий внутренний жар стыда. Видя сторбленную фигуру мужа, выражение мрачной ярости на его лице, сжатые в кулаки пальцы, я ощутила такую горькую безысходность, что не выдержала и всхлипнула.

Олег растерянно посмотрел на меня. Я беззвучно плакала, и теперь мне было жалко и себя, и папу, и детей, сидевших неподалеку на полу, у балконной двери.

От правды не уйдешь. Ее неумолимость «просачивается» в твоем беспомощном сморкании в платок. Олег, осторожно прихватив меня за локоть, увлек из детской.

Пришли на кухню. Слышу голос мужа: «Я попробую применить японский метод». Что такое «японский метод»? Я не знала ничего об этом и замерла! Он ушел в детскую и закрыл за собой дверь. Сажу на кухне, прислушиваясь к каждому слову Олега, выговаривающему что-то там, в детской, провинившимся детям. Гнева в голосе папы я не слышала, не было и плача детей.

Не выдержав озадачившей меня тишины, я тихонько подошла к двери детской комнаты и прислушалась. Голос Олега звучал отчетливо, гневно и жестко: «Вы поступили гадко. Вы — мерзавцы и заслуживаете сурового наказания. Вас можно назвать только ворами, и вы сами все слышали сегодня от сторожиha. Я, ваш папа, и мама тоже пережили сегодня настоящее горе! У вас есть все, что надо. У вас полно игрушек, но вы хотите забрать себе еще и чужое! Чтобы такое больше не повторилось, я накажу вас».

В комнате детей стало очень тихо. Я увидела, как Олег взял за плечо Альку и поставил его в левый угол комнаты, Игоря — в правый. Затем он сказал: «Слушайте и повторяйте: «Я Алик... Я — Игорь — украл! Я поступил, как вор. Это — позор! Я никогда больше не буду брать чужое!» Дети послушно повторили за папой эти слова несколько раз. Убедившись, что слова раскаяния дети выучили в точности, Олег включил магнитофон. «Здесь час все записывается. Если вы остановитесь, будете болтать или

говорить неправильно, придется повторять эти слова еще в течение часа». Сказав это, Олег вышел из комнаты и почти лоб в лоб столкнулся со мной.

«Я прочитал об этом методе случайно, — вполголоса говорил мне Олег, плотно затворив дверь в детскую, иногда прислушиваясь к голосам, доносившимся оттуда. — В семьях японских самураев дурные наклонности детей, едва только обнаруживались, очень сурово искоренялись, но не в этом дело. Здесь должен работать эффект внутреннего резонанса. Они повторяют слова, обозначающие совершенные ими действия, и слово, которым называют человека, совершившего зло. Эти слова, многократно повторяясь, отложатся в разуме, погрузятся в подсознание. Застрянут! Когда соблазн взять чужое вновь возникнет, может быть, им удастся получить предостережение из подкорки?»

Я не могла слушать дальше. До меня доносились слова покаяния, которые дети бубнили, стоя в своих углах. Войдя в гостиную, мы снова уселись на диван, и Олег взял меня за руки. «Таня, я в отчаянии!» — сказал он, взглянув на меня растерянно.

— Мы не можем с тобой справиться с пороками детей. Этим порокам тысячи лет! Дети вырастут, наступит «послезавтра», и кто знает, сумеют ли они избежать поступков, которые будем осуждать уже не мы и не сторожиha детского садика, а Уголовный кодекс. Тогда наказывать будем уже не мы, а милиция, прокурор, тюрьма!»

Я никак не могла сосредоточиться. В ушах стучали слова, повторяемые детьми в комнате.

...Через час Олег зашел в детскую, а вслед за ним проскользнула туда и я. Игорь и Алик виновато смотрели на нас. Grimаса вынужденного раскаяния, наверное, рефрен слов, произнесенных не один десяток раз, могла только казаться искренней. Я смотрела в лицо старшего сына и... не верила ему.

...Мы с Олегом в тот вечер долго не могли успокоиться. Но у жизни свои законы. Назавтра пошла наша жизнь своим чередом. И потом не случилось особых приключений. А примерно через полгода Алька крадет (заимствует? прихватывает?) деньги из домашней кассы и покупает себе в киоске, неподалеку от нашей арки, красивую игрушку!

Слышу его голос: «Мама, не говори, пожалуйста, папе...» Я сохранила это в тайне от Олега, но спустя месяц рассказала. Был какой-то праздник! Мы справили его весело, с друзьями... А тут еще погода настроила на добродушный лад.

Олег молча меня выслушал и воскликнул в сердцах: «Вот засранец! И японский метод ничего не дал! Теперь нам ничего не остается, как быть подозрительными, проверять его постоянно и с надеждой ждать, когда же в его разуме заработают стыд и совесть...»

...Недавно оказалась рядом с Алькиной школой. Случайно. Заходить причин не было. Говорить с учительницей «о том, о сем» не хотелось. Знала, уроки уже кончились, и решила сына дожидаться. Вместе домой пойти. Вижу, ватага старшеклассников по ступенькам спускается. Девчонки, мальчишки... Слышу отборный мат. Опешила! Оглядываюсь. Огибая меня, ребята-старшеклассники о чем-то оживленно переговариваются, и мат, как что-то само собой разумеющееся, вылетает из пацаньих губ, легко достигая девчоночьих ушей. Но вот слышу уже их звонкие голоса. Да, тоже мат, такой же, какой слышала у нас во дворе от подвыпивших мужиков. Тут и мой сын появляется. Увидел меня, удивился, обрадовался.

Спрашиваю Альку, почему-то очень тихо: «А на переменках у вас старшеклассники матом ругаются?» Алька смотрит на меня настороженно: «Конечно!» Умолк. Идем, взявшись за руки. Невольно вспомнила эпизод из нашей семейной жизни. Года четыре назад это случилось, когда мой старший сын, вылечившись от инфекционного воспаления легких, вернулся домой из больницы, где пролежал неделю.

В моей толстенной тетради под названием «Амбарная книга», в которую я, как «летописец» жизни наших детей, заносила всякие события, случившиеся у нас в семье, проделки детей, свои размышления, а потом уж и куски глав и абзацев книги, сохранилась запись от 22 октября 1976 года.

...Выписали нашего Алюню из больницы. Попал туда с воспалением легких. Скорее всего, подхватил инфекцию в садике. Может, и мы недоглядели. Теперь он дома и, кажется, все в порядке. Малыши сумели от болезни увернуться, хотя Игорь немного сопливый, но Ярик здоров.

Все бы хорошо, да вот с Алюней у нас приключилась беда. Пришел он из больницы и всех нас ужасно шокировал своими новыми привычками: стал плевать как-то по-хулигански, сквозь зубы. Если не получается, сердится и снова пробует сплюнуть, ну, совсем как урка. Нашему мальчику — пять лет, а он ругается «как сапожник»! Я даже не могу записать! Приходит к нему Игореша поиграть, а он ему: «А пошел ты на...» Я ушам своим не поверила. Но очень скоро слышу опять! В общем, подтвердил мне сыночек, что русский мат выучил в больнице отменно! Ярик описался или кушать хочет, Алька кричит мне: «Ну чего это он разоряется? Прикрой ему хлебало!» Это я привожу только самые «деликатные» и печатные выражения. Досталось и мне. Даю сыну чай. Оказалось, что для него горячий. Тут мне сыночек и выдает: «... твою мать! Ты что, не могла проверить?» Я думала, что тут же на кухне и кончусь!

Приходит папа. Алюня в полном порядке, но, видимо, у него «нервы сдали», когда кроха Игорь взял у него игрушку без разрешения. Я даже «для истории» не могу привести на бумаге это слово.

Когда папа услышал выражения, вылетающие из ротика нашего «милоч-

го мальчика», он побледнел. Никогда такого отборного мата в стенах нашей квартиры мы не слышали, а вот от малолетнего сына довелось!

Замечания, просьбы, уговоры, требования ни к чему не привели. Грязь, казалось, навсегда прилипла к губам малыша, который продолжал выражать свое негодование отборным матом. Досталось от внука и нашей «бабине». После этого поехала она в детскую клинику полюбопытствовать, откуда Алюня набрался этой дряни? Ей говорят: «Да, случается такое. Дети лежат вперемешку. В палате, где лежал ваш внук, были и десятилетние, и шестнадцатилетние мальчишки. Они же просто счастливы, когда могут научить ребенка всяким гадостям».

Ломаем с папой голову: что делать? Приходит к нам девочка поиграть с Алюней. Что-то они не поделили. Алюня ей прямо и без предисловий: «Пошла на...» Это он на «три буквы» послал девочку. Та ничего не поняла, но обиделась и «послание» нашего мальчика запомнила.

Назавтра звонит мне ее мама. Хоть и была она нашей хорошей знакомой, но говорила в сильном волнении. «Татьяна, ты понимаешь, что мне Мариночка рассказала? Твой Алюня послал ее на...» И она решается в точности передать «адрес», куда наш сынуля «послал» ее дочку. Пытаюсь объяснить, покрываясь жарким потом от стыда за своего пятилетнего сына. «Прости, ради Бога, — говорю, — это у нас вроде кори или сыпи...» — «Ничего себе корь.» — кричит в трубку приятельница...

Когда мой пятилетний сын снова послал меня туда же, куда и дочку подруги, Олег отшлепал сына. Почувствовав гневную руку папы, сын дня три «держался». Но однажды слышу Алькин громкий шепот: «Игорь... твою мать! Я же сказал тебе...» Тут он употребил слово, обозначающее блудливых женщин. И снова, теперь уже в гневе, но все еще шепотом: «Пошел ты на...»

Игорь, кажется, из услышанных бранных слов ничего не понимает. Однако что-то в эмоциях и, наверное, в лексике Алюни малыша все же смутило. Он отошел от брата и весь день его обходил.

Позвала сына в другую комнату и очень сердито сказала: «Мало тебе было от папы за грязные слова? Ты еще хочешь?» Надулся. сам встал в угол. Но уже минут через пятнадцать, вернувшись в детскую, снова выругался. Хоть шепотом, но я услышала.

Тогда же Олег придумал образ «слова-какашки». Ему показалось, что Алюне можно внушить чувство гадливости, если обозначить используемые им бранные слова именно так. Однако «словесная корь» все не проходила. Я чувствовала, что Олег накаляется. Еще бы! Из садика пришла целая делегация воспитателей с просьбой урезонить матерящегося малыша. Мы с папой были просто в панике!

...Однажды у нас засорилась канализация и мы почти два дня не могли пользоваться унитазом. Взрослые бегали к соседке, тете Гене, а Игорь и

Алька снова сели на свои горшки. Как приспичило, старший сын взял кучу игрушек, положил рядом с собой, сидит на горшке, играет. Подходит Игорек, просит машинку и тут же слышит гневное: «Пошел ты на...» Сказал пакостное Алюня — и тут же осекся. Папа сидел на кухне, пил чай и все слышал.

Он подошел к Алюне, сидящему на горшке, спокойно, без гнева, держа большую ложку в руке. Алюня с горшка встал... Я растерялась, видя Олега рядом с сыном, который стоит с голой попкой. Ну, думаю, опять несдобровать... Олег протягивает сыну ложку и говорит требовательно и сурово: «А сейчас ты все это съешь!» Алюня в ужасе смотрит в горшок. Я остолбенела! Папа продолжает: «Ты спокойно употребляешь слова-какашки. Съешь их нам в уши. В доме дышать нечем: ты все время воняешь грязными словами-какашками! Раз так, то теперь покажи нам, что ты сможешь их кушать!»

Потрясенный Алюня смотрел то на папу, то на меня, то на то, что лежало на дне горшка. Машинально взяв у папы ложку, сын тихо, но очень внятно сказал: «Я больше никогда не буду говорить слова-какашки!» — «Посмотрим», — заключил папа и ушел на кухню допивать свой чай.

Действительно, больше мы не услышали от Альки ни одного бранного слова. Вот так «неординарно» Олег отучил старшего сына материться. Это стало и для младших братьев хорошим уроком!

Снова взяла свою тетрадь очень скоро, потому что вспомнила: на этом тема не была исчерпана. Вот запись, датированная уже октябрём 1979 года. ...Ярику исполнилось пять лет. Праздник отшумел, разошлись гости, а мы с папой вспоминаем, что за свои пять лет наш самый младший успел нам продемонстрировать. Может, и некстати, но вспомнили, как принес Ярик с улицы какое-то «слово-какашку». Алюня отвел его в другую комнату и сказал громко и веско: «Хочешь свое говно съесть?» Это слово Ярик уже знал и «ударился» в громкие слезы. Алюня держит его за руку и продолжает: «Если еще раз такое скажешь, папа тебя за-ставит твое говно есть, понял?» Ужас Ярослава был непередаваем!

После разговора с Аликом малыш прибежал ко мне и спросил: «Мама, а «дурак» — это слово-какашка?» Услышав мое «нет», с облегчением вздохнул, ушел в детскую, а через полчаса снова прибежал ко мне консультироваться: «Мама, «болван» тоже не слово-какашка, правда?» Пришлось согласиться и с этим. На этом Ярик решил остановиться. Больше бранных слов мы от него не слышали. Мне кажется, что он будет самым аккуратным в употреблении бранных слов и никогда в жизни не будет грязно браниться!

Конечно, все мы — люди, человеки! Ругаться горазды и для разрядки, и «для смеху». Когда вокруг эпидемия мата, о профилактике можно только мечтать!

Наш приятель Володя Б. ругается так сочно, естественно и беззлобно, что понимаешь: он не столько ругается, сколько просто называет буквами

русского алфавита такие внутренние свои состояния, которые, по-видимому, передать приличными словами просто не в силах! Ну, а раз ему это не удастся, значит, надо брать «напрокат» слова бранные, «соленые», чтобы достичь нужного ему «эффекта». Конечно, эффекта, «нужного» для него, а не для собеседников! Так наши с Олегом терпение и снисходительность приносятся в жертву привычке Б. легкомысленно браниться.

Олег дома никогда не матерится. То, что он умеет ругаться «на все этажи», я знала только по его рассказам. В «оригинальном» исполнении никогда не слышала, но убеждалась не раз, что в гневе или в ярости, а я знаю, что это такое у мужа, «чистоту речи» он блюдет по двум причинам: дома я — женщина, а рядом — дети.

Сама я никогда не испытывала потребности грязно выругаться. Честное слово! Говорю как на духу, хотя все мои сверстники, не комплексуя, использовали площадную брань «под настроение». Мой бранный лексикон я могу привести хоть сейчас. Тут же честно готова признаться, что пользовалась этими выражениями при детях, словесно реагируя на не понравившиеся мне проступки сыновей.

Итак: «паршивец», «мерзавчик», «бесстыдник», «негодник», «засранец», «балбес». Негусто? Мне достаточно. То ли темперамент у меня был не слишком горячий для более крепких выражений, то ли я не очень ясно представляла себе, какое бранное слово лучше всего подходит к каждому конкретному случаю. В общем, ограничивалась я именно этим набором гневных слов.

Олег до восьмилетнего возраста Алика ругал его за проделки такими же словами. Мне кажется, что слова «засранец», «балбес», «паршивец» и даже «мерзавчик» я позаимствовала все-таки у мужа. Не потому, что у самой фантазии не хватало, а просто от природной своей лени к ругани. Страшно не люблю ссориться. Гнев у меня уходит в крик или, наоборот, в молчание, даже в слезы, но не в бранные слова.

Олег признавался мне, что в годы своего детства бранные слова усвоил от отца и тех «однопалатчан», с которыми общался в больницах и санаториях. Конечно, и мой отец ругался «по-черному». Мать? Вернуть «словечко» она умела тоже. Я не раз попадалась под ее «горячее слово»! Ну, а родители мои эти «сокровища» черпали из одного источника, поскольку «...вышли мы все из народа!».

Случай с Алькой еще раз показал, насколько прилипчивы самые гнусные бранные слова, как трудно их выкорчевывать. Разговоры о принадлежности мата к культуре народа меня не утешают. Но и глянец наводить на каждого из нас — бессмысленно. Ругались, ругаемся и... будем ругаться! Потому что бранные слова действительно обладают способностью лаконично охарактеризовать человека, совершившего проступок, не говоря уже о

странном «терапевтическом» эффекте матерщины...

Однажды решил папа объяснить сыновьям смысл гневных слов, периодически звучавших в нашем доме вслед за плохими поступками детей. Посадил сыновей на кухне и попросил меня помолчать. Я еле сдерживалась от подступавшего смеха. Папа, наоборот, — сама серьезность! Правда, под его лохматыми бровями заметила не очень уж уверенные глаза, «схваченные» краями напряженно прищуренных век.

— Я вас ругаю, и вы знаете за что, верно? Папа испытующе посмотрел на детей.

— Конечно! — это с решительной готовностью за всех братьев произнес Алик. Игорь ограничился кивком. Он был уверен, что сейчас за ним нет никаких грехов. Папа совсем недавно похвалил его за отлично вымытый пол на кухне. И у него даже «Орден Благородной Бригантины». Так что беспокоиться не о чем.

— Я ругаю вас, — продолжил папа, — и при этом использую слова, которые называются плохими. Когда такими словами называют человека, всем становится ясно: он сделал что-то плохое!

Наблюдаю дальше. Пока вроде все ясно! Смотрю на Алика, Игоря, Ярика и снова едва сдерживаю смех. Сидят, как послушные студенты.

— Вот я говорю «мерзавец!» — почему-то глубоко вздохнув, продолжил папа. — Это значит, что я поступок считаю мерзким, противным, грязным и самого человека — таким же!

Олег красноречиво сморщился, передернул плечами, почему-то вытер указательным пальцем губы, которые скривились в брезгливой гримасе. Дети неотрывно смотрели на отца, и в их мимике, как мне показалось, появилась тень такой же брезгливости.

— Например, Алик ударил Игоря. Брат поднял руку на брата! Как это можно назвать?

— Мерзавец! — послушно и очень четко произнес Алик. Игорь охотно кивнул, почему-то погладив свой чубчик. Может, шишку вспомнил, след Алькиного удара гантелькой. Шишка долго была заметна. Торчала, как у знаменитого Единорога, прямо посередине лба!

— «Скотина», — продолжил папа, — оскорбление серьезное. Но я хочу, чтобы вы поняли его смысл. Животное наподобие грязной свиньи или упрямого осла ведет себя так, что противно смотреть! Оно лишено разума, не понимает слов, подчиняется только плетке или палке!

Я невольно посочувствовала нашему папе. Объяснять восьми- и семилетнему пацанчикам смысл этого малосимпатичного слова вовсе не следовало. И не потому, что они его не поймут. Может, даже и поймут! Но когда услышат это слово в свой адрес, все равно не будут готовы «оскорбиться». Планка их совести еще низка, смысл человеческого достоинства

пока осознан слабо, а понятия «честь» и «благородство» для них чаще всего — пустой звук!

Папа, почуяв мое противоречивое настроение, сказал: «Три дня назад Алька по расписанию, — папа ткнул пальцем в красиво раскрашенный им «График дежурств на кухне», — мыл пол на кухне. Веником не подмел мусор, оставив огрызки, шелуху, бумажки. Налил воду и стал мусор мокрой тряпкой загонять по углам».

Что было, то было! Я тогда рассердилась, прогнала сына из кухни и все сделала сама. Муж этот случай и припомнил нашему ленивцу. «А теперь представьте. Если бы мама не убрала грязь, что бы случилось? Прихожу я и вижу грязь! А назавтра уже чувствую вонь! Почему? Грязь стала гнить!»

Тут уж папа явно «пережал». Такого у нас никогда не случается. Но вижу глаза Олега, мол, помолчи, дай возможность «убедить иллюстрацией». Молчу...

Вдруг Игорь радостно крикнул: «А мы в прошлом месяце на свиную ферму ездили! Так там такой запах жуткий!» — «Вот! — подхватил папа, с благодарностью глянув на сына. — Мы — люди, но если поступаем, как скоты, то так и надо нас называть, чтоб стыдно было!»

Все остальные бранные слова, которые комментировал папа, вызывали улыбку и даже смех. Больше всего рассмешило детей то, как папа объяснял слово «балбес». «Самым первым хулиганом, — сообщает папа, — для которого все нипочем, был черт, или его называют еще и «бес»! Сушая беда для людей! Вот и у вас так происходит. Посадят вас за стол, а вы скатерть сдернете, чашку разобьете. Сядете за уроки, задачку внимательно не прочтете, а уже начисто писать в тетрадь начинаете. Сто раз вам говорено: реши сначала на черновике, а вы за свое! И что же? Ошиблись — и тут же исправлять начинаете. Здесь же, в тетради. Накорябаετε, клякс наставите, ну совсем как бес копытами прошелся или рогами своими, которые в чернила окунул!» Дети хохочут.

И тут Алька, у которого явно есть «лингвистическая шишка», спрашивает: «Папа, а ты ведь нас ругаешь и говоришь не «бес!», а «балбес!» Папа слегка теряется в поисках толкового объяснения, смотрит на меня, но я — пас! Чего не знаю, того не знаю. Но папа — человек находчивый, не растерялся перед такой неожиданной провокацией.

— Ну, это все равно, что назвать тебя Олег, Алька, Алюня... Бес — это как бы его основное имя, как твое имя Олег, а уж варианты — по настроению...

Все смеются, и я тоже. Остались слова, которые папе явно не хочется комментировать, но тут уж я показываю свой «вредный» характер. «А расскажи нам про слова «сволочь», «подлец». Растормошенный смехом Алька подхватывает мои слова. Теперь он чувствует какую-то приятную

размягченность, ведь слова, которые, бывало, носились во-круг него, как осы, угрожая ужалить, оказались такими смешными и совсем не грозными.

Папа на миг задумался. Он красноречиво посмотрел на меня, мол, не встревай!

— «Сволочь» происходит от слов «волочь», «тащить». Бывает, ко-гда мусор, грязь убирают, люди пачкаются. Они стремятся избавиться от грязи, но она, грязь, их пачкает! Они спешат поскорее грязь сволочь (тут папа изменил ударение, поставив его на втором «о»), убрать, очиститься от нее. И когда человек кричит в гневе: «Сволочь!», он называет дурного человека той грязью, которой можно испачкаться, а проступок его называет грязным, неприятным для всех остальных людей.

Конечно, я вовсе не была уверена в правильности «этимологии», приведенной мужем, но его убедительная речь произвела на детей впечатление. Они молча слушали, и уж не знаю, что в эту минуту себе представляли. Однако вскоре я убедилась, что Алик это бранное слово особенно невзлюбил.

Приятель Альки Саша из соседнего подъезда не вступился за него, когда расшалившиеся мальчики из соседнего двора на год-два старше нашего сына стали играть в футбол... Алькиным портфелем. Порвалось днище, вылетели тетради, рассыпались страницы учебника, поломались пенал и карандаши.

— Знаешь, мама, — сказал сын с чувством, — Сашка — просто сволочь!

Я рассказала мужу об этом случае, он позвал Сашку к нам домой. Закрыв дверь в гостиную, долго с мальчишкой о чем-то говорил. Потом, отпустив его, пришел в детскую и спросил у Алика: «Теперь ты знаешь, что такое «сволочь»?» Сын согласно кивнул, повторив еще раз слова, сказанные мне накануне. «Это страшно, когда человек — сволочь! — убежденно сказал папа и добавил: — Такой человек становится опасным для окружающих...»

Действительно, мне приходилось слышать, как вылетают из уст мужа слова, адресованные детям: «подлец», «негодяй». Часто трудно было усомниться в справедливости звучащей брани и его гнева. Не сомневаюсь и в том, что такая словесная плетка бьет действительно больно.

Мне все равно, так или иначе ругают детей в других семьях, но эти слова возникли не на пустом месте. Они обозначают действия, за которыми стоит зло, проступок, ущерб от которого прочувствован и теми, кто стал его жертвой. Сама, ругая детей, видя, как наказывает их муж, конечно же, страдая, я понимала: избежать всего этого невозможно!

Задумывалась я и над тем, надо ли обозначать суть совершенного детьми зла такими неприятными словами. И снова соглашалась: надо! Точно так же, как произносятся слова поощрения добра в поведении детей: «молодец» «добрый», «честный», «умный», «справедливый».

В нас выработался стереотип, что слова «ребенок», «дети» трудно сочетаемы со словом «зло». Даже когда подростки, среди которых были и десяти-, и двенадцати-, и пятнадцатилетние «дети», убили старого пьяного человека, пытаясь отнять у него кошелек — такое случилось недавно почти рядом с нашим домом, — мне пришлось услышать из уст соседей нелепую фразу: «Ну что с них возьмешь — дети!»

Я все чаще прихожу к мысли, что, чувствуя наш гнев, слыша слова осуждения в свой адрес, наши мальчики должны увидеть не только эмоции отца или матери. Пусть они осознают и смысл тех слов, которыми родители характеризуют их проступки.

Я натура вспыльчивая, но отходчивая. Олег точно такой же. Но, став матерью наших мальчиков, я поняла, что гнев отца — это ответ на особенно дерзкие или опасные для здоровья и жизни проступки мальчиков, реакция на провинности детей, позорящие доброе имя семьи. Поняла я и то, что этот гнев даже не надо пытаться скрыть, тем более если его причины веские. Конечно, надо его «дозировать».

Справедливое возмущение взрослого человека, отца, главного лица в семье, на плечах которого лежит ответственность за всех нас, должно быть им высказано. А провинившимися детьми должно быть выслушано! Уверена и в том, что они должны быть и наказаны рассерженным отцом, чтобы почувствовать его негодование не только в громких эмоциях гнева или в словах!

Да, в тысячелетней смене поколений есть странная, непреходящая устойчивость вируса зла малолетних. Им неизбежно заражаются дети всех поколений, возбуждая родительский гнев. Одной из самых тяжких минут в моей жизни было видеть наказание ремнем провинившегося восьмилетнего сына. Было жаль мальчишку. Жаль искренне, но проступок был совершен после множества просьб и предупреждений! Повторяли с отцом до тошноты: «Алик, прекрати стрелять из рогатки! Уже выбили глаз Стасику, помнишь?!» Наш сын едва не стал причиной нового несчастья. Его выстрел из рогатки пришелся в миллиметре от глаза Лешки, дворового приятеля. Забыть не могу взгляд Аллы, его матери, когда объяснялись у нас в доме...

Неужели родительское разочарование все-таки неизбежно? Какое же это тягостное чувство! Когда становилось стыдно за провинности старшего сына, у меня и Олега реакция одинаковая. Я возмущалась, срывалась на крик, не всегда удавалось и от шлепков удержаться. Олег — «полыхал!» Гнев буквально сжигал его. В первые минуты он готов был извергать ярость, потом горестно выкрикивал что-то наподобие проклятий: «Мерзавец!» «Ну как ты мог?» «Негодяй!» «Балда!» «Подлец!» И так далее, в зависимости от совершенного сыном проступка или от того, кто именно из сыновей совершил проступок и какие были последствия.

...С взрослением Алика чаще и чаще стали возникать серьезные его конфликты с Игорем. Алик занимался в гимнастической секции, физически был развит очень неплохо. Игорь в секции самбо тоже набрался «бойцовского опыта». В свои семь лет он был хотя и миниатюрным, но крепким мальчишкой. В классе к нему уже все относились с осторожностью: мог дать сдачи! Алька в восемь лет, а уж к девяти и тем более, был выше Игоря на голову. Он считал, что младший брат обязан безоговорочно подчиняться и слушаться его! Ссоры между Игорем и Аликом были шумными, агрессивными. Теперь старший брат мог не только дать затрещину, но и ударить, чем под руку попадется.

Однажды Игорь попытался применить против Алика какой-то прием самбо. Олег наказывать сына не стал, а пошел к тренеру, и пришлось среднему сыну-семилетке несладко от общения с двумя сердитыми мужчинами, объяснявшими ему, что учат его боевому искусству не затем, чтобы использовать его как аргумент в ссоре с родным братом.

Тогда, посадив перед собой Алика и Игоря, папа спокойно объявил: «Самое тяжелое преступление в семье — драка между братьями! Наказывать буду за каждый такой факт очень строго и позорно — ремнем! Ясно? Голова не работает? Заставлю вас думать другим местом! Учитесь друг друга понимать без кулаков. Они вам пригодятся, когда честь свою и женщину защищать придется. Если брат подымает руку на брата, он — подлец и негодяй! Усвойте это на всю жизнь...»

...Сию в гостиной, собираюсь немного почитать. У книжной полки устроились мои сыновья вместе с Ильей, который приехал неделю назад. Я с удовольствием смотрела на моих мальчиков, окруживших старшего брата, который уже заметно подрос и даже самостоятельно прилетел в Минск. Он сидел в кресле и был сосредоточен. Челка закрывала лоб, а карие глаза были укутаны густыми ресницами. Позади стоял Алька со своей всегдашней ироничной гримасой. Он тоже очень вытянулся. По обе стороны, прижавшись к Илье, сидели Игорь с Яриком, лица которых уже не могли спрятать какую-то «лукавую тайну»...

Январь. 1979 год

...В институте онкологии мне сделали операцию. Удалили левую грудь... Предстоит радиология. Лежала в стационаре. Пришла домой. Привыкаю к быту. Левая рука пока работает плохо. Швы так уплотнили мышцы, что поворачивать и поднимать ее трудно. Пытаюсь «храбриться», но, когда знаешь, что с тобой случилось, удастся это плохо. Олег и дети помогают мне. Стараются. Даже говорят тихо, осторожно двигаются, споров между детьми почти не слышу. Мать сломала ногу. Лежит дома. Отец собрал все свои вещи с съехал с квартиры. Потом

Я с удовольствием смотрела на моих мальчиков, окруживших старшего брата...

что-то у него не заладилось с его «пассией», стал проситься назад... И смех и слезы! Мать, конечно, назад не пускает и правильно делает. Иногда бываю у нее, но пока мне трудно ей в чем-то помочь...

Март. 1979 год

Уже вернулась на работу. Встретили хорошо. Работы много, правда, текучка, но что ж поделаешь... То придвигаю к себе диссертацию, то отодвигаю ее. Никакие планы с Олегом не обсуждаю. Боюсь загадывать. Толком не знаю, что со мной будет дальше. Для начала надо понять самой, сколько времени еще осталось.

Вчера мне показали кафедральный сборник. В нем мое научное сообщение. Хоть размером на страничку, но — первая научная публикация... Намекнули, что пора бы уже сделать на кафедре обстоятельное сообщение по диссертации...

Апрель. 1979 год

...Читаю книги о раке. Тянет к этим книгам, как к магниту. По сути, мало что понимаю, но опять и опять перелистываю страницы, пытаюсь найти какие-то зацепки, узнать, что же меня все-таки ждет. Закончился курс радиологии. Пока ничего не чувствую, кроме быстрого утомления. Стали выпадать волосы. Врачи давали щадящие дозы. Объясняют, что, поскольку операцию сделали радикально, надежда есть...

Июнь. 1979 год

Неожиданно стала понимать, что у женщин в моей ситуации возникают моменты, когда очень обременительно быть женой. Твой предшествующий опыт уже не годен, потому что теперь ты только «почти женщина». Только почти...

Я люблю Олега. Нет никого дороже его. Он держится прекрасно! Даже присмотревшись придирчиво, не смогла бы найти перемен в его отношении ко мне. Очень старается быть уравновешенным, хотя с тремя растущими мальчиками и с его нынешними нагрузками — тяжело. Нежен, внимателен...

Сентябрь. 1979 год

У детей началась школа. Хлопот прибавилось и у меня, и нашего папки. В нашем доме, как всегда, весело. Часто приходят гости. Много новых, интересных для меня лиц. Это все благодаря Олегу, хотя он сам на пределе, я же вижу! Очень похудел. Дважды за три месяца вызывали к нему «скорую». Сердце прихватывает. Врач говорит: «Возможно, дистрофия миокарда» и предупреждает по-дружески: «Сорок лет у мужчин «пограничный» для сердца возраст...» Недуг Олег пытается победить своими методами — кон-

трастный душ, аутогенная тренировка, по утрам отжимания на перекладине во дворе в любую погоду... Засел за новую книгу. Говорит — заготовок полно. Издательство «Народная асвета» пригласило. У них там выходит серия «Этика — школьникам». Будет писать о речевом этикете в общении подростков...

Декабрь. 1979 год

...Снова взялась за диссертацию. Все кандидатские экзамены давно сданы. Материалы диссертации собраны. Вчерне диссертация скоро уже будет готова. Все никак толком не сформулирую главные выводы по собранным материалам. Все, конечно, у меня в голове, сядь и напиши! Глупо, но времени никак не найду... Мать живет одна. Квартиру на Пулихова отец потерял окончательно...

Апрель. 1980 год

...Вчера чувствовала себя абсолютно здоровым человеком. Были Володя Б. и Наташа Т. с детьми. Володя много пел смешных песен. Сидела в окружении наших детей, подпевала. Потом ели папины блины. Пришла мама. Села в сторонке. Слушает. Молчит. Потом с Олегом и детьми проводили ее домой. Что-то и в ней меняется? Кажется, становится мягче. Впервые я заметила, что на Олега смотрит тепло. Даже гладит его по руке, говоря непривычные для нее слова: «Вы добрый, умный человек...» Профессор, который меня оперировал и лечит, сказал мне то ли с грустью, то ли с удивлением: «Ваша болезнь, Танечка, повлияет не столько на вас, сколько на близких вам людей». Если он прав, то, глядя на мать, перемены стали заметны после моей болезни.

Ноябрь. 1980 год

Этой ночью пришло ко мне ощущение полной утраты тех радостей, которые были для меня и, я знаю точно, для Олега желанными всегда! Проплакала весь остаток ночи на кухне. Олег спал. Хорошо, что ничего не слышал. Утром смотрел на меня как-то застенчиво. Наверное, чувствует, что со мной происходит... Был жуткий гололед. Шла на работу, балансируя, как на канате...

Декабрь 1980 — январь 1981 года

Новый год прошел тихо и нежно. Папка установил в детской большую елку. Ребята сами ее нарядили. После «Голубого огонька», уже к двум часам, уложили детей. Спать совсем не хотелось. Олег вслух читал мои рассказы. Ну прямо — театр одного актера! Давно не было мне так хорошо и светло!

Январь. 1981 год

Зима называется... Слякоть. Все вокруг чихают. Кажется, и я грипп подхватила! А тут еще на кафедре неотложные дела. Готовится научная конференция. Декан умоляет помочь напечатать специальный сборник. Почти сутки сидела с температурой под сорок, печатала, как заведенная. Слышу в трубке голос Олега: «Я сейчас приеду и просто вытащу тебя силком!» Что же делать, надо закончить, раз обещала... Как назло, часам к 11 вечера сломалась моя машинка. Пришлось через весь коридор тащить электрическую из другой лаборатории. Тяжелая оказалась. Даже левая рука заныла. Но все сделала. Приползла домой часа в три ночи. Олег не спит, еле сдерживается. Я — ваюсь в постель и шепчу в изнеможении: «Все потом...» Двое суток провалялась. Хорошо бы без осложнений! Дети бы не заболели! Один папа держится. Пытаюсь отправить его к кардиологу. Купил пачку витаминов в ампулах, делает сам себе инъекции. Морщится: «Так больно...»

Январь. 1981 год

Наконец-то пошел большой снег. Очень стало красиво! Читаю и переписываю свои рассказы. За пять лет моих литературных упражнений их накопилось уже много. Эта работа действует на меня успокаивающе. Даже удивилась, когда почти целиком заполнила ими толстую тетрадь... А вот диссертацию забросила. На кафедре уже дату моего сообщения на март поставили. Олег на меня смотрит осуждающе. Я исправлюсь...

Февраль. 1981 год

Вчера была у окулиста. С моим зрением происходят странные вещи. Иду по улице и вдруг не вижу половину зрительного поля. Встану, постою минут пять — пройдет. Или все как в тумане. Окулист успокоил: «С глазами — полный порядок!» Он-то успокоил, а фокусы со зрением все равно продолжаются! Случается и так, что в глазах мелькают яркие блики... Не знаю, что и думать. Завтра надо с Алькой идти к врачу. По-сле простуды проверить легкие. Так, на всякий случай. Сегодня утром рассказала Олегу свой сон. Будто стою я на самом краю глубокой ямы. Отчетливо вижу темный квадрат. Началось землетрясение... Под ногами у меня земля крошится, падает в яму... Просыпаюсь с мыслью: «Успела отбежать или нет?» Олег спросонья спрашивает меня: «Ты вспомни, успела отбежать?» В том-то и дело, что никак не вспомню. Мистика?..

«...Олег вслух читал мои рассказы. Ну прямо — театр одного актера! Давно не было мне так хорошо и светло!»

Оглавление

Вместо предисловия	6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В лабиринтах любви

Глава 1. Трудные письма к «Хронологу»	12
Глава 2. Мое время «до...»	77
Глава 3. Наше время «после...»	110
Глава 4. В лабиринтах любви	166

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В любви супружеской — начала материнства

Глава 1. Университеты супружества	202
Глава 2. Первенец	221
Глава 3. Не мое... мое милое чадо	258
Глава 4. И хлеб, и слезы, и любовь	272
Глава 5. «Как выплыть мне из этой глубины, как разгадать значенье слов и взглядов...»	300
Глава 6. В словах ищу я мысли след	359
Глава 7. Когда малыш пробуждается	394
Глава 8. Веселые «вральки» и превратности фантазии	410
Глава 9. Корабль «Павел Корчагин»	458
Глава 10. Домашние животные: трудные истины и деликатные вопросы	501
Глава 11. Осваиваем окружающий мир	531
Глава 12. Наши «международные контакты»	568
Глава 13. Школа? Школа! Школа... ..	582
Глава 14. Когда в доме совсем тихо	613
Глава 15. Самая трудная глава	648